

**НЮРНБЕРГСКИЙ
ПРОЦЕСС**

ИСТОРИЯ
ПРОЦЕССА

НАД ЛАДОНЬЮ
БЕЛОРУСЬЮ
БОЖИЦЫ
ИПЕЧНИЦА

Содержание
Предисловие
Глава I
Глава II
Глава III

Исторический институт
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЙ
УЧЕБНИК

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

НАД ГЛАВНЫМИ
НЕМЕЦКИМИ
ВОЕННЫМИ
ПРЕСТУПНИКАМИ

Сборник материалов

В СЕМИ ТОМАХ

Под общей редакцией
Р.А. РУДЕНКО

Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1958

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ
II

ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ МИРА

Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1958

НИЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Т о м II

Составители:

*Г. Н. Александров, А. Ф. Волчков,
Д. С. Карев, М. Ю. Рагинский*

Редакторы

И. Т. Никитченко, А. И. Полторак

Художник-оформитель *Ю. М. Сигва*
Художественный редактор *Ю. В. Алексеев*
Технический редактор *А. Н. Макарова*

Сдано в набор 10/II 1958 г. Подписано к печати 16/VI 1958 г. Формат бумаги 60×92¹/₁₆.
Объем: физ. печ. л. 54,38 (в том числе вклейка); условн. печ. л. 54,38; учетно-изд. л. 54,45.
Тираж 46000. А05513. Цена 14 руб. Заказ № 2870.

Госюриздат — Москва, Б — 64, ул. Чкалова, 38—40.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза,
Ленинград, Измайловский пр., 29

ПОДГОТОВКА АГРЕССИИ

○

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Как видно из представленных документов¹, первым шагом гитлеровцев к укреплению власти было жестокое преследование политических противников, заключение их в концентрационные лагеря или убийство их. Концентрационные лагеря появились впервые в 1933 году и были сначала использованы для устранения политических противников фашизма из общественной жизни посредством так называемого «превентивного заключения».

Как показал свидетель Реймонд Гейст (бывший американский консул и первый секретарь посольства США в Берлине с 1929 до 1938 года), «...в 1933 году немедленно были созданы концентрационные лагеря и отданы под власть гестапо. Только политических заключенных держали в концентрационных лагерях...».

Первая волна террористических актов началась в марте 1933 года. Вначале была разгромлена Коммунистическая партия, затем жертвами террора стали социал-демократическая партия, профсоюзы и другие массовые организации рабочего класса.

30 июня и 1—2 июля 1934 г. заговорщики начали ликвидацию оппозиции в своих собственных рядах путем массовых убийств. Говоря о «чистке» фашистской партии, подсудимый Фрик заявил в своем показании, данном под присягой 19 ноября 1945 г. в присутствии своего защитника (документ ПС-2950):

«...Гиммлер в июне 1934 года сумел убедить Гитлера, что Рем хочет начать путч. Фюрер приказал Гиммлеру подавить путч, который должен был произойти в Тегернзее, где должны были собраться все лидеры СА. В Северной Германии фюрер приказал подавить путч Герингу...» «...По этому приказу множество людей — около 100 и, возможно, больше были арестованы и даже казнены по обвинению в государственной измене. Они просто их убивали на месте. Много было убито, и я не знаю, сколько, но убивали даже тех, кто никакого отношения не имел к путчу».

¹ В связи с тем, что гитлеровцы под натиском советских войск бежали на Запад, значительная часть документов вместе с главарями гитлеровской Германии попала в руки американцев. Однако американские обвинители представляли захваченные документы по согласованию со всеми обвинителями и от их имени.

Из представленного документа ПС-2494 явствовало, что 24 июля 1933 г. Геринг сделал следующее заявление:

«Кто бы в будущем ни поднял руку на представителя национал-социалистского движения или государства, тот должен знать, что он будет уничтожен в самый короткий срок. Более того, будет совершенно достаточно, если будет доказано, что он намеревался принять участие в таком акте, и даже, если этот акт будет иметь своим результатом не смерть, а только какое-нибудь увечье».

Как показал упомянутый выше свидетель Реймонд Гейст, «немецкий народ был хорошо знаком с тем, что делалось в концентрационных лагерях, и было хорошо известно, что каждый, кто активно протестует против любого пункта нацистской программы, неизбежно подвергается большим страданиям. И действительно, гитлеровский режим в течение первых нескольких месяцев хорошо стал известен каждой семье в Германии, они уже знали о жестокостях, которые творились в концентрационных лагерях, от своих друзей или родственников, которые отбывали наказание, и страх перед этими лагерями был активным средством, чтобы сломить оппозицию».

31 марта 1933 г. Фрик заявил, что коммунисты не будут допущены к участию в заседании рейхстага. С этой целью их подвергали «превентивному заключению» в концлагери.

25 мая 1933 г. имперский кабинет издал указ, подписанный Гитлером и Фриком, о конфискации собственности коммунистов.

14 июля 1933 г. указом имперского кабинета нацистская партия была признана единственной политической партией в Германии, а все другие политические партии были объявлены вне закона. 1 декабря 1933 г. имперский кабинет издал закон «Об обеспечении единства партии и государства», подписанный Гитлером и Фриком.

§ 1 этого закона гласил, что нацистская партия «...является носителем идей государства и неотделима от государства, устройство ее будет частью народного права, а организация ее будет определяться волей фюрера».

§ 2 гласил: «Заместитель фюрера и глава штаба СА будут членами имперского кабинета для того, чтобы обеспечить тесное сотрудничество партийных органов и СА с гражданскими властями».

§ 3 гласил: «Члены национал-социалистской германской рабочей партии¹ и СА (включая подчиненные организации) как руководящие силы национал-социалистского государства будут нести полную ответственность перед фюрером, народом и государством».

¹ Так именовалась в демагогических целях гитлеровская фашистская партия.

§ 6 этого закона говорил, что «власти должны обеспечить законную и административную помощь тем партийным организациям и СА, которых партия и СА уполномочили действовать от своего имени».

§ 8 гласил: «Рейхсканцлер как вождь национал-социалистской германской рабочей партии и как главнокомандующий СА будет издавать указания, необходимые для проведения в жизнь настоящего закона, в особенности в отношении организации и процедуры юрисдикции, осуществляемой партией и СА».

По этому закону фашистская партия стала правительственной организацией в Германии. Дальнейшее слияние партии и государства произошло после смерти Гинденбурга. Вместо того чтобы провести выборы президента, гитлеровцы объединили должности президента и канцлера в лице Гитлера. Это было проведено законом от 1 августа 1934 г., подписанным кабинетом министров. Этот закон дал Гитлеру права верховного главнокомандующего вооруженными силами Германии.

4 февраля 1938 г. Гитлер издал декрет, в котором говорилось (документ ПС-1915): «С сегодняшнего дня я беру на себя непосредственно все командование над всеми вооруженными силами».

В соответствии с доктриной фюрерства все подчиненные должны были назначаться вышестоящим начальством в порядке иерархии.

Были уничтожены представительные собрания и выборные должности. 31 января 1934 г. последние остатки независимости провинций и земель были уничтожены законом о реконструкции империи. Фрик, в то время министр внутренних дел, писал об этом законе по реконструкции империи следующее:

«Закон о реконструкции уничтожил суверенные права и исполнительную власть местных самоуправлений и сделал империю единственным носителем суверенных прав. Местная верховная власть перестала существовать. Естественным результатом было подчинение местных правительств имперскому правительству и местных министров — соответствующим имперским министрам».

30 января 1934 г. германская империя превратилась в единое государство».

Затем гитлеровцы произвели чистку государственных служащих на основе расовых и политических признаков; уволенных заменили членами фашистской партии и ее сторонниками. Эта чистка была осуществлена с помощью ряда законов и декретов. Первым был издан 7 апреля 1933 г. «Закон о восстановлении профессиональной гражданской службы». Статья 3 этого закона гласила, что согласно теории нацистской крови и высшей расы все ненацистские элементы должны быть сняты со своих постов.

Согласно ст. 4 «служащие, которые из-за своей прежней политической деятельности не являются благонадежными и на которых нельзя положиться в том, что они полностью посвятят себя службе государству, должны быть сняты со своих постов». Все судьи, которые не отвечали политическим и расовым требованиям гитлеровских заговорщиков, были быстро устранены.

Для осуществления политики расового господства гитлеровцы проводили безжалостное преследование евреев. Эта политика была выражена в программе германской фашистской партии. Когда фашисты пришли к власти, эта партийная программа стала официальной государственной программой.

Начиная с 7 апреля 1933 г. по сентябрь 1935 г. был принят ряд законов, согласно которым евреев устраняли от исполнения должностей на государственной службе. Они не могли преподавать в школах и служить в армии. Заговорщики провели вторую стадию антиеврейского законодательства с 15 сентября 1935 г. до сентября 1938 г. В этот период были приняты пресловутые нюрнбергские законы, которые лишали евреев права гражданства, запрещали им жениться на «арийках» и не разрешали им заниматься рядом профессий.

Осенью 1938 года фашистские заговорщики начали проводить программу полного устранения евреев из экономической и культурной жизни Германии.

По всей Германии были организованы и проведены еврейские погромы (документ ПС-374). Фашистское правительство на заседании 12 ноября 1933 г., созванном по приказу Гитлера, который требовал, «чтобы еврейский вопрос теперь раз и навсегда был обсужден и разрешен тем или иным образом», приняло ряд законов, которые обязывали всех германских евреев внести коллективный штраф в один миллиард рейхсмарок, лишали права заниматься торговлей и ремеслами, ограничивали право передвижения в отдельных областях Германии, ограничивали время, в течение которого евреи могли продавать или ликвидировать свои предприятия, принуждали евреев сдать все акции и пай, которые были в их руках; запретили продажу и приобретение золота и драгоценных камней, разрешали хозяевам отказывать евреям в квартире до истечения законного срока найма квартиры, заставляли всех евреев, старше шестилетнего возраста, носить звезду Давида. В дальнейшем евреи попросту были переданы в распоряжение СС, гестапо и других органов для уничтожения.

Последний закон, касавшийся евреев в Германии, ставил их вне закона и указывал, что государство должно конфисковать всю собственность умерших евреев.

В течение всего предвоенного периода гитлеровцы не теряли из виду своей главной цели — агрессивной войны. В соответствии

с этим большое число подчиненных фашистам организаций было военизировано, чтобы, в случае необходимости, немедленно использовать их как орудия войны. Этими организациями были СС, СА, «Гитлеровская молодежь». Национал-социалистский моторизованный корпус, Национал-социалистский авиационный корпус, «Трудовой фронт» и «Организация Тодта».

Гитлеровцы принудительно включали всю молодежь в организацию «Гитлеровская молодежь» (документ ПС-1392).

Были уничтожены все другие молодежные организации Германии.

В 1940 году количество членов в «Гитлеровской молодежи» составляло свыше 7 миллионов (документ ПС-2435). Через «Гитлеровскую молодежь» заговорщики прививали молодежи чело-веконенавистническую фашистскую идеологию. Воспитание молодежи велось в духе расовой доктрины и антисемитизма, поощрялись акты физического насилия над евреями (документ ПС-2436). В организациях «Гитлеровской молодежи» внушали идеи о том, что война является благородным делом (документ ПС-1458).

Одной из главных задач организаций «Гитлеровской молодежи» была подготовка молодых немцев к вступлению в члены фашистской партии и ее организаций. «Гитлеровская молодежь» была организацией, широко используемой для военной подготовки и военного обучения молодежи (документ ПС-1850).

Как показали документы, предъявленные обвинением, гитлеровская военная машина была создана в баснословно короткие сроки. В мае 1939 года генерал-майор Георг Томас, бывший начальник военно-экономического штаба имперского военного министерства, сделал заявление, что количество дивизий в германской армии возросло с 7 в 1933 году до 39 пехотных дивизий, из которых 4 были полностью моторизованы. Кроме того, в составе гитлеровской армии имелось 5 танковых дивизий, 22 пулеметных батальона. Кроме этого, как заявил генерал Томас, значительно вырос германский военный флот. Среди других спущенных на воду судов имелись 2 линкора водоизмещением в 35 тысяч тонн каждый, 4 тяжелых крейсера водоизмещением в 10 тысяч тонн каждый и другие военные корабли. Численный состав военно-воздушных сил составлял 260 тысяч человек. Военная авиация состояла из 21 эскадрильи, в которые входило 240 отрядов. Военно-воздушным силам были подчинены 33 противозенитные батареи.

Доклад генерал-майора Томаса от 24 мая 1939 г. в министерстве иностранных дел (документ ЕС-28, США-23) гласит: «Из немногих фабрик, разрешенных Версальским договором, выросла самая мощная из существующих сейчас в мире военная промышленность».

Мобилизация германской экономики для агрессивной войны началась немедленно после того, как заговорщики захватили власть. Проведение этой мобилизации было поручено главным образом Шахту, Герингу и Функу.

В марте 1933 года Шахт был назначен президентом рейхсбанка, а в августе 1934 года — министром экономики. 21 мая 1935 г. Гитлер назначил Шахта уполномоченным имперского совета обороны по вопросам военной экономики с предоставлением ему права полного контроля над всей гражданской экономикой Германии, используемой для военного производства.

Ответственность за осуществление военно-экономической программы была возложена на комитет по проведению четырехлетнего плана, возглавляемый Герингом (документ ЕС-408).

Осуществление этой программы включало в себя реорганизацию всей германской экономики для нужд войны и контроль над нею (документ ЕС-27).

В лекции, прочитанной на курсах штабных инструкторов 28 февраля 1939 г., генерал-майор Томас заявил: «Вскоре после захвата власти национал-социалистское государство реорганизовало все области германской экономики и приспособило ее к военным целям, чего армия требовала в течение многих лет. Благодаря этой реорганизации сельское хозяйство, торговля и ремесла стали мощными орудиями, которые нужны фюреру для выполнения его обширных планов.

Мы можем сказать сегодня, что гибкая политика Гитлера, а также огромные усилия армии и усилия в области экономики не были бы возможны без необходимой реорганизации, проведенной национал-социалистским правительством. Мы не можем сейчас заявить, что организация экономики в целом отвечает нашим нуждам; еще потребуются внести некоторые небольшие поправки. Проведенная реорганизация сделала возможным создание новой системы экономики, которая была необходима, принимая во внимание наше внутреннее и внешнее политическое положение, а также стоящие перед нами финансовые проблемы».

В сентябре 1936 года Шахт открыто признал в разговоре с американским послом в Берлине, что партия Гитлера готовит агрессивную войну против СССР. Об этом свидетельствует следующая выдержка на стр. 176 дневника посла Додда (документ США-58).

«В сентябре 1936 года на состоявшемся совещании, на котором присутствовали Шахт и другие, Геринг заявил, что Гитлер на основании того, что столкновение с Россией неизбежно, дал имперскому министру соответствующие указания, а затем Геринг добавил, что необходимо предпринять все меры, точно такие, какие должны были бы быть предприняты, если бы на самом деле стояли сейчас перед непосредственной угрозой войны».

Обвинением был представлен Трибуналу протокол совещания кабинета, состоявшегося в 12 часов дня 4 сентября 1936 г. (документ ЕС-416). В этом протоколе указано, что на совещании присутствовали подсудимые Геринг, Шахт, а также бывший военный министр генерал Бломберг и другие и что на этом совещании разбирался секретный государственный вопрос. На второй странице этого документа записано выступление Геринга, заявившего: «Столкновение с Россией неизбежно; все то, что сделала Россия в области реконструкции, мы тоже можем сделать».

На третьей странице этого документа записано следующее заявление Геринга: «Необходимо предпринять точно такие же меры, какие должны быть предприняты, если бы мы на самом деле стояли сейчас перед фактом немедленной угрозы войны».

В том же месяце Гитлером был создан комитет четырехлетнего плана, целью которого было в течение четырех лет сделать Германию способной вести войну (документ ЕС-408).

Предъявленные обвинением документы доказывают, что роль, которую играли крупные промышленники при переводе германской экономики на военные рельсы, была решающей.

По приглашению Геринга двадцать пять виднейших промышленников Германии 20 февраля 1933 г. присутствовали на совещании в Берлине. Совещание состоялось незадолго до выборов в рейхстаг, назначенных на 5 марта 1933 г. На этом совещании Гитлер заявил, что целью заговорщиков является установление контроля над Германией, разрушение парламентской системы, насильственное уничтожение всякой оппозиции и восстановление вооруженных сил Германии.

Среди присутствовавших на совещании в феврале 1933 года в Берлине были: Густав Крупп — глава огромной фирмы по производству вооружения, его сын Альфред Крупп, четыре видных руководителя концерна «И. Г. Фарбениндустри» — одного из крупнейших мировых химических концернов, а также подсудимый Шахт. Там был также Альберт Феглер — глава объединения сталелитейных заводов Германии. Присутствовали также другие крупнейшие промышленники.

Приводим письменные показания одного из участников этого совещания — фон Шницлера (документ ЕС-439):

«Я — Георг фон Шницлер, член правления «И. Г. Фарбениндустри», даю под присягой следующие показания:

В конце февраля 1933 года четыре члена правления «Фарбениндустри», в том числе и председатель правления доктор Бош И. Я., были приглашены секретариатом президента рейхстага на совещание, происходившее у него на дому, причем в уведомлении не было указано, по какому именно вопросу. Я не помню двух других моих коллег, которые также были

приглашены. Я думаю, что я получил это приглашение во время одной из моих деловых поездок в Берлин.

Я пошел на это совещание. На этом совещании присутствовало около 20 человек, большинство из которых, я думаю, были ведущие промышленники Рура. Среди присутствовавших на этом совещании я помню доктора Шахта, который тогда еще не был президентом рейхсбанка и министром экономики, Круппа фон Болен, который в начале 1933 года был председателем имперского объединения, ставшего потом полуофициальной организацией «Рейхсгруппениндустри», доктора Альберта Феглера, одного из руководителей объединенных сталелитейных предприятий, фон Левенфельда — представителя промышленного предприятия в Эссене, доктора Штейна — главу профессионального союза на шахте «Августа Виктория», которая тоже принадлежала к «И. Г. Фарбениндустри». В то время Штейн был активным членом германской народной партии.

Я помню, что доктор Шахт вел себя как хозяин. В то время как я ожидал появления Геринга, в комнату вошел Гитлер, пожал всем руки и сел за стол. В своей длинной речи он говорил главным образом об опасности коммунизма и утверждал, что он одержал над ним решительную победу. Затем он говорил относительно союза, в который вошла его партия с народной партией Германии. В конце речи он перешел к вопросу, который, как мне казалось, был целью этого совещания. Гитлер подчеркнул, насколько важно, чтобы две вышеупомянутые партии завоевали большинство на предстоящих выборах в рейхстаг.

После того как Крупп фон Болен поблагодарил Гитлера за произнесенную речь и Гитлер покинул комнату, доктор Шахт внес предложение о создании фонда, если я не ошибаюсь, в три миллиона рейхсмарок для проведения избирательной кампании. Эта сумма должна была быть распределена между двумя «союзниками» в соответствии с их значимостью в тот период».

Как видно из представленного обвинением отчета о совещании от 20 февраля 1933 г. в Берлине (документ Д-203), Геринг на этом совещании сказал:

«...Промышленности будет, безусловно, намного легче принести те жертвы, которые требуются, если поймут, что выборы 5 марта будут наверняка последними выборами в течение следующих десяти или, по-видимому, даже ста лет...»

В меморандуме от 22 февраля 1933 г. (документ Д-204) Густав Крупп вкратце описал это совещание и отметил, что он выразил Гитлеру признательность промышленников, которые присутствовали на совещании 20 февраля 1933 г.

Фашисты были поставлены у власти германским монополистическим капиталом, которому удалось создать путем устано-

вления фашистской диктатуры такую форму власти, которая давала полный простор самым необузданным империалистическим устремлениям.

В апреле 1933 года, после того как Гитлер укрепил за собой власть, Густав Крупп в качестве председателя имперской ассоциации германских промышленников предложил Гитлеру план, предусматривающий реорганизацию германской промышленности.

В сопроводительном письме Крупп писал, что план реорганизации, который он представляет от имени ассоциации промышленников, характеризуется желанием координировать экономические мероприятия с политической необходимостью. В этом письме (документ Д-157) указывалось:

«Ход политических событий полностью соответствует желаниям, которые лично я и члены правления вынашивали в течение долгого времени. В реорганизации имперской ассоциации германской промышленности я буду руководствоваться идеей согласования деятельности новой организации с политическими целями имперского правительства».

О том, какую огромную поддержку германские промышленники оказали фашистской военной программе, можно судить по речи, подготовленной Густавом Круппом в январе 1944 года для выступления в Берлинском университете (документ Д-317). Крупп писал:

«Большая заслуга всей германской военной экономики заключается в том, что она не оставалась бездеятельной в течение этих тяжелых лет, даже когда эта деятельность не могла быть открытой по вполне понятным причинам. В результате многих лет тайной работы был заложен научный и массивный фундамент для того, чтобы снова начать работать для германских вооруженных сил в назначенный час без потери времени или утраты опыта...»

Только благодаря тайной деятельности германских предприятий и опыту, приобретенному при производстве товаров мирного времени, стало возможным после 1933 года идти в ногу с новыми очередными задачами при восстановлении военной мощи Германии. Только благодаря этому было возможно разрешать совершенно новые и разнообразные задачи, поставленные четырехлетним планом фюрера перед германской промышленностью. Необходимо было доставать новые сырьевые материалы, производить исследования и опыты, вкладывать капитал для того, чтобы сделать германскую экономику независимой и сильной, короче говоря, сделать ее соответствующей требованиям войны...

Я считаю и могу здесь сказать, что германские промышленники с энтузиазмом шли по этому новому пути, что они

рассматривали великие намерения фюрера как свои собственные... и стали его верными последователями».

В 1934—1935 гг. германская экономика не была в состоянии путем налогов и государственных займов создать денежные фонды для обширной гитлеровской программы вооружений. Поэтому программа вооружений с самого начала требовала «использования последних резервов». В то же время гитлеровцы были озабочены тем, чтобы скрыть от мировой общественности размеры вооружения, проводившегося ими бешеными темпами.

Шахт предложил ввести так называемые счета «МЕФО». Одно из наибольших преимуществ этого метода для гитлеровцев заключалось в том, что цифры, показывающие размеры вооружений, могли сохраняться в тайне.

Денежные операции по системе счетов «МЕФО» производились следующим образом.

Счета «МЕФО» выписывались заказчиками, размещавшими заказы на вооружение, и акцептировались специально созданной для этого компанией с ограниченной ответственностью, называемой «Металлургише форшунгсгезельшафт», откуда и происходит сокращение «МЕФО». Эта компания имела номинальный капитал в один миллион марок и поэтому была попросту фиктивной организацией. Счета «МЕФО», по указанию Шахта, как президента рейхсбанка, принимались к оплате всеми германскими банками с возможным редисконтированием их рейхсбанком. Счета гарантировались государством. Их секретность обеспечивалась тем фактом, что они никогда не фигурировали ни в публиковавшихся отчетах рейхсбанка, ни в цифрах бюджета.

Система счетов «МЕФО» применялась до 1 апреля 1938 г. К этому времени для финансирования вооружений было выдано счетов «МЕФО» на сумму 12 миллиардов рейхсмарок. После этого система финансирования путем счетов «МЕФО» была прекращена ввиду того, что гитлеровцам в дальнейшем больше не было необходимости продолжать скрывать быстрый рост германских вооружений.

Следующим источником средств, используемым подсудимым Шахтом для финансирования секретной программы вооружений, была конфискация денежных средств политических противников фашистского режима, а также использование денежных сумм в марках, помещенных иностранцами на текущий счет в рейхсбанке. Как признал Шахт в меморандуме Гитлеру от 3 мая 1935 г. (документ ПС-1168), «...наше вооружение часто финансировалось за счет кредитов наших политических противников».

Шахт сыграл весьма видную роль в создании гитлеровской военной машины. В представленном американским обвинением документе № ЕС-257 (копии письма Шахта генералу Томасу) говорится: «Я с величайшим удовлетворением вспоминаю о работе по перевооружению германского народа, как о неременном условии для создания новой германской нации».

После ремилитаризации Рейнской области гитлеровские заговорщики усилили подготовку Германии к войне более крупных масштабов. Для этой цели 18 октября 1936 г. был издан декрет о четырехлетнем плане («Рейхсгезетцблатт» 1936 г., часть I, стр. 887). Этим декретом Геринг был назначен ответственным за осуществление этого плана. Ему были предоставлены права проводить любые правовые и административные мероприятия, которые он считал необходимыми для выполнения своей задачи, и издавать приказы и инструкции всем правительственным учреждениям, включая самые высокие имперские инстанции.

После захвата Австрии и Судетской области гитлеровцы еще более усилили подготовку к агрессивной войне.

Они развязали кровопролитнейшие войны за мировое господство германской финансовой олигархии, истребили в этих войнах миллионы людей и чинили невиданные в человеческой истории зверства.

Когда была развязана агрессивная война против Советского Союза в июне 1941 года, гитлеровские заговорщики призывали своего восточного сообщника — Японию напасть на СССР с тыла. Еще задолго до этого нападения гитлеровцы заверили японское правительство в том, что Германия объявит войну Соединенным Штатам Америки в случае, если произойдет конфликт между Соединенными Штатами Америки и Японией.

Рассчитывая на эти заверения, японцы напали на Пирл-Харбор.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
АНГЛИЙСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ
ЭЛВИНОМ ДЖОНСОМ ПО РАЗДЕЛУ
ОБВИНЕНИЯ «ФАШИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ
КАК БАЗА АГРЕССИИ»

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 8 января 1946 г.]*

Господа судьи, мой долг теперь привлечь внимание Трибунала к документу, идеи которого стали символом веры всех подсудимых. Я имею в виду книгу Гитлера «Майн кампф», которая дала возможность подсудимым заранее знать преступные цели нацистских руководителей.

Эта книга может быть названа основным планом нацистской агрессии. Весь ее тон и содержание подтверждают мнение обвинения о том, что стремление нацистов к осуществлению агрессивных целей не было случайным и не вытекало непосредственно из той политической ситуации в Европе и в мире, которая существовала в период нацистской власти. Книга недвусмысленно устанавливает, что использование агрессивных идей для достижения цели во внешней политике было частью идеологии нацистской партии. Великий германский философ однажды сказал, что «идея имеет ноги и руки». Целью этих подсудимых было сделать идею доктриной и политику «Майн кампф» политическим руководством к действию для германского народа, в особенности для молодежи.

Как уже показали Трибуналу мои американские коллеги, с 1933 по 1939 год проводилось упорное вдалбливание идей «Майн кампф» во всех школах и университетах Германии, в рядах «Гитлеровской молодежи» под руководством подсудимого Бальдура фон Шираха, а также в СА, СС и среди германского населения в целом через организацию подсудимого Розенберга.

Эта книга служила официальным подарком для всех молодоженов Германии, и я теперь передаю Трибуналу один из этих «свадебных подарков», которые вручались новобрачным

в Германии. Трибунал увидит, что на титульном листе имеется посвящение. Оно гласит: «Молодоженам Фридриху Розброку и Эльзе Бек с лучшими пожеланиями счастливого брака. Вручено районной администрацией по случаю их бракосочетания 14 ноября 1940 г. За мэра города — регистратор».

Благодаря усилиям подсудимых и их сообщников эта книга отравила сознание целого поколения и извратила мировоззрение целого народа.

Генерал СС фон дем Бах-Зелевский сказал здесь, что, «если вы проповедуете в течение десяти лет, что славянские народы являются низшей расой и что евреи «недочеловеки», логически должно последовать, что убийство миллионов этих людей становится естественным явлением». От «Майн кампф» прямая дорога ведет к печам Освенцима и газовым камерам Майда-нека.

Каковы были идеи «Майн кампф», я постараюсь показать Трибуналу в цитатах. Эти цитаты распадаются на две категории. Первая категория — выражение общих идей Гитлера о необходимости применения силы как средства разрешения международных проблем. Вторая категория содержит более детальные высказывания Гитлера по поводу политики, которой должна следовать Германия. Большая часть цитат второй категории содержит взгляды Гитлера на внешнюю политику. Значение этого факта может быть оценено полностью, если Трибунал обратит внимание на то, что вторая часть книги была впервые издана в 1927 году, то есть меньше чем через два года после Локарнского пакта и через несколько месяцев после вступления Германии в Лигу наций. Дата издания учитывает их в отказе от политики международного сотрудничества. Я приведу прежде всего несколько цитат, которые показывают, каковы были общие взгляды Гитлера, принятые и пропагандированные этими подсудимыми, на общие вопросы войны и агрессии.

«Земля, на которой мы живем, не была даром, ниспосланная небом нашим предкам. Они должны были завоевать ее, рискуя жизнью. Также и в будущем наш народ не получит территорию и вместе с ней средства к существованию, не получит ее в качестве подарка от другого народа. Он должен будет завоевать ее силой торжествующего меча. Я считал незаслуженным ударом судьбы, что я родился на этой планете. Мне было грустно, что жизнь моя должна пойти по мирному пути».

«Еще будучи мальчиком, я был всем, чем угодно, только не пацифистом. Всякие попытки сделать меня пацифистом оказались бесплодными».

Ссылаясь на Мольтке, Гитлер писал, что «во время войны самое важное — это как можно скорее принять решение» и что

«самые безжалостные методы борьбы являются в то же время самыми человечными».

Обвинение покажет в ходе процесса, как преданию подслушиваемые следовали этой теории безжалостного применения силы. Идеи Гитлера о неизбежной борьбе за существование изложены в связи с доктриной о превосходстве арийцев над другими расами и о праве германцев в силу этого превосходства господствовать над другими расами, использовать их как средство для достижения собственных целей.

«Если бы они не могли использовать членов низшей расы, которых они победили, арийцы никогда не имели бы возможности сделать первые шаги по пути, который вел их к более высокой культуре. Подобным же образом, как без некоторых домашних животных, которых они сумели приручить, они никогда не сумели бы открыть механическую силу, которая впоследствии дала возможность обходиться без этих животных. Именно поэтому господство над низшими расами является одной из важнейших предпосылок для достижения этой высокой культуры».

«Если в своем историческом развитии германский народ обладал бы стадными инстинктами, которыми так счастливо пользуются другие народы, германская империя, быть может, уже сегодня могла бы стать госпожой всего мира».

...Основное в этой книге—и это повторяется снова и снова—это проповедь организации и применения силы, проповедь превосходства арийской расы над другими расами и права завоевывать их и править ими, а также утверждение, что все доктрины, которые проповедают мирное разрешение международных вопросов, представляют опасную для нации слабость.

Во всех этих аргументах заключено резкое отрицание возможности регулирующего действия закона в международных отношениях.

Именно в свете этой общей доктрины «Майн кампф» я прошу Трибунал рассмотреть более подробно отдельные высказывания Гитлера о специфических проблемах германской внешней политики.

«Я считаю, — писал Гитлер, — что германская Австрия должна быть возвращена великой германской родине. Речь ни в коем случае не идет об экономических расчетах. Нет, нет. Если бы этот союз даже не имел никакого экономического значения и даже если бы он был вреден с точки зрения экономической, тем не менее это должно было бы свершиться».

«Когда территория Германии охватит всех германцев, и если после этого они не сумеют получить достаточно средств к существованию, тогда Германия получит моральное право, исходя из потребностей народа, захватывать иностранные территории».

Затем орала будут сменены на мечи, и слезы войны дадут тот хлеб насущный, который необходим будущим поколениям».

В этой книге Гитлер также заявляет, что полное восстановление германских границ в том виде, в каком они существовали в 1914 году, совершенно недостаточно для его целей.

«Для будущего германской нации границы 1914 года не имеют значения». «Мы, национал-социалисты, должны твердо придерживаться той цели во внешней политике, которую мы наметили для себя, а именно: германскому народу должно быть обеспечено территориальное пространство, необходимое ему для существования на земле».

Отрывки из «Майн кампф» показывают, где Гитлер собирался найти эти территории вне пределов германских границ 1914 года.

«...Единственной возможностью для Германии проводить правильную территориальную политику—это политика приобретения новой территории в самой Европе».

«...Политическое руководство германской империей должно направить все свои усилия исключительно к этой цели. Не следует предпринимать никаких политических шагов для того, чтобы проводить в жизнь другие цели, кроме этой; не следует также проводить какие-либо мероприятия, не ведущие к достижению поставленной цели. Германия должна твердо знать, что такая цель может быть достигнута только путем войны, и перед лицом неизбежности этой войны нужно стоять всем вместе спокойно и с решимостью. Именно с этой точки зрения нужно рассматривать и оценивать всю систему союзных договоров».

«Если новая территория должна быть приобретена в Европе, она должна быть приобретена главным образом за счет России. И снова германская империя должна пойти по той же дороге, по которой прежде шли тевтонские рыцари, на этот раз для того, чтобы приобрести земли для германского плуга с помощью германского меча, и, таким образом, добыть для нации ее хлеб насущный».

К этой программе экспансии на восток Гитлер возвращается не раз. После того как он говорит о недостаточности границ Германии в довоенный период, он снова указывает на восток и заявляет, что снова необходим «Поход на Восток» («Дранг нах Остен»).

Он пишет: «Поэтому мы, национал-социалисты, намеренно зачеркнули линию, которой Германия следовала в международной политике в довоенный период. Мы покончили с традиционными германскими походами на юг и запад Европы, мы обратили наши глаза на Восток. Мы положили конец колониальной и торговой политике предвоенной эпохи и пришли к новой территориальной политике будущего. Но когда мы

сегодня говорим о новой территории в Европе, мы должны иметь в виду главным образом Россию и пограничные с нею государства».

Гитлер был достаточно умен, чтобы понять, что его агрессивные планы на Востоке могли быть подвергнуты опасности в случае существования оборонительного союза между Россией, Францией и Англией. Поэтому его внешняя политика, изложенная в книге «Майн кампф», заключалась в том, чтобы оттянуть Италию и Англию от Франции и России и перейти от оборонительной позиции Германии в отношении Франции к наступательной.

«Поскольку вечный конфликт между Францией и Германией сейчас принял форму германской обороны против нападения Франции, этот конфликт никогда не разрешится. Из столетия в столетие Германия будет терять одну позицию за другой. Если мы изучим все перемены, которые произошли начиная с XII века до сегодняшнего дня, в границах, внутри которых говорят на немецком языке, мы едва ли сумеем надеяться на успешный исход в результате принятия нами линии поведения, которая существовала до сих пор и была столь вредной для нас. Только когда Германия примет все это во внимание, мы перестанем обрекать национальную волю к жизни на прозябание в пассивной обороне. Нет, мы объединим ее для последней и решительной схватки с Францией. В этой схватке мы будем бороться за жизненные требования германского народа. Только таким образом будет положен конец вечному франко-германскому конфликту, который был таким истощающим».

...Доказательства, заключенные в книге «Майн кампф», будучи рассмотрены в свете последующего поведения Германии по отношению к другим странам, показывают, что с момента достижения власти, а фактически задолго до этого, Гитлер и его сообщники — подсудимые, были заняты тем, что планировали и подготавливали агрессивную войну. События доказали это кровью и несчастьями миллионов женщин, мужчин и детей. Мы узнали, что «Майн кампф» — не просто литературное упражнение, которым следует пренебречь, как это, к сожалению, рассматривали до войны те, кому она угрожала. Она есть выражение фанатической веры в силу и обман как орудия господства в Европе и может быть, во всем мире.

Обвинение считает, что, принимая и пропагандируя звериную философию «Майн кампф», нацистские сообщники, обвиняемые здесь перед судом, намеренно толкали нашу цивилизацию в пропасть войны.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ДОДДОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА К АГРЕССИВНЫМ ВОЙНАМ»

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 23 ноября 1945 г.]*

На мне лежит обязанность от имени Главного обвинителя Соединенных Штатов Америки предъявлять доказательства по разделу IV «Е» обвинительного заключения (страница 6 английского текста), начиная с параграфа 2, раздела «Е» — «Установление тотального контроля над Германией; экономический контроль, экономическое планирование и мобилизация для ведения агрессивной войны».

Этот параграф гласит:

«2. Они использовали организации немецких предпринимателей как инструмент экономической мобилизации для ведения войны.

3. Они направили экономику Германии на подготовку и снабжение военной машины. С этой целью они контролировали систему финансов, капитальные вложения и внешнюю торговлю.

4. Нацистские заговорщики и, в особенности, промышленники, приступили к осуществлению огромной программы перевооружения и начали производить огромное количество военных материалов и создавать мощный военный потенциал».

Перехожу к параграфу 5 того же раздела — последнему параграфу, предусмотренному моей следующей темой.

Этот параграф гласит:

«С целью подготовки к войне нацистские заговорщики создали ряд административных учреждений и должностей».

Например, в 1936 году они создали для этой цели комитет по проведению четырехлетнего плана во главе с уполномоченным — подсудимым Герингом, получившим полный контроль над германской экономикой. Больше того, 28 августа 1939 г.,

перед самым началом своей агрессии против Польши, они назначили подсудимого Функа генеральным уполномоченным по вопросам экономики, а 30 августа 1939 г. они учредили совет министров по обороне империи, который действовал в качестве военного кабинета».

Я не буду отнимать времени у Трибунала, чтобы доказывать то, что всему миру уже известно, а именно, что нацистские заговорщики перевооружили Германию в самых широких масштабах.

Я предполагаю представить в качестве доказательства секретные записи планов и вопросов, обсуждавшихся на внутренних совещаниях нацистов, которые доказывают, что реорганизация германского правительства, финансовая изоциренность подсудимого Шахта и тотальная мобилизация германской экономики, производившаяся главным образом под руководством подсудимых Шахта, Геринга и Функа, были направлены к единой цели — к агрессивной войне.

Значение экономических мероприятий, которые были приняты и осуществлялись заговорщиками, может быть, конечно, правильно оценено только, если рассматривать эти мероприятия в связи со всей политической и социальной обстановкой нацистской Германии. Эти экономические мероприятия проводились тогда, когда заговорщики, как это было установлено, широко пропагандировали войну. Они проводились в то время, когда заговорщики извратили сущность физической тренировки, превратив ее в тренировку для войны. Они проводились в то время, когда, как покажут мои коллеги, для достижения своих материальных и политических целей заговорщики угрожали применить вооруженные силы. Короче говоря, эти мероприятия составляют в области экономики и правительственной администрации такую же подготовку к ведению агрессивной войны, какая преобладала в каждой области нацистского государства.

В 1939—1940 гг., после нацистской агрессии против Польши, Голландии, Бельгии и Франции, всему миру стало совершенно ясно, что нацистские заговорщики создали, по-видимому, величайшее в истории орудие для агрессии.

Эта гитлеровская военная машина была создана в течение менее одного десятилетия. В мае 1939 года генерал-майор Георг Томас, бывший начальник военно-экономического штаба имперского военного министерства, заявил, что количество дивизий в германской армии возросло с 7 пехотных в 1933 году до 39 пехотных дивизий, из которых 4 полностью моторизованных, 3 горно-альпийских дивизий, 18 корпусов, 5 танковых дивизий, 22 пулеметных батальона. Кроме того, генерал Томас сказал, что германский военный флот значительно вырос. Среди других

спущенных на воду судов имеются 2 линкора водоизмещением в 35 тысяч тонн, 4 тяжелых крейсера водоизмещением в 10 тысяч тонн каждый и другие военные корабли. Численный состав военно-воздушных сил увеличился до 260 тысяч человек, 21 эскадрилья, состоявшей из 240 отрядов и 33 противовоздушных зенитных батарей.

Цитирую документ под номером ЕС-28, США-23, который состоит из доклада генерал-майора Томаса от 24 мая 1939 г. в министерстве иностранных дел, где он говорит: «Из немногих заводов, разрешенных Версальским договором, выросла самая мощная из существующих сейчас в мире военная промышленность. Она достигла уровня производства, который в известной мере был равен германскому производству военного времени и частично даже превышал его. На сегодняшний день Германия занимает второе место в мире по производству стали после Америки. Производство алюминия значительно превышает производство Америки и других стран мира.

Выпуск винтовок, пулеметов и артиллерийского вооружения превышает в настоящее время производство любой другой страны».

Результаты, о которых говорил в своем докладе генерал Томас 24 мая 1939 г., были достигнуты путем подготовки к войне основных отраслей германской экономики. Генерал Томас заявил: «История знает только несколько примеров, когда страна даже в мирное время направляла все свои экономические ресурсы на удовлетворение нужд войны так целеустремленно и систематически, как это вынуждена была делать Германия в период между двумя войнами».

Мобилизация германской экономики для агрессивной войны началась немедленно после того, как нацистские заговорщики захватили власть. Это было поручено главным образом Шахту, Герингу и Функу.

В марте 1933 года Шахт был назначен президентом рейхсбанка, а в августе 1934 года — министром экономики. Ответственность за осуществление этой программы была возложена на комитет по проведению четырехлетнего плана, возглавляемый Герингом.

21 мая 1935 г. Шахт был назначен уполномоченным по вопросам военной экономики при имперском совете обороны, учрежденном совершенно секретным декретом Гитлера (документ ПС-2261), с предоставлением ему полного контроля над всей гражданской экономикой Германии, используемой для военного производства. Шахт считал, что подготовка к войне должна стоять на первом плане.

Благодаря финансовым махинациям Шахта были приняты меры к полному восстановлению германской промышленности,

а с установлением контроля над импортом и экспортом, который предусматривался его планом 1934 года, германское производство стало удовлетворять требования германской военной машины.

В 1936 году, учитывая опыт первой мировой войны, нацистские заговорщики приступили к выполнению честолюбивого плана, направленного на то, чтобы в течение четырех лет Германия могла стать полностью независимой в области стратегических военных материалов, как, например, сталь, каучук, бензин, с тем, чтобы нацистские заговорщики были полностью подготовлены для ведения агрессивной войны. Ответственность за осуществление этой программы была возложена на комитет по проведению четырехлетнего плана, во главе которого стоял Геринг.

Я хотел бы сослаться на документ ЕС-408 от 30 декабря 1936 г., озаглавленный: «Доклад-меморандум о 4-летнем плане и подготовке военной экономики», который имеет гриф «совершенно секретно». В этом докладе-меморандуме говорится, что фюрер и рейхсканцлер консультировался с соответствующими организациями по вопросу мобилизации в области экономики. Данная программа включала в себя реорганизацию и контроль над всей германской экономикой для нужд войны.

В лекции, прочитанной на курсах штабных инструкторов 28 февраля 1939 г., генерал-майор Томас заявил: «Вскоре после захвата власти национал-социалистское государство реорганизовало все области германской экономики и приспособило ее к военным целям, чего армия требовала в течение многих лет. Благодаря этой реорганизации сельское хозяйство, торговля и ремесла стали теми мощными орудиями, которые нужны фюреру для выполнения его обширных планов.

Мы можем сказать сегодня, что гибкая политика Гитлера, а также огромные усилия армии и усилия в области экономики не были бы возможны без необходимой реорганизации, проведенной национал-социалистским правительством. Мы не можем сейчас заявить, что организация экономики в целом отвечает нашим нуждам; еще потребуются внести некоторые небольшие поправки. Проведенная реорганизация сделала возможным создание новой системы экономики, которая была необходима, принимая во внимание наше внутреннее и внешнее политическое положение, а также стоящие перед нами финансовые проблемы.

Направляемая экономика, которую мы имеем сейчас в области сельского хозяйства, торговли и промышленности, является не только осуществлением принципов настоящего государства, но в то же время является экономикой защиты страны».

Эта программа не проводилась без всякой цели. Она была тщательно разработана и проведена с целью обеспечения не-

обходимого орудия для осуществления плана заговорщиков по ведению агрессивной войны.

В сентябре 1934 года Шахт открыто признал в разговоре с американским послом в Берлине, что партия Гитлера полностью посвятила себя вопросам войны... Это подтверждается выдержкой из дневника посла Додда, страница 176.

В то же время подсудимый Шахт обнародовал свой новый план контроля над импортом и экспортом, подчиняя их интересам перевооружения.

Через год¹ совершенно секретным декретом Шахт был назначен уполномоченным по вопросам военной экономики.

В сентябре 1936 года на совещании, на котором присутствовали Шахт и другие, Геринг заявил, что Гитлер на основании того, что столкновение с Россией неизбежно, дал имперскому министру соответствующие указания, а затем Геринг добавил, что необходимо предпринять все меры, точно такие же, какие должны были бы быть предприняты, если бы мы на самом деле стояли сейчас перед непосредственной угрозой войны.

Я обращаю внимание Суда на документ ЕС-416. Перед тем как цитировать этот документ, я хочу указать, что это протокол совещания кабинета, состоявшегося в 12 часов дня 4 сентября 1936 г. На совещании присутствовали подсудимые Геринг и Шахт, фон Бломберг и другие. Разбирался секретный вопрос, касающийся империи. На странице 2 этого документа приводятся слова Геринга: «Столкновение с Россией неизбежно... Необходимо предпринять точно такие же меры, какие должны быть предприняты, если бы мы на самом деле стояли сейчас перед фактом немедленной угрозы войны».

В том же месяце был создан комитет четырехлетнего плана, целью которого было сделать Германию в течение четырех лет способной вести войну. Члены нацистского правительства обеспечили руководство подготовкой Германии к войне. Они получили всемерную поддержку германских промышленников.

Роль, которую играли промышленники в переводе германской экономики на военные рельсы, была решающей, и я вкратце остановлюсь на этом.

По приглашению Геринга около двадцати пяти виднейших промышленников Германии и Шахт присутствовал 20 февраля 1933 г. на совещании в Берлине, которое состоялось накануне выборов, назначенных на 5 марта 1933 г. На этом совещании Гитлер заявил, что целью заговорщиков является установление тоталитарного контроля над Германией, разрушение парламентской системы, насильственное уничтожение всякой оппозиции и восстановление вооруженных сил Германии.

¹ Фактически прошло менее года, Шахт был назначен 21 мая 1935 г. — Составители.

Среди присутствовавших на совещании в феврале 1933 года в Берлине были: Густав Крупп — глава огромной фирмы по производству вооружения, Альфред Крупп, четыре видных руководителя заводов «И. Г. Фарбениндустри» — одного из величайших мировых химических концернов, а также Шахт. Там был также Альберт Феглер — глава объединения сталелитейных заводов Германии. Присутствовали также другие ведущие промышленники.

Чтобы подтвердить свое утверждение о том, что это совещание имело место именно в то время и в том месте, как я указал, я предлагаю вашему вниманию документ ЕС-439 — письменные показания фон Шницлера, данные под присягой, которые гласят:

«Я, Георг фон Шницлер, член правления «И. Г. Фарбениндустри», даю под присягой следующие показания:

В конце февраля 1933 года четыре члена правления «Фарбениндустри», в том числе и председатель правления доктор Бош, были приглашены секретариатом президента рейхстага на совещание, происходившее у него на дому, причем в уведомлении не было указано, по какому именно вопросу. Я не помню двух других коллег, которые также были приглашены. Я думаю, что я получил это приглашение во время одной из моих деловых поездок в Берлин. Я пошел на это совещание. На этом совещании присутствовало около двадцати человек, большинство из которых, я думаю, были ведущие промышленники Рура. Среди присутствовавших на этом совещании я помню доктора Шахта, который тогда еще не был председателем рейхсбанка и министром экономики, Круппа фон Болен, который в начале 1933 года был председателем имперского объединения, ставшего потом полуофициальной организацией «Рейхсгруппениндустри», доктора Альберта Феглера, одного из руководителей объединенных сталелитейных предприятий, фон Левенфельда — представителя промышленного предприятия в Эссене, доктора Штейна — главу профессионального союза на шахте «Августа Виктория», которая тоже принадлежала к «И. Г. Фарбениндустри». В то время Штейн был активным членом германской народной партии.

Я помню, что доктор Шахт вел себя, как хозяин. В то время, как я ожидал появления Геринга, в комнату вошел Гитлер, пожал всем руки и сел за стол. В своей длинной речи он говорил главным образом об опасности коммунизма и утверждал, что он одержал над ним решительную победу. Затем он говорил относительно союза, в который вошла его партия с народной партией Германии. Эта партия была реорганизована фон Папенем. В конце речи он перешел к вопросу, который, как мне казалось, был целью этого совещания. Гитлер подчеркнул, на-

сколько важно, чтобы две вышеупомянутые партии завоевали большинство на предстоящих выборах в рейхстаг. После того как Крупп фон Болен поблагодарил Гитлера за произнесенную им речь и Гитлер покинул комнату, доктор Шахт внес предложение о создании фонда, если я не ошибаюсь, в 3 миллиона рейхсмарок для проведения избирательной кампании. Эта сумма должна была быть распределена между двумя «союзниками» в соответствии с их значимостью в тот период».

...В меморандуме от 22 февраля 1933 г.¹ Густав Крупп вкратце описал это совещание и отметил, что он выразил Гитлеру признательность промышленников, которые присутствовали на совещании...

В апреле 1933 года, после того как Гитлер укрепил за собой власть, Густав Крупп в качестве председателя имперской ассоциации германских промышленников, которая являлась крупнейшей ассоциацией германских промышленников, предложил Гитлеру план этой ассоциации, предусматривавший реорганизацию германской промышленности, и в связи с этим он принялся за то, чтобы поставить ассоциацию на службу заговорщикам и превратить ее в действенное орудие для проведения в жизнь их политики.

В сопроводительном письме Крупп писал, что план реорганизации, который он представляет от имени ассоциации промышленников, характеризуется желанием координировать экономические мероприятия с политической необходимостью, принимая принцип «фюрерства» в новом германском государстве.

В самом плане реорганизации Крупп заявил:

«Ход политических событий полностью соответствует желаниям, которые лично я и члены правления вынашивали в течение долгого времени. В реорганизации имперской ассоциации германской промышленности я буду руководствоваться идеей согласования деятельности новой организации с политическими целями имперского правительства».

Мысли, высказанные Круппом от имени членов имперской ассоциации германской промышленности о введении принципа «фюрерства» в промышленность, впоследствии были приняты.

Согласно декрету, вводившему принцип «фюрерства» в промышленность, каждая промышленная группа должна была иметь своего руководителя, работающего без вознаграждения. Эти руководители назначались и могли быть смещены министром экономики. Руководитель каждой группы должен был составить ее устав и обязан был руководить своей группой в соответствии с принципами национал-социалистского государства.

¹ Этот документ был найден в личном архиве Круппа. — Составители.

Я думаю, что здесь уместно упомянуть о том, что введение принципа «фюрерства» в экономическую организацию позволило сосредоточить власть и гарантировало эффективное выполнение приказов правительства промышленниками в интересах развития военной экономики.

О том, какую огромную поддержку германские промышленники оказали нацистской военной программе, можно судить по речи, подготовленной Густавом Круппом в январе 1944 года для выступления в Берлинском университете.

Я не хочу утомлять суд оглашением всего документа, но я желал бы зачитать из него некоторые выдержки, не отрывая их, однако, от контекста. Эти выдержки начинаются в третьем и четвертом абзацах, на странице первой.

«Военные материалы жизненно необходимы для нашего народа, и тот, кто занят в этой области, может гордиться этим. В данном случае предприятие полностью оправдывает свое существование. Это выразилось особенно ясно в период «междоцарствия» в 1919—1933 гг., когда Германия лежала поверженная и обезоруженная...»

«Большая заслуга всей германской военной экономики заключается в том, что она не оставалась бездеятельной в течение этих тяжелых лет, даже когда эта деятельность не могла быть открытой по вполне понятным причинам. В результате многих лет тайной работы был заложен научный и массивный фундамент для того, чтобы снова начать работать для германских вооруженных сил в назначенный час без потери времени или утраты опыта...»

«Только благодаря тайной деятельности германских предприятий и опыту, приобретенному при производстве товаров мирного времени, стало возможным после 1933 года идти в ногу с новыми очередными задачами при восстановлении военной мощи Германии. Только благодаря этому было возможно решать совершенно новые и разнообразные задачи, поставленные четырехлетним планом фюрера перед германской промышленностью. Необходимо было доставать новые сырьевые материалы, производить исследования и опыты, вкладывать капитал для того, чтобы сделать германскую экономику независимой и сильной, — короче говоря, сделать ее соответствующей требованиям войны...»

«Я считаю, что могу здесь сказать, что германские промышленники с энтузиазмом шли по этому новому пути, что они рассматривали великие намерения фюрера как свои собственные, путем честной конкуренции и сознательной благодарности и стали его верными последователями. Как же иначе могли быть разрешены задачи, стоявшие перед нами между 1933 и 1939 годами и особенно после 1939 года?»

Следует подчеркнуть, что программа тайного вооружения начала проводиться в жизнь немедленно после захвата власти нацистскими заговорщиками.

4 апреля 1933 г. имперский кабинет принял решение о создании имперского совета обороны. В задачу этого совета входила тайная мобилизация сил для войны. 22 мая 1933 г. на втором заседании рабочего комитета советников по вопросам обороны империи, который, кстати, был предшественником имперского совета обороны, Кейтель (тогда полковник) — председатель этого заседания, заявил, что имперский совет обороны немедленно приступит к подготовке на случай войны. Он подчеркнул срочность задачи организации военной экономики и объявил, что совет готов преодолеть все препятствия. Полностью осведомленный в том, что его действия являются явным нарушением Версальского договора, Кейтель указывал, что особенно важно сохранить абсолютную тайну.

Полковник Кейтель, выступая, заявил: «Ни один документ не должен быть утерян, так как он может попасть в руки вражеской разведки. Устные же сообщения не столь опасны; мы их сможем отрицать в Женеве».

Упорство, с которым нацистские заговорщики следовали одной цели — переводу германской экономики на военные рельсы, еще в большей степени явствует из протокола заседания рабочего комитета так называемого имперского совета обороны, состоявшегося 7 февраля 1934 г. На этом заседании генерал-лейтенант Бек указал, что «целью настоящего заседания является обсуждение нынешнего состояния подготовки».

Мимоходом я могу сказать, что на этом заседании, кроме генерал-лейтенанта Бека, присутствовали: подсудимый Иодль, бывший тогда подполковником, капитан Шмундт, полковник Гудериан, генерал-майор фон Рейхенау, майор Варлимонт. Все эти имена вы еще услышите неоднократно при дальнейшем представлении доказательств по этому вопросу.

Детально обсуждались мероприятия по финансированию будущей войны и было договорено, что финансовая сторона вопроса военной экономики будет регулироваться имперским министерством финансов и рейхсбанком, который находился под руководством Шахта.

Как об этом уже говорилось сегодня утром, Шахт был назначен генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики со специальной и неотложной задачей — перевести все экономические силы страны на военные рельсы. Секретный закон об обороне от 21 мая 1935 г., которым Шахт получил это секретное назначение, фактически возложил на Шахта руководство всей военной экономикой. В случае войны он должен был фактически стать экономическим диктатором Германии. Его задачей было

подчинить все экономические силы интересам ведения войны и экономически обеспечить жизнь германского народа. Министры экономики, продовольствия, сельского хозяйства, труда, лесного хозяйства, так же как и все имперские учреждения, непосредственно подчиненные фюреру, были подчинены ему. Он должен был отвечать за финансирование войны; он был также уполномочен издавать распоряжения в сфере своей деятельности, даже если они отклонялись от существовавших законов.

Перевооружение Германии проводилось необычайно быстрыми темпами. К лету 1935 года нацистские заговорщики осмелели до того, что начали планировать ремилитаризацию Рейнской области. На десятом заседании рабочего комитета совета обороны обсуждался вопрос о мероприятиях, которые надо было проводить в связи с предполагаемой ремилитаризацией Рейнской области. Я ссылаюсь на документ ЕС-405. На этом заседании 26 июня 1935 г. было заявлено, что вопрос о Рейнской области требует специального подхода, потому что Гитлер дал заверение Франции, что никакие военные мероприятия не будут проводиться в демилитаризованной зоне. В число вопросов, требующих особого подхода, была включена подготовка к экономической мобилизации. Эта задача была специально возложена на Шахта как на уполномоченного по вопросам военной экономики.

На странице 5 под заголовком «Подготовительные мероприятия. Подготовка к экономической мобилизации» сказано: «Ввиду того, что политических осложнений за границей при всех обстоятельствах следует в настоящее время избегать, можно проводить только такие подготовительные мероприятия, в которых существует срочная необходимость. Проведение таких подготовительных мероприятий или намерение их проводить должно сохраняться в строжайшей тайне как в самой области, так и в остальной части империи».

Затем излагаются подготовительные мероприятия, и они включают в себя... подготовку к экономической мобилизации. Имеются, конечно, многие другие подготовительные мероприятия...

От этого документа я перехожу к освещению вопроса о быстром росте германского вооружения, который происходил главным образом в результате деятельности Шахта. Осенью 1934 года нацистские заговорщики объявили так называемый «новый план», имевший целью контроль над ввозом и вывозом сырья, необходимого для вооружения, и иностранной валюты, которая требовалась для выполнения программы вооружения. «Новый план» был детищем Шахта. Согласно этому плану Шахт контролировал импорт путем расширения системы управления по контролю над импортом, который вначале распространялся только лишь на основные группы сырьевых материалов и на те товары, импортируемые в Германию, в которые входили эти сырьевые материалы,

будь то полуфабрикаты или готовые изделия. Установление лицензий на импортируемые товары дало возможность нацистским заговорщикам ограничить импорт лишь теми товарами, которые были необходимы для их военных нужд. Затем в феврале 1935 года был принят так называемый закон «Девизен». Согласно этому закону все сделки, включающие операции с иностранной валютой, подлежали утверждению со стороны «Девизенштеллен» (учреждение по контролю над операциями с иностранной валютой). Таким образом, контролируя использование иностранной валюты, заговорщики были в состоянии управлять внешней торговлей в соответствии с их нуждами и желаниями.

Таким путем все области германской экономики переводились на военные рельсы под руководством нацистских заговорщиков, особенно Шахта. В обзоре хода экономической мобилизации для войны от 30 сентября 1934 г. говорилось, что уже были предприняты меры для создания обширных запасов, организации производства дефицитных товаров, перебазирования промышленности в безопасные районы и для установления контроля над финансовой и торговой политикой. Уже были сделаны ссылки на тот факт, что задача производства запасов затруднялась тем, что это надо было делать тайно и в замаскированной форме. Производилось накопление горючего для автомашин и запасов угля. Было ускорено производство синтетического горючего. Снабжение гражданского населения было преднамеренно организовано таким образом, чтобы большинство предприятий работало для германских вооруженных сил. Производилось изучение возможности взаимной торговли с «предположительно» нейтральными странами в случае войны.

Вопрос финансирования программы вооружений был трудной проблемой для заговорщиков. В 1934—1935 гг. германская экономика не могла никоим образом создать денежные фонды для обширной программы вооружения путем налогов и государственных займов. Поэтому программа вооружения с самого начала влекла за собой «использование последних резервов». Кроме проблемы создания больших денежных фондов, требуемых для финансирования этой программы, заговорщики особенно были озабочены на ранних стадиях тем, чтобы скрыть размеры проводившегося ими бешеными темпами вооружения.

Шахт предложил ввести так называемые счета «МЕФО». Одним из наибольших преимуществ этого метода был тот факт, что цифры, показывающие размеры вооружения, которые могли бы стать известными, если бы проводился другой метод финансирования, могли сохраняться в тайне путем применения счетов «МЕФО». Счета «МЕФО» применялись исключительно при финансировании вооружения.

Денежные операции по системе счетов «МЕФО» производились следующим образом.

Счета «МЕФО» выписывались заказчиками, размещавшими заказы на вооружение, и акцептовались компанией с ограниченной ответственностью, называемой «Металлургише форшунгсгезельшафт», откуда и происходит сокращенное название «МЕФО». Эта компания имела номинальный капитал в 1 миллион марок и поэтому была попросту фиктивной организацией. Эти счета принимались к оплате всеми германскими банками с возможным редисконтированием их рейхсбанком. Счета гарантировались государством. Их секретность обеспечивалась тем фактом, что они никогда не фигурировали ни в публиковавшихся отчетах рейхсбанка, ни в цифрах бюджета.

Система счетов «МЕФО» применялась до 1 апреля 1938 г. К этому времени для финансирования вооружения было выдано счетов «МЕФО» на 12 миллиардов рейхсмарок. Ввиду того что больше не было необходимости продолжать скрывать быстрый рост германского вооружения, система финансирования путем счетов «МЕФО» была прекращена.

Следующим источником средств, используемым Шахтом для финансирования секретной программы вооружения, была конфискация денежных средств политических противников нацистского режима, а также денежных сумм в марках, помещенных иностранцами на текущий счет в рейхсбанке. Как заявил Шахт, «наше вооружение частично финансировалось за счет кредитов наших политических противников». Это заявление было сделано в меморандуме Шахта Гитлеру от 3 мая 1935 г. (документ ПС-1168). Непогашенные счета «МЕФО» во все времена представляли собой угрозу стабильности валюты, потому что они могли предъявляться для дисконта и в рейхсбанк, причем количество бумажной валюты, находящейся в обращении, должно было автоматически возрастать.

Таким образом, существовала постоянная угроза инфляции. Но Шахт тем не менее продолжал эту политику потому, что «он был непоколебимо верен фюреру, потому, что он полностью признавал основную идею национал-социализма, и потому, что в конце концов все затруднения по сравнению с великой задачей могли рассматриваться как малозначачие».

Высшие военные офицеры отдавали должное от имени нацистской военной машины Шахту за его изобретательность. В написанной статье для «Военной еженедельной газеты» в январе 1937 года было сказано: «Вооруженные силы Германии сегодня с благодарностью произносят имя доктора Шахта как одного из тех, кто совершал незабываемые подвиги для развития германских вооруженных сил в соответствии с указаниями фюрера и рейхсканцлера. Вооруженные силы обязаны величайшим способ-

ностям и мастерству доктора Шахта тем, что, несмотря на все финансовые трудности, они в соответствии с планом сумели из армии численностью в 100 000 человек вырасти до нынешних размеров».

После ремилитаризации Рейнской области нацистские заговорщики удвоили свои усилия с целью подготовить Германию к войне более крупных масштабов. 9 сентября 1936 г. Гитлер на партийном съезде в Нюрнберге объявил в своей речи о создании четырехлетнего плана. Это заявление получило легальную основу путем издания декрета, касающегося выполнения четырехлетнего плана, от 18 октября 1936 г. Этим декретом Геринг был назначен ответственным за осуществление этого плана. Ему были предоставлены права проводить любые юридические и административные мероприятия, которые он считал необходимыми для выполнения своей задачи, и издавать приказы и инструкции всем правительственным учреждениям, включая самые высокие имперские власти. Задача плана заключалась в том, чтобы добиться для Германии полной самостоятельности в области важных сырьевых материалов, особенно таких, как горючее, каучук, текстиль, цветные металлы, и тем самым ускорить подготовку к войне. Развитие производства синтетических продуктов было в значительной степени ускорено, несмотря на большие издержки.

Для осуществления своей программы нацистские заговорщики нуждались также в иностранной валюте для того, чтобы финансировать свою пропагандистскую и шпионскую деятельность за границей. Так, в речи, произнесенной 1 ноября 1937 г. в академии вооруженных сил Германии, генерал Томас заявил:

«Если принять во внимание, что во время войны потребуются значительные средства для того, чтобы организовать необходимую пропаганду, и для того, чтобы оплачивать шпионаж и подобного рода услуги, то должно быть ясно, что наша внутренняя марка будет бесполезна и понадобится иностранная валюта».

Эта особая необходимость в иностранной валюте была частично снижена потому, что нацистское государство бесплатно получало от ведущих германских концернов необходимые шпионские сведения и помощь в области пропаганды.

У меня в руках документ Д-206, составленный в Эссене и датированный 12 октября 1935 г. Он был найден в архиве компании Круппа. Он озаглавлен: «Меморандум». Подзаголовок гласит: «Концерны — распространение за границей официальной пропагандистской литературы при помощи наших иностранных связей». Далее указано, что утром 11 октября районный представитель личного иностранного бюро Риббентропа назначил по телефону на определенный час свидание с господином Лахманом. «На мой вопрос, с кем я имею дело и с каким официальным бюро, представитель мне ответил, что он лично не является районным

представителем бюро Риббентропа, таковым является господин Лахман. Он же является представителем Бормана и приехал по приказу Бормана.

Я информировал господина Лахмана о том, что много лет назад наша фирма предоставила себя в распоряжение официальных учреждений в вопросах внешней пропаганды и что мы полностью выполняли все требования, которые нам предъявлялись».

Я держу в руках документ Д-167, который также является копией документа, найденного в архиве компании Круппа. Он датирован 14 октября 1937 г. и представляет собой меморандум господина Зонненберга, касающийся совещания в Эссене 12 октября 1937 г. В документе указывается, что «только в «Мазо» имеется департамент, занимающийся разведкой совместно с министерством, который подведомствен отделу обороны, поскольку это касается разведслужбы министерства иностранных дел...

Кох получал сведения разведывательного порядка от агентов, а также по другим каналам через посредство органов разведки».

В абзаце третьем меморандума говорится: «С нашей стороны мы стараемся давать информацию для того, чтобы сотрудничать с министерством так, как этого требовали».

...Теперь я перехожу к изложению программы заговорщиков, которая, как я уже неоднократно замечал, проводилась в жизнь с поразительной быстротой.

По опубликованным, например, некоторым официальным немецким данным, производство стали возросло следующим образом:

Год	Производство стали в тысячах тонн
1933	74
1934	105
1935	145
1936	186
1937	217
1938	477

Производство бензина росло еще более быстрыми темпами: от 370 тысяч тонн в 1934 году до 1494 тысяч тонн в 1938 году. Нацистские заговорщики настолько спешили закончить программу вооружения, что это ясно выдавало их уверенность в неизбежности войны.

...В совершенно секретном письме от 21 августа 1936 г., адресованном Шахту, говорилось, что по приказу Гитлера все соединения военно-воздушного флота должны быть готовы к 1 апреля 1937 г. Это характеризует срочность мероприятий в нацистской экономике, обуславливаемых внешними факторами. Таким обра-

зом закладывался фундамент для дальнейших агрессивных действий.

На совещании 4 сентября 1936 г. Геринг заявил (я цитирую выдержки из документа ЕС-416):

«Имеющиеся резервы должны будут использоваться при преодолении этого препятствия до тех пор, пока цель, поставленная фюрером, не будет достигнута; в случае войны на них, при всех обстоятельствах, нельзя будет рассчитывать».

«Если бы война разразилась завтра, то мы были бы вынуждены принять меры, которых мы, возможно, могли бы избежать в настоящее время. Поэтому эти меры должны быть приняты».

Что же касается утверждения о том, что Шахта поставили в известность о приказе Гитлера, согласно которому все соединения военно-воздушных сил должны быть готовы к 1 апреля 1937 г., я почтительно обращаю ваше внимание на документ ПС-1301 от 31 августа 1936 г. На странице 20 вы найдете указание о том, что копия этого документа была направлена президенту рейхсбанка Шахту.

После захвата Австрии и Судетской области заговорщики удвоили свои усилия по вооружению для ведения агрессивной войны. На совещании 14 октября 1938 г., незадолго до того как заговорщики выдвинули свои первые требования к Польше, Геринг сказал, что «фюрер поручил ему провести в жизнь гигантскую программу, по сравнению с которой меркнет все то, что было до сих пор. Имеются трудности, которые должны быть преодолены с величайшей энергией и безжалостностью».

Геринг получил приказ от фюрера — увеличить вооружение до небывалых размеров, причем предпочтение отдавалось военно-воздушным силам.

В приказе указывалось: «В кратчайшее время военно-воздушные силы должны быть увеличены в пять раз; военно-морской флот должен более быстрыми темпами производить вооружение; армия должна производить больше вооружения и более быстрыми темпами, особенно тяжелую артиллерию и тяжелые танки. Наравне с этим должно быть увеличено производство военных материалов и взрывчатых веществ, в первую очередь горючего, каучука, пороха и взрывчатых веществ. Это следует сочетать с ускоренным строительством шоссейных дорог, каналов и особенно железных дорог».

В ходе этих приготовлений к войне произошло столкновение между Герингом и Шахтом. В результате этого в ноябре 1937 года Шахт подал в отставку с поста министра экономики и уполномо-

ченного по военной экономике, а в январе 1938 года — с поста президента рейхсбанка.

Я не собираюсь сейчас входить в детали конфликта, об этом будет сказано на последующей стадии судебного процесса. Хочу сейчас лишь подчеркнуть, — мы это утверждаем, — что уход Шахта совсем не означал, что он был в какой-то степени не согласен с главными военными целями нацистов.

Шахт особенно гордился тем, что мог благодаря своим обширным навыкам в финансовой и экономической областях быть полезным нацистской военной машине. В документе ЕС-257, который является копией письма Шахта генералу Томасу, в первом абзаце говорится: «Я с величайшим удовлетворением вспоминаю о работе по перевооружению германского народа как о неперемennom условии для создания новой германской нации».

В документе ЕС-252, письме, адресованном генералу фон Бломбергу 8 июля 1937 г., Шахт писал: «Руководство военной экономикой уполномоченным в этом случае не могло бы осуществляться независимо от всего остального военного механизма, но должно было бы быть направлено на то, чтобы привлечь все экономические силы для достижения политической цели войны. Поэтому я преисполнен желанием участвовать таким путем в подготовке грядущего нового порядка путем издания акта об обороне».

Весной 1937 года Шахт вместе с представителями армии, флота и военно-воздушных сил принял участие в военной игре по военной экономике. Эта военная игра явилась чем-то новым.

Военная игра происходила в Годесберге, в Германии. Я ссылаюсь на документ ЕС-174. Заключительная часть его озаглавлена: «Задачи военной экономики, поставленные генеральным штабом в Годесберге в период между 25 мая и 2 июня». В последнем абзаце содержится приветственная речь, адресованная Шахту. Там говорится следующее:

«До того как я начну обсуждать итоги военной игры по вопросам военной экономики, я хочу высказать нашу глубокую признательность вам, доктор Шахт, за то, что вы приняли непосредственное и личное участие в нашем сегодняшнем итоговом обсуждении, несмотря на то, что вы так заняты. Это свидетельствует о вашем постоянном и глубоком интересе к задачам военной экономики, и ваше присутствие здесь является новым доказательством того, что вы стремились облегчить для нас трудности военно-экономической подготовки и укрепить гармоническое сотрудничество с вашими учреждениями».

...В меморандуме от 7 января 1939 г., составленном Шахтом и другими директорами рейхсбанка для Гитлера, указывалось на срочную необходимость сбалансировать бюджет ввиду опасности

инфляции. Там говорилось (я ссылаюсь на документ ЕС-369, на абзац в конце страницы 1 этого документа): «С самого начала рейхсбанк сознавал, что успех в области внешней политики может быть достигнут лишь путем реконструкции германских вооруженных сил. Он (рейхсбанк) принял на себя в значительной степени ответственность за финансирование вооружения, несмотря на вытекавшие отсюда опасности для стабильности валюты. Это оправдывалось необходимостью, которая отодвигала на задний план все прочие соображения, необходимостью вооружиться немедленно и из ничего и, кроме того, в замаскированной форме, так, чтобы это делало возможным проведение внушающей доверие внешней политики».

Директора рейхсбанка, будучи экспертами в области денежного обращения, считали, что достигнуто такое положение, при котором дальнейшее производство становилось невозможным.

Это было всего лишь оценкой положения, а не принципом морали, так как при этом не было никакой оппозиции гитлеровской политике агрессии. Сомнения существовали лишь относительно того, сумеет ли он (Шахт) финансировать эту политику.

Гитлер в своем письме Шахту по поводу ухода последнего из рейхсбанка (документ ЕС-397) воздал высокую дань усилиям Шахта в выполнении программы нацистских заговорщиков. К тому времени вооруженные силы дали Гитлеру возможность захватить Австрию и Судетскую область. Мы считаем, что до того момента Шахт хорошо выполнял свою задачу. В документе ЕС-397, в письме, адресованном Шахту, Гитлер писал: «Ваше имя прежде всего будет всегда связано с первым этапом национального перевооружения».

Даже после того, как Шахт ушел с поста президента рейхсбанка, он остался министром без портфеля и особо доверенным советником Гитлера.

Подсудимый Функ занял пост Шахта и стал президентом рейхсбанка.

Подсудимый Функ был совершенно не подвержен опасениям инфляции, так как, подобно Герингу, которому он был подчинен по работе в управлении четырехлетнего плана, не признавал никаких препятствий для осуществления планов нападения на Польшу.

В документе ПС-699, в письме подсудимого Функа Гитлеру, написанном 25 августа 1939 г., всего за несколько дней до нападения на Польшу, подсудимый Функ докладывал Гитлеру, что рейхсбанк готов выдержать любое потрясение в области международной кредитной системы и валюты, которое будет вызвано большой войной. Он сообщил, что тайно перевел все фонды рейхсбанка, находящиеся за границей в золоте, и что Германия готова

встретить все финансовые и экономические проблемы, которые предстанут в будущем.

Таким образом, становится совершенно ясно из письменных документов, действий и речей самих нацистских заговорщиков, что они действительно нацеливали всю германскую экономику на подготовку к агрессивной войне. Говоря словами самого подсудимого Геринга, они дали германскому народу «пушки вместо масла». И мы заявляем, что они также дали истории самый потрясающий пример нации, стремившейся в мирное время к единственной цели — агрессивной войне.

Их экономическая подготовка, запланированная и проводившаяся с безжалостной энергией Герингом, циничные финансовые махинации Шахта и преисполненное готовности соучастие Функа и других были первым неизбежным актом в душераздирающей трагедии, которую их агрессия принесла миру.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ США
ОЛДЕРМАНОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
«ПОДГОТОВКА АГРЕССИИ»

*[Из стенограммы заседания Международного
Военного Трибунала от 27 ноября 1945 г.]*

Я приступаю к представлению доказательств по разделу «Подготовка к войне и агрессии с 1933 по 1936 год». Глава Обвинительного заключения, которая охватывает данный раздел, обозначена цифрой IV, параграфы А, В, С, D, E и F. Я думаю, что Трибуналу известны эти параграфы, и я не намерен здесь их оглашать. Я думаю, что будет необходимо по мере того, как я буду представлять доказательства, ссылаться на некоторые положения Устава и на отдельные положения Версальского договора, а также на договор о дружбе между Соединенными Штатами и Германией от 1921 года, который включает некоторые пункты Версальского договора, мне также придется ссылаться на Локарнский договор от 16 октября 1925 г.

Нацистские планы агрессии начали проводиться в жизнь очень скоро после первой мировой войны. Их скромное начало и, пожалуй, фантастический характер, так же как и тот факт, что они могли быть прерваны в своем исполнении в течение всего времени проведения их в жизнь, не исключают того, что в проведении их существовала определенная последовательность. Тот факт, что Обвинительное заключение касается главным образом промежутка времени с 1933 по 1945 год, совсем не означает, что эти события должны быть оторваны от того, что случилось в течение всего предшествующего периода.

Таким образом, приход Гитлера и нацистов к политической власти в 1933 году явился своего рода заранее установленной вехой на пути нацистского развития. К 1933 году нацистская партия достигла довольно значительных размеров. К этому времени планы нацистов требовали приобретения политического контроля над Германией. Это было необходимо для консолидации внутренних сил в стране, для консолидации всех ее внутренних

ресурсов и возможностей. Как только появились достаточные показатели успехов по линии внутреннего собирания сил, консолидации, — следующим необходимым шагом являлось освобождение от некоторых внешних препятствий в связи с существующими международными ограничениями и обязательствами. Ограничения Версальского договора являлись препятствием для нацистов во всех областях подготовки к войне. Несмотря на то, что с того времени, как он вошел в силу, они все время продолжали нарушать, и грубо нарушать, Версальский договор, — эти действия, поскольку они проводились замаскированно, не могли разворачиваться в масштабах, необходимых для выполнения целей, которые ставили перед собой нацисты. Нужно было устранить с пути Версальский договор, чтобы достигнуть военного потенциала, необходимого для реализации их военных целей. Подобным же образом, и это являлось частью этого плана, и по той же самой причине Германия покинула конференцию по разоружению и вышла из Лиги наций. Нацисты не могли проводить в жизнь свои планы, придерживаясь существующих международных обязательств и держась лояльно в будущем. Факты, упоминаемые в этом разделе Обвинительного заключения, теперь стали достоянием истории, и мы надеемся, что суд примет их без доказательства. Само собой разумеется, что всякие военные и дипломатические демарши были заранее запланированы и участвовавшие в них силы были заранее скоординированы. В то же самое время каждый пункт являлся частью заранее подготовленного плана агрессии, каждый представлял собой необходимый шаг по направлению к соответствующим актам агрессии, которые затем были совершены. Развитие этих положений было бы неоправданным повторением того, что уже очевидно.

В пункте 2 главы IV (F) Обвинительного заключения говорится о трех обстоятельствах, имеющих громадное международное значение. Прежде всего об уходе Германии с конференции по разоружению и о выходе ее из Лиги наций. Во-вторых, об установлении обязательной военной службы, в-третьих, — ремилитаризации Рейнской зоны. Каждый из этих шагов был более серьезен, чем обычно возникающий вопрос международных отношений. В каждом случае Германия предполагала возможность санкции со стороны других стран и главным образом сильного военного сопротивления со стороны Франции с возможной помощью со стороны Англии.

Однако заговорщики решили, что их не остановит ничто, кроме превентивной войны. Они также правильно учитывали, что ни одна из великих держав и никакая группа держав не возьмет на себя ответственность за такую войну. Уход с конференции по разоружению и выход из Лиги наций были, конечно, действиями, не нарушавшими никаких международных обяза-

тельств. Устав Лиги наций давал возможность любой державе выйти из нее, однако в этом случае, поскольку эти действия явились частью общего большого плана, значение их не может быть рассмотрено отдельно от всего общего заговора и плана агрессии. Введение всеобщей воинской повинности было гораздо более смелым и дерзким шагом и имело более явное значение. Это было прямое нарушение Версальского договора, но нацисты совершили его безнаказанно. Уже затем был брошен прямой военный вызов в виде ремилитаризации зоны в Рейнской области.

Я продолжаю рассмотрение пункта 2 главы IV Обвинительного заключения, в котором излагается обвинение по вопросу о нарушении нацистами Версальского договора. Тот факт, что планы нацистов в этом отношении начали проводиться в жизнь очень рано, подтверждается не только их собственными высказываниями, но и тем обстоятельством, что они попросту хвалились тем, что заранее готовили и затем тщательно проводили в жизнь эти планы. В речи, обращенной к главнокомандующим, 23 ноября 1935 г. Гитлер сказал, что его главной целью было нарушить Версальский договор. После четырех лет фактической войны подсудимый Иодль как начальник штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил произнес речь, обращенную к империи и к гаулейтерам, в которой он показал, каким образом развертывалась военная мощь Германии. Захват власти, по его мнению, включая введение воинской повинности, ремилитаризацию Рейнской зоны и перевооружение со специально предусмотренным усилением воздушного флота и введением новых типов вооружения, означал восстановление военного суверенитета.

Документ Л-172, США-34 — фотокопия записи лекции генерала Иодля. Эта лекция характеризует стратегическое положение в начале пятого года войны.

«Лекция гаулейтерам. Прочитана начальником штаба оперативного руководства. Мюнхен, 7 ноября 1943 года»:

«Введение. Рейхслейтер Борман попросил меня сделать обзор стратегического положения в начале пятого года войны. Я должен признать, что я взял на себя эту задачу не без сомнений. Нет возможности разрешить эту задачу несколькими общими словами. Фюрер указал, что никто не должен знать больше того, что ему необходимо для выполнения своих непосредственных обязанностей. Но я совершенно не сомневаюсь, господа, что нам надо много, очень много знать, чтобы справиться со своими задачами...

Нужно знать истинное положение вещей. И поэтому я считаю, что буду прав, если я дам вам совершенно откровенное и неприукрашенное изложение действительного положения... Исход

этой войны будет решен не только силой оружия, но и волей всего народа к сопротивлению. В 1918 году Германия потерпела поражение не на фронте, а в тылу. Италия потерпела не военное поражение, а моральное поражение. Она была сломлена изнутри...

...Необходимость и цели настоящей войны были ясны для всех с того самого момента, когда мы начали освободительную войну за великую Германию и путем нападения устранили опасность, которая угрожала нам как из Польши, так и со стороны западных держав. Наше последующее продвижение в Скандинавию, в направлении Средиземного моря и в направлении России — также не вызывало сомнений в свете общего плана ведения войны, пока она шла успешно. Лишь когда мы встретились с серьезными неудачами и наше общее положение становилось все более острым, лишь тогда германский народ начал спрашивать себя: может быть, мы взяли на себя больше, чем мы можем совершить, и поставили перед собой слишком большие цели? Для того чтобы ответить на эти вопросы и дать вам возможность разобраться в них, когда вы будете давать объяснения, я и поставил перед собой основную задачу прочитать вам мою нынешнюю лекцию. Я разделю ее на три части:

1. Обзор наиболее важных событий до настоящего времени.
2. Рассмотрение нынешнего положения.
3. Основы нашего морального состояния и нашей уверенности в победе.

Будучи по занимаемому положению военным советником фюрера, я ограничусь проблемами моей собственной сферы действий, полностью отдавая себе отчет в том, что ввиду характера нынешней войны я, таким образом, дам обзор только одной стороны событий.

1. Обзор. Тот факт, что национал-социалистское движение и его борьба за внутреннюю власть являлись подготовительной стадией внешнего освобождения от уз Версаля, не требует специальных объяснений в данном кругу. Я хотел бы, однако, заметить, насколько ясно все профессиональные солдаты понимают, какую важную роль играло национал-социалистское движение в поднятии воли к борьбе, в содействии поднятию боеспособности и в вооружении германского народа. Несмотря на все свои положительные стороны, рейхсвер, который был небольшим в численном отношении, никогда не мог бы справиться с этой задачей хотя бы из-за ограниченного круга своих действий. В самом деле, фюрер стремился к объединению этих двух сил, и ему это полностью удалось. Захват власти, в свою очередь, означал, первым делом, восстановление суверенитета в военном отношении.

Австрийский аншлюсс. Австрийский аншлюсс в свою очередь привел не только к осуществлению давнишних национальных

чаяний, но также привел и к усилению нашей боеспособности и значительно улучшил наше стратегическое положение. Тогда как до аншлюсса территория Чехословакии вдавалась бы в самый угрожающий период войны в самый центр Германии (осиная галия в направлении Франции и воздушные базы для союзников, в особенности для России), теперь, после аншлюсса, Чехословакия сама оказалась в клещах...»

«Стратегическое положение самой Чехословакии стало таким неблагоприятным, что она неминуемо должна была стать жертвой любого нападения, энергично проведенного до того, как сможет подоспеть эффективная помощь с Запада. Эта возможность предоставления помощи стала еще более затруднительной в результате создания западного вала, который в отличие от линии Мажино имел своей целью не гарантировать отказ от активных действий, а лишь служить для охраны тыла при активной политике на Востоке. Бескровное решение чешского конфликта осенью 1938 года и весной 1939 года, то есть две фазы чешского конфликта и присоединение Словакии, окружало территорию Германии таким путем, что тогда стало возможным рассмотреть польскую проблему на базе более или менее благоприятных стратегических предпосылок...»

«...Пятое. Это приводит меня к началу нынешней войны, и вопрос, который возникает, заключается в том, чтобы выяснить, благоприятно ли был выбран момент для борьбы с Польшей, борьбы, которая при всех обстоятельствах была неизбежной. Ответ на этот вопрос представляет тем менее сомнения, что противник, который был сам по себе довольно значителен, рухнул неожиданно быстро, и западные державы, которые были его друзьями, когда они и объявили нам войну и создали второй фронт, — не использовали своих возможностей для того, чтобы вырвать инициативу из наших рук. Относительно польской кампании нечего больше добавить, за исключением того, что она в огромной мере заставила весь мир обратить внимание на высокую боеспособность молодых вооруженных сил Великой Германии».

Я представил этот документ, чтобы показать, насколько преднамеренно Германия нарушала Версальский договор и вновь милитаризовала и укрепила Рейнскую зону. В одном из своих обзоров, относящихся к периоду между приходом нацистов к власти и началом военных действий, Гитлер не только признал, но открыто хвалился этим организованным, координированным, дальновидным планированием.

Документ Л-79 — это протокол совещания у фюрера, записанный Шмундтом, его адъютантом. Я хочу прочитать только две фразы первой страницы этого документа, который мы называем «Малой папкой Шмундта»: «В период с 1933 по 1934 год

был достигнут прогресс во всех областях. Наше военное положение в огромной степени улучшилось. Период, который лежит позади, был действительно хорошо использован. Все принятые меры проводились в правильной последовательности и в соответствии с нашими целями».

Одним из наиболее существенных шагов в непосредственной подготовке к агрессивной войне являлся секретный закон об обороне империи от 21 мая 1935 г. Закон был введен в действие, как только он был принят. В примечании говорилось, что этот закон должен был быть опубликован немедленно, но Гитлер все-таки требовал, чтобы он оставался в течение некоторого времени в секрете. Генерал Томас, который руководил военной экономикой и вооружением и был одно время влиятельным лицом в высших нацистских кругах, говорит об этом законе как о краеугольном камне подготовки к войне и указывает, что несмотря на то, что этот закон не был опубликован до начала войны, он был немедленно после подписания введен в действие в качестве плана подготовки.

Прошу Трибунал принять без доказательства работу генерала Томаса «История германской военной экономики и экономики вооружения 1923—1944 гг.» (ПС-2353, США-35).

Второй закон об обороне я представляю в качестве доказательства ПС-2194, США-36. Это имперский закон об обороне империи от 4 сентября 1938 г.

Далее я представляю меморандум подсудимого Шахта Гитлеру от 3 мая 1936 г. по вопросу о финансировании программы вооружения. Этот меморандум не подписан подсудимым Шахтом, но Шахт признал во время допроса, что это — его меморандум, он и теперь признает это (документ ПС-1168, США-37).

«Финансирование вооружения. Следующее объяснение основано на мысли о том, что осуществление программы вооружения быстро и в достаточных размерах является основной проблемой немецкой политики, и поэтому все остальное должно быть подчинено только этой цели, поскольку, конечно, самый факт пренебрежения другими вопросами не угрожает проведению в жизнь этой цели». Даже после 16 марта 1935 г.¹ оставалась трудность в том, что нельзя было проводить открытую пропаганду и обработку немецкого народа для завоевания его поддержки в вопросе вооружения, не нанося ущерба нашему международному положению и нашей внешней торговле. Таким образом, уже сейчас почти невозможно финансирование программы вооружения. Нужно также подчеркнуть, что эмиссия может быть использована для финансирования вооружения лишь настолько, насколько это допускается в пределах сохранения курса валюты. Каждая ин-

¹ 16 марта 1935 г. нацисты ввели всеобщую воинскую повинность. — Составители.

фляция увеличивает цены на заграничное сырье, а также на товары внутри страны и поэтому подобна скорпиону, кусающему собственный хвост.

Тот факт, что нам нужно было полностью маскировать наши вооружения до 16 марта 1935 г. и что даже после этой даты надо было продолжать маскировку в еще большей степени, делал необходимым выпуск бумажных денег уже с самого начала проведения в жизнь всей программы вооружения, в то время как к этому нужно было бы прибегнуть в конце проведения программы финансирования.

В портфеле рейхсбанка собраны денежные знаки для этой цели, то есть для финансирования программы вооружения, — 3 млрд. 775 млн. рейхсмарок и еще 866 млн. (всего 4 млрд. 641 млн. рейхсмарок). Из этой суммы на финансирование вооружения до 30 апреля 1936 г. предназначается 2 млрд. 374 млн. рейхсмарок.

Рейхсбанк вложил в программу вооружения также основную часть рейхсмарок, находившихся в его распоряжении, но принадлежавших иностранцам. Таким образом, вооружение частично финансируется за счет вкладов наших политических противников.

Более того, на вооружение было также дополнительно израсходовано 500 млн. марок, полученных в результате проведения федеральных займов.

Следующие суммы были запланированы в форме обычных бюджетных ассигнований: на 1933/34 г. — 750 млн. рейхсмарок, на 1934/35 — 1100 млн. и на 1935/36 г. — 2500 млн. рейхсмарок.

Начиная с 1928 года дефицит все время увеличивается, и в 1935/36 г. он составит 5—6 млрд. рейхсмарок.

В настоящее время этот дефицит покрывается при помощи кратковременных кредитов. Поэтому этим самым заранее сокращается возможность применения открытого рынка для проведения программы вооружения. Министр финансов правильно указывает, защищая бюджет:

«Поскольку невозможно мириться из года в год с постоянным дефицитом, мы не можем рассчитывать на доходы от увеличения налогов в таких размерах, чтобы это сбалансировало дефицит, и на любые другие прежние статьи дебета, и поскольку, с другой стороны, сбалансированный бюджет является единственной надежной базой для выполнения предстоящей великой задачи по проведению военной политики, — я отмечаю здесь, что, очевидно, подсудимый Шахт знал относительно огромной военной задачи, которую предстояло решить Германии, — то по всем этим причинам мы должны проводить фундаментальную и сознательную бюджетную политику, которая разрешит проблему финансирования вооружения путем органического и запланированного сокращения других расходов, учитывая не только доходы, но и

расходы, то есть путем накопления сбережений. Неотложность этой задачи доказана тем фактом, что государство и партия уже приняли меры к изысканию больших денежных сумм». Не одно только государство, а именно государство и партия. Все эти суммы покрываются не бюджетными ассигнованиями, а за счет вкладов и кредитов, которые должны поступать от промышленности сверх обычных налогов.

Существование бок о бок различных бюджетов, предназначенных в большей или меньшей степени для государственных целей, является огромным препятствием для правильного представления о возможностях финансирования вооружения. Целый ряд министерств и различных организаций партии имеют свои собственные бюджеты, и вследствие этого у них имеются возможности производить расходы и иметь доходы, которые, хотя и основывались на финансовом суверенитете государства, однако не находятся под контролем министра финансов и поэтому не находятся также под контролем кабинета. Предоставление слишком широких законодательных полномочий отдельным лицам в сфере политики привело к созданию различных государств внутри государства. Точно таким же образом существующее положение в различных организациях государства и партии, работающих рядом друг с другом и против друг друга, пагубно действует на возможности финансирования.

Если в этой области очень скоро не будут установлены центрация и унифицированный контроль, то разрешение и без того уже невозможной задачи финансирования вооружения будет поставлено под угрозу.

Перед нами стоят следующие задачи:

1. Я полагаю, что уполномоченному поручено изыскивать всевозможные источники и статьи дохода из взносов, поступающих федеральному правительству, государству и партии, а также из прибылей государственных и партийных предприятий.

2. Далее, эксперты, назначенные фюрером, должны установить, как эти средства использовались до сих пор и какая их часть может быть использована для других целей.

3. Те же самые эксперты должны рассмотреть капиталовложения всех общественных и партийных организаций, и они же должны установить, насколько таковая собственность может быть использована для финансирования вооружения.

4. Федеральное министерство финансов должно будет получить полномочия рассмотреть возможности увеличения дохода путем введения новых или увеличения существующих налогов. Существующие способы финансирования вооружения рейхсбанком при данных политических условиях являются необходимостью, и политический успех доказал правильность этого мероприятия. Теперь при всех обстоятельствах должны быть изысканы

другие возможности финансирования вооружения. С этой целью все несущественные расходы, предназначенные для других целей, не должны производиться, и вся финансовая мощь Германии, хотя она и ограничена, должна быть направлена исключительно на финансирование вооружений. Неизвестно, удастся ли финансировать вооружение таким путем, но, во всяком случае, без такого сосредоточения финансов эта программа, без сомнения, провалится».

Будучи в известной степени специалистом в области финансов, я несколько сочувствую подсудимому Шахту в его попытках разрешить эти проблемы.

21 мая 1935 г. — очень важная дата в нацистском календаре. Именно в этот день нацисты издали имперский секретный закон об обороне империи. Секретная подготовка вооружения уже достигала в это время той точки, когда невозможно было более держать ее в секрете, и поскольку программа заговорщиков требовала дальнейшего расширения вооружения, они просто в тот же день, 21 мая 1935 г., нарушили постановление Версальского договора по этому вопросу (документ ПС-2288, США-39).

В параграфе первом этого документа говорится: «1. Имперское правительство Германии отказывается придерживаться Женевского решения от 17 марта...». Второй параграф гласит: «Так как другие державы не выполнили своих обязательств в отношении разоружения, правительство германской империи не считает себя более связанным этими параграфами, которые являются только дискриминацией германского народа на неограниченный период времени и унижают Германию самым невероятным образом и тем противоречат духу самого соглашения».

В краткой речи перед рейхстагом 1 сентября 1939 г. (документ ПС-2322, США-39) Гитлер сказал:

«Более чем в течение 6 лет я был занят созданием германских вооруженных сил. В течение этого периода более 90 миллиардов рейхсмарок было потрачено на создание вооруженных сил, и теперь наши вооруженные силы — самые лучшие в мире с точки зрения количества и качества их вооружения. Они также гораздо лучше теперь, чем были в 1914 году».

...В 1937 году высшее командование флота издало секретную книгу, названную «Борьба флота против Версальского договора с 1919 по 1935 г.». Предисловие охватывает борьбу флота против невыносимых условий мирного Версальского договора. В оглавлении перечисляется целый ряд операций флота, как, например, сохранение от разрушения береговых орудий вопреки требованиям Версаля, меры по вооружению за спиной правительства, вопреки законодательству, восстановление подводного флота, экономическое перевооружение и секретное перевооружение, на-

чиная с 1933 года и до 1935 года, когда были сняты всякие ограничения.

Этот документ показывает, какое большое значение имел захват власти нацистами в 1933 году для увеличения размера и определения характера программы перевооружения...

Я хочу дать лишь краткий обзор содержания книги по тому, что названия глав достаточно знаменательны для того, чтобы у суда могло создаться общее представление об этой книге.

I. Мероприятия в целях противодействия проведению в жизнь Версальского договора (начиная с конца войны и до оккупации Рура в 1923 году). Под этим заголовком следует: 1. Спасение от разрушения береговых орудий. 2. Сохранение артиллерийского вооружения и автоматического оружия. 3. Сокращение количества уничтожаемых сооружений на Гельголанде.

II. Самостоятельное вооружение за спиной правительства рейха, вопреки законодательству (с 1923 года до дела Леманна в 1927 году): 1. Попытка увеличить численный состав немецкого флота. 2. Кампания по усилению патриотического духа населения. 3. Деятельность капитана Леманна (мне очень стыдно, но я не знаком с деятельностью капитана Леманна). 4. Подготовка к возрождению подводного флота Германии. 5. Создание воздушного флота. 6. Попытка создать промышленность по производству мин. 7. Экономическое перевооружение. 8. Другие меры...

III. Планомерная деятельность по вооружению с ведома правительства, но вопреки закону (с 1927 года до захвата власти нацистами в 1933 году).

IV. Секретное перевооружение под руководством имперского правительства (с 1933 года по 1935 год до того, как были сняты ограничения в 1935 году).

Консолидация всей нации со времени захвата власти нацистами 30 января 1933 г. оказала величайшее и решающее влияние на форму и характер дальнейшего вооружения. Когда вторая палата, рейхсрат, должна была быть распущена и перестала существовать как законодательный орган, структура рейхстага стала такой, что он мог иметь только одностороннее отношение к перевооружению. На этом основании правительство взяло на себя проведение программы перевооружения.

Затем следует заголовок «Развитие вооруженных сил». Этот переход руководства всей деятельностью по перевооружению в руки имперского правительства означал такое положение, при котором военный министр генерал фон Бломберг и через него все три рода германских войск получили очень широкие полномочия от рейхскабинета в области развития вооруженных сил. В связи с таким положением прежний институт инспекторов, наблюдавших за секретными расходами, с этого времени был

уничтожен. Инспекторские функции были сохранены лишь за инспекторской группой расчетного управления империи.

Следующий заголовок — «Независимость главнокомандующего флотом». Главнокомандующий флотом адмирал Редер получил право пользоваться полной самостоятельностью в вопросах строительства и развития флота. Она была ограничена лишь в той степени, в которой должна была сохраняться секретность перевооружения флота, имея в виду существование Версальского договора. Кроме общего бюджета существовал специальный бюджет, который сильно увеличивался в связи со значительным кредитом для оплаты рабочей силы, которую в достаточном количестве предоставила империя. Большие полномочия в использовании этого кредита были предоставлены руководителю бюджетного отдела флота. До 1934 года этот пост занимал Шустлер, а потом Горстер. Они понимали степень ответственности, лежавшей на них как на руководителях бюджетного отдела.

Следующий заголовок — «Провозглашение свободы в военном отношении»: «Фюрер, опираясь на растущие вооруженные силы, созданные за этот период, объявил, что военный суверенитет германской империи восстанавливается и вышеупомянутые ограничения в области перевооружения, а именно — внешняя маскировка — отменяются...

...Освободившись от препятствий, которые мешали нашей свободе действий в воздухе, на земле и под водой в течение 15 лет, вдохновленные пробудившимся боевым духом всего народа, вооруженные силы и, как их часть, флот, смогут теперь полностью выполнить программу вооружения».

Подсудимый Редер признал подлинность этой книги и объяснил, что военно-морской флот должен был выполнять букву Версальского договора и в то же время развивал свои силы. Обращаюсь к той части допроса подсудимого Редера, о которой мы говорили.

Вопрос: Я держу документ С-156 — фотостат книги, составленной верховным командованием флота, которая освещает борьбу флота против Версальского договора с 1919 по 1935 год. Знакомы ли вы с этой работой?

Ответ: Я знаю эту книгу. Я однажды читал ее, когда она была опубликована...

Вопрос: Каково ваше мнение о комментариях, содержащихся в этой работе, относительно отхода от постановлений Версальского договора?

Ответ: Я точно не помню, что там сказано, я только помню, что флот всегда ставил себе целью выполнять букву Версальского договора, отвоевывая при этом некоторые преимущества.

Летчики обучались за год до вступления во флот. Совсем молодые люди. Таким образом, буква Версальского договора была выполнена. Они не принадлежали флоту, пока обучались летному делу. Развивалось строительство подводных лодок, но не в Германии, а в Голландии. Имелись гражданские бюро, а в Испании было промышленное бюро, в Финляндии — то же самое; эти подводные лодки начали строиться лишь значительно позже, когда мы стали вести переговоры с Англией относительно морского договора: 35% против 100. К этому времени мы увидели, что Версальский договор будет аннулирован путем такого договора с Англией, и поэтому для того, чтобы выполнить букву Версальского договора, мы это делали, но в то же время мы пытались завоевать для себя преимущества.

Вопрос: Правильно ли будет сказать, что верховное командование флота было заинтересовано в том, чтобы уклониться от ограничений Версаля в отношении кадров и вооружения, и, выполняя букву Версаля, на самом деле нарушало этот договор?

Ответ: Да, таково было его намерение...»

Передо мной — захваченный документ на немецком языке: «Берлин, 12 мая 1934 г. Секретный материал». У нас он — под № С-153, США-43. Там имеется факсимиле Редера. Документ начинается словами: «Начальнику морского штаба. План вооружения третьей фазы». Этот документ от 12 мая 1934 г. говорит о военных задачах, военных и оперативных планах, планах вооружения и т. д. Он был направлен многим представителям морского верховного командования. Он показывает, что основная цель была — немедленная готовность к войне. Цитирую из этого документа § 3: «Организация мер по вооружению необходима для достижения этой цели. Это в свою очередь требует планирования и координирования расходов в мирное время. Такая организация финансовых мер в течение ряда лет с военной точки зрения имеется в программе вооружения и представляет:

а) военным руководителям — прочную базу их оперативных планов;

б) политическим руководителям — ясную картину того, что в данный период может быть достигнуто имеющимися средствами».

Еще одна фраза из § 7: «Вся практическая и теоретическая подготовка «А» (по-видимому, «А» означает «вооружение») должна проводиться с учетом главной цели — готовности к войне без какого бы то ни было предварительного периода».

Заговорщический характер нацистского плана и агрессивная подготовка задолго до начала военных действий иллюстрируются и многими другими данными. Так, в 1934 году Гитлер дал зада-

ние Редеру держать в секрете программу строительства подводных лодок, а также фактический тоннаж и скорость кораблей. Работа по строительству лодок, как уже указывалось, велась в Голландии и Испании.

Нацисты были достаточно хитры в этом отношении. Версальский договор запрещал вооружение в Германии. По-видимому, они считали, что это не мешало им вооружаться в Испании, Голландии, Финляндии. Секретность была также важна ввиду предстоящих морских переговоров с Англией. Мы имеем захваченный документ (С-189, США-44). Это запись беседы подсудимого Редера с Гитлером в июне 1934 года. Редер 8 ноября 1945 г. во время допроса подтвердил подлинность этого документа. Этот документ написан рукой Редера. Заголовок этого документа — «Беседа с фюрером в июне 1934 года по случаю отставки командира корабля «Карлсруэ»:

«1) Доклад командующего флотом относительно увеличения тоннажа Д и Е (оборонительное орудие). Указания фюрера: ничего не должно быть сказано о тоннаже от 25 до 26 тысяч, а лишь об усовершенствованном классе кораблей в 10 000 тонн. Также не может быть указана скорость свыше 26 морских миль. 2) Главнокомандующий флотом высказал мнение, что позже флот нужно будет развивать против Англии и поэтому с 1936 года крупные корабли должны быть вооружены 35-сантиметровыми орудиями, как класс линкоров «Король Георг». 3) Фюрер требует держать в секрете строительство подводных лодок также с учетом плебисцита в Саарском бассейне».

Для того чтобы продолжать увеличение, флот нуждался в больших средствах. Поэтому Гитлер предложил передать флоту фонды «трудового фронта».

Мы имеем еще один меморандум Редера о беседе его с Гитлером 2 ноября 1934 г. (документ С-190, США-45).

В нем записано:

«1) Когда я заметил, что общие фонды, которые могут быть предоставлены вооруженным силам в 1935 году, будут представлять, по-видимому, только небольшую часть требуемой суммы, поэтому возможно, что планы флота будут затруднены, он ответил, что не думает, что фонды будут значительно сокращены. Он считает необходимым быстрое увеличение флота к 1938 году, согласно установленным срокам. В случае необходимости, он позаботится о том, чтобы Лей предоставил флоту от 120 до 150 миллионов из средств «трудового фронта». Позже, в беседе с министром Герингом и со мной он сказал, что считает необходимым увеличить флот, как было запланировано.

2) Затем, когда я указал, что было бы желательно, чтобы 6 подводных лодок были собраны в период кризиса, в первую

четверть 1935 года, он заявил, что учтет этот вопрос и скажет, когда положение потребует начала сборки этих подводных лодок».

В документе имеется сноска: «Приказ не был издан. Первая подводная лодка была спущена в середине июня 1935 года, в соответствии с планом»...

Развитие промышленности вооружения с использованием внешнего рынка являлось программой, которой содействовал флот с тем, чтобы эта промышленность могла в случае необходимости удовлетворить потребности флота.

Оглашаю директивы подсудимого Редера от 31 января 1933 г. Это указания германской промышленности способствовать вооружению флота, документ № С-29, США-46 следующего содержания:

«Совершенно секретно. Общие указания о поддержке германской промышленностью вооружения германского флота.

Экономическая депрессия привела в некоторых кругах к заключению, что нет возможности для германской промышленности вооружения участвовать на внешних рынках, даже если условия Версаля не будут выполняться. Это якобы не принесет прибыли. Кроме того, считается, что увеличение экономической самостоятельности делает такое участие на внешнем рынке излишним.

Однако я должен внести следующие поправки в отношении этой точки зрения, вызванной нынешним положением:

а) Экономический кризис и его нынешнее воздействие должны быть преодолены рано или поздно. Хотя равенство в военной политике сегодня полностью не признается, однако путем накопления вооружения это равенство будет когда-нибудь и в какой-то мере достигнуто.

б) Следовательно, оценка обязанностей германской промышленности вооружения в основном зависит от военно-политической ситуации. Невозможно, чтобы эта промышленность удовлетворяла с военной или политической точки зрения все возрастающие требования, которые на нее налагаются путем ограничения поставок нашим вооруженным силам. Поэтому ее производительность должна быть увеличена путем поставок иностранным государствам, помимо наших внутренних потребностей.

с) Почти каждая страна сегодня стремится к одной и той же цели. Это относится даже к тем странам, которые в отличие от Германии не связаны ограничениями. Великобритания, Франция, Северная Америка, Япония и особенно Италия делают максимальные усилия, чтобы обеспечить рынок для своей промышленности вооружения. Их дипломатические представительства, пропагандистские туры, путешествия их наиболее современных кораблей, посылка миссий, а также предоставление займов и

страхование от дефицитов направлены не только к тому, чтобы получить благоприятные заказы для своей промышленности вооружения, но и в особенности к тому, чтобы увеличить свое производство с учетом военно-политических целей.

d) Как раз тогда, когда нам удалось отделаться от наложенных на нас ограничений, германский флот имеет все увеличивающийся жизненный интерес в развитии германской промышленности вооружения и в ее успехе в соперничестве с другими странами.

e) Однако для того, чтобы германская промышленность вооружения могла соперничать на внешних рынках, она должна завоевать уверенность покупателей. Для этого необходимо, чтобы не было слишком много секретности. Количество техники, которое в интересах обороны должно при всех обстоятельствах оставаться в тайне, — сравнительно невелико.

Я хотел бы сделать предупреждение против предположения о том, что при нынешнем развитии техники в иностранных государствах там не разрешены важные военные проблемы, которые мы уже разрешили. Сделанные сегодня открытия, которые в результате неосторожности могут быть разглашены, часто к моменту разглашения уже превосходятся новыми и еще более совершенными открытиями. Имеет большее значение то, чтобы мы с технической точки зрения шли впереди во всех основных вопросах, чем, чтобы менее важные вопросы без необходимости сохранились в секрете.

f) В заключение я хочу сказать, что я придаю особенно большое значение продолжению поддержки промышленности со стороны флота даже после ослабления ныне существующих ограничений. Если покупатели не будут уверены в том, что им предлагается что-то особенное, то промышленность не сможет выдержать конкуренцию и, следовательно, не сможет удовлетворить требований германского флота в случае необходимости».

Эта морская программа секретного вооружения в нарушение договорных обязательств, которая начала проводиться еще до прихода нацистов к власти, иллюстрируется приказом 1932 года подсудимого Редера — в то время командующего флотом, — адресованным основным отделам флота относительно секретной конструкции торпедных установок.

Он приказывает, чтобы установки были сняты и переданы в морской арсенал, но чтобы они были готовы для немедленного использования.

Используя одновременно только разрешенное количество установок и передавая их в арсенал после пробы, командование постоянно увеличивало количество боеспособных подводных лодок.

Приказ Редера, начинающийся словами: «Главнокомандующий флотом, Берлин, 10 февраля 1932 года», представляется за № С-141, США-47. Это приказ о тайном вооружении миноносцев. Читаю первый абзац текста:

«Ввиду наших договорных обязательств и конференции по разоружению должны быть предприняты шаги к тому, чтобы флотилия миноносцев, которая через несколько месяцев будет пополнена вновь построенными кораблями этого же типа, не появлялась открыто как соединение боевых кораблей, так как мы не хотим, чтобы эти миноносцы входили в число тех, которые нам разрешено иметь.

Поэтому я приказываю: С-2, С-5 должны находиться без вооружения на верфях в Лёрсее, Вегезак, а места для торпедных аппаратов должны быть закрыты железными листами, которые должны легко сниматься. То же самое должно быть осуществлено ТМИ (инспекторат торпед и минирования) в согласии с морским арсеналом в отношении миноносца С-1, оборудование которого после испытания будет передано в морской арсенал и будет содержаться в полной готовности.

Торпедные аппараты всех кораблей типа «С» будут храниться в арсенале флота наготове для немедленной установки их на кораблях.

2) Во время маневров торпедные установки будут передаваться по очереди на борт кораблей на короткий срок для практики с тем, чтобы только один корабль одновременно имел торпедные установки. Этот корабль будет находиться налицо для пробных маневров, проводимых ТВА (учреждение по техническому исследованию). Этот корабль не должен находиться вместе с другими невооруженными кораблями из-за явного сходства кораблей этого типа. Время практики по стрельбе должно быть как можно более коротким.

3) Установка торпедного оборудования на всех кораблях должна быть произведена, как только политический контроль разрешит это».

В 1932 году в этом меморандуме подсудимый Редер уже говорил, что можно будет установить оборудование, как только политический контроль разрешит это сделать. Захват власти произошел в следующем году. Таким же образом военно-морской флот продолжал тайную подготовку вспомогательных крейсеров под кодовым обозначением: «Транспорт О». Подготовительные мероприятия должны были быть закончены к 1 апреля 1935 г.

Уже во время строительства этих кораблей как транспортных готовилось их переоборудование. Приказ командного управления военно-морского флота от 12 марта 1934 г. (С-166, США-48) содержит следующие указания:

«Тема. Подготовка вспомогательных крейсеров.

Имеется намерение включить в организацию по строительству 35 кораблей определенное число вспомогательных крейсеров, которые предназначены для операций в открытом море.

С целью скрыть эти намерения и все подготовительные мероприятия эти корабли будут называться «Транспортом О». В будущем предлагается употреблять только такое обозначение.

Подготовительные мероприятия должны быть организованы таким образом, чтобы их можно было закончить к 1 апреля 1935 года».

В официальных архивах командования военно-морского флота Германии имеются заметки о реконструкции германского флота в период с 1927 года по 1940 год. В этих заметках имеются многочисленные указания на деятельность и политику военно-морского флота, и я хотел бы привести в качестве примера некоторые из этих документов. Один из них раскрывает, что тоннаж линкоров типа «Шарнхорст-Гнейзенау» в действительности был больше той цифры, которая была сообщена англичанам (документ С-23, США-49).

Я зачитываю: «Подлинное водоизмещение линкоров «Шарнхорст-Гнейзенау» на 20% превышает водоизмещение, о котором было сообщено англичанам».

Имеется таблица различных линкоров, в которой указывалось подлинное водоизмещение и то, которое сообщалось англичанам. «Шарнхорст» — действительное водоизмещение 31 300 тонн, сообщалось — 26 000 тонн. Тип «F» — водоизмещение 41 700, сообщалось — 35 000 тонн. Тип «H1» — подлинное водоизмещение 56 200 тонн, сообщалось — 46 850 тонн и т. д.

Постоянное планомерное и преднамеренное нарушение ограничения вооружений проводилось германским флотом, подготовившим и некоторые малоубедительные объяснения в случае разоблачения.

Вслед за конференцией с командующим секции «А» был разработан подробный список, который давал тщательный перечень типов германского военно-морского вооружения и боеприпасов, имевшихся в распоряжении или в производстве, совместно с заявлениями об оправдании или защите имевшегося вооружения в тех случаях, где это расходилось с Версальским договором. Этот список содержит 30 наименований «существенных мер» и 14 наименований «организационных мер». Секция «А» была департаментом военно-морского флота. Я представляю доказательство С-32, США-50. Этот документ озаглавлен «Обзорный отчет германского морского вооружения, составленный

после совещания с главой секции «А» 9 сентября 1933 года». Он был найден в официальных архивах германского военно-морского флота. Это обширный документ. Если разрешит Трибунал, я прочту из него несколько наиболее интересных параграфов. Имеются три столбца:

1) Мероприятия. 2) Мероприятия по снабжению материалами. 3). Замечания.

В замечаниях даются оправдания для нарушения Версальского договора:

«1. Превышение разрешенного количества мин». Тут даются цифры. Затем — «замечание — дальнейшее минное вооружение частично заказано, частично поставляется».

«2. Продолжающаяся переброска орудий из района Северного моря для балтийских батарей». В замечании сказано: «оправдание — необходимость капитального ремонта, меньшие затраты по ремонту».

Под № 6 — «установление площадок для орудий в районе Киля». Замечание гласит: «Нарушение, помимо указанного в № 3, оправдывается тем фактом, что возведение фортификаций не запрещено в районе Киля. Это оправдание сделает нарушение менее серьезным; чисто оборонительные мероприятия».

«№ 7. Превышение калибра, разрешенного для береговых батарей». Объяснение: «Возможное оправдание заключается в том, что хотя калибр увеличен, количество орудий меньше».

«№ 8. Вооружение тральщиков. Ответ на любой протест против этого нарушения: орудия взяты из резервных запасов флота и были временно установлены только для обучения. Все нации вооружают свои тральщики (равенство прав)».

«№ 13. Превышение количества пулеметов и т. д.». Замечание: «К этому можно отнестись не серьезно».

«№ 18. Производство оборудования для подводных лодок». Замечание: «Трудно проследить за этим. Если необходимо, можно отрицать».

«№ 20. Вооружение рыболовных судов». Замечание: «Для предупредительных выстрелов. Не придавать этому значения. Весь список состоит из таких замечаний».

Я думаю, что это использовалось как руководство для лиц, ведущих переговоры на конференции по разоружению.

Теперь перехожу к § 2b главы IV (F) Обвинительного заключения о том, что 14 октября 1933 г. они побудили Германию покинуть конференцию по разоружению и Лигу наций. Это исторический факт, который я прошу Трибунал принять без доказательств.

Германия придавала очень большое значение этому акту ввиду того, что нацисты считали возможным применение санкций другими странами. Предвосхищая возможный характер этих санкций и зная страны, которые могут их применить, в директиве имперского военного министра Бломберга, адресованной главе верховного командования армии Фричу, главе верховного командования флота Редеру и министру авиации Герингу, были изложены планы военной подготовки для вооруженного сопротивления на суше, на море и в воздухе. Это документ С-140, США-51, датированный 25 октября 1933 г. В нем говорится:

«1. Прилагаемая директива устанавливает основы подготовки вооруженных сил в случае принятия санкций против Германии».

2. Прошу командующих армии и военно-морского флота и имперского министра авиации проводить подготовку в соответствии со следующим: а) Полная секретность. Величайшей важностью является то, чтобы миру не стал известен ни один факт, из которого можно заключить о подготовке к сопротивлению санкциям или который несовместим с существующими обязательствами Германии в области внешней политики в отношении демилитаризованной зоны. Если надо, приготовления должны отступить на второе место перед этой необходимостью...»

Вслед за уходом из Лиги наций нацистская программа вооружения была еще более увеличена. Документ за № С-153, США-43 от 12 мая 1934 г. гласит:

«Ввиду быстроты военно-политического развития с тех пор, как Германия ушла из Женевы и стала основываться на прогрессе вооружения, новый план «А» будет рассчитан только на два года. Третья фаза плана «А» продолжится соответственно с 1 апреля 1934 г. по 31 марта 1936 г.». 10 марта 1935 г. Геринг заявил, что Германия создает военно-воздушные силы (документ ПС-2292, США-52):

«Имперский министр авиации генерал авиации Геринг в беседе со специальным корреспондентом газеты «Дейли-мейл» Уордом Прайсом высказался по поводу военно-воздушных сил Германии».

Генерал Геринг сказал: «При расширении нашей национальной обороны было необходимо, как мы неоднократно говорили миру, позаботиться и о воздушной обороне. В этом отношении я ограничился только теми мероприятиями, которые были абсолютно необходимы. Руководящим мотивом моих действий было не создание агрессивных сил, которые угрожали бы другим странам, а лишь завершение создания военной авиа-

ции, которая была бы достаточно сильной для того, чтобы в любое время отразить нападение на Германию». В заключение корреспондент спросил, будут ли германские военно-воздушные силы в состоянии отразить нападение на Германию. Генерал Геринг ответил следующее: «Германские военно-воздушные силы так же горячо воодушевлены идеей защищать до последнего свою родину, как они убеждены, с другой стороны, что никогда не будут использованы для того, чтобы угрожать миру других наций».

Когда, как я говорил сегодня утром, мы приводим заверения нацистских лидеров, мы не лишены возможности показать, что их намерения отличались от тех, которые они высказывали.

Следующее обвинение, содержащееся в Обвинительном заключении, касается проведения закона о всеобщей воинской повинности.

16 марта 1935 г. в нарушение статьи 173 Версальского договора был принят закон о всеобщей воинской повинности. Этот закон был опубликован в сборнике имперских законов («Рейхсгезетцблатт» от 16 марта 1935 г., стр. 369 — документ ПС-1654):

«Закон об организации вооруженных сил от 16 марта 1935 года.

Статья 1. Служба в вооруженных силах основана на обязательной воинской повинности.

Статья 2. В мирное время германская армия, включая приданные ей полицейские силы, должна быть организована в составе 12 корпусов и 36 дивизий.

Статья 3. Имперский военный министр обязан немедленно представить правительству детализированные законы относительно обязательной воинской повинности.

Берлин, 16 марта 1935 года».

Этот закон подписан фюрером и рейхсканцлером Адольфом Гитлером; затем многими другими лицами, включая подсудимых: Франка, фон Нейрата, Шахта, Геринга, Гесса, Фрика.

В то самое время, когда Германия отказалась от постановлений Версальского договора о разоружении, Гитлер заявил, что он намеревается уважать территориальные постановления Версальского и Локарнского договоров.

Об этом свидетельствует документ ПС-2288, США-38 — номер газеты «Фелькишер беобахтер» от 22 мая 1935 г. с речью Гитлера в рейхстаге:

«Поэтому правительство Германии будет полностью уважать все другие статьи, касающиеся сотрудничества («цузамленлебен») различных стран, включая территориальные

соглашения. Изменения, которые с течением времени будут неизбежными последствиями, могут произойти только путем дружественных соглашений.

Правительство Германии не намеревается подписывать какой-либо договор, который оно не собирается выполнять. Однако оно будет уважать все добровольно подписанные договоры, даже если они были составлены до того, как нынешнее правительство пришло к власти. Поэтому оно, в частности, будет уважать все обязательства Локарнского пакта, пока другие стороны этого пакта также будут придерживаться его»¹.

7 марта 1936 г. заговорщики ремилитаризовали и укрепили Рейнскую область в нарушение Версальского договора и пакта Локарно от 16 октября 1925 г. и ложно объявили миру: «Мы не имеем территориальных требований к Европе».

Захваченный немецкий документ С-139, который, по-видимому, подписан Бломбергом (документ США-53), касается так называемой «Операции Шулуног», что означает обучение или тренировку. Он датирован 2 мая 1935 г., и в нем имеются ссылки на еще более раннее обсуждение в штабе этого вопроса. Он адресован главнокомандующему армией, главнокомандующему флотом и имперскому министру авиации Герингу.

В этом документе не названа Рейнская зона, хотя совершенно очевидно, что речь идет именно о ней:

«Операции, о которой говорилось на последнем совещании штаба вооруженных сил, я даю условное название «Шулуног».

Общее руководство операцией «Шулуног» будет находиться в руках имперского военного министра, так как это представляет собой совместные мероприятия трех составных частей

¹ Территориальные ограничения Локарнского и Версальского договоров включают следующее: «Рейнский пакт Локарно, 16 октября 1925 г.», статья 1: «Высокие договаривающиеся стороны совместно и отдельно обязуются путем, предусмотренным в следующих статьях, поддерживать территориальное статус-кво, которое является результатом установления границ Германии и Бельгии, Германии и Франции, а также ненарушимость этих границ, как они были установлены в соответствии с мирным договором, подписанным в Версале 28 июня 1919 г., а также уважать положения статей 42 и 43 вышеназванного договора в отношении демилитаризованной зоны».

Это касалось и демилитаризации Рейнской области.

Из Версальского договора 28 июня 1919 г., статья 42: «Германии запрещается поддерживать или сооружать любые укрепления как на левом берегу Рейна, так и на правом берегу к западу от линии, проходящей в 50 километрах к востоку от Рейна».

Статья 43: «В указанном выше районе сохранение и сосредоточение вооруженных сил как постоянно, так и временно, и любые военные маневры так же, как и сохранение постоянных военных сооружений, в равной мере запрещаются». — Составители.

вооруженных сил. Подготовка к операции начнется немедленно, согласно следующим директивам.

1. Общее.

1. Операция должна после передачи слов «выполнять Шулунг» быть проведена неожиданным ударом с молниеносной быстротой. Строжайшая секретность необходима в подготовке, и только минимальное количество офицеров должно быть оповещено и использовано при составлении отчетов, диаграмм и т. д., причем этих офицеров следует оповещать ночью.

2. Нет времени для мобилизации вооруженных сил. Вооруженные силы будут использованы лишь в составе мирного времени и со снаряжением мирного времени.

3. Подготовка к операции будет проведена независимо от существующего неудовлетворительного состояния нашего вооружения. Разумеется, каждое улучшение нашего вооружения сделает возможным большую степень подготовленности, и это улучшит перспективы».

Операция должна была быть проведена, как неожиданный удар, с молниеносной быстротой. Авиация должна была оказывать поддержку. Должна была произойти переброска дивизий из Восточной Пруссии. Этот документ датирован 2 мая 1935 г., то есть по истечении около шести недель после проведения закона о воинской повинности от 16 марта 1935 г.

Военные приказы, на основании которых произошла ремилитаризация Рейнской области 7 марта 1936 г., были изданы 2 марта 1936 г. военным министром и главнокомандующим вооруженными силами Бломбергом и адресованы главнокомандующему армией Фричу, главнокомандующему флотом Редеру и министру авиации и главнокомандующему военно-воздушными силами Герингу. Этот приказ подписан Бломбергом, и на нем указано: «Совершенно секретно» (документ С-159, США-54).

Первая часть приказа гласит: «Верховному командованию флотом. Фюрер и имперский канцлер принял следующее решение: ввиду франко-русского союза обязательства, принятые Германией, согласно Локарнскому договору, поскольку они касаются статей 42 и 43 Версальского договора о демилитаризованной зоне, должны считаться устаревшими.

Второе. Части армии и военно-воздушных сил будут поэтому переброшены одновременно, как неожиданное продвижение к гарнизонам демилитаризованной зоны...»

Гитлер произнес речь 7 марта 1936 г. (газета «Фелькишер беобахтер» от 8 марта 1936 г. — документ США-56):

«Депутаты германского рейхстага! Франция ответила на неоднократные дружеские предложения и мирные заверения

Германии нарушением Рейнского пакта путем заключения военного союза с Советским Союзом, который направлен исключительно против Германии. Таким образом, Рейнский пакт Локарно потерял свое внутреннее значение и фактически прекратил свое существование. Следовательно, Германия считает, что она со своей стороны более не связана этим расторгнутым договором. Германское правительство теперь считает нужным принимать меры в отношении нового положения, созданного этим союзом, положения, которое становится тем более острым, что франко-советский договор поддерживается аналогичным по форме договором о союзе между Чехословакией и Советским Союзом. В соответствии с основным правом страны обеспечить свои границы и оборону, германское правительство сегодня восстановило положение и неограниченный суверенитет Германии в демилитаризованной зоне Рейнской области».

Весь вопрос о ремилитаризации Рейнской зоны привел к значительным международным последствиям. В результате протестов, сделанных в Лиге наций, Совет Лиги расследовал этот вопрос и вынес следующее заключение:

«Германское правительство нарушило ст. 43 Версальского договора путем введения 7 марта 1936 г. вооруженных сил в демилитаризованную зону, о которой говорится в ст. 42 и в последующих статьях этого договора, а также в Локарнском договоре».

В это же время, 7 марта 1936 г., нацисты ремилитаризовали Рейнскую область, грубо нарушив Версальский и Локарнский договоры. Они снова пытались успокоить другие европейские державы и возбудить в них чувство безопасности тем, что они объявили всему миру: «Мы не имеем никаких территориальных требований в Европе».

Существование преднамеренных планов и проведение подготовки является неопровержимым. Методы и последовательность этих планов и их выполнение явно указывают на все усиливавшийся агрессивный характер целей, к которым нацисты стремились, независимо от международных обязательств или соображений человечности.

Совершенно очевидна решимость нацистских заговорщиков использовать любые средства для того, чтобы нарушить и подорвать Версальский договор и его постановления в отношении вооружения и деятельности Германии. Проводя это в жизнь, они тайно производили вооружение, проводили военное обучение и создавали военно-воздушные силы. Они ушли с международной конференции по разоружению и из Лиги наций 14 октября 1933 г. 16 марта 1935 г. они установили всеобщую воинскую повинность. 21 мая 1935 г. они ложно объявили, что

они будут соблюдать территориальные постановления Версаля и Локарно. 7 марта 1936 г. они ввели войска в Рейнскую область и в то же время заявили, что якобы не имеют территориальных притязаний в Европе.

Процесс этот был связан с отклонением и нарушением международных обязательств и договоров. Они ни перед чем не останавливались. Осуществление всех этих целей, а также подрыв Версальского договора открывали ворота тем специфическим актам агрессии, которые последовали в дальнейшем.

РАЗВЯЗЫВАНИЕ АГРЕССИВНЫХ ВОЙН

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКИМ
ОБВИНИТЕЛЕМ ДЭВИДОМ МАКСУЭЛЛ-ФАЙФОМ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
«НАРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ»

*[Из стенограммы заседания Международного Военного
Трибунала от 5 декабря 1945 г.]*

Господа судьи! Перед тем как я начну говорить о первом договоре, я хотел бы привести три цитаты. Можно утверждать на основании удручающего перечня разорванных договоров и нарушенных заверений, о которых Трибунал уже слышал, что Гитлер и нацистское правительство даже не создавали видимости того, что необходимо и желательно сдержат данное слово. Однако с внешней стороны они уверяли в обратном. Что касается договоров, то 18 октября 1933 г. Гитлер заявил: «Мы сделали все, что в силах, чтобы выполнить то, что мы подписали». 21 мая 1935 г. Гитлер заявил: «Германское правительство будет тщательно выполнять каждый добровольно подписанный договор, даже если он был заключен до прихода правительства к власти».

В отношении заверений Гитлер говорил еще более определенно. В той же речи в рейхстаге 21 мая 1935 г. Гитлер признал, что заверение является в равной мере обязательством. В то время мир еще не должен был знать, что на самом деле он не чувствовал себя ни в какой мере обязанным. Вот что он действительно сказал: «И когда теперь я слышу из уст английского политического деятеля, что такие заверения ничего не значат и что единственное доказательство искренности заключается в подписи, которой скреплены многочисленные пакты, то я должен просить г-на Идена помнить, что означает заверение. Иногда гораздо легче подписать договор, зная, что ты пересмотришь свою позицию в решительный час, чем заявить всей стране о своем намерении придерживаться политики, которая служит делу мира и отвергает все, что ведет к войне».

Далее он приводит в качестве иллюстрации свое заверение Франции. Зная, как Гитлер хотел уверить мир в том, что он

придает большое значение договорам, я прошу Трибунал рассмотреть лишь пятнадцать из тех договоров, которые он расторгнул.

Нужно еще коснуться вопроса о положении договора в германском праве. Опубликование текста договора в «Рейхсгезетц-блатт» делает этот договор частью законодательства Германии. Это, как мне кажется, является довольно интересным в аспекте тех нарушений, о которых я буду говорить. Первый договор, которого я коснусь, — это Конвенция о мирном разрешении международных споров, подписанная в Гааге 29 июля 1899 г.

29 июля 1899 г. Германия, Греция, Сербия и двадцать пять других стран подписали эту Конвенцию. Германия ратифицировала ее 4 сентября 1900 г., Сербия — 11 мая 1901 г., Греция — 4 апреля 1901 г. Мне кажется достаточным зачитать лишь первые две статьи этой Конвенции.

«Статья 1: С целью избежать, поскольку это возможно, применения силы в отношениях между государствами, подписавшие державы соглашаются сделать все, что в их силах, чтобы обеспечить мирное разрешение международных споров.

Статья 2: В случае серьезных расхождений или споров договаривающиеся державы соглашаются, прежде чем прибегнуть к оружию, использовать, поскольку обстоятельства это допускают, услуги или посредничество одной или нескольких дружественных держав».

Далее в Конвенции говорится о самом механизме посредничества. Мне кажется, что нет необходимости говорить об этом подробно.

Второй договор — это Конвенция о мирном разрешении международных споров, подписанная в Гааге 18 октября 1907 г.

Эта Конвенция была подписана сорока четырьмя государствами. При этом предусматривалось, что Конвенция войдет в силу, если из тридцати одного государства ее подпишут двадцать восемь и три государства присоединятся к ней. Мы считаем, что она действовала в отношении США, Бельгии, Чехословакии, Дании, Франции, Германии, Люксембурга, Японии, Голландии, Норвегии, России и Польши. Согласно статье 91 эта Конвенция заменяет Конвенцию 1899 года. Ввиду того, что Греция и Югославия были сторонами Конвенции 1899, но не Конвенции 1907 года, в отношении этих двух стран остается в силе первоначальная Конвенция.

Я вновь намереваюсь зачитать лишь статью 1. «Статья 1: С целью избежать, поскольку это возможно, применения силы в отношениях между государствами, договаривающиеся державы соглашаются делать максимальные усилия для того,

чтобы обеспечить мирное урегулирование международных споров».

Третий договор — это Гагская конвенция, касающаяся начала военных действий, подписанная в то же время. Эта Конвенция была в силе в отношении Германии, Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и России. Она касается порядка сообщения противнику об открытии военных действий. Она, по-видимому, явилась результатом русско-японской войны 1904 года, когда Япония напала на Россию без предварительного предупреждения.

Как вы заметили, в этой Конвенции не установлен никакой определенный срок между объявлением и началом военных действий, но в этой Конвенции указаны минимальные нормы международного поведения перед началом войны.

Если разрешите, я снова сошлюсь на параграф 1.

«Договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без предварительного и ясного предупреждения в форме обоснованного объявления войны или ультиматума, обусловленного объявлением войны».

Четвертый договор — это пятая Гагская конвенция относительно прав и обязанностей нейтральных держав и лиц в случае войны на суше, подписанная в то же время.

Германия подписала Конвенцию, и в результате ратификации этот договор остается в силе между Германией и Норвегией, Данией, Бельгией, Люксембургом, Нидерландами, СССР и Соединенными Штатами.

...Я продолжаю говорить о пятом договоре, о мирном договоре между Союзными Державами, с одной стороны, и державами, сотрудничавшими с Германией, с другой стороны, подписанном в Версале 28 июня 1919 г.

Перед тем как я коснусь отдельных, относящихся к делу частей этого договора, разрешите мне вкратце изложить общую схему договора.

Часть 1 содержит Устав Лиги наций; часть 2 — устанавливает границы Германии в Европе. Эти границы описаны подробно, но в части 2 нет положения, гарантирующего эти границы. Часть 3 (ст. ст. 31—117) содержит политические статьи для Европы. В этой части Германия гарантирует некоторые территориальные границы в Бельгии, Люксембурге, Австрии, Чехословакии, Франции, Польше, Мемеле, Данциге и т. д.

Может быть, Трибунал найдет удобным коснуться в настоящее время вопроса о связи этого договора со следующим, а именно — с договором о восстановлении дружественных отношений между Соединенными Штатами и Германией.

Части 1, 2 и 3 Версальского договора не включены в договор с США. Части 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14 и 15 слово в слово

совпадают с текстом договора с США. Для Трибунала существенное значение имеет часть 5, которая содержит военные, морские и авиационные статьи. Части 7 и 13 не включены в договор с США.

Часть I, которой должен коснуться Трибунал, — это статьи относительно Рейнской зоны. Они очень короткие, и ввиду того, что они слово в слово повторяются в Локарнском договоре, их, может быть, следует огласить.

«Статья 42. Германия запрещается поддерживать или сооружать любые укрепления как на левом берегу Рейна, так и на правом его берегу, к западу от линии, проходящей в 50 километрах к востоку от Рейна.

Статья 43. В указанном выше районе сохранение и сосредоточение вооруженных сил как постоянно, так и временно, и любые военные маневры, так же как и сохранение постоянных военных сооружений, в равной мере запрещаются.

Статья 44. В случае, если Германия каким-либо путем нарушит положения статей 42 и 43, она будет считаться совершившей по отношению к державам, подписавшим настоящий договор, враждебный акт, ставящий своей целью нарушить всеобщий мир».

Я хочу обратить внимание Трибунала на документ, который был опубликован германским правительством, а именно на меморандум от 7 марта 1936 г., в котором нацисты излагают свою версию нарушения договора...

Вот часть договора относительно Австрии:

«Германия признает и будет строго уважать независимость Австрии в пределах тех границ, которые будут установлены договором между этими государствами и основными союзными и присоединившимися к ним державами; она соглашается, что эта независимость будет нерушимой, за исключением тех случаев, когда с согласия Совета Лиги наций будут приняты какие-либо изменения в этой связи».

Далее следует относительно Мемеля:

«Германия отказывается в пользу основных союзных и присоединившихся к ним держав от всех прав на территории, расположенные между Балтийским морем, северо-восточной границей Восточной Пруссии, в соответствии с частью 2 статьи 28 (границы Германии) настоящего договора, и бывшей границей между Германией и Россией.

Германия обязуется признать решения, вынесенные основными союзными и присоединившимися к ним державами в отношении этих территорий, особенно поскольку это касается гражданства жителей».

Ввиду того, что здесь не говорилось о каком-либо официальном документе относительно присоединения Мемеля

к Германии, я для удобства прилагаю копию заявления по этому вопросу. Это очень короткий документ. Поэтому разрешите мне его зачитать:

«Уполномоченный по передаче Мемельской территории гау-лейтер и обер-президент Эрих Кох 3 апреля 1939 г., во время совещания в Мемеле, произвел окончательное включение бывшей Мемельской территории в национал-социалистское гау Восточной Пруссии и в восточно-пруссский административный округ Гумбинен».

Статья 100, касающаяся Данцига. Я читаю только первую фразу, потому что остальное касается географических границ:

«Германия отказывается в пользу основных союзных и присоединившихся к ним держав от всех прав на территорию, ограниченную следующим». Далее границы этой территории указываются на немецкой карте, приложенной к договору.

...Статья 81, касающаяся Чехословацкого государства: «Германия, в соответствии с действиями, уже предпринятыми союзными и присоединившимися к ним державами, признает полную независимость Чехословацкого государства, которое будет включать автономную территорию славян к югу от Карпат. Настоящим Германия признает границы этого государства, как они установлены союзными и присоединившимися к ним державами и другими заинтересованными государствами».

А вот текст «соглашения» между фюрером и рейхсканцлером Адольфом Гитлером и президентом Чехословацкого государства доктором Гаха и министром иностранных дел Чехословакии доктором Хвалковским, которое было подписано в присутствии фон Риббентропа, имперского министра иностранных дел:

«Фюрер и рейхсканцлер принял сегодня в Берлине по инициативе президента Чехословацкого государства д-ра Гаха и чехословацкого министра иностранных дел д-ра Хвалковского в присутствии господина фон Риббентропа, министра иностранных дел империи. На этом совещании было подвергнуто всестороннему рассмотрению серьезное положение, которое возникло на бывшей территории Чехословакии в результате событий последних недель. С обеих сторон было высказано единодушное мнение, что цель всех их усилий должна заключаться в том, чтобы обеспечить спокойствие, порядок и мир в этой части Центральной Европы. Президент Чехословацкого государства заявил, что для того чтобы достичь этой цели и добиться окончательного умиротворения, он с полным доверием передает в руки фюрера германской империи судьбу чешского народа и страны. Фюрер приветствовал эту декларацию и высказал свое решение обеспечить чешскому народу под защитой германской империи автономное развитие его

национальной жизни в соответствии с его специфическим характером».

Затем следует приказ фюрера германским вооруженным силам от того же числа. Этот приказ сводится к тому, что войска должны двинуться в Чехословакию для выполнения решения германского имперского правительства.

Теперь я перехожу к части 5 Версальского договора. Ввиду того, что это является одним из центральных вопросов, я зачитаю введение:

«Часть 5: Военные, морские и авиационные статьи.

Для того чтобы сделать возможным установление общего ограничения вооружений всех стран, Германия обязуется строго соблюдать военные, морские и авиационные статьи, которые заключаются в следующем: Раздел I. Военные статьи. Глава I. Численный состав и кадры германской армии. Статья 159. Германские вооруженные силы будут демобилизованы и сокращены, как указано ниже. Статья 160. К сроку не позже 31 марта 1920 г. германская армия не должна состоять более чем из семи дивизий.

После этой даты общее число войск государств, составляющих Германию, не должно превышать 100 тысяч человек, включая офицеров и обслуживающий персонал складов. Армия должна использоваться исключительно для поддержания порядка внутри территории и для контроля над границами.

Общее количество офицеров, включая офицеров штабов, каков бы ни был их состав, не должно превышать 4 тысяч.

Штабы дивизий и корпусов должны быть организованы в соответствии с таблицей 1, прилагаемой к этому разделу.

Количество и состав пехотных, артиллерийских, инженерных и технических частей, указанных в вышеупомянутой таблице, представляют собой максимум, который не должен быть превышен».

Затем идет перечень частей, имеющих собственные склады, и дивизий, которые находятся под командованием штабов корпусов.

Имеют некоторое значение следующие два положения:

«Содержание или создание сил в ином составе или под контролем других организаций для командования войсками или для подготовки к войне запрещается.

Центральный германский генеральный штаб и все другие аналогичные организации должны быть распущены и не должны быть восстановлены в какой-либо иной форме».

...Теперь перехожу к шестому договору — к договору между США и Германией о восстановлении дружественных отношений. Я представляю экземпляр документа TC-11 под № ВВ-12.

Трибунал найдет этот документ предпоследним в папке. Цель этого договора заключалась в том, чтобы официально закончить военные действия между США и Германией, и я уже объяснял Трибуналу, что этот договор включал некоторые положения Версальского договора. Я уже коснулся тех статей Версальского договора, которые дословно повторяются в этом втором договоре.

Далее я перейду к седьмому договору — договору о взаимной гарантии между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией, заключенному в Локарно 16 октября 1925 г.

Я говорю о Локарнском договоре. Может быть, будет целесообразным напомнить Трибуналу о договорах, которые были заключены в Локарно, потому что все они более или менее завязаны друг от друга:

В Локарно Германия заключила пять договоров:

- a) договор о взаимной гарантии между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией;
- b) конвенцию об арбитраже между Германией и Францией;
- c) конвенцию об арбитраже между Германией и Бельгией;
- d) договор об арбитраже между Германией и Польшей;
- e) договор об арбитраже между Германией и Чехословакией.

Статья 10 договора о взаимной гарантии предусматривала, что этот договор должен войти в силу, как только в Женеве, в архиве Лиги наций, будут получены ратификационные грамоты и как только Германия станет членом Лиги наций. Ратификационные грамоты были получены в Женеве 14 сентября 1926 г., и Германия стала членом Лиги наций.

Две конвенции об арбитраже и два договора об арбитраже, которые я назвал, предусматривают, что они войдут в силу на тех же условиях, что и договоры о взаимной гарантии. Это статья 21 конвенций об арбитраже и статья 22 договоров об арбитраже. Самое важное из пяти соглашений — это договор о взаимной гарантии. Одна из его целей — увековечить границы между Германией и Бельгией и Германией и Францией. Он не содержит какого-либо положения о денонсации договора или выхода из него и предусматривает, что он будет оставаться в силе до тех пор, пока Совет Лиги наций не решит, что Лига наций обеспечивает достаточную безопасность всем договаривающимся сторонам, чего никогда не произошло. В этом случае договор о взаимной гарантии должен потерять свою силу через год.

Общий план договора о взаимных гарантиях следующий.

Статья 1 предусматривает, что стороны гарантируют границы между Германией и Францией, между Германией и Бельгией и демилитаризацию Рейнской зоны.

Статья 2 говорит о том, что Германия и Франция и Германия и Бельгия согласны, что они не будут нападать или вторгаться на территорию друг друга.

Статья 3 предусматривает, что Германия и Франция и Германия и Бельгия согласны разрешать все возникающие между ними споры мирным путем.

Первым крупным нарушением этого договора о взаимной гарантии было вступление германских войск в Рейнскую зону 7 марта 1936 г.

Обращаю внимание Трибунала на статью 5, потому что в ней упоминаются положения Версальского договора, о которых я говорил. Статья 5 гласит: «Положения статьи 3 настоящего договора подлежат гарантии Высоких Договаривающихся Сторон, как это предусмотрено следующими условиями. Если одна из сторон, упомянутая в статье 3, отказывается передать спор на мирное урегулирование или подчиниться арбитражному или судебному решению и нарушит статью 2 настоящего договора или статьи 42 и 43 Версальского договора, то должны быть применены положения статьи 4 настоящего договора».

Следующий договор — договор об арбитраже между Германией и Чехословакией. Это — один из группы Локарнских договоров. Я не намереваюсь возвращаться к этому документу, но мне кажется, что единственная статья, на которую следует указать, — это статья 1, которая является наиболее важной статьей и в которой говорится о порядке разрешения споров:

«Любые споры, вызывающие конфликт между Германией и Чехословакией по поводу их соответственных прав и которые не будут возможности разрешить дружественным путем, обычными методами дипломатии, будут передаваться на решение либо арбитражного трибунала, либо Постоянной палаты международного правосудия, как установлено ниже. Стороны соглашаются, что среди споров, предъявленных таким образом, будут, в частности, те, которые указаны в статье 13 Устава Лиги наций».

Это положение не касается споров, возникающих из событий, состоявшихся до или во время подписания настоящего договора.

«Споры, порядок разрешения которых установлен другими соглашениями, действующими в отношении Высоких Договаривающихся Сторон, будут регулироваться в соответствии с положениями указанных соглашений».

Статьи 2—21 касаются процедуры арбитража, а вторая фраза статьи 22 говорит о том, что этот договор войдет в силу и будет действовать на тех же условиях, что и договор о взаимной гарантии.

Это как будто бы все, что следует сказать об этом договоре.

Девятый договор, которого я должен коснуться, — это конвенция об арбитраже между Германией и Бельгией, заключенная в Локарно 16 октября 1925 г. Это в основном касается нападения на Бельгию, Нидерланды и Люксембург.

То же самое относится и к десятому договору, упомянутому в пункте 10 приложения «С» Обвинительного заключения, а именно договору, который я прошу Трибунал принять без доказательств под № ВВ-16. Этот договор будет освещен более подробно подполковником Гриффит-Джонсом, когда он будет говорить о Польше.

Теперь я прошу Трибунал перейти к документу, который не является договором, а торжественной декларацией — декларацией Ассамблеи Лиги наций.

Важное значение имеет дата документа: 24 сентября 1927 г. Трибунал, вероятно, помнит, что 10 сентября 1926 г., то есть за год до этого, Германия стала членом Лиги наций. Значение этой декларации заключается не только в ее влиянии на международное право, но и в том, что она была единодушно принята Ассамблеей Лиги наций, в которой Германия была в то время активным членом.

Мне кажется, что Трибуналу небезынтересно будет познакомиться с документом ТС-18, содержащим речь докладчика на Ассамблее. После ссылок на некоторые технические вопросы докладчик заявил:

«Комитет придерживается того мнения, что в настоящее время торжественная резолюция Ассамблеи, в которой заявлялось бы, что агрессивные войны никогда не должны быть использованы как средство разрешения споров между государствами и что такие войны являются международным преступлением, будет иметь благоприятное влияние на общественное мнение и будет способствовать созданию благоприятной обстановки для будущей работы Лиги в деле безопасности и разоружения...»

Затем он просил Ассамблею принять резолюцию, которая показывает, каково было в то время мнение многих стран, включая Германию. В резолюции предлагалось указать, что Ассамблея провозглашает следующее:

«1. Все агрессивные войны запрещаются раз и навсегда.

2. Все мирные средства должны быть использованы для разрешения любых споров, которые могут возникнуть между государствами.

Ассамблея заявляет, что государства — члены Лиги наций обязуются следовать этим принципам».

Декларация была принята путем голосования, и председатель Ассамблеи заявил, что «все делегации высказались за

декларацию, представленную единогласно 3-м Комитетом, и я объявляю ее принятой».

Последний договор, который я должен представить Трибуналу, — это пакт Бриана — Келлога 1928 года. Этот пакт мой ученый коллега — генеральный прокурор Великобритании¹ в своей вступительной речи довольно пространно комментировал и полностью зачитал, а потому я, не зачитывая, представляю Трибуналу копию пакта Бриана — Келлога в качестве документального доказательства под № ТС-19, ВБ-18.

...Такова, милорд, та часть дела, по которой я хотел представить доказательства.

¹ Речь идет о Главном обвинителе от Великобритании Х. Шоукроссе. — Составители.

Документ ПС-3787

СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ 2-ГО ЗАСЕДАНИЯ ИМПЕРСКОГО СОВЕТА ОБОРОНЫ ОТ 23 ИЮНЯ 1939 г.¹

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Берлин, 10 июля
1939 г.

Оперативный отдел (отдел обороны страны)
1436/39, совершенно секретно IV.

100 экземпляров

По вопросу: 2-е заседание Имперского совета обороны
84-й экземпляр
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

В приложении пересылается доклад о 2-м заседании Имперского совета обороны от 23 июня 1939 г.

Одно приложение.

Начальник верховного командования вооруженных сил:

По поручению и в замещение (подпись)

Расчет рассылки:

I. Партия:

Заместителю фюрера — бригаденфюреру СС Knoblaуху
1-й экземпляр

II. Имперские ведомства и прусские министерства:

Начальнику имперской канцелярии министра-директору
Критцингеру для начальника имперской канцелярии
2-й экземпляр

Председателю тайного совета министров
3-й экземпляр

Премьер-министру генерал-фельдмаршалу Герингу, уполномоченному по 4-летнему плану и прусскому министерству

Г-ну советнику министерства Бергбому
4-й и 5-й экз.

Имперскому министру воздушного флота и главнокомандующему военно-воздушными силами

¹ Документ свидетельствует о том, что уже в июне 1939 года были полностью закончены планы агрессии против Польши. В этой связи публикуемый документ представляет большой интерес. Однако ввиду громоздкости документа он дан в извлечениях. — Составители.

Начальнику бюро министра г-ну генералу-майору Боденшатцу	6-й и 7-й экз.
Министерству иностранных дел г-ну советнику д-ру барону фон дер Хейден-Риншу	8-й экз.
Генеральному уполномоченному по имперской администрации г-ну министрали-диригенту д-ру Данквертсу	9-й—18-й экз.
для руководящего штаба главного уполномоченного по администрации	
» имперского министра внутренних дел	
» имперского министра юстиции	
» имперского министра наук, воспитания и народного просвещения	
» имперского министра по делам церкви	
Генеральному уполномоченному по экономике для г-на министрали-директора Зарнова	19—29 экз.
для руководящего штаба генерального уполномоченного по экономике	
» имперского министра экономики	
» имперского министра продовольствия и сельского хозяйства	
» имперского министра труда	
» имперского министра лесного хозяйства	
» имперского министра по наблюдению за ценами	
Имперскому министерству финансов г-ну тайному советнику д-ру Бендеру	30 экз.
Имперскому министерству финансов г-ну финан-президенту фон Дитцу	31 экз.
Имперскому министерству путей сообщения г-ну министрали-диригенту Бануру	32 экз.
Имперскому министерству путей сообщения отдел железных дорог г-ну советнику министерства д-ру Эбелингу	33 экз.
Имперскому министерству почт г-ну советнику министерства Хонольду	34 экз.
Имперскому министерству пропаганды г-ну подполковнику Венчеру	35 экз.
Директорату рейхсбанка г-ну директору рейхсбанка д-ру Мюллеру	36 экз.
Генеральному инспектору германских дорог г-ну старшему правительственному советнику по строительству Хенне	37 экз.

III. Вооруженные силы:

ОКХ (2 отдел генерального штаба сухопутных сил)	38—47 экз.
ОКМ (II отдел)	48—53 экз.
Имперскому министру воздушного флота и главнокомандующему военно-воздушными силами (2 отдел генерального штаба военно-воздушных сил)	54—61 экз.
Верховному командованию вооруженных сил	
Центральному отделу	62 экз.
Отделу сухопутных сил	63 экз.
Юридическому отделу	64 экз.
Отделу обороны страны (I, II, IV)	65—70 экз.
Отделу связи (одновременно для отдела связи министерства почт)	71—73 экз.
Отделу разведки и контрразведки	74—77 экз.
Общему отделу	78—79 экз.
Оперативному штабу	80—84 экз.
Резерв при отделе обороны страны IV	85—100 экз.

ПРОТОКОЛ

2-ГО ЗАСЕДАНИЯ ИМПЕРСКОГО СОВЕТА ОБОРОНЫ

Время: 23.6. 1939 Начало: 11.10
 Место: Большой зал заседания имперского министерства сухопутного флота
 Конец — 13.55

Председатель: премьер-министр генерал-фельдмаршал Геринг

Участники:

Высшие имперские инстанции

Заместитель фюрера	бригаденфюрер СС Кноблаух ¹
Начальник имперской канцелярии	имперский министр д-р Ламмерс
Премьер-министр генерал-фельдмаршал Геринг	статс-секретарь Кернер ¹ статс-секретарь Нойманн ¹

¹ Указан представитель. — Составители.

Уполномоченный по 4-летнему плану	советник министерства Бергом ¹
Прусское министерство	полковник фон Шелль ¹ подполковник Шрикер ¹
Генеральный уполномоченный по имперской администрации	имперский министр д-р Фрик рейхсфюрер СС Гиммлер статс-секретарь Пфундтнер статс-секретарь д-р Штукарт генерал полиции порядка Далюге министериаль-диригент д-р Данкверте
Генеральный уполномоченный по экономике	имперский министр Функ статс-секретарь д-р Поссе статс-секретарь д-р Сируп статс-секретарь д-р Ландфрид статс-секретарь Бакке советник министерства д-р Бурандт
Имперское министерство финансов	имперский министр граф Шверин фон Крозиг
Имперское министерство путей сообщения	имперский министр д-р Дорпмюллер статс-секретарь Клейнман
Генерал-инспектор германских дорог	профессор д-р Тодт
<i>Вооруженные силы</i>	
Верховное командование вооруженных сил	генерал-полковник Кейтель
Оперативный отдел (секретариат имперского совета обороны)	полковник генерального штаба Варлимонт полковник генерального штаба Гаузе подполковник фон Маух
Оперативный штаб	генерал-майор Томас
Главное командование сухопутных сил	
Генеральный штаб сухопутных сил	генерал артиллерии Гальдер полковник генерального штаба Герке
Общий отдел	полковник генерального штаба Бурдах

¹ Указан представитель. — Составители.

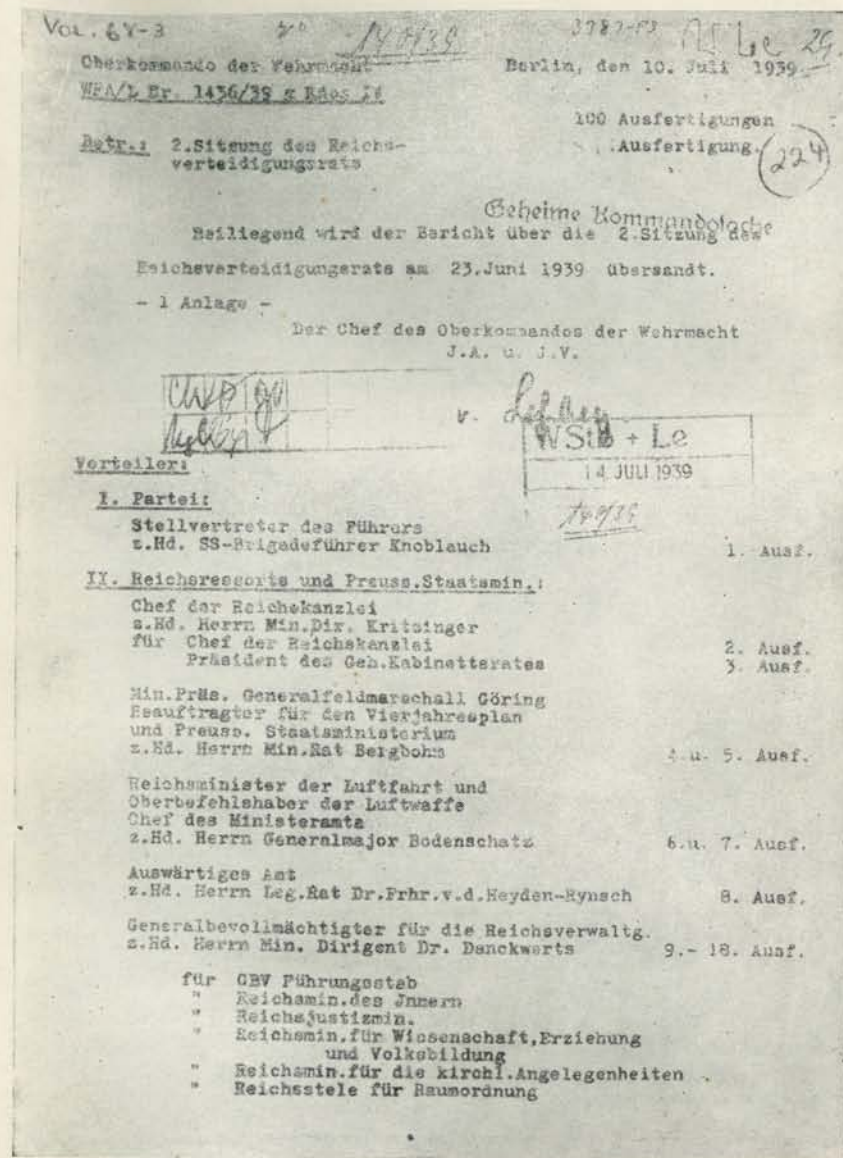

Рис. 1. Сопроводительное письмо ОКВ к протоколу 2-го заседания имперского совета обороны от 23 июня 1939 г., на котором обсуждались мероприятия, связанные с военным нападением гитлеровской Германии на Польшу (первая страница)

Generalbevollmächtigter für die Wirtschaft z. Hd. Herrn Min. Dir. Sarnow	19.- 29. Ausf.
Für GBW Führungstab	
" Reichewirtschaftsmin.	
" Reichemin. f. Ernährung u. Landw.	
" Reichsarbeitsmin.	
" Reichsforstmeister	
" Reichskommissar für die Erziehbildung	
Reichsfinanzministerium z. Hd. Herrn Min. Dirig. Geh. Rat Fr. Bender	30. Ausf.
Reichsfinanzministerium z. Hd. Herrn Fin. Präsident von Diets	31. Ausf.
Reichsverkehrsministerium - KSW - z. Hd. Herrn Min. Dirigent Raue	32. Ausf.
Reichsverkehrsministerium - Eisenbahnbdtg.- z. Hd. Herrn Min. Rat Dr. Ebeling	33. Ausf.
Reichspostministerium z. Hd. Herrn Min. Rat Honold	34. Ausf.
Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda z. Hd. Herrn Oberstleutnant Wentscher	35. Ausf.
Reichsbankdirektorium z. Hd. Herrn Reichsbankdir. Dr. Müller	36. Ausf.
Generalinspektor für das dt. Strassenwesen z. Hd. Herrn Oberreg. Baumeist. Reune	37. Ausf.
<u>III. Wehrmacht:</u>	
OKH (2 Abt. Gen. St d H)	38.- 47. Ausf.
OKM (A II)	48 - 53. Ausf.
RdL und ObdL (2 Abt. Gen St d Lw)	54 - 61. Ausf.
<u>Oberkommando der Wehrmacht</u>	
WZ	62. Ausf.
WH	63. Ausf.
WR	64. Ausf.
L (I, II, IV)	65.- 70. Ausf.
HNW (zugl. f. VO Postmin.)	71.- 73. Ausf.
A/Ausl/Abw	74.- 77. Ausf.
AWA	78.- 79. Ausf.
W Stb	80.- 84. Ausf.
Vorrat bei L IV	85.-100. Ausf.

Рис. 2. Сопроводительное письмо ОКВ к протоколу 2-го заседания имперского совета обороны от 23 июня 1939 г. (вторая страница)

<div style="position: absolute; top: -30px; right: -20px; border: 1px solid black; border-radius: 50%; padding: 5px; font-weight: bold;">224</div> <p><u>Sitzungsbericht</u></p> <p>zur 2. Sitzung des Reichsverteidigungsrates</p>	
Zeit: 23. 6. 1939	Beginn: 11 ¹⁰
Ort: Grosser Sitzungssaal des RLM	Ende: 13 ⁵⁵
Vorsitz: Ministerpräsident Generalfeldmarschall Göring	
<u>Teilnehmer:</u>	
<u>Oberste Reichsbehörden</u>	
Stellvertreter des Führers	SS-Brigadeführer Knoblauch
Chef der Reichskanzlei	Reichsminister Dr. Lammers
Ministerpräsident Generalfeldmarschall Göring	Staatssekretär Körner
Beauftragter für den Vierjahresplan	Staatssekretär Neumann
Preussisches Staatsministerium	Min. Rat Bergbohm
	Oberst v. Schell
	Oberstlt. Schricker
Generalbevollmächtigter für die Reichsverwaltung	Reichsminister Dr. Frick
	Reichsführer SS Himmler
	Staatssekretär Pfundtner
	Staatssekretär Dr. Stuckart
	General d. Ordnungspolizei Daluge
	Ministerialdirigent Dr. Danckwerts
Generalbevollmächtigter für die Wirtschaft	Reichsminister Funk
	Staatssekretär Dr. Posse
	Staatssekretär Dr. Syrup
	Staatssekretär Dr. Landfried
	Staatssekretär Bachs
	Min. Rat Dr. Burandt
Reichsfinanzministerium	Reichsminister Graf Schwerin v. Krosigk
Reichsverkehrsministerium	Reichsminister Dr. Dorpmüller
	Staatssekretär Kleinmann
Generalinspektor für das deutsche Strassenwesen	Professor Dr. Jng. Todt
	<u>Wehrmacht</u>

Рис. 3. Протокол заседания имперского совета обороны от 23 июня 1939 г. (первая страница)

- 2 -

Wehrmacht

Oberkommando der Wehrmacht	Generaloberst Keitel
WPA (Sekretariat RVR)	Oberst d.G. Warlimont Oberst d.G. Gause Oberstlt. v. Nauch
W Stb	Generalmajor Thomas
Oberkommando des Heeres	
Gen St d H	General d. Artl. Halder Oberst i.G. Gercke
AKK	Oberst d.G. Burdach
Oberkommando der Kriegsmarine	Grossadmiral Dr. h. c. Reeder
Reichminister der Luftfahrt und Oberbefehlshaber der Luftwaffe	Generaloberst Milch General der Flieger Stumpf Generalmajor Bodenschatz

Рис. 4. Протокол заседания имперского совета обороны от 23 июня 1939 г. (вторая страница)

Главное командование военно-морских сил — гросс-адмирал д-р Редер
 Имперский министр воздухоплавания и главнокомандующий военно-воздушными силами — генерал-полковник Мильх¹
 генерал авиации Штумпф¹
 генерал-майор Боденшатц¹

СОДЕРЖАНИЕ

Расстановка людей

Директивы председателя Имперского совета обороны . . .	4
Принципы распределения и использования населения во время войны	7
Использование рабочей силы в случае мобилизации	
Людской баланс на время войны	
Значение людского баланса для дальнейшего ведения хозяйства	12
Экономия людей в государственном управлении	13
Повышение мощности транспорта	16

А. Введение

Генерал-фельдмаршал Геринг подчеркнул в своем выступлении, что имперский совет обороны является, по воле фюрера, решающим центром в империи по вопросам подготовки войны. В нем должны обсуждаться лишь самые важные вопросы обороны государства. Заседания имперского совета обороны созываются лишь для решения неотложных вопросов. Присутствие на заседаниях самих руководителей является обязательным.

В. Расстановка людей

1. Председатель дал следующие директивы по расстановке и использованию населения во время войны.

¹ Указан представитель. — Составители.

1) Общая численность вооруженных сил на период войны определена фюрером. Она охватывает лишь половину годных к несению военной службы людей. Несмотря на это, формирование их повлечет за собой трудности для экономики, управления и всего гражданского сектора.

2) Составление людского баланса создает основу для решения вопроса о том, как наиболее целесообразно использовать людские ресурсы, оставшиеся после отправки необходимых вооруженных сил.

3) Удовлетворение потребностей военной промышленности имеет столь же важное значение, как удовлетворение потребностей вооруженных сил. Оно прежде всего должно быть организовано в мирное время как в материальном отношении, так и в отношении расстановки людей так, чтобы с началом войны вместо снижения ее поставок тотчас же наступило их увеличение.

4) Использование рабочей силы в решающих отраслях военной промышленности и для остающихся гражданских потребностей является основной задачей генерального уполномоченного по хозяйству.

а. К военной промышленности относятся не только предприятия, производящие военное снаряжение, но также и предприятия, производящие искусственный каучук, средства производства вооружения, предприятия по производству синтетического бензина, предприятия угольной промышленности и т. д.

б. (1) Из «решающих для войны» предприятий, от которых зависит исход войны, не должны вообще изыматься необходимые и незаменимые специалисты, если для них нет замены. Работа в угольной промышленности является первоочередной работой. Каждый рабочий, который необходим для работы в угольной промышленности, является «незаменимым».

Примечание: Угольная промышленность уже сейчас стала ключевой позицией всего вооружения, транспорта и экспорта. И если сейчас в ее распоряжение не будет предоставлена необходимая рабочая сила, то упадет важнейшая статья экспорта, вывоз угля. Закупка угля в Польше отпадает. Вопрос решит правильная расстановка людей. А для того чтобы можно было действительно занять подобные ключевые позиции, фюреру будут в ближайшее время предложены драконовские требования, которые еще в текущем мобилизационном году приведут, при известных условиях, к чрезвычайным мерам в военном хозяйстве, как, например, к изъятию из эксплуатации автомашин и консервации предприятий, не представляющих жизненной необходимости, вследствие недостатка угля. Сюда относится также снабжение углем Италии и других стран, как-то: скан-

динавских стран (для того, чтобы продолжать снабжение Германии железом).

(2) Прочие «важные в военном отношении» предприятия могут и должны понести известный ущерб так же, как и «жизненно важные» предприятия, имеющие значение для жизни народа.

Замечание комиссии по обороне империи

Предприятия объединяются под названием «Предприятия военной промышленности».

Сравни: утвержденные председателем имперского совета обороны директивы о сотрудничестве между ОКВ и генеральным уполномоченным по экономике при подготовке предприятий военной промышленности к войне от 3/5—1939 г. и «Принципы распределения и использования населения во время войны» от 10/VI—1936 г.

с. (1) Нужный, ценный, квалифицированный рабочий будет на своем рабочем месте полезнее, чем на фронте. Значительное число квалифицированных рабочих должно набираться из лиц, не учитываемых больше как те, которым надлежит служить в составе вооруженных сил, то есть из людей старших возрастов.

(2) Другая категория рабочих, способных носить оружие, направляется в часть во время войны после подготовки их замены. Предварительная переподготовка и обучение рабочей силы в широком масштабе играет решающую роль.

(3) Необходимо подготовить замену массы прочих военнороботных рабочих также и путем увеличения числа привлекаемых к работе женщин. Эту рабочую силу дополняют также инвалиды войны.

(4) Женская трудовая повинность во время войны имеет решающее значение. Необходимо приступить в исключительно больших масштабах к обучению женщин важным для ведения войны работам, для замены и пополнения мужской рабочей силы.

d. Во избежание беспорядка при мобилизации остаются на своих постах лица, занятые в важных в военном отношении секторах, как-то: в управлении, транспорте, полиции, в пищевом секторе.

e. Таким образом, в ходе выполнения задач гражданской вспомогательной службы, предусмотренной у всех европейских народов для достижения и сохранения преимущества в первые, решающие недели войны, следует путем четкой и ясной организации стремиться к тому, чтобы по возможности у каждого немца во время войны был не только приказ о мобилизации,

но чтобы он был также тщательно подготовлен к своей деятельности в период войны...

II. Председатель комиссии по обороне империи, начальник ОКВ генерал-полковник Кейтель доложил и разъяснил «Принципы распределения и использования населения во время войны», установленные имперским советом обороны 10 июня 1939 г.

III. Председатель поручил:

5) Просить статс-секретаря д-ра Сирупа сделать в течение 4-х недель исчерпывающий доклад председателю имперского совета обороны по вопросу решения проблемы людского состава путем использования женского труда.

6) Генеральному уполномоченному по экономике поручается установить ту работу, которую следует поручить военнопленным, лицам, остающимся в тюрьмах, концентрационных лагерях и на каторге.

В концентрационных лагерях, согласно сообщению имперского руководителя СС, во время войны будет размещено большое количество людей. 20 000 заключенных будут заняты преимущественно в мастерских на территории концентрационных лагерей.

IV. Статс-секретарь Сируп, имперский министр труда, доложил об использовании рабочей силы в случае мобилизации и о людских резервах для войны.

7) Произведенный в виде опыта подсчет людей имел лишь подготовительный характер и наметил лишь некоторое ведущее направление. При этом исходили из общей численности населения в 79 миллионов человек. Из них в возрасте от 14 до 65 лет имеется 56,5 миллиона. Можно также использовать мужчин в возрасте свыше 65 и подростков 13—14 лет. Из 56,5 миллиона выпадают больные и инвалиды. Большая часть заключенных уже теперь занята в хозяйстве. Особенно велико число подлежащих исключению из общего количества населения матерей, имеющих детей в возрасте до 14 лет. За вычетом этих групп остается 43,5 миллиона населения, которое может быть использовано на работах во всей хозяйственной и гражданской жизни Германии: 26,2 миллиона мужчин, за вычетом 7 миллионов военнослужащих, то есть 19,2 миллиона, 17,3 миллиона женщин, за вычетом 250 000 медицинских сестер и т. д., то есть 17,1 миллиона.

Председатель отнес женщин в возрасте свыше 60 лет к категории не подлежащих использованию на работах.

8) Количество занятых в данный момент рабочих и служащих (две трети работающего населения), распределенное в 20 крупных отраслях промышленности, составляет приблизительно

24 миллиона мужчин (без 2 миллионов солдат) и 14 миллионов женщин.

9) О количестве людей, которых вооруженные силы изымают из отдельных отраслей промышленности, данных еще не имелось. Поэтому было подсчитано, что останется для отдельных отраслей хозяйства после мобилизации пяти миллионов солдат. По распоряжению председателя в настоящее время путем опроса проводится точный учет подлежащих явке. Подобные опросы не являются секретными, за исключением численных данных и соединений...

...11) Кроме занятых в настоящее время 13,8 миллиона женщин, к работе могут быть привлечены еще 3,5 миллиона незапятнанных женщин, которых можно учесть по картотеке населения. Следовало бы произвести перестановку двух миллионов женщин, например: из текстильной, швейной и керамической промышленности, из кустарного производства, торговли, страхования и банков, а также из числа домашней прислуги. Женщины могут быть переброшены в сельское хозяйство, в металлообрабатывающую и химическую промышленность.

12) Недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве, которое лишено приблизительно 25% годной мужской рабочей силы, должен быть восполнен женщинами (2 женщины за 1 мужчину) и военнопленными...

...13) Председатель подчеркнул, что руководители предприятий, полиция и вооруженные силы должны принять надлежащие меры для использования военнопленных...

...15) Председатель объявил, что во время войны сотни тысяч людей из невоенных предприятий протектората будут использованы... в Германии, особенно в сельском хозяйстве. По этому вопросу генерал-фельдмаршал Геринг испросит решение фюрера...

...V. Генеральный уполномоченный по экономике, имперский министр Функ изложил свое мнение по вопросу о значении людского баланса с точки зрения дальнейшего ведения хозяйства...

...VI. Генеральный уполномоченный по администрации, имперский министр внутренних дел д-р Фрик рассмотрел вопрос об экономии людей в органах государственного управления...

...28) С началом войны задачи чрезвычайно возросли. Организация тотальной войны, естественно, требует значительно больше сил, чем в 1914 году, и в государственном управлении; однако невозможно, чтобы этот аппарат с тех пор увеличился в 20-40 раз только в низших инстанциях...

...29) Вместо дальнейшего обсуждения в данном большом собрании, предлагается создать небольшую комиссию, которая представит положительные предложения...

Большая предварительная работа уже проделана...

...30) Председатель просил ОКВ передать ему предложения комиссии. Они представляют собой важную составную часть подготовки к войне...

С. ... Увеличение пропускной способности транспорта

Доклад руководителя транспорта в военное время, начальника 5-го отдела (транспортного) генерального штаба командования сухопутными войсками, полковника Герке.

31) Проверка готовности к наступательным работам полтора года тому назад показала, что транспорт не был в состоянии полностью выполнить требования вермахта. Имперский министр транспорта согласился с этим. Программа, рассчитанная на 4 года..., будет, вероятно, завершена в августе 1939 года...

...41) Резюмируя, председатель констатировал, что настоящее заседание внесло необходимую ясность в важные пункты. Указание имперского совета обороны о приведении средств сообщения в боевую готовность издано 23 июня 1939 г. Имперский совет обороны ОКВ/ВФА № 1371/39 Л IV, от 24. 6. 1939 г. ...

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЭРВИНА ЛАХУЗЕНА

[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала от 30 ноября 1945 г.]

Полковник Эймен¹: Господа судьи, я хочу вызвать первого свидетеля обвинения Соединенных Штатов — генерал-майора Эрвина Лахузена. Разрешите вызвать Эрвина Лахузена, чтобы он мог давать показания перед Трибуналом.

Председатель: Как ваше имя?

Лахузен: Эрвин Лахузен.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги.

Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю.

(Свидетель повторяет слова присяги.)

Эймен: Где вы родились?

Лахузен: Я родился в Вене.

Эймен: Когда?

Лахузен: 25 октября 1897 г.

Эймен: Чем вы занимались с тех пор?

Лахузен: Я был профессиональным солдатом.

Эймен: Где вы учились?

Лахузен: Я учился в Австрии, в военной академии, в Терезианской военной академии в Винер-Нейштадте.

Эймен: Офицерское звание вам было присвоено тотчас же по выходе из училища?

Лахузен: В 1915 году я получил чин лейтенанта в пехоте.

Эймен: Были ли вы в армии во время первой мировой войны?

Лахузен: Да, в качестве лейтенанта и старшего лейтенанта в пехоте.

Эймен: Получали ли вы повышение с того времени и продвижение в чинах?

¹ Полковник Эймен — начальник следственного отдела управления Главного обвинителя от США на Нюрнбергском процессе, провел на заседаниях Международного Военного Трибунала в качестве представителя американского обвинения допросы ряда свидетелей. — Составители.

Лахузен: Да. Я получал нормальное продвижение согласно существовавшим тогда в Австрии правилам.

Эймен: В 1930 году в каком чине вы были?

Лахузен: В 1930 году я был капитаном.

Эймен: Начиная с 1930 года вы получали какое-нибудь другое специальное образование?

Лахузен: В 1930 году я попал в австрийскую военную школу, которая соответствовала военной академии в Германии, то есть получил образование офицера генерального штаба.

Эймен: Сколько времени продолжался этот период военного образования?

Лахузен: Это обучение длилось три года.

Эймен: В 1933 году в какой части вы служили?

Лахузен: В 1933 году я служил во 2-й австрийской дивизии, это была венская дивизия.

Эймен: Какого рода работу вы выполняли там?

Лахузен: Я был назначен офицером разведки. Меня подготавливали к этой службе еще во время обучения, и я был предназначен для нее.

Эймен: Вы затем получали повышение?

Лахузен: Далее я также получал нормальное продвижение, установленное в рамках австрийской армии. И, примерно, в 1933 году я стал майором, а затем в 1935 году или в начале 1936 года был переведен в генеральный штаб, а в июне или, во всяком случае, летом 1936 года я стал подполковником австрийского генерального штаба.

Эймен: Скажите, в это время вы служили в отделе разведки, в это или примерно в это время?

Лахузен: Я попал в австрийскую службу информации. Это фактически соответствует понятию «абвер» в германских вооруженных силах. Я должен добавить, что этот «отдел информации» был организован в Австрии только в это время, то есть в 1935 году; ранее такого учреждения не существовало. Поэтому, поскольку имелось в виду вновь создать в пределах австрийской армии службу военной информации, прекратившую свое существование после краха австро-венгерской монархии в 1918 году, мне было предложено пройти соответствующее обучение и начать организовывать зарождавшийся в то время «отдел информации».

Эймен: После того, как вы начали работать в отделе разведки, чем вы, собственно, занимались главным образом?

Лахузен: Моим непосредственным начальником в то время был полковник генерального штаба Беме. Начальником отдела, которому я подчинялся, начальником отдела информации, то есть человеком, от которого я получал указания и приказы,

был в конечном счете начальник австрийского генерального штаба.

Эймен: ...Скажите, пожалуйста, Трибуналу, в чем заключалась ваша основная деятельность после того, как вы были направлены на работу в разведку? В какой информации вы были заинтересованы и какую информацию вы старались получить?

Лахузен: Если я правильно вас понял, я работал в австрийской службе информации...

Эймен: После аншлюсса — какое положение вы заняли?

Лахузен: После аншлюсса я автоматически был передан в верховное командование германских вооруженных сил и имел те же функции в германском «абвере», начальником которого был тогда Канарис.

Эймен: Какое положение занимал адмирал Канарис?

Лахузен: Канарис был тогда начальником германской заграничной разведки.

Эймен: Коротко объясните, чем занимались те основные отделы разведки, которыми руководил адмирал Канарис?

Лахузен: Когда я попал в отдел «аусланд-абвер», это было в 1938 году после аншлюсса, там существовало три отдела контрразведки, объединенные в организационном отношении с отделом разведки в управлении разведки и контрразведки. Во всяком случае, я пережил это объединение. Как обстояло дело до меня, я точно сказать не могу.

Эймен: Каковы были ваши обязанности?

Лахузен: Прежде всего я автоматически был переведен в отдел контрразведки № 1. Это тот отдел, задачей которого было получение информации, или, как это еще иначе называлось, секретная информационная служба. Я работал тогда под руководством тогдашнего начальника отдела полковника генерального штаба Пикенброка, которого я, как и Канариса, знал еще по работе в Австрии.

Эймен: Адмирал Канарис был вашим непосредственным начальником?

Лахузен: Адмирал Канарис был моим непосредственным начальником.

Эймен: Время от времени вы действовали как его личный представитель?

Лахузен: Да, во всех тех случаях, когда его непосредственный заместитель (это был полковник Пикенброк) отсутствовал, или в тех случаях, когда Канарис по какой-либо причине считал необходимым послать меня в качестве своего заместителя.

Эймен: И в этой должности личного представителя Канариса имели ли вы какой-нибудь контакт с подсудимым Кейтелем?

Лахузен: Да.

Эймен: Имели ли вы также непосредственный контакт с Иодлем?

Лахузен: В значительно меньшей степени. Но все-таки имел.

Эймен: Скажите, вы иногда посещали совещания, на которых присутствовал Гитлер?

Лахузен: Да. Я участвовал на нескольких (очень немногих) заседаниях или совещаниях, на которых присутствовал и председательствовал Гитлер.

Эймен: Скажите Трибуналу, сочувствовали ли руководители вооруженных сил гитлеровской военной программе?

Лахузен: Я должен заявить в этой связи, что мы, тогдашние руководители военной разведки, объединялись личностью Канариса и его внутренней ориентацией, которая представлялась нашей небольшой группе совершенно ясной и недвусмысленной.

Эймен: Были ли какие-нибудь определенные группы или группа в разведке, которые противодействовали, находились в оппозиции к нацистам?¹

Лахузен: Внутри управления разведки и контрразведки имелись две группы, которые, что касается их желаний и действий, очень тесно были переплетены друг с другом, но которые каким-то образом нужно разграничить.

Эймен: Какие это были две группы?

Лахузен: До того, как я отвечу на этот вопрос, я должен очень кратко описать личность Канариса — идеологического вождя и центральное лицо этой группы.

Эймен: По возможности, сделайте это как можно короче.

Лахузен: Канарис был таким человеком высокой интеллектуальности, который при своем интересном, своеобразном и сложном характере ненавидел всякое насилие, а поэтому ненавидел войну, Гитлера, его систему и, в частности, его методы. Канарис, как бы его ни оценивали, был человеком.

¹ Допрос Лахузена немецкими адвокатами, а также некоторые вопросы, заданные полковником Эйменом, были направлены на реабилитацию адмирала Канариса, генерала Остера и других представителей «генеральской оппозиции», чтобы представить их в качестве героев «движения сопротивления».

В действительности Канарис был одним из тех, кто с невероятной жестокостью насаждал гитлеровский «новый порядок» в Западной Европе. В то же время Канарис на протяжении многих лет являлся агентом британской и американской разведок. «Генеральская оппозиция», активным участником которой был Канарис, убедившись, что Гитлер не сумел обеспечить осуществления экспансионистских планов германского милитаризма и что гитлеровский режим накануне неминуемого краха, решила путем «дворцового переворота» устранить Гитлера, чтобы заключить сепаратный мир с США и Англией и бросить все силы на продолжение войны против Советского Союза. Кульминационным пунктом «генеральской оппозиции» было неудавшееся покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. в его ставке около Растенбурга в Восточной Пруссии. — Составители.

Эймен: Теперь прошу вас возвратиться к двум группам, которые вы назвали, охарактеризовать нам каждую из этих двух групп и перечислить тех, кто входил в каждую из них.

Лахузен: Одна группа, которую можно назвать кругом Канариса, включала в себя верхушку контрразведки и разведки, во-первых, самого Канариса, как идеологического руководителя этой группы, далее, тогда генерала Остера, руководителя контрразведки, начальника центрального отдела разведки, моего предшественника; тогда подполковника Гросскурта, который в 1938 году еще в Вене был введен в круг Канариса. Далее, начальника отдела 1 — полковника Пикенброка, который был теснейшим образом связан дружбой с Канарисом. Затем полковника Ханзена, преемника полковника Пикенброка, казненного 28 июля 1944 г. Туда же входил и мой преемник полковник Фрейтаг-Лоррингхоффен, который 26 июля 1944 г. перед своим арестом покончил жизнь самоубийством. Затем при определенной дифференциации, которая относится ко всем, начальник третьего отдела контрразведки полковник Бентивеньи и затем тех лиц, работавших во всех этих отделах разведки, которые по большей части находились в связи с событиями 1944 года и были казнены или брошены в тюрьмы.

В этой связи я должен указать на человека, который непосредственно не примыкал к этой группе, но находился в курсе всех действий, направленных к предотвращению приказов и неприведению в исполнение приказов о расстрелах и прочих зверствах, а именно адмирала Бюркнера — начальника отдела разведки. Это, в основном, те люди, которые стояли во главе круга Канариса, как я назвал эту группу.

Вторая, значительно меньшая по своему объему, группа была связана с генералом Остером как идеологическим руководителем тех людей в управлении разведки и контрразведки, которые еще в 1938 году и уже совершенно явно для меня в 1939—1940 гг., а также и в последующие годы участвовали в подготовке всякого рода планов, направленных на устранение при помощи силы Гитлера, инициатора надвинувшейся катастрофы.

Эймен: Какова была цель группы, в которую вы входили, то есть Канариса и его круга?

Лахузен: Что касается политических целей или мотивов, то я о них не знаю. Я могу передать только мысли, которые были мне хорошо известны, так как я был одним из ближайших доверенных лиц Канариса, и которые определяли основные убеждения Канариса. Эти его внутренние убеждения, которые определяли не только мою деятельность, но и деятельность тех лиц, о которых я упоминал, заключались в основном в следующем.

Нам не удалось предотвратить эту захватническую войну. Война означала конец Германии и наш конец, таким образом, —

несчастье и катастрофу самых больших масштабов. Несчастье, которое было бы еще большим, если бы катастрофа могла превратиться в триумф этой системы, предотвращение которого должно было стать основным смыслом и целью нашей борьбы.

То, что я сейчас сказал, в свое время часто повторялось Канарисом в кругу тех людей, о которых я говорил.

Эймен: Эта группа, в которую входили вы и Канарис, часто встречалась?

Лахузен: Я должен пояснить, что эту группу (или этот круг) не следует рассматривать как организацию в техническом смысле или как какое-то объединение заговорщиков. Это совершенно противоречило бы натуре Канариса. Это было, так сказать, духовное объединение единомышленников, людей, которые видели и знали, знали благодаря своему служебному положению, которые понимали друг друга и действовали, но каждый сам за себя, в соответствии со своей индивидуальностью. Отсюда и та дифференциация, о которой я подробно говорил. Каждому человеку ставились совершенно различные требования. Канарис каждый раз обращался к лицу, которое он считал подходящим для исполнения определенных задач, на основании своего знания внутренних убеждений этого человека.

Эймен: Велось ли на этих официальных совещаниях разговоры, в которых Канарис затрагивал вопросы, касающиеся применения агрессии в отношении Польши, и т. д.?

Лахузен: Эти и подобные методы неоднократно, я бы даже сказал всегда, обсуждались в нашем кругу, и они, конечно, встречали единодушное отрицание с нашей стороны.

Эймен: Помните ли вы, что сказал Канарис относительно польской войны и ее начале?

Лахузен: Я точно помню тот час, когда Канарис вошел совершенно потрясенный и сообщил нам, что дело становится серьезным, несмотря на то, что вначале создалось впечатление, что мероприятие все же может быть отложено. И он сказал тогда: «Это конец».

Эймен: Были ли у вас разговоры с Канарисом и другими членами группы относительно изгнания нацистов из состава служащих вашего учреждения?

Лахузен: Я еще в Вене (до того, как я приступил к работе в ОКВ) получил распоряжение от Канариса не допускать в его управление в Берлине национал-социалистов. Я получил также распоряжение касательно моего отдела, в случае, если это представится возможным, не принимать членов партии или офицеров, которые были каким-нибудь образом связаны с партией, на высшие должности. Таким образом, действительная организация...

Эймен (прерывая Лахузена): Вел ли Канарис какой-нибудь дневник?

Лахузен: Да, Канарис вел дневник и вел его еще до начала войны. Надо сказать, что в этом дневнике я сам сделал целый ряд записей.

Эймен: Входило ли в ваши обязанности делать записи в дневнике Канариса?

Лахузен: Нет, это не относилось к моим непосредственным обязанностям, но это было вполне естественно, что относительно тех совещаний, на которых я присутствовал или замещал Канариса, я составлял для его дневника выдержки или копии.

Эймен: Вы сохраняли копии записей, которые вы делали в дневнике Канариса?

Лахузен: Да, я сохранял такие копии с разрешения Канариса и даже по его распоряжению.

Эймен: Есть у вас некоторые копии этих записей, сделанных вами, с собой сегодня?

Лахузен: Они не при мне, но они у меня имеются и могут быть представлены суду.

Эймен: Вы излагали свои воспоминания по этим записям?

Лахузен: Да.

Эймен: Какая цель была у Канариса, когда он завел такой дневник?

Лахузен: Если я должен ответить на этот вопрос, то для того, чтобы быть правдивым, я должен ответить на него, повторив те слова, которые Канарис когда-то сказал мне. Целью этого дневника было (и сейчас Канарис говорит моими устами) — показать германскому народу и всему миру тех людей, которые в то время вершили судьбы этого народа.

Эймен: Помните ли вы о совещаниях, которые посещали с Канарисом непосредственно перед падением Варшавы, совещаниях в главном штабе фюрера?

Лахузен: Я присутствовал вместе с Канарисом на совещании, которое состоялось не в главной ставке фюрера, а в поезде фюрера, незадолго до падения Варшавы.

Эймен: Поскольку вы вспомнили записи в дневнике Канариса, можете ли вы сообщить теперь Трибуналу дату этого совещания?

Лахузен: Насколько я могу судить по своим записям и документам, находящимся в моем распоряжении, это было в сентябре 1939 года, двенадцатого числа.

Эймен: Скажите, совещания в поезде фюрера происходили все в один и тот же день?

Лахузен: Эти совещания состоялись в один день, то есть 12 сентября 1939 г.

Эймен: Скажите, было больше, чем одно совещание, в этот день? Может быть было несколько совещаний?

Лахузен: Я не могу назвать их совещаниями. Это были обсуждения, разговоры более или менее короткие.

Эймен: Кто присутствовал на этих совещаниях?

Лахузен: Присутствовали, независимо от времени и места, министр иностранных дел фон Риббентроп, начальник ОКВ Кейтель, Иодль, начальник оперативного штаба, Канарис и я.

Эймен: Вы видите Риббентропа здесь в зале суда?

Лахузен: Да.

Эймен: Покажите, для протокола, где он сидит?

Лахузен: Там, в первом ряду, третий слева.

Эймен: Вы видите Кейтеля здесь, в зале суда?

Лахузен: Да, он сидит рядом с Риббентропом.

Эймен: Видите ли вы здесь также Иодля?

Лахузен: Да, он во втором ряду сидит рядом с господином фон Папеном.

Эймен: Теперь постарайтесь наилучшим образом объяснить, возможно подробнее и точнее, что было сказано и что произошло на этом совещании в вагоне фюрера?

Лахузен: Сначала Канарис имел короткое совещание с Риббентропом, в котором Риббентроп обрисовал политические цели в общем касательно района Польши и притом в связи с украинским вопросом. Этот украинский вопрос разъяснил начальник ОКВ в последовавшем разговоре, имевшем место в его вагоне. Это записано в протоколе, который я вел тут же по распоряжению Канариса.

Находясь все еще в вагоне начальника ОКВ, Канарис указал на серьезные сомнения в отношении известного ему намерения бомбардировать Варшаву, и при этом Канарис указал на те неблагоприятные внешнеполитические результаты, которые может вызвать такая бомбардировка Варшавы. Тогдашний начальник ОКВ Кейтель ответил на это, что это мероприятие было непосредственно согласовано между фюрером и Герингом и что он, Кейтель, не имел никакого влияния на решение этого вопроса. И он сказал далее — это я сейчас вспоминаю по своим записям: «Фюрер и Геринг часто звонят друг другу. Иногда и я также кое-что узнавал о том, что говорилось, но не всегда».

Далее Канарис предостерегал самым настойчивым образом от тех мер, которые стали ему, Канарису, известны, в частности, от предстоящих расстрелов и мер по истреблению, которые должны были быть направлены против польской интеллигенции, дворян и духовенства, как и вообще тех элементов, которых рассматривали как носителей национального сопротивления.

Канарис, примерно, сказал тогда следующее: «За эти меры, которые происходят у них перед глазами, вооруженные силы будут когда-нибудь отвечать перед миром». Начальник ОКВ ответил на это (я передаю это сейчас также на основании тех запи-

сей, которые я тогда сделал и несколько дней тому назад просмотрел), что все эти вопросы уже решены фюрером и что фюрер, главнокомандующий армией, сообщил, что если вооруженные силы Германии не захотят провести в жизнь эти мероприятия или будут не согласны с ними, то они вынуждены будут сносить то, что наряду с ними будут действовать СС, полиция безопасности и т. д., которые выполнят эти меры. Поэтому при каждом военном командующем будет назначаться гражданское лицо.

Это, в общих чертах, является содержанием совещания относительно намечавшихся мероприятий по расстрелу и уничтожению людей в Польше.

Эймен: Было ли что-нибудь сказано относительно так называемой «политической чистки»?

Лахузен: Да, тогдашний шеф ОКВ в этой связи употребил еще одно выражение, которое во всяком случае исходит от Гитлера, определившего все эти мероприятия как «политическую чистку». Это выражение очень ясно врезалось мне в память даже без моих записей.

Эймен: Для того чтобы протокол был точен, перечислите, какие меры, по словам Кейтеля, были в это время уже намечены.

Лахузен: Тогда, после соответствующего доклада начальника ОКВ, все согласились, что необходимо провести бомбардировку Варшавы, а также истребление уже упомянутых мною категорий или групп населения Польши.

Эймен: Какие это были категории?

Лахузен: Это, прежде всего, были польская интеллигенция, дворянство, духовенство и, конечно, евреи.

Эймен: Говорилось ли что-нибудь и, если говорилось, то что именно, о сотрудничестве с украинской группой?

Лахузен: Канарис получил приказ от тогдашнего начальника ОКВ, который представил его как директиву, явно полученную им от Риббентропа, так как эти директивы были зачитаны в тесной связи с политическими намерениями имперского министерства иностранных дел. Канарису было поручено вызвать в Галицийской Украине повстанческое движение, целью которого являлось бы истребление евреев и поляков.

Эймен: Когда вошли на это совещание Гитлер и Иодль? В какое время?

Лахузен: Гитлер и начальник оперативного штаба Иодль вошли либо после того, как было обсуждено то, что я сейчас передал, или когда обсуждение этой темы подходило к концу и Канарис уже начал свой доклад о положении на Западе, то есть о полученных сведениях о поведении французов, то есть французской армии, на западном вале.

Эймен: Какие вопросы затем стали обсуждаться после их прихода?

Лахузен: После этих бесед в личном вагоне начальника ОКВ Канарис покинул вагон и имел еще короткое собеседование с фон Риббентропом, который, вернувшись к теме Украины, сказал еще раз, что необходимо организовать восстание или повстанческое движение таким образом, чтобы все двory поляков были охвачены пламенем и чтобы все евреи были убиты.

Эймен: Кто сказал это?

Лахузен: Это сказал министр иностранных дел Риббентроп Канарису. Я стоял рядом.

Эймен: Вы не сомневаетесь хотя бы в какой-либо степени, что все было сказано именно так?

Лахузен: Нет, у меня нет ни малейшего сомнения в этом. Особенно хорошо я помню фразу: «Должны быть охвачены пламенем все польские двory». Это было новым в известной степени. Ранее употреблялось только выражение «ликвидация» и «убийства».

Эймен: Есть ли в дневнике Канариса какие-либо записи, которые могут помочь вам восстановить в памяти это обстоятельство?

Лахузен: Нет.

Эймен: Говорилось ли что-нибудь по поводу Франции и, если говорилось, то что именно?

Лахузен: Да, на тему о Франции в вагоне начальника ОКВ говорилось, и, в частности, Канарис обрисовал положение на Западе. Согласно информации, полученной из «абвера», которая находилась в его распоряжении, Канарис обрисовал положение таким образом, что, по его мнению, в районе Саарбрюкена французами методически готовилось крупное наступление. В это собеседование вмешался Гитлер, который пришел в это время; он тотчас же принял живейшее участие в обсуждении этой темы, энергично возразив против заявлений Канариса, выставив аргументы, которые я сегодня, оглядываясь назад, могу признать правильными в деловом отношении.

Эймен: Вспомните, в течение этого совещания Риббентроп сказал что-нибудь относительно евреев?

Лахузен: Во время собеседования, которое происходило в вагоне начальника ОКВ, Риббентроп не присутствовал.

Эймен: Вспомните ли вы, что в течение совещания, в любой его отрезок, Риббентроп говорил что-нибудь относительно евреев?

Лахузен: Я повторяю еще раз — в том совещании, которое имело место в вагоне начальника ОКВ, — нет.

Эймен: Для того чтобы было удобнее вести протокол, я хочу знать, когда вы говорите: «глава ОКВ», имеете ли вы в виду Кейтеля?

Лахузен: Да.

Эймен: Скажите, пожалуйста, контрразведка когда-нибудь получала распоряжение об оказании какой-либо помощи ОКВ в проведении польской кампании?

Лахузен: Да.

Эймен: Скажите, это мероприятие как-нибудь специально называлось?

Лахузен: Так, как это записано в дневнике моего отдела, эти мероприятия, которые непосредственно предшествовали польской кампании, получили название «Гиммлер».

Эймен: Объясните Трибуналу характер помощи, которую должна была оказать ваша организация?

Лахузен: То дело, по которому я сейчас даю свидетельские показания, является одним из наиболее таинственных дел, которое когда-либо имело место в отделе разведки и контрразведки. Через некоторое время — я думаю, что это было в середине августа, в дневнике можно прочесть точную дату — как отдел контрразведки № 1, так и мой отдел, то есть отдел контрразведки № 2, получили распоряжение доставить польские мундиры и снаряжение, а также удостоверения личности и т. п. для мероприятия «Гиммлер».

Как далее следует из записей дневника отдела, который вел не я, а мой адъютант, распоряжение Канарис получил из оперативного штаба вооруженных сил или из отдела обороны страны. Кажется, при этом упоминалось имя генерала Варлимонта.

Эймен: Знаете ли вы, откуда поступил этот запрос?

Лахузен: Я не могу сказать, откуда поступил этот запрос. Я могу только сказать, как это было получено нами в виде приказа. Мы, начальники соответствующих отделов, призадумались тогда над этим приказом, хотя и не знали, о чем в конце концов идет речь. Имя Гиммлера говорило само за себя. В записях дневника это было выражено тем, что я поставил вопрос, каким образом господин Гиммлер должен получить от нас эти польские мундиры.

Эймен: Кому должно было быть, собственно, послано это снаряжение отделом разведки?

Лахузен: Это снаряжение должно было быть подготовлено и в какой-то определенный день передано представителю СС или СД, имя его упомянуто в официальном военном дневнике отдела.

Эймен: В какое время ваша организация была осведомлена о том, каким образом будет использована эта военная форма?

Лахузен: Истинной цели, которую мы в деталях даже до сего дня не знаем, мы тогда не знали. Однако мы уже тогда имели очень обоснованное подозрение, что дело это нечистое. За это говорило уже само название мероприятия.

Эймен: Вы впоследствии выяснили у Канариса, что же случилось в действительности?

Лахузен: Ход дела был следующий. Как только появилось первое военное коммюнике, в котором говорилось о нападении поляков, или польских частей, на немецкую территорию, Пикенброк, который держал это коммюнике в руке, зачитав его, сказал: «Теперь мы, наконец, знаем, для чего нужны были эти мундиры». И в тот же день или, может быть, несколькими днями позже — я этого не могу сказать точно — Канарис поставил нас в известность о том, что эти мундиры были выданы людям из концентрационных лагерей, которые должны предпринять военные действия против радиостанции Глейвиц. Хотя мы очень интересовались тем, в особенности генерал Остер, как протекали детали всех этих действий, то есть где это происходило, что там вообще имело место, — примерно мы себе это могли представить, — однако точных данных мы не имели, и я до сегодняшнего дня не могу сказать, что там действительно произошло.

Эймен: Выясняли вы когда-нибудь, что случилось с этими людьми из концентрационных лагерей, которые были одеты в польскую форму и которые провели в жизнь это мероприятие?

Лахузен: Как ни странно, но я все время интересовался этим вопросом; даже после капитуляции, будучи в лазарете, я вел беседу с гауптштурмфюрером СС, который тоже лежал там, и спросил у него о подробностях, как все это произошло. Этот человек — имя его было Биркель — сказал мне: «Странно, что даже мы в наших кругах обо всем этом узнали значительно позже, да и то только намеками. Насколько я знаю (то есть насколько это знал Биркель), все члены СД, которые участвовали в этом мероприятии, были впоследствии убиты, то есть убиты». Это все, что я слышал об этом деле.

Эймен: Вы помните, что вы присутствовали на совещании в 1940 году, где было упомянуто имя Вейгана?

Лахузен: Да.

Эймен: Вы помните точно месяц, когда это было?

Лахузен: Совещания были зимой 1940 года, то есть, насколько я помню, это было в ноябре или декабре. Точная дата имеется в моих личных записях. Они были сделаны с разрешения и по желанию Канариса.

Эймен: Самым лучшим и подробным образом ответьте на вопрос, кто присутствовал на этом совещании?

Лахузен: Тогда, как и обычно, присутствовали все три начальника отделов и начальник отдела разведки адмирал Брюкнер.

Эймен: Что вам говорил Канарис на этих совещаниях?

Лахузен: Канарис сказал на этом совещании, что уже с некоторых пор Кейтель требует от него, чтобы были проведены

мероприятия, которые имели своей целью устранить французского маршала Вейгана, и он имел в виду, конечно, мой отдел, который должен провести это в жизнь.

Эймен: Когда вы говорите «устранить», что вы под этим подразумеваете?

Лахузен: Убийство.

Эймен: Что в это время делал Вейган?

Лахузен: Вейган, насколько я помню, находился тогда в Северной Африке.

Эймен: По какой причине вам было указано убить Вейгана?

Лахузен: В качестве причины указывалось опасение, что Вейган с остатками французской армии в Северной Африке может создать какой-либо центр сопротивления. Это, конечно, общий смысл, который сохранился у меня в памяти. Может быть, что решающими были иные причины, хотя, возможно, в данном случае имели значение и другие факторы.

Эймен: После того, как вам сообщил Канарис, что потом было сказано на этом совещании?

Лахузен: Эти намерения, которые впервые были в такой открытой и явной форме высказаны военной разведке представителем вооруженных сил, были всеми присутствовавшими восприняты с большим возмущением. Я, в частности, как человек, которого это очень близко касалось, поскольку мой отдел должен был привести в исполнение это намерение, прямо, при всех присутствующих сказал, что я не думаю выполнять этот приказ. Мой отдел и мои офицеры предназначены для борьбы, но они — не организация убийц и не убийцы.

Эймен: Что же тогда ответил вам Канарис?

Лахузен: Канарис сказал, примерно, следующее: «Успокойтесь, мы поговорим об этом после».

Эймен: И что же, вы после поговорили об этом с Канарисом?

Лахузен: После того, как другие господа покинули помещение, мы говорили с глазу на глаз, и Канарис сказал мне тотчас же: «Само собой разумеется, что приказ не только не будет выполнен, но не будет передан далее». Так оно и было.

Эймен: Вас потом спрашивали, выполнили ли вы этот приказ?

Лахузен: Во время одного доклада Канариса, который он делал Кейтелю и на котором я был, Кейтель спросил меня, что было предпринято в связи с этим приказом. Дату этого случая я записал в соответствии с тем, как это было мне указано Канарисом.

Эймен: Что вы ответили Кейтелю?

Лахузен: Я, конечно, не могу вспомнить слов, но, во всяком случае, твердо помню, что я не ответил, что не думаю

выполнять этого приказа. Я не мог этого сделать, потому что в таком случае вы бы не увидели меня сейчас здесь. Возможно, я ответил, как и во многих других случаях, что это очень трудно, но все, что возможно, будет сделано, или что-нибудь в этом роде. Вполне естественно, что я не могу вспомнить слов.

Эймен: Между прочим, вы единственный из этой группы Канариса, оставшийся в живых?

Лахузен: Я думаю, что во всяком случае один из немногих. Может быть, еще жив Пикенброк, может быть, еще Бентивеньи, который, однако, не принадлежал к более узкому кругу. Насколько я знаю, все остальные погибли в связи с событиями 20 июля.

...Эймен: Вы знакомы с полковником Роуэльсом?

Лахузен: Да.

Эймен: Кто он был такой?

Лахузен: Роуэльс был офицером военно-воздушных сил, полковником авиации.

Эймен: Какова была деятельность эскадрильи особого назначения, в которой он служил?

Лахузен: Он возглавлял специальное авиационно-высотного полета, которое совместно с отделом разведки вело разведывательную работу в некоторых областях и государствах.

Эймен: Вы когда-либо присутствовали при его разговорах с Канарисом?

Лахузен: Да, иногда присутствовал.

Эймен: Помните ли вы, о чем шла речь при встречах Роуэльса с Канарисом?

Лахузен: Роуэльс сообщал Канарису о результатах своих разведывательных полетов и передавал ему полученные материалы. Я думаю, что этот материал обрабатывался в I отделе разведки, а именно группой «воздух».

Эймен: Знаете ли вы, над какими территориями производились эти разведывательные полеты?

Лахузен: Они производились над Польшей, затем над Англией и на юго-востоке. Точно я не могу сказать, какие области или государства на юго-востоке. Я знаю только, что его подразделение имело разведывательные задания, вело воздушную разведку и базировалось в Будапеште.

Эймен: Лично вы видели некоторые из этих фотографий?

Лахузен: Да.

Эймен: Скажите Трибуналу, когда производились эти разведывательные полеты над Лондоном и Ленинградом?

Лахузен: Точно даты я не могу указать... Могу только сказать, что эти разведывательные полеты имели место в указанных районах, результатами их являлись фотографии, которые

передавались по назначению. Эскадрилья стартовала с венгерских аэродромов, то есть из района Будапешта...

Эймен: В каком году или в течение каких лет производились эти полеты?

Лахузен: Они производились в 1939 году до польской кампании.

Эймен: Эти полеты держались в секрете?

Лахузен: Конечно, они были весьма секретны...

...Председатель: Теперь свидетель может быть подвергнут перекрестному допросу. Желает ли советское обвинение задать вопросы свидетелю?

Руденко¹: Свидетель, я хочу поставить вам несколько вопросов в порядке уточнения. Правильно ли я вас понял, что повстанческие отряды из украинских националистов создавались по директиве германского верховного командования?

Лахузен: Это были украинские эмигранты из Галиции.

Руденко: И из этих эмигрантов создавались повстанческие отряды?

Лахузен: Да. Может быть, не совсем правильно называть их отрядами, это были люди, которые брались из лагерей и проходили полувоенную или военную подготовку.

Руденко: И какое же назначение имели эти отряды?

Лахузен: Это были организации, как я уже говорил, состоящие из эмигрантов Галицийской Украины, которые работали совместно с отделом разведки за границей.

Руденко: Что они должны были выполнять?

Лахузен: Задача их состояла в том, чтобы с началом военных действий выполнять распоряжения соответствующих офицеров германских вооруженных сил, то есть те директивы, которые получал мой отдел и которые исходили от ОКВ.

Руденко: Какие же задачи ставились перед этими отрядами?

Лахузен: Эти отряды должны были производить диверсионные акты в тылу врага и осуществлять всевозможный саботаж.

Руденко: То есть на территории тех государств, с которыми Германия находилась в состоянии войны, в данном случае на территории Польши. А помимо диверсий, какие еще задачи ставились?

Лахузен: Также саботаж, то есть взрывы мостов и других объектов, которые в какой-либо степени представляли важность с военной точки зрения. Эти объекты определялись оперативным штабом вооруженных сил.

¹ Р. А. Руденко — Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе. — Составители.

Руденко: А террористическая деятельность?

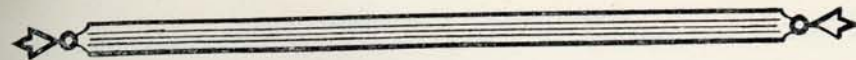
Лахузен: Политических задач от нас, то есть от отдела разведки за границей, они не получали. Политические задачи они, очевидно, получали от каких-то других соответствующих организаций империи.

Руденко: Свидетель, я спрашиваю о террористической деятельности этих отрядов, перед ними такие задачи ставились?

Лахузен: Во всяком случае, с нашей стороны они таких заданий не получали.

Руденко: Вы говорите, с вашей стороны задачи террора не ставились. А с чьей же стороны ставились такие задачи?

Лахузен: Об этом-то речь и шла все время. От военной разведки в различных формах все время требовалось, чтобы мы связывали наши чисто военные задачи, направленные на выполнение оперативных планов, с политическими задачами или террористическими актами так, как это, например, было во время подготовки к вторжению в Польшу...

ДОПРОС ГИТЛЕРОВСКОГО ГЕНЕРАЛА КАРЛА БОДЕНШАТЦА

[Из стенограммы заседания Международного Военного
Трибунала от 8 марта 1946 г.]

*Штамер*¹: Господин генерал, с какого времени вы знаете рейхсмаршала Геринга?

Боденшатц: Рейхсмаршала Геринга я знаю с июня 1918 года.

Штамер: В качестве кого вы узнали его тогда?

Боденшатц: Я познакомился с ним, когда он был командиром истребительной эскадрильи «Рихтгофен». Я был тогда адъютантом барона фон Рихтгофена.

...Штамер: В 1933 году вы поступили на службу в военно-воздушные силы?

Боденшатц: В 1933 году я явился к Герману Герингу в Берлин, когда он был имперским комиссаром военно-воздушных сил, и начал работать у него в качестве адъютанта.

Штамер: Как долго вы находились в этой должности?

Боденшатц: В качестве адъютанта я оставался до 1938 года. В 1938 году я стал начальником одного из отделов министерства.

Штамер: Какую должность вы занимали во время войны?

Боденшатц: Во время войны я был офицером связи между главнокомандующим ВВС и главной ставкой фюрера.

Штамер: Вы находились обычно в главной ставке?

Боденшатц: Я находился попеременно то в ставке фюрера, то в ставке главнокомандующего ВВС.

...Штамер: Присутствовали ли вы на совещании, состоявшемся в начале августа 1939 года в Сенке Ниссен Куг, у Хузма, в Шлезвиг-Гольштейне?

Боденшатц: Я лично участвовал в этом совещании.

Штамер: Кто там присутствовал?

¹ О. Штамер — немецкий адвокат, защищал на Нюрнбергском процессе Геринга; по его ходатайству Боденшатц был вызван в качестве свидетеля. — Составители.

Боденшатц: Насколько я помню, Герман Геринг, г-н Далерус из Стокгольма, 6—8 английских деятелей, имен которых я уже не помню, затем я и в качестве переводчика министеральный советник доктор Бекер.

Штамер: Можете ли что-либо сообщить о содержании этого совещания?

Боденшатц: Я, конечно, точно не помню, что говорилось. Смысл того, что говорил Герман Геринг, примерно следующий: Англия и Германия находятся в чрезвычайно напряженных политических взаимоотношениях, ни в коем случае нельзя допустить еще большего обострения этих отношений или возникновения угрозы миру. Благополучие и экономика наших стран могут процветать только при условии соблюдения мира. Германия и Европа очень заинтересованы в существовании английской империи. Герман Геринг подчеркнул, что он готов приложить все усилия к тому, чтобы соблюсти мир. Он просил английских представителей по возвращении в Англию оказать влияние на руководящие инстанции в этом направлении.

Штамер: Говорил ли вам рейхсмаршал Геринг о курсе политики империи? Когда и при каких условиях имели место такие разговоры?

Боденшатц: Герман Геринг говорил со мной на эту тему часто в 1938 и в 1939 гг., в частности, после Мюнхенского соглашения. Эти разговоры обычно велись после доклада или иногда в его специальном поезде. Герман Геринг всегда придерживался той точки зрения, что политика империи должна осуществляться таким образом, чтобы по возможности не допускать войны. Герман Геринг подробно остановился на этой мысли в беседе, которую он имел с гаулейтерами летом 1938 года в Каринхалле...

Штамер: Какова была в общем социальная позиция Германа Геринга?

Боденшатц: Социальная позиция Германа Геринга была следующей: все его чувства, мысли и действия были подчинены социальным интересам, он был благодетелем всех нуждающихся...

Штамер: Было ли вам известно об условиях в концентрационных лагерях?

Боденшатц: Об условиях в концентрационных лагерях я ничего не знал.

Штамер: Вы также ничего не слышали о зверствах?

Боденшатц: Нет, об этих зверствах я ничего не слышал...

Джексон¹: В настоящее время вы являетесь военнопленным США?

Боденшатц: В настоящее время я военнопленный США,

¹ Р. Джексон — Главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе. — Составители.

Джексон: Вы неоднократно подвергались допросу представителями США?

Боденшатц: Да, я неоднократно допрашивался представителями США.

Джексон: Вы также несколько раз консультировались с д-ром Штамером, который только что допрашивал вас?

Боденшатц: Да, я имел несколько бесед с доктором Штамером, который только что задавал мне вопросы.

Джексон: Эти вопросы были вам поставлены некоторое время тому назад, и вы приготовили ответы в письменном виде?

Боденшатц: Эти вопросы были сообщены мне ранее, и я мог к ним подготовиться.

Джексон: Это совещание, на котором присутствовали англичане...

Боденшатц: В Хузуме?

Джексон: Кто присутствовал со стороны Швеции?

Боденшатц: Швед, присутствовавший на этом совещании, был г-н Далерус.

Джексон: Кто были присутствовавшие там англичане?

Боденшатц: Там было 6—8 представителей английской экономики, фамилии их мне неизвестны.

Джексон: Между прочим, вы не указали точно дату этого совещания: когда это было?

Боденшатц: Точно я не могу сказать. Это было в начале августа.

Джексон: Не 7 августа?

Боденшатц: Точно я не могу сказать.

Джексон: Скажите, г-н Далерус там был?

Боденшатц: Вы спрашиваете, присутствовал ли Далерус? На сто процентов я не могу сказать, что он там присутствовал. Я знаю только, что когда я говорил об этом с господином адвокатом, он сказал мне, что Далерус там присутствовал. Но присутствовал ли он там действительно, я не могу утверждать. Я предполагаю это, так как адвокат доктор Штамер сказал мне, что Далерус там присутствовал. На этом основывались мои показания, когда я ранее сказал, что Герман Геринг и Далерус присутствовали на этом совещании.

Джексон: Там обсуждался вопрос о польско-германских отношениях?

Боденшатц: Речь шла не об отношениях с Польшей, а об отношениях между Англией и Германией. Об отношениях с Польшей там не говорили.

Джексон: Когда вы впервые начали готовиться к передвижению ваших войск в направлении Польши?

Боденшатц: Об этом я не могу дать точных сведений. Это было делом начальника штаба ВВС...

Джексон: Вы присутствовали на совещании, во время которого Геринг информировал собравшихся, что сразу же после Мюнхенской конференции он получил приказание увеличить военно-воздушные силы в пять раз?

Боденшатц: Я не могу припомнить, чтобы я присутствовал на таком совещании.

Джексон: Знаете ли вы, что после Мюнхена военно-воздушные силы были действительно сильно увеличены?

Боденшатц: Я могу... нет, этого я не знаю...

...Джексон: Вы были допрошены в ноябре 1945 года полковником Вильямсом?

Боденшатц: Да, он меня допрашивал, так точно.

Джексон: И тогда он спросил вас о некоторых спровоцированных инцидентах на германо-польской границе в августе 1939 года?

Боденшатц: Да, он меня спрашивал об этом.

Джексон: Сообщите Трибуналу об этих инцидентах.

Боденшатц: Ничего положительного в этом отношении я сказать не могу... Дело обстояло так, что события на польской границе очень походили на те, которые происходили в свое время на чешской границе. Из этого можно было сделать вывод, что, возможно, эти инциденты были спровоцированы. Однако это было лишь моим субъективным мнением...

Джексон: Не сказали ли вы полковнику Вильямсу на допросе 6 ноября 1945 г. следующее: «Я лично чувствовал и думал в то время, что все эти инциденты провоцировались нами, то есть я хочу сказать, что они провоцировались Германией...» Разве вы это не говорили?

Боденшатц: Да, я это говорил, так точно.

...Джексон: Вам был задан вопрос, и вы дали такой ответ:

«Вопрос: Но вы придерживаетесь мнения, что все инциденты, о которых сообщала пресса, провоцировались специально для того, чтобы служить предлогом для интервенции?»

Ответ: У меня сложилось такое впечатление; я это не могу доказать, но точно знаю, что эти инциденты были подстроены нами».

Разве вы не давали такого ответа на вопрос полковника Вильямса?

Боденшатц: Протокол говорит об этом. Поскольку это значится в протоколе, то, следовательно, я это сказал, но сейчас не могу вспомнить, как именно я говорил.

...Джексон: Не спрашивали ли вас относительно желания фюрера воевать с Польшей и не дали ли вы следующий ответ:

«Господа, мне очень трудно ответить на этот вопрос, но я могу под присягой заявить, что фюрер фактически желал войны с Польшей. Я могу доказать на основании всех событий и тех замечаний, которые делал его приближенные, что он фактически хотел агрессивной войны с Польшей. Я присутствовал в то время, когда Гитлер сообщил Гендерсону свои условия о желании получить Данциг, и я пришел к заключению на основании всех совещаний, которые были у фюрера с послом, что фюрер фактически не хочет, чтобы поляки приняли эти условия».

Вы давали такие показания?

Боденшатц: Я могу возразить на это следующее: я не был на этом совещании, но если я так сказал, то не точно выразился. Я находился в то время в приемной, как и все другие адъютанты, и в приемной было слышно, как одни группы говорили одно, а другие — другое. Из этих разговоров я понял, что условия относительно Польши были такими, что из этого можно было сделать вывод о какой-то преднамеренности.

...Джексон: Разве вам при допросе не задавали такого вопроса: «Таким образом, данное вами сегодня показание можно суммировать следующим образом: вы знали в 1938 году за несколько месяцев до того, как Германия напала на Польшу, что Гитлер намеревался напасть на Польшу и вести против нее агрессивную войну». Это правильно? И вы дали следующий ответ: «Я могу с уверенностью сказать лишь то, что с той ночи, когда он сказал Гендерсону, что он хочет Данциг и коридор, я был совершенно уверен, что Гитлер намеревается вести агрессивную войну».

Вам задавали такой вопрос, и вы дали такой ответ?

Боденшатц: Если этот ответ записан в протоколе, то, очевидно, я так и сказал.

Джексон: А если этого не было записано в протоколе, то это все-таки было бы вашим показанием? Действительно ли это было так?

Боденшатц: Мой ответ совершенно точен, он сводится к тому, что из требований Адольфа Гитлера, переданных Гендерсону, и, в частности, из короткого срока, который был дан Гендерсону для ответа, я заключил, что имелись какие-то определенные намерения. Так я сейчас хочу это сформулировать.

Джексон: Я хочу, чтобы вам показали документ США-27, Л-79. (*Боденшатцу передают документ*). Вы видели раньше этот документ?

Боденшатц: Этот документ был предъявлен мне в копии полковником Вильямсом, и я ему сказал, что не помню, присутствовал ли я на этом совещании. Но если в протоколе значится моя фамилия, то я, очевидно, на совещании присутствовал. *(Смех в зале.)*

Джексон: Но ваша фамилия написана на документе, не так ли?

Боденшатц: Да, если она написана, очевидно, я присутствовал. Я не могу вспомнить содержания этого совещания. Я сказал тогда полковнику Вильямсу, что, очевидно, там говорилось об этом, так как полковник Шмундт, почерк которого я хорошо знаю, — человек, который очень аккуратно ведет протоколы.

Джексон: Это его почерк?

Боденшатц: Да, как я вижу, это его почерк.

Джексон: И это подпись полковника Шмундта?

Боденшатц: Да, это подписано полковником Шмундтом...

...Джексон: И когда вас об этом спросил полковник Вильямс, вы прочитали и сказали: «Я думаю, что все, что здесь изложено, правильно. Это именно те мысли, которые фюрер обычно высказывал нам в тесном кругу». Вы делали такое заявление?

Боденшатц: Да, я так сказал.

Джексон: Далее вы сказали: «Я не помню, было ли это сказано в тот же день, однако мысли, выраженные в протоколе, являются мыслями, высказанными Адольфом Гитлером». Сказали ли вы так полковнику Вильямсу?

Боденшатц: Да, я это сказал полковнику Вильямсу.

Джексон: Вам сейчас покажут документ ПС-798, США-29, представленный в качестве доказательства. *(Боденшатцу передают документ.)* Что вы можете сообщить об этом документе?

Боденшатц: Насколько я знаю, это обращение фюрера также мне было предъявлено в копии полковником Вильямсом.

Джексон: Именно так оно и было. Вы сказали тогда, что вы не помните, присутствовали ли вы, но мысли, выраженные в документе...

Боденшатц: Что мысли, которые там высказаны, правильны.

Джексон: Очень хорошо. Это все в отношении этого документа...

Боденшатц: Да, но я должен сказать еще кое-что, я пытался об этом поговорить с полковником Вильямсом, но, к сожалению, этого не удалось осуществить. Я как будто присутствовал на этом совещании, слушал.

Джексон: Хорошо, мы согласимся с тем, что вы сказали здесь, и избавим вас от необходимости искать полковника Вильямса. Вам покажут документ ПС-3474, США- 580. *(Боденшатцу передают документ.)* Это ваш почерк?

Боденшатц: Да, это мой почерк.

Джексон: Документ подписан вами?

Боденшатц: Так точно.

Джексон: Это заметки о совещании от 2 декабря 1936 г., не так ли?

Боденшатц: Так точно.

...Джексон: В этих заметках указано, что Геринг руководил совещанием, не так ли?

Боденшатц: Так точно.

Джексон: На этом совещании также присутствовали Мильх, Кессельринг¹ и все другие лица, имена которых перечислены в начале документа?

Боденшатц: Да.

Джексон: И вы тогда записали, что сказал Геринг. Между прочим, все эти люди были связаны с вооруженными силами Германии, не так ли?

Боденшатц: Это были представители ВВС, руководящие генералы ВВС. Генерал Мильх работал тогда в военной промышленности; генерал-лейтенант Кессельринг, мне кажется, был начальником штаба ВВС; Кристиансен, Фольгман занимали руководящие посты.

...Джексон: Открывая совещание, Геринг сказал: «Вся мировая пресса взволнована высадкой 5000 немецких добровольцев в Испании...» Действительно ли это так происходило?

Боденшатц: Так точно.

Джексон: Геринг тогда сказал: «Общее положение является весьма серьезным», и что он берет на себя всю ответственность, не так ли?

Боденшатц: Так точно, общая ситуация была весьма серьезной. Англия сильно вооружалась, и мы должны были быть в состоянии полной боевой готовности.

Джексон: Затем он сказал: «Было бы желательным хранить молчание до 1941 года. Однако мы не можем знать, будем ли мы вовлечены в какой-либо конфликт до этого времени. Мы уже находимся в состоянии войны, хотя пока еще ни одного выстрела не сделано». Говорил ли он это?

Боденшатц: Да, это сказано в протоколе.

Джексон: Сказал ли он также, что «начиная с 1 января 1937 г. все фабрики и заводы, производящие продукцию для авиации, будут работать так, как будто бы была объявлена мобилизация?»

¹ Показания Мильха и Кессельринга см. на стр. 111—148.

Боденшатц: Так точно, это записано в протоколе.

*Гриффит-Джонс*¹: Господа судьи, разрешите мне выяснить только один вопрос. Вы (*обращаясь к Боденшатцу*) ссылались на совещание, которое происходило в Шлезвиг-Гольштейне в июле или августе 1939 года, где Геринг встретился с группой англичан, и вы описали этих англичан, когда впервые о них упомянули, как членов правительства. Когда же вы упомянули о них второй раз, то мне кажется, что вы отозвались о них как о специалистах в области экономики?

Боденшатц: Насколько мне известно в настоящее время, это были руководящие деятели английской экономики, а не члены правительства.

Гриффит-Джонс: Известно ли вам, что это совещание между Герингом и этими господами было устроено Далерусом?

Боденшатц: Далерус, очевидно, устроил это совещание. Однако впервые я узнал об этом из беседы с защитником доктором Штамером, который говорил со мной об этом. Доктор Штамер сказал мне, что ему известно, что именно господин Далерус пригласил этих господ в Германию. Только на основании этого сообщения я предполагаю, что господин Далерус пригласил этих господ приехать.

Гриффит-Джонс: Известно ли вам, что цель господина Далеруса заключалась в том, чтобы устроить встречу руководителей Германии и Англии, во время которой они поняли бы точку зрения каждого из них?

Боденшатц: Господин Далерус позже, по окончании этого совещания, еще раз был в Германии. Я тогда видел его в Берлине, и после беседы с ним у меня сложилось впечатление, что для него было очень важно, чтобы между Германией и Англией был сохранен мир, и что он хочет установить с помощью рейхсмаршала Геринга связь с руководящими английскими деятелями.

Гриффит-Джонс: Известно ли вам, что во время совещания и последующих переговоров Далерус подчеркнул Герингу точку зрения англичан и в особенности пытался произвести на Геринга впечатление фактами о том, что англичане терпят терпение в вопросе агрессивной политики, которой следует германское правительство?

Боденшатц: Об этих планах, о которых вы сейчас говорили, я не могу вспомнить. Я не могу вспомнить, что они были предметом моей беседы с господином Далерусом.

¹ Гриффит-Джонс — помощник Главного обвинителя от Великобритании. — Составители.

ДОПРОС ГИТЛЕРОВСКОГО ФЕЛЬДМАРШАЛА АЛЬБЕРТА КЕССЕЛЬРИНГА

[Из стенограммы заседания Международного Военного
Трибунала от 13 марта 1946 г.]

*Джексон*¹: Вы сознаете, давая ваши показания, что вследствие привлечения к ответственности верховного командования и генерального штаба в том составе, в каком это определено в Обвинительном заключении, вы обвиняетесь как член этой группы?

Кессельринг: Я понимаю.

Джексон: И что вы фактически даете показания как один из подсудимых?

Кессельринг: Я понимаю это.

Джексон: Вы говорили о создании в Германии полицейского государства национал-социалистской партией, и я хочу спросить вас, не является ли фактом то, что полицейское государство опиралось в очень большой степени на два учреждения: во-первых, — на государственную тайную полицию и, во-вторых, — на концентрационные лагеря?

Кессельринг: Опора на полицию для меня является вполне понятным фактом. С моей точки зрения, концентрационные лагеря являются, в конце концов, средством для достижения цели.

Джексон: И оба эти учреждения — тайная полиция и концентрационные лагеря — были учреждены Германом Герингом?

Кессельринг: Гестапо было организовано Германом Герингом. Использовалось ли оно в той же форме Гиммлером, я не знаю.

Джексон: Оставьте ваши лекции для вашего защитника. Отвечайте лишь на мои вопросы. Были ли концентрационные лагеря также созданы Германом Герингом?

Кессельринг: Я этого не знаю.

¹ Главный обвинитель от США допрашивал Кессельринга после того, как тот ответил на вопросы адвокатов, по ходатайству которых он был вызван. — Составители.

Джексон: Вы не знаете этого? Одобряли ли вы полицейское государство?

Кессельринг: Я считал это ненормальным для немецких условий, то есть я считал ненормальным, что создано государство в государстве; в силу этого некоторые вещи оставались скрытыми от общественности.

Джексон: Можете ли вы указать на что-либо, что вы лично сделали публично для того, чтобы предотвратить эти ненормальные условия, которые создавались в Германии?

Кессельринг: Я не помню ничего, кроме того, что я в разговорах с моими начальниками, может быть, когда-нибудь говорил по этому поводу...

Джексон: Вы хотите заставить Трибунал поверить тому, что вы никогда не знали о том, что государством велась кампания по преследованию евреев в Германии? Вы хотите, чтобы мы ваше показание поняли таким образом?

Кессельринг: О преследовании евреев как таковом я ничего не знал.

Джексон: Является ли фактом, что офицеры-евреи были исключены из вашей армии и также из вашего командования?

Кессельринг: Евреев-офицеров не было.

Джексон: Не являлось ли фактом, что некоторые офицеры вашей армии, некоторые офицеры военно-воздушных сил принимали шаги для того, чтобы доказать, что они арийцы, и таким образом избежать того, чтобы подпасть под действие декретов Геринга? Вы знали об этом?

Кессельринг: Об этом я знал по слухам.

Джексон: И для того чтобы считаться чистыми арийцами в тех случаях, когда их отцы подозревались в еврейском происхождении, они старались доказать, что их законный отец не являлся их настоящим отцом?

Кессельринг: Да, это так...

Джексон: Если Гитлер собирался вступить в войну, к которой воздушный флот не был подготовлен согласно вашей информации о существовавшем положении, то было ли возможным для офицеров военно-воздушных сил сообщить Гитлеру об этом факте?

Кессельринг: Мы питали абсолютное доверие к нашему рейхсмаршалу и знали, что он является единственным лицом, которое оказывало некоторое влияние на Адольфа Гитлера...

Джексон: Затем настало время, когда вы отправились на Восток в качестве командующего, не так ли? Вы отправились в Польшу и затем в Советскую Россию, не так ли?

Кессельринг: Да, в Польшу и Советскую Россию, так точно.

Джексон: Считали ли офицеры, участвовавшие в польской и русской кампаниях, что правила Гаагской конвенции об обращении с военнопленными не должны были применяться в отношении Советской России?

Кессельринг: Это не было мне известно.

Джексон: Вы показали, что военно-воздушный флот был только орудием защиты. Это ваши показания?

Кессельринг: Так точно.

Джексон: Какова же была военная сила Германии в начале польской кампании в различных типах самолетов?

Кессельринг: Поскольку в последнее время я уже не принадлежал к главному штабу, я могу дать только приблизительные сведения. Я не могу отвечать перед историей за них. У нас было около 3000 боевых самолетов. Насколько я могу вспомнить, всегда было около 30—40 тактических групп бомбардировщиков, такое же количество истребителей и 10 групп пикирующих бомбардировщиков.

Джексон: Назовите количество самолетов в каждой группе.

Кессельринг: Всего 30 самолетов, из которых примерно пять-семь самолетов за день сбивалось.

Для того чтобы продолжить, я должен сказать, что было около 10—12 групп пикирующих бомбардировщиков, включая сюда штурмовики и многоместные истребители. Кроме того, к этому же числу относятся примерно такое же количество разведывательных групп и некоторое количество самолетов морской авиации.

Джексон: Таким образом, получается в итоге около 3000 самолетов?

Кессельринг: Я могу назвать эту цифру, так как в эти спокойные месяцы, когда я находился в плену, я производил эти подсчеты. Но мое утверждение не является исторической истиной.

Джексон: Считаете ли вы бомбардировщики оружием защиты или вы считаете их оружием нападения?

Кессельринг: Бомбардировщики, так же как и истребители и пикирующие бомбардировщики, являются оборонительным оружием и в то же время наступательным оружием. Вчера я говорил о том, что, независимо от того, является ли авиация оборонительной или наступательной, общие ее задачи должны разрешаться наступательными действиями. Авиация, которая располагает только легкими самолетами, обречена на уничтожение, так как она не может подавить авиационной промышленности противника, поражать его районы авиационного развертывания и движение на различных участках обширного театра военных действий.

...Джексон: Военно-воздушные силы служили как оборонительное оружие при обороне и как оружие наступательное в атаке. Это правильно?

Кессельринг: Можно и так выразиться. Но я бы сказал иначе. Я уже говорил, что авиация по своему существу является наступательным оружием, независимо от того, применяется ли она в обороне или наступлении.

...Джексон: Вы были допрошены 28 июня 1945 г. следователем Соединенных Штатов в управлении разведки бомбардировочной авиации дальнего действия? Вы припоминаете это?

Кессельринг: Да, конечно.

...Джексон: Я спрашиваю вас: 28 июня 1945 г. вы сказали офицеру, который вас допрашивал от имени управления разведки бомбардировочной авиации дальнего действия Соединенных Штатов, следующее:

«Все было сделано для того, чтобы сделать германский военно-воздушный флот в отношении его личного летного состава, боевых качеств самолетов, зенитной артиллерии, службы воздушной связи и т. д. наиболее грозным флотом в мире. Это усилие привело к тому факту, что в начале войны или, самое позднее, в 1940 году мы имели исключительно высококачественный флот, даже если не было единой формы стандарта». Вы дали такое показание?

Кессельринг: Этого мнения я придерживаюсь и по сегодняшний день. В отношении материальной части истребителей, пикирующих бомбардировщиков и бомбардировщиков мы действительно находились в преимущественном положении по отношению к другим государствам.

...Джексон: Вы участвовали в польской кампании, как вы сказали?

Кессельринг: Да.

Джексон: Является ли фактом, что германские военно-воздушные силы внесли решающий вклад в эту кампанию, что сказало в количестве времени, которое потребовалось для того, чтобы победить Польшу?

Кессельринг: С точки зрения офицера авиации, я должен, безусловно, подтвердить это мнение. Но офицеры сухопутных войск не полностью разделяли это мнение.

Джексон: Хорошо, сейчас вы высказываете ваше мнение. В этой кампании вы развили технику нападений истребителей, легких бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков на бреющем полете на маршировавшие колонны и тем содействовали успеху в этом наступлении?

Кессельринг: Я должен признать это. Основы техники ведения ближнего боя были впервые заложены в Польше.

Джексон: Сейчас я обращаюсь к французской кампании. Во время французской кампании вы были в военно-воздушных силах, не так ли?

Кессельринг: Да.

Джексон: И военно-воздушные силы внесли решающий вклад в успех этой кампании, не так ли?

Кессельринг: С точки зрения офицера авиации, я также должен подтвердить правильность этого мнения.

Джексон: И вы показали, не так ли, что Дюнкерк не был бы такой катастрофой, если бы там не действовал военно-воздушный флот, — это правильно, не так ли?

Кессельринг: Да, с моей точки зрения, это было так. Имелись бы еще большие результаты, если бы нашим операциям не мешали бы плохие метеорологические условия.

Джексон: То есть, что катастрофа для англичан была бы еще большей, если бы не плохие метеорологические условия? Ваш воздушный флот должен был лучше действовать в Дюнкерке, чем это имело место, с вашей точки зрения?

Кессельринг: Примерно два дня мы были обречены на бездействие.

Джексон: Вы были одним из главных защитников плана вторжения в Англию, не так ли?

Кессельринг: Я лично считаю, что если вообще война с Англией могла окончиться, то этого конца с уверенностью можно было бы достичь только с помощью вторжения.

Джексон: И у вас были достаточные военно-воздушные силы после того, как вы захватили Польшу, захватили Голландию, захватили Францию и захватили Бельгию, для того чтобы вы все еще выступали в защиту плана вторжения в Англию, не так ли?

Кессельринг: Я хотел бы по этому поводу сделать следующее заявление. Позвольте мне сказать...

Джексон: Прежде всего вы должны ответить, правда ли это? Не выступали ли вы в защиту вторжения в Англию, и не был ли воздушный флот готов вторгнуться в Англию?

Кессельринг: Авиация была, при известных условиях, готова выполнить эту задачу, если учесть имевшееся тогда соотношение сил.

Джексон: И вы усиленно рекомендовали рейхсмаршалу, чтобы это вторжение имело место немедленно после Дюнкерка, не так ли?

Кессельринг: Да. Но я на этой точке зрения стоял и позже.

Джексон: И приготовления военно-воздушных сил для этого вторжения были уже закончены, и вторжение было отменено только потому, что производство самолетов военно-

морской авиации было еще недостаточным, — это соответствует действительности?

Кессельринг: Да, так точно. Я должен добавить к тому, что я уже сказал, что была предусмотрена оперативная пауза между французским и английским походами для того, чтобы восстановить материальную часть и личный состав авиации.

Джексон: Вы также сказали в управлении разведки бомбардировочной авиации дальнего действия о том, что Гитлер приказал бомбардировать не только военные объекты, включая промышленные предприятия, но также и политические объекты. Это правильно?

Кессельринг: Начиная с определенного периода, — да.

Джексон: То есть для того, чтобы парализовать правительство врага? Это вы имели в виду, говоря о политическом объекте, не так ли?

Кессельринг: Нет, этого я не имел в виду, когда говорил о политических целях. Я иначе ответил на вопрос. Этот приказ начал действовать начиная лишь с более позднего момента.

Джексон: Вы присутствовали при произнесении Гитлером речи в августе 1939 года?

Кессельринг: Так точно.

Джексон: В то время вас информировали о том, что нападение на Польшу начнется немедленно или очень скоро?

Кессельринг: Во время совещания не было еще принято окончательного решения о начале польской кампании. Велись еще переговоры, и мы надеялись, что они могут еще привести к благоприятным результатам.

Джексон: Вам было приказано 15 августа привести в готовность военно-воздушный флот для нападения на Польшу?

Кессельринг: Этого приказа я не знаю в деталях, но то, что мы уже за много месяцев до этого в общем оборонительном смысле организовывали подготовку штабов, авиационных баз, мысленно готовились к войне, — это я должен подтвердить.

Джексон: Вы ожидали, что Польша нападет на Германию с воздуха? Вы это хотите сказать?

Кессельринг: Во всяком случае, с этой возможностью мы также считались. Общая политическая обстановка была слишком неясной для того, чтобы принять окончательное решение по этому вопросу.

Джексон: Вы сказали, что вы никогда не участвовали в совещаниях с руководителями партии, не обсуждали с ними политические вопросы и вообще не вступали в какой-либо контакт с политиками; в основном вы так сказали?

Кессельринг: В основном — да.

Джексон: Не был ли ваш непосредственный начальник политиком № 2¹ Германии? Разве вы об этом не знали?

Кессельринг: Я это знал, но я должен категорически заявить, что эти беседы, которые я вел с рейхсмаршалом, на 99 процентов носили военный и организационный характер.

Джексон: Но вам было известно, что он во все времена был одним из руководителей нацистской политики?

Кессельринг: Да.

Джексон: Вы показали, что вам был известен приказ о расстреле советских комиссаров?

Кессельринг: Так точно.

Джексон: И что вы не одобрили его и что вы не проводили его в жизнь?

Кессельринг: В таком духе я не высказывался.

Джексон: Каков же был ваш ответ?

Кессельринг: Я сказал следующее: «Так как авиация не относилась к наземным войскам, она не участвовала в решении этого вопроса, я не помню официального сообщения об этом приказе».

Джексон: Кто приводил в исполнение этот приказ? Кто должен был приводить его в исполнение?

Кессельринг: Я только до ноября 1941 года был в России и поэтому не могу дать показаний по этому поводу.

Джексон: Слышали ли вы когда-нибудь об СС?

Кессельринг: Да, безусловно.

Джексон: Не является ли фактом, что выполнение этого приказа было поручено СС?

Кессельринг: Об этом я ничего не знал.

Джексон: Как вы думаете, для чего существовали СС?

Кессельринг: Насколько я знаю, поскольку СС участвовали в проведении военных операций, они являлись частью сухопутных сил, а именно — гвардией сухопутных сил.

Джексон: СС должны были охранять армию или еще кого-либо?

Кессельринг: Нет, я имею в виду, что дивизии СС по их численному составу и материальной части значительно превосходили дивизии сухопутных сил.

Джексон: Кто был начальником СС?

Кессельринг: Гиммлер был начальником СС. В тех случаях, когда эти дивизии находились в составе армий, они в тактическом отношении подчинялись командованию армии, корпуса и т. д.

¹ Здесь имеется в виду Геринг. — Составители.

Джексон: Поскольку они имели особые задачи, они подчинялись Гиммлеру, — это правильно?

Кессельринг: Так точно. Это четкая вторая линия подчинения.

*Файф*¹: Вам сообщили, почему д-р Штамер хотел, чтобы вы дали показания? Говорил ли вам доктор Штамер, по каким вопросам вы должны были дать показания?

Кессельринг: Отдельные пункты мне были сообщены без того, чтобы все вопросы были мне ясно истолкованы.

Файф: Я хочу зачитать вам одну фразу с тем, чтобы вы имели ее в виду. Эта фраза из заявления доктора Штамера: «Когда Роттердам в мае 1940 года стал районом боевых действий, тогда использование бомбардировщиков стало военной необходимостью, поскольку окруженные парашютные войска, которые не имели поддержки артиллерии, настойчиво просили о помощи бомбардировщиков». Вы помните этот случай? Я хочу, чтобы вы имели его в виду.

Кессельринг: Да.

Файф: Вы помните, что вас спрашивали об этом случае во время допроса 28 января в управлении стратегической разведки бомбардировочной авиации дальнего действия Соединенных Штатов? Вы помните это?

Кессельринг: Так точно.

Файф: Ответили ли вы на вопрос, что вы можете сказать о Роттердаме следующее: «Во-первых, Роттердам оборонялся в тех частях его, которые впоследствии подверглись нападению. Во-вторых, в этом случае можно было заметить, что нужно было проявить решительность. Это одно нападение немедленно принесло мир Голландии. О нем просил Иодль, и оно было одобрено верховным командованием вооруженных сил. Лишь очень маленькая часть центра Роттердама подверглась нападению».

Вы помните, что вы сказали это?

Кессельринг: Я сказал приблизительно так.

Файф: Я прежде всего хочу рассмотреть стратегическую сторону вопроса. Тактической стороны я коснусь позднее. Вашей стратегической целью и подлинной задачей было проявить решительность и обеспечить немедленный мир — это правильно?

Кессельринг: Такая широкая задача не была поставлена передо мной. Насколько мне было сообщено генералом Веннигером, результат этого нападения был тот, что Голландия согласилась на полную капитуляцию.

¹ Д. Максвелл-Файф — заместитель Главного обвинителя от Великобритании. — Составители.

Файф: Я хочу, чтобы вы подумали о ваших собственных словах: «Это было одобрено верховным командованием вооруженных сил, нужно было проявить решительность». Разве вашей целью в этом нападении не было обеспечить себе стратегическое преимущество, терроризировав жителей Роттердама?

Кессельринг: Это я должен отрицать с совершенно чистой совестью. Я не говорил, что я должен занять твердую позицию, а я только сказал, что поддержка, которая была затребована генералом Штудентом, должна была быть оказана. У меня была только одна задача, а именно задача артиллерийской поддержки войск Штудента.

Файф: Что вы хотели сказать словами: «Нужно было проявить решительность», — если вы не хотели сказать, что народ Голландии путем террора должен был быть принужден к миру?

Кессельринг: Разрешите мне повторить еще раз, что и понятие «решительной позиции» противоречит всему моему служебному лексикону. Я не могу вспомнить этих слов в записи, да она и не была мне зачитана.

Файф: Как вы думаете, что же вы сказали вместо слова «решительность», если вы не употребили его?

Кессельринг: Я сказал, что суровые меры ведут к быстрейшему достижению успеха.

Файф: Именно так я ставлю перед вами этот вопрос, свидетель, — «суровые меры»...

Кессельринг: Но только в целях тактических успехов. Разрешите мне еще раз подчеркнуть, что я солдат, а не политик, и я не действовал как политик. В тот момент я действовал соответственно требованиям генерала Штудента.

Файф: До того как я перейду к тактическим вопросам, я прошу вас ответить, приходилось ли вам вообще работать с подсудимым Редером? Вообще, вы должны были работать с Редером?

Кессельринг: Гросс-адмиралом Редером?

Да, но лишь в вопросах большого масштаба, в той мере, в какой приходилось обсуждать морские вопросы.

Файф: Я хочу только, чтобы вы выслушали изложение тех взглядов, которые высказывал подсудимый Редер, и сказали бы Трибуналу, согласны ли вы с ними. Этот документ, предъявляемый Великобританией под № ВВ-274, Ц-157, изложенный в стенограмме суда на стр. 2735. А сейчас, будьте любезны, слушайте внимательно.

«Желательно основывать все принимаемые военные меры на соответствующем международном праве. Однако те меры, которые считаются необходимыми с военной точки зрения, обеспечивающими решающий успех, должны приниматься даже

в тех случаях, если они не предусмотрены соответствующим международным правом».

Вы согласны с этим?

Кессельринг: Я не могу сказать, чтобы я был полностью согласен...

Файф: Хорошо, на минуту обратимся к словам подсудимого Редера. Вы согласны с ними?

Кессельринг: Нет.

...*Файф:* Я перехожу к тактическому положению в Роттердаме...

...Я хочу, чтобы вы вспомнили о времени; известно ли вам, в какое время дня началась бомбардировка Роттердама?

Кессельринг: Насколько я знаю, после полудня, около 14 часов.

Файф: Я намеревался назвать вам время — 13.30.

Кессельринг: Очень возможно.

Файф: Известно ли вам, что переговоры о капитуляции начались с 10.30 утра?

Кессельринг: Нет, как я уже сказал вчера, об этом я ничего не знаю.

Файф: Известно ли вам, что в 12.15 голландский офицер капитан Беккер направился к германской линии, увидел генерала Шмидта и генерала Штудента и что генерал Шмидт написал предложенные пункты капитуляции в 12.35?

Кессельринг: Нет. Мне это неизвестно.

Файф: Вам никогда об этом не говорили?

Кессельринг: Нет, никогда ничего не сообщали, по крайней мере, я не помню этого.

Файф: Видите ли, свидетель, это произошло за 55 минут до начала бомбардировки.

Кессельринг: Самое существенное то, что генерал Штудент отказался от этой атаки. Но она все-таки произошла. Этот отказ от атаки не дошел до меня, так же как и до соединения.

Файф: Я хочу только, чтобы вы вспомнили о некоторых фактах, и затем я задам вам ряд вопросов. Для ответа на условия, которые обсуждались, был дан срок. Ответ должен был поступить в 16.20. После того как капитан Беккер уехал в 13.22, увозя с собой условия капитуляции, в 13.25 германскими сухопутными войсками под командованием генерала Штудента были выпущены две красные ракеты. Вы когда-нибудь слышали об этом?

Кессельринг: Об этих фактах я тоже ничего не слышал. Двух красных ракет было бы недостаточно для этой цели.

Файф: Правильно. Но в дополнение к этому ваши сухопутные войска имели великолепную радиосвязь с вашими самолетами, — не так ли? Вы ответите на мой вопрос?

Кессельринг: Вчера я уже заявил...

Файф: Пожалуйста, отвечайте на вопрос. —

Кессельринг: Да и нет. Насколько я знаю, непосредственной связи между наземной базой и самолетами не было. Как я уже показал вчера, связь между командным пунктом и авиационным соединением осуществлялась через наземную базу.

Файф: Если нужно было бы передать сообщение воздушному флоту и прекратить бомбардировку, это легко могло быть сделано по радио, не пуская этих двух красных ракет?

Кессельринг: По моему мнению, да.

Файф: Итак, я заявляю вам, что все видели приближавшиеся бомбардировщики. Вы знаете это? Генерал Штудент видел приближавшиеся бомбардировщики. Вы знаете это, — не так ли?

Кессельринг: Да.

Файф: Если бы этот налет имел какое-либо тактическое значение в деле оказания помощи вашим войскам, он мог бы быть отменен, — не так ли?

Кессельринг: Я не понял последнего предложения.

Файф: Если бы цель этого нападения была только тактической, то есть оказание помощи в наступлении на Роттердам, оно могло легко быть отменено распоряжением генерала Штудента по радио самолетам, — не так ли?

Кессельринг: Да. Если бы было известно тактическое положение или если бы о нем было сообщено авиационному соединению, то не могло быть никакого сомнения.

Файф: Но если при честных переговорах противнику передали условия капитуляции, срок которых должен был истечь через три часа, солдат просто обязан отменить наступление, — не так ли?

Кессельринг: Если не были достигнуты другие соглашения, — да.

Файф: Но если он может приостановить наступление, то ведь это легче всего на свете сделать. Я хочу, чтобы вы совершенно ясно поняли мою мысль: цель налета на Роттердам, говоря вашими собственными словами, состояла в том, чтобы продемонстрировать решительность и терроризировать голландцев с тем, чтобы вынудить их к капитуляции?

Кессельринг: Разрешите мне еще раз повторить то, что я уже сказал. Этот налет произошел по чисто тактическим соображениям, и я категорически отрицаю всякие политические мотивы.

Файф: Знаете ли вы, что генерал Штудент после этого извинялся за этот налет — вам известно это? И извинялся перед голландским командующим за этот налет?

Кессельринг: Я этого не знаю. Как я вчера объяснил, генерал Штудент был тяжело ранен, и я не мог с ним даже говорить.

Файф: Я не намереваюсь занимать больше времени этим вопросом. Я поставил его, надеюсь, совершенно ясно. Я хочу задать вам один вопрос по другому пункту... Вы сказали, что налет на Варшаву 1 сентября 1939 г. имел место потому, что вы считали Варшаву вооруженной крепостью, имеющей противоздушную оборону, — это правильно?

Кессельринг: Да, конечно.

Файф: Но вам известно, что в то же самое время, в 5 часов утра в пятницу 1 сентября, германские воздушные силы совершили нападение на Августов, Новый Двор, Остров Мазовецкий, Тчев, Пук, Замбров, Радомско, Торн, Кутно, Тунель, Краков, Гродно, Трзебинц и Гдыню, которые находились в несколько ином положении. Ответьте на мой вопрос: германские воздушные силы напали на эти города?

Кессельринг: Немецкие военно-воздушные силы атаковали эти пункты, но, я повторяю, — не города.

Файф: Все эти атаки имели место 1 сентября в 5 часов утра, — не так ли?

Кессельринг: Налеты произошли утром, но атака была произведена не на города, как вы сказали, господин Главный обвинитель, а на военные объекты: аэродромы, штабы и транспортные сооружения. Как я вчера объяснил, со стороны ОКВ были даны подробные распоряжения о том, что должны производиться атаки только на военные объекты.

Файф: Вы утверждаете, что все эти города, названия которых я только что зачитал, являлись военными объектами?

Кессельринг: Насколько мне известно, — да.

Файф: У вас не было времени послать хотя бы один самолет-разведчик в Польшу перед тем, как имело место это нападение, — не так ли?

Кессельринг: Это верно. С другой стороны, от агентов было получено достаточное количество сведений о положении, и, кроме того, весь этот план был составлен по оперативным соображениям руководства военно-воздушных сил.

Файф: Весь план был разработан в апреле 1939 года под кодовым названием «Белый план» («план Вейс»), — не так ли?

Кессельринг: В тот момент я еще ничего не знал о том, что я получу назначение и что будет война.

Файф: Разве вы не знали, свидетель, после того, как вы получили назначение, что «Белый план» («план Вейс») был разработан в апреле 1939 года? Вам никогда об этом не говорили?

Кессельринг: Этого никогда не говорили, но, с другой стороны, я как солдат могу сказать следующее: общий план, который был разработан в апреле, претерпел очень много изменений до сентября, и в последний момент были предприняты самые решающие изменения.

Файф: Еще один момент, который я хочу вам напомнить. Помните ли вы, что немецкое радио передало последнюю ноту Польше в 9 часов вечера — вечер перед началом войны — 31 августа. Вы помните об этом?

Кессельринг: Я думаю, что да.

Файф: Это было за восемь часов до начала вашего нападения, и вам известно, не так ли, что подсудимый Геринг был в своем тайном штабе за неделю до этого и занимался там этим вопросом?

Кессельринг: Я могу представить, что это было именно так.

Файф: Я заявляю вам, что это общее нападение на польские города опять-таки входило в тщательно запланированную схему, целью которой было подвергнуть испытанию и сломить национальное сопротивление вашему наступлению.

Кессельринг: Я повторяю, что речь шла не об атаках на города, а об атаках на военные объекты, вы мне должны, в конце концов, верить как старому солдату.

Файф: Трибунал сам даст оценку вашим показаниям. Я не намереваюсь заниматься обсуждением этого. Я хочу только спросить вас еще по одному-двум пунктам для того, чтобы выяснить вашу точку зрения по поводу того, что вы считаете военной необходимостью. Вы помните приказы о партизанах в Италии, изданные в то время, когда вы были там командующим, — приказы, касавшиеся партизан?

Кессельринг: Конечно.

Файф: Я хочу изложить это совершенно точно, если я ошибусь, — укажите мне. Я понимаю положение следующим образом: подсудимый Кейтель издал общий приказ, касавшийся партизан, 16 декабря 1942 г. Копия этого приказа была найдена в вашем штабе или в вашем бывшем штабе, и, насколько вы помните, он был вам представлен впоследствии, но вы не уверены в точности даты. Это правильно? Вы не совсем уверены в дате?

Кессельринг: Да.

Файф: Я хотел бы, чтобы вы попытались вспомнить, потому что у вас было время подумать об этом: думаете ли вы, что приказ Кейтеля от декабря 1942 года поступил к вам до того, как вы издали ваш собственный приказ от 17 июня 1944 г.? Может быть, вы хотите посмотреть на ваш собственный приказ?

Кессельринг: Он мне был однажды зачитан. В ноябре, а затем в декабре и январе я просил о том, чтобы меня еще раз выслушали по поводу этого приказа, так как я имел возражения против его издания, а также против расчета рассылки, то есть адресатов; а также против времени.

Файф: Я сейчас передам вам эти приказы, так как вам следует посмотреть на них для того, чтобы освежить их в своей памяти. Сначала обратимся к приказу Кейтеля от 16 декабря 1942 г. Я надеюсь, что я передал вам тот самый документ? Я зачитаю его очень медленно.

«Поэтому фюрер приказал следующее. Враг использует в партизанской войне обученных фанатиков — коммунистов, которые не останавливаются перед совершением любых жестокостей. Это более, чем когда-либо, является вопросом жизни и смерти. Эта борьба не имеет ничего общего с честью солдата и с принципами Женевской конвенции. Если борьба против партизан на Востоке так же, как и на Балканах, не будет вестись самыми жестокими средствами, то мы скоро придем к такому положению, что имеющихся у нас войск будет недостаточно для осуществления контроля над этой территорией.

Поэтому использование всех средств без всякого ограничения, даже против женщин и детей, поскольку эти средства обеспечивают нам успех, не только оправдывается, но даже является долгом войск. Всякое снисхождение по отношению к партизанам является преступлением против германского народа».

Вы помните этот приказ?

Кессельринг: Да.

Файф: И вы, в свою очередь, издали приказ 17 июня 1944 г., когда вы были командующим в Италии? Вы помните это? Я вам покажу его сейчас, если я смогу получить экземпляр этого документа на немецком языке из этой папки.

Я оглашу снова краткую выдержку из этого приказа для того, чтобы Трибунал вспомнил об этом, но, пожалуйста, свидетель, ссылайтесь на любые другие выдержки, так как я не хочу дать одностороннее освещение этого приказа.

«1. Положение с партизанской активностью на итальянском театре военных действий, в особенности в Центральной Италии, за последнее время ухудшилось до такой степени, что оно представляет серьезную угрозу для сражающихся войск и их коммуникационных линий, а также для военной промышленности и экономического потенциала. Борьба против партизан должна проводиться всеми доступными нам средствами и с крайней жестокостью. Я буду защищать любого командира, который перейдет границы нашей обычной сдержанности, применяя жестокие методы в отношении партизан. В этом отношении оправ-

дывает себя старый принцип: лучше ошибиться в выборе методов, выполняя приказ, чем уклониться от его выполнения или не суметь выполнить его».

Вы помните это, свидетель?

Кессельринг: Да, я помню об этом приказе.

Файф: И вы помните, что через три дня, я говорю это для того, чтобы не было ошибки в отношении того, что именно вы имели в виду, вы издали следующий приказ, опять «совершенно секретный», который гласит:

«Долгом всех войск и полиции под моим командованием является принятие самых суровых мер. За всякий акт насилия, совершенный партизанами, они должны немедленно быть наказаны. В представленных докладах должны быть изложены в деталях принятые контрмеры. Всюду, где есть данные о наличии большого количества партизанских групп, будет арестовано соразмерное количество мужского населения данного района, и в случае акта насилия, совершенного партизанами, эти люди будут расстреляны».

Сейчас я хочу привести только два примера, свидетель, доказывающие, что этот приказ выполнялся. Вы помните, когда один из ваших офицеров, полковник фон Кобленц, был захвачен партизанами? Вы помните это?

Кессельринг: Генерал фон Кобленц?

Файф: Мне кажется, он был в то время полковником; это было 26 июня, как раз после издания вашего приказа. Вы помните, как полковник фон Кобленц был захвачен в плен?

Кессельринг: Нет.

Файф: Он был полковником транспортной службы; не очень видный офицер, но все-таки полковник.

Кессельринг: Да, я помню.

Файф: Сейчас посмотрите на эти два документа. Это выдержка из ежедневного доклада об общем положении командующего юго-западной частью Италии, датированного 26 июня.

«Положение с партизанами. К северу от Ареццо полковник фон Кобленц из штаба старшего офицера транспортной службы 10-й армии был взят в плен бандитами. Все мужское население деревень, расположенных вдоль этой дороги, было взято под стражу». Далее было объявлено, что все эти заложники будут расстреляны, если взятый в плен полковник не будет освобожден в течение 48 часов. Вы вспоминаете это?

Кессельринг: Не в деталях, но в общем помню.

Файф: Помните ли вы об этом случае?

Кессельринг: Да.

Файф: Посмотрите на следующий абзац. Это двухдневный доклад об общем положении, доклад о следующих двух днях от 28 июня; второй абзац гласит: «В качестве репрессалии за

взятие в плен полковника барона фон Кобленца до настоящего времени было взято под стражу 560 человек, в том числе 250 мужчин». Вы именно так понимаете значение выражения: «Шаги, которые необходимо принять в связи с партизанской войной», — а именно то, что 310 женщин и детей должны были быть взяты под стражу?

Кессельринг: Это было необходимо, но разрешите мне в этой связи перейти...

Файф: Разрешите привести вам еще один пример. Вы помните Чивителло? Вы помните, что сделали ваши войска с Чивителло?

Кессельринг: В настоящий момент не помню.

Файф: Разрешите мне вам напомнить, что было сделано с Чивителло, — это было 18 июня, через день после издания вашего приказа.

«Два немецких солдата были убиты, а третий был ранен в сражении с партизанами в деревне Чивителло. Боясь репрессалий, жители этой деревни эвакуировались, но когда немцы узнали об этом, они отложили карательные действия. 29 июня, — я напоминаю вам, свидетель, что это было через девять дней после вашего заявления, подкреплявшего ваш приказ, — когда местные жители вернулись в деревню и почувствовали себя вновь в безопасности, немцы провели тщательно организованные репрессалии, прочесав окрестности. Мирных жителей часто расстреливали на месте. В течение этого дня было убито 212 мужчин, женщин и детей в ближайших окрестностях этой деревни. Некоторые из убитых были найдены совершенно нагими. Во время расследования был составлен полный именной список убитых, в него не были включены несколько имен людей, чьи тела не могли быть опознаны. Возраст убитых варьируется от 1 года до 84 лет. Приблизительно сто домов было сожжено. Некоторые жертвы были сожжены живыми в своих домах».

Это отчет комиссии Объединенных Наций по расследованию военных преступлений по поводу этого случая. Итак, свидетель, вы действительно думаете, что военной необходимостью является убийство детей в возрасте 1 года и стариков в возрасте 84 лет?

Кессельринг: Нет.

Файф: Сейчас я хочу затронуть вопрос, который вы уже затрагивали, — это вопрос о положении дивизии «Герман Геринг». Вы упомянули об одном лице, которое я имею в виду, но разрешите мне, для того чтобы это было ясно Трибуналу, выяснить, кто были ваши офицеры в то время? Скажите, генерал Витингофф командовал 10-й армией?

Кессельринг: Да.

Файф: В 1944 году?

Кессельринг: Да.

Файф: Он находился непосредственно под вашим командованием?

Кессельринг: Да, он был подчинен мне непосредственно.

Файф: В таком случае, я позволю себе считать, что он был генералом, занимавшим весьма высокий и ответственный пост? Я не знаю его ранга, генерал...

Кессельринг: Генерал-полковник.

Файф: Под его командованием находился 76-й корпус генерала Герра? Это правильно?

Кессельринг: Это верно.

Файф: И под командованием генерала Герра находилась дивизия «Герман Геринг», которой командовал генерал Шмальц, — это правильно?

Кессельринг: Да, генерал Шмальц был командиром.

Файф: Я полагаю, в то время там был генерал Шмальц. Итак, дивизия «Герман Геринг» участвовала в большом количестве этих — я назову их — инцидентов. Я называю инцидентами случаи, подобные тому, который я описал, говоря о Чивителло. Я напоминаю вам об одном или двух таких случаях. Помните ли вы, что в Стиа с 13 по 18 апреля было убито 137 гражданских лиц, в том числе 45 женщин и детей, вы помните этот инцидент? Чивителло — это было 29 июня. И помните ли вы Бучини 7 и 9 июля? Вы помните инцидент в Бучини?

Кессельринг: Возможно, но сначала я должен был бы вспомнить подробности.

Файф: Может быть, вы вспомните об этом. Я ставлю перед вами этот вопрос в общем плане потому, что это общая линия поведения. И имело место много таких инцидентов, в которых участвовала дивизия «Герман Геринг». Вы помните об этом?

Кессельринг: Подобных случаев было очень много с той и с другой стороны, так что я должен в каждом отдельном случае точно изучить дело.

...*Файф:* Вы понимаете, что в настоящий момент Трибунал рассматривает дело подсудимого Геринга, поэтому я и задаю вам эти вопросы.

...Что касается лиц, названных в Обвинительном заключении, то вы знаете, что там названо девять постов главнокомандующих, или штабных постов, и затем главнокомандующие, которые командовали на некоторых территориях или некоторыми флотами военно-воздушных сил. Я полагаю, вы знакомы с Обвинительным заключением, — не так ли?

Кессельринг: Да.

Файф: Я стараюсь изложить это коротко для того, чтобы не отнимать времени у Трибунала. Я хочу, чтобы вы высказали

свое мнение по следующему вопросу: являются ли эти поименованные лица, возглавлявшие верховное командование вооруженными силами (ОКВ), главное командование воздушным флотом (ОКЛ), главное командование сухопутными силами (ОКХ) и главное командование военно-морским флотом (ОКМ), и их заместители и главнокомандующие офицеры германских вооруженных сил причастными к политике и к планированию войн?

Кессельринг: Главнокомандующие частями вооруженных сил были, само собой разумеется, совещательным органом главы государства во всех военно-политических вопросах. Командующие фронтами и т. д. не имели никакого влияния.

Файф: Я хочу, чтобы вы рассмотрели здесь два примера. До нападения на Польшу, 22 августа имело место совещание, о котором ранее здесь упоминалось. Присутствовали ли на нем те высшие офицеры, о которых я упоминал, начальники различных соединений вооруженных сил, а также главнокомандующие?

Кессельринг: Руководящие офицеры на этом театре военных действий?

Файф: Да, в это время объектом войны была Польша. Поэтому главной задачей в это время явилось рассмотрение вопроса о польской кампании, — не так ли? Главной задачей этого совещания было, по-видимому, рассмотрение вопроса о польской кампании при учете возможной кампании против западных держав, если они вступят в войну?

Кессельринг: Об этом я не могу дать сведений.

Файф: Трибунал уже слышал об этом совещании так часто, что я не намереваюсь вас снова спрашивать о нем. Я хочу только, чтобы вы назвали тех, которые там присутствовали. Разрешите напомнить вам о другом совещании. 9 июня 1941 г. имело место совещание, где обсуждался план нападения на Советский Союз — «план Барбаросса». Вы помните об этом?

Кессельринг: Я не знаю о совещании 9 июня. Но на одном совещании я присутствовал.

Файф: Вы присутствовали там, и опять-таки до начала русской кампании. Люди, которые присутствовали на этом совещании, являлись лицами, занимавшими самые высокие военные посты, и главнокомандующими, — не так ли?

Кессельринг: Да, это верно.

Файф: Включая тех, кто управлял определенными территориями, как, например, генерал фон Фалькенхорст, главнокомандующий армией в Норвегии в это время? Он присутствовал там?

Кессельринг: Генерал фон Фалькенхорст?

Файф: Да.

Кессельринг: Не могу вам сказать, вполне возможно, но я не помню этого.

Файф: Там присутствовали: генерал Штумпф, командовавший 5-м воздушным флотом, и, поскольку я не знаю их рангов, я позволю себе называть их по фамилии — Рундштедт, Рейхенау, Штюльпнагель, Шоберт, Клейст и, конечно, Бок, Клюге, Гудериан, Гальдер, Кессельринг?

Кессельринг: Последние были там определенно. О фон Штумпфе и Фалькенхорсте я не могу ничего сказать.

Файф: Таким образом, перед началом кампании обычно командующие, занимавшие эти высокие посты, встречались с фюрером, — не так ли?

Кессельринг: Да.

Файф: Обратите внимание на факты, имевшие место после сообщения о заговоре в Риме 23 мая 1944 г., заключавшемся в подготовке взрыва бомбы... Генерал фон Буттлер информировал вашего начальника штаба о том, что он обязан доложить об этом фюреру, — не так ли?

Кессельринг: Да.

Файф: Он связался с подсудимым Иодлем, и подсудимые Кейтель и Иодль донесли об этом деле фюреру?

Кессельринг: Да, это, очевидно, было так.

Файф: И фюрер дал приказ о том, чтобы 10 или 20 итальянцев было убито. Вы, кажется, не совсем уверены в цифре, но склонны думать, что их было 20?

Кессельринг: Я думаю, что это сообщение фон Вестфалы, которое я должен принять как правильное.

Файф: Можете ли вы вспомнить, свидетель, шла ли речь о 10 или 20 итальянцах?

Кессельринг: Я предполагаю, о 10. Я не знаю этого точно.

Файф: Точная цифра вам известна?

Кессельринг: Я предполагаю — 10.

Файф: Допустим сейчас, что речь шла о 10.

Генерал Макензен был представителем власти в Риме, — не так ли?

Кессельринг: Генерал-полковник фон Макензен командовал 14-й армией; комендант Рима был подчинен ему.

Файф: А лицом, которое, употребляя ваши собственные выражения, являлось его советником по этому вопросу, был человек по имени Каплер, — не так ли?

Кессельринг: Каплер из службы безопасности.

Файф: Кем он был — обергруппенфюрером или чем-нибудь в этом роде?

Кессельринг: Оберштурмбанфюрером.

Файф: Вы помните, что после появления каких-то комментариев по этому поводу в газете «Оссерваторе Романо» вы через своего офицера разведки направили соответствующий запрос? Фамилия этого офицера была Целлинг, — не так ли?

Кессельринг: Да, это так.

Файф: И вы также получили об этом отчет от Каплера лично, — не так ли?

Кессельринг: Каплер мне по телефону кратко сообщил, что он имеет соответствующее количество осужденных.

Файф: Не говорил ли вам Каплер о том, что он казнил 382 человека?

Кессельринг: Это должно было быть выполнено 14-й армией, и я лишь узнал о результате без каких-либо пояснений и не разговаривал по этому поводу непосредственно с Каплером.

Файф: Вы в этом уверены?

Кессельринг: Я подчеркиваю еще раз: я имел с Каплером краткий телефонный разговор после того, как прибыл на свой командный пункт, и мне было сообщено то, о чем я уже здесь сказал. Больше не помню никаких дальнейших разговоров. Я помню только, что, встретившись с ним через восемь или десять дней, я сказал ему, что я ему до некоторой степени благодарен за то, что этот крайне неприятный вопрос удалось разрешить без нарушения правовых и моральных норм.

Файф: Посмотрим, за что вы, собственно, должны были быть благодарны. Вы были допрошены об этом 8 января. Вы помните о заданном вам следующем вопросе:

«Не говорил ли вам Целлинг, что все те люди, которые были казнены, прежде обвинялись в каких-то преступлениях, наказуемых смертной казнью». Вы ответили на это: «Да, я об этом уже говорил, так и было сделано. Даже Каплер рассказал мне об этом».

Кессельринг: Да, это правильно.

Файф: Таким образом, вам, по вашим словам, объяснили, что было взято, предположим, 382 человека, которые были виновны в других преступлениях, и казнили их в качестве репрессии за заговор, заключающийся в подготовке взрыва бомбы. Не так ли?

Кессельринг: Да, это правильно, если учесть, что эти люди уже предварительно были приговорены к смертной казни.

Файф: Как вам уже указывалось, в этом отчете Каплера говорится, что из 382 человек 176 совершили действия, которые должны были наказываться смертью, но дела 22 из них были отнесены к числу «прекращенных» дел, о чем имелась соответ-

ствующая пометка, 17 были приговорены к разным срокам трудовых работ, 4 были действительно приговорены к смерти, 4 были арестованы возле места совершения преступления. В целом это составляет 223 человека.

Не говорил ли вам Каплер: «Впоследствии число жертв возросло до 325 человек, а затем я решил добавить еще 57 евреев». Приводил ли вам Каплер эти цифры?

Кессельринг: Нет.

Файф: Но вы согласитесь с тем, свидетель, что большое число этих лиц было казнено в результате приказа о казни 10 итальянцев или, может быть, 20 итальянцев за каждого убитого немца?

Кессельринг: Это я признаю, но с учетом, как я уже говорил, того, что речь здесь идет о людях, ранее осужденных.

Файф: Но ведь для вас не составляло разницы, осуждались ли они за участие в подготовке взрыва бомбы или за какие-либо другие преступления?

Кессельринг: Господин генеральный прокурор, ситуация была следующей: партизанская борьба на Южном фронте началась с большим ожесточением. В это время были брошены бомбы в полицейскую роту, причем это было сделано римскими кругами, с которыми до сего времени обращались неслышанно мягко. Волнение среди немцев было таким, что как я, так и подчиненные мне командиры, в том числе посол Мюллергаузен, должны были сделать все для того, чтобы заглушить это волнение. Это — с одной стороны, а с другой — нужно было сделать что-либо такое, что я счел бы наиболее целесообразным для избежания в дальнейшем подобных случаев, а именно, нужно было заклеить публично это покушение, показать, что германской армии не может быть нанесен какой-либо ущерб без последствий. Именно это было для меня важно. А участвовал ли в этом X и Y, для меня было второстепенным вопросом. Первостепенным же был только вопрос об успокоении общественного мнения, как римского, так и немецкого, причем в самый кратчайший срок.

Файф: Вы прежде говорили, что нужно было принимать меры «третьей степени» или, как правильнее было бы выразиться, терроризировать население для того, чтобы оно не повторяло и не предпринимало актов, направленных против немецкой армии?

Кессельринг: Я такого выражения не употреблял. Я должен повторить, что я находился, если можно так сказать, прямо-таки в идеальных дружественных отношениях с итальянцами, поэтому я и был послан в Италию, и у меня были все

основания завоевывать симпатии, а не сеять вражду. Я вмешивался в это дело, и притом вмешивался так решительно, потому что надо было уничтожить в кратчайший срок эту бациллу чумы.

Файф: Я сегодня утром задал несколько вопросов по поводу вашей «дружбы» с итальянцами и не собираюсь возвращаться к этому. Я лишь хочу, чтобы вы мне помогли разобраться еще в одном вопросе. 2 ноября 1943 г. вы были генералом, командующим в Италии, то есть после того, как вы стали...

Кессельринг: Можно мне еще добавить по первому пункту?

Файф: Переходите к заданному мною вопросу. Я хочу, чтобы вы сказали, были ли вы генералом, командующим в Италии 2 ноября 1943 г. Вы были им?

Кессельринг: С ноября, со 2 ноября 1943 г.

Файф: Вы помните, что вы послали телеграмму в ОКВ по поводу того, что три британских «командос» были захвачены в плен около Пескаре и что они должны были быть подвергнуты «специальному обращению»?

Это «специальное обращение» означает убийство, оно означает, что они были убиты СС?

Кессельринг: Нет, извините...

Файф: Что вы имеете в виду под «специальным обращением»?

Кессельринг: Эти люди у Пескаре, как я уже сказал сегодня, не были расстреляны, они сначала попали в лазарет, а те, которые не были ранены, насколько я помню, были отосланы в лагерь для военнопленных.

Файф: Там было еще девять человек, которые были отправлены в госпиталь, а трое, судя по вашей телеграмме, были подвергнуты «специальному обращению». Я хотел вас спросить относительно тех, которые были отправлены в госпиталь. Что вы делали с людьми, которые охватывались приказом о «командос» и попадали в госпиталь?

Кессельринг: Как я уже сказал, с ними обращались по общим правилам, установленным Гаагской конвенцией.

Файф: Я не собираюсь спорить с вами о том, были ли приказы о «командос» изданы в соответствии с Гаагской конвенцией. Нам известно, что приказ о «командос» существовал и что по этому приказу расстреливались люди, которые были захвачены как «командос». Я спрашиваю вас о том, что делали с людьми из состава «командос», которые имели несчастье получить ранение?

Кессельринг: Я хотел бы ответить. На основании этого приказа они должны были быть расстреляны. Я уже сказал, что в данном случае этот приказ, как я предполагаю, ввиду вмешательства генерал-полковника Иодля был выполнен.

Файф: Мы слышали здесь показания о том, что в Вильно СС имели обыкновение убивать в госпиталях новорожденных еврейских младенцев немедленно после их появления на свет. Можете ли вы нам ручаться за то, что бойцы «командос», которые были ранены и находились в госпитале, не умерщвлялись сразу после их поступления в госпиталь?

Кессельринг: Я утверждаю, что я ничего не знал о подобной экзекуции...

ДОПРОС ГИТЛЕРОВСКОГО ФЕЛЬДМАРШАЛА ГЕРХАРДА МИЛЬХА

[Из стенограммы заседаний Международного Военного Трибунала
от 8 и 11 марта 1946 г.]

Штамер¹: Господин свидетель, вы принимали участие в первой мировой войне?

Мильх: Так точно.

Штамер: Какую должность вы занимали?

Мильх: Вначале был офицером артиллерии, в конце — капитаном авиации.

Штамер: Когда вы по окончании первой мировой войны были уволены с военной службы?

Мильх: Весной 1920 года.

Штамер: Чем вы занимались по окончании службы?

Мильх: Я пошел в гражданскую авиацию.

Штамер: Когда вы снова вступили в вооруженные силы?

Мильх: В 1933 году.

Штамер: Сразу же в военно-воздушные силы?

Мильх: Так точно.

Штамер: Какую должность вы занимали к началу второй мировой войны?

Мильх: Я был генерал-полковником и генерал-инспектором военно-воздушных сил.

Штамер: Когда началось создание ВВС?

Мильх: В 1935 году.

Штамер: В каком объеме?

Мильх: Создавались оборонительные военно-воздушные силы.

Штамер: Каковы были отношения между немецкими военно-воздушными силами и ВВС других стран начиная с 1935 года?

Мильх: В первые годы после 1935 года Германия, собственно говоря, еще не имела авиации, в подлинном смысле этого

¹ О. Штамер немецкий адвокат, защищавший на Нюрнбергском процессе Геринга; по его ходатайству Мильх был вызван в качестве свидетеля. — Составители.

слова. Это были первые соединения и первые крупные училища, которые были тогда созданы. Была создана в эти годы также и авиационная промышленность. Ранее, перед вооружением, промышленность была весьма незначительной. Я случайно знал, что число рабочих во всей немецкой авиационной промышленности к моменту прихода национал-социалистов к власти составляло от 3000 до 3300 человек: конструкторов, торговых специалистов, техников и рабочих.

Первый контакт с заграницей в области авиации имел место в 1937 году, а именно вследствие того, что в январе 1937 года английская комиссия под руководством вице-маршала авиации Кортни и трех других высших офицеров (Кортни был начальником разведывательной службы английской авиации) прибыла в Германию. Я сам сопровождал эту комиссию во время ее пребывания в Германии. Мы выполняли все желания этих господ в отношении того, что члены комиссии хотели видеть. Тогда существовали лишь первые соединения, главным образом учебные, в которых впервые испытывали новые модели.

Далее я показал им промышленность, военные училища и все то, что еще хотели видеть эти господа. В конце совещания английский вице-маршал авиации предложил организовать взаимный обмен планами формирования между Англией и Германией. Я запросил на это согласие моего командующего и получил его, и тогда мы предоставили Англии план формирования немецкой авиации на 1937, 1938 и, мне кажется, на 1939 год и, с другой стороны, получили от Англии также цифровой материал в соответствующем количестве. При этом существовала договоренность, что в будущем также в том случае, если будут иметь место какие-либо изменения в планах или созданы какие-либо новые соединения, надлежит обмениваться данными. Посещение этой комиссии проходило в товарищеском духе и было основой для контакта в будущем.

В мае того же 1937 года я с несколькими господами, в качестве представителя моего командующего, был приглашен в Бельгию для осмотра ее авиации. Затем в июле...

Штамер: Как проходило это посещение в Бельгии, можете ли вы дать показания по этому вопросу?

Мильх: Нас приняли очень дружелюбно. Я познакомился с военным министром, министром иностранных дел, премьер-министром и его величеством королем Бельгии, не говоря уже об офицерах авиации, которые, безусловно, в первую очередь были представлены мне. Имел место дружественный обмен мнениями, причем бельгийцы заверили меня в их личных дружественных чувствах по отношению к Германии.

Штамер: В этом случае также происходил обмен сведениями?

Мильх: Нет, не в этой форме. Мы позже, в Германии, показали также бельгийцам все, что мы имели, когда командующий бельгийской авиацией генерал де Вильен нанес нам ответный визит.

Затем имел место большой международный съезд в июле 1937 года в Цюрихе, авиационный съезд, который происходил каждые пять лет. На этом съезде мы показали наши новейшие модели истребителей, бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков, а также наши новые моторы, которые только что были выпущены, и все, что представляло собой интерес с международной точки зрения. Там были представлены большим количеством экспертов французская, итальянская, чешская и бельгийская авиация, кроме немецкой, в связи с экспонированными нами образцами. На эту конференцию прибыла английская комиссия из офицеров, которые, однако, не участвовали ни в одном состязании на этом съезде. Мы показали дружески нашу материальную часть как французам, так и англичанам и другим нациям. Например, там был представлен «Мессершмидт-109» — истребитель, который с некоторыми усовершенствованиями использовался до конца войны; затем новейшие бомбардировщики типа «Дорнье-Бомбер»; новый пикирующий бомбардировщик «Юнкерс», а также новые моторы «Даймлер-Бенц» — 600 и 601 и «Юнкерс».

Председатель: Доктор Штамер, я не думаю, что это большое количество деталей представляет хотя какой-нибудь интерес для Трибунала.

Штамер (обращается к свидетелю): Господин свидетель, итак — никаких деталей. Говорите очень коротко.

Мильх: Так точно. Затем в октябре 1937 года французское правительство пригласило нас во Францию для осмотра французской авиации. Рассказывали, что посещение прошло в особенно дружественной обстановке. Вскоре после этого, примерно через неделю, по приглашению англичан мы также посетили Англию в ответ на визит г-на Кортни. И в этом случае нам были показаны заводы, соединения, а также авиационные училища и, кроме того, при осмотре промышленности — пущенная тогда в ход «скрытая промышленность»¹.

Затем имел место обмен визитами с Швецией.

Пожалуй, на этом я могу закончить.

Штамер: Участвовали ли вы 23 мая 1939 г. на совещании у фюрера и в качестве кого?

¹ Мильх имеет в виду промышленность, которая производит в мирное время мирную продукцию, а в военное время может перейти на производство самолетов и моторов. — Составители.

Мильх: Да, утром в тот день я неожиданно получил приказ явиться туда, так как рейхсмаршал не мог присутствовать на этом совещании.

Штамер: Вспоминаете ли вы детали этого совещания?

Мильх: Фюрер делал большой доклад перед тремя главными командующими частями вооруженных сил: сухопутных сил, авиации, морского флота и начальниками их штабов. Там присутствовало также несколько других лиц. На этом совещании Гитлер заявил, что он намерен тем или иным образом разрешить вопрос в отношении коридора (путем создания коридора в Восточную Пруссию). В этой связи он остановился на возможности возникновения конфликтов на Западе. В данном случае речь шла лишь о докладе, а не об обмене мнениями или о совещании.

Штамер: Говорилось ли еще что-нибудь на этом совещании, или, точнее, говорил ли он еще что-нибудь на этом совещании?

Мильх: Да. Это были вопросы относительно того, будет ли Запад — он, очевидно, в первую очередь имел в виду Францию — реагировать на это спокойно или предпримет меры.

Штамер: Говорилось ли о возможности агрессии по отношению к Польше, которая, насколько я припоминаю, ставилась лишь в связи с разрешением вопроса о коридоре?

Мильх: Да, во всяком случае я понял фюрера так, что он при всех обстоятельствах хотел разрешить вопрос о коридоре. Вначале предполагалось вести переговоры, но, если бы они сорвались, было предусмотрено, по-видимому, разрешение вопроса военным путем.

Штамер: Этот вопрос после доклада обсуждался?

Мильх: Нет. Было лишь дано категорическое указание в отношении того, что этот вопрос не должен был обсуждаться, даже между участниками этого совещания. Мне было, например, запрещено говорить что-нибудь об этом рейхсмаршалу, который не присутствовал на совещании. Гитлер заявил, что он сам сообщит ему об этом.

Штамер: Какова была позиция Гингга в отношении войны?

Мильх: У меня всегда было впечатление — это я уже почувствовал во время захвата Рейнской области, — что он опасался, что политика Гитлера приведет к войне. По моему мнению, он был против войны.

Штамер: Когда вы в первый раз узнали, что Гитлер планирует войну с Россией?

Мильх: Насколько я помню, это было весной 1941 года...

Штамер: Говорил ли Гитлер когда-либо вам, что его серьезным намерением является жить в мире с Западом?

Мильх: Да. Я очень коротко остановился на визитах в различные страны. После посещения Франции я два часа беседовал

с Гитлером в Оберзальцберге и сделал доклад о своей поездке. После моей поездки в Англию, примерно через 2 недели, я также сделал Гитлеру многочасовой доклад. Он был очень заинтересован этим докладом, и после второго доклада, то есть после посещения Англии, он заявил: «Я буду вести мою политику различными курсами, но вы можете быть уверены в том, что я всегда буду опираться на Англию. Я намерен всегда идти вместе с Англией». Эта беседа имела место 2 ноября 1937 г.

Штамер: Вы говорили о двух беседах?

Мильх: Да. Первая представляла собой отчет о посещении Франции, вторая — отчет о посещении Англии. Гитлер, который вообще не знал заграницы, был очень заинтересован узнать от солдата что-либо об Англии, относительно того, как меня приняли, о стране, вооружении и т. д.

Штамер: Каково было отношение рейхсмаршала Геринга к Гиммлеру?

Мильх: Не всегда это было ясно для меня. У меня было впечатление, что со стороны Гиммлера имело место соперничество. Отношения между ними, однако, были весьма корректными и со стороны казались весьма предупредительными. Каковы они были в действительности, я сказать не могу.

Джексон: Вам разрешили беседовать с защитником во время процесса?

Мильх: Да, я имел возможность беседовать с рядом защитников, но не со всеми...

Джексон: ...Итак, после консультации с защитниками вам разрешили подготовить, хранить и принести в суд записи?

Мильх: Записи, которые я имею с собой, были составлены мною самим до того, как я говорил с защитниками.

Джексон: После консультации с защитой вы не делали никаких записей?

Мильх: Я сделал записи относительно одной беседы с защитником. В этих записях был упомянут срок, который был мне назван защитником и которого я не мог бы назвать по памяти.

Джексон: Вы занимали очень высокий пост в германских военно-воздушных силах?

Мильх: Я был генеральным инспектором.

Джексон: И часто на совещаниях представляли Геринга?

Мильх: Я очень редко представлял его.

Джексон: Вы отрицаете, что вы часто посещали совещания от имени Геринга?

Мильх: Нет, этого я не отрицаю, я лишь заявляю, что на части этих совещаний я присутствовал по занимаемой мной

должности, а не как представитель Геринга. Посещать совещания от имени Геринга мне приходилось редко, поскольку в большинстве случаев он присутствовал лично.

Джексон: Вы принимали очень активное участие в строительстве военно-воздушных сил, — не так ли?

Мильх: Так точно.

Джексон: И в 1941 году вы были награждены за это гитлеровским правительством, — не так ли?

Мильх: В 1941 году нет. Мне кажется, что вы, г-н Главный обвинитель, имеете в виду 1940 год.

Джексон: 1940 год, возможно, я ошибся.

Мильх: Вы имеете в виду производство меня в фельдмаршалы?

Джексон: Когда вы были произведены в фельдмаршалы?

Мильх: 19 июля 1940 г.

Джексон: Не получали ли вы каких-нибудь подарков от гитлеровского правительства в знак признания ваших заслуг?

Мильх: В 1942 году ко дню моего пятидесятилетия я получил награду от правительства.

Джексон: И эта награда была сделана в денежной форме?

Мильх: Это было денежное вознаграждение. На эти деньги я смог купить себе имение.

Джексон: Сколько оно составляло?

Мильх: Это вознаграждение составляло 250 тысяч марок.

Джексон: Итак, вы пришли сюда показать, насколько я понял ваше показание, что режим, составной частью которого вы были, сверг Германию в войну, к которой она совершенно не была подготовлена. Правильно я вас понял?

Мильх: Это правильно в следующем отношении. В 1939 году Германия вступила в войну, к которой ее военно-воздушные силы не были достаточно подготовлены.

...*Джексон:* Известно ли вам о каком-либо случае, когда кто-нибудь из этих обвиняемых, сидящих сейчас на скамье подсудимых, публично высказывался против войны?

Мильх: Я не могу вспомнить, чтобы эти высказывания делались публично, но мне кажется, что для всех сидящих на скамье подсудимых война являлась большой неожиданностью.

Джексон: Вы хотели бы верить в это?

Мильх: Да, я верю в это.

Джексон: Ах, вы верите... А сколько времени потребовалось для германских вооруженных сил, чтобы захватить Польшу?

Мильх: Кажется, 18 дней.

Джексон: 18 дней. Сколько времени у вас заняло изгнание Англии с континента, включая трагедию Дюнкерка?

Мильх: Шесть недель.

Джексон: Сколько времени требовалось вам для занятия Голландии и Бельгии?

Мильх: Несколько дней.

Джексон: Сколько времени потребовалось для того, чтобы пройти Францию и взять Париж?

Мильх: Всего около двух месяцев.

Джексон: Сколько времени потребовалось для того, чтобы пройти Данию и захватить Норвегию?

Мильх: Также немного времени. Данию совсем за короткое время, так как Дания быстро сложила оружие, что касается Норвегии, то тоже несколько недель.

Джексон: И вы, давая эти показания, хотите уверить Трибунал, что все эти операции были неожиданными для офицеров военно-воздушных сил. Вы сказали, что каждая из них была неожиданностью для вас?

Мильх: Я сказал, что большой неожиданностью было начало войны. Вначале речь шла ведь только о Польше. Другие операции последовали много позже, и мы имели больше времени для подготовки к ним.

Джексон: Когда вы впервые встретили Германа Геринга?

Мильх: Кажется, в 1928 году.

Джексон: Какой пост он тогда занимал?

Мильх: Он был тогда депутатом рейхстага.

Джексон: Чем вы тогда занимались?

Мильх: Я был тогда руководителем германского авиационного общества, которое было гражданским транспортным учреждением.

Джексон: Беседовали ли вы с Герингом в то время относительно того, что должно быть сделано с военно-воздушными силами, если нацистская партия придет к власти?

Мильх: В то время еще нет.

Джексон: Когда вы впервые обсуждали этот вопрос с Герингом?

Мильх: По этому вопросу Геринг говорил со мной в 1932 году, когда планировался захват власти.

Уже тогда верили в то, что национал-социалисты вместе с другими партиями образуют правительство. Однажды Геринг сказал мне, что если бы у власти находилось правительство, в которое войдут национал-социалисты, то для Германии вновь открылась бы возможность вооружаться.

Джексон: После этого вы стали членом нацистской партии, — не так ли?

Мильх: Я вступил в партию после 1933 года, но, став снова офицером, я тем самым перестал быть в партии.

Джексон: Чтобы вступить в партию, вы ждали того момента, когда нацисты придут к власти?

Мильх: Да, так точно.

Джексон: Припомните ли вы беседу с Герингом 28 января 1933 г.?

Мильх: Да.

Джексон: Где она состоялась?

Мильх: У меня дома.

Джексон: Расскажите Трибуналу о содержании этой беседы.

Мильх: Геринг мне рассказал, что вместе с другими имевшими вес партиями подписано соглашение о формировании коалиционного правительства с участием национал-социалистов и что рейхспрезидент Гинденбург согласен с назначением Гитлера рейхсканцлером. Он меня спросил, готов ли я принять участие в создании министерства авиации? Я ему тогда предложил вместо себя двух других лиц, так как я не хотел покинуть германское авиационное общество. Геринг отклонил мое предложение и настаивал на моем сотрудничестве.

Джексон: И вы согласились?

Мильх: Я просил разрешения подумать над этим вопросом. Кроме того, я сказал Герингу, что мое согласие будет зависеть от того, станет ли настаивать на моем сотрудничестве Гитлер.

Джексон: Что же сделал Гитлер?

Мильх: Я принял это предложение 30 числа после того, как Гитлер заявил мне, что ему необходимы мои технические знания и навыки в области авиации.

Джексон: Значит в тот день, когда нацистская партия пришла к власти, вы приняли на себя задачу строительства нацистских военно-воздушных сил, — не так ли?

Мильх: Нет, не военно-воздушных сил. Речь шла тогда лишь о том, чтобы привести в порядок и учесть имевшиеся тогда административные учреждения по линии воздушного сообщения. Тогда имелись одно или два гражданских общества воздушного сообщения, заводы, строившие гражданские самолеты, школы гражданских летчиков, метеорологическая служба и различные учреждения исследовательского характера. Этим перечислением я охватил весь объем воздушного сообщения, но не военно-воздушных сил.

Джексон: Пожалуй, я скажу, что вы взяли на себя задачу сделать так, чтобы Германия господствовала в воздухе?

Мильх: Нет, этого нельзя сказать.

Джексон: Скажите нам, что вы делали, какова была ваша цель, когда вы приняли на себя эту задачу?

Мильх: Расширить германское воздушное сообщение и все, к нему относящееся, — это была первая задача.

Джексон: Вы посетили Францию и Англию и по приезде явились с докладом лично к Гитлеру, — не так ли?

Мильх: Да, так точно.

Джексон: Когда вы вернулись из Англии, вы предостерегли Гитлера относительно деятельности Риббентропа?

Мильх: Да.

Джексон: Что вы сказали Гитлеру о деятельности Риббентропа в Англии?

Мильх: Я сказал, что в Англии у меня сложилось впечатление, что г-н Риббентроп не является «персона грата».

Джексон: Не говорили ли вы на предыдущих допросах, что вы заявили Гитлеру, что если он в скором времени не отделается от Риббентропа, у него будут неприятности с Англией?

Мильх: Точно не могу вспомнить этих слов.

Джексон: Но разве не таков был смысл ваших показаний?

Мильх: Мне казалось, что в Англию следовало послать другого человека, который должен был бы обеспечить политику сотрудничества с Англией, что было желанием Гитлера, о котором он часто говорил.

...Джексон: Когда вы узнали, что Германия собирается начать войну, которую вы как посвященный в этот вопрос офицер считали бедствием, подали ли вы в отставку?

Мильх: Нет, это было совершенно невозможно...

Робертс: Вы сказали, отвечая на вопросы защиты, что начиная с 1935 года военно-воздушные силы Германии строились в оборонительных целях. Вы помните это?

Мильх: Да. Это было в 1935 году.

Робертс: Утверждаете ли вы, что военно-воздушные силы продолжали оставаться средством обороны до декабря 1939 года?

Мильх: Да.

Робертс: Я хочу, чтобы вы выслушали три выдержки из документальных доказательств. Это выдержки из речей, произнесенных вашим начальником, подсудимым Герингом... В мае 1935 года Геринг сказал: «Я намереваюсь создать военно-воздушные силы, которые, когда пробьет час, обрушатся на врага подобно карающей деснице возмездия. Противник должен считать себя побежденным еще до того, как он начнет сражаться». Скажите, звучит ли это так, как если бы речь шла о военно-воздушных силах, носящих оборонительный характер?

Мильх: Нет, это не звучит так, но необходимо отделить слова от деяний. *(Смех в зале.)*

Робертс: Я перейду к деяниям через одну минуту. 8 июня 1938 г. Геринг, обращаясь к группе авиапромышленников, заявил: «Неизбежна война с Чехословакией. Германские военно-воздушные силы уже превосходят английские. Если Германия выиграет войну, — она станет сильнейшей державой мира и бу-

¹ Д. Робертс — представитель английского обвинения. — Составители.

дет господствовать на мировом рынке; Германия будет богатой нацией. Для этой цели нужно пойти на риск». Скажите, звучит ли это так, как если бы германские военно-воздушные силы существовали в интересах обороны? Звучит ли это так?

Мильх: Нет, это звучит, конечно, не так. Но я кое-что скажу по этому поводу, когда вы кончите.

Робертс: Пожалуйста, в интересах экономии времени ограничивайтесь только краткими ответами на мои вопросы. Я хотел бы огласить еще выдержку из речи Геринга от 14 октября 1938 г., то есть менее чем месяц спустя после Мюнхенского пакта: «Гитлер поручил мне создать гигантскую программу вооружения, перед которой померкнут все предыдущие достижения. Я получил от фюрера задание беспредельно увеличивать вооружение. Я приказал с наибольшей скоростью произвести строительство военно-воздушных сил и увеличить их в пять раз против существующих». Походит ли это на речь, в которой говорилось бы об оборонительных задачах воздушного флота?

Мильх: Для создания этого воздушного флота потребовались бы многие годы.

Робертс: Вы присутствовали на совещании главнокомандующих в имперской канцелярии 23 мая 1939 г.?

Мильх: 23 мая, да.

Робертс: Я хотел бы вам напомнить, кто там присутствовал. Там присутствовали: Гитлер, Геринг, Редер, фон Браунхич, Кейтель, вы, Гальдер, генерал Боденшатц, Варлимонт...

Мильх: Да.

...Робертс: Вы знали, конечно, что Германия дала слово уважать нейтралитет Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Не так ли?

Мильх: Я полагаю, — да; я не знаком с отдельными соглашениями, но я предполагаю, что это было так.

Робертс: Не было ли вам известно, что менее чем за месяц до этого совещания, а именно 28 апреля, в рейхстаге Гитлер заверил, что он будет уважать нейтралитет целого ряда европейских стран, включая три страны, которые я упомянул? Разве вам не был известен этот общеизвестный исторический факт?

Мильх: Я предполагаю, что так было.

Робертс: Помните ли вы, что на том совещании Гитлер произнес следующие слова, которые хорошо известны Трибуналу: «Голландские и бельгийские военно-воздушные базы должны быть оккупированы вооруженными силами. Не следует обращать внимания на обязательства об уважении нейтралитета».

...Следует направить все усилия на то, чтобы в самом начале нанести противнику сокрушающий или окончательный, решающий удар. Вопросы о том, что правильно и что неправильно, или

вопросы о договорах не имеют никакого отношения к делу». Вы помните, что были произнесены эти слова?

Мильх: Я плохо помню, каким образом это говорилось, но я знаю только, что речь шла о Данциге и польском коридоре и что в связи с этим Гитлер разъяснял, какие осложнения могут создаться и что поэтому следует предпринять, по его мнению, но что именно он говорил, детали я уже не помню.

Робертс: Скажите, протестовал ли кто-либо из этих людей против нарушения Германией принятых ею на себя обязательств?

Мильх: На этом совещании ни у кого из присутствовавших не было возможности вообще что-либо сказать, так как Гитлер стоял на кафедре перед нами и произносил речь и после этой речи он удалился. Никакое собеседование не имело тогда места, оно не было допущено Гитлером.

Робертс: Не сообщите ли вы Трибуналу, каково ваше мнение обо всем этом?

Мильх: У меня на том совещании тогда не создалось впечатления, что Гитлер сказал что-либо такое, что противоречило бы тем обязательствам, которые на себя взяла Германия. Во всяком случае, я не помню этого.

Робертс: Будете ли вы утверждать, что протокол совещания неправильный?

Мильх: Нет, я этого не могу сказать. Я могу сказать, что я не помню отдельных слов. Я не могу сказать, является ли протокол абсолютно правильным. Насколько я знаю, этот протокол был составлен позднее одним из присутствовавших на совещании адъютантов.

Робертс: Во всяком случае мы знаем, что ровно через 12 месяцев после этого Германия поступила именно таким образом и нарушила свое обязательство по отношению к Нидерландам и Люксембургу и принесла нищету и смерть миллионам людей. Вы знаете теперь об этом? Не так ли?

Мильх: Да, я знаю. Во всяком случае, будучи солдатами, мы никакого отношения к политическим вопросам не имели, и об этом нас не спрашивали.

Робертс: Вы сейчас сказали, что теперь вы знаете, что 12 месяцев спустя Германия нарушила нейтралитет Бельгии, Голландии и Люксембурга, не так ли?

Мильх: Да...

Робертс: Утверждаете ли вы, что не знали о том, что ваша страна дала слово уважать нейтралитет этих трех малых стран?

Мильх: Да, я это читал в речи, произнесенной в рейхстаге...

...*Робертс:* А сейчас я спрашиваю вас: было ли в Германии общеизвестно то, что Гитлер давал гарантии и принимал на себя обязательства по отношению ко всем этим малым странам?

Мильх: Гитлер предлагал и обещал многое...

Робертс: Ответьте на мой вопрос... То, что вы сказали, это не ответ на заданный мною вопрос, сейчас нам известны эти факты из документов, из ваших собственных немецких документов. Я хочу сейчас только узнать о вашей осведомленности и о вашем понятии чести. Не думаете ли вы, что в высшей степени бесчестно давать обязательство 28 апреля и 23 мая принимать тайное решение о том, чтобы нарушить это обязательство?

Мильх: Да, вы правы только в том случае, если положение не изменилось за этот промежуток времени, а об этом-то я и не мог судить.

...*Робертс:* Вы знаете, конечно, что нейтралитет Норвегии был все-таки нарушен?

Мильх: Да...

...*Робертс:* Вы фактически осуществляли командование в Норвегии?

Мильх: Да.

Робертс: Вы знаете, что Белград был подвергнут бомбардировке, насколько я помню, в апреле 1941 года?

Мильх: Я узнал это из сводки германских вооруженных сил в свое время.

Робертс: Без всякого объявления войны и без всякого предупреждения гражданского населения. Вы знали об этом?

Мильх: Этого я не знал.

Робертс: Не обсуждали ли вы этот вопрос с Герингом?

Мильх: О нападении на Белград? Нет, этого я не помню.

Робертс: Разве даже он не высказал сожаления по поводу бомбардировки крупной столицы, гражданское население которой не было предупреждено об этом хотя бы за час?

Мильх: Мне это неизвестно, и я не помню такого разговора.

Робертс: Это — убийство, — не так ли?

Мильх: (Молчание.)

Робертс: Вы предпочли бы не отвечать на этот мой вопрос?

Мильх: На этот вопрос я вам не могу ответить «да» или «нет», так как я не знаю подробностей об этих налетах. Я не знаю, была ли объявлена война. Я не знаю, предупреждалось ли население, и я не знаю, являлся ли Белград крепостью, я не знаю, какие объекты были атакованы. Я не знаю о таком количестве воздушных налетов, в отношении которых можно было бы поставить этот вопрос таким образом.

Робертс: Я не задал бы вам вопроса по этому поводу, если бы мы не имели относящегося к этому документа. Это — приказ Гитлера о том, что Белград следует неожиданно разрушить путем налетов бомбардировщиков волнами без предъявления ка-

кого-либо ультиматума, без каких-либо дипломатических демаршей или переговоров.

Мильх: Я хотел бы сказать, что узнал об этом документе впервые сегодня.

Руденко: Скажите, вы узнали о планировании Гитлером войны против Советского Союза в январе 1941 года?

Мильх: В январе я услышал от рейхсмаршала Геринга, что Гитлер сообщил ему о том, что он якобы ожидает нападения России. Затем несколько месяцев я ничего больше не слышал по этому вопросу, пока я совершенно случайно от своего подчиненного не узнал, что предстоит война с Россией и что поэтому приняты меры по обмундированию войск.

Руденко: А вы знакомы с «планом Барбаросса»?

Мильх: Это название я слышал, и я видел этот план во время совещания с отдельными командующими войсковых групп и армий, которое имело место у фюрера за день или за два до вторжения в Россию.

Руденко: Когда, примерно, — за один день или за два дня до вторжения в Россию?

Мильх: Я могу вам точно сообщить эту дату.

Это было 14 июня. Значит, это, примерно, за восемь дней до вторжения, которое состоялось 22 июня.

Руденко: А до этого вы видели «план Барбаросса»?

Мильх: Название «Барбаросса» слышал, возможно, еще до этого совещания.

Руденко: Когда?

Мильх: Этого я не могу точно сказать, так как январь, февраль, март и апрель я провел за пределами Германии и вернулся лишь в мае...

Руденко: Меня интересует период, когда вы были у себя в военно-воздушных силах. Декабрь, январь вы находились в Германии?

Мильх: Декабрь 1940 года? Но только частично, а частично я находился во Франции и Италии.

Руденко: В январе 1941 года вы находились в Германии?

Мильх: Тогда я все время был на Западе и, насколько я помню, ни одного дня не был в Германии.

Руденко: Вы сказали, что в январе 1941 года вы имели беседу с Герингом по вопросам плана войны против СССР?

Мильх: Да.

Руденко: Стало быть, в январе?

Мильх: Да, 13 января. Но я уже не помню, говорил ли я об этом с Герингом во Франции или это происходило путем телефонного разговора, или же я день или два был в Германии. Этого я не могу сказать, я не записал себе этого.

Руденко: Путем телефонного разговора обсуждался вопрос о нападении на Россию?

Мильх: Нет, тогда речь шла не о нападении на Россию, а, наоборот, о нападении России на Германию.

Руденко: Вопрос о нападении России на Германию тоже выяснялся путем телефонного разговора?

Мильх: Я вообще не давал никаких пояснений, я сказал только, что я не знаю. Были ли мне переданы сведения по особому кабелю, который нельзя подслушать, или же об этом Геринг сказал мне во Франции, или же я в этот день находился в Германии, я не помню.

Руденко: А когда вы обсуждали вопрос с Герингом и Геринг сказал, что он не желает войны?

Мильх: Это было 22 мая.

Руденко: Какого года, 1941?

Мильх: Да, 1941 года.

Руденко: Где этот вопрос обсуждался?

Мильх: Это было вблизи Нюрнберга, в Фельденштайне.

Руденко: Вы только с Герингом обсуждали этот вопрос или кто-либо присутствовал при этом?

Мильх: Только с Герингом.

Руденко: И вы утверждаете, что Геринг не желал воевать с Россией?

Мильх: Таково было мое впечатление.

Руденко: А почему Геринг не желал воевать с Россией? Со страной, которая нападает на Германию? Ведь это оборонительная война?

Мильх: Геринг отрицательно относился к такой войне.

Руденко: К оборонительной войне?

Мильх: Он лично отрицательно относился ко всякого рода войнам.

(В зале смех.)

Руденко: Странно. Может быть, вы точнее изложите, почему Геринг не желал войны с Россией?

Мильх: Так как война на два фронта, да к тому же еще с Россией, для Германии, как я считал, принесет поражение, и я думал, что не только я, но и многие другие солдаты и начальники понимали это.

Руденко: Вы лично тоже были противником войны с Россией?

Мильх: Да, безусловно, я был противником войны с Россией.

Руденко: Но ваши объяснения по меньшей мере неубедительны. С одной стороны, вы утверждаете, что речь шла о нападении России на Германию, а с другой стороны, что Геринг и другие высшие офицеры не желали воевать с Россией.

Мильх: Разрешите мне пояснить. 13 января Геринг сообщил мне, что Гитлер придерживается той точки зрения, что Россия хочет выступить против Германии. Это было не мнение Геринга и не мое мнение, я думаю, — это было мнение Гитлера, которое он выразил как свое.

Руденко: Насколько я помню, ни Геринг, ни вы не верили этому мнению Гитлера?

Мильх: Я могу говорить только о себе лично. Я открыто говорил о том, что я не верил, что Россия собирается выступить против нас. Что думал Геринг по этому поводу, я не могу сказать, он мне об этом не говорил. 22 мая, когда я говорил по этому вопросу с Герингом и настоятельно просил его, чтобы он в разговоре с Гитлером воспрепятствовал началу войны против России, Геринг сказал мне, что он сам представлял Гитлеру эти аргументы, но что переубедить Гитлера было невозможно, что его решение было непоколебимо и нет такой силы в мире, которая бы могла изменить его.

Руденко: И следующее положение, которое я заключил из вашего показания, что Геринг, говоря о том, чтобы не воевать с Россией, имел в виду, что идет война с Англией? Чтобы избежать войны на два фронта?

Мильх: С чисто военной точки зрения — безусловно. Но я думаю, что если бы тогда эта война не возникла, то и позднее она не возникла бы.

Руденко: И вы серьезно допускаете, что можно говорить о превентивной войне столь долго и в то же время разрабатывать «план Барбаросса» и последующие к нему инструкции с привлечением союзников для нападения на Россию? Вы серьезно утверждаете о таком превентивном характере войны?

Мильх: Я могу это понимать только таким образом, что если Гитлер верил в то, что Россия собирается напасть на Германию, то он сказал, что он должен методом превентивной войны предупредить нападение России... Для меня не существовало обязательных предпосылок к тому, что Россия нападет на нас. Я, конечно, не имел достаточных сведений, но я лично не думал, что Россия сделает это, исходя из интересов России, которые я пытался проанализировать.

АГРЕССИЯ ПРОТИВ АВСТРИИ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ США
ОЛДЕРМАНОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
«АГРЕССИЯ ПРОТИВ АВСТРИИ»

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 28 и 29 ноября 1945 г.]

Господа судьи! Я уже обращал внимание Трибунала, что та часть Обвинительного заключения, которая озаглавлена «Агрессия против Австрии и Чехословакии», подтверждается в значительной мере документом за № ПС-386, ранее представленным мною за № США-25. Это запись совещания в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 г., сделанная полковником Госбахом. На этом совещании Гитлер раскрыл перед присутствовавшими свои планы и назвал эти планы своим последним политическим завещанием. Он сформулировал требование Германии на большее жизненное пространство в Европе. Это было время подготовки нападения на Австрию и Чехословакию, которое должно было усилить Германию для выполнения общего плана заговорщиков в области агрессии.

Период до осени 1937 года — стратегическое положение национал-социалистов в Австрии. Я предлагаю, если разрешит Трибунал, на этой стадии рассмотреть первые ростки того, что стало впоследствии известно под именем «пятой колонны», то есть технику проникновения изнутри в жизнь других стран, и в этом свете прежде всего — «национал-социалистский план поглощения Австрии».

Для того чтобы яснее понять, как нацистские заговорщики после совещания 5 ноября 1937 г. проводили в жизнь свои планы, лучше всего рассмотреть те шаги, которые были уже предприняты в Австрии как австрийскими, так и немецкими национал-социалистами.

Положение, которого достигли национал-социалисты к осени 1937 года, сделало возможным для них совершить поглощение Австрии гораздо быстрее и гораздо меньшей ценой, чем это предполагалось даже на совещании, которое записал Госбах.

Присоединение Австрии в течение долгого времени было одной из центральных целей германского национал-социализма. На первой странице «Майн кампф» («Моя борьба») Гитлер говорит: «Германо-Австрия должна вернуться вновь к своей германской родине». Он продолжает далее: «Люди — братья по крови должны находиться в пределах одной империи... стремление к воссоединению людей одной крови в пределах одной империи не могло удовлетвориться только одним экономическим союзом». Больше того, это поглощение Австрии начиная с 1933 года рассматривалось как очень серьезная первоочередная цель, которую нацисты твердо решили провести в жизнь.

Документ ПС-1760, США-57 является письменным показанием, данным под присягой в Мексико-Сити 28 августа Георгом С. Мессерсмитом, послом Соединенных Штатов в Мексике. Мессерсмит был генеральным консулом США в Берлине с 1930 по 1934 год, затем он стал послом в Вене, где оставался до 1937 года.

В своем письменном показании он утверждает, что характер его работы был таков, что он очень часто встречался с крупными германскими чиновниками. Он сообщает далее, что в большинстве случаев они были поразительно откровенны в своих разговорах и совершенно не скрывали своих целей. Это очень длинный документ. В связи с ним возникает совершенно новая проблема процессуального характера. Я не хотел бы читать его целиком для протоколирования... Я знаю, что по правилам суда нужно цитировать только те части, которые будут включены в стенограмму и протокол. Это нужно для того, чтобы представители защиты знали, какие части нами приводятся в качестве доказательства.

Документ ПС-1760, США-57 — «Письменное показание Георга С. Мессерсмита»:

«С первого дня существования нацистского правительства многие первостепенные и второстепенные чиновники Германии говорили мне, что включение Австрии в Германию является политической и экономической необходимостью и что это включение будет совершено «любыми средствами». Хотя я здесь не могу точно сослаться на время и место, я абсолютно уверен, что в различные периоды все германские чиновники, которых я перечислил выше в своем списке, говорили мне об этом, за исключением Шахта, фон Крозика и Круппа фон Болен. Я могу удостоверить, что все в Германии прекрасно знали (я имею в виду тех, кто знал хоть что-нибудь о ходе событий), что Гитлер и нацистское правительство совершенно точно собирались провести дело именно таким образом и что единственное сомнение, которое у них возникало, — это: «как и когда»...

...В начале нацистского режима в 1933 году Германия, конечно, была слишком слабой для того, чтобы выступить с откры-

той угрозой силы против любой страны, как она это сделала в 1938 году. Вместо этого тогда была принята и объявлена иная политика нацистского государства; то, что потом нацисты сделали силой, тогда нужно было проводить методом, который оказался успешным в самой Германии: получить опору в кабинете, особенно в министерстве внутренних дел, которое контролировало полицию, а затем уничтожить оппозиционные элементы.

Я много раз слышал от канцлера Дольфуса и канцлера Шушница, президента Микласа и других государственных деятелей Австрии, что германское правительство постоянно оказывало давление на австрийское правительство с тем, чтобы оно согласилось на включение в правительство целого ряда министров нацистской ориентации. Английский и французский послы в Вене, с которыми я работал в тесном контакте, подтверждали в разговорах со мной эту информацию на основании сведений, которые они получили в беседах с высокопоставленными нацистскими государственными деятелями.

Все это давление против Австрии, включая террор и запугивание, кульминировалось в неудавшемся путче 25 июля 1934 г. Для того чтобы добиться своей цели, нацисты применяли давление различного рода, прежде всего экономическое давление. Немецкий закон от 24 марта 1933 г. устанавливал 1000 марок пошлины за путешествие в Австрию и поставил эту страну в тяжелое положение, поскольку Австрия рассчитывала в своем бюджете в большой степени на туристов.

Нацисты применяли пропаганду, террористические акты и прежде всего адские машины.

Такие акты были почти постоянным явлением. Однако было три периода, в которые они достигли кульминации. Первые два из этих периодов — середина 1933 года и первая часть 1934 года — относятся к тому времени, когда я был еще в Берлине. Однако в течение этих периодов, как говорили нацистские государственные деятели в разговорах со мной, террор подстрекался и направлялся ими. Никто из них не отрицал в разговорах со мной, что они ответственны за эту деятельность австрийских террористов. Эти признания совершенно соответствовали нацистскому тезису о том, что террор необходим и должен проводиться, чтобы навязать волю партии не только в Германии, но и в других странах. Я помню, что генерал Мильх говорил особенно откровенно, что эти акты в Австрии направлялись нацистской партией. Он выразил беспокойство и заявил, что он не согласен с этой частью политики партии. Во время этого подъема волны террористических актов в мае — июне 1934 года я уже вступил в должность полномочного министра в Вене. Террористические акты главным образом происходили на железных дорогах, в туристских центрах и против католической церкви, являвшейся в глазах нацистов

одной из самых сильных организаций, стоявших в оппозиции к ним. Я напому, однако, что волна этих выступлений спала в период встречи Гитлера с Муссолини в Венеции в середине июня 1934 года. В это время Муссолини поддерживал австрийское правительство и в очень значительной степени был заинтересован в сохранении независимости Австрии. Он хотел также устранить, по возможности, нацистское влияние и активность в Австрии. В это время Гитлер не мог себе позволить пойти на открытый разрыв с Муссолини и, несомненно, согласился на кратковременное прекращение этих актов, как настаивал Муссолини, потому что хотел создать благоприятную атмосферу во время этой встречи с Муссолини.

Прекращение террористических актов в период встречи Гитлера с Муссолини рассматривалось мной, австрийскими властями и всеми наблюдателями в то время как открытое признание Гитлером и представляемым им германским правительством того факта, что эти акты на самом деле систематически и полностью подстрекались Германией и контролировались ею...

...В добавление к этим террористическим актам нацисты пытались оказывать давление на Австрию путем «австрийских легионов». Эта полувойсковая организация, включавшая несколько тысяч человек, была расположена в Германии за несколько километров от австрийской границы и представляла постоянную прямую угрозу Австрии. Ее существование, несомненно, было санкционировано нацистским правительством Германии, иначе этой организации вообще бы не существовало... Она вооружалась германским правительством и была составлена из австрийских нацистов, которые убежали оттуда после совершения различных преступлений, а также из немцев австрийского происхождения, которых привлекала праздная жизнь в этом легионе, а также высокая плата, которую выдавали им нацисты.

Эти террористические действия австрийских фашистов продолжались до 25 июля 1934 г. В этот день члены фашистской партии пытались провести путч в Австрии и убили канцлера Дольфуса.

25 июля 1934 г. сотня людей, одетых в форму австрийской армии, захватила федеральную канцелярию. Канцлер Дольфус был ранен при попытке бежать. В него стреляли дважды с близкого расстояния. Здание радиостанции в центре города было захвачено, и диктора заставили передать по радио, что Дольфус ушел в отставку и что доктор Ринтелен занял пост канцлера.

Хотя путч провалился, мятежники сохранили контроль над зданием канцелярии и согласились сдать его только после того, как их обещали отпустить за германскую границу. Мятежники связались с германским послом доктором Риттом по телефону, а затем встретились с ним лично в том же здании.

Примерно в 7 часов они сдали здание властям, но канцлер Дольфус умер примерно в 6 часов, даже не воспользовавшись услугами врачей... Германское правительство отрицало свою причастность к этому путчу и к этому убийству. Гитлер снял доктора Ритта с должности посла на том основании, что тот обещал мятежникам безопасный переход через германскую границу, якобы не посоветовавшись с германским правительством, и что он, таким образом, втянул германскую империю во внутренние дела Австрии без всякой на то причины...

...Путч в июле 1934 года слишком хорошо известен для того, чтобы говорить о нем здесь. Я хочу сказать здесь только, что я несколько не сомневаюсь в том, что этот путч был организован по приказу нацистских чиновников из Германии, через их организации в Австрии, состоящие из германских и австрийских нацистов. Доктор Ритт, германский посол в Вене, был полностью информирован о том, что должно было произойти и что было запланировано. Германское посольство было расположено как раз через улицу от британского посольства, и австрийская секретная полиция все время наблюдала за теми, кто входил в германское посольство. У Англии была своя собственная секретная служба в Вене, и ее агенты тоже все время наблюдали за людьми, которые входили в германское посольство. Мне говорили и английские и австрийские чиновники, что многие из тех, кто потом был осужден австрийским судом как участники путча, очень часто бывали в германском посольстве. Я сам внимательно наблюдал за деятельностью доктора Ритта и никогда не сомневался, что доктор Ритт был в постоянном и систематическом контакте с австрийскими агентами как немецкого, так и австрийского происхождения. Доктор Ритт не мог не знать о путче и всех деталях, которые были с этим связаны. Я ясно помню свой разговор с ответственными чиновниками австрийского правительства после путча. Они говорили, что доктор Ритт все время был в связи с доктором Ринтеленом, который должен был стать канцлером после Дольфуса, если бы путч удался.

Возможно, что доктор Ритт не сочувствовал проведению путча, но совершенно точно, что он был знаком с этим планом и, несомненно, помогал проведению его в жизнь. Поскольку путч имел такое значение, явился попыткой свергнуть австрийское правительство и окончился убийством доктора Дольфуса, канцлера Австрии, я решил проверить и подобрать другие доказательства, указывавшие на то, что путч проводился не только с согласия германского правительства, но и был запланирован им. Я выяснил и точно установил, что еще за месяц до путча Геббельс сказал Черутти, итальянскому послу в Берлине, что через месяц в Вене будет нацистское правительство...»

Представляю дневник посла Додда с 1933 по 1938 год, изданный в 1941 году (документ ПС-2832, США-58).

Додд был тогда послом США в Берлине, он следующим образом описывает события того времени. Сначала он замечает, что в феврале 1934 года Эрнст Ханфиштенгель сказал мистеру Додду, что он привез послание, фактически требование Муссолини Гитлеру оставить Австрию и заставить замолчать и снять Теодора Габихта — германского агента в Мюнхене, который подстрекал к аннексии Австрии. В июле в Венеции Гитлер, как говорят, добился от Муссолини обещания оставить Австрию в покое. Затем Додд отмечает (запись от 26 июля 1934 г.):

«В понедельник 23 июля 1934 г., после нескольких террористических актов, проведенных нацистами, судно, нагруженное взрывчатыми веществами, было захвачено на Констанцском озере швейцарской полицией. Это судно везло германские бомбы в Австрию. Как это ни казалось мне ужасно, это было одно из таких частых событий, что я даже не сообщил о нем в Вашингтон...

...Сегодня я получил сведения, что вчера в 11 часов вечера правительство передало в газету официальное сообщение, в котором выражало удовлетворение по поводу падения Дольфуса и заявляло, что ему будет наследовать великая Германия. Нам также стало известно, что германский посол в Вене помогал сформировать новый кабинет, он же обещал австрийским террористам, что им будет разрешено беспрепятственно перейти через границу в Германию, но в 11 часов выяснилось, что хотя Дольфус умер, австрийцы, лояльно относящиеся к правительству, окружили захваченный нацистами дом и не дали им установить фашистский режим. Они захватили убийц. Германское министерство пропаганды поэтому запретило публикацию информации, посланной за час до этого, и постаралось изъять уже вышедшие газеты. Один из друзей передал мне сегодня один выпуск. Все германские газеты горько оплакивали зверское убийство Дольфуса и заявляли, что это нападение совершено недовольными австрийцами, а не нацистами. По сообщению из Баварии стало известно, что тысячи австрийских нацистов, живших в Баварии в течение года на содержании у немцев, начали проявлять активность за 10 дней до этого события; некоторые из них незаконно переходили границу, и все они готовились к возвращению в Австрию.

Несмотря на все обещания Гитлера заставить его замолчать, германский пропагандист Габихт все еще продолжал произносить радиоречи о том, что Германии необходимо аннексировать древнюю область Габсбургов, но после того, как этот ход не удался и все убийцы оказались в тюрьме в Вене, германское правительство начало отрицать всякую поддержку этого путча из Берлина. Я уверен, что настанет день, когда станет ясно, что

много миллионов долларов и большое количество оружия посылались в Австрию для поддержки этого путча начиная с весны 1933 года. Еще и еще раз весь мир осуждает гитлеровский режим. Никто в истории еще не был так непопулярен, как нацисты Германии. Этот последний удар кисти завершает картину. Я думаю, что увижу в американских газетах, когда они сюда придут через несколько дней, горькое осуждение действий нацистов».

Документ Л-273, США-59 — депеша от американского консула в Вене государственному секретарю:

«Самыми замечательными моментами в праздновании¹ были: 1) мемориальное собрание в Клагенфурте, столице Каринтии, где в 1934 году во время венского восстания нацисты встретили особенно горячую поддержку, и 2) демонстрация 25 июля перед бывшей федеральной канцелярией в Вене, которую провели оставшиеся в живых члены группы СС «Штандарт 89», группы, нападавшей на канцелярию в 1934 году. Это было своего рода воссоздание преступления...

...Тысячи собравшихся в Клагенфурте слушали речь заместителя фюрера Рудольфа Гесса в присутствии семей 13 национал-социалистов, которые были повешены за их участие в июльском путче. Это празднование в память июльских событий явилось также поводом для того, чтобы взять с населения клятву верности только что назначенному гаулейтеру Остмарка. С точки зрения внешнего мира такое выступление имперского министра Гесса было особенно знаменательно потому, что после того, как он повесил первую половину своей речи тому, что молодежь, женщины и мужчины Австрии должны принести жертву в борьбе за великую Германию, он затем стал оправдывать оккупацию Австрии и нападал на лживую иностранную печать и на тех, которые говорили о новой войне. «Мир счастлив, — заявлял Гесс, — что руководителем Германии является человек, который не позволяет, чтобы его провоцировали. Фюрер делает то, что необходимо для его народа, и трудится ради мира в Европе. Пусть провокаторы, совершенно игнорируя преднамеренную угрозу миру со стороны некоторых малых стран, лживо заявляют, что он представляет собой угрозу для мира Европы».

Затем он остановился на путче, со времени которого прошло 4 года, и сказал, что марш на бывшую федеральную канцелярию следовал по тому самому пути, который был некогда пройден повстанцами. У канцелярии демонстрантов встретил Зейсс-Инкварт, который обратился к ним и открыл мемориальную доску, установленную от имени имперского наместника...»

¹ Речь идет о праздновании четвертой годовщины фашистского путча в Австрии. — Составители.

Мы называем эти юбилейные торжества ратификацией убийства, совершенного за 4 года перед тем.

На этой мемориальной доске имеется надпись: «154 немецких бойца из 89-го отряда СС боролись здесь за Германию 26 июля 1934 года. 7 из них погибли от рук палача».

Теперь я перейду к программе, которая достигает своего кульминационного пункта в акте от 11 июля 1936 г. ...Прежде всего необходимо сказать следующее: нацистские заговорщики изображали дело так, как будто бы они уважают суверенитет и независимость Австрии, несмотря на стремление к аншлюссу, о котором сказано в «Майн кампф».

Но на самом деле они с самого начала делали все для того, чтобы уничтожить австрийское государство.

Документ ПС-1760, США-57 — показания Мессерсмита: «Тот факт, что политика аншлюсса оставалась неизменной, был подтвержден мне фон Папеном, когда он приехал в Вену в качестве германского посланника. Он принял это назначение, хотя и знал, что он был некогда в числе обреченных во время Варфоломеевской ночи 30 июня 1934 г. Когда он в соответствии с правилами этикета нанес мне визит по приезде в Вену, я решил, что во время этой беседы мы не будем говорить ни о чем серьезном, и свел беседу только на разговоры самого общего характера, чего я вполне мог достигнуть, так как он посетил меня в моем служебном кабинете...»

Я считал необходимым не наносить ему ответного визита в течение нескольких недель, чтобы дать ему понять, что я знал, но не симпатизировал целям его миссии в Австрии. Когда же я, в конце концов, посетил фон Папена в германской миссии, он приветствовал меня следующими словами: «Теперь вы в моей миссии, и я могу контролировать нашу беседу».

В самой неприкрытой и циничной форме он стал рассказывать мне о том, что вся Восточная Европа до границ Турции является внутренним пространством Германии и что его миссия заключалась в том, чтобы способствовать установлению германского экономического и политического контроля над всей этой областью. Затем он прямо заявил, что первым шагом будет установление контроля над Австрией. Он с определенностью заявил, что в Австрии он находится для того, чтобы подорвать и ослабить австрийское правительство, и, находясь в Вене, стремится ослабить другие правительства Южной и Юго-Восточной Европы. Он сказал, что с этой целью намеревается использовать свою репутацию хорошего католика, чтобы установить влияние над некоторыми австрийцами, как, например, кардиналом Иннитцером. Он сказал, что говорит мне это потому, что германское правительство твердо решило добиться установления контроля в Южной Европе и ничто не

может его остановить. Он также сказал, что наша политика и политика Франции и Англии нереалистичны.

Я находился в таком положении, что должен был выслушивать все, что он говорил, и, конечно, я готов был его слушать, хотя знал заранее, какова была его миссия. Тем не менее я был шокирован тем, что он говорил со мной с такой наглой откровенностью. Когда он кончил, я встал и сказал ему, насколько я был шокирован тем, что аккредитованный представитель якобы дружественного государства признает, что намеревается заняться деятельностью, направленной к подрыву и уничтожению правительства этого государства. Он лишь улыбнулся и сказал, что это должно остаться между нами и что с другими он не будет разговаривать так открыто о своих целях...

...Конечно, официально он торжественно заверял, что Германия будет уважать независимость Австрии и что она лишь хочет избавиться от некоторых элементов в австрийском правительстве — от канцлера Шушнига, Штаркенберга, главы хеймвера, и других и заменить «национально-мыслящими» австрийцами, то есть попросту нацистами. В основном попытка фон Папена заключалась в том, чтобы привести к аншлюссу...

...Партия была временно значительно ослаблена в результате энергичных мер, предпринятых против путчистов, и в результате возмущения общественных кругов. Вскоре началась работа по реорганизации. В октябре 1934 года австрийский министр иностранных дел Бергер-Вальденегг представил мне следующий меморандум, который как он мне сказал, был направлен австрийскому правительству лицом, участвовавшим в совещании, о котором идет речь...

...20—30 сентября 1934 г. в Бад-Айвлинге в Баварии состоялось совещание руководителей австрийской национал-социалистской партии... Агенты руководства партии в Германии получили указания подготовить в каждом районе Австрии списки всех тех лиц, о которых известно, что они активно поддерживают нынешнее правительство и готовы с ним тесно сотрудничать. Когда произойдет новое выступление против правительства, против этих лиц должны быть приняты такие же крайние меры, как и против всех других лиц, независимо от их партийной принадлежности, то есть ко всем тем, которые известны как противники национал-социализма. В отчете партийных руководителей Австрии подчеркивались следующие принципы: А) Взятие власти в Австрии остается основной задачей австрийской национал-социалистской партии. Австрия имеет для германской империи гораздо большее значение и ценность, чем Саарский бассейн. Австрийская проблема — это основная проблема. Достижение этой цели оправдывает все средства.

В) В каждом случае, когда это возможно, мы должны делать вид, что мы готовы вести переговоры, но в то же время вооружаться для борьбы. Новая фаза борьбы будет особенно серьезной, и на этот раз будет существовать два центра террора: один вдоль германской границы, а другой — вдоль югославской границы».

Я читаю теперь следующий абзац письменного показания: «Австрийский легион держался наготове в Германии. Хотя он был отведен на несколько километров от австрийской границы, он не был распущен несмотря на данные обязательства сделать это. Австрийское правительство время от времени получало точные сведения об этом и передавало их мне. Я также получал подобные сведения от надежных лиц, которые приезжали из Германии в Вену и сами видели этот легион».

Я перехожу к вопросу о тайных связях германских официальных лиц, в том числе фон Папена, с австрийскими нацистами и об использовании австрийскими нацистами высокопоставленных личностей. Следует иметь в виду наличие двух основных факторов, определяющих положение нацистских организаций в Австрии. Во-первых, хотя фюрер якобы оставил австрийских нацистов на произвол судьбы, как указано в одном из приведенных мною документов, в действительности нацистские чиновники, включая фон Папена, поддерживали тайный контакт с австрийскими нацистами в соответствии с планами Гитлера. Немецкие чиновники давали всякого рода советы, консультации и оказывали поддержку организациям австрийских нацистов. Во-вторых, австрийские нацисты оставались нелегальной организацией в Австрии и готовились для использования в случае так называемого чрезвычайного положения. Однако они сочли целесообразным действовать за спиной лиц, которые подобно подсудимому Зейсс-Инкварту пользовались легальным положением в Австрии. Господин Мессерсмит рассказывает в своих показаниях о том, что он получил копию документа, излагавшего эту нацистскую программу (документ ПС-1760, США-57):

«В течение двух лет после провала путча 25 июля нацисты сравнительно бездействовали в Австрии. В конце 1934 года, начале 1935 и большей части 1936 года, насколько помню, было очень мало террористических актов. Эта бездеятельность соответствовала директивам из Берлина, как доказывали имевшиеся у меня неопровержимые данные. В начале января министр иностранных дел в Австрии Бергер-Вальденегг передал мне документ, который я считал достоверным во всех отношениях и который гласил: «Германский посланник фон Папен во время его последней поездки в Берлин был трижды принят

Гитлером и имел с ним довольно продолжительные беседы. Он также воспользовался этой возможностью, чтобы посетить Шахта и фон Нейрата. В ходе этих бесед он получил следующие указания: в течение следующих двух лет не следует предпринимать ничего, что может осложнить внешнеполитическое положение Германии. Поэтому следует избегать всего того, что может создать впечатление, что Германия вмешивается во внутренние дела Австрии... Естественно, сказал Гитлер германскому посланнику... Германия прежде всего не может бросить на произвол судьбы австрийских членов партии и потому, несмотря на значительные трудности, должна предпринять все усилия, чтобы помочь национал-социалистам в Австрии. В результате министр Шахт дал указание, чтобы, начиная с этого времени, для этой цели ежемесячно ассигновывалось 200 000 марок (для поддержки национал-социализма в Австрии). Распределение и контроль за расходованием этой ежемесячной дотации были поручены инженеру Рейнтхаллеру... Фон Папену была также высказана надежда, что недавно созданная ортс-группа национал-социалистской партии в Австрии (составленная из германских граждан, проживающих в Австрии) должна действовать таким образом, чтобы не создавалось впечатления, что Германия намеревается вмешаться во внутренние дела Австрии».

...Связь с партией в Германии сохранялась в секрете в соответствии с приказом фюрера. Эти приказы гласили, что германское государство будет воздерживаться от создания австрийской национал-социалистской партии и что вспомогательные центры для ведения пропаганды, прессы по вопросам эмигрантов, благосостояния и т. д. должны быть организованы вне Австрии, в государствах, граничащих с ней...

Нацисты сохраняли и тайные контакты с политическими деятелями Германии и использовали некоторых лиц в виде ширмы, как Хорстенау и Зейсс-Инкварт...»

Документ ПС-2219, США-62 представляет письмо Зейсс-Инкварта, датированное 14 июля 1939 г. и адресованное фельдмаршалу Герингу: «Господин генерал-фельдмаршал, если я могу добавить что-нибудь о себе, это следующее: я знаю, что я не являюсь активной фигурой до тех пор, пока не будут поставлены последние ставки. В это время активности такое мое поведение, конечно, будет рассматриваться как моя отрицательная черта, я все же знаю, что я с непоколебимой твердостью иду к цели, в которую я верю — это в «Великую Германию» («Гросс Дейчланд») и фюрера. И если кое-кто устал от борьбы и некоторые уже были убиты во время этой борьбы, я еще жив и готов для деятельности. Прежде всего это — развитие событий до 1938 года...»

Это письмо было написано приближенному Гитлера, а ныне подсудимому Герингу. Я думаю, что этого достаточно, чтобы показать действия Зейсс-Инкварты как человека, лояльность которого по отношению к Гитлеру, иностранному диктатору, и целям нацистского заговора вела к борьбе за аншлюсс всеми способами, которые находились в его распоряжении.

Документ ПС-2248, США-63.

Этот документ представляет собой письмо фон Папена Гитлеру, датированное 27 июля 1935 г. Оно состоит из доклада, озаглавленного «Обзор событий в течение года после смерти канцлера Дольфуса». После того как было высказано мнение относительно успеха, который австрийское правительство имело, выставив Дольфуса как жертву, а его принципы как патриотические принципы Австрии, Папен заявил:

«...Нюрнбергский партийный день, который назывался «Германским днем», как и в старые времена, и провозглашение единого фронта национал-социалистских народов будут событием, которое послужит сигналом для активизаций всех сил за пределами рейха. Такие акты завоюют для нас определенные австрийские круги...» Представитель этих кругов князь Дубский писал фон Папену относительно аншлюсса: «...Третья империя будет с Австрией или она совсем не будет существовать. Национал-социализм должен выиграть это или он должен погибнуть, если он не в состоянии разрешить эту задачу».

Мы имеем дальше заверения и успокоения, обращенные к Австрии. Германское правительство сделало больше, чем просто демонстрировало невмешательство в дела австрийских групп. Оно употребляло психологические маневры для заверения в том, что оно не имеет никаких намерений в отношении австрийской независимости.

Документ ПС-2247, США-64 — это письмо Папена, когда он находился в Берлине, к Гитлеру, датированное 17 мая 1935 г. Папен в своем письме указывал Гитлеру, что открытые и внушающие доверие заверения Германии о том, что она не имеет никаких претензий к Австрии, будут полезны для дипломатических целей и для улучшения отношений между Австрией и германскими группами внутри Австрии...

Ровно через 4 дня Гитлер в своей речи в рейхстаге ответил на предложение фон Папена, сказав: «Германия не имеет никакого намерения и не желает вмешиваться во внутренние дела Австрии, аннексировать Австрию или же совершить аншлюсс».

Документ за № Л-150 — запись разговора между послом Буллитом и обвиняемым фон Нейратом 18 мая 1936 г.:

«18 мая я был у фон Нейрата, министра иностранных дел, и долго беседовал с ним по вопросам существующей политической ситуации в Европе. Нейрат сказал, что политика Герма-

нии заключалась в том, чтобы не проявлять никакой активности в вопросах внешней политики, пока не будет ремилитаризована Рейнская область, а также пока не будет укреплена граница с Францией и Бельгией. Германия сделает все возможное, чтобы предотвратить, а не поощрить выступление нацистов в Австрии, и будет держаться спокойной линии поведения в отношении Чехословакии. Как только будут построены фортификации и как только страны Центральной Европы осознают, что Франция не может напасть на Германию, когда она захочет, — все эти страны будут совершенно иначе относиться к своей внешней политике, — сказал фон Нейрат».

И далее: «Между Италией и Германией не было достигнуто никакого соглашения, и, таким образом, было необходимо строить укрепления на границе с Италией. Демонстрация дружбы между Германией и Италией была просто демонстрацией, не имеющей под собой почвы. В настоящее время он, — как сказано в документе, — не видел возможности согласования противоречивых германских и итальянских интересов в Австрии. Существовали три основные причины, почему германское правительство требовало, чтобы нацисты в Австрии оставались пока в бездействии. Первая заключалась в том, что Муссолини мобилизовал большую часть своей армии на австрийской границе, готовую произвести нападение, и что он обязательно произведет нападение, если найдет подходящий предлог. Вторая причина: нацистам нужно было оставаться спокойными в Австрии, потому что само нацистское движение в Австрии усиливалось с каждым днем. Молодежь Австрии все больше склонялась в сторону нацистов, преобладание нацистской партии в Австрии было неизбежным и являлось только вопросом времени. Третья причина заключалась в том, что до тех пор, пока не будут построены немецкие укрепления на французской границе, вовлечение Германии в войну с Италией могло бы привести, в конечном счете, к нападению Франции на Германию».

Однако если Германия еще не была готова для открытого конфликта с Австрией, то ее дипломатические позиции были значительно улучшены по сравнению с 1934 годом. Этот факт повлиял на стремление Австрии сделать уступки Германии и прийти к соглашению с ней.

Продолжаю цитировать показания господина Мессерсмита (документ ПС-1760):

«События к концу 1935 года и к весне 1936 года предоставили Германии удобный случай для того, чтобы сделать больше шагов вперед в направлении нацификации Австрии. Италия, которая дала Австрии заверения самого определенного характера в поддержке ее против внешней германской агрессии и которая, однажды мобилизовав свои силы, вне сомнения,

приостановила германскую агрессивную деятельность, запланированную против Австрии, сама предприняла свою абиссинскую авантюру. Это, а также ремилитаризация Рейнской области в 1936 году полностью нарушили равновесие в Европе. Очевидно, что после того, как Италия начала нападение на Абиссинию, она была более не в состоянии противодействовать германской агрессии против Австрии. Такое ослабление Австрии помогло тому, чтобы проложить путь для соглашения от 11 июля 1936 г.».

11 июля 1936 г. правительства Австрии и Германии заключили соглашение. В соглашении было обусловлено, что Австрия в своей политике, особенно в отношении Германии, будет рассматривать себя как германское государство. С другой стороны, оба пункта этого соглашения показывали, что Германия якобы признает полный суверенитет Австрии и что она рассматривает внутренний политический строй Австрии, включая вопрос национал-социализма, как внутреннее дело Австрии, в отношении которого Германия не будет оказывать никакого прямого или косвенного влияния.

Гораздо более важным, чем условия соглашения, опубликованного в виде официального коммюнике, было неофициальное соглашение, наиболее важными пунктами которого были:

- 1) Австрия назначит в правительство известное число лиц, которые будут пользоваться доверием канцлера, но которые будут дружественно относиться к Германии;
- 2) Австрия будет изыскивать средства для того, чтобы дать нацистской оппозиции место в политической жизни Австрии внутри рамок «Патриотического фронта»;
- 3) Австрия объявит амнистию для всех нацистов, за исключением тех, которые совершили более серьезные преступления. Эта амнистия была действительно объявлена австрийским правительством, в результате чего были освобождены тысячи нацистов.

Первая брешь в австрийском правительстве, произведенная германскими нацистами, была осуществлена назначением судьи Гвидо Шмидта государственным секретарем иностранных дел и доктора Эдмунда Глейзе-Хорстенау — министром без портфеля.

В результате стратегических шагов со стороны нацистов, как об этом говорится в той части письменного показания Мессерсмита, которую я огласил, Австрия сделала значительные уступки с целью добиться от Германии дипломатического формального заверения о признании австрийской независимости и о невмешательстве во внутренние дела Австрии. Освобождение арестованных нацистов создало потенциальную полицейскую проблему, и господин Мессерсмит указывал в 1934 году

в телеграфном донесении, адресованном государственному департаменту США:

«Всякая вероятность того, что национал-социалисты могут прийти к власти, создает значительные трудности в том, чтобы обеспечить необходимые полицейские и судебные действия против нацистов из-за страха репрессий со стороны будущего нацистского правительства против тех, кто принимает меры против нацистов даже при исполнении своих служебных обязанностей».

Поддержание внутреннего мира в Австрии, таким образом, только в небольшой степени зависело от соблюдения Германией ее обязательств. Германия постоянно проводила программу ослабления австрийского правительства.

По пакту от 11 июля 1936 г. Германия согласилась не оказывать прямого или косвенного влияния на внутренние дела Австрии, включая вопрос австрийского национал-социализма.

16 июля 1936 г., то есть через пять дней, Гитлер нарушил эти обязательства. Представляю документ ПС-812, США-61 — доклад гаулейтера Рейнера, адресованный затем Зейсс-Инкварту. 16 июля 1936 г. доктор Рейнер и Глобочник посетили фюрера в Оберзальцберге, где им было дано ясное объяснение ситуации и сообщили о желаниях фюрера.

17 июля 1936 г. все нелегальные гаулейтеры собрались на совещание в Анифе, близ Зальцбурга, где они были подробно информированы Рейнером относительно заявления фюрера и относительно его политических инструкций о том, как следует вести борьбу. На том же совещании гаулейтеры получили инструкцию организационного характера от Глобочника и Кепплера:

«По предложению Глобочника фюрер назначил группенфюрера Кепплера председателем смешанной комиссии, которая была создана в соответствии с договором от 11 июля 1936 г. с тем, чтобы наблюдать за правильным проведением в жизнь соглашения. В то же время Кепплеру были предоставлены полномочия фюрером в вопросах руководства партией в Австрии. После того, как Кепплер пытался сотрудничать с Леопольдом, он сотрудничал с доктором Рейнером, Глобочником, с Рейнтхаллером, как с руководителем крестьян, с Кальтенбруннером, как с руководителем СС, и с доктором Юри, как с заместителем руководителя австрийской партии, а также с Глейзе-Хорстенау и Зейсс-Инквартом».

Показания Мессерсмита от 24 августа 1945 г. (документ ПС-1760):

«Последствия этого соглашения были именно такими, как и следовало ожидать, ввиду всех фактов и предшествующих».

событий. Активная деятельность нацистов в Австрии была возобновлена под руководством некоего капитана Леопольда, который, как было известно, поддерживал связь с Гитлером. Нацистская программа была направлена к тому, чтобы создать организацию, посредством которой нацисты могли бы открыто продолжать свою деятельность в Австрии, и с санкции правительства имелось несколько разрешенных законом организаций, представлявших собою просто ширму, за которой нацисты могли создавать свои организации и через посредство которых они позднее могли требовать включения их в качестве составной части в «Отечественный фронт». Наиболее важной из них была «Остмаркише ферейн», главой которой был министр внутренних дел Глейзе-Хорстенау. Благодаря влиянию Глейзе-Хорстенау и пронацистски настроенного Нейштадтер-Штюрнера, эта организация была объявлена судом Австрии легальной организацией».

Документ ПС-2246, США-67 — доклад фон Папена Гитлеру от 1 сентября 1936 г.:

«Прогресс в нормализации отношений с Германией в настоящее время задерживается продолжающимся сопротивлением со стороны министерства безопасности, в которое входят старые антинационал-социалистские чиновники. Поэтому изменение в составе чиновников этого министерства имеет первоочередную важность. Но этих перемен нельзя ожидать прежде, чем не будет отменен финансовый контроль в Женеве. Руководитель Лиги информировал министра Глейзе-Хорстенау о своих намерениях и предложил ему портфель министра внутренних дел. Основной линией поведения я предлагаю с тактической точки зрения избрать постоянную терпеливую психологическую обработку с постепенно усиливающимся давлением, направленным на перемену режима. Предполагаемая конференция по вопросу экономических отношений, которая должна произойти в конце октября, будет весьма полезным орудием для реализации некоторых из наших проектов.

Во время бесед с правительственными чиновниками, а также с руководителями нелегальной партии (Леопольдом и Шаттенфрохом), которые поддерживают соглашение от 11 июля, я пытаюсь направлять дальнейшие события таким образом, чтобы добиться корпоративного представительства движения в организации «Отечественного фронта», но тем не менее воздерживаюсь от того, чтобы выдвигать национал-социалистов на важные государственные посты, по крайней мере, на это время. Однако такие посты должны быть заняты только теми лицами, которые пользуются поддержкой и доверием движения. В этом отношении я имею преданного сотрудника в лице министра Глейзе-Хорстенау».

Этот доклад фон Папена, составленный для Гитлера, вскрывает существование следующего плана:

а) Должным образом добиться изменения в составе чиновников министерства безопасности.

б) Добиться корпоративного представительства нацистского движения в «Отечественном фронте».

с) Пока не выдвигать открытых национал-социалистов на важные посты, но использовать лиц с националистическими взглядами.

д) Использовать экономическое давление и терпеливую психологическую обработку с постепенно усиливающимся давлением в направлении изменения режима.

Следующим вопросом является «Дипломатическая подготовка Германии для захвата Австрии».

Программа нацистов в отношении Австрии состояла в том, чтобы ослабить ее как внешне, так и внутренне путем устранения поддержки Австрии извне и проникновения во внутрь. Эта программа имела величайшее значение, особенно, — Трибунал вспомнит это, — после того события 25 июля 1934 г. внутри Австрии, когда появились сенсационные известия о том, что Муссолини ввел свои войска в Бреннерский проход и выступил в качестве защитника своего соседа — Австрии.

Соответственно вмешательство в дела Австрии и усиление давления, которые были необходимы для захвата контроля над этой страной, требовали устранения возможности того, что Италия или какая-нибудь другая страна придет на помощь Австрии. Но программа внешней политики заговорщиков, направленная на ослабление и изоляцию Австрии, являлась частью внешнеполитической программы Германии во всей Европе в целом...

Я собираюсь вкратце изложить наиболее важные пункты нацистского заговора в области дипломатической подготовки к войне. В этой связи я представляю в качестве доказательства документ ПС-2385 — второе письменное показание Джорджа Мессерсмита, данное под присягой 30 августа 1945 г. в Мексико-Сити. Это письменное показание описывает программу внешней политики нацистской партии:

«В 1933 году, когда я находился на службе в Германии, немцы и среди них нацисты, контакт с которыми я поддерживал как в высших, так и во второстепенных кругах, открыто признавали намерения Германии установить господство над всей Юго-Восточной Европой от Чехословакии до Турции. Как открыто заявляли эти лица, в отношении Австрии и Чехословакии целью была территориальная экспансия. Цели, которые открыто признавались нацистами на ранних этапах нацистского режима в отношении остальных государств Юго-Восточной Европы,

заклучались в установлении политического и экономического контроля. В то время они еще не говорили так определенно о присоединении Австрии или нарушении суверенитета. Однако их притязания тогда не ограничивались Юго-Восточной Европой. С самого начала в 1933 году и даже еще до прихода нацистов к власти видные нацистские деятели говорили открыто об Украине, что «она должна быть нашей житницей», и о том, что, «даже имея Юго-Восточную Европу под ее контролем, Германия нуждается в большей части Украины и должна иметь ее для того, чтобы быть в состоянии снабжать продовольствием население Великой Германии». После того, как я уехал из Германии в середине 1934 года для того, чтобы занять мой пост в Австрии, я продолжал получать информацию относительно германских планов в отношении Юго-Восточной Европы.

В беседе с фон Папеном вскоре после его назначения германским посланником в Австрии в 1934 году он откровенно заявил мне, что «Юго-Восточная Европа до Турции является «хинтерландом» (тылом) Германии, и мне поручено выполнять задачу по включению этой территории в нашу сферу влияния. Австрия стоит на первом месте в этой программе».

Как я узнал от моих дипломатических коллег, фон Папен в Вене и его коллега фон Макензен в Будапеште уже в 1935 году открыто пропагандировали идею полного расчленения и конечного присоединения Чехословакии...

...Немедленно после прихода нацистов к власти они начали проводить в жизнь широкую программу вооружений. Это была одна из первых целей нацистского режима. В действительности двумя первостепенной важности целями нацистов, когда они пришли к власти, должны были быть и были, согласно их собственным заверениям, которые они зачастую делали мне:

1) завершить полное и абсолютное установление их власти над Германией и германским народом с тем, чтобы они стали во всех отношениях послушными орудиями нацистского режима для осуществления его замыслов, и

2) создать вооруженные силы гигантских размеров внутри Германии с тем, чтобы можно было проводить в жизнь политическую и экономическую программу в Европе в случае необходимости и путем применения силы, но, возможно, и путем угрозы применения силы.

Характерно, что при достижении этой второй цели с самого начала нацисты придавали огромную важность созданию сильнейшего военно-воздушного флота. Геринг и Мильх часто говорили мне или в моем присутствии, что нацисты решили избрать военно-воздушные силы как оружие террора, которое должно было вернее всего обеспечить для Германии господ-

ствующее положение, и как оружие, которое могло быть развито наиболее быстрыми темпами и в кратчайший срок...

...В то же время, когда проводилась в жизнь программа вооружения, нацисты принимали всевозможные меры к тому, чтобы подготовить германский народ к войне в моральном отношении. Во всей Германии можно было видеть германскую молодежь всех возрастов, занятую военными упражнениями, маршировкой, тренировкой в бросании ручных гранат и т. д.

В этой связи я написал официальное донесение в начале 1933 года из Берлина. Я писал: «...Все, что делается в Германии сегодня, имеет своей целью заставить народ поверить в то, что Германии грозит смертельная опасность во всех отношениях со стороны влияния извне и со стороны других государств. Все делается для использования этой теории, чтобы стимулировать военное обучение и тренировку, и проводятся бесчисленные мероприятия с целью превратить германский народ в закаленную, стойкую расу, которая могла бы вступить в единоборство с кем бы то ни было. Военный дух постоянно возрастает. Это не может быть иначе. Руководители Германии сегодня не желают мира до тех пор, пока это не будет мир в полном соответствии с желаниями и притязаниями Германии. Гитлер и его приближенные действительно и искренне хотят мира в настоящий момент, но только лишь для того, чтобы иметь возможность подготовиться к применению силы, когда это будет сочтено необходимым».

Они подготавливаются столь тщательно, что я не сомневаюсь в том, что германский народ будет вместе с ними, когда они захотят применить силу и когда они почувствуют, что они располагают необходимыми средствами для проведения в жизнь своих замыслов...

...Военная подготовка и подготовка в психологическом отношении объединялись и сочетались с дипломатической подготовкой, предназначенной для того, чтобы расчлениить и ослабить их намеченные жертвы, оставив их беззащитными против германской агрессии...»

Германия предлагала Каринтию Югославии, часть Чехословакии предлагала Венгрии, а часть — Польше. Югославские территории она предлагала Венгрии и в то же самое время венгерские земли она предлагала Югославии. Господин Мессерсмит показал: «Австрия и Чехословакия стояли первыми на очереди в германской программе агрессии. В 1934 году Германия предприняла шаги к тому, чтобы заручиться поддержкой соседних с этими странами государств, обещая долю при разделе добычи. Югославии она, в частности, предложила Каринтию».

Относительно реакции Югославии я тогда докладывал:

«...Основным фактором во внутренней ситуации за последнюю неделю было возрастающее напряжение по вопросу австрийских нацистских эмигрантов в Югославии. Едва ли можно сомневаться в том, что Геринг, когда он совершал свою поездку по различным столицам Юго-Восточной Европы примерно 6 месяцев тому назад, сказал югославам, что они получат часть Каринтии, когда национал-социалистское правительство придет к власти в Австрии. Семя, которое нацисты посеяли в Югославии, было достаточно для того, чтобы вызвать волнение, и имеется, несомненно, большое число людей, которые весьма благожелательно относятся к нацистам, эмигрировавшим в Югославию после 25 июля.

Германия сделала подобное территориальное предложение Венгрии и Польше с целью добиться их сотрудничества или, по крайней мере, их согласия на предполагаемое расчленение Чехословакии.

Как я узнал от моих дипломатических коллег в Вене, фон Папен в Вене и фон Макензен в Будапеште в 1935 году распространяли идею расчленения Чехословакии, в случае которого Германия должна была получить Богемию, Венгрия — Словакию и Польша — остальную часть. Этим они обманули не одну из этих стран, которые понимали, что намерением нацистской Германии было захватить все».

Нацистское правительство Германии без колебаний делало несостоятельные предложения, когда это отвечало его непосредственной цели. Я вспоминаю, что югославский посланник в Вене сказал мне в 1934 или в 1935 году, что Германия обещала Венгрии югославскую территорию, одновременно обещая Югославии часть венгерской территории. Венгерский посланник в Вене позднее сообщил мне то же.

Я должен подчеркнуть в этом заявлении, что лица, которые давали эти обещания, являлись не только отъявленными нацистами, но также и наиболее консервативными немцами, которые уже начали с готовностью помогать осуществлению нацистской программы.

В официальном донесении государственному департаменту 10 октября 1935 г. я писал из Вены: «Европа не может избавиться от того заблуждения, что Нейрат, Папен, Макензен являются не опасными лицами, а что они всего лишь «дипломаты старой школы». В действительности они являются послушными орудиями режима и именно потому, что остальной мир рассматривает их как безобидных лиц, они в состоянии более эффективно работать. Они в состоянии сеять раздор именно потому, что они якобы не симпатизируют режиму»...

Политика Германии в отношении Великобритании и Франции заключалась в сохранении мира ценой ограниченной экс-

пансии. Нацисты подписали с Англией договор об ограничении морских вооружений и обсудили Локарнский авиационный пакт. В отношениях с Францией и Англией они ограничивали заявления о своих намерениях и играли на страхе перед коммунизмом и войной.

Германия, когда она давала различные обещания, не беспокоила себя мыслями о нерушимости международных обязательств.

«Занимавшие высокие посты нацисты, — продолжает Мессерсмит, — с которыми я поддерживал официальный контакт, особенно Геринг, Геббельс, Лей, Фрик, Франк, Дарре и другие, неоднократно издевались над моими убеждениями об обязательствах, налагаемых договорами, и открыто заявляли мне, что Германия будет соблюдать свои международные обязательства, лишь пока в ее интересах будет поступать таким образом. Хотя эти заявления делались мне так же, как и другим, в открытой форме, эти нацистские руководители не разглашали в действительности никакого секрета, так как во многих случаях они высказывали ту же идею публично».

Франция и Италия активно действовали в Юго-Восточной Европе для того, чтобы противодействовать проискам Германии...

...В то время как Германия давала такие обещания о сотрудничестве с другими странами, она возбуждала вечные внутренние разногласия в этих странах, особенно в Австрии и Чехословакии, причем все эти планы были направлены на то, чтобы ослабить всякую оппозицию и усилить пронацистские и фашистские группы для того, чтобы обеспечить мирное проведение в жизнь германской программы.

...В то время, как Италия открыто противостояла попыткам проведения аншлюсса Австрии в 1934 году, итальянские требования относительно Абиссинии дали Германии возможность посеять раздор между Италией и Францией и Англией и привлечь Италию на свою сторону, с тем, чтобы она приняла германскую программу, взамен чего Германия поддержит итальянские планы в Абиссинии. Это подготовило почву для германо-итальянской декларации или пакта от 11 июля 1936 г., что нашло выражение в союзе, который называется «Ось Берлин — Рим». Этот пакт вместе с союзом Японии и Германии оказал давление на Англию и значительно увеличил относительную мощь Германии. Таким образом, путем тщательной подготовки, в частности и в области дипломатии, нацистские заговорщики создали положение, которое дало им возможность серьезно рассматривать планы войны и начать подготовку оперативных планов, правда, не устанавливающих точных календарных сроков, но все же планов, которые должны были лечь в основу

дальнейшего планирования агрессивной войны. Эти планы обсуждались на совещании 5 ноября 1937 г., из протокола которого («Протокол Госсбаха») мы видим, как выкристаллизовывался план ведения агрессивной войны в Европе, а также план захвата Австрии и Чехословакии.

На совещании 5 ноября 1937 г. фюрер настаивал на том, что Германия должна иметь больше пространства в Европе. Он делал вывод, что необходимое пространство должно быть захвачено силой; было намечено три возможных варианта, причем все они строились, исходя из того, что проблема эта должна быть разрешена до 1943—1945 гг. Далее было ясно указано, какого характера должна быть война в ближайшем будущем, в частности против Австрии и Чехословакии. Гитлер сказал, что для улучшения военного и политического положения Германии нацисты в случае войны должны в первую очередь захватить Чехословакию и Австрию одновременно для того, чтобы устранить всякую угрозу с флангов в случае возможного наступления на Запад. Гитлер затем заметил, что присоединение Чехословакии и Австрии к Германии будет означать получение достаточного количества продуктов питания для 5—6 миллионов людей, если удастся осуществить принудительную эвакуацию приблизительно 1 миллиона людей из Австрии. Он затем указал, что аннексия этих двух государств Германией принесет ей большую пользу как с точки зрения политической, так и с военной, поскольку, таким образом, Германия получит более короткие и лучшие границы, освободит свои войска для других операций и сможет осуществить перестройку новой германской армии. Этот протокол показывает, как выкристаллизовывалась политика нацистских заговорщиков в отношении Австрии. Присоединение Австрии всегда было их целью, — сначала они попытались достичь этого посредством путча, но потерпели неудачу. В следующий период они стали делать вид, что признают независимость Австрии, и в то же время обманым путем укрепляли положение нацистов внутри Австрии. Теперь, однако, стало очевидным, что приобретение Австрии чрезвычайно важно в связи с обширными планами агрессии нацистских заговорщиков, а потому они решили сделать это без промедления, путем применения силы. Фактически фашисты смогли получить Австрию, ограничившись лишь угрозой войны, так как предварительно они ослабили ее изнутри и отняли у нее поддержку других наций...

Германское военное командование заранее рассмотрело планы подготовки выступления против Австрии. Документ С-175, США-69 — совершенно секретная директива рейхсминистра и верховного командующего вооруженными силами генерала фон Бломберга от 24 июня 1937 г. Директива касалась

одновременной и объединенной подготовки к войне со стороны всех родов войск. В этой директиве генерал фон Бломберг отмечает, что общая политическая ситуация такова, что Германия не может опасаться нападения с чьей-либо стороны. Германия также не собирается развязывать европейскую войну:

«Намерение развязать европейскую войну совсем не приуще Германии. Тем не менее неопределенная политическая мировая ситуация не исключает возможности неожиданного инцидента, что требует от нас тщательной подготовки к войне всех родов войск: а) для контратаки в любое время; б) для того, чтобы использовать в военном отношении благоприятные политические возможности, если таковые представятся...

...2) Общая подготовка: а) постоянную готовность к мобилизации со стороны германских вооруженных сил, даже до того, как будет закончена программа вооружения и будет достигнута полная подготовленность к войне;

б) дальнейшую работу по «мобилизации без публичного объявления» для того, чтобы привести вооруженные силы в состояние готовности для начала войны любого масштаба в тот момент, когда это потребуется».

Далее идет «План Отто» (условное обозначение захвата Австрии): «Вооруженное вторжение в Австрию в случае, если она восстановит у себя монархию. Целью этой операции является при помощи вооруженной силы заставить Австрию отказаться от идеи реставрации. Надо использовать внутренние политические разногласия в Австрии. Вступление в эту страну произойдет в направлении Вены, и, таким образом, будет сломлено всякое сопротивление...»

Документ Л-151, США-70 — это официальное сообщение Буллита, американского посла в Париже, государственному секретарю США от 23 ноября 1937 г.

В этом отчете посла Буллита государственному секретарю США говорится, что он посетил Варшаву и остановился по дороге в Берлине, где беседовал с рядом лиц, в том числе с Шахтом и Герингом: «Шахт, — указывается в отчете, — сказал, что... Гитлер решил добиться того, чтобы Австрия принадлежала Германии. Кроме того, он хочет получить хотя бы автономию для немцев в Богемии. В настоящее время он не очень интересуется польским коридором. По мнению Шахта, возможно сохранить коридор в том случае, если бы Данцигу было разрешено присоединиться к Восточной Пруссии и если бы можно было проложить какие-либо пути через коридор, чтобы Данциг и Восточная Пруссия сообщались с Германией». Разговор Геринга с послом Буллитом изложен во втором меморандуме, озаглавленном «Запись разговора между послом Буллитом и генералом Германом Герингом»: «Я спросил Геринга, какие

цели он имел в виду. Он, Геринг, ответил мне: «Мы решили присоединить к германской империи всех немцев, живущих на смежных с Германией территориях и отделенных от великой Германии только искусственными барьерами, созданными Версальским договором». Я спросил Геринга, имеет ли он в виду, что Германия окончательно решила аннексировать Австрию, присоединить ее к рейху. Он ответил мне, что таково бесповоротное решение германского правительства. Германское правительство в настоящее время не форсирует решение этого вопроса потому, что это задерживают некоторые временные политические соображения, связанные со взаимоотношениями с Италией. Но Германия не потерпит, чтобы вопрос об Австрии мог быть решен иначе, чем путем включения Австрии в германскую империю...»

В феврале 1938 года канцлер Шушниг решил посетить Гитлера в Берхтесгадене. Было опубликовано коммюнике о встрече Гитлера и Шушнига, состоявшейся в Оберзальцберге 12 февраля 1938 г. В коммюнике говорится, что неофициальная встреча была вызвана взаимным желанием выяснить при личном разговоре вопросы, связанные с взаимоотношениями между германской империей и Австрией.

В числе присутствовавших перечисляются: сам Шушниг и его министр иностранных дел Шмидт, Гитлер и его министр иностранных дел Риббентроп и подсудимый Папен.

Аналогичное коммюнике было издано австрийским правительством. Это коммюнике датировано 16 февраля 1938 г. (документ ПС-2464). В нем объявлялось о реорганизации австрийского кабинета, а также говорилось о весьма значительном событии — назначении подсудимого Зейсс-Инкварта на пост министра безопасности и внутренних дел, в связи с чем к нему переходил контроль над полицией. В заключение сообщалось об общеполитической амнистии в отношении нацистов, осужденных за разные преступления. Через два дня были оглашены новые уступки, которых добились немцы. Коммюнике сообщало, что в соответствии с Берхтесгаденским соглашением австрийские национал-социалисты приняты в «Отечественный фронт» — единственную легальную политическую партию в Австрии.

Документ ПС-1544, США-71 состоит из заметок фон Папена, касающихся его последней встречи с Шушнигом 26 февраля 1938 г.

Папен говорит в своих заметках: «Затем я упомянул в разговоре о распространенном мнении, что он, Шушниг, будто бы действовал под давлением в Берхтесгадене. Я сам присутствовал там и поэтому могу удостоверить, что он пользовался полной свободой при принятии решений. Канцлер ответил мне, что он на самом деле находился под значительным моральным да-

влением, он не мог отрицать этого факта. Он сделал свои заметки о беседе, в которых упоминает, что находился под давлением. Я спросил его, пошел бы он на те уступки, на которые он пошел вчера вечером, если бы никакого давления на него не оказывалось?» Затем фон Папен говорит: «Я считаю важным отметить это заявление Шушнига. Уходя, я сказал канцлеру, чтобы он не обманывал себя мыслью, что Австрия сможет сохранить свой статус с помощью политических комбинаций на континенте без участия Германии. Этот вопрос может быть решен только в интересах германского народа. Он заверил меня, что придерживается того же убеждения и будет действовать соответствующим образом».

Генерал Иодль в своем дневнике был гораздо более откровенен. Дневник генерала Иодля (документ ПС-1780, США-72) обнаруживает не только тот факт, что в Берхтесгадене было оказано большое давление, но также и то, что через несколько дней после этой встречи подсудимый Кейтель и адмирал Канарис разработали схему военного давления на Австрию для того, чтобы вынудить президента Австрии Микласа ратифицировать соглашение. Это началось с оказанного на Шушнига в Берхтесгадене нажима. Следует заметить, что одобрение Микласа было необходимо для того, чтобы ратифицировать Берхтесгаденское соглашение. Это требовалось для назначения Зейсс-Инкварта на пост министра внутренних дел и безопасности. Таким образом, нацистские заговорщики в течение нескольких дней после конференции в Берхтесгадене держали Австрию под угрозой вторжения, с целью повлиять на президента Микласа.

Запись в дневнике Иодля от 13 февраля 1938 г. гласит:

«Вечер 12 февраля. Генерал К. (Кейтель), генерал фон Рейхенау и Шперле в Оберзальцберге. Шушниг вместе с Г. Шмидтом снова подвергнуты сильнейшему политическому и военному давлению. В 23 часа Шушниг подписывает протокол.

14 февраля. После полудня генерал К. (Кейтель) просил адмирала К. (Канариса) и меня прийти к нему. Он сказал, что согласно приказу фюрера давление посредством угрозы военных действий должно проводиться до 15 числа. Планы этих предполагаемых военных действий уже составлены и по телефону сообщены фюреру для получения его санкции. 14 февраля, в 2 часа 40 минут, было получено согласие фюрера. Канарис отправился в Мюнхен, в 7-й отдел контрразведки и начал проводить различные мероприятия, действие которых было немедленным и очень сильным. В Австрии создано впечатление, что Германия проводит серьезные военные приготовления».

Документ ПС-1755, США-73. Это предложения Кейтеля:

«1) не проводить действительной подготовки армии и воздушного флота, не проводить никакой передислокации войск и никакого передвижения;

2) распространять ложные, неправдоподобные слухи, которые могут привести к заключению, что готовится военное выступление против Австрии: а) осуществлять это через наших специальных людей в Австрии, б) через наших таможенных служащих на границе; с) через коммивояжеров;

3) новости и слухи могут носить такой характер: а) ожидается отмена всех отпусков в секторе расположения 7-й армии; б) подвижной железнодорожный состав концентрируется в Мюнхене, Аугсбурге и Регенсбурге; с) генерал-майор Муфф, военный атташе в Вене, вызван на совещание в Берлин (кстати, это действительно так); д) полицейские посты, расположенные на границе Австрии, затребовали подкрепления; е) таможенные чиновники сообщают об ожидающихся маневрах горной бригады, расположенной в районе Фрейлассинга, Рейхенгалле и Берхтесгадена».

Запугивание и распространение слухов оказались очень эффективными. Президент Миклас признал Берхтесгаденское соглашение, которое, в конце концов, привело к тому, что Австрия стала национал-социалистской, и к событиям, завершившимся вторжением германских войск 12 марта 1938 г.

Через день после назначения министром внутренних дел Австрии Зейсс-Инкварт вылетел в Берлин для совещания с Гитлером. Официальное германское коммюнике об этом посещении Гитлера Зейсс-Инквартом представляется (документ ПС-2484).

9 марта 1939 г. Шушниц заявил, что он проведет плебисцит по всей Австрии в следующее воскресенье, 13 марта 1938 г. На плебисцит был вынесен следующий вопрос: «Являетесь ли вы сторонником независимой, социальной, христианской, германской и объединенной Австрии?» Утвердительный ответ на этот вопрос, несомненно, соответствовал целям, которые ставились соглашением, заключенным германским правительством 11 июля 1936 г. и подтвержденным декларацией в Берхтесгадене от 12 февраля 1938 г.

Отчет гаулейтера Рейнера имперскому уполномоченному Бюркелю, который был передан Зейсс-Инкварту (документ ПС-812, США-61) устанавливает следующее:

«Ландеслейтунг¹ получил информацию о планировавшемся плебисците через службу секретной информации 9 марта 1938 г. в 10 часов утра.

¹ Ландеслейтунг — в данном случае руководство гитлеровской партии в Австрии. — Составители.

На заседании, которое было созвано немедленно после этого, Зейсс-Инкварт объяснил, что он знает об этом только в течение нескольких часов, но что он не может выступить по этому вопросу потому, что дал слово хранить молчание. Но во время обсуждения он дал нам понять, что подпольные сведения, которые мы получили, базировались на правде и что, предвидя это новое положение, он сотрудничал с ландеслейтунгом с самого начала. Клауснер, Юри, Рейнер, Глобочник и Зейсс-Инкварт присутствовали на первом совещании, которое состоялось в 10 часов утра. На этом совещании было решено, во-первых, что следует немедленно информировать фюрера, во-вторых, фюреру должна быть предоставлена возможность вмешаться при помощи официальной декларации министра Зейсс-Инкварта Шушницу и, в-третьих, Зейсс-Инкварт должен вести переговоры с правительством до тех пор, пока не будут получены ясные инструкции и приказы от фюрера.

Зейсс-Инкварт и Рейнер совместно составили письмо Шушницу, и копия этого письма была отвезена фюреру Глобочником, который вылетел к нему после полудня 9 марта 1938 г.

Переговоры с правительством не были успешными, поэтому они были приостановлены Зейсс-Инквартом в соответствии с указаниями, которые были им получены от фюрера. 10 марта все приготовления к будущим революционным действиям¹ уже были закончены и необходимые приказы были отданы всем командирам частей.

В ночь с 10 на 11 Глобочник вернулся от фюрера с заявлением, что фюрер дает партии свободу действий и будет поддерживать ее во всем том, что она предпримет».

Когда известия о плебисците достигли Берлина, они вызвали там кипучую деятельность. Как история знает, Гитлер был полон решительности не потерпеть проведения этого плебисцита. В соответствии с этим он созвал своих военных советников и приказал подготовить поход в Австрию.

Что касается дипломатических действий, то он начал писать письмо Муссолини, указывая, почему он намеревается вторгнуться в Австрию. В связи с отсутствием подсудимого Риббентропа, который был временно задержан в Лондоне, подсудимый Нейрат снова взял в свои руки министерство иностранных дел.

В дневнике генерала Йодля 10 марта 1938 г. (документ ПС-1775, США-73) записано следующее:

«Неожиданно и без консультации с министрами, Шушниц приказал провести плебисцит в воскресенье 13 марта, что

¹ Под «революционными действиями» подразумеваются действия по свержению австрийского правительства и «присоединению» Австрии к Германии. — Составители.

повлечет за собой выигрыш сильного большинства легитимистами¹ в случае отсутствия плана или подготовки. Фюрер полон решимости не потерпеть этого.

В ту же ночь с 9 на 10 марта он вызвал Геринга. Генерал фон Рейхенау отозван обратно из Олимпийского комитета в Каире. Генералу фон Шоберту также приказано вернуться, как и министру Глейзе-Хорстенау, который находился с гаулейтером Бюркелем в Палатинате. Генерал Кейтель сообщил об этом в 9 часов 45 минут. Он приехал в имперскую канцелярию в 10 часов. Я прибыл в 10 часов 15 минут согласно желанию генерала фон Виебана для того, чтобы передать ему разработанный проект подготовки «плана Отто».

В 13 часов генерал К. сообщает начальнику оперативного штаба адмиралу Канарису о том, что Риббентроп задержался в Лондоне. Нейрат принимает министерство иностранных дел. Фюрер желает направить ультиматум австрийскому правительству. Направляется личное письмо Муссолини, где излагаются причины, которые заставляют фюрера действовать. В 18 часов 30 минут издается приказ о мобилизации командующему 8-й армией (корпусного района 3), а также 7-му и 13-му армейским корпусам, без резервной армии...»

Документ С-102, США-74 — совершенно секретная директива верховного главнокомандования вооруженных сил от 11 марта 1938 г. Эта директива Гитлера имеет инициалы подсудимых Иодля и Кейтеля и касается «операции Отто»:

«1. Если другие меры окажутся безуспешными, я намереваюсь вторгнуться в Австрию при помощи вооруженных сил для того, чтобы создать конституционные условия и предотвратить дальнейшие нападки на прогерманское население...»

...4. Части армии и военно-воздушных сил, предназначенные для этой операции, должны быть готовы к вторжению или к действию 12 марта 1938 г., самое позднее в 12.00 часов. Я оставляю за собой право давать разрешение пересекать и перелетать границу и принять решение о моменте вторжения.

5. Поведение войск должно быть таковым, чтобы создать впечатление, что мы не намереваемся вести войну против наших австрийских братьев. В наших интересах, чтобы вся операция была проведена без применения насилия, но в форме мирного вступления при приветствиях со стороны населения. Поэтому следует избегать любой провокации. Если, однако, будет оказано сопротивление, то оно должно быть сломлено безжалостно силой оружия.

А. Гитлер

¹ Так именовались сторонники независимой монархической Австрии. — Составители.

Документ С-103, США-75 представляет собой специальную инструкцию № 1 к директиве от 11 марта 1938 г.:

«...Наша политика в отношении чехословацких и итальянских войск и войск милиции австрийской территории.

1. Если чехословацкие войска или части милиции будут обнаружены в Австрии, их следует рассматривать как неприятельские войска.

2. С итальянцами везде нужно обращаться как с друзьями, в особенности ввиду того, что Муссолини заявил, что он не интересуется разрешением австрийского вопроса». Подписано по приказу ОКВ Иодлем.

Документ ПС-812, США-61 — отчет гаулейтера Рейнера имперскому уполномоченному Бюркелю: «В пятницу 11 марта министр Глейзе-Хорстенау приехал в Вену после посещения фюрера. После бесед с Зейсс-Инквартом он поехал к канцлеру. В 11.30 утра состоялось заседание ландеслейтунга, в котором участвовали Клауснер, Рейнер, Юри, Зейсс-Инкварт, Глейзе-Хорстенау, Фишбок и Мультманн. Д-р Зейсс-Инкварт доложил о своей беседе с д-ром Шушнигом, которая закончилась отклонением предложения двух министров.

В отношении предложения Рейнера фон Клауснер дал приказание, чтобы правительству был предъявлен ультиматум, срок которого истекает к 14.00, подписанный легальными политическими деятелями «фронта», включая обоих министров и государственных советников — Фишбока и Юри. В этом ультиматуме должно было содержаться требование установления дня голосования через три недели, а также требование свободного и тайного голосования в соответствии с конституцией.

На основании письменных материалов, которые привез с собой Глейзе-Хорстенау, был подготовлен текст листовки, которая должна была быть напечатана в миллионах экземпляров, и также телеграммы фюреру с просьбой о помощи.

Клауснер передал руководство окончательными политическими действиями в руки Рейнера и Глобочника. Шушниг созвал совещание всех министров в 2 часа дня. Рейнер согласился с Зейсс-Инквартом, что он, Рейнер, пошлет телеграмму фюреру и сделает заявление населению в 15 часов и в то же время предпримет все необходимые шаги для того, чтобы захватить власть в том случае, если он не получит известий с заседания совета до того времени. В течение этого времени все меры были подготовлены. В 2.30 Зейсс-Инкварт позвонил Рейнеру и сообщил ему, что Шушниг был не в состоянии сопротивляться нажиму и отменил плебисцит, но что он отказался назначить новый плебисцит и приказал принять строжайшие политические меры для поддержания порядка. Рейнер спросил, ушли ли в отставку два министра, и Зейсс-Инкварт ответил — «нет». Рейнер сообщил

в имперскую канцелярию через германское посольство и получил ответ от Геринга тем же путем о том, что фюрер не согласится на частичное разрешение вопроса и что Шушниг должен уйти в отставку. Глобочник и Мультманн сообщили об этом Зейсс-Инкварту. Проходили совещания между Зейсс-Инкварт и Шушнигом, затем Шушниг ушел в отставку. Зейсс-Инкварт спросил Рейнера, принятие каких мер было бы желательным для партии? Рейнер ответил: Возглавление правительства Зейсс-Инкварт, легализация партии и призыв СС и СА в качестве вспомогательных частей полиции». Зейсс обещал, что он проведет эти меры, но за этим последовало известие о том, что все может быть поставлено под угрозу из-за сопротивления президента Микласа. Тем временем из германского посольства было сообщено, что фюрер ожидает создания правительства, во главе которого будет стоять Зейсс, поддержанный большинством, легализации партии и разрешения возвращения «Жетона»¹. Все это должно было быть проведено к назначенному времени — в 7.30 вечера. В противном случае германские войска перейдут границу в 8 часов. В 5.00 Рейнер и Глобочник вместе с Мультманном поехали к канцлеру, чтобы выполнить поручение.

Ситуация: Миклас вел переговоры с Эндером о создании правительства, которое включало бы черных, красных и национал-социалистов, и предложил пост вице-канцлера Зейссу. Последний отверг это и сказал Рейнеру, что сам он не в состоянии вести переговоры потому, что лично был заинтересован, и вследствие этого может возникнуть шаткая и нежелательная политическая ситуация. Рейнер вел переговоры с Цернатто. Директор кабинета Губер, Гвидо Шмидт, Глейзе-Хорстенау, советник посольства Штейн, военный атташе генерал Муфф и группенфюрер Кепплер (тот, о котором я говорил, что мы с ним еще встретимся), приехавший к тому времени, — уже вели в то время переговоры. В 7 часов вечера Зейсс-Инкварт снова присоединился к обсуждению. Положение в 7.30 вечера: упорный отказ Микласа назначить Зейсс-Инкварта канцлером, обращение ко всему миру в случае германского вторжения.

Группенфюрер Кепплер объяснил, что у фюрера пока что не было настоящего повода к вторжению. Этот повод должен был быть создан. Положение в Вене и повсюду в стране очень опасно. Есть опасность, что уличные бои могут разразиться в любой момент, потому что Рейнер приказал всей партии провести демонстрацию в 3 часа. Рейнер предложил взять штурмом

¹ Словом «Жетон» зашифрован созданный гитлеровцами австрийский легион, находившийся в то время в южной Баварии недалеко от австрийской границы. — Составители.

правительственный дворец для того, чтобы заставить произвести изменения в правительстве. Это предложение было отвергнуто Кепплером, но было проведено в жизнь Рейнером после того, как он обсудил его с Глобочником.

В 8 часов вечера СА и СС вступили в страну, захватили правительственные здания и все важные пункты города Вены. В 8.30 вечера Рейнер с согласия Клауснера приказал всем гаулейтерам Австрии захватить власть во всех восьми гау (областях) Австрии при помощи СС и СА, действуя согласно инструкциям о том, что всем представителям правительства, которые попытаются оказать сопротивление, должно быть сказано, что эти действия были предприняты по приказу канцлера Зейсса.

С этого началась революция, и это привело к полной оккупации Австрии через три часа и к захвату партией всех важнейших постов.

Захват власти был делом, выполненным партией при легальном положении Зейсса в правительстве и поддержанным угрозой фюрера вторгнуться в страну...»

Запись телефонных переговоров Геринга и Зейсс-Инкварта от 11 марта 1938 г. (документ ПС-2949, США-76):

«Геринг: Как у вас дела? Вы ушли в отставку или у вас есть какие-нибудь новости?»

Зейсс-Инкварт: Канцлер отменил выборы, которые были назначены на воскресенье, и поэтому он поставил «С» (Зейсс-Инкварта) и других господ в трудное положение. Помимо того, что он отменил выборы, он отдал приказ о широких мерах предосторожности, например, запретил появляться на улицах после восьми часов вечера».

Геринг ответил, что, по его мнению, меры, принятые канцлером Шушнигом, неудовлетворительны во всех отношениях. В данный момент он не может компрометировать себя официально. Скоро Геринг займет ясную позицию. В отмене выборов он видит только отсрочку, а не изменение нынешнего положения, которое было вызвано поведением канцлера Шушнига, из-за того, что последний порвал Берхтесгаденское соглашение...

Затем произошел разговор между Герингом и фюрером. После этого Геринг снова вызвал Зейсс-Инкварта. Этот разговор состоялся в 15 часов 05 минут.

«Геринг сказал Зейсс-Инкварту, что Берлин совершенно не согласен с решением, принятым канцлером Шушнигом, поскольку последний не пользуется больше доверием нашего правительства потому, что он порвал Берхтесгаденское соглашение. Поэтому не существует больше доверия к его действиям в будущем. Следовательно, национальному министру Зейсс-Инкварту и другим предлагается, чтобы они немедленно подали канцлеру прошение об отставке и также просили последнего уйти в

отставку. Геринг добавил, что если через час не будет ничего сообщено, они будут предполагать, что Зейсс-Инкварт больше не в состоянии звонить по телефону. Это будет значить, что господа вручили свои прошения об отставке.

Зейсс-Инкварту затем было предложено послать телеграмму фюреру, как было согласовано ранее. Конечно, после отставки Шушнига президент даст Зейсс-Инкварту полномочия создать новое правительство».

Таким образом, вы видите, что в 2 часа 45 минут дня Геринг сказал подсудимому Зейсс-Инкварту по телефону, что Шушниг не удовлетворит их отменой выборов. Через 20 минут он снова позвонил Зейсс-Инкварту и сказал, что Шушниг должен уйти в отставку.

Это уже второй ультиматум. Через час, когда ему сообщили, что Шушниг действительно ушел в отставку, он указал, что в дополнение к этому необходимо, чтобы Зейсс-Инкварт стал во главе правительства...

Через час после разговора Геринга с Зейсс-Инквартом Геринг позвонил Домбровскому в германское посольство в Вену. Во время этого разговора Геринг проявил заботу о том, чтобы нацистская партия и все ее организации были немедленно узаконены:

Геринг: Продолжаю наш разговор; партия определенно узаконена?

Домбровский: Но даже нет необходимости говорить об этом.

Геринг: Со всеми ее организациями?

Домбровский: Со всеми ее организациями внутри страны.

Геринг: Носящими военную форму?

Домбровский: Носящими военную форму.

Геринг: Хорошо».

Домбровский указал на тот факт, что СА и СС уже дежурили в течение получаса, что означает, что все в порядке.

Помимо этого Геринг заявил, что австрийское правительство должно быть оформлено к 7.30 вечера, и передал инструкции Зейсс-Инкварту, кто должен был быть назначен членами правительства:

Геринг: Да, и к 7.30 он должен поговорить с фюрером, а что касается кабинета, то Кепплер передаст вам фамилии. Одну вещь я забыл. Фишбок должен получить министерство экономики и торговли.

Домбровский: Это понятно.

Геринг: Кальтенбруннер должен получить министерство безопасности, а Бар должен получить вооруженные силы. Австрийская армия должна находиться под руководством самого

Зейсс-Инкварта, а насчет министерства юстиции — вам все известно».

Приблизительно через 20 минут, в 5.26 вечера, Герингу сообщили, что Миклас — президент — отказался назначить Зейсс-Инкварта канцлером, и тогда он дал указание об ультиматуме, который должен был быть вручен Микласу. Цитирую телефонные разговоры Геринга с Зейсс-Инквартом:

«Геринг: Теперь запомните следующее: немедленно отправляйтесь вместе с генерал-лейтенантом Маффом и скажите президенту, что если условия, о которых вы знаете, не будут немедленно приняты, то войска, которые частью уже находятся на границе или приближаются к ней, начнут продвижение по всему фронту и Австрия прекратит свое существование. Генерал-лейтенант Мафф должен пойти с вами, чтобы вас немедленно допустили для переговоров. Пожалуйста, сообщите нам немедленно о позиции Микласа. Скажите ему, что сейчас не время для каких-либо шуток. Мы отложили действия только в связи с полученным нами ложным донесением, но сейчас положение таково: вторжение начнется сегодня ночью со всех концов Австрии. Вторжение будет приостановлено и войска задержатся на границе только в том случае, если в 7.30 нам сообщат, что Миклас назначил вас на пост канцлера...

...Если Миклас не мог этого понять в течение 4 часов, то теперь мы заставим его понять то же самое в 4 минуты».

Через час, в 6.20 вечера, Геринг имел с Кепплером, Маффом и Зейсс-Инквартом телефонный разговор, который постоянно прерывался. Когда стало известно, что Миклас отказался назначить Зейсс-Инкварта, Геринг пришел в ярость и передал по телефону:

Геринг: Ну, что же? Тогда Зейсс-Инкварт должен его выгнать. Пойдите снова наверх и прямо скажите ему, что Зейсс-Инкварт вызовет охрану национал-социалистов и через 5 минут войска начнут продвижение по моему приказу».

После перерыва Зейсс-Инкварт подошел к телефону и сообщил Герингу, что Миклас все еще придерживается своей старой точки зрения, хотя новое лицо вступило с ним в переговоры, и определенный ответ, возможно, будет получен через 10 минут. Разговор продолжался в таком тоне:

Геринг: Послушайте, значит, я буду ждать еще несколько минут, пока он не вернется, а затем сообщите мне по прямому проводу в имперскую канцелярию, как обычно, но это должно быть сделано быстро. Я с трудом могу это оправдать. Я не имею права этого делать. Если это невозможно сделать, тогда вы должны будете захватить власть. Хорошо?

Зейсс-Инкварт: Но, если он будет угрожать?

Геринг: Да.

Зейсс-Инкварт: А-а. Я понимаю. Тогда мы будем готовы.

Геринг: Позвоните мне по прямому проводу».

Другими словами, Геринг и Зейсс-Инкварт сговорились о плане, по которому Зейсс-Инкварт должен был взять власть, если бы Миклас продолжал упорствовать. План, который уже обсуждался, предусматривал использование как национал-социалистских сил в Австрии, так и германских войск, пересекавших границу.

Позже, в ту же ночь, Геринг имел еще один разговор с Зейсс-Инквартом, приблизительно в 11 часов вечера. Это было после того, как истек срок ультиматума. Зейсс-Инкварт сообщил Герингу, что Миклас все еще отказывается назначить его, Зейсс-Инкварта, канцлером. Последовал затем такой разговор:

«Геринг: Хорошо, я дам приказ продвигаться в страну, а вы обеспечьте захват власти. Сообщите людям, стоящим у руководства, следующее: все, кто окажет сопротивление или будет организовывать сопротивление, будут преданы нашему военному суду — военному суду наших войск вторжения. Это ясно?

Зейсс-Инкварт: Да.

Геринг: Включая людей, стоящих у руководства, не будет сделано никаких исключений.

Зейсс-Инкварт: Да. Они дали приказ о том, чтобы не оказывать никакого сопротивления.

Геринг: Да. Это не имеет значения. Президент не дал вам полномочий, а это тоже можно рассматривать как сопротивление.

Зейсс-Инкварт: Да.

Геринг: Ну, что же? Теперь вы имеете официальные полномочия.

Зейсс-Инкварт: Да».

Геринг составлял планы вторжения в миролюбивую соседнюю страну, он собирался предать суду германских войск вторжения людей, стоящих у руководства этой страной... Затем по телефону было передано нечто очень примечательное, по крайней мере, так указывается в этих записях.

Но в то время имело место еще одно историческое событие, которое обсуждалось по телефону. Я ссылаюсь на известную телеграмму, посланную Зейсс-Инквартом германскому правительству, с просьбой к германскому правительству послать войска в Австрию и оказать Зейсс-Инкварту помощь в установлении «порядка». Разговор, который произошел в 8.48 вечера между Герингом и Кепплером, был таков:

«Геринг: Послушайте, главное заключается в том, что если Инкварт захватит всю правительственную власть, то он захватывает и радиостанции.

Кепплер: Сейчас мы представляем правительство,

Геринг: Да, да! Вы — правительство. Слушайте внимательно: следующая телеграмма должна быть послана сюда Зейсс-Инквартом. Запишите. Диктую: «Временное австрийское правительство, которое после отставки правительства Шушнига считает своей задачей установление мира и порядка в Австрии, направляет германскому правительству безотлагательную просьбу о поддержке его в этой задаче и помощи, чтобы избежать кровопролития. С этой целью оно просит германское правительство прислать как можно скорее германские войска».

Кепплер: Части СА и СС маршируют по улицам, но все спокойно.

Геринг: Тогда наши войска перейдут границу сегодня?

Кепплер: Да.

Геринг: Да, он должен послать телеграмму как можно скорее.

Кепплер: Хорошо, пошлите телеграмму Зейсс-Инкварту в канцелярию государственного канцлера.

Геринг: Пожалуйста, покажите ему текст телеграммы и скажите ему, что мы просим... Да, впрочем, ему не нужно посылать телеграммы, все, что ему нужно сделать, — это сказать: «согласен».

Кепплер: Да».

А через час, в 9.54 вечера, произошел следующий разговор между доктором Дитрихом в Берлине и Кепплером в Вене:

«Дитрих: Мне необходимо немедленно получить телеграмму.

Кепплер: Скажите генерал-фельдмаршалу, что Зейсс-Инкварт согласен.

Дитрих: Это замечательно. Спасибо.

Кепплер: Слушайте радио. Будут переданы новости.

Дитрих: Откуда?

Кепплер: Из Вены.

Дитрих: Значит, Зейсс-Инкварт согласен?

Кепплер: Да».

Затем я перехожу к приказу о вторжении в Австрию (документ С-182, США-77) — это директива верховного главнокомандующего вооруженными силами от 11 марта 1938 г. Эта директива, имеющая инициалы генерала Йодля и подписанная Гитлером, представляет собой приказ о вторжении в Австрию ввиду ее отказа согласиться с германским ультиматумом. Директива гласит:

«Совершенно секретно. Берлин, 11 марта 1938 года, 20.45. Верховный главнокомандующий вооруженными силами. 35 экземпляров. Экземпляр № 6.» Карандашом написано: «Главнокомандующий флотом информировал касательно «операции Отто», директива № 2».

«1. Австрийское правительство не выполнило требования германского ультиматума.

2. Австрийским вооруженным силам было приказано отойти перед вступившими в страну германскими войсками и избежать боев. Австрийское правительство перестало функционировать по своей собственной воле.

3. Для того чтобы избежать дальнейшего кровопролития в австрийских городах, вступление германских вооруженных сил в Австрию начнется, согласно директиве № 2, на рассвете 12 марта.

Я ожидаю, что поставленные цели будут достигнуты путем максимального напряжения всех сил как можно скорее».

Гитлер в 10.25 вечера принял информацию принца Филиппа фон Гессена, его посла в Риме, о том, что последний только что вернулся из «палаццо Венеция», где Муссолини принял все это событие в весьма дружественной манере. Он посылает вам привет. Он получил сообщения из Австрии. Сам Шушниг передал ему новости. Тогда он (Муссолини) сказал, что ему это представляется совершенно невозможным. Это, очевидно, просто блеф. Такая вещь не может произойти. Однако ему ответили (Шушниг), что, к сожалению, все было организовано и что ничего больше нельзя изменить. Муссолини заявил, что Австрия больше для него не существует.

«Гитлер: Тогда, пожалуйста, скажите Муссолини, что я никогда не забуду его за это...»

Гессен: Да.

Гитлер: Никогда, никогда, никогда, что бы ни произошло. Я все еще готов заключить с ним совершенно другое соглашение.

Гессен: Я ему это тоже сказал.

Гитлер: Как только австрийское дело будет завершено, я буду готов с ним идти в огонь и воду. Ничто другое не имеет значения...»

...Поздно вечером 11 марта президент Миклас назначил подсудимого Зейсс-Инкварт канцлером. Объявление по радио о назначении Зейсс-Инкварт было сделано в 11 час. 15 мин. (документ ПС-2465).

В воскресенье, 13 марта 1938 г., через день после вторжения, подсудимый Геринг, которого Гитлер оставил в Берлине своим заместителем, позвонил по телефону в Лондон подсудимому Риббентропу (документ ПС-2929):

«Геринг: Скажите следующее Галифаксу и Чемберлену: «Неверно, что Германия предъявила ультиматум. Это — ложь Шушнига, поскольку ультиматум был предъявлен ему Зейсс-Инкварт, Глейзе-Хорстенау и Юри. Кроме того, неверно, что мы вручили ультиматум президенту. Этот ультиматум был пере-

дан другими, и, насколько я знаю, только военный атташе присутствовал там, вызванный Зейсс-Инкварт, в связи с некоторыми техническими вопросами». ...Как вы помните, это был генерал-лейтенант, посланный Герингом. Предполагалось, что он запросит Германию, даст ли она поддержку своими войсками в случае, если об этом попросит Зейсс-Инкварт. «Кроме того, я хочу заявить, что Зейсс-Инкварт настойчиво просил нас по телефону и в телеграмме послать войска, потому что он не знал положения в Вене и т. д., поскольку в Вене было роздано оружие. Кроме того, он не мог знать, как будет реагировать «Отечественный фронт», потому что они всегда так много шумели.

Риббентроп: Господин Геринг, скажите мне, каково положение в Вене. Все уже установилось?

Геринг: Да, вчера я направил сотни самолетов с несколькими ротами с целью захватить аэродромы...»

Это довольно интересные объяснения. Из них следует, что ультиматум был предъявлен Зейсс-Инкварт, а не Герингом, что военный атташе генерал Мафф присутствовал только для того, чтобы ответить на какой-то технический вопрос, и что Зейсс-Инкварт настойчиво просил о присылке войск по телефону и телеграммой.

...Среди заговорщиков, которые в особенности активно действовали в отношении Австрии, были фон Папен, Зейсс-Инкварт, фон Нейрат, Риббентроп и Геринг.

Мне кажется ясным то, что эти люди были опасными людьми. Они использовали свою власть без каких-либо ограничений. Они использовали свою власть для того, чтобы лишить других независимости и свободы. Они добавили к силе обман, они добавили к угрозам легальные технические приемы и обходные маневры, надевая маску святош для того, чтобы прикрыть свою двуличность. Я думаю, что они были опасными людьми.

В соответствии с директивой от 11 марта 1938 г. германская армия пересекла австрийскую границу на рассвете 12 марта 1938 г. Гитлер издал прокламацию к германскому народу, объявляя о вторжении и пытаясь оправдать это вторжение.

Представляю документ Л-292 — телеграмму № 70 американского посольства в Вене государственному секретарю США от 12 марта 1938 г.:

«Государственному секретарю, Вашингтон, № 70, 12 марта, полдень.

Многочисленные германские бомбардировщики летают над Веной, сбрасывают листовки, в которых написано: «Национал-социалистская Германия приветствует национал-социалистскую Австрию и ее новое правительство, которые соединились в нерушимый союз». Продолжаются разговоры о продвижении

небольших германских частей в Австрию и предполагаемом прибытии австрийского легиона. СС и СА установили полный контроль в Вене. Полицейские носят на рукаве изображение свастики. Шушниц и Шмидт, по слухам, арестованы. Гиммлер и Гесс здесь». Подписано «Уили».

Микласа заставили уйти в отставку с поста президента. Зейсс-Инкварт стал одновременно и канцлером и президентом.

Затем он подписал федеральный конституционный закон от 13 марта 1938 г. о присоединении Австрии к германской империи.

Этот федеральный конституционный закон объявлял Австрию провинцией Германской империи. Присоединив Австрию к Германской империи, Германия тем самым нарушила ст. 80 Версальского договора, которая предусматривала следующее:

«Германия признает и будет уважать независимость Австрии в пределах тех границ, которые могут быть установлены договором между этим государством и основными союзными и присоединившимися к ним державами. Она согласна с тем, чтобы эта независимость была нерушимой».

В то же время Германия нарушила статью 88 Сен-Жерменского договора, которая предусматривает: «...Независимость Австрии является нерушимой, нарушение может произойти только с согласия Совета Лиги наций. Следовательно, самостоятельно, без разрешения названного Совета Австрия не должна предпринимать никаких действий, которые прямо или косвенно будут угрожать ее независимости...»

Австрийские чиновники должны были принять присягу и поклясться в верности Гитлеру — фюреру германской империи и германского народа. Чиновникам-евреям было запрещено принимать эту присягу.

Я ссылаюсь на «Декрет фюрера и имперского канцлера относительно принятия присяги чиновниками в провинции Австрии от 16 марта 1938 г.» (документ ПС-2311).

Гитлер и Фрик подписали декрет, вводящий в Австрии различные имперские законы, включая закон от 1933 года, запрещающий создание новых политических партий, и закон от 1933 года о сохранении единства партии и государства.

Я ссылаюсь на «Первый декрет фюрера и имперского канцлера относительно введения германского имперского закона в Австрии от 15 марта 1938 г.» (документ ПС-2310).

Гитлер, Фрик и Геринг приказали, чтобы имперский министр внутренних дел взял на себя центральную власть по проведению воссоединения Австрии с германской империей. Я ссылаюсь на приказ, изданный в соответствии с законом о воссоединении Австрии с германской империей от 16 марта 1938 г. (документ ПС-1060).

После захвата Австрии волчья пасть Германии угрожала Чехословакии. Желание Германии завершить аншлюсс с Австрией и ее решимость достичь этой цели именно в то же самое время и таким же путем, каким она это сделала, то есть угрожая военной силой, быстро и несмотря на политический риск, обосновывались значением Австрии в дальнейших планах агрессии.

На совещании 5 ноября 1937 г., на котором планировалась агрессивная война в Европе, указывалось, что целью присоединения Австрии является усиление мощи Германии.

Австрия должна была предоставить Германии материальные ресурсы, и, более того, она предоставляла валюту, захваченную у евреев и у австрийского правительства.

Одним из первых приказов, проведенных после аншлюсса, был приказ, подписанный Гитлером, Фриком, Шверин фон Крозигом и Шахтом, о передаче рейху капиталовложений австрийского национального банка. Приказ о передаче австрийского национального банка рейхсбанку от 17 марта 1938 г. представлен как документ ПС-2313.

Приобретение Австрии улучшило военно-стратегическое положение германской армии, как это было отмечено в лекции, прочитанной генералом Иодлем — начальником штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил — 7 ноября 1943 г. в Мюнхене, на собрании гаулейтеров:

«Австрийский «аншлюсс», в свою очередь, привел не только к достижению нашей старой национальной цели, но также и укрепил нашу боевую силу и значительно улучшил наше стратегическое положение. До того времени территория Чехословакии вдавлялась самым угрожающим образом прямо в Германию (осиная талия в направлении Франции — территория, которая могла стать воздушной базой для союзников, особенно для России). Теперь Чехословакия сама попала в клещи. Ее стратегическое положение стало таким неблагоприятным, что она должна была стать жертвой любой атаки, которая была бы энергично направлена прямо в цель и проведена до того, как могла бы прибыть эффективная помощь с Запада» (документ Л-172, США-34).

Теперь нацистские заговорщики были готовы провести в жизнь вторую часть этой второй фазы их агрессии и захватить Чехословакию.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ГВИДО ШМИДТА¹

[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала от 13 июня 1946 г.]

Штейнбауэр: Господин свидетель, какие посты вы занимали в Австрийской республике?

Шмидт: Я был по профессии дипломатом. В 1936 году при канцлере докторе Шушнице я стал статс-секретарем и потом министром иностранных дел. Я состоял в правительстве Шушница до его вынужденной отставки.

Штейнбауэр: Какие причины экономического и внешнеполитического характера повели к заключению соглашения от 11 июля 1936 г.?

Шмидт: С начала 1936 года внешнеполитическое положение Австрии изменилось в неблагоприятную для Австрии сторону. После событий в июле 1934 года Англия, Франция и Италия подписали в Стресе заявление трех держав относительно сохранения независимости Австрии. Кроме существовавших до этого международных обязательств, эти три державы создали новую гарантию для сохранения независимости Австрии, — фронт в Стресе, который в течение всего 1935 года выполнял функции по защите Австрии. Развал этого фронта вследствие операций Муссолини в Абиссинии означал для Австрии потерю единственной практической международной гарантии, а для канцлера Шушница — создание совершенно новой ситуации. По его внешнеполитическим планам охрана независимости Австрии должна была быть возложена не только на плечи Италии, но и на плечи других стран, то есть Франции и Англии.

К этому следует еще добавить также те трудности, которые возникали вследствие развития общеевропейского положения с 7 марта 1936 г., с того дня, когда Адольф Гитлер положил начало своей политике неожиданностей, заняв Рейнскую об-

ласть и не встретив при этом серьезного сопротивления со стороны западных держав. Это вызвало у австрийского правительства опасение, что в один прекрасный день и австрийский вопрос будет решен с помощью «неожиданностей» или, как мы увидим после, с помощью силы. Нельзя не упомянуть этих причин, точно так же, как и начавшееся сближение между Римом и Берлином, которое относится как раз к этому времени и объясняется также политикой санкций Лиги наций. Австрия, расположенная между Италией и Германией, должна была считаться с тем, что существовавшая при Дольфусе итало-австрийская дружба когда-нибудь станет жертвой интимного сближения между Римом и Берлином.

По этим причинам и исходя из других соображений, Шушниц искал средств для улучшения отношений, то есть для восстановления отношений между Австрией и Германией.

Возможно, необходимо назвать в этой связи некоторые основные принципы внешней политики Австрии. Основой австрийской внешней политики была тенденция к сохранению австрийской независимости. Австрийская внешняя политика основывалась, далее, на признании очень трудного и неудобного географического положения этой страны, зажатой между двумя авторитарными государствами и находящейся в центре идеологических столкновений Европы. Задачей внешней политики Австрии должно было быть достижение договоренности с крупным соседом — Германией. Она должна была основываться на решимости избегать всего, что могло бы повести к конфликту с германской империей, избежать всего, что могло бы побудить Германию к совершению насильственных действий, которых можно было ожидать после 7 марта.

Таким образом, указанные причины внешнеполитического порядка были решающими при принятии данного решения — восстановить отношения с германской империей, с которой мы говорим на одном языке и с которой до этого у нас искусственным путем были разорваны эти отношения.

Наряду с внешнеполитическими причинами играли роль также и экономические соображения. Мировой экономический кризис особенно задел Австрию, экономическая структура которой была хотя и жизнеспособна, но крайне слаба. Это мы можем понять лишь тогда, когда мы проследим развитие событий с начала образования этого молодого государства. Издавна соседние страны проводили политику эгоизма и шовинистических собственных интересов, и никогда не удавалось добиться тесного экономического сотрудничества всех придунайских стран. Справедливо, что были достигнуты отдельные соглашения, как, например, римские протоколы, но обоюдное недоверие, вынесенное из-под общего крова австрийской монархии,

¹ Свидетель Гвидо Шмидт был вызван в суд по ходатайству Г. Штейнбауэра — защитника подсудимого Зейсс-Инкварт. — Составители.

осталось, и оно препятствовало дальнейшему здоровому развитию. Затем, с 1931 года, с начала мирового экономического кризиса делается ряд попыток получить друг от друга помощь. Это начинается с попытки правительства создать таможенную унию, которая потерпела поражение вследствие сопротивления Лиги наций. В 1932 году имело место стремление Франции, Австрии и Венгрии объединиться в Малую Антанту и, таким образом, добиться экономического сотрудничества. Но и здесь снова они натолкнулись на сопротивление Германии и Италии, а также и Англии, которая относилась к этому отрицательно.

В 1933 году к этому затруднительному положению добавилась еще внутривнутриполитическая борьба с национал-социализмом. И эта борьба оказала отрицательное влияние на развитие экономической жизни Австрии, так как и экономика была втянута в эту внутривнутриполитическую борьбу.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, все это, несомненно, представляет большой интерес, но имеет, однако, весьма отдаленное отношение к тем вопросам, которые должен решать Трибунал. Правда, я не знаю, достаточно ли осветил эти вопросы свидетель.

Штейнбауэр: Господин председатель, этим объяснением я хотел показать, что, с точки зрения экономики и внешней политики, обстановка была такова, что роль подсудимого была, собственно, отодвинута на задний план. Разрешите продолжать, господин председатель?

Шмидт: Все это привело к нарушению экономических отношений с германской империей, и вследствие этого борьба за экономическое существование Австрии вступила в очень серьезную фазу. Исходя из этих соображений, канцлер Шушник пытался добиться договоренности с германской империей и урегулировать экономические отношения, которые были до того полностью прекращены, то есть он хотел добиться отмены запрета на провоз суммы свыше 1000 марок, оживления судоходства на Дунае, восстановления транспорта, возобновления разрешения на проезд туристов и прекращения жалоб, поступавших из провинций Австрии в связи со сбытом сельскохозяйственных продуктов, леса, зерна, скота и т. д. В основном это были главные соображения.

Штейнбауэр: Я вас спрашиваю теперь: содействовал ли доктор Зейсс-Инкварт подготовке или заключению этого соглашения от 11 июля 1936 г.?

Шмидт: Нет. Канцлер Шушник во время этих переговоров работал исключительно с Глейзе-Хорстенау, который являлся представителем так называемой национальной оппозиции.

Штейнбауэр: Доктор Зейсс-Инкварт затем весной 1937 года начал заниматься политической деятельностью, и вы, очевидно, лишь тогда познакомились с ним?

Шмидт: Да, я познакомился с ним лишь летом 1937 года.

Штейнбауэр: Я перехожу теперь к дальнейшему периоду времени и хотел бы спросить вас, какие внутренние и внешние политические причины привели к известной встрече Адольфа Гитлера и доктора Шушника в Берхтесгадене?

Шмидт: В конце 1937 года — начале 1938 года вторично наступило ухудшение внешнеполитического положения Австрии. Италия вела военные действия в Испании на стороне Франко и заключила с ним соглашение, которое еще больше снизило ее военное и политическое влияние в Центральной Европе. То, что называется «властью над Бреннером», в то время прекратило свое существование, и Германия получила широкую возможность свободы действий по отношению к Австрии.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, Трибунал знаком с общеизвестными историческими фактами, имевшими место в то время. Нет необходимости рассматривать этот вопрос настолько подробно.

Штейнбауэр: Господин свидетель, в таком случае я хотел бы вас попросить сказать мне, присутствовали ли вы в Оберзальцберге?

Шмидт: Да. Я хотел бы добавить, если мне не будет разрешено остановиться на вопросе исторического развития, — а я считаю этот вопрос таковым, — что канцлер Шушник принял это приглашение, чтобы избавить Австрию от упрека в том, что она отклонила мирные попытки устранить имевшиеся разногласия между Австрией и германской империей. Канцлер Австрии, следовательно, никоим образом не был настроен оптимистически уже хотя бы потому, что существовавшие разногласия были чрезвычайно велики и были связаны не только с личностью партнера по переговорам.

Я помню, что Шушник сказал мне перед отъездом, что он придерживается того мнения, что, возможно, лучше было бы, если бы вместо него к Гитлеру поехал профессор Вагнер Яург, самый крупный психиатр Вены. Однако он это сделал потому, что он, учитывая чрезвычайно тяжелое, неблагоприятное положение Австрии, считал, что ему необходимо это сделать для того, чтобы предотвратить насильственные действия и выиграть время, пока международное положение не сложится в пользу Австрии. К сожалению, мы были правы, когда мы опасались возможности нападения или будущих трудностей. Мы были правы, когда опасались, что Австрия будет изолирована. Понимание того, что Австрия будет изолирована, было, пожалуй,

одной из важнейших причин, имевших значение для Шушнига, вместе с соображением относительно того, что таким образом можно будет пережить этот трудный период и выиграть время. Австрия должна была пройти этот трудный путь в те темные времена, которые наступили в последние дни зимы 1937 года до марта 1938 года, без надежды на скорую или далекую помощь. Так дошло до Берхтесгадена.

Штейнбауэр: Вы как министр иностранных дел сообщили крупнейшим державам об известных событиях в Берхтесгадене?

Шмидт: Да, несмотря на то, что в прессе часто утверждалось обратное, все заинтересованные крупные державы подробно информировались о событиях как перед Берхтесгаденом, так и после Берхтесгадена. Я предоставил в распоряжение руководителя политического отдела, к которому в первую очередь обращались все иностранные дипломаты, весь нужный материал. Канцлер Австрии сам и я подробно информировали представителей всех аккредитованных в Вене держав и обращали также их внимание на опасность положения в стране.

Председатель: Простите, что я вас прерываю. Мне не хотелось выслушивать всех деталей. Вы уже сказали о том, что вы информировали иностранные державы как до этого, так и после этого. Этого вполне достаточно.

Штейнбауэр: Мы возвращаемся к делу подсудимого. Я повторяю свой вопрос: принимал ли Зейсс-Инкварт участие в этом совещании?

Шмидт: В каком совещании?

Штейнбауэр: В Берхтесгадене.

Шмидт: Нет.

Штейнбауэр: Затем он стал министром внутренних дел и полиции и поехал к Адольфу Гитлеру в Берлин. Сообщил ли он Шушнигу содержание его первого разговора с Адольфом Гитлером?

Шмидт: Я об этом не знаю. Однако я знаю об отдельных высказываниях статс-секретаря доктора Цернатто, из которых я могу заключить, что об этом совещании велась беседа между Зейсс-Инквартом и доктором Цернатто — руководителем «Отечественного фронта».

Штейнбауэр: Из этого можно заключить, что Шушниг узнал об этом совещании через Цернатто?

Шмидт: Да, я предполагаю, что это было так.

Штейнбауэр: Теперь мы переходим к дальнейшему периоду. Я буду говорить о мартовских днях 1938 года. Шушниг планировал тогда народный плебисцит. Знаете ли вы о том, что Шушниг извещал об этом Зейсс-Инкварта и говорил ли он с ним об этом?

Шмидт: Да, Зейсс-Инкварт, безусловно, был информирован об этом. Я также узнал, что приблизительно 10 марта было достигнуто соглашение между Зейсс-Инквартом и канцлером Австрии, так как канцлер рассказывал мне, что Зейсс-Инкварт даже заявил, что он готов выступить по радио в пользу плебисцита.

Штейнбауэр: Когда Глейзе-Хорстенау сообщил о том, что угрожает вступление немецких войск, вы как министр иностранных дел известили об этом иностранные государства?

Шмидт: Да. Я не получал прямых сообщений от Глейзе-Хорстенау. Я узнал о критическом положении лишь на основании ультимативного письма, в котором требовалась отмена назначенного канцлером на 13 марта плебисцита. И начиная с этого момента, в течение всего 11 марта имелся контакт с дипломатическим корпусом в Вене, а часом позже — также и с нашими представителями в иностранных государствах.

Штейнбауэр: Требования Германии стали тогда все больше увеличиваться, и, в частности, было поставлено требование об отставке Шушнига. Собрались министры, и один из членов правительства сказал Зейсс-Инкварту следующее: «Мы теперь ясно видим, что империя хочет покончить с Австрией. Лучше всего будет, если Зейсс-Инкварт станет канцлером. Таким образом, переход в новое состояние будет, по крайней мере, терпимым». Вы вспоминаете о таком высказывании?

Шмидт: Нет. Я лишь позже узнал о высказывании министра Глейзе-Хорстенау, которое содержит требование, направленное Зейсс-Инкварту.

Штейнбауэр: Было ли у вас впечатление, что после прощальной речи Шушнига прекратил свое существование и руководимый им «Отечественный фронт»?

Шмидт: Мне кажется, вопрос неправильно описывает ситуацию. Было выдвинуто ультимативное требование об отставке канцлера, и, наконец, государство было оккупировано войсками, и тем самым отечественный фронт, естественно, также прекратил свое существование, так как с вступлением немецких войск национал-социализм стал реальностью, которая, как это показало дальнейшее развитие, исключала возможность существования отечественного фронта.

Штейнбауэр: Зейсс-Инкварт затем был назначен канцлером Австрии. Он составил список членов кабинета министров и наметил вас, господин свидетель, на пост министра иностранных дел, — это правильно?

Шмидт: Это правильно. Я, однако, отказался от этого. Затем ко мне еще раз обратились с этим предложением, но я снова отказался, и затем меня попросили изложить причины отказа. Зейсс-Инкварт заявил мне, что он намеревается, пока

это будет возможно, сохранять независимость Австрии. Он боялся с его правительством национал-социалистского большинства натолкнуться на трудности на Западе и поэтому хотел использовать в правительстве мой дипломатический опыт и связи. Он добавил, что намеревается путем привлечения положительных австрийских представителей создать более широкую платформу для этого правительства.

Штейнбауэр: Вы нашли этих положительных австрийских представителей в списке министров?

Шмидт: Да, там такие фамилии имелись. Я сам ломал себе голову над этим, но не могу с уверенностью вспомнить отдельных фамилий.

Штейнбауэр: Известно ли вам, почему потом был составлен другой список членов кабинета министров, который являлся окончательным?

Шмидт: Вечером прибыл из Берлина статс-секретарь Кепплер, и, как я узнал позже, он отклонил мою кандидатуру и, мне кажется, также и некоторых других, во всяком случае, относительно одного я знаю совершенно точно. Мне кажется, что он также по поручению Берлина предложил, чтобы Вебер занял пост министра иностранных дел. Таким образом, старый список отпал, и Зейсс-Инкварт больше не прилагал усилий к тому, чтобы отговорить меня от отказа.

Штейнбауэр: Полагаете ли вы, что Зейсс-Инкварт намеревался сохранить независимость Австрии даже при национал-социалистском руководстве?

Шмидт: Как свидетель я могу лишь сказать то, что я знаю. Высказывать мнение очень трудно. Я лишь установил то, что он мне действительно сказал.

Штейнбауэр: Благодарю вас. У меня нет больше вопросов к данному свидетелю.

(К микрофону подходит доктор Кубушок¹).

Кубушок: Согласно заявлению американского посла в Вене мистера Мессерсмита, фон Папен в начале своей деятельности в Вене сказал о том, что его настоящей задачей в Вене является экономическое и политическое включение Юго-Восточной Европы в Германию (поскольку Юго-Восточная Европа является естественной внутренней областью Германии).

Вы, господин свидетель, слышали о таком высказывании Папена?

Шмидт: Нет. При тех тесных связях, которые у меня были еще до моего назначения членом правительства и в особенности в последующее время с послом Мессерсмитом, я, очевидно,

¹ Кубушок — защитник фон Папена. — Составители.

узнал бы об этом. Я предполагаю, что этому вопросу, однако, все же не придавалось такое особое значение, так как во время первых посещений дипломатов, как правило, они в беседе затрагивают лишь общие вопросы и обсуждают общеполитические вопросы, которые интересуют обе страны.

Я позже также не имел возможности установить, что немецкое посольство занимается вопросами политики Юго-Восточной Европы.

Кубушок: На основании тех же показаний господина Мессерсмита, фон Папен тогда также заявил, что его усилия были направлены на ослабление и подрыв австрийского правительства. Считаете ли вы, что господин фон Папен действительно высказал это мнение и — что гораздо более важно — проводил ли он такую политику?

Председатель: Подождите, доктор Кубушок, вы не должны спрашивать его о том, полагает ли он, что такое мнение могло быть высказано или нет. Это лишь не имеющее под собой реального основания предположение, а не доказательство. Поэтому этот вопрос должен быть отведен, ответ на него не должен даваться, и он будет вычеркнут из протоколов суда.

Кубушок: Хорошо, я задам следующий вопрос. Сообщал ли вам посол Мессерсмит когда-нибудь о подобном высказывании господина фон Папена?

Шмидт: Нет.

Кубушок: Считало ли австрийское правительство полезным и необходимым снова установить отношения с империей путем заключения соглашения, как это было сделано в июле 1936 года?

Шмидт: Да, я уже говорил о реальных политических причинах внешнеполитического и экономического характера.

Кубушок: При этом, а также и во время последующих переговоров играли ли роль внутривнутриполитические причины, в особенности урегулирование партийного вопроса?

Шмидт: Естественно, задачей правительства было ликвидировать внутривнутриполитическое напряженное положение, и австрийский канцлер должен был прилагать все усилия для того, чтобы найти выход из тяжелого положения, унаследованного им от Дольфуса, путем разгрома внутривнутриполитических фронтов.

Кубушок: Полагаете ли вы, что фон Папен заключил июльское соглашение 1936 года, преследуя обманные цели?

Шмидт: Нет, у меня не было повода сделать вывод, что он в заключении этого соглашения не усматривал серьезной попытки для установления соглашения «модус вивенди» между империей и Австрией. Тот факт, что в конце концов это привело к «модусу мали вивенди», не изменяет этого.

Кубушок: Были ли со стороны Германии заявлены жалобы на то, что и после соглашения от 11 июля 1936 г. не наступило никакого изменения во внутривнутриполитическом курсе австрийского правительства?

Шмидт: Да, такие упреки мы слышали все время, и, таким образом, мы подходим к последней и существенной причине конфликта с империей. Борьба с национал-социализмом внутри страны в интересах сохранения независимости страны и сотрудничество на основании соглашения от 11 июля с германской империей, руководство которой было национал-социалистским, — были теми двумя властными требованиями, которые через некоторое время австрийское правительство сочло несовместимыми. Этим объясняются и все трудности, с которыми столкнулись те люди, на которых было возложено выполнение этого соглашения в Вене, включая германского посла.

Кубушок: Подвергались ли обсуждению между канцлером и фон Папеном вопросы внутренней политики, такие, как вопросы политики и личного состава так называемой национальной оппозиции, в результате имевших место условий и в особенности связанные с обстоятельствами, явившимися результатом июльского соглашения?

Шмидт: Только что описанное мною положение показывает, что такие обсуждения, очевидно, были неизбежными и что беседы о внутреннем политическом положении имели место между канцлером и германским послом так же, как с итальянским послом, обычным путем, принятым в таких случаях. Я не знаю таких дипломатических мемуаров, которые не содержали бы подобного рода записей. Канцлер никогда бы не потерпел никакого вмешательства любого рода. В отношении отдельных лиц Шушниг был особенно сдержанным, так как он, если можно так сказать, опасался «тройных коней».

Таково было примерно положение, которое обсуждалось в беседах между канцлером, с одной стороны, и германским послом — с другой стороны.

Кубушок: Можете ли вы сказать, выражалось ли в чем-либо отрицательное отношение фон Папена к методам нелегальной партии?

Шмидт: Да, на основании тех сведений, которые получало правительство, к нелегальному руководству партии, в особенности же к действиям Леопольда, фон Папен относился отрицательно. Это, безусловно, следует объяснить принципиальными разногласиями, разными политическими убеждениями и различными политическими путями, которыми были намерены идти фон Папен, с одной стороны, и нелегальное руководство партии — с другой стороны.

Кубушок: Занимал ли фон Папен, на основе июльского соглашения, когда-либо агрессивную позицию в вопросах внешней политики Австрии?

Шмидт: Между Австрией и империей имелись непреодолимые разногласия не только в области культурных и внутривнутриполитических связей, но и в области внешней политики. Я упомяну лишь требование империи о том, чтобы Австрия вышла из Лиги наций, требование, которое мы отклонили, указав на тот факт, что Австрия по причине ее географического положения и исторических предпосылок тесно связана с континентом, и также сославшись на то, что Австрия получила займы от Лиги наций.

Вторым пунктом является отношение Австрии...

Председатель (прерывая): Является ли все это ответом на вопросы, которые вы ему задали?

Шмидт: Я сейчас перейду...

Кубушок. Это только вступление к ответу на мой вопрос.

Председатель: Скажите, пожалуйста, свидетелю, чтобы он отвечал на ваш вопрос и излагал ответ, а не вступление к нему.

Кубушок: Для меня важно знать, воспользовался ли фон Папен имевшимися возможностями для агрессивного вмешательства в австрийскую внешнюю политику в отдельных, упомянутых вами случаях.

Шмидт: Я хотел сказать, что несмотря на существование глубоких, коренных разногласий, это не имело места и что какой-либо посол более радикальных воззрений, несомненно, имел бы возможность и случай занять более жесткую позицию по отношению к Австрии. Мы ни в одном случае не пришли к соглашению с германской империей о совместных действиях в области внешней политики. Фон Папен, правда, напомнил нам об этом, но этим все и ограничилось. Что же касается агрессии или деятельности агрессивного характера, — я ничего не могу сказать об этом.

Председатель: Желает ли обвинение произвести перекрестный допрос?

(К микрофону подходит представитель американского обвинения г-н Додд.)

Додд: Если это вам известно, скажите, когда в первый раз подсудимый фон Папен предложил канцлеру Шушнигу, чтобы он, Шушниг, встретился с Гитлером?

Шмидт: Это было поздней осенью 1937 года, в ноябре. Фон Папен взялся за организацию этой встречи. Переговоры о ней не дали конкретных результатов. Официальное приглашение фон Папен передал 6 или 7 февраля, вернувшись от Гитлера. В этот день я и узнал о приглашении.

Додд: Скажите нам также, если это вам известно, не уверял ли фон Папен Шушнига в том, что это совещание ограничится обсуждением строго ограниченного круга вопросов и что на нем будут обсуждаться лишь те вопросы, которые были намечены Шушнигом и фон Папеном до совещания?

Шмидт: Сам канцлер требовал, чтобы программа этих переговоров была точно установлена. Он предлагал принять за основу соглашение от 11 июля и окончательно устранить все существующие разногласия. Об этом договорились Шушниг и Папен.

Додд: Уверял ли фон Папен Шушнига в том, что это совещание будет полностью благоприятным для Австрии?

Шмидт: Нет, Папен этого не утверждал, но он, правда, заявил, что ситуация весьма благоприятна, причем Папен указывал на новую обстановку, создавшуюся после 4 февраля. Он считал, что Гитлеру после этих событий необходимо добиться какого-либо внешнеполитического успеха, поэтому канцлер может надеяться недорогой ценой достигнуть такого успеха.

Додд: Я хочу выяснить здесь — причем вы можете отвечать кратко, это, мне кажется, будет для нас удобнее — вопрос, который сводится к следующему: у вас и у Шушнига создалось впечатление, что если вы будете присутствовать на этом совещании, то это создаст некоторые преимущества для вас и для Австрии? Не так ли?

Шмидт: Я уже сказал ранее, что канцлер не был настроен оптимистически, то есть не надеялся на улучшение положения. Он хотел лишь урегулировать существовавшие разногласия.

Додд: Вечером, накануне вашего отъезда в Берхтесгаден, у вас был разговор с человеком по фамилии Хорнбастель, — не так ли? С послом?

Шмидт: Да.

Додд: А предварительно в тот вечер вы беседовали с Зейсс-Инквартом, вы и Шушниг?

Шмидт: Это возможно, в те дни часто происходили совещания.

Додд: Быть может, я сумею немного помочь вам. Не помните ли вы, что Цернатто и Зейсс-Инкварт составляли какой-то меморандум, касающийся внутренних вопросов, в то время, как вы и, кажется, Хорнбастель, а может быть, кто-то другой, готовили документ или документы по международным вопросам, или по вопросам внешней политики. Не помогает ли это вам припомнить ход событий?

Шмидт: Я ничего не понял.

Додд: Я говорю о том времени, когда вы и некоторые из ваших сотрудников готовили какой-то меморандум относи-

тельно вопросов внешней политики, а Цернатто и Зейсс-Инкварт готовили документы о внутреннем положении в стране. Вы помните об этом, — не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: Вы были встревожены в этот вечер по поводу Зейсс-Инкварта, — не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: А почему вы были встревожены? Что вызывало у вас тревогу, чего вы опасались со стороны Зейсс-Инкварта?

Шмидт: Все те проекты, которые я получил перед отъездом и которые были выработаны Цернатто и Зейсс-Инквартом в качестве основы для внутривосточной части переговоров, — все эти проекты казались мне в политическом отношении нежизненными и совершенно непригодными. У меня создалось впечатление, что над ними работали два человека, которые с удовольствием сочиняли проекты, не понимая серьезности ситуации. Здесь были употреблены всевозможные формулировки относительно австрийского национал-социализма, причем делалось различие между идеологией австрийского национал-социализма и истинного национал-социализма. На самом деле никакой разницы нет. Австрийское национал-социалистское мировоззрение является настоящим национал-социалистским. Все это я тогда раскритиковал в своих выступлениях.

Додд: Вы согласитесь со мной, если я скажу, что между ним и Гитлером существовала какая-то договоренность, которая должна была повлечь за собой нечто недоброе для Австрии? Под «ним» я имею в виду Зейсс-Инкварта.

Шмидт: Нет, у меня тогда не было опасений, что существует тайное соглашение между Гитлером и Зейсс-Инквартом.

Додд: Когда вы на следующий день прибыли в Берхтесгаден, вы узнали, что большая часть материала, который обсуждался между Цернатто, вами, Зейсс-Инквартом и Шушнигом, была использована Гитлером в качестве основы его требований к Шушнигу, — не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: Не убедились ли вы, по крайней мере, в этот день в том, что Зейсс-Инкварт связался с Гитлером незадолго до того, как вы прибыли в Берхтесгаден и сообщил ему эти основные требования?

Шмидт: У нас только создалось впечатление, что в основе совещания лежал проект, который был выработан людьми, знающими все обстоятельства дела. Основой этой программы требований была значительная часть соглашения между Зейсс-Инквартом и Цернатто. Всей программы мы до того не знали.

Додд: В тот день в Берхтесгадене вы и Шушниг представляли Австрию?

Шмидт: Да.

Додд: Гитлер, фон Папен, фон Риббентроп, Кейтель, Шпеер и Рейхенау представляли там Германию?

Шмидт: Да.

Додд: Вы, фон Папен и Шушниг все вместе ехали в одном вагоне от границы до Берхтесгадена, — не правда ли?

Шмидт: Да. Я не помню, ехал ли Папен туда в нашем вагоне. Обрато мы ехали все вместе.

Додд: Независимо от того, ехал ли он с вами в одном вагоне, он был в том же поезде. Разве он не сел в этот поезд на границе и не ехал затем с вами и Шушнигом?

Шмидт: Этого я не помню.

Додд: Разве он вас не встретил на границе?

Шмидт: Да, он нас ожидал на границе.

Додд: Может быть, я что-нибудь и путаю, но меня интересует тот разговор, который вы и Шушниг имели с фон Папеном, когда вы встретились с ним на границе или во время пути в Берхтесгаден, когда он сказал вам: «Между прочим, там будет несколько генералов, я надеюсь вы не имеете ничего против этого». Вы помните, что фон Папен это сказал?

Шмидт: Да, я помню, что о генералах шла речь. Он сказал Шушнигу, что будет присутствовать... не помню, назвал ли он при этом имя Кейтеля.

Додд: Итак, об этом было упомянуто скорее вскользь, и у вас не было возможности возразить против этого? А до этого времени вы не знали, что там будут военные?

Шмидт: До того времени мы ничего не знали об этом.

Додд: В какое время дня вы приехали в Берхтесгаден? Рано утром или утром же, но позднее?

Шмидт: В первой половине дня.

Додд: Я хотел бы, чтобы вы сообщили Трибуналу как можно точнее, что же именно произошло там в тот день. Об этом совещании мы слышали уже много показаний, но вы — первый человек, дающий здесь показания, который сам был там. Хотя, пожалуй, это не совсем так — Кейтель тоже там присутствовал, но во всяком случае вы принимали участие в обсуждении. С чего началось обсуждение?

Шмидт: Совещание началось с беседы между Гитлером и канцлером Шушнигом. Беседа происходила с глазу на глаз, так что ни я, ни другие господа не присутствовали при этом. Позднее туда были приглашены некоторые из присутствовавших. Затем состоялись совещания без Гитлера, с участием тогдашнего министра иностранных дел Риббентропа, и на этих совещаниях обсуждались все пункты предложенной нам программы. В процессе этих совещаний некоторые требования были вычеркнуты.

Додд: В то время, когда Гитлер говорил с Шушнигом, с кем говорили вы, если вы вообще с кем-нибудь говорили в то время? Что вы делали?

Шмидт: Я был вместе с остальными приехавшими, которых вы назвали. Часть времени мы провели в большом зале, а другую часть — в приемной перед комнатой, где происходило это совещание четырех.

Додд: Разговаривали ли вы, например, с Риббентропом в то время, когда Гитлер беседовал с Шушнигом? Что там происходило? О чем вы беседовали с Риббентропом, если вы говорили с ним?

Шмидт: В послеобеденные часы мы с Риббентропом рассматривали программу требований. Частично я делал это один. Мне удалось удалить оттуда некоторые пункты. Таким образом, это были беседы в рамках предъявленной нам программы требований.

Додд: Я хотел бы, чтобы вы пока ограничились рассказом лишь о том, что происходило там, для того, чтобы мы установили точную последовательность происшедших событий. Итак, в то время, когда Шушниг беседовал с Гитлером, вы действительно просто сидели и вели неофициальный разговор или же вы беседовали с Риббентропом или еще с кем-нибудь об Австрии и Германии?

Шмидт: Нет, в первой половине дня мы еще не говорили об этом, так как мы — во всяком случае я — еще не знали этой программы, а политические переговоры могли происходить только на базе обоюдно высказанных пожеланий обеих сторон.

Додд: Но ведь, очевидно, во время заседания были перерывы, и в течение этих перерывов не удалось ли вам поговорить с Шушнигом?

Шмидт: Да, примерно через час канцлер вышел, информировал меня о ситуации и советовался со мной...

Додд: Скажите нам, что он вам тогда сказал?

Шмидт: Он сначала охарактеризовал атмосферу, резкость тона и ультимативный характер сделанных предложений.

Додд: Попытайтесь рассказать нам, что он говорил вам, если вы помните. Что он говорил вам о той атмосфере, в которой велись переговоры, и о тоне самого разговора? Вот, что мы хотим знать.

Шмидт: Он начал с того, как его встретили. Он сказал, что Гитлер упрекал его в том, что он не немец и что Австрия не проводит германскую политику. Так всегда было еще во времена Габсбургов. Гитлер обвинил в этом также австрийских католиков. Австрия всегда вставляла палки в колеса всякому национальному движению, это продолжается и по сей день. Тут Гитлер упомянул о том, что Австрия не вышла из Лиги

наций. Затем произошел очень резкий разговор между Гитлером и Шушнигом, причем у Шушнига создалось впечатление, что делаются нападки лично на него. Я не помню теперь подробностей. Во всяком случае, по словам канцлера, атмосфера была крайне напряженной.

Додд: Я полагаю, что вы там обедали в полдень или несколько позже?

Шмидт: После этой беседы в 12 часов или в половине первого был обед. Там опять установилась совершенно нормальная атмосфера, так что за это время буря утихла.

Додд: Шушниг был, что называется, ярым курильщиком?

Шмидт: Когда? Тогда или вообще?

Додд: Я хочу сказать, именно в то время, конечно.

Шмидт: Разумеется, Шушниг очень много курил.

Додд: Мы слышали, что в тот день во время совещания ему запретили курить и вы с Риббентропом просили, чтобы ему разрешили выкурить одну сигарету. Верно ли это или это выдумка?

Шмидт: Нам было сказано, что в присутствии Гитлера не следует курить, — это правильно. Я искал все время случая дать канцлеру возможность выкурить хотя бы одну сигарету. Я не помню, просил ли я об этом Риббентропа, так как эта деталь не представляется мне важной.

Додд: Скажите, говорил ли вам на этом совещании Шушниг, что Гитлер потребовал назначения Зейсс-Инкварта министром государственной безопасности?

Шмидт: Да, это был один из пунктов программы требований.

Додд: Предложенной Гитлером?

Шмидт: Да.

Додд: Требовал ли он также, чтобы Глейзе-Хорстенау был назначен военным министром?

Шмидт: Да, это было вторым требованием.

Додд: Требовал ли он также, чтобы некоторые студенты, исключенные из университетов Австрии, были вновь приняты в них?

Шмидт: Да, все отчисленные студенты должны были быть опять приняты в университеты.

Додд: А также, чтобы некоторые уволенные чиновники были восстановлены на своих должностях?

Шмидт: Да, это тоже.

Додд: Во-вторых, чтобы некоторые полицейские чиновники Австрии были также восстановлены на своих постах?

Шмидт: Это предусматривалось главой «Амнистия». Уволенные чиновники исполнительных органов должны были быть восстановлены на работе.

Додд: Выдвигались ли также требования относительно обмена валюты и таможенной унии?

Шмидт: Да, обсуждались также экономические требования в таком духе; о таможенной унии не говорилось, но эти требования вплотную подходили к ней.

Додд: Как только Шушниг услышал о предъявляемых вам требованиях, вы почувствовали, что совещание вышло за пределы соглашения между фон Папеном и Шушнигом, — не так ли? Вы тотчас же убедились в этом?

Шмидт: Да, программа шла дальше, чем мы предполагали. Это верно. Я не знаю, ознакомился ли фон Папен предвзительно с этой программой. Предполагаю, что нет.

Додд: Я вас не об этом спрашиваю, но хорошо, если вы хотите что-либо сказать о фон Папене, то, — пожалуйста; однако мой вопрос заключается в следующем: не пошли ли вы немедленно к фон Папену или Шушнигу и не сказали ли вы: «Здесь происходит совсем не то, ради чего мы, по вашим словам, сюда приехали». Не было ли у вас подобного разговора с ним во время одного из этих перерывов?

Шмидт: Конечно, мы говорили в этом смысле, что программа идет дальше, чем мы предполагали.

Додд: Что сказал фон Папен?

Шмидт: У нас создалось впечатление, что фон Папен сам был неприятно поражен некоторыми пунктами.

Додд: Не предлагал ли он вам, чтобы вы согласились на требования Гитлера?

Шмидт: После того, как мы добились некоторых уступок, Папен посоветовал нам принять требования в их окончательном виде, так как, по его мнению, следовало прийти к соглашению. Шушниг дал на это свое согласие, потому что он не хотел уезжать без результатов, чтобы не осложнять положения Австрии.

Додд: И Гитлер согласился распустить новую национал-социалистскую партию в Австрии, — не так ли? Не уверял ли он вас в том, что он это сделает?

Шмидт: Да.

Додд: И что он отзовет доктора Тафса и Леопольда — лидеров нацистской партии в Австрии?

Шмидт: Да.

Додд: И вы согласились также назначить Зейсс-Инкварта министром безопасности?

Шмидт: Канцлер согласился на это.

Додд: И вы согласились с тем, чтобы лица по имени Фишбок и Вольф были приняты на работу в австрийскую прессу?

Шмидт: Их приходилось принять — Фишбока в министерство торговли, а Вольфа — в отдел печати. О том, в какой форме это будет сделано, ничего не говорилось.

Додд: Вы также согласились попытаться привлечь некоторых национал-социалистов в «Отечественный фронт», вовлечь их в вашу политическую группу?

Шмидт: Выражение привлечь «некоторых нацистов в «Отечественный фронт» не подходит к тогдашней ситуации. Это был вопрос о включении националистской оппозиции в «Отечественный фронт» и об участии всей этой группы, таким образом, в политической жизни страны.

Додд: Гитлер заявил вам, что вы должны принять его условия до 15 февраля, — не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: И он сказал вам, что если вы этого не сделаете, он применит силу?

Шмидт: Да, это был ультиматум. Гитлер заявил, что он намеревается уже в феврале вступить в Австрию и делает последнюю попытку избежать этого.

Додд: А что делали эти генералы? Люди, вроде подсудимого Кейтеля? Действительно ли они входили и выходили во время совещания?

Шмидт: Генералов неоднократно вызывали на это совещание.

Додд: Были ли вы и Шушник испуганы? Не показалось ли вам, что вас арестуют или расстреляют?

Шмидт: Да, мы опасались, что мы не выберемся оттуда, но не боялись, что нас расстреляют.

Додд: Припоминаете ли вы, что когда вы и Шушник уезжали из Берхтесгадена, Шушник сказал вам, что когда Гитлер вызвал Кейтеля, то он, Шушник, подумал, что пришел конец? Вы помните, что Шушник говорил вам об этом и вы ответили, что вы тоже испугались.

Шмидт: Я не понимаю вопроса.

Додд: Вы помните, что Шушник говорил вам на обратном пути в Вену о том, что когда вызвали Кейтеля, то он испугался и боялся, что его расстреляют или арестуют, и вы в свою очередь заявили Шушнику, что вы тоже очень испугались, думая, что пришел конец, или что-то в этом роде?

Шмидт: Нет, я не помню этого разговора. О расстреле не было и речи, но мы боялись. Канцлер тоже считал, что мы не выберемся оттуда, если переговоры не увенчаются успехом.

Додд: Что делал фон Папен в то время, как генералы входили и выходили во время совещания. Видел ли он это так же, как и вы?

Шмидт: В это время происходила оживленная беседа, и теперь, через восемь лет, очень трудно сказать, что делал тот или иной человек.

Додд: Вас там было не так много, всего шесть или восемь человек. Держались ли вы, в основном, вместе?

Шмидт: Не всегда все вместе были в этой комнате. Бывали различные комбинации: одни приходили, другие уходили.

Додд: Разрешите мне поставить вам вопрос так: разве фон Папен мог не видеть этих генералов там в тот день?

Шмидт: Он должен был видеть их в тот день, когда мы там были.

Додд: Фон Риббентроп сказал вам, что Гитлер очень расстроен, — не так ли?

Шмидт: Мы все так думали.

Додд: И он, конечно, настаивал на том, что будет лучше как для вас, так и для Шушника, если вы примете поставленные условия, — не так ли?

Шмидт: Во всяком случае, Риббентроп не участвовал в оказании на нас давления. Он отстаивал немецкие требования, но не оказывал давления. Я об этом уже тогда сказал канцлеру.

Додд: Значит положение было таково: фон Риббентроп играл роль доброго гения, в то время как Гитлер играл роль злодея, а вас и Шушника посылали от одного к другому?

Шмидт: У меня создалось впечатление, что Риббентроп недостаточно хорошо ознакомился с материалом и уже поэтому был довольно сдержан.

Додд: Это интересно, но совсем не ново на этом процессе. Но, во всяком случае, не является ли фактом то обстоятельство, что вами, так сказать, жонглировали, посылая от «доброе» Риббентропа к «злодею» Гитлеру.

Шмидт: Это неверно. Ситуация была совсем не такой. Мы с Риббентропом должны были обсудить детали. Гитлер сказал, что о подробностях нужно договориться в кругу специалистов.

Додд: Может ли так случиться, что вам еще до сих пор не все ясно? Вы уверены, что положение не было таковым, или, быть может, вы просто еще до сих пор не уяснили себе, какова была обстановка?

Шмидт: Чего не уяснили?

Додд: Каково было положение вещей, что вам приходилось маневрировать между «добрым гением» и «злодеем»?

Шмидт: Нет.

Додд: Хорошо, если вы не понимаете, то я считаю, что нет смысла продолжать об этом разговор.

До какого часа вы там оставались в тот день и когда вы уехали из Берхтесгадена?

Шмидт: Я уехал поздно, насколько помню, между 9 и 10 часами вечера.

Додд: Когда вы вернулись в Вену, сообщили ли вы Зейс-Инкварту о том, что происходило на совещании в Берхтесгадене?

Шмидт: Сначала состоялась беседа между Цернатто и Зейсс-Инквартом, во время которой Цернатто детально информировал обо всем Зейсс-Инкварта, так как сам Цернатто получил сведения от канцлера и от меня. Я пришел к концу этого разговора, когда все главное уже было рассказано и речь шла о деталях.

Додд: Вы заявили Трибуналу сегодня утром, что Зейсс-Инкварт сказал вам, что он хочет сохранить некоторую независимость Австрии, во всяком случае, какую-то видимость независимости. Вы не поверили этому, когда он вам об этом говорил, — не правда ли?

Шмидт: Я не могу ответить на этот вопрос ни да, ни нет. Я ответил отказом на его предложения и не стал больше ломать себе голову над политическими концепциями Зейсс-Инкварта, так как не хотел участвовать в правительстве. Его предложение следовало считать вполне серьезным.

Додд: Вы сформулировали свой отказ в одной фразе, — не так ли? Что вы говорили относительно того, что вы хотите действовать искренно и порядочно?

Шмидт: Я сказал тогда, что поддерживаю канцлера Шушнига, что я по-прежнему слеую законам честности и верности и что я уйду вместе с Шушнигом.

Додд: Не употребили ли вы выражение: «Я все еще верю, что должно поступать правдиво и порядочно»?

Шмидт: Нет. Я сказал: «Я слеую законам верности и честности. Я шел вместе с канцлером Шушнигом и уйду вместе с ним». Нужно было знать мое отношение к канцлеру; тогда было бы ясно, что я не мог действовать иначе.

Додд: Нет, я и не говорил этого. Я лишь стараюсь доказать, что вы сами употребили такие выражения, отвергая предложения Зейсс-Инкварта, которые указывают на то, что вы не считали его правдивым, преданным и порядочным человеком. Не так ли?

Шмидт: Я этого не сказал, я просто привел причины, по которым я отклоняю его предложения. Разница заключалась уже в том, что я был в дружеских отношениях с канцлером.

Додд: Вы знаете, что у нас имеются показания, данные вами под присягой в Вене, в которых вы заявляете, — вы помните, что вы сказали там судье, — что Зейсс-Инкварт принимал участие в насильственном отстранении Шушнига?

Шмидт: Да, я заявил, что не могу войти в правительство Зейсс-Инкварта, так как оно, в конечном итоге, разделяло ответственность за отстранение от власти правительства Шушнига.

Додд: Да, но все дело в том, могли ли вы, зная Зейсс-Инкварта и то, что он работал в тесной связи с нацистами, а также после всего, что вы узнали в Берхтесгадене, серьезно заявлять Трибуналу, что вы действительно верили Зейсс-Инкварту, когда

он говорил, что он хочет сохранить в какой-то мере независимость Австрии?

Шмидт: Я уже тогда в этом сомневался, как сомневаюсь и до сих пор. Каковы были его замыслы, я не могу сказать.

Додд: Я вас об этом не спрашиваю. Я спрашиваю вас, что вы думали об этом?

У вас был разговор с подсудимым фон Папеном и Зейсс-Инквартом несколько лет назад, — не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: Расскажите Трибуналу, где и когда эта беседа происходила?

Шмидт: Я встретился с фон Папеном в Турции поздней осенью 1943 года. Разговор зашел о событиях 11 марта 1938 г. Папен весьма критически отозвался об этих событиях и о Зейсс-Инкварте, так как он ничего не сделал для защиты интересов Австрии, а также ничего не сделал для немецкого народа. У меня создалось впечатление, что Папен был против насильственного разрешения австрийского вопроса, то есть против того, что произошло.

Додд: Я хочу, чтобы вы сообщили Трибуналу, что именно сказал фон Папен о Зейсс-Инкварте? Это ведь было в 1943 году, не правда ли, — а не в 1940 году. Это было, когда вы были в Турции, где также был и фон Папен, или он там не был в то время?

Шмидт: Да! да!

Додд: Может быть, я могу помочь вам немного, если вы забыли. Не говорил ли фон Папен, что он не подал бы руки Зейсс-Инкварту?

Шмидт: Да, это он заявил. Он сказал, что через некоторое время после аншлюсса он отказался подать руку Зейсс-Инкварту в связи с событиями 1938 года.

Додд: И он говорил, что его поведение было совершенно невозможным? Не так ли именно выразился фон Папен, когда говорил о Зейсс-Инкварте?

Шмидт: Да, именно в такой форме он и выразился.

Додд: Что еще он говорил? Вы заявили там, в Вене, что фон Папен, говоря о Зейсс-Инкварте и о его поведении в марте 1938 года, употреблял самые резкие выражения? Я считаю, что Трибуналу это будет интересно, и я хочу, чтобы вы рассказали об этом как можно точнее. Эта беседа между вами и фон Папеном имела место всего три года тому назад, а вы нам сказали о ней всего несколько слов.

Шмидт: Он говорил очень резко о том, что Зейсс-Инкварт не выступил на защиту Австрии и ничего не сделал для того, чтобы ее спасти, сбросить ее самобытность и сохранить ее интересы. Это была основная мысль Папена. Вторая мысль была та,

что и Германия не извлекла для себя никакой пользы. Благодаря той форме, в которой все это было проделано, законные интересы германской империи предстали в ложном свете перед всем миром и, таким образом, был нанесен ущерб внешнеполитическим интересам империи. Такова была его главная мысль, и, по-моему, то же самое он говорил многим другим.

Додд: Я боюсь, что мы отклонились от темы о Берхтесгадене и я опустил один вопрос, имеющий, возможно, некоторое значение. Помните ли вы — мне кажется, это было незадолго до того, как закончилось совещание, — что Гитлер повернулся к фон Папену и сказал ему: «Фон Папен, вы дали мне возможность стать канцлером, и я этого никогда не забуду». Вы слышали, как Гитлер сказал это фон Папену в тот день в Берхтесгадене?

Шмидт: Да, подобное заявление было сделано.

Додд: А что сказал Папен?

Шмидт: Я этого уже не помню.

Додд: Он сказал: «Да, мой фюрер», или, очевидно, что-то в этом роде, — не так ли?

Шмидт: Да! Я предполагаю, что он ответил что-либо подобное, так как на такое обращение следовало дать ответ.

Додд: Но он, конечно, не отрицал этого, — не правда ли?

Шмидт: Не думаю. Но я точно не помню ответа, я помню только вопрос.

Додд: В ту ночь в Вене, когда члены СС и СА врывались в окна и двери помещения канцелярии, принимал ли Зейсс-Инкварт какие-нибудь меры, чтобы воспрепятствовать этому?

Шмидт: Насколько мне известно, — нет. Впрочем, я этого не знаю; я находился в другом конце здания.

Додд: Да, положение было очень напряженным, насколько нам известно. Скажите, вы действительно опасались того, что Шушнигу будет причинен какой-нибудь вред?

Шмидт: Ситуация была очень напряженной.

Додд: На чем вы и Шушниг поехали той ночью домой из канцелярии?

Шмидт: Мы поехали домой в трех машинах. В одной ехал канцлер, в другой — президент и затем — я. Нас эскортировали и сопровождали эсэсовцы.

Додд: Но Зейсс-Инкварт не повез Шушнига домой на своей собственной машине. Его повезли домой эсэсовцы, — не так ли?

Шмидт: Нет, они поехали вместе, и я сам слышал, как Зейсс-Инкварт сказал, что отвезет Шушнига домой. Чья это была машина — канцлера или Зейсс-Инкварта — я не знаю. Во всяком случае, они поехали вместе в одной машине.

Додд: В сопровождении членов СС?

Шмидт: Нет, это не так. Я не знаю, были ли в машине канцлера эсэсовцы. Эсэсовцы эскортировали нас при выезде из

дома, но, по-моему, их не было ни в моей машине, ни в машине президента.

Додд: Это нечто иное, чем то, что вы сообщили суду в Вене. Там вы заявили: «доктор Шушниг и я были доставлены домой в сопровождении эсэсовцев».

Шмидт: Нет, я сказал, что эсэсовцы эскортировали или сопровождали нас при выезде с Балльхаузплац. Их там было около 40 человек. Остался ли кто-нибудь из них после этого в машинах, я не помню.

Додд: Вы, вероятно, сможете помочь нам выяснить еще один вопрос. Когда Зейсс-Инкварт произносил свою речь по радио, он еще не был членом правительства, — не так ли?

Шмидт: Об этом много спорили. Канцлер подал в отставку во второй половине дня. Президент сначала не принял отставку, таким образом, Шушниг оставался еще канцлером, а Зейсс-Инкварт — министром. Была ли принята отставка позднее, я не могу сказать. Одни считают, что президент поручил канцлеру, а вместе с ним и Зейсс-Инкварту продолжать вести дела; другие утверждают, что этого не было. На этот вопрос может ответить только сам глава государства.

Додд: Так как вы являетесь бывшим членом правительства, то я хочу, чтобы вы посмотрели на один документ и сказали, видели ли вы его ранее.

Это документ ПС-4015, США-891.

В нем говорится, что президент Миклас освободил от должности не только Шушнига как федерального канцлера, но и всех других членов федерального правительства, а также всех статс-секретарей соответствующих управлений. Это было 11 марта?

Шмидт: Да.

Додд: Это указывает на то, что Зейсс-Инкварт еще не вступил в должность, когда он произносил свою речь по радио? Правильно ли мы поняли?

Шмидт: Я думаю, что у меня большой опыт в этом деле, так как я сам долго работал у президента.

Додд: Я хочу, чтобы вы лишь точно сказали: правда это или нет? Правильно ли мы понимаем?

Шмидт: Совсем не обязательно понимать это именно так. Подобные декреты обычно задерживаются на несколько дней, проходя через бюрократическую машину и подвергаясь всевозможной технической обработке. Поэтому не говорится, когда фактически произошла отставка. Я думаю, что декрет был издан спустя длительное время после 11 марта.

Додд: Часто ли Зейсс-Инкварт употреблял выражение «Троянский конь» в период, предшествовавший событиям 12 марта. Что это было его обычным выражением?

Шмидт: Он несколько раз говорил, что не собирается вводить в Австрию «Троянского коня». Этим он хотел выразить свою лояльность и показать, что в его задачи вовсе не входит открыть двери Австрии для национал-социализма.

Додд: Думали ли вы когда-нибудь, что он слишком сильно выражал свой протест?

Шмидт: Против чего?

Додд: Против того, что он «Троянский конь».

Шмидт: Я слышал это выражение всего два или три раза от Цернатто...

Додд: Это все, что я хотел спросить.

(Повторный вопрос.)

Штейнбауэр: У меня есть только один коротенький вопрос — в связи с разбиравшимися сейчас событиями.

Скажите, Зейсс-Инкварт не выставил посты охранного батальона перед кабинетом министра?

Шмидт: Да, посты были выставлены.

Штейнбауэр: В котором часу Шушниг фактически ушел в отставку?

Шмидт: Как раз очень трудно сказать, когда именно это произошло и в особенности когда было сформировано новое правительство. Думаю, что это было между 9 и 10 часами, так как тогда президент начал серьезно говорить о кандидатуре нового канцлера, причем, по-моему, речь шла о бывшем канцлере докторе Зидере.

Штейнбауэр: У меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

Председатель: Свидетель может удалиться.

АГРЕССИЯ ПРОТИВ ЧЕХОСЛОВАКИИ, ПОЛЬШИ, ЮГОСЛАВИИ, ГРЕЦИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР
ПОЛКОВНИКОМ ПОКРОВСКИМ ПО РАЗДЕЛУ
ОБВИНЕНИЯ «АГРЕССИЯ ПРОТИВ ЧЕХОСЛОВАКИИ,
ПОЛЬШИ И ЮГОСЛАВИИ»

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 8, 9 и 11 февраля 1946 г.]

Вступительные речи Главных обвинителей осветили вопрос о том, как шла идеологическая подготовка фашистской Германией агрессивной войны.

Связь между гитлеровской пропагандой и агрессивными акциями против мира была раскрыта и в речи Главного обвинителя от СССР, поэтому я позволю себе ограничиться приведением одной небольшой цитаты из книги Хорста фон Метцша «Война как посев». Эта книга издана в Бреслау в 1934 году. Я цитирую:

«Национал-социалистское движение невозможно себе представить без войны. Ее немецко-солдатская слава — отец его, ее лучший мушкетер — вождь его, ее испытанный дух — его дух».

Это — не простая фраза, сорвавшаяся у болтливого гитлеровского писаки, это — выболтанная программа.

Наиболее эффективным средством достижения внешнеполитических целей гитлеровские заговорщики считали войну и только войну.

Естественно, после того, как фашисты захватили в Германии власть, эта страна была превращена ими в военный лагерь, в постоянную угрозу для соседних государств.

В первую очередь фашистские заговорщики имели в виду Восток.

В своей книге «Майн кампф» Гитлер писал еще в 1930 году. Я цитирую: «Движение на Восток продолжается, несмотря ни на что. Россия должна быть вычеркнута из списка европейских держав».

Лицемерно декларируя свое миролюбие, давая заверения всем своим соседям о намерении жить с ними в мире, гитлеровская

Германия лишь стремилась скрыть свои подлинные и всегда агрессивные намерения.

Заговорщики охотно заключали любые договоры: об арбитраже, ненападении и т. д. Они делали это не потому, что действительно стремились к миру, а исключительно с намерением дожидаться подходящего момента для очередного предательского удара, а также для усыпления бдительности народов.

Совершив очередной агрессивный акт, они еще энергичнее стремились убедить всех, что отныне они уже не имеют никаких агрессивных планов.

Сочетание лицемерия и мошенничества, предательства и агрессии определяло всю систему германской внешней политики.

Фашистские заговорщики с невероятной наглостью нарушали любые свои обязательства международного характера, любые международные договоры, включая и те, которые прямо запрещали применение войны для разрешения международных споров.

Ни одна из войн, развязанных гитлеровцами, не подпадает под понятие оборонительной войны. Во всех случаях германские фашисты действовали как агрессоры. Они сами признавали, что не останавливаются перед провокацией для того, чтобы в наиболее удобную для себя минуту создать повод для нападения на очередную жертву.

Во втором разделе Обвинительного акта содержится перечень войн, которые были спровоцированы, подготовлены, развязаны и проведены фашистскими заговорщиками.

Безумное воображение гитлеровцев рисовало им на Востоке райские сады для фашистских захватчиков, райские сады, созданные на костях и крови миллионов людей, населяющих эти земли.

Заместитель Главного обвинителя от Великобритании Дэвид Максуэлл-Файф доложил Трибуналу, что советская делегация представит некоторые новые доказательства преступного заговора против мира. Я позволю себе привлечь ваше внимание к некоторым документам, относящимся к преступной агрессии фашистских заговорщиков.

В качестве одного из доказательств по делу я представляю Трибуналу официальный чехословацкий доклад (документ СССР-60). Он начинается следующей знаменательной фразой:

«Чехословакия являлась препятствием немецкому «Дранг нах Остен» и владычеству Германии над Европой».

Далее в этом документе идет анализ стратегического и политического аспектов агрессивной акции против Чехословакии:

«Чехословакия действительно имела первостепенное стратегическое значение, как естественное препятствие и укрепление против военного натиска на Дунайский бассейн и оттуда через

Восточные Карпаты на Восток и по долине Дуная — на Балканы...»

Пункт «а» содержит мысль о том, что Чехословакия являлась демократическим государством, и, наконец, пункт «в» определяет Чехословакию с точки зрения национальной. Я оглашу этот пункт так, как он сформулирован в докладе.

«в) С национальной точки зрения: Чехословакия была в своем огромном большинстве жителей славянским государством, с сильно развитым сознанием всеславянского единства».

Суд помнит, что в уничтожении демократических основ и в истреблении славянства состояла одна из основных целей фашистского заговора.

Трибунал мог заметить, что методы осуществления агрессии у гитлеровских заговорщиков носили характер почти однообразных схем. Во всех случаях неперенным условием считалась молниеносность и внезапность военного нападения. Ее стремились обеспечить прежде всего с помощью предательских и лицемерных заверений будущего противника в своем искреннем по отношению к нему миролюбию.

Одновременно широко применялась грязная система подкупа, шантажа, провокаций, финансирования самых различных организаций профашистского толка, насаждение платной агентуры из числа беспринципных политиканов и прямых изменников своей родине.

Обвинитель от США Олдерман подробно доложил вам и доказал с помощью документов, как были куплены за немецкие деньги представители так называемого «словацкого автономного движения» в лице Ганса Хармазина. Так же обстоял вопрос и с заместителем премьер-министра Дурканским, незаызвестным Тука и многими другими руководителями партии Глинки.

Вам было сообщено, что в начале марта 1939 года, то есть непосредственно перед днем, намеченным для окончательного вступления нацистов в Чехословакию, деятельность пятой колонны достигла высшей фазы.

Вероятно, мне следует дать Трибуналу небольшую фактическую справку о гитлеровских организациях, созданных для подрывной деятельности, а также о роли эсэсовца Лоренца, фамилию которого я буду упоминать дальше, в связи с акцией против Чехословакии.

Гиммлер в порядке персональной унии сочетал в одном лице должность имперского руководителя охранных отрядов — СС и имперского комиссара по консолидации немецкой расы.

В качестве такового он осуществлял руководство всеми государственными и партийными органами внутри Германии, которые ведали вопросами немецких поселений, работой среди немецких

нацменьшинств в других странах, реэмиграцией немцев в Германию.

Практически эта работа осуществлялась специальной организацией. Руководителем этой организации и, таким образом, фактическим заместителем Гимmlера в этой специальной области и был обергруппенфюрер СС Лоренц, о котором будет сказано несколько ниже.

Существовала и другая преступная организация. Я имею в виду «заграничные организации НСДАП» (сокращенно АО). Этой организации принадлежит видная роль в создании пятой колонны на территории стран, подвергшихся впоследствии гитлеровской агрессии.

АО объединяла немцев — членов нацистской партии, проживавших за границей. Помимо широкой пропаганды фашизма, АО занималась политическим и другим шпионажем. Немцы, находящиеся в других странах, получали через АО материальную поддержку и имели связи с различными прогерманскими и шпионскими группировками в той стране, в которой они жили.

Филиалами нацистской партии за границей руководили немецкие дипломатические миссии. Для этой цели руководитель АО гаулейтер Эрнст Вильгельм Болле был введен в министерство иностранных дел в чине статс-секретаря.

К официальному чехословацкому докладу есть несколько приложений. Одно из них зарегистрировано под № ПС-3061. Это обобщение выдержки из показаний Карла Германа Франка, бывшего заместителя имперского протектора. Я представляю вам этот документ и, не оглашая его полностью, хочу доложить Трибуналу вкратце содержание тех мест документа, в которых имеются сведения по вопросу о пятой колонне.

На допросе 9 октября 1945 г. Франк заявил, что, по его мнению, партия Генлейна уже с 1936 года получала деньги из Германии. В 1938 году поступали средства от так называемой «Фольксдейче Миттельштелле» в Берлине через посредство немецкого посла в Праге. Франк подтвердил, что он несколько раз вместе с Генлейном лично посетил немецкого посла в Праге, который ему и Генлейну передал деньги для партии. Франк признает, что принятие этих денег противоречило долгу чехословацкого гражданина. Далее Франк признал, что он неоднократно один посещал немецкое посольство в Праге, информировал немецкого посла о внутривнутриполитическом положении Чехословакии. Судя по характеру передаваемых сведений, Франк совершал государственную измену.

Франк показывает:

«Все переговоры летом 1938 года между Генлейном и мной, с одной стороны, и имперскими органами и, в частности, Адольфом Гитлером, Гессом и Риббентропом, с другой стороны, прово-

длись с целью информировать имперские органы о развитии политической ситуации в Чехословакии. Упомянутые переговоры имели место по инициативе имперских органов».

Франк заявил, что он сознает «то предательство, которое совершили партия и все ее центральное руководство, получая из-за границы деньги для проведения враждебных государству мероприятий».

В Богемии и Моравии имелся так называемый «Фрейкор Генлейна» (свободный корпус Генлейна).

На допросе 15 августа 1945 г. Карл Герман Франк показал, что Генлейн и его штаб помещались в замке Бандорф, Генлейн сам возглавлял штаб корпуса, носившего название «Фрейкор фюрера». По словам Франка, «Фрейкор» был создан по приказу Гитлера. Часть корпуса, находившаяся на территории германской империи, как говорит Франк, была снабжена легким оружием, в небольшом количестве. В составе «Фрейкора», по словам Франка, было примерно 15000 человек, главным образом судетских немцев.

В числе трофеев нашей героической Красной Армии имеются некоторые архивные материалы германского министерства иностранных дел.

Советская делегация располагает новыми документами. Мне кажется полезным огласить некоторые из полученных таким путем материалов для дополнения данных, ранее представленных суду.

Они особенно интересны, если вспомнить, что в качестве одного из своих излюбленных предлогов для агрессии гитлеровские заговорщики ссылались на свои намерения защитить интересы немецких нацменьшинств.

Я оглашу выдержку из совершенно секретной записи совещания, состоявшегося в 12 часов дня 29 марта 1938 г. в Берлине в министерстве иностранных дел, специально по судето-немецкому вопросу. (Документ СССР-271). Я цитирую:

«В совещании принимали участие господ, перечисленные в прилагаемом списке.

Г-н рейхсминистр во вступительном слове подчеркнул необходимость сохранения в строгой тайне этого совещания и после этого, сославшись на указания фюрера, которые он дал лично вчера днем Конраду Генлейну, заявил, что прежде всего имеется два вопроса, представляющих важность для руководства политической судето-немецкой партии:

1) Судетские немцы должны знать, что за их плечами стоит 75-миллионный народ, который не потерпит дальнейшего угнетения судетских немцев чехословацким правительством.

2) Делом судето-немецкой партии является предъявление чехословацкому правительству некоторых требований, выполнение

которых она считает необходимым для достижения желаемых свобод...

...Конечная цель предстоящих переговоров судето-немецкой партии с чехословацким правительством — избежать вступления в правительство путем постепенного увеличения объема предъявляемых требований. При переговорах должно быть ясно показано, что единственным партнером по переговорам с чехословацким правительством является судето-немецкая партия, а не имперское правительство...

Для дальнейшей совместной работы Конраду Генлейну было дано указание поддерживать, по возможности, тесный контакт с г-ном рейхсминистром и с руководителем центра фольксдейче, а также немецким послом в Праге, являющимся тамошним представителем г-на рейхсминистра.

Задача немецкого посла в Праге будет состоять в том, чтобы не официально, а преимущественно в частных переговорах с чехословацкими государственными деятелями поддерживать требования судето-немецкой партии, называя их разумными, не оказывая непосредственного влияния на объем требований партии.

В заключение был обсужден вопрос о целесообразности сотрудничества судето-немецкой партии с остальными национальными меньшинствами Чехословакии и особенно со словаками. Г-н рейхсминистр решил, что партии нужно предоставить свободу входить в контакт с другими национальными группами, параллельный образ действий которых может показаться целесообразным.

Берлин, 29 марта 1938 года».

К документу приложен список присутствовавших на совещании 29 марта 1938 г. в 12 часов дня:

«Г-н рейхсминистр фон Риббентроп, г-н статс-секретарь фон Макензен, г-н министриаль-директор Вейцеккер, г-н посланник Эйзенлор — Прага, г-н посланник Штюбе, г-н легационный советник фон Твардовский, г-н легационный советник Алттенбург, г-н легационный советник Кордт (министерство иностранных дел); СС — обергруппенфюрер Лоренц, г-н профессор Гаусгофер (центр фольксдейче);

г-да Конрад Генлейн, Карл Герман Франк, д-р Кюнцель, д-р Крейсель (судето-немецкая партия)».

Нетрудно сделать правильные выводы относительно подлинных намерений нацистских заговорщиков в отношении Чехословакии на основании хотя бы того факта, что в числе присутствующих на совещании мы находим подсудимого Риббентропа, двух посланников, двух представителей так называемого «центра фольксдейче», в том числе одного обергруппенфюрера СС, будущего статс-секретаря чешско-моравского протектората Карла

Германа Франка и лидера так называемой судето-немецкой партии Конрада Генлейна — платного гитлеровского агента и прокуратора.

Филиалами нацистской партии за границей руководили немецкие дипломатические миссии. Для этой цели руководитель АО гаулейтер Эрнст Вильгельм Болле был введен в министерство иностранных дел в чине статс-секретаря.

3 июня 1938 г. эсэсовец Лоренц — участник совещания, о котором я сейчас докладывал Трибуналу, составил два документа. Я оглашу оба. Первый из них — по вопросу об интервью с Уордом Прайсом — показывает, что Генлейн действовал под непосредственным контролем СС и именно перед СС отчитывался в своей деятельности. В этом же документе содержится прямая угроза применить «радикальную операцию для решения так называемой судето-немецкой проблемы».

Я оглашу этот короткий документ СССР-270 полностью:

«В связи с появившимся в иностранной прессе интервью с Уордом Прайсом, обергруппенфюрер СС Лоренц потребовал от Генлейна объяснений. Генлейн сделал следующее заявление:

Уорд Прайс присутствовал при погребении расстрелянных в г. Егере. Там он обратился к сотруднику Генлейна Себековскому с просьбой устроить ему встречу с Генлейном. Генлейну были известны обстоятельства интервью, данного фюрером Уорду Прайсу. Он сидел и беседовал с Уордом Прайсом за чашкой чая. Интервью он ему не давал. Беседа о судето-немецких и чешских вопросах вылилась в форму разговора об аппендиците. В связи с этим Генлейн заявил, что не следует терпеть периодические приступы аппендицита, а лучше всего сделать радикальную операцию.

После того, как Уорд Прайс опубликовал свою беседу, Генлейн решил разоблачить Уорда Прайса. Но в этот момент через посольство в Праге было получено указание министра иностранных дел, чтобы Генлейн мирно поладил с Уордом Прайсом, так как последний пользуется доверием фюрера и судетские немцы не должны его оскорблять.

После этого Генлейн встретился с Уордом Прайсом и пошел на попятную, возложив всю вину на членов партии судетских немцев. Кроме того, он написал письмо Уорду Прайсу и, таким образом, уладил вопрос. Лоренц».

Второй документ, СССР-26, показывает, что, следуя прямым указаниям СС и руководителей гитлеровского заговора, Генлейн вел переговоры с чешским правительством об урегулировании судето-немецкой проблемы исключительно с провокационной целью и что за этими переговорами весьма внимательно следили руководители фашистского заговора, направляя дальнейшие шаги Генлейна.

Я позволю себе процитировать этот документ:

«В беседе с обергруппенфюрером СС Лоренцом Генлейн поставил следующий вопрос:

«Как я должен себя вести, если Чехословакия под нажимом иностранных государств вдруг выполнит все мои требования и в качестве контртребования выставит вхождение в правительство».

Вполне ясно, что этот вопрос не является острым в данный момент, что еще очень долго придется мучиться с переговорами. Однако он просит указания, как вести себя в отношении этого вопроса, в целях ориентировки на тот случай, если он не сможет связаться с Германией.

Сам он предлагает следующее: «Если Чехословакия сделает все, я отвечу «да», но потребую изменения внешней политики Чехословакии. Этого Чехословакия ни за что не допустит. Генлейну пообещали выяснить этот вопрос у министра иностранных дел. Лоренц».

Разрешите огласить короткую выдержку из совершенно секретного, государственной важности документа от 22 сентября 1938 г. (документ СССР-267).

Эта короткая выдержка вносит абсолютную ясность в вопрос о том, что из себя представлял так называемый судето-немецкий «фрейкор», о существовании которого вкратце говорилось на предыдущих заседаниях.

Эта запись сделана в Берлине после телефонного разговора, который имел с Берлином один из лидеров так называемого «центра фольксдейче» в 19 часов 22 сентября 1938 г.

Разрешите мне огласить шесть строчек:

«Г-н Шмидт из «центра фольксдейче» сообщил по телефону в 19.00 следующее:

1) Командование судето-немецкого «Фрейкора» только что сообщило так:

Г-н подполковник Кехлинг передал распоряжение фюрера: «Фрейкор» должен провести оккупацию оставленных чехами областей. Однако крупные действия должны иметь место только с личного разрешения фюрера».

Насколько я понимаю, большой интерес представляет запись о приеме Гитлером 21 января 1939 г., то есть незадолго до полной оккупации Чехословакии, чехословацкого министра иностранных дел Хвалковского. Лживые, напыщенные заявления Гитлера об уважении независимости малых стран, отраженные в цитируемом ниже документе, в высшей степени характерны для гитлеровской тактики вероломства.

Я представляю документ СССР-266: «Хвалковский начал беседу с того, что выразил благодарность фюреру за честь, оказанную его стране тем, что фюрер в течение трех месяцев два раза

принял министра иностранных дел. Он прибыл сюда с тем, чтобы сказать фюреру, что свое обещание, данное им 14 октября, он точно выполнил, хотя это стоило ему больших трудов...

Фюрер поблагодарил его за выполнение своих обещаний. Внешняя политика народа определяется его внутренней политикой. Невозможно вести внешнюю «А» и внутреннюю «В». Это хорошо только на короткое время. Развитие событий в Чехословакии с самого начала должно было привести к катастрофе. Эта катастрофа была предотвращена благодаря Германии.

Если бы Германия не придерживалась национал-социалистских принципов, которые не позволяют ей производить аннексий, то судьба Чехословакии пошла бы по другому пути. То, что на сегодня осталось от Чехословакии, было спасено не Бенешем, а национал-социалистскими тенденциями...»

Я пропускаю несколько фраз. Читаю дальше:

«Сила, например, голландских и датских армий заключается не в них самих, а в понимании миром абсолютной нейтральности этих государств. Когда началась война, то знали, что нейтралитет для этих стран был крайне серьезным. В Бельгии дело обстояло несколько иначе, так как эта страна имела соглашение с французским генеральным штабом. В этом случае Германия была вынуждена предпринять кое-какие шаги. Эти малые государства защищались не их армиями, а доверием, с которым относились к их нейтралитету...»

...Хвалковский, поддерживаемый Мاستным, говорит еще раз об обстановке в Чехословакии, об общем количестве крестьян. До кризиса люди не знали, чего им ожидать от Германии. Когда они увидели, что они не будут уничтожены и что Германия хочет вести чешский народ за собой, то они вздохнули.

Мировая пропаганда, против которой долгое время боролся фюрер, сконцентрировалась на маленькой Чехословакии. Хвалковский обратился с большой просьбой к фюреру, чтобы он время от времени обращался с хорошими словами к чехословацкому народу. Это может сделать чудеса.

Фюрер не знает, какое большое значение имеет его слово для чехословацкого народа. Если он открыто скажет, что он хочет работать вместе с чехословацким народом, и именно с народом (не с министром иностранных дел), то вся заграничная пропаганда будет наголову разбита.

Фюрер закончил беседу, выразив надежду на хорошее будущее». Запись произведена Хегелем.

Сейчас уместно будет вернуться к документу, уже упоминавшемуся здесь, — документу от 30 мая 1938 г. Он имеет № ОКВ-42/38 и был предъявлен вам моими уважаемыми коллегами из делегации США (под № ПС-388). На него сослался и Главный обвинитель от СССР в своей вступительной речи.

Формулируя содержание фашистского заговора против Чехословакии, Гитлер говорит, что его непоколебимым решением является в ближайшем же будущем разбить Чехословакию одним военным актом. Он делит эту задачу на две части — политическую и военную, после чего со свойственным ему предельным цинизмом заявляет:

«Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым будет спровоцирована Германия в самой резкой форме». Документ подписан Гитлером.

Вот подлинная программа Гитлера и его приспешников в отношении Чехословакии, намеченная задолго до того дня, когда Хвалковский просил этого преступника, чтобы он время от времени обращался с хорошими словами к чехословацкому народу. Если для своих публичных выступлений Гитлер и находил иногда то, что Хвалковский называл «хорошими словами», то линия фактических отношений строилась в совершенно ином разрезе. Но и это не все. Мы уточним до конца вопрос о провокации инцидента. «Заметки для доклада по «Плану Грюн» от 24 августа 1938 г.», уже оглашенные в значительной части (под № ПС-388), мне кажется, должны быть оглашены и сейчас в пределах двух абзацев:

«План Грюн» будет реализован посредством инцидента в Чехословакии, что даст Германии повод для военного выступления. Определение времени этого инцидента, дня и часа имеет величайшее значение. Он должен произойти при метеорологических условиях, благоприятных для действий нашей, имеющей превосходство, авиации, а время его целесообразно определить таким образом, чтобы о нем нам стало достоверно известно в полдень за день до намеченного срока «Х-1». Тогда можно будет непосредственно ответить на него изданием приказа: «в день Х-1 — в 14.00».

Документ заканчивается так:

«Целью этих высказываний является указать, насколько сильно заинтересованы вооруженные силы в инциденте и в своемременном уяснении намерений фюрера, поскольку так или иначе отделу «Абвер» будет поручена организация инцидента». Документ подписан Иодлем. Это уже не слова. Это план гнусной провокации, который, как мы знаем, был осуществлен. Мне хотелось бы подчеркнуть только одну мысль. Убийцы и захватчики не только хладнокровно разрабатывают планы своих преступлений против государства, но и хотят реализовать их со всеми возможными практическими выгодами для себя. Им нужна хорошая погода, сутки для окончательной подготовки. Более того, они хотят иметь такой, ими же спровоцированный инцидент, который

позволил бы оправдать их грязные преступления, хотя бы «в глазах части мировой общественности».

Это последнее обстоятельство показывает, что сами гитлеровцы прекрасно понимали всю преступность своих действий.

Попутно я хочу привлечь ваше внимание к одному моменту: за преступный характер этих действий несет прямую ответственность ОКВ. Они не могут сказать: «Мы не ведали, что творили». Провокаторы и захватчики в форме высших офицеров германской армии сами назвали себя и провокаторами и интервентами.

Мне остается доложить Трибуналу, что одной из конечных целей фашистского вторжения в Чехословакию было ликвидировать это исторически сложившееся славянское государство.

В чехословацком правительственном докладе приводится выдержка из заявления Гитлера, сделанного им летом 1932 года в присутствии Дарре, Раушнинга и других высших фашистских чиновников. Эту выдержку я позволю себе процитировать:

«Чешско-моравский бассейн будет колонизирован немецкими крестьянами. Чехов мы переселим в Сибирь или в районы Волыни. Они должны уйти из центральной Европы».

Это высказывание Гитлера цитировано в чехословацком докладе из книги Раушнинга «Говорит Гитлер».

Мне кажется, нужно огласить следующую за этой цитатой выдержку из чехословацкого доклада:

«Этот преступный план был подтвержден 17 марта 1939 г. Карлом Германом Франком, статс-секретарем рейхс-протектората и государственным министром в Праге, известным миру как палач Лидице».

Будучи допрошен полковником Эчером 29 мая 1945 г. в Висбадене, Франк заявил:

«План эвакуации чешского народа на восток, как указано выше, обсужденный в кругах партии, в общих чертах совпадает с цитируемым абзацем».

Подсудимый Нейрат с 17 марта 1939 г. по 28 сентября 1941 г. был имперским протектором Чехии и Моравии. Он сделал многое для того, чтобы уничтожить Чехословакию как государственное целое. В приложении № 1 к чехословацкому правительственному докладу сказано:

«Рейхспротектор являлся высшим из всех властей, ведомств и должностных лиц империи в протекторате».

Подсудимый Нейрат не должен уйти от ответственности за эти злодеяния.

Мои коллеги по советской делегации доложат вам, во что превратилась жизнь трудолюбивого чешского народа с того момента, когда гитлеровские захватчики начали осуществлять на практике ликвидацию Чехословакии как государственного целого.

Обращаясь к материалам относительно агрессии против Польши, мы находим много общего с преступлениями заговорщиков против Чехословакии.

Я имею в виду систематическое нарушение договоров и торжественных деклараций, лживые заверения, создание платной пятой колонны, организованной по военному образцу, внезапное нанесение предательского удара.

Это может быть доказано целым рядом документов.

Официальный доклад польского правительства содержит обстоятельный перечень договоров, нарушенных заговорщиками.

Мы предъявляем Трибуналу документ СССР-93. Поскольку речь идет об общеизвестных фактах и притом фактах, уже освещенных во вступительных речах главных обвинителей, я прошу принять эту часть польского доклада в виде двух первых пунктов раздела «Преступления против мира» без доказательств.

Из 3-го пункта этого раздела, где речь идет специально о польско-немецкой декларации от 26 января 1934 г., я хочу огласить 4 строки: «Оба правительства убеждены, что таким образом отношения между их странами будут развиваться плодотворно и поведут к установлению добрососедских отношений, которые приведут к благополучию не только их обеих стран, но в равной мере и других народов Европы».

От имени Германии декларацию подписал подсудимый фон Нейрат.

Теперь мне кажется необходимым огласить приведенную в польском докладе выдержку из заявления подсудимого Геринга от 16 февраля 1937 г. при посещении им Варшавы. Это заявление Геринг сделал представителям польского правительства, я цитирую:

«Со стороны Германии нет вовсе намерения лишить Польшу какой бы то ни было части ее территории. Германия вполне примирилась со своим теперешним территориальным составом. Германия не будет атаковать Польшу и не имеет намерения захватить польский «коридор». Мы не желаем «коридора». Я говорю это искренне и категорически — нам «коридор» не нужен. Точно так же, как Германия надеется и верит, что Польша не намерена захватить Восточную Пруссию и остальную часть Силезии, так и Польша может верить, что Германия не намерена лишить ее какого бы то ни было из ее прав и владений».

Шестой пункт польского правительственного доклада, мне кажется, также заслуживает оглашения полностью:

Пункт 6, 5 ноября 1937 г. польское и германское правительства издали одинаковые декларации относительно обращения с меньшинствами. Декларации кончаются следующим:

«Вышеизложенные принципы не могут никаким образом влиять на обязанность меньшинства быть вполне лояльными по

отношению к государству, к которому они принадлежат. Они проникнуты желанием обеспечить меньшинствам справедливые условия жизни и гармоничное сотрудничество с гражданами государства, в котором они проживают, — состояние дел, которое содействует постепенному упрочению дружественных и добрососедских отношений между Польшей и Германией».

2 сентября 1939 г. частями польской противовоздушной обороны вблизи Познани был сбит немецкий самолет. У летчиков обнаружен секретный приказ вермахта. В нем, между прочим, сказано:

«Резервисты германской расы будут пробовать избежать мобилизации в польскую армию и присоединиться к германской армии».

Далее идет подробное перечисление внешних отличительных знаков, с помощью которых будут себя обозначать лица, «которые помогают германской армии».

В приказе сказано, что они будут снабжены:

«2) В качестве оружия — автоматами типа № 14 и 34, а также в известных случаях — гранатами чешского образца».

Совершенно очевидно, что последнее было сделано в провокационных целях. На приказе имелась подпись: «майор Рейсс».

Поскольку этот факт удостоверен порядком, предусмотренным статьей 21 Устава, я прошу принять изложенные мною данные без доказательств.

Я представляю суду еще одну выдержку из документа СССР-93:

«Доказательства, собранные польской армией во время сентябрьской кампании 1939 года, указывают на следующее:

а) что касается диверсионной деятельности в юго-западной Польше, она была заранее подготовлена и только приведена в исполнение агентами, спущенными на парашютах. Германский шпионаж был организован специальными эмиссарами, которые, прикидываясь странствующими учителями, обучали шпионов и диверсантов. Каждый год несколько молодых немцев покидало каждую из германских колоний, чтобы отправиться в рейх. Там они получали специальное обучение и, вернувшись в Польшу, являлись с повинной. Они обращались к местным властям, рассказывали о жестокостях наци и выражали радость по поводу возвращения на свою «дорогую родину». Но те же самые немцы состояли в постоянной связи и давали информацию своим агентам в Германии по почте или через странствующих учителей;

б) кроме агентов, набираемых из молодежи и назначенных для сотрудничества с немецким населением, существовала группа руководителей и инструкторов, состоящая из офицеров, которые являлись в Польшу, снабженные паспортами, задолго до начала враждебных отношений».

Польское правительство установило на основании показаний, полученных при расследовании, что основные контингенты диверсантов состояли из групп гитлеровской молодежи, так называемой «Гитлерюгенд».

Руководителем этой фашистской организации, как известно, был подсудимый Ширах.

Вот подробности, касающиеся организации диверсионной системы:

а) агенты были набраны главным образом из группы молодежи, известной под именем «Гитлерюгенд», и из мужчин и женщин главным образом немецкой национальности, набираемых в Польшу;

б) специальные курсы, продолжавшиеся от двух недель до трех месяцев, были организованы для этих агентов на территории рейха;

в) участники курсов делились на две категории: первой, состоящей из лиц с основательным знанием польского языка, были доверены специальные задания для исполнения в тылу польской армии. Вторая состояла из лиц, которые должны были вмешаться в толпу польского населения, бегущего от войны и воздушных налетов;

г) перед войной слушатели этих курсов призывались для дополнительного обучения в специальных лагерях, где их причисляли к «округам диверсионных действий».

Теперь я обращаюсь к материалам, устанавливающим лживость и лицемерие некоторых других деклараций гитлеровских заговорщиков по международным вопросам, касающимся Польши. Для этой цели мне надо представить вам пункты 7, 8 и 9 раздела, озаглавленного «Преступления против мира» (документ СССР-93).

Пункт 7: «5 ноября 1937 г. тогдашний польский посол был принят Гитлером в присутствии обвиняемого фон Нейрата. По этому случаю Гитлер заявил:

«Не будет никаких перемен в юридическом и политическом положении Данцига.

Права польского населения в Данциге будут уважаться. Права Польши в Данциге не будут нарушены».

Пункт 8. Намеки на перемену положения Данцига были сделаны впервые обвиняемым Риббентропом 25 октября 1938 г. Он намекнул на соединение Данцига с рейхом взамен продления срока польско-германского соглашения на 25 лет и за гарантию польско-немецких границ. Польше было обещано сохранение там железных дорог и экономических льгот взамен соглашения на постройку экстерриториальной автострады и железнодорожной линии через Померанию.

Это предложение было отклонено.

Пункт 9. В дальнейшем обвиняемый Риббентроп во время посещения Варшавы уверял польское правительство в том, что на территории вольного города Данцига нацистских организаций не будет (25—27 января 1939 г.).

Как известно, в последние месяцы перед 1 сентября 1939 г. на германо-польской границе происходили концентрация мобилизованных немецких военных сил и пограничные столкновения. Надо думать, что причины возникновения этих столкновений стали совершенно ясны после того, как я огласил здесь заметки к «плану Грюн» (документ ПС-388) за подписью Йодля.

15 апреля 1939 г. ныне покойный президент США господин Франклин Делано Рузвельт обратился с воззванием к миру и руководителям Германии и Польши с целью предотвратить дальнейшие осложнения в Европе.

28 апреля и 5 мая 1939 г. польское правительство предлагало правительству гитлеровской Германии практическое решение проблемы вольного города Данцига.

23 августа 1939 г. с призывом к миру по радио обратился бельгийский король.

24 августа 1939 г. президент США еще раз обратился с воззванием к руководителям рейха и польского государства.

Польский посол в Берлине, следуя совету британского посла в Варшаве, 31 августа имел встречу с Риббентропом.

Теперь я хочу процитировать два пункта: 18-й и 19-й из документа СССР-93:

«Пункт 18. Немецкая нота, содержащая условия, на которых спор с Польшей мог бы быть прекращен, была передана по-немецкому радио в 9 часов вечера 31 августа 1939 г. Однако нота эта была вручена польскому послу только 1 сентября 1939 г. вечером. Это было несколько часов спустя после того, как германские вооруженные силы с воздуха и на земле атаковали польскую территорию — ранним утром 1 сентября 1939 г.

Пункт 19. Таким образом, Германия напала на Польшу, вопреки своим международным обязательствам, без предварительного объявления войны и в момент, когда своими действиями вызвала в польском правительстве убеждение, что между обеими странами предстоят переговоры с целью уладить спор мирным путем».

В моем распоряжении сейчас имеется подлинный документ, обнаруженный частями Красной Армии в архивах германского министерства иностранных дел по вопросу о Данциге. Я представляю его суду под № СССР-185. Это телеграфный бланк, из которого видно, что в 5 часов утра 1 сентября 1939 г. была сдана на телеграф в городе Данциге телеграмма из двухсот двух слов за № 0166 в следующий адрес: фюреру и рейхсканцлеру, город Берлин. На втором листе вы видите текст этой телеграммы из

двухсот двух слов, скрепленный печатью гаулейтера национал-социалистской партии в Данциге.

Я позволю себе огласить эти двести два слова, вошедшие в историю преступлений нацистских заговорщиков против мира.

Телеграмма фюреру:

«Мой фюрер! Я только что подписал и тем самым ввел в силу следующий Основной государственный закон о воссоединении Данцига с Германской империей:

«Основной государственный закон свободного города Данцига от 1 сентября 1939 г. о воссоединении Данцига с Германской империей.

В целях устранения острой нужды народа и государства свободного города Данцига я издаю нижеследующий Основной государственный закон:

Статья I

Конституция свободного города Данцига настоящим немедленно отменяется.

Статья II

Законодательная и исполнительная власть впредь осуществляется исключительно главой государства.

Статья III

Свободный город Данциг с его областью и населением немедленно становится составной частью Германской империи.

Статья IV

До окончательного решения о введении фюрером германского государственного права все законы, за исключением конституции, действующие в момент издания настоящего Основного государственного закона, остаются в силе.

Данциг, 1 сентября 1939 года.

Альберт Форстер — гаулейтер».

Я прошу Вас, мой фюрер, от имени Данцига и населения, одобрить данный «Основной государственный закон» и утвердить имперским законом воссоединение с Германской империей.

Данциг с восторгом приносит Вам, мой фюрер, бесконечную благодарность и вечную преданность.

Хайль моему фюреру!

Альберт Форстер — гаулейтер».

Вот теперь, когда вам представлены документы, устанавливающие действительную линию поведения нацистских заговорщиков по отношению к Польше, мне кажется уместным обратиться хотя бы к кратким выдержкам из «плана Вейс», а также декларативным речам и высказываниям Гитлера и Риббентропа, после чего я оглашу новый документ СССР-172. Под этим номером зарегистрированы секретные заметки Бормана о беседе его с Гитлером относительно Польши, имевшей место 2 октября 1940 г.

30 января 1934 г. Гитлер в качестве канцлера произнес речь. Она была посвящена ряду вопросов, в том числе и отношениям с Польшей.

Нет необходимости приводить ее подробно. Сейчас нас будут интересовать только две-три фразы из этого выступления (я оглашу выдержки из документа, который вам известен под № ТС-70):

«...Мне кажется, что надо бы показать на конкретном примере, как бесспорно существующие разногласия не должны мешать тому, чтобы найти в жизни народов такую форму общения, которая окажется полезной делу мира, а вместе с тем и благо обоим народам».

Я продолжаю цитату, которой заканчивается высказывание Гитлера:

«Германское правительство намеревается и готово так развить политико-экономические отношения с Польшей в свете настоящего договора, чтобы на смену состоянию бесплодной сдержанности пришло время полезного сотрудничества».

Канцлер выразил здесь особое удовлетворение по поводу выяснения отношений между Данцигом и Польшей. 26 сентября 1938 г. в своей очередной речи Гитлер опять говорил о Польше. Считаю необходимым огласить небольшой отрывок из этой речи (документ ТС-29):

«Немецко-польские отношения явились той сложной проблемой, с которой мне пришлось столкнуться. Существовала опасность, что представление о непримиримой вражде окончательно завладеет воображением как нашего, так и польского народа. Я хотел предотвратить это».

Я не считаю нужным читать подряд и пропускаю несколько фраз:

«Ровно через год удалось достигнуть соглашения, которое, прежде всего, решительно устранило опасность столкновения сроком на десять лет.

Мы все убеждены, что соглашение приведет к длительному миру. Мы сознаем, что дело касается двух народов, которые должны быть рядом и из которых один не может устранить другого. Государство с населением в тридцать три миллиона всегда

будет добиваться выхода к морю. Поэтому нужно было отыскать путь к взаимопониманию. Он найден и будет укрепляться все далее».

В точном соответствии с этой официальной и до конца лживой речью Гитлера подсудимый Риббентроп, выступая 25 января 1939 г. в Варшаве, сказал следующее (документ под № ПС-2530):

«Основной частью внешней политики Германии является неуклонный прогресс и укрепление дружественных отношений с Польшей на базе существующего между ними соглашения, что находится в соответствии с твердой волей фюрера».

Пропуская один абзац из этого, уже представленного и оглашенного за № ПС-2530 документа, я хочу повторить только одну фразу, взятую отсюда же:

«Таким образом, Польша и Германия могут смотреть в будущее с полным доверием, основываясь на своих взаимоотношениях».

Должен ли я напоминать о том, что в уже оглашенном документе Л-179, который представляет собой запись совещания в новой имперской канцелярии у Гитлера от 23 мая 1939 г., в числе целого ряда других откровенно агрессивных заявлений и директивных установок Гитлер произнес следующую фразу:

«Таким образом, отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение: напасть на Польшу при первой возможности. Нельзя рассчитывать на повторение чешской операции. Это будет война».

Справедливость требует, чтобы все знали о том, что война была неожиданной только для Польши. Фашистские заговорщики к этой войне готовились долго и тщательно. Я обращаюсь к документу С-120, уже оглашенному в значительной части здесь, на суде. Я предъявляю вам некоторые выдержки из этого документа о заговоре гитлеровской Германии против Польши в той части, которая не оглашалась. Я хочу остановить ваше внимание на отдельных фразах, которые, естественно, выпали из поля зрения обвинителей, представлявших вам этот документ, потому что эти фразы являются сравнительно мелкими деталями, но они приобретают сейчас особое значение. Они очень характерны и нужны для правильного понимания материалов, представляемых сейчас мною.

На документе, имеющем штамп С-120, имеются пометки: «только для командного состава, совершенно секретно. Дело начальника штаба. Только через офицера. Верховное командование вооруженными силами ВФА 37/39. Шефзахе, Л-а». Над текстом документа, там, где указывается содержание бумаги, написано:

«По вопросу: Указание для вооруженных сил на 1939—1940 гг. Директива о единой подготовке вооруженных сил на 1939—1940 гг. дается заново».

Эта фраза ясно и прямо указывает, что и раньше, до 3 апреля 1939 г., уже имелись какие-то другие директивные указания по этому самому вопросу.

В пункте 3 цитируемого документа сказано:

«Точки зрения трех частей вооруженных сил и основание для календарного плана должны быть представлены в ОКВ 1. У-1939 года».

Еще к 1 мая 1939 г. Германия имела пересмотренный, модернизированный, обстоятельно составленный план агрессии против Польши. И Гитлер только ждал момента, чтобы, разыграв роль обиженного Польшей, заявить, что у него не может остаться другого решения, кроме как уничтожить Польшу.

В одном из приложений к цитируемому документу (он также имеет № С-120, но не оглашался в суде) есть один момент большой важности. Документ подписан Гитлером и датирован 11 апреля 1939 г. Он отпечатан в пяти экземплярах. Я представляю копию со второго экземпляра:

«Директива относительно единой военной подготовки вооруженных сил на 1939—1940 гг.

Будущие задачи вооруженных сил и вытекающие отсюда приготовления к ведению войны я изложу позже.

До вступления в силу этой директивы вооруженные силы должны быть подготовлены к следующему:

- 1) Обеспечение границ германской империи и защита против внезапного воздушного нападения.
- 2) Операция «Вейс».
- 3) Овладение Данцигом.

Гитлер»

В приложении 3, которое озаглавлено «Овладение Данцигом», я оглашу первый абзац:

«Вопрос о внезапной оккупации свободного города Данцига при наличии благоприятных политических условий может возникнуть независимо от «плана Вейс».

Я прошу Трибунал обратить внимание на то, что овладение Данцигом по немецким планам рассматривалось либо как основная часть агрессии против Польши, либо — при другой конъюнктуре — как совершенно самостоятельная операция, но заблаговременно планировалось и в том и в другом случае.

В том же комплекте документов за № С-120 имеется совершенно секретная директива, подлежащая передаче только через офицеров и только командному составу. Важно отметить, что в этом документе содержание обозначено как «Указания к плановой подготовке вооруженных сил к войне на 1939—1940 гг.». Этот документ, как и предыдущие, не рассчитан на большой круг читателей. Он был отпечатан только в семи экземплярах.

Плановую подготовку к войне нацистские заговорщики не стремились разглашать.

Весьма характерная фраза имеется в представленном вам мною приложении все к той же директиве ОКВ-37/39 под заглавием «Особые распоряжения относительно операции «Вейс». Я оглашу предпоследний абзац второго пункта:

«В случае публичного объявления всеобщей мобилизации (мобплан), мобилизация автоматически и неразрывно распространяется на всю гражданскую сеть, включая военную промышленность. Однако не следует рассчитывать на публичное объявление мобилизации, если военные события будут ограничены «планом Вейс».

Мне кажется весьма важным то обстоятельство, что фашистские заговорщики планировали осуществление своего преступного замысла провести без публичного объявления мобилизации, хотя заранее отдавали себе отчет в том, что предвидится именно война. Наконец, я хотел бы отметить, что распоряжением Кейтеля по вооруженным силам за № 37/39 еще от 3 апреля 1939 г. по поводу операции «Вейс» доводились до сведения следующие указания Гитлера:

«1. Разработку плана операции вести с таким расчетом, чтобы проведение его было возможно в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.».

Мы знаем, что вторжение в Польшу было произведено именно 1 сентября 1939 г., короче говоря, в первый же день, к которому должны были быть полностью готовы германские вооруженные силы.

В оперативном приказе № 1 командования военно-морской группой «Восток» от 21 августа 1939 г. линкору «Шлезвиг-Гольштейн» сказано:

«§ 1. Эбстановка:

а) Политическая: вооруженные силы должны быть разбиты молниеносно, чтобы можно было создать на востоке выгодную обстановку для обороны страны. Свободный Данциг объявляется имперским городом».

Эту фразу полезно помнить тогда, когда идет речь о «свободном волеизъявлении населения Данцига», который якобы стремился стать имперским городом. Нельзя забывать, что это «волеизъявление» было прямо предусмотрено приведенным выше оперативным приказом № 1 с точностью до одного дня.

В заключение я считаю нужным почти полностью огласить довольно большой, но исключительно важный документ. Я имею в виду заметку, составленную подсудимым Борманом 2 октября 1940 г., относительно разговора на тему о Польше. Разговор происходил после обеда на квартире у Гитлера:

«Секретно.

Берлин, 2.X.1940 г.

ЗАМЕТКА

2. X. 1940 года после обеда, состоявшегося на квартире у фюрера, возник разговор относительно характера губернаторства, об обращении с поляками и об утвержденной фюрером передаче округов Пиотрокув и Томашув в Вартскую область.

1. Беседа началась с того, что рейхсминистр д-р Франк сообщил фюреру о том, что деятельность в генерал-губернаторстве можно назвать чрезвычайно успешной. Евреи в Варшаве и других городах заперты в гетто. Краков в скором времени будет очищен от них».

Здесь я считаю возможным пропустить несколько абзацев и цитирую дальше:

«Фюрер подчеркнул далее, что поляки, в противоположность нашим немецким рабочим, рождены специально для тяжелой работы; нашим немецким рабочим мы должны предоставлять все возможности выдвижения, в отношении поляков об этом не может быть и речи. Нужно даже, чтобы жизненный уровень в Польше был низким, и повышать его не следует...

...Генерал-губернаторство не должно ни в коем случае являться замкнутой и однородной экономической областью, оно не должно самостоятельно полностью или частично производить необходимые для него промышленные изделия, генерал-губернаторство является нашим источником рабочей силы для неквалифицированных работ (производство кирпича, строительство дорог и т. д. и т. п.). Нельзя, подчеркнул фюрер, вложить в славянина ничего другого, кроме того, что он представляет собой по природе. В то время, как наши немецкие рабочие являются, как правило, усердными и трудолюбивыми по природе, поляки ленивы, и их приходится заставлять работать.

Впрочем, нет предпосылок к тому, чтобы губернаторство стало самостоятельной хозяйственной областью, отсутствуют ископаемые, и если бы они и были, то поляки не способны к их использованию.

Фюрер разъяснил, что в империи необходимо крупное землевладение, чтобы прокормить наши большие города; крупное землевладение и другие сельскохозяйственные предприятия нуждаются для обработки земли и уборки урожая в рабочей силе, причем в дешевой рабочей силе... Как только окончится уборочная кампания, рабочие смогут вернуться назад в Польшу. Если бы рабочие работали в сельском хозяйстве круглый год, они употребляли бы сами значительную часть урожая. Поэтому было бы правильным, если на время посевной и уборочной кампании из Польши прибывали бы сезонные рабочие.

Мы имеем, с одной стороны, перенаселение индустриальных областей, а с другой стороны, недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве. Здесь будут использованы польские рабочие. Таким образом, будет совершенно правильным, если в губернаторстве будет избыток рабочей силы, тогда необходимые рабочие будут действительно ежегодно поступать оттуда в империю. Непременно следует иметь в виду, что не должно существовать польских господ: там, где они будут, — как бы жестоко это ни звучало, — их следует уничтожить.

Естественно, не должно происходить кровосмешения с поляками; поэтому было бы правильным, если бы вместе с польскими жнецами в империю прибыли бы и польские жницы. Для нас было бы безразличным, что они станут творить между собой в своих лагерях; ни один протестантский проповедник не должен совать нос в эти дела.

Фюрер подчеркнул еще раз, что для поляков должен существовать только один господин — немец; два господина, один возле другого, не могут и не должны существовать; поэтому должны быть уничтожены все представители польской интеллигенции. Это звучит жестоко, но таков жизненный закон.

Генерал-губернаторство является резервом, большим польским рабочим лагерем. Поляки также выгадают от этого, так как мы заботимся об их здоровье и о том, чтобы они не голодали, и т. д., но они никогда не должны быть подняты на более высокую ступень, так как тогда они станут анархистами и коммунистами. Поэтому будет правильным, если поляки останутся католиками; польские священники будут получать от нас пищу, за это они станут направлять своих овец по желательному для нас пути. Священники будут оплачиваться нами, и за это они будут проповедовать то, что мы захотим. Если найдется священник, который будет действовать иначе, то разговор с ним будет короткий. Задача священника заключается в том, чтобы держать поляков спокойными, глупыми и тупоумными. Это полностью в наших интересах. Если же поляки поднимутся на более высокую ступень развития, то они перестанут являться рабочей силой, которая нам нужна. В остальном будет достаточным, если поляк будет владеть в генерал-губернаторстве небольшим участком, большое хозяйство вовсе не нужно; деньги, которые ему необходимы для жизни, он должен зарабатывать в Германии. Нам нужна именно такая дешевая рабочая сила, ее дешевизна пойдет впрок каждому немцу и каждому немецкому рабочему.

В губернаторстве должна быть строгая немецкая администрация, чтобы поддерживать порядок среди поляков. Для нас эти резервы означают поддержку сельского хозяйства, особенно

наших крупных имений, кроме того, они являются источником рабочей силы».

Я не вижу необходимости зачитывать запись, отображающую обмен мнений между присутствующими, хотя она приведена в документе, а прямо перехожу к заключительным установкам Гитлера:

«Резюмируя, фюрер установил еще раз, что:

1) Последний немецкий рабочий и последний немецкий крестьянин должен всегда стоять в экономическом отношении выше любого поляка».

Я пропускаю пункт второй и перехожу к третьему, который представляет большой интерес:

«3) Я не хочу, — подчеркнул фюрер, — чтобы в общем немецкий рабочий работал более 8 часов, когда у нас снова будут нормальные условия; однако, если поляк будет работать 14 часов, то, несмотря на это, он должен зарабатывать меньше, чем немецкий рабочий.

4) Идеальная картина такова: поляк должен владеть в генерал-губернаторстве небольшим участком, который обеспечит в известной мере пропитание его и его семьи. Деньги, необходимые для приобретения одежды, дополнительного питания и т. д., он должен заработать в Германии. Губернаторство должно стать центром поставки сезонных неквалифицированных рабочих, в особенности сельскохозяйственных рабочих. Существование этих рабочих будет полностью обеспечено, так как они всегда будут использоваться в качестве дешевой рабочей силы».

Исчерпывающая ясность, которую вносит этот документ в вопрос об отношении Гитлера к Польше и польскому народу, делает ненужными какие-либо комментарии.

Я только прошу вас обратить внимание на три пункта:

Во-первых, Гитлер четко говорит и обстоятельно развивает мысль о том, что польский народ и польское государство при «новом», нацистском порядке в Европе должны быть только польским рабочим лагерем для фашистской Германии.

Во-вторых, Гитлер уверен, что поляки выгадают от такого положения вещей, потому что гитлеровские заговорщики намерены заботиться о здоровье и сытом существовании поляков, превращенных фашистскими заговорщиками в рабов.

Я прошу вас учесть, что под «сытым существованием» Гитлер понимает такое положение, когда любой поляк должен быть обеспечен в экономическом отношении значительно ниже самого последнего немца.

Под «заботой» понимается забота о том, чтобы жизненный уровень в Польше был низким и не повышался, чтобы ни один поляк не занимался ничем, кроме тяжелой, неквалифицированной работы по 14 часов в сутки. Наконец, Гитлер ставит

задачу уничтожения всей интеллигенции и нагло утверждает, что для поляков должен быть один господин — немец.

В процессе дальнейшего предъявления вам материалов мы докажем, что Гитлер и его приспешники в лице участников фашистского заговора стремились к уничтожению польского народа, к сведению существования поляков до самого жалкого, нищенского уровня. Само существование мыслилось возможным постольку, поскольку обеспечивало «господам» дешевую рабочую силу.

Трибунал имеет в своем распоряжении дневники подсудимого Франка.

В том, который имеет пометку «Дневник 1943 года», мы находим важную запись на страницах 1070—1072. Я цитирую это место:

«Краков, 23 октября 1943 г.

Генерал-губернатор делает доклад в Административной академии о принципе фюрерства в управлении. Генерал-губернаторство с точки зрения государственной и народно-правовой в качестве придатка великогерманской империи является составной частью территории, на которую распространяется власть Великой Германии в Европе. Суверенность над этой территорией принадлежит фюреру великогерманской империи и от его имени осуществляется генерал-губернатором, который в качестве заместителя фюрера объединяет в себе все его права.

Мне хотелось бы доложить вам, господа судьи, еще о двух документах строго официального характера.

В имперском вестнике законов за 1939 год на странице 2077 (документ СССР-296) помещен указ фюрера и имперского канцлера об управлении польскими оккупированными территориями от 12 октября 1939 г. Я оглашу § 2 этого указа. Он состоит из двух пунктов.

«§ 2. 1) Генерал-губернатором оккупированных польских областей назначаю имперского министра доктора Франка.

2) Заместителем генерал-губернатора назначаю имперского министра доктора Зейсс-Инквартта».

В том же имперском вестнике законов за 1940 год, часть 1 помещен указ о праве помилования в оккупированных польских областях (документ СССР-289).

В нем сказано:

«В оккупированных польских областях я передаю генерал-губернатору оккупированных польских областей право утверждения смертных приговоров, а также право помилования и отклонения ходатайств о помиловании с правом дальнейшего пере-
доверия».

Право жизни и смерти, право суверена в Польше, оккупированной гитлеровцами, были отданы в руки подсудимого Франка. Не лишне вспомнить, что Гитлер говорил, что он покажет на конкретном примере характер взаимоотношений между польским и германским народом и что найдена такая форма общения, «которая окажется полезной делу мира, а вместе с тем и благу обоих народов».

Выше говорилось, какой имелся в виду пример и о каком «благе» шла речь.

6 апреля 1941 г. гитлеровские заговорщики отметили новым, заранее обдуманном и тщательно подготовленным преступлением. Без всякого предупреждения и объявления войны они напали на Югославию. Нападением на Югославию были грубо нарушены положения 3-й Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. и Парижский пакт от 27 августа 1928 г. Делегации Великобритании и Соединенных Штатов Америки уже предъявили вам значительное количество документов, относящихся к вопросу предательского нападения на Югославию. Считаю нужным представить новые доказательства и установить связь между этой новой документацией и тем, что уже было оглашено на суде.

Немецкие официальные документы с исключительной яркостью позволяют нам восстановить события. Немецкая педантичность в данном случае оборачивается против авторов преступного плана.

27 марта 1941 г. Адольф Гитлер провел специальное совещание о положении в Югославии. В тот же день им была подписана совершенно секретная директива 025, адресованная только командному составу (документ ПС-1746).

В речи Главного обвинителя от СССР уже был процитирован полностью пункт 2 директивы 025. 7 декабря 1945 г. был оглашен и пункт 1-й этого документа. Я хочу прибавить к этому еще несколько строк и огласить § 3. В нем сказано:

«...Приказываю следующее:

а) Как только закончится сосредоточение достаточных сил и позволит метеорологические условия, все югославские наземные сооружения и Белград должны быть уничтожены непрерывными дневными и ночными налетами авиации.

б) По возможности одновременно, но ни в коем случае не раньше, должна быть начата «операция Марита» с ограниченной на первое время целью захвата бассейна Салоники — Диосские горы».

Здесь важно подчеркнуть, как мне кажется, три обстоятельства:

1) Стремление произвести полное уничтожение столицы государства.

2) Связь между агрессией против Югославии и агрессией против другой страны — Греции. Агрессия против Греции была зашифрована, как известно Трибуналу, под названием операции «Марита».

3) Моментом, лимитирующим начало нападения, являлась только необходимость закончить сосредоточение немецких войск и метеорологические условия.

Как и во всех предыдущих случаях преступной фашистской агрессии, мы видим одно и то же — преступный умысел хищника, вероломство и холодный расчет.

Подготовка очередного злодеяния производилась длительное время и шла по уже раскрытому обвинителями гитлеровскому стандарту: пятая колонна, спекулирование лозунгом о защите немецкого меньшинства, лживая практика миролюбивых деклараций в сочетании с непрекращающейся подготовкой захвата.

27 марта 1941 г., в тот самый день, когда была подписана Гитлером директива 025, он лично в Берлине провел специальное совещание о положении в Югославии. Запись этого совещания предъявлена американским обвинением 4 декабря 1945 г. под № ПС-1746.

Под этим же номером зарегистрированы и документы, относящиеся к этому совещанию. На совещании была совершенно точно определена задача и дана схема действий. Гитлер заявил:

«Не принимать во внимание могущих последовать со стороны нового правительства заверений о лояльности, а провести всю подготовку для уничтожения вооруженных сил Югославии и уничтожения ее как государства.

Политически особенно важно, чтобы удар против Югославии был нанесен со всем ожесточением, а военный разгром ее должен последовать молниеносно».

И в том же документе несколько далее:

«По внешнеполитической линии не будет предъявлен ультиматум. Наступление начнется тотчас же, как только будут подготовлены необходимые для этого материалы и соединения» (имеются в виду средства и войска).

Таким образом, Гитлер интересовался вовсе не фактическим отношением к Германии того или иного югославского правительства, а фактическим уничтожением Югославии как государства. Он стремился сделать это уничтожение молниеносным и жестоким.

Старательно выполняя гитлеровскую установку о молниеносном и жестоком уничтожении Югославии, оперативный отдел ОКВ срочно разработал подробный план согласованных операций немецкой и итальянской армий. Он был направлен как официальная оперативная директива, датированная 28 марта 1941 г. (документ под № ПС-1746). Я оглашаю § 4 этого документа.

«Задачей немцев будет атаковать Югославию по возможности концентрированно, разбить ее армию и уничтожить как государство».

Я не могу не напомнить о терминологии Гитлера и других фашистских заговорщиков. Гитлер говорил:

«Не может быть и речи о том, чтобы пощадить Польшу». Он требовал:

«Фактически уничтожить Югославию как государство — молниеносно и жестоко».

Беспощадность, безжалостность, уничтожение народов и государств — в этом стиль и смысл действий фашистских заговорщиков.

Агрессия против Чехословакии, нападение на Польшу, стремление уничтожить Югославию — все это звенья одной и той же цепи. Но цепь не оканчивается на этом звене.

Основной целью преступников, главным звеном в центре всех гитлеровских замыслов было нападение на СССР.

Документы о преступлениях против Югославии доказывают, что, нападая на эту страну, фашистские заговорщики точно следовали своей привычной схеме. Даже в деталях они повторили свои ранее совершенные преступления против Польши, Австрии, Чехословакии. В том случае, если бы мы не знали, кто именно организовал нападение на Югославию, — сам характер фактов, последовательность событий, способы совершения преступлений безошибочно указали бы нам на виновников.

В официальном докладе Югославского правительства (документ СССР-36) в первом разделе, озаглавленном «Планомерная подготовка заговора порабощения и уничтожения Югославии», сказано:

«Правительство третьей империи и гитлеровская партия тайным образом организовали немецкое меньшинство. Поселенные австрийскими императорами более ста лет назад, немцы пользовались в Югославии братским полноправием и культурной автономией. У них были собственные школы и имелись представители в парламенте и в органах самоуправления. Их количество достигало полумиллиона человек (то есть около 3% общего числа населения).

С 1920 года они имели свою массовую организацию «Швабско-немецкий союз культуры», кратко называемый «Союз культуры». Как раз из этой организации и через нее, а также из всех немцев в Югославии нацистская партия создала политический и военный орган для уничтожения Югославии...

...В Югославии тайно создаются нацистские «гау» и назначаются «гаулейтеры». Под видом различных физкультурных и спортивных союзов организуются полувоенные и гитлеровские соединения. Из империи прибывают многочисленные «туристы»,

«путешественники по торговым делам» и «родственники», в действительности же — нацистские инструкторы и организаторы...

...Гитлеровцы привлекли к себе все сепаратистские и шовинистические элементы, как-то: усташей Павелича, «Сбор» (движение Лютича), ВМРО (македонское фашистское движение), Ванца Михайлова, и организовали их как террористические организации с центральным управлением в Берлине. С другой стороны, через своих агентов — принца Павла, Стоядиновича, Цветковича, Цинкара-Марковича — они привлекли к себе великосербских централистов и создали из них террористическую группу, которая, используя свое командное положение на государственных постах, должна была отдать Югославию на «мирное» порабощение путем присоединения к пакту трех держав.

Далее в докладе подчеркивается, что параллельно с организацией многочисленных ответвлений пятой колонны гитлеровцы все время делали новые и новые коварные заявления о своих будто бы дружественных намерениях в отношении Югославии. Об этом говорится в параграфе 3 документа СССР-36:

«Параграф 3. В то время, как гитлеровское правительство и партия так основательно и многосторонне готовили заговор с целью нападения и оккупации Югославии, Гитлер использовал всякий повод для того, чтобы от имени того же самого правительства, партии и всей Германии заявить всему миру, что Югославия может на них рассчитывать как на преданных друзей».

17 января 1938 г., то есть за несколько недель до оккупации Австрии, Гитлер имел встречу с тогдашним премьер-министром Югославии. На встрече присутствовали подсудимые Геринг и фон Нейрат.

4 декабря 1945 г. в качестве одного из доказательств по делу была предъявлена книга немецких документов о конфликте с Югославией и Грецией (под № ТС-92). Это запись бесед, имевших место во время встречи 17 января 1938 г. Я ограничусь только тремя фразами, произнесенными Гитлером:

«Что касается Югославии, то Германия заинтересована в существовании сильной Югославии».

Несколько позднее, во время этой же беседы, Гитлер произнес вторую фразу:

«Что бы там ни случилось, сегодняшняя граница Югославии останется такой же неприкосновенной, какой она является на сегодня у Бреннера».

Кроме того, Гитлер во время этой же беседы произнес такую фразу:

«...Немецкое население Югославии лояльно относится к югославскому правительству».

За несколько недель до оккупации Чехословацкой республики, 30 января 1939 г., Гитлер в своей речи перед рейхстагом сделал следующее заявление по поводу Югославии:

«Государство, которое со времени великой войны все более и более вступает в поле зрения нашего народа, — это Югославия».

То глубокое уважение, которое когда-то германские солдаты имели к этому мужественному народу, с тех пор еще более усилилось и вылилось в чистосердечную дружбу».

1 июня 1939 г., то есть до нацистского нападения на Польшу, югославский принц Павел, которого официальный доклад югославского правительства называет гитлеровским агентом, нанес визит Гитлеру. Гитлер в Берлине по этому поводу заявил:

«Германская дружба с югославским народом не является стихийной. Она углубилась и укрепилась в трагическом смятении мировой войны».

Затем он продолжал:

«Я тем более верю в это, что крепко завязанные, полные доверия отношения между Германией и Югославией теперь, когда мы вследствие исторических событий стали соседями с навсегда установленными общими границами, — обеспечат не только длительный мир между нашими обоими народами, но и явятся, сверх того, элементом умиротворения для нашего нервно-возбужденного континента».

После поражения Польши в очередной речи перед рейхстагом 6 октября Гитлер еще раз заверил Югославию о своем миролюбии и дружеском отношении:

«...Точно так же после завершеного присоединения я сообщил Югославии, что граница с этим государством останется для Германии с этого момента неизменной, что мы желаем жить с ней в мире и дружбе».

Теперь я перехожу к оглашению нескольких абзацев из пункта 2-го раздела 1-го сообщения Югославской государственной комиссии по установлению преступлений фашистских захватчиков (документ СССР-36):

«Так Гитлер регулярно делал заверения в дружбе к Югославии и неизменности ее границ, в то время как его заговорщическая банда поработителей затягивала уже кольцо войны вокруг Югославии». Когда Югославия полностью была окружена гитлеровскими танковыми дивизиями и когда правительство централистской «пятой колонны» принца Павла, Цветковича и Мачека подготовило присоединение к пакту трех держав, 25 марта 1941 г., то есть за 10 дней до нападения на Югославию, обвиняемый Риббентроп заявил следующее (документ ПС-2450):

«Сама Германия, — я торжественно заявляю здесь об этом, — не имеет в этой области ни территориальных, ни политических интересов...»

Официальная нота имперского правительства от того же самого числа гласит:

«Господин премьер-министр! От имени и по поручению германского правительства я имею честь доложить Вашему превосходительству следующее:

В связи с имевшим сегодня место присоединением Югославии к пакту трех держав, германское правительство подтверждает свое решение во всякое время уважать суверенность и территориальную неприкосновенность Югославии...»

Подписано: «Иоахим фон Риббентроп» (документ ПС-2450).

Кульминационным пунктом коварно подготовленного фашистами вероломства является следующее заявление Гитлера, которое он сделал 6 апреля 1941 г., то есть в тот момент, когда коварное и вероломное нападение на Югославию уже началось. Мы находим эту фразу в документе под № ТС-92:

«Германский народ не чувствует ненависти к сербскому народу. Германский народ прежде всего не видит повода воевать с хорватами и словенами, он ничего от них не хочет».

В то самое время, когда он так говорил, происходила оккупация, аннексия и раздробление Югославского государства. Вскоре началась бомбардировка незащищенных городов и поселений, принудительные выселения, угон в лагеря, карательные экспедиции и сотни других актов планомерного осуществления уничтожения народов Югославии, что повлекло за собой смерть 1650 тысяч мужчин, женщин и детей Югославии.

По вопросу о подготовке нападения на Югославию и о лицах, которые непосредственно руководили этим преступлением, мы располагаем двумя очень ценными свидетельскими показаниями.

Первое из них — это подлинное показание немецкого генерала Лера. До начала и во время агрессии против Югославии он был командующим 4-й авиационной армией. Именно его авиационные соединения производили воздушные налеты на Белград. Несомненно, что он является человеком, хорошо осведомленным и о ходе операции и о ее руководителях.

24 мая 1945 г. генерал Лер был взят в плен югославскими войсками. Во время его допросов, которые производились с 24 мая по 6 июня 1945 г., он показал (документ СССР-253):

«...Я вместе со своим штабом переехал 26 марта в Софию, так как должен был начаться поход против Греции.

На следующий день, 27 марта 1941 г., произошел переворот в Югославии. Меня неожиданно вызвали в Берлин, где от рейхсмаршала Геринга я получил приказы о подготовке воздушной войны против Югославии.

После этого начали готовиться против Югославии. При первой встрече с Герингом дату начала войны против Югославии мне еще не сообщили, но вскоре в Вене я получил письменный приказ, по которому начало операции было назначено на 6 апреля».

Не зачитывая остальной части протокола, я перехожу к оглашению выписки из протокола допроса бывшего генерал-фельдмаршала германской армии Фридриха Паулюса (документ СССР-185).

Фридрих Паулюс был допрошен 12 января 1946 г. Главным обвинителем от СССР. Я цитирую только то, что касается подготовки нападения на Югославию:

«Как для нас, немецких офицеров, так и для венгерских офицеров было ясно, что эти военные приготовления должны базироваться на подготовке военного сотрудничества между Германией и Венгрией.

...Венграм было ясно, что содействие Германии является заблаговременной и преднамеренной подготовкой венгерской армии для будущих совместных военных действий, включением союзника в свои ряды. В связи с последовавшим затем нападением на Югославию не было необходимости в особых разъяснениях о том, в каком направлении идет эта военная подготовка.

Было ясно, что подготавливаются вооруженные силы для войны против СССР, ибо нападение на Югославию было частью оперативной программы нападения на СССР.

С поражением Югославии обеспечивался правый фланг, который должен был образоваться с началом военных действий против России...

...Подготовка совместного германо-венгерского нападения на Югославию была поручена мне.

27 или 28 марта 1941 г. я был вызван в имперскую канцелярию к Гитлеру, где кроме Гитлера присутствовали Кейтель, Иодль, Гальдер и Браухич.

Гальдер встретил меня следующими словами:

«Фюрер решил напасть на Югославию и тем самым устранить фланговую угрозу при наступлении на Грецию и захватить в свои руки железнодорожную магистраль Белград-Ниш в южном направлении. Но главная цель нападения на Югославию — это позднее, при реализации «плана Барбаросса», оставить свободным правое плечо.

Ваша задача — немедленно отправиться в моем специальном поезде в Вену, передать вызванным туда фельдмаршалу Листу (армейская группировка 12), генералу фон Клейсту (танковая группа) и полковнику фон Витцлебену (начальнику штаба 2-й армии) приказы и объяснить обстановку.

Из Вены выехать в Будапешт и согласовать там с венгерским генеральным штабом стратегическое развертывание немецких войск на венгерской территории и участие венгерских войск в наступлении на Югославию».

Участие гитлеровских наиболее высокопоставленных генералов в предательском нападении на Югославию никак не укладывается в рамки выполнения только военных задач.

Я оглашаю еще один документ, предъявленный Трибуналу за № ПС-1195.

9 января 1946 г. из него были зачитаны здесь четыре строки второго раздела.

Настало время огласить его полностью.

«ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ.
ШТАБ ОПЕРАТИВНОГО РУКОВОДСТВА.
ОТДЕЛ Л/ IV (ШТАБ-КВАРТИРА).

№ 00630/41 Секр. дело начальника штаба. Штаб-квартира. 12/IV—41 г.
Ссылаться на: ОКВ/Л/ IV штаб-квартира (№ 4434/41).
Секр. дело начальника штаба 3.IV.41 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УКАЗАНИЯ О РАЗДЕЛЕ ЮГОСЛАВИИ

I. Фюрер дал по вопросу о разделе Югославии следующие указания:

1. Бывшая территория Штирии и Крайны

Территория быв. Штирии, увеличенная к югу на 90 км в ширину и на 10—15 километров в глубину, отходит к области Штирии.

Северная часть Крайны с пограничной линией, проходящей к югу (только на севере, к северу от Лайбаха, согласно карте ОКХ), относится к Каринтии.

Передача территории, занятой главным командованием сухопутных сил, проводится через главное командование армии соответствующим гаулейтером и через окружное управление, поскольку это позволяет умиротворение страны.

Передача территории, занятой итальянцами, подготавливается письмом фюрера к дуче и проводится по непосредственному распоряжению министерства иностранных дел. До этого момента Германия не должна принимать никаких мер.

2. Область Убермур

Область Убермур тесно примыкает к Венгрии в исторических границах. Следует иметь в виду в дальнейшем переселение немцев, проживающих в северо-западной части этой области.

Передачу области Венгрии регулирует главное командование сухопутных сил.

3. Банат

Область от точки пересечения Дравы с венгерской границей до устья Тиссы передается прежде всего под германскую защиту, также и область южнее Дуная, восточнее общей линии устья Морава — Дунай — Пожаровац — Петровац — Вольявац — Княжевич — Калина. Эта область охватывает район медных рудников от Бора, примыкающий с юго-востока, и угольный бассейн.

Названная линия считается исходной и определяет предварительное разграничение. В этой области следует предусмотреть прежде всего германское военное управление под началом ОКХ.

4. Южная Сербия

Область, заселенная болгарскими македонцами, отходит к Болгарии, соответственно этнографической границе.

Предварительное установление границы производится верховным командованием сухопутных войск с учетом военной точки зрения.

5. Старая Сербия

Территория Старой Сербии поступает под германское военное управление под началом ОКХ.

6. Хорватия

Хорватия становится самостоятельным государством в ее этнографических границах. Германии не следует вмешиваться во внутривнутриполитические дела.

7. Остальные территории, включая Боснию и Черногорию: политическое устройство этих областей остается за Италией. При этом можно иметь в виду восстановление самостоятельности Черногории.

Раздел II. ПРОТЯЖЕННОСТЬ ГРАНИЦ

1. Поскольку протяженность границ не установлена, это проводится по согласованию с министерством иностранных дел, уполномоченным по четырехлетнему плану и с рейхсминистром через верховное командование вооруженных сил,

Для верховного командования вооруженных сил штаб оперативного руководства вооруженных сил (Л. IV штаб-квартира) является исполнительным органом.

2. Главное командование сухопутных сил выражает свои пожелания верховному командованию вооруженными силами (штабу оперативного руководства) возможно скорее установить протяженность границ вне области протектората к югу от Дуная, если это не установлено фюрером.

3. Управление экономической группой промышленности ОКВ незамедлительно выражает штабу оперативного руководства (отдел Л) свои пожелания относительно границ области протектората южнее Дуная (раздел 1 № 3).

4. Для итальянцев действуют прежде всего тактические границы армии.

Начальник ОКВ Кейтель».

Документ за подписью подсудимого Кейтеля решительно опровергает лживую версию о якобы непричастности ОКВ к политическим аспектам фашистского плана или заговора.

Германский генералитет был не только послушным орудием в руках Гитлера.

ОКВ, министерство иностранных дел и гестапо сплелись в одно целое. Об этом может свидетельствовать еще и такой документ.

Генерал Недич, бывший премьер-министр квислинговского югославского правительства, в своих показаниях дает интересные сведения, относящиеся к данному вопросу.

Перед тем, как я оглашу небольшую выдержку из его показаний, я должен сказать несколько слов относительно четырех немцев, фамилии которых называет Недич. Он говорит о Краусе, Турнере, Кизеле и Кронхольце.

Доктор Краус был шефом гестапо «зюйд-ост», центр которого находился в Белграде. Доктор Турнер являлся начальником штаба гражданского управления немецкого военного коменданта Сербии. Доктор Кизель являлся заместителем Турнера. Кронхольц не занимал официального поста. Он жил в Югославии еще до войны и был директором немецкого транспортного предприятия «Шенкер Акционергезельшафт». Как оказалось впоследствии, он являлся крупным агентом немецкой разведки. Эти сведения заверены югославской чрезвычайной комиссией по расследованию немецких злодеяний. После этой справки я оглашаю краткую выдержку из показаний сербского квислинга — генерала Недича (документ СССР-288):

«С Кронхольцем я познакомился в период оккупации, еще до того, как я стал премьер-министром. Насколько я помню, его привел ко мне начальник гестапо, доктор Краус. Тогда

Кронхольц настаивал на том, чтобы я принял предложенный пост. Турнер принял меня в присутствии доктора Кизеля и сказал, что он уполномочивает меня через коменданта Сербии генерала Данкельмана создать авторитетное правительство...

...Почти одновременно с созданием моего правительства немцы установили контакт с группой четников под командованием Печанеца, который до того находился в лесах. И этот контакт был установлен через посредничество шефа гестапо, доктора Крауса. Вскоре затем Печанец прибыл в Белград, явился ко мне и предложил свои услуги. Таким образом, мое правительство пришло к созданию первых вооруженных соединений».

Несколько далее в этом же протоколе имеется такая запись показаний Недича:

«Тотчас же после провозглашения моего правительства, в начале сентября 1941 года, ко мне явилась делегация от Драже Михайловича, имевшая своей целью вести переговоры на основании полномочий от Драже Михайловича».

Недич перечисляет условия переговоров, которые не представляют для нас интереса, и затем говорит:

«Я, со своей стороны, принял все эти условия и предложения. Драже получил деньги, и немцы разрешили это». На этом цитата кончается, но мне кажется, что есть еще одно важное место в этом протоколе. Речь идет о посещении Недичем Гитлера и подсудимого Риббентропа. Недич показывает:

«Я заметил, что на приеме у Риббентропа было предъявлено требование, чтобы я предоставил в распоряжение германского рейха для продолжения войны все духовное и материальное достояние Сербии».

Недич утверждает, говоря о своей беседе с Гитлером: «Он кричал на меня, подчеркнул, что распоряжение относительно 100 за одного слишком мягко, что оно должно быть усилено до 1000 за одного. Он прибавил также, что он готов уничтожить весь народ, если сербы будут продолжать действовать как мятежники».

Глава фашистской Германии хотел распоряжаться славянскими странами, как своей собственной вотчиной. В этом ему дружно помогали и генералы, и дипломаты, и промышленники, и разведчики.

При их непосредственном участии готовились и осуществлялись все агрессивные акты.

Я повторяю: германский генералитет был не только послушным орудием в руках Гитлера. Подсудимые Кейтель, Иодль и Геринг лично принимали участие в планировании, подготовке и осуществлении преступлений против народов и государств...

Названные мной подсудимые, так же как Нейрат и Фрик, Ширах и Франк, Зейсс-Инкварт и Риббентроп, являются прямыми виновниками тяжчайших преступлений, о которых я докладывал суду.

Национал-социализм невозможно отделить от понятия войны, это признают сами гитлеровцы.

Говоря другими словами, гитлеризм и агрессивная война — это одно и то же.

И если войны не всегда планируют только военные, то военные их всегда ведут; ответственность за агрессию, за агрессивные войны, за гибель миллионов людей, за зверства, за уничтожение культурных и материальных ценностей ложится всей тяжестью на всех главных военных преступников, сидящих на скамье подсудимых.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ОЛДЕРМАНОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «АГРЕССИЯ ПРОТИВ ЧЕХОСЛОВАКИИ»

*[Из стенограммы заседаний Международного Военного
Трибунала от 3—5 декабря 1945 г.]*

Материалы, касающиеся агрессии против Чехословакии, были собраны в отдельную книгу документов, которую я теперь представляю Трибуналу. Это — «папка документов С». Как Трибунал помнит, в период с 1933 по 1936 год подсудимые стали проводить в жизнь программу перевооружения, направленную к тому, чтобы придать третьей империи военную силу и политическое могущество, которые можно было бы использовать против других наций. Вы также помните, что они с 1936 года начали проводить предварительную программу экспансии, которая, как оказалось, продолжалась до марта 1939 года. Это было рассчитано на то, чтобы расширить их границы, увеличить их промышленные и продовольственные резервы и, как с промышленной, так и со стратегической точки зрения, занять такие позиции, с которых они могли бы начать еще более широкую и разрушительную кампанию агрессии.

В это время, ранней весной 1938 года, когда нацистские заговорщики начали составлять конкретные планы захвата Чехословакии, они осуществили, примерно, половину этой предварительной программы.

Осенью, 5 ноября 1937 г., на совещании в имперской канцелярии Гитлер изложил программу, которой Германия должна была следовать.

Как вы помните, протокол этого совещания, записанный Госсбахом, содержится в документе ПС-386, который я представил Трибуналу под № США-25 во вступительной части моей речи ровно неделю тому назад.

Гитлер сообщил своим военным командирам на этом совещании, что «вопрос для Германии заключается в том, где можно произвести максимальный захват с наименьшими затратами».

В начале повестки дня стояли две страны — Австрия и Чехословакия. 12 марта 1938 г. Австрия была оккупирована германской армией и на следующий день присоединена к рейху.

Пришло время пересмотреть германские намерения в отношении Чехословакии. Более чем через месяц двое из заговорщиков, Гитлер и Кейтель, встретились, чтобы обсудить планы окружения и захвата Чехословацкого государства.

Как Трибунал помнит, Гитлер и Кейтель обсуждали предлоги, которые могли быть использованы Германией в качестве оправдания внезапного сокрушительного нападения. Они рассматривали вопрос о провоцировании дипломатических конфликтов, которые, становясь все более серьезными, оправдали бы развязывание войны. В качестве альтернативы, и эту альтернативу они сочли предпочтительной, они планировали развязать молниеносное нападение в результате инцидента, созданного ими самими. Как указано в Обвинительном заключении и доказано документами, обсуждалась возможность убийства германского посла в Праге для создания этого необходимого инцидента.

Была признана необходимость пропаганды для руководства поведением немцев в Чехословакии и для того, чтобы запугивать чехов. Были обсуждены проблемы транспорта и тактические вопросы для того, чтобы в течение трех дней сломить возможное сопротивление Чехословакии, поставить мир перед совершившимся фактом и исключить возможность вмешательства извне. Таким образом, в середине апреля 1938 года план нацистских заговорщиков о захвате Чехословакии уже достиг стадии практического планирования. Как Трибунал помнит, все это произошло в обстановке «дружеских» дипломатических отношений. На этом фоне и следует рассматривать этот заговор.

Несмотря на то, что руководители германского правительства осенью 1937 года приняли решение уничтожить Чехословацкое государство, они были связаны договором об арбитраже и добровольно данными заверениями уважать суверенитет Чехословакии.

Посредством договора, подписанного в Локарно 16 октября 1925 г., Германия и Чехословакия, с некоторыми исключениями, согласились передавать в арбитражный Трибунал или Постоянной палате международного правосудия все спорные вопросы. Во введении к этому договору было заявлено: «Президент Германской империи и президент Чехословацкой республики, в равной мере преисполненные решимости поддерживать мир между Германией и Чехословакией путем мирного урегулирования разногласий, которые могут возникнуть между двумя странами, заявляя о своем уважении обязательных для международного мира прав, установленных договором или проистекающих из закона наций, соглашаясь признавать, что права

государства не могут быть изменены без его согласия, а также считая, что искреннее выполнение методов мирного урегулирования международных споров дает возможность решить без применения силы вопросы, которые могут привести к разрыву между государствами, — решили придать форму договора своим общим намерениям в этом отношении».

Еще в марте 1938 года нацистские заговорщики давали формальные и категорические заверения в своих добрых намерениях в отношении Чехословакии. 11 и 12 марта 1938 г. во время захвата Австрии Германия была в значительной мере заинтересована в том, чтобы Чехословакия не проводила мобилизации. В то время подсудимый Геринг от имени германского правительства заверил г-на Масарика — чешского посланника в Берлине, что события в Австрии не повлияли отрицательно на германо-чешские отношения. В качестве гарантии своей искренности подсудимый Геринг к своим заверениям добавил: «Я даю вам свое честное слово».

В то же время подсудимый фон Нейрат, который руководил германской внешней политикой во время пребывания Риббентропа в Лондоне, заверил господина Масарика от имени Гитлера и германского правительства, что Германия все еще считает себя связанной Конвенцией об арбитраже 1925 года.

Скрываясь за этими заверениями, нацистские заговорщики продолжали проводить свои военные и политические планы агрессии.

Уже с осени 1937 года было установлено, что непосредственная цель германской политики заключалась в устранении как Австрии, так и Чехословакии. В обеих странах заговорщики предполагали подорвать волю к сопротивлению при помощи пропаганды и деятельности пятой колонны, при одновременном проведении настоящей подготовки к войне.

Австрийская операция, которая по политическим и стратегическим соображениям стала первоочередной, была проведена в жизнь в феврале и марте 1938 года. После этого планирование действий вооруженных сил было направлено на «план Грюн» — условное обозначение плана операций против Чехословакии.

Еще в июне 1937 года были разработаны военные планы действий против Чехословакии.

Совершенно секретная директива ОКВ, направленная на проведение единой подготовки вооруженных сил к войне, подписанная фон Бломбергом 24 июня 1937 г. и объявленная армии, военно-морскому и военно-воздушному флотам, включала следующую военную возможность, для которой необходимо было составить план концентрации: «Война на два фронта, при основном нажиме на юго-восток».

Раздел этой директивы (он был впоследствии изменен), касающейся возможной войны против Чехословакии, начинается следующим вариантом:

«Война на Востоке может начаться неожиданной германской операцией против Чехословакии для того, чтобы парировать неминуемое нападение превосходящей по силе коалиции. Вначале нужно создать необходимые условия для того, чтобы оправдать такие действия с политической точки зрения и с точки зрения международного права».

После указания на возможных в случае таких действий противников и нейтральные страны директива далее гласит:

«Задача германских вооруженных сил заключается в проведении подготовки таким путем, чтобы основная часть вооруженных сил могла бы быстро и неожиданно ворваться в Чехословакию в то время, как на Западе были бы оставлены минимальные силы для того, чтобы прикрывать это нападение с тыла».

Цель этого неожиданного нападения германских вооруженных сил заключается в том, чтобы с самого начала и в течение всей войны устранить угрозу со стороны Чехословакии в тылу операцией на Западе и лишить русские военно-воздушные силы основной части их оперативных баз в Чехословакии. Это должно было быть сделано путем разгрома вооруженных сил неприятеля и оккупации Богемии и Моравии».

Во введении к этой директиве излагается в качестве одного из руководящих принципов следующее заявление:

«Тем не менее политически шаткое международное положение, которое не исключает возможности неожиданных инцидентов, требует со стороны германских вооруженных сил постоянного состояния готовности к войне». И затем ниже:

а) для того, чтобы контратаковать в любое время и

б) для того, чтобы в военных интересах использовать политически благоприятные возможности, если таковые будут иметься».

В этой директиве содержатся указания о негласном проведении дальнейшей подготовки к мобилизации, я цитирую: «...для того, чтобы поставить вооруженные силы в такое положение, при котором они могли бы начать войну внезапно, что застанет противника врасплох как с точки зрения силы удара, так и в отношении времени».

Это, конечно, директива о составлении штабных планов, но характер этого планирования и чрезвычайно ощутимые и зловещные события, к которым она привела, придают этой директиве необычайное значение, которое она не приобрела бы при иных обстоятельствах. Составление планов в соответствии с указаниями этой директивы производилось в течение осени 1937

и зимы 1937—1938 гг. с точки зрения политической. Это планирование захвата Чехословакии было утверждено Гитлером и получило его поддержку на совещании с командующими 5 ноября 1937 г., как указано в протоколе Госсбаха.

Мы знаем, что в начале марта 1938 года перед вступлением в Австрию подсудимые Риббентроп и Кейтель были взволнованы количеством сведений о военных приготовлениях Чехословакии, которые должны были быть переданы Венгрии. 4 марта 1938 г. Риббентроп направил Кейтелю письмо, к которому был приложен для секретного ознакомления Кейтеля протокол совещания со Стояи, местным венгерским послом, который предложил произвести обмен мнениями. В своем письме Кейтелю Риббентроп писал:

«У меня большие сомнения относительно таких переговоров. В случае, если мы будем обсуждать с Венгрией возможные военные замыслы против Чехословакии, существует опасность, что и другие стороны будут информированы об этом. Я буду весьма благодарен, если вы вкратце сообщите мне, были ли взяты какие-либо обязательства в любом отношении. — С наилучшими пожеланиями. Хайль Гитлер».

На совещании Гитлера с Кейтелем, состоявшемся 21 апреля, впервые конкретно обсуждались планы нападения на Чехословакию. После этого совещания, поздней весной и летом 1938 года, был составлен ряд меморандумов и телеграмм. Эти документы, которые тщательно подшивались к делу в ставке Гитлера его исполнительным военным адъютантом полковником Шмундтом, были обнаружены американскими войсками в погребе в Оберзальцберге, близ Берхтесгадена. Отдельные документы в этой папке показывают ярче любого описания ход планирования нацистскими заговорщиками развязывания неспровоцированной и жестокой войны против Чехословакии.

С самого начала нацистские руководители проявляли живейший интерес к сведениям разведки относительно вооружения Чехословакии.

С разрешения Трибунала, я просто хотел бы сослаться на заголовок двенадцатого пункта, а именно: «Краткий обзор вооружения чешской армии, Берлин 9.VI—1938 г.». Там имеется буква «З», инициалы Зейтцлера, а также чрезвычайно секретный документ № 12, озаглавленный: «Вопросы фюрера», Берлин, 9 июня 1938 г. Я хотел бы огласить четыре вопроса из тех, о которых, как об этом свидетельствует документ, Гитлер хотел иметь сведения компетентных лиц. Читаю эти вопросы, которые изложены на страницах 23, 24, 25, 26-й пункта № 13. Вопрос 1-й: «Гитлер спросил о состоянии вооружения чешской армии». По-моему, нет нужды зачитывать ответы. В ответе даны подробные сведения по этому вопросу. Вопрос 2-й: «Сколько

батальонов используется на Западе для строительства оборонительных сооружений?» Вопрос 3-й: «Удерживаются ли оборонительные сооружения Чехословакии уменьшенным количеством войск?» Вопрос 4-й: «Охрана границ на Западе».

Как я сказал, на эти вопросы были получены подробные ответы от верховного командования за подписью полковника Зейтцлера из штаба Иодля.

В качестве предупредительной меры против французов и англичан во время нападения на Чехословакию нацистские заговорщики должны были ускорить строительство оборонительных сооружений вдоль западной границы Германии. Сошлюсь на 8-й абзац 12 страницы из «Большой папки Шмундта». Эта телеграмма, по-видимому, послана Шмундтом из Берхтесгадена в Берлин. Цитирую эту телеграмму: «Сообщите генерал-полковнику фон Браухичу и генералу Кейтелю...» и абзацем ниже: «...фюрер неоднократно подчеркивал необходимость проводить как можно скорее строительство укреплений на Западе».

В мае, июне, июле и августе 1938 года в результате совещаний Гитлера с его политическими и военными советниками была издана целая серия директив о нападении на Чехословакию. Было решено закончить подготовку нападения не позднее 1 октября.

28 мая 1938 г. Гитлер созвал совещание своих основных советников, на котором были даны необходимые инструкции другим заговорщикам о подготовке нападения на Чехословакию.

Позже Гитлер публично признал этот факт.

Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-2360. Это газета «Фелькишер беобахтер» от 31 января 1939 г. В речи в рейхстаге, произнесенной за день до сообщения об этом в газете, Гитлер заявил:

«...Ввиду этой недопустимой провокации, которая усугубилась совершенно невероятным преследованием и террором в отношении наших немцев, живущих там, я принял решение раз и навсегда и на этот раз радикальным образом решить вопрос о судетских немцах. 28 мая я приказал: 1) чтобы подготовка военных действий против этого государства была закончена к 2 октября, 2) я приказал быстро и ускоренно расширить наш оборонительный фронт на Западе».

Через два дня после совещания, 30 мая 1938 г., Гитлер издал измененную военную директиву по «плану Грюн». Директива озаглавлена: «Война на два фронта при основных усилиях на юго-востоке».

Эта директива заменила соответствующий раздел (часть 2, раздел II) предыдущей «директивы о единой подготовке к войне», которая была разослана фон Бломбергом 24 июня 1937 г. и которую я уже представил Трибуналу в качестве до-

казательства под № С-175, США-69. Измененная директива представляет собой новое развитие идей политических и военных действий, которые обсуждались Гитлером и Кейтелем на совещании 21 апреля. Это развитие черного проекта, представленного Кейтелем Гитлеру 20 мая. Документ, который значится под № 5 в папке Шмундта, был подписан Гитлером. Было сделано только пять экземпляров. Три экземпляра с препроводительным письмом Кейтеля были направлены генералу фон Браухичу для армии, Редеру — для военно-морских сил и Герингу — для военно-воздушных сил. В своем препроводительном письме Кейтель отметил, что выполнение этой директивы должно быть обеспечено «не позже 1 октября 1938 г.».

Теперь я оглашу документ, являющийся основной директивой, в соответствии с которой вооруженные силы подготовили «план Грюн».

«1. Политические предпосылки.

Я принял окончательное решение разбить Чехословакию путем военных действий в ближайшем будущем. Задача политических руководителей — выждать и обеспечить подходящий момент с политической и военной точек зрения.

Неминуемое развитие положения внутри Чехословакии или других политических событий в Европе, создающих крайне благоприятные возможности, которые могут вновь никогда не повториться, могут в скором будущем заставить меня перейти к действиям.

Правильный выбор и полное и решительное использование благоприятного момента являются самой верной гарантией успеха. Поэтому следует немедленно сделать соответствующие приготовления.

2. Политические возможности начала действий.

Следующее является необходимой предпосылкой для предполагаемого вторжения:

- a) подходящий предлог;
- b) достаточное политическое оправдание;
- c) неожиданные для врага действия, к которым он будет наименее подготовлен.

Как с военной, так и с политической точки зрения наиболее благоприятный ход событий — это молниеносный удар в результате инцидента, путем которого Германия будет спровоцирована и в силу которого, во всяком случае, часть мирового общественного мнения морально оправдает принятие военных мер.

Но даже период напряженности до войны должен закончиться неожиданными действиями с нашей стороны, которые должны включать в себя элемент внезапности в отношении времени и масштабов до того, как военная подготовка врага достигнет такой точки, которую нельзя будет преодолеть.

3. Подготовка «плана Грюн».

а) Для вооруженного нападения необходимо, чтобы элемент внезапности, как наиболее важный фактор, способствующий успеху, был полностью использован при помощи соответствующих подготовительных мер еще в мирное время и путем принятия быстрого решения. Таким образом, необходимо в течение первых четырех дней создать такое положение, которое ясно показало бы другим странам, желающим вмешаться, безнадёжность военного положения Чехословакии и в то же время дало бы тем странам, которые имеют территориальные притязания на Чехословакию, стимул выступить немедленно против Чехословакии. В этом случае можно ожидать вмешательства Польши и Венгрии против Чехословакии, особенно если Франция, ввиду явной прогерманской позиции Италии, будет бояться или во всяком случае не решится развязать европейскую войну в результате выступления против Германии. Можно ожидать попыток со стороны России оказать военную помощь Чехословакии в основном с воздуха. Если конкретные успехи не будут достигнуты в сухопутных операциях в течение первых нескольких дней, то это, несомненно, приведет к европейскому кризису. Понимание этого должно дать командирам всех родов войск стимул действовать решительно и храбро.

б) Пропагандистская война должна, с одной стороны, угрожать Чехословакии подорвать ее силы сопротивления, а с другой стороны, давать указания национальным группам поддерживать нас в вооруженной войне и оказывать благоприятное для нас влияние на нейтральные страны. Я оставляю за собой право давать дополнительные указания и устанавливать сроки.

4. Задачи вооруженных сил.

Подготовка вооруженных сил должна проводиться на следующей основе:

а) основная масса всех вооруженных сил должна быть использована против Чехословакии;

б) на западе должно быть оставлено минимальное количество сил в качестве тылового прикрытия. Другие границы на востоке против Польши и Литвы должны лишь слегка прикрываться, южные границы должны находиться под охраной;

с) те части армии, которые могут быть быстро использованы, должны форсировать пограничные укрепления с быстротой и решимостью и ворваться в Чехословакию с уверенностью в том, что основная часть мобильной армии последует за ними с максимальной быстротой. Подготовка к этому должна быть проведена и приурочена таким образом, чтобы части армии, которые могут быть быстро использованы, пересекли границу в назначенное время одновременно с проникновением военно-воздушных сил до того, как противнику станет известно о на-

шей мобилизации. (В сноске указывается: «План взаимодействия между армией и военно-воздушными силами должен быть разработан совместно с верховным командованием вооруженных сил и представлен мне на утверждение»).

5. Задание различным родам войск.

а) Сухопутным войскам. Основной принцип внезапного нападения на Чехословакию не должен быть поставлен под угрозу времени, требующегося для переправки основной части полевых сил по железной дороге, а также нельзя потерять инициативу военно-воздушных сил. Поэтому для армии первым делом необходимо, чтобы как можно больше частей было использовано в тот самый момент, когда будет произведено неожиданное нападение военно-воздушными силами. Эти штурмовые колонны должны быть составлены из тех войск, которые могут быть быстро использованы ввиду их близости к границе или их степени механизации и предпринятых специальных мер готовности. Задачей этих ударных групп должен быть подрыв чехословацких оборонительных сооружений в многочисленных пунктах и в стратегически благоприятных направлениях или захват этих укреплений с тыла. Для успеха этой операции будет иметь значение сотрудничество с пограничным населением судетских немцев, с дезертирами из чехословацкой армии, с парашютистами или авиадесантными войсками и с частями службы саботажа. Задача основной массы армии заключается в расстройстве чехословацкого плана обороны, предотвращении возможности со стороны чехословацкой армии избежать...»

Председатель: Нужно ли читать все это подробно?

Олдерман: Я боялся, что это тогда не попадет в протокол.

Председатель: Мне кажется, что все это — подробности плана. Но перед тем, как вы закончите с этим документом, не стоит ли прочесть документ на странице 15, где говорится об этом и указывается дата?

Олдерман: Я думаю, что да.

Это письмо от 30 мая 1938 г., копия 4-го экземпляра: «Верховный главнокомандующий вооруженных сил. Для передачи только через офицера. Написано офицером. Подписано Кейтелем. Направлено главнокомандующим сухопутными силами, флотом и военно-воздушными силами. По приказу главнокомандующего вооруженными силами, часть 2, раздел II директивы о единой подготовке вооруженных сил к войне от 24 июня 1937 г. Война на два фронта с основными усилиями на юго-востоке — стратегическая концентрация «плана Грюн» — должна быть заменена прилагаемым планом. Проведение в жизнь этого плана должно быть произведено не позднее 1 октября 1938 г. В течение ближайших нескольких недель следует

ожидать изменений некоторых частей этой директивы». По приказу главнокомандующего вооруженными силами подписано Кейтелем. Правильность копии удостоверяет полковник генерального штаба Зейтцлер.

Теперь я перейду к предпоследнему абзацу директивы:

«В области военной экономики необходимо, чтобы производство промышленности вооружения было максимально расширено путем увеличения снабжения. В ходе военных операций необходимо способствовать увеличению военно-экономических условий путем восстановления важных предприятий. По этой причине для нас имеет решающее значение не разрушать чехословацкие промышленные предприятия, поскольку военные операции делают это возможным».

Другими словами, нацистские заговорщики за четыре месяца до начала нападения уже учитывали тот вклад, который чехословацкая промышленность внесет в нацистскую военную экономику и в дальнейшие военные усилия нацистов.

В последнем абзаце этой директивы мы читаем:

«Все приготовления к саботажу и восстанию будут сделаны верховным командованием вооруженных сил. Они будут сделаны в соответствии и в согласии с требованиями различных родов войск с тем, чтобы их действия соответствовали бы операциям армии и военно-воздушных сил».

Подписано — Адольф Гитлер. Копия заверена полковником генерального штаба Зейтцлером.

Через три недели, 18 июня 1938 г., Кейтель подготовил и подписал проект новой директивы:

«Непосредственная цель заключается в решении чешской проблемы так, как я этого хочу. Это стоит на первом плане моих политических намерений. Я полон решимости максимально использовать каждую благоприятную политическую возможность для осуществления этой цели...

...Однако я приму решение начать действия против Чехословакии только в том случае, если я буду вполне уверен, как это было при занятии демилитаризованной зоны и вступлении в Австрию, что Франция не выступит и Англия поэтому не вмешается.

Директивы, необходимые для ведения войны, будут мною время от времени издаваться». Внизу имеются инициалы Кейтеля и Зейтцлера.

Вторая и третья части этой директивы содержат общие указания относительно развертывания войск и предупредительных мер ввиду возможности того, что при выполнении «плана Грюн» Франция или Англия объявят Германии войну. Вслед за этим проектом последовали шесть страниц сложных указаний, которые не переведены на английский язык. Эти указания, или план,

являющийся пятнадцатым документом в «папке Шмундта», излагают конкретные меры подготовки армии, флота и авиации для предполагаемых операций, с указанием сроков выполнения.

Подтверждение документов «папки Шмундта» можно найти в дневнике генерала Йодля. Я прочитаю три записи из этого дневника, внесенные весной 1938 года. Хотя первая запись не датирована, она, по-видимому, была внесена через несколько месяцев после захвата Австрии:

«После аншлюсса фюрер отметил, что не приходится спешить с решением чешского вопроса, потому что сначала нужно перевернуть Австрию. Однако следует энергично проводить подготовку к «плану Грюн». Этот план надо будет снова пересмотреть ввиду изменившегося стратегического положения после аншлюсса. Об общем ходе подготовки было доложено фюреру 21.IV.

Намерение фюрера не заниматься чешской проблемой изменилось ввиду стратегической концентрации чешских войск 21.V, которая была осуществлена без какой-либо угрозы со стороны Германии и без какого-либо повода. Ввиду сдержанности Германии это может привести к потере престижа фюрера, а этого он больше не хочет терпеть. Поэтому 30 мая был издан новый приказ в отношении «плана Грюн».

Запись от 23 мая: «Майор Шмундт сообщил о намерениях фюрера. Новые совещания, которые постепенно раскрыли намерения фюрера, состоялись с участием командующего вооруженными силами и руководителей верховного командования ОКВ».

Запись 30 мая: «Фюрер подписал «план Грюн», который, как он заявил, «является его окончательным решением скоро уничтожить Чехословакию». Подписание документа привело к началу военных приготовлений во всех областях. Первоначальные намерения армии должны быть значительно изменены и должны теперь заключаться в немедленном прорыве в Чехословакию в самый первый день, во взаимодействии с военно-воздушными силами.

Дальнейшие подробности имеются в директиве о стратегической концентрации армии. Становится более ясным контраст между интуицией фюрера о том, что необходимо сделать это в нынешнем году, и мнением армии о том, что мы это еще не можем сделать, так как западные державы, несомненно, вмешаются, а мы еще не можем с ними сравниться».

Весной и летом 1938 года военно-воздушные силы также проводили подготовку в связи с предполагаемым осуществлением «плана Грюн» и дальнейшим расширением германской империи.

Совершенно секретный документ от 2 июня 1938 г., изданный военно-воздушной группой 3, озаглавлен «План 1938 года. Указания о распределении войск и военных действиях — «Красный план».

«Красный план» — это условное обозначение возможных действий против западных держав. Он представляет собой еще один штабной план, на этот раз план по мобилизации и использованию военно-воздушных сил в случае войны с Францией. Ему придавалось большое значение, поскольку к этому времени план нападения на Чехословакию прошел уже большую стадию обработки.

Я цитирую второй абзац третьей страницы, в котором имеются ссылки на различные возможности возникновения войны с Францией. Заметьте, что все они основываются на предположениях, что произойдет германо-чешский конфликт.

Я цитирую: «Франция или

а) вмешается в борьбу между Германией и Чехословакией в ходе проведения «плана Грюн», или

б) начнет военные действия одновременно с Чехословакией;

с) возможно, но маловероятно, что Франция начнет борьбу в то время, когда Чехословакия все еще будет находиться в стороне...

...Независимо от того, вступит ли Франция в войну в результате «плана Грюн» или она сделает первоначальный ход в этой войне одновременно с Чехословакией, в любом случае германские ударные военно-воздушные соединения в сотрудничестве с армией первые нанесут решительный удар Чехословакии...»

К середине лета военно-воздушные силы проводили точное и подробное планирование осуществления «плана Грюн».

В начале августа, по указанию генерального штаба ВВС, германский авиационный атташе в Праге осмотрел район Фрейденталь в Чехословакии, к югу от Верхней Силезии, где он искал подходящие посадочные площадки.

Представляю в качестве доказательства документ ПС-1535 под № США-83 — доклад разведывательного отдела генерального штаба ВВС от 12 августа 1938 г. Это совершенно секретный документ, адресованный только генералам. Было составлено только два экземпляра.

В качестве приложения имелся отчет германского авиационного атташе в Праге майора Мерике от 4 августа 1938 г. Цитирую первые четыре абзаца приложенного отчета:

«Генеральный штаб военно-воздушных сил приказал мне обследовать местность района Фрейденталь-Фрейхермарсдорф... с точки зрения возможности совершать там посадки.

С этой целью я поселился в Фрейдентале у промышленника Махольдта. Я сделал это при помощи одного из моих проверенных людей в Праге.

Я строго приказал ему ничего не говорить М. обо мне, особенно о моем официальном положении.

На моем служебном автомобиле я поехал в Фрейденталь, приняв меры к тому, чтобы не быть замеченным».

К 25 августа близость нападения на Чехословакию побудила военно-воздушные силы издать подробный доклад разведки, озаглавленный «Расширение «плана Грюн», другими словами, это была письменная наметка возможных операций со стороны западных держав во время нападения на Чехословакию.

Совершенно секретный меморандум разведывательного отдела генерального штаба военно-воздушных сил, изданный в Берлине 25 августа 1938 г. и основанный на предположении, что Великобритания и Франция объявят войну Германии в ходе проведения «плана Грюн», содержит письменную наметку стратегии и состояния воздушных сил западных держав на 1 октября 1938 г. — дата начала осуществления «плана Грюн». Я цитирую первые две фразы документа. Они идут под заголовком «Первоначальное политическое положение»:

«1. Основное предположение заключается в том, что в ходе проведения «плана Грюн» Франция объявит войну. Предполагается, что Франция решится на войну только в том случае, если она будет уверена в активной военной помощи со стороны Великобритании».

Сведения относительно предполагаемых действий против Чехословакии не были ограничены тесным кругом высших германских чиновников и ведущих членов нацистской партии. Летом союзники Германии — Италия и Венгрия — были оповещены различными путями относительно плана нацистских заговорщиков. Представляю в качестве доказательства документ ПС-2800, найденный в архиве германского министерства иностранных дел. Это секретная запись беседы с итальянским послом Аттолико в Берлине 18 июля 1938 г. В конце документа имеется написанная от руки записка, озаглавленная: «Только для имперского министра», а имперским министром был подсудимый Риббентроп.

Цитирую: «...Мы совершенно ясно дали понять итальянцам, каковы наши намерения в отношении Чехословакии. Он (Аттолико) достаточно хорошо знает назначенный срок, чтобы сейчас поехать в отпуск месяца на два, чего позже он сделать не сможет.

Указывая на позицию других правительств, Аттолико отметил, что румынское правительство отказывалось удовлетворить ходатайство об отпуске своего посланника в Берлине».

Через месяц Муссолини запросил Берлин с просьбой сообщить ему, когда будет приведен в действие «план Грюн». Пред-

ставляю в качестве доказательства документ ПС-2791 — запись германского министерства иностранных дел о беседе с итальянским послом Аттолико. Эта запись подписана буквой «Р», что означает Риббентроп, и датирована 23 августа 1938 г.:

«На пароходе «Патриа» посол Аттолико сообщил мне, что у него есть указание просить германское правительство сообщить предполагаемую дату начала германских операций против Чехословакии.

В случае, если чехи снова будут провоцировать Германию, Германия выступит. Это может произойти завтра, или через 6 месяцев, или, может быть, через год. Однако я пообещал ему, что германское правительство, в случае обострения положения, или как только фюрер примет решение, сообщит об этом главе итальянского правительства как можно скорее. Во всяком случае такое оповещение будет первым делом направлено итальянскому правительству».

Через четыре дня Аттолико попросил, чтобы ему сообщили дату предполагаемого нападения. Я представляю еще один меморандум германского министерства иностранных дел:

«Сегодня в 12 часов меня посетил посол Аттолико и сообщил следующее:

Он получил еще одно письменное указание от Муссолини с просьбой, чтобы Германия своевременно сообщила возможную дату начала операций против Чехословакии. Как заверил меня господин Аттолико, Муссолини просил узнать об этом для того, чтобы иметь возможность своевременно принять необходимые меры на французской границе. Берлин, 27 августа 1938 г. «Р».

Я ответил послу Аттолико, как и в прошлый раз, что я не могу сообщить ему о какой-либо дате, но что во всяком случае Муссолини первый оповещается о любом решении. Берлин, 2 сентября 1938 г.»

Венгрия, которая имеет общую границу с Чехословакией на юго-востоке, с самого начала рассматривалась как возможный участник «плана Грюн». Как вы помните, в начале марта 1938 года подсудимые Кейтель и Риббентроп обменялись письмами по вопросу о включении Венгрии в нацистский план. В то время было принято отрицательное решение, но к середине августа 1938 года нацистские заговорщики уже пытались убедить Венгрию участвовать в нападении.

С 21 по 26 августа адмирал Хорти и некоторые из его министров посетили Германию. Неизбежно состоялось обсуждение чехословацкого вопроса. Я представляю документ ПС-2796 — запись подписанной фон Вейцеккером беседы Гитлера и Риббентропа с венгерской делегацией в составе Хорти, Имреди и Канья на борту парохода «Патриа» 23 августа 1938 г. Во время этого совещания Риббентроп спросил относительно венгерской пози-

ции в случае германского нападения на Чехословакию и заметил, что такое нападение представило бы благоприятную возможность для Венгрии.

Венгры, за исключением Хорти, который хотел зафиксировать венгерское намерение участвовать в плане, не высказывали желания давать какие-либо обязательства. Тогда Гитлер подчеркнул заявление Риббентропа, сказав: «Тот, кто хочет принять участие в еде, должен участвовать и в приготовлении пищи».

Далее я цитирую первые два абзаца этого документа:

«Утром 23 августа, когда между фюрером и регентом Венгрии происходило обсуждение политических вопросов, венгерские министры Имреди и Канья вели переговоры с фон Риббентропом. Господин Вейцеккер также присутствовал на совещании.

Фон Канья поставил на обсуждение два вопроса: 1) переговоры Венгрии с Малой Антантой и 2) чехословацкий вопрос.

Господин фон Риббентроп спросил: какова будет позиция Венгрии, если фюрер осуществит свое решение — ответит силой на новую провокацию Чехословакии? В ответ венгры указали на два рода препятствий. Во-первых, следует быть уверенным в нейтралитете Югославии, если Венгрия двинется на север, а может быть, и на восток. Кроме того, Венгрия только начала вооружаться, и потребуются еще один или два года для того, чтобы развить это вооружение.

Тогда фон Риббентроп объяснил венграм, что югославы не посмеют выступить, находясь в клещах между державами оси. Поэтому одна Румыния не выступит, Англия и Франция также останутся в бездействии. Англия не будет опрометчиво рисковать своей империей. Она знает о нашей мощи. Однако ничего точного нельзя сказать относительно срока, так как все зависит от провокации чехов. Фон Риббентроп повторил, что «тот, кто желает изменить существующее положение, должен использовать благоприятную возможность и выступить».

Таким образом, венгры дали условный ответ. На вопрос Риббентропа о том, какова цель предлагаемых совещаний генеральных штабов, было указано, что будут обсуждаться лишь вопросы вооружения и подготовки к столкновению с чехами. В отношении срока венгерского вмешательства не было установлено, каков будет предлог для этого столкновения.

«Тем временем Хорти в беседе с фюрером говорил более определенно. Он не хотел скрывать своих сомнений относительно позиции Англии, но он хотел зафиксировать намерения Венгрии принять участие. Венгерские министры были и остались настроенными более скептически, так как они более ясно чувствовали непосредственную опасность для Венгрии, фланги которой не были прикрыты.

После полудня Имреди имел совещание с фюрером и совершенно успокоился, когда фюрер объяснил ему, что при данном положении он ничего не требует от Венгрии. Он сам не знает, когда наступит срок. Тот, кто хочет участвовать в еде, должен участвовать и в приготовлении пищи. Если Венгрия хочет созвать совещание генеральных штабов, он не будет возражать».

Мне кажется, что эта фраза насчет еды и участия в приготовлении пищи, пожалуй, самая циничная из всех высказываний, которые когда-либо обсуждались.

На третий день совещания немцы смогли отметить, что в случае германо-чешского конфликта Венгрия будет достаточно вооружена, чтобы выступить 1 октября.

Теперь я представляю еще один отчет германского министерства иностранных дел о беседе между Риббентропом и Канья от 25 августа 1938 г. Читаю последние два абзаца этого документа:

«Несколько дней тому назад Канья, говоря о военной готовности Венгрии в случае германо-чешского конфликта, заявил, что его стране потребуется еще один или два года для того, чтобы достаточным образом развить мощь своего вооружения.

Но сегодня Канья внес изменения в это заявление, сказав, что военное положение Венгрии значительно лучше. Что касается вооружения, то его страна будет в состоянии принять участие в конфликте к 1 октября этого года».

В конце документа имеется неразборчивая подпись, по-видимому, подпись Вейцеккера.

Это описание германо-венгерского совещания снова подтверждается дневником Иодля. В записях от 21 по 26 августа мы читаем:

«Посещение Германии венгерским регентом в сопровождении премьер-министра, министра иностранных дел и военного министра фон Реатц.

Они приехали с мыслью о том, что через несколько лет, в ходе великой войны, с помощью германских войск будет восстановлено старое венгерское государство. Они уезжают, понимая, что мы не имеем к ним ни требований, ни притязаний, но что Германия не потерпит новой провокации со стороны Чехословакии, даже если это случится завтра. Если в тот момент они пожелают принять участие, это их дело.

Однако Германия никогда не будет играть роли посредника между ними и Польшей. Венгры согласились на это. Но они считают, что, когда придет момент, им будет необходимо располагать 48 часами, чтобы определить позицию Югославии».

В результате переговоров с венграми 6 сентября состоялось совещание генерального штаба.

Я вновь цитирую из дневника Иодля. Это запись от 6 сентября: «Начальник генерального штаба генерал артиллерии Гальдер совещался с начальником венгерского генерального штаба Фишером. До этого я сообщил ему о политической позиции фюрера, особенно его приказ о том, чтобы никоим образом не указывать точного срока. То же самое в отношении генерала фон Штюльпнагеля».

Довольно интересно отметить то, что генерал, занимающий такой высокий пост, давал указания по политическим вопросам.

Теперь мы переходим к последней стадии конкретной подготовки к нападению. В конце августа и в сентябре, после того, как был установлен срок (1 октября) введения в действие «плана Грюн», значительно увеличился ритм военных приготовлений. Конкретная подготовка к нападению на Чехословакию шла полным ходом. Теперь нацистские заговорщики посвятили себя техническим подробностям: вопросу о сроках, о мобилизации, о транспорте и о снабжении.

24 августа Иодль поставил свои инициалы на меморандуме, озаглавленном: «Срок приказа о выступлении и вопрос о предварительных мерах». Я хотел обратить особое внимание Трибунала на этот меморандум. Он показывает без какого-либо сомнения соучастие верховного командования вооруженных сил и, в частности, подсудимых Кейтеля и Иодля в бессовестном вызове инцидента в качестве предлога для развязывания войны. Он ярко показывает лживость, варварство и явно преступный характер нападения, к которому Германия готовилась.

Прошу разрешения полностью зачитать этот документ: «Начальнику отдела «Л». Составлено офицером генерального штаба. Совершенно секретно. Передавать только через офицеров. Берлин, 24 августа 1938 г. 1-й экземпляр. Срок приказа о выступлении и вопрос о предварительных мерах.

Стремление германских военно-воздушных сил захватить врасплох неприятельские военно-воздушные силы на аэродромах мирного времени справедливо побуждает их противиться мерам, проводимым до приказа «X» (приказ о выступлении), и требовать, чтобы приказ «X» был дан за день до выступления, чтобы помешать Чехословакии узнать о мобилизации Германии.

Усилия армии направляются в противоположном направлении. Она хочет, чтобы верховное командование вооруженных сил провело все предварительные меры в течение трех дней до выступления с целью гладкого и быстрого проведения мобилизации. Учитывая это, верховное командование сухопутных сил также требует, чтобы приказ «X» был дан не позже чем в 14.00 за день до выступления...

К этому следует добавить, что операции по «плану Грюн» будут начаты в результате «инцидента» в Чехословакии, который

спровоцирует Германию на военное вмешательство. Первостепенное значение имеет установление точного срока этого инцидента.

Срок инцидента должен быть установлен, когда условия погоды будут благоприятными для действия наших превосходящих военно-воздушных сил, с тем, чтобы мы получили об этом известие за день до выступления...

В ответ на это в 14.00 за день до выступления может быть дан приказ «Х».

Но за два дня до выступления флот, армия и авиация получают лишь предварительное предупреждение.

Если фюрер намеревается следовать этому плану действия, то всякое дальнейшее обсуждение является излишним.

Таким образом, более чем за день до выступления не следует принимать никаких предварительных мер, которые не будут легко объяснимы, потому что иначе будет казаться, что мы сами создали этот инцидент. Приказы о проведении совершенно необходимых предварительных мер должны быть даны заблаговременно и замаскированы многочисленными маневрами и тренировкой.

Причем вопрос, поставленный министерством иностранных дел о том, следует ли отзываться заблаговременно всех германских граждан с предполагаемых вражеских территорий, не должен ни в коем случае вызывать до инцидента бросающийся в глаза отъезд из Чехословакии германских подданных. Даже предупреждение дипломатических представителей в Праге невозможно до первого воздушного налета, несмотря на то, что в случае, если они станут жертвами этого налета, последствия могут быть очень серьезными, то есть смерть представителей дружеских или твердо нейтральных держав...

Если по техническим причинам вечерние часы покажутся более подходящими для инцидента, то день выступления должен быть не следующим днем, а через сутки.

Во всяком случае следует действовать по принципу, что до инцидента не должно быть сделано ничего, что могло бы указать на мобилизацию, и что после инцидента (план «Х») должны быть приняты максимально быстрые меры.

Цель настоящего документа указать на то, что вооруженные силы очень заинтересованы в этом инциденте, и на то, что они должны быть заблаговременно оповещены о намерениях фюрера, поскольку разведывательному управлению не поручена организация инцидента.

Прошу узнать решение фюрера по этим вопросам».

В конце страницы этого документа имеются рукописные заметки Шмундта, адъютанта Гитлера. Эти заметки показывают, что меморандум был представлен Гитлеру 30 августа, что Гитлер

согласился действовать в соответствии с этими наметками и что Иодлю было сообщено об этом 31 августа.

3 сентября Кейтель и фон Браухич встретились с Гитлером в Бергхофе. Шмундт вновь вел запись этого совещания. Я читаю этот документ:

«Генерал-полковник фон Браухич докладывает о точном сроке переброски войск в «район маневров» для осуществления «плана Грюн». Полевые части должны быть переброшены 28 сентября. Они тогда будут готовы к действию. Когда будет известен срок выступления, полевые части начнут проводить маневры в противоположном направлении.

Фюрер имеет возражения. Войска должны быть сосредоточены на расстоянии двухдневного перехода от границ, и повсюду должны быть произведены маскировочные маневры. К 12.00 27 сентября верховному командованию сухопутных сил должен быть известен срок выступления».

Заметьте, что фон Браухич сообщил, что полевые войска будут 28 сентября переброшены в соответствующие районы для осуществления «плана Грюн» и что тогда они будут готовы к действию. Вы также видите, что к 12.00 27 сентября верховное командование сухопутными силами должно быть извещено о точном сроке выступления.

На совещании Гитлер излагал свою точку зрения о стратегии германской армии, о силе чешских оборонительных сооружений, которые она встретит на своем пути. Он говорил о возможности «привлечения людей Генлейна». Положение на западе все еще беспокоило его. Шмундт далее отмечает:

«Фюрер дал приказ о расширении западных фортификаций, об улучшении передовых позиций под Аахеном и Саарбрюкеном. Строительство от 300 до 400 площадок для батарей (на 1600 орудий). Он подчеркнул значение обходных маневров».

Через пять дней генерал Штюльпнагель попросил у Иодля письменное заверение в том, что командованию сухопутными силами будет сообщено за пять дней о сроке предполагаемого выступления. Вечером Иодль совещался с генералами авиации относительно взаимодействия сухопутных сил с авиацией в начале операций. Я читаю запись от 8 сентября в дневнике Иодля:

«Генерал Штюльпнагель (ОКХ) просит письменное заверение в том, что верховному командованию армии будет сообщено за пять дней в случае проведения в жизнь плана. Я соглашаюсь и добавляю, что общее метеорологическое положение может быть установлено до некоторой степени только за два дня и что поэтому планы могут быть до этого момента изменены, то есть за два дня до выступления.

Генерал Штюльпнагель отмечает, что впервые он начинает думать, что от предварительных установок плана отказываются.

Предварительный план предполагал, что западные державы не вмешаются решительным образом. Начинает казаться, что фюрер будет придерживаться своего решения, хотя он, может быть, изменил мнение. Нужно также добавить, что Венгрия не проявляет энтузиазма, а Италия держится сдержанно.

Я должен сказать, что я также волнуюсь, когда сравниваю точку зрения на политические и военные возможности в директивах от 24 июня, 5 ноября, 7 декабря 1937 г., 30 мая 1938 г. с последними заявлениями. Несмотря на это, следует учитывать, что другие страны сделают все возможное, чтобы оказать на нас давление. Мы должны выдержать это испытание нервов, но ввиду того, что немногие обладают искусством успешно выдержать это давление, единственно возможное решение — сообщить эти волнующие нас новости лишь узкому кругу офицеров.

С 18.00 до 21.00 — совещание с главнокомандующим армией и начальником генерального штаба ВВС (присутствовали: генерал Иешонек, Каммхубер, Штернбург и я). Мы договорились об опубликовании приказа о выступлении за день до выступления, в 4 часа, о заблаговременном сообщении военно-воздушным силам за день до выступления в 7 часов, срок «4» еще не установлен ввиду того, что некоторые авиачасти расположены на расстоянии часового полета от границы».

Поздно вечером на следующий день, 9 сентября, Гитлер встретился с Кейтелем и генералами Браухичем и Гальдером в Нюрнберге. Доктор Тодт позднее появился на этом совещании, которое длилось с 10 часов вечера до 3.30 утра следующего дня.

На этом совещании генерал Гальдер доложил о заданиях четырем немецким армиям, которые должны были участвовать в нападении: второй, десятой, двенадцатой и четырнадцатой. Гитлер затем произнес речь относительно различных стратегических соображений, которые следовало учитывать при развёртывании нападения. Я цитирую, начиная со слов Браухича:

«Генерал-полковник фон Браухич: Использование моторизованных дивизий обусловлено тяжелым положением на железнодорожном транспорте в Австрии и затруднениями в обеспечении того, чтобы другие дивизии вовремя достигли соответствующих районов пешим маршем. На западе перевозочные средства должны выступать 20 сентября, если день наступления останется прежним. Рабочие должны выехать поэшелонно 23-го. Квалифицированные рабочие останутся на местах в соответствии с решением 2-го армейского командования.

Фюрер не понимает, почему рабочие должны вернуться домой за 11 дней до выступления. В день мобилизации другие рабочие и прочие лица также будут в пути. Кроме того, железнодорожные вагоны будут впоследствии находиться в бездействии.

Генерал Кейтель: Рабочие не находятся в распоряжении местного командования на западе. Железнодорожные составы должны быть собраны.

Фон Браухич: 235 000 рабочих трудового фронта будут мобилизованы. Будет использовано 96 строительных батальонов (включая Восток). 40 000 квалифицированных рабочих останутся на Западе».

Начиная с этого дня нацистские заговорщики занимались составлением подробных планов. 11 сентября подсудимый Иодль совещался с представителем министерства пропаганды относительно методов опровержения нарушений немцами международного права и использования нарушений со стороны чехов. Я оглашаю запись в дневнике Иодля от 11 сентября:

«После полудня — совещание с государственным секретарем Янка в министерстве народного просвещения и пропаганды относительно неизбежных общих задач. Считается особенно важной общая подготовка к опровержению наших нарушений международного права и использование нарушений со стороны противника».

В результате этого совещания отдел «Л» (это — отдел Иодля в составе верховного командования) составил подробный документ, который я представляю Трибуналу.

Это копия подлинника, подписанная карандашом. Как явствует из документа, 1 октября 1938 г. было подготовлено и разослано 7 экземпляров этого документа. Они были посланы командованию сухопутными силами, авиации, военно-морского флота и министерству иностранных дел.

В этом документе содержится список предполагаемых нарушений Германией международного права в связи с вторжением в Чехословакию с предложением органам пропаганды мер относительно ведения соответствующей контрпропаганды. Это чрезвычайно любопытный совершенно секретный документ, и, взглянув на подлинник, вы увидите, как подробно в нем предусмотрены возможные нарушения международного права и соответствующие опровержения пропаганды.

Этот документ составлен в форме таблицы, с левой стороны которой изложены предполагаемые примеры нарушения международного права, а во втором столбце даются конкретные примеры инцидентов. В третьем и четвертом столбцах указана позиция, которая должна быть занята в отношении этих случаев нарушения международного права и законов ведения войны.

Я сначала процитирую из препроводительного письма:

«Прилагается составленный отделом «Л» верховного командования список случаев нарушения международного права, которые можно ожидать со стороны ведущих бои войск.

Представителям родов войск предлагается сообщить свое мнение для того, чтобы можно было составить окончательный текст.

То же самое предлагается сделать министерству иностранных дел.

Начальник штаба верховного командования вооруженных сил». «По приказу подписано: *Бюркнер*».

Я жалею, что у меня, пожалуй, нет времени огласить значительную часть этого документа. Я ограничусь оглашением первых 10 предполагаемых инцидентов и соответствующих оправданий, которые изложены во втором столбце таблицы:

«1. Во время воздушного налета на Прагу уничтожено посольство Великобритании.

2. Англичане или французы убиты или ранены.

3. Градчаны¹ уничтожены во время воздушного налета на Прагу.

4. Ввиду сообщения о том, что чехи применяют газ, дается приказ использовать снаряды с отравляющими веществами.

5. Чешские гражданские лица, не опознанные в качестве военнослужащих, захвачены при совершении актов саботажа (уничтожение важных мостов, уничтожение запасов продовольствия или фуража) или при ограблении раненых или убитых солдат и расстреляны.

6. Захваченные чешские солдаты или гражданские лица используются для строительства дорог или для погрузки боеприпасов.

7. Из военных соображений необходимо реквизировать дома, продовольствие и фураж у чешского населения. В результате этого население страдает.

8. Из военных соображений чешское население в принудительном порядке эвакуируется в тыловые районы.

9. Церкви используются для военных надобностей.

10. При выполнении своих заданий германские самолеты пролетают над польской территорией и втягиваются в бой с чешскими самолетами».

Председатель: Вы закончили оглашение этого документа?

Олдерман: Да.

Председатель: Вам не кажется, что нужно зачитать определение по вопросу о применении газа?

Олдерман: Пожалуй, следует, сэр. Инцидент № 4 — это возможный случай: «Ввиду сообщения о том, что чехи применяют газ, дается приказ использовать снаряды с отравляющими веществами».

¹ Пражский кремль, где сосредоточены важнейшие исторические памятники чешского народа. — Составители.

В ссылке на международное право сказано:

«В соответствии с декларацией от июня 1925 года, принятой 40 государствами, включая Чехословакию, использование отравляющих веществ, ведение химической и бактериологической войны категорически запрещено. Ряд государств сделал оговорку в отношении декларации, запрещающей использование газов, заявив, что в случае использования газов противником они считают, что это запрещение к ним не относится».

А затем в столбце, озаглавленном «Оправдание посредством законов ведения войны», говорится:

«Для того, чтобы мир поверил утверждению о том, что противник (в данном случае чехи) применил запрещенные газы, это утверждение должно быть доказано. Если это возможно, то использование снарядов с отравляющими веществами будет оправдано. Следует публично заявить, что имеются доказательства того, что противник первым совершил преступление. Поэтому особенно важно представить доказательства. Если же это его утверждение является необоснованным или лишь частично обоснованным, то газовую атаку следует изображать лишь как оправданную репрессию, подобно тому, как делали итальянцы во время войны в Абиссинии. Однако в этом случае следует доказать необходимость таких жестоких репрессий».

Председатель: Там есть еще одна небольшая выдержка, которая, по-видимому, имеет существенное значение: указание в отношении случая нарушения под № 10.

Олдерман: Разъяснение под № 10 гласит: «При выполнении своих заданий германские самолеты пролетают над польской территорией и втягиваются в бой с чешскими самолетами».

В следующем столбце о международном праве сказано:

«В соответствии со статьей первой пятой Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г., территория нейтральных государств не должна нарушаться. Преднамеренное нарушение путем полета над этой территорией является нарушением международного права, если нейтральные государства объявили об установлении воздушного барьера для военных самолетов. Если германские самолеты пролетят над польской территорией — это явится нарушением международного права при условии, что не будет дано специального разрешения на подобные действия».

Потом в столбце, озаглавленном «Оправдание посредством законов ведения войны», сказано: «Следует сначала попытаться опровергнуть этот инцидент; если это окажется безуспешным, последует извинение, обоснованное тем, что летчики ошибочно рассчитали курс, и предложение польскому правительству выплатить возмещение за нанесенный ущерб».

10 сентября Гитлер из Нюрнберга издал приказ, согласно которому германская трудовая служба передавалась в распоряжение верховного командования вооруженных сил.

Это совершенно секретный приказ, изданный в 25 экземплярах. Я его оглашаю.

«1. Вся реорганизация германской трудовой службы с 15 сентября ставится под контроль верховного командования армией.

2. Начальник штаба верховного командования вооруженными силами уполномочивается принимать решения относительно первоначальных задач этой организации совместно с руководителем «трудового фронта» и относительно временных заданий со стороны верховного командования флота, армии и ВВС. Когда возникнут вопросы о компетенции, он будет принимать окончательное решение в соответствии с моими указаниями.

3. В настоящее время только непосредственно заинтересованные управления или лица должны быть оповещены об этом приказе.

Адольф Гитлер».

Через четыре дня, 14 сентября, подсудимый Кейтель издал подробные указания относительно использования отдельных частей трудовой службы.

Имеется также другой приказ, приказ подсудимого Иодля от 16 сентября. Мне кажется, стоит только зачитать его заглавие: «Тема: Использование германской трудовой службы на маневрах совместно с вооруженными силами».

Имеются еще две записи в дневнике Иодля, указывающие на задачи верховного командования в середине сентября, лишь за две недели до предполагаемого срока выступления. Я зачитаю запись от 15 и 16 сентября:

«Утром — совещание с главнокомандующим сухопутными силами и начальниками генеральных штабов и военно-воздушных сил. Обсуждался вопрос о том, что предпринять в случае, если фюрер будет настаивать на ускорении сроков выступления ввиду быстрого развития событий.

16 сентября. Генерал Кейтель возвращается из Бергхофа в 17.00. Он красочно рассказывает о результатах совещания между Чемберленом и фюрером. Следующее совещание пройдет 21 или 22 в Годесберге.

С согласия фюрера вечером дается приказ верховному командованию вооруженных сил, главному командованию сухопутных сил и министерству финансов о том, чтобы усиленные пограничные средства были расположены вдоль чешской границы.

Одновременно железным дорогам приказывается тайно готовить подвижной состав для стратегической концентрации

войск с тем, чтобы он мог быть переброшен, начиная с 28 сентября».

Приказ железнодорожным служащим о приготовлении подвижного состава, на который сослался Иодль, значится под № 22 на странице 47 в «папке Шмундта». В этом приказе подсудимый Кейтель дает указания железнодорожным служащим быть готовыми к 28 сентября, но продолжать свою работу по строительству западных укреплений даже после 20 сентября с целью маскировки.

Цитирую первые четыре абзаца этого приказа:

«К 28 сентября железные дороги должны предоставить большое количество вагонов для проведения мобилизационных маневров. В настоящее время это задание имеет первостепенное значение.

Поэтому железнодорожные поставки для производства «известковых работ» («известковые работы» означали, как я полагаю, строительство оборонительных сооружений на западе) должны быть сокращены после 17 сентября, а материалы, погруженные до этого дня, должны быть разгружены к 20 сентября.

Главному командованию сухопутных сил (пятому отделу армейского генерального штаба) надлежит издать дополнительные приказы после консультации с соответствующими властями.

Однако в соответствии с директивой фюрера следует в целях маскировки и для того, чтобы продолжать важные «известковые работы», предпринять все усилия к тому, чтобы продолжать поставку максимально возможного количества материалов даже после 20 сентября 1938 г.».

Предпоследняя стадия агрессии начинается 18 сентября. С этого дня и до 28 был издан целый ряд приказов о дальнейших приготовлениях к нападению. Эти приказы были включены в «папку Шмундта».

18 сентября были даны задания пяти армиям (второй, восьмой, десятой, двенадцатой и четырнадцатой), которые должны были участвовать в операции. Гитлер утвердил план секретной мобилизации пяти дивизий на западе для прикрытия немецкого тыла при осуществлении «плана Грюн». Это «совершенно секретный» приказ, Берлин, 27 сентября 1938 г., 19.20, 45 экземпляров: «Фюрер дал согласие на мобилизацию без предупреждения пяти кадровых западных дивизий (26-й, 32-й, 34-й, 35-й и 36-й). Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами оставляет за собой право издать приказ об использовании рабочей силы в укрепленной зоне и об эвакуации организаций Тодта из этой зоны...»

Главное командование сухопутных сил должно сосредоточить в сборных пунктах за западными укреплениями, во-первых, те части, которые готовы к походу, а затем и остальные части дивизий.

Кейтель».

Представляя здесь подробно документы как доказательства, я полагаю, будет лучше, если мы остановимся на некоторых из них и вспомним порядок, в котором происходили сами факты. Мир никогда не забудет Мюнхенский пакт и международный кризис, который привел к подписанию этого пакта. В августе и сентябре 1938 года, когда этот кризис достигал высшей точки своего развития, государственные деятели всего мира старались сохранить мир. Они очень мало знали тогда о злонамеренных планах, которые гнездились в сердцах и умах этих заговорщиков.

То, что я сегодня предъявляю Трибуналу, — это подготовленная того, что лежало в основании подписания Мюнхенского пакта.

Мы можем теперь записать на страницах истории правду, касающуюся обманов и мошенничеств, практиковавшихся нацистскими заговорщиками в их стремлении достичь своей цели; Мюнхенский пакт явился трамплином для дальнейшей агрессии. Нельзя не вспоминать об этом без того, чтобы снова не переживать всех ужасов войны, угрозы всему миру или страха перед войной, который охватил всех свободолюбивых людей. Надежда на мир, которая пришла с заключением Мюнхенского пакта, оказалась насмешкой, обманом и ловушкой, тщательно подстроенной присутствующими на этом суде подсудимыми. Преступная натура этих людей, подготавливающих эту схему агрессии и войны, доказывается их собственными документами.

Армия и флот продолжали обсуждать вопрос о том, в какой день должно быть произведено нападение. Это расхождение точек зрения видно из заметок, на которых стоят инициалы подсудимого Иудля, датированных 27 сентября. Я зачитаю первые три абзаца:

Заголовок: «Совершенно секретно, передавать только через офицеров — Заметки о совещании. Берлин, 27. IX 1938 года, составлено в четырех экземплярах. Время нападения «Грюн».

В принципе нужно сделать все усилия для того, чтобы координировать нападение армии и воздушного флота в этот назначенный день.

Армия хочет начать наступление на рассвете, то есть примерно в 6.15. Армия также хочет провести некоторые ограниченные операции в ночь, предшествующую наступлению, кото-

рые, однако, не вызовут возбуждения по всему чешскому фронту.

Время атаки воздушного флота зависит от атмосферных условий, которые могут изменить время атаки, а также ограничить пространство операций. Погода за последние несколько дней, например, вызвала бы отсрочку наступления на время, примерно, с 6 до часу из-за чрезвычайно низкой облачности».

Я зачитаю вам последние два параграфа на странице 91:

«Таким образом предлагается: армии совершить нападение, независимо от атаки воздушного флота, в то время, когда это будет удобно для армии — в 6 часов 15 минут, и разрешить проведение ограниченных операций до этого наступления, но только в такой степени, чтобы это не вызвало возбуждения на всем протяжении чешского фронта.

Воздушный флот произведет нападение в свою очередь в то время, которое окажется для него наиболее подходящим».

В конце стоит буква «И», что, очевидно, означает «Иудль».

В тот же день 27 сентября Кейтель послал совершенно секретный меморандум подсудимому Гессу и рейхсфюреру СС Гиммлеру для руководства чиновникам нацистской партии. Я зачитаю первые четыре абзаца этого документа:

«В результате политической ситуации фюрер и канцлер приказал проводить мобилизацию вооруженных сил таким образом, чтобы не обострять политической ситуации изданием приказов о мобилизации или соответствующих шифрованных обозначений.

Эти меры по мобилизации должны проводиться таким образом, чтобы руководство вооруженными силами издало приказы различным партийным и подчиненным им организациям, которые были бы связаны с предыдущими, ранее изданными приказами о мобилизации, о наступлении или изданными ранее специальными шифрованными указаниями.

Особая ситуация делает необходимыми (если даже ранее не было дано никаких шифрованных указаний), чтобы эти требования были выполнены немедленно, без необходимости обращаться к вышестоящим организациям.

ОКВ требует, чтобы все инструкции были немедленно переданы подчиненным организациям для того, чтобы мобилизация вооруженных сил могла быть осуществлена в соответствии с планом».

Теперь я зачитаю последний параграф:

«Верховное командование вооруженными силами далее требует, чтобы все меры, не предусмотренные в плане, которые проводятся партийными организациями или полицией и являются результатом политической ситуации, в каждом случае сообщались заранее верховному командованию вооруженными

силами. Только в этом случае может быть гарантировано, что эти меры будут практически осуществлены.

Кейтель».

Еще две записи в дневнике Иодля показывают ту степень, в какой нацистские заговорщики провели все свои приготовления для нападения уже в период переговоров, которые достигли своей высшей точки в Мюнхенском пакте, подписанном 29 сентября. Я цитирую из дневника Иодля.

Запись от 26 сентября, сделанная за три дня до Мюнхенского пакта, гласит: «Главкомандующий вооруженными силами, действуя через верховное командование армии, приостановил предполагаемое приближение передовых частей к чешской границе потому, что в этом еще нет необходимости, а также потому, что фюрер не хочет пересечь границу до 30-го ни при каких обстоятельствах. Приказ подойти к чешской границе должен быть дан только 27 сентября, но не раньше. Вечером 26 сентября постоянные радиостанции в Дрездене, Бреслау и Вене передаются в распоряжение министерства народного просвещения и пропаганды для того, чтобы препятствовать возможному проведению чешской пропаганды по радио.

Вопрос отдела внешних сношений: можно ли выезжать чехам (из своей страны) и пересекать Германию? Решение главы верховного командования вооруженных сил — да.

В 15.15 глава верховного командования вооруженных сил информировал генерала Штумпфа относительно результатов переговоров в Годесберге и мнении фюрера. Ни в коем случае этот день «X» не будет намечен раньше 30-го.

Очень важно, чтобы мы не дали нам самим втянуться в вооруженное столкновение из-за неправильных сообщений до того, как мы получим ответ из Праги».

Далее приводится вопрос Штумпфа относительно часа «X» и ответ, что в связи с атмосферными условиями одновременное наступление вооруженных сил и армии не может состояться. Армии нужен рассвет, воздушный флот может начать несколько позже из-за частых туманов.

«Фюрер должен решить, кому из командующих следует отдать предпочтение. Мнение Штумпфа таково, что атака армии должна начаться, но фюрер не сделал еще никаких распоряжений относительно наступления на Прагу.

В 20 часов фюрер в Спортпаласе обращается к народу и миру с речью, имеющей большое значение».

Затем следует запись от 27 сентября — 13.20: «Фюрер соглашается, чтобы первый эшелон, предназначенный для первой волны атаки, продвинулся до линии, с которой он может прибыть на место сбора к 30 сентября...»

Приказ, на который ссылается Иодль, также записан Шмундтом. Я прочту его целиком. Этот приказ привел нацистскую армию к трамплину, с которого нацисты начали свою несправивую и чреватую последствиями агрессию:

«28-го сентября 1938 года. Совершенно секретно. Меморандум. В 18 часов 27 сентября фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами приказал вооруженным силам начать продвижение с их тренировочных полей на линию наступления.

Эти ударные отряды (в количестве 21 усиленного полка или 7 дивизий) должны быть готовы, чтобы начать 30 сентября операцию «Грюн» в соответствии с решением, принятым накануне в 12 часов дня».

Этот приказ был передан майором Шмундтом генералу Кейтелю в 13.20 (о чем имеется карандашная пометка Шмундта).

Оставим нацистские армии у границ Чехословакии и обратимся несколько назад, чтобы ознакомиться с другой фазой агрессии против Чехословакии. Военная подготовка к наступлению на Чехословакию не проводилась односторонне. Ей предшествовала хитро задуманная кампания, которая имела своей целью вызвать несколько случаев неподчинения гражданского населения чехословацкому правительству. Употребив здесь тактику, которую они уже разработали, нацистские заговорщики в течение долгого времени применяли разные методы пропаганды и силы. Тут они сконцентрировали свое внимание на лицах, проживающих в Судетской области и примыкающих к ней областях на северо-западе и на юге.

Я обращаю внимание на документ, озаглавленный «Преступления немцев против Чехословакии», и официальный чехословацкий доклад, отправленный чехословацким правительством в МВТ для проведения суда над главными военными преступниками, согласно решению, принятому четырьмя великими державами 8 августа 1945 г.

Я считаю, что документ содержит вполне определенные данные, предусмотренные двадцать первой статьей Устава, и думаю, что этот документ Трибунал примет без доказательств. Поэтому я, с разрешения Трибунала, просто кратко сформулирую материал, помещенный на страницах 9—12 этого документа, для того, чтобы показать фон, на котором действовали впоследствии нацисты в пределах Чехословакии.

Нацистская пропаганда в Чехословакии началась с первых дней существования нацистской партии. В годы, последовавшие за первой мировой войной, германская рабочая национал-социалистская партия (НСДАП) стала активно действовать в Судетской области. В 1932 году руководители Судетского

фольксворта — организации, которая соответствовала нацистской организации СА, — открыто приняли 21 пункт гитлеровской программы, первый из которых требовал объединения всех немцев в «Великую Германию». Вскоре после этого их обвинили в планировании открытого военного выступления в пользу иностранного государства. Они были осуждены за заговор против Чехословацкой республики.

В конце 1933 года национал-социалистская партия в Чехословакии предвосхитила свой роспуск, объявив, что она добровольно расходится, и многие из ее руководителей перебежали в Германию через границу. С год после этого нацистская деятельность в Чехословакии продолжалась подпольно.

1 октября 1934 г. с одобрения и по настойчивой просьбе нацистских заговорщиков инструктор физкультуры Конрад Генлейн организовал германский внутренний фронт «Дейчехейматфронт», который весной следующего года превратился в Судетскую немецкую партию (СНП). Используя опыт чешской национал-социалистской партии, Генлейн отрицал всякую связь с германскими нацистами. Он отрицал пангерманизм и уверял всех в своем уважении к свободе личности, в своей лояльности к демократии и чешскому государству. Его партия тем не менее была построена на нацистском принципе фюрерства, и он стал ее фюрером.

К 1937 году, когда сила нацистской Германии стала очевидной, Генлейн и его последователи заговорили в более агрессивном тоне, требуя без всякого определения то, что они называли «полной автономией Судет». СНП выдвинула предложение чешскому парламенту, которое, по существу, содержало требование создания государства внутри государства.

В марте 1938 года, после аннексии Австрии Германией, генлейновцы, которые теперь уже были открыто организованы по образцу нацистской партии, усилили свою деятельность. Совершенно неприкрытая антисемитская пропаганда начала проводиться прессой Генлейна.

Террор в области, где доминировали генлейновцы, усилился. Организация штурмовых отрядов производилась по принципу нацистских отрядов СС. Они были в это время известны под названием «ФС» или «добровольные стражники».

24 апреля 1938 г. в речи на партийном съезде Генлейн открыто высказал то, что он называл Карлсбадской программой. В этой речи, которая явилась не чем иным, как простым эхом Гитлера и по существу, и по тону, Генлейн уверял, что судетские немцы должны пользоваться правом исповедовать германскую политическую философию, которая, конечно, являлась национал-социализмом.

К концу лета 1938 года генлейновцы уже действовали, полностью заимствуя способы действия нацистской пятой колонны.

На страницах 12 и 16 официального отчета чехословацкого правительства эти меры обобщены в следующем виде:

1) Шпионаж. Военный шпионаж производился СНП, ФС и другими организациями и представителями германского меньшинства в пользу Германии. Они наносили на карту оборонительные линии Чехословакии и передавали информации германским властям о передвижении чешских войск.

2) Нацификация германских организаций в Чехословакии. Члены генлейновской партии систематически проникали во все области жизни германского населения в Чехословакии. Ассоциации и социальные и культурные центры постепенно проходили то, что называлось «чисткой», которую проводила СНП. Среди организаций, которые были завоеваны генлейновцами, были спортивные общества, клубы гребли, общества отставных солдат, а также хоровые кружки. Генлейновцы особенно интересовались тем, чтобы проникнуть в возможно большее количество деловых фирм и привлечь на свою сторону директоров банков, владельцев и директоров фабрик и управляющих коммерческими фирмами. В тех случаях, когда владельцами или директорами были евреи, они пытались добиться сотрудничества технического состава данного учреждения или фирмы.

Генлейновцы находились в постоянной связи с нацистскими чиновниками, назначенными для руководства операциями внутри Чехословакии. Генлейновцы получали инструкции о своей деятельности в качестве «пятой колонны» на совещаниях в Германии, которые проводились под вывеской хоровых фестивалей, гимнастических смотров и всякого рода коммерческих встреч, как, например, «ярмарка в Лейпциге». Когда нацистские заговорщики нуждались в инцидентах для своей войны нервов, эти инциденты должны были быть обеспечены генлейновцами.

Раскольническая и диверсионная пропаганда проводилась в Чехословакии с помощью передач на немецком языке и через немецкую прессу. Геббельс называл Чехословакию «гнездом большевизма» и распространял ложные слухи о том, что русские войска и самолеты концентрируются в Праге. Под германским руководством генлейновцы исподволь проводили свою пропаганду в Судетах, способствовавшую усилению напряжения и созданию инцидентов. Нелегальная фашистская литература тайком ввозилась из Германии и широко распространялась во всех пограничных районах. Генлейновская пресса более или менее открыто проводила нацистскую идеологию среди германского населения в Судетах.

Нацистские заговорщики снабжали генлейновцев, и особенно ФС, деньгами и оружием для того, чтобы те вызывали

инциденты и все время поддерживали страну в состоянии непрекращающихся волнений. Жандармы, таможенные чиновники и другие чешские чиновники постоянно подвергались нападениям. Был объявлен бойкот еврейским юристам, врачам, а также торговцам.

Генлейновцы терроризировали население, не стоявшее на их стороне. Нацистское гестапо проникало в пограничные районы Чехословакии, чтобы увозить чешских граждан в Германию. В некоторых случаях политические враги нацистов были убиты на чешской земле. Нацистские агенты убили профессора Лесинга в 1933 году и Формиса в 1935 году. Оба эти человека бежали из Германии после того, как Гитлер пришел к власти, и искали убежища в Чехословакии.

Через некоторое время после этого, когда не было уже больше необходимости притворяться и обманывать, Конрад Генлейн сделал откровенное заявление относительно миссии, которая была намечена для него нацистскими заговорщиками.

...Я представляю в качестве доказательства документ ПС-3060. Это подлинник рукописного наброска телеграммы, отправленной германским посольством в Праге 16 марта 1938 г. в министерство иностранных дел в Берлине. Очевидно, он написан германским посланником в Праге Эйзенлором. Этот документ показывает, что движение Генлейна было инструментом, марионеткой нацистских заговорщиков. Партия Генлейна, как это явствует из документа, руководилась Берлином и германской миссией в Праге. Она не могла иметь своей собственной политики. Даже речи ее вождей должны были быть согласованы с германскими властями.

Я зачитаю эту телеграмму:

«Прага, 16 марта 1938 года. Министерство иностранных дел. Берлин. Шифрованная телеграмма. Секретно, № 57 (см. директивный приказ № 30 от 14. III).

Взбучка Франку дала положительный результат. Я задал также взбучку Генлейну, который избегал меня последнее время; я также поговорил отдельно с Франком и получил от него следующие обещания:

1) Линия германской внешней политики в таком виде, как она будет передана германской миссией, является единственной политикой и руководством для тактики партии судетских немцев. Мои директивы должны встречаться с безоговорочным повиновением.

2) Публичные речи и выступления в прессе допускаются только под моим наблюдением и с моей санкции. Состав редакции газеты «Цайт» («Время») должен быть улучшен.

3) Руководство партии отказывается от прежней линии непреклонности, которая может в конце концов привести к поли-

тическим осложнениям, и принимает линию постепенного проведения в жизнь интересов судетских немцев. В каждом отдельном случае цели должны быть намечены при моем участии. Проведение их будет происходить параллельно с дипломатическими мероприятиями. Законы о защите национальностей и «территориальной автономии» не должны более подчеркиваться.

4) Если потребуется или будет желательна консультация с берлинскими организациями до того, как Генлейн выступит с какими-либо важными заявлениями по своей программе, они должны быть заранее переданы и подготовлены через миссию.

5) Все сведения, которые партия судетских немцев желает передать германским организациям, должны быть переданы через миссию.

6) Генлейн будет связываться со мной еженедельно и будет приезжать в Прагу всякий раз по моему требованию.

Я теперь надеюсь, что партия судетских немцев будет находиться под твердым контролем, поскольку это теперь более чем когда-либо необходимо в связи с предстоящими событиями в нашей внешней политике. Просьба проинформировать все министерства, заинтересованные в этом, а также центральное управление по расовым вопросам и попросить их, чтобы они поддержали эти единые требования судетской партии».

Подпись неразборчива.

Взбучка, которую получил Генлейн от Эйзенлора, произвела желаемые результаты. Через день после того, как эта телеграмма была отправлена из Праги, Генлейн обратился к Риббентропу с униженным письмом, в котором просил разрешения лично срочно переговорить с ним.

Я представляю это письмо, захваченное в архиве германского министерства иностранных дел. Оно датировано 17 марта 1938 г.:

«Высокопочтимый министр иностранных дел!

Я очень рад, что события в Австрии разворачиваются так благоприятно, и я считаю своим долгом выразить нашу благодарность всем тем, кто участвовал в этом новом достижении нашего фюрера.

Я прошу вас, высокопочтимый министр, принять, в связи с этим, искреннюю благодарность судетских немцев.

Мы хотим проявить и показать фюреру нашу благодарность тем, что удвоим наши усилия и нашу верную службу политике великой Германии. Новая ситуация требует пересмотра политики судетских немцев. С этой целью я нижайше прошу вас дать мне возможность весьма срочно лично переговорить с вами.

Имея в виду необходимость такого выяснения вопроса, я отложил на 4 недели общенациональный конгресс партии, который был назначен на 26—27 марта 1938 года.

Я буду очень благодарен, если посол, доктор Эйзенлор и один из моих ближайших помощников получит разрешение принять участие в аудиенции, о которой я прошу.

Хайль Гитлер!

Преданный вам *Конрад Генлейн*».

Вы заметите, что Конрад Генлейн очень ясно представлял себе, что захват Австрии создавал возможность принятия новой политики в отношении Чехословакии. Вы также заметите, что он уже находился в достаточно тесной связи с Риббентропом и германским посланником в Праге, чтобы считать возможным попросить весьма срочного личного разговора.

Риббентроп не оставил без ответа просьбу Генлейна, и разговор, о котором он просил, состоялся 29 марта 1938 г. в министерстве иностранных дел в Берлине. За день до этого Генлейн совещался с самим Гитлером.

Я представляю запись совещания в министерстве иностранных дел 29 марта и зачитаю некоторые выдержки из этого документа:

«Г-н рейхсминистр начал с того, что подчеркнул необходимость держать это совещание в секрете. Он затем объяснил, имея в виду указания, которые дал Генлейну сам фюрер в личном разговоре с ним за день до этого, что перед совещающимися стояли два вопроса. Оба они касаются политики судетско-немецкой партии...

Цель переговоров, которые должна вести партия судетских немцев с чехословацким правительством, такова: избежать вступления в правительство путем расширения и постепенной спецификации требований. Должно быть ясно подчеркнуто, что в этих переговорах с чехословацким правительством участвует лишь партия судетских немцев, но не имперский кабинет. Сам имперский кабинет должен отказаться от того, чтобы выступать перед пражским правительством или в Лондоне или в Париже как защитник или миротворец на стороне судетских немцев. Совершенно очевидно, что во время будущих переговоров с чехословацким правительством судетские немцы будут находиться под строгим контролем Конрада Генлейна, будут держать себя дисциплинированно и спокойно и будут всячески избегать неосторожных поступков. Те гарантии, которые уже дал до этого Конрад Генлейн в этой связи, вполне удовлетворительны.

Вслед за этими общими объяснениями, данными имперским министром, были изложены и в принципе одобрены требования

партии судетских немцев, предъявленные к чехословацкому правительству и содержащиеся в приложении. Для дальнейшего сотрудничества Конрад Генлейн был инструктирован относительно того, что он должен будет находиться в наивозможно тесной связи с имперским министром и главой управления по расовым вопросам, а также и с германским послом в Праге, который являлся местным представителем министерства иностранных дел. Задача германского посла в Праге должна будет состоять в том, чтобы поддерживать законные требования партии судетских немцев, но, конечно, не официально, а в частных разговорах с чешскими политическими деятелями без того, чтобы оказывать прямое давление на них в размерах требований партии.

В заключение был поднят вопрос о том, принесет ли какую-нибудь пользу, если партия судетских немцев будет сотрудничать с другими национальными меньшинствами, в особенности со словаками. Г-н рейхсминистр решил, что партия должна поддерживать контакт с другими национальными группами, если будет целесообразно создать там параллельное движение».

Довольно интересен также список тех, кто участвовал в этом совещании: Генлейн, его главный заместитель Карл Герман Франк и два других представляли партию судетских немцев; Гаусгофер — геополитик и обергруппенфюрер СС Лоренц представляли «Фольксдейче Миттельштелле», центральное управление по расовым вопросам; министерство иностранных дел было представлено 8 делегатами, а в это число входил Риббентроп, который был председателем и главным образом выступал на этом совещании; фон Макензен, Вейцеккер, посланник Эйзенлор — представитель германского посольства в Праге.

В мае Генлейн приехал в Берлин для дальнейших переговоров с нацистскими заговорщиками. В то время «план Грюн» был уже разработан, и можно с уверенностью предположить, что Генлейн был вкратце информирован о той роли, которую он должен был сыграть летом.

Теперь я докажу, что с 1935 года партия судетских немцев секретно субсидировалась министерством иностранных дел Германии. В доказательство этого я представлю документ ПС-3059. Этот меморандум подписан Верманном и датирован: Берлин, 19 августа 1938 г. Это — меморандум генлейновской партии, в котором она требует добавочных фондов. Я сейчас зачитаю отрывки из этого меморандума:

«Партия судетских немцев субсидировалась министерством иностранных дел регулярно, начиная с 1935 года, известными суммами, которые состояли из ежемесячной дотации в 15 тысяч марок, 12 тысяч марок из них передавалось в пражскую миссию наличными, а 3 тысячи марок выплачивались берлинским

представителям партии (бюро Бюргера). В течение последних месяцев задача, которая была возложена на бюро Бюргера, значительно расширилась в связи с текущими переговорами с чешским правительством. Целая серия брошюр, карт, которые сейчас печатаются и распространяются, увеличилась; пропаганда, проводимая через прессу, также невероятно расширилась. Затраты наши увеличились, особенно потому, что появилась необходимость в получении достоверной информации. Расходы на поездку в Прагу, Лондон и Париж (включая сюда же и финансирование поездок представителей судетских немцев и агентов) возросли на очень большую сумму. В связи с этим бюро Бюргера не может больше довольствоваться суммой в 3000 марок, и поэтому г-н Бюргер просит увеличить сумму до 5,5 тысяч марок ежемесячно. Имея в виду значительное расширение деятельности бюро, а также важность его функции, принимая во внимание сотрудничество бюро с министерством иностранных дел, это ходатайство должно встретить самую серьезную поддержку. Это требование было представлено для одобрения. В нем содержалась просьба разрешить увеличить выдачи задним числом, начиная с 1 августа».

Подписано: Верманн. Под этой подписью есть сноска: «Центральному управлению по расовым вопросам будет информировано политическим отделом». (Рукописная пометка на полях).

Мы можем только предположить, какую финансовую поддержку получило движение Генлейна от других организаций германского правительства. С развитием военной подготовки нападения правительство хорошо использовало Генлейна и его последователей в своих целях. Примерно 1 августа атташе военно-воздушных сил при германской миссии в Праге — майор Мерики, действуя согласно инструкции из главного штаба военно-воздушного флота в Берлине, посетил лидера судетских немцев в Фрейдентале. С его помощью и в сопровождении руководителя ФС этой области он обследовал окружающий район для того, чтобы найти подходящие места для аэродромов, которые в будущем должны были быть использованы немцами. Лидер ФС, чешский резервист, тогда находившийся в отпуске, был одет в форму чешской армии, что, как заметил атташе, являлось прекрасной маскировкой.

В последней части донесения атташе военно-воздушных сил есть ссылка на наличие надежных агентов и информаторов. Он их назвал «люди В». Очевидно, они набирались из рядов партии Генлейна. Было подчеркнуто, что эти агенты находились в связи с «Абверштелле» — управлением разведки в Бреслау.

В сентябре, когда нацистская пропаганда достигла своей кульминационной точки, национал-социалисты уже не были удовлетворены тем, что они играли на требованиях судетских нем-

цев об автономии. Они решили использовать также и словаков.

19 сентября министерство иностранных дел в Берлине послало следующую телеграмму германской миссии в Праге: «Поставьте в известность заместителя Кундта, что Конрад Генлейн просит, чтобы он вошел в контакт со словаками немедленно и заставил их выдвинуть требование об автономии завтра же». Подписано: «Альтенбург».

Кундт был представителем Генлейна в Праге.

Когда чешское правительство потребовало приостановить беспорядки в Судетах, министерство иностранных дел Германии перешло к угрожающим дипломатическим демаршам и намеренно усиливало напряженную атмосферу между двумя странами.

В последней половине сентября Генлейн и его последователи полностью занялись подготовкой германской агрессии. Примерно 15 сентября 1938 г. после вызывающей речи Гитлера в Нюрнберге, в которой он обвинял Бенеша в пытках и в том, что он планировал уничтожение всех судетских немцев, Генлейн и Карл Герман Франк убежали в Германию для того, чтобы избежать ареста со стороны чешского правительства. Из своей штаб-квартиры в замке Бандорф, недалеко от Байрейта, Генлейн поддерживал тесный контакт с ведущими нацистскими заговорщиками, в том числе с Гитлером и Гиммлером. Он руководил деятельностью судетских немцев в пограничной полосе и начал формировать «свободный корпус» в качестве вспомогательной военной организации. Деятельность Генлейна проводилась с помощью и при участии нацистских лидеров. Подполковник Кехлинг был причислен к Генлейну как консультант и советник по организации «свободного корпуса» судетских немцев. На совещании с Гитлером (вечером 17 сентября) Кехлинг получил широкие полномочия.

На этом совещании было заявлено, что целью «свободного корпуса» является поддержание и создание беспорядков и столкновений. Я читаю § 25, рукописную заметку — «совершенно секретно» на странице 49 «папки Шмундта»:

«Вчера произошло совещание между фюрером и подполковником Кехлингом, продолжавшееся 7 минут. Подполковник Кехлинг будет полностью и непосредственно подчиняться ОКВ, он будет прикомандирован к Генлейну в качестве консультанта и получит от фюрера очень широкие военные полномочия по организации военных групп. «Свободный корпус» судетских немцев будет подчиняться непосредственно Генлейну. Цель его — защита судетских немцев, а также организация беспорядков и конфликтов. «Свободный корпус» будет сформирован в Германии, вооружение — исключительно австрийское. Деятельность «свободного корпуса» должна начаться как можно скорее...»

Отчет Генлейна был найден в ставке Гитлера и содержит хвастливые замечания относительно операции «свободного корпуса». Я читаю два последних абзаца:

«После 19 сентября, участвуя более чем в 300 заданиях, «свободный корпус» выполнил свою задачу с удивительным военным воодушевлением. Слово «атака» теперь заменено словом «оборона»; это было сделано с таким рвением, которое зачастую достигало исключительного самопожертвования. Вот каков был результат первой фазы деятельности корпуса: более 1500 пленных, 25 пулеметов и большое количество другого оружия и снаряжения. Кроме того, противник понес тяжелые потери ранеными и убитыми. Под «врагами» подразумеваются чешские террористы». Генлейн поддерживал тесную связь с адмиралом Канарисом из отдела разведки верховного командования вооруженных сил, а также с СС и СА. Офицером связи между СС и Генлейном был Готлиб Бергер (СС).

Наступательные операции вдоль чехословацкой границы не ограничивались стычками, которые проводились «свободным корпусом». Два батальона СС «Мертвая голова» действовали вдоль границы на чешской территории близ Эйхе.

...28 сентября подсудимый Кейтель дал указание, что, как только германская армия перейдет чешскую границу, «свободный корпус» будет получать приказы от ОКХ. В совершенно секретном приказе верховного командования Кейтель раскрывает, что подчиненные Генлейну части уже действуют на территории Чехословакии.

Я зачитаю документ 34 «папки Шмундта», три последних параграфа этого приказа:

«Для «свободного корпуса» Генлейна и частей подчиненных остается в силе тот принцип, что они получают указания непосредственно от фюрера и что они производят свои операции только совместно с компетентным корпусом генерального штаба. Передовые части «свободного корпуса» должны будут доложить местному командованию пограничных отрядов перед самым пересечением границы.

Эти части, которые останутся за пограничной линией, в своих собственных интересах должны, поскольку возможно, поддерживать связь с пограничной охраной.

Как только армия пересечет чешскую границу, генлейновский «свободный корпус» будет передан в распоряжение ОКХ. Поэтому будет целесообразным установить уже сейчас сектор действий «свободного корпуса», который позднее может быть включен в систему армии».

30 сентября, когда уже стало ясно, что результатом Мюнхенского пакта будет мирная оккупация Судетской области, Кейтель отдал приказ о том, что «свободный корпус» Генлейна дол-

жен быть передан под непосредственное руководство Гимmlера.

...Первое посещение Германии Чемберленом состоялось 15 сентября 1938 г. Чемберлен вылетел в Мюнхен и прибыл туда 15 сентября в 12 ч. 30 м. Он на поезде выехал из Мюнхена в Берхтесгаден, куда прибыл в 4 часа, а оттуда на машине в Бергхоф, куда приехал в 16 ч. 50 м. Там он имел три беседы с Гитлером. 16 сентября Чемберлен вернулся на самолете в Лондон.

Второе посещение состоялось 22 сентября. Чемберлен встретился с Гитлером в Бад-Годесберге в 17 часов и имел с ним трехчасовую беседу, но к соглашению они не пришли. 23 сентября беседа была возобновлена в 22 ч. 30 м. 24 сентября Чемберлен вернулся в Лондон.

Третье посещение произошло 29 сентября. Чемберлен прилетел в Мюнхен. Встреча между Чемберленом, Муссолини, Даладье и Гитлером состоялась в 1 ч. 30 м. дня в Коричневом доме. Закончилась она 30 сентября в 12 ч. 30 м. дня, когда было подписано Мюнхенское соглашение (между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой)... Я ограничусь тем, что скажу сейчас, что это соглашение предусматривало передачу Чехословакией Судетской области Германии. От Чехословакии требовалось согласие.

1 октября 1938 г. германские войска начали оккупацию Судетской области. Во время подписания Мюнхенского соглашения вооруженные силы Германии были в полной готовности к нападению. Они ждали только приказа от Гитлера начать свое выступление.

По вступлении германских вооруженных сил в Судетскую область «Генлейнс Судетендейче партей» была слита с национал-социалистской партией Гитлера. Генлейн и Карл Герман Франк были назначены соответственно гаулейтером и заместителем гаулейтера в Судетской области. В тех частях Чехословацкой республики, которые оставались свободными, партия судетских немцев оформилась как национал-социалистская германская рабочая партия в Чехословакии во главе с Кундтом, тоже заместителем Генлейна.

Таким образом была подготовлена почва для следующих действий нацистских заговорщиков для захвата остальной части Чехословакии. После завершения оккупации Судетской области и включения чехов, говоривших на немецком языке, в границы «Великого рейха» можно было бы ожидать, что нацистские заговорщики будут удовлетворены.

...Однако Гитлер и Кейтель уже вели подготовку военных сил, необходимых для того, чтобы сломить сопротивление Чехословакии в Богемии и Моравии.

21 октября ... была составлена директива относительно захвата остальной территории Чехословакии. Она была завизирована Кейтелем и подписана Гитлером.

В этой директиве, изданной только три недели спустя после захвата Судетской области, нацистские заговорщики уже рассматривали возможность новых завоеваний. Я цитирую первый раздел основной части документа:

«Будущие задачи вооруженных сил и подготовка к ведению войны, вытекающая из этих задач, будут изложены мною в другой, более поздней директиве. До того, как эта директива вступит в действие, вооруженные силы должны быть в любое время готовы на всякий случай к тому, чтобы:

1. Обеспечить безопасность границ Германии и охрану от возможных воздушных налетов.

2. Ликвидировать остальную часть Чехословакии.

3. Оккупировать район Мемеля...

Ликвидация остальной части Чехословакии.

Должно быть возможно в любой момент разбить остальную часть Чехословакии, если ее политика станет враждебной по отношению к Германии.

Подготовка должна проводиться вооруженными силами в данном случае в значительно меньших размерах, чем подготовка «плана Грюн». Однако эти подготовительные мероприятия должны гарантировать продолжительное и значительно более высокое состояние готовности в силу того, что были прекращены плановые меры по мобилизации. Организация, порядок ведения боевых действий и состояние готовности частей, предназначенных для этой цели, должны в мирное время проводиться для неожиданного нападения на Чехословакию так, чтобы Чехословакия была лишена всякой возможности организованного сопротивления. Целью является — быстро оккупировать Богемию и Моравию и отрезать Словакию. Подготовка должна быть такой, чтобы были предусмотрены в то же время мероприятия по защите западной границы.

Подробно задача армии и воздушного флота заключается в следующем:

а) Армия: Части, расположенные поблизости к Богемии и Моравии, и несколько моторизованных дивизий должны быть предназначены для неожиданного нападения. Их число будет определено силами, которые остаются в Чехословакии. Должен быть обеспечен быстрый и решающий успех. Должны быть произведены концентрация войск и подготовка для атаки. Силы, которые не предназначены для атаки, должны находиться в состоянии готовности с тем, чтобы они могли или обеспечить охрану границ или быть посланными вслед за атакующей армией.

б) Воздушные силы: Быстрое наступление германской армии должно быть обеспечено предварительным уничтожением военно-воздушных сил Чехословакии.

С этой целью должно быть подготовлено неожиданное нападение с баз мирного времени. Понадобятся ли для этой цели более мощные военно-воздушные силы, определится только развитием военной обстановки в Чехословакии. В то же самое время должна производиться концентрация остальных сил для подготовки наступления на Западе».

Третья часть этого документа озаглавлена «Аннексия Мемельского района».

Двумя месяцами позднее, 17 декабря 1938 г., подсудимый Кейтель издал дополнительный приказ, в котором говорилось, что по приказу фюрера дополнительные мероприятия по ликвидации Чехословакии должны продолжаться.

Я прочту основную часть этого приказа:

«В дополнение к директиве от 21 октября 1938 г.

Тема — ликвидация остальной части Чехословакии.

Фюрер издал следующий дополнительный приказ:

Подготовка к проведению этого мероприятия должна продолжаться с учетом того, что не ожидается никакого сколько-нибудь значительного сопротивления.

Для остального мира также должно быть ясным, что это является всего лишь пацифистским мероприятием и здесь нет ничего, похожего на войну.

Поэтому это мероприятие должно проводиться в жизнь вооруженными силами в составе мирного времени без подкрепления путем мобилизации. Необходимая готовность для действий, особенно обеспечение снабжения, должна проводиться внутри частей.

Подобным же образом части армии, которые назначены для этой операции, как правило, должны оставить свои квартиры только ночью накануне пересечения границы, и их не следует первоначально располагать в боевом порядке вдоль границы. Транспорт, необходимый для проведения в жизнь предварительных мероприятий, должен быть ограничен до минимума и как можно лучше замаскирован. Необходимые передвижения, если такие будут, отдельных частей и в особенности моторизованных частей к местностям, где будут проводиться маневры, то есть близ границ, должны проводиться только лишь с согласия фюрера.

Воздушные силы должны действовать в соответствии с аналогичными общими директивами.

По тем же причинам исполнение административных обязанностей возлагается на высшее командование армии только на вновь оккупированной территории и на короткий промежуток времени». Подписано: «Кейтель».

По мере того как германские вооруженные силы развивали свои планы относительно того, что уже заранее предусматривалось как легкая победа, германское министерство иностранных дел также выполняло свою роль. Во время обсуждения вопроса об улучшении германо-чешских отношений с чешским министром иностранных дел в Берлине Хвалковским 21 января 1939 г. Риббентроп требовал от чешского правительства быстрого сокращения чешской армии. Я предъявляю документ ПС-2795. Это захваченный документ германского министерства иностранных дел, содержащий изложение этой беседы. Я прочту только лишь заметку, сделанную рукой Риббентропа:

«Я указал Хвалковскому особенно на то, что, по нашему мнению, быстрое сокращение чешской армии будет иметь решающее значение».

Исходя из того, что не будет оказано сопротивления, которое заслужило бы внимания, в этом приказе было подчеркнуто, что нападение на Чехословакию должно быть хорошо замаскировано, чтобы это не было похоже на военное действие. «Для внешнего мира, — говорится в приказе Кейтеля от 17 декабря, — это должно быть просто мероприятием мирного характера, а не военной операцией».

Таким образом, в начале 1939 года германское верховное командование уже провело в жизнь основной план военных действий против искалеченной Чехословацкой республики.

Я перехожу сейчас к описанию тайного и преступного метода, к которому прибегали нацистские заговорщики с тем, чтобы предотвратить возможность серьезного сопротивления германской армии. Как это было в случае с Австрией и Судетской областью, нацистские заговорщики не полагались только на вооруженные силы для достижения своей обдуманной цели — ликвидации Чехословакии.

После того как германское меньшинство было отделено от Чехословакии, оно больше не могло говорить: «Домой, в Германию». Значительное национальное меньшинство — словаки все еще оставались в рамках Чехословацкого государства.

В этом месте я хочу заметить, что после захвата Судетской области чехословацкое правительство приложило все усилия к тому, чтобы удовлетворить требования словацких экстремистов. Словакии была предоставлена автономия с автономным кабинетом и парламентом в Братиславе. Тем не менее, несмотря на эти уступки, нацистские заговорщики нашли в Словакии плодотворную почву для проведения своей тактики.

Нацистская пропаганда и разведывательные группы были давно заинтересованы в поддержании тесного контакта со словацкой автономной оппозицией. Когда в 1939 году Бела Туку, ставшего позднее премьер-министром марионеточного государства

Словакии, судили за шпионаж и государственную измену, то было доказано, что он уже до того времени установил связи с нацистскими группами в Германии. До 1938 года нацистские агенты поддерживали тесный контакт со словацкими предателями, находившимися в ссылке, и пытались установить более выгодные связи с полуфашистской католической народной партией Глинки. В феврале и июле 1938 года лидеры движения Генлейна совещались с руководящими членами партии Глинки и согласились на том, чтобы оказывать друг другу взаимную помощь при предъявлении соответствующих требований на автономию.

Эта договоренность оказалась полезной в сентябре, когда в надлежащий момент германское министерство иностранных дел послало телеграмму в Прагу руководителю генлейновцев Кундту с указанием о том, чтобы он предложил Словакии выдвинуть свои требования на автономию.

К середине лета 1938 года нацисты находились в прямом контакте с представителями словацкого движения и имели платных агентов среди руководителей партии Глинки. Эти агенты обязались сделать невозможным какое-либо соглашение между словацким автономным движением и словацкими партиями, с одной стороны, и с правительством в Праге — с другой.

Ганс Хармазин, который впоследствии стал фольксгруппенфюрером, был назначен нацистским руководителем в Словакии и утверждал, что служит делу словацкой автономии, хотя на самом деле он был платным агентом нацистов. 22 ноября нацисты послали неосторожную телеграмму Хармазину о том, чтобы он получил деньги в германской миссии в Праге. Цитирую эту телеграмму, посланную германским посольством в Праге в г. Братиславу (Прессбург):

«Уполномоченный Кундт просит сообщить статс-секретарю Хармазину, чтобы он лично получил деньги, которые имеются для него в кассе посольства.

Г л и н к а».

Хармазин оказался чрезвычайно полезным для дела нацистов. Хотя это нарушает хронологический порядок представления материалов, я хотел бы в настоящее время представить в качестве доказательства захваченный меморандум германского министерства иностранных дел от 29 ноября 1939 г. Этот документ, составленный через восемь месяцев после захвата Чехословакии, бросает свет на деятельность как Хармазина, так и германского министерства иностранных дел. Цитирую этот меморандум:

«Вопрос о выплате средств Хармазину. Хармазин получит от ВДА¹ 30 000 марок до 1 апреля 1940 года, а затем по 15 000 марок в месяц.

Кроме того, центральное управление по делам немцев, живущих за границей, перевело в германскую миссию в Братиславе (Прессбург) 300 000 марок для Хармазина, которые он может использовать в случае крайней необходимости.

Помимо этого, Хармазин получил деньги от имперского министра Зейсс-Инкварта; в настоящее время невозможно установить, какие суммы были выплачены и продолжается ли выплата этих сумм.

Поэтому предполагается, что Хармазин обеспечен достаточным количеством денег; следует подождать, пока он сам не предъявит новых требований.

Этот документ направляется имперскому министру иностранных дел.

Верманн».

Приведенный документ показывает участие германского министерства иностранных дел в субсидировании преступных организаций за границей. Более того, он показывает, что немцы все еще считали необходимым предоставлять значительные средства своим подпольным представителям в Прессбурге даже после создания так называемого независимого словацкого государства.

Зимой 1938—1939 гг. подсудимый Геринг совещался с Дурканским и Махом, руководителями словацкой группы экстремистов, которых сопровождал Хармазин. Словаки сообщили Герингу о своем стремлении к тому, что они называли независимостью при самых тесных политических, экономических и военных связях с Германией. Они обещали, что еврейский вопрос будет решен таким же образом, как и в Германии, и что коммунистическая партия будет запрещена. Как указано в протоколе этого совещания, Геринг считал, что следует поддержать стремление словаков к независимости, но, как явствует из документа, его мотивы вряд ли можно назвать альтруистическими.

Протокол беседы Геринга с Дурканским был обнаружен в архивах германского министерства иностранных дел.

Я оглашу этот протокол, составленный в телеграфном стиле: «Вначале Дурканский² оглашает декларацию. Содержание: «Дружба с фюрером; благодарность за то, что посредством фюрера словаки смогли получить автономию». Словаки никогда не хотели принадлежать Венгрии. Словаки хотят полной независимости при самых тесных политических, экономических и военных

¹ ВДА — народная лига немцев, живущих за границей. — Составители.

² Дурканский — заместитель премьер-министра. — Составители.

связях с Германией; Братислава будет столицей. Выполнение этого плана возможно только в том случае, если армия и полиция будут словацкими.

Независимость Словакии должна быть провозглашена на первой сессии словацкого законодательного собрания. В случае проведения плебисцита, большинство выскажется за отделение от Праги. Евреи будут голосовать за Венгрию. Район плебисцита будет простирается до пограничной области, где проживает большое количество словаков.

Еврейская проблема будет решена таким же образом, как и в Германии. Коммунистическая партия будет запрещена.

Немцы в Словакии не хотят принадлежать Венгрии, а хотят остаться в Словакии.

В словацком правительстве имеется значительное немецкое влияние; обещано назначить министра (члена кабинета) — немца.

В настоящее время переговоры с венграми ведут словаки. Чехи занимают более примирительную позицию в отношении венгров, чем словаки.

Фельдмаршал считает, что следует надлежащим путем поддержать переговоры, которые ведут словаки с целью достижения независимости. Чехословакия без Словакии будет еще в большей мере находиться в нашей власти.

Авиационные базы в Словакии имеют большое значение для германских военно-воздушных сил для использования против Востока».

12 февраля 1939 г. в Берлин прибыла словацкая делегация. Она состояла из Тука, одного из словаков, с которыми немцы находились в контакте, и Хармазина — платного агента нацистских заговорщиков в Словакии. В воскресенье 12 февраля 1939 г. они совещались с Гитлером и Риббентропом в имперской канцелярии. Протокол этого совещания, обнаруженный в архивах германского министерства иностранных дел, я представляю в качестве доказательства.

Цитирую выдержку из протокола:

«После краткого приветствия Тука благодарит фюрера за то, что ему дана аудиенция. Он называет фюрера «мой фюрер» и высказывает мнение о том, что, хотя он и скромный человек, он все же может претендовать на то, чтобы говорить от имени словацкого народа. Чехословацкие суды и тюрьма дали ему право сделать подобное заявление. Он заявляет, что фюрер не только первый человек, поднявший словацкий вопрос, но и первый, признавший достоинство словацкого народа. Под руководством фюрера словацкий народ с радостью будет сражаться за европейскую цивилизацию. Совершенно очевидно, что как с моральной, так и с политической точки зрения связь с чехами для словаков более невозможна.

Передаю в ваши руки судьбу моего народа».

В ходе совещания нацистским заговорщикам, по-видимому, удалось привить словацкой делегации идею восстания. Ссылаюсь на последнюю фразу оглашенного документа, на фразу, произнесенную Тука: «Передаю в ваши руки судьбу моего народа».

Из этих документов, относящихся к событиям середины февраля 1939 года, явствует, что на службе у нацистов была хорошо организованная группа словаков, многие из которых были членами партии Глинки. Польщенные явным вниманием таких людей, как Гитлер и подсудимый Риббентроп, и субсидированные немецкими представителями, эти словаки оказались послушным орудием в руках нацистских заговорщиков.

Помимо словаков, заговорщики использовали тех немцев, которые все же оставались на территории искалеченной Чехословацкой республики. Заместитель Генлейна Кундт, который был назначен руководителем этого немецкого меньшинства, создал максимальное количество искусственных «центров германской культуры».

Немцам из переданных Германии районов было приказано из Берлина продолжать свое обучение в немецком университете в Праге и превратить его в центр воинствующего нацизма. С помощью немецких чиновников была проведена преднамеренная кампания нацистского проникновения в чешские государственные и частные учреждения, а движение Генлейна оказывало полное содействие тем агентам гестапо, которые появлялись на чешской территории. Нацистская политическая деятельность была рассчитана на то, чтобы подорвать и ослабить сопротивление чехов приказам, исходящим из Германии.

Перед лицом постоянных угроз и нажима как в области дипломатии, так и в области пропаганды чешское правительство не было в состоянии принять должные меры против этих нападков на свой суверенитет.

В начале марта, непосредственно перед днем, намеченным для окончательного вступления в Чехословакию, деятельность пятой колонны достигла своей высшей конечной фазы. В Богемии и Моравии «свободный корпус» Генлейна, соответствующий немецким СС, находился в тесном контакте с заговорщиками в империи и заложил основу для событий 14 и 15 марта.

Я теперь представлю в качестве доказательства статью группенфюрера СС Карла Германа Франка, напечатанную в журнале «Богемия и Моравия» — официальном издании рейхспротектората Богемии и Моравии (выпуск май 1941 г., стр. 179).

Это — статья, написанная одним из нацистских руководителей в Чехословакии в момент крупнейших военных успехов Германии. Эта хвастливая статья раскрывает с редкой для нацистской прессы откровенностью, каковы были функции «свободного

корпуса» (ФС) и отрядов СС и как гордились заговорщики деятельностью этих организаций.

Я зачитаю отрывок из этой статьи под заголовком «СС 15 марта 1939 г.»:

«Современные народы и современные государства немислимы сегодня без политических войск. На эти войска возложены специальные задачи — служить авангардом политической воли и гарантировать единство этой воли. Это особенно правильно по отношению к германским национальным группам, которые живут на территории другого народа. Соответственно с этим, партия судетских немцев в свое время создала также свои политические войска...

«Добровольные сторонники», по-немецки сокращенно называемые «ФС», — эти войска тренировались специально в соответствии с принципами СС в той степени, в которой можно было применить эти принципы в то время и в этой области. Перед этими войсками была поставлена специальная задача активно защищать свою родину, если в этом явится необходимость. Они хорошо выдержали первое испытание, особенно в период кризиса 1939 года, когда они должны были защищать свою родину с оружием в руках. После аннексии Судетской области функции ФС были переданы по существу германским студенческим организациям, существовавшим в Праге и в Брно в качестве войсковых соединений вне зависимости от отдельных германских обществ, которые остались во Второй республике. Это было вполне естественно, так как многие из этих студентов были уже членами СС. Студенческие организации должны были выдержать это испытание вместе с другими немцами в течение кризиса в марте 1939 г. ...

Ранним утром 15 марта после объявления о вступлении германских войск в различные области немцы должны были в некоторых областях действовать так, чтобы обеспечить спокойное течение событий. Они должны были для этого взять на себя функции полиции, как это, например, было в Брно, или действовать согласно инструкциям начальника полиции и т. д.

В некоторых чешских учреждениях люди ранним утром начали сжигать ценные архивы и материалы, имеющие политическое значение. Было также необходимо принять меры для того, чтобы избежать ненужного уничтожения. Насколько важными, многосторонними и исчерпывающими являлись меры, принятые компетентными германскими агентствами, видно из того факта, что многие из людей 15 марта или в последующие дни были приняты в члены СС, как годные к военной службе, частично имперским руководителем СС лично или руководителем группы СС Гейдрихом. Активность и деятельность этих людей проводилась, таким образом, в соответствии с интересами СС.

Немедленно после того, как соответствующие подразделения СС вошли с первыми отрядами германской армии и взяли на себя ответственность за установление порядка в соответствующих районах, местные представители СС отдали себя в распоряжение этих отрядов и сотрудничали с ними, помогая им во всем необходимом».

Я прошу теперь суд принять без доказательства, согласно статье 21 Устава, три официальных документа. Они идут за № Д-571, Д-572 и ПС-2943. Я представляю их в качестве доказательства за № США-112, США-113, и последний из них, представляющий собой отрывок из французской официальной «Желтой книги», который находится на страницах 66 и 67 этой книги, я передаю под № США-114.

Председатель: Вы цитировали документ Д-572?

Олдерман: Да, документ Д-572 идет под № США-113.

Первые два документа представляют собой британские дипломатические депеши, соответствующим образом удостоверенные британским правительством. Они дают представление о словацко-немецких интригах в Словакии. Третий документ—ПС-2943, США-114 состоит из выдержек из французской «Желтой книги», главным образом выдержек из депеш, посланных в период между 13 и 18 марта 1939 г. господином Кулондром, французским послом в Берлине, французскому министерству иностранных дел.

Я собираюсь остановиться на этих трех документах несколько позднее и, учитывая, что я прошу принять их без доказательства, не вижу необходимости читать каждый из них для протоколирования.

10 марта 1939 г. чехословацкое правительство приняло отставку трех членов словацкого кабинета, которые отказались продолжать вести переговоры с Прагой, в том числе премьер-министра Тисо и Дурканского. В течение двадцати четырех часов нацисты использовали этот акт как повод для интервенции.

На следующий день, 11 марта, странные события имели место в Братиславе, столице Словакии. Я цитирую доклад британского посла в Праге британскому правительству:

«Господин Бюркель, господин Зейсс-Инкварт и пять германских генералов прибыли примерно в 10 часов вечера в субботу 11 марта на заседание кабинета, которое в то время происходило в Братиславе, и заявили словацкому правительству, что оно должно объявить независимость Словакии.

Когда же Сидор (премьер-министр) проявил нерешительность, господин Бюркель отозвал его в сторону и объяснил, что господин Гитлер считает необходимым весь этот вопрос о Чехословакии разрешить положительно и определенно. Поэтому Словакия должна объявить независимость, так как в противном случае господин Гитлер не будет больше интересоваться ее судьбой.

Господин Сидор поблагодарил господина Бюркеля за эту информацию и сказал, что он должен обсудить этот вопрос с правительством в Праге».

Очень странно, что он должен был обсуждать такой вопрос в своем собственном правительстве на основе указаний господина Гитлера, которые были переданы пятью германскими генералами, господином Бюркелем и господином Зейсс-Инквартом.

События развивались очень быстро, но Дурканский, один из ушедших в отставку министров, с помощью нацистов бежал в Вену, где для него были созданы необходимые условия для пользования немецкими радиостанциями. Оружие и боеприпасы были доставлены из германских учреждений в Энграу через Дунай в Словакию, где они были использованы членами «ФС» и отрядами Глинки с целью совершения инцидентов и беспорядков, которые были необходимы нацистам как повод для военных действий.

Германская пресса и радио начали кампанию против чехословацкого правительства, и очень знаменательно то, что приглашение из Берлина было передано в Братиславу.

Тисо, премьер-министр в отставке, был вызван Гитлером в германскую столицу для аудиенции. Самолет ждал его в Вене. В это время, во вторую неделю марта 1939 года, началась подготовка к тому, что нацистские лидеры любили называть «ликвидацией» Чехословакии. Эта подготовка проходила с желательной для них быстротой и легкостью. В это время нацисты действовали в тесном контакте.

Точно так же в период осуществления «плана Грюн» летом прошлого года нацистские заговорщики пригласили Венгрию принять участие в новой агрессии. Адмирал Хорти, венгерский регент, был очень польщен этим приглашением. Я представляю в качестве доказательства письмо Хорти, адресованное Гитлеру 13 марта 1939 г. Цитирую:

«Ваше превосходительство, примите мою искреннюю благодарность. Я едва нахожу слова, чтобы выразить, как я счастлив, потому что этот район, — я не люблю употреблять красивые слова, — жизненно необходим для Венгрии.

Несмотря на то, что наши солдаты находятся в армии всего в течение пяти недель, мы с энтузиазмом принимаем предложение участвовать в этом деле. Уже были даны указания о том, что в четверг 16 числа этого месяца на границе будет спровоцирован инцидент с тем, чтобы иметь возможность нанести большой и сильный удар в субботу.

Я никогда не забуду этого выражения дружбы, и ваше превосходительство может рассчитывать на мою постоянную благодарность. Ваш преданный друг

Хорти.

Из этого циничного и хладнокровного письма явствует, что нацистские заговорщики уже информировали венгерское правительство относительно их планов дальнейших военных действий против Чехословакии. Как это оказалось впоследствии, они действовали быстрее, нежели это предполагалось. Мне кажется, что «его превосходительство Адольф Гитлер» информировал своего преданного друга Хорти об этой предполагавшейся перемене заблаговременно. В дипломатических сферах весьма активно также действовал подсудимый Риббентроп.

13 марта, в тот самый день, когда Хорти написал свое письмо, Риббентроп предупредил телеграммой посла в Праге. Он описал ему, каково должно быть его поведение в период предполагавшегося и намечавшегося дипломатического давления.

Оглашаю текст этой телеграммы, которую представляю в качестве доказательства:

«Берлин, 13 марта 1939 года. Прага. Шифрованная телеграмма.

В отношении инструкций, данных сегодня по телефону Кордтом, в том случае, если вы получите какие-нибудь письменные извещения от президента, пожалуйста, не комментируйте их ни письменно, ни устно и не предпринимайте никаких шагов в отношении их, а просто передайте их сюда шифрованной телеграммой. Более того, я должен попросить вас и других членов посольства принять меры к тому, чтобы чешское правительство не могло связаться с нами в течение ближайших нескольких дней. *Риббентроп*».

В полдень 13 марта Тисо в сопровождении Дурканского и Майзнера, местного нацистского руководителя, прибыл в Берлин по вызову Гитлера. В тот же день Тисо был принят Гитлером в его кабинете в рейхсканцелярии. Ему был вручен ультиматум. Перед ним была поставлена альтернатива: или объявить независимость Словакии, или лишиться помощи и поддержки со стороны Германии. Выполнение этого решения, сказал Гитлер, должно быть делом не дней, а ближайших часов.

Я представляю протоколы совещания между Гитлером и Тисо от 13 марта и зачитаю последний абзац на второй странице и первый абзац на третьей странице английского перевода. Первый абзац — это резюме того, что сказал Гитлер. Вы заметите, что в своем предложении Словакии Гитлер, как всегда, игнорировал правду. Я цитирую: «Он разрешил премьер-министру Тисо приехать сюда для того, чтобы выяснить эти вопросы в самое короткое время. У Германии не было никаких интересов к востоку от Карпат. Гитлеру совершенно безразлично, что будет там происходить. Вопрос состоял в том, хотели ли словаки вести свои дела самостоятельно или нет. Гитлер ничего не хотел от Словакии. Он не будет жертвовать своим народом и даже ни одним

своим солдатом для достижения того, чего не желает сам словацкий народ. Он хотел бы получить, наконец, полное представление о том, чего же в конце концов хочет Словакия. Он не хочет слушать упреков со стороны Венгрии по поводу того, что он охраняет то, что нет надобности охранять. Он вообще либерально относится к демонстрациям и беспорядкам, но в данном случае беспорядки, по его мнению, являются только внешним выражением внутренней неустойчивости. Он не потерпит этого.

И по этой же причине он разрешил Тисо прибыть сюда для того, чтобы услышать, каково его решение. Это было делом не дней, а часов. Тогда он заявил, что если Словакия желает стать независимой, то он поддержит это и даже даст свою гарантию. Он сдержит свое слово и будет верен ему до тех пор, пока Словакия пожелает оставаться независимой. Если она будет колебаться и не захочет порвать свою связь с Прагой, он отдаст судьбу Словакии во власть событий и более не будет ответствен за это. В таком случае он будет защищать только германские интересы. А эти интересы, как он говорил, не касаются территории к востоку от Карпат. Германия не имеет ничего общего со Словакией. Словакия никогда не принадлежала Германии. Фюрер попросил имперского министра иностранных дел сделать свои замечания, если они у него имеются. Имперский министр иностранных дел подчеркнул, со своей стороны, что в том случае, если вопрос будет решен, то он должен быть решен в течение часов, а не дней. Он показал фюреру только что полученную депешу, в которой сообщалось о передвижении венгерских войск на словацкую границу. Фюрер, прочтя это, показал депешу Тисо и выразил надежду, что Словакия скоро сама решит этот вопрос.

Необычное интервью. Оказывается, у Германии не было интересов в Словакии. Словакия никогда не принадлежала Германии. Тисо был приглашен в Берлин. И вот что случилось. На этом совещании присутствовали: подсудимый Риббентроп, Кейтель, статс-секретарь Дитрих, статс-секретарь Кепплер и министр без портфеля Мейснер. Я хочу обратить внимание Трибунала на присутствие подсудимого Кейтеля на этом совещании так же, как и на многих других совещаниях, где обсуждались чисто политические вопросы, необходимые для дальнейшей нацистской агрессии, и на которые, казалось, не было никакой необходимости в привлечении технической военной консультации. Будучи в Берлине, словаки также отдельно совещались с подсудимым Риббентропом и с другими высокопоставленными нацистскими чиновниками. Риббентроп передал Тисо копию закона, переведенного уже на словацкий язык и объявляющего о независимости Словакии. Ночью 13 числа германский самолет был предоставлен в распоряжение Тисо для отправки его домой. 14 марта, в соответствии

с желаниями нацистских заговорщиков, парламентом Братиславы было объявлено о независимости Словакии. Поскольку словацкие экстремисты действовали по указанию германских нацистов и откровенно противодействовали чехословацкому правительству, нацистские лидеры имели полную возможность двинуться против Праги.

Вечером 14-го по предложению германского посольства в Праге, президент Чехословацкой республики Гаха и министр иностранных дел Хвалковский прибыли в Берлин. Они очутились во враждебной атмосфере. В предыдущую субботу нацистская пресса обвиняла чехов в том, что они применяют насилие против словаков и в особенности против членов германского меньшинства и граждан империи. Пресса и радио объявили, что жизнь немцев находится в опасности, что такое положение нетерпимо и поэтому необходимо как можно скорее ликвидировать то гнездо раздора, которым стала Прага в сердце Европы.

После полуночи 15 марта, в 1 ч. 15 м. утра, Гаха и Хвалковский были введены в имперскую канцелярию. Там они встретили Адольфа Гитлера, Риббентропа и других высокопоставленных нацистских чиновников.

Я представляю в качестве доказательства отчет германского министерства иностранных дел об этом постыдном совещании. Это очень пространный документ, но он столь откровенен в некоторых своих частях и дает такую ясную картину поведения нацистов и их тактики, что я зачу его полностью. Следует помнить, что этот отчет о знаменательном совещании в ночь с 14 на 15 марта исходит из германских источников и должен поэтому рассматриваться, как сказали бы немецкие защитники, как представленный с «тенденциозными целями» документ. Тем не менее даже без всяких особых изменений и без всякого специального отношения к этому докладу в связи с источником, из которого он исходит, он предоставляет полную возможность для бесспорного осуждения нацистов и является доказательством их бандитских действий, приведших к разделу Чехословакии, то есть свидетельствует о преступлениях против международного права, не имевших места в течение нескольких столетий.

Я прежде всего зачитаю заглавие этого протокола: «Беседа между фюрером и рейхсканцлером и президентом Чехословакии Гаха в присутствии имперского министра иностранных дел Риббентропа и чехословацкого министра иностранных дел происходила в рейхсканцелярии 15 марта 1939 года от 1 часа 15 минут до 2 часов 15 минут». Кроме того, там присутствовали генерал-фельдмаршал Геринг, генерал Кейтель, статс-секретарь фон Мейснер, статс-секретарь Дитрих, советник посольства Гевел. Гаха открыл совещание. Он был готов покорно пойти на уступки. Он держал себя даже униженно, хотя и был президентом суверен-

ного государства. Гаха благодарил Гитлера за то, что он принял его, и сказал, что Словакия находится в руках фюрера. Гитлер ответил, что он сожалеет, что он был вынужден просить Гаха приехать в Берлин, в особенности потому, что президент очень стар (Гаха в это время было 70 с лишним лет). Но это путешествие президента, как сказал Гитлер, могло принести большую пользу его стране, потому что (цитирую): «осталось только несколько часов до того времени, когда Германия может начать интервенцию»...

Я цитирую первый абзац третьей страницы английского перевода. Вы будете иметь в виду, что то, что я читаю, — только заметки и запись того, что сказал Гитлер. Он сказал, что «Чехословакия ему абсолютно безразлична»... «Если бы Чехословакия была ближе к Германии — Германия чувствовала бы себя обязанной перед ней». Но он говорит, что теперь у него нет никакого обязательства в отношении Чехословакии. У него нет никаких интересов территориального характера к востоку от малых Карпат. Он не хотел бы выносить окончательное решение до осени, потому что он уверен, что можно добиться добрососедских отношений.

Председатель: Господин Олдерман, как вы считаете, вам не следовало бы прочесть последние фразы на второй странице?

Олдерман: Последняя фраза на предыдущей странице гласила: «...Что касается других стран, то для них Чехословакия не играла никакой роли. Лондон и Париж и не думали интересоваться Чехословакией. Чехословакия была им безразлична».

...Но даже в это время, а также позже Гитлер в своем разговоре с Хвалковским ясно сказал, что он безжалостно уничтожит это государство, если не будет полностью перестроена тенденция Бенеша. Хвалковский понял это и попросил фюрера подождать. Фюрер согласился на это, но, тем не менее, никаких изменений не произошло — новому режиму не удалось психологически уничтожить старый режим. Он видел это из прессы, из последовательной пропаганды, из того, что немцев отстраняют от государственных постов, и из многих других факторов, которые для него являлись знаком полного согласия. Сначала он, фюрер, не понял этого, но когда ему это стало ясно, он пришел к заключению, что в случае, если бы события развивались в том же направлении, отношения с Чехословакией через несколько лет стали бы такими же, какими они были несколько месяцев тому назад. Почему Чехословакия немедленно не сократила состав своей армии до каких-то умеренных размеров?

Существовавшая армия была тяжелым бременем для такого государства, поскольку армия имеет смысл только в том случае, если она способствует осуществлению какого-то внешнеполитического плана. Поскольку Чехословакия не имела более никакого

политического плана, существование такой армии было бессмысленно. Он привел несколько примеров в доказательство того, что дух армии не изменился. Эти факты убедили его, что армия явится также политическим бременем и в будущем. В дополнение к этому наблюдался неизбежный рост экономических потребностей, а также протесты национальных групп, которые больше не могли мириться с существующим образом жизни».

С разрешения Трибунала я хотел бы обратить внимание на тот тон, каким Адольф Гитлер разговаривал с президентом государства, которое считалось суверенным, и его премьер-министром в присутствии генерала Кейтеля и командующего военно-воздушным флотом фельдмаршала Геринга.

Я продолжаю цитировать: «Таким образом, жребий пал на прошлое воскресенье. Он послал за венгерским послом и сказал ему, что он умывает руки в отношении этой страны. Он отдал приказ германским войскам вступить в Чехословакию и включить Чехословакию в Германскую империю. Он хотел предоставить Чехословакии полнейшую автономию и дать ей возможность жить более самостоятельно, чем в период существования австрийского правительства. Отношение Германии к Чехословакии определится завтра или послезавтра и будет зависеть от отношения чехословацкого народа и чехословацкой военщины к германским войскам. Он более не доверяет правительству. Он верит в честность и прямоту Гаха и Хвалковского, но сомневается в том, что правительство сумеет оказать влияние на весь народ. Германская армия сегодня уже начала свое наступление, и всюду, где на границе она встречала какое-нибудь сопротивление, оно было полностью сломлено. Другие пограничные посты сдались под давлением тяжелой артиллерии. В 6 часов утра германская армия вступит в Чехословакию со всех сторон и германский военно-воздушный флот займет чешские аэродромы. Существовало две возможности: первая, — что вторжение германских войск приведет к военному столкновению. В этом случае сопротивление будет сломлено физической силой. Вторая возможность заключалась в том, что вторжение германских войск будет протекать в приемлемой для Германии обстановке. В этом случае фюреру будет очень просто предоставить Чехословакии новые формы для организации чешской автономии, а также определенные национальные свободы.

Мы являемся свидетелями большого исторического перелома. Он не хочет мучить чехов и лишать их национальных преимуществ. Его поступки также не продиктованы ненавистью. Он поступает так только потому, что он должен защищать Германию. Если бы Чехословакия осенью прошлого года не сдалась, чешский народ был бы уничтожен. Никто бы не остановил его на этом пути. Он бы это сделал. Это была его воля, чтобы чешский народ жил полной национальной жизнью, и он был твердо уверен, что

можно найти способ в очень большой степени удовлетворить желание чешского народа. Если столкновение начнется завтра, всякое сопротивление вызовет контрмеры. Они будут уничтожать друг друга и тогда он не сможет выполнить обещанных облегчений. Чешская армия через два дня уже не будет более существовать. Конечно, немцы тоже пострадают — их будут убивать, — и в результате возникнет ненависть, которая заставит его (то есть Гитлера) просто из инстинкта самосохранения не давать Чехословакии никакой автономии».

«Никто в мире ничего не будет делать ради вас!» Он испытывал жалость по отношению к чешскому народу, когда читал иностранную прессу. Я думаю, что ему следовало жалеть чехов в этом случае. Впечатление, произведенное на него, было выражено поговоркой: «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Таково было положение вещей.

«В Германии существовало два течения — более радикальное, которое не хотело идти на какие бы то ни было уступки и считало, что Чехословакия должна быть завоевана кровью, и другая группа, чье мнение соответствовало изложенному выше мнению Гитлера. Такова была причина того, что он просил Гаха приехать сюда. Это приглашение было последним добрым поступком по отношению к чешскому народу. Если это приведет к столкновению, то кровопролитие породит взаимную ненависть. Но визит Гаха, возможно, мог бы предотвратить крайности. Возможно, это способствовало бы нахождению такой формы организации, которая была бы наиболее приемлема для Чехословакии и на которую она никогда бы не могла рассчитывать в период австрийского владычества. Его цель была только в том, чтобы создать необходимую безопасность для германского народа. Время шло. В 6 часов войска должны были вступить в Чехословакию. Ему было почти стыдно сказать, что против каждого чешского батальона стояла одна немецкая дивизия. Военные действия не являлись малыми по своему масштабу. Они были спланированы с довольно значительным размахом. Он посоветовал бы ему уйти вместе с Хвалковским в отставку. Надо обсудить вопрос о том, что же, собственно, следует делать. В ответ на это предложение Гаха сказал, что он согласен с тем, что сопротивление бесполезно. Он выразил сомнение в том, что он сумеет издать необходимые приказы для чешской армии в течение четырех часов, которые остались у него до того момента, когда германская армия пересечет чешскую границу. Он спросил, было ли целью вторжения разоружение чешской армии? Если так, заявил он, то можно будет как-нибудь урегулировать этот вопрос. Гитлер сказал, что его решение было окончательным и что все хорошо знают, что значит решение фюрера. Он обратился к группе нацистских заговорщиков, окружавших его, за поддержкой».

Вы хорошо помните, что там присутствовали среди других подсудимые Геринг, Риббентроп и Кейтель.

«Единственной возможностью для разоружения чешской армии, — сказал Гитлер, — было вторжение германской армии на чешскую территорию».

Я теперь зачитаю один параграф четвертой страницы протокола этого позорного «совещания»:

«Фюрер сказал, что решение его непоколебимо. Все хорошо знали, что значит решение фюрера. Он не видел никакой другой возможности для разоружения и спросил других присутствующих, в том числе Геринга, Риббентропа и Кейтеля, разделяют ли они его мнение, и получил положительный ответ. Единственная возможность разоружить чешскую армию — это использовать для этого германские вооруженные силы. В этот момент Гаха и Хвалковский покинули комнату».

Я теперь представляю документ ПС-2861, США-119 — выдержку из официальной британской военной «Голубой книги».

Отрывок, который я зачитаю, представляет собой запись британского посла господина Невилля Гендерсона относительно разговора с Герингом, в которой излагаются события, происшедшие ранним утром. Сэр Гендерсон писал лорду Галифаксу: «Берлин, 29 мая 1939 года. Я вчера посетил фельдмаршала Геринга в Каринхалле и имел с ним короткую беседу. Фельдмаршал Геринг, который, очевидно, только что говорил с кем-то на эту тему, начал с того, что высказал свое возмущение по поводу отношения Великобритании ко всему немецкому и в особенности к золотым вкладам национального банка Чехословакии, находящимся в Англии. Однако прежде чем я смог ответить, его позвали к телефону, а возвратившись, он более не затрагивал этого вопроса. Вместо этого он просто пожаловался на враждебное отношение со стороны англичан и стал говорить о политической и экономической блокаде Германии и деятельности, как он назвал, военных партий в Англии. Я сказал фельдмаршалу, что, прежде чем говорить о враждебности англичан, он должен понять, почему произошла перемена в отношениях англичан к Германии. Как ему уже было известно, основным предметом обсуждения Чемберленом и Гитлером в прошлом году являлся вопрос о том, что, поскольку Судеты были переданы империи, Германия оставит чехов в покое и не будет мешиваться в вопросы, касающиеся независимости Чехословакии».

Гитлер дал определенное заверение в своем письме к премьер-министру от 27 сентября. Следуя совету своих консультантов, умышленно присоединив Богемию и Моравию, Гитлер тем самым не только нарушил свое обещание, данное Чемберлену, но более того, — полностью подорвал принцип самоопределения, на котором покоилось Мюнхенское соглашение.

В этот момент фельдмаршал прервал меня описанием посещения президента Гаха в Берлине. Я сказал фельдмаршалу Герингу, что не может быть речи о действиях по доброй воле, когда я понял, что он лично угрожал начать бомбардировку Праги, если Гаха откажется принять условия. Фельдмаршал не отрицал этого, но сказал, что вернется к этому позже. По его словам, доктор Гаха с самого начала был готов подписать все, что угодно, но указал, что по конституции он не имеет права это сделать без сообщения об этом Праге.

После значительных трудностей была установлена телефонная связь с Прагой, и чешское правительство согласилось на наши предложения, но указало, что оно не может гарантировать, что ни один чешский батальон не будет стрелять по германским войскам. Именно тогда он предупредил д-ра Гаха, что, если в германской армии будут потери, он начнет бомбежку Праги. Фельдмаршал также повторил, в ответ на какое-то мое замечание, рассказ об оккупации Витковици и сказал, что это было сделано только для того, чтобы запугать поляков, и что у них сначала не было никакого намерения захватить эту область».

Я обращаю внимание Трибунала на депешу № 77 и прошу принять ее без доказательств. Это депеша от господина Кулондра, французского посла. Она также дает правильное описание этого ночного совещания.

Отчет, который я сейчас представляю суду, касается второй части этого совещания. В этом отчете указано, что, когда президент Гаха вышел из комнаты имперской канцелярии, где происходило совещание, он был в таком состоянии, что нуждался в помощи врача, который для этой цели уже находился в соседней комнате. Это был немецкий врач.

Когда Гаха возвратился в комнату, нацистские заговорщики снова сказали ему о мощности и непобедимости германских вооруженных сил. Они напомнили, что через три часа, то есть в 6 часов утра, германские вооруженные силы пересекут границу.

Геринг хвастался тем, что могут сделать германские вооруженные силы, если чешские армии осмелятся сопротивляться наступающим немцам. Если будут гибнуть немцы, сказал Геринг, германский воздушный флот превратит Прагу в руины в течение двух часов. И это, сказал Геринг, будет только началом.

Под угрозой безжалостной атаки на земле и с воздуха президент Чехословакии в 4 ч. 30 м. утра 15 марта 1939 г. подписал документ, который нацистские заговорщики заготовили уже заранее.

Я зачитаю только один абзац из этого документа:

«Президент Чехословацкого государства вручает с полным доверием судьбу чешского народа и чешской страны в руки фюрера Германской империи».

В то время, как нацистские чиновники запугивали представителя чешского правительства, вооруженные силы Германии на некоторых участках уже пересекли чешскую границу.

Я представляю документ ПС-2860 — еще одну выдержку из британской «Голубой книги». Это речь лорда Галифакса — английского министра иностранных дел. Я цитирую один абзац:

«Следует иметь в виду и это немаловажное обстоятельство, что города Моравская Острава и Витковичи были фактически оккупированы отрядами СС еще вечером 14 марта, то есть в то время, когда президент и министр иностранных дел Чехословакии еще только выехали в Берлин, и, значит, до того, как начались переговоры с Гитлером».

На рассвете 15 марта германские войска двинулись в Чехословакию со всех сторон. Гитлер издал приказ вооруженным силам и обращение к германскому народу, которое гласило: «Чехословакия перестала существовать».

На следующий день, 16 марта 1939 г., в нарушение статьи 61 Версальского договора Чехословакия была формально включена в Германскую империю под названием «Протекторат Богемия и Моравия». Документ, относящийся к этому акту, будет представлен Трибуналу британской делегацией позднее. Он был подписан в Праге 16 марта 1939 г. Гитлером, Ламмерсом и подсудимыми Фриком и фон Риббентропом.

Я процитирую одну фразу из этого документа:

«Богемско-моравские страны в течение тысячелетий рассматривались как жизненные пространства германского народа». Остальная часть документа дает в деталях представление о степени подчинения Чехословакии Германии. Германский протектор так называемого германского «протектората» должен был назначаться фюрером; подсудимый Нейрат первым занял этот пост.

Да избавит нас бог от таких «протекторов»!

Германское правительство берет на себя ведение иностранных дел, а также проведение таможенной политики Чехословакии. Было указано, что германские гарнизоны и военные части будут находиться на территории протектората. В то же самое время экстремистские вожди в Словакии, которые по указке нацистов сделали так много для того, чтобы отторгнуть ее от Чехословакии, пришли к выводу, что недельное существование их независимого государства было теперь официально закреплено. Я представляю декрет, напечатанный в газете «Рейхсгезетц-блатт» за 1939 год. Он написан подсудимым Риббентропом, имперским министром иностранных дел. Он озаглавлен: «Договор о протекторате, который будет осуществляться Германской империей по отношению к государству Словакия. Германское правительство и Словацкое правительство договорились: после того,

как Словацкое государство отдало себя под защиту Германской империи, урегулировать с помощью договора все дальнейшие отношения, вытекающие из этого факта.

Для этой цели нижеподписавшиеся представители этих двух правительств согласились о следующем:

Статья 1. Германская империя берет на себя защиту политической независимости Словакии и неприкосновенности ее территории.

Статья 2. Для того, чтобы сделать эффективной защиту протектората со стороны германской империи, германские вооруженные силы будут иметь право в любое время строить военные сооружения и держать в них гарнизоны в размерах, которые они сочтут необходимыми, на территории, ограниченной: с запада границами Словакии, а на востоке линией, образованной Нижними Карпатами, Белыми Карпатами и горами Яверник...

...Правительство Словакии создаст свои вооруженные силы в тесном контакте с германскими вооруженными силами».

Секретный протокол между Германией и Словакией предусматривал тесное экономическое и финансовое сотрудничество между этими двумя странами. Естественные богатства были предоставлены в распоряжение германского правительства.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-2793.

Зачитываю третий абзац из этого документа:

«Исследование, развитие и использование словацких богатств. В этом отношении основной принцип заключается в том, что эти ресурсы, поскольку они не требуются для удовлетворения нужд самой Словакии, должны в первую очередь быть предоставлены в распоряжение Германии.

Все исследования будут переданы в ведение соответствующего имперского агентства. Правительство словацкого государства вскоре начнет проверку для того, чтобы установить, выполнили ли нынешние владельцы концессий и привилегий производственные обязательства, предусмотренные законом, и в случае, если эти обязательства не были выполнены, оно отменит эти концессии и привилегии».

В своих частных беседах нацистские заговорщики даже не скрывали того, что они рассматривают марионеточное словацкое государство как германскую собственность.

Я представляю в качестве доказательства меморандум, врученный Гитлером генералу фон Браухичу 25 марта 1939 г. Значительная часть этого документа касается вопросов, возникших в связи с оккупацией Богемии, Моравии и Словакии. Я цитирую, начиная с шестого абзаца:

«Генерал-полковник Кейтель должен сообщить словацкому правительству через министерство иностранных дел, что ему не

будет разрешено содержать или расквартировать словацкие части (гвардии Глинки) по эту сторону границы вдоль реки Вааг. Они будут переброшены на новую словацкую территорию. Гвардия Глинки должна быть разоружена.

Через министерство иностранных дел словакам будет предложено передать нам в счет платежа любое вооружение, которое нам необходимо и которое все еще находится в Словакии. Это предложение должно быть основано на соглашении между армией и чешскими войсками. Для оплаты должны быть использованы те миллионы, которые мы все равно будем переводить в Словакию...

У армейских частей будет снова запрошено, следует ли повторять вновь о том, чтобы они в течение установленного срока и под угрозой строгого наказания передали все вооружение.

Мы берем всю технику бывшей Чехословакии бесплатно. Но за орудия, купленные согласно контракту до 15 февраля, будет заплачено.

Богемия и Моравия должны делать ежегодные вклады в германское казначейство. Размер этих вкладов будет установлен в соответствии со средствами, которые раньше предоставлялись чешской армии».

Захват Чехословакии Германией и нарушение Мюнхенского соглашения вызвали формальный протест со стороны британского и французского правительств от 17 марта 1939 г. В тот же день исполняющий обязанности государственного секретаря Соединенных Штатов сделал заявление, которое я представляю и прошу суд принять без доказательств, — это отрывок из официальной книги, озаглавленной «Мир и война. Внешняя политика Соединенных Штатов с 1931 по 1941 гг.» и изданной государственным департаментом Соединенных Штатов Америки. Между прочим, эту книгу, которая принадлежит мне лично, я предоставляю Трибуналу, потому что, как я вполне уверен, судьи будут заинтересованы в ней для изучения всей обстановки того периода.

В этой книге дается подробная хронологическая история всех дипломатических событий до 1941 года. Я представляю Трибуналу выдержку из этой книги — заявление господина Уэллеса от 17 марта 1939 г.:

«Правительство Соединенных Штатов неоднократно высказывало свою уверенность в том, что только путем международной поддержки программы порядка и законности можно обеспечить всеобщий мир. Это правительство, основанное на принципах человеческой свободы и демократии и посвятившее себя им, не может не осуждать тех действий, которые привели к временному упразднению свобод независимого народа, с которым с первого дня провозглашения независимости Чехословацкой респуб-

лики народ Соединенных Штатов поддерживал особенно тесные и дружеские отношения».

Позиция правительства Соединенных Штатов была ясно определена. Оно поддерживало необходимость соблюдать святость договоров и невмешательство иностранных государств во внутренние дела других стран. Оно постоянно осуждало политику военной агрессии. Ясно, что незаконные действия и применение силы угрожают всеобщему миру и самим основам современной цивилизации. События, которые произошли, явно подчеркивают правильность позиции правительства Соединенных Штатов.

С переходом Чехословакии в руки немцев нацистские заговорщики осуществили программу, которую они изложили на совещании в Берлине 5 ноября 1937 г. Как вы помните, эта захватническая программа была направлена к тому, чтобы обеспечить Германии более удобные границы, увеличить ее промышленные и продовольственные ресурсы и как с промышленной, так и со стратегической точки зрения занять позицию, с которой они могли бы начать еще более широкие разрушительные кампании агрессии. Менее чем через полтора года эта программа была осуществлена к удовлетворению нацистских руководителей.

Теперь я прошу Трибунал снова обратить внимание на карту. Мне кажется, что не будет просто образным выражением, если я снова укажу на волчью пасть, нижняя челюсть которой появилась после захвата Австрии — 12 марта 1938 г. Таким образом, была окружена Чехословакия.

Следующий шаг — захват после 1 октября 1938 г. гористой Судетской области, отмеченной на второй карте красным. Чехословакия оказалась еще в большей мере окруженной, ее оборона ослаблена. Затем пасть, или клещи, как сказал генерал Кейтель или генерал Иодль, сомкнулась. И вы видите, что произошло с Чехословакией. 15 марта 1939 г. были сокращены границы, приобретены новые базы. Затем Чехословакия была уничтожена. На третьей карте Богемия и Моравия отмечены черным. Словакия на карте окрашена в светло-коричневый цвет. Но я уже зачитал документы, которые показывают, в каком положении Словакия оказалась. И после создания германских баз в Словакии южная граница, так же как и западная граница Польши, была поставлена под угрозу и были созданы условия для следующего акта агрессии, который будет описан английским обвинителем.

Из всех заговорщиков, пожалуй, подсудимый Геринг лучше всех знал экономические и стратегические преимущества, которые приобрела Германия после захвата Чехословакии. Теперь я представляю в качестве доказательства совершенно секретный

протокол совещания с Герингом в министерстве авиации. Это совещание, состоявшееся 14 октября 1938 г. — лишь через две недели после оккупации Судетской области, — было посвящено обсуждению экономических проблем. Замечания Геринга имеют большое значение. Цитирую выдержки из третьего параграфа на странице 26 английского перевода:

«...Судетская область должна эксплуатироваться всеми средствами. Генерал-фельдмаршал Геринг рассчитывал на полную экономическую ассимиляцию Словакии. Чехия и Словакия станут германскими владениями. Все возможное должно быть вывезено. Движение по каналу Одер — Дунай должно ускориться. В Словакии должна быть произведена разведка нефти и руды — особенно статс-секретарем Кепплером».

Летом 1939 года, после включения Богемии и Моравии в состав германской империи, подсудимый Геринг снова раскрыл большую заинтересованность нацистских лидеров в экономических возможностях Чехословакии. Я представляю в качестве доказательства документ Р-133 от 27 июля 1939 г., подписанный Мюллером. Документ является протоколом совещания Геринга с группой представителей верховного командования и других германских правительственных агентств, связанных с военным производством. Это совещание состоялось на два дня раньше — 25 июля. Читаю первый абзац:

«...В довольно пространным заявлении фельдмаршал объяснил, что включение Богемии и Моравии в германскую экономику было осуществлено, в частности, для того, чтобы увеличить военный потенциал Германии путем эксплуатации экономики, но такие документы, как декрет имперского министра экономики от 10 июля 1939 г., а также письмо на имя фирмы «Юнкерс» аналогичного содержания, которые могут ослабить меры по вооружению в протекторате, противоречат этому принципу. Если необходимо издавать такие директивы, то это должно быть сделано только с его разрешения. Во всяком случае он (то есть Геринг) настаивает, в соответствии с директивой Гитлера, на том, чтобы военный потенциал протектората эксплуатировался частично или полностью в интересах мобилизации в кратчайший срок...»

Помимо усиления нацистского экономического потенциала для ведения дальнейших агрессивных войн захват Чехословакии предоставил нацистам новые базы, с которых они могли начать свою следующую агрессивную войну — нападение на Польшу. Вы помните протокол совещания Геринга с нацистской словацкой делегацией зимой 1938—1939 года. Этот протокол я представил в качестве доказательства несколько ранее под № США-109. Вы помните последнюю фразу этого протокола — заявление подсудимого Геринга. Я снова цитирую эту фразу:

«Авиационные базы в Словакии имеют большое значение для германских военно-воздушных сил с целью использования их против Востока».

Теперь я представляю протокол совещания Геринга с Муссолини и Чиано 15 апреля 1939 г., через месяц после захвата Чехословакии. На этом совещании Геринг рассказал о германской подготовке к войне. Он сравнил мощь Германии с мощью Англии и Франции. Естественно, он коснулся германской оккупации Чехословакии. Я оглашу два абзаца из этого протокола:

«Однако тяжелое вооружение Чехословакии, во всяком случае, показывает, насколько оно могло быть опасно даже после Мюнхена в случае серьезного столкновения. В результате действий Германии, положение обеих стран оси улучшено, в частности, ввиду тех экономических возможностей, которые были приобретены в результате передачи Германии военного потенциала Чехословакии. Это способствует значительному усилению мощи оси против западных держав. Кроме того, Германии нет необходимости держать ни одной дивизии для защиты от этой страны в случае возникновения более серьезного конфликта. От этого обе страны оси в конечном счете получают пользу...»

Действия, предпринятые Германией в Чехословакии, следует рассматривать как преимущество для оси в случае, если Польша, в конце концов, присоединится к противникам держав оси. Тогда Германия сможет напасть на эту страну с обоих флангов и будет находиться на расстоянии, которое может быть покрыто самолетом в 25 минут от нового промышленного центра, который был, ввиду его близости к границе, передвинут в глубь страны, ближе к другим промышленным районам. Теперь, благодаря изменению хода событий, он снова находится вблизи границы».

Это показывает четвертая карта. Мне кажется, что эта карта говорит больше, чем любые слова о логике, продуманном расчете, преднамеренности каждого шага германской агрессии. Более того, она показывает основные факторы развязывания агрессивной войны, освещенные обвинением при предъявлении доказательств, а именно то, что каждый шаг заговорщиков был рассчитан на переход к новой, еще более широкой агрессии.

Вы помните слова Гитлера, произнесенные на совещании в имперской канцелярии 23 мая 1939 г., когда он составлял планы польской кампании. Этот документ Л-79, США-27 я вновь процитирую:

«Прошедший период был действительно хорошо использован. Все меры были предприняты в правильной последовательности и в согласии с нашими целями».

Полезно сослаться на два других выступления нацистских руководителей. В своей лекции в Мюнхене 7 ноября 1943 г. Йодль говорил следующее:

«Разрешение чешского конфликта без кровопролития осенью 1938 и весной 1939 г. и присоединение Словакии округлило территорию Великой Германии таким путем, что после этого стало возможным рассматривать польскую проблему на основе более или менее благоприятных стратегических предпосылок».

В речи, с которой Гитлер обратился к своим военным командующим 23 ноября 1939 г., он говорил:

«...Следующим шагом были Богемия, Моравия и Польша. Этот шаг также нельзя было совершить в течение одной кампании. Во-первых, необходимо было закончить оборонительные сооружения на Западе. Невозможно было достичь цели одним усилием. Для меня самого с первого момента было ясно, что я не мог удовлетвориться территорией одной только Судетской области. Это было лишь частичное решение. Было принято решение двинуться в Богемию. Затем последовало установление протектората и вместе с тем была создана основа для действий против Польши...»

Прежде чем я закончу вопрос об агрессии против Чехословакии, я хотел бы представить Трибуналу документ, который я получил слишком поздно, чтобы включить его в нашу книгу документов. Я получил его после полудня в субботу. Это официальный документ чехословацкого правительства, приложенный к чехословацкому докладу, который я уже представил.

Я не зачитываю весь документ, он составляет примерно 12 страниц; Трибунал должен принять его без доказательства согласно Уставу. Я лишь хочу сказать, что этот документ подтверждает другие доказательства, которые я уже представил Трибуналу. В частности, он подтверждает следующие утверждения:

- 1) тесные отношения между Генлейном и НСДАП, с одной стороны, и подсудимыми Гессом и Риббентропом — с другой;
- 2) использование германского посольства в Праге для руководства деятельностью германской пятой колонны;
- 3) финансирование движения Генлейна учреждениями германского правительства, включая германских дипломатических представителей в Праге;
- 4) использование движения Генлейна для проведения шпионажа, в соответствии с прямыми приказами из Германии.

Кроме того, этот документ представляет дальнейшие подробности относительно посещения президентом Чехословакии Гаха Берлина ночью 14 марта. Он подтверждает тот факт, что Гаха нуждался в медицинской помощи врача Гитлера и что подсудимый Геринг угрожал чешской делегации.

Я завершаю свое представление материалов о том, что мне всегда казалось самой печальной главой истории человечества: о насилии и уничтожении храброго Чехословацкого государства.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АНГЛИЙСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ГРИФФИТ- ДЖОНСОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «АГРЕССИЯ ПРОТИВ ПОЛЬШИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ»

[Из стенограммы заседаний Международного Военного
Трибунала от 5—6 декабря 1945 г.]

Господа судьи! Второй раздел Обвинительного заключения гласит, что все эти подсудимые, при соучастии других лиц, участвовали в планировании, подготовке, развязывании и ведении ряда агрессивных войн, которые были войнами в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств. Сейчас мы намереваемся представить Трибуналу доказательства, относящиеся к войнам Германии против Польши, против Великобритании и Франции.

В приложении «В» к разделу второму делается ссылка также на первый раздел Обвинительного заключения относительно обвинения в том, что упомянутые войны были войнами агрессивными. В первом разделе также излагаются подробности планирования и подготовки этих войн, и особенно об этом говорится в § F—4. С разрешения Трибунала я, во-первых, остановлюсь на обвинении в нарушении договоров, упомянутых в приложении «С». В ст. II приложения «С», касающейся войны против Польши, говорится об обвинении в нарушении Гаагской конвенции относительно мирного урегулирования международных споров.

Части третья и четвертая приложения «С» содержат обвинения в нарушении Гаагской конвенции 1907 года. Часть V (п. 4) содержит обвинение в нарушении Версальского договора касательно вольного города Данцига. В части 13-й говорится о нарушении пакта Келлога — Бриана.

Об этом уже говорилось в выступлении сэра Дэвида Максвелла-Файфа, и поэтому мне остается лишь остановиться на двух других частях приложения «С», а именно — части X, которая содержит обвинение в нарушении договора об арбитраже между Германией и Польшей, подписанного в Локарно

16 октября 1925 г., и части XV, в которой содержится обвинение в нарушении пакта о ненападении между Германией и Польшей от 26 января 1934 г.

Договор об арбитраже между Польшей и Германией, который упоминается в части X приложения «С», значится под № ТС-15.

Милорд, я хотел бы огласить введение и первые две статьи этого договора:

«Президент Германской империи и президент Польской республики в равной мере желают сохранить мир между Германией и Польшей путем обеспечения мирного урегулирования противоречий, которые могут возникнуть между двумя странами. Заявляя, что уважение прав, установленное договором или вытекающее из закона наций, является обязательным для международных трибуналов; соглашаясь признать, что права государства могут быть изменены только с его согласия, считая, что искреннее уважение методов мирного урегулирования международных споров дает возможность без применения силы разрешать вопросы, которые могут привести к разрыву между государствами, решили...»

Затем переходим к статье первой:

«Все споры любого рода между Германией и Польшей... и которые не могут быть урегулированы дружественным путем обычными дипломатическими методами, должны решаться арбитражным путем или передаваться постоянной палате международного правосудия, как указано ниже».

Перехожу сразу же к статье второй: «Прежде чем прибегнуть к арбитражной процедуре в Постоянной палате международного правосудия, спор может с согласия сторон быть передан для дружественного решения Постоянной международной комиссии, именуемой Постоянной арбитражной комиссией и учрежденной в соответствии с настоящим договором».

Затем в договоре устанавливается процедура арбитража и урегулирования вопросов.

Следует, однако, отметить, что обвинение в части X Обвинительного заключения говорит о том, что 1 сентября 1939 г. Германия незаконно напала и вторглась в Польшу, не попытавшись вначале решить споры с Польшей мирным путем.

Последний договор, о котором я буду говорить, это германо-польский договор о ненападении от 26 января 1934 г.

Этот договор гласит:

«Германское правительство и польское правительство (это было подписано 26 января 1934 г.) считают, что наступило время открыть новую эру в политических отношениях между Германией и Польшей путем заключения соглашения между этими государствами. Поэтому настоящей декларацией они ре-

шили установить основы для будущих отношений. Оба правительства считают, что сохранение и обеспечение постоянного мира между двумя странами является жизненно важным условием для общего мира в Европе.

Председатель: Думаете ли вы, что надо оглашать все это? Мы ведь принимаем документ без доказательств.

Гриффит-Джонс: Я готов сократить чтение. Ввиду последующих утверждений нацистского правительства я хотел бы особенно остановиться на последнем параграфе этой декларации:

«Настоящая декларация должна оставаться в силе в течение 10 лет со дня обмена ратификационными грамотами. Если эта декларация не будет денонсирована одним из правительств за 6 месяцев до истечения этого срока, она будет продолжать оставаться в силе, но каждое из правительств может ее денонсировать в любое время, предупредив об этом за 6 месяцев до денонсации».

Я перехожу от нарушения договоров к представлению доказательства относительно планирования и подготовки этих войн и подтверждения того, что они были войнами агрессивными.

Внимание Трибунала уже обращалось на то, что действия Германии против Австрии и Чехословакии также были частью подготовки к дальнейшей агрессии. Сейчас, касаясь ранней истории этой агрессии, я хотел бы обратить особое внимание Трибунала на те части документальных доказательств, которые свидетельствуют о том, что еще до того, как Германия захватила всю Чехословакию, нацисты были вполне готовы сражаться против Англии, Польши и Франции, если это было необходимо для достижения их целей. Они все время отдавали себе отчет в этом, и знаменательно, что хотя они лишь после марта 1939 года начали непосредственную подготовку к войне против Польши, в течение значительного времени до этого они уже планировали атаковать Польшу после того, как Чехословакия будет целиком в их руках.

В это время, как и в течение всей истории нацистского режима, составляя планы и проводя подготовку, они давали внешнему миру заверение за заверением, обязательство за обязательством с целью устранить всякое подозрение относительно их истинных целей. Как вчера говорил генеральный прокурор Великобритании, в данном случае даты, пожалуй, еще более красноречивы, чем документы.

Весьма интересно посмотреть, что сказал Гитлер после подписания договора с Польшей в январе 1934 года:

«Когда я пришел к власти 30 января, отношения между нашими двумя странами казались мне более чем неудовлетворительными. Была опасность, что существовавшие трудности,

которые возникли в результате территориальных условий Версальского договора, и взаимное напряжение постепенно превратятся в состояние враждебности, которое, если ему дать сохраниться, может легко приобрести характер опасной традиционной враждебности».

Перехожу к последнему параграфу:

«В духе этого договора германское правительство желает и готово развивать экономические отношения с Польшей таким образом, чтобы и в данном случае обстановка бесцельной подозрительности сменилась периодом полезного сотрудничества. Особое удовлетворение мы испытываем от того, что в этом же году национал-социалистское правительство Данцига было в состоянии произвести аналогичное разъяснение своих отношений с польским соседом».

Это было сказано в 1934 году; спустя три года Гитлер выступил в рейхстаге и заявил:

«Путем целого ряда соглашений мы устранили существовавшие трения и, таким образом, значительно способствовали улучшению обстановки в Европе. Я лишь напоминаю о соглашении с Польшей, которое было в интересах обеих сторон. Подлинное руководство государством никогда не будет упускать из вида реальные обстоятельства, а будет, наоборот, учитывать их. Итальянская нация и новое итальянское государство являются реальным фактором. Германская нация и германская империя в равной степени являются реальным фактором. И я хотел бы сказать моим согражданам, что польская нация и польское государство также стали реальным фактором».

Это было сказано 30 января 1937 г., а 24 июня 1937 г. был издан совершенно секретный приказ имперским военным министром и главнокомандующим вооруженными силами Германии Бломбергом. Сверху сказано: «Написано офицером. Все документы, которые будут в дальнейшем издаваться в связи с этим вопросом, должны быть написаны только офицером». Очевидно, это весьма секретный документ. К нему прилагается директива об единой подготовке к войне вооруженных сил. Эта директива должна была войти в силу 1 августа 1937 г. Первая часть директивы озаглавлена «Общие руководящие принципы». Вторая часть — «Возможные случаи военного характера». Третья часть — «Специальная подготовка».

Общее положение подтверждает, что Германии нет основания ожидать нападения с какой-либо стороны. Далее говорилось, во втором параграфе:

«Германия в равной мере не намеревается развязывать европейскую войну. Однако политически шаткое международное положение, которое не исключает неожиданных инцидентов, требует постоянной подготовленности к войне со стороны гер-

манских вооруженных сил для того, чтобы в любое время парировать атаки и сделать возможным военное использование политически благоприятных обстоятельств, если таковые наступят».

Затем там излагаются подготовительные мероприятия, которые должны быть проведены. Я хочу обратить особое внимание Трибунала на § 2-B: «Необходима дальнейшая работа по мобилизации без публичного объявления для того, чтобы поставить вооруженные силы в такое положение, когда начало войны для них не было бы внезапным как в отношении состава войск, так и в отношении сроков действий».

На следующей странице, в параграфе четвертом, говорится:

«Особая подготовка должна проводиться в случае возникновения следующих неожиданных обстоятельств:

вооруженное выступление против Австрии (карандашом написано — «осуществлено»); военное вмешательство против Красной Испании». И третья возможность, которая ясно показывает, что уже тогда они понимали, что их действия против Австрии и Чехословакии могут вовлечь их в войну: «Англия, Польша, Литва участвуют в войне против нас».

Я прошу Трибунал перейти ко второму разделу этой директивы.

«Возможные случаи военного характера — концентрация.

1. Война на два фронта с основным упором на Запад.

Предположение: На Западе Франция является противником. Бельгия может присоединиться к Франции сразу, или позднее, или вообще может не присоединиться. Возможно также, что Франция нарушит нейтралитет Бельгии, в случае если последняя будет нейтральной. Она безусловно нарушит нейтралитет Люксембурга».

Переходим к части третьей, которая имеется на странице этого документа. Я обращаю особое внимание на последний параграф на этой странице, который озаглавлен: «Особый случай расширения «красного-зеленого». Как вы помните, «Красное» — это была Испания, «Зеленое» — Чехословакия:

«...Военно-политическая обстановка, которая может послужить базой для «красного и зеленого» планов концентрации, станет сложнее, если Англия, Польша или Литва выступят на стороне наших противников. В этом случае наше нынешнее военное положение станет невыносимым, даже безнадежным. Поэтому политические лидеры должны делать все возможное, чтобы эти страны оставались нейтральными, прежде всего Англия и Польша».

Затем там говорится об условиях, которые должны служить базой для переговоров. Перед тем, как покончить с этим документом, я хотел бы отметить дату — 24 июня 1937 г. Документ

ясно показывает, что в то время нацистское правительство осознавало возможность и даже вероятность войны против Польши, Франции и Англии и было готово вести такую войну.

5 ноября 1937 г. Гитлер созвал совещание в имперской канцелярии, протокол которого был назван записью Госбаха.

Я хочу огласить лишь несколько фраз из этого протокола, чтобы напомнить Трибуналу, что Гитлер говорил в отношении Англии, Польши и Франции. В середине первой страницы этого документа говорится: «Фюрер затем заявил:

Цель германской политики — безопасность и сохранение нации и ее рост. Таким образом — это проблема пространства».

Как вы далее помните, он говорил об «участии в мировой экономике», а в конце второй страницы он заявил:

«Едиственный выход, который может показаться фантастичным, — это приобретение большего жизненного пространства, стремление, которое в течение всей истории было причиной создания государств и движения народов».

В конце первого абзаца третьей страницы говорится: «История всех времен Римской империи, Британской империи доказывает, что всякое расширение пространства может быть осуществлено только путем преодоления сопротивления, связанного с риском. Даже неудачи неизбежны. Ни прежде, ни теперь пространство не оставалось без владельца. Атакующий всегда сталкивается с владельцем».

В тот же день, когда составлялся протокол Госбаха, было издано коммюнике в результате аудиенции польского посла у Гитлера, в котором было сказано, что в ходе беседы «было подтверждено, что польско-германские отношения не должны встретить затруднений в связи с данцигским вопросом».

2 февраля 1938 г. какое-то неизвестное лицо составило памятную записку для фюрера. Этот документ является одним из семи документов германского министерства иностранных дел, которые были захвачены в виде микрофильма союзными войсками, когда они вступили в Германию. В документе написано: «Совершенно секретно. Передавать только лично». Он озаглавлен: «Заключение о докладе германского посольства в Лондоне относительно будущей формы англо-германских отношений».

Далее сказано:

«После того, как стало ясно, что Германия не будет считать себя связанной статус-кво в Центральной Европе и что рано или поздно в Европе может произойти вооруженный конфликт, надежда на соглашение постепенно улетучивается из умов германофильских британских политиков, поскольку они не просто разыгрывают заданную им роль. Таким образом, возникает роковой вопрос: присоединятся ли Англия и Германия в конеч-

ном счете к различным лагерям и будут ли они когда-нибудь сражаться друг против друга?»

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно уяснить следующее:

«Изменение статус-кво на Востоке в пользу Германии может произойти только путем применения силы. Пока Франция знает, что Англия, которая, так сказать, взяла на себя обязательство помогать Франции против Германии, находится на ее стороне, борьба Франции на стороне своих восточных союзников является вероятной и, во всяком случае, возможной, что приведет к войне между Германией и Англией. Это остается в силе, даже если Англия не хочет войны. Англия, которая считает, что она должна защищать свои границы на Рейне, будет автоматически вовлечена в войну с Францией. Другими словами, вопрос о войне или мире между Германией и Англией находится целиком в руках Франции, которая может вызвать такую войну между Германией и Англией путем конфликта между Германией и Францией».

Отсюда следует, что война между Германией и Англией из-за Франции может быть предотвращена только в том случае, если Франция будет с самого начала знать, что вооруженные силы Англии не будут достаточны для того, чтобы гарантировать их совместную победу. Такая ситуация может вынудить Англию, а следовательно, и Францию согласиться на многое, что сильная англо-французская коалиция не потерпела бы никогда.

Такое положение может создаться, например, если Англия ввиду недостаточности вооружения или в результате угрозы ее империи со стороны превосходящей по силе коалиции держав, которая будет сковывать ее вооруженные силы в других местах, не будет в состоянии оказать Франции достаточную поддержку в Европе».

На следующей странице содержится запись о возможности тесного сотрудничества между Италией и Японией. Я сейчас буду цитировать некоторые выдержки из той части документа, где автор подводит итог своим высказываниям:

«§ 5. Поэтому мы должны сделать следующие выводы:

1. Внешне стараться сохранять взаимопонимание с Англией относительно защиты интересов наших друзей.

2. Необходимо в строжайшей тайне, но с неослабевающим упорством создавать коалицию против Англии, что означает укрепление нашей дружбы с Италией и Японией; надо привлечь на нашу сторону все нации, чьи интересы прямо или косвенно совпадают с нашими. Требуется тесное тайное сотрудничество дипломатов трех великих держав, направленное на достижение этой цели. Только таким путем мы сможем, как равные,

противостоять Англии при мирном урегулировании споров или в войне. Англия, по-видимому, будет упорным и хитрым противником в этой дипломатической игре. Вопрос о том, вмешаются ли Франция и Англия в войну, начатую Германией в Центральной Европе, зависит от обстоятельств, а также от того, когда начнется и закончится эта война, и от различных соображений военного характера, в которые здесь неуместно вдаваться».

Кто бы ни был автором этого документа, это было, по-видимому, лицо, занимавшее высокое положение, потому что в конце документа говорится: «Я хотел бы изложить некоторые из этих соображений фюреру лично».

Если вы обратитесь к документу ПС-2357, то вы припомните, что документ, который я только что процитировал, датирован 2 февраля 1938 г.

Гитлер в своей речи сказал:

«По прошествии пяти лет после заключения империей первого важного международного соглашения мы испытываем чувство величайшего удовлетворения от того, что мы в состоянии заявить, что в наших отношениях к государству, с которым мы имели, пожалуй, самые серьезные противоречия, сейчас нет никаких разногласий и что в течение этих лет достигнуто значительное улучшение наших отношений. Эта деятельность, которая в свое время вызывала так много подозрений, выдержала испытание, и я сейчас могу сказать, что после того, как Лига наций отказалась от своих постоянных попыток разрешить вопрос о Данциге и назначила человека с большим кругозором в качестве нового посредника, — была устранена наиболее реальная возможность конфликта в европейских отношениях. Польское государство считается с национальными особенностями Данцига, а вольный город Данциг и Германия уважают права Польши. Таким образом, был проложен путь к дружественному взаимопониманию — взаимопониманию, которое, начавшись с Данцига, сегодня, вопреки попыткам определенных авантюристов, окончилось тем, что всякая неприязнь между Германией и Польшей была устранена и наши взаимоотношения превращены в искренне дружественное сотрудничество».

Опираясь на эту дружбу, Германия сделает все от нее зависящее, чтобы отстоять тот фундамент, который заложен для достижения нашего идеала — мира».

Я перехожу сейчас к документу Л-43, ВВ-29. Этот документ датирован 2 мая 1939 г. Он называется «Организационное исследование». Документ был составлен в отделе начальника штаба военно-воздушных сил, и в нем указано, что целью этого исследования является: «Установление на основании широко

проведенного исследования наиболее целесообразного типа организации военно-воздушных сил». Выводы, которые были сделаны в результате этого исследования, получили название «Отдаленная цель». Они, — говорится в документе, — являются отправным пунктом для новых исследований, которые будут проводиться до 1940 года, и выводы, сделанные на основании их, будут называться «Окончательная цель 1942 года».

Это в свою очередь послужит для разработки предложений по наиболее целесообразной реорганизации штабов военно-воздушных групп, округов, дивизий и т. д.

Как вы видите, приведенные материалы делятся на целый ряд секций, например, секция первая называется: «Предположения». Подзаголовок: «Предположение 1, граница Германии», см. карту, приложение 4-е. Сейчас вы увидите репродукцию этой карты на стене, причем отметите, что на 2 мая 1939 г. на ней помечено, что военно-воздушные силы расположены в Чехословакии, Польше, Австрии, Венгрии, в прибалтийских государствах, и все это включено в границы империи. Подлинник карты, который был приложен к подлинному документу, имеется здесь в нашем распоряжении. Если Трибунал ознакомится с оригиналом, то убедится, что организационное изучение велось с необычайной тщательностью и к материалам приложено множество карт и схем. Я ссылаюсь на конец второй страницы копии перевода «Соображения по поводу принципа организации на основании предположений о войне и мире», изложенные в разделе первом.

Там говорится:

«1. Атакующие силы: Основные противники — Англия, Франция и Россия».

Далее речь идет о 144-х эскадрильях, предназначенных для действий против Англии. Они должны быть сконцентрированы главным образом в западной части империи с тем, чтобы, максимально используя дальность полета, они достигали бы самых отдаленных частей английской территории.

Заглавие параграфа «Предположения» и подзаголовок второй — «Организация военно-воздушных сил в мирное время», «Командование 7 групп: 1) Берлин, 2) Брунsvик, 3) Мюнхен, 4) Вена, 5) Будапешт, 6) Варшава и 7) Кенигсберг».

Наконец, в последнем параграфе говорится: «Чем больше империя увеличивается территориально и чем более увеличивается мощь военно-воздушного флота, тем более необходимым становится иметь расположенные по местному принципу команды».

Я хочу подчеркнуть фразу: чем более империя растет территориально, тем сильнее становится ее военно-воздушный флот.

Я хотел бы еще сказать следующее по поводу этого документа. Оригинал подписан офицером, который, по-видимому, не занимал руководящего поста. Поэтому нельзя переоценивать значимость этого документа. Однако содержание документа показывает то направление, в котором работал генеральный штаб военно-воздушных сил в то время.

Трибунал вспомнит, что в феврале 1938 года Риббентроп сменил Нейрата на посту министра иностранных дел. У нас имеется документ, датированный 26 августа 1938 г., который адресован Риббентропу как имперскому министру «через статс-секретаря».

Это сравнительно небольшой документ, и я оглашу его полностью:

«Наиболее насущная проблема германской политики, проблема Чехии, легко может повести к конфликту с Антантой, но это не должно произойти. Ни Франция, ни Англия не хотят подвергаться беспокойству из-за Чехословакии. Вероятно, они обе оставят Чехословакию на произвол судьбы, если она без какого-либо прямого иностранного вмешательства, а лишь в силу раздробленности, в которой она сама виновата, получит от судьбы то, чего она заслуживает. Этот процесс, однако, должен будет происходить шаг за шагом и должен привести к присоединению остающейся территории путем плебисцита и аннексии территории. Чешская проблема не является столь злободневной в политическом отношении, поэтому нет нужды в немедленных действиях. Даже если эти действия не будут проведены достаточно быстро, все равно это не вызовет быстрой реакции со стороны Антанты. Германия не может назначить определенное время для выполнения этой цели. Она может быть достигнута без большого риска, и мы должны лишь направлять события в нужном нам направлении.

Поэтому тот лозунг, которого мы до сих пор не выдвигали намеренно, а именно — право судетских немцев на автономию — сейчас должен быть пущен в ход. Мир должен быть убежден в том, что право на самоопределение было отнято у немцев. Тогда не будет иметь большого значения тот факт, что окончательный распад чешского государства будет ускорен техническим путем. Этот процесс предопределяет судьбу Чехословакии в целом. Этот осторожный метод в отношении Чехословакии рекомендуется в связи с нашими отношениями с Польшей. Не подлежит сомнению, что если Германия перенесет свое внимание от проблем юго-восточных границ к границам на востоке и северо-востоке, это заставит поляков насторожиться. Дело в том, что после ликвидации чешского вопроса все будут считать, что Польша явится следующей жертвой. Однако чем позднее это мнение станет фактором международ-

ной политики, тем лучше. При такой обстановке в настоящее время лучше всего проводить германскую политику под хорошо известными и проверенными лозунгами «Право на автономию» и «Расовое единство». Всякие другие шаги могут быть расценены как неприкрытый империализм с нашей стороны, что может вызвать сопротивление нашим планам со стороны Антанты раньше и в более энергичной форме, чем это смогут выдержать наши вооруженные силы».

Это происходило 26 августа 1938 г., как раз в то время, как разыгрывался чешский кризис, приведший к Мюнхенскому соглашению. За два дня до того, как было подписано Мюнхенское соглашение, Гитлер выступил с речью, в которой он заверял, что «после разрешения этой проблемы у Германии больше не будет территориальных проблем в Европе».

Я обращаю внимание Трибунала еще на один документ, который уже был представлен моими американскими коллегами. Это письмо адмирала Карлса. Точная дата не указана, оно озаглавлено «Мнение по поводу проекта плана ведения морской войны против Англии». Там говорится: «Имеется полное согласие относительно основной темы этой работы».

Генеральный прокурор Великобритании вчера цитировал основную часть этого письма: «Если в соответствии с решением фюрера Германия должна занять положение мировой державы, то она нуждается не только в достаточных колониальных владениях, но и в безопасных морских коммуникациях и в выходе к океану».

Таково было положение во время Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 года.

Выгоды, которые принесло Мюнхенское соглашение, конечно, не были столь велики, как того ожидало нацистское правительство. Германия тогда оказалась недостаточно подготовленной к тому, чтобы немедленно начать агрессивные действия против Польши или кого-либо еще. Гитлер и Йодль отмечали, что Чехословакия являлась лишь трамплином для нападения на Польшу. Теперь вполне очевидным стал тот факт, что решение о нападении на Польшу было принято окончательно тогда, когда была завершена оккупация Чехословакии.

Мы теперь знаем, что Гитлер позднее сказал своим командующим. Трибунал помнит эту речь. Гитлер заявил, что он с самого начала не намеревался соблюдать Мюнхенское соглашение и должен был захватить всю Чехословакию. В результате этого нацисты после сентября 1938 года, хотя еще не были готовы обрушить всю свою силу на Польшу, начали поднимать вопрос о Данциге, пока в марте, как Трибунал увидит, не была захвачена вся Чехословакия. Но как только была оккупирована Судетская область, были приняты предварительные шаги

к тому, чтобы создать напряженные отношения с Польшей. Это, в конце концов, дало им повод, или так называемое оправдание, для нападения на Польшу.

Господа судьи, сейчас мы переходим к третьей части книги документов английского обвинения, в которую включены документы, касающиеся первоначальных переговоров между польским и германским правительствами по вопросу о Данциге. Эти переговоры начались почти немедленно после мюнхенского кризиса — в сентябре 1938 года и вначале протекали вполне миролюбиво до тех пор, пока в марте следующего года не была полностью захвачена остальная часть Чехословакии. Я обращаю внимание Трибунала на документ, взятый из официальной польской «Белой книги». «Во время беседы 24 октября за завтраком в Гранд-отеле в Берхтесгадене¹, на котором присутствовал господин Гевель, господин фон Риббентроп внес предложение относительно окончательного соглашения между Польшей и Германией о включении Данцига в империю, причем Польше будет обеспечено сохранение железнодорожных и экономических льгот. Польша должна согласиться на строительство экстерриториальной автостреды и железной дороги через Поморье. В качестве компенсации Риббентроп упомянул о возможности продления срока польско-германского соглашения до 25 лет и о гарантии польско-германских границ...» Я не думаю, что необходимо зачитывать следующие строки, и я перехожу к предпоследнему абзацу: «Наконец, я сказал господину Липскому, ... что я не вижу никаких возможностей соглашения, которое бы предусматривало включение вольного города Данцига в империю. Заканчивая беседу, я сказал, что передам содержание этого разговора вам...»

Я хочу подчеркнуть значение этого вопроса, так как Данциг вовсе не был основным предметом переговоров, как об этом заявил Гитлер. Это было лишь предлогом для оправдания. Цель была не захват Данцига, а вторжение на территорию Польши и захват всей Польши.

В дальнейшем, по мере представления доказательств, которыми мы располагаем, станет совершенно ясным, что действительной целью нацистского правительства всегда являлся захват Польши и создание своего рода кризиса для оправдания вторжения в остальную часть Польши.

Я сейчас перехожу к следующему документу. Это инструкции, которые господин Бек, министр иностранных дел Польши, дал господину Липскому для передачи германскому правительству в ответ на предложение, выдвинутое Риббентропом в Берх-

¹ Беседа Риббентропа с польским послом в Германии Липским. — Составитель.

тесгадене 24 октября 1938 г. Я хочу прочесть шестой параграф на второй странице этого документа:

«В настоящих условиях, по мнению польского правительства, решение данцигского вопроса определяется двумя факторами: с одной стороны — это право германского населения этого города и окружающих деревень на свободу и культурное развитие, и, с другой стороны, несомненно, что все вопросы, относящиеся к вольному городу Данцигу как порту должны рассматриваться Польшей.

Независимо от национальной принадлежности большинства населения, все в Данциге определено связано с Польшей».

Далее перехожу к изложению гарантий, предоставленных Польше, согласно § 7 существующего статута:

«...Принимая во внимание все вышеуказанные факты и желая достигнуть урегулирования отношений путем дружественного понимания между правительством Польши и Германской империей, польское правительство предлагает заменить гарантии и привилегии, предоставленные Лигой наций, двусторонним польско-германским соглашением. Это соглашение должно гарантировать существование вольного города Данцига таким образом, чтобы была обеспечена свобода национальной и культурной жизни для германского большинства, а также должно гарантировать все права Польши...»

«...Несмотря на затруднения и осложнения, которые может вызвать такая система, польское правительство должно заявить, что разрешение этого вопроса каким-либо другим путем, в особенности всякая попытка включить вольный город в империю, неизбежно поведет к конфликту. Это примет форму не только местных затруднений, но также и прекратит всякую возможность польско-германского взаимопонимания во всех сферах...»

И затем в восьмом параграфе говорится:

«Перед лицом значения и сложности этих вопросов я готов лично вести окончательные переговоры по этому вопросу с правительством империи. Я считаю, однако, необходимым, чтобы вы вначале рассмотрели принципы, которым мы следуем, с тем, чтобы мой контакт с вами не окончился провалом, что было бы опасно для будущего».

Вначале переговоры шли успешно, с германской точки зрения. Они выдвинули требование о включении вольного города Данцига в состав империи, заведомо зная, что это требование неприемлемо. Польское правительство сочло это неприемлемым и предупредило нацистское правительство о том, что Польша согласна вступить в переговоры, но не согласна на те предложения, которые выдвинуло нацистское правительство, и считает неприемлемым включение Данцига в состав империи. Гитлер на

это и рассчитывал. Так был создан желаемый кризис в германо-польских отношениях.

Приблизительно через неделю после того, как польское правительство предложило начать переговоры, верховным командованием германских вооруженных сил был издан совершенно секретный приказ, который был подписан Кейтелем. Он был разослан командованию военно-морским и военно-воздушным флотом, а также командованию сухопутных сил. Озаглавлен этот приказ как первое приложение к инструкции от 21 октября 1938 г. В нем говорилось:

«Фюрер приказал: Помимо трех важных контингентов, упомянутых в инструкции от 21.X. 1938 г., должны также проводиться подготовительные мероприятия с целью сделать возможной внезапную оккупацию вольного города Данцига германскими войсками. Подготовку следует проводить на следующей основе: осуществить квазиреволюционную оккупацию Данцига, используя благоприятную политическую ситуацию, не начинать войну с Польшей». В этот момент Германия не была готова вступить в войну против Польши, так как еще не вся Чехословакия была захвачена.

Этот документ показывает, каким образом нацистское правительство ответило на предложение польского правительства начать переговоры.

5 января 1939 г. Бек имел беседу с Гитлером. Нет нужды в том, чтобы читать полностью этот документ, который идет под № ТС-73.

В начале этой беседы, о которой говорится в этом документе, Гитлер говорил, что он всегда следовал принципам политики, изложенным в соглашении от 1934 года. Обсуждая вопрос о Данциге, Гитлер заявил, что, с точки зрения Германии, Данциг должен быть возвращен Германской империи. Я сейчас оглашу предпоследний параграф:

«Господин Бек ответил, что вопрос о Данциге представляет собой весьма трудную проблему. Он добавил, что предложение канцлера не предусматривает достаточной компенсации для Польши и что не только политические деятели Польши, но и самые широкие слои польской общественности относятся к этому вопросу очень болезненно. В ответ на это канцлер сказал, что для разрешения этой проблемы будет необходимо найти какой-то совершенно новый способ, новую форму, для чего фюрер использовал термин «Корпоршафт» (корпоративность), причем, с одной стороны, — будут гарантированы интересы германского населения, а с другой стороны, — польские интересы.

В дополнение к этому канцлер заявил, что министр может быть вполне спокоен относительно того, что не будет никаких осложнений обстановки в Данциге и что ничего не будет пред-

принято с целью затруднить положение польского правительства...»

Как помнит Трибунал, уже 24 ноября 1938 г. нацистским правительством были изданы приказы о подготовке к неожиданному захвату Данцига. Это не помешало Гитлеру убеждать польского министра иностранных дел, что нет никаких данных опасаться совершившегося факта и что польское правительство может быть спокойным.

Я перехожу к следующему документу — это запись беседы между господином Бекем и Риббентропом, происходившей 6 января 1939 г. — на следующий день после той беседы между Бекем и Гитлером, на которую я только что ссылался:

«Господин Бек попросил господина Риббентропа информировать канцлера о том, что после всех его бесед с германскими государственными деятелями он был настроен оптимистически, но сегодня впервые он настроен пессимистически. Особенно это относится к вопросу о Данциге. В той форме, в какой этот вопрос был поставлен канцлером, он не видел никакой возможности для соглашения». Я подчеркиваю этот последний абзац: «В ответ на это фон Риббентроп еще раз подчеркнул, что Германия не хочет никакого насильственного разрешения этого вопроса. Основой германской политики в отношении Польши все еще являлось желание дальнейшего улучшения дружественных отношений, и поэтому всякий путь для разрешения этих трудностей должен был предусматривать уважение прав и интересов обеих участвующих сторон».

Подсудимый Риббентроп был определенно не удовлетворен этим изъявлением доброй воли, и спустя три недели, 25 января 1939 г., он отправился в Варшаву, где произнес еще одну речь.

Выдержку из речи Риббентропа в Варшаве я представляю под № ВБ-36:

«В соответствии с твердым желанием лидера германской нации дальнейшее развитие и укрепление дружественных отношений между Германией и Польшей на основании существующих соглашений составляют важнейший элемент внешней политики Германии. Политическое предвидение и принципы, которые говорят о подлинном руководстве государством, побудившие обе стороны принять важное решение в 1934 г., дают гарантию того, что все другие проблемы, которые будут возникать в процессе дальнейшего хода событий, могут разрешаться в том же самом духе, то есть в духе взаимного уважения и понимания интересов обеих сторон».

Таким образом, Польша и Германия могут смотреть в будущее с полной уверенностью в нерушимых основах их взаимоотношений».

Затем мы переходим к событиям марта 1939 года — к захвату остальной части Чехословакии, а также организации протектората Моравии и Богемии.

Я прошу Трибунал обратить внимание на следующую часть книги документов, а именно на четвертую часть этой книги. Я хотел бы сослаться на три документа, которые говорят о том, как Гитлер и Иодль расценивали преимущества, которые были получены после захвата Чехословакии.

Господин Олдерман вчера утром очень подробно останавливался на этом вопросе и демонстрировал на карте те преимущества, которые получила Германия в отношении Польши после захвата Чехословакии. Поэтому я не стану на этом останавливаться. Документы уже представлены, и если Трибунал пожелает еще раз вернуться к ним, то будет нетрудно найти их в соответствующем порядке в книге документов.

Как это было сказано, спустя только неделю после вступления германских войск в остальную часть Чехословакии, все внимание было обращено на следующую жертву — Польшу.

Я прошу Трибунал обратить внимание на документ ТС-73. Это «Официальные документы, касающиеся польско-германских отношений».

21 марта 1939 г. господин Бек вновь встретился с Риббентропом. Разговор происходил в более напряженной атмосфере, нежели беседа в Гранд-отеле в Берхтесгадене.

Цитирую сообщение г-на Липского:

«Я видел сегодня фон Риббентропа. Он начал беседу с того, что просил меня навестить его с тем, чтобы обсудить польско-германские отношения. Он жаловался на нашу печать и на то, что варшавские студенты во время визита графа Чиано устроили демонстрацию...

...Далее фон Риббентроп сослался на беседу в Берхтесгадене между вами и канцлером, во время которой Гитлер выдвинул идею гарантии границ Польши взамен на разрешение строительства автострды и включения Данцига в империю. Он сказал, что между ним и вами состоялись также и другие беседы в Варшаве на ту же тему и что вы указали тогда на большие трудности в принятии этих предложений. Он дал мне понять, что все это произвело весьма неблагоприятное впечатление на канцлера, так как до сих пор он не получил никаких благоприятных положительных откликов с нашей стороны на все эти требования. Фон Риббентроп говорил с канцлером только вчера. Он сказал, что канцлер все еще был склонен к тому, чтобы установить хорошие отношения с Польшей, и выразил желание иметь обстоятельную беседу по поводу наших взаимоотношений. Господин Риббентроп указал, что он находился под впечатлением того, что трудности, возникающие между нами, вызваны

некоторым непониманием подлинных целей империи. Он сказал, что проблему надо обсуждать в ином плане. По его мнению, оба наши государства зависят друг от друга».

Далее Риббентроп подчеркнул требование Германии о передаче Данцига Германской империи. Я считаю, что нет необходимости оглашать следующую страницу, и я перехожу к первому параграфу другой страницы этого документа.

Господин Липский пишет: «Я указал, что сейчас — при решении чехословацкого вопроса — между нами нет никакого взаимопонимания. Чешский вопрос представлял большой интерес для польской общественности прежде всего потому, что чехи являются славянами. Но в отношении Словакии положение было еще более трудным. Я указал на нашу общность расы, языка и религии, упомянул о той помощи, которую мы оказали этому народу в его борьбе за независимость. Я указал также на нашу длинную границу с Чехословакией. Я указал, что польские обыватели не поймут, почему империя приняла на себя протекторат над Чехословакией, так как этот протекторат нарушает интересы Польши. Я подчеркнул, что этот вопрос причиняет большой вред нашим отношениям. Господин Риббентроп минуту подумал, а затем ответил, что это можно обсудить. Я обещал сообщить вам о предложенной встрече между вами и канцлером. Господин Риббентроп ответил, что мне следует в ближайшие дни поехать в Варшаву, чтобы обсудить этот вопрос. Он советовал не откладывать эту встречу, чтобы у канцлера не создалось впечатление, будто бы Польша отвергает все его предложения.

Наконец, я спросил его о том, может ли он мне что-нибудь сказать о его беседе с министром иностранных дел Литвы, на что Риббентроп неопределенно ответил, что он видел г-на Урбиса по возвращении его из Рима и они обсуждали вопрос о Мемеле, который нуждается в разрешении».

Разговор этот происходил 21 марта, а уже на следующий день войска нацистской Германии вступили на территорию Мемеля. Таково было «решение вопроса о Мемеле».

В результате этих событий правительства Великобритании и Польши начали испытывать вполне естественное беспокойство и поэтому начали вести переговоры между собою.

31 марта премьер-министр Чемберлен выступил в палате общин. Он тогда указал, что в результате переговоров, которые происходили между польским и британским правительствами, было достигнуто соглашение. Я сейчас цитирую выдержку из предпоследнего параграфа его заявления:

«Как об этом было известно палате общин, в настоящее время происходят определенные консультации между правительствами Великобритании и других стран. Чтобы высказать

ясно позицию Правительства Его Величества, прежде чем закончатся эти переговоры, я должен сейчас информировать палату общин о том, что, если в течение этого периода будут предприняты с чьей-либо стороны действия, угрожающие независимости Польши, которым польское правительство сочтет нужным оказать сопротивление при помощи вооруженных сил, то Правительство Его Величества будет считать себя обязанным оказать польскому правительству всякую поддержку, какая будет в его силах. Британское правительство дает в этом гарантии польскому правительству. Я хочу добавить, что французское правительство уполномочило меня заявить, что в этом вопросе его точка зрения полностью совпадает с позицией Правительства Его Величества».

Спустя неделю, 6 апреля, английским и польским правительствами было издано совместное официальное коммюнике, в котором вновь повторялись заверения, о которых за неделю до этого говорил премьер-министр в палате общин, и в котором Польша обязывалась оказать поддержку Англии в случае нападения на последнюю.

Беспокойство британского и польского правительств оказалось обоснованным. Через неделю был издан приказ, подписанный Кейтелем 11 апреля 1939 г. Приказ озаглавлен: «Директива вооруженным силам на 1939—40 гг.». Это новая директива об объединенной подготовке к войне для вооруженных сил на 1939—40 гг. Часть первая (обеспечение границ) и часть третья (Данциг) в основном оставлены без изменения. Часть вторая «план Вейс» — прилагалась. «...Фюрер добавил следующие указания к «плану Вейс»:

1) Подготовительные мероприятия должны проводиться таким образом, чтобы операция могла быть произведена в любой день после 1 сентября 1939 г.

2) Высшее командование вооруженных сил сейчас получило распоряжение установить точный график времени для проведения «плана Вейс» — точно согласовать во времени действия всех трех родов войск.

3) Планы действий различных родов войск и детали относительно графика должны быть представлены верховному командованию к 1 мая 1939 г.»

Этот документ был разослан ОКЛ, ОКХ и ОКМ.

Я прошу Трибунал обратить внимание на страницу вторую этого документа. Там имеется перевод другого документа от 11 апреля 1939 г. Этот документ подписан Гитлером. В нем говорится: «Позднее в отдельной директиве я укажу будущие задачи вооруженных сил, а также подготовительные мероприятия, которые должны производиться для подготовки к ведению войны. До того как будет издан упомянутый приказ, вооружен-

ные силы должны готовиться для выполнения следующих операций:

1. Обеспечение безопасности границ германской империи и защита против неожиданного нападения с воздуха.

2. «План Вейс».

3. Овладение Данцигом.

В приложении № 4 даются инструкции относительно поведения военных властей в Восточной Пруссии в случае событий, которые могут привести к войне».

Этот документ также был разослан командованию военноморского флота, военно-воздушного флота и командованию сухопутных сил.

На следующей странице той копии, которая находится у Трибунала, имеется перевод первого приложения, где даются указания относительно охраны границ империи. Я сейчас буду цитировать из второго параграфа, который озаглавлен: «Специальные приказы».

«Легальные основы. Следует ожидать, что состояние обороны или состояние войны так, как оно определено в законе от 4. IX. 1938 г., не будет объявлено. Все мероприятия, необходимые для проведения мобилизации, должны основываться на законах мирного времени». Я предъявляю этот документ под № ВВ-41, С-120.

Под этим же номером представлены еще некоторые документы, на которые я буду ссылаться в хронологическом порядке. Заявление английского премьер-министра в палате общин, за которым последовало англо-польское коммюнике от 6 апреля, было использовано нацистским правительством для усугубления созданного нацистами кризиса по поводу Данцига. 28 апреля 1939 г. нацистское правительство издало меморандум, в котором оно утверждало, что англо-польская декларация несовместима с соглашением от 1934 года между Польшей и Германией и что поэтому, вступив в соглашение с Англией, Польша окончательно отказалась от соглашения 1934 года. Я считаю вам только три или четыре небольших выдержки из этого документа.

Их следует прочитать хотя бы для того, чтобы показать всю ложь этого документа:

«Германское правительство приняло к сведению польско-британскую декларацию относительно хода и целей переговоров, которые недавно происходили между Польшей и Великобританией. Согласно этой декларации, между польским и британским правительствами было заключено временное соглашение, которое, спустя короткое время, должно быть заменено постоянным соглашением с целью обеспечения взаимной помощи между Великобританией и Польшей в случае, если будет

возникать прямая или косвенная угроза независимости этих государств». В трех следующих параграфах излагается история дружеских отношений Германии и Польши.

Я перехожу к последнему, пятому, абзацу на этой странице, где говорится: «Соглашение, которое сейчас заключено между польским и британским правительствами, столь очевидно находится в противоречии с торжественными декларациями, которые были сделаны всего лишь несколько месяцев назад, что германское правительство изумлено таким неожиданным и грубым поворотом в политике Польши. Независимо от того, как будет сформулировано окончательное решение, новое польско-британское соглашение будет, очевидно, постоянным договором о союзе и по своему общему смыслу, а также, принимая во внимание существующие политические отношения, направлено исключительно против Германии. Из тех обязательств, которые приняло на себя польское правительство, явствует, что Польша намеревается принять активное участие в случае любого германо-британского конфликта, в случае агрессии против Германии и даже, если такой конфликт не будет касаться непосредственно Польши и ее интересов. Это является открытым и непосредственным нарушением соглашения об отказе от использования силы, о котором говорилось в декларации от 1934 года.

Польское правительство, однако, своим недавним решением заключить союз, направленный против Германии, дало понять, что оно предпочитает заверения в помощи со стороны третьей державы прямым гарантиям мира со стороны германского правительства. Учитывая это, германское правительство должно прийти к заключению, что польское правительство не придает никакого значения разрешению германо-польской проблемы путем прямых, дружественных переговоров с германским правительством. Таким образом, польское правительство отвергает пакт, заключенный в 1934 году, относительно германо-польских отношений».

В то время как был составлен этот меморандум, приказ о подготовке к оккупации Польши был уже издан в Германии и составлялся график наступления.

Далее в документе говорится о последних переговорах и беседах. Там говорится о тех требованиях от 21 марта, которые германское правительство предъявило польскому правительству, относительно присоединения Данцига к империи и относительно автострады в ответ на двадцатипятилетние гарантии, данные Германией.

Я перехожу к предпоследнему параграфу на стр. 3 этого документа, где говорится:

«Польское правительство не воспользовалось предложением, которое было выдвинуто германским правительством от-

носителем справедливого разрешения данцигского вопроса и гарантии безопасности польских границ, и, таким образом, оно отказалось от постоянного укрепления дружественных отношений между двумя странами. Польское правительство прямо отвергло германские предложения по этому вопросу. В то же время польское правительство приняло в отношении другого государства политические обязательства, которые несовместимы ни с духом, ни с буквой германо-польской декларации от 26. I. 1934 г. Таким образом, польское правительство произвольно и односторонне аннулировало эту декларацию».

Далее в меморандуме указывалось, что правительство империи, тем не менее, готово сохранять свои дружественные отношения с Польшей. В тот же день, когда был издан меморандум, Гитлер 28 апреля выступил с речью в рейхстаге.

Он повторил те же выражения, которые имелись в меморандуме. Гитлер вновь повторил требования и предложения Германии в отношении Польши, которые были сделаны в марте, и заявил, что Польша отвергла эти предложения.

Там далее говорится: «Я весьма сожалею, что польское правительство заняло такую непонятную позицию. Но это не является решающим фактором. Самым худшим является то, что Польша, подобно Чехословакии, под давлением международной кампании считает, что она должна прибегнуть к мобилизации, тогда как Германия со своей стороны не призвала ни одного человека и никоим образом не готовится к выступлению против Польши. Как я сказал, это является весьма печальным фактом. И потомство решит, правильно ли поступила Польша, отвергнув мои предложения. С моей стороны были предприняты все усилия к тому, чтобы разрешить путем компромисса вопрос, который непосредственно касается германского народа, и разрешить его так, чтобы это отвечало интересам обеих стран. По моему убеждению, Польша в этом вопросе не является страной, которая уступает, а наоборот, она получает, потому что, вне всякого сомнения, Данциг никогда не должен был стать польским. Намерения Германии совершить нападение были вымышлены международной прессой. Это привело к тому, что мы предложили Польше известные гарантии, взамен которых она должна была принять обязательства в порядке взаимной помощи».

Нет необходимости, милорд, оглашать дальше этот документ. Из него ясно видно, насколько ложны были заявления германского правительства. Так выступал Гитлер, имея в своем распоряжении копии приказов о подготовке нападения против Польши, что не помешало ему называть «измышлениями международной прессы» намерения Германии напасть на Польшу.

В ответ на этот меморандум и эту речь Гитлера польское правительство издало меморандум от 5 мая 1939 г. В нем

говорится о мирных принципах, заложенных в соглашении 1934 года, предусматривающем отказ от применения силы и установление дружественных отношений между двумя государствами, а также разрешение споров путем арбитража и другими мирными путями. Далее говорится о том, что польское правительство давно согласно вести переговоры о Данциге.

Польское правительство утверждает, что 26 марта оно представило германскому правительству свое мнение по вопросу о Данциге, сводившееся к тому, чтобы дать городу Данцигу взаимные гарантии, основанные на принципе предоставления местному населению автономии во внутренних делах.

В меморандуме говорится, что Польша готова была обсудить все возможности постройки автостреды и вопрос о железнодорожных льготах, но не получила ответа.

«Ясно, что переговоры, во время которых одно правительство выдвигает требования, а другое обязано принять все требования без всяких изменений, не являются переговорами в духе декларации 1934 года и несовместимы с интересами и достоинством Польши».

Так резюмируется вся позиция Польши. Затем польское правительство опровергало обвинения, выдвинутые со стороны германского правительства относительно того, что англо-польское соглашение несовместимо с германо-польским соглашением 1934 года и что Германия сама вступала в аналогичные соглашения с другими странами, и в конце, на следующей странице, польское правительство заявляло, что оно согласно заключить новый пакт с Германией в случае, если Германия согласится на это.

Я попрошу Трибунал вернуться к документу С-120. Я ссылаюсь на этот документ всего лишь несколько минут назад. Я хочу обратить ваше внимание на шестую страницу этого документа. Это — письмо верховного главнокомандующего вооруженными силами, подписанное Гитлером. Оно датировано 10 мая и было направлено командованию военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил, различным отделам ОКВ. По-видимому, к этому письму приложением служили «Инструкции относительно ведения экономической войны, а также защиты германской экономики». Этот документ показывает, что подготовка к агрессии велась непрерывно. В нем говорилось о том, что должны проводиться все необходимые мероприятия в области экономики с целью быть готовыми к войне в любой момент, начиная с ближайшего времени.

Период подготовительных мероприятий, закончившийся в мае 1939 года, завершается совещанием, которое проводилось в имперской канцелярии 23 мая 1939 г. Этот документ Л-79 известен нам как протокольная запись Шмундта.

Я не намереваюсь зачитывать какие-либо выдержки, так как все уже зачитывалось и Трибунал помнит, что это была речь, произнесенная Гитлером, в которой он требовал «жизненного пространства» и говорил, что Данциг не является предметом спора, что важнейшим вопросом является приобретение «жизненного пространства» на Востоке. Гитлер тогда сказал, что решение напасть на Польшу уже принято.

На совещании присутствовали подсудимые Геринг, Кейтель, Редер и другие.

Я хотел бы прочесть несколько строк из этого документа: «Если бы существовал союз между Францией, Англией и Россией против Германии, Италии и Японии, то я тогда бы принял атаку против Англии и Франции и уничтожил их несколькими ударами. Фюрер сомневается в возможности мирного разрешения вопроса с Англией».

Таким образом, Гитлер не только решил напасть на Польшу, но одновременно был готов начать войну с Англией и Францией.

Перехожу к следующему периоду, который я бы охарактеризовал как последние подготовительные мероприятия и который охватывает период от июня 1939 года до сентября, то есть до начала войны.

Если вы познакомитесь с указателем, имеющимся в книге документов, то вы заметите, что я разделил все доказательства для удобства на 4 группы, озаглавленные: 1) окончательная подготовка вооруженных сил, 2) экономическая подготовка, 3) известные оберзальцбергские речи, 4) документы о политической и дипломатической подготовке к ускорению кризиса и оправданию вторжения в Польшу. Я прошу Трибунал обратить внимание на первый документ этой папки, который касается окончательной подготовки вооруженных сил. По существу этот документ состоит из нескольких документов, и я ссылаюсь на второй документ от 22 июня 1939 г. В нем говорится:

«Верховное командование вооруженных сил представило фюреру проект оперативного плана по проведению «плана Вейс», который основан на данных, полученных от военно-морского флота, армии и военно-воздушных сил. Детали, касающиеся дней, которые должны предшествовать наступлению, и начало самого наступления не предусмотрены этим планом.

Фюрер и верховный главнокомандующий в основном согласен с представленным военно-морским флотом, армией и военно-воздушными силами оперативным планом и сделал следующие замечания по отдельным пунктам.

1. С целью не беспокоить население призывом резервов в большей степени, чем это необходимо для маневров, назначенных на 1939 год, решено, что учреждения, предприниматели,

а также частные лица, которые могут обратиться с запросом, должны получить ответ, что призыв производится для осенних маневров и что создающиеся части должны быть использованы на этих маневрах. Следует издать подобную инструкцию и для подчиненных предприятий...» Документ подписан Кейтелем.

Таким образом, нацистское правительство уже в июне проводило мобилизацию, но делало это секретным порядком. «В интересах обеспечения безопасности предполагавшееся в соответствии с указанием верховного командования армии освобождение госпиталей вблизи польской границы производить не следует».

Я не считаю нужным читать далее этот документ. Здесь имеется также документ от 2 августа 1939 г. Я хочу огласить небольшой отрывок:

«При сем прилагаются оперативные инструкции по использованию подводных лодок, которые должны быть посланы в Атлантический океан из предосторожности на случай, если план проведения «операции Вейс» останется без изменения. Подводный флот получит оперативные приказы к 12 августа».

Я думаю, что подсудимый Дениц знал тогда, что его подводные лодки должны быть направлены в Атлантический океан на случай, если проведение «плана Вейс» останется без изменения.

Следующий документ С-30 — это письмо, которое датировано 27 июля 1939 г. Оно содержит указания военно-воздушным и морским силам по проведению оккупации вольного города Данцига. Там говорится: «Фюрер и верховный командующий вооруженными силами приказал вновь объединить вольный город Данциг с Великой германской империей. Вооруженные силы должны оккупировать Данциг немедленно. Если со стороны Польши не будет оказано сопротивления, следует обойтись без применения силы». Затем даются указания о том, как проводить оккупацию.

Все эти документы представляют особый интерес в свете дипломатических действий Германии, которая накануне начала войны заявляла о своей готовности разрешить вопрос мирным путем.

Однако документы доказывают, что решение уже было принято и ничто не могло заставить Германию изменить это решение. Этот документ гласит: «Если со стороны Польши не будет оказано сопротивления, следует обойтись без применения силы». Тем не менее установлено, что в течение июля и до начала войны принимались меры для вооружения германского населения Данцига с тем, чтобы оно приняло участие в будущей его оккупации.

Обращаю внимание Трибунала на документ ТС-71, ВБ-47. В этом документе приводятся некоторые из многочисленных док-

ладов, которые почти ежедневно направлялись генеральным консулом в Данциге господином Шефердом министру иностранных дел Великобритании.

Я хочу сослаться только на два из этих сообщений, которые свидетельствуют о том, что происходило.

Первое сообщение датировано 1 июля 1939 г. Там говорится: «Вчера утром четыре германских офицера в штатской одежде прибыли сюда ночным экспрессом с целью организовать в Данциге хеймвер. Все подступы к холмам, а также старые укрепления на западной границе города, служившие местом гуляния, были обнесены колючей проволокой, и там были вывешены надписи, запрещающие вход. На стенах имелись надписи: «Храните молчание, чтобы не пожалеть о последствиях». Командир британского парохода, находясь в Кенигсберге с 28 по 30 июня, наблюдал значительную военную активность, как, например, погрузку на суда большого количества грузовиков и различных материалов, которые перевозились небольшими судами каботажного плавания. 28 июня четыре парохода, груженных войсками, грузовиками, походными кухнями и т. п., вышли из Кенигсберга якобы для возвращения в Гамбург с маневров, а в действительности направились в Штеттин».

В отчете от 10 июля 1939 г. говорится: «Тот же информатор, который, я полагаю, заслуживает доверия, сообщил мне, что 8 июня он лично видел около 30 военных грузовиков с номерами Восточной Пруссии на Бишофберге, а также множество походных кухонь, расположенных за ограждениями. Он видел также 8 больших зенитных орудий, которые были расположены на огневой позиции, калибром не менее 3-х дюймов и 3 шестиствольных легких зенитных пулемета. Там было не менее 500 человек, вооруженных винтовками. Все эти места укреплены и окружены колючей проволокой».

Я не хочу занимать время Трибунала дальнейшим чтением. Я огласил только два отчета, показывающие военные приготовления в Данциге.

12 и 13 августа все подготовительные мероприятия были практически закончены и уже было намечено провести вторжение в Польшу. 1 сентября Гитлер и подсудимый Риббентроп наконец-то открыли эти планы своему союзнику Италии. 23 мая в своей речи о предполагаемом нападении на Польшу, которую я сейчас не цитирую целиком, так как этот документ оглашался ранее, Гитлер в отношении предполагаемого нападения на Польшу сказал: «Наши планы должны храниться в секрете даже от наших союзников Италии и Японии».

Теперь же, когда это было выполнено, он открыл свои планы своему союзнику — Италии, надеясь, что она присоединится к Германии. Запись всей беседы — очень длинный документ.

Я хочу прочесть только некоторые выдержки из указанного документа. Во время этой беседы Гитлер убеждал итальянцев вступить в войну. Итальянцы, в частности Чиано, были весьма удивлены. По его словам, они совершенно не представляли, что вопрос может быть таким срочным, и были не готовы. Поэтому Чиано стремился убедить Гитлера отложить это нападение до тех пор, пока дуче не подготовится лучше.

Ценность этого документа состоит в том, что в нем ясно показаны намерения Германии во что бы то ни стало напасть на Францию и Англию, хотя и не одновременно с нападением на Польшу.

Я обращаю внимание Трибунала на вторую страницу этого документа. Гитлер пытался продемонстрировать перед Чиано силу Германии, ее способность выиграть войну и, таким образом, пытался убедить Италию вступить в войну. Он говорил:

«На море Англия в настоящий момент не имеет перспектив на немедленное усиление. Потребуется определенный промежуток времени, прежде чем какой-либо из боевых кораблей, которые сейчас строятся, сможет вступить в строй. Что касается сухопутной армии, то после введения воинской повинности было призвано 60 тысяч человек.

Если Англия будет держать необходимые войска на своей собственной территории, то она сможет послать во Францию самое большое две пехотных и одну бронетанковую дивизию. В дальнейшем она сможет передать также небольшое число эскадрилий бомбардировщиков, но едва ли она сможет предоставить Франции сколько-нибудь истребителей, так как в начале войны германские военно-воздушные силы немедленно атакуют Англию и английские истребители понадобятся для защиты собственной страны.

Что касается общего положения Франции, то фюрер заявил, что в случае всеобщей войны после уничтожения Польши, что не займет много времени, Германия сможет сосредоточить сотни дивизий вдоль западного вала, и Франция будет вынуждена сконцентрировать все колониальные войска, войска, снятые с итальянской границы, для защиты на линии Мажино, где будет вестись стремительная борьба.

Фюрер также считает, что французам будет нелегко преодолеть итальянские укрепления так же, как трудно будет преодолеть западный вал...

...Польская армия весьма неровна по качеству и вооружению, и наряду с отборными дивизиями, предназначенными для парадов, имеются хуже подготовленные войска. У Польши очень слаба противотанковая и противовоздушная оборона, и в настоящий момент ни Франция, ни Англия не смогут ей помочь в этом отношении.

Если, однако, Польша будет получать поддержку со стороны западных держав в течение длительного периода времени, то она сможет получить нужное вооружение и тем самым германское превосходство будет уменьшено. Население Польши настроено иначе, чем фанатики из Варшавы и Кракова. Кроме того, необходимо учитывать положение польского государства. Из 34 миллионов населения полтора миллиона — немцы, четыре миллиона — евреи и 9 миллионов — украинцы. Поэтому число настоящих поляков значительно меньше, чем общее число населения, и, как было уже сказано, способность сражаться у них не особенно велика. При этих условиях Польша может быть разбита Германией в весьма короткий период времени. Поскольку Польша всем своим поведением показала, что при любом конфликте она будет на стороне врагов Германии и Италии, то быстрая ликвидация ее очень желательна ввиду неизбежного конфликта с западными державами.

Если враждебная Польша останется восточным соседом Германии, это не только свяжет 11 восточных прусских дивизий, но и вызовет необходимость держать значительные контингенты войск в Померании и Силезии. Это не потребует в случае предварительной ликвидации Польши».

Я перехожу к следующей странице. В начале страницы говорится:

«Возвращаясь к данцигскому вопросу, фюрер сказал, что для него сейчас невозможно отступление. Он заключил соглашение с Италией о том, что немцы будут убраны из южного Тироля и что поэтому он всеми мерами должен избегать того, чтобы это не послужило прецедентом для других территорий. Далее он объяснил вывод войск из Тироля тем, что германская политика должна развиваться в восточном и северо-восточном направлениях. Восточное и северо-восточное направления, то есть балтийские и прибалтийские государства, были всегда неоспоримой сферой влияния Германии с незапамятных времен. В то же самое время средиземноморский бассейн всегда был сферой влияния Италии. По экономическим причинам Германия нуждается в продовольствии и в строительном лесе из этих восточных территорий».

Это и была подоплека всего вопроса. Как вы видите, сущность заключалась не в притеснении германского национального меньшинства, а в экономических причинах — заинтересованности Германии в сырье и лесных ресурсах Польши.

Продолжаю цитировать: «В вопросе о Данциге германские интересы являлись не только материальными, хотя город представляет собою величайший порт на Балтике и Данциг был всегда Нюрнбергом Севера, древнегерманским городом, который вызывает лучшие национальные чувства у каждого немца,

и фюрер обязан принимать во внимание также и этот элемент общественного мнения.

Если провести сравнение с Италией, то граф Чиано должен представить себе, как бы он поступил в случае, если бы Триест был в руках Югославии и если бы итальянское национальное меньшинство подвергалось бы гонениям на территории Югославии. Трудно предположить, что Италия долго оставалась бы спокойной в этом случае. В ответ на это заявление фюрера Чиано, во-первых, изъясил большое удивление по поводу того, что положение оказалось столь серьезным. Ни во время переговоров в Милане, ни во время недавнего визита Чиано в Берлин ни с германской стороны не упоминалось, что положение с Польшей является настолько серьезным. Напротив, Риббентроп заявлял, что вопрос о Данциге может быть со временем разрешен. По этим причинам дуче, считающий, что конфликт с западными державами неизбежен, рассчитывает на возможность подготовки к нему в течение двух или трех лет. Если невозможно избежать конфликта в ближайшем будущем, то дуче, как сказал Чиано, будет, конечно, на стороне Германии. Но, с другой стороны, он, по различным причинам, приветствовал бы, чтобы конфликт был отложен на более позднее время».

Затем Чиано с помощью карты показал, какова будет позиция Италии в случае всеобщего вооруженного конфликта. Он уверен, что конфликт с Польшей не ограничится только этой страной, но перерастет во всеобщую европейскую войну, и поэтому Чиано пытался убедить Гитлера воздержаться от немедленных действий.

Я прочитаю две строчки из страницы пятой:

«По этим основаниям дуче очень настаивал, чтобы державы оси произвели демонстративный жест, который убедил бы вновь все народы в мирных намерениях Италии и Германии».

Ответ Гитлера на его доводы мы можем найти на следующей странице: «Фюрер сказал, что разрешение польской проблемы должно быть произведено немедленно. Нельзя терять времени. Чем больше мы будем ждать, тем больше трудностей мы встретим при проведении военных операций в Восточной Европе. После середины сентября условия погоды сделают невозможными какие-либо военно-воздушные операции на этих территориях. Состояние дорог таково, что они быстро превращаются в море грязи после наступления осенних дождей. Это делает также невозможным использование этих дорог моторизованными силами. С сентября до мая Польша представляет собой сплошное болото и едва ли там можно проводить какие-либо военные операции. Однако Польша может оккупировать Данциг в сентябре, и Германия не будет в состоянии сделать что-нибудь против этого, так как этот город она бомбить не сможет.

Затем Чиано спросил, когда, по мнению фюрера, необходимо разрешить данцигский вопрос. Фюрер ответил, что он должен быть так или иначе разрешен не позднее августа. На вопрос Чиано, какое же решение предлагает фюрер, Гитлер ответил, что Польша должна отказаться от политического контроля над Данцигом, но что экономические интересы Польши должны быть соблюдены. Однако он сомневается в этом, поскольку Польша до сих пор отвергала все предложения Германии. Фюрер сказал, что он сделал это предложение лично Беку во время его визита в Оберзальцберг. Эти предложения были очень выгодны для Польши. Взамен Данцига, при полной гарантии польских интересов и при условии установления сообщения между Восточной Пруссией и империей, Германия предоставила бы Польше гарантию ее границ — дружественный пакт сроком на 25 лет, а также участие Польши в делах Словакии. Бек тогда принял эти предложения фюрера и сказал, что он их изучит. Однако стало ясно, что Польша ответила отказом после того, как она заключила соглашение с Англией. Цель Польши стала ясна из сообщений прессы. Польша хотела получить всю Восточную Пруссию и даже намеревалась вступить в Берлин».

На седьмой странице мы читаем:

«Фюрер поэтому пришел к следующим двум определенным решениям. Первое: в случае какой-либо дальнейшей провокации, он будет немедленно атаковать, второе — если Польша до сих пор не раскрыла ясно и полно своих политических намерений, то следуют заставить ее сделать это.

При настоящем положении вещей Германия и Италия не смогут существовать без дальнейшего расширения своего пространства, а так как существующее жизненное пространство полностью захвачено, то нынешние владельцы дрожат за свои приобретения, как скупцы дрожат за свое золото. Западные демократии охвачены стремлением управлять миром и никогда не признают Германию и Италию равными себе. С психологической точки зрения самым ужасным было это презрительное отношение. Этот вопрос можно решить только борьбой не на жизнь, а на смерть, причем для партнеров по оси она будет легче, так как их интересы не противоречат друг другу.

Средиземное море является областью, в которой Италия всегда должна иметь господство. Сам дуче сказал, что Италия уже занимает господствующее положение на Средиземном море. Фюрер сказал, что Германия должна получить возможность продвигнуться на Восток, так как это необходимо по экономическим причинам, а Италия должна господствовать на Средиземном море. Это отмечал еще Бисмарк в своем известном письме к Маццини. Интересы Германии и Италии имеют совершенно различное направление, и поэтому они никогда не могут

столкнуться. Риббентроп добавил, что если две проблемы, о которых говорилось во вчерашней беседе, будут разрешены, тогда Италии и Германии не будет угрожать никакая опасность с тыла и руки их будут развязаны для действий на Западе.

Фюрер сказал, что Польшу следует поразить с такой силой, чтобы она в течение пятидесяти лет не была бы в состоянии сражаться.

Чиано поблагодарил фюрера за такие исчерпывающие объяснения и сказал, что он ничего не может добавить и передаст дуче все подробности беседы. Он попросил только дополнительного разъяснения по одному вопросу для того, чтобы дуче имел все факты налицо. Может быть, дуче не должен принимать никаких решений, если фюрер полагает, что конфликт с Польшей может быть локализован. Сам Чиано полагает, что фюрер всегда прав в своих решениях. Однако Муссолини должен предпринять меры предосторожности, и поэтому Чиано должен спросить о следующем: фюрер упомянул о двух условиях, при которых Польша может быть захвачена. Во-первых, если Польша будет виновна в какой-нибудь серьезной провокации, во-вторых, если Польша не определит свою политическую позицию.

В первом случае все зависит от решения фюрера, и Германия сможет действовать немедленно.

Во втором случае должно быть принято определенное решение о сроках. Поэтому Чиано спросил, к какой дате должна Польша определить свою политическую позицию? При этом, несомненно, надо учитывать климатические условия.

Фюрер ответил, что решение относительно Польши должно быть принято не позднее конца августа. Поскольку решающие военные операции против Польши могут быть проведены в течение двух недель, а для окончательной ликвидации потребуется еще недели четыре и можно будет таким образом закончить все военные действия к концу сентября или к началу октября. Это и нужно рассматривать как основные сроки. Отсюда следует, что последней датой для начала действий является конец августа.

В конце беседы фюрер заверил Чиано, что он с юности расположен в пользу германо-итальянского сотрудничества и проводил этот взгляд в своих книгах. Он всегда считал, что Германия и Италия предназначены для такого сотрудничества, поскольку их интересы не противоречивы. Он лично счастлив жить в такую эпоху, когда, кроме него самого, имеется второй государственный деятель, который войдет в историю; дружба такого человека дает ему большое личное удовлетворение и когда пробьет час битвы, он всегда будет стоять на стороне дуче.

Обращая внимание Трибунала на эти документы, которые показывают, что военные приготовления имели место в течение

всего этого периода, я должен был бы сослаться также на одно из писем подсудимого Функа, которое показывает, что в то же самое время экономисты не теряли времени зря. Это письмо, датированное 25 августа 1939 г., в котором Функ пишет:

«Мой фюрер! Искренне и от всего сердца благодарю вас за ваше самое дружеское пожелание в мой день рождения. Как счастливы должны мы быть и как благодарны вам за то, что мы живем в эти великие времена, которые имеют такое большое значение для судеб мира, и за то, что мы принимаем участие в тех замечательных событиях, которые сейчас происходят. Я получил от фельдмаршала Геринга информацию о том, что вы, мой фюрер, вчера вечером в принципе одобрили меры, подготовленные мною в области финансирования войны, и меры, намечавшие соотношение между заработной платой и ценами, а также меры проведения необходимых, хотя и тяжелых, самопожертвований. То, что вы утвердили эти меры, сделало меня совершенно счастливым. Я хочу сообщить, что благодаря предосторожностям, которые я принимал в течение последних нескольких месяцев, мне удалось сделать рейхсбанк сильным изнутри, так что потрясения в международной валюте и кредите не смогут сказаться на нас. В то же время я обменял на золото весь фонд рейхсбанка и все доходы от германской торговли за границей, на которые возможно было наложить руку. Учитывая предположения, которые я подготовил для дальнейшего изъятия из продажи всех предметов потребления, которые не являются предметами первой необходимости, и сокращения всех расходов на общественные работы, которые не имеют значения для войны, — мы будем находиться в таком положении, что сможем без серьезных потрясений базироваться, в случае войны, на своих финансах и своей экономике. Я, будучи главным уполномоченным по вопросам экономики, считал своим долгом сообщить вам об этом, а также дать вам торжественное обещание выполнить все это, мой фюрер. Хайль, мой фюрер!

Вальтер Функ».

Это документ ПС-699, ВВ-49.

Трудно, имея в виду это письмо, представить себе, как может подсудимый Функ отрицать, что он знал о военных приготовлениях.

Теперь я перехожу к речи, с которой 22 августа 1939 г. обратился к своим главнокомандующим Гитлер в Оберзальцберге. Это была речь, обращенная к высшим командующим. К третьей неделе августа подготовка была уже закончена:

«Каждый должен иметь в виду, что мы твердо решили с самого начала бороться против западных держав... Прежде всего будет разгромлена Польша. Цель — уничтожение живой силы,

а не захват какой-то определенной географической линии. Если война даже разразится на Западе, мы прежде всего займемся разгромом Польши».

И, наконец, хорошо известная знаменитая фраза:

«Я дам пропагандистский повод для начала войны. Неважно, будет он правдоподобным или нет. Победителя потом не будут спрашивать, говорил ли он правду. Начиная и ведя войну, нужно иметь в виду, что не право, а победа имеют значение».

Мы ясно увидим, как этот уже имевший место пропагандистский повод был использован в самом широком плане. Я читаю третий абзац:

«Для меня было совершенно ясно, что конфликт с Польшей неизбежно произойдет рано или поздно. Я принял это решение ранней весной. Но я полагал, что сначала нанесу удар на Западе, а только потом обращусь к Востоку...»

Я снова ссылаюсь на эти абзацы для того, чтобы подчеркнуть, что нацистское правительство не только намеревалось во что бы то ни стало напасть на Польшу при любых обстоятельствах, а также при всех обстоятельствах начать агрессивную войну против западных держав.

Я, наконец, обращаюсь к последней странице:

«Нам нечего бояться блокады. Восток будет снабжать нас зерном, скотом, углем, свинцом и цинком. Это будет большая война, которая потребует больших усилий. Я только боюсь, что в последнюю минуту какая-нибудь свинья предложит свои услуги для посредничества. Политическая подготовка уже проводится. Положено начало подрыву английской гегемонии. Теперь, после того, как я провел политическую подготовку, расчищен путь для солдат».

И снова последняя строчка приобретает особое значение:

«Геринг ответил благодарностью фюреру и заверением, что вооруженные силы выполняют свой долг».

Мы переходим теперь от военных и экономических приготовлений и обращений к генералитету к тому, чтобы выяснить, как Гитлер укреплял свои позиции в политической и дипломатической сферах.

23 августа 1939 г. данцигский сенат издал декрет, по которому гаулейтер Форстер был назначен городской головой свободного города Данцига. Такой пост не существовал в статуте свободного города.

В то же самое время нацистским правительством с помощью групп СС организовывались пограничные инциденты. Трибунал уже слышал показания генерала Лахузена, в которых он говорил, что готовилась специальная польская амуниция для СС с тем, чтобы проводить эти инциденты. Таким образом, мертвые

«поляки» должны были быть найдены на германской стороне, на германской территории.

Я обращаю внимание Трибунала теперь на три коротких отчета, которые подтверждают показания свидетеля, который здесь выступил перед вами. Это доклады британского посла в Варшаве. Первый из них датирован 26 августа 1939 г.:

«Целая серия инцидентов имела место на германской границе. Польский патруль встретил группу немцев в километре от Восточной Пруссии близ Пельты. Немцы открыли огонь, поляки начали ответный огонь. В результате был убит руководитель, труп которого был возвращен. Немецкие банды пересекли также силезскую границу около Сжигло, дважды у Рыдника и дважды в других местах. Они открывали стрельбу и нападали на таможенные и пограничные посты с пулеметами и ручными гранатами. Поляки заявили решительный протест Берлину. «Газета Польска» сегодня во вдохновенной передовой пишет, что это более, чем инцидент. Это совершенно очевидно заранее подготовленная агрессия, проведенная полувоенными регулярными отрядами, вооруженными по армейскому образцу. Эти нападения проводились довольно постоянно. В одном случае действовала регулярная армейская часть. Эти инциденты не заставят Польшу потерять спокойствие и ослабить самозащиту. Факты говорят сами за себя — акты агрессии производились с германской стороны».

Это лучший ответ на бредни германских газет. Министерство иностранных дел заявило, что одетая в форму германская часть ранила, стреляя через границу, одного поляка и убила другого».

Я перехожу к следующему отчету, также датированному 26 августа:

«Министерство иностранных дел категорически отрицает сообщение г-на Гитлера французскому послу о том, что 24 немца были недавно убиты в Лодзи и 8 в Вильско. Это сообщение не имеет под собой никакой почвы».

И, наконец, сообщение о событиях 27 августа 1939 г.:

«Поскольку я могу судить, обвинение Германией польских властей в жестоком обращении с немецким меньшинством в Польше является большим преувеличением, если не полностью фальсифицировано...»

2. Нет никаких признаков того, что польские власти потеряли контроль над событиями. Варшава и, насколько я знаю, вся остальная Польша сохраняют полное спокойствие.

3. Эти обвинения напоминают о нацистском пропагандистском методе в отношении Чехословакии в прошлом году.

4. Во всяком случае — это совершенно определенная, преднамеренная германская провокация, которая соответствует политике, проводившейся начиная с марта, то есть с того времени, когда

Чехословакия была захвачена и они готовились к нападению на Польшу для того, чтобы обострить отношения между двумя народами. Я предполагаю, что это делалось с той целью: а) чтобы создать военные настроения в Германии, б) повлиять на общественное мнение за границей и с) вызвать или пораженчество или агрессивные настроения в Польше.

5. Эта политика не достигла ни одной из двух последних целей.

6. Характерно, что Данциг ни разу не упоминался Гитлером.

7. Обращение немцев с чешскими евреями и польским меньшинством не принимается в расчет, если сравнить его со страданиями немцев в Польше, где, следует, между прочим, отметить, они составляют всего 10% населения.

8. Если смотреть правде в глаза, не может возникнуть никакого сомнения в том, что если Гитлер решился на войну, то только затем, чтобы лишить Польшу независимости.

9. Я не упущу случая высказать министру иностранных дел, что необходимо сделать все возможное для того, чтобы доказать, что обвинение, выдвинутое господином Гитлером относительно немецкого меньшинства в Польше, является ложным».

Мы также найдем подтверждение показаний свидетеля Лахузена в меморандуме, который был захвачен нашими войсками. Это меморандум относительно разговора между автором записки и Кейтелем от 17 августа 1939 г. Я буду цитировать первый параграф этого меморандума: «Я сообщил Кейтелю о моем разговоре с Йостом. Он сказал, что не обратит никакого внимания на тот факт, что он должен дать Гейдриху польскую амуницию. Он согласен, чтобы я проинструктировал генеральный штаб. Он не думает, что действия такого рода могут быть полезны, однако, нечего делать: если фюрер дал такое приказание — нужно его выполнять. Он не может спрашивать фюрера, как он планирует провести это дело. Что касается Диршау, он считает, что эта операция будет проведена самой армией».

Таково было положение в конце третьей недели августа.

...25 августа в Лондоне было формально подписано англо-польское соглашение о взаимной помощи. Нет необходимости читать этот документ. Трибунал хорошо знает его содержание. Оба правительства обязались помогать друг другу в случае агрессии со стороны любой третьей державы.

Я обращаюсь к переписке между Гитлером и премьер-министром Великобритании, а также к подобной же переписке, которая имела место через несколько дней после этого между французским премьер-министром Даладье и Гитлером.

Я обращаю ваше внимание на этот документ, потому что хочу показать, как намеренно германское правительство организовывало эту агрессию: «Французский посол в Берлине (это на-

писано 26 августа) сообщил мне о Вашей личной переписке. В момент, когда Вы говорите о величайшей ответственности, лежащей на двух руководителях государства и, в частности, о том, что они берут на себя громадную ответственность, проливая кровь двух великих наций, мечтающих лишь о мире и труде, я чувствую себя обязанным перед Вами лично и перед обоими нашими народами сказать Вам, что судьба мира находится в Ваших руках.

У Вас не может быть сомнений в отношении того, каковы мои чувства к Германии, и в отношении миролюбивых чувств Франции к вашему народу. Нет ни одного француза, который сделал бы так много для того, чтобы не только добиться мирных отношений между нашими двумя странами, но также искреннего сотрудничества в их собственных интересах, а также в интересах Европы и всего мира. Если вы не считаете французский народ менее верным своему слову, чем я считаю немецкий, вы не можете сомневаться в том, что Франция полностью выполнит свои обязательства по отношению к другим державам, например, к Польше, которая, как я убежден, хочет жить в мире с Германией. Эти два убеждения полностью совместимы. До сих пор не было ничего, что бы помешало мирному разрешению кризиса между всеми народами на основах честности и порядочности, если одинаковая воля к миру будет существовать со всех сторон. Я заявляю о доброй воле Франции и всех ее союзников. Я беру на себя смелость гарантировать готовность Польши, которую она всегда изъявляла, передать этот вопрос на открытое взаимное обсуждение, как это и должно быть между двумя суверенными государствами. С чистой совестью я уверяю вас, что среди противоречий, которые возникли между Польшей и Германией по вопросу о Данциге, нет ни одного, которое не могло бы быть разрешено подобным мирным методом. Более того, я клянусь честью, что в лояльной солидарности Франции с Польшей и ее союзниками нет ничего такого, что могло бы помешать миролюбивым отношениям между нашими странами. Эта солидарность никогда не мешала и не мешает нам относиться к Польше дружески. В этот грозный час я твердо верю, что не найдется разумных людей, которые допустят, чтобы разрушительная война началась без последней попытки добиться мирного урегулирования разногласий между Польшей и Германией. Ваше стремление к миру несомненно будет содействовать достижению этой цели без всякого ущерба для чести германского народа. Я, желая согласия между германским и французским народами и будучи, с другой стороны, связанным узами дружбы и обещанием с Польшей, готов как глава французского правительства сделать все, что может сделать честный человек для того, чтобы благополучно довести это дело до успешного конца.

Мы оба были в окопах во время прошлой войны, и вы так же хорошо знаете, как и я, какие ужасы и опустошения оставила прошлая война в сознании людей, не говоря уже о результатах самой войны. Я чувствую, какую огромную роль вы могли бы сыграть как руководитель германского народа, если бы вы вели свой народ по мирному пути для выполнения общей задачи, во имя цивилизации. Именно поэтому я прошу ответа на свои предложения. Если германская и французская кровь будет проливаться так же, как это было 25 лет назад, и каждая нация будет еще более длительно и ожесточенно вести эту войну, веря в свою собственную победу, то самыми явными победителями будут лишь разрушения и варварство».

Я огласил письмо Даладье к Гитлеру от 26 августа. 27 августа Гитлер ответил на это письмо. Я думаю, что нет необходимости читать этот ответ.

Эти два письма взяты из германской «Белой книги».

Никто после этого не мог сказать, что германское правительство в какой-либо степени сомневалось в позиции, которую займут британское и французское правительства в случае германской агрессии против Польши. Но попытки добиться мира этим не окончились.

24 августа президент Рузвельт обратился к Гитлеру и к президенту Польской республики.

Я прочту только несколько первых абзацев его послания:

«В своем письме от 14 апреля я утверждал, что во власти руководителей великих народов освободить свои народы от грядущих несчастий, но если немедленно не будут приняты меры и усилия с полным чувством доброй воли со всех сторон для того, чтобы найти мирные и удачные разрешения существующих противоречий, кризис, который навис над миром, должен будет окончиться катастрофой. Сегодня эта катастрофа кажется очень близкой».

Я не получил ответа на письмо, которое отправил вам в апреле. Но я глубоко уверен, что дело мира во всем мире, которое является делом всего человечества, стоит выше всех других соображений, и поэтому я снова обращаюсь к вам в надежде, что война, которая нависает над вами, и последующие страдания в связи с войной для всех народов еще могут быть предотвращены. Я поэтому со всей серьезностью прошу вас так же, как и президента Польской республики, чтобы правительства Германии и Польши согласились по-добрососедски воздержаться от каких-либо активных военных действий на разумно определенный период времени и чтобы они также согласились во взаимном согласии разрешить те противоречия, которые возникли между ними, одним из трех следующих методов:

1) Путем прямых переговоров.

2) Путем вынесения своих противоречий на разрешение беспристрастного арбитража, которому они оба могут доверять или
3) чтобы они согласились на разрешение этих противоречий через согласительную процедуру...»

Я думаю, что нет необходимости далее цитировать это письмо. Как я уже говорил Трибуналу, ответом на это письмо был приказ германским вооруженным силам вступить в Польшу на следующее утро.

Я представляю в качестве доказательства еще один документ — ответ на это послание от президента Польской республики, в котором он принимает предложение урегулировать противоречия любым из предложенных мирных методов.

25 августа не было еще получено никакого ответа от германского правительства, и президент Рузвельт снова написал послание:

«Я только что получил от президента Польши ответ на послание, которое отправил Вашему превосходительству и ему вчера вечером. Ваше превосходительство несколько раз публично повторяло, что цели, которых добивается Германская империя, справедливы и разумны. В своем ответе на мое послание президент Польши совершенно ясно заявил, что польское правительство готово урегулировать все вопросы на основах, изложенных в моем послании, с тем, чтобы Польская республика и германское правительство разрешили все возникшие противоречия прямыми переговорами или согласительной процедурой. Бесчисленные человеческие жизни еще могут быть спасены и еще может существовать надежда, что современные нации даже теперь могут создать основы для мирных и счастливых взаимоотношений, если вы и германское правительство согласитесь на мирные методы разрешения вопросов, принятые польским правительством. Весь мир молит Германию также принять их».

Но, милорд, Германия не приняла этих предложений.

Она не согласилась на эти предложения, она также не обратила внимание на воззвание папы, датированное 24 августа. Оно написано в тех же выражениях. Мы располагаем также другим посланием папы от 31 августа: «Папа отказывается оставить надежды на то, что предстоящие переговоры смогут привести к мирному и справедливому разрешению вопроса, к такому разрешению, о котором продолжает молиться весь мир».

Нет необходимости читать остальную часть этого возвания. Если бы папа знал, что переговоры, которые он в конце августа называл «предстоящими» и о которых мы собираемся говорить, были фальшивыми переговорами, поскольку это касалось Германии, и вся подготовка к ним, как я надеюсь сейчас показать Трибуналу, была просто попыткой убедить Англию подкупом или угрозами отказаться от своих обязательств по отношению

к Польше, то он избежал бы напрасного труда обращаться к Германии с этим призывом.

Станет совершенно ясно, что эти последние германские предложения, к которым я теперь обращаюсь, были, собственно, не предложениями в полном смысле этого слова. За ними никогда не было никакого действительного намерения вести переговоры или обсуждения, или обратиться к арбитражу, или воспользоваться другими формами мирного разрешения разногласий с Польшей. Это была попытка захватить и покорить Польшу с большей легкостью, чем это было бы возможно, если бы Англия и Франция придерживались своих обязательств.

Быть может до того, как я буду предъявлять эти документы, мне следует в нескольких словах суммировать эти последние переговоры. 23 августа или, скорее, 24 августа были даны приказы германской армии вступить в Польшу на следующее утро. После того как были даны эти приказы, германское правительство, очевидно, получило известие, что британское и польское правительства только что подписали формальный пакт о ненападении и взаимной помощи. До этого времени, надо иметь в виду, положение было таково: премьер-министр выступил в парламенте, и было напечатано объединенное коммюнике, кажется, 6 апреля о том, что фактически Польша и Англия будут помогать друг другу, если любая из сторон подвергнется нападению, но формально пакт подписан еще не был.

24 августа, после того как были даны приказы о вторжении германской армии в Польшу, Германия получила сведения о том, что такой документ был подписан официально, и вторжение было отложено для того только, чтобы сделать еще одну последнюю попытку удержать Англию и Францию от вступления в войну. Речь шла не о том, чтобы воздержаться от войны или предотвратить войну, а о том, чтобы удержать Англию и Францию от вступления в войну. Для этого 25 августа, отложив вторжение, Гитлер выступил с устным коммюнике, адресованным Невиллю Гендерсону, которое, как увидит Трибунал, являлось смесью угроз и подкупов. Он надеялся таким образом убедить Англию воздержаться от вступления.

28 августа сэр Невиль Гендерсон вручил ответ британского правительства на это коммюнике Гитлеру. Этот ответ подчеркивал, что разногласия должны быть урегулированы соглашением. Британское правительство придерживалось точки зрения, что соглашение о Данциге должно быть гарантировано так же, как любое соглашение, другими державами. Это, конечно, при любых обстоятельствах было совершенно неприемлемо с точки зрения германского правительства. Но речь шла не о том, было ли это приемлемо или неприемлемо, поскольку стало совершенно ясно из этого ответа британского правительства от 28 августа, что

Англия не воздержится от того, чтобы помогать Польше в случае германской агрессии. Поскольку это было ясно, германское правительство не интересовалось более дальнейшими переговорами. Оно хотело только найти какое-либо оправдание и гарантировать себя от того, чтобы не создавалось впечатления, что оно чересчур грубо отвергает воззвания к рассудку, обращенные к нему.

29 августа 1939 г. в 7 ч. 15 м. вечера Гитлер передал сэру Гендерсону ответ германского правительства. И здесь опять, как совершенно ясно из документа, намеренно выдвигались требования, которые были совершенно неприемлемы. Он соглашается вступить в прямые переговоры, как предлагает британское правительство, но в том случае, если эти переговоры будут базироваться на учете его требования о возвращении Данцига империи, а также всего польского коридора.

Следует иметь в виду, что Гитлер, даже когда он утверждал, что Польша нарушила договор 1934 года, требовал только возвращения Данцига и экстерриториальности железной и автомобильной дорог, которые проходили через польский коридор к Восточной Пруссии. Тогда это было неприемлемо. Сейчас он требовал весь коридор, не поднимая вопроса о железной и автомобильной дорогах. Весь коридор должен стать немецким. Для того чтобы получить полную уверенность, что его предложение не будет принято, Гитлер заявил: «На этих условиях я готов начать переговоры. Но для того, чтобы это сделать, поскольку это срочно, я полагаю, что ко мне в Берлин должен быть направлен чрезвычайный уполномоченный из Польши с тем, чтобы прибыть сюда не позже, чем в 12 часов ночи 30 августа».

Это предложение было сделано в 7 ч. 15 м. вечера 29 августа. Оно должно было быть сначала передано в Лондон, а затем оттуда — в Варшаву, и из Варшавы польское правительство должно было соответственно уполномочить своего посла в Берлине.

Таким образом, срок, установленный Гитлером, делал невозможным выполнение его предложения: если бы даже в принципе было бы возможно возложить на польского посла в Берлине чрезвычайные полномочия, у поляков не было возможности хоть кратко обсудить это предложение. Как сказал сэр Невиль Гендерсон, это было фактически не предложение, а ультиматум.

В 12 часов ночи 30 августа 1939 г., в срок, когда польский чрезвычайный уполномоченный должен был по требованию Гитлера прибыть в Берлин, господин Гендерсон встретился с Риббентропом. Я прочту отчет об этой встрече, во время которой Гендерсон передал Риббентропу ответ на ультиматум, который был вручен ему за вечер до этого. Риббентроп в свою очередь зачитал Гендерсону три написанных по-немецки листка. Это было германское предложение, которое должно было обсуждаться во

время предполагавшихся переговоров между немцами и польским правительством. Риббентроп быстро прочел это предложение по-немецки и отказался вручить копию его британскому послу. Оно не было также передано польскому послу. Поляки же, таким образом, не имели никакой возможности даже рассмотреть и прочитать предложения, которые Германия предлагала им для обсуждения. На следующий день, 31 августа, господин Липский встретился с Риббентропом и не услышал ничего, кроме вопроса, наделен ли он специальными полномочиями? Когда господин Липский ответил, что он не чрезвычайный уполномоченный, Риббентроп сказал, что изложит положение вещей фюреру. Но фактически было слишком поздно излагать что-либо фюреру в это время, потому что 31 августа Гитлер уже дал свою директиву № 1, а именно — приказ о войне, в котором он указывал время наступления: без четверти пять следующего утра, то есть 1 сентября. Вечером 31 августа в 9 часов германское радио начало передачу. В ней были оглашены предложения, которые за день до этого Риббентроп показывал Невиллю Гендерсону. Там говорилось, что это те предложения, которые предназначались для обсуждения, но что, поскольку полномочный представитель Польши не прибыл в Берлин, германское правительство считает, что эти предложения отвергаются Польшей. Эта передача состоялась в 9 часов вечера 31 августа 1939 г. В этот вечер поляки, собственно, впервые услышали, каковы были германские предложения, так же как и британское правительство и британский посол, поскольку он только слышал то, что зачитал Риббентроп, который отказался дать копию этих предложений в тот вечер 30 августа.

После этой радиопередачи в 9 ч. 20 м. копия германских предложений была впервые передана Невиллю Гендерсону.

Надеюсь, что я сформулировал развитие событий этой последней недели наиболее удобным для Трибунала методом. Теперь я попрошу Трибунал ненадолго задержать свое внимание на оставшихся в этой книге документах. Я прежде всего представлю документ — выдержку из допроса подсудимого Геринга, состоявшегося 29 августа 1945 г.

«Вопрос: Когда переговоры польского министра иностранных дел в Лондоне привели к подписанию англо-польского договора в конце марта или в начале апреля 1939 года, было ли уже в это время совершенно очевидно, что мирное разрешение этого вопроса невозможно?»

Ответ: Да, мне лично оно казалось невозможным, но фюрер думал иначе. Когда фюреру сказали, что Англия дала гарантии Польше, он сказал, что Англия дала гарантии также и Румынии, но тем не менее ничего, собственно, не случилось. Это произвело на него большое впечатление. Я совершил ошибку,

В это время Польша имела только обещание гарантии. Сама гарантия была дана лишь через некоторое время, незадолго до начала войны.

В это время, когда Англия дала свою официальную гарантию Польше, фюрер позвонил мне по телефону и сказал, что он приостановил планировавшееся вторжение в Польшу. Я спросил его тогда, временная ли это мера или он вообще решил отменить вторжение. Он сказал: «Нет, я должен посмотреть, не можем ли мы устранить британское вмешательство». Тогда я спросил его: «Как вы думаете, могут ли произойти какие-нибудь изменения в пределах четырех-пяти дней?»

В это же время я поддерживал связь с лордом Галифаксом с помощью специального курьера сверх постоянной дипломатической связи для того, чтобы любым способом приостановить войну с Англией. После того, как были даны гарантии, я считал объявление войны со стороны Англии неизбежным. Я уже сказал ему¹ весной 1939 года после оккупации Чехословакии, что с этого времени, если он попытается решить польский вопрос, он должен будет в этом случае иметь в виду враждебность Англии.

Это было в 1939 году, то есть после того, как мы установили протекторат.

Вопрос: Не является ли фактом, что подготовка к кампании против Польши по первоначальному плану должна была закончиться к концу августа 1939 года?

Ответ: Да.

Вопрос: Не является ли также фактом, что начало этой кампании было объявлено приказом на 25 августа, но что 24 августа в середине дня она была отложена до 1 сентября для того, чтобы дожидаться результатов новых дипломатических маневров с английским послом?

Ответ: Да».

Единственное замечание, которое я хотел бы сделать по поводу этого документа, относится ко второму абзацу, где Геринг утверждает, что он не хотел войны с Англией. Суд помнит, как вел себя Геринг после знаменитой речи Гитлера, обращенной к командующим 22 августа. Геринг встал, поблагодарил фюрера за его речь и уверил его, что вооруженные силы выполнят свою задачу.

Переходим теперь к устному выступлению Гитлера, которое он затем вручил господину Гендерсону 25 августа после того, как он услышал о подписании англо-польского соглашения, для того, чтобы удержать Англию от выполнения взятых на себя обязательств по отношению к Польше.

В первой части он говорит, что, выслушав английского посла, он стремился предпринять еще одну попытку для того, чтобы

¹ То есть Гитлеру. — Составители.

избегать войны. Во второй — он опять говорит, что польские провокации были нетерпимы. Я цитирую второй параграф:

«Германия при всех обстоятельствах решила устранить эту нетерпимую ситуацию на своей восточной границе. Более того, она хочет сделать это в интересах порядка и спокойствия, в интересах европейского мира. Проблема Данцига и польского коридора должна быть решена. Британский премьер-министр произнес речь, в которой совершенно не учитывал, что необходимо внести некоторые изменения в положение Германии. Результатом этой речи может явиться кровопролитная война между Германией и Англией и неисчислимые жертвы.

Эта война будет еще более кровопролитной, чем война 1914—1918 годов. В отличие от последней войны Германии не нужно будет больше бороться на двух фронтах.

Фюрер заявил, что польско-германская проблема должна быть и будет разрешена. Он, однако, готов и твердо решил после разрешения этой проблемы еще раз обратиться к Англии с подробным и четким предложением. Он — человек великих решений, и в данном случае он может также быть человеком великих действий. Он от всей души принимает Британскую империю и готов лично сам трудиться ради ее дальнейшего существования, а также предоставить в ее распоряжение всю мощь германской империи при одном только условии, что его колониальные требования, которые весьма ограничены, будут удовлетворены путем мирных переговоров. Его обязательства в отношении Италии оставались прежними».

...Я обращаюсь к следующему абзацу:

«Если британское правительство сочтет эти соображения полезными для Германии и Британской империи, в результате может быть сохранен мир. Если предложения Германии будут отвергнуты Британией, — начнется война. Ни при каких обстоятельствах Англия не выйдет из этой войны более сильной. Последняя война доказала это».

Конечно, английское правительство не знало об истинной цели этого предложения и, поверив ему, ответило 28 августа, что оно готово начать переговоры. Англичане согласились с Гитлером в том, что споры должны быть урегулированы. Я цитирую:

«По мнению правительства Его Величества, разумное решение значений между Германией и Польшей может и должно быть осуществлено путем соглашения между этими двумя странами в соответствии с необходимостью обеспечения основных интересов Польши. Оно напоминает, что в речи от 28 апреля германский канцлер признал значение этих интересов для Польши.

Но, как премьер-министр заявил в письме германскому канцлеру от 22 августа, правительство Его Величества считает необходимым для успеха переговоров, предшествующих соглашению,

чтобы имелось заблаговременное понимание того, что любое решение вопроса должно быть гарантировано другими державами. Правительство Его Величества будет готово, если это будет желательно, внести свой вклад в эффективное осуществление такой гарантии».

Теперь я перехожу к последнему абзацу:

«Правительство Его Величества высказалось достаточно, чтобы разъяснить свою позицию в отношении спорных вопросов между Польшей и Германией. Оно надеется, что германский канцлер не подумает, что, ввиду тщательного выполнения обязательств в отношении Польши, правительство Его Величества не желает сделать все возможное, чтобы найти такое решение, которое удовлетворит как Германию, так и Польшу».

Это, конечно, подорвало надежды немцев. Им не удалось своими трюками и подачками заставить Англию отречься от ее обязательств в отношении Польши. Теперь немцам надо было как можно скорее выпутаться из этого затруднительного положения и, поскольку возможно, реабилитировать себя.

Этот последний документ я представляю под № ВВ-66. Я также представляю сообщение сэра Невилля Гендерсона об этой беседе — документ ВВ-67.

Единственный значительный момент этой беседы — это, что сэр Невиль Гендерсон вновь подчеркнул позицию Великобритании, которая была полна решимости при всех условиях выполнить свои обязательства по отношению к Польше. Я зачитаю один абзац, который представляет интерес в свете будущего обмена письмами:

«В конце я задал ему два коренных вопроса: готов ли он вести переговоры непосредственно с Польшей и готов ли он обсудить вопрос об обмене населения. Он утвердительно ответил на второй вопрос, хотя я не сомневаюсь, что в то же время он имел в виду исправление границ. Что касается первого вопроса, то он ответил, что он не может дать мне ответа до тех пор, пока он не рассмотрит послание английского правительства с той тщательностью, которой этот документ заслуживает. В этой связи он повернулся к Риббентропу и сказал: «Мы должны вызвать фельд-маршала Геринга и обсудить это с ним».

В следующем абзаце говорится, что сэр Невиль Гендерсон повторил Гитлеру то, что для него было основной темой беседы.

Теперь я перехожу к следующему документу — ТС-72, ВВ-78. Как я раньше сказал, ответ германского правительства был вручен сэру Невиллю Гендерсону в 7 ч. 16 м. вечера 29 августа. В ответе изложены предложения британского правительства, сделанные в предыдущей ноте, и далее сказано о том, что германское правительство готово начать переговоры на той основе,

чтобы весь коридор, а также Данциг были возвращены Германии.

Я цитирую предпоследний абзац первой страницы документа: «Требования германского правительства соответствуют изменению Версальского договора в отношении этой территории, что всегда признавалось необходимым, а именно: возвращение Данцига и коридора Германии, обеспечение существования германских национальных групп на тех территориях, которые останутся у Польши».

Только теперь, как я уже подчеркивал, говорилось о признании этого права. 28 апреля требования Гитлера сводились только к Данцигу, к автострате и к железнодорожной линии. Теперь, как вы видите, Гитлер уже пытается создать предлоги и выдвинуть требования, которые ни Польша, ни Великобритания не могли ни при каких обстоятельствах признать. Он хотел полностью застраховать себя.

Перехожу ко второй странице.

«Британское правительство придает значение двум соображениям: во-первых, что существующая опасность приближающегося взрыва должна быть устранена как можно скорее путем прямых переговоров и, во-вторых, что существование Польского государства в той форме, в которой оно будет продолжать существовать, должно быть достаточным образом обеспечено в экономических и политических областях путем международных гарантий».

По этому вопросу германское правительство делает следующую декларацию.

Хотя оно настроено скептически относительно успешных перспектив, оно готово принять английское предложение и начать непосредственные переговоры. Оно делает это, как уже подчеркивалось, только в результате впечатлений, которые произвело на него письменное заявление английского правительства о том, что английское правительство также желает заключить пакт о дружбе в соответствии с указанными английским послом общими установками».

Теперь я читаю предпоследний абзац:

«Что касается остального, то, делая эти предложения, германское правительство никогда не намеревалось затронуть жизненные интересы Польши или поставить под вопрос существование независимого Польского государства».

Эти письма звучат как письма какого-то жулика и обманщика, а не правительства страны:

«При этих обстоятельствах германское правительство принимает предложения английского правительства в отношении посредничества и обеспечения отправки в Берлин польского представителя с полными полномочиями. Они ожидают приезда этого уполномоченного в среду 30 августа».

Германское правительство немедленно составит приемлемые для себя предложения и, если возможно, передаст эти предложения английскому правительству до приезда польских представителей».

Это было в 7 ч. 15 м. вечера 29 августа и, как я объяснил, оставляло мало времени для приезда польского уполномоченного до полуночи на следующий день.

Следующий документ — это краткое описание сэром Невилем Гендерсоном того, что произошло. Я цитирую четвертый абзац:

«Я заметил, что эта фраза звучала как ультиматум, но после нескольких оживленных замечаний г-н Гитлер и фон Риббентроп заверили, что она рассчитана лишь на то, чтобы подчеркнуть чрезвычайное положение, когда две отомобилизованных армии стоят друг против друга». Это было вечером 29 августа.

Английское правительство снова дало ответ, и сэр Невиль Гендерсон вручил этот ответ Риббентропу во время хорошо известной встречи в полночь 30 августа, когда ожидался приезд польского уполномоченного. Я не буду читать полностью этот ответ:

«Британское правительство разделяет желание улучшить отношения. Оно вновь подчеркивает, что оно не может оставить на произвол судьбы своих друзей для того, чтобы улучшить положение. Насколько оно понимает, германское правительство принимает условия о том, что решение должно быть гарантировано международным путем. Английское правительство резервирует свое мнение о требованиях, изложенных немцами в последнем письме, и немедленно сообщит обо всем этом полякам. И последнее, как оно полагает, — германское правительство формулирует предложения».

Этот документ будет передан под № ВВ-70.

Что касается описания беседы, то мы переходим к следующему документу, который представляется под № ВВ-71. Это не очень длинный документ, пожалуй, стоит его зачитать полностью:

«Я сказал господину фон Риббентропу сегодня вечером, что правительство Его Величества находит трудным посоветовать польскому правительству согласиться с порядком, предложенным в немецком ответе, и предложил, чтобы он использовал обычные пути, а именно, когда немецкие предложения будут готовы, пригласить польского посла и вручить ему эти предложения для передачи его правительству с целью немедленного открытия переговоров. Я добавил, что если имеются возможности найти выход, то британское правительство сделает в Варшаве все возможное, чтобы способствовать этому. В ответ фон Риббентроп вынул пространственный документ, который он зачитал по-немецки с максималь-

ной быстротой. Думая, что он потом вручит этот документ, я не очень следил за теми шестнадцатью или более статьями, которые он содержал...

...Когда я попросил у фон Риббентропа текст этих предложений, в соответствии с обязательством во вчерашнем немецком ответе, он заявил, что теперь слишком поздно, так как польский уполномоченный не приехал в Берлин до полуночи. Я заметил, что такое поведение означает, что просьба о приезде польского представителя в Берлин к 30 августа являлась в самом деле ультиматумом, несмотря на его и Гитлера заверения об обратном. Он отверг это заявление, сказав, что идея об ультиматуме — плод моего воображения. Почему же, спросил я, он не может следовать обычному порядку и дать мне копию этих предложений и попросить к себе польского посла, как Гитлер вызвал меня за несколько дней до этого? В самых грубых выражениях фон Риббентроп сказал, что он никогда не попросит посла приехать к нему. Он намекнул, что если тот попросит встречи, то, может быть, будет другой результат. Я сказал, что я, естественно, сообщу об этом своему правительству. После этого он сказал, что таково его личное мнение и что он передаст Гитлеру все, что я сказал. Решение принадлежит канцлеру.

Тут мы расстались, но я должен сказать, что поведение фон Риббентропа во время этой неприятной беседы было обезьянничанием Гитлера в его худшие моменты. Он, между прочим, выразил недовольство по поводу польской мобилизации, но я ответил, что это не удивительно, так как Германия также отомобилизовалась, как г-н Гитлер сам вчера признался».

Однако Невиль Гендерсон не знал, что за несколько дней до этого уже был дан приказ напасть на Польшу.

На следующий день, 31 августа, в 6 ч. 30 м. вечера польский посол Липский имел встречу с Риббентропом. Это изложено в документе ТС-73, ВВ-72. Это короткий доклад:

«Я выполнил данные мне инструкции. Фон Риббентроп спросил меня, имею ли я специальные полномочия для ведения переговоров? Я ответил, что нет. Тогда он спросил, сообщили ли мне, что, по предложению из Лондона, германское правительство выразило готовность вести переговоры, как только представитель польского правительства, облеченный надлежащими полномочиями, приедет в Берлин, в предыдущий день 30 августа? Я ответил, что не имел прямой информации по этому вопросу. В заключение фон Риббентроп повторил, что, по его предположению, я должен был бы иметь полномочия и что он сообщит обо всем этом канцлеру».

Перехожу к документу С-126, ВВ-45. Это совершенно секретный приказ, подписанный Гитлером и озаглавленный «Директива № 1 по ведению войны» от 31 августа 1939 г.:

«1. Теперь, когда исчерпаны все политические возможности мирного урегулирования нетерпимого для Германии положения на восточной границе, я принял решение выйти из положения путем применения силы.

Нападение на Польшу должно быть осуществлено в соответствии с «планом Бейса», с теми изменениями для армии, которые были внесены ввиду того, что расстановка сил была тем временем почти завершена.

Задания и оперативные цели остаются без изменений. Начало атаки — 1 сентября 1939 г. Время атаки — 2.45 утра. (Это вписано красным карандашом.)

Это время также относится к операциям под Гдыней, в Данцигском заливе и у моста Диршау...

...На Западе важно, чтобы ответственность за начало военных действий падала полностью на Францию и Англию. Вначале должны быть предприняты лишь местные действия против несущественных нарушений границ».

Далее излагаются детали, которые нет нужды оглашать в суде.

В 9 часов вечера того же дня германское радио передало текст германских предложений, которые немцы якобы были готовы обсуждать с польским правительством. В передаче были пространно изложены эти предложения. Но следует помнить, что в то время ни сэр Невиль Гендерсон, ни польское правительство, ни польский посол еще не получили письменного текста этих предложений. Действительно, интересно зачитать выдержки из этого документа как пример лицемерия немцев. Я ссылаюсь на второй абзац:

«Кроме того, германское правительство указало, что оно готово передать английскому правительству основные пункты предложений к моменту приезда польского представителя в Берлин».

Мы знаем, как оно это сделало!

Далее сказано, что вместо приезда польского правомочного представителя первым ответом, полученным германским правительством на его готовность достичь взаимопонимания, было известие о польской мобилизации. Лишь к 12.00 30 августа оно получило общее заверение со стороны англичан о готовности помочь начать переговоры. Хотя представитель Польши не приехал и это устраняло необходимость сообщать британскому правительству точку зрения германского правительства по вопросу о базе для переговоров, но в силу того, что правительство Его Величества само просило начать прямые переговоры между Германией и Польшей, германский министр иностранных дел Риббентроп сообщил английскому послу, когда тот вручил последнему английскую ноту, точные сведения о тексте германских предложений, которые будут рассматриваться как база для переговоров

в случае прибытия польского представителя. После этого излагается немецкая версия хода переговоров за последние несколько дней.

Перехожу к следующему документу — ТС-54, ВВ-73.

1 сентября, когда его армии уже двигались вперед вдоль всей границы, Гитлер издал следующую прокламацию вооруженным силам:

«Польское правительство, не желая установить дружеские отношения, к которым я стремился, хочет решить вопрос силой оружия.

Немцев в Польше подвергают кровавому преследованию и изгоняют из домов. Несколько случаев нарушения границ, которые не могут быть терпимы великой державой, показывают, что Польша более не хочет уважать границ Германии. Чтобы положить конец этим безумным действиям, я не вижу другого пути, как ответить силой на силу.

Германские вооруженные силы с твердой решимостью будут бороться за честь и жизненные права германского народа.

Я надеюсь, что каждый солдат будет помнить высокие традиции германской армии и выполнять свой долг до последнего.

Всегда и при всех обстоятельствах помните, что вы — представители национал-социалистской великой Германии.

Да здравствует наш народ и империя!»

Таким образом, мы видим, что, наконец, Гитлер выполнил то, что он обещал своим генералам. Он предоставил им пропагандистское оправдание своих действий. Не имело значения, что люди скажут потом. «Впоследствии не будет иметь значения, сказали мы правду или нет. Только сила имеет значение, а победа важнее, чем правда».

1 сентября, когда стало известно об этом вторжении на польские земли, английское правительство, в соответствии со своими договорными обязательствами, послало ультиматум германскому правительству, в котором оно заявило (я цитирую последний абзац):

«Поэтому я должен сообщить Вашему превосходительству, что если германское правительство не даст правительству Его Величества удовлетворительных заверений в том, что оно прекратит всякие агрессивные действия против Польши и готово незамедлительно отвести свои войска с польской территории, то правительство Его Величества в Соединенном Королевстве без колебаний выполнит свои обязательства по отношению к Польше».

К 3 сентября германские войска не были отведены и поэтому в 9 часов 3 сентября германскому министру иностранных дел был вручен последний ультиматум.

Цитирую третий абзац:

«Хотя это сообщение было передано свыше 24 часов тому назад, никакого ответа не поступило, а атаки германских войск на Польшу продолжаются и усиливаются. Поэтому имею честь сообщить вам, что если сегодня, 3 сентября, к 11-ти часам по британскому летнему времени германское правительство не даст соответствующих удовлетворительных заверений и правительство Его Величества не получит эти заверения в Лондоне, то с этого часа между двумя странами войдет в силу состояние войны».

Таким образом, в 11 часов 3 сентября 1939 г. было объявлено состояние войны между Германией и Великобританией, Германией и Францией. Все призывы к разуму, призывы к миру оказались тщетными. Решимость нацистов провести свою политику в отношении Польши была осуществлена. Для германского правительства не имели значения права кого-либо, кроме германских нацистов. И если после того, что мы услышали, все еще существуют какие-либо сомнения, то я попрошу вас взглянуть еще на два документа. Во-первых, на документ ПС-1831, который представляется под № ВВ-75.

Даже 3 сентября Муссолини делает предложение о мире. Мы имеем телеграмму, посланную в 6 часов 30 минут. К сожалению, я не знаю, что это — шесть тридцать вечера или утра. Во всяком случае эта телеграмма датирована 3 сентября. Я цитирую:

«По приказу дуче итальянский посол вручил статс-секретарю следующее послание на имя фюрера и рейхсканцлера и имперского министра иностранных дел.

Конечно, оставляя решение в руках фюрера, Италия сообщает, что она еще имеет возможность созвать конференцию с участием Франции, Англии и Польши на следующей основе:

1) Перемирие, которое оставит армейские корпуса там, где они сейчас находятся (как вы помните, германские войска уже значительно продвинулись к этому времени);

2) Созыв конференции в течение двух-трех дней;

3) Решение польско-германского спора, которое при нынешнем положении, несомненно, будет благоприятствовать Германии.

Эта идея, которая исходит от дуче, особенно поддерживается Францией.

Данциг уже является немецким, Германия уже заняла позиции, которые обеспечивают большинство ее требований. Кроме того, Германия уже получила «моральное удовлетворение». Если Германия примет план о созыве конференции, то она достигнет всех своих целей и в то же время предотвратит войну, которая уже сегодня принимает характер войны мировой и чрезвычайно продолжительной».

Но, милорд, может быть даже Муссолини не знал о всех делах Германии, и это предложение, конечно, было отвергнуто в ответном письме Гитлера.

Я ссылаюсь на предыдущий документ, представленный под № ВБ-75:

«Дуче, я, во-первых, хочу поблагодарить вас за вашу последнюю попытку посредничества. Я был бы готов принять ваши предложения, но только при условии, что будет возможность получить некоторую гарантию того, что конференция будет успешной. В течение последних двух дней германские войска чрезвычайно быстро продвигаются в Польше. Было бы невозможно свести на нет путем дипломатических интриг те жертвы, которые принесены. Однако я считаю, что можно было бы найти выход, если бы Англия не была полна решимости начать войну при любых обстоятельствах. Я не уступил англичанам потому, дуче, что я не верю, что можно было бы сохранить мир больше, чем на полгода или на год. При этих обстоятельствах я счел, что, несмотря на все, нынешний момент предоставляет более благоприятные возможности для сопротивления. В настоящее время превосходство германских вооруженных сил в Польше является таким огромным во всех областях, что польская армия будет разбита в скором времени. Я сомневаюсь, чтобы этот быстрый успех мог быть достигнут через год или два. Англия и Франция вооружили бы своих союзников настолько, что подавляющее техническое превосходство германских вооруженных сил не было бы столь очевидным. Я понимаю, дуче, что я вступил в борьбу не на жизнь, а на смерть. Моя собственная судьба не имеет никакого значения, но я также знаю, что нельзя избегать такой борьбы и нужно после холодного расчета выбрать момент для сопротивления с тем, чтобы обеспечить успех. Я твердо верю в этот успех, дуче. Недавно вы любезно заверили меня в том, что вы сможете мне помочь в некоторых областях. Я заранее искренне благодарю вас за это, но я также считаю, что даже если мы идем сейчас по различным путям, судьба, в конце концов, соединит нас. Если национал-социалистская Германия была бы уничтожена западными демократиями, то фашистская Италия также окажется перед лицом опасности. Лично я всегда чувствовал это единство наших двух правительств, и я знаю, что вы, дуче, чувствуете то же самое.

В отношении положения в Польше я бы хотел вкратце сказать, что мы должны, конечно, отбросить все несущественное, не жертвовать ни одним человеком для достижения второстепенных целей и направить наши усилия на решение великих оперативных задач: Северная польская армия, находящаяся в коридоре, уже полностью окружена в результате наших действий. Она будет уничтожена или капитулирует. В других местах операции идут

по плану. Ежедневные достижения войск превосходят все ожидания. Превосходство наших военно-воздушных сил полное, несмотря на то, что лишь одна треть их находится в Польше. На Западе они будут стоять в обороне. Франция может первая пролить свою кровь. После этого наступит момент, когда мы и там сможем встретиться с врагом, используя все силы страны. Примите мою благодарность, дуче, за всю вашу помощь в прошлом, и я надеюсь, что вы и в будущем не будете мне в ней отказывать».

Милорд, это завершает представление доказательств по этому разделу обвинения: «Агрессия против Польши, Великобритании и Франции».

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ФИЛЛИМОРОМ
ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
«АГРЕССИЯ ПРОТИВ ГРЕЦИИ И ЮГОСЛАВИИ»

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 7 декабря 1945 г.]

Моей задачей является представление доказательств в отношении агрессивных войн, которые развязаны в нарушение договоров с Грецией и Югославией. Вторжение немецких войск в Грецию и Югославию, которое произошло рано утром 6 апреля 1941 г., является прямым нарушением Гаагской конвенции 1899 года о мирном урегулировании международных споров и пакта Келлога — Бриана от 1928 года и нарушением специальных заверений нацистов.

Одно из заверений первоначально было дано в виде заявления германского министерства иностранных дел в Берлине 28 апреля 1938 г. и было впоследствии повторено самим Гитлером 6 октября 1939 г. в речи, которую он произнес в рейхстаге. В Обвинительном акте говорится именно об этом повторном заверении, данном Гитлером в его речи.

В заявлении германского министерства иностранных дел от 28 апреля 1938 г. (документ ПС-2719, ВБ-58) говорится:

«Вследствие воссоединения Австрии с Германией, мы теперь имеем новые границы с Италией, Югославией, Швецией, Лихтенштейном и Венгрией. Эти границы мы рассматриваем как окончательные и нерушимые.

...3. Югославия.

Югославскому правительству сообщено авторитетными германскими кругами, что германская политика не имеет каких-либо целей, помимо Австрии, и что при всех условиях югославская граница останется нетронутой».

В своей речи в Граце 3 апреля Гитлер заявил, что «в отношении воссоединения Австрии Югославия и Венгрия заняли ту же

позицию, что и Италия. Мы счастливы иметь там такие границы, которые освободили нас от всякой необходимости их защищать».

Документ ТС-92, ВБ-114 представляет собой выдержку из речи Гитлера, произнесенной на обеде в честь принца-регента Югославии 1 июня 1939 г.:

«Германская дружба с югославским народом не только является добровольной, она стала глубже и прочнее во время трагической путаницы мировой войны, когда германский солдат привык ценить и уважать своих чрезвычайно храбрых противников. Я думаю, что это чувство было взаимным. Это взаимное уважение находит свое подтверждение в общих политических, культурных и экономических интересах, поэтому мы смотрим на нынешнее посещение Вашего королевского высочества как на живое доказательство правильности нашей точки зрения и в то же время мы получаем надежду, что немецко-югославская дружба будет продолжать развиваться в будущем и станет еще более тесной.

В присутствии Вашего королевского высочества мы также видим счастливую возможность для откровенного и дружественного обмена мнений, который, в этом я уверен, может быть в этом смысле плодотворным для наших двух народов и государств. Я в это верю особенно потому, что крепкие, надежные отношения между Германией и Югославией теперь возможны благодаря историческим событиям, в результате которых мы стали соседями с установленными навсегда границами. Это не только гарантирует постоянный мир между нашими двумя народами и странами, но также представляет собой фактор спокойствия на нашем континенте. Эта мирная цель разделяется всеми, кто хочет выполнять действительно созидательную работу».

Как уже известно, эта речь была произнесена тогда, когда Гитлер уже решил начать европейскую войну.

Документ ТС-43, ВБ-80 представляет собой германское заверение Югославии от 6 октября 1939 г.:

«Немедленно после осуществления аншлюсса я сообщил Югославии, что с настоящего момента граница с этой страной будет оставаться неизменной и что мы лишь желаем жить с ней в мире и дружбе».

Несмотря на обязательства Германии согласно конвенции 1899 года и пакту Келлога — Бриана и в соответствии с приведенными выше заверениями, судьба как Греции, так и Югославии была решена, как мы теперь знаем, на совещании Гитлера, подсудимого Риббентропа и Чиано, состоявшемся в Оберзальцберге 12—13 августа 1939 г.

Документы показывают, что уже через два месяца после обеда, данного в честь принца-регента Югославии, Гитлер и

подсудимый Риббентроп стремились убедить Италию начать войну против Югославии в то время, как Германия начала бы военные действия против Польши, что Гитлер решил сделать в ближайшем будущем. Чиано, по-видимому, вполне был согласен с Гитлером и Риббентропом относительно желательности ликвидировать Югославию и сам хотел получить Салоники. Но он сказал, что Италия еще не готова для всеобщей войны в Европе. Несмотря на все убеждения, к которым прибежали Гитлер и подсудимый Риббентроп на этом совещании, нацистские заговорщики должны были снова заверить будущую жертву — Югославию в своих мирных намерениях. Италия же продолжала придерживаться прежней политики и не вступала в войну, когда немцы вторглись в Польшу, в то время, как сами немцы еще не были готовы нанести удар на Балканах. По этой причине в речи Гитлера 6 октября содержалось подтверждение заверения, данного им ранее в 1938 году. Является историческим фактом то, что после поражения союзных армий в мае и июне 1940 года итальянское правительство объявило войну Франции и после этого в 3 часа утра 28 октября 1940 г. итальянский посланник в Афинах вручил греческому правительству ультиматум, срок которого истекал через 3 часа, после чего итальянские войска начали вторжение на греческую территорию.

Теперь я перехожу к следующему документу (ПС-2762, ВБ-115) — письму Гитлера к Муссолини. Письмо не датировано, из его содержания можно полагать, что оно было написано вскоре после итальянского вторжения в Грецию:

«...Югославия должна, если возможно, стать незаинтересованной, однако, с нашей точки зрения, хорошо было бы заинтересовать ее в сотрудничестве при ликвидации греческого вопроса. Без заверения со стороны Югославии бесполезно рисковать какой-либо успешной операцией на Балканах.

К сожалению, я должен подчеркнуть тот факт, что ведение войны на Балканах невозможно до марта, поэтому будет сейчас бесполезно угрожать Югославии, так как сербский генеральный штаб хорошо понимает, что до марта не могут последовать никакие практические действия после таких угроз. Поэтому, если возможно, Югославию следует привлечь на нашу сторону другим путем и другими средствами...»

Как Трибунал увидит из последующего документа, в то время Гитлер планировал на весну 1941 года вторжение в Грецию с севера.

Это письмо подтверждает, что составной частью планов была попытка перетянуть на свою сторону Югославию или, во всяком случае, принудить ее занять нейтральную позицию при ликвидации других балканских государств.

Документ ПС-444, ВБ-116 — это совершенно секретная директива № 18 от 12 ноября 1940 г., подписанная Гитлером и имеющая инициалы Иодля:

«...Подготовительные меры верховной ставки для ведения войны в ближайшем будущем должны подчиняться следующим установкам:

...Балканы... Главкомандующий армией произведет подготовку для оккупации греческой территории к северу от Эгейского моря, в случае необходимости, с проходом через Болгарию, и, таким образом, сделает возможным использование германских военно-воздушных сил против объектов в восточной части Средиземного моря, в особенности против тех английских воздушных баз, которые представляют угрозу румынским нефтяным районам.

Для того чтобы быть подготовленными к любым событиям и для того чтобы держать Турцию под контролем, следует в этой операции использовать приблизительно 10 дивизий. Нельзя рассчитывать на железные дороги для переброски этих войск через Югославию.

Для того чтобы сократить время, необходимое для распределения частей, необходимо будет заранее увеличить штат германской военной миссии в Румынии, численность которого следует согласовать со мной. Главкомандующий военно-воздушными силами проведет подготовку для использования германской авиации в юго-восточных Балканах и для воздушной разведки на южной границе Болгарии, в соответствии с предполагаемыми сухопутными операциями...»

Документ ПС-1541, ВБ-117 является директивой о начале действий против Греции. При ознакомлении с ним следует учесть, что, несмотря на сравнительно плохое вооружение и минимальное количество снаряжения и современного оборудования, греческие войска отгоняли и захватывали в плен превосходящие итальянские силы чаще всего в штыковом бою... Дела итальянцев были плохи, для Гитлера наступило время прийти к ним на помощь. Совершенно секретная директива от 13 декабря 1940 г. под заголовком «Директива № 20 по операции «Марита»¹ была направлена главкомандующему флотом, начальнику военно-воздушных сил, верховному командующему вооруженных сил и в генеральный штаб:

«...Результат боев в Албании еще не имеет решающего значения. Ввиду опасности положения в Албании тем более необходимо, чтобы была устранена попытка англичан создать базу в тылу балканского фронта, что будет опасно, главным образом, для Италии, а также и для Румынии.

¹ Под этим наименованием был зашифрован план нападения гитлеровцев на Грецию. — Составители.

Мой план поэтому заключается в том, чтобы в течение нескольких месяцев:

а) сконцентрировать крупные силы в южной Румынии,

б) после установления благоприятной погоды, вероятно в марте, направить ударную группу для оккупации северного побережья через Эгейское море и, таким образом, через Балканы, а если необходимо, оккупировать и всю греческую территорию (операция «Марита»). Ожидается поддержка Болгарии...

...Военные приготовления, которые приведут к исключительным политическим результатам на Балканах, требуют точного контроля генерального штаба над всеми необходимыми мерами.

Транспортировка войск через Венгрию и прибытие их в Румынию будет регистрироваться шаг за шагом генеральным штабом вооруженных сил и будет вначале объясняться как усиление германской военной миссии в Румынии. Консультации с румынами и болгарями, которые могут указать на наши намерения, а также извещения итальянцев могут происходить только с моего согласия. Это также относится к посылке разведывательных миссий и передовых отрядов...»

Документ ПС-448, ВБ-118 — совершенно секретная директива, содержащая новые подробности этого плана; в ней говорится о решительных действиях для оказания поддержки итальянским войскам в Триполи и Албании:

«По стратегическим, политическим и психологическим причинам положение на средиземноморском театре военных действий требует германской помощи, ввиду использования Англией против наших союзников превосходящих сил».

В § 3 после изложения данных относительно сил, которые будут перемещены в Албанию, в директиве говорится о задачах германских сил, которые будут заключаться в следующем:

«а) исполнять в Албании роль резерва на случай, если возникнет новый кризис;

б) помочь итальянской армейской группе, когда впоследствии будет начато наступление с целью:

1. Прорвать греческую линию обороны на участке, который будет иметь решающее значение для проведения крупной операции.

2. Открыть проливы к западу, от Салоник с тем, чтобы с тыла поддержать фронтальную атаку армии Листа».

Эта директива была подписана Гитлером, и, как вы увидите, на подлиннике имеются инициалы подсудимого Кейтеля и подсудимого Иодля. В данном случае, как обычно, была направлена копия подсудимому Редеру и, я полагаю, также копия была послана иностранной разведке, по-видимому, дошедшая до подсудимого Риббентропа.

Документ С-134, ВБ-119 — это протокол совещания подсудимого Кейтеля и итальянского генерала Гуццони, состоявшегося

19 и 20 января и предшествовавшего совещанию Гитлера с Муссолини, на котором присутствовали подсудимые Риббентроп, Кейтель и Иодль. На третьей странице документа имеется абзац из речи Гитлера, произнесенной им 20 января 1941 г. Здесь говорится, что речь была произнесена после совещания с итальянцами. С немецкой стороны присутствовали министр иностранных дел, главнокомандующий вооруженными силами, начальник оперативного штаба, то есть подсудимые Риббентроп, Кейтель и Иодль. С итальянской стороны присутствовали дуче, Чиано и три генерала.

Зачитаю последний абзац:

«Сосредоточение войск в Румынии служит трем целям:

а) операции против Греции,

б) защите Болгарии против России и Турции,

с) обеспечению гарантий Румынии.

Каждая из этих задач требует отдельной группировки сил. Поэтому в целом требуются очень большие силы и это распределение, которое вдали от наших баз потребует значительного времени. Желательно, чтобы это распределение сил было завершено без вмешательства со стороны врага, поэтому нужно как можно дольше избегать огласки. Тенденция будет заключаться в том, чтобы форсировать Дунай в самый последний момент и занять позиции для наступления, которое следует начать как можно скорее».

В документе ПС-1746, ВБ-120 говорится о совещании фельдмаршала Листа с болгарями 8 февраля.

Я оглашу первый и последний параграфы на первой странице этого документа:

«Протокол по вопросам, которые были обсуждены представителями королевского болгарского генерального штаба и представителем генерального штаба — генерал-фельдмаршалом Листом, в связи с возможным движением германских войск через Болгарию и их использованием против Греции, а возможно, и против Турции, если она вмешается в войну...

...Болгарский и германский генеральные штабы примут все меры к тому, чтобы замаскировать подготовку к операциям и обеспечить таким путем наиболее благоприятные условия для проведения германских операций в соответствии с планом...

...Представители двух генеральных штабов считают правильным сообщить их правительствам, что было бы целесообразно и полезно учитывать необходимость секретности и неожиданности, когда договор трех держав будет подписан Болгарией, чтобы обеспечить успех военных операций».

Документ С-59, ВБ-121 — это еще одна совершенно секретная директива от 19 февраля. В ней говорится, что строительство моста через Дунай должно начаться 28 февраля, а переход

через реку должен быть закончен 2 марта и что окончательный приказ должен быть дан 26 февраля.

Болгария присоединилась к пакту трех держав 1 марта 1941 г.

И в тот же самый день, в соответствии с планом «Марита», началось вступление германских войск в Болгарию. Высадка английских войск в Греции началась 3 марта в соответствии с гарантией, данной Греции весной 1939 года.

Документ С-167, ВБ-122. Это краткая выдержка из сообщения подсудимого Редера о беседе с Гитлером, происходившей в присутствии подсудимых Кейтеля и Иодля:

«Главкомандующий флотом просит подтверждения того, что вся Греция будет оккупирована даже в случае мирного решения.

Фюрер: Полная оккупация является предпосылкой для любого решения вопроса».

Председатель: Имеется ли дата на этом документе?

Филлимор: Эта беседа произошла 18 марта в 4 часа дня...

Этот документ показывает, что нацистские заговорщики, в соответствии с принципом ликвидации любой нейтральной страны, которая не переходила на их сторону, к концу января закончили подготовку и перебрасывали необходимые войска для обеспечения окончательной ликвидации Греции, которая к этому времени уже воевала и была итальянских союзников Германии. Однако заговорщики еще не были готовы расправиться с Югославией, в отношении которой их политика продолжала заключаться в успокоении ничего не подозревавшей жертвы...

25 марта 1941 г. Югославия присоединилась к пакту трех держав. Этому присоединению предшествовало посещение 15 февраля 1941 г. югославским премьер-министром Цветковичем и министром иностранных дел Цинкар-Марковичем подсудимого Риббентропа в Зальцбурге, а затем Гитлера в Берхтесгадене, после чего эти министры 25 марта подписали пакт в Вене...

...Когда протокол о присоединении Югославии к пакту трех держав был подписан, правительства держав оси направили югославскому правительству следующие аналогичные ноты:

«Г-н премьер-министр!

От имени германского правительства и по его распоряжению имею честь сообщить Вашему превосходительству о следующем:

По случаю присоединения Югославии к пакту трех держав германское правительство подтверждает свою решимость постоянно уважать суверенитет и территориальную неприкосновенность Югославии».

Это письмо подписано подсудимым Риббентропом, который, как вы помните, был на совещании в августе 1939 года, когда он

и Гитлер пытались убедить Италию вторгнуться в Югославию. И через 11 дней после того, как было подписано это письмо, немцы вторглись в Югославию...

Значение присоединения Югославии к пакту трех держав становится ясным из документа ПС-2765, ВБ-124:

«Фюрер сначала высказал свое удовлетворение тем фактом, что Югославия присоединилась к пакту трех держав, и определением ее позиции в результате этого. Это имеет особое значение ввиду предполагаемых военных действий против Греции, так как, если учесть, что важная коммуникационная линия через Болгарию на протяжении от 350 до 400 км проходит в 20 км от югославской границы, можно заключить, что при сомнительной позиции Югославии мероприятия против Греции с военной точки зрения являлись бы чрезвычайно рискованными».

Историческим фактом является то, что в ночь на 26 марта, когда два югославских министра вернулись в Белград, генерал Симович и его коллеги устроили их путем государственного переворота, и с 27 марта Югославия была в состоянии, если необходимо, защищать свою независимость, а югославский народ снова почувствовал в себе силы. Нацисты реагировали на это изменившееся положение с молниеносной быстротой, и было решено немедленно ликвидировать Югославию.

Об этом свидетельствует документ ПС-1746, ВБ-120 — протокол совещания Гитлера и верховного командования от 27 марта 1941 г. относительно Югославии:

«...Фюрер описал положение Югославии после государственного переворота и заявил о том, что Югославия была неопределенным фактором в отношении предполагаемой операции «Марита», а еще более в отношении плана «Барбаросса». Сербь и славяне никогда не были прогермански настроены...

Настоящий момент по политическим и военным причинам является благоприятным для того, чтобы установить истинное положение вещей в этой стране и ее позиции в отношении нас, так как, если бы правительственный переворот произошел во время мероприятий «Барбароссы», то последствия для нас, видимо, были бы значительно серьезнее...

Фюрер решил, не ожидая возможной декларации о лояльности нового правительства, сделать все приготовления для того, чтобы уничтожить Югославию в военном отношении и как национальную единицу. Никаких дипломатических запросов не будет сделано, никаких ультиматумов не будет вручено. Заведения югославского правительства, которым все равно нельзя верить, в будущем не будут учтены. Нападение начнется, как только средства и войска будут к этому готовы...

...С политической точки зрения особенно важно, чтобы удар против Югославии был нанесен с крайней жестокостью и чтобы

военные разрушения были произведены молниеносно. Война против Югославии должна быть очень популярна в Италии, Венгрии и Болгарии, так как этим государствам будут обещаны территориальные приобретения, а именно: побережье Адриатики — Италии, Банат — Венгрии, Македония — Болгарии.

Этот план предполагает, что мы ускорим график приготовления и используем такие большие силы, что крушение Югославии произойдет в кратчайший срок...

...5. Основная задача военно-воздушных сил начать как можно скорее уничтожение наземных установок югославских военно-воздушных сил и уничтожить столицу Белград волнами налетов».

Мы знаем, как безжалостно была произведена эта бомбежка. Целые жилые кварталы Белграда были уничтожены в 7 часов утра 6 апреля.

Далее, в том же документе излагается план подсудимого Иодля:

«В случае, если политические события потребуют вооруженной интервенции против Югославии, немцы намереваются напасть на Югославию, произвести концентрическое нападение на Югославию, как можно скорее уничтожить ее вооруженные силы и расчленить ее национальную территорию».

Документ С-127, ВВ-125 представляет выдержку из приказа, изданного после совещания от 27 марта:

«Военный путч в Югославии изменил политическую ситуацию на Балканах. Югославия должна, несмотря на свои заверения о лояльности, считаться в настоящее время врагом и быть уничтоженной как можно скорее».

Документ ПС-1835, ВВ-126. Это телеграмма Гитлера Муссолини, переданная германскому послу в Риме:

«Дуче, события заставляют меня сообщить Вам самым быстрым путем мою оценку положения и последствия, которые могут возникнуть».

1) С самого начала я считал Югославию опасным фактором в споре с Грецией. Рассматривая это с чисто военной точки зрения, германское вмешательство в войну в Греции не будет оправдано до тех пор, пока позиция Югославии будет оставаться двусмысленной и она сможет угрожать левому флангу нашего огромного фронта.

2) По этой причине я сделал все возможное и часто старался перетянуть Югославию на нашу сторону. К сожалению, эта попытка не увенчалась успехом, так как она началась слишком поздно, чтобы привести к какому-либо определенному результату. Сегодняшнее сообщение не вызывает никакого сомнения в скором изменении внешней политики Югославии.

3) Я не считаю это положение катастрофическим, но, однако, считаю его трудным, и мы со своей стороны должны избегать

всяких ошибок, если мы не хотим, в конце концов, поставить под угрозу все наше положение в целом.

4) Поэтому я уже принял все необходимые военные меры в соответствии с нынешним критическим положением. Изменения в распределении наших войск производятся также в Болгарии.

Теперь я лично прошу Вас, дуче, не предпринимать никаких операций в Албании в течение нескольких следующих дней. Считаю необходимым, чтобы Вы прикрыли наиболее важные перевалы из Югославии в Албанию всеми имеющимися силами.

Эти меры не должны рассматриваться как рассчитанные на долгий срок, а лишь как вспомогательные, направленные к тому, чтобы, по крайней мере, в течение от 2-х до 3-х недель предотвратить возникновение кризиса.

Я также считаю необходимым, дуче, чтобы Вы пополнили свои войска на итальянско-югославском фронте всеми возможными средствами и максимально быстро.

5) Необходимо также, дуче, чтобы все то, что мы делаем и приказываем, было покрыто абсолютной тайной и должно быть сообщено только лицам, которым необходимо об этом сообщить. Эти меры полностью потеряют свою ценность, если они будут разглашены».

Документ Л-172, США-34 — это запись лекции Иодля, прочитанной им 7 ноября 1943 г. гаулейтерам в Мюнхене. Эта лекция охватывает стратегическое положение в начале пятого года войны. В ней говорится:

«...Однако менее приемлемой была необходимость предоставления помощи в качестве союзника на Балканах, вследствие действий итальянцев против Греции. Нападение, которое Италия начала осенью 1940 года через Албанию совершенно недостаточными средствами, не соответствовало всем соглашениям и, в конце концов, привело нас к решению, которое во всех случаях было бы необходимо принять рано или поздно. Планировавшееся нападение на Грецию с севера было проведено не только как операция помощи союзникам, — его истинная цель заключалась в том, чтобы помешать англичанам занять плацдарм в Греции и угрожать из этой страны нашим нефтяным районам...»

...Вторжение в Грецию было решено не позже декабря или ноября 1940 года. Планировалось начать эти действия в конце марта или в начале апреля 1941 года. Никогда не учитывались какие-либо обязательства, принятые в соответствии с договорами или конвенциями, которые могли сделать такое вторжение нарушением международного права.

Принимались меры, чтобы скрыть приготовления с тем, чтобы перед германскими вооруженными силами была ничего не подозревающая жертва.

Тем временем уже предрешенное уничтожение Югославии было на время отложено. Были сделаны все попытки, чтобы обеспечить ее сотрудничество для наступления против Греции или, по крайней мере, ее невмешательство.

Переворот генерала Симовича нарушил этот план, и тогда было решено, что, независимо от того, имеет его правительство какие-либо недружелюбные намерения против Германии или даже намерения оказать поддержку грекам, Югославия должна быть ликвидирована.

Считалось ненужным принять какие-либо меры для того, чтобы установить намерения Югославии, поскольку после начала действий германских войск не представляло никакой трудности уничтожить ее в военном отношении и как национальную единицу. Поэтому рано утром в воскресенье 6 апреля германские войска без предупреждения вошли в Югославию и Грецию одновременно».

Нацистские методы агрессии главным образом основываются на использовании преимуществ, даваемых неожиданностью, для того, чтобы обеспечить хотя бы несколько часов продвижения без сопротивления на территории ничего не подозревающей жертвы.

В соответствии с этим Польше не было объявлено войны.

Вторжение в Норвегию и Данию началось рано утром 9 апреля и уже значительно продвинулось до того, как дипломатические объяснения и оправдания были вручены датскому министру иностранных дел 9 апреля в 4 ч. 20 м. утра, а норвежскому министру между 3 и 5 часами утра. Вторжение в Бельгию, Голландию и Люксембург началось не позже чем в 5 часов утра и даже раньше 10 мая, в то время как формальный ультиматум, врученный в каждом случае с дипломатическими объяснениями и предложениями, был предъявлен лишь позже.

В отношении Голландии вторжение началось между 3 и 4 часами утра, а лишь приблизительно в 6 часов, после бомбежки Гааги, германский посланник просил разрешения посетить господина ван Клеффенса.

Что касается Бельгии, то бомбежка началась в 5 часов, а германский посланник встретился с господином Спааком около 8 утра.

Вторжение в Люксембург началось в 4 часа, и лишь в 7 часов германский посланник просил о встрече с господином Бокком.

Муссолини следовал этим методам. В 3 часа утра 28 октября 1940 г. его посланник в Афинах предъявил генералу Метаксасу ультиматум, срок которого истекал через 3 часа.

Что касается Югославии, то никаких дипломатических представлений не произошло даже после начала вторжения, но в 5

часов утра в воскресенье, приблизительно за 2 часа до бомбежки Белграда, Гитлер издал прокламацию, выдержку из которой я уже зачитал.

В отношении Греции — лишь в 5 ч. 30 м. было сообщено господину Корицису о том, что германские войска вступают на греческую территорию.

Эта серия агрессий была проведена таким путем, который сам по себе является доказательством агрессивного и вероломного характера нацистского режима. Нападение без предупреждения ночью, чтобы обеспечить первоначальные преимущества, и представление впоследствии предлогов и объяснений — это их метод действия. Этот метод действия является методом варваров.

Документ СССР-271

Сов. секретно

ЗАПИСЬ СОВЕЩАНИЯ, СОСТОЯВШЕГОСЯ В 12 ЧАСОВ ДНЯ 29 МАРТА 1938 г. В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПО СУДЕТО-НЕМЕЦКОМУ ВОПРОСУ

В совещании принимали участие господа, перечисленные в прилагаемом списке.

Господин рейхсминистр во вступительном слове подчеркнул необходимость сохранения в строгой тайне этого совещания и после этого, сославшись на указания фюрера, которые он дал лично вчера днем Конраду Генлейну, заявил, что прежде всего имеется два вопроса, представляющих важность для руководства политикой судето-немецкой партии:

1) Судетские немцы должны знать, что за их плечами стоит 75-миллионный народ, который не потерпит дальнейшего угнетения судетских немцев чехословацким правительством.

2) Делом судето-немецкой партии является предъявление чехословацкому правительству некоторых требований, выполнение которых она считает необходимым для достижения желаемых свобод.

Господин рейхсминистр добавил к этому, что в задачу имперского правительства не входит выработка для Конрада Генлейна, являющегося признанным вождем судетских немцев, что снова подтверждено фюрером, требований, которые должны быть предъявлены чехословацкому правительству. Следовало бы составить программу-максимум, которая в качестве конечной цели гарантировала бы судетским немцам полную свободу. Было бы опасным удовлетвориться преждевременно обещаниями чехословацкого правительства, которое, с одной стороны, в отношении заграницы смогло бы создать видимость, что якобы найдено решение, а с другой стороны, судетские немцы были бы удовлетворены только частично. Предосторожность уместна прежде всего потому, что исходя из имевшегося до сего времени опыта, нельзя доверять заверениям Бенеша и Годжи. Конечная цель предстоящих переговоров судето-немецкой партии с чехословац-

ким правительством это — избежать вступления в правительство при помощи увеличения объема и постепенного уточнения предъявляемых требований. При переговорах должно быть ясно показано, что единственным партнером в переговорах с чехословацким правительством является судето-немецкая партия, а не имперское правительство. Имперское правительство со своей стороны должно отказаться выступать в качестве представителя или защитника судето-немецких требований перед пражским правительством или перед Лондоном и Парижем. Само собой разумеется, что судетские немцы при вышеуказанных переговорах с чехословацким правительством должны находиться в руках Конрада Генлейна, сохранять спокойствие и дисциплину и избегать неосторожностей. По этому поводу Конрад Генлейн уже дал удовлетворяющие заверения.

Помимо этих общих высказываний господина рейхсминистра были обсуждены и в принципе одобрены приведенные в приложении требования судето-немецкой партии к чехословацкому правительству. Для дальнейшей совместной работы Конраду Генлейну было дано указание поддерживать по возможности самый тесный контакт с господином рейхсминистром и с руководителем центра фольксдейче, а также с немецким послом в Праге, являющимся тамошним представителем господина рейхсминистра. Задача немецкого посла в Праге будет состоять в том, чтобы неофициально, а больше в частных разговорах с чехословацкими государственными деятелями поддерживать требования судето-немецкой партии, называя их разумными, не оказывая непосредственного влияния на объем требований партии.

В заключение был обсужден вопрос о целесообразности сотрудничества судето-немецкой партии с остальными национальными меньшинствами в Чехословакии и особенно со словаками. Господин рейхсминистр решил, что партии нужно предоставить свободу входить в контакт с другими национальными группами, параллельный образ действий которых может показаться целесообразным.

Берлин, 29 марта 1938 г.

СПИСОК

ПРИСУТСТВУЮЩИХ НА СОВЕЩАНИИ ПО СУДЕТО-НЕМЕЦКОМУ
ВОПРОСУ ВО ВТОРНИК, 29 МАРТА 1938 г. В 12 ч. ДНЯ

Присутствовали:

Господин рейхсминистр фон Риббентроп, господин статс-секретарь фон Мак-

кензен, господин министриаль — директор Вейцеккер, господин посланник Эйзенлор — Прага, господин посланник Штибе, господин легационный советник фон Твардовский, господин легационный советник Альтенбург, господин легационный советник Кордт

Министерство иностранных дел.

Обергруппенфюрер СС Лоренц, господин профессор Гаусгофер

Центр фольклейче.

Господа: Конрад Генлейн, Карл Герман Франк, д-р Кюнцель, д-р Крейсель

Судето-немецкая партия.

I. Немедленные требования:

Цель: Успокоение судетских немцев.

1. Общинные выборы, политические выборы, выборы в социальные учреждения (переключение настроения масс в позитивное действие).

2. Широкая амнистия.

3. Правительственное постановление:

«Принадлежность к судето-немецкой партии не должна служить поводом к преследованию и социально-экономическому притеснению».

«Должен быть возмещен ущерб, причиненный в свое время за членство в НСДАП».

II. Требования, которые должны быть выполнены прежде, чем судето-немецкая партия вступит в конкретные переговоры с правительством:

1. Обратный перевод в немецкую переселенческую область государственных чиновников немецкой национальности из чешской области и из Словакии.

2. Государственные должности чиновников в немецкой переселенческой области укомплектовать только немцами.

Новые назначения немцев в управления и официальные учреждения в области с многонациональным населением в центральных областях производить до тех пор, пока не будет решен вопрос с национальными меньшинствами.

3. Управление государственной полицейской системой и передача местной полицейской власти в компетенцию самоуправлений (общин).

III. Требования, которые должны быть удовлетворены в ходе переговоров судето-немецкой партии с правительством:

1. «Законы по защите народа», вынесенные уже судето-немецкой партией.

2. Ревизия закона по обороне государства в тех его частях, которые направлены против судетских немцев.

3. Немецкий язык — равноправный государственный язык.

4. Выяснение будущей внешней политики.

Документ ПС-388

Секретный командный документ.
Берлин, 30.5—1938 г.
1-я копия.

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

ОКВ № 42/38, секретный командный документ,

Шефзахе Л 1

Шефзахе. Только через офицера.

Согласно приказу верховного главнокомандующего вооруженными силами от 24.6—37 (об. д. В № 55/37 секретно Шефзахе Л 1-а) война на два фронта, центр тяжести на юго-востоке — операция «Грюн», 2-я часть, раздел II директивы, касающейся подготовки к войне вооруженных сил, должен быть видоизменен в соответствии с прилагаемыми новыми установками.

Выполнение этой директивы должно быть обеспечено не позднее 1/10—38.

Надлежит рассчитывать на изменение остальных частей директивы в ближайшие недели.

1. Приложение:

Главкомандующему сухопутными войсками — 1-я копия

Главкомандующему морскими силами — 2-я копия,

Главкомандующему воздушными силами — 3-я копия,

ОКВ отдел Л — 4-я и 5-я копии

Верховное командование вооруженными силами —

Кейтель.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Верховный главнокомандующий
вооруженными силами
ОКВ № 42/38, секретно,
Командный документ,
Шефзахе Л 1-а от 30.5—38 г.

1-ая копия,
Шефзахе
Только через офицера.

II. Война на два фронта с центром тяжести на юго-востоке

(операция «Грюн»)

1. Политические предпосылки

Моим непоколебимым решением является то, что Чехословакия в ближайшем будущем должна быть разбита в результате военных действий.

Выжидать или вести к подходящему политическому и военному моменту — это дело политического руководства.

Неизбежное развитие условий внутри самой Чехословакии или другие политические события в Европе, которые, возможно, больше никогда не создадут такой ситуации, могут меня заставить выступить раньше намеченного срока.

Правильный выбор и решительное использование благоприятного настоящего момента являются наиболее надежной гарантией для достижения успеха.

Соответственно этому нужно немедленно провести все приготовления.

2. Политические возможности для начала действий

Для выполнения предполагаемого нападения необходимы предпосылки:

- a) подходящий внешний повод и в связи с этим
- b) удовлетворительное политическое оправдание,
- c) неожиданное для противника действие, которое его застанет по возможности врасплох.

Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым будет спровоцирована Германия в самой резкой форме, что морально оправдывает военные мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности.

Предшествующие войне натянутые дипломатические отношения в результате неожиданных в отношении времени и масштаба действий с нашей стороны должны будут прийти к концу прежде, чем противник обеспечит себе более ему уже недоступное преимущество в отношении боевой готовности.

3. Выводы для подготовки «плана Грюн»

- a) Для вооруженной борьбы важно уметь использовать момент внезапности как самый важный фактор победы, который может быть достигнут в результате соответствующих подготовительных мероприятий еще в мирное время и неожиданно быстрого исхода действий.

В результате этого уже в первые 2—3 дня может быть создано такое положение, которое покажет жаждущим интервенции вражеским государствам всю бесперспективность чешского

военного положения, а тем государствам, которые имеют территориальные притязания на Чехословакию, явится стимулом к немедленному нападению на нее. В этом случае следует рассчитывать на выступление Венгрии и Польши против Чехословакии, особенно тогда, когда открытые действия итальянцев на нашей стороне испугают Францию и помешают ей выступлением против Германии развязать европейскую войну. Следует ожидать, что Россия попытается поддержать Чехословакию в военном отношении и прежде всего с помощью воздушного флота.

Если в первые дни не будут достигнуты серьезные успехи в результате сухопутных операций, то, наверняка, наступит европейский кризис. Сознание этого должно служить импульсом для руководителей всех категорий к решительным и смелым действиям.

б) Идеологическая война должна быть направлена на то, чтобы, с одной стороны, угрозами запугать Чехию и ослабить ее сопротивление, и, с другой стороны, дать указания национальным группам относительно поддержки вооруженной борьбы и повлиять на нейтралов в наших интересах.

Я оставляю за собой право дать более конкретные указания и назначить срок выступления.

4. Задачи вооруженных сил

Подготовка вооруженных сил должна идти в следующем направлении:

- а) все силы должны быть брошены против Чехословакии;
- б) на западе должны находиться только небольшие силы, необходимые для тылового прикрытия; остальные границы на востоке с Польшей и Литвой только охраняются, юг держать под наблюдением;
- в) ускоренно вводимые в дело части сухопутных войск должны быстро и решительно преодолевать пограничные укрепления с уверенностью в том, что мобильные войска вскоре последуют за ними и с исключительной смелостью вторгнутся в Чехословакию.

Приготовления в связи с этим должны быть проведены так, чтобы эти ускоренно вводимые в дело части сухопутных войск перешли границу одновременно с воздушным флотом в твердо установленный час еще до того, как противник сможет обнаружить нашу мобилизацию.

Для этого при участии ОКВ должен быть составлен календарный план взаимодействия наземных и воздушных сил и представлен мне на утверждение.

5. Задания отдельным частям вооруженных сил

а) Сухопутные войска

Основная мысль: внезапное нападение на Чехословакию не должно страдать из-за времени, безусловно необходимого для переброски массы сухопутных войск по железным дорогам, а также из-за этого не должно остаться неиспользованным более быстрое развертывание воздушных сил. Речь идет о том, чтобы по возможности многие ударные колонны выступили одновременно с авиацией.

Эти ударные колонны должны быть укомплектованы согласно возлагаемым на них задачам. Они должны формироваться из частей, которые могут быть быстро использованы вследствие их близости к границе или моторизации, а также особых подготовительных мер.

Целью этих атак должен быть в многочисленных и наиболее оперативно благоприятных направлениях прорыв чехословацкой линии обороны. Она должна быть прорвана или сопротивление ее должно быть сломлено с тыла. Для успеха большое значение будет иметь сотрудничество с судето-немецким пограничным населением, перебежчиками из чехословацкой армии, парашютистами или воздушными десантниками и органами службы саботажа.

Вся армия имеет перед собой задачу уничтожить чешский план обороны, воспрепятствовать выходу чешской армии в Словакию, поставить ее перед сражением, разбить и быстро овладеть Богемией и Моравией. При этом нужно продвигаться по возможности сильными моторизованными и танковыми соединениями, используя первые успехи ударных колонн и действия авиации в самом сердце Чехословакии.

Предусмотренное для Запада тыловое прикрытие должно быть численно и по качеству ограничено в соответствии с существующим состоянием укреплений.

Я оставляю за собой право издания особых приказов, решающих, должны ли эти определенные соединения немедленно продвигаться к западной границе или же они должны быть пока задержаны.

Однако должны быть приняты надлежащие меры, которые сделают возможным обеспечение положения на западной границе, даже во время операции «Грюн». Независимо от этого должна быть организована первая команда безопасности из саперов, в настоящее время занятых на строительстве укреплений, и соединений трудовой повинности.

Другие границы, как и Восточная Пруссия, могут быть слабо защищаемы, однако, в зависимости от политических условий

нужно рассчитывать на посылку в империю морским путем одной части или многих наиболее активных сил Восточной Пруссии.

б) Воздушные силы

Весь воздушный флот, за исключением незначительной части, необходимой для оборонительных сил на Западе, должен быть брошен в наступление против Чехословакии. Перелет через границу должен произойти одновременно с переходом ее первыми частями армии (см. пункт 5а). Наиважнейшей задачей авиации является уничтожение чешских воздушных сил и их баз снабжения в самый кратчайший срок для того, чтобы воспрепятствовать использованию их, а также русских и французских воздушных сил против наступления и прорыва германской армии и против германского жизненного пространства.

Помимо этого, для первоначальных успехов армии большое значение будет иметь срыв мобилизации, парализация государственного и военного руководства, а также замедление движения чешской армии посредством атак на транспортные сооружения и мобилизационные правительственные центры.

В тех местах, где в пограничной области, благодаря более сильным чешским частям или глубине оборонительной системы, быстрый успех прорыва германского наступления на суше будет поставлен под вопрос, там должно быть обеспечено достаточное количество воздушных сил.

Чешские промышленные сооружения должны быть сохранены, если это позволит ход операции.

Карательные акты против населения подлежат моему утверждению.

Центры тяжести воздушной обороны должны быть образованы в Берлине, в центральной германской промышленной области и в Рурской области и их надо уже сейчас незаметно и постепенно готовить.

с) Военно-морской флот

Военно-морской флот принимает участие в действиях Дунайской флотилии и операциях армии. Флотилия находится под командованием главнокомандующего армией.

В отношении войны на море должны быть прежде всего приняты такие меры, которые будут необходимы для обеспечения безопасности Северного и Балтийского морей от нападения других государств в случае конфликта. Эти мероприятия должны быть ограничены лишь безусловно необходимыми мерами.

Нужно сделать все, чтобы они были незаметны. При этом решающим будет являться уклонение от всяких действий, которые могли бы неблагоприятно влиять на политическую позицию европейских великих держав.

6. Задачи военной экономики

В военно-экономическом отношении главным в области экономики вооружения является немедленное обеспечение возможности наибольшего развертывания сил при помощи создания запасов.

В ходе операций ценным является то, чтобы путем быстрой разведки и восстановления военных предприятий как можно скорее содействовать укреплению военно-экономической мощи.

По этим соображениям большое значение будет иметь для нас сохранение чешской промышленности и заводских сооружений, насколько это позволят военные операции.

Всеми приготовлениями к актам саботажа и восстановления занимается ОКВ. Они будут проводиться согласованно и по желанию воинских частей во взаимодействии с операциями наземных и воздушных сил во времени и пространстве.

А. Гитлер

Берлин, 3 июня 1938 г.
Секретно.

Документ СССР-268

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ГЕНЛЕЙНА С ЛОРЕНЦЕМ

В беседе с обергруппенфюрером СС Лоренцем Генлейн поставил следующий вопрос:

«Как я должен себя вести, если Чехословакия под нажимом иностранных государств вдруг выполнит все мои требования и в качестве контртребования выставит вхождение в правительство?» Вполне ясно, что этот вопрос не является острым в данный момент, что еще очень долго придется мучиться с переговорами. Однако он просит указания, как вести себя в отношении этого вопроса, в целях ориентировки на случай, если он не сможет связаться с Германией.

Сам он предлагает следующее: если Чехословакия сделает все, я отвечу «да», но потребую изменения внешней политики Чехословакии. Этого Чехословакия ни за что не допустит.

Генлейну пообещали выяснить этот вопрос у министра иностранных дел.

Лоренц

Документ СССР-267

Пол. 1 1028.
Совершенно секретно, госуд. важности.

Г-н Шмидт из центра Фольксдейче сообщил по телефону в 19.00 следующее:

1. Командование судето-немецкого фрейкора только что сообщило следующее:

Г-н подполковник Кехлинг передал следующее распоряжение фюрера: фрейкор должен провести оккупацию оставленных чехами областей. Однако крупные действия должны иметь место только с личного разрешения фюрера. Для этого снабдить фрейкор немецким оружием.

2. Из Байрейта в 18 ч. 32 м. сообщалось, что чешский генерал Нечас выступил по радио с речью на чешском языке, согласно которой новое чехословацкое правительство не считает себя связанным принятым правительством Годжи английским планом. Чешская армия готова защищать существующие в настоящее время границы. Подробности об этом радиовыступлении следуют.

Берлин, 22 сентября 1938 года.

Фон Стехов

Документ СССР-266

Легационный советник

Альтенбург

ЗАПИСЬ

О ПРИЕМЕ ФЮРЕРОМ И РЕЙХСКАНЦЛЕРОМ
21 ЯНВАРЯ 1939 г. ЧЕХОСЛОВАЦКОГО МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ХВАЛКОВСКОГО

Хвалковский начал беседу с того, что выразил благодарность фюреру за честь, оказанную его стране тем, что фюрер в течение трех месяцев два раза принял министра иностранных дел. Он прибыл сюда с тем, чтобы сказать фюреру, что свое обещание, данное им 14 октября, он точно выполнил, хотя это стоило ему больших трудов. Он хотел бы это обещание теперь повторить и заверить, что вся его работа направлена на укрепление дружественных отношений между обеими нациями.

Фюрер должен понять, что он не мог полностью достигнуть своей цели, как это было возможно в Германии; Чехословакия не располагает ни такими силами, ни такими способностями, какими располагает немецкий народ. Он просил фюрера сообщить ему все свои пожелания, чтобы он мог передать их своему правительству. Он сознает, что кое-что в Чехословакии дает повод для критики. Но у него спокойна совесть, так как он уверен, что сделал все, чтобы установить добрососедские отношения.

Фюрер поблагодарил его за выполнение своих обещаний. Внешняя политика народа определяется его внутренней политикой. Невозможно вести внешнюю политику А и внутреннюю политику В. Это хорошо только на короткое время. Развитие событий в Чехословакии с самого начала должно было привести к катастрофе. Эта катастрофа была предотвращена благодаря Германии.

Если бы Германия не придерживалась национал-социалистских принципов, которые не позволяют ей производить аннексий, то судьба Чехословакии пошла бы по другому пути. То, что на сегодня осталось от Чехословакии, было спасено не Бенешем, а национал-социалистскими тенденциями. Однако он предполагает, что еще не сделаны выводы из создавшегося положения.

Он должен довести до сведения Чехословакии следующее:

До сих пор в Чехословакии не проведена основательная чистка государственного аппарата от сторонников Бенеша. Последние продолжают свою деятельность и за последнее время усилили свою позицию. Ему кажется, что они, подобно утопающим, хватаются за соломинку и надеются на спасение.

Когда читаешь газеты, то многое кажется совершенно непонятным. У него сложилось впечатление, что эти люди в Чехословакии ожидают большого чуда, которое, однако, никогда не появится. Каждое незначительное событие будило в этих кругах надежду, — будь то выступление американского президента с речью против Германии и в защиту Чехословакии, будь то поездка английского премьер-министра в Рим или ухудшение отношений между Италией и Францией. Нужно уяснить себе, что такие натянутые отношения могут только неблагоприятно отразиться на Чехословакии. Если бы напряжение отношений между Италией и Францией могло бы представить собой угрозу, то фюрер немедленно вмешался бы в это.

Франция совсем не опасна для Германии.

Блок между Германией и Италией, к которому присоединились Венгрия и Польша, является непобедимым. Фюрер не может себе представить, что могут чехи извлечь из трений между Францией и Италией. Перед Чехословакией стоит только одна проблема: это сохранение чехословацкой народности. Ему непонятно, когда еще на сегодняшний день в Чехословакии мечтают о какой-то новой чехословацкой границе, выходящей за рамки существующей. Затем фюрер говорит о мощи Германии, о восстановлении хозяйства, о смехотворности блокады, об обеспечении продуктами питания, о могуществе своих союзников. Натянутые отношения между Италией и Францией в действительности доказывают возможность развития тесных отношений между Германией и Италией.

До тех пор пока в Чехословакии не поймут, что судьба Чехословакии переплетена с Германией в материальном, территориальном, экономическом и других отношениях, проблема решена не будет. Было бы безумием думать, что в Праге до сих пор можно делать мировую политику. Чехословакия не может жить одна. В настоящее время она еще получает помощь от иностранных государств, как, например, от Англии и Франции, но максимум через 10 лет она поймет, что без теснейшего контакта с германской экономикой она существовать не может. Имеется только один выход — это тесное сотрудничество с Германией. Чехословакия должна быть связана с Германией во всем, при этом в национальном отношении она должна быть самостоятельна. Всякая аргументация об историческом развитии является чепухой.

Гитлер вспомнил о метком сравнении Бисмарка, когда он в рейхстаге упрекнул либералов, что они хотят столкнуть империю в пропасть, то есть в руки социалистов, а либералы возмутились этим упреком, они были похожи на людей, желавших отправиться в Новавес, но севших в поезд, отправлявшийся в Грюнау. Когда поезд прибыл в Потсдам, они потребовали, чтобы он остановился в Новавесе. Им никак нельзя было объяснить, что это невозможно, так как поезд не идет туда. Вы в Чехословакии также сидели не в том поезде. Вы не хотели ехать в этом направлении, но вы должны были сделать это, так как поезд пошел по другому пути.

То же самое имеет место в армии, которая до сих пор не отвечает современным условиям. Сила, например, голландских и датских армий заключается не в них самих, а в понимании миром абсолютной нейтральности этих государств. Когда началась война, то знали, что нейтралитет для этих стран был крайне серьезным. В Бельгии дело обстояло немного иначе, так как эта страна имела соглашение с французским генеральным штабом. В этом случае Германия была вынуждена предпринять кое-какие шаги. Эти малые государства защищались не их армиями, а доверием, с которым относились к их нейтралитету. Никто не нападает на государство, когда знает, что оно при любых обстоятельствах останется нейтральным.

Кроме того, нападение на такое государство будет только обременительным в военном отношении. Впрочем, если бы Чехословакия представляла для Германии опасность, то 120 000 или 150 000 человек не будут являться военным противоресурсом: напротив, если отношения Чехословакии с Германией будут построены на полном доверии, то Чехословакии достаточно иметь армию в 10 000 или 20 000 человек. Если он придет к убеждению, что при первом возникшем конфликте в Европе Чехословакия восстанет, то он скажет энергичное «стоп» по чехословацкому вопросу.

Он оценивает страну в ее совокупности спокойно, осторожно и внимательно. Он должен учитывать, что те, кто сегодня в Праге представляют здравый смысл, могут уйти со сцены. Появятся другие чешские государственные деятели, которые будут получать одобрительные письма со всех частей света: от Бенеша, из Америки от Рузвельта, от всех тех, которые проводят за границей травлю против Германии; письма, призывающие к стойкости и указывающие, что в недалеком будущем произойдет перемена. На это он может сказать только одно, что ни одно правительство в мире не пошлет ни одного солдата для спасения Чехословакии.

Если бы фюрер вошел в страну в сентябре, то эти государства в крайнем случае заявили бы только один протест.

Он, фюрер, не обратил бы ни малейшего внимания на этот протест.

Затем фюрер долго говорил о военной мощи Германии, о западном вале, который укреплен лучше в военном отношении, чем линия Мажино, о чехословацких укреплениях, которые он лично видел и которые он находит неправильными, о неприступности Германии. Все надежды Чехословакии на «перемену» являются иллюзией. Он видит эту тенденцию в высказываниях чехословацкой печати и считает ее опасным симптомом.

Он советовал министру иностранных дел устранить все, что могло бы давать пищу этой тенденции. Армию следует довести до нужной численности, так как она не играет никакой роли. С чехословацкой армией нельзя вести войну, самое большее, на что она годится, это служить украшением для укреплений и для пары никому не нужных позиций, а не быть противопоставленной такой современной армии, как германская.

Он еще раз сказал об этом симптоме надежды на перемену в европейской политике и, в связи с этим, заявил, что если эта перемена должна будет произойти, то она прежде всего принесет с собой уничтожение Чехословакии. Сегоднешнюю Германию нельзя сравнить с прошлой. Из германских племен возникла германская раса. Точно такое же развитие имело место и в Италии, а Англия и Франция, к несчастью, этого не заметили. Далее он говорит о Великой Германии и в заключение еще раз заявляет, что если Чехословакия все еще думает однажды стать инструментом против Германии, то это кончится катастрофически не для Германии, а для Чехословакии. Если же она войдет в германскую экономическую орбиту, то она от этого выиграет. Хвалковский во время высказываний фюрера одобрительно кивал головой, а затем заявил, что в Чехословакии вполне согласны с этим.

Фюрер полагает, что это не всегда имеет место и считает, что линия, проводимая Бенешем, даже укрепились. Хвалковский повторил то, о чем уже говорил министру иностранных дел, а именно, что доложенные фюреру две статьи были написаны одним полуевреем и одним русским. В три месяца нельзя было сделать.

Фюрер: Чехословакия имеет на своих границах сильных, храбрых, скромных крестьян, которые думают о себе и не хотят войны. У нас тоже имеются ремесленники, рабочие и граждане, которые думают так же. Но там имеются также другие силы: шовинисты и много евреев.

Евреи будут нами уничтожены. Выступление 9 ноября 1918 г. не пройдет евреям даром, этот день им будет отомщен. Но в Чехословакии до сих пор евреи отравляют народ.

Хвалковский рассказал, как господствовали евреи в Чехословакии. Самым худшим является то, что они мешали росту населения, а поэтому на сегодня нет людей, которыми можно было бы заменить евреев, предназначенных к увольнению. Впрочем, противниками Германии являлись не националисты и шовинисты, а марксисты, коммунисты, воспитанные евреями. Коммунистический вопрос в Чехословакии уже разрешен. Нет больше ни одного организованного коммуниста.

Теперь Чехословакия приступит к разрешению еврейского вопроса. Правда, это не могло быть разрешено в течение трех месяцев. В Чехословакии сконцентрировались евреи из Германии и Польши. Это чрезвычайно трудная проблема. Этой проблемой приходится заниматься постоянно, поскольку добровольно евреи не уйдут.

Фюрер согласился с этим и сказал, что вместо того, чтобы радоваться происходящему в Соединенных Штатах Америки, логичнее было бы солидаризироваться с Германией. Только тогда может быть разрешен вопрос. Помощь может быть оказана Англией и Америкой, которые имеют неограниченные области и которые они могли бы предоставить евреям.

Хвалковский горько жаловался на англичан, которые много обещали. Как, например: переселить 2000 евреев в Австралию и Новую Зеландию. Но по сегодняшний день эти 2000 евреев находятся в концентрационном лагере, и англичане не принимают никаких мер, чтобы забрать их оттуда. Чехословакия получила от Англии заем в 10 миллионов и одновременно инструкцию, как их использовать в помощь евреям. Он не знает, куда и через какие границы он должен посылать евреев. На немецкую границу он не может их выставить, а также ни на польскую, ни на венгерскую. С венгерской границы их прогнали войска.

Хвалковский упомянул, что Чехословакия, то есть правительство, несмотря на оппозицию, единогласно заключило соглашение с представителем германской прессы Грегори.

Английская, французская и американская «помощь» заключается в жестоком бойкоте Чехословакии. Словаки в США являются самыми бедными иммигрантами, их жизненный уровень находится ниже уровня жизни негров. Число их достигает более 1 миллиона. Эти бедные люди подвергаются угрозам со стороны евреев и выбрасываются на улицу. На этом основании в Чехословакии нужно подождать с еврейской кампанией. Концентрационные лагеря посещают английские дамы, которые постоянно делают подачки и ведут себя несносно.

Австралия не хочет принимать евреев. Чехословакия оплатила проезд этим евреям, а они через 6 месяцев возвратились обратно.

Фюрер сказал, что, вполне возможно, государства, заинтересованные в разрешении этого вопроса, определяют какое-нибудь место в мире, куда отправят евреев, и тогда англосаксонским гуманным государствам скажут: вот они здесь; или уморите их голодом, или же покажите свою болтовню на практике.

Хвалковский жаловался на то, что в Чехословакии не хватает цензоров, чтобы действительно забрать газеты в свои руки.

Фюрер: Дело не в том, что написана одна или две статьи, а в том, что это показывает на симптом целого течения. Чехословакия имеет в настоящее время на 20 000 войск больше, чем Германия имела перед захватом власти, когда у нее было 70 миллионов населения. Не ждет ли еще Чехословакия «часа»? Для Чехословакии имеется только один час, это час признания, что она должна идти по одной дороге с Германией, а все остальное чепуха.

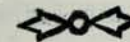
Хвалковский, поддерживаемый Матным, говорит еще раз об обстановке в Чехословакии, об общем количестве крестьян. До кризиса люди не знали, чего им ожидать от Германии. Когда они увидели, что они не будут уничтожены и что Германия хочет вести чешский народ за собой, то они вздохнули свободно.

Мировая пропаганда, против которой долгое время боролся фюрер, сконцентрировалась на маленькой Чехословакии. Хвалковский обратился с большой просьбой к фюреру, чтобы он время от времени обращался с хорошими словами к чехословацкому народу. Это может сделать чудеса.

Фюрер не знает, какое большое значение имеет его слово для чехословацкого народа. Если он открыто скажет, что он хочет работать вместе с чехословацким народом, и именно с народом (не с министром иностранных дел), то вся заграничная пропаганда будет наголову разбита.

Фюрер закончил беседу, выразив надежду на хорошее будущее.

Подпись: *Гевель.*

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ БИРГЕРА ДАЛЕРУСА¹

[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала от 19 марта 1946 г.]

Штамер: Расскажите Трибуналу, как получилось, что вы, будучи частным лицом и шведом, старались добиться взаимопонимания между Англией и Германией?

Далерус: Я очень хорошо знал Англию, так как я жил там в течение 12 лет. Я также очень хорошо знал и Германию. Во время первой мировой войны, живя как в Германии, так и в Англии, я наблюдал отношение к этой войне как одной, так и другой страны. Во время посещения Англии в конце июня 1939 года я побывал в ряде городов: Бирмингеме, Ковентри, Манчестере и Лондоне и повсюду видел непоколебимую веру в то, что народ Великобритании не потерпит более агрессии со стороны Германии. 2 июля я встретился с некоторыми друзьями в «Конститьюшинэл Клуб», мы обсудили сложившееся положение, и они ясно резюмировали общее мнение английской общественности...

После того, как я заметил, что в Третьей империи имелась склонность игнорировать нежелательные сообщения, я счел своим долгом сообщить это мнение английской общественности высшим кругам Германии и думал, что это сообщение будет очень ценным.

Штамер: Когда вы говорите о своих друзьях, вы имеете в виду членов английского парламента?

Далерус: Нет, это были люди из делового мира. Если Трибунал желает, я могу зачитать список фамилий.

Штамер: Кто были эти люди? Назовите их фамилии.

Далерус: Можно ли для сокращения времени передать этот список Трибуналу?

¹ Далерус был вызван в качестве свидетеля по ходатайству защитника Геринга — адвоката Штамера. Вызов Далеруса и характер заданных ему вопросов не оставляют сомнения, что его допрос преследовал определенную цель: скрыть истинный смысл закулисных переговоров реакционных кругов Англии с гитлеровцами, которые велись ими в 1939 году и заключались фактически в провокационном натравливании гитлеровской Германии на Советский Союз. — Составители.

Председатель: По-моему, их фамилии не имеют большого значения, если они являлись представителями деловых кругов, не правда ли?

Далерус: Согласившись со своими друзьями в вопросе о целесообразности посещения Германии, я отправился туда и добился приема у Геринга 6 июля, в 4 часа дня, в его поместье Каринхалл. Я рассказал ему о своих наблюдениях в Великобритании и особенно указал на необходимость предпринять необходимые меры для предотвращения возможности войны. Геринг выразил сомнение по поводу того, не следует ли все происходящее в Великобритании рассматривать как попытку обмана. Он также высказал мнение относительно того, что Великобритания стремится контролировать ход событий на континенте. Я сказал ему, что я не хочу, чтобы он принимал мои заявления как заявления гражданина нейтрального государства, и предложил, чтобы совещание состоялось там, где он и некоторые другие члены германского правительства имели бы возможность встретиться с английскими гражданами, которые были хорошо знакомы с положением.

Я предложил, чтобы такое неофициальное совещание состоялось в Швеции, возможно, по приглашению Его Величества короля Швеции или шведского правительства.

8 июля я получил от Геринга ответ, где он сообщал, что Гитлер согласен с этим планом, и я отправился в Швецию с тем, чтобы установить, возможно ли созвать это совещание в Швеции. Шведское правительство, по некоторым соображениям, сочло нежелательным, чтобы Его Величество король или правительство послали такое приглашение, но оно не имело ничего против того, чтобы частные лица подготовили соответствующие условия для проведения этого совещания. Граф Трола Вахмейстер с готовностью предложил нам свой замок Трола Билда для совещания.

19 июля я уехал в Лондон для того, чтобы начать подготовку к этому совещанию.

Председатель: Доктор Штамер, в интересах экономии времени не можете ли вы попросить свидетеля дать показания о самих переговорах? Все эти предварительные шаги не имеют, по моему мнению, большого значения.

Штамер: Хорошо, он сейчас перейдет к этим переговорам, к тому предварительному совещанию, которое состоялось 7 августа в Сенке Ниссен Куг.

Далерус: Это совещание 20 июля?

Штамер: Да, расскажите об этой встрече. Вы хотели сказать, что 19 июля вылетели в Лондон и встретились там с лордом Галифаксом 20 июля?

Далерус: Да.

Штамер: Расскажите Трибуналу, каково содержание этого совещания с лордом Галифаксом 20 июля?

Далерус: Я встретился с лордом Галифаксом 20 июля. Он подчеркнул, что он не желает, чтобы кто-либо из членов английского правительства или членов парламента участвовал в этом совещании. Однако правительство Его Величества с интересом будет следить за ходом и результатами этого совещания.

Совещание состоялось в Сенке Ниссен Куг в Шлезвиг-Гольштейне, вблизи датской границы, в поместье, принадлежавшем моей жене. На совещании присутствовали 7 англичан, Геринг, Боденшатц и доктор Хюттл.

Штамер: Какого числа это было?

Далерус: Это было 7 августа. Свещание началось в 10 часов. Совещание началось с того, что Геринг предложил англичанам задать ему любые вопросы.

После этого состоялась длительная беседа о политических событиях, особенно в связи с взаимоотношениями между Великобританией и Германией. В конце концов, перешли к вопросу о Мюнхене и о событиях в Мюнхене. Английские представители подчеркнули необходимость прекратить политические агрессии в Европе; также обсуждался вопрос о польском коридоре и о Данциге. Английские представители дали ясно понять, что в случае, если Германия попытается насильно оккупировать какую-либо новую территорию, то Британская империя, в соответствии со своими обязательствами, окажет помощь Польше. Геринг дал свое честное слово государственного деятеля и солдата, что, хотя ему как руководителю самого могущественного воздушного флота в мире, возможно, и придется ввести в бой свои воздушные силы, но он сделает все возможное для того, чтобы попытаться предотвратить возникновение войны. В результате совещания все присутствовавшие пришли к заключению, что будет очень полезным как можно быстрее организовать встречу представителей Великобритании и Германии. Совещание окончилось поздно ночью. На следующее утро английские представители предложили, чтобы в этой конференции приняли участие четыре страны: Великобритания, Франция, Италия и Германия. Я поехал в Зильт, где находился Геринг, и он от имени Германии согласился с этим видоизмененным предложением.

Штамер: Участвовали ли в этом совещании английские члены парламента?

Далерус: Нет, там были только представители деловых кругов Англии.

Штамер: Было ли сообщено об этом посещении лорду Галифаксу?

Далерус: Английские представители покинули Германию рано утром 9 августа и, вернувшись в Англию, немедленно представили доклад в министерство иностранных дел Великобритании.

Штамер: Состоялась ли намеченная конференция, и как развернулись события дальше?

Далерус: Я лично от Геринга получил подтверждение того, что Гитлер согласен созвать такую конференцию. Этот вопрос обсуждался в Лондоне, и 19 августа мне сообщили о том, что я должен поехать в Париж, очевидно, для получения ответа от англичан... 23 августа в 10 ч. 30 м. утра Геринг разговаривал со мной по телефону и просил по возможности немедленно приехать к нему в Берлин.

Я прибыл в Берлин 24 числа и в 2 часа уже встретился с Герингом.

Штамер: Каково было содержание вашей беседы?

Далерус: Он сказал мне, что положение стало очень серьезным из-за того, что между Польшей и Германией не было достигнуто никакой договоренности. Он просил меня поехать в Лондон и объяснить положение англичанам.

Штамер: Вы там должны были особенно указать на то, что Германия готова на соглашение с Англией?

Далерус: Да, Геринг заявил, что Германия очень желает добиться взаимопонимания с Великобританией.

Штамер: Когда вы уехали затем в Лондон?

Далерус: 25, в пятницу, на следующее утро.

Штамер: Эта поездка была согласована с Гитлером?

Далерус: Этого я сказать не могу.

Штамер: С кем вы совещались там, в Лондоне, 25-го вечером?

Далерус: У меня состоялась беседа с лордом Галифаксом в 6 ч. 30 м. вечера.

Штамер: Что рассказал вам при этом Галифакс?

Далерус: Он сообщил мне, что в тот же день Гендерсон беседовал с Гитлером и что Гендерсона ожидали в Лондоне в субботу 26-го. Он выразил надежду, что теперь имеются официальные пути для переговоров и поэтому можно будет прийти к соглашению. Он поблагодарил меня за то, что я сделал, и сказал, что мои услуги, по-видимому, более не потребуются.

Штамер: Вы в тот же вечер по телефону разговаривали с Герингом?

Далерус: Да.

Штамер: Каково было содержание этого разговора?

Далерус: Я пытался звонить ему в 8 часов вечера, и лишь после содействия со стороны министерства иностранных дел мне удалось установить связь. Геринг затем сказал мне, что положение было чрезвычайно напряженное, и просил меня сделать все

возможное для того, чтобы добиться созыва конференции представителей Великобритании и Германии.

Штамер: Вы сообщили лорду Галифаксу об этом разговоре?

Далерус: Да, господин Робертс — сотрудник министерства иностранных дел — немедленно получил точный текст нашей беседы, и еще до полуночи текст был передан лорду Галифаксу.

Штамер: Состоялось ли еще на следующее утро, то есть в субботу 26 августа, совещание с Галифаксом? Каково было содержание этого совещания?

Далерус: Я встретился с лордом Галифаксом в субботу 26 августа в 11 часов. Я сказал ему, что, насколько мне известно, германское правительство пытается добиться быстрого решения, и подчеркнул, что было бы очень важно дать ясно понять германскому правительству, что при таком серьезном положении необходимо действовать с большой осторожностью и чувством ответственности. Я попросил его, чтобы он особенно указал германскому правительству на желание английского правительства добиться взаимопонимания.

Штамер: Какое предложение вы сделали тогда лорду Галифаксу?

Далерус: Я предложил лорду Галифаксу написать письмо Герингу, которое я немедленно мог бы отвезти в Берлин и передать ему лично.

Штамер: Галифакс последовал вашему предложению?

Далерус: Да, Галифакс переговорил с Чемберленом и после этого написал прекрасное письмо, в котором он очень ясно указал на желание правительства Его Величества достичь мирного соглашения.

Штамер: И вы с этим письмом прилетели обратно в Берлин?

Далерус: Да. Я прибыл в Берлин вечером и встретился с Герингом приблизительно в 10 часов вечера.

Штамер: Расскажите Трибуналу о содержании этой беседы с Герингом, которую вы имели в связи с посещением лорда Галифакса.

Далерус: Я встретился с Герингом в его поезде, который должен был следовать в ставку. Я рассказал ему о положении вещей в Лондоне и подчеркнул, что, если германское правительство предпримет хотя бы один шаг против Данцига, то, без сомнения, это вызовет немедленно войну с Великобританией. Но я сказал, что британское правительство будет делать все возможное, чтобы избежать кризиса. Объяснив положение вещей, я передал ему письмо. Он разорвал конверт и после того, как прочел письмо, попросил меня тщательно перевести его, так как очень важно, чтобы содержание было правильно понято. Он вызвал своего адъютанта и приказал остановить поезд на следующей стан-

ции, заявив, что, по его мнению, необходимо немедленно сообщить Гитлеру о содержании письма. Я поехал с ним на автомашине в Берлин, и ровно в полночь мы остановились у имперской канцелярии. Геринг пошел к Гитлеру, а я поехал в гостиницу.

Штамер: Итак, это было 27 августа ночью, — не правда ли?

Далерус: Так точно.

Штамер: Имели ли вы тогда беседу еще и с Гитлером?

Далерус: Приблизительно в 0 ч. 15 м. ночи ко мне приехали два офицера и попросили меня поехать к Гитлеру. По приезде к Гитлеру я немедленно был принят им. При беседе присутствовал только Геринг.

Штамер: Расскажите несколько более подробно об этой беседе.

Далерус: Гитлер в своих обычных тонах начал с пространного объяснения германской политики. Это длилось приблизительно 20 минут, и я решил, что ничего полезного из этого посещения я не получу. Воспользовавшись подходящим моментом, когда он ругал английский народ и Великобританию, я прервал его и сказал, что я работал в Великобритании как инженер и руководитель промышленности, что я очень хорошо знаю английский народ и поэтому я не могу согласиться с его заявлением. После этого произошла длительная беседа, во время которой он задал много вопросов об Англии. Затем он начал объяснять мне, как прекрасно снаряжены вооруженные силы Германии. Он очень волновался, ходил взад и вперед по комнате и, в конце концов, находясь в состоянии сильного возбуждения, сказал мне, что если дело дойдет до войны, — он построит сколько угодно подводных лодок. Он говорил так, как будто он не чувствовал, что в комнате находились другие лица, помимо него. После этого он начал кричать, что он будет строить самолеты и самолеты и что он играет войну. Через некоторое время он несколько успокоился и начал говорить об Англии. Он сказал: «Господин Далерус, скажите мне, почему мне никогда не удастся достичь соглашения с английским правительством? Вы как будто бы так хорошо знаете Англию, возможно, вы в состоянии объяснить мне это?»

Я несколько колебался, но потом сказал ему, что, зная слишком хорошо английский народ, я считаю, что причиной является неверие англичан в него и его правительство.

Беседа продолжалась. Он пространно изложил мне резюме беседы его в пятницу с Гендерсоном и в конце попросил меня немедленно отправиться в Лондон и объяснить там его точку зрения. Естественно, я отказался, сказав ему, что я не могу поехать в качестве уполномоченного германского правительства, но если английское правительство выскажет желание, чтобы я совершил такую поездку, то я это сделаю. Однако положение было таково,

что я прекрасно знал о тех условиях и предложениях, которые он хотел сделать. Мы провели вместе полтора часа, в течение которых он полностью изложил различные вопросы, причем намного подробнее того, как он их объяснял Гендерсону.

Штамер: Какие предложения вы, в общем, должны были передать?

Далерус: В сжатой форме эти предложения сводятся к следующему:

1. Германия желает заключить пакт или союз с Великобританией.

2. Англия должна помочь Германии получить Данциг и польский коридор.

3. Германия обязуется заботиться о народе Польши.

4. Должно быть достигнуто соглашение относительно колоний Германии.

5. Должны быть выдвинуты соответствующие условия обращения с немецким меньшинством в Польше.

6. Германия обязуется защищать Британскую империю германскими вооруженными силами в случае, если на последнюю будет совершено нападение.

Штамер: Каков был дальнейший ход совещания?

Далерус: На следующее утро я вылетел на специальном самолете, договорившись предварительно с Лондоном. Я встретился с господином Чемберленом, лордом Галифаксом, сэром Хорасом Вильсоном и сэром Александром Кадоганом.

Штамер: Это было 27 августа, — не правда ли?

Далерус: Да, 27 августа, на Даунингстрит, № 10.

Штамер: Каково было содержание этого совещания с Чемберленом и лордом Галифаксом?

Далерус: Мы очень подробно обсудили выдвинутые предложения. По некоторым пунктам, как видно из английских «Голубых книг», эти предложения отличались от тех, которые были сделаны Гендерсону. Поэтому я предложил правительству Великобритании, что если оно полностью доверяет мне как посреднику, то оно должно сказать мне, в какой мере оно может принять эти предложения, после чего я готов буду вернуться в Берлин в тот же день и изложить точку зрения англичан Гитлеру и Герингу. Они должны задержать Гендерсона в Берлине до понедельника с тем, чтобы он мог получить ответ Гитлера на точку зрения англичан.

Штамер: В этот день вы совещались еще с сэром Александром Кадоганом?

Далерус: После встречи с членами правительства, фамилии которых я упомянул выше, я имел длительную беседу с Кадоганом.

Штамер: Вы получили от него определенные предложения?

Далерус: Да.

Штамер: Каково было их содержание?

Далерус: Я должен сказать, что правительство Великобритании приняло все меры для того, чтобы самым справедливым образом ответить на пункты германских предложений. Естественно, что пункт 6 — предложение о защите Британской империи — был отклонен. Также они отказались обсуждать вопрос о колониях в тот период, когда Германия не демобилизована. Что касается границ Польши, то они желали, чтобы эти границы были гарантированы пятью великими державами: Россией, Германией, Англией, Францией и Италией. Что касается коридора, то они рекомендовали начать немедленные переговоры с Польшей. Что касается пункта первого, то Англия в принципе готова была прийти по этому вопросу к какому-нибудь соглашению с Германией.

Штамер: Вы возвратились в Германию с этими предложениями?

Далерус: Да, после того, как я позвонил в Берлин по телефону. Поскольку англичане обещали послать Гендерсона обратно в тот же день и были согласны отложить отъезд Гендерсона до понедельника, я вылетел в тот же вечер и прибыл в Берлин незадолго до полуночи.

Штамер: Вы совещались с Герингом после этого?

Далерус: Я встретился с Герингом приблизительно в 11 ч. 30 м. в воскресенье вечером и сообщил ему о результатах своей поездки.

Штамер: Можете ли вы несколько подробнее рассказать нам об этой беседе?

Далерус: Он рассматривал этот ответ крайне нежелательным. Но я объяснил ему, что, учитывая ход событий в последние годы вряд ли можно было ожидать, чтобы Великобритания согласилась с захватом польского коридора. Что касается вопроса о колониях, то я объяснил ему, что любое английское правительство, которое попытается провести этот вопрос в парламенте в тот период, когда германские войска мобилизованы, несомненно, потерпит неудачу.

Что касается шестого пункта, я попытался дать ему ясно понять, что Великобритания, или Британская империя, предпочтет защищать сама свои собственные интересы.

В конце он сказал, что будет лучше, если он один встретится с Гитлером. Он отправился в имперскую канцелярию, а я вернулся в гостиницу. Приблизительно в час утра в понедельник, 28-го числа, мне позвонили и сообщили, что Гитлер согласен с точкой зрения англичан при условии, если ответ, который будет дан на следующий день Гендерсону, будет таким же, каким его передал я.

Штамер: Вы в ту же ночь пошли в английское посольство?

Далерус: Я немедленно отправился в английское посольство и сообщил сэру Джорджу Форбсу о результатах беседы с Герингом, а он послал телеграмму в Лондон.

Штамер: Вы сообщили Герингу содержание этой беседы с Форбсом?

Далерус: Конечно, я действовал совершенно открыто. Я сказал Герингу, что я намереваюсь делать. И германскому правительству была прекрасно известна моя беседа с Форбсом.

Штамер: Когда вы опять затем встретились с Герингом?

Далерус: Я встретился с Герингом в понедельник 28-го утром, в его ставке.

Штамер: Я думаю, что это было уже во вторник утром?

Далерус: Нет, в понедельник утром, 28 августа.

Штамер: Каково было содержание этой беседы с Герингом?

Далерус: В общем и целом мы говорили о положении вещей, и он как будто бы был удовлетворен тем фактом, что Форбс послал телеграмму в Лондон.

Штамер: Вы опять потом посетили Форбса?

Далерус: Да, я впоследствии видел Форбса, но эта встреча не имела особого значения.

Штамер: И вы потом опять встретились с Герингом во вторник, — неправда ли, — во вторник утром?

Далерус: Самое важное произошло во вторник утром или, вернее, в 1.15 утра 29-го числа, когда мне, по просьбе Геринга, позвонил подполковник Конрад из имперской канцелярии. Он сообщил мне, что Гендерсон вручил свой ответ в письменной форме, который был весьма удовлетворительным, и имеется надежда на то, что угроза войны миновала...

Штамер: 29 августа вам еще раз позвонил Геринг, — не так ли? Почему он вам позвонил?

Далерус: Поздно вечером, приблизительно в 10.30 вечера, когда я был в своем номере в гостинице, мне позвонил Форбс, который заявил, что он должен немедленно встретиться со мной; он приехал в гостиницу и объяснил, что встреча Гитлера с Гендерсоном во вторник вечером была чрезвычайно неудачной. Он спросил меня, что я могу посоветовать при данном положении вещей? Во время нашей беседы мне позвонил Геринг и попросил меня приехать к нему домой в Берлин. Он сказал мне то же самое и казался очень расстроенным по поводу того, что произошло. Он показал мне ответ Германии на английскую ноту и тщательно ее просмотрел, пытаясь объяснить причину, почему нота была сформулирована таким образом. В конце он попросил меня вновь немедленно отправиться в Лондон и попытаться объяснить этот нежелательный инцидент английскому правительству, а также передать, что Гитлер подготавливает пред-

ложения Польше, которые, очевидно, будут готовы на следующий день. Затем, договорившись с сэром Кингсли Вудом, министром авиации, о моем новом посещении Англии, я вылетел в среду в 5 часов утра. Немедленно после прибытия в Лондон я встретился с теми же членами правительства Его Величества.

Штамер: С кем вы встретились там? Кто это был?

Далерус: С теми же людьми — господином Чемберленом, лордом Галифаксом, господином Хорасом Вильсоном и Кадоганом.

Штамер: Каково было содержание этого совещания?

Далерус: Было очевидно, что в то время английское правительство с большим подозрением относилось к Германии. Оно было склонно думать, что какие бы меры ни предпринимались с их стороны, ничто не помешает Гитлеру объявить войну Польше. Правительство Великобритании сделало все возможное. Оно послало своему послу в Варшаве просьбу для передачи польскому правительству, чтобы оно делало все возможное для того, чтобы избежать инцидентов на границе. Члены английского правительства сказали мне, что вряд ли можно ожидать от польского правительства, чтобы оно послало своих представителей в Берлин для ведения переговоров после того, что произошло с другими странами в последние годы, когда они также посылали подобные миссии в Берлин.

Я позвонил в Берлин и хотел установить связь с Герингом с целью попытаться убедить его организовать встречу представителей вне Германии. Он ответил, что это невозможно, что Гитлер в Берлине и что эта встреча должна состояться только в Берлине; что касается предложений Польше, то члены английского правительства с большим подозрением относятся к этим предложениям. Днем польское правительство созывает совещание и результаты передаст в Берлин. Тем временем я сам вернулся в Берлин.

Штамер: Когда вы встретили там Геринга?

Далерус: Я встретился с Герингом вскоре после полуночи в среду. Во-первых, он сообщил мне о предложениях, сделанных Польше, и показал мне ноту. Я позвонил Форбсу и передал ему это сообщение. Затем он сообщил мне, что Риббентроп отказался передать английскому послу эту ноту после того, как он бегло просмотрел ее. Я немедленно передал Герингу, что невозможно так обращаться с послом империи, и предложил, чтобы он разрешил мне позвонить Форбсу и передать ему содержание этой ноты по телефону. Я сделал это приблизительно в час утра в четверг.

Штамер: На следующее утро вы пошли в английское посольство для того, чтобы убедиться, правильно ли понята ваша телефонная передача?

Далерус: Да. Я встретился с Герингом в среду 31 числа в 10 часов утра и обсудил вопрос относительно ноты. Затем он попросил меня немедленно поехать к Липскому — польскому послу в Берлине и передать ему копию этой ноты.

Штамер: И это произошло?

Далерус: К Липскому вместе со мной он послал Форбса. Я зачитал Липскому эту ноту, но казалось, что он не понял ее содержания, поэтому я ушел из комнаты, продиктовал ноту секретарю и вручил текст Липскому. Тем временем Липский объяснил Форбсу, что он не намерен обсуждать эту ноту с германским правительством.

Штамер: Не могли бы вы как можно точнее передать его слова? Мне кажется, — это особенно важный момент.

Далерус: Тогда он говорил, что у него нет оснований вести переговоры с германским правительством...

Штамер: Вы передали содержание этой беседы в Лондон по телефону?

Далерус: Я немедленно позвонил из английского посольства и сообщил сэру Хорасу Вильсону об этом совещании.

Штамер: Не состоялось ли еще совещание после обеда у Геринга?

Далерус: Я встретился с Герингом в час дня. Он получил копию телеграммы, посланной польским правительством Липскому, в которой говорилось о том, что Липский не должен без особых указаний из Варшавы вести переговоры с германским правительством. Совершенно очевидно, что поляки при существовавших обстоятельствах боялись предпринимать какие-либо действия, однако эта телеграмма очень взволновала германское правительство.

Штамер: Затем вы еще раз встретились у Геринга с английским послом в тот же день после обеда?

Далерус: Положение казалось безвыходным. Гитлер вызвал сэра Гендерсона. Риббентроп поссорился с ним, и мне казалось, что единственный выход был в том, чтобы между Герингом и Гендерсоном было достигнуто соглашение. Я предложил, чтобы между ними состоялась встреча. Эта встреча состоялась в 4 ч. 50 м. дня в доме Геринга. Кроме них присутствовали Форбс и я.

Штамер: Каково было содержание этой беседы?

Далерус: Еще до встречи Гендерсон высказал свои подозрения по поводу того, что германское правительство попытается добиться соглашения с Англией и внести раскол во взаимоотношения между Польшей и Англией.

Поэтому Гендерсон вел себя очень осторожно в течение всей двухчасовой беседы, и в результате обе стороны согласились с тем, что необходимо созвать совещание представителей двух

стран, и рассматривали это как единственный путь для избежания войны.

Штамер: И вы предложили, чтобы Геринг немедленно встретился с английскими представителями?

Далерус: Я предложил, чтобы эта встреча немедленно состоялась в Голландии и чтобы Геринг представлял Германию.

Штамер: Каково было мнение Гендерсона по поводу этого предложения?

Далерус: Гендерсон обещал передать это предложение своему правительству, но у меня создалось впечатление, что он уже знал о том, что германские вооруженные силы приведены в движение, и казалось, что он не особенно верил в эту возможность.

Штамер: Известно ли вам высказывание Геринга следующего содержания: «Если поляки не уступят, то Германия раздавит их, как вшей», — и он бы очень сожалел, — «если бы Британия решилась объявить войну. Это было бы очень неумно с ее стороны»?

Далерус: Я не могу припомнить эти слова, но вполне возможно, что во время двухчасовой беседы эти слова были произнесены им.

Штамер: Как закончилось это совещание?

Далерус: В 7 часов вечера мы расстались. Обе стороны согласились принять меры к тому, чтобы в Голландии состоялась встреча.

Штамер: Затем вы 1 сентября встретились еще раз с Герингом?

Далерус: Я встретился с Герингом 1 сентября в 8 часов вечера в его ставке. После некоторого колебания он сказал мне, что война началась потому, что поляки напали на радиостанцию в Глейвице и взорвали мост близ Диршау. Позднее он изложил другие детали, из которых я заключил, что все силы германской армии направлены на Польшу.

Штамер: Затем, 3 сентября, вы встретились еще раз с Герингом и при этом вы предложили, чтобы Геринг сейчас же полетел в Лондон для непосредственных переговоров?

Далерус: Прежде чем я перейду к тому, что произошло позднее, мне кажется, следует сказать, что я встретился с Гитлером в имперской канцелярии 1 сентября как раз после того, как он произнес свою речь в рейхстаге. Он страшно нервничал и был очень взволнован. Он сказал мне, что он всегда подозревал англичан в том, что они хотят войны. Затем он заявил, что он разобьет Польшу и захватит всю страну. Затем Гитлер окончательно вышел из себя и стал кричать, что, если нужно, они будут воевать год, два года и даже десять лет.

Затем в воскресенье, 3 сентября, рано утром я получил сообщение от Форбса о том, что в 9 часов будет послан ультиматум. Условия этого ультиматума будут заключаться в немедленном прекращении военных действий и отводе германских войск к немецкой границе.

Я немедленно отправился в ставку Геринга близ Потсдама. Он был там, но без Гитлера. Я попросил его по крайней мере попытаться добиться того, чтобы на этот ультиматум был послан какой-нибудь разумный ответ. У меня создалось впечатление, что некоторые члены германского правительства стояли за войну, и я боялся, что если будет послан ответ в письменной форме, то он не будет составлен таким образом, чтобы избежать войны с Англией. Поэтому я предложил, чтобы Геринг заявил, что он готов немедленно отправиться в Англию, до 11 часов, для переговоров.

Штамер: Каково было отношение Геринга к этому предложению?

Далерус: Он принял это предложение и позвонил Гитлеру. Гитлер согласился.

Штамер: Вы затем позвонили в Лондон?

Далерус: Да, я позвонил в Лондон, установил связь с министерством иностранных дел, которое ответило, что оно не может рассматривать это предложение до тех пор, пока не будет получен ответ в письменной форме на ультиматум.

Штамер: Это сообщение вы передали Герингу?

Далерус: Да.

Штамер: 4 сентября вы еще раз говорили с Герингом?

Далерус: Да, 4 сентября я имел краткую беседу с Герингом, но эта беседа не имеет большого значения.

Штамер: Не заявлял ли вам Геринг при этом, что он, что бы ни случилось, будет стремиться вести войну по возможности гуманнее и что Германия ни при каких условиях первая не предпримет военных действий против Англии, но, если оттуда начнут стрелять, ответ не заставит себя долго ждать?

Далерус: Да, это правильно.

Штамер: Вы 24 сентября 1939 г. в Стокгольме говорили с Форбсом?

Далерус: Нет, я встретился с Форбсом 24 сентября в Осло после оккупации Польши. Это была попытка установить, имелась ли возможность предотвратить мировую войну. Он передал мне в письменной форме точку зрения английского правительства, состоявшую из следующих пунктов: «Правительство Великобритании должно освободить Европу от постоянно повторяющейся угрозы германской агрессии и дать возможность народам Европы...»

Председатель: Одну минуту. Какое отношение имеет к Герингу письмо, написанное Форбсом?

Штамер: Содержание этого письма Далерус 26 сентября обсуждал с Герингом и попытался на этой базе добиться какого-либо соглашения.

Председатель: Пусть свидетель расскажет о своей беседе с Герингом.

Штамер: Господин Далерус, вы 26 сентября посетили Геринга в Берлине, — не так ли?

Далерус: Я встретился там с Герингом и с Гитлером 26 сентября.

Штамер: Вы уведомили Геринга о тех предложениях, которые вам сделал Форбс?

Далерус: Я обсудил с Гитлером вопрос о том, на каких условиях он готов был возместить тот ущерб, который он причинил Польше, и восстановить мир. И, к моему великому сожалению, он решительно заявил, что он не собирался вообще обсуждать вопрос о Польше. Польша оккупирована, и этот вопрос более не касается Великобритании. После этого я понял, что его цель заключалась в том, чтобы внести раскол между Польшей и Англией и, с согласия Великобритании, иметь возможность оккупировать Польшу без риска войны с Великобританией и Францией.

Штамер: В июле 1940 года вы еще раз встретились с Герингом?

Далерус: Да, Геринг предложил в июле 1940 года, чтобы Его Величество король Швеции попытался предложить различным державам переговоры о мире.

Штамер: У меня нет больше вопросов.

(К микрофону подходит сэр Дэвид Максвелл-Файф.)

Файф: Скажите, правильно ли я понял ваш последний ответ? Сказали ли вы: «Я тогда понял, это было 26 сентября, что его, то есть Геринга, цель заключалась в том, чтобы расколоть Польшу и Великобританию и оккупировать Польшу с согласия Великобритании»? Это правильно?

Далерус: Да, это правильно, но я хотел сказать, что это было целью германского правительства, включая Геринга.

Файф: Сейчас я хочу, чтобы вы объяснили Трибуналу, почему вы в то время не поняли сущности этой цели?

Ваша первоначальная цель встречи с Герингом в начале июля заключалась в том, чтобы сообщить ему, что английское общественное мнение ожесточилось и не потерпит нового акта агрессии. Это правильно, — не так ли?

Далерус: Да.

Файф: Цель вашей встречи с Герингом изложена на странице восьмой вашей книги¹?

Далерус: Да.

Файф: Я хочу, чтобы вы были абсолютно уверены в том, что, когда я цитирую вашу книгу, я ничего не выпускаю. На странице восьмой вы говорите следующее.

«Национал-социализм в сути своей был воинственным и агрессивным и полностью лишены всяких моральных колебаний в отношениях с другими странами. Гитлер и его протеже Риббентроп жаждали завоеваний. Говорилось, что Геринг энергично стремился к мирному разрешению мюнхенского кризиса и это уменьшило его популярность в германском правительстве».

По этой причине вы направились к Герингу?

Далерус: Да.

Файф: И когда вы высказали свою точку зрения Герингу, его первая реакция выразилась в том, что британское правительство было запугано вопросом о Данциге и Польше?

Далерус: Да.

Файф: А вы хотели первой встречи и добились ее для того, чтобы убедить Геринга в том, что, судя по британскому общественному мнению, британское правительство не было запугано, — это правильно?

Далерус: Да, это правильно.

Файф: Теперь я хочу, чтобы вы обратились к странице 29 своей книги, где описывается конец вашей беседы с подсудимым Герингом в поезде перед совещанием в начале августа. Вы помните?

Далерус: Да.

Файф: Геринг объяснял, какова была его цель. «Это было взаимное соглашение относительно созыва англо-германской конференции...» Обратите внимание на следующие слова: «с полномочными представителями от обоих правительств».

«Один вопрос, который Геринг всегда ясно ставил, — это то, что он будет требовать возвращения Данцига и некоторых прав в отношении польского коридора», — это правильно?

Далерус: Да.

Файф: С самого начала он хотел, чтобы состоялась конференция полномочных представителей, которая вынесла бы решение, если это понадобится, о том, чтобы эта территория была передана Германии, — не так ли?

Далерус: Очевидно.

...*Файф:* Вы помните тот день, когда вы беседовали с ним

¹ Речь идет о книге Далеруса под названием «Последняя попытка», в которой автор стремится завуалировать истинные причины возникновения второй мировой войны. — Составители.

и когда он позднее позвонил вам в 11.30 перед вашим отъездом?

Далерус: Да.

Файф: Я хотел бы, чтобы вы рассказали Трибуналу об одной-двух вещах, о которых он вам не сказал в тот день. Он вам не сказал, — не так ли, — что за два дня до этого, 22 августа, в Оберзальцберге Гитлер сказал ему и другим германским руководителям, что он, то есть Гитлер, весной решил, что неминуемо должен возникнуть конфликт с Польшей. Он этого вам не сказал, — не так ли?

Далерус: Я никогда не имел никаких указаний по поводу этих заявлений и не сталкивался с разоблачениями этой политики, провозглашенной 11 апреля, 23 мая, 22 августа.

Файф: Вы сказали нам, что вы никогда не слышали о «плане Вейса», который был разработан в апреле. Он никогда вам не говорил, что в этот день Гитлер сказал ему, что вопрос о Данциге не является предметом спора и что, по словам Гитлера, речь идет «о расширении нашего жизненного пространства на Востоке». И я думаю, что он вам также не сказал о том, что в тот день Гитлер заявил: «Наша задача заключается в том, чтобы изолировать Польшу; успех этой изоляции будет иметь решающее значение». Он никогда не говорил вам об изоляции Польши?

Далерус: Никогда ничего подобного он не упоминал.

Файф: Но, я думаю, он сказал вам во время предыдущей беседы, что он собирается встретиться с господином Липским, польским послом?

Далерус: Да.

Файф: Он не сказал вам, насколько я понял, что он собирался информировать господина Липского о том, что основным препятствием, мешающим ослаблению напряженных отношений между двумя странами, был союз Польши с Великобританией. Он не сказал вам об этом, — не так ли?

Далерус: Нет.

Файф: Таким образом, в то время, когда он просил вас отправиться в Англию для переговоров по поводу одной стороны этого вопроса, он также вел переговоры и с господином Липским относительно другой его стороны. Я хочу представить себе ясно обстановку, создавшуюся 24-го числа. Сказал ли он вам, что было принято решение напасть на Польшу утром 26-го числа?

Далерус: Нет, он совершенно ничего не говорил об этом.

Файф: Итак, вас просили поехать в этих общих целях, о которых я только что говорил. Теперь вы знаете, господин Далерус, что на следующий день, 26-го числа, Гитлер вручил сэру Невиллю Гендерсону «вербальную ноту»?

Далерус: Да.

Файф: В этой ноте, как это стало вам известно из сказанного позднее, в общих выражениях говорилось о том, что польский вопрос должен быть разрешен.

Таким образом, вечером 24-го, когда Геринг вам позвонил, план был таков, что вы утром должны были выехать для того, чтобы выразить общее желание достичь мирного решения вопроса. «Вербальная нота» должна быть вручена сэру Невиллю Гендерсону днем 25-го числа, в то время, когда уже был составлен план нападения на Польшу утром 26-го, то есть когда вы передадите ваше сообщение и сэр Невиль отправит «вербальную ноту». Таково было положение?

Далерус: Да.

Файф: Говорил ли когда-либо вам Геринг, почему осуществление плана нападения было перенесено с 26-го на 31-ое число?

Далерус: Нет, он никогда ничего не упоминал ни о плане нападения, ни о том, что он был изменен.

Файф: Он вам не говорил о том, что, — я цитирую собственные слова Геринга:

«В тот день, когда Англия дала официальные гарантии Польше, — это было 25-го числа, — фюрер позвонил мне по телефону и сказал, что он приостановил запланированное вторжение в Польшу. Я спросил его: «Это временно или навсегда?» — Он ответил: «Нет, я должен буду посмотреть, сможем ли мы устранить британское вмешательство». — Тогда я его спросил: «Не думаете ли вы, что произойдут какие-либо изменения в течение 4-5 дней?»

Геринг не говорил вам, когда вас посылали в Лондон, что желательно было лишь устранить британское вмешательство?

Далерус: Вовсе нет.

Файф: Теперь я бы хотел снова констатировать очень коротко: итак, вы отправились, а затем вернулись с письмом лорда Галифакса. Я хочу совершенно ясно изложить следующее: письмо лорда Галифакса подтвердило, что Великобритания намеревалась выполнять свои обязательства по отношению к Польше. Не так ли?

Далерус: Да.

Файф: И потом, 27 августа (в ночь с 26-го на 27-ое) в 12.30 у вас состоялась беседа с Гитлером. Итак, Гитлер впервые дал вам ясно понять, что его условия сводились к тому, что Великобритания должна была помочь Германии получить Данциг и коридор?

Далерус: Да.

Файф: Помните ли вы, что, когда вы сказали об этом господину Чемберлену, он был поражен разницей между вашим изложением и тем, что было сказано сэру Невиллю Гендерсону?

Далерус: Это правильно.

Файф: Теперь я хотел бы, чтобы вы обратились к странице 100, поскольку я хочу увязать все вместе. Это описание событий 1 сентября, к вечеру того дня, когда совершилось нападение на Польшу и когда вы встретились с подсудимым Герингом, мне кажется, в министерстве авиации или в одном из его учреждений. Вы видите это, — это во втором абзаце:

«Для него, то есть для Геринга, все было предусмотрено планом, который ничто не могло нарушить. Наконец, он вызвал статс-секретарей Кернера и Гритцбаха, беседовал с ними долго и преподнес каждому почетный меч, который, как он надеялся, они должны были со славой пронести через войну. Казалось, что все эти люди находились в каком-то безумном состоянии опьянения». Это ваши слова?

Далерус: Да.

Файф: Таково было ваше впечатление? Конечно, вы имели в виду, что они были духовно опьянены идеей войны.

Далерус: Очень скоро их настроение изменилось.

Файф: Таким образом, из трех главных руководителей Германии — канцлер был ненормальный, рейхсмаршал, или фельдмаршал, каковым Геринг был тогда, находился в состоянии безумного опьянения и, согласно показаниям подсудимого Геринга, министр иностранных дел был предполагаемым убийцей, пытавшимся саботировать ваш план?

Далерус: (Свидетель кивает головой.)

Файф: На субботу и воскресенье, то есть на 26 и 27 августа, вы отправились в Англию. Вы сказали мне, что вы не знали о том, что нападение на Польшу, которое должно было иметь место утром 26-го числа, было отменено, и вы не знали, что намерения Гитлера заключались в том, чтобы устранить британское вмешательство. Таким образом, вы вернулись из Англии 27-го числа с этими более полными условиями, и английский ответ заключался в том, что в то время, как Англия будет соблюдать свои обязательства, она надеется и рекомендует, чтобы германское и польское правительства начали переговоры между собой по этому вопросу?

Далерус: Да.

Файф: Такой ответ вы привезли с собой.

Теперь я хотел бы, чтобы вы припомнили беседу с Герингом во время завтрака, которая происходила, как мне кажется, в поезде или его штабе 28 августа.

В то время Геринг разве не пытался убедить вас в том, что возвращение Данцига и коридора не составляет никакой разницы для военного положения Польши?

Далерус: Да.

Файф: Теперь я хотел бы, чтобы вы перешли к заседанию, на котором сэру Невиллю Гендерсону были вручены условия. Оно началось в 7 ч. 15 м. вечера 29 августа и продолжалось довольно долго. Вы помните это заседание?

Далерус: Да.

Файф: А затем, как вы ответили одному из защитников, возникла трудность в связи с требованием о присылке полномочного представителя в течение 24 часов?

Далерус: Да.

Файф: Далее, я полагаю, сэр Джордж Огилви Форбс сказал вам, что это заседание закончилось очень плохо, и в 11.30 вы видели Геринга, который сказал почти то же самое, что и сэр Огилви Форбс в отношении этого совещания?

Далерус: Да.

Файф: И он сказал, что канцлера очень расстроило то, что сэр Невиль Гендерсон сказал, что это требование о присылке полномочного представителя в течение 24 часов было равносильно ультиматуму?

Далерус: Да.

Файф: Утром 1 сентября вы, кажется, встретились с Герингом в 8 часов. Правильно ли будет описать его поведение, когда он сообщил вам о том, что он напал на Польшу, если сказать, что он был весьма медлителен и прибегал к отступлениям, сообщая вам новость о том, что нападение уже имело место?

Далерус: Да, настолько, что я немедленно позвонил в Лондон, связался с министерством иностранных дел и сообщил одному лицу, что, согласно полученным мной сведениям, на Польшу напали, и, естественно, они заинтересовались тем, что происходило со мной, когда я передавал это сообщение.

Файф: Да, но он, в конце концов, признал, что они напали на Польшу. Затем вы имели еще одну беседу с Гитлером. Теперь я хотел бы, чтобы вы выяснили еще один вопрос.

После того, как Гитлер сказал: «Я буду драться хоть десять лет», — он начал размахивать кулаком и согнулся настолько, что кулак почти коснулся пола?

Далерус: Да.

Файф: Значит, он был в таком же состоянии, как и во время вашей предыдущей беседы?

Далерус: Он, если это возможно, еще больше нервничал.

Файф: Я прошу сказать, основываясь на фактах, которые я вам назвал и с которыми вы согласились, составили ли вы свое мнение о том, что цель германского правительства, включая Геринга, заключалась в том, чтобы расколоть Польшу и Великобританию и оккупировать Польшу с согласия Великобритании?

Далерус: Если бы я знал факты, о которых я услышал позднее...

Штамер: Я считаю, что этот вопрос заходит слишком далеко. Поэтому я возражаю против этого вопроса. Он относится ко всему правительству в целом и к определенному числу лиц. Кроме того, это — заключение наблюдателя, а не факт, о котором должен рассказывать свидетель.

Файф: Вопрос заключался в том, являются ли эти факты основой вашего мнения?

Председатель: Трибунал считает, что этот вопрос вполне допустим и вытекает непосредственно из допроса, проведенного защитником.

Файф: Я сформулирую мой вопрос следующим образом: являются ли те факты, о которых вы слышали и которые вы подтвердили сегодня, являются ли они основой для формирования вашей точки зрения, которую вы изложили в ответе доктору Штамеру сегодня утром?

Далерус: Да. В то время я думал, что я могу сделать что-нибудь для того, чтобы предотвратить новую войну, я мог определенно доказать, что правительство Великобритании сделало все возможное для того, чтобы предотвратить эту войну. Но если бы я знал то, что я знаю сегодня, то я понял бы, что мои усилия никак не могли оказаться успешными.

Файф: Я хочу выяснить еще один вопрос. Доктор Штамер просил, чтобы были названы фамилии английских промышленников¹. Я как представитель английского правительства очень заинтересован в том, чтобы в этом вопросе не осталось никаких тайн, и поэтому я почтительно прошу, чтобы вы, милорд, разрешили мне попросить господина Далеруса назвать эти фамилии.

Председатель: Конечно, если вы этого желаете.

Файф: Господин Далерус, не назовете ли вы нам имена тех джентльменов, которых вы встретили в поместье вашей жены в Шлезвиг-Гольштейне?

Далерус: Должен ли я зачитать эти фамилии или передать вам их список?

Файф: Зачитайте, пожалуйста.

Далерус: Достопочтенный Чарльз Мак Ларн, С. В. Россен, А. Гольден, сэр Роберт Рениг, Брайон С. Маунтин, К. Ф. Спенсер, Т. Менсефорд.

Файф: Благодарю вас.

¹ Речь идет о тех лицах, которые присутствовали на совещании с Герингом 7 августа 1939 г. — Составители.

Документ ТС-21

СООБЩЕНИЕ О ГЕРМАНО-ПОЛЬСКОМ ЗАЯВЛЕНИИ

от 26 января 1934 г.

26 января 1934 года в Берлине было подписано опубликованное ниже германо-польское заявление.

Заявление было ратифицировано. Обмен ратификационными грамотами произошел 24 февраля 1934 г. в Варшаве. В тот же день соглашение вступило в силу.

Берлин, 16 марта 1934 г.

Имперский министр иностранных дел
Барон фон Нейрат

118 Имперский вестник законов, 1934 г., ч. II

ЗАЯВЛЕНИЕ

Германское правительство и Польское правительство считают, что пришло время непосредственным соглашением между государствами начать новую фазу в политических отношениях между Германией и Польшей. Поэтому они решили настоящим заявлением заложить основы для будущей организации этих отношений.

Оба правительства исходят из того факта, что поддержание и обеспечение длительного мира между их странами является существенной предпосылкой для всеобщего мира в Европе. Поэтому они решили установить обоюдные отношения на принципах, изложенных в Парижском пакте от 27 августа 1928 года, и намерены, поскольку это касается отношений между Германией и Польшей, точнее установить применение этих принципов.

При этом каждое из двух правительств констатирует, что взятые им до сих пор на себя по отношению к другой стороне международные обязательства не препятствуют мирному развитию их обоюдных отношений, не противоречат настоящему заявлению и не затрагиваются этим заявлением. Далее они кон-

статируют, что это заявление не распространяется на такие вопросы, которые по международному праву относятся исключительно к внутренним делам одного из государств.

Оба правительства заявляют о своем намерении непосредственно договариваться о всех вопросах, касающихся их обоюдных отношений, какого бы рода они ни были. Если, например, между ними возникнет спорный вопрос и если его разрешения нельзя достигнуть непосредственными переговорами, то они в каждом отдельном случае будут на основании обоюдного соглашения искать решения другими мирными средствами, не исключая возможности в случае необходимости применять методы, предусмотренные для такого случая в других соглашениях, действующих между ними. Ни при каких обстоятельствах они не будут прибегать к силе для разрешения спорных вопросов.

Гарантия мира, созданная этими принципами, облегчит обоим правительствам великую задачу разрешения политических, экономических и культурных проблем путем, основанным на справедливом учете обоюдных интересов.

Оба правительства убеждены, что таким образом отношения между их странами будут плодотворно развиваться и поведут к созданию добрососедских отношений, что явится благодеянием не только для их стран, но и для всех остальных народов Европы.

Настоящее заявление должно быть ратифицировано и обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Варшаве. Заявление действительно в течение 10 лет, считая со дня обмена ратификационными грамотами. Если в течение 6 месяцев по истечении этого срока оно не будет денонсировано одним из правительств, оно остается в силе и в дальнейшем, однако может быть в любое время денонсировано любым правительством за 6 месяцев.

Договор составлен в двух экземплярах, каждый на немецком и польском языках. Оба текста идентичны.

Берлин, 26 января 1934 г.

От Германского Правительства
барон *К. фон Нейрат*

От Польского Правительства
Иозеф Липский

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

Берлин 11.IV.39
5 копий.
2-ая копия.

ДИРЕКТИВА ОТНОСИТЕЛЬНО ЕДИНОЙ
ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
НА 1939/40 г.

Будущие задачи вооруженных сил и вытекающие отсюда приготовления к ведению войны я изложу позже.

До вступления в силу этой директивы вооруженные силы должны быть подготовлены к следующему:

- I. Обеспечению границ германской империи и защите против внезапного воздушного нападения (смотри приложение I).
 - II. Операции «Вейс» (приложение II).
 - III. Овладению Данцигом (см. приложение III).
- Приложение IV регулирует полномочия в Восточной Пруссии в случае развития военных действий.

Гитлер

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ.

§ 48/39 К

СОДЕРЖАНИЕ: УКАЗАНИЯ ПО ПЛАНОВОЙ
ПОДГОТОВКЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ К ВОЙНЕ
НА 1939/40 г.¹

В качестве части VI «Указаний» прилагается директива по экономической войне и защите собственной экономики.

Господа главнокомандующие частей вооруженных сил обязаны к 1 августа 1939 года доложить о мероприятиях, предпринятых ими на основе этой директивы.

(Документ снабжен большим количеством пометок и шифров).

Приложение VI.

ОКВ № 37/39 д. К/1а

7 экземпляров.
Экземпляр 2-й.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

Дело начальника штаба.
Только через офицера.

Только для командного состава.

VI

Указания по экономической войне против хозяйства противника и для проведения мероприятий по защите собственной экономики (7 страниц).

Во введении указывается, что военно-морской флот и авиация — важнейшие факторы в экономической войне. По линии отдела разведки (абвера) ОКВ проводится, кроме того, диверсионная работа.

Все мероприятия по экономической войне согласовывает верховное командование вооруженных сил ВФА совместно с штабом «В».

¹ Дается в изложении. — Составители.

Должны быть подготовлены мероприятия по экономической войне против Англии и Франции, причем даются специальные указания сухопутным войскам, авиации и флоту (операция «Охрана границ»).

По операции «Вейс» предусматривается:

- 1) быстрый захват в неповрежденном виде польских предприятий, в особенности в В. Силезии и Тешинской области;
- 2) немедленная блокада Польши с моря.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Дело начальника штаба.
Только через офицера.

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ.

ВФА 37/39
Шефзахе Л. 1-а.

По вопросу: «УКАЗАНИЯ ДЛЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА 1939/40 г.»¹

ДИРЕКТИВА О ЕДИНОЙ ПОДГОТОВКЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА 1939/40 г. — ДАЕТСЯ ЗАНОВО

Часть I («Обеспечение границ») и часть III («Данциг») будут даны в середине апреля. В основном они остаются без перемен.

Часть II «Операция Вейс» при сем прилагается. Подпись фюрера следует.

В отношении «операции Вейс» фюрер приказал следующее:

1. Разработка должна производиться с таким расчетом, чтобы проведение операции стало возможным в любое время, начиная с 1 сентября 1939 года.

2. ОКВ поручается составить календарный план «операции Вейс» и уточнить согласование операций во времени между тремя частями вооруженных сил.

3. Точки зрения трех частей вооруженных сил и основания для календарного плана должны быть представлены в ОКВ к 1. V. 1939 года.

Верхнее Главнокомандование
вооруженными силами — Кейтель.

¹ К данному документу приложены указания на 8 стр. в 19 пунктах относительно полномочий отдельных командующих по вопросам военно-оперативного характера. Подписаны Кейтелем. — Составители.

Приложение III
к ОКВ № 37/39 секретно
шефзахе ВФА/Л I.

ОВЛАДЕНИЕ ДАНЦИГОМ

Вопрос о внезапной оккупации свободного города Данцига может встать независимо от «плана Вейс» при наличии благоприятных политических условий. Для подготовки необходимы следующие условия:

Оккупация будет осуществлена армией со стороны Восточной Пруссии.

Военно-морские силы будут поддерживать сухопутные войска путем наступления со стороны моря после приказа главнокомандующего военно-морским флотом. Все принимающие участие в операции вооруженные силы должны действовать во взаимодействии с сухопутными войсками.

Насколько смогут содействовать оккупации части военно-воздушного флота, должен установить главнокомандующий военно-воздушными силами.

О деталях взаимодействия армия, военно-воздушный и морской флот договариваются непосредственно между собой.

ОСОБЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ ПО «ОВЛАДЕНИЮ ДАНЦИГОМ»

1. Общее.

При этом нужно исходить из того, чтобы путем овладения свободным городом Данцигом подчинить чисто германскую область после ее долгого отделения господству германской империи.

2. Законные основания.

Нужно исходить из того, что не будет объявлено состояние войны или обороны в духе закона от 4. 9. 38 года.

3. Мобилизация.

Так как овладение Данцигом будет проводиться только кадровыми и вооруженными силами без дополнительной мобилизации, то не следует рассчитывать ни в коем случае на проведение мобилизации в невоенной сфере, включая сюда и военную промышленность.

Приложение IV
к ОКВ Ia № 37/39
Секретный командный документ.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV К «ПЛАНУ ВЕЙС»

1. Речь идет о конкретных задачах командующего 1-м военным округом 3-й армии в Восточной Пруссии. В случае начала военных операций он несет ответственность за оборону Восточной Пруссии, за мероприятия воздушного флота, взаимодействие пехоты, воздушного и морского флотов и т. д.

Приложение к ОКВ № 37/39.

Секретный командный документ,
шефзахе ВФА/Л—1 от 11.4.39.

(Приложение I)

ОСОБЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ ПО «ОБЕСПЕЧЕНИЮ ГРАНИЦ»

1. Приказы по обеспечению границ будут издаваться ОКВ.
2. Все приказы по проведению мобилизации должны основываться на законодательстве мирного времени.
3. Мобилизация, смотря по обстановке, будет производиться верховным главнокомандующим.
4. Вопросы противовоздушной обороны.
5. Мероприятия по освобождению пограничных областей, проводимые ОКВ.
6. О размещении населения в случае воздушных налетов.
7. Субординация.
10. Надзор и прекращение средств сообщения на границах.
11. Связь.
12. Снабжение.

Меры обеспечения безопасности данных границ.
Задания всем частям вооруженных сил по этому вопросу
(документ на 10 стр).

Приложение
к ОКВ № 37/39

Шефзахе ВФА-ЛЛ.
Только через офицера.

ОСОБЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ОПЕРАЦИИ «ВЕЙС»

1. Правовые основания

Надлежит исходить из того, что состояние обороны или войны в смысле имперского закона от 4. IX. 38 года не объявляется.

Все действия и распоряжения должны основываться на законодательстве мирного времени. Гагская конвенция в части, касающейся сухопутной войны, применяется по ее смыслу. Предоставляется право дополнить ее.

2. Мобилизация

Относительно объема потребных для «операции Вейс» подготовительных мероприятий, особенно поскольку они касаются призыва людей и пополнения материальной части, будут даны указания ОКВ.

Если последует распоряжение о мобилизации для вооруженных сил или для их части без публичного оповещения («план X»), это не означает распространения мобилизации на невоенную сферу, включая сюда и военную промышленность. ОКВ, однако, имеет право проводить в необходимом объеме, ограниченном территориально, мероприятия, необходимые для мобилизации вооруженных сил или их частей и для поддержания работоспособности учреждений и предприятий.

В случае публичного объявления всеобщей мобилизации (моб. план) мобилизация автоматически и неразрывно распространяется на всю гражданскую сферу, включая военную промышленность. Однако не следует рассчитывать на публичное объявление мобилизации, если военные события будут ограничены «планом Вейс».

(В остальных 8 пунктах изложены указания об организации исполнительной власти в оккупированных территориях, об охране границ, о размещении населения в случаях воздушных налетов и т. д.)

Документ ПС-1195

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ.
ШТАБ ОПЕРАТИВНОГО РУКОВОДСТВА

Отд. Л IV (штаб-квартира)

№ 00630/41 Секр. дело нач-ка

Штаб-квартира, 12.IV.41
Секретное дело нач-ка

Ссылаться на: ОКВ/Л/
(IV штаб-квартира) № 4434/41
Секр. дело нач-ка 3.IV.41 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УКАЗАНИЯ О РАЗДЕЛЕ ЮГОСЛАВИИ

I. Фюрер дал по вопросу о разделе Югославии следующие указания:

1) Бывшая территория Штирии и Крайны
Территория бывш. Штирии, увеличенная к югу на 90 км в ширину и на 10—15 км в глубину, отходит к области Штирия.

Северная часть Крайны с пограничной линией, проходящей к югу (только на Саве к северу от Лайбаха, согласно карте ОКХ), относится к Каринтии.

Передача территории, занятой главным командованием сухопутных сил, проводится через командование армии соответствующим гаулейтерам и через окружное управление, поскольку это позволяет умиротворение страны.

Передача территории, занятой итальянцами, подготавливается письмом фюрера к дуче и проводится по непосредственному распоряжению министерства иностранных дел. До этого момента Германия не должна принимать никаких мер.

2) Область Убермур

Область Убермур тесно примыкает к Венгрии в исторических границах. Следует иметь в виду в дальнейшем переселение немцев, проживающих в северо-западной части этой области.

Передачу области Венгрии регулирует главное командование сухопутных сил.

3) Банат

Область от точки пересечения Дравы с венгерской границей до устья Тиссы передается прежде всего под германскую защиту, также и область южнее Дуная, восточнее общей линии устья Мораш на Дунай—Пожаревац—Петровац—Больявач—Княжавач—

Кална. Эта область охватывает район медных рудников от Бора, примыкающий с юго-востока, и угольный бассейн.

Названная линия представляет и предварительное разграничение. В этой области следует предусмотреть прежде всего германское военное управление под началом ОКХ.

4) Южная Сербия

Область, заселенная болгарскими македонцами, отходит к Болгарии соответственно этнографической границе.

Предварительное установление границы производится главным командованием сухопутных войск с военной точки зрения, что подготавливает передачу Болгарии.

5) Старая Сербия

Территория Старой Сербии поступает под германское военное управление под началом ОКХ.

6) Хорватия

Хорватия становится самостоятельным государством в ее этнографических границах.

Германии не следует вмешиваться во внутривосточные дела.

7) Остальные территории, включая Деснию и Монтенегро: политическое устройство этих областей остается за Италией. При этом можно иметь в виду восстановление самостоятельности Монтенегро.

II. Протяженность границ

1) Поскольку протяженность границ не установлена в данном отрезке I, это проводится по согласованию с министерством иностранных дел, уполномоченным по четырехлетнему плану, и с рейхсминистром через верховное командование вооруженных сил.

Для верховного командования вооруженными силами штаб оперативного руководства вооруженных сил (штаб-квартира) является исполнительным органом.

2) Главное командование сухопутных сил выражает свои пожелания возможно скорее верховному командованию вооруженными силами (штабу оперативного руководства) установить протяженность границ вне области протектората к югу от Дуная, если это не установлено фюрером.

3) Управление экономической группой военной промышленности ОКВ незамедлительно выражает штабу оперативного руководства (отдел Л) свои пожелания относительно границ области протектората южнее Дуная (раздел I, № 3).

4) Для итальянцев действуют прежде всего тактические границы армий.

Начальник ОКВ Кейтель

АГРЕССИЯ ПРОТИВ НОРВЕГИИ И ДАНИИ

— — — — —

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
АНГЛИЙСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ЭЛВИНОМ
ДЖОНСОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «АГРЕССИЯ
ПРОТИВ НОРВЕГИИ И ДАНИИ»

[Из стенограммы заседаний Международного Военного Трибунала
от 6 и 7 декабря 1945 г.]

Господа судьи! Рано утром 9 апреля 1940 г. нацистская Германия вторглась в Норвегию и Данию.

Моя задача заключается в том, чтобы представить Трибуналу доказательства обвинения в этих грубых актах агрессии, нарушениях международных договоров, заверений и обязательств. С разрешения Трибунала, я хотел бы коснуться договоров, заверений и обязательств, которые были нарушены этим вторжением в Данию и Норвегию.

Прежде всего это было нарушением Гаагской конвенции и пакта Келлога — Бриана. Мой ученый коллега сэр Дэвид Максвелл-Файф уже коснулся этого вопроса вчера, но в дополнение к этим общим договорам были специальные соглашения между Германией, с одной стороны, и Данией и Норвегией — с другой.

Во-первых, был договор об арбитраже и мирном урегулировании между Германией и Данией, подписанный 2 июня 1926 г. в Берлине.

Я намереваюсь огласить лишь первую статью этого договора, которая гласит:

«Договаривающиеся стороны обязуются, в соответствии с настоящим договором, передавать на рассмотрение арбитражной или примирительной комиссии все споры любого характера, которые могут возникнуть между Германией и Данией и которые не окажется возможным решить в течение надлежащего периода времени дипломатическим путем, или передать, с согласия обеих сторон, Постоянной палате международного правосудия. Споры, для разрешения которых была установлена специальная процедура на основании конвенций, ранее подписанных договаривающимися сторонами, должны разрешаться в соответствии с предписаниями этих конвенций».

Далее я сошлюсь на договор о ненападении между Германией и Данией, подписанный Риббентропом 31 мая 1939 г.

С разрешения Трибунала и ввиду того, что договор был подписан подсудимым, я хотел бы огласить введение и первые две статьи:

«Его Величество король Дании и Исландии и канцлер германской империи, полные решимости поддерживать мир между Данией и Германией при всех обстоятельствах, согласились подтвердить эту решимость путем договора и назначили в качестве уполномоченных...

...Статья 1. Королевство Дании и Германская империя ни в коем случае не будут прибегать к войне или к какому-либо другому использованию силы один против другого. В случае, если вышеупомянутые действия будут предприняты третьей державой против одной из договаривающихся сторон, другая договаривающаяся сторона не будет никаким образом поддерживать эти действия».

Статья 2 касается вопроса о ратификации договора и ее второй абзац гласит: «Настоящий договор вступит в силу после обмена ратификационными грамотами и остается в силе в течение десяти лет после этого срока».

Как Трибунал заметит, дата этого договора — 31 мая 1939 г., на нем подписан подсудимого Риббентропа.

Вскоре Трибунал увидит, что менее чем через год после подписания этого договора произошло вторжение нацистских войск в Данию. Это показывает, что договоры, подписанные подсудимым Риббентропом, ровно ничего не стоили.

Что касается Норвегии, то подсудимый Риббентроп и нацистские заговорщики подписали такой же обманный документ.

Я сошлюсь на документ ТС-30. Это заверение, данное Дании, Норвегии, Бельгии и Нидерландам 28 апреля 1939 г., то есть после того, как захват Чехословакии поколебал уверенность во всем мире. Это, по-видимому, была попытка, бесчестная попытка, как утверждает обвинение, вновь обмануть скандинавские государства. Вот выдержка из речи Гитлера:

«Я дал связующие обязательства большому количеству государств. Ни одно из этих государств не может утверждать, что какой-либо намек на требования, противоречащие этой декларации, был когда-либо сделан Германией. Например, никто из государственных деятелей Скандинавии не может утверждать, что германское правительство и германское общественное мнение выдвинули требования, которые не соответствовали бы суверенитету и целостности этого государства».

Я был рад, что ряд европейских государств по случаю этой декларации германского правительства высказал и подчеркнул свое желание соблюдать полный нейтралитет. Это относится к Голландии, Бельгии, Швейцарии, Дании и др.».

2 сентября 1939 г. германское правительство дало еще одно заверение. Это было через день после начала вторжения в Польшу.

Этот документ — ТС-31 представляет собой памятную записку, врученную норвежскому министру иностранных дел германским посланником в Осло 2 сентября 1939 г. Цитирую:

«Германское правительство полно решимости, ввиду дружеских отношений, существующих между Норвегией и Германией, ни при каких обстоятельствах не наносить ущерба целостности и неприкосновенности Норвегии и уважать территорию норвежского государства. Делая это заявление, германское правительство, естественно, ожидает со своей стороны, что Норвегия будет соблюдать полный нейтралитет в отношении Германии и не потерпит нарушения норвежского нейтралитета какой-либо другой стороной. Если позиция королевского норвежского правительства отличается от этого и такое нарушение нейтралитета третьей стороной будет осуществлено, то германское правительство тогда, очевидно, будет вынуждено обеспечить интересы империи, в соответствии с требованиями возникшего в результате этого положения».

Далее идет еще одно заверение со стороны Германии в отношении Норвегии. Оно идет под № ТС-32. Это речь Гитлера 6 октября 1939 г. Во втором абзаце документа говорится:

«Германия никогда не имела столкновений интересов или спорных вопросов с северными государствами. Она не имеет таковых и сегодня. Германия предложила пакты о ненападении как Швеции, так и Норвегии, которые отказались от этого потому, что они не считают себя под какой-либо угрозой».

Таковы заверения, сделанные Германией.

Как Трибунал заметит, нарушение этих заверений указано в параграфе XXII приложения «С» Обвинительного заключения.

Эти договоры и заверения представляли собой дипломатический ход, чтобы прикрыть грубую нацистскую агрессию против Дании и Норвегии. Доказательства, которые обвинение теперь представит Трибуналу, по моему мнению, установят без всякого сомнения, что эти заверения были сделаны для того, чтобы успокоить подозрение, и для того, чтобы жертвы нацистской агрессии были застигнуты врасплох. Мы знаем, что еще в октябре 1939 года нацистские заговорщики и их сообщники планировали вторжение в Норвегию и что самыми активными участниками этого заговора были подсудимые Редер и Розенберг.

Вторжение в Норвегию в некотором роде не является типичным для нацистов, так как Гитлера нужно было убедить начать это вторжение. Главными действующими лицами этого убеждения были Редер и Розенберг.

Редер — потому, что он считал Норвегию важной со стратегической точки зрения, и потому, что он хотел прославить свой флот; Розенберг — в силу политических связей в Норвегии, которые он хотел развить.

Как Трибунал вскоре узнает, подсудимый Розенберг нашел примерного агента пятой колонны в лице норвежца Видкуна Квислинга — олицетворения вероломства.

Что касается начальных стадий нацистского плана вторжения в Норвегию, то доказательства можно найти в письме подсудимого Редера от 10 января 1944 г. адмиралу Асману, официально историку германского флота.

Я представляю это письмо как документ С-66, ВВ-81. Документ имеет следующий заголовок: «Меморандум адмиралу Асману, для его сведения и не для публикации».

На первой странице говорится о «плане Барбаросса». Но на следующей странице господ судьи найдут то, что нам сейчас надо, а именно: параграф, озаглавленный «Маневр Везер». Из последующих доказательств станет ясно, что это шифрованное наименование плана вторжения в Норвегию и Данию.

Он гласит:

«В течение недель, предшествующих докладу от 10 октября 1939 г., я вел переписку с адмиралом Карлсом. Он в подробном письме, во-первых, указал мне назначение оккупации норвежского побережья Германией. Я передал это письмо начальнику морского штаба для его сведения и подготовил некоторые записки, основанные на этом письме, для доклада фюреру, который я сделал 10 октября 1939 г., ввиду того, что мое мнение было аналогичным с мнением адмирала Карлса, в то время как начальник морского штаба имел некоторые сомнения по этому поводу. В этих записках я подчеркнул неблагоприятное положение, которое создастся, если англичане оккупируют Норвегию. Это даст им контроль над подступами к Балтике, наши фланги будут обойдены при проведении морских операций и воздушных налетов на Англию и будет сделан нажим на Швецию. Я также подчеркнул преимущества, которые мы получим в результате оккупации норвежского побережья: выход к Северной Атлантике, лишение англичан возможности установить блокаду, как в 1917—1918 годах. Конечно, в то время обсуждались только побережье и возможные базы; я включил Нарвик, хотя в ходе нашей переписки адмирал Карлс заметил, что Нарвик следует исключить. Фюрер немедленно понял значение норвежской проблемы; он просил меня оставить у него мои записки и сказал, что он сам желает рассмотреть этот вопрос».

Я считаю, что это письмо Редера показывает, что вся подготовка к нацистской кампании против Норвегии является ярким примером участия германского верховного командования в на-

цистском заговоре, направленном к нападению на беззащитных соседей. Это письмо показывает, что Редер сделал доклад Гитлеру 10 октября 1939 г.

Член трибунала от США Биддл (прерывая обвинителя): Когда был написан этот доклад?

Элвин Джонс: Доклад был написан в январе 1944 года подсудимым Редером. Доклад, по-видимому, был написан для того, чтобы изложить историю германского флота этого периода.

До того, как Редер сделал доклад фюреру 10 октября 1939 г., Редер был другого мнения о вторжении в Норвегию. 3 октября он разослал указания. Это документ С-122, который я представляю под № ВВ-82. Как Трибунал заметит, заголовок гласит: «Захват баз Норвегии» (выдержка из военного дневника, датированного 3 октября 1939 г.):

«Начальник морского штаба считает необходимым, чтобы фюреру как можно скорее сообщили о мнении морского штаба относительно возможностей расширения оперативных баз на севере. Следует установить, имеется ли возможность захватить базы в Норвегии с целью улучшения наших стратегических и оперативных позиций. Следует рассмотреть следующие вопросы:

- a) Какие пункты Норвегии можно рассматривать в качестве баз?
- b) Могут ли базы быть захвачены военным путем против воли Норвегии, если это невозможно осуществить без боев?
- c) Каковы возможности обороны после оккупации?
- d) Будут ли гавани готовы полностью впоследствии или они уже находятся в достаточно хорошем состоянии с точки зрения снабжения?

(Главнокомандующий подводным флотом, то есть Дениц, уже считает, что такие гавани будут иметь большое значение в качестве временных баз для подводных лодок, действующих в Атлантическом океане.)

e) Какие решительные преимущества будут приобретены для ведения войны на море при завладении базой в Северной Дании, а именно, Скаген?»

В нашем распоряжении имеется документ. Это меморандум, написанный подсудимым Деницем, относительно норвежских баз, который, по-видимому, имеет отношение к вопросам, выяснявшимся в предыдущем документе подсудимым Редером. Этот документ озаглавлен: «Главнокомандующий подводным флотом. Оперативный отдел. Совершенно секретно. Базы в Норвегии». Затем излагаются предположения, преимущества и недостатки. В конце — выводы. Я намереваюсь прочесть последний параграф:

«Поэтому предлагается следующее:

- 1) Создание базы в Тронхейме, включая: а) возможность поставок горючего, сжатого воздуха, кислорода, провианта,

b) возможности проведения ремонта после боев, c) широкие возможности для размещения команд подводных лодок, d) противовоздушную оборону, противовоздушное вооружение.

2) Установление в качестве альтернативы возможностей поставок горючего в Нарвик». Это — меморандум Деница.

Как Трибунал уже знает из письма Редера к Асману, в октябре 1939 года Гитлер лишь обдумывал возможность агрессии против Норвегии и не принял никакого решения, хотя, как известно, Гитлер с готовностью принимал любые предложения об агрессии против других стран.

Документ показывает, что подсудимый Редер подчеркивал свою точку зрения в отношении Норвегии и на этом этапе он имел сильного союзника в лице подсудимого Розенберга.

Использование нацистами предателей и стимулирование предательства как политического орудия, к сожалению, оправдывается историческими фактами. Но если потребуется доказательство этого заявления, то его можно найти в документе, который я представляю суду. Я ссылаюсь на документ ПС-007, озаглавленный: «Краткий доклад о работе иностранного бюро партии с 1933 по 1943 г.». Он гласит следующее: «Когда было организовано иностранное бюро партии 1 апреля 1933 г., фюрер отдал приказ о том, что это бюро не должно расширяться и принимать форму большого бюрократического аппарата и что центр тяжести его работы должен заключаться в проявлении инициативы.

Учитывая неизменное исключительно враждебное отношение Советского правительства в Москве, вновь организованное бюро уделило особое внимание условиям внутренней организации в Советском Союзе и влиянию мирового большевизма, в первую очередь, на другие европейские государства. Это бюро вошло в контакт с большинством разнообразных групп, которые объединялись с нацизмом для того, чтобы бороться против большевизма, концентрируя свое внимание на народах и государствах, граничащих с Советским Союзом. С одной стороны, эти народы и государства составляют изолированное кольцо, окружающее большевистского соседа; с другой стороны, они были фланговыми соседями германского жизненного пространства и заняли охватывающую позицию в отношении западных держав, особенно Великобритании...»

Для того чтобы получить влияние тем или другим способом — и суд скоро убедится в значении этой фразы, — иностранное бюро пускало в ход разнообразные методы, принимая во внимание совсем различные условия жизни, узы крови, интеллекта и историю движения, наблюдаемого иностранным бюро в этих странах.

Приложение № 1 к документу под заглавием «Краткий доклад о работе иностранного бюро нацистской партии с 1933 до 1943 г.» озаглавлено: «Политическая подготовка военной оккупации Норвегии в военные годы 1939—1940» и гласит сле-

дующее: «...Как было ранее упомянуто, из всех политических группировок в Скандинавии только руководимая в Норвегии бывшим военным министром и майором в запасе Видкуном Квислингом заслужила серьезное политическое внимание. Это была боевая политическая группа, одержимая идеей великогерманской общности.

Само собой разумеется, все руководящие державы враждебно относились и делали попытки во что бы то ни стало препятствовать его популярности среди населения. Это бюро поддерживало постоянный контакт с Квислингом и внимательно следило за атаками, которые он упорно и энергично вел против среднего класса, шедшего за англичанами.

Сначала казалось, что нельзя было ожидать успеха «Национального собрания» без революционных событий, которые заставили бы население изменить свое прежнее отношение. Зимой 1938—39 г. один член иностранного бюро частным образом посетил Квислинга.

Когда политическое положение в Европе стало особенно напряженным, в 1939 году Квислинг появился в июне в Любеке на конференции Северного общества. Он высказывал свои мысли о существовавшем положении и свои мрачные предчувствия в отношении Норвегии. Он подчеркнуто привлекал внимание к важности Норвегии на скандинавской территории в геополитическом отношении и к занимаемым ею выгодным позициям, которые увеличат значение норвежского побережья, в случае конфликта между великим германским рейхом и Великобританией.

Полагая, что его заявление будет представлять особый интерес для рейхсмаршала Геринга с точки зрения авиации, Квислинг был направлен иностранным бюро к статс-секретарю Кернеру. Директор отдела передал начальнику рейхсканцелярии меморандум для передачи его фюреру».

Из следующей части документа, которую я оглашу во время дальнейшего представления доказательств, суд увидит, как Квислинг вошел в контакт с Редером. Обвинение в отношении этого документа считает, что он является еще одной иллюстрацией тесного контакта между политическим и военным руководством нацистского государства и тесных уз между профессиональными солдатами и профессиональными политиками. Подсудимый Редер в своем докладе для адмирала Асмана сообщил о своем сотрудничестве с Розенбергом, и я прошу суд обратить внимание на документ С-66. На странице, озаглавленной «Маневр Везер», сказано следующее:

«В дальнейшем меня поддерживал командор Шрейбер, морской атташе в Осло и лично начальник морского штаба вместе с организацией Розенберга. Таким образом, мы вошли в контакт с Квислингом и Хагелином, которые приехали в Берлин в начале

декабря и которых я привел к фюреру с одобрения рейхслейтера Розенберга».

Я хочу обратить внимание Трибунала на развитие событий в декабре. Метод, которым пользовался подсудимый Редер для осуществления личного контакта с Квислингом, не совсем ясен. Хочу обратить внимание суда на документ С-65, предъявляемый нами за № ВВ-85. Это доклад Розенберга Редеру, в котором полностью разоблачается готовность Квислинга к предательству и его потенциальная пригодность для нацистских агрессоров.

В абзаце первом этого доклада имеются материалы, о которых я уже упоминал при чтении заявления Розенберга. Предлагаю вниманию суда второй абзац документа ВВ-85, он гласит следующее:

«Причины государственного переворота, о которых Квислинг делал доклад, видны из того, что стортинг, то есть норвежский парламент, как вызов по адресу конституции провел решение о продлении своих полномочий, которое должно было войти в силу 12 января.

Квислинг в качестве офицера с большим стажем и бывшего военного министра сохраняет очень тесную связь с норвежской армией. Он показал мне подлинник письма, которое он недавно получил от коменданта Нарвика полковника Сунло. В этом письме полковник Сунло откровенно подчеркивает свою мысль, что если дела будут идти так, как они шли до сих пор, то с Норвегией все будет покончено».

Если вы перевернете следующую страницу документа и прочтете последние два абзаца, то вы познакомитесь с деталями предательского плана Квислинга, разработанного совместно с Розенбергом, о свержении правительства его собственной страны.

Был предложен план государственного переворота, в который входили инструктаж отобранных в Германии норвежцев, распределение между ними заданий и обеспечение опытными нацистами, знакомыми с делами подобного рода.

Эти натренированные люди должны были очень быстро направиться в Норвегию, где все детали должны были подвергнуться обсуждению. Должны были быть немедленно захвачены некоторые важные центры в Осло и в то же время германский флот вместе с соответствующим количеством германских войск начнет действовать, когда его призовет новое норвежское правительство, в определенной бухте, на подступах к Осло.

Квислинг не сомневался в том, что такой переворот, который будет проведен успешно, немедленно будет одобрен теми кругами армии, с которыми он был связан в то время.

В Скандинавии после войны 1917—1918 гг. открыто преобладало проанглосаксонское течение, основанное на экономических расчетах. Иностранное бюро отмечало значение общих культур-

ных отношений с суверенными народами. Ради этой цели оно взяло под свое покровительство Северное общество в Любеке. Имперские конференции этого общества посещались многими выдающимися лицами, особенно из Финляндии. В то время, как не было никаких возможностей для чисто политического сотрудничества в Швеции и Дании, в Норвегии была основана ассоциация, которая базировалась на великогерманской идеологии. Были установлены очень тесные отношения с ее лидером, которые привели к дальнейшим последствиям.

В конце главной части доклада имеется отчет о действиях бюро Розенберга в различных частях Европы и мира, который я в данное время оставляю без внимания, но если Трибунал пожелает взглянуть на последний абзац, то он прочтет это на стр. 4 доклада, здесь имеется подпись обвиняемого Розенберга: «С началом войны задача бюро считалась законченной. Использование многих личных отношений в различных странах может продолжаться под различными видами».

Если Трибунал взглянет на приложение к документу, которое находится на следующей странице, то он оценит то, что означало «использование личных отношений».

Последнее предложение гласит:

«Квислинг дает цифры требуемых германских войск, которые соответствуют германским вычислениям».

Нет достаточно сильных выражений в словаре для того, чтобы описать степень предательства.

Я теперь прошу суд обратить внимание на документ С-64, ВВ-86 — отчет Редера о совещании штаба морского флота с Гитлером, состоявшемся 12 декабря 1939 г., в 12 часов, в присутствии Кейтеля и Иодля, а также Путткамера, который был тогда адъютантом Гитлера.

Отчет озаглавлен: «Норвежский вопрос» и начинается так: «Главнокомандующий военно-морским флотом принял Квислинга и Хагелина. Квислинг производит впечатление надежного человека».

Фюрер решил поговорить с Квислингом лично для того, чтобы создать себе впечатление о нем. Он хотел снова до этого повидаться с Розенбергом, поскольку этот последний уже давно знал Квислинга. Главнокомандующий военно-морским флотом Редер предложил, что если Квислинг произведет благоприятное впечатление на фюрера, то ОКВ получит разрешение планировать совместно с Квислингом подготовку и проведение оккупации: а) мирными средствами; это значит, что сама Норвегия вызовет германские войска, или б) договориться с тем, чтобы сделать это силой».

Теперь я прошу суд обратить внимание на записи, которые сделал Редер по поводу этого совещания для того, чтобы они остались для истории:

«Таким образом мы связались с Квислингом и Хагелином, которые прибыли в Берлин в начале декабря и были приведены к фюреру мною с одобрения рейхслейтера Розенберга».

Суд заметит в конце страницы пометку:

«В самый решительный момент Р.» — очевидно Розенберг — «повредил себе ногу, так что мне пришлось посетить его дома утром 14 декабря».

Эта пометка сделана Редером и показывает, насколько тесно он был связан с заговором.

Далее в отчете говорится:

«На основании переговоров фюрера с Квислингом и Хагелином фюрер отдал приказ 14 декабря днем, чтобы все приготовления к норвежской операции производились верховным командованием вооруженных сил».

До этого момента штаб военно-морского флота не принимал участия в разработке норвежского вопроса и продолжал относиться к нему скептически. Подготовка, которую проводил капитан Кранке в верховном командовании вооруженных сил, была, однако, основана на меморандуме штаба военно-морского флота».

Суд может справедливо предположить, что замечание подсудимого Редера о том, что это был самый решительный момент, соответствовало действительности, так как суд узнает, что в тот самый день, 14 декабря, Гитлер дал приказ, чтобы верховное командование вооруженных сил начало подготовку к норвежской операции.

Теперь прошу суд обратиться к документу ПС-007 — отчету Розенберга о деятельности его организации. Как суд узнает, встречи и собеседования между Квислингом и нацистскими руководителями продолжались в декабре. Я цитирую:

«Квислинг получил личную аудиенцию у фюрера 16 декабря и второй раз — 18 декабря. Во время этой встречи фюрер несколько раз подчеркивал, что он лично предпочитал бы полный нейтралитет со стороны Норвегии, как и всей Скандинавии. Он не собирался расширять театр военных действий и втягивать в конфликт другие народы».

Если же враги стали бы, тем не менее, пытаться расширять пределы войны, чтобы устроить и задавить великую германскую империю, он был бы вынужден оградить себя от таких действий. Для того, чтобы противостоять возрастающей враждебной пропаганде, он пообещал Квислингу оказать финансовую поддержку его движению, основанному на германской идеологии. Военная разработка этого вопроса была поручена специальному военному штабу, который передавал Квислингу специальные задания. Рейхслейтеру Розенбергу была поручена его политическая разработка. Денежные расходы были возложены на министерство иностранных дел, причем министр иностранных дел все время полу-

чал информацию через бюро иностранных дел (которое являлось организацией Розенберга).

Начальник секции Шейдт должен был поддерживать связь с Квислингом. В ходе дальнейших действий он был прикомандирован к морскому атташе в Осло. Был отдан приказ держать все дело в строжайшей тайне».

Я хотел бы, чтобы суд еще раз отметил, какая тесная связь существовала между нацистскими политиками и нацистскими руководителями армий. Сведения о событиях, происшедших в январе 1940 года, которыми располагает обвинение, неполны, однако суд увидит, что деятельность Розенберга и Редера принесла свои плоды.

Я прошу теперь Трибунал обратить внимание на письмо Кейтеля. Суд заметит, что это приказ-меморандум, подписанный Кейтелем и датированный 27 января 1940 г. На нем пометка: «Совершенно секретно, пять экземпляров, относительно операций «Н». Может быть передано только через офицеров».

В начале документа значится: «Главкомандующему флотом об этом доложено».

Документ гласит:

«Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами желает, чтобы операция «Н» продолжала развиваться под моим личным и непосредственным руководством и в тесной связи с общей военной политикой. По этой причине фюрер уполномочил меня взять на себя дальнейшую подготовку».

С этой целью при штабе верховного главнокомандования вооруженными силами создана рабочая группа, которая одновременно является ядром будущего оперативного штаба.

...Все дальнейшие планы должны составляться под шифром «Везербунг, очень важное».

Я хотел бы почтительно обратить внимание Трибунала на значение этого документа.

Обратите также внимание на подпись Кейтеля и на дату этого очень важного решения. До этой даты 27 января 1940 г. планирование различных вариантов вторжения в Норвегию и Данию ограничивалось сравнительно небольшой группой людей, целью которых было убедить Гитлера в том, что эту норвежскую операцию желательно провести. Издание Кейтелем вышеуказанной директивы от 27 января 1940 г. означает, что верховное командование германской армии приняло предложение группы, которая настаивала на проведении норвежской кампании и направила комбинированные ресурсы германской военной машины на создание практических и координированных планов норвежской операции.

Прошу суд заметить, что, начиная с января, оперативное планирование вторжения в Норвегию и Данию проводилось обычными путями.

Я хочу теперь обратить внимание Трибунала на несколько выдержек из дневника подсудимого Иодля, чтобы проследить за ходом приготовлений.

Запись от 6 февраля 1940 г. начинается:

«Новая мысль: провести только операцию «Н» и операцию «Везер» и гарантировать нейтралитет Бельгии на всем протяжении войны».

Я хочу повторить эту запись, если мне будет разрешено. «Новая мысль: провести только операцию «Н» и операцию «Везер» и гарантировать нейтралитет Бельгии на всем протяжении войны».

Член трибунала от США Биддл (обращаясь к обвинителю):

Что значит провести операцию «Н»?

Элвин Джонс: Это кодовое обозначение норвежской и датской операции («Hartmut»).

Запись от 21 февраля из дневника Иодля гласит: «Фюрер говорил с генералом Фалькенхорстом и поручил ему подготовку «операции Везер». Фалькенхорст охотно согласился. Всем трем родам вооруженных сил даны инструкции».

Председатель: «Операция Везер» — это тоже про Норвегию?

Элвин Джонс: Да, милорд, это тоже касается Норвегии. Это — от немецкого слова «Везерюбунг».

Следующая запись от 28 февраля:

«Я предложил сначала главе ОКВ, а затем и фюреру, чтобы операция «план Гельб» и «операция Везер» были подготовлены таким образом, чтобы они не зависели друг от друга как в отношении времени, так и в отношении использования сил. Фюрер полностью согласился с этим, если это практически можно осуществить».

Я не буду утомлять суд чтением дальнейших записей от 28 февраля, в которых говорится о том, какие именно силы должны будут применяться при вторжении в Норвегию и Данию.

Далее идет запись от 29 февраля:

«Фюрер также желает, чтобы в Копенгагене имелась сильная ударная группа и были детально разработаны планы, показывающие, каким образом каждая береговая батарея должна быть захвачена ударными войсками. Начальник отдела обороны страны Варлимонт дал инструкции немедленно дать приказ армии, военно-морскому флоту и руководителю вооруженных сил издать соответствующие приказы об усилении штаба».

Теперь я обращаю внимание суда на приказ Гитлера от 1 марта 1940 г. «Фюрер и главнокомандующий вооруженными силами. Совершенно секретно». «Директива по проведению операции «Везерюбунг»:

«Развитие событий в Скандинавии требует того, чтобы все подготовительные действия для оккупации Дании и Норвегии

частью германских вооруженных сил были проделаны. Эта операция помешает проникновению Британии в Скандинавию и на Балтику. Кроме того, она должна гарантировать нам рудные базы в Швеции и дать нашему морскому и воздушному флоту более широкий плацдарм для начала операции против Британии.

Имея в виду нашу военную и политическую мощь по сравнению с военно-политической мощью скандинавских государств, силы, которые должны быть применены в проведении операции «Везерюбунг», должны быть минимальными. Небольшое количество войск будет восполнено отважностью действий и их неожиданностью. В принципе мы сделаем все, что мы сможем, для того, чтобы операция выглядела как мирная оккупация, целью которой является военная защита нейтралитета скандинавских государств. Соответствующие требования будут переданы правительствам в начале оккупации.

В случае надобности, военно-морским и воздушным флотом будут проведены демонстративные действия, и если, несмотря на это, будет оказано сопротивление, все военные средства будут использованы для того, чтобы его подавить.

Я поручаю подготовку и ведение операций против Дании и Норвегии командующему 21-м армейским корпусом генералу фон Фалькенхорсту...

Переход датской границы, а также высадка в Норвегии должны быть сделаны одновременно. Я подчеркиваю, что эта операция должна быть проведена с максимальной быстротой. В том случае, если враг вырвет у нас инициативу в Норвегии, мы должны быть в состоянии немедленно принять свои собственные контрмеры. Очень важно, чтобы скандинавские государства, а также западные противники были захвачены нашими мероприятиями врасплох. Ввиду этого, все подготовительные меры, особенно подготовка транспорта и боевая готовность, а также набор и посадка войск должны быть проведены с учетом вышесказанного.

В том случае, если станет невозможно далее держать в тайне подготовку к посадке на суда, начальники и войска должны быть введены в заблуждение относительно ее целей.

Внезапная оккупация Ютландии и Фюнена немедленно после занятия Зееланда.

Кроме того, захватив важнейшие пункты, мы должны как можно скорее продвинуться от Фюнена к Скагену и к восточному побережью».

Затем следуют другие инструкции, относящиеся к оккупации Норвегии:

«Задача группы 21 — захватить неожиданно самые важные места на побережье путем операций с моря и нападения с авиаматок.

Флот должен взяться за подготовку и проведение этих операций и служить транспортным средством для высадки войск».

Затем здесь упоминается о роли воздушных сил, и я хотел бы обратить особое внимание суда на эту ссылку:

«Воздушный флот, после завершения оккупации, будет гарантировать воздушную защиту и будет использовать норвежские базы для воздушной войны против Великобритании».

Как я говорил уже, в то время, как были приняты эти решения, от Квислинга, через организацию Розенберга, поступали сообщения, и если суд обратится к документу ПС-007 — отчету Розенберга, то Трибунал заметит, какого рода сведения организация Розенберга поставляла в этот период:

«Отчеты Квислинга, переданные через его представителя в Германии Хагелина и рассматривающие вопрос о возможности интервенции западных держав в Норвегии с молчаливого согласия норвежского правительства, стали более настойчивыми в январе. Эти гораздо более определенные сообщения находились в резком противоречии с точкой зрения германской миссии в Осло, надеявшейся на то, что тогдашний кабинет Нигардцволда захочет нейтралитета Норвегии. Миссия была убеждена, что правительство намерено и готово защищать нейтралитет Норвегии. Никто в Норвегии не знал, что представитель Квислинга в Германии поддерживал теснейшие отношения с ним; поэтому ему удалось проникнуть в правительственные круги кабинета Нигардцволда и узнать точку зрения членов кабинета. Хагелин сообщил полученные им сведения в бюро Розенберга, которое передало их фюреру через рейхслейтера Розенберга.

Ночью, с 16 на 17 февраля, английский эскадренный миноносец напал на германский пароход «Альтмарк» в Иозингфиорде.

Трибунал припомнит, что речь идет об операции английского миноносца «Коссак» против немецкого вспомогательного судна «Альтмарк», которое везло 300 английских военнопленных через норвежские территориальные воды. В отношении этого эпизода британская делегация считает, что сам факт прохождения этого судна «Альтмарк» через норвежские территориальные воды являлся явным нарушением нейтралитета Норвегии. Поэтому действия судна королевского флота «Коссак», ограничивавшиеся лишь освобождением этих 300 английских военнопленных, без какой-либо попытки уничтожить «Альтмарк» или взять в плен возвращенную стражу, находящуюся на борту этого судна, были вполне оправданы международным правом.

Далее в этом отчете Розенберга говорится: «Реакция норвежского правительства на это событие позволила сделать вывод, что было достигнуто какое-то тайное соглашение между норвежским правительством и союзниками. Такое предположение подтверждалось отчетами секции Шейдта, который в свою очередь получал

сведения от Хагелина и Квислинга. Но даже и после этого инцидента германская миссия в Осло защищала противоположную точку зрения и продолжала верить в добрые намерения норвежцев».

Таким образом, Трибунал отметит, что нацистское правительство предпочитало отчеты предателя Квислинга основательному суждению германских дипломатических представителей в Норвегии. Результатом получения отчетов такого рода явилось решение Гитлера вторгнуться в Норвегию и Данию. В дневнике Иодля также можно найти интереснейшие подробности о подготовке к вторжению. Я обращаю внимание суда на запись от 3 марта:

«Фюрер очень решительно подчеркнул необходимость быстрого вступления в «Н» с участием крупных сил. Никакой задержки не должно быть ни у какого рода войск. Нужно ускорить атаку».

Еще одна запись от 3 марта: «Фюрер решил провести «операцию Везер» до того, как будет проведен «план Гельб», с перерывом в несколько дней».

Таким образом, к этому дню был окончательно установлен стратегический план, которым германское верховное командование занималось в течение некоторого времени. Судьба Скандинавии должна была быть решена раньше, чем судьба Нидерландов.

Следующая запись в дневнике Иодля от 5 марта: «Большое совещание с тремя главнокомандующими относительно «операции Везер». Фельдмаршал в ярости, потому что с ним до сих пор не посоветовались. Он никого не хотел слушать и старался доказать, что вся подготовка, проведенная до сих пор, ничего не стоит. Результаты:

а) увеличение сил в Нарвике; б) Флот оставляет суда в портах (Хиппер или Лютцов в Тронхейме); в) Кристиансад можно на первое время не принимать в расчет; г) 6 дивизий предназначить для Норвегии; е) Немедленно захватить плацдарм в Копенгагене».

Далее я хочу обратить внимание Трибунала на запись от 13 марта: «Фюрер еще не дает приказа о начале «В» («Везер»). Он все еще ищет повод».

Запись от 14 марта показывает, что Гитлер продолжал искать предлог для явной агрессии. Она гласит:

«В Северном море патрулируют 15 или 16 английских подводных лодок. Неизвестно, для того ли, чтобы обеспечить свои собственные операции, или для того, чтобы предотвратить операции немцев. Фюрер еще не решил, какой выдвинуть предлог для осуществления «операции Везер».

Теперь я попрошу суд посмотреть на запись от 21 марта: «Недоразумения по поводу задачи «группы 21»...»

Суд убедился на основании документов, которые я представил, что группа 21 являлась группой Фалькенхорста, которая была предназначена для вторжения...

«Недоразумения по поводу задачи группы 21 заключаются в том, что будет большой перерыв между принятием позиции боевой готовности в 05.30 часов и окончанием дипломатических переговоров. Фюрер отклоняет всякие преждевременные переговоры, так как это дало бы им возможность обратиться за помощью к Англии и Америке. Если будет оказано сопротивление, его надо жесточайшим образом подавить. Политические упоминания должны всячески подчеркивать проведенные военные мероприятия и даже преувеличивать их».

Комментировать эту запись я нахожу излишним.

Следующая запись от 28 марта:

«Отдельные морские офицеры, по-видимому, равнодушно относятся к «операции Везер» и нуждаются в стимуле. Кроме того, Фалькенхорст и другие два командира беспокоятся о вопросах, которые их вовсе не касаются.

К вечеру фюрер зашел в помещение, где хранятся планы, и резко заявил о том, что он не хочет, чтобы флот сейчас ушел из норвежских портов. Нарвик, Тронхейм и Осло должны оставаться занятыми морскими силами».

Из этих записей явствует, что Иодль, как и всегда, был верным сотрудником Гитлера.

Запись от 2 апреля:

«Главкомандующий воздушным флотом, главнокомандующий военно-морским флотом и генерал Фалькенхорст беседовали с фюрером. Все подтвердили, что подготовительные меры закончены. Фюрер приказал провести «операцию Везер» 9 апреля».

Запись от 4 апреля:

«Фюрер издает прокламацию. Пикенброк, начальник военной разведки 1, возвращается с хорошими результатами после переговоров с Квислингом в Копенгагене».

До самого последнего дня предательская деятельность Квислинга протекала весьма активно.

Обвинение располагает большим количеством оперативных приказов, изданных в связи с агрессией против Норвегии и Дании. Но я предлагаю вниманию суда только два документа для того, чтобы проиллюстрировать ту степень секретности и тот обман, который применялся подсудимыми и их сообщниками в течение этой агрессии.

Я сейчас обращаю внимание суда на документ С-115, ВВ-90 — «Общие инструкции» от 4 апреля 1940 г.:

«Суда для прорыва линии заграждения должны незаметно проникнуть в фиорд г. Осло с зажженными огнями под видом торговых пароходов.

На требование опознавательных со стороны сигнальных и сторожевых постов следует, для того чтобы ввести эти посты в заблуждение, использовать названия английских пароходов. Я особо настаиваю на сохранении этой операции в тайне до нуля часов».

Следующий документ представляет собой приказ от 24 марта 1940 г.:

«Поведение при входе в гавань. Следует как можно дольше маскироваться под английские суда. На все запросы норвежских судов по азбуке Морзе следует отвечать по-английски, причем надо отвечать примерно следующим образом: «Идем в Берген на короткое время, никаких враждебных намерений не имеем»...

...На все запросы надо отвечать, называя названия английских военных судов: Кельн — Каир, Кенигсберг — Калькутта, Бромзее — Фаулькнер; Карл Петерс — Хэлсион; Леопард — британский эсминец, Вольф — британский эсминец; моторные миноносцы — британские моторные миноносцы.

Надо сделать так, чтобы британский военный флаг был все время освещен и чтобы судно было в постоянной готовности пустить дымовую завесу».

И, наконец, приказ от 24 марта 1940 г. — «Флагману разведывательных сил; совершенно секретно»:

«В случае, если одна из наших единиц окажется вынужденной отвечать на запросы проходящих судов, необходимо в принципе выполнять следующее. На требование позывных — «Кельн» называет себя «Каир» и т. д.; на приказание остановиться надо ответить: (1) «Просьба повторить последний сигнал», (2) «Ваш сигнал понять невозможно». Если будет произведен в качестве предупреждения выстрел, надо отвечать: «Прекратите стрельбу. Корабль — британский, дружелюбно расположенный». Если спрашивают о маршруте и о цели, надо отвечать: «Идем в Берген, гонимся за немецким пароходом».

Затем я обращаю внимание суда на приказ Деница в связи с этой операцией. Он озаглавлен: «Совершенно секретно. Приказ по операции «Хартмут». Этот приказ вступает в силу после того, как будет передано условное обозначение «Хартмут». После того, как он вступит в силу, все предыдущие приказы по кораблям, участвующим в операции, аннулируются.

День и час обозначать: «День Везер» и «Час Везер», а вся операция называется «Везерюбунг».

Операция, производящаяся по этому коду, имеет целью внезапную высадку войск в Норвегии. Одновременно будет оккупирована Дания со стороны Балтики, а также и с берега.

Морские силы должны при входе в порты идти под английским флагом до тех пор, пока войска не высадятся на берегу, за исключением, возможно, в Нарвике».

9 апреля 1940 г. нацисты произвели нападение на ничего не подозревавшие и почти не вооруженные народы Дании и Норвегии. Уже после начала вторжения был вручен германский меморандум правительства Норвегии и Дании, в котором немцы пытались оправдать свои действия.

Я не собираюсь читать этот меморандум целиком, я уверен, что если защита сочтет это необходимым, она сумеет просмотреть любые его части. Суд обратит внимание на то, что в документе утверждается, что Англия и Франция виноваты в том, что Германия была вынуждена нарушить в войне международное право, и что Англия и Франция сами намеревались вторгнуться в Норвегию и оккупировать ее и что норвежское правительство было готово согласиться с таким положением.

Меморандум далее утверждает: «Германские войска поэтому высаживаются на норвежскую землю не как враги. Германское верховное командование не собирается воспользоваться пунктами, оккупированными германскими войсками, в качестве баз для операций против Англии, если Германия не будет вынуждена к этому мерами, которые предпримут Англия и Франция. Германские военные операции имеют скорее целью защитить Север против предполагаемой оккупации Норвегии англо-французскими силами».

В связи с этим заявлением я напому Трибуналу, что в своем оперативном приказе от 1 марта воздушному флоту Гитлер указывал, что нужно использовать захваченные в Норвегии базы для воздушных операций против Великобритании. Последние два абзаца германского меморандума Норвегии и Дании суд может рассматривать как классическую нацистскую комбинацию дипломатического лицемерия и военной угрозы.

В них говорится:

«Имперское правительство, таким образом, ожидает, что королевское норвежское правительство и норвежский народ поймут германские меры и не окажут им сопротивления. Всякое сопротивление должно быть и будет сломлено любым способом германскими вооруженными силами и поэтому приведет к абсолютно бесполезному кровопролитию. Поэтому норвежское королевское правительство должно как можно скорее сделать так, чтобы германские войска могли продвигаться без всяких трений и затруднений. В духе добрососедских отношений, которые всегда существовали между Германией и Норвегией, имперское правительство объявляет королевскому норвежскому правительству, что оно не имеет никакого намерения нарушать своими мероприятиями территориальную целостность и политическую независимость королевства Норвегии ни теперь, ни в будущем».

Что имели в виду нацисты, говоря о защите королевства Норвегии, демонстрируется их поведением 9 апреля. Я обращаю

внимание суда на отчет главнокомандующего королевскими вооруженными силами Норвегии, где сказано:

«Принимая во внимание длину линий коммуникаций и значение угрозы британского флота, немцы прекрасно понимали необходимость полной неожиданности и быстроты нападения. Для того чтобы парализовать волю норвежского народа защищать свою страну и в то же самое время помешать высадке союзников, было запланировано захватить все самые важные города вдоль побережья одновременно. Члены правительства и парламента и другие видные военные и гражданские лица должны быть арестованы до того, как будет оказано организованное сопротивление, а короля следует заставить образовать новое правительство с Квислингом во главе.

Германское нападение явилось неожиданным, и все города на побережье были захвачены точно согласно плану, с очень небольшими потерями. Однако в фиорде Осло был потоплен крейсер Блюхер, на борту которого находился генерал Энгельбрехт, а также часть технического штаба и специалистов его дивизии, которые должны были осуществлять контроль в Осло. Проект захватить короля, а также членов правительства и парламента не удался. Сопротивление было организовано по всей стране, несмотря на неожиданность нападения».

Вот краткое описание того, что произошло в Норвегии.

События в Дании описаны в меморандуме, составленном королевским правительством Дании, копию которого я представляю: «9 апреля 1940 г., в четыре часа 20 минут германский посланник появился в частной резиденции датского министра иностранных дел. Он был в сопровождении авиационного атташе миссии. Он назначил это свидание по телефону из германской миссии в 4 часа утра, позвонив генеральному секретарю министерства иностранных дел. Посланник сейчас же сказал, что Германия имеет определенные доказательства того, что Великобритания намеревается оккупировать базы в Дании и Норвегии, и что Германия собирается охранять Данию от этого. По этой причине германские солдаты теперь переходят границу и высаживаются в различных пунктах, в Зеландии, и в том числе в порту Копенгагена; вскоре над Копенгагеном появятся немецкие бомбардировщики, у которых нет приказа сбрасывать бомбы, пока они не получат дальнейших распоряжений. Теперь от самой Дании зависит предотвратить всякое сопротивление, либо любое сопротивление вызовет самые ужасные последствия. Германия гарантирует Дании территориальную целостность и политическую независимость. Германия не будет вмешиваться во внутреннее управление Дании, она только желает быть уверенной в нейтралитете этой страны. Для этой цели необходимо, чтобы в Дании на время войны находились германские вооруженные силы.

Министр иностранных дел заявил в ответ, что предположения относительно английских планов оккупации Дании, по его мнению, ни на чем не основаны и что ничто подобное невозможно. Министр иностранных дел протестовал против нарушения нейтралитета Дании, которое, согласно заявлению германского посланника, уже было совершено. Министр иностранных дел сказал далее, что он не может ответить на требования, которые следует передать королю и премьер-министру. Министр далее заметил, что, как это известно каждому, и в том числе германскому посланнику, датские вооруженные силы имеют приказ сопротивляться нарушению нейтралитета Дании, и поэтому вооруженные столкновения, видимо, уже начались. В ответ германский посланник сказал, что это дело неотложное и его нужно решить быстро, чтобы избежать бомбежки Копенгагена с воздуха».

То, что случилось потом, описано в сообщении британского посланника в Копенгагене на имя британского министра иностранных дел. Этот документ непосредственно предшествует тому, который я только что огласил.

В сообщении сказано:

«События 9 апреля излагаются членами посольства на основании показаний очевидцев или достоверной информации следующим образом: рано утром, около 5 часов, три небольших германских транспорта подошли к гавани Копенгагена, в то время как некоторое количество аэропланов кружилось над ними. Северная батарея, которая охраняет гавань, дала предупредительные выстрелы в эти самолеты, когда увидела, что на них германские опознавательные знаки. За исключением этого, датчане не оказали никакого дальнейшего сопротивления, и германские суда подошли к молу в Свободную Гавань. Некоторые из этих аэропланов сбрасывали листовки над городом, в которых население убеждали сохранять спокойствие и сотрудничать с немцами. Примерно 800 солдат высадились в полной амуниции и отправились к Кастеллету, старой крепости Копенгагена, где теперь расположены казармы. Двери были заперты, и поэтому немцы просто взорвали их и окружили всех датских солдат, находившихся внутри, а также и женщин-подавальщиц в солдатской столовой. Гарнизон не оказал сопротивления. По-видимому, они были захвачены врасплох. Один офицер пытался уехать в автомобиле, но его шофер был ранен прежде, чем они успели отъехать. Он умер в госпитале через два дня. После того, как были захвачены казармы, в королевский дворец в Амалиенборге был послан отряд, который натолкнулся на сопротивление со стороны датских часовых. Трое из часовых были ранены, в том числе один смертельно... В то же время большая группа бомбардировщиков летала над городом очень низко».

Затем в последнем параграфе сказано: «Было очень трудно установить точно, что случилось в Ютландии... Однако ясно, что враг вторгся в Ютландию с юга на заре 9 апреля и с самого начала ему было оказано сопротивление датскими вооруженными силами, которые понесли потери... Возможность сопротивления была ослаблена тем, что датские войска были застигнуты совершенно врасплох. Так, например, постоянный сотрудник военного министерства въехал в Копенгаген на машине утром 9 апреля и проехал мимо часового, который окликнул его, не подозревая, что это кто-либо посторонний. Только пуля, прошедшая сквозь отворот его мундира, вывела его из блаженного неведения».

В германском меморандуме норвежскому и датскому правительствам высказывалось якобы желание Германии сохранить территориальную целостность и политическую независимость этих двух небольших стран.

В заключение я обращаю внимание суда на два документа, которые показывают, каковы были действительные намерения в отношении территориальной целостности и политической независимости, которую нацистские заговорщики предназначали жертвам своей агрессии. Я прежде всего обращаю внимание суда на запись в дневнике Иодля от 19 апреля:

«Снова кризис. Посланник Брауер — это германский посланник в Норвегии — отозван. Поскольку Норвегия с нами воюет, министерству иностранных дел уже нечего делать. По мнению фюрера, надо применить силу. Говорят, что гаулейтер Тербовен получит назначение. Фельдмаршал¹ держится того же мнения. Он критикует как недостаток то, что мы не предприняли достаточно энергичных мер против гражданского населения, и считает, что мы могли бы захватить электрическую станцию, что морской флот не доставил нужного количества войск. Один воздушный флот не может со всем справиться».

Как суд увидит по этой записи и по упоминанию о гаулейтере Тербовене, к 19 апреля 1940 г. в Норвегии уже были введены гаулейтеры, заменившие норвежское правительство.

Последний документ — это меморандум от 3 июня 1940 г., подписанный Фрике. Фрике был в то время начальником оперативного отдела штаба германского военно-морского флота. Это был очень важный пост, и Фрике держал в руках нити всех операций военно-морского флота Германии. Поэтому, как Трибунал заметил, он подписывал относящиеся к ним важные документы.

Этот меморандум датирован 3 июня 1940 г. и касается вопросов территориальной экспансии и баз:

«Эти вопросы главным образом носят политический характер и касаются многочисленных вопросов политики, и не дело флота

¹ Геринг. — Составители.

отвечать на них, но они также практически сказываются на стратегических возможностях, поэтому в зависимости от данного ответа, разрешение их имеет значение для последующих операций флота.

Слишком хорошо известно и не требует дальнейших разъяснений то, что теперешнее положение Германии в бухте Гельголанд и на Балтике, — окруженной целым рядом государств, расположенных по берегу, которые фактически управляют ею, — нетерпимо в будущем для великой Германии. Если, кроме того, стратегические возможности расширятся до такой степени, что Германию больше не будут отделять от других стран естественные географические явления, возникает вопрос о том, чтобы тем или иным способом положить конец такому положению вещей и конец войне.

Этот вопрос может быть, по-видимому, решен следующими способами: во-первых, территории Дании, Норвегии и Северной Франции, приобретенные в течение войны, должны быть оккупированы и в дальнейшем организованы таким образом, чтобы в будущем их можно было рассматривать как германские владения.

Это решение нужно принять там, где его суровость скажется на противнике и где можно будет провести постепенную германизацию территории.

Во-вторых, путем оккупации и сохранения территорий, которые не имеют прямого отношения к основной территории Германии и которые будут постоянно находиться окруженными враждебными государствами; такими территориями явятся, возможно, территории вокруг Бреста и Тронхейма.

В-третьих, в отношении территорий, захваченных во время этой войны, власть Германии должна выражаться в том, что население их должно постоянно чувствовать свою полную политическую, экономическую и военную зависимость от Германии.

Если будут достигнуты следующие результаты — то есть если будет предпринята экспансия путем военных методов оккупации, если во Франции силы сопротивления во всех областях — сопротивление экономическое, политическое, военное и национальное — будут так сломлены, что они не смогут возникнуть вновь, если заставить маленькие страны, как Нидерланды, Норвегия и Дания, зависеть от нас, что при всех обстоятельствах и всегда даст нам возможность, когда понадобится вновь оккупировать эти страны, — тогда результат будет практически тот же самый, но психологически мы достигнем гораздо большего.

Поэтому третье решение кажется наиболее правильным, то есть что следует раздавить Францию, оккупировать Бельгию, часть Северной и Восточной Франции и дать возможность Ни-

дерландам, Дании и Норвегии существовать на основах, о которых говорилось выше».

Затем идет самый важный абзац этого меморандума Фрике: «Время покажет, насколько исход войны с Англией сделает возможным осуществить эти требования».

От имени обвинения суду уже представлены документы, которые полностью разоблачают притязания нацистов. Эти документы показывают, какая угроза скрывалась за «добрыми» намерениями Геринга, они вскрывают мошеннический характер дипломатии Риббентропа; за видимой политической идеологией такого мастера предательства, как Розенберг, они вскрывают действительность. Наконец и прежде всего, они свидетельствуют о том, какой низменный характер носило профессиональное положение Кейтеля и Редера.

ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ
ОТ 11 ДЕКАБРЯ 1939 г. 12 ЧАСОВ

К командующему военно-морским флотом
явились господа Х. и Кв.¹

К. заявил, что со стороны Англии Норвегии не были сделаны желаемые заявления о нейтралитете, как это было дано другим скандинавским странам. По всем имеющимся сведениям и наблюдениям, Англия не имеет также намерения уважать нейтралитет Норвегии в продолжении всей войны. Только после особых настояний Кв. в стортинге английское правительство сделало желаемое заявление. Однако нынешнее норвежское правительство заключило тайное соглашение с Англией, по которому в случае войны Норвегии с другой великой державой вступление Англии может произойти лишь с норвежского согласия. Высадка предусмотрена вблизи Ставангера, и для английского опорного пункта можно использовать Кристиансаны. Над нынешним норвежским правительством, стортингом, всей внешней политикой господствует якобы известный еврей Хамбро, особый друг Хор Белиша. Уже с давних пор среди норвежского народа сознательно поддерживались проанглийские и антигерманские настроения и вся норвежская пресса находится якобы в английских руках. Хамбро использовал свое положение, чтобы при помощи многочисленных английских агентов поставить Норвегию под английское влияние или даже полную зависимость от Англии. Влияние норвежской политики особо ощутимо в других скандинавских странах (Швеция, Дания и Финляндия). Этим странам ясно, что владеть Норвегией — значит иметь ключи ко всей торговле в Северном и Балтийском морях. Были освещены все опасности для Германии в случае возникновения английской угрозы Норвегии (например: истоки Рейна и Эльбы окружены западными державами). Балтика превращается в театр военных действий, где Германия не может больше спокойно вести торговлю.

¹ Х. — Хагелин, Кв. — Квислинг. — Составители.

Большое беспокойство у всех норвежских патриотов вызывает продвижение России в Финляндии. Нужно ожидать решительного нажима на скандинавские страны. Понятно, конечно, что Германия в настоящий момент не может ничего предпринять против русского продвижения, однако было бы желательным воспрепятствовать тому, чтобы Россия начала оказывать влияние на Скандинавию. Хамбро и его приверженцы надеются провести это с помощью Англии. Однако национальная партия не желает, чтобы были допущены какие-либо раздоры с Германией за счет того, что Англия укрепится в Норвегии. Поэтому национальная партия желает предупредить возможные английские шаги тем, что германским вооруженным силам будут предоставлены соответственные опорные пункты. Поэтому для этой цели во всем прибрежном районе уже наняты люди на важную работу (железная дорога, почта, телеграф). Необходимо изменить германское отношение к политике Норвегии. Длительное общение с рейхслейтером Розенбергом не привело к желаемым результатам (неспособность аккредитованных там дипломатов). Кв. и Х. заявили, что нынешний их визит в Германию имеет целью внести ясность в отношении Германии в будущем. По истечении 10 января нынешнее правительство и стортинг станут незаконными. Имеется возможность политического переворота, в котором, вполне возможно, национальная партия не окажется бездейственной. Желательны переговоры по линии совместных действий, перевода частей в Осло. Возможно установление охранительных заграждений. Доверенное лицо должно быть назначено руководителем отдела Шейдтом.

Главнокомандующий военно-морским флотом согласился сделать соответствующий доклад фюреру и известить Кв. и Х. о результатах этих переговоров.

АКТОВАЯ ЗАПИСЬ
О ПОСЕЩЕНИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫМ СОВЕТНИКОМ
КВИСЛИНГОМ РОЗЕНБЕРГА

В дополнение к более ранним сведениям сообщаю Вам, что Квислинг является одним из известнейших скандинавских офицеров генштаба, был военным атташе в Финляндии, с 1927 по 1930 год, после разрыва дипломатических отношений между Советским Союзом и Великобританией, представлял британские интересы в Москве.

С 1931 по 1933 г. он был норвежским военным министром, как представитель норвежской крестьянской партии. После этого подал в отставку и основал радикальную национальную и социальную партию «Национальное собрание». Эта партия стоит на антисемитской точке зрения и выступает за тесное сотрудничество с Германией. Она насчитывает 15 тыс. зарегистрированных членов, и Квислинг указывает, что число его приверженцев достигает 200 или 300 тыс., что означает те 10%, которые, как это сегодня ясно на фоне общей антигерманской обстановки в Норвегии и Швеции, определенно выступают за сотрудничество с Германией. Его партия не принимала участия в выборах в стортинг.

Поводом к новым выступлениям, о которых сообщил Квислинг, мог бы послужить тот факт, что стортинг, вопреки конституции, вынес постановление о продлении своих полномочий, которое должно вступить в силу 12 января. Квислинг и сейчас еще имеет самые тесные связи с норвежской армией, поскольку он является старым офицером и бывшим военным министром. Он показал мне оригинал одного письма, которое он получил недавно от коменданта Нарвика полковника Сунло. В этом письме полковник Сунло открыто подчеркнул: «При нынешних обстоятельствах, если они будут так дальше продолжаться, с Норвегией будет покончено». Он надеется только, что среди нации останется еще часть, из которой можно будет создать народ, спо-

собный снова действительно возродить Норвегию. Нынешнее поколение справедливо будет сослать в пустыню, и надо сказать, что оно ничего лучшего не заслуживает, ибо, как он понимает, норвежцы провинились в отношении незыблемых законов мира. Эти законы требуют труда и идеализма, глупость никогда не может рассматриваться как достаточное извинение. «Я ничего не сделаю для пьяницы Мадсена (министр торговли), для врага обороны Монзена (военный министр) и для скотины Нигардволда (премьер-министр). С другой стороны, было бы полезным занять свое время тем, чтобы когда-нибудь можно было рискнуть сложить свои кости за национальный подъем». Подписано Конрад Сунло.

Руководитель отдела Шейдт, который неоднократно бывал в Норвегии и имеет там многочисленное знакомство, сообщает, что комендант крупнейшего учебного поля Хвослев, а также начальник военной школы в Гальдене капитан Фрицнер выразились подобным же образом.

Король хорошо знает Квислинга по его деловой деятельности, и он думает, что король его ценит, хотя, в общем, он настроен дружественно к Англии. Наиболее ярким врагом Германии и, возможно, крупнейшей политической фигурой, в чьих руках сейчас практически находится вся политика Севера, считается еврей Хамбро — президент стортинга и одновременно президент внешнеполитической комиссии. Он является одновременно главой делегации в Лиге наций и руководителем сильнейшей политической партии, так называемой консервативной, в чьих руках в настоящее время находится судьба правительства меньшинства. Хамбро контролирует всю связь в Норвегии, и поэтому надо опасаться, что в самый ближайший срок возрастающие в связи с русско-финским конфликтом антирусские настроения усилят симпатии к Англии и вызовут отрицательное отношение к Германии.

О возможности какой-либо операции был доложен такой план, по которому определенное число избранных норвежцев должно было быть подготовлено в Германии для определенных действий и с определенными установками в их работе. Им должны будут быть приданы опытные национал-социалистские борцы, которые имеют опыт в подобных действиях. Эти ученики должны быть затем как можно скорее отправлены в Норвегию, причем всякие детали могут обсуждаться позднее. Занятие некоторых важных центральных пунктов в Осло должно произойти молниеносно, в это же время германский флот с определенным количеством германских войск должен по особому вызову норвежского правительства вступить в намеченную бухту перед

входом в Осло. Квислинг не сомневается, что, если это действие удастся, те части армии, с которыми он сейчас имеет связь, перейдут на его сторону, причем само собой понятно, что он никогда не говорил с ними о политической борьбе. Он думает, что король вполне уяснит себе совершившийся факт.

Количество нужных германских войск Квислинг определяет в соответствии с германскими вычислениями.

Розенберг

начальник штаба Верховного командования
вооруженными силами.

№ 22045/40
Дело начальника ВФА
Отдел 1-й.
Берлин, 23/1 1940 года.

СЕКРЕТНО.

5 экземпляров
2-ой экземпляр

ОТНОСИТЕЛЬНО ВАРИАНТА «Н»

Постановление 22039/40
Дело Начальника Отдела
Оперативного руководства,
Отделения обороны страны.
от 23/1 1940 г.

Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами желает, чтобы вариант «Н» в дальнейшем разрабатывался под личным и непосредственным влиянием фюрера и в тесной связи с общим планом ведения войны. По этой причине фюрер поручил мне взять на себя руководство дальнейшей разработкой.

С этой целью в ОКВ создается рабочий штаб, представляющий в то же время ядро будущего оперативного штаба.

Я прошу верховное командование вооруженных сил назвать офицера, пригодного в качестве «1а» для данного штаба и опытного в вопросах как организационных, так и в вопросах снабжения.

Управление иностранной контрразведки предоставляет десять, отдел оперативного руководства одного офицера для связи и одного офицера по общим вопросам управления страной.

Время сбора будет указано в дальнейшем.

Дальнейшая разработка будет производиться под кодовым названием «маневр Везер».

Кейтель

УКАЗ ФЮРЕРА О РАСШИРЕНИИ ПРАВ ИМПЕРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В НОРВЕГИИ

от 24/IV 1940 г.

Для обеспечения общественного порядка и общественной жизни на территории Норвегии, находящейся под охраной германских войск, п р и к а з ы в а ю:

1. Оккупированные области Норвегии подчиняются «имперскому комиссару оккупированных норвежских областей».

Местом его пребывания назначается Осло.

Имперский комиссар является блюстителем интересов рейха (Германской империи) и осуществляет верховную власть в сфере гражданского управления.

2. Имперский комиссар может использовать управленческий аппарат и власти Норвегии для проведения своих распоряжений и осуществления управления.

3. Законы, действующие до настоящего времени, остаются в силе, поскольку они совместимы с оккупацией.

Имперский комиссар может своими распоряжениями устанавливать законы. Распоряжения публикуются в «Сборнике распоряжений для оккупированных областей в Норвегии».

4. Командующий германскими войсками в Норвегии осуществляет высшую военную власть; его требования проводятся имперским комиссаром в сфере гражданского управления.

Он имеет право распорядиться о мероприятиях, необходимых для проведения военного задания и для военной безопасности Норвегии в такой мере и на такой срок, как этого требует военное положение.

5. Для проведения его распоряжений имперский комиссар может пользоваться германскими полицейскими органами.

В распоряжении командующего германскими войсками в Норвегии находятся германские полицейские органы, поскольку это вызвано военными потребностями и допустимо для решения задач имперского комиссара.

6. Имперский комиссар подчиняется непосредственно мне и получает от меня указания.

7. Имперским комиссаром оккупированных областей Норвегии я назначаю гаулейтера Тербовена

8. Предписания о проведении и дополнении настоящего указа издаются, согласно моим указаниям, имперским министром и начальником имперской канцелярии в сфере гражданского управления, а также начальником штаба верховного командования вооруженными силами в сфере военных действий.

Фюрер Адольф Гитлер.

Имперский министр и начальник
имперской канцелярии доктор Ламмерс.

Начальник ОКВ Кейтель.

Имперский министр внутренних
дел Фрик.

АГРЕССИЯ ПРОТИВ БЕЛЬГИИ И НИДЕРЛАНДОВ

o

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ РОБЕРТСОМ
ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ «АГРЕССИЯ
ПРОТИВ БЕЛЬГИИ, НИДЕРЛАНДОВ
И ЛЮКСЕМБУРГА»

*[Из стенограммы заседания Международного Военного
Трибунала от 7 декабря 1945 г.]*

В мою задачу входит представление доказательств по разделу II Обвинительного акта, касающемуся агрессии Германии в отношении Бельгии, Нидерландов и Люксембурга.

В Обвинительном акте содержатся обвинения в нарушении различных договоров, соглашений и заверений. Некоторые из договоров уже были представлены в качестве доказательств, и я в свое время буду на них ссылаться.

Прежде чем перейти к подробностям, я хотел бы напомнить Трибуналу историю этих несчастных стран — Нидерландов и Бельгии, особенно Бельгии, которая в течение столетий служила ареной боев в Европе.

Трибунал припомнит, что независимость Бельгии была гарантирована в 1839 году великими европейскими державами. Эта гарантия выполнялась в течение семидесяти пяти лет, а затем была бессовестно нарушена в 1914 году Германией, которая принесла Бельгии все ужасы войны, а затем еще большие ужасы — немецкой оккупацией Бельгии, примерно через 25 лет, в 1940 году, как Трибунал уже знает, повторилось то же самое, но в еще худшей форме.

Первый нарушенный договор — это Гаагские конвенции 1907 года, на которые уже ссылались здесь, и мне кажется излишним еще что-либо говорить о них.

Второй договор — это Локарнская конвенция от 1925 года об арбитраже и мирном урегулировании, подписанная Германией и Бельгией...

Независимость и нейтралитет Бельгии были гарантированы Германией посредством этого документа.

Следующий договор — это Гагская конвенция об арбитраже и мирном урегулировании между Германией и Нидерландами, подписанная в Гааге в мае 1926 года.

Как Трибуналу уже известно, в 1928 году был подписан в Париже пакт Келлога — Бриана, посредством которого все державы отказались от обращения к войне.

Последний договор, относящийся полностью к периоду Веймарской республики, — это договор об арбитраже между Германией и Люксембургом, подписанный в 1929 году...

Таковы были договорные обязательства между Германией и Бельгией к моменту прихода нацистской партии к власти в 1933 году.

...Ничто не меняло этого положения Бельгии до марта 1936 года, когда Германия ремилитаризовала Рейнскую область, объявила введение обязательной воинской повинности и т. д., и Гитлер 7 марта 1936 г. в своей речи отверг обязательства Германии по Локарнскому пакту...

Однако 30 января 1937 г. Гитлер дал торжественное заверение Бельгии и Нидерландам.

В апреле 1937 года Франция и Англия освободили Бельгию от ее обязательств по Локарнскому пакту. Бельгия взяла на себя обязательства сохранять строгую независимость и нейтралитет, а Франция и Англия дали гарантию помогать Бельгии в случае нападения на нее. В силу этого Германия 13 октября 1937 г. ясно и безусловно дала гарантию Бельгии.

В германской декларации от 13 октября говорится:

«1. Германское правительство приняло к сведению взгляды, которые бельгийское правительство сочло нужным высказать, а именно:

а) о политике независимости, которую оно намеревается проводить на основе полного суверенитета;

б) о его решении защищать границы Бельгии всеми силами, при любой агрессии или вторжении, а также не допускать, чтобы бельгийская территория была использована для агрессии против другого государства в качестве транзитной территории или в качестве базы для операций на суше, на море и в воздухе, и с этой целью организовать оборону Бельгии наиболее действенным образом.

2. Германское правительство считает, что в нерушимости и целостности Бельгии заинтересованы все западные державы. Оно подтверждает свое решение ни при каких обстоятельствах не наносить ущерба этой нерушимости и целостности, и всегда уважать неприкосновенность бельгийской территории, за исключением такого случая, когда Бельгия примет участие в военных

действиях, направленных против Германии, при вооруженном столкновении, в которое Германия будет вовлечена. Германское правительство, так же как британское и французское правительства, готово помочь Бельгии, если последняя подвергнется нападению или вторжению».

Таким образом, в октябре 1937 года Германия дала торжественную гарантию Бельгии относительно своих мирных намерений и утверждала, что целостность бельгийской границы представляла общий интерес для нее и для Бельгии, а также для западных держав.

Вы судите руководителей германского правительства и руководителей германских вооруженных сил. Не приходится доказывать, — не правда ли, — что каждый из обвиняемых должен был прекрасно знать об этом торжественном заверении их правительства. Каждый из этих подсудимых в своих различных сферах деятельности — некоторые более активно, а другие — менее — были участниками бессовестного нарушения этого договора через 18 месяцев после его подписания, и я утверждаю, что согласно обычным законам само собой подразумевающейся справедливости все эти люди должны считаться активными участниками в этом безобразном нарушении доверия, которое принесло несчастье и смерть миллионам людей.

По-видимому, мы услышим утверждение со стороны, например, Кейтеля и Иодля, что они были лишь честными солдатами, выполняющими свой долг. Трибунал, несомненно, захочет узнать, какого кодекса чести они придерживались, который разрешил им нарушить слово, данное их страной.

24 августа 1938 г., в то время, когда разыгрывалась драма с Чехословакией и когда еще не было уверенности, будет ли война с западными державами или нет, офицером штаба военно-воздушных сил был составлен совершенно секретный документ, адресованный генеральному штабу вооруженных сил Германии, в котором намечались меры по оккупации Бельгии и Нидерландов.

В последнем абзаце этого документа говорилось:

«...Бельгия и Нидерланды в германских руках представляют собой чрезвычайное преимущество для ведения воздушной войны против Великобритании, так же как и против Франции. Поэтому считается необходимым узнать мнение армии относительно условий, при которых оккупация этого района может быть проведена, и сколько времени это может занять. В данном случае будет необходимо пересмотреть позицию в отношении Великобритании...»

Из протокола совещания у Гитлера от 23 мая 1939 г. (документ США-27) видно, что на этом совещании присутствовали Гитлер, Геринг, Редер, Браухич, Кейтель, Варлимонт и др.

Темой совещания был анализ положения. В протоколе сказано:

«...Голландские и бельгийские воздушные базы должны быть оккупированы вооруженной силой. Заявления о нейтралитете следует игнорировать...»

«...Поэтому, если Англия намеревается вмешаться в войну с Польшей, мы должны с молниеносной быстротой оккупировать Голландию. Мы должны стремиться к обеспечению новой линии обороны на голландской территории до Зюдзензее...»

В своей речи 22 августа 1939 г. (документ ПС-798, США-29) Гитлер говорил:

«...Нападением с запада с линии Мажино. Я считаю, что это невозможно...»

«...Другая возможность — это нарушение нейтралитета Голландии, Бельгии и Швейцарии. Я не сомневаюсь в том, что все эти государства, так же как и Скандинавия, будут защищать свою нейтральность всеми средствами...»

«...Англия и Франция не нарушат нейтралитета этих стран».

Следующий документ имеет № ТС-36. Это заверение германского посла, сделанное бельгийскому правительству 26 августа 1939 г.:

«Ввиду серьезности международного положения, мне дано определенное указание Главой Германской империи передать Вашему Величеству следующее...»

Германское правительство полно решимости следовать условиям декларации, содержащейся в германской ноте от 13 октября 1937 года. Это предусматривает, что Германия ни при каких обстоятельствах не нарушит неприкосновенности и целостности Бельгии и всегда будет уважать бельгийскую территорию. Германское правительство возобновляет эти обязательства...»

Следующий документ является аналогичным заверением, переданным королеве Нидерландов в тот же день — 26 августа 1939 г.

Документ ТС-42, ВБ-104 — это подобный же документ в отношении Люксембурга и также от 26 августа 1939 г.

В нем даются в тех же выражениях такие же полные гарантии, как в двух предыдущих документах...

Документ за № ПС-2329 — это письмо фон Браухича — главнокомандующего сухопутными силами — от 7 октября 1939 г., посланное в различные армейские группы.

В § 3 этого письма говорится:

«В то же время армейская группа «В» должна сделать все приготовления в соответствии со специальными приказами о немедленном вторжении на голландскую и бельгийскую территории, если политическое положение этого потребует».

«Если политическое положение этого потребует!» И это через несколько дней после дачи гарантий.

9 октября 1939 г. (документ С-62) Гитлер дал следующие указания своим вооруженным силам:

«Должна быть произведена подготовка для наступательных действий на северном фланге западного фронта с переходом территории Люксембурга, Бельгии и Нидерландов. Это нападение должно быть произведено как можно скорее и как можно более энергично...»

Цель этого нападения — приобрести как можно больше территории Голландии, Бельгии и Северной Франции».

Документ от 15 октября 1939 г. — распоряжение верховного командования вооруженными силами, подписанное Кейтелем, было снова адресовано Редеру, Герингу и генеральному штабу армии. Разрешите мне лишь напомнить Трибуналу, что сказано в конце этого документа:

«Целью подготовки армии должна явиться оккупация — после получения специального приказа — территории Голландии, сначала до линии Греббе-Маас».

Во втором параграфе говорится о захвате западных Фризских островов.

Документ ПС-440, ВБ-107 — директива Кейтеля. Она снова посылается главному командованию армии, флота и военно-воздушных сил, и в ней излагаются подробности осуществления нападения. Я хочу прочесть два абзаца на первой странице: «...Вопреки ранее данным указаниям, все действия против Голландии могут быть проведены без особого приказа, когда начнется общее наступление...»

«...В начале территории Голландии, включая западные Фризские острова, расположенные в виду побережья, должна быть оккупирована по линии Греббе-Маас».

Следующие два абзаца касаются действий против бельгийцев, а в пятом параграфе сказано: «Седьмая авиадесантная дивизия (парашютисты) только тогда начнет воздушные операции в Бельгии, когда будут заняты мосты через канал Альберта». В параграфе шестом упоминается о Люксембурге.

Документ С-10, ВБ-108 от 28 ноября 1939 г., подписанный Кейтелем, также адресован армии, флоту и воздушным силам. Он касается вопроса о том, что если быстрый прорыв к северу от Льежа не удастся, будут использованы другие методы нападения.

В параграфе втором ясно сказано, что следует напасть на Голландию и «оккупировать остров Валхерн и соседнюю гавань Флюшинг или какой-либо другой южный голландский остров, особенно ценный для наших морских и воздушных операций».

а также захватить одну или несколько переправ через Маас между Мюром и Динантом...»

Из этих документов ясно, что с ноября по март 1940 года верховное командование и Гитлер ожидали благоприятных условий погоды для дня «А», как они называли начало нападения на Люксембург, Бельгию и Голландию...

Документ ПС-180, ВВ-88 — это дневник Иодля. В записи от 1 февраля 1940 г. говорится:

«1. Действия парашютных частей. Перед Гаагой они должны быть достаточно многочисленными, чтобы прорваться, если необходимо, грубой силой. 7-я дивизия намеревается сбросить части вблизи от города...»

В записи от 2 февраля в дневнике Иодля сказано:

«Высадка может быть произведена в центре Гааги».

Председатель: Какого это числа?

Робертс: 2 февраля.

В записи от 26 февраля сказано:

«Фюрер ставит вопрос о том, лучше ли будет провести «маневр Везер» до «плана Гельб» или некоторое время спустя».

А в записи от 3 марта говорится:

«Фюрер решил произвести «маневр Везер» до «плана Гельб», с перерывом между ними в несколько дней».

В записи от 8 мая, то есть за два дня до вторжения, в начале страницы сказано:

«Тревожные вести из Голландии — отпуска отменены, эвакуация, преграждение дорог, другие меры по мобилизации. Согласно сообщению разведки, англичане просили у голландцев разрешения вступить на их территорию, но голландцы отказали».

Разрешите сделать два замечания. Во-первых, немцы выражали некоторое неудовольствие по поводу того, что голландцы делали какие-то приготовления к сопротивлению им.

Во-вторых, Иодль записал, что, согласно сведениям разведки, голландцы до сих пор строго придерживаются нейтралитета. Я больше не буду зачитывать выдержек из дневника.

Таковы документы, кроме врученных Голландии, Бельгии и Люксембургу после того, как вторжение стало совершившимся фактом.

Как известно, в 4.30 утра 10 мая в эти три небольшие страны было произведено грубое вторжение со всей жестокостью современной войны. Никакого предупреждения им не было сделано Германией, и до начала операций никакого недовольства не было высказано Германией относительно какого-либо нарушения нейтралитета этими странами.

Вторжение началось в 4.30 утра. Через несколько часов после этого германские послы во всех трех странах явились к пред-

ставителям правительств и вручили им совершенно аналогичные документы, называемые меморандумами или ультиматумами. То, что произошло в Бельгии, излагается в нашем документе ТС-53, ВВ-111, который называется: «Выдержка из официального изложения бельгийских событий 1939—1940 гг.»:

«...Начиная с 4.30 утра поступали сведения, которые не оставляли никаких сомнений. Час пробил. Сначала сообщили о появлении самолетов на востоке. В 5 часов пришло известие о налете на два голландских аэродрома, о нарушении бельгийской границы, высадке германских солдат в форте Эбен-Эмель и бомбежке станции Жемель... В 8.30 утра германский посол приехал в министерство иностранных дел. Когда он вошел в комнату министра, он начал вынимать из кармана бумагу. Спаак, бельгийский министр, остановил его. «Простите, господин посол, — сказал он, — я буду говорить первым», и возмущенным тоном прочитал ноту протеста бельгийского правительства: «Господин посол, германская армия только что напала на нашу страну. Во второй раз в течение 25 лет Германия совершила преступную агрессию против нейтральной и лояльной Бельгии. То, что произошло сейчас, пожалуй, более отвратительно, чем агрессия 1914 года. Никакого ультиматума, никакой ноты, никакого протеста не было вручено бельгийскому правительству. Только в результате самого нападения Бельгия узнала, что Германия нарушила обязательства, данные ею 13 октября 1937 года и добровольно подтвержденные в начале войны. Актом агрессии, совершенным Германией, для которого нет никакого оправдания, глубоко возмутилось сознание всего мира. История будет считать германскую империю ответственной. Бельгия полна решимости защищаться. Ее дело — правое дело, не может быть проиграно...»

Тогда посол смог зачитать ноту, которую он принес:

«Правительство Германии дало мне указание, — сказал он, — сделать следующее заявление: для того, чтобы предупредить вторжение в Бельгию, Голландию и Люксембург, к которому Великобритания и Франция делали приготовления, явно направленные против Германии, правительство Германии вынуждено обеспечить нейтралитет трех вышеупомянутых стран при помощи оружия. С этой целью правительство Германии бросит в бой крупные вооруженные силы, так что любое сопротивление будет бесполезным. Германское правительство гарантирует европейскую и колониальную территорию Бельгии, а также и ее династию при том условии, что не будет оказано никакого сопротивления. Если будет оказано какое-либо сопротивление, то Бельгия поставит под угрозу свою территорию и свою независимость. Поэтому в интересах Бельгии, чтобы население было призвано прекратить всякое сопротивление и чтобы власти

получили необходимые инструкции об установлении контакта с германским военным командованием...»

Ультиматум, врученный через несколько часов после начала вторжения, начинается следующими словами (документ ТС-50, ВБ-112):

«...В течение долгого времени германское правительство не сомневалось в главной цели военной политики Великобритании и Франции. Эта цель заключается в распространении войны на другие страны и в использовании населения других стран в качестве наемников Англии и Франции...»

...Последней попыткой такого рода являлся план оккупации Скандинавии с помощью Норвегии, имевший целью создание нового фронта против Германии. Только путем действий, предпринятых Германией в последний момент, этот план был нарушен. Германия представила всему миру документальные доказательства этого...

Немедленно после того, как англо-французские действия в Скандинавии потерпели неудачу, Англия и Франция начали проводить свою политику распространения войны в другом направлении. В связи с этим, когда отступление из Норвегии все еще продолжалось, английский премьер-министр объявил, что в результате изменившейся ситуации в Скандинавии Англия снова была в состоянии перебросить весь свой военно-морской флот в Средиземное море и что английские и французские части уже направились в Александрию. Средиземное море теперь стало центром англо-французской военной активности. Это было сделано частично для того, чтобы смягчить поражение в Скандинавии и громадную потерю престижа перед лицом их собственного народа и перед лицом всего мира, а отчасти для того, чтобы создать впечатление, что Балканы были избраны в качестве следующего театра военных действий против Германии.

В действительности это кажущееся перемещение англо-французской военной политики на Средиземное море имело совершенно другую цель. Это была лишь диверсия широких масштабов, рассчитанная на то, чтобы ввести Германию в заблуждение относительно направления следующего англо-французского нападения, потому что германскому правительству давно известно, что истинная цель Англии и Франции — это тщательно подготовленное и теперь надвигающееся нападение на Германию с запада с тем, чтобы продвинуться через Бельгию и Голландию к району Рура.

Германия признавала и уважала неприкосновенность Бельгии и Голландии, считая, конечно, что в случае войны Германии против Англии и Франции эти две страны будут сохранять строжайший нейтралитет. Бельгия и Нидерланды не выполнили этого условия...

...В этой борьбе за существование, навязанной германскому народу Англией и Францией, германское правительство не намерено покорно ждать нападения со стороны Англии и Франции и разрешить им перенести войну через Бельгию и Нидерланды на германскую территорию...»

Нет необходимости подчеркивать лживость этого заявления. Теперь весь мир знает, что приготовления к нарушению нейтралитета этих трех стран велись задолго до того, как это было сделано.

В этом же документе говорится: «Теперь выполнены приказы, которые раньше были изданы».

Аналогичные меморандумы были вручены представителю голландского правительства и правительству Люксембурга.

Таковы факты, подтверждающие обвинение в нарушении заветных и договоров с этими тремя странами и ведении против них агрессивной войны. Обвинение осветило историю коварства, бесчестия и позора.

АГРЕССИЯ ПРОТИВ СССР

○

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПОМОЩНИКОМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР
Н. Д. ЗОРЯ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
«АГРЕССИЯ ПРОТИВ СССР»

*[Стенограмма заседаний Международного Военного
Трибунала от 11, 12 и 13 февраля 1946 г.]*

Господа судьи! Моей обязанностью является представление документальных доказательств агрессии против Союза Советских Социалистических Республик, организованной фашистскими военными преступниками, сидящими ныне на скамье подсудимых.

Это обвинение в преступлении, предусмотренном пунктом «а» статьи 6 Устава Международного Военного Трибунала, сформулировано в § 6, пункта IV, раздела I Обвинительного заключения по настоящему делу и в разделе IV речи Главного обвинителя от Союза Советских Социалистических Республик, генерала Руденко.

Среди множества преступных войн, которые вел германский фашизм в своих грабительских целях против свободолюбивых народов, нападение на Союз Советских Социалистических Республик занимает особое место.

Можно с уверенностью сказать, что захватническая война против Советского Союза являлась ключевым вопросом всего фашистского заговора против мира. Агрессивные действия германского фашизма до нападения на Союз Советских Социалистических Республик и, в частности, германская агрессия против Чехословакии, Польши, Югославии были, как это доказал мой коллега полковник Покровский, лишь этапами на пути к нападению на Советский Союз.

Украинская пшеница и уголь Донбасса, никель Кольского полуострова и кавказская нефть, плодородные приволжские степи и белорусские леса — все это играло решающую роль в преступных замыслах фашистских захватчиков.

Война против Союза Советских Социалистических Республик велась фашистской Германией также в целях порабощения и эксплуатации советских народов.

В войне фашистской Германии против Советского Союза с ужасающей полнотой нашла свое выражение зоологическая ненависть гитлеровцев к славянским народам.

И, наконец, германский империализм, выступавший в его фашистском издании, видел в захвате богатств Советского Союза и его неисчислимых продовольственных и сырьевых ресурсах базу для достижения своих далеко идущих агрессивных целей и завоевания сначала европейской, а затем и мировой гегемонии.

Известная формула германского империализма «Дранг нах Остен», о которой говорилось в речи Главного обвинителя от СССР, в разные периоды трактовалась фашистскими преступниками в самых разнообразных аспектах, но всегда в их агрессивных планах нападения на Советский Союз занимала доминирующее положение.

«Если желать новой территории, — писал Гитлер в книге «Майн кампф» («Моя борьба»), уже имеющейся в распоряжении Трибунала, — то в общем и целом ее можно было бы достигнуть за счет России. Новая империя должна была бы двинуться по пути прежних рыцарских орденов» (Гитлер, «Моя борьба», Мюнхенское издание, 1930 г., стр. 742).

То обстоятельство, что, развязав окончательно фашистскую агрессию в 1939 году, Гитлер начал войну на Западе, по существу ничего не меняло в этой основной концепции фашизма.

Американским обвинением под № ПС-789 была представлена Трибуналу запись совещания Гитлера с главнокомандующими, которое состоялось 23 ноября 1939 г.

На этом совещании Гитлер, по его собственному выражению, давал «обзор мыслей, владевших им в связи с предстоящими событиями».

В этом обзоре он заявил:

«Я долго сомневался, не начать ли с нападения на Восток, а затем уж на Запад». И далее: «Вынужденно получилось, что Восток на ближайшее время выпал».

Это заявление Гитлера свидетельствовало о том, что нападение на Советский Союз оставалось в планах фашистской агрессии и весь вопрос заключался лишь в выборе наиболее удачного момента для этого нападения.

Следует тут же отметить, что этот «западный» вариант начала фашистской агрессии не представлялся ее авторам наиболее выгодным вариантом.

Тот же самый Гитлер ровно за пять месяцев до совещания, о котором только что шла речь, на другом совещании, 23 мая 1939 г. (это документ американского обвинения Л-79), инструктируя своих сообщников относительно современного положения и целей политики, говорил:

«Если судьба, — говорил Гитлер, — нас толкнет на конфликт с Западом, то будет хорошо, если мы к этому времени будем владеть более обширным пространством на Востоке».

Обширные пространства на Востоке должны были, по мысли гитлеровских заговорщиков, сыграть решающую роль в конфликте с Западом.

И поэтому, когда фашистские полчища оказались не в состоянии форсировать Ла-Манш, остановились на его берегах и надо было искать путей дальнейшей агрессии, заговорщики немедленно стали готовиться к нападению на Советский Союз. Это нападение было основной частью всех их агрессивных планов, которые без него не могли быть реализованы.

Я полагаю, что нет необходимости в использовании документов более раннего периода и в цитировании книги Гитлера «Моя борьба», где вопросы, связанные с грабительским нападением на Советский Союз, были сформулированы задолго до 1939 года.

Советское обвинение намеревается представить Трибуналу ряд документов, подтверждающих предумышленную агрессию фашистской Германии против Союза Советских Социалистических Республик.

Среди этих документов — материалы различных архивов, захваченных частями Красной Армии при наступлении, высказывания в печати фашистских вожаков, в том числе и некоторых подсудимых, и показания лиц, располагающих достоверными сведениями о том, как в действительности протекала подготовка к нападению на Советский Союз.

Документы советского обвинения представляются по следующим разделам:

1. Военные приготовления в самой Германии.
2. Обеспечение военных приготовлений по линии разведки.
3. Обеспечение фашистскими заговорщиками участия стран-сателлитов в агрессии против Советского Союза.

Я начинаю первый раздел, касающийся военных приготовлений в самой Германии.

Высказывания Гитлера и его сообщников показывают, что замысел преступного нападения на Союз Советских Социалистических Республик политически созрел в умах фашистских заговорщиков давно.

Однако, помимо этого факта, нас интересует также вопрос о том, когда этот замысел стал облекаться в конкретные формы непосредственно военных приготовлений к грабительской войне против Советского Союза.

18 декабря 1940 г. получила официальное оформление известная Трибуналу директива № 21 — «Вариант Барбаросса». Этот документ был представлен американским обвинением под № ПС-446.

Когда подпись командования появляется на такого рода документе, то это является моментом, завершающим длительную и напряженную работу всех звеньев аппарата военного управления.

Эта работа может не быть регламентирована письменными приказами. Тайна, которая окутывает эту работу, заставляет часто прибегать к приказам устным. И, наоборот, многие приказы текущего порядка, в силу уже существующего стратегического замысла, приобретают соответствующую направленность, хотя внешне они как будто бы и не имеют с этим стратегическим замыслом ничего общего.

Поэтому представляется, что в деле установления реального момента начала военных приготовлений к нападению на Советский Союз...

Председатель: Генерал Зоря, Трибунал узнал, что вы собираетесь зачитать показания генерала Варлимонта... Вы должны быть готовы к тому, чтобы генерал Варлимонт был вызван в суд для того, чтобы защита могла подвергнуть его перекрестному допросу.

Зоря: Я оглашу выдержку из показания генерала Варлимонта через некоторое время. Этот допрос Варлимонта был произведен представителем советского обвинения Александровым, и если защита будет настаивать на том, чтобы генерал Варлимонт был подвергнут перекрестному допросу здесь, в судебном заседании, то советское обвинение предпримет со своей стороны все возможное, чтобы удовлетворить это желание.

Председатель: Продолжайте, пожалуйста.

Зоря: Я остановился на той мысли, что представляется целесообразным в деле установления реального момента начала военных приготовлений к нападению на Советский Союз использовать не только документы, ибо не всегда и не все фиксируется на бумаге, но и прибегнуть к показаниям людей, которые принимали непосредственное участие в осуществлении этих приготовлений.

Здесь я хотел бы перейти к тем показаниям Вальтера Варлимонта, о которых только что говорили вы, господин председатель. Эти показания даны Варлимонтом 13 ноября 1945 г.

Я представляю этот документ в качестве доказательства под № СССР-263.

Вальтер Варлимонт, как известно, был начальником отдела обороны в ОКВ, а затем заместителем начальника оперативного штаба руководства.

Его показания в той части, в которой они затрагивают интересующий нас в данный момент вопрос, я и оглашаю. Я прошу раскрыть страницу вторую русского текста этого документа, который находится на странице двадцатой папки документов, пред-

ставленной советским обвинением Трибуналу. На вопросы обвинения Варлимонт показал:

«...Я лично впервые услышал об этом плане (имеется в виду «план Барбаросса») 29 июля 1940 года...»

...В этот день генерал-полковник Иодль прибыл в специальном поезде на станцию Рейхенгалле, где находился отдел «Л» штаба оперативного руководства... Это сразу же бросилось в глаза потому, что до этого генерал Иодль к нам, пожалуй, не приезжал. Кроме меня, он приказал явиться также трем другим старшим офицерам...»

Я пропускаю несколько строк и перехожу на страницу третью протокола допроса Варлимонта. Это соответствует странице двадцать первой папки документов:

«...Я не могу дословно повторить его выражений, но смысл был следующий...»

...Иодль заявил, что фюрер решил подготовить войну против России. Фюрер обосновал это тем, что война должна произойти так или иначе, так лучше будет, если эту войну провести в связи с уже происходящей войной и, во всяком случае, начать необходимые приготовления к ней...»

Пропускаю несколько строчек, которые не имеют значения для интересующего нас вопроса. Продолжаю:

«При этом, или несколько позднее, Иодль заявил, что Гитлер намеревался начать войну против Советского Союза уже осенью 1940 года. Однако он отказался затем от этого плана. Причиной этого явилось то, что стратегическое сосредоточение армии к этому времени не могло быть выполнено. Для этого отсутствовали необходимые предпосылки в Польше: железные дороги, помещения для войск, мосты не были подготовлены... средства связи, аэродромы — все еще не были организованы... Поэтому был издан приказ, который должен был обеспечить все предпосылки для того, чтобы такой поход подготовить и чтобы он состоялся».

На вопрос обвинения о том, является ли этот приказ приказом от 9 августа 1940 г., называвшимся Ауфбау-Ост, Варлимонт ответил: «Да, этот приказ был составлен в штабе руководства по приказанию генерала Иодля... По мнению генерала Иодля, концентрация могла состояться только после того, как все приготовления, указанные в этом приказе, будут выполнены».

Далее Варлимонт в своем показании сообщает, что проект «плана Барбаросса», носивший первоначально название «Фриц», докладывался Гитлеру 5 декабря 1940 г., затем редактировался и 18 декабря увидел свет.

Я думаю, что значительную помощь при исследовании вопросов, относящихся к истории подготовки варианта «Барбаросса», может оказать свидетельство такого человека, как Фридрих

Паулюс, бывший фельдмаршал германской армии, который принимал, как известно, самое непосредственное участие как в разработке «плана Барбаросса», так и в его реализации.

Я представляю заявление Паулюса, датированное 9 января 1946 г. и написанное в лагере для военнопленных, под № СССР-156 и прошу принять это заявление в качестве доказательства.

(К микрофону подходит защитник Нельте.)

Нельте: Господин председатель!

Судя по этому документу — мне представлен подлинник, — речь идет о заявлении фельдмаршала Паулюса, которое он сделал Правительству Советского Союза, изложив свое мнение, и советская делегация имеет это письмо в подлиннике, фотостат которого, как я полагаю, только что был вам представлен; но эта фотокопия официально не заверена советскими властями. Это заявление не является также показанием, данным под присягой, которое могло бы быть допущено в качестве доказательства. Поэтому я прошу принципиально решить вопрос, который был поставлен в начале заседания, чтобы также и советское обвинение знало об отношении высокого суда к подобным заявлениям.

Председатель (обращается к генералу Зоря): Не хотите ли вы ответить на то, что сказал доктор Нельте?

Зоря: В соответствии с пожеланиями Трибунала, высказанными на одном из предыдущих заседаний, советское обвинение приняло меры к тому, чтобы в распоряжение Трибунала через генерального секретаря были представлены подлинники всех документов Советского обвинения или документы, заверяющие подлинность этих документов, с указанием места их нахождения.

Кроме того, имея в виду, что некоторые свидетели, показания которых собирается представить советское обвинение в судебном заседании, представляют значительный интерес, и, возможно, защита захочет подвергнуть их перекрестному допросу, советское обвинение предприняло меры к доставке некоторых свидетелей в Нюрнберг с тем, чтобы иметь возможность выслушать их устные показания. В частности, то заявление Паулюса, на которое я собираюсь сослаться в некоторых частях моего выступления и о котором только что говорил представитель защиты, может быть проверено не позднее, чем сегодня вечером, когда Фридрих Паулюс будет доставлен в зал судебного заседания.

Председатель: Из того, что вы сказали, я понял вас так, генерал, что, поскольку это касается фотокопии заявления фельдмаршала Паулюса, то, согласно желанию Трибунала, будет представлено удостоверение в том, что фотостат является копией подлинника, а что касается вопроса о вызове свидетелей, которые могут дать очень важные показания, то фельдмаршал Ф. Паулюс будет вызван как свидетель для того, чтобы защита подвергла

его перекрестному допросу. Я думаю, что ответ на ваше возражение удовлетворяет вас, доктор Нельте?

Нельте: Господин председатель, сущность этого вопроса, мне кажется, заключается в том, что должно быть представлено подтверждение тому, что фигурирующие здесь документы соответствуют действительным показаниям того, кто дал их. Заявления всегда являются только сомнительной заменой допроса свидетеля.

Защита вполне сознает трудности советского обвинения в том, чтобы доставить свидетеля туда, где оно представляет, например, свои документы. Защита признает это особенно в тех случаях, когда дело касается личности отдельных свидетелей и значения освещаемых ими вопросов. Следует предпочитать личный допрос заявлениям, но если это невозможно по причинам, о которых судить мы не можем, то было бы во всяком случае желательно, чтобы кроме заявления представлялись протоколы допросов, произведенных под присягой.

Защита не очень заинтересована в формальностях и хочет лишь иметь материальные доказательства. Если советское обвинение в этой области сможет помочь нам, то мы будем ему очень благодарны¹.

Председатель: Вы можете продолжать, генерал.

Зоря: Я представляю заявление Фридриха Паулюса, на которое я только что сослался, и сейчас оглашу только ту часть его заявления, которая имеет отношение к истории подготовки «плана Барбаросса».

Остановившись на выяснении сроков начала подготовки к преступному нападению фашистской Германии на Советский Союз, я хотел бы напомнить Трибуналу о том, что в утреннем заседании Трибунала от 30 ноября 1945 г. был допрошен свидетель Лахузен, давший показания, которые представляют достаточный интерес для нашего дела.

Между прочим, этот свидетель, перечисляя ближайшее окружение начальника разведки и контрразведки германской армии адмирала Канариса, назвал фамилию Пиккенброка.

Я представляю Трибуналу под № СССР-228 показания бывшего начальника первого отдела германской военной разведки и контрразведки генерал-лейтенанта бывшей германской армии Ганса Пиккенброка, бывшего начальника и сослуживца Лахузена. Пиккенброк дал эти показания в установленном законами

¹ Начав с возражения против принятия судом в качестве доказательства заявления Паулюса Советскому правительству о подготовке гитлеровцами агрессии против СССР, защитник, узнав, что Паулюс может быть вызван для допроса в суд, по существу отказался от своих возражений. — Составители.

Советского Союза порядке 12 декабря 1945 г. в Москве.

Пока я хотел бы огласить лишь следующие строки из показаний Пиккенброка, относящиеся к тому вопросу, который мы сейчас разбираем:

«...Я должен сказать, — показал Пиккенброк, — что уже с августа — сентября 1940 года со стороны отдела иностранных армий генштаба стали значительно увеличиваться разведывательные задания «Абверу» по СССР. Эти задания, безусловно, были связаны с подготовкой войны против России.

О более точных сроках нападения Германии на Советский Союз мне стало известно в январе 1941 года от Канариса. Какими источниками пользовался Канарис, я не знаю, однако он сообщил мне, что нападение на Советский Союз назначено на 15 мая».

В распоряжении советского обвинения есть также показания начальника третьего отдела германской военной разведки и контрразведки генерал-лейтенанта бывшей германской армии Франца фон Бентивеньи, данные им 28 декабря 1945 г. Я представляю эти показания Трибуналу под № СССР-230.

Пока я также оглашу лишь те места показаний Бентивеньи, которые имеют непосредственное отношение к вопросу о начале военных приготовлений против Советского Союза:

«О подготовке Германией военного нападения на Советский Союз впервые я узнал в августе 1940 года от руководителя германской разведки и контрразведки адмирала Канариса. В неофициальной беседе, происходившей в служебном кабинете Канариса, он сообщил мне, что Гитлер приступил к проведению мероприятий для осуществления похода на Восток, о котором он объявил еще в 1938 году в своем выступлении на Берлинском собрании гаулейтеров.

...Канарис сказал мне, что теперь эти замыслы Гитлера начали принимать реальные формы. Видно это хотя бы из того, что дивизии германской армии в большом количестве перебрасываются с запада к восточным границам и, согласно специальному приказу Гитлера, размещаются на исходных позициях предстоящего вторжения в Россию».

И, наконец, для того, чтобы закончить с вопросом о действительном сроке военных приготовлений фашистской Германии к предательскому нападению на Советский Союз, я хотел бы остановиться на заявлении генерала Мюллера. Это заявление датировано 8 января 1946 г. и написано в лагере для военнопленных. Это заявление я представляю Трибуналу под № СССР-149.

Все материалы, на которые я до сих пор ссылался, исходили из кругов высшего командования германской армии.

Председатель: Из этого документа — заявления генерала Мюллера — не видно, где оно было составлено и где сейчас находится генерал Мюллер.

Зоря: На фотостате имеется дата, проставленная рукой генерала Мюллера. Эта дата — 8 января 1946 г.

Генерал Мюллер находится в лагере для военнопленных № 27, в Красногорске, Московской области.

Председатель: Где, вы сказали, он находится?

Зоря: Город Красногорск находится в пределах Московской области, в Советском Союзе. Могу ли я продолжать?

Председатель: Да, конечно.

Зоря: Все материалы, господа судьи, на которые я до сих пор ссылался, исходили из кругов высшего командования германской армии. Генерал Мюллер принадлежит, если можно так выразиться, к среднему звену германского генералитета. Он был начальником штаба армии, командовал армейским корпусом. Его заявление отражает ряд моментов, которые могут быть признаны заслуживающими внимания с точки зрения выяснения обстоятельств, сопутствующих подготовке, которую Германия вела против Советского Союза.

Я прошу обратиться к заявлению генерала Мюллера с первого абзаца:

«Подготовка к нападению на Советский Союз началась еще в июле 1940 года. В то время я был первым офицером штаба армейской группировки «С» в Дижоне (Франция). Командующим был генерал-фельдмаршал фон Лееб. В состав этой армейской группировки входили 1, 2 и 7-я армии, являющиеся оккупационными войсками во Франции. Кроме того, во Франции находилась армейская группировка «А» (Рунштедт), имевшая задачей подготовку операции «Морского льва» (десанта против Англии) и армейская группировка «В» (фон Бок). В течение июля штаб армейской группировки «В» был переведен на восток (Познань). Штабу армейской группировки «В» были приданы переброшенные из Франции (из состава оккупационных войск): 12-я армия, 4-я армия, 18-я армия и еще несколько корпусов и около 30 дивизий. Из этого числа несколько дивизий взяты были из армейской группировки «С».

Непосредственно после кампании на западе ОКХ отдало приказ о демобилизации 20 дивизий. Приказ этот был отменен, и 20 дивизий не были демобилизованы. Вместо этого они по возвращении в Германию были уволены в отпуск и, таким образом, держались наготове на случай срочной мобилизации.

Оба эти мероприятия — перевод около 500 тысяч человек на границу с Россией и отмена приказа о роспуске около 300 тысяч человек — доказывают, что уже в июле 1940 года существовали планы военных действий на Востоке.

Следующим приказом, свидетельствующим о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, явилось изданное в сентябре 1940 года письменное распоряжение ОКХ о формировании в Лейпциге новой армии (11-й), нескольких корпусов и около 40 пехотных и танковых дивизий. Формирование этих соединений производилось с сентября 1940 года командующим резервной армией генерал-полковником Фроммом; частично это формирование производилось во Франции, главным же образом — в Германии. К концу сентября 1940 года ОКХ вызвало меня в Фонтенбло. Оберквартирмейстер генерального штаба сухопутных сил генерал-лейтенант (впоследствии фельдмаршал) Паулюс передал мне, пока что в устной форме, приказ о том, что мой штаб (армейской группировки «С») должен быть к 1 ноября переведен в Дрезден, а штаб 2-й армии (генерал полковник Вейхс), входивший в состав этой армейской группировки, — в Мюнхен (также к 1 ноября)».

Я пропускаю несколько строк заявления генерала Мюллера: «Задача, — продолжает генерал Мюллер, — заключалась в руководстве военной подготовкой вновь формируемых вышеуказанных 40 дивизий. Согласно этому приказу, подтвержденному впоследствии письменным приказом за подписью начальника генерального штаба Гальдера, перевод частей был проведен в установленный срок. При нападении на Советский Союз эти 40 дивизий были введены в действие».

Начатая, таким образом, подготовка к военному нападению на Советский Союз велась усиленными темпами, с немецким педантизмом.

Я напоминаю, господа судьи, о том, что свидетель Паулюс в этом заседании показал, что в августе 1940 года разработка предварительного плана нападения на Советский Союз под названием «Барбаросса» зашла уже настолько далеко, что стало возможным проведение двух военных игр под руководством Паулюса...

Эта система военных игр, которая началась в генеральном штабе германской армии, была затем распространена на всю армию, и вся армия участвовала в проведении этих игр, являвшихся подготовкой нападения на Советский Союз.

«Поскольку, — сообщает Мюллер, — действительной задачей армии являлась подготовка к нападению на Советскую Россию, то на первом плане стоял вопрос об обучении войск и офицеров генерального штаба в соответствии с этим планом.

В конце января 1941 года я был командирован телеграфным приказом начальника генерального штаба Гальдера на военные игры в Сен-Жермен (около Парижа) в армейскую группировку Рундштедта. Задачей военной игры было наступление из Румынии и Южной Польши в направлении на Киев и к югу от него.

Игра велась с расчетом на участие и румынских войск. В основном военная игра соответствовала условиям будущего приказа о стратегическом развертывании сил, к чему я еще вернусь ниже. Руководителем военной игры был начальник штаба армейской группировки Рундштедт. Присутствовали: Рундштедт, Гальдер, начальники штабов: 6-й армии — Гейм, 11-й армии — Велер, танковой группы Клейста — Цвиклер и несколько генералов танковых войск. Военная игра происходила в месте расположения армейской группировки Рундштедта, примерно с 31 января по 2 февраля 1941 г. Она показала необходимость сильной концентрации танковых сил».

Представленные мною до настоящего момента документы характеризуют мероприятия военного командования германских вооруженных сил по подготовке стратегического развертывания германских войск для нападения на Союз Советских Социалистических Республик.

По времени эти мероприятия охватили значительную часть 1940 года и начались по крайней мере за шесть месяцев до появления на свет директивы № 21 о варианте «Барбаросса».

Я перехожу ко второй группе документов, представляемых советским обвинением, которые характеризуют разведывательные мероприятия, предпринятые фашистскими заговорщиками в связи с подготовкой войны против Советского Союза.

Направление и задачи разведывательной работы в связи с вариантом «Барбаросса», как известно, определялись директивой верховного командования германскими вооруженными силами, которая была адресована контрразведке 6 ноября 1940 г. и подписана подсудимым Иодлем.

Этот документ представлен американским обвинением под № ПС-1229. Я считаю необходимым напомнить, что в нем от разведывательных органов требовалось, чтобы перегруппировки войск на восточной границе Германии всячески маскировались и чтобы у Советского Союза создавалось бы впечатление, что готовится какая-то акция на Балканах.

Деятельность разведывательных органов строго регламентировалась. Эта деятельность должна была обеспечить, чтобы численность германских войск на Востоке осталась бы скрытой, насколько это возможно, чтобы было создано впечатление незначительной концентрации войск на севере восточных провинций и, наоборот, весьма значительной концентрации в южной их части, в протекторате и в Австрии.

Указывалось также на необходимость создания преувеличенных представлений о количестве частей противовоздушной обороны и о незначительном размахе дорожных работ.

Здесь я позволю себе сделать два замечания по существу. Активизация работы разведывательных органов против Совет-

ского Союза, по показаниям Пиккенброка, началась до появления этой директивы в августе 1940 года. И уж, конечно, дело заключалось не только в работе по дезинформации в связи с провадившейся перегруппировкой сил с Запада на Восток.

Я прошу обратиться к представленным мною показаниям бывшего начальника 3-го отдела разведки и контрразведки германской армии фон Бентивеньи.

В показаниях Бентивеньи говорится:

«...Я еще в ноябре 1940 года получил от Канариса указание активизировать контрразведывательную работу в местах сосредоточения германских войск на советско-германской границе...

Согласно этому указанию, мною тогда же было дано задание органам германской военной разведки и контрразведки «Абверштелле», «Кенигсберг», «Краков», «Бреслау», «Вена», «Данциг» и «Познань» усилить контрразведывательную работу...

...В марте 1941 года я получил от Канариса следующие указания по подготовке к проведению «плана Барбаросса»:

а) подготовка всех звеньев «Абвер-3» к ведению активной контрразведывательной работы против Советского Союза, как-то: создание необходимых «Абвергрупп», расписание их по боевым соединениям, намеченным к действиям на Восточном фронте, парализация деятельности советских разведывательных и контрразведывательных органов;

б) дезинформация через свою агентуру иностранных разведок в части создания видимости улучшения отношений с Советским Союзом и подготовки удара по Великобритании;

с) контрразведывательные мероприятия по сохранению в тайне ведущейся подготовки к войне с Советским Союзом, обеспечение скрытности перебросок войск на Восток».

Этот же вопрос затрагивается в представленном мною в качестве доказательства протоколе допроса бывшего начальника первого отдела разведки и контрразведки германской армии Пиккенброка. В этих показаниях говорится о деятельности разведывательных органов германской армии в связи с подготовкой к реализации «плана Барбаросса». Пиккенброк показывает:

«...В марте 1941 года я был свидетелем разговора Канариса с начальником отдела диверсии и саботажа «Абвер-2» Лахузеном о мероприятиях по «плану Барбаросса». При этом Лахузен и Канарис все время ссылались на имеющийся у Лахузена по этому поводу письменный приказ.

Я лично, как начальник «Абвер-1», начиная с февраля 1941 года и вплоть до 22 июня 1941 г., неоднократно вел деловые переговоры по «плану Барбаросса» с начальником отдела иностранных армий генерального штаба генерал-лейтенантом Типпельскирх и начальником отдела «Восток» Кинцелем. Эти переговоры касались уточнения различных заданий «Абверу» по

Советскому Союзу и, в частности, о перепроверке старых разведывательных данных о Красной Армии, а также по уточнению дислокации советских войск в период подготовки нападения на Советский Союз...

...Периферийным отделам разведки «Абверштелле», которые вели работу против России, было дано задание увеличить засылку агентов в СССР. Такое же задание об усилении агентурной работы против СССР было дано всем разведывательным органам, которые имелись в армиях и армейских группировках. Для более успешного руководства всеми этими органами «Абвера» в мае 1941 года был создан специальный разведывательный штаб, носивший условное название «Валли-1»...

Руководителем «Валли-1» был назначен как лучший специалист по работе против России майор Браун. Позднее, когда по нашему примеру «Абвер-2» и «Абвер-3» также создали штабы «Валли-2» и «Валли-3», этот орган в целом именовался штабом «Валли» и руководил всей разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работой против Советского Союза. Во главе штаба «Валли» стоял Шмальшлегер...

Из неоднократных докладов Лахузена Канарису, на которых я также присутствовал, мне известно, что по линии этого отдела проводилась большая подготовительная работа к войне с Советским Союзом. За период февраль — май 1941 года происходили неоднократные совещания руководящих работников «Абвер-2» у заместителя Иудля генерала Варлимонта. Эти совещания проводились в кавалерийской школе в местечке Крампниц. В частности, на этих совещаниях, в соответствии с требованиями войны против России, был решен вопрос об увеличении частей особого назначения, носивших название «Бранденбург-800», и о распределении контингента этих частей по отдельным войсковым соединениям».

В только что оглашенных показаниях Пиккенброка обращает на себя внимание упоминание о специальных задачах, которые имел отдел Лахузена, и о частях особого назначения, зашифрованных под названием «Бранденбург-800».

В этом отношении вносят ясность показания заместителя Лахузена по второму отделу германской военной разведки и контрразведки при верховном командовании германскими вооруженными силами, Эрвина Штольце, который был взят в плен Красной Армией.

Показания Штольце от 25 декабря 1945 г. я представляю Трибуналу под № СССР-231 и прошу их принять в качестве доказательства. Я оглашаю отдельные места этих показаний. Штольце показывает:

«...Я получил указание от Лахузена организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием «А», которая

должна была заниматься подготовкой диверсионных актов и работой по разложению в советском тылу в связи с намечавшимся нападением на Советский Союз.

В то же время Лахузен дал мне для ознакомления и руководства приказ, поступивший из оперативного штаба вооруженных сил, подписанный фельдмаршалом Кейтелем и генералом Иодлем (или генералом Варлимонтом по поручению Кейтеля, — точно не помню). Этот приказ содержал основные директивные указания по проведению подрывной деятельности на территории Союза Советских Социалистических Республик после нападения Германии на Советский Союз.

Данный приказ был впервые помечен условным шифром «Барбаросса»...

...В приказе указывалось о том, что в целях нанесения молниеносного удара против Советского Союза, «Абвер-2» при проведении подрывной работы против России должен использовать свою агентуру для разжигания национальной вражды между народами Советского Союза...

...Выполняя упомянутые выше указания Кейтеля и Иодля, я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных выше задач.

В частности, мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка «Консул-1») и Бандере организовать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение в происходящем якобы разложении советского тыла.

Нами были подготовлены также специальные диверсионные группы для подрывной деятельности в прибалтийских советских республиках...

...Кроме того, была подготовлена для подрывной деятельности на советской территории специальная воинская часть — учебный полк особого назначения «Бранденбург-800», подчиненный непосредственно начальнику «Абвер-2» Лахузени.

В задачу этого созданного в 1940 году специального соединения входил захват оперативно важных объектов — мостов, туннелей, оборонных предприятий и удержание их до подхода авангардных частей германской армии. При этом, вопреки международным правилам ведения войны, личный состав этого полка, укомплектованный главным образом за счет зарубежных немцев, широко использовал применение обмундирования и вооружения армии противника для маскировки своих операций.

В процессе подготовки нападения Германии на СССР командование полка «Бранденбург-800» также запасало предметы обмундирования и вооружения Красной Армии и организовало отдельные отряды из числа немцев, знающих русский язык...»

Господа судьи, представленные мною показания раскрывают методы работы германской разведки по подготовке и реализации «плана Барбаросса».

Я не стану далее задерживать ваше внимание на этих вопросах. Но прежде, чем перейти к дальнейшему изложению, мне хотелось бы отметить, что разведывательной работой в Германии занималось также и ведомство подсудимого Кальтенбруннера. Я ограничусь представлением одного документа, характеризующего, каким образом гитлеровцы, используя свои связи, создавали затруднения в Иране, через который, как известно, шли пути доставки в СССР автомашин и самых разнообразных военных материалов.

Документ, который я имею в виду представить Трибуналу под № СССР-178, взят нами из архива германского министерства иностранных дел, попавшего в руки наступавших частей Красной Армии. Документ этот представляет письмо подсудимого Кальтенбруннера на имя подсудимого Риббентропа. Напечатано письмо на бланке начальника полиции безопасности и СД.

«28.VII.1943 г. Секретно.

ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ФОН РИББЕНТРОПУ

Берлин

ВЫБОРЫ В ИРАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТ

Глубокоуважаемый господин Министр!

Мы непосредственно связались с Ираном и получили... сообщение о возможности немецкого влияния на ход выборов в иранский парламент...

Для того, чтобы оказать решающее влияние на выборы, нужен подкуп.

Для Тегерана необходимо 400 тысяч туманов, а для всего остального Ирана, по крайней мере, 600 тысяч туманов.

Следует заметить, что националистически настроенные иранские круги ожидают вмешательства Германии.

Прошу вас сообщить мне, возможно ли получение одного миллиона туманов от министерства иностранных дел. Переслать эти деньги можно будет с людьми, отправляемыми нами туда самолетом.

Хайль Гитлер!

Преданный Вам *Кальтенбруннер* —
обергруппенфюрер СС»

Этот документ поможет составить представление о том круге вопросов, который интересовал имперского министра иностранных дел.

Столь своеобразная деятельность министерства иностранных дел «третьего рейх» не была эпизодической.

С течением времени сотрудничество министерства иностранных дел фашистской Германии и рейхсфюрера СС крепло и получало все большее и большее развитие. В результате этого на свет появился весьма любопытный документ, который может быть озаглавлен как соглашение между Гиммлером и Риббентропом об организации разведывательной работы.

Я представляю этот документ под № СССР-120 и прошу Трибунал принять его в качестве доказательства. Я оглашаю содержание этого соглашения с небольшими ремарками. Текст соглашения гласит:

«Приказом от 12 февраля 1944 г. фюрер поручил имперскому руководителю СС создать единую немецкую секретную разведывательную службу. Секретная разведывательная служба имеет целью, поскольку речь идет о загранице, добывание для империи сведений в политической, военной, экономической и технической областях. При этом фюрер установил, что руководство разведывательной службой, поскольку речь будет идти о загранице, должно осуществляться по согласованию с министром иностранных дел. В связи с этим между имперским министром иностранных дел и имперским руководителем СС было заключено следующее соглашение:

1) Секретная разведывательная служба имперского руководителя СС является важным инструментом для добывания во внешнеполитической области сведений, которые предоставляются в распоряжение министра иностранных дел. Первым условием этого является тесное товарищеское и лояльное сотрудничество между министерством иностранных дел и главным управлением имперской безопасности. Добывание внешнеполитических сведений дипломатической службой этим самым не затрагивается.

2) Министерство иностранных дел предоставляет в распоряжение главного имперского управления безопасности необходимую для ведения разведывательной службы информацию о внешнеполитическом положении и установках немецкой внешней политики и передает главному имперскому управлению безопасности свои разведывательные и прочие задания в области внешней политики, которые должны выполняться органами секретной разведывательной службы.

3) Поступающий в секретную разведывательную службу разведывательный материал в области внешней политики представляется...»

Председатель: Нельзя ли суммировать содержание этого документа, на котором вы сейчас останавливаетесь, сказав, что это документ, подписанный Гиммлером и Риббентропом...

Зоря: Кратко излагая содержание этого документа, я должен сказать, что это соглашение, подписанное Гиммлером и Риббентропом, создавало такое положение, когда весьма трудно было разобраться в условиях фашистской Германии, где кончалось гестаповское ведомство Гиммлера и где начиналось иностранное ведомство подсудимого Риббентропа.

Если Трибунал позволит, я перейду к представлению следующего документа, но отмечу предварительно, что этот документ, который я только сейчас привел (я имею в виду соглашение между Гиммлером и Риббентропом о ведении разведывательной работы за границей), позволяет также утверждать, что под флагом германских дипломатических представительств в странах, которые поддерживали с Германией нормальные дипломатические отношения, в действительности работала разветвленная сеть гестапо.

Если такой вывод, по мнению Трибунала, соответствует содержанию документа, я перехожу к следующему разделу представления доказательств — «Сателлиты Германии».

При оглашении в суде «плана Барбаросса», на мой взгляд, один раздел этого плана пользовался относительно незначительным вниманием.

Я имею в виду раздел второй варианта «Барбаросса» (документ американского обвинения ПС-446). Этот раздел носит название «Предполагаемые союзники и их задачи».

На вопросах, затронутых в этом разделе, я и хотел бы сейчас задержать внимание Трибунала.

Я считаю необходимым зачитать раздел второй этого варианта.

«1. На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России.

Верховное командование германской армии своевременно согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран будут при их вступлении в войну подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы совместно с наступающей там группой вооруженных сил сковать находящиеся против нее силы противника, а в остальном — нести вспомогательную службу в тыловом районе.

3. Финляндия должна будет прикрывать наступление немецкой десантной северной группы (части XXI группы), имеющей прибыть из Норвегии, а затем оперировать совместно с нею.

Кроме того, на долю Финляндии возлагается ликвидация русских сил в Ханко.

4. Можно рассчитывать на то, что не позже, чем начнется операция, шведские железные дороги и шоссе будут предоставлены для продвижения немецкой северной группы».

В речи Главного обвинителя от Советского Союза — генерала Руденко — было обращено внимание на фразу, которой начинается этот раздел:

«На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России».

Это дало основание Главному обвинителю от СССР в своей речи указать на то, что 18 декабря 1940 г. (дата документа «Барбаросса») Румыния и Финляндия уже находились в фарватере грабительской политики гитлеровских заговорщиков.

Есть еще только один документ, представленный американским обвинением, в котором упоминаются предполагаемые союзники Германии в ее агрессии против СССР. Этот документ, носящий № С-39, называется «Временным планом «Барбаросса». Он является, как указал подсудимый Кейтель в сопроводительном письме к нему, календарным планом приготовлений к варианту «Барбаросса» после 1 июня 1941 г. Этот план был утвержден Гитлером.

В разделе втором этого документа С-39, озаглавленном «Переговоры с дружественными странами», читаем:

а) Болгарии послана просьба не ослаблять в значительной мере соединения, стоящие для обеспечения безопасности на границе с Турцией.

б) Румыны, по почину главнокомандующего немецкими войсками в Румынии, начали частичную замаскированную мобилизацию, чтобы иметь возможность закрыть свою границу против предполагаемого нападения русских.

в) Использование венгерской территории для наступления южной армейской группы будет происходить лишь в той мере, в какой это целесообразно для введения немецких частей, связывающих венгерские и румынские войска. Однако до середины июня по этому вопросу Венгрии представлений делаться не будет.

д) Две немецкие дивизии вступили в восточную часть Словакии, следующие будут выгружаться в районе Просов.

е) Предварительные переговоры с финским генеральным штабом происходят с 25 мая».

Господин председатель, для того чтобы связать последующие документы с теми показаниями, которые дал Паулюс, я сошлюсь только на то, что этот свидетель показал о заблаговременной подготовке к военной агрессии на румынском плацдарме, указав, что соответствующие меры по реорганизации румынской

армии по образу и подобию германской армии были приняты в сентябре 1940 года, когда в Румынию была направлена специальная военная миссия и 13-я танковая дивизия. Во главе этой миссии был поставлен генерал-от-кавалерии Ганзен. Начальником его штаба был назначен генерал-майор Науффе, оберквартирмейстером — майор Мерк. 13-й танковой дивизией командовал генерал-майор фон Роткирх.

Задачей военной миссии было реорганизовать румынскую армию и подготовить ее к нападению на Советский Союз в духе «плана Барбаросса». Предварительную ориентировку об этой задаче генерал Ганзен и его начальник штаба, как показал Паулюс, получили у него и последующее задание — от главнокомандующего сухопутными силами фельдмаршала Браухича.

Директивы генерал Ганзен получал из двух мест: по линии военной миссии — от ОКВ, по вопросам сухопутных сил — от ОКХ, директивы военно-политического характера — только от ОКВ. Связь между немецким генеральным штабом и румынским генеральным штабом осуществлялась через военную миссию.

Договорное оформление, а тем более опубликование истинных намерений фашистской верхушки стран-сателлитов не всегда было удобно.

Я представляю под № СССР-233 запись беседы Иона Антонеску с подсудимым Риббентропом, состоявшейся 12 февраля 1942 г.

Этот документ был взят из личного архива маршала Антонеску, который был захвачен частями Красной Армии.

В связи с выступлением Риббентропа в Будапеште о Трансильвании Антонеску делает следующую запись о ходе этой беседы:

«Я без колебания подчеркнул, что еще с сентября, когда я взял управление страной, располагая поддержкой только со стороны г-на Михая Антонеску, я заявил, не спросив у своего народа, что мы должны вести политику присоединения к странам оси; я сказал, что это единственный пример в истории народов, когда два человека осмеливаются сделать открытое заявление и призвать свой народ вести такую политику, которая, несомненно, должна была бы показаться гнусной».

Делая эту циничную запись, Ион Антонеску едва ли рассчитывал на ее широкую огласку.

Я остановился на вопросах, связанных с взаимоотношениями фашистских заговорщиков с румынским агрессором. Мне представляется сейчас, что наступил подходящий момент для того, чтобы огласить показания Иона Антонеску, имеющиеся в распоряжении советского обвинения.

Допрос Антонеску произведен в соответствии с законами Советского Союза, и протокол его показаний, представляющих

исключительную важность для выяснения характера взаимоотношений Германии с ее сателлитами, я представляю Трибуналу под № СССР-153.

Я считаю необходимым огласить большую часть этих показаний, начиная со второго абзаца протокола:

«На всем протяжении своего пребывания у власти в Румынии, — показывает Ион Антонеску, — я проводил политику укрепления связи с Германией и пользовался ее помощью в деле перевооружения и перевооружения румынской армии. В этих целях я несколько раз встречался с Гитлером. Первая встреча с Гитлером состоялась в ноябре 1940 года, вскоре после того, как я стал главой румынского правительства. Встреча эта состоялась по моей инициативе в Берлине в официальной резиденции Гитлера, в присутствии министра иностранных дел Германии Риббентропа и личного переводчика Гитлера Шмидта. Беседа с Гитлером длилась более четырех часов. Я заверил Гитлера в том, что Румыния остается верной ранее заключенному соглашению о присоединении Румынии к тройственному пакту. В ответ на мои заверения о верности союзу с Германией Гитлер заявил, что немецкие солдаты гарантируют границы Румынии. Тогда же Гитлер сказал мне, что венским арбитражем еще не сказано последнее слово, и этим самым дал понять, что Румыния может рассчитывать на пересмотр решения о Трансильвании.

Я и Гитлер согласились, чтобы находившаяся в Румынии германская военная миссия продолжала вести работу по перестройке румынской армии по немецкому образцу, а также заключила экономическое соглашение, согласно которому немцы в последующем поставляли бы в Румынию самолеты марки «Мессершмидт-109», танки, тракторы, зенитную и противотанковую артиллерию, автоматы и другое вооружение, получая взамен из Румынии хлеб и бензин для нужд германской армии.

На поставленный вопрос, можно ли рассматривать мою беседу с Гитлером как начало моего сговора с немцами в подготовке войны против Советского Союза, я отвечаю утвердительно. Это обстоятельство Гитлер, безусловно, имел в виду при разработке планов нападения на Советский Союз.

В январе 1941 года через германского посла в Румынии Фабрициуса я был приглашен в Германию и имел в Берхтесгадене вторую встречу с Гитлером, на которой присутствовали: Риббентроп, Фабрициус и вновь назначенный германский посол в Бухаресте Киллингер. Кроме них присутствовали также представители германских вооруженных сил фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Иодль.

В начале беседы Гитлер, представляя мне Киллингера, подчеркнул, что последний является его ближайшим другом.

После этого Гитлер, характеризуя военное положение на Балканах, заявил, что в связи с неудачами итальянцев в войне с Грецией, Муссолини обратился к нему за помощью и такую помощь он, Гитлер, намерен оказать Италии. В связи с этим Гитлер просил меня пропустить через Румынию сосредоточенные на территории Венгрии германские войска для того, чтобы они могли оказать быструю помощь итальянцам.

Имея в виду, что пропуск немецких войск через Румынию на Балканы будет актом, враждебным Советскому Союзу, я спросил у Гитлера, как, по его мнению, отнесется к этому Советское правительство?

Гитлер, напомнив мне, что при первой встрече со мной в ноябре 1940 года он уже дал соответствующие гарантии Румынии, взяв на себя обязательство защищать Румынию силой оружия.

Я высказал опасение, что продвижение немецких войск через Румынию может послужить поводом для военных действий со стороны Советского Союза и тогда Румыния попадет в тяжелое положение, так как румынская армия не отобилизована. На это Гитлер заявил, что он отдаст приказ оставить в Румынии часть немецких войск, предназначенных для участия в операциях против Греции. Гитлер подчеркнул также, что находящаяся в его распоряжении информация свидетельствует о том, что Советский Союз не намерен воевать против Германии или Румынии.

Удовлетворившись этим заявлением Гитлера, я согласился пропустить немецкие войска по румынской территории.

Присутствовавший на этом совещании генерал-полковник Иодль охарактеризовал мне стратегическое положение германской армии, подчеркнув при этом необходимость удара по Греции со стороны Болгарии.

Моя третья встреча с Гитлером состоялась в мае 1941 года в Мюнхене.

На этой встрече, где кроме нас присутствовали Риббентроп и личный переводчик Гитлера — Шмидт, мы уже окончательно договорились о совместном нападении на Советский Союз.

Гитлер сообщил мне, что им принято решение о военном нападении на Советский Союз. Подготовив это нападение, говорил Гитлер, мы должны осуществить его неожиданно на всем протяжении границ Советского Союза, от Черного до Балтийского морей.

Неожиданность военного нападения, продолжал далее Гитлер, даст Германии и Румынии возможность в короткий срок ликвидировать одного из самых опасных наших противников.

Исходя из своих военных планов, Гитлер предложил мне предоставить территорию Румынии для сосредоточения германских

войск и наряду с этим принять непосредственное участие в осуществлении военного нападения на Советский Союз.

Гитлер подчеркнул, что Румыния не должна стоять вне этой войны, так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии. При этом он указал, что за нашу помощь в войне Румыния сможет оккупировать и администрировать и другие советские территории вплоть до Днепра.

Так как предложение Гитлера о совместном начале войны против Союза Советских Социалистических Республик соответствовало моим агрессивным намерениям, я заявил о своем согласии принять участие в нападении на Советский Союз и обязался подготовить потребное количество румынских войск и одновременно увеличить поставки нефти и продуктов сельского хозяйства для нужд германской армии.

Перед тем, как мною и Гитлером было принято решение о нападении на Россию, я спросил у Гитлера, есть ли какая-либо договоренность с Венгрией относительно ее участия в войне. Гитлер ответил, что венгры уже дали свое согласие участвовать в союзе с Германией в войне против СССР. Когда именно немцы договорились об этом нападении с венграми, Гитлер мне не сказал.

Возвратившись из Мюнхена в Бухарест, я начал деятельную подготовку к предстоящей войне».

Антонеску заканчивает свои показания следующим образом:

«После вторжения на советскую территорию румынские войска, находившиеся под моим главным командованием, оказали немцам большую помощь, в связи с чем Гитлер прислал на мое имя письмо с выражением благодарности мне и румынской армии». Подписано: «Маршал Антонеску».

Дата начала подготовки Румынии к войне против Советского Союза устанавливается также показаниями бывшего вице-премьер-министра Михая Антонеску, который также допрошен в соответствии с требованием советского обвинения советскими властями и показания которого я представляю Трибуналу под № СССР-152. Я не буду подробно цитировать этих показаний, ибо они во многом повторяют обстоятельства, изложенные в показаниях Иона Антонеску. Я попрошу остановить свое внимание на первом, втором и пятом абзацах:

«В ноябре 1940 года маршал Антонеску в сопровождении тогдашнего министра иностранных дел принца Струза выехал в Германию, где имел встречу с Гитлером.

Во время переговоров с Гитлером маршал Антонеску подписал соглашение о присоединении Румынии к «тройственному пакту» и получил от Гитлера обещание пересмотреть в последующем решения венского арбитража в пользу Румынии...

Эта первая поездка маршала Антонеску послужила началом политики, приведшей впоследствии к совместному нападению Германии и Румынии на Советский Союз».

Господа судьи, показания свидетеля Паулюса и только что представленные Трибуналу показания Иона Антонеску и Михая Антонеску дают основания советскому обвинению утверждать, что:

1) решение о направлении в Румынию военной миссии германского генерального штаба для реорганизации румынской армии в целях подготовки нападения на СССР было принято не позднее сентября 1940 года, то есть не менее, чем за 9 месяцев до нападения на Советский Союз;

2) в ноябре того же года были полностью развернуты военные приготовления Румынии...

Я останавлиюсь на показаниях бывшего военного министра Румынии Пантази, которые я имею в виду представить Трибуналу под № СССР-154. Пантази детально рисует ход военных приготовлений Румынии. Я прошу принять его показания в качестве доказательства.

Я оглашаю показания Пантази в той части, в которой они представляют интерес для нашего дела:

«Подготовка Румынии к войне против Советского Союза началась с ноября 1940 года, когда в Бухарест, согласно подписанному маршалом Антонеску соглашению о присоединении Румынии к «тройственному пакту», прибыла германская военная миссия, состоявшая из групп немецких офицеров-инструкторов: по сухопутным войскам во главе с генерал-полковником Ганзенем и по военно-воздушным силам — во главе с генерал-майором Шпейделем.

С прибытием в Румынию германских военных миссий по указанию маршала Антонеску начальник генерального штаба румынской армии генерал Иоаницу издал приказ по армии о допуске немецких офицеров-инструкторов в части и соединения для реорганизации и переподготовки румынских войск в соответствии с уставами германской армии.

Тогда же по распоряжению маршала Антонеску были собраны на двухмесячную переподготовку все офицеры запаса румынской армии, которые проходили обучение под руководством немцев.

В период переподготовки офицеров запаса генеральный штаб румынской армии разработал план призыва двенадцати возрастов, подлежащих мобилизации в армию на случай войны с таким расчетом, чтобы к 1 июля 1941 года все эти возрасты были подготовлены в соответствии с уставными требованиями германской армии.

Таковую же переподготовку проходил высший и старший командный состав румынской армии по родам войск.

Таким образом, под руководством немцев к началу войны Румынии и Германии против Советского Союза вся румынская армия и военно-воздушный флот были реорганизованы и переподготовлены на немецкий лад...»

Я пропускаю два абзаца...

Председатель (обращаясь к обвинителю): Ввиду того, что вы уже представили ряд доказательств Трибуналу, Трибунал считает, что вы можете опустить эти детали относительно подготовки, имевшей место в Румынии, и перейти к тому месту, где говорится о количестве немецких дивизий, стоявших на русской границе.

Зоря: Этот вопрос имеет большое значение.

«В связи с этим, по приказу маршала Антонеску, в феврале 1941 года были направлены на границу Северной Буковины и Бессарабии отобригазированные и готовые к боевым действиям против Советского Союза 4-я горно-стрелковая дивизия, 7-я, 8-я, 21-я пехотные дивизии, гвардейская пехотная дивизия, кавалерийский корпус и еще одна пехотная дивизия, название которой сейчас не помню. Кроме этого, на границу с Советским Союзом были направлены три германские дивизии, выделенные из тех 21 немецкой дивизии, которые следовали через Румынию...

...По приказу маршала Антонеску в мае 1941 года дополнительно было переброшено на границу с СССР: пограничная дивизия, 3-я, 1-я горно-стрелковые дивизии, 13-я пехотная дивизия и танковая дивизия. Одновременно вместе с этими дивизиями немцы перебросили к границе с Советским Союзом семь немецких пехотных дивизий.

Следовательно, к началу вооруженного нападения Румынии и Германии на Советский Союз на границе Румынии с Советским Союзом было сосредоточено 12 румынских и 10 германских дивизий, общей численностью до 600 тысяч человек.

Таким образом, документы, только что представленные Трибуналу, позволяют утверждать, что по указанию штаба фашистских заговорщиков приготовления Румынии к агрессии против Советского Союза начались до того, как это нашло свое отражение на бумаге в варианте «Барбаросса».

Напав на Советский Союз, гитлеровские лакеи ждали от своих хозяев благодарности за оказанные услуги.

27 июля 1941 г. Гитлер послал письмо на имя Антонеску с выражением благодарности ему и его войску.

Я представляю Трибуналу это письмо Гитлера на имя Антонеску в качестве доказательства под № СССР-237.

Гитлер пишет в этом письме:

«Поздравить Вас от всего сердца с этими большими успехами — для меня лично такая же большая радость, как и удов-

летворение. Возвращение Бессарабии явится лучшей наградой Вам и Вашим войскам».

Посулы фашистских заправил не ограничивались Бессарабией.

Я прошу сейчас разрешения вернуться к беседе Антонеску с подсудимым Риббентропом от 12 февраля 1942 г. Запись этой беседы была представлена мною под № СССР-233. Там содержится следующая запись, сделанная Антонеску:

«Я напомнил господину Риббентропу, что на банкете, данном в Берлине, он поднял бокал за Великую Румынию, на что я ответил: мы вошли в союз оси для того, чтобы создать Великую Румынию».

Что же должна была представлять собой эта «Великая Румыния», за которую поднимал свой бокал подсудимый Риббентроп?

Это можно усмотреть из следующего документа, который я передаю Трибуналу под № СССР-242. Документ этот представляет собой одно из писем (копию письма) Антонеску к Гитлеру. Письмо датировано 17 августа 1941 г. Я прошу этот документ принять в качестве доказательства и считаю необходимым огласить из него пункты второй и четвертый. Цитирую пункт второй. Антонеску пишет:

«2. Согласно желанию Вашего превосходительства, я беру на себя ответственность за охрану, поддержание порядка и безопасности на территории между Днестром и Днепром, причем необходимо только лимитировать эту территорию на севере».

Четвертый пункт этого письма: «Для того, чтобы обеспечить порядок, управление экономической эксплуатацией оккупированной территории, предусматривая продолжение войны, считаю совершенно необходимым установить единоначалие».

А поэтому прошу Ваше превосходительство дать точные инструкции, которые должны определить мои права и мою ответственность за администрацию и экономическую эксплуатацию территории между Днестром и Бугом, а также в отношении охранения, поддержания порядка и безопасности на всей территории между Днестром и Днепром.

Прошу, Ваше превосходительство, принять мои наилучшие заверения от преданного Вам генерала Антонеску».

Через два дня после того, как было написано это письмо, Антонеску назначил «губернатора» оккупированных областей Советского Союза, назвав эти области «Транснистрией».

Я представляю Трибуналу под № СССР-295 показания этого «губернатора» Георгия Алексиану, взятого в плен Красной Армией, и прошу принять эти показания в качестве доказательства.

Алексиану, передавая подробности своего назначения, показывает:

«Антонеску рассказывал, что в связи с успешным продвижением германских войск Гитлер обратился к нему с личным письмом, в котором предложил присоединить к Румынии занятые немцами советские территории, простирающиеся от Днестра до Днепра, и создать там свои оккупационные власти».

Алексиану говорит, что летом 1942 года он присутствовал на заседании совета министров Румынии, на котором «маршал Антонеску, рассказывая об успехах германских и румынских войск на Восточном фронте, заявил: «Теперь всем видно, как разумно я поступил, когда еще в ноябре 1940 года договорился с Гитлером о совместном нападении на Советский Союз».

Однако щедрость фашистского фюрера, раздававшего направо и налево советские территории своим вассалам, заметно уменьшилась в ходе войны, по мере нарастания успехов Красной Армии.

Передо мной лежит письмо Гитлера Иону Антонеску от 25 октября 1943 г. Это письмо я прошу Трибунал принять в качестве доказательства под № СССР-240. Каких-нибудь два года и три месяца прошло с того момента, как Гитлер поздравлял своего румынского сатрапа с захватом Бессарабии.

Обстановка и условия изменились. Гитлер теперь пишет:

«Моя следующая просьба касается вопроса о беспрепятственном и не ограниченном какими-либо формально-юридическими или хозяйственными соображениями использовании Транснистрии в качестве тылового района южной армейской группы и армейской группы «А»... Далее я прошу предоставить в распоряжение немецких властей всю железнодорожную сеть в Транснистрии».

В качестве слабого утешения Гитлер добавляет:

«Все эти мероприятия имеют целью, в конце концов, сохранить Транснистрию за Румынией».

Тогда даже Антонеску, столько раз подобострастно уверявший Гитлера в своей верности, не выдержал.

15 ноября 1943 г. он написал длинный ответ Гитлеру. В этом ответе Антонеску без стеснения писал о том, как он выполнил волю своего господина за счет своего народа.

Я представляю это письмо Антонеску Гитлеру под № СССР-239.

На письме дата — 15 ноября 1943 г. Бухарест.

Я цитирую, начиная с пункта второго этого письма:

«Что касается режима в Заднестровье, мы согласны с Вашим превосходительством, что сейчас неуместно и не время взвешивать с банкирским расчетом проблемы рассматривания этой территории как военной зоны, зоны снабжения и т. д.

Я хотел бы сначала объяснить причины моего беспокойства.

Не знаю, говорят ли Вам всегда правду относительно вклада Румынии в войну с 1941 года до настоящего времени:

— что эта война стоит Румынии 300 миллиардов лей;

— что за этот период мы дали Германии более 8 миллионов тонн нефти, угрожая своим национальным запасам и самим залежам;

— что мы несем тяжелые расходы на содержание семей свыше 250 тысяч погибших в бою...

...Конечно, приход войск на территорию Заднестровья является, как Вы говорите, щитом в воротах Румынии. Мы желаем только того, чтобы все это проходило в порядке и было наиболее выгодно использовано...

...3. Что касается перехода железных дорог Заднестровья в эксплуатацию немцев для увеличения перевозок, прошу Ваше превосходительство пересмотреть этот вопрос. По нашему мнению, этот переход не обязателен.

Железные дороги Заднестровья с 1941 года до настоящего времени хорошо работали под румынским управлением. Они всегда удовлетворяли немецкие требования, а их руководство всегда получало хвалебную оценку...

...Если пропускная способность железных дорог Заднестровья еще не смогла увеличиться, согласно общему установленному плану, то мы не несем за это ответственности. И здесь мы соблюдали наши обязательства...

...Я уверен, что наше управление железных дорог могло бы провести мероприятия по увеличению пропускной способности и улучшению работы железнодорожного транспорта.

Поскольку я сам лично занялся вопросом организации управления и экономики этого района, для меня было бы большим огорчением, если бы руководство железными дорогами перешло бы к немцам, так как можно было бы справедливо сказать, что наша неспособность в этом отношении вызвала эту меру».

Настал такой период во взаимоотношениях двух агрессоров, когда прежнее согласие, имевшее своей базой захват чужих земель и богатств, уступило место спорам о том, кто должен нести большую материальную ответственность за потери, понесенные в результате преступной авантюры, затеянной обоими партнерами.

Об этом свидетельствует следующий документ, взятый нами из личного архива Антонеску, который я имею в виду представить как доказательство уважаемому Трибуналу под № СССР-245. Я хочу дать довольно пространную цитату из этого документа, но то, что я собираюсь огласить, имеет чрезвычайно существенное значение для выяснения взаимоотношений фашистской Германии со своими вассалами. Этот документ называется «Встреча генерала Ганзена с маршалом Антонеску 7 июля 1943 г.». Как

вы помните, господа судьи, генерал Ганзен был начальником военной миссии германского генерального штаба в Румынии.

Председатель: Является ли для вас возможным суммировать содержание этих документов относительно Румынии, так как вы уже обратили наше внимание на достаточное количество доказательств об участии Румынии. Были представлены заявления генерала Антонеску и другие доказательства. Может быть, вы могли бы сейчас перейти к вопросу об участии Венгрии, о чем говорится в документе № СССР-294. То, что вы сейчас нам оглашаете, несомненно, показывает нам размеры участия Румынии. Но все это относится к вопросу агрессии. Я думаю, что вы могли бы перейти к документу СССР-294.

Зоря: Если это удобно Трибуналу, я это сделаю.

Председатель: Я думаю, что это сэкономит время и вместе с тем не повредит делу.

Зоря: Тогда я кратко охарактеризую этот документ Ганзена — Антонеску в нескольких фразах и перейду к цитированию следующего документа.

Председатель: Очень хорошо.

Зоря: Смысл этой беседы заключается в совершенно беззащитной торговле, которая проводилась между Ганзеном и Антонеску. Предметом этой торговли были деньги, военное снаряжение, человеческие жизни. Антонеску, который начал ощущать неудобства отсутствия каких-либо договорных взаимоотношений с Германией, настаивал на том, чтобы все последующие взаимоотношения материального порядка и всякого иного порядка оформлялись бы соответствующими договорами. Он требовал предоставления Германией любых предметов военного снаряжения, либо техники, либо, наконец, денег. И когда генерал Ганзен сказал, что у Германии нет лей, Антонеску ответил: «Не имеете лей — давайте, по крайней мере, оружие и оснащение».

Таким образом, этот документ характеризует ту линию фашистской Германии, которую она применяла при выкачивании самых разнообразных ресурсов у своих вассалов.

Сейчас я хотел бы коротко остановиться на некоторых внешнеполитических методах, которыми пользовались гитлеровцы во взаимоотношениях со своими вассалами. Я хотел бы остановиться на линии гитлеровских заговорщиков в вопросе о Трансильвании. Опираясь на трансильванским вопросом как приманкой, гитлеровские заговорщики заставляли выслуживаться своих венгерских и румынских вассалов.

Я представляю под № СССР-294 показания бывшего генерал-полковника венгерской армии Рюскицай-Рюдигера.

Рюскицай-Рюдигер до мая 1941 года занимал ответственные должности в венгерском военном министерстве, затем до сен-

тября 1942 года командовал корпусом, после чего был заместителем военного министра Венгрии.

Сейчас я хотел бы зачитать показания Рюскицай-Рюдигера, относящиеся к трансильванскому вопросу.

Рюскицай-Рюдигер говорит:

«...Второй венский арбитраж принял маловыгодное для Венгрии решение. За Румынией был сохранен район добычи подземного газа Медьеш-Кишармеш. В венгерских политических кругах это расценивалось желанием Гитлера обеспечить себе союз с Румынией в войне с Советской Россией. Что Гитлер ставил Румынию как союзницу выше Венгрии, объяснялось тем, что при намечавшейся войне с Советской Россией Румыния со своим упирающимся в Черное море южным крылом, безусловно, понадобится Германии».

В служебном разговоре примерно в ноябре 1940 года начальник оперативной группы венгерского генштаба — полковник Ласло сказал мне по этому поводу следующее:

Второй венский арбитраж вызывает в Венгрии сильную ревность к Румынии, и дело только за нами, чтобы нам добиться заслуг у Гитлера».

Я позволю себе напомнить, что Антонеску в своих показаниях, которые представлены Трибуналу несколько ранее, рассказывая о своих переговорах с Гитлером, говорил, что:

«В ноябре 1941 года Гитлер сказал мне, что венским арбитражем еще не сказано последнее слово, и этим самым дал понять, что Румыния может рассчитывать на пересмотр решения, принятого в свое время о Трансильвании».

Однако вскоре подсудимый Риббентроп, при посещении Будапешта, высказал прямо противоположную точку зрения.

Я сейчас предложу вниманию Трибунала три документа, касающиеся поведения Гитлера, Риббентропа и Геринга в сложившихся обстоятельствах.

Я представляю в качестве доказательства документ СССР-235, являющийся записью очередной беседы между Антонеску и Гитлером от 3 апреля 1942 г.:

«Я напомнил ему (Гитлеру), что венгерские государственные руководители в прессе и в парламенте не постеснялись публично заявить (после посещения Риббентропом Будапешта), что если они выступают (то есть посылают свои войска), тогда Трансильвания остается за ними; такие слухи ходят, а это очень деморализует румын. Гитлер дал мне честное слово, что подобные обещания не были сделаны и не могли быть сделаны и что это не соответствует действительности».

Таким образом, Гитлер жонглировал обещаниями, подстегивая своих сателлитов.

Следующий документ, который я представляю Трибуналу под № СССР-183, относится к трансильванскому вопросу и к подсудимому Риббентропу. Документ этот представляет собой запись беседы Антонеску с начальником протокольного отдела германского министерства иностранных дел фон Дернбергом, которая состоялась 10 февраля 1942 г. на границе. Прошу принять эту запись в качестве доказательства. Происхождение этой записи — все тот же личный архив маршала Антонеску, взятый Красной Армией при наступлении. Я не считаю нужным оглашать полностью этот документ и ограничусь цитированием некоторых его мест:

«Фон Дернберг ставил вопрос об ордене «Карл I», который требовал себе фон Риббентроп через различные официальные немецкие органы, находящиеся в нашей стране, или через румынские официальные органы, находящиеся при немецком правительстве...

...Я заявил г-ну фон Дернбергу, что не смогу до тех пор дать этой награды, пока г-н фон Риббентроп при первом же удобном случае не сделает публичного заявления перед Румынией (речь идет о трансильванском вопросе), в котором поднимет веру у румынского народа в борьбе, которую он ведет за справедливость и свои права в будущей Европе. А поэтому я могу дать ему эту награду с условием, что опубликовано об этом будет только после сделанного им заявления.

Г-н фон Дернберг попросил у меня времени на размышление. На другой день, перед тем, как выйти из вагона, он просил меня, чтобы я передал ему эту награду, сказав, что фон Риббентроп желает ее получить, и чтобы я не говорил Риббентропу о разговоре между нами, так как он обязуется опубликовать об этом награждении только по выполнении поставленных мною условий. При этом условии я и передал ему орден, но без вручения, однако, соответствующего удостоверения к нему».

Таким образом, Риббентроп согласен был отказаться от своего будапештского выступления, получив румынский орден.

В моем распоряжении имеется также запись беседы между Антонеску и Герингом. К сожалению, этот документ, обнаруженный наряду с другими документами в упоминавшемся мною личном архиве Антонеску, не имеет даты. Мы его представляем в таком виде, в каком нашли. Представляя эту запись под № СССР-238, я ограничусь цитированием лишь одного места:

«1. Во время беседы в Каринхалле маршал Геринг был очень сдержан в отношении обсуждения трансильванского вопроса. По дороге в автомобиле он сказал господину маршалу (то есть Антонеску):

— В конце концов, зачем вы ссоритесь с Венгрией из-за Трансильвании, которая, по существу, больше немецкая, чем румынская или венгерская».

Можно, пожалуй, согласиться с тем, что на этот раз Геринг достаточно правдиво высказал точку зрения фашистских заговорщиков на трансильванский вопрос.

Я хотел бы сейчас, для того чтобы закончить освещение взаимоотношений Германии с вассальной Румынией, остановиться на вопросе о нефти. Румыния была одним из основных поставщиков Германии в этой области.

Но и в ходе войны гитлеровцы всяческими способами выкачивали нефть из Румынии. На это, кстати, ссылается в одном из оглашенных писем и Антонеску.

Я сейчас представлю два документа, которые достаточно полно иллюстрируют, чем являлся этот вопрос для Германии и какое значение придавали этому вопросу сами гитлеровцы.

Под № СССР-244 я представляю срочную телеграмму подсудимого Кейтеля на имя маршала Антонеску, поступившую к последнему 31 октября 1942 г.

Я не буду подробно говорить о том, что этот документ взят также из личного архива Антонеску, как и предыдущий. Я оглашаю эту телеграмму и прошу принять ее в качестве доказательства:

«Господину маршалу Антонеску.

Господин маршал!

От имени фюрера обращаюсь к Вашему Превосходительству и прошу Вашего личного вмешательства с целью ускорить доставку максимально возможного количества горючего итальянскому флоту, которое необходимо для ведения военных действий в Средиземном море.

Ввиду отсутствия средств снабжения, положение в Северной Африке дошло до крайнего напряжения. Переброска боеприпасов и продовольствия зависит исключительно от доставки необходимого количества горючего.

Прошу Ваше Превосходительство увеличить до максимума поставку горючего Италии, которое предназначается исключительно для снабжения флота, призванного удерживать важные позиции в Средиземном море.

Я выбрал этот путь непосредственного обращения к Вам потому, что уверен, что Ваше личное вмешательство ускорит предоставление необходимой помощи.

Преданный Вам Кейтель — фельдмаршал».

Разрешите представить Трибуналу ответную телеграмму Антонеску Кейтелю.

Председатель: А не могли бы вы суммировать содержание этого документа?

Зоря: Я могу в двух фразах передать содержание этого документа. На слезную просьбу подсудимого Кейтеля дать возможно большее количество горячего Антонеску отвечает в своей телеграмме на имя Кейтеля, что свои обязательства он выполнил полностью, все то, что предусмотрено разрядкой, установленной германскими инстанциями, дано, и больше дать нельзя. Если сэкономят что-нибудь внутри Румынии, может быть, чем-нибудь и помогут своим союзникам.

А вообще Антонеску просит принять уверения в совершенном к нему почтении и выражает Кейтелю особо высокое уважение, но нефти не дает.

Позвольте напомнить, господа судьи, что октябрь — ноябрь 1942 года были месяцами, когда решалась судьба Роммеля в Северной Африке и когда Красная Армия на моздокских рубежах преграждала путь немцам к грозненской и бакинской нефти.

Нефти у немцев явно не хватало.

Цитирую одно, еще не оглашенное место из записи беседы, состоявшейся 12 февраля 1942 г. между Антонеску и подсудимым Риббентропом. Запись этой беседы представлена мною Трибуналу ранее под № СССР-233.

В ответ на постановку Риббентропом вопроса о нефти Антонеску ответил:

«В отношении нефти... Румыния сделала максимум того, что было в ее силах, большего она дать не может; единственным выходом из положения будет захват территорий, богатых нефтью».

Тут же следует отметить, что Антонеску не был оригинален в своих стремлениях к захвату чужих территорий, богатых нефтью.

Я прошу обратить внимание на документ из личной канцелярии подсудимого Розенберга, который озаглавлен «Преобразование Кавказа». Я представляю этот документ под № СССР-58 и прошу принять его в качестве доказательства. В июле 1941 года подсудимый Розенберг следующим образом сформулировал германскую точку зрения в этом вопросе:

«Интересы Германии заключаются в том, чтобы создать прочные позиции на всем Кавказе и тем самым обеспечить безопасность континентальной Европы, то есть обеспечить себе связь с Ближним Востоком. Только эта связь с нефтяными источниками может сделать Германию и всю Европу независимыми от любой коалиции морских держав в будущем. Цель германской политики: господство над Кавказом и над граничащими с юга странами как в политическом, так и в военном отношении...»

...Германская империя должна взять в свои руки всю нефть».

Господа судьи! Я позволю себе подробно не останавливаться на взаимоотношениях фашистских заговорщиков с другим своим сателлитом — Финляндией, ибо только что свидетель Бушенгаген

дал достаточно подробные показания по этому вопросу и у Трибунала, по-видимому, должно было создаться известное представление об этом. Я только напомню, что по мысли, изложенной в пункте третьем раздела второго варианта «Барбаросса», Финляндия должна была прикрывать наступление немецкой десантной группы «Норд» — это части двадцать первой группы, имеющей прибыть из Норвегии, а затем оперировать совместно с ней. Кроме того, на долю Финляндии, по «плану Барбаросса» приходилась ликвидация русских сил на Ханко.

Я позволю себе также напомнить Трибуналу о том, что в представленном американским обвинением под № С-39 «Временном плане Барбаросса» вопрос об участии в войне Финляндии упоминается в разделе втором, где, как я уже докладывал Трибуналу, отмечалось, что:

«Предварительные переговоры с финским генеральным штабом происходят с 25 мая».

Кроме того, я хотел бы напомнить следующее место из этого документа:

«...Предусмотрена транспортировка с родины в Норвегию 10-й охранной дивизии, 18 артиллерийских батарей и для транспортировки в Финляндию одной усиленной пехотной дивизии с корпусными частями. Из этих сил для варианта «Зильберфукс» предназначены одна пехотная дивизия, две горных дивизии и боевая группа СС «Норд».

Запланировано после начала военных действий доставить еще одну дивизию по железной дороге через Швецию для нападения на Ханко».

Я думаю, что имею право здесь уже сейчас сразу отметить, что дата начала переговоров с генеральным штабом армии Финляндии — 25 мая 1941 г., которая указана во «Временном плане Барбаросса», не является точной.

Указание такой не соответствующей действительности даты было попыткой скрыть подготовку агрессии, представив ее во вне как якобы подготовку к так называемой «превентивной войне».

В дополнении к показаниям свидетеля Бушенгагена, которые он давал здесь Трибуналу, я позволю себе представить под № СССР-229 показания полковника бывшей германской армии Кичмана, которые прошу принять в качестве доказательства.

Кичман работал с 1 октября 1941 года военным атташе германского посольства в Хельсинки. Оглашаю очень небольшую цитату:

«Германское правительство и верховное командование германских вооруженных сил совместно с правительством Финляндии и генеральным штабом финской армии, задолго до 22 июня 1941 года, вели тайные переговоры и готовили нападение на Советский Союз.

О подготовке к вторжению германской и финской армий на территорию Советского Союза мне стало известно при следующих обстоятельствах: в октябре 1941 года по прибытии в Хельсинки на должность заместителя германского военного атташе я имел беседы с майором фон Альбедиллом, помощником германского военного атташе, ранее работавшим в отделе атташе генерального штаба сухопутных сил Германии.

Фон Альбедилл ознакомил меня с обстановкой в Финляндии и ее военно-политическим курсом, так как военный атташе генерал-майор Россинг был тяжело болен и находился на излечении на курорте Меран в Тироле.

В этих беседах фон Альбедилл рассказал мне, что еще в сентябре 1940 года генерал-майор Россинг по заданию Гитлера и германского генерального штаба организовал поездку особоуполномоченного маршала Маннергейма — генерал-майора Тальвелла в Берлин в ставку Гитлера, где им было достигнуто соглашение между германским и финским генштабами о совместной подготовке нападения на Советский Союз и о совместном ведении войны против него.

В связи с этим я вспоминаю, что когда в ноябре 1941 года я посетил генерала Тальвелла в его штаб-квартире в районе города Аунос, он в беседе рассказал мне, что по личному поручению маршала Маннергейма он еще в сентябре 1940 года одним из первых установил связь с германским верховным командованием в деле совместной подготовки нападения Германии и Финляндии на Советский Союз».

Я прошу разрешения закончить на этом представление документов, связанных со взаимоотношениями фашистской Германии с ее сателлитом — Финляндией, ибо, я повторяю, показания свидетеля Бушенгагена Трибуналу освобождают меня от этой обязанности.

Я хотел бы лишь сделать краткое резюме.

Показания Бушенгагена опровергают всякие попытки утверждений о том, что война, которая велась Финляндией, была особой войной и не зависела от целей войны фашистской Германии. Вступление Финляндии в войну было предусмотрено военными планами фашистских заговорщиков и соответствовало агрессивным намерениям финских правителей.

Финны, как и другие сателлиты Германии, вели войну в надежде получить во владение целые области и республики Советского Союза. О том, что финны претендовали на восточную Карелию, Ленинградскую область и г. Ленинград, говорил Гитлер на совещании 16 июля 1941 г. В подтверждение этого ссылаюсь на документ американского обвинения под № Л-221.

Румыния и Финляндия — это были два сателлита Германии, о которых подробно упоминалось в варианте «Барбаросса».

Роль этих стран в военных планах германского фашизма определялась не только стремлением использовать их военный потенциал (что, безусловно, имело свое значение), но и их географическим положением плацдармов на флангах Советского Союза.

Как свидетельствуют представленные Трибуналу документы, включение этих стран в подготовку к агрессии против СССР фашистскими заговорщиками тщательно конспирировалось так же, впрочем, как и вся подготовка по варианту «Барбаросса».

О третьем сателлите Германии — Венгрии в «плане Барбаросса» не упоминается совершенно.

Но это отнюдь не свидетельствует о том, что участие Венгрии в нападении на Советский Союз не было запланировано фашистскими заговорщиками.

Прошу разрешения сослаться сейчас на показания Паулюса, хотя и допрошенного в судебном заседании, в той части, где он говорит о политике Венгрии, определявшейся полным признанием руководящей роли Германии, что обуславливалось двумя основными факторами: стремлением к территориальным завоеваниям при помощи немцев и боязнью усиления Румынии как военного союзника Германии, а также и в той части, где Паулюс говорит о том, что Гитлер, по отношению к Венгрии, в смысле раскрытия своих планов, был гораздо сдержаннее, чем к другим сателлитам, считая будто бы венгров болтливыми. Правда, тут же Паулюс добавляет:

«Существенной причиной являлось нежелание Гитлера предоставлять венграм захват русского нефтяного района Дрогобыч.

Впоследствии с открытием наступательных действий против Советского Союза ОКХ отдало приказ 17-й армии захватить Дрогобыч до прихода венгров».

Дальше Паулюс излагает обстоятельства своих переговоров с венграми относительно предоставления им вооружения. Это все то, что уже приводилось полковником Покровским. Я хочу сослаться только на то, что эти показания Паулюса, несомненно, несколько приоткрывают завесу над взаимоотношениями германского и венгерского агрессоров.

В этой связи я считаю необходимым вернуться к показаниям Рюскицай-Рюдигера, которые уже имеются в распоряжении Трибунала. Это документ под № СССР-294.

Касаясь оккупации Венгрией Закарпатской Украины в 1939 году, Рюскицай-Рюдигер показал:

«...Это произошло ... незадолго до начала германо-польской войны. Тогда казалось, что для Венгрии целью оккупации были, прежде всего, экономические выгоды и освобождение от Трианонского договора.

Но с того момента, когда район Закарпатской Украины стал граничить с Советской Россией, мы стали придавать совершенно иное значение этому оккупированному нами району.

Для нас, высших офицеров, было ясно, что политическое руководство как Германии, так и Венгрии придает этому району также стратегическое значение для будущих военных действий против Советской России».

Рюскидай-Рюдигер рассказывает, далее, о совещании, состоявшемся в конце марта 1941 года, на котором военный министр Венгрии Барта говорил о целях войны с Югославией. Среди этих целей Барта прямо указал на необходимость устранения Югославии как возможного союзника Советского Союза.

Однако более полная картина германо-венгерских взаимоотношений, имевших целью подготовку нападения на Советский Союз, содержится в сообщении венгерского генерал-майора Штефана Уйсаси.

Уйсаси с 1 мая 1939 г. по 1 июля 1942 г. являлся начальником разведки и контрразведки венгерского генерального штаба. В эти годы он по своему служебному положению был в курсе той тайны, которая окружала эту подготовку.

Кое-что из того, что ему известно, он рассказал в документе, который я представляю Трибуналу под № СССР-155.

Прошу принять этот документ в качестве доказательства. Я оглашу заявление Уйсаси в той части, в которой это может разъяснить рассматриваемый нами вопрос. Там есть раздел «Подготовка Германии и Венгрии к войне против Советской России», § 1 «Письмо Гальдера». Цитирую:

«В ноябре 1940 года на аудиенции у начальника королевского венгерского генерального штаба генерал-полковника Генриха Верта германский военный атташе в Будапеште полковник генштаба Гюнтер Краппе представил письмо генерал-полковника Гальдера, начальника генерального штаба сухопутных сил Германии.

В этом письме Гальдер информировал Верта о том, что весной 1941 года необходимо заставить Югославию, если нужно будет, силой «занять определенную позицию, чтобы этим впоследствии предупредить угрозу нападения русских с тыла. В этой предупредительной войне, возможной против Югославии и, несомненно, против России, должна принять участие Венгрия, что будет в ее собственных интересах».

Верт ответил, что он согласен с мнением Гальдера, но заявил при этом, что венгерская армия недостаточно вооружена и в настоящее время не готова к войне против Советской России. Попутно он просил Германию о пополнении вооружения Венгрии.

О письме Гальдера и об ответе на него меня информировал генерал-полковник Верт.

После этого в Берлин была приглашена венгерская комиссия по вооружению. Она была составлена из офицеров-специалистов главной группы материального снабжения королевского венгерского министерства обороны и выехала в Берлин в декабре 1940 года.

Венгерские пожелания сводились к следующему...»

Председатель: Генерал, не могли ли вы перейти к декабрю 1940 года, когда Кейтель пригласил венгерского министра обороны приехать в Берлин? Это ниже через несколько фраз.

Зоря: Я перехожу к этому абзацу:

«В декабре 1940 года начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель пригласил в Берлин венгерского министра обороны генерал-полковника Кароля Барта для того, чтобы:

а) лично обсудить вопрос о вооружении.

б) разработать план военно-политического сотрудничества Германии и Венгрии на весну 1941 года.

Это приглашение было передано в Будапешт через королевского венгерского военного атташе в Берлине полковника генштаба Александра Хомлока.

Одновременно я получил подобное приглашение от адмирала Канариса — начальника иностранного отдела «Абвера» в ОКВ».

Я пропускаю длинный список лиц, сопровождавших Барта в его поездке, который приводит Уйсаси, и читаю дальше:

«...Договорились о следующем:

...Весной 1941 года выяснится позиция Югославии, угроза нападения советских войск с тыла устранится.

Венгерская гонведовская армия будет для этого обеспечена 10-сантиметровыми полевыми гаубицами, современными танками и бронемашинами для одной механизированной бригады.

Венгрия должна дать в распоряжение Германии 15 оперативных соединений для войны против России (в том числе три механизированных соединения, одно кавалерийское и одно танковое), закончить строительство укреплений в Закарпатской Руси до 1 июня 1941 г., содействовать продвижению германских войск в районах, прилегающих к венгеро-югославской и венгеро-советской границе, обеспечить подвоз снабжения через Венгрию. Детали подготовки оперативных действий будут разработаны позднее посланными в Венгрию представителями германского генштаба.

За участие в войне Венгрия в виде политической компенсации получит земли в Югославии и в России (старое княжество Галич, предгорья Карпат до Днестра)».

В марте 1941 года состоялся визит в Будапешт полковника немецкого генерального штаба Эбергарда Кинцеля. Целью этого

визита было окончательное отрегулирование вопроса о нападении на Югославию.

Вот что по этому вопросу сообщает Уйсаси:

«Полковник Кинцель... прибыл в Будапешт в марте 1941 года с письмом генерал-полковника Гальдера к генерал-полковнику Верту. Это письмо содержало настоятельное требование Германии об участии Венгрии в возможной войне против Югославии с мобилизацией 1, 2, 3, 4, 5-го армейских корпусов и против Советской России — при мобилизации 15 оперативных соединений, в том числе двух кавалерийских дивизий, двух механизированных бригад и одной стрелковой бригады.

В письме сообщалось о скором приезде в Будапешт комиссии немецкого генштаба во главе с генерал-лейтенантом Паулюсом для обсуждения совместных операций и продвижения немецких войск через Венгрию на Югославию.

Генерал-полковник Верт в ответ на это письмо пригласил германскую комиссию в Будапешт, обещал согласие Венгрии участвовать в войне против Югославии и выставить с этой целью три армейских корпуса, а именно: 1, 4 и 5-й. Что касается войны против Советской России, он в принципе согласился и обещал, по меньшей мере, мобилизовать 8-й армейский корпус (Кошице) и потребованные Гальдером механизированные оперативные соединения...

Об этой переписке меня информировал лично полковник германского генштаба Кинцель».

Председатель: Генерал, по моему мнению, я не вижу ни малейшей разницы для Трибунала в том, намеревалась ли Венгрия выставить один армейский корпус, два армейских корпуса или три армейских корпуса против русских. Совершенно ясно из того, что вы уже прочли, если мы с вами согласимся, что фельдмаршал Кейтель в декабре 1940 года требовал, чтобы Венгрия предоставила в распоряжение Германии для войны против России определенное количество соединений. Какое значение имеет то, что последующие переговоры изменили количество этих соединений?

Мне кажется, что то доказательство, которое вы сейчас представили, является полностью совпадающим с теми доказательствами, которые вы уже представили. Оно ни в малейшей степени ничего не прибавляет к тому, что вы нам уже дали, и мне кажется, что вы могли бы перейти к следующему документу СССР-150. Весь текст до этого документа представляет собой просто переговоры между представителями германского и венгерского генеральных штабов касательно уточнения вопроса о том, какие именно соединения венгерской армии должны быть использованы.

Зоря: Я вполне согласен, что по этому вопросу можно ограничить представление доказательств. Но в документе Уйсаси содержатся некоторые сведения, касающиеся не только количества соединений, которые Венгрия обязалась выставить в случае войны против Советского Союза. Там, например, есть указание о том, какие методы в ходе подготовки войны применялись фашистской кликой в Венгрии по согласованию с гитлеровскими заговорщиками. И на этих методах я считаю необходимым остановиться. Поэтому я просил бы разрешения процитировать еще некоторые места из документа Уйсаси. Я имею в виду, скажем, фальсификацию данных о количестве советских соединений на венгеро-советской границе.

Председатель: Продолжайте, пожалуйста.

Зоря: «Генерал-майор Ласло как руководитель оперативной группы и мой непосредственный начальник приказал 2-му отделу генштаба составить доклад, который должен был подтвердить, что на венгерской границе сосредоточено 14 советских оперативных соединений, в том числе 8 моторизованных. Этот доклад составил полковник Корнель Хидай из учетного отделения.

Хочу здесь заметить, что разведкой, проведенной 2-м отделом королевского венгерского генерального штаба, было установлено, что на венгерской границе находилось всего только 4 советских оперативных соединения. Об этом обстоятельстве, согласно фактам, я доложил генерал-полковнику Верту и генерал-майору Ласло, но по приказу последнего мой правдивый, объективный доклад должен был быть переделан согласно его желанию».

Далее Уйсаси рассказывает о провокационных планах милитаристской клики в Венгрии, которые имели целью создание внешних поводов для нападения на Советский Союз. Уйсаси сообщает:

«Эти планы исходили от генерал-лейтенанта Фюттерера, его помощника подполковника Аримонда и генерал-майора Ласло. Они состояли в том, что в случае необходимости немецкие самолеты, замаскированные под русские, будут бомбардировать восточные пограничные области Венгрии бомбами русского происхождения».

И, наконец, Уйсаси описывает события последних дней перед нападением на Советский Союз:

«24. VI—1941 года (насколько я помню) в 12.30 дня я получил сообщение, что советские самолеты бомбардировали Рахо (в Карпатской Руси) и обстреливали в его окрестностях поезд из пулеметов. В тот же день, после полудня, пришло известие, что советские самолеты бомбардировали Кошице. Вечером того же дня состоялось заседание коронного совета под личным

руководством регента, который «на основе провокации Советской России» решил объявить ей войну...

Я убежден, что это были немецкие самолеты с русскими опознавательными знаками. Это я обосновываю следующим:

а) генерал-лейтенант Фюттерер и германская пропаганда очень широко «распространялись» по поводу этой бомбардировки;

б) генерал-майор Ласло немедленно приказал мне через отделение пропаганды 2-го отдела королевского венгерского генерального штаба получить фотоснимки найденных остатков «советских бомб» и опубликовать их в прессе фашистских государств;

с) генерал-лейтенант Фюттерер, генерал-майор Ласло и подполковник Аримонд распространяли путем «пропаганды шепотом» слух, что словацкие пилоты, находящиеся на службе у русских, бомбардировали Кошице и удачные попадания бомб объясняются тем, что эти пилоты хорошо знают местность».

Это было, как указывает Уйсаси, 24 июня 1941 г. в 12 ч. 30 м. дня. Мы располагаем документом, который устанавливает, что задолго до этого момента выступление Венгрии против Советского Союза было решено.

В представленном Трибуналу заявлении Рюскицай-Рюдигера содержатся указания на причины нападения Венгрии на Советский Союз. Может быть, точка зрения Рюскицай-Рюдигера на этот вопрос не является универсальной, но как свидетельство заместителя венгерского военного министра она не может не представлять интереса. Рюскицай-Рюдигер сообщает, что примерно в конце мая 1941 года им был получен приказ о снабжении в первую очередь войск, расположенных в Закарпатской Украине, а через два дня состоялось секретное совещание командиров корпусов у начальника генерального штаба генерал-полковника Верта, на котором уже было сообщено о предстоящем нападении на Советский Союз. Я цитирую эти показания Рюскицай-Рюдигера:

«Генерал Верт (начальник генштаба) обрисовал нам военно-политическую обстановку...

...Оказалось, что предстоит нападение Германии на Советскую Россию, в котором Румыния и Венгрия примут активное участие на стороне Германии...»

Дальше Рюскицай-Рюдигер указывает, что:

«...Решение об объявлении войны было принято на заседании совета министров по докладам премьер-министра Бардоши и министра Барта и утверждено коронным советом. Парламенту же этот вопрос не был представлен.

Эти решения... не вызвали удивления и являлись следствием долголетнего и добровольного фактического военного сотрудничества с Германией.

Венгерский генштаб и политическое руководство Венгрии, начиная с агрессии против Чехословакии, считали Германию опорой в своих ревизионистских планах. За этим следует оккупация Закарпатской Украины, потом стратегическая подготовка этого района как плацдарма для нападения на Советскую Россию».

Уйсаси в своем сообщении упоминает германского военного атташе в Будапеште Краппе.

Бывший генерал-лейтенант германской армии Гюнтер Краппе действительно был германским военным атташе в Будапеште с ноября 1939 года до 30 апреля 1941 года.

Впоследствии Краппе командовал 10-м корпусом войск СС армейской группы «Висла» и был взят в плен частями Красной Армии.

Прошу Трибунал принять в качестве доказательства под № СССР-150 заявление, сделанное Краппе в январе этого года. Следует отметить, что в основном обстоятельстве, о которых упоминает Краппе, совпадают с тем, что сообщает Уйсаси. Поэтому я ограничусь тем только, что зачитаю некоторые места документа Краппе:

«В октябре 1940 года я получил от ОКХ задание доложить о состоянии укреплений пограничного с Россией района (Прикарпатская Украина). Начальник оперативного отдела полковник Ласло сообщил мне, что пока там имеются только простые противотанковые препятствия, расположенные в глубину на один или два километра, и что начато строительство барakov для размещения частей. Изыскания, необходимые для строительства бетонных дотов вдоль границы и дорог, будут проведены зимой, и весной 1941 года можно будет приступить к строительству. Но прежде всего необходимо ассигнование средств на это строительство. Речь шла как будто о 6 000 000 пенго.

Генерал Верт разрешил мне поездку в автомашине через Мукачево к Ужгорскому перевалу.

Результат моей инспекционной поездки и сведения, полученные от Ласло, я сообщил в Берлин. Через некоторое время Ласло сообщил мне, что уже отпущены необходимые суммы для строительства этих укреплений».

В целях экономии времени, господа судьи, я коротко изложу содержание дальнейших показаний Краппе, которые сводятся к тому, что состоялась договоренность с военным министром фон Бартом об организации военных сообщений и военных перевозок в Венгрию германских частей. В связи с этим прибыл специальный аппарат, который занимался этими

перевозками. Одновременно было получено разрешение на то, чтобы проложить в Венгрии совместно с почтовым ведомством специальную сеть связи для военных нужд, а затем целый ряд немецких офицеров был прикомандирован к венгерской армии для обмена опытом и инструктажа. Краппе сообщает, что с декабря 1940 года венгерская промышленность была переключена на увеличение военного потенциала Германии. Этим руководил начальник управления вооружений генерал Лееб.

Заканчивая представление документов о сколачивании фашистскими военными преступниками агрессивного блока против Советского Союза, я считаю необходимым сделать замечания общего характера, вытекающие из этих документов.

Непосредственные мероприятия фашистских заговорщиков по включению Румынии, Финляндии и Венгрии в подготовку разбойничьего нападения на Советский Союз начались по крайней мере с сентября месяца 1940 года, когда была направлена военная миссия в Румынию.

Переговоры, сопровождавшие военную подготовку к агрессии против Советского Союза в каждой из этих стран, были в основном закончены в период сентябрь—декабрь 1940 года. Переговоры эти велись между генеральными штабами германской армии и армий сателлитов. Предметом переговоров во всех случаях были вопросы чисто военного характера — переподготовка войск, транспортировка воинских частей, согласование стратегических планов, установление количества дивизий, предназначенных для нападения на Советский Союз и т. д.

Такой характер переговоров свидетельствует о том, что предварительное согласие об агрессии против Советского Союза между фашистским правительством Германии и правительствами Румынии, Финляндии и Венгрии существовало еще раньше, чем начались эти переговоры.

И наконец, представленными документами устанавливается, что каждой из этих стран в той или иной форме фашистскими заговорщиками были обещаны территории, принадлежащие Советскому Союзу.

Я бы хотел сейчас отметить еще одно обстоятельство.

Для того, чтобы получить полное представление о последствиях грабительской агрессии фашистов против Союза Советских Социалистических Республик, нельзя ограничиваться одним планом «Барбаросса».

Этот план стратегический. План военного нападения. План начала агрессии.

Вслед за этим нападением следовало, как известно, так называемое «освоение» и «организация» оккупированных территорий. Планы этого «освоения» и «организации», являющиеся планами уничтожения мирных граждан и ограбления оккупирован-

ных областей Советского Союза, были подготовлены, так же как и «план Барбаросса», заранее.

Советское обвинение утверждает, что имеющиеся в распоряжении Трибунала документы и, в частности, такие документы, как инструкция от 13 марта 1941 г. (документ ПС-447), подписанная подсудимым Кейтелем, распоряжение о применении военной подсудности от 15 мая 1941 г. (документ С-50), подписанное им же, указание о пропаганде к «плану Барбаросса» (документ С-26) и другие, представляют собой преднамеренное, подготовленное до нападения на Советский Союз уничтожение не только законных, но и всяких моральных норм поведения полчищами фашистских захватчиков на временно оккупированных территориях.

Еще не напад на Советский Союз, гитлеровцы установили и расписали по соответствующим параграфам этих инструкций, указаний, распоряжений методы расправы с гражданским населением, порядок и способы ограбления Советской страны и превращения ее в колониальную область «Третьего рейха».

Когда же война началась и тайное стало явным, фашисты не постеснялись перенести все эти вопросы на страницы своей печати.

Я представляю Трибуналу под № СССР-59 статью, напечатанную 20 августа 1942 г. в «Дас шварце кор», газетке охранных отрядов фашистской партии, являющейся органом рейхсфюрера СС. В этой статье, озаглавленной «Германизировать ли?», открыто писалось:

«Для одного из номеров газеты «Дейче Арбайт», посвященного задачам переселения на Восток, рейхсфюрер СС дал следующий лозунг:

«Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться, чтобы на Востоке жили только люди действительно немецкой крови».

Отрицание германизации не ново. Однако в устах рейхсфюрера СС как государственного комиссара по укреплению немецкой нации оно становится приказом. В этом заключается весь смысл этих слов».

Отказ от германизации населения оккупированных стран и утверждение, что на Востоке «должны быть только люди действительно немецкой крови», на практике означали массовое истребление советских граждан, их ограбление, угон в рабство, уничтожение многовековой русской культуры, разрушение наших городов и сел. Я ограничусь сказанным, ибо эта тема, вернее несколько тем, разработаны и будут представлены Трибуналу моими коллегами.

22 июня 1941 г. после длительной подготовки немецко-фашистские полчища обрушились на Советский Союз. 170 дивизий, сконцентрированные на границах Советского Союза от Ледовитого океана до Черного моря, начали вторжение.

Военные задачи нападения были сформулированы в «плане Барбаросса»:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстрой операции Советскую Россию...

Для этого армия должна будет представить все состоящие в ее распоряжении соединения с тем лишь ограничением, что оккупированные области должны быть защищены от всяких неожиданностей».

«Вариант Барбаросса» предусматривал необходимость уничтожения Красной Армии, устранение возможности отступления ее боеспособных частей в глубь страны и быстрое достижение немецко-фашистскими захватчиками линии, с которой советская авиация не смогла бы подвергнуть воздействию германские области.

В качестве конечной цели по варианту «Барбаросса» намечалось закрепление на линии Астрахань — Архангельск, уничтожение авиацией уральской промышленности, захват Ленинграда и Кронштадта и, как решающий финал, овладение Москвой.

Господа судьи! Вчера вечером я остановился на том, что «вариант Барбаросса» предусматривал необходимость уничтожения Красной Армии, устранение возможности отступления ее боеспособных частей в глубь страны и быстрое достижение немецко-фашистскими захватчиками линии, с которой советская авиация не смогла бы подвергнуть воздействию германские области.

В качестве конечной цели по варианту «Барбаросса» намечалось закрепление по линии Астрахань — Архангельск, уничтожение авиацией уральской промышленности, захват Ленинграда и Кронштадта и, как решающий финал, овладение Москвой.

Политические цели, определившие военные планы, были сформулированы гитлеровцами во многих документах, которые были оглашены в суде. Но особенно ясно об этих целях говорилось на совещании в главной ставке Гитлера 16 июля 1941 г. Этот документ представлен американским обвинением под № Л-221. На этом совещании Гитлер, Геринг, Розенберг, Кейтель и другие фашистские заговорщики решали, как им казалось, дальнейшие судьбы Советского Союза.

Крым, с прилегающими районами Украины, Прибалтика, белостокские леса и Кольский полуостров объявлялись присоеди-

ненными к Германии. «Волжские колонии» должны были стать также областью империи. Бакинская область мыслилась как немецкая военная колония. Румынии отдавались Бессарабия и Одесса, Финляндии — Восточная Карелия, Ленинград и Ленинградская область.

Как известно, господа судьи, гитлеровцы всегда стремились к тому, чтобы их действительные, разбойничьи цели не получали бы огласки. На том же совещании в главной ставке 16 июля 1941 г. Гитлер, например, говорил, что является весьма важным не раскрывать своих установок перед всем миром, не осложнять своего пути излишними объяснениями и при мотивировке своих действий исходить из тактических намерений.

Подсудимый Розенберг 20 июня 1941 г. на совещании по вопросу о Востоке, запись о котором представлена американским обвинением под № ПС-1058, заявил, что большое значение имеет тактика, а политические установки будут определяться от случая к случаю, когда тот или иной лозунг сможет быть предан гласности.

Учитывая это обстоятельство, господа судьи, представляется полезным для нашего исследования обратиться к некоторым высказываниям фашистских военных преступников, относящимся к тому периоду, когда они считали возможным обнародовать некоторые свои политические установки.

В 1941 и в 1942 гг. фашистские орды прорвались на значительные территории Советского Союза, подходили к Москве, бой шел на берегах Волги.

Призрак «Великой Германии», господствующей над миром, маячил перед гитлеровскими заговорщиками. Наступил, казалось, тот самый случай, о котором говорил подсудимый Розенберг, когда можно было, с точки зрения фашистских преступников, «некоторые политические лозунги предать гласности».

Под № СССР-58 я представил Трибуналу документ из материалов канцелярии подсудимого Розенберга по вопросам германской политики в оккупированных районах Кавказа. Розенберг 27 июля 1942 г. так решил восточную проблему:

«Проблема востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные военные границы Германии. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу, а континент — сырьем.

Задача Кавказа, прежде всего, является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток».

27 ноября 1941 г. подсудимый Риббентроп делал доклад о международном положении. Текст этого доклада опубликован

в № 329-а газеты «Гамбургер Фремденблатт». Я представляю этот доклад в качестве доказательства под № СССР-347.

Риббентроп говорил в этом докладе:

«Я хотел бы следующим образом резюмировать последствия этого поражения Советской России и оккупации большей части европейской России в 1941 году.

1. В военном отношении, этим самым, последний союзник Англии на континенте перестал быть фактором, имеющим значение. Германия и Италия с их союзниками становятся, таким образом, в Европе неприступными. Кроме того, освободились колоссальные силы.

2. В экономическом отношении державы оси вместе с их друзьями и, тем самым, вся Европа, приобрели независимость от заокеанских стран. Европа раз и навсегда освободилась от угрозы блокады. Зерно и сырье европейской России могут полностью удовлетворить потребности Европы. Ее военная промышленность будет служить военному хозяйству Германии и ее союзников, в результате чего еще больше возрастет военный потенциал Европы. Организация этого огромного пространства уже в полном разгаре. Таким образом, созданы все решающие предпосылки для конечной победы оси и ее союзников над Англией».

Я позволю себе представить еще один документ на ту же тему. Это выступление Геббельса в Мюнхене, опубликованное 19 октября 1942 г. в центральном органе нацистской партии «Фелькишер беобахтер» (южно-германское издание).

Текст этого выступления представляется Трибуналу в качестве доказательства под № СССР-250. В этом своем выступлении Геббельс говорил:

«Мы завоевали важнейшие хлебные, угольные и металлургические районы Советского Союза. Нам принадлежит сегодня то, что потерял враг. А так как то, что не достает противнику, прибавилось нам, то это ценится вдвое. В прошлом мы были народом без пространства, но сегодня это уже не так. Сегодня мы должны только придать определенную форму тому пространству, которое завоевали наши солдаты, сделать его полезным для нас, а это требует определенного времени. Но если англичане утверждают, что мы проиграли войну из-за того, что потеряли время, то это утверждение только доказывает их полное непонимание обстановки. Время работает только против того, кто не имеет пространства и сырья. Если мы используем время для того, чтобы организовать завоеванные пространства, то оно будет работать не против нас, а на нас...»

Господа судьи, то, что Геббельс, подсудимый Риббентроп и Розенберг говорили об использовании завоеванного солдатами пространства, в ОКВ принимало более определенную форму планов дальнейшей агрессии.

В этом отношении представляет интерес следующий документ, который я представляю Трибуналу под № СССР-336 и прошу принять его в качестве доказательства. Этот документ представляет собой письмо германского военно-морского штаба, направленное в адрес главнокомандующих группами «Запад», «Север» и «Юг». Этот документ был обнаружен в германских архивах союзными войсками.

Письмо имеет заголовок: «Задачи дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании», имеет № 1385/41 и дату 8 августа 1941 г.

В эти дни фашистские заговорщики считали, что победа над Советским Союзом — всего лишь вопрос времени, и поэтому планировали дальнейшую агрессию. Письмо, которое я собираюсь здесь процитировать, начинается словами:

«Штабом морского командования получен проект директивы фюрера о дальнейших намерениях после окончания восточного похода.

Нижеследующие указания дают в общих чертах картину этих намерений и предназначены для личной ориентировки главнокомандующих и начальников их штабов».

Вслед за этим следует раздел второй, в восьми пунктах которого излагаются военные планы гитлеровцев после окончания восточной кампании.

Я опускаю, господа судьи, первые два пункта, в которых идет речь о задачах так называемого «умиротворения» оккупированных областей на Востоке и о распределении освободившихся войск между другими фронтами.

В пункте третьем представленного документа излагаются намерения фашистских заговорщиков в Северной Африке:

«Усиление вооруженных сил в Северной Африке в объеме, достаточном для овладения Тобруком. Для планомерной проводки потребного транспорта необходимо возобновление налетов германских воздушных сил на Мальту.

При планомерном обороте транспорта можно рассчитывать на поход на Тобрук с середины сентября, если только условия погоды не обусловят отсрочки».

В августе 1941 года гитлеровцы предполагали при помощи фашистской Испании захватить Гибралтар в том же году.

В пункте четвертом раздела второго письма, которое я только что вам представил, предусматривалось, что:

«План «Феликс» (цитирую дословно) — захват Гибралтара, — при активном участии Испании, должен быть осуществлен еще в 1941 году».

Гитлеровцы планировали также осуществление нападения на Сирию и Палестину в направлении Египта. В пункте пятом того же письма говорится:

«В случае, если после очевидного окончания восточной кампании удастся перетянуть на нашу сторону Турцию; предусматривается, после минимального 85-дневного срока подготовки необходимых сил, после предварительного обеспечения перевала через Кавказ и улучшения анатолийских транспортных условий в Турции с немецкой помощью, — нападение на Сирию и Палестину в направлении на Египет».

В том же самом письме в пункте восьмом содержится возможный вариант этого плана:

«В случае, если Турция, — пишется там, — не перейдет на нашу сторону, даже после поражения Советской России, удар на юг через Анатолию будет осуществлен против ее воли».

Господа судьи, Египет в планах фашистской агрессии занимал большое место. О нем говорится и в пунктах шестом и седьмом раздела второго письма.

В пункте шестом сказано:

«Удар на Египет и Киренаику (после падения Тобрука). Предположительно, что этот удар не может осуществиться ранее конца 1941 — начала 1942 гг.».

В пункте седьмом указывалось, что:

«Если крушение Советской России создаст для этого необходимые предпосылки, предусматривается продвижение моторизованного экспедиционного корпуса через Закавказье в направлении Персидский залив — Ирак — Сирия — Египет».

Этот удар, по условиям погоды, будет возможен только в начале 1942 г...»

Только что представленный Трибуналу документ свидетельствует о том, какой оборот событиям предполагали дать фашистские заговорщики, если бы Красная Армия не остановила их агрессии.

Фашистские агрессоры надеялись в молниеносной войне разгромить Советский Союз, захватить его богатства, покорить советский народ и открыть тем самым себе путь к мировому господству.

Господа судьи, я подошел к концу моего изложения.

Позвольте, заканчивая представление документов об агрессии фашистских преступников против Советского Союза, кратко сформулировать следующие основные выводы:

1. Преступный замысел нападения на Союз Советских Социалистических Республик, имевший целью ограбление Советского Союза и использование его богатств для дальнейшей германской агрессии, созрел у фашистских заговорщиков задолго до того, как это нападение было осуществлено.

2. Непосредственные военные приготовления к нападению на Советский Союз велись фашистскими преступниками по мень-

шей мере в течение года и охватывали не только Германию, но и страны-сателлиты, в первую очередь: Румынию, Финляндию, Венгрию.

3. Реализация преступных целей фашистской агрессии, заключавшихся в уничтожении мирного населения, ограблении Советского Союза и отторжении принадлежащих ему территорий, была запланирована заранее, до нападения на Советский Союз.

К счастью для всех свободолюбивых народов, Союз Советских Социалистических Республик, советский народ и его Красная Армия полностью опрокинули все человеконенавистнические планы фашистских захватчиков.

Красная Армия не только выстояла и остановила фашистскую агрессию, но вместе с союзными армиями привела гитлеровскую Германию к полной катастрофе, а фашистских военных преступников — на скамью подсудимых.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ США
ОЛДЕРМАНОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
«АГРЕССИЯ ПРОТИВ СССР»

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 7 и 10 декабря 1945 г.]

Теперь мы переходим к кульминационному пункту истории агрессивных войн. Переходим, пожалуй, к самой ошибочной оценке положения, какую только знает история, когда интуиция Гитлера обманула его и он начал агрессивную войну против Союза Советских Социалистических Республик.

Во время своего последнего выступления я представил описание нацистской агрессии против Чехословакии. Мои британские коллеги представили планы нападения на Польшу и материалы о подготовке и развязывании агрессивных войн. Кроме того, они изложили Трибуналу историю разрастания войны до размеров всеобщей военной агрессии, включающей планирование и проведение нападения на Данию, Норвегию, Нидерланды, Бельгию, Люксембург, Югославию, Грецию.

Английское обвинение представило Трибуналу различные международные договоры, соглашения, заверения и доказательства, подтверждающие нарушение таковых нацистскими заговорщиками.

Теперь я хотел бы представить Трибуналу изложение предпоследнего акта агрессии нацистских заговорщиков, а именно: вторжения в СССР. Раздел Обвинительного заключения, который называется «Германское вторжение 22 июня 1941 г. на территорию СССР и нарушение пакта о ненападении от 23 августа 1939 г.», изложен так: «22 июня 1941 г. нацистские заговорщики путем обмана нарушили пакт о ненападении между Германией и СССР и без каких бы то ни было объявлений войны вторглись на советскую территорию, начав агрессивную войну против СССР».

Я хочу начать историю агрессии против СССР с 23 августа 1939 г. В тот день, за неделю до вторжения в Польшу,

нацистские заговорщики заключили договор о ненападении с СССР.

Статья первая предусматривает следующее: «Договаривающиеся стороны обязуются не применять каких-либо актов насилия или агрессивных действий, или нападения друг против друга индивидуально или совместно с другими державами...»

Статья пятая: «Если между договаривающимися сторонами возникнет спор или конфликт относительно любых вопросов, обе стороны разрешат эти споры путем обмена мнениями или, если необходимо, путем создания арбитражной комиссии».

Со стороны германского правительства этот договор был подписан подсудимым Риббентропом. Объявление о нем являлось неожиданным для мира, так как это оказалось изменением обычного направления нацистской внешней политики. Однако объяснение этого поворота дается самим Риббентропом во время беседы, которую он имел с японским послом Осима в Фушле 23 февраля 1941 г. Доклад об этом совещании был направлен Риббентропом некоторым германским дипломатам как секретная информация для личного сведения.

Риббентроп говорит Осима о причинах подписания пакта с СССР:

«...Потом, когда дело дошло до войны, фюрер решил заключить договор с Россией, это было необходимо для того, чтобы избежать войны на два фронта...»

Совершенно очевидно, что они рассматривали это обязательство, как и все другие договоры и обязательства, как связывающие их только до тех пор, пока это им выгодно. Что точка зрения была именно такой, ясно из того, что даже во время кампании на Западе они рассматривали возможность начать агрессивную войну против СССР.

22 июня 1940 г. в Компьене было подписано франко-германское перемирие, и кампания на Западе, за исключением войны с Великобританией, пришла к концу. Мнение, что ключ к политическому и экономическому господству Германии — в устранинии СССР как политического фактора и в приобретении жизненного пространства за его счет, всегда являлось основой нацистской идеологии. Как мы видели, эта идея никогда не забывалась полностью, даже когда продолжалась война на Западе. Теперь, опьяненные недавним успехом их оружия, но в то же время испытывая неудачу попытки нанести поражение Великобритании и нужду в продовольствии и сырье для армии, нацистские заговорщики начали рассматривать средства достижения своих традиционных целей путем покорения Советского Союза.

При том положении, в котором Германия тогда находилась, такие действия казались желательными и практичными. Еще в августе 1940 года генерал Томас получил намек со стороны

Геринга о том, что уже началось планирование кампании против Советского Союза. В то время Томас был начальником отдела верховного командования по экономике и вооружению.

Генерал Томас рассказывает о получении этой информации от Геринга в книге, озаглавленной «Основные факты из истории германской военной экономики и экономики вооружения», которую он подготовил летом 1944 года.

На страницах этой работы Томас анализирует русско-германское торговое соглашение 1939 года и рассказывает, что с тех пор, как Советы аккуратно осуществляли поставки в соответствии с этим соглашением, со своей стороны настаивая на поставке военных материалов, внутри Германии до начала 1940 года оказывалось большое давление в пользу увеличения поставок Германией. «14 августа начальник отдела экономики и вооружения, — пишет Томас, — во время беседы с рейхсмаршалом Герингом был извещен о том, что фюрер хотел, чтобы поставки русским производились аккуратно только до весны 1941 года. После этого мы не будем заинтересованы в полном удовлетворении русских требований. Эти слова заставили начальника отдела уделить основное внимание вопросам, касающимся русской военной экономики».

Подготовка вторжения в СССР требовала даже за много месяцев до ее начала энергичной деятельности по строительству и усилению вооруженных сил. Такая деятельность могла быть замечена советской разведывательной службой. Поэтому были приняты меры предосторожности.

В директиве верховного командования, подписанной Иодлем и изданной службой контрразведки 6 сентября 1940 г., было дано распоряжение принимать такие меры (документ ПС-1229, США-130). В этой директиве указывалось, что деятельность на Востоке не должна создавать впечатления в Советском Союзе, что подготавливается наступление, и излагались установки для сотрудников контрразведки, чтобы маскировать это. Текст директивы указывает масштабы подготовки, уже предпринятой Германией. Я хотел бы огласить ее Трибуналу: «В последующие недели количество войск на Востоке должно быть сильно увеличено. В конце ноября следует достичь положения, указанного на прилагаемой карте. Эта перегруппировка не должна создавать впечатления в России, что мы готовим наступление на Востоке. В то же время Россия поймет, что в губернаторстве, восточных провинциях и в протекторате расквартированы сильные и обученные германские войска.

В отношении работы нашей разведки применимы следующие указания:

1) Общее количество германских войск на Востоке должно маскироваться как можно лучше путем издания сообщений о

постоянной замене частей. Эта перемена должна объясняться перегруппировкой, передвижением лагерей обучения.

2) Нужно создать впечатление, что центр концентрации войск находится в южной части генерал-губернаторства, в протекторате и в Австрии и что скопление войск на севере сравнительно невелико.

3) Что касается вооружения частей, в особенности бронетанковых дивизий, то необходимо создать более внушительное впечатление и, в случае надобности, преувеличивать.

4) Следует создать впечатление, что противовоздушная защита на Востоке значительно увеличена после конца кампании на Западе и продолжает увеличиваться за счет захваченной французской техники.

5) Что касается улучшения железных дорог, шоссе, аэродромов и т. д., нужно заявлять, что эта работа ведется нормальным порядком, необходима для улучшения вновь завоеванных восточных территорий и служит, в основном, для экономических целей.

Главное командование армии (ОКХ) решит точнее детали — количество полков, численность гарнизонов и т. д., которые будут предоставлены для целей контрразведки».

В начале ноября 1940 года Гитлер повторил свои предыдущие приказы и потребовал продолжения подготовки, обещая дать новые и более точные указания, как только предварительная работа будет закончена и будет составлен оперативный план. Этот приказ содержится в совершенно секретной директиве из ставки Гитлера за № 18 от 12 ноября 1940 г., подписанной Гитлером, с инициалами Иодля.

Директива начинается следующими словами:

«...Подготовительные меры для ведения войны в ближайшем будущем должны проводиться в соответствии со следующей установкой...»

«...Россия. Начаты политические переговоры с целью разъяснения позиции России в настоящее время. Независимо от результатов этих переговоров, вся подготовка на Востоке, о которой уже были даны устные указания, должна продолжаться. Дальнейшие указания будут даны, как только общие оперативные планы армии будут представлены и утверждены мною...»

5 декабря 1940 г. начальник генерального штаба армии доложил Гитлеру относительно готовности планов предстоящих операций против СССР. Отчет об этом совещании с Гитлером содержится в захваченном документе ПС-1799. Эта папка содержит много документов, названных приложениями, которые касаются «плана Барбаросса» (то есть плана нападения на СССР).

Этот план был найден вместе с военным дневником верховного командования и, по-видимому, являлся приложением к дневнику. Доклад от 5 декабря 1940 г., который является приложением № 1, представляю под № ПС-1799, США-131. Я хотел бы зачитать несколько фраз из доклада от 5 декабря 1940 г., так как они показывают степень планированной подготовки за 6,5 месяцев до начала агрессии:

«Доклад фюреру от 5 декабря 1940 г.

...Начальник генерального штаба армии¹ затем доложил о предполагаемых операциях на Востоке. Он сначала коснулся географических особенностей. Основные военно-промышленные центры России находятся на Украине, в Москве и Ленинграде...

...Фюрер заявил, что он согласен с обсуждавшимися оперативными планами, и добавил следующее: «Самая главная цель — предотвратить отступление русских сомкнутым фронтом. Продвижение на восток должно быть комбинированным до того, пока русские военно-воздушные силы потеряют возможность нападать на территорию Германии и когда германская авиация, наоборот, сможет производить налеты и уничтожать русскую военную промышленность.

Таким образом, мы достигнем уничтожения русской армии и предотвратим ее восстановление. Первое задание вооруженных сил должно быть осуществлено таким образом, чтобы была возможность уничтожить сильные части противника...»

18 декабря 1940 г., после того как Гитлеру был представлен общий проект плана операций армии, была издана основная стратегическая директива № 21 «Барбаросса» верховному командованию армии, военно-морского флота и военно-воздушного флота. Эта директива № 21, которая впервые содержит план вторжения в Советский Союз, была специально упомянута в приказе, хотя этот приказ и был совершенно секретным. В этой директиве также впервые применялось кодовое слово «Барбаросса» для того, чтобы обозначить данную операцию.

Ввиду того, что тогда эта директива подробно обсуждалась, я думаю, что достаточно на этот раз только напомнить Трибуналу две или три наиболее важные фразы из этого документа. Я считаю, что одной из наиболее важных является фраза, которой начинается приказ:

«Германские вооруженные силы должны быть подготовлены к тому, чтобы сокрушить Советскую Россию в быстрой кампании до окончания войны против Англии...

...Те подготовительные мероприятия, которые требуют большого времени, должны быть начаты, если они еще не были

¹ Начальником генерального штаба сухопутных войск был в то время генерал Гальдер. — Составители.

начаты, немедленно и должны быть закончены к 15 мая 1941 года...

...Следует соблюдать величайшую осторожность, чтобы не было обнаружено намерение произвести нападение».

Затем в директиве излагается общая стратегия, на основании которой должно было проводиться намеченное вторжение, а также задачи, которые должны были выполнить различные части вооруженных сил, — армия, военно-морской флот и военно-воздушный флот, и указывается также, что все главнокомандующие должны сделать устные доклады Гитлеру, в следующих заключительных фразах:

«Я жду докладов от главнокомандующих относительно их дальнейших планов, базирующихся на этих инструкциях. О подготовительных мероприятиях, запланированных всеми частями вооруженных сил, а также относительно намеченного ими времени должно быть доложено мне через верховное командование». Подписано Гитлером. На директиве имеются также инициалы Иодля, Кейтеля и Варлимонта.

Это был приказ о подготовке к такому акту агрессии, который должен был быть осуществлен и который в действительности был осуществлен.

Запись в дневнике боевых действий военно-морского флота от 13 января 1941 г. свидетельствует о раннем выполнении верховным командованием военно-морского флота той части директивы № 21, которая содержала приказ о том, что о ходе подготовки следует докладывать Гитлеру через верховное командование вооруженных сил. Это запись в дневнике боевых действий. Этот документ (США-132) я прошу принять в качестве доказательства.

Он представляет собой обширную техническую информацию относительно участия военно-морского флота в предстоящей кампании, а также относительно того, каким образом военно-морской флот готовился к выполнению этих задач. Я думаю, однако, что для подтверждения нашей точки зрения о том, что военно-морской флот активно готовился к нападению даже в ту раннюю пору, будет вполне достаточным зачитать лишь небольшую часть этой записи для занесения ее в протокол суда:

«30 января 1941 г.

(7) сообщение 1-а о том, что все планы, касающиеся подготовки к операции «Барбаросса», должны представляться высшему командованию вооруженных сил».

Я должен указать, что в данном случае «1-а» — это сокращенное обозначение заместителя начальника оперативного отдела военно-морского штаба. Затем следует перечень задач военно-морского флота в войне против России:

«II. Задачи в войне против России:

(d) наносить русскому флоту неожиданные удары, такие, как:

1) молниеносные операции военно-воздушных сил в начале войны против укрепленных пунктов и боевых кораблей в Балтийском море, в Черном море и Белом море».

Я предъявил настоящий документ ввиду того, что он свидетельствует о детальной разработке и планировании, которые проводились для осуществления операции «Барбаросса» почти за 6 месяцев до того, как эта операция начала практически осуществляться. Это лишь небольшая часть многочисленных доказательств, которые не оставляют ни малейшего сомнения в том, что вторжение на территорию Советского Союза является в мировой истории одним из наиболее хладнокровно обдуманных заранее нападений на соседнюю державу.

Аналогичным образом дневник боевых действий военно-морского флота за февраль содержит по крайней мере несколько ссылок на планирование и подготовку предстоящей кампании.

Я думаю, что будет достаточно для занесения в протокол процитировать как типичную запись от 19 февраля 1941 г. (документ США-133):

«Ввиду предстоящих операций «Барбаросса», для которых понадобятся все миноносцы, находящиеся в Балтийском море, перемещение части этих миноносцев может быть произведено только лишь после окончания операций «Барбаросса».

3 февраля 1941 г. Гитлер созвал совещание с целью установить, в каком состоянии находилось планирование операции «Барбаросса». На этом совещании обсуждались также планы «Зоннеблюме» («Подсолнух»). Это было кодовое слово для обозначения операций в Северной Африке. Помимо Гитлера, на этом совещании присутствовали: начальник верховного командования вооруженных сил Кейтель, начальник оперативного штаба вооруженных сил Иодль, главнокомандующий армией Браухич, начальник генерального штаба армии Гальдер, а также некоторые другие, включая полковника Шмундта — адъютанта Гитлера.

На этом совещании начальник генерального штаба армии представил обстоятельный отчет о силах противника по сравнению с силами Германии, а также об общих (всеобъемлющих) оперативных планах вторжения. На этом отчете в различных местах имеются пометки и комментарии Гитлера.

В протоколе записано:

«...Было подвергнуто обсуждению предварительное расписание вместе с планом. Первая группа войск, предназначенная для использования в операции, сейчас перебрасывается по направлению: фронт — Германия — Восток; вторая группа войск в середине марта выделит три дивизии для переброски в качестве подкрепления на Запад. Штабы армейских групп и армий перево-

дятся с Запада. Уже имеются значительные подкрепления, хотя они еще расположены в тылу.

С этого момента в дальнейшем будет затруднено проведение операций «Аттила». («Аттила» — это кодовое обозначение для плана операций по захвату неоккупированной зоны Франции).

Промышленные перевозки будут испытывать затруднения ввиду транспортировки войск. С середины апреля начнутся переговоры с Венгрией с целью использования ее территории для транзита войск.

Три группы войск, предназначенных для операции, будут переброшены в середине апреля. Проведение операции «Феликс»¹ больше невозможно, так как большая часть артиллерии занята...

...Промышленность работает по плану с максимальной мощностью. Никакой маскировки более.

С 25 апреля по 15 мая должны быть переброшены с запада 4 армейские группы, представляющие собой значительные силы. «Зеелеве»² не может более проводиться.

Стратегическая концентрация сил на Востоке вполне установлена.

Режим полной мощности для промышленности остается в силе.

Восемь дивизий «Марита»³ завершают картину диспозиции сил согласно плану.

Главнокомандующий армией заявляет, что ему не нужно больше использовать для этой цели 5 дивизий и он может держать их наготове в качестве резерва для командующих на Западе.

Фюрер: «Когда начнутся «операции Барбаросса», мир задержит дыхание и не сделает никаких комментариев...»

...Выводы: 1) «Барбаросса»:

а) Фюрер в целом согласен с оперативным планом; когда этот план будет проводиться в жизнь, надо будет помнить, что основной целью является захват прибалтийских государств и Ленинграда.

б) Фюрер желает, чтобы ему как можно скорее была направлена оперативная карта и план диспозиции сил.

с) Соглашения с соседними государствами, которые принимают участие в операции, не могут быть заключены до тех пор, пока существует какая-либо необходимость в маскировке. Исключение составляет Румыния в вопросе о Молдавии.

¹ «Феликс» — шифрованное наименование операции по захвату Гибралтара. — Составители.

² «Зеелеве» («Морской лев») — кодовое обозначение операции по высадке десанта в Англии. — Составители.

³ «Марита» — кодовое обозначение операций по захвату Греции. — Составители.

d) Любой ценой должно быть проведено осуществление плана «Аттила».

e) Стратегическая концентрация сил для «Барбаросса» будет маскироваться подготовкой якобы нападения на «Зеелеве» и дополнительной мерой по отношению к «Марита»...

13 марта 1941 г. Кейтель в дополнение к директиве № 21 подписал оперативную директиву, изданную в форме «директивы для особых округов». Это детальный оперативный приказ, документ ПС-447. Я представляю его как доказательство США-135.

Этот приказ был издан больше чем за три месяца до нападения, и он свидетельствует о том, насколько завершеными являлись планы по проведению каждой фазы операции. Первый раздел этой директивы озаглавлен: «Район операции и исполнительная власть». В нем указывается, кто, над чем и где будет осуществлять власть. Там говорится, что в то время, когда на территории, на которой наступает армия, имеют место военные действия, исполнительная власть принадлежит главнокомандующему армией. Рейхсфюреру СС в течение этого времени, однако, поручается выполнение «особых заданий»:

«...b) В районах операций на рейхсфюрера СС от имени фюрера возлагаются особые задачи для подготовки организации политической администрации. Эти задачи вытекают из необходимости проведения борьбы между двумя противоположными политическими системами. В пределах этих задач рейхсфюрер СС будет действовать независимо и под свою собственную ответственность. Исполнительная власть, которой облечены главнокомандующий армией (ОКХ) и учреждения, им созданные, не затрагивается этим. На рейхсфюрера СС возлагается ответственность за то, чтобы осуществление его задач не причиняло ущерба военным операциям. Договоренность о подробностях будет достигнута непосредственно между командованием армией и рейхсфюрером СС...

...c) Как только район военных операций достигнет значительной глубины, в нем должен выделяться тыл. Оккупированная территория в тылу района операций должна получить свою собственную политическую администрацию. В настоящее время она должна делиться, согласно ее генеалогической основе, а также в соответствии с расположением армейских групп на Север (прибалтийские государства), Центр (Белоруссия) и Юг (Украина). На этих территориях политическая администрация осуществляется уполномоченными империи, которые получают приказы от фюрера.

3) Выполнение всех военных задач на территориях, где установлена политическая администрация, в тылу районов боевых операций будет поручено командующим офицерам, которые бу-

дут там находиться в подчинении у верховного командующего вооруженных сил.

Командующий офицер является высшим представителем вооруженных сил на соответствующей территории, а также является носителем суверенных военных прав. На него возлагаются задачи территориального командующего и ему предоставляются права главнокомандующего армией или же командующего генерала. В качестве такового он несет ответственность, прежде всего, за выполнение следующих задач:

a) тесное сотрудничество с уполномоченным империи с целью оказания ему поддержки в выполнении его политических задач;
b) эксплуатация страны и обеспечение использования ее экономических ресурсов для германской промышленности...

...4) Фюрер поручил полностью руководство экономической администрацией в районах боевых операций, а также на территории, где установлена политическая администрация, рейхсмаршалу, который в свою очередь поручил практическое осуществление этой задачи главе «Вирюамт»¹.

Особые приказы по этому вопросу будут издаваться управлением экономики и вооружения при верховном командовании вооруженных сил...

...III. Директивные указания относительно Румынии, Словакии, Венгрии и Финляндии.

9) Необходимая договоренность с этими странами должна быть достигнута верховным командованием вооруженных сил совместно с министерством иностранных дел и с учетом пожеланий соответствующих главнокомандований. В случае, если в ходе операций возникнет необходимость в предоставлении каких-либо особых прав, то все запросы по этому поводу следует представлять верховному командованию вооруженных сил...

IV. Директивные указания по Швеции.

12) Ввиду того, что Швеция может явиться только временным местопребыванием для войск, командующий германскими войсками не должен быть облечен никакой особой властью. Однако ему поручается и он обязывается обеспечить непосредственную защиту железнодорожного транспорта против саботажа и нападений.

Начальник верховного командования вооруженных сил Кейтель».

В первоначальном «варианте Барбаросса», а именно в директиве № 21, предполагалось, что вторжение будет иметь место

¹ «Вирюамт» — управление экономики и вооружения. — Составители.

приблизительно 15 мая 1941 г. Однако в это время нацистские заговорщики были заняты проведением кампании на Балканах и поэтому они были вынуждены отложить «Барбаросса» на несколько недель.

Доказательства такой отсрочки имеются в сборнике официальных выдержек из штабного дневника боевых действий военно-морского флота.

Я представляю этот документ как доказательство под № США-136.

Я хотел бы зачитать один отрывок из второго абзаца. Запись от 3 апреля 1941 г. Там говорится:

«...Операции на Балканах отсрочили «Барбаросса» сначала на срок, приблизительно, 5 недель. Все меры, которые могут определяться как наступательные действия, должны быть приостановлены в соответствии с приказом фюрера...»

Однако к концу апреля события значительно определились, что дало возможность Гитлеру окончательно установить день вторжения 22 июня, то есть позднее более чем на 7 недель.

Документ ПС-873, США-137 — совершенно секретный отчет о совещании Гитлера с начальником отдела «обороны страны» («Ландесфертейдигунг») штаба оперативного руководства вооруженных сил от 30 апреля 1941 г.

Я представляю этот документ как доказательство США-137.

Я считаю достаточным зачитать первые два абзаца этого отчета:

«...1. Расписание операций «Барбаросса».

Фюрер решил: операция «Барбаросса» начинается 22 июня. Начиная с 23 мая в действие входит расписание максимального передвижения войск. В начале операции резервы главного командования армии (ОКХ) еще не придут в назначенные для них районы.

2. Соотношение сил в «плане Барбаросса».

Сектор Север: германские и русские силы приблизительно равны.

Сектор Центр: значительное немецкое превосходство.

Сектор Юг: русское превосходство...»

В начале июня, приблизительно за три недели до дня нападения, подготовительные мероприятия к нападению были уже настолько завершены, что для верховного командования представлялось возможным издать тщательно разработанное расписание, устанавливающее в деталях диспозицию и задачи армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил.

Я представляю его как доказательство США-138.

Первая страница документа представляет собой сопроводительное письмо. Текст его такой:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.
ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ»

№ 44842/41

Ставка фюрера

Штаб оперативного руководства вооруженными силами,
отдел обороны страны (1 оперативное отделение)
Совершенно секретно (только для командного состава)

Исполнено в 21 экземпляре
1 оп. 00845/41
получена 6 июня

Рассылка только через офицеров

Приложения:

Фюрер приказал принять прилагаемый календарный план за основу при дальнейшей подготовке к «плану Барбаросса». Если при исполнении понадобится внести какие-либо изменения, то об этом необходимо информировать верховное командование вооруженных сил.

Начальник верховного командования
вооруженных сил *Кейтель*»

На следующих двух страницах этого документа излагается состояние подготовки на 1 июня 1941 г. Это изложено в следующих параграфах:

«1. Общие замечания. Расписание для максимальной концентрации сил на Востоке вступило в силу 22 мая.

День вторжения предусматривается.

Час вторжения для армии, а также для пересечения линии границы военно-воздушными силами установлен 3 ч. 20 мин...»

В графе примечаний говорится:

«Армия действует независимо от запоздания со стороны частей авиации, которое может быть вызвано условиями погоды...»

9 июня 1941 г. Гитлер издал приказ о том, чтобы окончательные доклады по «плану Барбаросса» были сделаны в Берлине 14 июня 1941 г., то есть за 8 дней до начала вторжения. Этот приказ был подписан адъютантом Гитлера Шмундом.

Я представляю этот документ С-78, США-139, озаглавленный «Совещание по «плану Барбаросса»:

«...1. Фюрер и верховный командующий вооруженными силами приказывает: командующим армейскими группами, армиями, а также военно-морским, военно-воздушным командующим эквивалентных рангов доложить по «плану Барбаросса».

2. Эти доклады должны быть сделаны в субботу 14 июня 1941 г. в имперской канцелярии в Берлине.

¹ Это одна из копий документа, 3-й экземпляр, дата на нем не обозначена. — Составители.

3. Расписание:

- а) 11.00 — «Зильберфукс» («Серебристая лиса»).
- б) 12.00—14.00 — Армейская группа Юг.
- в) 14.00 — 15.00 — Завтрак для всех участников совещания.
- г) После 15.00 — Балтийская группа, армейская группа Север и армейская группа Центр в указанном порядке».

Подписано Шмундтом.

Далее прилагается список участников совещания и порядок, в котором они должны были докладывать.

Я считаю, что тех документов, которые я сейчас представил и цитировал, более чем достаточно для того, чтобы окончательно установить преднамеренность и хладнокровный расчет, которые характеризовали военную подготовку для вторжения в Советский Союз. Начав почти за полный год до совершения этого преступления, нацистские заговорщики планировали и подготавливали каждую военную деталь своей агрессии против Советского Союза со всей тщательностью и скрупулезностью.

Тщательная подготовка вторжения проводилась не только в чисто военном отношении, но не менее тщательно и детально нацистские заговорщики планировали и вели подготовку для того, чтобы обеспечить экономические выгоды от своей агрессии. Несколько позднее я изложу перед Трибуналом мотивы, которые привели этих заговорщиков к ничем не вызванному нападению на соседнюю державу. Тогда я докажу, что это преступление мотивировалось как политическими, так и экономическими соображениями. Экономические причины, однако, в данный момент могут быть просто сформулированы как жадное стремление нацистских заговорщиков захватить сырье, продовольствие и другие материалы, которыми обладали их соседи, стремление, которое они маскировали нуждами для содержания их военной машины. Нацисты заранее начали планировать и готовиться с типичной для них тщательностью и аккуратностью к тому, чтобы обеспечить максимальное использование того, что им удастся награбить в ходе своей агрессии.

Я уже представил для занесения в протокол документальные доказательства о том, что еще в августе 1940 года подсудимый Геринг наметнул генералу Томасу, начальнику управления «Вирюамт», о возможности нападения на СССР, что подсказало последнему необходимость начать тщательное изучение советской военной экономики. Я также упомянул о том, что позднее я предъявлю документальные доказательства того, что еще в ноябре 1940 года, за 8 месяцев до нападения, Томас был в категорической форме информирован Герингом о планировавшейся операции на Востоке и о том, что были начаты подготовительные мероприятия для экономического ограбления территорий, которые должны были быть оккупированы в ходе этой операции.

Бесспорно, что Геринг в силу своей должности руководителя четырехлетним планом играл всеобъемлющую руководящую роль в этой деятельности.

Томас описывает получение им этой информации, в том числе и о предварительном планировании.

Представляю извлечение из рукописи книги германского генерала Томаса «Основные факты из истории Германской военной экономики и экономики вооружений», 1944 год (документ ПС-2353, США-35):

«В ноябре 1940 года начальник управления экономики и вооружения, вместе с статс-секретарями Кернером, Нейманом, Бакке и генералом фон Ханнекемом были информированы рейхсмаршалом¹ относительно операции, которая планировалась на Востоке.

На основании этой директивы управление экономики и вооружения в конце 1940 года начало проводить предварительную подготовку к операции на Востоке.

Предварительная подготовка к операции на Востоке включала в первую очередь следующие задачи:

1. Получение подробного обзора русской военной промышленности, ее расположения, мощности, а также вспомогательных производств.
2. Изучение производственной мощности различных крупных центров военной промышленности и их зависимости друг от друга.
3. Характеристика энергетических установок и транспортной системы, обслуживающих промышленность Советского Союза.
4. Изучение источников сырья и нефти (неочищенная нефть).
5. Подготовка обзора других отраслей промышленности Советского Союза, помимо военной».

Все эти вопросы были освещены в одном большом сборнике, озаглавленном «Военная экономика Советского Союза», который был иллюстрирован подробными картами...

Далее прилагалась картотека с перечислением всех важнейших заводов Советской России, а также немецко-русский словарь со специальной экономической терминологией для использования германской организацией военной экономики.

«Для выполнения всех этих задач был создан штаб специального назначения «Россия». Во главе его был поставлен вначале подполковник Лютер, позднее — бригадный генерал Шоберт. Работа проводилась в соответствии с директивами начальника соответствующего управления (я полагаю, группой департаментов по делам иностранных территорий (Аусланд) при сотрудничестве всех департаментов, экономических управлений и других лиц,

¹ То есть Герингом. — Составители.

располагавших информацией о России). Путем такой интенсивной подготовительной деятельности была собрана исчерпывающая коллекция материалов, которая оказалась исключительно ценной позднее, при осуществлении операции, а также при управлении территориями.

К концу февраля 1941 года нацистам понадобилось создать более широкий план организации. По этому поводу генерал Томас 28 февраля 1941 г. созвал совещание со своими подчиненными с целью подготовить план такой организации. Меморандум этого совещания — «совершенно секретный» документ, датированный 1 марта 1941 г. (документ ПС-1317, США-140), содержит следующее:

«...Генерал¹ приказал составить более широкий план организации для представления его рейхсмаршалу.

Основные вопросы.

1. Вся организация должна быть подчинена рейхсмаршалу. Цель: поддержка и расширение мероприятий по четырехлетнему плану.

2. Организация должна включать все, что касается военной экономики, исключая только лишь вопросы продовольствия, которые уже переданы в качестве специального поручения статс-секретарю Бакке.

3. Определяется ясно, что организация должна быть независимой от военной или гражданской администрации. Необходимо тесное сотрудничество, но указания будут исходить непосредственно из центрального управления в Берлине.

4. Вся деятельность должна подразделяться на 2 части:

а) сопровождение наступающих войск непосредственно за линией фронта с целью предотвратить уничтожение припасов и обеспечить вывоз важных товаров;

б) управление оккупированными промышленными районами и эксплуатация экономически важных районов...

...5. Ввиду предстоящего расширения деятельности следует предпочтительно использовать термин «инспекция военной экономики» вместо «инспекция вооружения».

6. Ввиду предстоящего обширного поля деятельности организация должна быть тщательно оснащена и персонал должен быть соответственно многочислен. Главная задача организации будет состоять в изъятии сырья и в захвате всех важных промышленных предприятий. Для этой последней задачи с самого начала следует использовать надежных лиц с крупных промышленных предприятий Германии, так как успешное осуществление этой задачи с самого начала может быть обеспечено только

¹ Генерал Томас. — Составители.

лишь путем использования их опыта (например, в отношении бурого угля, железной руды, химии и нефти).

После обсуждения дальнейших деталей подполковник Лютер получил инструкцию составить первоначальный проект такой организации в течение недели...

...Большое значение имеет тесное сотрудничество различных секций, находящихся в одном здании. Должен быть назначен офицер от «Вирюамт», то есть управления экономики и вооружения, с которым оперативный штаб должен поддерживать постоянный контакт. Управление экономики и вооружения должно обеспечить каждого руководителя секции и подполковника Лютера копией нового плана, касающегося России...

...Генерал-майор Шоберт должен быть вызван в Берлин во второй половине следующей недели. Четырем офицерам, которым было приказано лично инспектировать вооружение, следует также доложить об этом начальнику управления в конце следующей недели...

Гамман

Организационная работа, начатая генералом Томасом на совещании 28 февраля 1941 г., быстро продвигалась вперед, и 29 апреля 1941 г. было созвано совещание представителей различных частей германских вооруженных сил с целью разъяснения организационной структуры экономического штаба «Ольденбург»¹.

«Ольденбург» — это кодовое обозначение экономического раздела «плана Барбаросса». Протокол этого совещания содержится в захваченном документе ПС-1157, США-141. В разделе первом этого документа рассматриваются вопросы общей организации экономического штаба «Ольденбург» в том виде, в котором она находилась в то время, и я хотел бы зачитать большую часть этого раздела для занесения в протокол:

«Совещание с представителями различных частей вооруженных сил 29 апреля 1941 года в 10.00

1. Приветствия.

Цель совещания: сообщение об организационной структуре экономической части операции «Барбаросса».

«Барбаросса» — «Ольденбург».

Как известно, фюрер, вопреки установленной процедуре, приказал для этой операции, чтобы все руководство экономическими делами было сконцентрировано в руках одного человека, и поручил рейхсмаршалу возглавить руководство экономической

¹ «Ольденбург» — кодовое обозначение «экономических» мероприятий гитлеровцев по разграблению захваченных ими областей СССР. — Составители.

эксплуатацией в районах боевых операций, а также в районах с политической администрацией.

...Рейхсмаршал поручил практическое выполнение этой задачи экономическому генеральному штабу, действующему под контролем начальника управления экономики и вооружения.

Центральной властью на территории, где проводятся операции, после рейхсмаршала и экономического генерального штаба являются:

Экономический штаб «Ольденбург» для выполнения особых заданий под руководством генерал-майора Шоберта.

В его подчинении находятся следующие учреждения, построенные по территориальному принципу:

5 хозяйственных инспекций,

23 хозяйственные команды,

12 подразделов, которые размещаются в наиболее важных пунктах районов, порученных хозяйственным командам...»

Эти учреждения используются на территориях войскового тыла. Мысль заключается в том, что на территории каждой армейской группы должна быть организована экономическая инспекция в резиденции командующего сектором войскового тыла и что такая инспекция будет возглавлять экономическую эксплуатацию данной территории...

«Следует проводить различие между войсковыми тыловыми районами, с одной стороны, и районами непосредственных боевых действий и армейскими тылами — с другой. В последнем случае экономическими вопросами должно заниматься 4-е управление экономики и вооружения штаба армии, то есть офицер связи управления экономики и вооружения при верховном командовании вооруженных сил, который должен находиться при штабе армии. В районах боевых действий он имеет в своем распоряжении технические батальоны, разведывательные подразделения, части, занимающиеся добычей сырьевых материалов, нефти, сельскохозяйственных машин, в особенности тракторов, а также орудий производства.

На территории, помещающейся между районами активных боевых операций и районами войскового тыла, а именно тылом армии, 4-е управление (по вопросам экономики) при различных полевых штабах возглавляется офицером связи управления экономики и вооружения, который должен содействовать тому, чтобы предоставить в распоряжение штаба армии специалистов, которые несут ответственность за снабжение войск из местных ресурсов страны, а также за подготовку последующей общей экономической эксплуатации.

В то время, как эти части продвигаются вместе с войсками, экономические инспекции, экономические команды и их соответствующие подразделения остаются на месте».

То новое, что вносится в организацию, подчиненную экономическому штабу «Ольденбург», заключается в том, что она занимается не только военной промышленностью, но также охватывает все области экономики.

Отсюда следует, что эти учреждения следует расценивать не только как учреждения военной промышленности или промышленности по производству вооружения, но более широко — как экономические инспекции, экономические управления и т. д.

Это относится также и к внутренней организации отдельных учреждений, которая, начиная с экономического штаба «Ольденбург» и кончая экономическими управлениями, предусматривает одинаковое подразделение на три большие группы, а именно: «Группа М», которая занимается снабжением войск, вооружением, а также организацией промышленного транспорта.

«Группа L», которая занимается всеми вопросами продовольствия и сельского хозяйства,

«Группа W», которая ответственна за все вопросы, относящиеся к торговле и промышленности, включая сырье и снабжение, а также занимается вопросами лесного хозяйства, финансовыми и банковскими вопросами, собственностью врага, коммерцией и обменом товарами, а также распределением рабочей силы.

Статс-секретарь Бакке назначен уполномоченным генерального штаба по продовольствию и сельскому хозяйству. По вопросам, входящим в область деятельности «Группы W», следует держать связь с генералом Ханнекенем...

Следующий раздел: «Политика разрушений — подготовка к политической стадии агрессии».

Как я уже указал и как я подробно освещу позднее, вторжение нацистских заговорщиков на территорию Советского Союза было вызвано как экономическими, так и политическими причинами. Я уже остановился на размахе планирования и подготовки экономической стороны агрессии. В равной степени тщательное планирование и подготовка проводились нацистскими заговорщиками с целью обеспечить осуществление политических целей их агрессии. Я думаю, что для меня в настоящий момент будет достаточно охарактеризовать эту политическую цель — уничтожение Союза Советских Социалистических Республик как мощного политического фактора в Европе и захват «жизненного пространства».

Для осуществления этой цели нацистские заговорщики избрали в качестве агента подсудимого Розенберга. 2 апреля 1941 г. Розенберг или один из его подчиненных подготовил меморандум относительно СССР. Далее составитель меморандума спекулирует на возможности разногласий в СССР, которые привели бы к быстрой оккупации важной части этой страны,

в этом меморандуме рассматривается, какой должна быть политическая цель такой оккупации, и предлагаются пути для достижения этой цели (документ ПС-1017, США-142).

Начиная со второго абзаца, этот меморандум под заголовком «СССР» гласит:

«...Вооруженный конфликт с СССР приведет к чрезвычайно быстрой оккупации важной и обширной части территории СССР. Вполне возможно, что военные действия с нашей стороны в короткое время приведут к военному краху СССР. Тогда оккупация этих территорий будет представлять не столь военные, сколь экономические и административные трудности.

Таким образом, возникает первый вопрос: должна ли определяться оккупация только чисто военными или экономическими нуждами или же ее пределы определяются также и закладыванием политического фундамента для будущей организации данной территории?

Если так, то возникает срочная необходимость определения политической цели, которая должна быть достигнута, так как, вне всякого сомнения, она окажет влияние также и на чисто военные операции...

...Если политический разгром восточного государства, которое будет в то время в ослабленном состоянии, является целью военных операций, то можно прийти к следующим заключениям:

1. Оккупация должна будет охватить обширные территории.
2. С самого начала управление отдельными районами территорий должно как в административном, так и в экономическом и идеологическом отношениях соответствовать тем политическим целям, которые мы стремимся достигнуть.
3. Важные вопросы, касающиеся этих обширных территорий, такие, как обеспечение достаточного снабжения для продолжения войны против Англии, сохранение производства, которое необходимо для этой цели, и важные директивы для полностью отделенных территорий — лучше всего могут решаться в общем плане и одним и тем же центром.

Следует еще раз подчеркнуть здесь, что все аргументы, которые приводятся, будут иметь ценность лишь в случае, если будет обеспечено снабжение с территорий, которые должны быть оккупированы, что необходимо великой Германии для продолжения войны...

...1. Создание центрального департамента для оккупированных территорий СССР. Это мероприятие должно быть более или менее ограничено военным временем...

...На упомянутый департамент, который будет действовать в сотрудничестве с высшими и верховными властями империи, будут возложены следующие задачи:

а) Издавать обязательные политические инструкции для отдельных административных областей в соответствии с обстановкой, существующей там в данный момент, а также с целью, которая должна быть достигнута.

б) Обеспечить важное для ведения войны снабжение империи со всех оккупированных территорий.

с) Подготавливать, а также наблюдать за проведением в жизнь, в общих чертах, наиболее важных задач для всех территорий, как например, задач, касающихся финансов и фондов, транспорта, добычи нефти, угля, а также продовольствия...

...2. Следует проводить ярко выраженную децентрализацию на территориях отдельных административных областей, сгруппированных по расовому признаку или же по принципу политической экономии для того, чтобы проводить выполнение совершенно различных задач, предназначенных для них...

...С другой стороны, административный департамент, осуществляющий общее руководство и организованный на чисто экономической базе, как это предполагается в настоящее время, может в скором времени оказаться не оправдывающим себя и не достигающим своих целей.

Такое центральное учреждение будет обязано проводить общую политику для всех территорий, продиктованную только экономическими соображениями, что может мешать выполнению политической задачи или, в связи с бюрократической формой управления, может даже сорвать выполнение политической задачи...

...Поэтому встает вопрос — не следует ли с самого начала организации управления территории на базе военной экономики принять во внимание изложенные выше соображения. Имея в виду обширные пространства, большие трудности управления, возникающие из одного этого, и также бытовые условия, созданные большевизмом, которые являются совершенно отличными от бытовых условий в Западной Европе, — вся проблема СССР требует совершенно иного к ней подхода, отличающегося от того, который соответствовал отдельным странам Западной Европы...»

Далее я представляю приказ Гитлера от 20 апреля 1941 г. (документ ПС-865, США-143):

«...Я назначаю рейхслейтера Альфреда Розенберга моим уполномоченным по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями.

Учреждение, которое должно быть создано в соответствии с его приказами, является подведомственным рейхслейтеру Розенбергу для выполнения настоящих, возложенных на него задач.

...Необходимые денежные суммы для этого учреждения должны быть взяты из казны имперской канцелярии из общих средств.

Ставка фюрера. 20 апреля 1941 г.

Адольф Гитлер

Имперский министр
и начальник имперской канцелярии
доктор *Ламмерс*.

Копия этого приказа фюрера, которой мы располагаем, была приложена к письму, написанному доктором Ламмерсом подсудимому Кейтелю, с просьбой о его сотрудничестве с Розенбергом, а также с просьбой о том, чтобы Кейтель назначил заместителя для совместной работы с Розенбергом. Это письмо (оно написано на бланке имперского министра и начальника имперской канцелярии) гласит:

«Берлин, 21 апреля 1941 года».

Я приведу последние два абзаца:

«...Поэтому я прошу Вас, в соответствии с желаниями фюрера, оказать любую требуемую помощь рейхслейтеру Розенбергу в деле проведения возложенной на него задачи.

В интересах соблюдения секретности рекомендуется, чтобы Вы назначили представителя от вашего учреждения, с которым учреждение рейхслейтера сможет поддерживать связь и который, кроме вашего обычного заместителя, будет единственным лицом, которому Вы сообщите содержание этого письма.

Я буду весьма обязан, если Вы подтвердите получение этого письма...»

В последовавшем на это письмо ответе Кейтель подтверждает Ламмерсу получение его письма и сообщает о своем согласии на выдвинутую просьбу. Кейтель также написал письмо Розенбергу, в котором он сообщал о предпринятых им действиях. Сейчас я перехожу к письму Кейтеля, текст которого я зачитаю:

«Дорогой имперский министр, настоящим подтверждаю получение копии декрета фюрера, которым фюрер назначил рейхслейтера Альфреда Розенберга своим уполномоченным по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями. Я назначил генерала артиллерии Иодля, начальника оперативного штаба вооруженных сил, в качестве моего постоянного заместителя и генерал-майора Варлимонта в качестве его заместителя».

В письме рейхслейтеру Розенбергу в тот же день Кейтель писал:

«Начальник имперской канцелярии направил мне копию декрета фюрера, которым фюрер назначил Вас своим уполномоченным по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями.

Я поручил генералу артиллерии Иодлю — начальнику оперативного штаба вооруженных сил и его заместителю — генерал-майору Варлимонту заняться решением этих вопросов в той степени, в какой они касаются верховного командования вооруженных сил.

Теперь я прошу Вас, поскольку это касается Вашего учреждения, связываться по этим вопросам только с ними».

Немедленно по получении приказа от Гитлера Розенберг начал создавать свою организацию, консультируясь с различными министерствами, издавая свои инструкции и вообще подготавливая подробные планы и проводя другую подготовку, необходимую для осуществления поставленной перед ним задачи.

Представляется документ ПС-1030, США-144 — меморандум от 8 мая 1941 г.: «Общие инструкции для всех рейхскомиссаров оккупированных восточных территорий»:

«...На долю национал-социалистского движения выпало осуществить политический завет фюрера, изложенный в его книге, и навсегда уничтожить военную и политическую угрозу с Востока.

Поэтому эта огромная территория должна быть разделена в соответствии с ее историческими и расовыми признаками на рейхскомиссариаты, каждый из которых имеет различное политическое предназначение.

Так, например, перед имперским комиссариатом Остланд, включающим Белоруссию, будет стоять задача подготовиться, путем постепенного превращения его в германизированный протекторат, к более тесной связи с Германией. Украина станет независимым государством в союзе с Германией, а Кавказ с прилегающими к нему северными территориями станет федеральным государством с германским полномочным представителем. Сама Россия должна занимать в будущем только принадлежащую ей территорию.

Эти общие положения разъясняются в следующих за ними инструкциях для каждого имперского уполномоченного. Помимо этого имеется еще несколько общих соображений, представляющих ценность для всех имперских уполномоченных...

...Теперь Германская империя должна провозгласить тот принцип, что после оккупации восточных территорий прежняя германская собственность станет собственностью народа Великой Германии, независимо от согласия бывших индивидуальных владельцев, в отношении которых Германская империя сохраняет право (в случае, если это не было уже сделано в течение переселения) провести справедливое расселение».

Документ ПС-1029, США-145: «Инструкция министра восточных оккупированных областей Розенберга имперскому уполномоченному прибалтийских стран и Белоруссии»:

«Все области между Нарвой и Тильзитом поддерживали постоянно тесные отношения с германским народом. Насчитывающая семь столетий история сформировала внутренние симпатии большинства национальностей, населяющих эти области, направила эти симпатии к Европе и включила эти области в жизненное пространство великой Германии.

Целью имперского уполномоченного в Эстонии, Латвии, Литве и Белоруссии (последние слова прибавлены в оригинале карандашом) должно являться создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть Великой Германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов. Балтийское море должно стать внутренним германским морем под охраной великой Германии.

В отношении продуктов животноводства балтийские области всегда имели избыточный продукт, и имперский уполномоченный должен стремиться к тому, чтобы сделать возможным предоставление этого избытка германскому народу и, если это возможно, также и увеличение его. Что же касается процесса германизации или переселения, то эстонский народ уже сильно германизован на 50 процентов датской, германской и шведской кровью и может рассматриваться как родственная нация. В Латвии населения, подходящего для ассимиляции, значительно меньше, чем в Эстонии. В этой стране следует считаться с возможностью более сильного сопротивления и можно предвидеть выселение в значительно больших масштабах. Подобных же событий можно ждать и в Литве, поэтому и здесь надо будет прибегнуть к иммиграции лиц германской нации для того, чтобы ускорить интенсивную германизацию (на границе Восточной Пруссии)...

...Поэтому задача имперского комиссара, чьим местопребыванием будет Рига, будет чрезвычайно положительной. Страна, которая 700 лет назад была захвачена германскими рыцарями, создана ганзейским союзом и которая по причине постоянного притока германской крови вместе со шведскими элементами была преимущественно германизированной страной, должна быть превращена в сильную пограничную область Германии. Там уже повсюду существуют определенные культурно-бытовые условия и германская империя будет в состоянии гарантировать право на эмиграцию впоследствии для тех, кто отличился в этой войне, а также потомкам тех, кто отдал свои жизни в течение этой войны, а также всем тем, кто сражался в Балтийскую кампанию, никогда не теряя мужества, сражался в безнадежное время и

спасал балтийскую цивилизацию от большевизма. Что касается остального, то разрешение проблемы колонизации не является балтийским вопросом, но вопросом, касающимся великой Германии, и он должен быть разрешен соответственно этому...»

По моему мнению, эти две директивы достаточно характерны для множества других документов и показывают размах планирования и подготовки в этой стадии агрессии, так же как и те политические цели, которые должны были быть достигнуты. Однако 28 июня 1941 г., меньше чем неделю спустя после вторжения, Розенберг подготовил отчет о своей деятельности со времени его назначения 20 апреля.

Этот отчет (ПС-1039, США-146) был найден в архивах подсудимого Розенберга.

Он озаглавлен: «Отчет о подготовительной работе по восточноевропейским вопросам».

«Сразу после того, как до сведения высших имперских правительственных органов был доведен приказ фюрера от 20.IV 1941 г., состоялось совещание у начальника штаба верховного командования вооруженных сил» (то есть у подсудимого Кейтеля).

«После того, как были изложены различные политические цели, которым должны были следовать соответствующие имперские комиссариаты, а также рассмотрены другие проблемы, связанные с Востоком, начальник вооруженных сил заявил, что в данном случае система бронирования будет слишком сложной и поэтому решать вопрос кадров придется путем непосредственного назначения по приказу начальника штаба верховного командования вооруженных сил. Генерал-фельдмаршал Кейтель издал тогда соответствующий приказ, послуживший основой последующих затребований. Он назначил в качестве своего заместителя и офицера связи генерала Йодля и генерал-майора Варлимонта. Все последовавшие за этим переговоры по всем вопросам восточного пространства проводились впоследствии должностными лицами ОКВ совместно с сотрудниками моего аппарата.

На совещании с адмиралом Канарисом было решено, что мое учреждение никоим образом не должно входить в соприкосновение с какими бы то ни было представителями народов восточноевропейской территории. Я просил его сделать это постольку, поскольку это могло потребоваться для работы военной разведки, и просил назвать мне лиц, которые могли бы совмещать с функциями разведывательной службы функции политических деятелей для того, чтобы впоследствии иметь возможность определить их окончательное использование. Адмирал Канарис заявил, что, естественно, мое пожелание, касающееся непризнания политических группировок среди эмигрантов, будет им учтено

и что он намеревается действовать в полном соответствии с моими указаниями.

Позднее я ознакомил генерал-фельдмаршала фон Браухича и гроссадмирала Редера с историческим и политическим пониманием восточной проблемы. В течение дальнейших переговоров мы условились о том, чтобы были выделены мои представители по вопросам политического характера и по вопросам, связанным с запросами верховного командования. Эти представители должны были находиться при главном командовании армии, соответственно при главном квартирмейстере и в отдельных армейских группах. Этот проект был впоследствии осуществлен.

Тогда же вначале имело место совещание с имперским министром экономики Функом, который назначил в качестве своего постоянного представителя директора департамента д-ра Шлотерер. С участием последнего стали затем почти ежедневно проводиться совещания по вопросам военно-экономических задач штаба по руководству экономическими мероприятиями на Востоке. В этой связи мне пришлось вести переговоры с генералом Томасом, статс-секретарем Кернером, статс-секретарем Бакке, директором департамента Рике, генералом Шобертом и др.

Было достигнуто полное соглашение по всем восточным вопросам, связанным с непосредственной технической работой на данном этапе, а также в будущем.

Некоторые проблемы координации работы намечавшегося имперского министерства с деятельностью управления по четырехлетнему плану оставались еще открытыми и подлежали после представления их фюреру его решению.

В принципе я заявил, что я никоим образом не намереваюсь создавать в своем аппарате какого-либо управления по вопросам экономики. Более того, вопросы экономики должны были бы по существу практически решаться рейхсмаршалом и назначенными им должностными лицами. Однако два ответственных начальника департаментов, а именно: директор департамента д-р Шлотерер, занимающийся вопросами промышленной экономики, и директор департамента Рике, ведающий вопросами пищевой промышленности, должны были войти в состав моего аппарата в качестве постоянных офицеров связи для того, чтобы координировать политические задачи с экономическими нуждами. Этот отдел должен был включать в себя также целый ряд других должностных лиц, ведающих вопросами координации, в зависимости от положения с рабочей силой, которое могло создаться впоследствии...

После того, как имперский министр иностранных дел был поставлен в известность относительно этого декрета, он выделил в мое распоряжение в качестве постоянного офицера связи тайного советника Гросскопфа.

Министерство иностранных дел назначило в качестве запрошенного мной представителя в политический отдел моего учреждения (руководство которого было поручено рейхсamtслейтеру д-ру Лейбрандту) генерального консула д-ра Бройтигама, которого я знал уже много лет. Он владел русским языком и в течение нескольких лет работал в России...

Министерство пропаганды выделило в качестве постоянного офицера связи статс-секретаря Гуттерера... В целях осуществления более тесного сотрудничества, министерство пропаганды назначает непосредственно в мой отдел «просвещения и прессы» еще одно лицо и, кроме того, дополнительно назначает постоянного офицера связи по вопросам прессы.

Эта деятельность уже продолжалась некоторое время, и без привлечения какого-либо внимания к моему учреждению шла ежедневная работа по утверждению тематических и терминологических материалов.

Тщательное обсуждение вопросов, касающихся организации связи в будущем и также строительства всех необходимых технических объектов в районах, намеченных для оккупации, велось с имперским министром Онезорге, о поставке рабочей силы — с имперским министром Зельде и с имперским министром Фриком, детально обсуждался вопрос о назначении большого количества чиновников, необходимых для соответствующих комиссариатов. По предварительному плану, одобренному фюрером, в настоящий момент намечается создание четырех имперских комиссариатов. Исходя из соображений политического характера и целого ряда других, я предложу фюреру организовать достаточное количество генеральных комиссариатов (24), главных комиссариатов (около 80) и областных комиссариатов (свыше 900).

Генеральный комиссариат будет соответствовать прежнему генерал-губернаторству, главный комиссариат — главному губернаторству. В состав областного комиссариата будут входить 3—4 административных округа. Учитывая огромные территории, подобное административное деление является минимумом того, что представляется необходимым для будущего гражданского правительства или администрации. Некоторая часть чиновников для этого аппарата уже была затребована, согласно вышеупомянутому распоряжению верховного командования вооруженными силами...»

Этим отчетом лично затронуты следующие подсудимые, находящиеся сейчас перед судом: Кейтель, Иодль, Редер, Функ, Геринг, Риббентроп, Фрик, Ширах и Фриче. Им также затрагиваются следующие организации: верховное командование вооруженных сил (ОКВ), главное командование армии (ОКХ), главное командование всеинно-воздушных сил (ОКЛ), министерство внутренних дел, министерство экономики, министерство иностран-

ных дел, министерство пропаганды, министерство труда, министерство связи, имперский руководитель врачей, министерство боеприпасов и вооружения, руководство имперской молодежью, имперский руководитель по организационным вопросам, германский трудовой фронт, СС, СА и руководитель имперской прессы.

На более поздней стадии процесса, в связи с другими вопросами, Трибуналу будут представлены доказательства того, каким образом практически проводились в жизнь это планирование и подготовка к уничтожению Союза Советских Социалистических Республик как политического фактора.

Планированное истребление интеллигенции и других русских руководителей было, например, только частью оперативной программы, предназначенной для того, чтобы разрушить Советский Союз политически и сделать невозможным его быстрое возрождение как европейской державы.

Тщательно подготовившись, таким образом, во всех областях к вторжению на территорию Советского Союза, нацистские заговорщики приступили к осуществлению своих планов и 22 июня 1941 года они бросили свои армии через границу СССР.

Гитлер издал прокламацию в день нападения, провозгласив об этом акте вероломства всему миру. Я хотел бы зачитать одну следующую фразу:

«Поэтому сегодня я принял решение вновь вручить судьбу Европы в руки наших солдат».

Это заявление оповестило мир о том, что жребий был брошен; планы, которые тщательно скрывались в течение почти целого года и секретно и непрерывно разрабатывались, теперь претворились в жизнь.

Нацистские заговорщики, тщательно и подробно запланировав и подготовив эту агрессивную войну, теперь приступили к развязыванию и ведению ее.

Теперь мы переходим к рассмотрению мотивов нападения.

Прежде чем остановиться на истинных причинах, я хотел бы сначала указать, что Германия была не только связана торжественным обязательством не нападать на СССР, но также и тем, что в течение всего периода, начиная с августа 1939 года до начала вторжения в 1941 году, Советский Союз был верен своему соглашению с Германией и не проявлял никаких агрессивных намерений в отношении территорий германской империи. Генерал Томас, например, указывает в своей работе «Основные факты, относящиеся к истории германской военной экономики и экономики вооружения», что поскольку это касается германско-советского торгового соглашения от 11 августа 1939 г., Советы выполняли свои поставки начиная с этой даты до самого конца быстро и добросовестно.

Фюрер издал директиву о том, чтобы с целью замаскировать передвижение германских войск заказы, которые Россия разместила в Германии, должны выполняться как можно скорее. Россия выполняла свои обязательства по поставке зерна лишь тогда, когда Германия в свою очередь выполнила заказы, размещенные русскими. В случаях, когда русские заказы падали на частные фирмы, последние из-за поставок России не могли выполнять одновременно заказы для германских вооруженных сил. Ввиду этого управление экономики и вооружения должно было вступать в многочисленные индивидуальные переговоры с различными германскими фирмами с целью координировать выполнение русских заказов и заказов немцев с точки зрения приоритета последних.

В соответствии с рекомендациями министерства иностранных дел германская промышленность получала указания принимать все заказы русских, даже в тех случаях, когда было невозможно выполнить эти заказы в пределах сроков, данных для производства и доставки. Особенно начиная с мая, когда должно было быть доставлено большое количество оборудования для военно-морского флота, фирмам были даны инструкции провести это оборудование через русскую комиссию по приемке, но затем, однако, настолько затянуть доставку этого оборудования, чтобы было невозможно перевезти его через границу до начала германского нападения.

Советский Союз не только был верен своим обязательствам по отношению к Германии, но, как свидетельствуют документальные доказательства, он не имел никаких агрессивных намерений по отношению к германской территории...

Я полагаю, что будет достаточно зачитать Трибуналу некоторые записи, которые включают донесения германского посла в Москве от июня 1941 года.

Я сначала зачитаю запись в дневнике за № 165. Она относится к 4 июня:

«Внешне нет никаких перемен в отношениях между Германией и Россией. Русские поставки продолжают вполне удовлетворительно. Русское правительство стремится сделать все для того, чтобы предотвратить конфликт с Германией».

Следующая запись № 167 гласит:

«6 июня. Посол в Москве докладывает: ...Россия будет сражаться лишь в случае нападения на нее Германией. Москва считает, что ситуация является сейчас намного более серьезной, нежели она была до сих пор. Все военные подготовительные мероприятия проводятся весьма спокойно, и они носят, насколько это можно определить, лишь оборонительный характер. Русская политика, как и прежде, направлена на то, чтобы поддерживать самые хорошие отношения с Германией».

Следующая запись № 169 относится к 7 июня:

«Из доклада посла в Москве. Все наблюдения показывают, что Сталин и Молотов, которые одни руководят русской внешней политикой, делают все для того, чтобы избежать конфликта с Германией. Само поведение правительства, так же как и высказывания прессы, которая сообщает о всех событиях, касающихся Германии, в фактической и не вызывающей возражений форме, подтверждает эту точку зрения.

Лояльное выполнение экономического договора с Германией доказывает то же самое».

Поэтому причины, которые привели к нападению на Советский Союз, не могли заключаться в самообороне или нарушении договора со стороны Советского Союза.

В действительности, несомненно, и это неизбежно вытекает из представленных документов о планировании и подготовке, ни одна причина определила решение нацистских заговорщиков совершить агрессивное нападение на СССР. Преобладающий мотив нацистской политики, определявший различные причины, вызвавшие решение напасть на Советский Союз, может быть охарактеризован как традиционное нацистское стремление к экспансии на Восток за счет СССР.

Эта нацистская версия прежнего империалистического лозунга «Дранг нах Остен», или «Поход на Восток», была кардинальным принципом нацистской партии с самого начала ее создания, и она основывалась на двойной базе — политической стратегии и экономических приобретениях.

В политическом отношении подобные действия привели бы к уничтожению на востоке мощной страны, которая смогла бы создать угрозу германским притязаниям и захвату «жизненного пространства», тогда как с экономической точки зрения эти действия создали бы блестящие возможности для того, чтобы награбить огромное количество продовольствия, сырья и других материалов.

В 1923 году Гитлер изложил эту теорию в некоторых деталях в своей книге «Майн кампф», где он, в частности, писал следующее:

«Таким образом, мы, национал-социалисты, сознательно перечеркиваем все касающееся политической тенденции внешней политики довоенного периода. Мы начинаем там, где мы прервали 600 лет тому назад. Мы прекращаем бесконечное германское продвижение на Юг и Запад и обращаем наш взор на территории Востока.

Наконец, мы порвали с колониальной и коммерческой политикой довоенного периода и переходим к политике территорий в будущем. Если мы говорим о территории в Европе сегодня, то

мы, в первую очередь, имеем в виду только Россию и ее вассальные, граничащие с ней, государства».

Политическая часть этой экономической проблемы, или цель ее, таким образом, ясно отражена в указанных ранее задачах организации, созданной подсудимым Розенбергом для управления оккупированными восточными территориями.

Речь Розенберга 20 июня 1941 г. на совещании по поводу восточной проблемы (документ ПС-1058, США-147):

«Задача обеспечения продовольствием германского народа стоит в этом году, вне всякого сомнения, на первом месте в списке притязаний Германии на Востоке. Южные территории и Северный Кавказ должны будут служить в качестве баланса при снабжении продовольствием германского народа. Мы не видим абсолютно никакой причины для каких-либо обязательств с нашей стороны снабжать продовольствием также и русский народ продуктами с этой добавочной территории. Мы знаем, конечно, что это жестокая необходимость, лишняя какого-либо чувства. Эвакуация в широких масштабах станет необходимостью, вне всякого сомнения, и, ясно, история уготовила в будущем весьма тяжелые годы для русских. В дальнейшем надо будет сохранить промышленность (производство вагонов и т. д.). Подготовка и проведение этой политики в России представляют для германской империи и ее будущего огромную и, вне всякого сомнения, отрицательную задачу, как это может показаться, если принимать во внимание только жестокую необходимость эвакуации...»

...Одной из главных целей вторжения является захват путем грабежа продовольствия и сырья, необходимых для нацистской военной машины, независимо от ужасающих последствий, которые такой грабеж должен вызвать... Выполнение этих нацистских планов должно было, несомненно, иметь своим результатом ограбление миллионов людей и голодную смерть их из-за отсутствия пищи.

20 июня 1941 г. генерал Томас написал меморандум, в котором он заявил, что генерал Кейтель подтвердил ему мнение Гитлера о германской экономической политике в отношении сырья. Эта политика выражала невероятную, бесчеловечную теорию о том, что меньшее количество рабочей силы понадобится для завоевания источников сырья, нежели для производства синтетических продуктов взамен таких сырьевых материалов. Документ ПС-1453, США-148, приводится его содержание:

«Ниже излагается новая концепция фюрера, которую мне сообщил министр Тодт и впоследствии подтвердил фельдмаршал Кейтель.

Параграф первый. Ход войны показывает, что мы слишком далеко зашли в наших попытках добиться автаркии. Невозможно

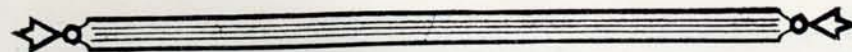
производить все, в чем мы испытываем недостаток, путем синтетического производства или другими способами. В частности, невозможно добиться такого состояния производства горючего, при котором мы могли полностью удовлетворять свои потребности. Все эти попытки добиться автаркии требуют огромного количества рабочей силы, и мы просто не имеем возможности обеспечить ее. Надо найти другой путь. Нужно завоевать то, в чем нуждаешься; то количество людей, которое потребуется лишь один раз, не будет столь велико, как то, которое нам необходимо изо дня в день для продолжения производства на заводах, где продукция вырабатывается синтетическим путем. Наша цель должна также заключаться в том, чтобы обеспечить все территории, которые представляют собой интерес для нашей военной экономики, путем их завоевания...

...Когда был принят 4-летний план, я совершенно определенно заявил, что полная автаркия для нас невозможна потому, что в этом случае будет слишком велика потребность в рабочей силе. Тем не менее мои решения всегда были направлены к тому, чтобы обеспечить необходимые резервы недостающих товаров, то есть соответственно обеспечить их доставку в военное время через экономических союзников...»

На этом мрачном документе я заканчиваю свое повествование об этой агрессии. Мы рассмотрели, как нацистские заговорщики планировали, подготавливали и затем осуществили свое вероломное нападение на Советский Союз. Другие продолжат вам это повествование и расскажут о том, каким ужасным образом эти заговорщики осуществляли эту агрессию и какие бесчисленные преступления они совершили в ходе ее. Когда я рассматриваю торжественные обязательства о ненападении, подлинные мотивы, которые вызвали нападение, месяцы секретного планирования и подготовки, безмерные страдания, преднамеренно и обдуманно причиненные, когда я рассматриваю все это, я чувствую себя в полном праве сказать, что никогда прежде — и да пусть никогда не повторится в будущем больше, — никогда в историю отношений между суверенными нациями не была вписана более мрачная страница, чем та, которая повествует о неспровоцированном вторжении нацистских заговорщиков на территорию Советского Союза.

За все это ответственны подсудимые, которые находятся перед вами на скамье подсудимых.

Пусть же наказание соответствует преступлению.

Документ ПС-446, США-31

ДИРЕКТИВА ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ
ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ ОТ 18 ДЕКАБРЯ 1940 г. № 21
О НАПАДЕНИИ НА СССР

ДИРЕКТИВА № 21 ВАРИАНТ «БАРБАРОССА»

Немецкие вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию (вариант «Барбаросса»).

Для этого армия должна будет использовать все состоящие в ее распоряжении соединения с тем лишь ограничением, что оккупированные области должны быть защищены от всяких неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил будет заключаться в том, чтобы высвободить для восточного фронта силы, необходимые для поддержки армии, с тем, чтобы можно было рассчитывать на быстрое проведение наземной операции, а также на то, чтобы разрушения восточных областей Германии со стороны вражеской авиации были бы наименее значительными.

Основное требование заключается в том, чтобы находящиеся под нашей властью районы боевых действий и боевого обеспечения были полностью защищены от воздушного нападения неприятеля и чтобы наступательные действия против Англии и в особенности против ее путей подвоза отнюдь не ослабевали.

Центр тяжести применения военного флота остается и во время восточного похода направленным преимущественно против Англии.

Приказ о наступлении на Советскую Россию я дам в случае необходимости за восемь недель перед намеченным началом операции.

Приготовления, требующие более значительного времени, должны быть начаты (если они еще не начались) уже сейчас и доведены до конца к 15.V.41.

Особое внимание следует обратить на то, чтобы не было разгадано намерение произвести нападение.

Приготовления верховного главнокомандования должны вестись исходя из следующих основных положений:

Общая цель

Находящиеся в западной части России войсковые массы русской армии должны быть уничтожены в смелых операциях

с глубоким продвижением танковых частей. Следует воспрепятствовать отступлению боеспособных частей в просторы русской территории.

Затем путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русская авиация уже не будет в состоянии совершать нападения на германские области. Конечной целью операции является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск — Волга. Таким образом, в случае необходимости остающаяся у России последняя промышленная область на Урале сможет быть парализована с помощью авиации.

В ходе этих операций Балтийский флот русских быстро потеряет свои опорные пункты и таким образом перестанет быть боеспособным.

Уже в начале операции следует путем мощных ударов предотвратить возможность действительного вмешательства со стороны русской авиации.

Предполагаемые союзники и их задачи

1. На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России.

Верховное командование германской армии своевременно согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран будут при их вступлении в войну подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы совместно с наступающей там группой вооруженных сил сковать находящиеся против нее силы противника, а в остальном — нести вспомогательную службу в тыловом районе.

3. Финляндия должна будет прикрывать наступление немецкой десантной северной группы (части XXI группы), которая должна прибыть из Норвегии, а затем оперировать совместно с нею. Кроме того, на долю Финляндии возлагается ликвидация русских сил в Ханко.

4. Можно рассчитывать на то, что не позже, чем начнется операция, шведские железные дороги и шоссе будут предоставлены для продвижения немецкой северной группы.

Проведение операции

Армия в соответствии с вышеизложенными целями:

В районе военных действий, разделенном болотами р. Припяти на северную и южную половины, центр тяжести операции следует наметить севернее этой области. Здесь следует предусмотреть две армейские группы.

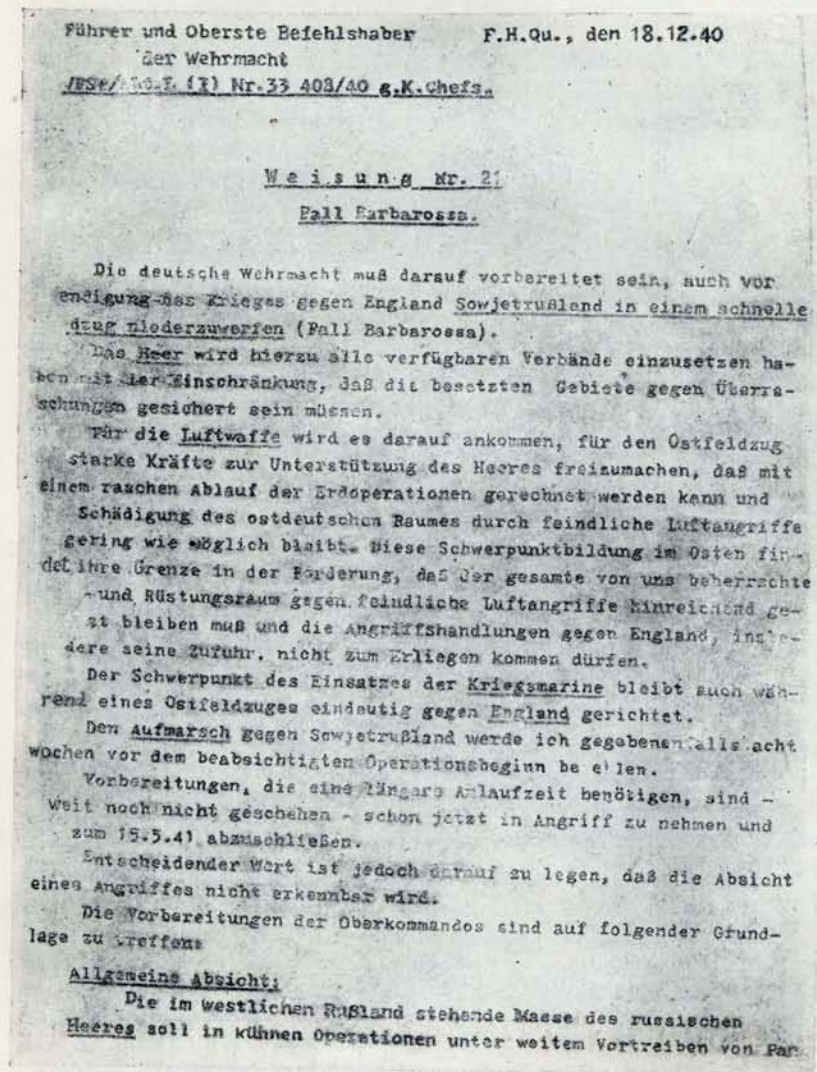

Рис. 5. „План Барбаросса“ (первая страница)

Kriegsmarine:

Der Kriegsmarine fällt gegen Sowjetrußland die Aufgabe zu, unter Sicherung der eigenen Küste ein Ausbrechen feindlicher Seestreitkräfte aus der Ostsee zu verhindern. Da nach dem Erreichen von Leningrad der russischen Ostseeflotte der letzteützpunkt genommen und diese dann in hoffnungsloser Lage sein wird, sind vorher größere Seeoperationen zu vermeiden.

Nach dem Ausschalten der russischen Flotte wird es darauf ankommen, den vollen Seeverkehr in der Ostsee, dabei auch den Nachschub für den nördlichen Heeresflügel über See, sicherzustellen (Minenkümmung!).

Alle von den Herren Oberbefehlshabern auf Grund dieser Weisung zu treffenden Anordnungen müssen eindeutig dahin abgestimmt sein, daß es sich um Vorsichtsmaßnahmen handelt für den Fall, daß Rußland seine bisherige Haltung gegen uns ändern sollte. Die Zahl der frühzeitig zu den Vorarbeiten heranzuziehenden Offiziere ist so klein wie möglich zu halten, weitere Mitarbeiter sind so spät wie möglich und nur in dem für die Tätigkeit jedes Einzelnen erforderlichen Umfang einzuweisen. Sonst besteht die Gefahr, daß durch ein Bekanntwerden unserer Vorbereitungen, deren Durchführung zeitlich noch gar nicht festliegt, schwerste politische und militärische Nachteile entstehen. Vorträgen der Herren Oberbefehlshaber über ihre weiteren Absichten auf Grund dieser Weisung sehe ich entgegen.

Die beabsichtigten Vorbereitungen aller Wehrmachtteile sind mir, auch in ihrem zeitlichen Ablauf, über das Oberkommando der Wehrmacht zu melden.

gez. Adolf Hitler.

Quelle: WFSG/K.T.B. Anl. 12 vom 18.12.41

Рис. 6. „План Барбаросса“ (последняя страница)

Южной из этих двух групп, образующей центр общего фронта, предстоит задача с помощью особо усиленных танковых и моторизованных частей наступать из района Варшавы и севернее ее и уничтожить русские вооруженные силы в Белоруссии. Таким образом должна быть создана предпосылка для проникновения больших сил подвижных войск на север с тем, чтобы во взаимодействии с северной армейской группой, наступающей из Восточной Пруссии в направлении Ленинграда, уничтожить войска противника, сражающиеся в Прибалтике. Лишь после обеспечения этой неотложной задачи, которая должна завершиться захватом Ленинграда и Кронштадта, следует продолжать наступательные операции по овладению важнейшим центром коммуникаций и оборонной промышленности — Москвой.

Только неожиданно быстрое уничтожение сопротивляемости русской армии могло бы позволить стремиться к одновременному завершению обоих этапов операции.

Основной задачей XXI группы во время восточной операции остается по-прежнему оборона Норвегии. Имеющиеся сверх этого силы следует обратить на севере (горный корпус) в первую очередь на обеспечение области Петсамо и его рудных шахт, а также трассы Северного Ледовитого океана, а затем совместно с финскими вооруженными силами продвинуться к Мурманской железной дороге, чтобы прервать снабжение сухим путем Мурманской области.

Сможет ли быть проведена подобная операция с помощью более мощных немецких вооруженных сил (2—3 дивизии) из района Рованиэми и южнее его, — зависит от готовности Швеции предоставить свои железные дороги для этого наступления.

Основным силам финской армии будет поставлена задача в соответствии с успехами немецкого северного фланга, сковать как можно больше русских сил путем нападения западнее или по обеим сторонам Ладожского озера, а также овладеть Ханко.

Основной задачей армейской группы, расположенной южнее припятских болот, является наступление из района Люблина в общем направлении на Киев, чтобы мощными танковыми силами быстро продвинуться во фланг и в тыл русских сил и затем напасть на них при их отходе к Днепру.

Германо-румынской армейской группе на правом фланге предстоит задача:

а) оборонять румынскую территорию и, таким образом, южный фланг всей операции;

б) в ходе нападения на северном фланге южной армейской группе сковать находящиеся против нее силы неприятеля, а в случае успешного развития событий путем преследования, во взаимодействии с воздушными силами, препятствовать организованному отходу русских через Днестр.

На севере — быстрое достижение Москвы. Захват этого города означает как с политической, так и с хозяйственной стороны решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишаются важнейшего железнодорожного узла.

Воздушные вооруженные силы:

Их задача будет заключаться в том, чтобы по возможности парализовать и ликвидировать воздействие русской авиации, а также в том, чтобы поддерживать операции армии на ее решающих направлениях, а именно: центральной армейской группы и — на решающем фланговом направлении — южной армейской группы. Русские железные дороги должны быть перерезаны в зависимости от их значения для операции преимущественно на их важнейших ближайших объектах (мостах через реки) путем их захвата смелой высадкой парашютных и авиадесантных частей.

В целях сосредоточения всех сил для борьбы против неприятельской авиации и непосредственной поддержки армии не следует во время главных операций совершать нападения на оборонную промышленность. Только по окончании операции против средств сообщения такие нападения станут в порядок дня, и в первую очередь на Уральскую область.

Военно-морской флот:

Военно-морскому флоту в войне против Советской России предстоит задача, защищая собственное побережье, воспрепятствовать выходу неприятельских военно-морских сил из Балтийского моря. Ввиду того, что по достижении Ленинграда русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безвыходном положении, следует избегать перед этим более значительных морских операций.

После ликвидации русского флота задача будет состоять в том, чтобы полностью обеспечить снабжение северного фланга армии морским путем (очистка от мин!).

Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании настоящего указания, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свое отношение к нам, которого она придерживалась до сих пор.

Число офицеров, привлекаемых для предварительной подготовки, должно быть как можно более ограниченным, в дальнейшем сотрудники должны привлекаться как можно позже и посвящены лишь в объеме, необходимом для непосредственной деятельности каждого отдельного лица. Иначе возникает опас-

ность, что из-за огласки наших приготовлений, реализация которых пока вовсе еще не решена, могут возникнуть тяжелейшие политические и военные последствия.

Ожидаю от главнокомандующих докладов о их дальнейших намерениях, основанных на настоящем указании.

О намеченных приготовлениях и их ходе во всех войсковых частях доносить мне через верховное главнокомандование (ОКВ).

Завизировали: *Иодль, Кейтель.*

Подписано: *Гитлер.*

Разослано:			
главнокомандованию	сухопутными силами		экз. № 1
	(опер. отд.)		
»	»	флотом	» № 2
»	»	военно-воздушными силами	» № 3
ОКВ:			
	Шт. рук. вооруженными силами		» № 4
	Отдел Л		» № 5—9

Документ ПС-447

ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ.

Секретное командное дело
Относится к руководству
Только через офицера

44125/41

Содержание:

Главная квартира, 13 марта 1941 г.
Изготовлено в 5 экземплярах.

ИНСТРУКЦИЯ ОБ ОСОБЫХ ОБЛАСТЯХ К ДИРЕКТИВЕ № 21 (ВАРИАНТ «БАРБАРОССА»)

I. Район операции и исполнительная власть

1. В Восточной Пруссии и в генерал-губернаторстве самое позднее за 4 недели до начала операций верховным главнокомандованием вооруженных сил будут введены в действие для войск законы и распоряжения, существующие для района военных действий. Предложение об этом своевременно должно быть внесено главнокомандованием армии по согласованию с главнокомандованием военно-воздушных сил.

Отнюдь не имеется в виду объявлять Восточную Пруссию и генерал-губернаторство районом военных операций армии. Тем не менее главнокомандование армии на основании неопубликованных распоряжений фюрера от 19 и 21 октября 1939 г. уполномочивается провести те мероприятия, которые необходимы для выполнения поставленной перед ним военной задачи и для обеспечения безопасности войск. Эти права оно в свою очередь вправе предоставлять командующим армейскими группами и армиями. Подобного рода распоряжения подлежат выполнению в первую очередь по сравнению со всеми остальными делами и указаниями гражданских властей.

2. Захватываемые во время операций русские области, как только это позволит ход военных действий, должны превращаться в соответствии со специальными инструкциями в государства с собственными правительствами.

Из этого следует:

а) Театр военных действий, образуемый при продвижении армии за пределами германского государства и соседних государств, должен быть по возможности ограничен в глубину. Верховное командование армии уполномочено на этом театре осуществлять исполнительную власть и вправе передавать это полномочие главнокомандующим армейскими группами и армиями.

б) На театре военных действий рейхсфюрер СС получает по поручению фюрера специальные задачи по подготовке политического управления, которые вытекают из окончательной и решительной борьбы двух противоположных политических систем.

В рамках этих задач рейхсфюрер СС действует самостоятельно, на свою ответственность. В остальном исполнительная власть верховного командования армии и уполномоченных им должностных лиц ничем больше не затрагивается. Рейхсфюрер СС должен обеспечить, чтобы выполняемые им задачи не мешали ходу военных операций. Дальнейшие детали главное командование армии должно согласовать непосредственно с рейхсфюрером СС.

с) Как только театр военных действий достигнет достаточной глубины, он должен быть ограничен с тыла. Вновь захваченная область в тылу театра военных действий получает собственное политическое управление. В соответствии с национальными основами и исходя из разграничительных линий армейских групп, эта область должна быть разделена на северную (Прибалтика), центральную (Белоруссия) и южную (Украина). В этих областях политическое управление будет передано рейхскомиссарам, которые получают соответствующие инструкции от фюрера.

3. Для выполнения всех военных задач в новых областях, организованных в тылу театра военных действий, учреждаются командующие вооруженными силами, которые подчиняются начальнику штаба верховного главнокомандования вооруженными силами.

Командующий вооруженными силами является высшим представителем вооруженных сил в соответствующей области и осуществляет верховную военную власть. Перед ним стоят задачи командующего войсками территориального военного округа, и он пользуется правами главнокомандующего армией, то есть командующего генерала.

В этом отношении он выполняет следующие задачи:

а) тесное сотрудничество с рейхскомиссаром с целью оказания последнему содействия в выполнении поставленных перед ним политических задач,

б) эксплуатация страны и использование ее хозяйственных ресурсов для нужд германского хозяйства (см. стр. 4),

с) использование страны для обеспечения войск в соответствии с требованиями верховного командования армией,

д) воинская охрана всей области и в первую очередь аэропортов, путей сообщения и транспортных средств от восстания, саботажа и неприятельских парашютных частей,

е) регулирование движения по дорогам,

ф) предоставление жилья для вооруженных сил, полиции и организаций, а также для военнопленных, поскольку те остаются в этих областях.

В отношении гражданских учреждений командующий вооруженными силами имеет право отдавать распоряжения, которые

необходимы для выполнения стоящих перед ним военных задач. Его распоряжения в этой области должны выполняться в первую очередь даже по сравнению с распоряжениями рейхскомиссара.

Служебные указания, приказ о назначении и указание о предоставлении необходимых сил будут даны особо.

Время передачи власти командующим вооруженными силами будет отдано приказом, как только военное положение позволит изменить порядок командования без ущерба для военных операций. До тех пор учреждения, созданные верховным главнокомандованием армии, должны действовать на тех же самых основаниях, которые установлены для командующих вооруженными силами.

4. По вопросу о едином руководстве хозяйственным управлением на театре военных действий и в политически управляемых областях фюрер уполномочил рейхсмаршала, который возложил эти задачи на начальника тыла. Особые инструкции об этом будут изданы верховным главнокомандованием вооруженными силами по управлению тыла.

5. Полицейские силы подчиняются рейхскомиссару. Требования о предоставлении полицейских сил на театре военных действий должны быть заблаговременно испрошены главным командованием армии у верховного главнокомандования вооруженными силами (ОКВ) по отделу обороны страны.

6. О поведении войск по отношению к населению и задачх военных судов будут отданы специальные приказы и правила.

II. Пассажирское и грузовое сообщение, связь

7. В отношении необходимого до начала военных действий ограничения в пассажирском, грузовом сообщении и почтово-телеграфной связи будут отданы верховным главнокомандованием вооруженными силами (ОКВ) особые инструкции.

8. С началом военных действий граница между Германией и Советской Россией, а затем и тыловая граница театра военных действий должна быть верховным командованием армии закрыта для всякого невоинского пассажирского и грузового сообщения и почтово-телеграфной связи, за исключением полицейских органов, учреждаемых рейхсфюрером СС по указаниям фюрера. Размещение и снабжение этих органов регулирует верховное командование армии (генерал-квартирмейстер), который в этих целях вправе потребовать от рейхсфюрера СС установления офицеров связи.

Закрытие границы распространяется также и на руководящих лиц и уполномоченных высших государственных учреждений

и партийных органов. Верховное главнокомандование вооруженными силами (ОКВ) соответственно уведомит высшие государственные учреждения и партийные органы. В отношении исключений из этого закрытия границы решения принимают верховное командование армии и уполномоченные им учреждения. За исключением полицейских органов, для которых будет рейхсфюрером СС изданы особые правила, обращения по поводу выдачи разрешения на въезд должны быть направлены исключительно к верховному командованию армии.

III. Инструкции для Румынии, Словакии, Венгрии и Финляндии

9. Необходимые соглашения с этими государствами будут заключены в соответствии с представлениями верховного главнокомандования вооруженными силами совместно с министерством иностранных дел. Поскольку сверх того в дальнейшем ходе операций может выявляться необходимость в особых правах, по этому вопросу следует обращаться к верховному главнокомандованию вооруженными силами.

10. Полицейские мероприятия для непосредственной охраны войск допустимы независимо от предоставления особых прав. Дальнейшие распоряжения об этом будут даны позже.

11. Особые распоряжения в отношении этих государств по поводу предоставления продовольствия, медицинской помощи, жилья, оборудования, закупки и экспорта товаров, денежного снабжения и платежных правил, почтово-телеграфной связи, средств сообщения и подсудности будут даны позже.

Пожелания и претензии воинских частей и учреждений верховного командования, имеющиеся по этим вопросам к правительствам этих стран, должны быть заявлены верховному главнокомандованию вооруженными силами по отделу обороны страны до 27.III.41 г.

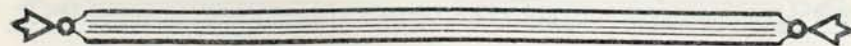
IV. Инструкции для Швеции

12. Поскольку Швеция может стать областью, через которую пройдут наши войска, для командующих немецкими частями не предусматривается каких-либо особых прав. Они, однако, вправе и обязаны осуществлять непосредственную охрану железнодорожных транспортов от актов саботажа и нападения.

Начальник верховного главнокомандования
вооруженными силами *Кейтель*.

Расчет рассылки.

Главное командование армии	экз. № 1
» » флота	» № 2
» » военно-возд. сил.	» № 3
В. Ф. Ст.	» № 4
Отделение Л.	» № 5

СЕКРЕТНЫЙ КОМАНДНЫЙ ДОКУМЕНТ

Документ ПС-1157

СОВЕЩАНИЕ С ОТДЕЛАМИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ОТ 29. 4. 1941 г.

Цель совещания: Обсуждение организационной структуры хозяйственного раздела «плана Барбаросса» — Ольденбург».

1. Фюрер в отмену действовавшего ранее положения приказал объединить работу по разрешению всех экономических проблем в едином центре и уполномочил рейхсмаршала Геринга осуществлять руководство экономическим управлением как в оперативном, так и в политическом отношении.

Последний поручил выполнение данной задачи экономическому исполнительному штабу.

2. Рейхсмаршалу и экономическому исполнительному штабу подчиняется как высший центральный орган по осуществлению данного мероприятия экономический штаб особого назначения «Ольденбург» во главе с генерал-лейтенантом Шобертом.

На местах ему подчинены:

5 хозяйственных инспекций,

23 хозяйственные команды и

12 филиалов, которые размещаются в важных местах в пределах действия хозяйственных команд.

3. Работа этих учреждений происходит в области фронтового тыла. В районе действия каждой войсковой части командиром фронтового тыла должна назначаться хозяйственная инспекция, в задачи которой входит экономическое использование данной территории. Хозяйственные инспекции, команды и филиалы не двигаются с войсковыми подразделениями, а остаются на одном месте для обслуживания данной территории.

4. Экономический штаб «Ольденбурга» занимается вопросами не только военной экономики, но всей экономикой данной области в целом.

Вся эта организация экономики делится на три большие группы:

Группы	Функции:
«М»	Военное снаряжение, средства передвижения.
«L»	Все вопросы продовольственного снабжения и сельское хозяйство.
«W»	Промышленная экономика, включая сырье и производственное снабжение, а также вопросы: лесного хозяйства, финансовые и банковые, трофейные, торговли и товарооборота и рабочей силы.

Уполномоченным по продовольствию и сельскому хозяйству является статс-секретарь Бакке, в то время как всей группой «W» руководит генерал фон Ханнекен.

6. Учреждаются 4 инспекции:

1) Ленинград (*Хопштейн*)

хозяйственные команды в городах: Вильно, Рига, Ревель, Ленинград, Мурманск, филиалы — в Вологде и Архангельске.

2) Москва (*Заксен*)

хозяйственные команды в городах: Минск, Москва, Тула, Горький; филиалы — в Брянске, Ярославле, Рыбинске.

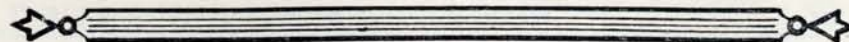
3) Киев (*Баден*)

хозяйственные команды в городах: Львов, Киев, Кишинев, Одесса, Харьков, Днепропетровск, Сталино, Ростов, Сталинград; филиалы — в городах: Севастополь, Керчь, Воронеж, Курск.

4) Баку (*Вестфален*)

хозяйственные команды: Краснодар, Грозный, Тифлис, Баку, один филиал в Батуми.

В резерве наряду с инспекциями под условным названием «Хессен» будет находиться одна хозяйственная команда (Боркум) и два филиала.

Документ С-26

ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

Относится к руководству
Только через офицера
Берлин, июнь 1941 г.
Изготовлено в 100 экз. Экз. № 50

Расчет рассылки:

ВГКАрм (с 39 копиями для арм. групп армий, танковых групп, рот пропаганды и учрежд. ВГК) экз. №№	1—40, 41—50
ВГК ВФл. (с 9 копиями)	41—50
ВГК возд. фл. (с 24 копиями для возд. флотов, авиакорпусов и авиаосведомит. рот)	51—75

Для сведения:

ВГК вооруж. сил (ВФ СТ)	76
ВГК вооруж. сил (Л)	77
ВГК вооруж. сил (Загр. абв.)	78
ВГК вооруж. сил (ВПФ)	79
ВГК вооруж. сил ведомство тыла	80
ВГК вооруж. сил штаб ЦБФ	81
ВГК вооруж. сил Кр. В-абт	82
ВГК вооруж. сил В ПР. I/II, IV, V — VI, VII	83—88
Запас 12 экземпляров	89—100

УКАЗАНИЯ О ПРИМЕНЕНИИ ПРОПАГАНДЫ
ПО ВАРИАНТУ «БАРБАРОССА»

1. Окончательные и полные тенденции для пропаганды против Советского Союза в настоящее время еще указаны быть не могут, так как вполне возможно, что еще до начала боевых действий политическое развитие предоставит нам новые, особо действенные тенденции для пропаганды.

Поэтому сохраняется право дополнить нижеизложенные указания о линиях пропаганды.

Однако в основном уже теперь можно сказать следующее:

а) Противниками Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство со своими чиновниками и коммунистическая партия, работающие на мировую революцию.

б) Следует особенно ясно указать, мотивируя это тем, что Советы до сих пор проводили в подвластных им местностях по отношению ко всему населению исключительно беззастенчивую насильственную политику, что германское военное командование приходит в страну не в качестве врага населения. Более того, оно хочет освободить население от тирании Советов.

Однако если со стороны меньшевистской части населения будет оказано сопротивление, то немецкие вооруженные силы будут вынуждены подавить его, кем и когда оно бы ни было оказано.

с) Точно так же немецкие вооруженные силы будут вынуждены наказывать со всей строгостью военных законов тех, кто нанесет вред немецким вооруженным силам путем шпионажа, диверсий (саботажа) или применения оружия вопреки международному праву и тем окажет помощь Советам.

д) Пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза на отдельные государства. В различных частях Советского Союза пропаганда должна пользоваться наиболее распространенным языком. Это, однако, не должно приводить к тому, чтобы характер отдельных пропагандистских текстов преждевременно давал бы повод к заключению о намерениях расчленить Советский Союз.

Тем не менее следует избегать терминов «Россия», «русские» «русские вооруженные силы» и заменять их терминами «Советский Союз», «народы Советского Союза», «Красная Армия» и т. п.

е) В дальнейшем очень важно доказать населению необходимость для каждого оставаться на месте своей работы. Разграбление и разбазаривание продовольствия, уничтожение машин и хозяйства неизбежно приведут к нищете и голоду. Из тех же хозяйственных соображений пока в порядок дня не должны быть поставлены вопросы о разделе земли и роспуске колхозов, хотя такие мероприятия и имеются в виду в будущем. Немедленное изменение производственных форм хозяйства только увеличило бы вредные последствия вызванных войной нарушений хозяйственной жизни.

2. С началом военных действий против Советского Союза все пропагандистские части могут начать давать информацию о войне. Особенно следует выпячивать всякого рода жестокости и нарушения международного права, в которых могла бы провиниться Красная Армия. Информация, основанная только на устных рассказах, — неприемлема. Она должна основываться на официальных донесениях офицеров. Особенно важно, чтобы первые отчеты о боевых действиях поступили в верховное главнокомандование вооруженных сил как можно скорее. С этой целью следует учесть необходимость внедрения смешанных инфор-

мационных подразделений пропагандистских частей в передовые соединения, ведущие боевые действия.

3. Пропагандистские пункты связи организуются ВГК вооруженных сил в Рейхсгофе (Ржошове), Варшаве, Кенигсберге и Рованиеми. Пересылка материалов информации из пропагандистских частей к ближайшему пропагандистскому пункту связи является обязанностью пропагандистских частей. Дальнейшая доставка информационного материала из пропагандистского пункта связи в Берлин производится пропагандистской ротой связи ВГК вооруженных сил. Кроме того, должна быть по возможности использована для пересылки информационных материалов непосредственная курьерская связь армии и военно-воздушных сил.

4. Для передачи в Берлин устной информации особенно из пропагандистских пунктов связи следует пользоваться телефоном, поскольку он имеется в распоряжении. Информация, передаваемая устно, тем не менее при ближайшей возможности должна быть послана и в письменном виде, причем должно быть отмечено, что эта информация уже была передана по телефону.

В качестве точек для приема радиоинформации предоставляются Краков, Варшава и Кенигсберг.

5. Применение всех средств активной пропаганды в борьбе против Красной Армии обещает большой успех, нежели в борьбе со всеми прежними противниками немецких вооруженных сил. Поэтому имеется намерение применять ее в больших масштабах.

Помимо отдаваемых в отдельных случаях приказов ВГК вооруженных сил о применении против неприятеля средств активной пропаганды, армиям и танковым группам предоставляется право перед началом боевых действий пускать в ход все имеющиеся в их распоряжении средства пропаганды для достижения неизменного боевого эффекта. Поскольку пропагандистские тексты, исходя из условий, места и времени, могут выходить за пределы их чисто тактического содержания, они должны во всяком случае соответствовать инструкциям, содержащимся в ст. 1.

6. Сбрасывание листовок с самолетов для советских частей и населения производится по указаниям непосредственно ВГК вооруженных сил через военно-воздушные силы.

7. Представляется целесообразным, чтобы армии подготовили воззвания к населению для расклейки на стенах домов, которые в основном соответствовали бы указанным в ст. 1 пропагандистским тенденциям и были бы приспособлены по содержанию и языку к различным группам населения, проживающим в отдельных населенных местностях. Кроме того, эти воззвания в самой сжатой форме могут содержать направленные к населению распоряжения военного командования. Эти воззвания должны быть

составлены, кроме немецкого, на том языке, который преобладает в данной местности (например, русском, эстонском, латышском и т. п.).

8. Применение громкоговорителей должно иметь место не только как пропагандистское средство борьбы с неприятелем, но и для пропагандистского воздействия на население оккупированных местностей. Определение характера и объема такого применения предоставляется армиям и танковым группам.

9. ВГК вооруженных сил будет передавать для армии «Бюллетени о Советском Союзе» и «Инструкции о поведении германских войск».

«Бюллетени» должны доводиться до дивизий и, кроме того, до рот пропаганды, а «Инструкции» — до рот.

10. Роты пропаганды армии незадолго до начала боевых действий будут пополнены ВГК вооруженных сил активными пропагандистами, работниками прессы, цензорами, а частично радиопередаточными подразделениями, которые в случае продолжения наступления должны быть оставлены в крупных городах и при больших радиопередаточных станциях. Позднее они будут исключены из состава рот пропаганды и будут сведены в отряды или отделы пропаганды. На ближайшее время должно быть предусмотрено создание по одному отделу пропаганды для Украины, собственно России и для Прибалтики.

11. Поскольку возможно в оккупированных местностях контролировать прессу, желательнее продолжать выпуск некоторых больших газет под немецкой цензурой. Это касается в первую очередь Украины и Прибалтики. Главной задачей немедленно вводимой цензуры является обеспечить, чтобы информация и комментирование ни в коей мере не вредили немецким интересам. Пресса должна видеть свою главную задачу в том, чтобы успокаивающе воздействовать на население и удерживать его от всяких актов саботажа. Там, где отсутствует возможность контроля над прессой, следует воспрепятствовать появлению газет, журналов и деятельность информационных бюро.

12. Особое значение имеет овладение весьма широкой советской радиосетью по возможности в неповрежденном виде с тем, чтобы немедленно использовать ее для целей немецкой пропаганды. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы передовые части захватывали и брали под охрану крупные радиопередаточные станции. Боевые части должны быть предупреждены о необходимости избегать каких бы то ни было повреждений радиопередаточных станций.

Как только будет установлена непрерывная цензура на радиопередаточной станции, следует возобновить передачи в ограниченных размерах. Для этого служат радиопередаточные под-

разделения, которые в соответствии со ст. 10 будут прикомандированы ВГК вооруженных сил к некоторым ротам пропаганды.

Соответствующими обращениями все население вновь должно предостерегаться против участия в борьбе и призываться к сохранению порядка и спокойствия. Для обеспечения передаточных станций информацией должны быть применены приемники ДНБ, имеющиеся в ротах пропаганды.

18. Для восполнения радиосети и в особенности для замены крупных радиопередаточных станций, разрушение которых удалось бы противнику, следует предусмотреть применение подвижных радиопередаточных станций. Необходимый для их организации личный состав будет доставлен ВГК вооруженных сил (отд. войск. пропаганды), который в каждом отдельном случае регулирует введение в действие этих радиопередатчиков.

14. Снабжение немецких частей газетами с родины, информацией для войск и доставка всякого другого информационного материала производится через внешние пункты Рейхсгоф (Ржосов) в Варшаву и Кенигсберг отделом пропаганды ВГК вооруженных сил, который затем установит связь с отдельными армейскими ротами.

Н-к опер. штаба верх. гл. ком. воор. сил *Иодль*

Примечание:

1. Вышеизложенная директива подлежит рассылке только учреждениям, причастным к плану «Барбаросса».
2. Время дачи указаний ротам пропаганды устанавливаются армии, танковые группы и авиакорпуса.
3. ОКХ, ОКЛ и ОКМ приглашаются донести к 15/VI—41 г. в отдел войсковой пропаганды ОКВ, каким местам разосланы настоящие указания.

Приложение
к ОКВ(ВФС) отд. Л (1 оп.)
№ 44842/41 секретной канцелярии
начальника штаба

ВРЕМЕННЫЙ «ПЛАН БАРБАРОССА»

СОСТОЯНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЙ НА 1 ИЮНЯ 1941 г.

1. Общие вопросы

22 мая поступило расписание максимального движения поездов для наступления на Восток.

2. Переговоры с дружественными странами

а) К Болгарии послана просьба не ослаблять в значительной мере соединений, стоящих для обеспечения безопасности на границе с Турцией.

б) Румыны по почину главнокомандующего немецкими войсками начали частичную замаскированную мобилизацию в Румынии, чтобы иметь возможность закрыть свою границу против предполагаемого нападения русских.

в) Использование венгерской территории для наступления южной армейской группы будет происходить лишь в той мере, в какой это целесообразно для введения немецких частей, связывающих венгерские и румынские войска. Однако до середины июня по этому вопросу Венгрии представлений делаться не будет.

д) Две немецкие дивизии вступили в восточную часть Словакии, следующие будут выгружаться в районе Просов.

е) Предварительные переговоры с финским генеральным штабом происходят с 25 мая.

ф) Со шведами не было сношений. Переговоры с ними планируются лишь в зависимости от хода операции.

3. Армия

а) *Запад*. Общие силы: после отвода 6-й пехотной дивизии и прибытия 6 соединений 15-й волны из Германии, за время с 22 мая по 1 июня прибывают 40 пехотных дивизий, 1 мото-пехотная дивизия, 1 польская дивизия, 1 танковая бригада,

«Атилла»¹ или «Изабелла»² могут быть проведены в жизнь в случае предупреждения за 10 суток (действительно и для военно-воздушных сил).

б) *Север*. Общие силы: 6 пехотных дивизий, 2 горные дивизии, 1 охранная дивизия, боевая группа СС «Норд» и 140 артиллерийских батарей береговой обороны.

Кроме того, предусмотрена транспортировка с родины в Норвегию 1 охранной дивизии, 18 артиллерийских батарей и для транспортировки в Финляндию — 1 усиленной пехотной дивизии с корпусными частями.

Из этих сил для варианта «Зильберфукс»³ предназначены 1 пехотная дивизия, 2 горные дивизии и боевая группа СС «Норд».

Запланировано после начала военных действий доставить еще одну дивизию по железной дороге через Швецию для нападения на Ханко.

с) *Балканы*. На Балканах находятся, кроме соединений, предусмотренных для окончательной оккупации, 8 пехотных дивизий и 1 танковая дивизия, которые в качестве резерва верховного главнокомандования армией будут перевезены в район наступления на Востоке только после дня «В».

д) *Восток*. Общие силы повышены до 76 пехотных дивизий, 1 кавалерийской дивизии и 3 танковых дивизий.

Армейские группы и армии в своих зонах приняли командование частично путем создания временных замаскированных рабочих штабов.

4. Военно-морской флот

Назначен командующий балтийским флотом. Он сейчас находится в Киле, — в дальнейшем будет в Свинемюнде. Северной группе с запада подведены дополнительные средства боевого охранения.

5. Военно-воздушные силы

I воздушный флот принял целиком руководство воздушной войной против Англии.

II воздушный флот выведен из боя и направлен на Восток.

¹ «Атилла» — шифр, которым обозначался план захвата неоккупированных районов Франции. — Составители.

² «Изабелла» — шифр, которым обозначался план оккупации Испании. — Составители.

³ «Зильберфукс» — шифр, которым обозначалась группа германских войск, расположенная в Норвегии и предназначенная для нападения на СССР с севера совместно с финскими войсками. — Составители.

Предусмотренный для варианта «Барбаросса» VIII авиационный корпус будет, как только представится возможность, направлен на Восток. Многие авиационные подразделения, которые должны быть переданы из 12-й армии в IV воздушный флот, пока еще заняты в оккупированных странах Юго-Востока.

6. Маскировка

Вторая фаза введения неприятеля в заблуждение («Акула» и «Гарпун») с целью создания впечатления о приготовлениях к десантным операциям из Норвегии, из района каналов на материке и из Бретани. Продвижение частей на Восток представляется как маневр для введения в заблуждение англичан относительно высадки в Англии.

Приложение: календарный план операций.

Документ Л-221

Главная квартира фюрера
16/VII—41 ВО/Фю.

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

По поручению фюрера сегодня в 15 часов у него имело место совещание с рейхслейтером Розенбергом, рейхсминистром Ламмерсом, фельдмаршалом Кейтелем, рейхсмаршалом и со мною (Борманом).

Совещание началось в 15 часов и длилось приблизительно до 20 часов, с перерывом для кофе.

Во вступительном слове фюрер подчеркнул, что он хочет установить несколько основных положений. В настоящее время необходим ряд мероприятий. Об этом свидетельствует высказывание одной бесстыдной газеты из Виши о том, что война против СССР является войной Европы. Таким образом, война ведется якобы для всей Европы. Этим высказыванием газета из Виши очевидно хочет добиться того, чтобы пользу из этой войны могли извлечь не только немцы, но и все европейские государства.

Теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустановок перед всем миром. Это к тому же вовсе не нужно. Главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Ни в коем случае не следует осложнять наш путь излишними объяснениями. Подобного рода объяснения являются излишними, ибо мы можем все сделать, поскольку у нас хватит власти, а что лежит за пределами нашей власти мы и без этого сделать не можем.

Мотивировка перед миром наших действий должна исходить из тактических соображений. Мы должны поступать здесь точно таким же образом, как в случае с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией. И в этих случаях мы ведь ничего не говорили о наших намерениях, и мы впредь также будем умными и не будем этого делать.

Итак, мы снова будем подчеркивать, что мы были вынуждены занять район, навести в нем порядок и установить безопасность. Мы были вынуждены в интересах населения заботиться о спокойствии, пропитании, путях сообщения и т. п. Отсюда и происходит наше регулирование. Таким образом, не должно быть распознано, что дело касается окончательного регулирования. Тем не менее вопреки этому и несмотря на это, мы все же будем применять все необходимые меры — расстрелы, выселения и т. п.

Мы, однако, отнюдь не желаем превращать преждевременно кого-либо в своих врагов. Поэтому мы пока будем действовать так, как если бы мы осуществляли мандат. Но нам самим при этом должно быть совершенно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем.

Исходя из этого речь идет о следующем:

1. Ничего не строить для окончательного регулирования, но исподтишка подготовить все для этого.

2. Мы подчеркиваем, что мы приносим свободу.

Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами. Точно так же австрийская Галиция должна стать областью германской империи.

В настоящее время наши взаимоотношения с Румынией хороши, но никто не знает, как эти отношения сложатся в будущем. С этим нам нужно считаться, и соответственно этому мы должны устроить свои границы. Не следует ставить себя в зависимость от благожелательства третьих государств. Исходя из этого, мы должны строить наши отношения с Румынией.

В основном дело сводится к тому, чтобы освоить огромный пирог с тем, чтобы мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли им, в-третьих, эксплуатировали.

Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас.

Самое основное

Создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска. Защиту этого пространства от всяких возможных опасностей берет на себя Германия. Железным законом должно быть: «Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев».

Это особенно важно. Даже если в ближайшее время нам казалось бы более легким привлечь какие-либо чужие, подчиненные народы к вооруженной помощи — это было бы неправильным. Это в один прекрасный день непременно и неизбежно ударило бы по самим себе. Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казах и не украинец.

Ни в коем случае мы не должны проводить «колеблющейся» политики. Англичанин всегда отличается равномерным преследованием одной линии, одной цели. В этом отношении мы обязательно должны учиться у англичан; соответственно этому мы не вправе ставить наши отношения в зависимость от отдельных лич-

ностей. И тут примером должно служить поведение англичан в Индии по отношению к индийским князьям: солдат ведь всегда обеспечивает режим.

Новоприобретенные восточные районы мы должны превратить в райский сад. Они для нас жизненно важны. Колонии по сравнению с ними играют совершенно второстепенную (подчиненную) роль.

Даже в тех случаях, когда мы оккупируем отдельные районы, мы всегда обязаны выступать в роли защитников права и населения. Соответственно этому уже сейчас нужно избрать необходимые формулировки. Мы не говорим о новой области империи, а о необходимой задаче, выдвинутой войной.

В частности: в Прибалтике район до Двины по согласованию с фельдмаршалом Кейтелем уже сейчас должен быть взят под управление.

Рейхслейтер Розенберг подчеркивает, что, по его мнению, в каждой области (комиссариате) должно быть разное отношение к населению. На Украине мы должны были бы выступить с обещаниями в области культуры, мы должны были бы пробудить историческое самосознание украинцев, должны были бы открыть университет в Киеве и т. п.

Рейхсмаршал возражает, указывая на то, что мы в первую очередь должны обеспечить себе пропитание, все остальное могло бы прийти гораздо позже.

(Побочный вопрос: имеется ли вообще еще культурная прослойка на Украине и имеются ли украинцы, принадлежащие к высшим классам вне современной России в качестве эмигрантов).

Розенберг продолжает: на Украине следует развивать известные стремления к самостоятельности.

Рейхсмаршал просит фюрера сообщить, какие районы обещаны другим государствам.

Фюрер отвечает, что Антонеску хочет получить Бессарабию и Одессу с коридором, ведущим на запад — северо-запад. На вопросы Розенберга и рейхсмаршала фюрер указывает, что испрашиваемая Антонеску граница мало выходит за пределы старой румынской границы. Фюрер подчеркивает, что мадьярам, туркам и словакам не было дано никаких определенных обещаний.

Фюрер затем ставит на обсуждение, не следует ли немедленно создать губернаторство в староавстрийской Галиции. После обмена мнениями фюрер решает не учреждать в этой части губернаторства, а подчинить его по совместительству рейхсминистру Франку...

Рейхсмаршал считает правильным присоединить к Восточной Пруссии различные части Прибалтики, например, белостокские леса.

Фюрер подчеркивает, что вся Прибалтика должна стать областью империи.

Точно так же должен стать областью империи Крым с прилегающими районами (область севернее Крыма). Эти прилегающие районы должны быть как можно больше.

Розенберг высказывает свои сомнения в части проживающих там украинцев.

(Попутно: многократно замечалось, что Розенберг слишком уделяет внимания украинцам. Он хочет также значительно увеличить старую Украину).

Фюрер далее подчеркивает, что и волжские колонии должны стать областью империи, точно так же, как бакинская область. Она должна стать немецкой концессией (военной колонией).

Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду большой добычи никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии.

Со всей осторожностью должно быть подготовлено присоединение Финляндии в качестве союзного государства. На Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер хочет сравнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам.

Рейхслейтер Розенберг поставил затем вопрос об обеспечении безопасности управления.

Фюрер обращается к рейхсмаршалу и фельдмаршалу, говоря, что он всегда настаивал на том, чтобы полицейские полки получили танки. Для применения полиции в новых восточных областях это чрезвычайно нужно, так как, имея соответствующее количество танков, полиция могла бы многое сделать. Впрочем, подчеркивает фюрер, обеспечение безопасности, естественно, весьма недостаточно. Однако рейхсмаршал построит свои учебные аэродромы в новых областях, и, если это будет нужно в случае восстания, Ю-52 смогут сбрасывать бомбы. Гигантское пространство, естественно, должно быть как можно скорее замирено. Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд.

Фельдмаршал Кейтель подчеркивает, что надо сделать местное население ответственным за свои собственные дела, так как, естественно, невозможно ставить охрану для каждого поста, для каждого вокзала. Местные жители должны знать, что будет расстрелян всякий, кто проявляет бездействие, и что они будут привлекаться к ответственности за всякий проступок.

На вопрос рейхслейтера Розенберга фюрер ответил, что нужно возродить газеты, например, и для Украины, чтобы получить возможность влиять на местное население.

Рейхслейтер Розенберг просит предоставить ему соответствующее служебное здание. Он просит передать ему здание советского торгпредства на Литценбургерштрассе. Министерство иностранных дел, однако, придерживается мнения, что это здание является экстерриториальным. Фюрер отвечает, что это — чепуха. Рейхсминистру д-ру Ламмерсу дается поручение сообщить министерству иностранных дел, что дом должен быть немедленно передан Розенбергу без дальнейших переговоров.

Документ СССР-336

С-57
Руководство морской
войной, 1385/41

Берлин, 8.VIII.1941 г.
Совершенно секретно.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ГРУППЫ «ЗАПАД»
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ГРУППЫ «СЕВЕР»
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ГРУППЫ «ЮГ»

ПО ВОПРОСУ: ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВОСТОЧНОЙ КАМПАНИИ

I. Штабом морского командования получен проект директивы фюрера о дальнейших намерениях после окончания восточного похода. Нижеследующие указания дают в общих чертах картину этих намерений и предназначены для личной ориентировки главнокомандующих и начальников штабов.

II. По окончании восточной кампании предусматриваются следующие мероприятия:

1) Территории, занятые на Востоке, закрепляются и умиротворяются.

Количество потребных для этого войск еще не установлено, однако можно считать, что для этого будет достаточно примерно 60 дивизий и одного воздушного флота.

2) Личный состав и снаряжение освобождающихся войск должны быть распределены между воздушными силами и морским флотом (по мнению морского военного командования, этих людей и снаряжения для выполнения нижеизложенных задач будет недостаточно).

3) Усиление вооруженных сил в Северной Африке в объеме, достаточном для овладения Тобруком. Для планомерной проводки необходимых транспортов требуется возобновить налеты германских воздушных сил на Мальту.

При планомерном обороте транспорта можно рассчитывать на поход для овладения Тобруком с середины сентября, если только условия погоды не потребуют отсрочки.

4) План «Феликс» — захват Гибралтара — при активном участии Испании должен быть осуществлен еще в 1941 году.

Подготовка и переброска необходимых вооруженных сил потребует три месяца со дня приказа до начала нападения на Гибралтар, с учетом настоящего положения на восточном фронте.

При дальнейшем продвижении фронта на восток этот трехмесячный срок должен увеличиваться на одни сутки на каждые 50 км продвижения.

Переход франко-испанской границы последует за 38 дней до дня нападения.

5) В случае, если после очевидного окончания восточной кампании, удастся перетянуть на нашу сторону Турцию, предусматривается нападение на Сирию и Палестину в направлении на Египет после минимального 35-дневного срока для подготовки необходимых сил для предварительного обеспечения перевала через Кавказ и улучшения, с немецкой помощью, анатолийских транспортных условий в Турции.

Этот поход частично осуществляется при помощи морских перевозок до Смирны и через северо-анатолийские гавани.

6) После соответствующего дальнейшего усиления вооруженных сил в Африке и в соответствии с выполнением мероприятий, изложенных в п. 5, предусматривается удар на Египет из Киренаики (после падения Тобрука).

Предположительно этот удар не может осуществиться ранее конца 1941-го — начала 1942 года.

7) Если крушение Советской России создаст для этого необходимые предпосылки, предусматривается продвижение моторизованного экспедиционного корпуса через Закавказье в направлении Персидского залива и в направлении Ирак—Сирия—Египет.

Этот удар по условиям погоды будет возможен только в начале 1942 года.

8) В случае, если Турция не перейдет на нашу сторону даже после поражения Советской России, удар на юг через Анатолию будет осуществлен против ее воли.

Время, потребное для осуществления этой операции, исчисляется в 145 дней. Поэтому она ни в коем случае не может начаться ранее 1942 года и должна быть в отношении времени согласована с мероприятиями пункта 7.

III. Решающее значение для планомерного проведения этой программы имеет 1) ход кампании на Востоке и 2) развитие наших отношений с Францией.

К п. 1):

Восточная кампания развивается в общем и целом в соответствии с ожиданиями, хотя начальное сопротивление противника нами было переоценено, а упорство в затяжных военных операциях — недооценено. По возобновлении наступательных операций наших сил (примерно с 20 августа) можно рассчитывать на планомерное и постепенно ускоряющееся развитие событий.

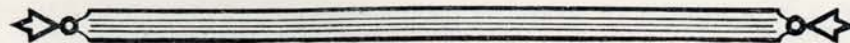
К п. 2):

От развития отношений с Францией зависит в первую очередь усиление и снабжение наших североафриканских сил, так как использование Бизерты — Туниса, как гаваней для снабжения, является необходимой предпосылкой для планомерного и своевременного

оборота транспорта. Если не будет налажена совместная работа с Францией, это может привести, кроме того, к неблагоприятному положению в французской Западной и Северной Африке, что полностью изменило бы обстановку для наших африканских вооруженных сил и заставило бы пересмотреть кратко изложенные выше наши перспективы.

IV. В заключение преподанного выше еще раз указывается на общий приказ фюрера, что каждый офицер об этих планах должен знать лишь постольку, поскольку это необходимо для выполнения его служебных задач. Поэтому еще раз подчеркивается необходимость строжайшего ограничения круга лиц, которые могут быть введены в курс данного дела.

Документ завизирован начальником зеекригслейтунг, начальником 1-го отдела ЗКЛ и начальником 1-а отдела.

ФЮРЕР И ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНО-
КОМАНДУЮЩИЙ ГЕРМАНСКИМИ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

Документ СССР-167

№ 441578/41, секретно.
начальник штаба оперативного
руководства вооруженных сил
(отдел обороны страны).

Главная ставка
22/IX—1941 г.

ДИРЕКТИВА № 36

Чрезвычайно трудные условия местности, недостаток коммуникаций и советские подкрепления, подвозившиеся беспрестанно в Карелию и Лапландию, были причиной того, что слабым силам командования армии в Норвегии и 5-го воздушного флота, несмотря на огромные усилия и мужественную борьбу, до сих пор не удалось достичь Мурманской железной дороги. Нарушение врагом наших водных связей у побережья Полярного моря еще более ухудшило перспективу достижения горным корпусом Мурманска в этом году. Правда, удалось сковать большие силы врага и оттянуть их с основного русского фронта, отбросить повсюду врага за бывшую финскую границу и исключить всякую угрозу Северной Финляндии и прежде всего никелевым копиям.

II. Нужно твердо держаться конечной цели операций в Северной и Центральной Финляндии — уничтожения вражеских сил, стоящих под Мурманском и по Мурманской железной дороге.

Значение этого пространства заложено в никелевых копиях, жизненно важных для ведения войны с Германией. Враг также понимает это значение. Необходимо считаться с тем, что под Мурманском и Кандалакшей могут выступить с большими военно-воздушными силами англичане, возможно, даже с канадскими и норвежскими частями, и подвезут в Мурманск военные материалы в больших масштабах. Необходимо считаться с возможностью воздушных налетов даже в зимнее время на никелевые заводы и на жилые поселки горняков.

Наши усилия должны соответствовать величине опасности.

III. Поэтому п р и к а з ы в а ю:

1. Командованию армии в Норвегии

а) Прекратить наступление на участке третьего (финского) армейского корпуса, освободившиеся силы придать 36-му армейскому корпусу.

б) 36-му армейскому корпусу провести подготовку для начала наступления в направлении на Кандалакшу в первой

половине октября с целью, по меньшей мере, отрезать Мурманск от его железнодорожной связи еще до наступления зимы. Далее следует проверить, имеет ли наступление зимой большие перспективы на успех, чем осенью.

К финскому верховному командованию обращается просьба своевременно перебросить 163-ю дивизию по железной дороге через Рованиэми в Норвегии.

с) Прежде всего прекратить наступление горного корпуса в направлении на Мурманск, продвигая северный фланг постольку, поскольку это необходимо для улучшения позиции и для дезориентировки врага. Напротив, необходимо с учетом задач военно-морского флота еще до наступления зимы по крайней мере захватить западную часть Рыбачьего полуострова и устранить тем самым контроль вражеской артиллерии и торпедных катеров над входом в гавань Линнахамары.

Немедленно начать рекогносцировку и разработку такого наступления, о результатах по возможности скорее доложить.

Особые средства против морских и наземных целей, которые должны быть подвезены и годятся для ведения боев, будут обеспечены.

Решение о том, возможно ли будет осуществить намерение командования армии оставить на зиму 2 усиленные горно-стрелковые дивизии в районе Петсамо, а 2-ю горно-стрелковую дивизию в районе Рованиэми оставить в покое, может быть принято позднее, но к этому надобно стремиться. Имеется в виду позднее заменить 3-ю горно-стрелковую дивизию 5-й горно-стрелковой дивизией или вновь сформированной горно-стрелковой дивизией.

d) Для перебазирования снабжения горного корпуса через Полярное море закупаются и берутся в аренду колонны автомашин в Швеции. Если этого транспорта будет недостаточно, будет дано распоряжение о подвозе с родины.

e) Я поручил имперскому министру д-ру Тодту проложить полевую железную дорогу от Рованиэми вдоль берега Полярного моря до Петсамо при безопасном использовании русских военнопленных.

f) Для возобновления наступления на Мурманск предусмотрен подвоз всех новейших средств наступления, которые могут быть применены в тундре.

2. Военно-морской флот

Задача: даже в зимние месяцы нападать на вражеский подвоз в Мурманск, в особенности в то время, когда военно-воздушный флот более или менее парализован. Для этих целей должен быть сооружен удобный вспомогательный опорный пункт для легких военных судов — лучше всего в Петсамской бухте, если

удастся захватить западную часть полуострова Рыбачий. Следует все время пытаться возобновить подвоз морем в Киркенес и Петсамо, если даже временно этот подвоз прерван.

Следует усилить береговую оборону бухты Петсамо и Киркенеса таким образом, чтобы она могла выдержать атаки тяжелых военных кораблей.

3. Авиация

Наличие 5-го воздушного флота с крупными приспособленными к зимнему наступлению силами в Северной Норвегии имеет решающее значение.

Следует рассчитать эти силы таким образом, чтобы до начала периода плохой погоды намеченное продолжение операций на Кандалакше и захват западной части полуострова Рыбачий обеспечивалось их сильной поддержкой.

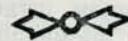
В этот промежуток времени необходимо непрерывно бороться с вражеским морским подвозом и тыловыми коммуникациями противника, а также производить налеты на базы снабжения и склады припасов. Эту борьбу необходимо продолжать и во время периода неблагоприятной погоды при всякой возможности, и прежде всего следует препятствовать подвозу и строительству опорных пунктов.

Для этого собственная наземная организация воздушных сил по возможности должна опереться на северонорвежскую и финскую базы и всеми силами должна быть устроена в отношении зимних условий.

Оборона мест расквартирования наших войск, тыловой службы, но прежде всего никелевых копей и запланированного морского опорного пункта против воздушных налетов противника должна быть обеспечена.

Наземная организация воздушных сил и заготовка запасов должны быть расширены с таким расчетом, чтобы в нужный момент продолжение наступления на Мурманск было поддержано значительно усиленными авиасоединениями.

Адольф Гитлер

Документ СССР-156

ЗАЯВЛЕНИЕ ПАУЛЮСА СОВЕТСКОМУ
ПРАВИТЕЛЬСТВУ

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В У С С С Р

М о с к в а

8 августа 1944 г. я обратился к немецкому народу с призывом свергнуть Гитлера и прекратить ставшую бессмысленной войну.

Дальше я пытался влиять в этом же смысле путем выступления по радио и рассылкой писем и воззваний к войскам и командованию.

Сегодня, когда преступления Гитлера и его пособников поставлены на суд народов, я считаю своим долгом предоставить Советскому правительству все известное мне из моей деятельности, что может послужить в Нюрнбергском процессе материалом, доказывающим виновность преступников войны.

С 3 сентября 1940 г. до 18 января 1942 г. я занимал должность оберквартирмейстера в генеральном штабе сухопутных сил. В мои задачи входило замещать начальника генерального штаба и выполнять его особые задания. Лишь осенью 1941 года я стал руководить отделами генерального штаба. Из них мне были подчинены отдел обучения и организационный отдел.

В указанный период времени начальником генерального штаба сухопутных сил был генерал-полковник Гальдер.

При моем поступлении на службу в ОКХ 3 сентября 1940 г. я, среди прочих планировок, застал там еще незаконченный предварительный оперативный план нападения на Советский Союз, известный под условным обозначением «Барбаросса».

Разработкой плана занимался генерал-майор Маркс.

Маркс состоял начальником штаба 18-й армии (фельдмаршала фон Кюхлера) и был временно командирован в ОКХ для разработки этого плана.

Этот план, разработка которого производилась по приказу ОКВ, генерал-полковник Гальдер передал мне с заданием проанализировать возможности наступательных операций с учетом условий местности, использования сил, потребной силы и т. д. при наличии 130—140 дивизий.

По замыслу ОКВ оперативной задачей было: сначала — захват Москвы, Ленинграда и Украины, в дальнейшем — Северного Кавказа с его нефтяными источниками. Конечной целью предусматривалось достижение приблизительно линии Астрахань — Архангельск.

Поставленная цель уже сама по себе характеризует этот план как подготовку чистой агрессии; это явствует также из того, что оборонительные мероприятия планом не предусматривались вовсе...

Этим самым развенчиваются лживые утверждения о превентивной войне против угрожающей опасности, которые аналогично оголтелой геббельсовской пропаганде распространялись ОКВ.

Заблаговременно начинается также подготовка у будущего партнера по агрессии — Румынии, которая в предварительном «плане Барбаросса» с самого начала была предусмотрена как плацдарм наступления.

В сентябре 1940 года по приказу ОКВ были направлены в Румынию военная миссия и 13-я танковая дивизия как образцовая часть.

Во главе военной миссии был поставлен генерал от кавалерии Ганзен.

Начальником его штаба был назначен генерал-майор Гауффе, оберквартирмейстером — майор Мерк, 13-й танковой дивизией командовал генерал-майор фон Роткирх.

Задачей военной миссии было реорганизовать румынскую армию и подготовить ее к нападению на Советский Союз в духе «плана Барбаросса». Предварительную ориентировку в этой задаче генерал Ганзен и его начальник штаба получили у меня, задание — от главнокомандующего сухопутными силами фельдмаршала Браухича.

Директивы генерал Ганзен получал из двух мест: по линии военной миссии — от ОКВ, по вопросам сухопутных сил — от ОКХ, директивы военно-политического характера — только от ОКВ.

Связь между немецким генеральным штабом и румынским генеральным штабом осуществлялась через военную миссию.

В то время как с Румынией существовал тайный союз уже в сентябре 1940 года, связи с другими двумя сателлитами в этот период подготовки агрессии против Советского Союза были слабее, вернее, осторожнее.

Так, например, установление связи с финским генеральным штабом для выяснения наступательных возможностей в мурманском направлении было разрешено начальнику штаба армейской группировки (Норвегия) полковнику Бушенгагену лишь в конце февраля 1941 года.

Вопрос о сотрудничестве с Венгрией по «плану Барбаросса» оставался в течение месяцев невыясненным.

Впрочем, Финляндия постоянно оставалась непосредственно подчиненным ОКВ театром военных действий.

Знаменательным было все же то, что начальник финского генерального штаба генерал-лейтенант Гейнрихс в середине декабря 1940 года приезжал в ОКВ и ОКХ.

Воспользовавшись этим случаем, он выступил с докладом перед офицерами-генштабистами из ОКХ о советско-финской войне 1939—1940 гг. и о полученном им опыте войны.

В докладе была ярко выражена общая заинтересованность в военном столкновении с Красной Армией. Гейнрихс оценивал Красную Армию как серьезного противника.

Визит во второй половине декабря 1940 года начальника оперативной группы венгерского генерального штаба полковника Ласло ограничился чисто организационными вопросами.

Между тем подготовительные мероприятия по «плану Барбаросса» к концу 1940 года продвинулись значительно вперед.

Начатая в августе 1940 года разработка предварительного «плана Барбаросса» закончилась проведением двух военных игр под моим руководством в главной квартире ОКХ в Цоссене.

На играх присутствовали генерал-полковник Гальдер, начальник оперативного отдела генерального штаба полковник Хойзингер и старшие специально приглашенные штабные офицеры из ОКХ.

Результат игр, принятый за основу при разработке директив по стратегическому развертыванию сил «Барбаросса», показал, что предусмотренная диспозиция на линии Астрахань—Архангельск—дальняя цель ОКВ—должна была бы привести к полному поражению Советского государства, чего, собственно, в своей агрессии добивалось ОКВ и что, наконец, являлось целью этой войны: превратить Россию в колониальную страну.

Во время игр оценку по Советскому Союзу давал начальник отдела иностранных армий «Восток» полковник Кинцель.

Выводы докладчика были построены на предположении, что Красная Армия—заслуживающий внимания противник, что сведений об особых военных приготовлениях не было и что военная промышленность, включая вновь созданную восточнее Волги, была высокоразвитой.

Решающим в дальнейших подготовительных работах по «плану Барбаросса» было то, что ОКВ директивой от 18 декабря 1940 г. установило начало наступления приблизительно на середину мая 1941 года.

Назначенный срок объяснялся русскими климатическими условиями.

Одновременно с этим был расширен круг сотрудников с привлечением командующих трех намеченных армейских группиро-

USSR-1576 P. I. 1946.
Erklärung von Paulus.

An die Regierung der U. d. S. S. R.

Moskau

Am 9. August 1944 habe ich mich an das deutsche Volk gewandt, um es zum Sturz Hitlers und zur Beendigung des sinnlos gewordenen Kampfes aufzurufen. Weiterhin habe ich durch Radioansprachen und Verschickung von Schreiben und Aufrufen an Führer und Truppen im selben Sinne zu wirken gesucht.

Heute, wobei ^{über} Verbrechen Hitler's und seiner Helfer abgewacht werden, sehe ich mich verpflichtet, alles, was mir aufgrund meiner Tätigkeit bekannt ist und als Beweismaterial für die Schuld der Kriegsverbrecher im Nürnberger Prozess dienen kann, der Sowjetregierung zu unterbreiten.

Ich gehörte vom 3. IX. 1940 bis 18. I. 1942 als Oberquartiermeister I dem Generalstabe des Heeres an. Meine Aufgabe war, den Generalstabschef zu vertreten, im übrigen die mir von ihm zugewiesenen Sonderaufträge zu erledigen. Von den Abteilungen

Рис. 7. Заявление Паулюса Советскому правительству (первая страница)

- 12 -

WSSR-156

Kriegsgefangenen und russischer Zivilbevölkerung.

4.) Die angelegten Keitel, Fodt und Göring tragen eine wesentliche Schuld, dass aus der Katastrophe von Stalingrad nicht die gebotenen politischen und militärischen Folgerungen gezogen worden sind. Sie sind dadurch ebenso wie ihr späteres Wirken für Weiterführen des Krieges in besonderem Grade schuld für alle Verluste namentlich für die des Sowjetvolkes.

Ich selbst trage die schwere Verantwortung, den ich damals bei Stalingrad, wenn auch in gutem Glauben, den Befehlen dieser bewusst verurteilbar handelnden militärischen Führer gehorcht habe. Ferner trage ich die Verantwortung dafür, dass ich die Durchführung meines Befehls vom 14. I. 43 über Abgabe aller Kriegsgefangenen an die russische Seite nicht überwacht habe und für die dadurch entstandenen Todesfälle, ferner dass ich mich der Gefangenensorge nicht mehr gewidmet habe.

Als Überlebender von Stalingrad fühle ich die Verpflichtung, dem Sowjetvolke Genugtuung zu leisten.

Paulus
Generalfeldmarschall.

Kriegsgefangenenlager,
9. I. 1946

Рис. 8. Заявление Паулюса Советскому правительству (последняя страница)

вок, которые на совещании в ОКХ в Цоссене были посвящены во все детали этого замысла.

Этими командующими были: генерал пехоты фон Зоденштерн для будущей армейской группировки «Зюд»; генерал пехоты фон Зальмут для группировки «Центр»; генерал-лейтенант Бреннеке для группировки «Норд».

В то же время Гитлер, в присутствии Кейтеля и Иодля, утвердил доложенные ему Браухичем и Гальдером намечаемые ОКХ операции и отдал приказ о разработке окончательных директив по стратегическому развертыванию сил.

Этим самым военное командование окончательно решилось на нарушение договора, на нападение и на захватническую войну против Советского Союза.

Дальнейшую разработку плана принял на себя начальник оперативного отдела полковник Хойзингер, который непосредственно подчинялся начальнику генерального штаба.

3 февраля 1941 г. в Берхтесгадене по докладу Браухича Гитлер, в присутствии Кейтеля и Иодля, утвердил первую директиву по стратегическому развертыванию сил «Барбаросса».

Тут же присутствовали сопровождавшие Браухича начальник оперативного отдела Хойзингер, генерал-квартирмейстер Вагнер, начальник транспорта генерал Герке и я, как заместитель находившегося в отпуске начальника генерального штаба.

Гитлер дал разрешение ОКВ, расценивая это как важное политическое решение, на ведение переговоров с румынским и финским генеральными штабами. Переговоры с Венгрией он запретил до особого распоряжения.

Вообще же Гитлер в военных вопросах занимался мелочами, как, например, введением в действие отдельных дальнобойных орудий.

В вопросах, касающихся Советского Союза, он не высказывал своей позиции ни в политическом, ни в военном отношении.

В дни упомянутого совещания у Гитлера подполковник фон Лоссберг из ОКВ рассказал мне о следующем выражении Иодля: «Через три недели после нашего наступления этот картонный домик развалится».

Это столь же самонадеянное, как и легкомысленное заявление характеризует всю духовную низость нацистского руководства и его авторитетных советников Кейтеля и Иодля.

Это замечание свидетельствует также об отсутствии всякого стеснения в отношении планированной захватнической войны и выдает их истинное мнение, прикрытое сознательной ложью, об угрозе со стороны России как причине планированного нападения.

На пути к нападению на Советский Союз эти опасные нарушители мира должны были устранить еще одно препятствие — угрозу флангу со стороны Югославии.

С этой целью в апреле 1941 года производится нападение и на эту страну.

27 марта 1941 г. я встретил в имперской канцелярии всех троих — Гитлера, Кейтеля и Иодля, собравшихся как раз непосредственно после принятия этого решения и распределения Браунхичем и Гальдером заданий для его осуществления.

В силу этого замысла ОКВ вынуждено было отдать приказ о перенесении срока для осуществления «плана Барбаросса» на вторую половину июня.

Вследствие тесной связи югославского вопроса с наступлением на Россию я был 30 марта 1941 г. командирован Гальдером в Будапешт — к начальнику венгерского генерального штаба генералу пехоты Верту для того, чтобы сговориться с венграми, которые тоже хотели оторвать себе кусок этой добычи, относительно осуществления югославской операции как в отношении участия самих венгров, так и по вопросу о развертывании немецких войск на венгерской территории.

Наступление на Югославию обусловило изменение директивы о стратегическом развертывании сил по «плану Барбаросса», так как для наступления из Румынии не хватало войск, которые были связаны на Балканах.

6 июня 1941 г. в имперской канцелярии состоялось последнее решающее совещание.

Все главнокомандующие армии, флота и авиации докладывают Гитлеру, Кейтелю и Иодлю о предстоящих им задачах при осуществлении немецкого вторжения в Советскую Россию.

Со дня 22 июня 1941 г. нами был взят курс на уничтожение и опустошение Советской страны.

В Сталинграде на Волге этот курс достиг своего апогея концентрацией всех явлений, сопутствовавших нацистской захватнической войне.

Ввиду веского факта, что 6-я армия пришла в Сталинград в результате нацистского нападения на Советский Союз, все жертвы и горести, которые понес советский народ в своей справедливой борьбе, получают возвышенное значение в свете вины и ответственности.

1. Военные преступники Кейтель и Иодль виновны в том, что из-за отказа в моих неоднократных настоятельных требованиях прорыва из замкнутого кольца — телеграммы от 22, 23, 25 ноября 1942 года и далее, почти ежедневно в период от 8 декабря до конца декабря, — Сталинград превратился в зону истребления для находящегося там русского гражданского населения.

2. Они несут, кроме того, ответственность за принципиальный запрет капитуляции находящихся в безнадежном положении войск и особенно за отказ в моем настоятельном ходатайстве от 20. I—43 г. о разрешении капитулировать.

Последствием отказа были гибель и тяжелые страдания русских военнопленных и местного населения.

3. Военные преступники Кейтель, Иодль и Геринг виновны в том, что не выполнили своих торжественных обещаний доставить воздушным путем снабжение окруженной в Сталинграде 6-й армии.

Обвиняемый Геринг несет еще особую вину за то, что он не только не выполнил обещания доставить воздушным путем недостающие продукты питания, медикаменты и перевязочный материал, но даже за его легкомысленное обещание принять на себя снабжение по воздуху, что побудило Гитлера и Кейтеля предоставить 6-ю армию своей судьбе.

Последствиями были: голод и смерть от изнеможения многих русских военнопленных и русского гражданского населения.

4. Обвиняемые Кейтель, Иодль и Геринг несут значительную вину в том, что из сталинградской катастрофы не сделали необходимых выводов политического и военного значения.

Поэтому, так же как и за дальнейшее ведение войны, они в особенной степени виновны за все потери, главным образом за потери советского народа.

Я сам несу тяжелую ответственность за то, что я тогда, под Сталинградом, вполне добросовестно выполнял приказы военных руководителей, действовавших сознательно преступно.

Я несу также ответственность за то, что не контролировал выполнение моего приказа от 14. I—1943 г. о передаче всех военнопленных русской стороне, что повлекло смертные случаи среди них, и за то, что не заботился больше о них.

Как оставшийся в живых под Сталинградом, я считаю себя обязанным дать удовлетворение русскому народу.

Паулюс, генерал-фельдмаршал.

Лагерь военнопленных
9. I. 1946 г.

ДОПРОС ФЕЛЬДМАРШАЛА
БЫВШЕЙ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ
ФРИДРИХА ПАУЛЮСА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 11 и 12 февраля 1946 г.]

Зоря: Господин председатель. В соответствии с заявлением, сделанным советской делегацией, я прошу разрешения ввести в зал для допроса фельдмаршала бывшей германской армии Фридриха Паулюса, допрос которого произведет Главный обвинитель от Союза Советских Социалистических Республик генерал Руденко.

Председатель: Не введете ли вы в зал свидетеля?

Зоря: Я сейчас это сделаю.

Председатель: Не скажете ли вы, как вас зовут?

Паулюс: Меня зовут Паулюс.

Председатель: Не повторите ли вы за мной слова присяги?

Паулюс: Повторяет слова присяги.

Руденко: Вас зовут Фридрих Паулюс?

Паулюс: Да.

Руденко: Вы какого года рождения?

Паулюс: 1890.

Руденко: Вы родились в деревне Брейтенау, района Кассель, в Германии?

Паулюс: Так точно.

Руденко: Вы по национальности немец?

Паулюс: Так точно.

Руденко: Вы генерал-фельдмаршал бывшей германской армии?

Паулюс: Так точно.

Руденко: Ваша последняя должность — командующий 6-й армией под Сталинградом?

Паулюс: Так точно.

Руденко: Скажите, господин свидетель, вы обратились 9 января 1946 г. с заявлением к Правительству Союза Советских Социалистических Республик?

Паулюс: Да. Это заявление было мною сделано.

Руденко: Вы подтверждаете это заявление?

Паулюс: Да, я подтверждаю это заявление.

Руденко: Скажите, господин свидетель, что вам известно о подготовке гитлеровским правительством и немецким верховным главнокомандованием вооруженного нападения на Советский Союз?

Паулюс: По моим личным сведениям, я могу сообщить по этому поводу следующее:

3 сентября 1940 г. я начал работать в главном штабе командования сухопутных войск в качестве оберквартирмейстера. В качестве такового я должен был замещать начальника главного штаба, а в остальном должен был выполнять отдельные оперативные задания, которые мне поручались. Во время моего назначения я нашел в той области, в которой я должен был работать, еще не готовый оперативный план, который касался нападения на Советский Союз. Этот оперативный план был разработан тогда генерал-майором Марксом, начальником штаба 18-й армии, который для этой цели временно находился в распоряжении главного командования сухопутных сил. Начальник штаба сухопутных сил генерал-полковник Гальдер поручил мне дальнейшую разработку этого плана, начатого на основании директивы ОКВ, и, в частности, я должен был это производить на следующей основе: нужно было произвести анализ возможностей наступления против Советской России. Эту проверку нужно было произвести в отношении анализа рельефа местности, в отношении использования сил, возможностей и потребностей в силах и т. д.; при этом указывалось, что я должен исходить из 130—140 дивизий, которые будут находиться в распоряжении для выполнения данной операции.

Далее, с самого начала нужно было уже учитывать использование румынской территории в качестве плацдарма для южной группировки германских войск, на северном фланге предусматривалось участие Финляндии в войне, но во время разработки этих оперативных планов этот момент не учитывался.

В качестве основы для предпринимаемых мероприятий учитывались цели операции как намерение ОКВ, в частности, во-первых, уничтожение находящихся в Западной России русских войск и пресечение возможности отступления войсковых частей в глубь России; во-вторых, достижение линии, которая сделала бы невозможными эффективные налеты русских военно-воздушных сил на территорию германской империи. Конечной целью являлось достижение линии Волга—Архангельск.

Разработка, которую я сейчас обрисовал, была закончена в начале ноября и завершилась двумя военными играми,

которыми я руководил по поручению главного штаба сухопутных войск. При этом принимали участие старшие офицеры генерального штаба. В качестве основы для этих военных игр предусматривалось использование сил таким образом: в южном районе армейская группировка из области юга Польши и Румынии должна была достигнуть Днепра и Киева. С северного направления — армейская группировка в районе Припяти, самая сильная, должна была наступать из района Варшавы и севернее, в направлении главного удара на Минск и Смоленск, с окончательным намерением впоследствии ударить по Москве. Группа из восточно-прусского пространства шла через Балтику на Ленинград. Результаты, полученные от этих игр, сводились к тому, чтобы достигнуть линии Днепр—Минск—Ленинград. Дальнейшие операции должны были развиваться в положении, которое установится в результате этих действий. По окончании военных игр состоялось совещание у начальника главного штаба сухопутных войск, которое рассмотрело теоретические результаты этих игр с привлечением руководителей отдельных штабов армейских группировок, ответственных за операции на Востоке. В конце совещания состоялся доклад начальника отдела армий Востока, который сделал сообщение об экономике и географической характеристике Советского Союза, а также в отношении характеристики войск Советского Союза. Примечательным является то, что тогда ничего не было известно о каких-либо приготовлениях со стороны России. Эти военные игры и совещания, о которых я сейчас говорил, представляли собой завершение теоретической подготовки и планирования будущей агрессивной войны.

Непосредственно после этого, 18 декабря 1940 г., верховное главнокомандование вооруженных сил издало указание № 21 (эта директива являлась основной для всех военных и экономических приготовлений к войне). На основании этой директивы необходимо было осуществлять все действия, связанные с подготовкой войны. В отношении главного командования сухопутных сил это выражалось в том, что необходимо было позаботиться о разработке стратегического развертывания вооруженных сил. Эти первые директивы, касающиеся развертывания сил, 3 февраля 1941 г. после доклада их в Оберзальцберге Гитлеру были одобрены им. Они впоследствии были спущены войскам. Позже к ним давались различные дополнения. Начало войны было приурочено к тому времени, которое являлось бы наиболее подходящим для продвижения больших войсковых частей на территории России. Возможности подобного продвижения ожидалась в середине мая месяца. И соответственно этому были предприняты все приготовления. Этот план, однако, был изменен, так как Гитлер в конце марта решил в связи с изменившимся положе-

нием в Югославии напасть на Югославию. 8 апреля 1941 г. был установлен новый срок для...

Председатель: Вы сказали, что Гитлер произвел перемену в планах?

Паулюс: В результате своего решения напасть на Югославию Гитлер изменил сроки выступления. Выступление должно было быть отсрочено примерно на пять недель, то есть оно намечалось на вторую половину июня. И, действительно, нападение на СССР состоялось во второй половине, а именно 22 июня 1941 г.

В заключение я хочу установить, что все приготовления для совершения этого нападения на СССР, которое имело место 22 июня, велись уже осенью 1940 года.

Руденко: Каким образом и при каких обстоятельствах было обеспечено участие сателлитов в нападении на СССР?

Председатель: Одну минуту. Указал ли свидетель дату? Он сказал, что это нападение подготавливалось заранее. Не скажете ли вы точно дату, когда была начата подготовка?

Паулюс: Я сказал об этом еще вначале, на основании моих личных сведений, которые я черпал в связи с моей должностью, это было 3 сентября 1940 г.

Руденко: Каким образом и при каких обстоятельствах было обеспечено участие сателлитов Германии в нападении на Советский Союз, какие в этой связи проводились подготовительные мероприятия?

Паулюс: Согласно моим личным наблюдениям, я могу по этому поводу сообщить следующее: примерно в сентябре 1940 года, как раз тогда, когда я был занят оперативной разработкой нападения на Советский Союз, уже тогда предусматривалось использование румынской территории в качестве плацдарма для наступления правой, то есть южной, группировки германских войск. Была послана военная миссия под руководством генерала от кавалерии Ганзена в Румынию. Далее, была послана танковая дивизия в качестве образцовой дивизии в Румынию. Для всех тех, кто был посвящен в эти планы, было ясно, что это мероприятие могло служить только для того, чтобы привести в состояние готовности будущих военных партнеров.

Далее, в отношении Венгрии. В декабре 1940 года в штаб главного командования сухопутных войск в Цоссен прибыл начальник оперативной группы венгерского генерального штаба полковник Ласло и попросил консультации по организационным вопросам. Венгерские войска занимались как раз в то время вопросами реорганизации бригад в дивизии и расстановкой моторизованных и танковых частей. Начальник организационного отдела генерального штаба генерал-майор Буле и я дали ряд советов полковнику Ласло по этому вопросу. Одновременно с этим

ряд венгерских военных комиссий был направлен в Берлин, в том числе военный министр Венгрии. Там они вступили в переговоры с соответствующими военными инстанциями в Германии относительно поставок вооружения для войны.

Всем нам, посвященным в эти планы, было ясно, что все эти мероприятия, касающиеся передачи вооружения другим армиям, были мыслимы лишь в том случае и явно сводились к тому, что в будущем предстояли военные операции и что это оружие будет использовано в этих будущих военных действиях в интересах Германии.

В отношении Венгрии можно было бы сказать еще следующее: вследствие развития событий в Югославии Гитлер в конце марта 1940 года решил напасть на Югославию. 27 или 28 марта я был вызван в имперскую канцелярию в Берлине, где в это время состоялось совещание между Гитлером, Кейтелем и Йодлем. В этом совещании также принимали участие командующий сухопутными войсками и начальник главного штаба сухопутных сил. По прибытии генерал Гальдер, начальник главного штаба сухопутных сил, сообщил мне, что Гитлер решил напасть на Югославию и тем самым устранить фланговую угрозу в будущих операциях против Греции и для того, чтобы захватить железнодорожную магистраль из Белграда на Ниш и в дальнейшем обеспечить проведение в жизнь «плана Барбаросса» в том смысле, чтобы освободить свой правый фланг. Мне было поручено привлечь ряд соответствующих офицеров главного штаба сухопутных сил и поехать с ними в Вену для того, чтобы разъяснить и передать соответствующие приказы немецким командующим, которые принимали участие в этих операциях. Затем я должен был поехать в Будапешт, в генеральный штаб Венгрии, для того, чтобы обсудить там и прийти к соглашению об использовании Австрии в качестве плацдарма для германских войск, а также договориться в отношении участия венгерских войск в нападении на Югославию.

30 марта рано утром я прибыл в Будапешт и повел переговоры с начальником генерального штаба Венгрии, генералом пехоты Вертом, затем с начальником оперативной группы генерального штаба Венгрии — полковником Ласло. Совещание протекало без каких-либо трений и привело к желательному результату. Этот результат был запечатлен на карте, которая была передана мне венгерским генеральным штабом. На ней были нанесены не только действия наступающих против Югославии групп, но также расстановка всех сил, которые были расположены на границе Закарпатской Украины. Эта расстановка предусматривалась в качестве прикрытия со стороны Советского Союза. Тот факт, что такая группировка была создана, является доказательством того, что со стороны Венгрии также существовало убеждение, что на-

падение Германии на Югославию будет рассматриваться как акт агрессии против Советского Союза. Что касается принципиальной установки в отношении позиции Венгрии в смысле участия в таких приготовлениях, то мне было известно мнение Гитлера, что Венгрия стремится с помощью Германии вернуть и расширить территории, которые были утрачены Венгрией в 1918 году. Кроме того, Венгрия опасается усиления другого союзника Германии — Румынии.

Под таким углом зрения в своем политическом курсе Гитлер и рассматривал участие Венгрии. Гитлер, насколько я это мог видеть по ряду других примеров, относился к Венгрии очень сдержанно. Во-первых, он стремился скрывать от Венгрии будущие планы в отношении наступления, так как он опасался ее связей с враждебными Германии государствами. Во-вторых, Гитлер не стремился давать Венгрии преждевременных обещаний в смысле территориальных приобретений.

Я могу привести пример в отношении района нефтяных источников — Дрогобыча. Впоследствии, когда началось наступление против Советского Союза, немецкая 17-я армия, которая действовала в этом районе, получила строгое указание при всех условиях занять нефтяной район Дрогобыча до приближения венгерских войск.

В отношении этого будущего военного партнера, по моим наблюдениям, Гитлер вел себя так, что, с одной стороны, он определенно рассчитывал на участие Венгрии и поэтому снабжал ее вооружением и помогал ей в обучении войск, но что он все-таки еще не определил срока, когда он сообщит этому партнеру о своих окончательных планах.

Далее, вопрос, касающийся Финляндии. В декабре 1940 года состоялся первый визит генерал-лейтенанта Гейнрихса — начальника генштаба Финляндии, в главную ставку главного командования сухопутных сил в Цоссене. Генерал-лейтенант Гейнрихс совещался с начальником штаба сухопутных сил. Содержание этой беседы я уже не помню, но он сделал там доклад, касающийся русско-финской войны 1939—1940 гг. для офицеров-генштабистов ОКХ. Этот доклад был направлен также тем руководителям штабов армейских группировок, которые участвовали в военных играх. Этот доклад для офицеров-генштабистов имел очень большое значение в то время, так как он был сделан тогда, когда была спущена директива № 21 от 18 декабря. Кроме того, он имел очень большое значение потому, что он представлял собой обмен опытом войны с Советским Союзом. Далее, он давал представление о расстановке сил финских войск и о качестве этих сил, которые, возможно, могли стать в будущем военным партнером Германии.

Второй визит начальника генерального штаба Финляндии в Цоссен состоялся примерно во второй половине марта 1941 года. Финский начальник генерального штаба приехал тогда из Зальцбурга, где он имел совещание с верховным командованием германских вооруженных сил. Предметом обсуждения в Цоссене была координация действий финских южных группировок для операции «Барбаросса», а также координация действий этой группы с немецкой армейской группировкой «Север», которая из Восточной Пруссии должна была продвигаться в направлении Ленинграда. Тогда согласились о том, что выступление финских южных группировок должно быть согласовано с выступлением германской северной группировки. Были обусловлены координированные действия против Ленинграда этих группировок, предусматривавшие, что действия финских группировок должны были зависеть от действия германских и развиваться в зависимости от обстановки.

Это то, что я лично знал и видел по вопросам, которые касались подготовки агрессии и вовлечения тех союзников, которые принимали участие в этой подготовке.

Руденко: Как и при каких обстоятельствах было осуществлено вооруженное нападение на Советский Союз, подготовленное гитлеровским правительством и верховным командованием немецких войск?

Паулюс: Нападение на Советский Союз состоялось, как я уже говорил, после длительных приготовлений и по строго обдуманному плану. Войска, которые должны были осуществить нападение, сначала были расставлены на соответствующем плацдарме. Только по особому распоряжению они были частично выведены на исходные позиции и затем одновременно выступили по всей линии фронта — от Румынии до Восточной Пруссии.

Из этого следует исключить финский театр военных действий. Так же тщательно, как продуман и проанализирован был оперативный план, был произведен анализ наступления в штабах армейских групп, корпусов и дивизий посредством ряда военных игр. Результаты этого анализа были еще задолго до начала войны зафиксированы в соответствующих приказах, которые касались всех мелочей наступления. Был организован очень сложный обманный маневр, который был осуществлен из Норвегии и с французского побережья. Эти операции должны были создать видимость операций, намечаемых против Англии, и должны были тем самым отвлечь внимание России. Однако не только оперативные неожиданности были предусмотрены. Были также предусмотрены все тактические возможности ввести в заблуждение противника. Это означало, что шли на то, что, запрещая производить явную разведку на границе, тем самым допускали возможные потери во имя достижения внезапности нападения. Но это означало

также и то, что не существовало опасений, что противник внезапно попытается перейти границу.

Все эти мероприятия говорят о том, что здесь речь идет о преступном нападении.

Руденко: Как вы определяете цели нападения Германии на Советский Союз?

Паулюс: Конечная цель нападения, заключавшаяся в наступлении до Волги, превышала силы и способности германской армии. И эта цель характеризует не знавшую пределов захватническую политику Гитлера и нацистского государства.

Со стратегической точки зрения достижение этой цели означало бы уничтожение вооруженных сил Советского Союза. Захват этой линии означал бы захват и покорение главных областей Советской России, в том числе столицы Москвы, и тем самым политических и экономических центров Советской России.

Экономический захват линии Волга—Архангельск означал бы обладание важнейшими источниками питания, важнейшими полезными ископаемыми, включая сюда нефтяные источники Кавказа, а также важнейшими промышленными центрами России и далее — центральной транспортной сетью европейской части России. Насколько это соответствовало стремлениям Гитлера и его экономической заинтересованности в этой войне, можно судить по тому примеру, который я лично знаю. 1 июня 1942 г. по случаю совещания командующих армейской группировкой Юга в районе Полтавы Гитлер заявил: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, тогда я должен будет покончить с этой войной». Для эксплуатации и администрирования захваченных территорий все экономические и административные организации и учреждения были созданы еще до начала войны.

В заключение я хотел бы сказать: указанные цели означали завоевание с целью колонизации русских территорий, эксплуатация и ресурсы которых должны были дать возможность завершить войну на Западе с той целью, чтобы окончательно установить господство Германии в Европе.

Руденко: Кто из подсудимых являлся активным участником в развязывании агрессивной войны против Советского Союза?

Паулюс: Из числа подсудимых, насколько я их здесь вижу, я хочу здесь назвать следующих важнейших советников Гитлера: Кейтеля, Йодля, Геринга — в качестве главного маршала и главнокомандующего военно-воздушными силами Германии и уполномоченного по вопросам вооружения.

Руденко: Заканчивая допрос, я резюмирую. Правильно ли я заключил из ваших показаний, что еще задолго до 22 июня гитлеровское правительство и верховное главнокомандование германских вооруженных сил планировали агрессивную войну

против Советского Союза с целью колонизации территорий Советского Союза?

Паулюс: Для меня в этом не существует никаких сомнений после того, что я рассказал здесь, а также в связи со всеми теми директивами, которые содержатся в знаменитой «Зеленой папке».

Руденко: У меня все вопросы, господин председатель.

Председатель: Может быть кто-либо из представителей французского, английского обвинения или обвинения от США или кто-либо из членов защиты хочет задать вопросы свидетелю?

*Латернзер:*¹ Господин председатель, я прошу дать мне возможность в качестве защитника генерального штаба поставить вопросы свидетелю завтра во время утреннего заседания.

Свидетель появился крайне неожиданно, во всяком случае для защиты, и поэтому я считаю необходимым посоветоваться в отношении вопросов, которые могут быть поставлены свидетелю, особенно в связи с тем, насколько важным является такой свидетель.

Я прошу разрешить мне провести перекрестный допрос завтра во время утреннего заседания.

Председатель: Генерал Руденко, если обвинение не возражает, то Трибунал считает, что следует удовлетворить это ходатайство защиты.

Руденко: Если это угодно Трибуналу, обвинение не возражает.

Председатель. Очень хорошо.

Может быть, кто-либо из других защитников сейчас хотел бы задать вопросы с целью перекрестного допроса свидетеля.

Нельте: Господин председатель, я предполагаю, что завтра утром в перекрестном допросе будут участвовать все остальные защитники и тогда они смогут осуществить этот допрос.

Председатель: Да, конечно.

(Объявляется перерыв до 12 февраля.)

Председатель (открывая заседание 12 февраля): Генерал Руденко, вы ведь сейчас снова вызовете допрошенного вчера свидетеля фельдмаршала Паулюса для того, чтобы защита имела возможность подвергнуть его перекрестному допросу?

Руденко: Да, так было угодно Трибуналу. Свидетель доставлен в судебное заседание.

Нельте: Господин свидетель, я хочу задать вам несколько вопросов.

3 сентября 1940 г. вы начали работать в качестве оберквартирмейстера-1 в штабе главного командования сухопутных сил. Правильно это?

¹ Латернзер — защитник генерального штаба и верховного командования вооруженных сил. — Составители.

Рис. 9. Допрос свидетеля Фридриха Паулюса

Рис. 10. Скамья подсудимых

Паулюс: Да, правильно.

Нельте: Кто был тогда главнокомандующим сухопутными войсками?

Паулюс: Вы, очевидно, отлично знаете, что тогда главнокомандующим сухопутными силами был фельдмаршал фон Браухич.

Нельте: Нам это известно, но это может быть неизвестно суду.

Кто был тогда начальником штаба главного командования сухопутных сил?

Паулюс: Генерал Гальдер.

Нельте: Были ли вы в качестве оберквартирмейстера-1 постоянным заместителем начальника штаба?

Паулюс: Я был представителем начальника штаба по тем вопросам, по которым он назначал меня своим заместителем, а в основном выполнял те задания, которые получал от него.

Нельте: Скажите, были ли вы экспертом по плану, о котором мы позднее узнали под названием «Барбаросса»?

Паулюс: Я являлся им в той мере, в какой я это описал вчера.

Нельте: Ваш тогдашний главнокомандующий фельдмаршал Браухич относительно разработки военных планов показал: «Когда Гитлер решал достичь своих политических целей посредством военного давления или посредством использования военных средств, то главнокомандующий сухопутными войсками получал, если он принимал в этом участие, соответствующую ориентацию или соответствующий приказ, как правило, устные». Скажите, так это было?

Паулюс: Это не входит в область моих знаний.

Нельте: Генерал-полковник Гальдер, ваш непосредственный начальник, в письменном показании, которое было представлено обвинением суду, по вопросу военных операций и прочих военных дел сообщает, что вопросы военного характера находились в ведении и под ответственностью верховного главнокомандующего и одновременно главы государства — Гитлера. Скажите, что вы знаете по этому вопросу?

Паулюс: Я знаю, что мы получали приказы, касающиеся военных операций, через верховное главнокомандование вооруженных сил. Так, например, поступила к нам директива № 21. Я считаю, что с точки зрения ответственности это в первую очередь касается военных экспертов, первых советников Гитлера, бывших при верховном главнокомандовании вооруженных сил Германии.

Нельте: Вы видели директиву № 21 и должны знать, кто ее подписал?

Паулюс: Насколько я помню, она была подписана Гитлером и завизирована Кейтелем и Йодлем.

Нельте: Что значит «насколько я помню». Во всяком случае подписал эту директиву Гитлер, как и все остальные директивы?

Паулюс: Большинство директив, если они не были подписаны от его имени другими лицами, подписывались Гитлером.

Нельте: Значит я могу сделать из этого вывод, что только Гитлер мог давать приказы в качестве верховного главнокомандующего вооруженными силами?

Паулюс: Да, это правильно.

Нельте: Из того, что говорят Браухич и Гальдер, следует, как я предполагаю, что генеральный штаб сухопутных сил со всем его разветвленным аппаратом разрабатывал те идеи и мысли, которые имелись у Гитлера. Это правильно?

Паулюс: Да, это верно. Приказы, которые касались специальных областей, проводились соответствующими инстанциями.

Нельте: Значит, верховное командование, то есть верховный главнокомандующий вооруженными силами, осуществлял высшее руководство. В соответствии с этим, как это следует из того, что вы говорили, при разработке захватнических войн и их планировании существовала тесная связь между Гитлером в качестве главнокомандующего вооруженными силами и генеральным штабом сухопутных войск. Это правильно?

Паулюс: Это сотрудничество существовало между главным командованием и всеми теми частями, которые проводили все отдельные задания, касающиеся военных операций.

Нельте: Из вашего объяснения я понял, что полученный вами предварительный, неразработанный план вы разработали, и после того, как отдельные части его были в основном завершены, этот план был предложен вами лично или через посредство генерал-полковника Гальдера на рассмотрение Гитлеру?

Паулюс: Этот план докладывался на каждом этапе разработки его соответствующими инстанциями, то есть начальником штаба ОКХ или главнокомандующим сухопутными силами, и затем либо принимался, либо отклонялся.

Нельте: Кем принимался или отклонялся, Гитлером?

Паулюс: Да.

Нельте: Правильно ли я понял вас вчера, что вы уже осенью 1940 года знали, что Гитлер собирается напасть на Советский Союз?

Паулюс: Я вчера сказал, что эта оперативная разработка, то есть подготовка к этому нападению, имела место уже тогда.

Нельте: Вы уже тогда знали, что это было намерение Гитлера?

Паулюс: Да, это можно было понять из полученного мною поручения, то есть что эта разработка должна была быть потом практически осуществлена.

Нельте: Далее, вы вчера говорили, что никаких сведений, которые свидетельствовали бы об агрессивных намерениях Советского Союза, от разведки не поступало?

Паулюс: Да, так точно.

Нельте: Скажите, в кругу главного штаба сухопутных войск не говорилось ли об этих вещах?

Паулюс: Да, об этом часто говорилось, и высказывались большие сомнения по этому поводу, но каких-либо сведений о том, что Советский Союз ведет военные приготовления, я не получал.

Нельте: Значит вы твердо были убеждены в том, что речь идет просто о нападении на Советский Союз?

Паулюс: Все имевшиеся симптомы не исключали этого, в частности, поручение разработать такой план рассматривалось не только мной, но и многими другими посвященными в это работниками как предварительный этап к подготовке нападения на Советский Союз.

Нельте: Учитывая эти факты, не делалось ли с вашей стороны, со стороны главного штаба сухопутных войск или со стороны главнокомандующего сухопутными войсками каких-либо представлений по этому поводу Гитлеру?

Паулюс: Мне лично неизвестно, делались ли в какой-либо форме такие представления со стороны главнокомандующего сухопутными войсками.

Нельте: Скажите, а сами вы не делали со своей стороны каких-либо замечаний по поводу ваших сомнений по этому вопросу Браухичу или Гальдеру?

Паулюс: Если я правильно понимаю, то я думаю, что я здесь выступаю в качестве свидетеля в отношении тех обвинений, которые предъявляются подсудимым. Поэтому я прошу суд позволить мне не отвечать на вопросы, которые направлены на то, чтобы обвинить меня.

Нельте: Вы, очевидно, не осведомлены о том, что вы также принадлежите к кругу лиц верховного командования, которым как преступной организации предъявлено обвинение?

Паулюс: Но в данном случае я допрашиваюсь здесь в качестве свидетеля и даю показания о тех событиях, которые привели сюда подсудимых. Поэтому я хотел бы уклониться от ответов на вопросы, касающиеся непосредственно меня. Я прошу суд решить этот вопрос.

(Пауза, суд совещается на месте.)

Председатель: Трибунал считает, что вы должны отвечать на поставленные вам вопросы.

Паулюс: Тогда, пожалуйста, повторите.

Нельте: Я спросил вас, высказывали ли вы свои сомнения по поводу подготовляемых планов нападения Гальдеру или главнокомандующему Браухичу?

Паулюс: Я не помню, чтобы я говорил с главнокомандующим, но с моим непосредственным начальником — начальником генерального штаба Гальдером говорил.

Нельте: Разделял ли он ваши взгляды?

Паулюс: Да, он разделял мои взгляды, то есть он также высказывал озабоченность по поводу такого мероприятия...

Нельте: Значит, вы и Гальдер знали такие факты, которые характеризуют войну против России как преступную, и, тем не менее, ничего не предприняли против этого?

Паулюс: Да.

Нельте: Зная все эти факты, вы приняли на себя командование армией, которая была направлена на Сталинград? Скажите, не возникало ли у вас тогда мысли уклониться от использования вас в действиях, охарактеризованных вами как преступные?

Паулюс: В связи с тем положением, которое существовало тогда для солдат, а также в связи с той колоссальной пропагандой, которая имела место в то время, я тогда, как и многие другие, думал, что должен выполнить свой долг по отношению к своей родине.

Нельте: Но ведь вы же знали факты, которые противоречили этому понятию долга?

Паулюс: Те факты, которые впоследствии стали мне ясны благодаря тому, что я пережил, будучи командующим 6-й армией, и апогеем которых явилась битва под Сталинградом, привели меня лишь впоследствии к тому сознанию, что это — преступные деяния, так как до этого я имел только частичное представление о фактическом положении вещей.

Нельте: Значит, я должен ваше определение «преступное нападение», а также и прочие определения для поджигателей войны рассматривать как определения, которые пришли к вам впоследствии?

Паулюс: Да.

Нельте: Я могу сказать, что несмотря на сомнения и несмотря на то, что вы знали факты, которые делали войну против России преступной, вы из послушания считали необходимым выполнить свой долг, принять на себя командование шестой армией и держать ее под Сталинградом до последнего человека?

Паулюс: Я уже говорил, что, когда я принял на себя командование, я не представлял себе объема преступлений, которые заключались в развязывании этой войны, и не мог понять этого

объема. Это я понял только тогда, когда стал командующим армией, которая была брошена под Сталинград.

*Заутер*¹: Господин свидетель, вчера вы сказали, что вы считаете виновным также и гитлеровское правительство? Правильно ли это?

Паулюс: Да.

Заутер: В ваших письменных показаниях, которые вы подписали 9 января 1946 г. в лагере для военнопленных, об этом ничего не написано.

Паулюс: Заявление Советскому правительству касалось событий, связанных с шестой армией в России, а также моих личных соображений по ряду вопросов.

Заутер: Однако в этом заявлении совершенно отчетливо сказано, что теперь, когда народы судят Гитлера и его сообщников, вы считаете своим долгом сказать все, что вам известно на основании вашей деятельности, и представить материалы, которые могут служить доказательством вины военных преступников, находящихся на данном процессе в Нюрнберге. И в то же время в этом письменном заявлении, которое является весьма простран-ным, ничего не сказано о гитлеровском правительстве.

Меня интересует, господин свидетель, кого вы имеете в виду, когда говорите о гитлеровском правительстве — партийное руководство, само правительство или еще кого-либо?

Паулюс: Я имею в виду ответственных за руководство Германской нацией.

Заутер: Я попрошу уточнить ответ.

Паулюс: Я вчера говорил о том, что входило в область моей компетенции. Я не имел намерения делать заявление по поводу ответственности всех правительственных лиц, о деятельности которых я не компетентен был судить. Я упомянул только тех, которых считал возможным упомянуть. Я обвиняю гитлеровское государственное руководство.

Заутер: То есть в первую очередь, очевидно, министерства, правительственный кабинет?

Паулюс: Да.

Заутер: По этой причине меня интересует следующее: подсудимый Функ, который здесь сидит, также был членом правительственного кабинета, также был им и подсудимый Ширах. Знаете ли вы что-нибудь о том, что Функ и Ширах были также посвящены в те планы, о которых знали и вы?

Паулюс: Нет, мне это неизвестно.

Заутер: А известно ли вам, поскольку вы были при главном командовании вооруженных сил, что имели место правительственные совещания?

¹ Заутер — защитник Шираха и Функа. — Составители.

Паулюс: Нет, мне это неизвестно.

Заутер: Известно ли вам, что Гитлер, в интересах сохранения тайны в отношении своих военных планов, даже приказал, чтобы к совещаниям между ним и его военными советниками члены правительственного кабинета, как, например, Функ, вообще не привлекались?

Паулюс: Нет, мне это неизвестно.

...Заутер: Разве вам с начала нападения не было известно и понятно, что вы занимаетесь разработкой планов нападения на Россию? Разве вам тогда не было ясно, что это нападение на Россию может произойти только в нарушение международных договоров, которыми Германия была связана?

Паулюс: Конечно, это было нарушением договоров.

Заутер: Нет, вы ответьте — было ли вам известно, что этот план мог быть осуществлен только в нарушение международных договоров?

Паулюс: Тогда это выглядело как нарушение пакта с Россией, заключенного в 1939 году.

Экснер¹: Господин свидетель, с сентября 1940 года вы начали заниматься разработкой оперативного плана нападения на Россию при верховном командовании вооруженных сил Германии. Знаете ли вы, какова была численность немецких войск тогда на Востоке?

Паулюс: ...Я не знаю, какова была в то время численность германских войск на Востоке.

Экснер: Вы не знаете, сколько дивизий, примерно, находилось тогда на восточных границах Германии?

Паулюс: Нет.

Экснер: В феврале 1941 года наши военные транспорты стали направляться на Восток. Скажите, какова была численность тогда русских войск вдоль русско-германской демаркационной линии и румыно-русской границы?

Паулюс: Я не могу сейчас сказать этого. Те сведения, которые поступали относительно России и русских войск, были столь неполны и немногочисленны, что мы долго об этом не имели ясного представления.

Экснер: Скажите, не докладывал ли Гальдер фюреру об угрожающей численности русских войск?

Паулюс: Я не помню этого, так как в то время не занимался этими вопросами. Разработкой этих вопросов тогда был занят оперативный отдел.

...Экснер: Вы интенсивно участвовали в разработке оперативных планов и проверяли их практически в ходе военных игр.

¹ Экснер — защитник подсудимого Иодля. — Составители.

Скажите, чем отличается эта ваша деятельность от деятельности Иодля?

Паулюс: Я думаю, это не подлежит моему суждению.

Экснер: Я не понимаю. Эта работа была работой генерального штаба?

Паулюс: Да. Это была работа генерального штаба, которая была поручена мне начальником генерального штаба.

Экснер: Деятельность Иодля как начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил отличается от вашей?

Паулюс: Да, отличается от моей тем, что он имел ясное представление об общем положении вещей, а мне был известен только определенный сектор, в мое распоряжение было предоставлено то, что нужно было для моей разработки.

Экснер: Но деятельность в обоих случаях была подготовкой генеральным штабом войны?

Паулюс: Да.

Экснер: Меня интересует еще вопрос, касающийся Сталинграда. В своем письменном заявлении вы утверждаете, что Кейтель и Иодль виновны в том, что капитуляция была запрещена и что это имело такие трагические последствия.

Откуда вы знаете, что они виновны в этом?

Паулюс: Я сказал это, чтобы подчеркнуть, что верховное командование вооруженных сил несет ответственность за это.

Экснер: Значит, вы ничего не знаете о личном участии обоих подсудимых в этом запрещении, вы говорите об ОКВ?

Паулюс: Я знаю, что верховное командование вооруженных сил было представлено именно этими лицами.

Экснер: Скажите, почему же, когда вы увидели, что положение под Сталинградом столь безнадежно и ужасно, как вы уже сегодня говорили об этом, почему вы не действовали вопреки приказу фюрера и не попытались осуществить прорыв?

Паулюс: Потому, что тогда мне дело было представлено таким образом, что судьба германского народа зависела от того, продержимся ли мы или нет.

Экснер: Знаете ли вы, что вы пользовались особым доверием Гитлера?

Паулюс: Нет. Это мне не было известно.

...Экснер: ...Скажите, были ли вы преподавателем военной академии в Москве?

Паулюс: Нет, не был.

Экснер: Скажите, занимали ли вы какую-нибудь должность в Москве?

Паулюс: Я до войны никогда не был в России.

Экснер: А во время вашего плена?

Паулюс: Я так же, как и мои другие товарищи, находился в России в качестве военнопленного.

Экснер: Скажите, вы являетесь членом комитета «Свободная Германия»?

Паулюс: Я принимаю участие в том движении, в котором участвуют все германские штатские и военные, поставившие своей задачей спасти германский народ от грозившей ему гибели, спасти его от того горя, которое было навлечено на него гитлеровскими сообщниками, и свергнуть гитлеровское правительство. К этому я и призывал в моем воззвании от 8 августа 1944 г. германский народ.

Латернзер: Господин свидетель, когда вы принимали на себя должность квартирмейстера, не должны ли вы были придерживаться того мнения, что разработка, которая была уже начата генерал-майором Марксом и которую вам было поручено продолжать, предназначалась только на случай возможной войны?

Паулюс: Конечно, так подумать можно было. Но очень скоро выяснилось, что производившиеся приготовления найдут свое практическое осуществление, особенно в связи с тем, что уже с самого начала оперативной разработки рассчитывали на использование румынских территорий и состоялась посылка в Румынию отборных войск и военных миссий как раз в тот район, который уже разрабатывался с точки зрения оперативной. Все эти факты указывали постепенно на то, что дело идет о событии, вернее, о плане, который будет реализован.

Латернзер: Господин свидетель, я хочу своим вопросом добиться следующего: я думаю, что ваше утверждение о том, что захватнический план существовал уже осенью 1940 года, немножко преждевременно.

Паулюс: Я очень подробно высказался по этому вопросу вчера. Я сказал, что все данные, которые могли мне потребоваться для разработки плана наступления, имелись уже 3 сентября. Все последующие события развивались в соответствии с этим планом.

Латернзер: Скажите, что вы знаете о директиве № 18 от 12 ноября 1940 г.?

Паулюс: Я не помню этого документа.

Латернзер: В пятом пункте говорится: «Россия. Имели место политические совещания с целью выяснить позиции России на ближайший период времени». Господин свидетель, после того, как вы ознакомились с этим абзацем, вы должны признать, что дата, когда было принято решение напасть на Россию, относится к более позднему периоду, чем тот, на который вы указали вчера.

Паулюс: Я говорил это на основании моего личного мнения и тех данных, которыми я располагал... Если проследить весь процесс подготовки, то получается весьма стройный пространственный план, который развивался от разработки оперативного плана с 3 сентября через директиву № 18 в ноябре и протекал вплоть до окончательной его реализации. Точно установить тот отрезок времени, когда было принято окончательное решение, я не смогу.

Латернзер: Вчера вы сказали, что в марте 1941 года имело место совещание в имперской канцелярии, на котором вы присутствовали, и что генерал-полковник Гальдер в качестве основания для нападения на Югославию перечислил ряд фактов, и вы упоминали в этой связи, что здесь предусматривалось устранение угрозы с фланга, затем захват железнодорожной магистрали на Ниш и что предусматривалось освободить правый фланг в случае нападения на Россию. Скажите, не было ли еще других причин, которые тогда привел Гальдер?

Паулюс: Мне не известны никакие другие причины.

Латернзер: Скажите, это нападение на Югославию не имело целью облегчить положение Италии?

Паулюс: Да, это, конечно, тоже предусматривалось, так как только при таком условии могла быть осуществлена операция в Греции и тем самым могла быть устранена угроза с фланга со стороны Болгарии.

Латернзер: Господин свидетель, вы были на совещании генерального штаба 3 февраля 1941 г. в Оберзальцберге?

Паулюс: Да.

Латернзер: Вы знаете, что тогда говорилось о том, что нападение на Советский Союз будет предпринято силами 100 пехотных дивизий, 25 кавалерийских дивизий и 30 механизированных дивизий и что, как мне кажется, об этом докладывал генерал Гальдер?

Паулюс: Я этого уже не помню и не помню также, чтобы генерал Гальдер был на этом совещании.

Латернзер: Господин свидетель, но такое совещание было ведь необычным совещанием, и я думаю, что относительно этого совещания должно остаться впечатление, что дело идет об очень сильном наступлении на восточной границе.

Паулюс: Я, во всяком случае, не помню, чтобы у меня было такое впечатление.

Латернзер: При начале нападения на Советский Союз вы все еще были первым оберквартирмейстером?

Паулюс: Да.

Латернзер: Насколько я мог узнать за это время, в круг ваших обязанностей входило также делать предложения о проведении наземных операций, — верно это?

Паулюс: У нас было иное распределение обязанностей. В то время у меня не было этих функций. Оперативный отдел подчинялся не мне, а непосредственно начальнику генерального штаба. Мне был передан учебный отдел, а организационный отдел — только осенью 1941 года. Так что делать предложения генеральному штабу о проведении уже начатых операций не относилось к кругу моих обязанностей. Я должен был решать только порученные мне особые задачи.

*Фриц*¹: Господин свидетель, в ходе этого процесса говорилось о приказе ОКВ, в котором предлагалось военнопленных комиссаров Советской Армии расстреливать. Известен вам этот приказ?

Паулюс: Да, я знал о нем...

*Серватиус*²: Господин свидетель, вы на вашем посту поддерживали Гитлера до конца, хотя знали, что велась агрессивная война. В какой степени знал об этом руководящий состав НСДАП?

Паулюс: На этот вопрос я не могу ответить, так как считаю себя некомпетентным.

Серватиус: Известно ли вам, использовались ли немецкие военнопленные на русских военных заводах?

Паулюс: Об этом я лично ничего не знаю. Военнопленные, которых я лично видел в лагерях, работали для непосредственных нужд лагеря или в непосредственной близости от лагерей на сельскохозяйственных работах или в лесах. Мне также было известно из газет, что некоторые немецкие рабочие, добровольно объединившиеся в группы, работали в промышленности, и там с гордостью указывались результаты их труда. Но в какой отрасли промышленности работали эти люди, — я не знаю.

Кубушок: В какой степени отдельным членам правительства было известно о важнейших решениях правительства?.. Не принимал ли Гитлер решения единолично или, в лучшем случае, после совещания с небольшим кругом лиц, вследствие чего другие ведущие лица военного и политического руководства ничего не знали о предстоящих событиях?

Паулюс: Как принимались решения имперским правительством, мне неизвестно.

¹ Фриц — защитник подсудимого Ганса Фриче. — Составители.
² Серватиус — защитник Заукеля и руководящего состава нацистской партии. — Составители.

Я не могу себе представить, чтобы все делал или мог все делать один человек, ему необходимо было сотрудничество его ближайших помощников, иначе действовать было невозможно.

*Хорн*¹: Господин свидетель, вы сказали, что были участником движения, которое имело своей целью спасти немецкий народ от гибели. Я спрашиваю, какие были у вас и других членов организации возможности для осуществления этого намерения?

Паулюс: У нас была возможность говорить с немецким народом по радио и разъяснить ему все. Мы считали своим долгом разъяснить немецкому народу нашу концепцию не только относительно военного положения, но и относительно событий 20 июля², рассказать ему о событиях и убеждениях, к которым мы пришли за это время. Эта инициатива исходила из рядов армии, которую я привел к Сталинграду, где мы видели, что из-за приказов этого государственного и военного руководства, против которого мы выступаем, погибли от холода, голода и снега 100 000 немецких солдат. Мы познакомились там в концентрированном виде с ужасами агрессивной войны.

Хорн: Были ли у вас другие возможности, кроме пропаганды?

Паулюс: Кроме возможности говорить по радио и использовать предоставленные нам газеты, у нас не было других возможностей вести разъяснение немецкому народу действительного положения.

Председатель: Какое отношение имеет этот вопрос к рассматриваемому Трибуналом делу?

Хорн: Я хотел поставить этот вопрос, чтобы определить, в какой степени этот свидетель заслуживает доверия.

Председатель: Я не вижу, чтобы это имело какое-либо отношение к степени доверия к этому свидетелю.

Хорн: Очень возможно, что у нас имеются сведения о других имевшихся в их распоряжении возможностях, о которых свидетель не упоминал.

Председатель: По мнению Трибунала, мысли и действия свидетеля в то время, когда он был военнопленным у русских, не имеют никакого отношения ни к делу, ни к степени доверия ему... Трибунал не допускает постановки подобных вопросов.

Хорн: Я прошу разрешить мне задать свидетелю еще один вопрос.

¹ Хорн — защитник Риббентропа. — Составители.
² Имеется в виду покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. — Составители.

Председатель: Да, конечно.

Хорн: Был ли во время вашего плена у вас случай каким-нибудь образом предоставить в распоряжение советских властей ваши военные знания и опыт?

Паулюс: Никаким образом и никому.

Председатель: Я полагаю, что этим заканчивается перекрестный допрос. Желает ли советский обвинитель задать еще вопросы?

Руденко: Нет, господин председатель, мы считаем вопросы исчерпанными.

ДОПРОС БЫВШЕГО ГЕНЕРАЛА ПЕХОТЫ ГИТЛЕРОВСКОЙ АРМИИ БУШЕНГАГЕНА

[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 12 февраля 1946 г.]

*Зоря*¹: Господин свидетель, сообщите Трибуналу, где и когда вы родились.

Бушенгаген: Я родился 8 декабря 1895 г. в Страссбурге, в Эльзасе.

Зоря: Назовите, пожалуйста, ваше последнее воинское звание.

Бушенгаген: Я — генерал пехоты германской армии, командовал 52-м армейским корпусом.

Зоря: Скажите, обращались ли вы 26 декабря 1945 г. с заявлением в адрес Советского правительства в связи с Хельсинкским процессом?

Бушенгаген: Так точно.

Зоря: Подтверждаете ли вы это заявление теперь?

Бушенгаген: Так точно.

Зоря: Что вам известно о подготовке фашистской Германии к нападению на СССР?

Бушенгаген: В конце декабря 1940 года я, будучи начальником штаба германских войск в Норвегии, был приглашен в ОКХ, где начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер проводил совещание с начальниками штабов армейских групп и отдельных армий, к числу которых принадлежала моя армия. На этом совещании нас ознакомили с изданной 18 декабря директивой, касавшейся «плана Барбаросса». На этом совещании путем докладов нас ознакомили с планами в отношении этой операции против Советской России.

Из директивы я узнал, что мои войсковые части будут участвовать в этой операции. Особенно заинтересовал меня один доклад, который был сделан начальником генерального штаба финской армии генерал-лейтенантом Гейнрихсом. Он говорил тогда о военных действиях 1939—1940 гг. против России и дал

¹ Н. Д. Зоря — помощник Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе. — Составитель.

оценку как Красной Армии, так и финским частям. Генерал Гейнрихс имел тогда совещание с генерал-полковником Гальдером, в котором я не участвовал, но я полагаю, что эти совещания были посвящены возможно сотрудничеству финских и германских войск в случае возникновения германо-советского конфликта.

Уже осенью 1940 года существовало военное сотрудничество между Германией и Финляндией. Германский военно-воздушный флот согласовал с финским генеральным штабом транзитные переброски материалов из Северной Норвегии в финские порты. Германский атташе в Хельсинки вел по поручению ОКВ аналогичные переговоры, которые также относились к транзиту германских войск к финским гаваням на Балтике и привели к установлению общего транзита германских войск. Для этой цели соответствующие учреждения были переведены в столицу Лапландии, так что германский транспорт мог быть доставлен в Петсамо. Были организованы инстанции и учреждения на пути следования, которые должны были ведать довольствием перебрасываемых германских войск.

В декабре 1940 года или январе 1941 года я вел переговоры в ОКВ в отношении деталей, касавшихся участия войск, которые должны были из Норвегии присоединиться к финским войскам и совместно осуществлять операции против СССР.

Зоря: Не приходилось ли вам вести переговоры с финским генеральным штабом о совместных операциях против Советского Союза?

Бушенгаген: Да.

Зоря: Скажите, кто уполномочил вас на эти переговоры и как эти переговоры протекали?

Бушенгаген: Полномочия и поручения я получил от ОКВ, которое давало указания как по моей армии, так и мне лично.

В феврале 1941 года после того, как были выяснены принципиальные установки в отношении участия германских войск, находящихся в Норвегии, я получил поручение выехать в Хельсинки и там лично вступить в контакт с финским генеральным штабом для того, чтобы обсудить совместные операции в Северной Финляндии.

Я прибыл 18 февраля 1941 г. в Хельсинки и в последующие дни имел собеседование с финским генеральным штабом, его начальником генералом Гейнрихсом, его представителями — генералом Айре, начальником оперативного отдела штаба финской армии полковником Топола. На этих совещаниях говорилось о возможностях операций из Средней и Северной Финляндии, особенно из районов Куусамо и Рованиэми, а также из района Петсамо.

Эти совещания привели к полному единодушию. После этих совещаний я поехал с начальником оперативного отдела фин-

ского генерального штаба полковником Топола в северную и среднюю части Финляндии для того, чтобы на месте выяснить в районе Куусамо и восточнее Рованиэми и Петсамо возможности развертывания наших войск и проведения операций из этого района. В этой поездке с целью рекогносцировки привлекались каждый раз те финские командующие, которых практически затрагивал данный вопрос.

Эта поездка закончилась 28 февраля в Торнио, на финско-шведской границе. В последующих совещаниях были зафиксированы результаты этой поездки и было решено, что операции из района Куусамо и операции из района Рованиэми сулят успех, но что имеются серьезные трудности для наступления из района Петсамо на Мурманск. На этом закончилось мое совещание с финским генеральным штабом.

В результате этой поездки был разработан главным командованием войск, находящихся в Норвегии, оперативный план, который предусматривал совместные операции с финской территорией. Этот оперативный план был представлен в ОКВ и был утвержден. Впоследствии эта операция получила название «Голубой песок».

24 мая я имел вторую встречу с начальником генерального штаба Финляндии (это происходило в главной ставке в Бранденбурге) и затем вылетел с ним в Мюнхен, где я вместе с ним и начальником оперативного отдела полковником Топола имел совещание, которое являлось подготовкой к будущим переговорам в Зальцбурге.

25 мая состоялось совещание в Зальцбурге в ОКВ между фельдмаршалом Кейтелем и генерал-полковником Иодлем, с одной стороны, и представителями финского командования Гейнрихсом и полковником Топола — с другой. На этом совещании были зафиксированы принципы для военного сотрудничества финских и германских войск. После этого совещания я поехал вместе с генералом Гейнрихсом обратно в Берлин. Там состоялись дальнейшие переговоры, которые происходили в управлении экономики и вооружения ОКВ.

Далее было совещание с генеральным штабом военно-воздушных сил, касавшееся усиления финского воздушного флота, а также поставки материалов финским военно-воздушным силам. За этим последовала еще одна встреча с генерал-полковником Гальдером, на которой я, однако, не присутствовал.

В третий раз я встретился с представителями финского генерального штаба 2 июня. В моем заявлении от 26 декабря я датировал эту встречу апрель — май, тем самым ошибся на месяц. На самом деле встреча имела место 2 июня. На этом совещании, которое снова велось с Топола и Гейнрихсом, были разработаны детали военного сотрудничества, в частности, установлены сроки,

а затем мероприятия, которые должны были скрыть мобилизацию, которая будет происходить в Финляндии. Было решено, что эта мобилизация будет проходить под флагом переподготовки резервистов и усиления пограничной охраны. Далее были приняты решения относительно расстановки и численности германских и финских сил.

Основные финские силы находились под командованием фельдмаршала Маннергейма, на юге должна была действовать германская группа, которая продвигалась из Восточной Пруссии, и они должны были наступать на район Ленинграда и Ладоги. Остальные финские силы должны были подчиняться генерал-полковнику Фалькенхорсту и должны были оперировать севернее реки Оулу. Эта группа имела три направления: из района Куусамо на Мурманск, средняя группа — из района Кемиярви через Саллу на Кандалакшу и третья группа должна была идти севернее, из Петсамо на Мурманск. По всем этим вопросам было достигнуто полное соглашение. Кроме того, были обсуждены детали, касавшиеся обмена информацией. Далее речь шла об использовании финских транспортных средств и далее — переговоры между представителями военно-воздушного флота в отношении использования финских аэродромов в целях германского наступления.

После этих совещаний я поехал обратно в Германию и изложил там все результаты этих беседований и совещаний, которые должны были быть потом реализованы в интересах Германии.

12 или 13 июня я поехал в Хельсинки вместе с германским связным генерал-лейтенантом Эрфуртом, который должен был осуществлять связь с финским генеральным штабом. Я встретился с Гейнрихсом, которому передал протокольную запись всех тех вопросов, которые обсуждались на совещаниях, имевших место до этого. Он вполне одобрил этот протокол. Затем я передал все функции по связи генерал-лейтенанту Эрфурту для того, чтобы принять на себя обязанности начальника штаба германских войск в Норвегии.

Зоря: Я хотел бы задать последний вопрос. Если вас не затруднит, прошу указать, какой характер носили эти приготовления ОКВ и финского генерального штаба?

Бушенгаген: Общее соглашение, которое было достигнуто между германским ОКВ и финским генеральным штабом, предусматривало с самого начала участие финской армии и использование германских войск на этих территориях Финляндии для того, чтобы осуществить захватническую войну в отношении СССР. В этом не могло быть никакого сомнения. Финский генеральный штаб всегда подчеркивал, что все эти мероприятия носят лишь оборонительный характер, но это было, конечно, только маскировкой. Совершенно несомненно было, что у них не было

никаких сомнений относительно того, что они готовились к нападению на Советский Союз. Об этом говорили все те приготовления и соглашения, которые имели место, а также поставленные цели и задачи. Все говорило о том, что конечной целью является нападение. Никто не считал возможным нападение СССР на Финляндию. Так как наступательные операции с финской территории могли быть в силу чисто военных причин осуществлены только через 8—10 дней после всеобщего наступления на СССР, то, естественно, были предприняты определенные мероприятия по обеспечению безопасности, но вся группировка войск, их расстановка и подготовка совершенно очевидно служили целям нападения, а не обороны. Все говорит о наступательном характере мероприятий, которые проводились.

Документ СССР-169

Бушенгаген
бывший генерал от инфантерии
германской армии

26.XII—1945 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Из газеты «Известия» от 20 декабря 1945 г. мне стало известно, что на процессе над виновниками войны в Финляндии финский генерал Силасвуо заявил, что я — Бушенгаген, будучи полковником немецкой армии, перед началом германо-советской войны приезжал в Финляндию.

Так как это соответствует действительности и я, по поручению германского генерального штаба, несколько раз приезжал до нападения Германии на СССР в Финляндию, считаю необходимым честно и откровенно изложить историю вступления Финляндии в германо-русскую войну.

1. В конце декабря 1940 года (приблизительно 20-го числа), являясь начальником штаба германских войск в Норвегии в чине полковника, я был приглашен на длившееся несколько дней совещание начальников штабов армий в ОКХ (главное командование сухопутных сил) в Цоссене (вблизи Берлина), на котором генерал-полковник Гальдер изложил «план Барбаросса», предусматривающий нападение на Советский Союз. В тот же период в Цоссене находился начальник генерального штаба финской армии генерал Гейнрихс, который вел там переговоры с генерал-полковником Гальдером. Хотя я и не принимал в них участие, предполагаю, что они касались совместных германо-финских действий в войне Германии против СССР. Тогда же в ОКХ генерал Гейнрихс сделал доклад для высших немецких офицеров о советско-финской войне в 1939 году. В докладе он всячески восхвалял боеспособность финской армии. После совещания в Цоссене финским послом в Германии Кивимяки в помещении финского посольства на Фондер-Хайт-штрассе в Берлине был дан ужин, на котором присутствовали генерал Гейнрихс, финский военный атташе, полковник Кинцель из отдела изучения иностранных армий ОКХ, я и некоторые другие офицеры из ОКВ (верховное главнокомандование германских вооруженных сил), фамилии которых я забыл. Ужин прошел под знаком дружбы и традиционного германо-финского братства по оружию.

В декабре 1940 или январе 1941 года я вел переговоры в ОКВ с генералами Иодлем и Варлимонт о возможном вза-

имодействии германских войск в Норвегии и финской армии с началом войны против СССР. Тогда был намечен план наступления на Мурманск.

2. В соответствии с этими задачами я был уполномочен ОКВ в феврале 1941 года выехать в Хельсинки для переговоров с финским генеральным штабом о совместных операциях против Советского Союза. В середине февраля 1941 года вместе с майором генерального штаба — начальником отдела I ц (разведки) германских войск в Норвегии Христианом Мюллером через Стокгольм я прибыл в Хельсинки. На аэродроме нас встретил помощник германского военного атташе и отвез в отель «Сосьете Хузет». Вечером того же дня в отеле я был принят начальником финского генштаба генералом Гейнрихсом, который от имени своего правительства вручил мне «Комтур» (командорский крест) финского ордена «Белая роза», чему я был очень удивлен, так как получил награду до начала своей деятельности в Финляндии. На приеме присутствовали начальники отделов финского генштаба Топола, Меландер и другие, а также германский военный атташе в Хельсинки полковник Россинг.

В последующие два-три дня в здании финского генерального штаба происходили переговоры между мной, полковником Россингом и майором Мюллером — с одной стороны и генералом Гейнрихсом, его заместителем генералом Айре и начальником оперативного отдела финского генштаба полковником Топола — с другой стороны.

Обсуждался вопрос о возможности проведения военных операций из северной и центральной части Финляндии в направлении Белого моря и Мурманска. С финской стороны была высказана полная готовность к участию в предстоящей германо-советской войне.

В заключение переговоров состоялась 8—10-дневная поездка (рекогносцировка) из Хельсинки в направлении Кааяни — Хюрюнсальми — Суомусальми — Куусамо — Рованиэми — Кемиярви (Салла) — Петсамо, Рованиэми — Торнио. В этой поездке принимали участие, кроме меня и майора Мюллера, финские полковники Топола и Викла, а также помощник германского военного атташе. На участке Хюрюнсальми к нам присоединился командир финской бригады, дислоцировавшейся в этой местности, на участке Куусамо — Рованиэми, финский полковник Вилламо и в районе Инари — Петсамо — финский майор Аахонен.

В перечисленных районах мне были показаны укрепленные пограничные участки, дороги, обсуждались возможности для размещения войск при нападении на Советский Союз.

В Рованиэми состоялась встреча с командующим армейским корпусом генералом финской армии Силасвуо, который в честь

меня дал обед в отеле «Похьянови», где он произнес речь о финско-германском братстве по оружию. В заключительной беседе в привокзальном отеле Торнио как итог рекогносцировки было установлено, что наступление из района Куусамо в направлении Киестинки и из района Кемиярве на Кандалакшу является наиболее удобным с оперативной точки зрения, в то время как из Петсамо на Мурманск — сопряжено с большими трудностями. Мною было заявлено о необходимости дальнейших переговоров между германским и финским генштабами. Участники рекогносцировки с немецкой и финской стороны обязались хранить в строгой тайне содержание переговоров и результаты совершенной поездки.

После моего возвращения в Осло 2 или 3 марта 1941 г. материалы о поездке в Финляндию были мною обработаны и в виде оперативного доклада командования германских войск в Норвегии представлены в ОКВ. На основе этих материалов был составлен оперативный план «Голубой песец», предусматривавший нападение на Мурманскую железную дорогу из района Куусамо, Рованиэми, Петсамо. План операций в районе Киркенес — Петсамо был назван «Северный олень», по району Рованиэми — «Чернобурая лисица».

3. В конце апреля или начале мая 1941 года (точно дату я не могу сейчас вспомнить)¹, после того, как ОКВ рассмотрело и утвердило оперативный план, предложенный командованием германских войск в Норвегии, я был снова послан в Хельсинки для продолжения переговоров между германским и финским генеральными штабами. Вместе со мной в Хельсинки вылетел начальник отдела изучения иностранных армий Востока ОКХ — полковник Кинцель. На аэродроме в Хельсинки мы были встречены германским военным атташе полковником Россингом и представителем финского генштаба, вместе с которыми отправились в отель «Сосьете Хузет». На следующий день в финском генеральном штабе состоялись переговоры с генералами Гейнрихсом, Айре и полковником Топола, во время которых нами было установлено, что финский генштаб полностью готов принять участие в предстоящей войне с Советским Союзом. Руководители финского генштаба высказывали опасения, не может ли получиться так, что Германия в последний момент откажется от нападения на Россию, что после проведенной Финляндией военной подготовки поставит ее (Финляндию) в крайне тяжелое положение. Несмотря на настойчивые требования финских генштабистов, я не мог назвать точной даты начала войны против СССР.

¹ При допросе Бушенгагена на заседании Международного Военного Трибунала он уточнил эту дату — 2 июня. — Составители.

На этом совещании были обсуждены следующие вопросы:

а) Необходимые сроки и маскировка мобилизационных мероприятий в Финляндии. Последние должны были проводиться под видом переподготовки резервистов и офицеров запаса.

б) Наступление финских и германских войск.

В качестве границы между финскими войсками под командованием маршала Маннергейма и немецкими — под командованием генерал-полковника Фалькенхорста была намечена река Оулу. Все финские части, расположенные севернее этой реки, должны были находиться под командованием штаба германской группировки в Норвегии.

в) План военного нападения.

Проведение совместного наступления финских войск и немецкой группировки «Норд» на Ленинград должно было быть точно определено главным командованием германских сухопутных сил.

Для армии Фалькенхорста наступление было намечено по следующим направлениям:

из района Куусамо на Киестинки,
из района Кемиярви через Салла на Кандалакшу и
из района Петсамо — на Мурманск.

Для занятия острова Ханко планировалась одна немецкая дивизия. Аландские острова должны были занять финские войска.

По всем вопросам, обсуждавшимся в финском генштабе, было достигнуто единодушное решение. Полковник Кинцель договорился тогда же с начальником финской военной разведки полковником Меландером об обмене информацией в отношении Красной Армии. С начальником финского военно-транспортного управления была достигнута договоренность об использовании финского транспорта в предстоящей войне. С финской стороны были высказаны требования о поставке оружия и военных материалов (орудий, самолетов, танков, боеприпасов).

О ходе переговоров с нами, насколько мне известно, генерал Гейнрихс информировал маршала Маннергейма и военного министра генерала Вальдена.

В тот же период, когда я находился в Хельсинки, туда были представители германских ВВС, которые вели переговоры с финнами по поводу использования их аэродромов и совместных действий финской и германской авиации.

В последний день переговоров меня и полковника Кинцеля принял в своей вилле в Хельсинки маршал Маннергейм. На приеме присутствовали также генерал Гейнрихс и адъютант Маннергейма. Маршал выразил удовлетворение достигнутым

соглашением между германским и финским генеральными штабами и подчеркнул старую боевую дружбу немцев и финнов.

По возвращении в Берлин я составил протокол соглашения с финским генеральным штабом, который сдал в ОКВ и ОКХ.

4. В мае 1941 года начальник финского генштаба генерал Гейнрихс был приглашен в ставку фюрера — Берхтесгаден. Туда же вызвали и меня. На аэродроме Бранденбург я встретил генерала Гейнрихса, которого сопровождали полковник Топола и адъютант. Вместе с этими лицами и начальником иностранного отдела ОКВ капитаном Бюркнером я вылетел в Мюнхен, откуда на автомашине — в Зальцбург. Генерал Гейнрихс не был принят Гитлером. В Зальцбурге, в отеле вблизи вокзала состоялись окончательные переговоры по поводу участия Финляндии в предстоящей войне против СССР. В этом совещании принимали участие с финской стороны генерал Гейнрихс и полковник Топола, с немецкой — фельдмаршал Кейтель, генерал Иодль, генерал Варлимонт, капитан Бюркнер и я. На основании всех предыдущих переговоров между германским и финским генштабами были окончательно установлены план совместных военных операций, сроки мобилизации и наступления.

В заключение этого совещания состоялся обед в специальном поезде верховного командования в Зальцбурге. После этого я вместе с генералом Гейнрихсом выехал в Берлин, где в управлении вооружения (Курфюрстенштрассе) было достигнуто соглашение о германских военных поставках.

5. 12 или 13 июня 1941 г., в то время, как германские военные эшелоны находились в пути в Финляндию, вновь назначенный для связи с финским генштабом генерал-лейтенант германской армии Эрфурт, его начальник штаба подполковник Хельтер и я вылетели из Берлина через Кенигсберг в Хельсинки. Там нас встретили германский военный атташе и финский полковник Виламо, с которыми мы поехали в отель.

На следующий день мы встретились в финском генштабе с генералом Гейнрихсом. Я представил ему письменный протокол намеченных ранее совместных мероприятий, с которыми он согласился, изменив лишь один незначительный пункт. Тогда же я передал свои функции представителя германского генштаба для связи с финским генштабом генералу Эрфурту. Насколько я помню, в этот день началась в Финляндии всеобщая тайная мобилизация.

На следующий день я вылетел из Хельсинки в Рованиэми для руководства наступлением германо-финских войск армейской группы Фалькенхорста. Туда же прибыли представители финского генштаба полковник Виламо и майор Аахонен.

В заключение я хочу отметить, что со стороны германского верховного командования и генерального штаба не было никакого давления на финский генштаб, а последний с начала наших переговоров проявил большую готовность участвовать в войне против СССР на стороне Германии и добровольно принял все наши предложения.

Я заявляю, что все сообщенное мною полностью соответствует действительности, за исключением отдельных дат, в которых я мог допустить ошибку.

По изложенным мною фактам я готов выступить свидетелем на суде и в интересах установления исторической истины согласен с опубликованием данного заявления.

Бывший генерал от инфантерии
германской армии *Бушенгаген*,

Документ СССР-263

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛА ГИТЛЕРОВСКОЙ АРМИИ ВАЛЬТЕРА ВАРЛИМОНТА

Нюрнберг, 13 ноября 1945 г.

Вам разъясняется, что допрос производит представитель делегации Советского Союза *Александров Г. Н.*

Переводчик предупрежден об обязанности правильно переводить ваши показания и об ответственности за неправильный их перевод.

Вопрос: Ваша фамилия и имя?

Ответ: Вальтер Варлимонт.

Вопрос: Какой пост вы занимали в ОКВ?

Ответ: Я был начальником отдела обороны страны. В январе 1942 года наименование этой должности было изменено и я назывался заместителем начальника оперативного штаба руководства. Мои задачи в связи с этим не изменились.

Вопрос: А кто выполнял обязанности начальника оперативного штаба руководства?

Ответ: Генерал-полковник Иодль.

Вопрос: Я прошу вкратце сообщить организационную структуру ОКВ.

Ответ: ОКВ возглавлялся верховным главнокомандующим вооруженными силами империи Гитлером. Ему подчинялся начальник штаба ОКВ фельдмаршал Кейтель. Последнему, в свою очередь, подчинялся ряд управлений и отделов. Имелись два самостоятельных отдела, непосредственно подчиненных Кейтелю: правовой отдел во главе с генералом Леманом и хозяйственный отдел во главе с генералом Тишбвейном.

Кейтелю подчинялись следующие управления:

1) Центральное управление, возглавляемое генералом Винтером;

2) Оперативный штаб руководства, возглавляемый генерал-полковником Иодлем.

В состав управления Иодля входили следующие отделы:

а) отдел «Л» (обороны страны), возглавляемый мною;

б) отдел прессы и пропаганды, возглавляемый Веделем и, наконец,

в) отдел связи, возглавляемый Фельдгивелем.

3) Управление разведки, возглавляемое адмиралом Канарисом.

В составе этого управления было 4 отдела, из которых первый — иностранный в 1944 году перешел в ведение Иодля;

4) Управление экономики и вооружения во главе с генералом Томасом, впоследствии Томаса сменил Бекер, а затем Штапф;

5) Общее войсковое управление, возглавляемое генералом Рейнеке.

Мой отдел «Л» должен был выполнять исключительно задачи, которые ему ставились генералом Иодлем. Эти задачи были организационного и оперативного характера. Туда входили также вопросы квартирмейстерской службы. Все работы выполнялись отделом исключительно по заданиям Иодля и под его личной ответственностью. Все приказы, которые издавались моим отделом, должны были одобряться генералом Иодлем и, если я их подписывал по его поручению, то только с его предварительного согласия.

Вопрос: В чем ведении находилось в ОКВ управление военнопленными?

Ответ: Военнопленными занималось управление генерала Рейнеке.

Вопрос: Непосредственно Рейнеке или у него для этого имелся специальный отдел?

Ответ: Был специальный отдел.

Вопрос: Кто его возглавлял?

Ответ: Я этого, к сожалению, не могу сказать, поскольку я мало соприкасался с этим отделом. Я только припоминаю, что имелся инспектор по делам военнопленных, который также подчинялся генералу Рейнеке. Кроме того, я слышал, что в последние годы войны, когда я уже не состоял больше на службе, управление делами военнопленных было передано Гиммлеру.

Вопрос: Когда вы были освобождены от исполнения вашей должности в ОКВ?

Ответ: 6 сентября 1944 года.

Вопрос: Когда впервые штаб ОКВ получил задание готовить план нападения на Советский Союз?

Ответ: Лично я впервые услышал об этом плане 29 июля 1940 г.

Вопрос: При каких обстоятельствах это происходило?

Ответ: В этот день генерал-полковник Иодль прибыл в специальном поезде на станцию Рейхенгалле, где находился отдел «Л» штаба оперативного руководства. Гитлер был в Берхтесгадене. Это сразу же бросилось в глаза потому, что до этого

генерал Иодль к нам никогда не приезжал. Кроме меня он приказал явиться также трем другим старшим офицерам.

Вопрос: Кому именно?

Ответ: Полковнику Лосбергу, подполковнику авиации Фалькенштейну и капитану Юнге из военно-морского флота.

Иодль ошеломил нас этим сообщением, к которому мы не были подготовлены.

Вопрос: Что это было за сообщение?

Ответ: Я не могу дословно повторить его выражения, но смысл был следующий: Иодль заявил, что фюрер решил подготовить войну против России. Фюрер это обосновал тем, что поскольку война с Россией должна произойти так или иначе, то лучше будет, если эту войну начать уже сейчас, во всяком случае начать подготовку к ней. Фюрер якобы заявил, что Россия является последним государством, которое готово к услугам Англии.

В дальнейших своих высказываниях Иодль заявил, что Гитлер уже осенью 1940 года намеревался начать войну против Советского Союза. Однако он отказался затем от этого плана. Причины были следующие: развертывание армии к этому времени не могло быть выполнено. Для этого отсутствовали все необходимые предпосылки в Польше: железные дороги, казармы, мосты не были подготовлены для продвижения тяжелых танков, связь, аэродромы — все еще не были организованы. Кроме того, было уже поздно, так как приближалась осень. Армия должна была в ближайшее время получить пополнение, что являлось огромным подспорьем для нее в походе против России. По этим причинам нельзя было начать поход раньше весны 1941 года.

Поэтому был издан приказ, который должен был обеспечить все предпосылки для того, чтобы такой поход подготовить и чтобы он состоялся.

Вопрос: Это приказ от 9 августа 1940 г. «Ауфбау Ост»?

Ответ: Да. Этот приказ был составлен в штабе руководства по приказанию генерала Иодля, однако из этого приказа нельзя было установить подлинную цель его. Этим приказом еще не решался вопрос самого нападения.

Вопрос: Предусматривал ли этот приказ концентрацию немецких войск на советских границах?

Ответ: В известном смысле да, поскольку, по мнению генерала Иодля, концентрация могла состояться только после того, как все приготовления, указанные в этом приказе, будут выполнены.

Вопрос: Кем был подписан этот приказ?

Ответ: Предполагаю, что Кейтель подписал этот приказ, но точно не знаю.

Вопрос: А могло быть такое положение, что Кейтель не был осведомлен об этом приказе?

Ответ: Это исключено. Он мог только забыть об этом. Я тоже забыл о нем, однако в лагере военнопленных я встретился с бывшим своим офицером, ведшим в моем штабе журнал боевых действий, и он мне напомнил. Этот приказ особенно бросается в глаза потому, что он в то время был единственным приказом, посвященным этому вопросу.

Вопрос: Знал ли Кейтель о совещании в Рейхенгалле?

Ответ: Думаю, что да. Кейтель и Иодль в Берхтесгадене жили в одном доме, и вряд ли Иодль, уезжая в Рейхенгалле (это было сравнительно далеко, до Рейхенгалле было $\frac{3}{4}$ часа езды), не докладывал об этом Кейтелю.

Вопрос: Разве должен был Иодль о всяком своем отъезде докладывать Кейтелю?

Ответ: Безусловно, при всех обстоятельствах.

Вопрос: Кем персонально разрабатывался вариант «Барбаросса»?

Ответ: Это указание появилось на свет точно таким же образом, как и другие подобные указания. Вначале следовал доклад главнокомандующего сухопутными силами об оперативных планах. В данном случае этот доклад состоялся 5 декабря. Об этом докладе я был извещен генералом Иодлем специальной запиской. В этой записке содержались важнейшие положения, относящиеся к «плану Барбаросса». Надо было послать дополнения, относящиеся к военно-морскому флоту и к авиации, то есть по вопросам, в которых он не был достаточно компетентен. Эти дополнения были сделаны, и был составлен проект приказа, который был представлен Иодлю в имперскую канцелярию. Этот приказ корректировался Иодлем (Иодль и Кейтель имели свои кабинеты в рейхсканцелярии, в то время как штаб был в предместье Берлина). Я полагаю, что Иодль затем показал этот приказ Гитлеру и с некоторыми исправлениями он вернулся к нам.

Вопрос: Что вам известно о происхождении наименования «плана Барбаросса»?

Ответ: Этот план вначале получил название «Фриц», а затем оно было изменено на «Барбаросса». Эти колебания происходили в течение промежутка времени между 6 декабря, когда состоялся доклад фельдмаршала Браухича, и 18 декабря, когда была издана его директива.

Вопрос: Могло ли случиться так, что гроссадмирал Редер и рейхсмаршал Геринг не участвовали в разработке «плана Барбаросса»?

Ответ: Главнокомандующий военно-морским флотом Редер, а также рейхсмаршал Геринг были обязаны в соответствии

с личными указаниями фюрера доложить ему свои соображения, относящиеся к их родам войск. Делали они это или нет, я не знаю. Во всяком случае армия выработала канву этого приказа. Одно является совершенно несомненным, что как Геринг, так и Редер узнали об этом плане не из директивы от 18 декабря, а, безусловно, были информированы Гитлером еще до этого. Это я могу аргументировать еще и следующим: офицеры военно-морского флота, а также авиации могли внести свои дополнения к этому приказу только после того, как они согласовали этот вопрос со своими штабами.

Вопрос: По каким соображениям термин «Фриц» был заменен термином «Барбаросса» и кем это было сделано?

Ответ: Я не знаю, кто изменил термин «Фриц» на «Барбаросса», но предполагаю, что существует некоторая связь между наименованием — Красная Армия и «Барбаросса».

Вопрос: Кто именно предложил термин «Барбаросса»?

Ответ: Об изменении наименования плана я узнал от Иодля. Сам он изменил название или нет, мне неизвестно, однако Иодль страшно гордился наименованием «Барбаросса».

Вопрос: Но подобные наименования документов давались не техническими сотрудниками?

Ответ: Это было по-разному. В данном случае это наименование возникло не из среды подчиненных мне офицеров и не от меня.

Вопрос: А само применение термина «Барбаросса» не отражало ли тех захватнических целей, которые Германия преследовала в войне с Советским Союзом?

Ответ: Символическим в этом наименовании было только совпадение слов «красное» в обозначениях «Красная Армия» и «Барбаросса». Однако отражались ли в этом наименовании агрессивные планы Германии — судить не берусь.

Вопрос: Но император Фридрих Барбаросса в немецкой истории известен как завоеватель?

Ответ: Как хранитель, а также умножитель, расширитель германского государства.

Вопрос: Не по этим ли соображениям для плана нападения на Советский Союз было применено наименование «Барбаросса»?

Ответ: Я этой мысли сам никогда не имел.

Вопрос: Я прошу вас уточнить несколько других терминов: что означают «Атила» и «Изабелла»?

Ответ: Оба эти наименования мне известны, но в данный момент я не могу точно их вспомнить. Я полагаю, что они относились к Испании. И если это так, то речь шла об оперативном плане, связанном с возможностью высадки союзников в Испании. В этом случае определенная оперативная группа герман-

ской армии на юге Франции должна была выступить против высадившихся войск союзников в Испании.

Вопрос: А что означали термины «Акула» и «Гарпун»?

Ответ: Я вспоминаю. Они обозначали передвижение судов в связи с планами высадки в Англии.

(Предъявляется календарный план исполнения мероприятий по «плану Барбаросса» по состоянию на 1 июня 1941 г.)

Я припоминаю. В документе записано: «Вторая фаза введения врага в заблуждение». Речь шла о том, что мы должны были движением судов в сторону Англии создать впечатление, будто бы мы собираемся осуществить наш план высадки десанта в Англию.

Последняя фраза пункта 6 свидетельствует о намерении Гитлера провести операцию против России якобы для отвлечения внимания от нападения на Англию.

Вопрос: Был ли по вашему указанию 12 мая 1941 г. подготовлен проект инструкции об обращении с русскими руководящими политическими работниками — комиссарами.

Ответ: Этот документ мне предъявляли на других допросах, производимых американской делегацией.

12 мая 1941 г. ко мне, действительно, поступил проект приказа об обращении с политическими комиссарами, разработанный генеральным штабом ОКХ. Я снабдил этот документ некоторыми замечаниями и передал его генералу Иодлю. Сам я подобного проекта не разрабатывал. Кто его подготовил в генеральном штабе ОКХ, я не знаю. Если мне покажут этот документ, может быть, я припомню его.

Вопрос: Это мы сделаем несколько позже, не сегодня.

Что вам известно о приказе командующего шестой армией фельдмаршала Рейхенау относительно поведения войск на Востоке?

Ответ: Я не знаю такого приказа.

Вопрос: Этот приказ по указанию фюрера был разослан всем войскам на Востоке.

Ответ: Мне этот документ не известен. Вполне могло быть, что он не был послан в ОКВ или же он и был послан в штаб ОКВ, но я об этом не знал. Между шестой армией и штабом ОКВ существовали еще другие различные инстанции, а именно: штаб армейской группы Рундштедта, главное командование сухопутных сил (ОКХ) и только уже потом ОКВ. Если даже этот приказ Рейхенау и был представлен в ОКВ, то я его мог не видеть, так как я этими вопросами не занимался.

Вопрос: Вам известны директивы ОКВ, рекомендующие германским войскам применение различных насилий и беззаконий против гражданского населения на оккупированных территориях?

Ответ: В связи с русским походом?

Вопрос: Да.

Ответ: Мне только известно, что перед каждым походом Гитлер созывал высший генералитет и на этих совещаниях давал соответствующие указания. И в данном случае он созвал такое совещание. Однако в своих указаниях он не рекомендовал применение жестокостей в отношении гражданского населения, но он указал, что германские солдаты не должны наказываться за различные проступки, совершенные в тыловых районах. Эти устные указания фюрера вызвали тогда среди офицеров недовольство, и я знаю, что фельдмаршал фон Браухич вопреки этим указаниям издал совершенно противоположный приказ относительно поддержания дисциплины в войсках. Каких-либо письменных указаний, соответствующих этим устным указаниям Гитлера, я не знаю.

Вопрос: Я прошу вас ознакомиться с некоторыми документами, которые мы вам предъявим, и высказать свое мнение по поводу этих документов.

(Предъявляются указания о военной подсудности в районе «Барбаросса».)

Ответ: Вспоминаю, что я уже раньше читал этот документ. Это главным образом оперативные указания.

(Предъявляются: 1) Дополнения к указанию № 33 от 23 июля 1941 г. об обеспечении безопасности в покоренных областях; 2) Директива ОКВ от 16 сентября 1941 г. о коммунистическом, повстанческом движении в оккупированных областях.)

Ответ: Эти документы я читал в 1941 году.

Вопрос: Вам предъявляется указание ОКВ от 7 октября 1941 г. о разрушении городов Москвы и Ленинграда.

Меня интересует ваше мнение как высшего офицера германской армии по поводу содержания этих документов.

Ответ: Это самые худшие предписания из тех, которые Гитлер давал германской армии. Он дьявольским образом утверждал на совещании перед началом похода против России, что имеются разведывательные данные о том, что якобы в России будут таким же образом обращаться с немецкими солдатами.

Все, что содержится в этих документах, полностью соответствует его устным указаниям на этот счет. Документы составлены в тех выражениях, которые употреблял Гитлер на этих совещаниях.

Для меня, как и для других высших офицеров германской армии моего возраста, было просто удивительным, что другие высокие руководящие лица не протестовали против этих приказов. Однако мне известно, что фронтовые генералы в большинстве своем не поступали в соответствии с этими приказами.

Вопрос: Еще один вопрос. Какие, по вашему мнению, конечные цели преследовала Германия в войне против Советского Союза?

Ответ: Эти цели на сегодня звучат настолько смешно, что мне трудно даже говорить об этом. Я также не знаю, действительно ли думали об этих целях серьезно. То, что я об этом слышал, звучит примерно так, как я сейчас скажу: Германия намерена свое жизненное пространство расширить далеко на восток. Для этого должны возникнуть новые военные границы примерно следующим образом: Закавказье должно быть включено в новые границы, далее граница должна проходить по западному побережью Каспийского моря вплоть до Астрахани, затем вдоль по Волге вверх и затем с верховьев Волги в направлении Архангельска.

Вопрос: Кто вас информировал о таких планах?

Ответ: Я не могу сейчас это сказать с определенностью. Кроме того, я не могу утверждать, чтобы я об этом плане узнал сразу. Я себе составил такое представление по отдельным отрывочным высказываниям.

Вопрос: По высказываниям кого именно?

Ответ: Я мог слышать об этом во время ежедневных докладов об оперативной обстановке у Гитлера. В этих встречах я принимал участие, начиная с конца декабря 1941 года. Вероятно, Гитлер после преодоления кризиса зимы 1941—1942 гг. и после выработки начала летнего наступления 1942 года выразил подобные намерения.

Вопрос: По каким причинам вы оставили пост в ОКВ?

Ответ: Внешним поводом для этого было сотрясение мозга, которое я получил во время покушения в июле 1944 года. Я использовал этот повод для того, чтобы уйти из ОКВ, что я намеревался сделать уже в течение нескольких лет. Лечащий меня врач помог мне и изобразил мою болезнь таким образом, чтобы облегчить мой уход из ОКВ. Другой врач помог мне не вернуться в ОКВ вплоть до конца войны.

Вопрос: Какими причинами вы в действительности руководствовались, оставляя свой пост в ОКВ?

Ответ: В первую очередь — это подобного рода позорные директивы, во-вторых, сумасшедшая стратегия, которую Гитлер осуществлял. Например, он раньше всегда утверждал, что потеря нефтяных районов Румынии, а также прорыв нашей обороны во Франции с последующим вторжением союзников означает проигрыш войны для Германии между тем, когда так и случилось, он не искал мира.

Документ СССР-228

ПОКАЗАНИЯ

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ГАНСА ПИККЕНБРОКА —
БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА «АБВЕР-1»
ГИТЛЕРОВСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ
И КОНТРРАЗВЕДКИ

от 12 декабря 1945 г.

Впервые о готовившейся войне Германии против Советского Союза я узнал при следующих обстоятельствах.

В конце декабря 1940 года или в начале января 1941 года, точно не помню, я вместе с адмиралом Канарисом был на очередном докладе у фельдмаршала Кейтеля в Берхтесгадене. При этом докладе присутствовал также генерал Иодль. Когда мы закончили доклад, генерал Иодль пригласил Канариса и меня к себе в кабинет, сказав, что он нам должен кое-что сообщить. Беседа длилась всего несколько минут. Иодль нам сказал, что мы в своей работе должны рассчитывать на то, что летом 1941 года Германия будет воевать с Советским Союзом.

Говоря о предстоящей войне с Россией как об окончательно решенном вопросе, Иодль заявил, что отдельные сведения о Красной Армии немецкий генеральный штаб теперь уже не интересуют и, в связи с этим, он ставит только одну задачу — следить за тем, что происходит у русских на советско-германской границе. Иодль нам также сообщил, что Гитлер придерживается того мнения, что после первых удачных боев с частями Красной Армии на границе Советский Союз лопнет, как мыльный пузырь, и победа над Россией будет обеспечена. На этом беседа Иодля с нами была закончена.

До сообщения Иодля нам никто не говорил о подготовке войны против России.

Однако я должен сказать, что уже с августа — сентября 1940 года со стороны отдела иностранных армий генштаба стали значительно увеличиваться разведывательные задания «Абверу» по СССР. Эти задания, безусловно, были связаны с подготовкой войны против России.

О более точных сроках нападения Германии на Советский Союз мне стало известно в январе 1941 года от Канариса. Ка-

кими источниками пользовался Канарис, я не знаю, однако он сообщил мне, что нападение на Советский Союз назначено на 15 мая.

Тогда же Канарис рассказал мне, что все мероприятия по подготовке этого нападения условно будут называться «план Барбаросса».

В марте 1941 года я был свидетелем разговора Канариса с начальником отдела диверсий и саботажа «Абвер-2» полковником Лахузеном о мероприятиях по «плану Барбаросса», при этом они все время ссылались на имеющийся у Лахузена по этому поводу письменный приказ.

Я лично, как начальник «Абвер-1», начиная с февраля 1941 г. и вплоть до 22 июня 1941 г. неоднократно вел деловые переговоры по плану «Барбаросса» с начальником отдела иностранных армий генерального штаба генерал-лейтенантом Типпельскирхом и начальником отдела «Восток» полковником Кинцелем. Эти разговоры касались уточнения различных заданий «Абверу» по Советскому Союзу и, в частности, о перепроверке старых разведывательных данных о Красной Армии, а также по уточнению дислокации советских войск в период подготовки нападения на Советский Союз.

Для выполнения этих заданий мною было направлено значительное количество агентов в районы демаркационной линии между советскими и германскими войсками. В разведывательных целях мы также использовали часть германских подданных, ездивших по различным вопросам в СССР, а также опрашивали лиц, ранее бывавших в СССР.

Кроме этого, всем периферийным отделам разведки «Абвер-штелле», которые вели работу против России, было дано задание усилить засылку агентов в СССР. Такое же задание — усиление агентурной работы против СССР, было дано всем разведывательным органам, которые имелись в армиях и армейских группировках. Для более успешного руководства всеми этими органами «Абвера» в мае 1941 года был создан специальный разведывательный штаб, носивший условное название «Валли-1». Этот штаб дислоцировался близ Варшавы в местечке Сулиевек.

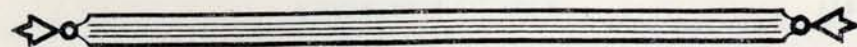
Руководителем «Валли-1» был назначен как лучший специалист по работе против России майор Браун. Позднее, когда по нашему примеру «Абвер-2» и «Абвер-1» также создали штабы «Валли-2» и «Валли-3», этот орган в целом именовался штаб «Валли» и руководил всей разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работой против СССР. Во главе штаба «Валли» стоял подполковник Шмальшлегер.

Разумеется, чтобы сохранить в тайне подготовку нападения на Советский Союз, в моем отделе о значении «плана Барбаросса» знали только два-три ответственных сотрудника.

Из неоднократных докладов полковника Лахузена Канарису, на которых я также присутствовал, мне известно, что по линии этого отдела проводилась большая подготовительная работа к войне с Советским Союзом. За период февраль—май 1941 года происходили неоднократные совещания руководящих работников «Абвер-2» у заместителя Иодля генерала Варлимонта. Эти совещания проводились в кавалерийской школе в местечке Крампниц. В частности, на этих совещаниях в соответствии с требованиями войны с Россией был решен вопрос об увеличении частей особого назначения «Бранденбург-800» и о распределении контингента этих частей по отдельным войсковым соединениям.

Показания мною записаны собственноручно.

Пиккенброк

Документ СССР-231

ПОКАЗАНИЯ

ПОЛКОВНИКА ГИТЛЕРОВСКОЙ АРМИИ ЭРВИНА ШТОЛЬЦЕ — БЫВШЕГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА «АБВЕР-2» ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ И КОНТРРАЗВЕДКИ ПРИ ВЕРХОВНОМ КОМАНДОВАНИИ ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

от 25 декабря 1945 г.

В марте или апреле 1941 года мой начальник — руководитель отдела «Абвер-2» полковник (ныне генерал) Лахузен вызвал меня к себе в служебный кабинет и поставил в известность о том, что вскоре предстоит военное нападение Германии на Советский Союз, и в связи с этим предложил мне использовать все данные о Советском Союзе, которыми располагал отдел «Абвер-2», для проведения необходимых мероприятий по диверсии против СССР.

При этом Лахузен заявил мне, что необходимо хранить все сказанное им о подготовке нападения на Советский Союз в строжайшем секрете.

Далее я получил указание от Лахузена организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием «А», которая должна была заниматься подготовкой диверсионных актов и работой по разложению в советском тылу, в связи с намечавшимся нападением на СССР.

В то же время Лахузен дал мне для ознакомления и руководства приказ, поступивший из оперативного штаба вооруженных сил, подписанный фельдмаршалом Кейтелем и генералом Иодлем (или генералом Варлимонт по поручению Кейтеля, — точно не помню), содержащий основные директивные указания по проведению подрывной деятельности на территории СССР после нападения Германии на Советский Союз.

Данный приказ был впервые помечен условным шифром «Барбаросса». В дальнейшем все мероприятия по подготовке войны против Советского Союза именовались условно «Операция Барбаросса».

В приказе указывалось о том, что в целях нанесения молниеносного удара против Советского Союза «Абвер-2» при проведении подрывной работы против СССР должен использовать свою агентуру для разжигания национальной вражды между народами Советского Союза.

Выполняя упомянутые выше указания Кейтеля и Иодля, я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных выше задач.

В частности, мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка «Консул-1») и Бандере организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение о происходящем якобы разложении советского тыла.

Нами были подготовлены также специальные диверсионные группы для подрывной деятельности в прибалтийских советских республиках.

Так, например, германской агентуре, предназначенной для заброски в Литву, была поставлена задача захватить железнодорожный туннель и мосты близ г. Вильно, а германские диверсионные группы, предназначенные для действий в Латвии, должны были захватить мосты через реку Западная Двина.

Все захваченные, таким образом, не разрушенные противником стратегические объекты должны были удерживаться нашими диверсионными группами до подхода регулярных германских войск.

Одновременно я совместно с Лахузеном приступил к организации и укомплектованию отделов «Абвер-2» при германских армиях и армейских группировках, сосредоточенных на восточных границах Германии. В задачи этих отделов входила организация и проведение диверсионной работы в тылу советских войск.

Мне также известно и о том, что германские разведорганы, именовавшиеся «Абверштелле», «Кенигсберг», «Варшава», «Краков» и «Кригсорганизацион Финлянд» в связи с подготовкой нападения на СССР получили указание от начальника германской военной разведки и контрразведки адмирала Канариса максимально активизировать свою разведывательную деятельность против Советского Союза.

Для более успешного руководства всей разведывательной работой германских войск, назначавшихся для вторжения в СССР, германской военной разведкой в конце мая 1941 года

был организован специальный разведывательный орган под названием штаб «Валли», который дислоцировался вблизи Варшавы.

Кроме того, была подготовлена для подрывной деятельности на советской территории специальная воинская часть — учебный полк особого назначения «Бранденбург-800», подчиненный непосредственно начальнику «Абвер-2» Лахузено.

В задачу этого созданного в 1940 году специального соединения входил захват оперативно важных объектов: мостов, туннелей, оборонных предприятий и удержание их до подхода авангардных частей германской армии. При этом вопреки международным правилам ведения войны личный состав полка, укомплектованный главным образом за счет зарубежных немцев, широко использовал применение обмундирования и вооружения армий противника для маскировки своих операций.

В процессе подготовки нападения Германии на СССР командование полка «Бранденбург-800» также запасало предметы обмундирования и вооружения Красной Армии и организовывало отдельные отряды из числа немцев, знающих русский язык.

Таковы, в общих чертах, известные мне мероприятия, проведенные отделом «Абвер-2» к моменту нападения на Советский Союз.

Должен указать и на то, что все намеченные руководством «Абвер-2» мероприятия в связи с «операцией Барбаросса» адмирал Канарис докладывал фельдмаршалу Кейтелю, который, как мне известно от Лахузена, утверждал их.

Из числа других мероприятий верховного командования германской армии по реализации «операции Барбаросса» мне известно совещание представителей всех родов германских вооруженных сил, под председательством заместителя начальника оперативного штаба вооруженных сил Германии генерала Варлимонта, в котором я принимал непосредственное участие.

Совещание это состоялось в начале мая 1941 года в местечке Крампниц, близ г. Потсдама; на нем кроме генерала Варлимонта и его сотрудников присутствовали начальник отдела пропаганды германских вооруженных сил — полковник (впоследствии генерал) фон Ведель, представители «Абвера» — полковник Рудольф, полковник Лахузен и я, а также представители трех родов войск, кто именно — не помню.

Выступая от имени генерал-полковника Иодля, Варлимонт предложил участникам совещания разработать наиболее эффективные мероприятия по маскировке подготовки нападения на Советский Союз.

В ходе обсуждения этого вопроса совещание пришло к выводу, что необходимо замаскировать подготовку нападения на Советский Союз под видом проведения ложных мероприятий

по реализации плана «Морской лев», то есть плана высадки десанта на Британские острова.

В этих целях был намечен перевод значительной части германского военно-морского флота в порты на французском и немецком побережье Северного моря, а также концентрация авиационных соединений на французских аэродромах.

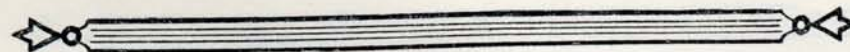
Таким образом, концентрация больших контингентов германских войск на советско-германской границе должна была выглядеть как отвлекающая мера, маскирующая мероприятия по реализации плана «Морской лев».

Предложения, выработанные на этом совещании, были направлены Кейтелю и Иодлю, которые их затем докладывали Гитлеру.

Лахузен мне говорил, что предложенный нами план был в основном утвержден Гитлером и принят к выполнению.

Показания написаны мною собственноручно.

Штольце

Документ С-107

СЕКРЕТНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

ОТДЕЛ ИНОСТРАННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ № 53/41

Контрразведка — 11/ЛА.
Секретное дело штаба
Берлин, 20 июня 1941 г.
Дело начальника штаба руководства
Только через офицера.

Для выполнения полученных от 1-го оперативного отдела военно-полевого штаба указаний о том, чтобы для использования нефтяных районов обеспечить разложение в Советской России, рабочему штабу «Румыния» поручается создать организацию «Тамара», на которую возлагаются следующие задачи:

1. Подготовить силами грузин организацию восстания на территории Грузии.

2. Руководство организацией возложить на обер-лейтенанта доктора Крамера (отдел 2 контрразведки). Заместителем назначается фельдфебель доктор Хауфе (контрразведка II).

3. Организация разделяется на две оперативные группы:

а) «Тамара I» — она состоит из 16 грузин, подготовленных для саботажа (С) и объединенных в ячейки (К). Ею руководит унтер-офицер Герман (учебный полк «Бранденбург». ЦБФ 800, 5-ая рота);

б) «Тамара II» представляет собой оперативную группу, состоящую из 80 грузин, объединенных в ячейки. Руководителем данной группы назначается обер-лейтенант доктор Крамер.

4. Обе оперативные группы «Тамара I» и «Тамара II» предоставлены в распоряжение I—Ц А ОК (главного командования армии).

5. В качестве сборного пункта оперативной группы «Тамара I» избраны окрестности г. Яссы, сборный пункт оперативной группы «Тамара II» — треугольник Браилов — Каларас — Бухарест».

6. Вооружение организаций «Тамара» проводится отделом контрразведки II.

Лахузен

С подлинным верно: (подпись неразборчива) капитан.

Разослано:

В I отдел штаба оперативного руководства вооруженных сил (оперативное отделение I).

В собственные руки генералу Варлимонту или замещающему его в должности.

В Южный военный округ — 10 через офицера связи отдела II контрразведки, майора Эрнста Эйкерна.

Командованию II армии I-ц, через офицера связи отд. II контрразведки, капитана Эрфлинга.

Экономической группе управления военной промышленности.

Оперативному отделу генерального штаба главного командования сухопутной армии.

Главному командованию морского флота, в собственные руки капитану Рейнеке.

Главному командованию военно-воздушных сил Востока, в собственные руки полковнику Шмидту или замещающему его в должности.

Транспортному отделу вооруженных сил.

В штаб связи «Валли», в собственные руки подполковнику Штольце.

Рабочему штабу «Румыния», подгруппа II, в собственные руки капитану Эрфлингу или замещающему его в должности.

Начальнику контрразведки II.

Документ СССР-230

ПОКАЗАНИЯ

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ГИТЛЕРОВСКОЙ АРМИИ
ФРАНЦА ФОН БЕНТИВЕНЬИ — БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА
«АБВЕР-3» ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ
И КОНТРРАЗВЕДКИ

от 28 декабря 1945 г.

О подготовке Германией военного нападения на Советский Союз впервые я узнал в августе 1940 года от руководителя германской разведки и контрразведки адмирала Канариса. В неофициальной беседе, происходившей в служебном кабинете Канариса, он сообщил мне, что Гитлер приступил к проведению мероприятий для осуществления похода на Восток, о котором он объявил еще в 1938 году в своем выступлении на Берлинском совещании гаулейтеров.

Далее Канарис сказал мне, что теперь эти замыслы Гитлера начали принимать реальные формы. Видно это хотя бы из того, что дивизии германской армии в большом количестве перебрасываются с запада к восточным границам и, согласно специальному приказу Гитлера, размещаются на исходных позициях предстоящего вторжения в Россию.

В конце нашей беседы Канарис предупредил меня о чрезвычайной секретности его сообщения о планах подготовки нападения на Советский Союз.

Далее, примерно в октябре 1940 года, Канарис также в одной из неофициальных бесед рассказал мне, что фельдмаршал Браухич и генерал Гальдер по приказу Гитлера разработали общий план подготовки войны против Советского Союза.

О том, что все мероприятия, касающиеся подготовки нападения на СССР, будут носить условное наименование «план Барбаросса», Канарис тогда не говорил мне. Это условное наименование стало мне известно несколько позже из других источников.

Из проходивших через мои руки служебных документов было видно, как в постепенное развитие плана, о котором мне сообщил

Канарис, производилась дальнейшая переброска войск на восток и близ советско-германской границы создавались материальные базы с большими запасами продовольствия, горючего, боеприпасов и другого военного имущества.

В связи с этим я еще в ноябре 1940 года получил от Канариса указание активизировать контрразведывательную работу в местах сосредоточения германских войск на советско-германской границе.

Согласно этому указанию мною тогда же было дано задание органам германской военной разведки и контрразведки «Абверштелле», «Кенигсберг», «Краков», «Бреслау», «Вена», «Данциг» и «Познань» усилить контрразведывательную работу.

Таким образом, с ноября 1940 года я, не будучи еще официально извещен о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом, фактически включился в подготовку к этой войне.

Официально о подготовке Германией войны против Советского Союза я был поставлен в известность в конце января или в начале февраля 1941 года на одном из очередных совещаний у Канариса. В конце этого совещания Канарис предложил остаться начальникам отделов и сообщил нам, что согласно сведениям, полученным им от фельдмаршала Кейтеля, Гитлером отдан приказ о подготовке германских вооруженных сил к войне с Советским Союзом и назначен срок окончания этой подготовки — начало мая 1941 года.

В связи с этим сообщением Канарис предложил начать подготовку к нападению на Советский Союз и по линии «Абвера», в соответствии с конкретными заданиями, которые будут даны каждому из начальников отделов персонально.

Одновременно Канарис предупредил об исключительной секретности сообщения.

На этом секретном совещании присутствовали: начальник иностранного отдела и одновременно заместитель Канариса — адмирал Брюкнер, начальник «Абвер-1» полковник (ныне генерал) Пиккенброк, начальник «Абвер-2» полковник Лахузен, начальник центрального отдела и одновременно начальник штаба Канариса полковник Остер и я — Бентивеньи.

В мае 1941 года полковник Остер, придя ко мне в кабинет, передал мне для сведения письменный приказ оперативного отдела генштаба, предписывавший разработать мероприятия по усилению контроля за работой телефонно-телеграфной связи с нейтральными странами и междугородней внутри Германии.

На приказе имелся гриф «во исполнение «плана Барбаросса».

Передавая приказ, полковник Остер объяснил, что «план Барбаросса», охватывает собой все мероприятия, связанные с подготовкой Германией войны против Советского Союза.

Приказ был подписан заместителем начальника оперативного штаба верховного главнокомандования генералом Варлимонтом.

По своему служебному положению я не имел возможности ознакомиться с самим «планом Барбаросса», однако, несмотря на это, содержание его мне было известно по отдельным устным и письменным донесениям служебного и внеслужебного характера. Донесений этих было много, и восстановить их сейчас в памяти я не могу, но мне было известно, что «план Барбаросса» предусматривал военную, экономическую и политическую подготовку Германии к войне против СССР.

Что касается руководимого мною «Абвер-3», то я в марте 1941 года получил от Канариса следующие установки по подготовке к проведению «плана Барбаросса»:

а) подготовка всех звеньев «Абвер-3» к ведению активной контрразведывательной работы против Советского Союза, как-то: создание необходимых «Абвергрупп», расписание их по боевым соединениям, намеченным к действиям на Восточном фронте, парализация деятельности советских разведывательных и контрразведывательных органов;

б) дезинформация через свою агентуру иноразведок в части создания видимости улучшения отношений с Советским Союзом и подготовки удара по Великобритании;

с) контрразведывательные мероприятия по сохранению в тайне ведущейся подготовки к войне с Советским Союзом, обеспечению скрытности перебросок войск на Восток.

В мае 1941 года подготовка и проведение всех указанных мероприятий, касавшихся участия военной контрразведки в реализации «плана Барбаросса», были мною в основном закончены, о чем я лично в присутствии Канариса доложил фельдмаршалу Кейтелю. Прделанная мною работа Кейтелем была одобрена.

Показания записаны мною собственноручно.

Бентивеньи

Документ СССР-149

ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР

ЗАЯВЛЕНИЕ ВИНЦЕНЦА МЮЛЛЕРА

На Нюрнбергском процессе приведены всеобъемлющие и потрясающие доказательства нацистских преступлений против мира и зверских методов ведения войны. Все эти злодеяния достигли апогея в вероломном нападении на Советский Союз с нарушением существовавших договоров.

Как бывший немецкий генерал и участник этой войны считаю себя совинновником и поэтому обязанным содействовать раскрытию известных мне из моей деятельности подробностей подготовки и осуществления нападения на Советскую Россию.

В связи с этим прошу Правительство СССР принять мои показания и предоставить мне возможность открыто выступить по вопросу о нападении Германии на Советский Союз.

Подготовка к нападению на Советский Союз началась еще в июле 1940 года. В то время я был первым офицером штаба армейской группировки «С» в Дижоне (Франция). Командующим был генерал-фельдмаршал фон Лееб. В состав этой армейской группировки входили 1-я, 2-я и 7-я армии, являвшиеся оккупационными войсками во Франции. Кроме того, во Франции находились армейская группировка «А» (Рундштедт), имевшая задачей подготовку «Морского льва» (десант против Англии) и армейская группировка «В» (фон Бок). В течение июля штаб армейской группировки «В» был переведен на восток (Познань). Штабу армейской группировки «В» были приданы переброшенные из Франции (из состава оккупационных войск): 12 армия (Лист), 4 армия (фон Клюге), 18 армия (фон Кюхлер) и еще несколько корпусов и около 30 дивизий. Из этого числа несколько дивизий взято было из армейской группировки «С» (фон Лееб).

Непосредственно после кампании на Западе ОКХ (главное командование сухопутных сил) отдало приказ о демобилизации 20 дивизий. Приказ этот был отменен, и 20 дивизий не были демобилизованы. Вместо этого они по возвращении в Германию были уволены в отпуск и, таким образом, держались наготове на случай срочной мобилизации.

Оба мероприятия — перевод около 500 тысяч человек на границу с Россией и отмена приказа о роспуске около 300 тысяч человек — доказывают, что уже в июле 1940 года существовали планы военных действий на Востоке.

Следующим приказом, свидетельствующим о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, явилось изданное в сентябре 1940 года письменное распоряжение ОКХ о формировании в Лейпциге новой армии (11-й), нескольких корпусов и около 40 пехотных дивизий и танковых дивизий. Формирование этих соединений производилось с сентября 1940 года командующим резервной армией (генерал-полковник Фромм), частично во Франции, главным же образом в Германии. К концу сентября 1940 года ОКХ вызвало меня в Фонтенбло. Ober-квартирмейстер 1 генерального штаба сухопутных сил генерал-лейтенант (впоследствии фельдмаршал) Паулюс передал мне, пока что в устной форме, приказ о том, что мой штаб (штаб армейской группировки «С») должен быть к 1 ноября переведен в Дрезден, а штаб 2-й армии (генерал-полковник Вейхс), входивший в состав этой армейской группировки, — в Мюнхен (также к 1 ноября).

Задача заключалась в руководстве военной подготовкой вновь формируемых вышеуказанных 40 дивизий. Согласно этому приказу, подтвержденному впоследствии письменным приказом за подписью начальника генерального штаба Гальдера, перевод частей был проведен в срок. При нападении на Советский Союз эти 40 дивизий были введены в действие.

В начале декабря 1940 года начальник генерального штаба Гальдер прислал начальнику штаба армейской группировки «С» генерал-лейтенанту Бреннеке (начальнику моего штаба) предварительный оперативный план наступления на Советский Союз. Бреннеке должен был дать оценку этому плану. В середине декабря он должен был быть обсужден в ОКХ генерал-полковником Гальдером при участии начальников штабов армейской группировки «В» (фон Бок) в Познани и армейской группировки «А» (фон Рундштедт) в Сен-Жермене около Парижа, то есть генералов пехоты фон Зальмута и фон Зоденштерна.

По возвращении из ОКХ начальник моего штаба сообщил мне о том, что предстоит война с Советской Россией. В связи с этим и на основании обсужденного проекта был разработан план стратегического развертывания. Тогда уже было решено, что на первых порах армейская группировка Бока (Познань) будет стоять вдоль всей восточной границы, а впоследствии она будет согласно плану преобразована в армейскую группировку «Центр». Наш штаб впоследствии был переименован в армейскую группировку «Норд» и переведен в Восточную Пруссию. Армейская группировка Рундштедта, стоявшая еще во Франции, должна была быть переименована впоследствии в армейскую группировку

«Зюйд» и занять южный участок Восточного фронта. Что касается меня, то я должен был по приказу Гальдера немедленно отправиться в Закопане (близ Кракова) с тем, чтобы сформировать там 17-ю армию, начальником штаба которой назначался я. Эта армия предназначалась для боев с Советской Россией. Впоследствии 17-я армия вошла в состав армейской группировки Рундштедта.

Ближайшей задачей 17-й армии являлась охрана границ по верхнему течению рек Сан и Буг на расстоянии, примерно, 600 км. На протяжении всей границы находилось всего только 2 корпуса (4 дивизии). Корпус из 6 дивизий находился в 250—300 км к западу, в Верхней Силезии. Тот факт, что основная масса войск находилась так далеко от границы, вытекал из общей тактики, имевшей целью ввести в заблуждение русских относительно наших планов и концентрации войск на восточной границе.

Поскольку действительной задачей армии являлась подготовка к нападению на Советскую Россию, то на первом плане стоял вопрос об обучении войск и офицеров генерального штаба в соответствии с этим планом.

В конце января 1941 года я был командирован телеграфным приказом начальника генерального штаба Гальдера на военные игры в Сен-Жермен (около Парижа), в армейскую группировку Рундштедта. Задачей военной игры было наступление из Румынии и Южной Польши в направлении на Киев и к югу от него. Игра велась с расчетом на участие и румынских войск. В основном военная игра соответствовала условиям будущего приказа о стратегическом развертывании сил, к чему я еще вернусь ниже. Руководителем военной игры был начальник штаба армейской группировки Рундштедт. Присутствовали: Рундштедт, Гальдер, начальники штабов: 6-й армии — полковник Гейм, 11-й армии — полковник Велер, танковой группы Клейста — полковник Цвиклер и несколько генералов танковых войск. Военная игра происходила в месте расположения армейской группировки Рундштедта примерно с 31 января по 2 февраля 1941 г. Она показала необходимость сильной концентрации танковых сил.

В начале февраля, после моего возвращения из Франции, прибыл командующий — генерал пехоты фон Штюльпнагель, бывший до этого председателем комиссии по перемирию с Францией и лишь теперь получивший это новое назначение.

Примерно в то же время из штаба армейской группировки Рундштедта была получена первая директива по стратегическому развертыванию войск под названием «Барбаросса». Так условно называлась подготовка к нападению на Советский Союз. В целях более строгой конспирации внутри 17-й армии употреблялось

An die Regierung
der UdSSR

Der Münchener Prozess hat durch seine
D. erschütternde Beweise erbracht über
die nationalistischen Verbrechen gegen den Frieden
D. die gewaltsame Führung des Kaschubs. Alle
diese Verbrechen zielen in dem letzten
Wesentlichen, auf den Bruch der bestehenden Ver-
träge und den Angriff auf die Sowjet-
Union.

Als ehemaliger deutscher General,
der diesem Krieg mitgewirkt hat, fühle ich
mich verpflichtet D. daher verpflichtet
was ich aus meiner Tätigkeit wissen, bei-
tragen zur Aufklärung über unser betriebe-
linterhalten der Vorbereitung D. Durchführung
des Überfalls auf Sowjet-Russland.

Ich bitte daher die Regierung der
UdSSR, meine Angaben entgegenzunehmen,
D. mir Gelegenheit zu geben, mich öffentlich
zur Frage des Überfalls auf die
Sowjet Union zu äußern.

Die Vorbereitungen für den Über-
fall auf Sowjet-Russland begannen schon
im Juli 1940. Ich war damals 1. General-
stabschef im Stab der Heeresgruppe C.

Рис. 11. Заявление генерал-лейтенанта германской армии Мюллера
Правительству СССР (первая страница)

XII

27. Vorgahren von Heilbronn gegen die Zivilbevölkerung gegeben. Seine militärischen Berater im O.K.W. haben diesem Befehl mitgewirkt.

Die Unerfahrenheit Wallons, Rheinland kolonisieren. Auch dafür habe ich einen Befehl General der Infanterie von Todt, Chef des Generalstabes der Heeresgruppe Süd, am 1. Juni 1942 dementsprechend im deutschen Hauptquartier in Ostpreußen. Beim Essen bemerkte mich Hitler, er beauftragte mich jetzt alle möglichen Bücher über Kolonisationsmethoden, den sie anzuwenden bei der Kolonisierung Deutschlands.

Im Fehlen möchte ich noch betonen, dass der Kriegsvorbereitungs Kerbel erwähnen, der am Ersten Weltkriegsbeginn schrieben mit ganz bestimmten Kreise. Er hat am 5. März 1944 bei einer Generalabteilung in Luthafen (Merseburg) von 120 Generalen aus der ganzen Wehrmacht (darunter auch ich) zwecks militärischer Beeinflussung eine Rede gehalten.

Es führte über die militärischen Lage so aus: „Die im Osten verlorenen, fischelbaren Kolonisationsgebiete werden wir wieder haben.“ Diese Ansicht übertrug es zu einem Zeitpunkt wo der Kriegsbereich schon von der Fiere stand mit der Bedingung: „Offiziere, die Zweifel am Sieg ändern, werde ich erschossen lassen.“

Kriegsgefangenenlager
8. 1. 1946

Vincent Müller
Generalstabsoffizier
Führer des XII O.K.

Рис. 12. Заявление генерал-лейтенанта германской армии Мюллера Правительству СССР (последняя страница)

условное число, в то время как обозначение «Барбаросса» употреблялось только в переписке с вышестоящими инстанциями.

Эта первая директива по стратегическому развертыванию войск — по существу первое задание как основа разведки и других приготовлений (строительство дорог, мостов и пр.).

Затем стали поступать директивы генерал-квартирмейстера генерального штаба сухопутных войск о создании запасов для наступления. Склады должны быть выдвинуты как можно ближе к русской границе, соответственно требованиям плана нападения.

В середине февраля 1941 года по распоряжению Рундштедта, все еще находившегося во Франции, штабу 17-й армии был придан рабочий штаб, выделенный 6-й армией, которая также стояла во Франции. Этот штаб занимался подготовительной организационной работой для 6-й армии, которая впоследствии в составе армейской группировки Рундштедта под командованием фельдмаршала фон Рейхенау сражалась против Советской России, дислоцируясь к северу от 17-й армии.

Рабочий штаб, возглавлявшийся 1-м офицером штаба 6-й армии полковником Фельтером, работал под моим наблюдением и прикрытием моего штаба для маскировки под обычную пограничную службу.

В середине апреля 1941 года в мой штаб поступила окончательная директива по стратегическому развертыванию сил «Барбаросса».

В то же время Рундштедт со своим штабом был переведен из Франции в Тарнов (Польша).

Полагая, что эта директива уже известна советским инстанциям, я считаю возможным подробно не останавливаться на этом. Однако до сих пор, с военной точки зрения, речь шла лишь о намерении вести наступательную войну против Советского Союза. Теперь же было принято решение об осуществлении этого намерения.

В связи с этим, на основании соответствующих фактов я хочу свободно высказаться по вопросу о подготовке этой войны, начиная с июля 1940 года. Для моего тогдашнего главнокомандующего — генерала от инфантерии фон Штюльпнагеля, для меня и других тогда, еще в апреле 1941 года, не подлежало сомнению, что речь идет о чисто наступательной войне. Это явствует из всех описанных мною здесь приготовлений, а именно: из переброски войск с запада на восток и из крупных новых формирований в Германии. Это видно также из характера охраны границ на востоке, где стояли лишь весьма слабые силы, тогда как главные силы стояли в 200—300 км к западу.

Это видно из предварительного оперативного плана ОКХ от декабря 1940 года, который предусматривал цели, находящиеся

в глубине России. Это видно из военной игры, проводившейся в Сен-Жермене, основной целью которой было завоевание Украины, это видно из того, что обучение строилось исключительно на наступлении. Это видно из методов маскировки и введения в заблуждение противника. И последнее — это директива «Барбаросса» от апреля месяца, которая подтверждала намеченные в предварительном оперативном плане первые дальние цели.

Я считаю важным, в смысле подготовки к нападению на Советский Союз, остановиться еще на следующих двух пунктах:

1. В директиве о стратегическом развертывании сил от апреля 1941 года было категорически приказано, чтобы развертывание и подтягивание главных сил к границе было произведено как можно позднее перед началом наступления. Это сам по себе общезвестный принцип.

Но если в течение 9 месяцев утверждалось, как это делало ОКВ, что русские намерены напасть на нас, и этим мотивировались наши приготовления, то этому резко противоречило крайнее откладывание срока военных операций, ибо это значило предоставить угрожающему нам противнику выигрыш времени и пространства.

2. Если ОКВ вбивало нам в голову, что русские якобы нам угрожают, мотивируя это утверждение сосредоточением на границе сильных частей Красной Армии, то этому резко противоречило накопление запасов вблизи границы, о чем уже говорилось выше. Накопление запасов производилось генерал-квартирмейстером сухопутных сил на основании директив ОКВ. Все это доказывает, что ОКВ целиком и полностью разделяло агрессивные планы нацистского руководства.

Но все эти военного характера доказательства нацистской агрессии превосходит политическая сторона вопроса. В начале сентября 1943 года, проездом на фронт, я в лесном лагере к западу от Смоленска беседовал с генерал-лейтенантом Кребсом, начальником штаба армейской группировки «Центр». В 1939 году Кребс был членом германской делегации при переговорах о заключении договора между Германией и Россией. Он рассказал мне, между прочим, о том, что Гитлер дал делегации указание идти во всем навстречу русским. Далее он рассказал, что Риббентроп вообще не проявлял никакого интереса к этнографическим и географическим условиям при проведении границ между Россией и оккупированной немцами Польшей.

Из выводов Кребса нельзя было не понять, что нацисты, заключая договоры с Советской Россией, с самого начала не намеревались честно выполнять их и что этими договорами преследовалась лишь цель подготовить под их прикрытием агрессию против Советского Союза. У меня даже есть доказательство этого. В начале 1943 года я встретился на Полтавском аэродроме

с адъютантом Гитлера и доверенным Кейтеля и Иодля — в то время полковником Шмундтом. Ввиду тяжелого положения моей армии, я спросил Шмундта, была ли необходима эта война с Россией. Он ответил, что, по словам фюрера, «эта война должна была рано или поздно произойти и что после успехов Германии на западе легче было побудить к этому германский народ — пойти на войну против России».

Так, тесная связь между бесчестным заключением договора, вероломным его нарушением и агрессией подтверждает общую вину нацистских руководителей, как Риббентропа, Геринга, «колонизатора России» Розенберга, и их достойных пособников из ОКВ — Кейтеля и Иодля.

Навязанная Советской России война была захватнической, поэтому ей должны были сопутствовать определенные явления и зверства, которые были введены в систему нацистскими и военными агрессорами.

При вторжении в Россию Гитлер, наряду с приказами о задачах СС по истреблению населения, отдал также роковой приказ об отмене ответственности солдат за преступления и проступки против гражданского населения. Его военные советники в ОКВ поддерживали этот приказ. Нацистские «вожди» хотели колонизировать Россию. Имею и в этом отношении доказательства. Начальник штаба армейской группировки «Зюйд» — генерал от инфантерии Зоденштерн — ездил в начале июня 1941 года по служебным делам в ставку Гитлера в Восточной Пруссии. За обедом Гитлер заявил, что он собирает теперь всевозможные книги о методах колонизации, с целью использования их при «колонизации России».

В заключение я хотел бы особенно упомянуть военного преступника Кейтеля, которому, видимо, еще недостаточно было завоеваний и пролитой крови. 5 мая 1944 года на конференции генералов в Зонтхофене (нацистская школа Орденсбург) он произнес речь перед 120 генералами, созданными из всей армии (среди них был и я) с целью воздействия на них в нацистском духе. О военной обстановке он, между прочим, сказал: «Потерянные на Востоке русские плодородные земли мы вернем себе». Это намерение он подчеркнул в такой момент, когда разгром стоял на пороге, высказав при этом следующую угрозу: «Офицеров, выражающих сомнение в победе, я буду расстреливать».

Винценц Мюллер,

генерал-лейтенант и бывший командующий
12-м армейским корпусом.

Лагерь военнопленных
8.1.—1946 г.

Документ СССР-229

ПОКАЗАНИЯ

ПОЛКОВНИКА ГИТЛЕРОВСКОЙ АРМИИ ХОРСТА
КИЧМАНА — БЫВШЕГО ГЕРМАНСКОГО ВОЕННОГО
АТТАШЕ В ФИНЛЯНДИИ

от 27 декабря 1945 г.

Германское правительство и верховное командование германских вооруженных сил совместно с правительством Финляндии и генеральным штабом финской армии, задолго до 22 июня 1941 г., вели тайные переговоры и подготавливали нападение на Советский Союз.

О подготовке к вторжению германской и финской армий на территорию Советского Союза мне стало известно при следующих обстоятельствах: в октябре 1941 года по прибытии в Хельсинки на должность заместителя германского военного атташе я имел беседы с майором фон Альбедиллом, помощником германского военного атташе, ранее работавшим в отделе атташата генерального штаба сухопутных сил Германии.

Фон Альбедилл ознакомил меня с обстановкой в Финляндии и ее военно-политическим курсом, так как военный атташе генерал-майор Россинг был тяжело болен и находился на излечении на курорте Меран в Тироле.

В этих беседах фон Альбедилл рассказал мне, что еще в сентябре 1940 года генерал-майор Россинг, по заданию Гитлера и германского генерального штаба, организовал поездку генерал-майора Тальвелла — особоуполномоченного маршала Маннергейма — в Берлин в ставку Гитлера, где им было достигнуто соглашение между германским и финским генштабами о совместной подготовке нападения на Советский Союз и ведении войны против него.

В связи с этим я вспоминаю, что когда в ноябре месяце 1941 года я посетил генерала Тальвелла в его штаб-квартире в районе города Аунос, он в беседе рассказал мне, что по личному поручению маршала Маннергейма он еще в сентябре 1940 года одним из первых установил связь с германским верховным командованием в деле совместной подготовки нападения Германии и Финляндии на Советский Союз.

Как сообщил мне далее фон Альбедилл, в феврале или марте 1941 года в ставке Гитлера происходили дальнейшие переговоры о планах подготовки нападения и ведения войны против Советского Союза. В этих переговорах участвовали начальник генерального штаба вооруженных сил Финляндии генерал-лейтенант Гейнрихс и представитель того же штаба генерал-лейтенант Эквист.

Таким образом, в результате переговоров, начатых с сентября 1940 года между правительствами Германии и Финляндии, а также их верховным командованием, было достигнуто полное согласие о совместной практической подготовке войны против Советского Союза, что, как известно, в июне 1941 года было осуществлено путем вторжения германских и финских войск на территорию СССР.

В октябре 1941 года второй помощник германского военного атташе в Финляндии майор Шлютер в беседе сообщил мне, что командир 163-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Энгельбрехт в начале июня 1941 года, еще до начала военных действий на Восточном фронте, прибыл из Норвегии в Финляндию для подготовки к операциям против русских войск и захвата полуострова Ханко. За несколько дней до войны войска дивизии Энгельбрехта уже были переброшены через Швецию в район полуострова Ханко.

В конце 1942 года на приеме германского посла в Финляндии фон Блюхера я встретился с начальником германской военной миссии в Финляндии генералом от инфантерии Эрфуртом. В присутствии Блюхера Эрфурт рассказал мне о том, что еще за 14 дней до начала военных действий против Советского Союза он, по приказанию германского генерального штаба, прибыл в Хельсинки в гражданской одежде для связи со ставкой Маннергейма. Финский генерал-лейтенант Эквист в то же время с такими же целями был командирован в Берлин в качестве начальника финской военной миссии при ставке Гитлера.

Говоря о миссии немецкого генерала Эрфурта в Финляндии, фон Альбедилл рассказал мне, что на совещаниях между представителями германского и финского командования в первой половине июня 1941 года по вопросу подготовки нападения на Советский Союз кроме генерала Эрфурта принимали участие генерал-полковник фон Фалькенхорст, позднее командующий немецкой лапландской армией в Финляндии, и его начальник штаба генерал-майор Бушенгаген.

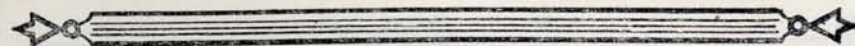
Перед отъездом в Финляндию я ознакомился в Берлине с отчетными материалами германского военного атташе в Финляндии Россинга, из которых установил, что он не только являлся участником и организатором тайных переговоров, но был в курсе всех практических планов и мероприятий по подготовке нападения на

Советский Союз, а также, как германский военный атташе в Финляндии, содействовал своим участием их осуществлению.

После нападения Германии и Финляндии на Советский Союз вся деятельность военного атташе Россинга была направлена к тому, чтобы продолжать войну и, воздействуя дипломатическим путем на Финляндию, удерживать ее в состоянии войны против Советского Союза на стороне Германии. Заняв пост германского военного атташе в Финляндии, я всеми средствами проводил в жизнь политику Гитлера в войне против Советского Союза.

Показания написаны мною собственноручно.

Кичман

Документ СССР-155

Венгерский генерал-майор
Штефан Уйсаси

ЗАЯВЛЕНИЕ О ПОДГОТОВКЕ СОВМЕСТНОЙ ВЕНГЕРО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

1. ВВЕДЕНИЕ

Я, нижеподписавшийся, венгерский генерал-майор Штефан Уйсаси, с I/V—1939 г. до I/VII—1942 г. являлся начальником 2-го отдела (разведка, контрразведка) королевского венгерского генштаба.

В этой должности мне из надежных источников становилось известно о жестоких, беспощадных методах ведения войны фашистских держав против Советской России, особенно со стороны III империи. Неприятно на меня подействовало также массовое убийство моих собратьев (евреев и граждан оккупированных III империей стран), проводившееся немецко-фашистскими властями.

Мне скоро стало ясно, что немецкий эгоизм использует мою страну для собственных целей в политическом, военном и экономическом отношениях, подвергает грубому ограблению и ввергает в пропасть. В 1942 году я пришел к убеждению, что «убийцы и разбойники» не могут выиграть войну.

Будучи всегда демократом, гуманистом и либерально мыслящим человеком, я принял решение в интересах моей страны направить свою деятельность против фашистских держав.

Предательское нападение III империи на мирную Советскую Россию, бесчестные средства, применявшиеся III империей с помощью венгерских национал-социалистских элементов с целью вовлечения Венгрии в эту войну на стороне III империи, известны мне во многих подробностях благодаря занимаемой мною тогда должности.

Настоящим я пользуюсь возможностью в последующем изложении охватить все, что мне об этом известно, с тем, чтобы известные мне виновники войны были привлечены к ответственности. Этим я преследую цель исключения их из человеческого общества с тем, чтобы они никогда больше не могли нарушить мир.

II. ПОДГОТОВКА ГЕРМАНИИ И ВЕНГРИИ К ВОЙНЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

1. Письмо Гальдера

В ноябре 1940 года на аудиенцию к начальнику королевского венгерского генерального штаба генерал-полковнику Генрику Верту явился германский военный атташе в Будапеште полковник генштаба Фюнтер Краппе с письмом от генерал-полковника Гальдера, начальника генерального штаба сухопутных сил Германии.

В этом письме Гальдер информировал Верта о том, что весной 1941 года «необходимо заставить Югославию, — если нужно будет силой — занять определенную позицию, чтобы этим впоследствии предупредить угрозу нападения русских с тыла. В этой предупредительной войне, возможной против Югославии и несомненной против России, должна принять участие Венгрия, что будет в ее собственных интересах».

Верт ответил, что он согласен с мнением Гальдера, но заявил при этом, что венгерская армия недостаточно вооружена и в настоящее время не готова к войне против Советской России. Попутно он просил Германию о пополнении вооружения Венгрии.

О письме Гальдера и об ответе на него меня информировал генерал-полковник Верт.

2. Венгерская комиссия по вооружению в Берлине

После этого в Берлин была приглашена венгерская комиссия по вооружению. Она была составлена из офицеров-специалистов главной группы материального снабжения королевского венгерского министерства обороны (генерал-майор Рюскицай-Рюдигер) и выехала в Берлин в декабре 1940 года.

Венгерские пожелания сводились к следующему:

поставка недостающих Венгрии 10-сантиметровых полевых гаубиц (так называемых «Геринг»);

современных танков и бронемашин для двух механизированных бригад;

истребителей «Мессершмидт-109».

Немцы обещали частичное выполнение этих просьб.

О поездке в Германию комиссии по вооружению я узнал официальным путем благодаря занимаемой мною тогда должности.

3. Визит генерал-полковника Барта в Германию

В декабре 1940 года начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель пригласил в Берлин венгерского министра обороны (гонведа) генерал-полковника Кароля Барта для того, чтобы:

Унгарischer Generalmajor
Stefan Ujvási -

Meldung
über die Vorgeschichte des seitens Ungarns
mit Deutschland gemeinsam gegen Sowjet-
rußland geführten Krieges -

I. Einleitung -

Ich, der Unterzeichnete, ungarischer General-
major, Stefan Ujvási, war vom 1. V. 1939 bis
zum 1. II. 1942, als Chef der 2. ten (Spionage -
Spionagedivision) Abteilung des I. ungarischen
Generalstabes tätig -

In dieser Eigenschaft hatte ich Gelegenheit
die grausame, nichtidiotische Kriegführung der
faschistischen Mächte, besonders des III. Reiches
gegen Sowjetrußland, aus verlässlichen Berich-
ten kennen zu lernen. Ich befreundete
mich die massenweise Ermordung
meiner Neusekündgenossen (Juden und
Angehörige der vom III. Reich besetzten
Länder) durch faschistische deutsche
Behörden -

Ich bestätige mit meiner Unterschrift, dass
 obiger Bericht von mir persönlich geschrieben
 und für richtig befunden wurde.
 Ich erkläre mich mit einer eventuellen Ver-
 öffentlichung einverstanden und bin mich
 geneigt über den Inhalt vor dem internatio-
 nalen Gerichtshof eine Zeugenschaft gegen
 genannte Kriegs-schuldigen abzugeben.
 Moskau, den 8. ten Januar 1946.

Stefan Ujsaszi
 ungarischer Generalmajor.

Рис. 14. Заявление бывшего начальника разведки и контр-разведки венгерского генерального штаба Уйсаси (последняя страница)

- a) лично обсудить вопрос о вооружении;
- b) разработать план военно-политического сотрудничества Германии и Венгрии на весну 1941 года.

Это приглашение было передано в Будапешт через королевского венгерского военного атташе в Берлине полковника генштаба Александра Хомлока.

Одновременно я получил подобное приглашение от адмирала Канариса — начальника иностранного отдела «Абвера» в ОКВ.

Министр обороны генерал-полковник Барта принял это приглашение в январе 1941 года. Его сопровождали:

- его офицер для поручений майор Иштван Гааль;
- начальник главной группы материального снабжения министерства обороны генерал-майор Имре Рюскицай-Рюдигер;
- начальник оперативного (1-го) отдела генштаба полковник генштаба Деже Ласло;
- начальник 2-го отдела генерального штаба полковник генштаба Штефан Уйсаси (автор этого сообщения);
- флигель-адъютант министра обороны (гонведа) полковник генштаба Енэ Шаркани.

Комиссия вела в Берлине переговоры: генерал-полковник Барта с Гитлером, Риббентропом, Кейтелем, генерал-фельдмаршалом Кессельрингом; генерал-майор Рюскицай-Рюдигер с генерал-полковником Фроммом, генерал-лейтенантом Томасом и генерал-майором Беккером в министерстве авиации; полковник генштаба Ласло с генерал-полковником Гальдером и генерал-лейтенантом Иодлем;

полковник генштаба Уйсаси с адмиралом Канарисом.

При этом договорились о следующем: Весной 1941 года выяснится позиция Югославии, угроза нападения советских войск с тыла устранится.

В обоих случаях рассчитывают на содействие Венгрии. Венгерская гонведовская армия будет для этого обеспечена 10-сантиметровыми полевыми гаубицами, современными танками и бронемашинами для одной механизированной бригады.

Венгрия должна дать в распоряжение Германии 15 оперативных соединений для войны против России (в том числе 3 механизированных соединения, одно кавалерийское и одно танковое); закончить строительство укреплений в Закарпатской Руси до 1/VI—1941 г.; содействовать продвижению германских войск в районах, прилегающих к венгеро-югославской и венгеро-советской границе, обеспечить подвоз снабжения через Венгрию. Детали подготовки оперативных действий будут разработаны позднее посланными в Венгрию представителями германского генштаба.

За участие в войне Венгрия в виде политической компенсации получит земли в Югославии и в России (старое княжество Галич, предгорья Карпат до Днестра).

Адмирал Канарис просил меня:

взять на себя разведку в Бачке, в югославском Банате; разрешить немецкому полковнику генштаба Эриху Лахузену вербовать агентов среди проживающих в пограничной полосе швабов для политической, диверсионной и разложенческой деятельности против Югославии; вести интенсивную разведку в районе между венгерской и старой польской границей, доходящей на севере до железнодорожной магистрали Краков — Львов; оказывать поддержку начальнику отдела германского «Абвера» в Вене полковнику генштаба графу Маронья-Редвиц в вербовке агентов против Советской России.

Одновременно Канарис пригласил офицеров 2-го отдела королевского венгерского генштаба осмотреть пункты германского «Абвера» в Кракове и Варшаве.

Венгерская комиссия приняла к сведению желания немцев; генерал-полковник Барта обещал получить согласие регента и правительства.

На основании доклада Барта регент Хорти дал согласие на превентивную войну против Советской России, но был против участия Венгрии в вооруженном нападении на Югославию.

Премьер-министр граф Пауль Телеки резко отклонил участие как в одной, так и в другой войне и энергично возражал против пропуска германских войск через Венгрию. Особенно опасным он считал присоединение предложенных областей Югославии и СССР. Он хотел разрешить территориальные вопросы с Югославией путем прямых мирных переговоров.

О переговорах в Берлине других членов комиссии, а также о решениях регента и премьер-министра меня информировал генерал-полковник Барта и частично полковник генштаба Ласло.

Венгерская комиссия во главе с генерал-полковником Барта была также и на Западном фронте, а именно в бельгийских крепостях: Лилль, Дюнкерк, Сан-Кантэн во Фландрии, в Аргонском лесу, а также в Меце, Саарбрюкене, на линиях Мажино и Зигфрида.

4. Визит полковника генштаба Кинцеля в Будапешт

Полковник немецкого генштаба Эбергард Кинцель из отдела «иностранные армии Востока» в ОКХ (главное командование сухопутных сил) прибыл в Будапешт в марте 1941 года с письмом генерал-полковника Гальдера к генерал-полковнику Верту.

Это письмо содержало настоятельное требование Германии об участии Венгрии в возможной войне: против Югославии с мо-

билизацией армейских корпусов: I-Будапешт, II-Секешфехервар, III-Сомбател, IV-Печ, V-Сегед и против Советской России при мобилизации 15 оперативных соединений, в том числе двух кавалерийских дивизий, двух механизированных бригад и одной горно-стрелковой бригады.

В письме сообщалось о скором приезде в Будапешт комиссии немецкого генштаба во главе с генерал-лейтенантом Паулюсом для обсуждения совместных операций и продвижения немецких войск через Венгрию на Югославию.

Генерал-полковник Верт в ответ на это письмо пригласил германскую комиссию в Будапешт; обещал согласие Венгрии участвовать в войне против Югославии и выставить с этой целью три армейских корпуса, а именно: I, IV и V.

Что касается войны против Советской России, он в принципе согласился и обещал по меньшей мере мобилизовать VIII армейский корпус (Кошице) и потребованные Гальдером механизированные оперативные соединения.

Об этой переписке меня информировал лично полковник германского генштаба Кинцель.

5. Переговоры генерал-лейтенанта Паулюса в Будапеште

Генерал-квартирмейстер сосредоточенных против Югославии германских войск генерал-лейтенант Паулюс в конце марта (насколько мне помнится, 21 или 23 марта) 1941 года прибыл с комиссией в Будапешт. Из членов комиссии я знаю только подполковника генштаба Ганзена из отдела «иностранные армии Балкан и Ближнего Востока» ОКХ, который как раз должен был вести переговоры о сотрудничестве со 2-м отделом королевского венгерского генштаба.

О результатах переговоров генерал-лейтенанта Паулюса я могу рассказать следующее (о них меня информировал полковник генштаба Ласло).

Венгерская гонведовская армия участвует в операциях против Югославии I, IV, V армейскими корпусами, одной кавалерийской дивизией и одной механизированной бригадой. Главные силы используются в районе между Дунаем и Тиссой.

В юго-западной части Венгрии с направлением главного удара на Загреб сосредоточиваются два германских армейских корпуса. 2-й отдел королевского венгерского генштаба предоставляет в распоряжение немцев все имеющиеся у него учетные данные (картошки) по Югославии; берет на себя разведку при помощи агентов в Бачке и Банате, устанавливает постоянную радиосвязь с командованием германской армии, сосредоточенной у границ Югославии, для взаимного обмена информацией.

В операциях против Советской России Венгрия участвует в районе Закарпатской Украины по меньшей мере 6 оперативными соединениями (в том числе 3 механизированными), заканчивает там строительство укреплений не позднее 1/VI — 1941 г. Операции венгерских войск производятся в соответствии с действиями германской армии.

Генерал-лейтенант Паулюс лично займется тем, чтобы обещанные Венгрии германские военные материалы (особенно танки) были доставлены не позднее 1/VI—1941 г.

2-й отдел королевского венгерского генштаба обеспечивает разведывательную работу при помощи агентов на участке венгеро-советской границы, разворачивает вербовку агентов среди находящихся в Венгрии поляков, украинцев и русских белоэмигрантов. О сотрудничестве в этом вопросе подполковник генштаба Енэ Паданьи договаривается непосредственно с полковником генштаба графом Маронья-Редвиц в Вене.

6. Дальнейшие практические мероприятия по подготовке войны

Военные круги, особенно генерал-полковники Верт, Барта, произведенный в генерал-майоры и получивший должность начальника оперативной группы королевского венгерского генштаба Деже Ласло, были абсолютно за ведение превентивной войны против Советской России. В этом отношении генерал-полковник Верт полностью находился под влиянием генерал-майора Ласло.

В конце апреля 1941 года германский военный атташе в Будапеште полковник генштаба Гюнтер Краппе был заменен прибывшим из Белграда полковником генштаба Рудольфом Туссеном.

Перед приездом в Будапешт Туссен был принят Гитлером. Основным заданием, полученным Туссеном от Гитлера, было: побудить Венгрию к активному участию в войне против Советской России. Гитлер уполномочил его еще раз обещать Венгрии области Восточной Галиции (включая и нефтяные источники в Дрогобыче).

Одновременно такое же поручение рейхсмаршал Геринг дал германскому атташе авиации в Будапеште генерал-лейтенанту Фюттереру.

В результате деятельности Фюттерера и Туссена генерал-полковник Верт с согласия регента в конце мая 1941 года распорядился о сформировании так называемой «Карпатской группы».

Командование группы находилось в г. Чоп. Командиром был генерал-лейтенант Франц Сомбатхей; начальником штаба —

полковник генштаба Золтан Альгя-Папп; офицером штаба (отделение тыла) — майор генштаба Иоганн Полоши. К последнему был прикомандирован офицер по разведке и контрразведке (Абвер) полковник Штефан Ошват.

В состав «Карпатской группы» входили следующие части:

12-я пехотная дивизия в Ужгороде,
1-я горно-стрелковая бригада,
пограничные части 8-го армейского корпуса, —
1-я кавалерийская дивизия (генерал-майор Антон Ваттай),
1-я механизированная бригада (генерал-майор Ласи Вереш),
2-я » » (генерал Иоганн Вереш).

Три последних соединения составляли «механизированный корпус» (генерал-лейтенант Миклош).

Вспомогательные части и учреждения VI и VIII армейских корпусов с середины июня 1941 года были усилены мобилизованными контингентами.

Перед политическим руководством Венгрии (правительством) формирование «Карпатской группы» мотивировалось «угрожающей концентрацией советских войск на венгерской границе». Для этого генерал-майор Ласло как руководитель оперативной группы и мой непосредственный начальник приказал 2-му отделу генштаба составить доклад, который должен был подтвердить, что на венгерской границе сосредоточено 14 советских оперативных соединений, в том числе 8 моторизованных. Этот доклад составил полковник Корнель Хидай из учетного отделения.

Хочу здесь заметить, что разведкой, проведенной 2-м отделом королевского венгерского генштаба, было установлено, что на венгерской границе находилось всего только 4 советских оперативных соединения. Об этом обстоятельстве, согласно фактам, я доложил генерал-полковнику Верту и генерал-майору Ласло, но по приказу последнего мой правдивый, объективный доклад должен был быть переделан согласно его желанию. Затем генерал-полковник Верт представил этот ложный доклад регенту, премьер-министру и членам заседавшего коронного совета (члены правительства). Несмотря на это, правительство высказалось против участия в войне с Советской Россией. Особенно против этого были премьер-министр Бардоши и министр внутренних дел Франц Керестеш-Фишер.

О перечисленных в этой (6) главе фактах меня информировали генерал-майор Ласло и полковник генштаба Туссен. С последним у меня были дружественные отношения: мы оба в 1936—37 гг. были военными атташе в Праге.

Военная клика, стоявшая за войну (Верт, Барта, Ласло, Фюттерер, Туссен), решила воздействовать на венгерское правительство в военно-политическом отношении.

Политическое воздействие должен был оказать королевский венгерский посол в Берлине генерал-лейтенант в отставке Деметер Стояи. Чтобы оказать влияние на Бардоши, он с начала мая стал чаще приезжать в Будапешт. Он доставлял Бардоши письма министра иностранных дел Риббентропа. Вначале в письмах обещали часть территории Восточной Галиции, немедленную передачу югославского Баната; затем их стиль изменился, появились угрозы. Эти последние письма ссылались на обязательство Венгрии по антикоминтерновскому пакту, упоминалось активное участие Румынии (16 оперативных соединений в войне против Советской России), говорилось даже о поддержке со стороны Болгарии. Письма угрожали в ущерб Венгрии изменением границ в Трансильвании и передачей Румынии югославского Баната...

Хочу заметить, что посол Стояи был настроен прогермански и профашистски. Во время своего пребывания в Берлине он всегда себя проявлял услужливым лакеем германских властей и даже часто действовал в ущерб венгерским интересам.

О содержании одного такого угрожающего письма мне стало известно лично от премьер-министра Бардоши.

Я здесь также должен заметить, что поставки германских военных материалов для венгерской гонведовской армии (особенно танки и бронемашин) производились нерегулярно и в недостаточном количестве. Немцы не сдержали своих обязательств; это обстоятельство тормозило вступление Венгрии в войну против Советской России.

Так милитаристская клика разрабатывала планы, чтобы побудить правительство объявить войну Советской России в нужный момент. Об этом меня устно информировал генерал-майор Ласло. Эти планы исходили от генерал-лейтенанта Фютгерера, его помощника подполковника Аримонда и генерал-майора Ласло. Они состояли в том, что в случае необходимости немецкие самолеты, замаскированные под русские, будут бомбардировать восточные пограничные области Венгрии бомбами русского происхождения.

Тем временем проводилась подготовка к сотрудничеству между венгерскими и германскими службами разведки, контрразведки, обработки и учета (картотеки) против Советской России.

Отделение разведки второго отдела королевского венгерского генштаба (начальник -- подполковник генштаба Енэ Паданьи) сотрудничало в вербовке агентуры с пунктом германского «Абвера» в Вене (начальник — полковник генштаба граф Маронья-Редвиц);

2-й отдел 8-го армейского корпуса в Ужгороде (полковник Штефан Ошват) сотрудничал в вербовке агентуры с пунктом германского «Абвера» в Кракове (майор Штольце).

Паданьи имел агентов в Черновцах, Коломые, Станиславе, Львове, Ошват — в Татарове, Рафаилове, Коломые, Турке, Старом Самборе, Львове.

Производился также взаимный обмен информацией о Советской России между Берлином и Будапештом, Веной и Будапештом, Краковом и Ужгородом. Информация содержала сведения об организации, вооружении, оснащении, численности частей и дислокации советских войск, командных пунктов, учреждений, особенно в пограничных зонах.

В конце мая 1941 года полковник генштаба Маронья-Редвиц обездвижил советско-венгерскую границу в Карпатской Руси.

Офицеры отделения разведки 2-го отдела королевского венгерского генштаба нанесли визит в пункты «Абвера» в Кракове и Варшаве (в том числе и майор Эдмунд Нуриджаньи).

По согласованию с отделом 7/3 (служба связи) королевского венгерского генштаба германское министерство авиации (секция генерал-майора Мартина) установила на венгерской территории (Будапешт — Матьяшфельд, Сегед, Кечкемет, Дебрецен) — повсюду на аэродромах радиостанции подслушивания и определения местонахождения радиостанций; их работа была направлена против Советской России (начальниками были в Будапеште — Матьяшфельд — майор Имх, капитан Эйкк, капитан Рустов).

7. Приезд генерал-полковника Гальдера в Будапешт

В первой половине июня 1941 года (кажется, между 8 и 12 числом) генерал-полковник Гальдер, начальник генштаба ОКХ, по дороге из Румынии остановился в Будапеште на военном аэродроме Будапешт—Матьяшфельд. Там он пробыл 3 часа. Его принял генерал-полковник Верт. Гальдера сопровождал вместе с другими подполковник генштаба Ганзен; генерал-полковника Верта сопровождали вместе с другими генерал-майор Ласло и полковник генштаба Уйсаси (автор этого сообщения). Гальдер инспектировал сосредоточенные в Северной Румынии против Советской России немецкие и румынские войска. Он воспользовался своим пребыванием в Будапеште, чтобы обсудить с Вертом общий план начала операций. Здесь я узнал от генерал-майора Ласло следующее:

Сначала должны были наступать немецкие части, сконцентрированные в районе восточнее Кракова, на Львов, затем румынские и немецкие войска начинают наступление через Днестр в северо-восточном направлении. В это время венгерские части, стоящие наготове за Карпатами, должны связывать как можно больше русских войск или оттягивать их на себя и только уже

позднее сильным южным флангом наступать через Коломью — Городенки.

Гальдер с большой уверенностью высказался по поводу этих операций. Он сказал (я сам слышал): «Советская Россия все равно, что оконное стекло; нужно только раз ударить кулаком и все разлетится в куски».

В честь Гальдера Верт дал завтрак на военном аэродроме в Матьяшфельде, на котором я тоже присутствовал.

8. Начало войны Германии и Венгрии против Советской России

Сосредоточение венгерской «Карпатской группы» на русской границе было закончено к 20/VI—41 г., согласно результатам переговоров Верта и Гальдера. 21/VI—41 г. началась война против Советской России.

24. VI—1941 г. (насколько я помню) в 12.30 дня я получил сообщение, что советские самолеты бомбардировали Рахо (в Карпатской Руси) и обстреливали в его окрестностях поезд из пулеметов. В тот же день, после полудня, пришло известие, что советские самолеты бомбардировали Кошице. Вечером того же дня состоялось заседание коронного совета под личным руководством регента, который «на основе провокации Советской России» решил объявить ей войну. Против объявления войны выступил лишь один министр внутренних дел Франц Керестеш-Фишер, который требовал проверки обстоятельств мнимой «провокационной бомбардировки» и предложил лишь после проверки принять соответствующее решение.

Я убежден, что это были немецкие самолеты с русскими опознавательными знаками. Это я обосновываю следующим:

а) генерал-лейтенант Фюттерер и германская пропаганда очень широко «распространялись» по поводу этой бомбардировки;

б) генерал-майор Ласло немедленно приказал мне через отделение пропаганды 2-го отдела королевского венгерского генштаба получить фотоснимки найденных остатков «советских» бомб и опубликовать их в прессе фашистских государств;

с) генерал-лейтенант Фюттерер, генерал-майор Ласло и подполковник Аримонд распространяли путем «пропаганды шепотом» слух, что словацкие пилоты, находящиеся на службе у русских, бомбардировали Кошице, и удачные попадания бомб объясняются тем, что эти пилоты хорошо знают местность.

С упомянутого заседания коронного совета генерал-полковник Верт возвратился ночью в генштаб и радостно сообщил генерал-майору Ласло, что на следующий день будет объявлена война

России. Генерал-майор Ласло тотчас передал эту весть генерал-лейтенанту Фюттереру, который этой же ночью послал соответствующее донесение в Берлин.

Я подтверждаю своей подписью, что вышеприведенное сообщение мною лично написано и соответствует истине.

Я согласен на возможное опубликование настоящего и готов в качестве свидетеля дать такие же показания перед Международным Трибуналом против названных мною виновников войны.

Москва, 8 января 1946 г.

Штефан Уйса си,
венгерский генерал-майор.

Документ СССР-294

ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР

ЗАЯВЛЕНИЕ

ВЕНГЕРСКОГО ГЕНЕРАЛА РЮСКИЦАЙ-РЮДИГЕРА
О ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ ВОЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ
ВЕНГРИИ К СОВМЕСТНОМУ С ГЕРМАНИЕЙ НАПАДЕНИЮ
НА СОВЕТСКУЮ РОССИЮ

В период июль 1938 — август 1939 года я состоял заместителем начальника III группы (материальное снабжение) военного министерства Венгрии, затем — начальником этой группы до мая 1941 года.

Таким образом, в течение почти трех лет я занимался вопросами материального снабжения армии и военной промышленности.

С мая 1941 до сентября 1942 года я командовал 1-м корпусом в Будапеште, затем, в течение двух лет — до сентября 1944 года, был заместителем военного министра.

Как сторонник Хорти и заключения перемирия я был 16 сентября 1944 г. арестован гестапо, затем, после освобождения из-под ареста, уволен правительством Салаши в отставку. 3 апреля 1945 г. я был взят в плен Красной Армией.

По роду моей деятельности политика Венгрии не составляла для меня секрета.

Эта политика заключалась в стремлении отвоевать бывшие во владении Венгрии территории, отошедшие по Трианонскому договору к Чехословакии, Югославии и Румынии.

Ставя себе эти цели, Венгрия принципиально присоединилась к захватнической политике держав оси, опираясь главным образом на Германию, как на ведущую державу в оси.

Первым практическим шагом к осуществлению стремлений Венгрии была оккупация Чехословакии.

По решению венского арбитража, санкционированному Гитлером и Муссолини, Венгрии были отданы чешские земли.

Сначала Венгрия готовила, совместно с Германией, вооруженное нападение на Чехословакию. С этой целью в конце 1937 года

Хорти в сопровождении министра иностранных дел Канья и начальника генштаба Керестеш-Фишера Лайоша отправился к Гитлеру, с которым договорился о совместном нападении на Чехословакию.

На основании этого соглашения венгерский военный министр Сомбатхей Иожеф, имея указание начальника генштаба Верта Генрика (назначенного вместо Керестеш-Фишера), объявил весной 1938 года частичную мобилизацию. Были отобилизованы I, II и VII корпусы.

Но так как Чехословакия уступила без вооруженного сопротивления, начальник генштаба Верт использовал эти мобилизованные войска для оккупации отошедших к Венгрии областей.

Касательно первого венского арбитража я хочу еще заметить, что новая граница между Чехословакией и Венгрией была нанесена на карту лично Риббентропом и Чиано, участвовавшими в арбитраже.

Для характеристики того, как далеко уже тогда зашла политика Венгрии в фарватере Гитлера, показательна отставка по требованию немцев начальника венгерского генштаба Керестеш-Фишера, который своими оперативно-тактическими предложениями при переговорах Гитлера с Хорти показался Гитлеру слишком слабым.

Следующим территориальным расширением Венгрии была оккупация Закарпатской Украины венгерскими войсками с согласия Германии в 1939 году.

Это произошло, следовательно, незадолго до начала германопольской войны.

Тогда казалось, что для Венгрии целью оккупации были прежде всего экономические выгоды и освобождение от Трианонского договора.

Но с того момента, когда район Закарпатской Украины стал граничить с Советской Россией, мы, в последовавших вслед за этим военных приготовлениях, стали придавать совершенно иное значение этому оккупированному нами району.

Для нас, высших офицеров, было ясно, что политическое руководство как Германии, так и Венгрии придает этому району также стратегическое значение для будущих военных действий против Советской России.

Предпринятыми для этой цели военными мероприятиями преследовалась задача обеспечить оборону Карпатского хребта до момента полного стратегического развертывания стянутых из долины и предназначенных для наступления войск.

Пограничная охрана была организована из шести усиленных батальонов, наполовину обеспеченных горным вооружением из заново сформированной 1-й горно-стрелковой бригады, из 4-х батальонов, 1-го эскадрона и 4-х горных батарей и из вспомога-

тельных частей, снаряженных исключительно для боев в этой высокогорной местности. Началось также строительство укреплений в этом пограничном районе. В долинах строились заграждения долговременного типа, а на расположенной между цепями гор возвышенности сооружались полевые укрепления.

Этими фортификационными работами руководил в Будапеште инженер-полковник Хароша Теофий.

Ввиду плохих дорог и бедности края были построены в пограничной полосе этапные склады с боеприпасами, горючим и продовольствием.

В качестве начальника группы материального снабжения военного министерства я принимал участие в укреплении границы, разрешая вопросы вооружения, материального снабжения, финансов.

Дальнейшей для себя выгоды из общей с Германией политики Венгрия искала в присоединении Трансильвании и румынского Баната — территорий, отошедших к Румынии также по Трианонскому мирному договору.

Однако второй венский арбитраж принял маловыгодное для Венгрии решение. За Румынией был сохранен район добычи подземного газа — Медьеш-Кишармеш.

В венгерских политических кругах это расценивалось как желание Гитлера обеспечить себе союз Румынии в войне с Советской Россией.

То, что Гитлер ставил Румынию, как союзницу, выше Венгрии, объяснялось тем, что при намечавшейся войне с Советской Россией Румыния со своим упирающимся в Черное море южным крылом, безусловно, понадобится Германии.

В служебном разговоре примерно в ноябре 1940 года начальник оперативной группы венгерского генерального штаба полковник Ласло сказал мне по этому поводу следующее:

«Второй венский арбитраж вызывает в Венгрии сильную ревность к Румынии, и дело только за нами, чтобы нам добиться заслуг у Гитлера».

Летом 1940 года начались активные переговоры о поставке нам Германией вооружения, снаряжения, сырья и станков для нашей военной промышленности.

Как начальник III группы я во главе комиссии выехал в июле 1940 года в Германию, где были закуплены пехотные орудия, полевые гаубицы, грузовые и легковые машины, станки, химические продукты.

Особое политическое и военное значение придавалось отправленной в Берлин комиссии в январе 1941 года во главе с военным министром Барта Каролем.

Поездка Барта состоялась по приглашению Кейтеля, который пригласил его совершить экскурсию на Западный фронт.

Барта уехал в Берлин с поручением правительства Телеки выразить лично Гитлеру почтительность венгерского народа и с намерением (по согласованию с генштабом) разрешить с германским военным командованием кардинальные вопросы, связанные с усилением боеспособности венгерской армии.

Министра сопровождали: его флигель-адъютант полковник Шаркани, полковник генерального штаба Ласло Деже, начальник 2-го отдела генштаба (разведка) генерал фон Уйсаси Штефан, я — в качестве руководителя материальной части и мои сотрудники — генерал-майор фон Бор и полковник Кейзай.

В Берлине к комиссии был прикомандирован венгерский военный аташе полковник Хомлок.

Мы выехали из Будапешта 22 января и прибыли в Берлин 23-го числа утром на вокзал Ангальтер (Ангальтербангоф).

На перроне нас встречал Кейтель со свитой, в числе которой были начальник атташата при ОКВ (верховное командование вооруженных сил) подполковник Мелентин и комендант города генерал-лейтенант фон Гаазе.

На вокзале был выстроен почетный караул с оркестром.

Мы поселились в отеле «Адлон». В этот же день комиссия отдала официальные визиты Кейтелю, Редеру, Гальдеру, Томасу и Фромму.

В полдень того же дня германско-венгерский союз устроил завтрак для нас в «Адлоне». Гостей принимал генерал Глейзе фон Хорстенау, состоявший на службе в военном архиве.

Вечером с вокзала Фридрихштрассе мы выехали в сопровождении подполковника Мелентина для осмотра Западного фронта.

Мы осматривали поля сражений в Бельгии и Франции. Побывали в частях 15-го армейского корпуса генерала от инфантерии Буша, который возил нас в Дюнкерк, Калэ, Кап-Гриней.

Были в Аргоннах, где офицеры — участники боев объясняли нам на месте боя ход танкового сражения. Осматривали линию Мажино южнее Саарбрюкена в сопровождении генерала инженерных войск 1-й армии, кажется, Вагнера, который лично руководил прорывом Мажино.

27.I утром мы вернулись в Берлин. В этот же день начались деловые совещания.

В 13 часов мы, в торжественной обстановке, возложили венок от имени венгерской армии на могилу неизвестного солдата на Унтер ден Линден. С немецкой стороны присутствовали комендант города генерал-лейтенант фон Гаазе и подполковник фон Мелентин — начальник атташата при ОКВ. Венок возложил министр Барта. После этого Барта принял парад 1-го батальона полка «Великая Германия», который был построен у могилы.

Оттуда мы отправились в «Бристоль» на банкет, который дал в нашу честь Кейтель.

Из присутствовавших на банкете я запомнил, кроме Кейтеля, Гальдера, Фроммса, Томаса, Редера, фон Гаазе, Вейцеккера из министерства иностранных дел и венгерского посла Стояи.

На банкете выступили с речами Кейтель и Барта.

Кейтель сказал, что он рад приветствовать в кругу немецких друзей представителей венгерской армии, что прочные узы братства по оружию были скреплены в первую мировую войну и что он надеется, что эти узы и впредь останутся нерушимыми.

Кейтель поднял бокал за здоровье регента Хорти, министра Барта, присутствующих венгерских друзей и венгерскую армию.

Барта в ответ поблагодарил за приглашение и оказанный прием.

Он отметил, что трехдневная поездка по Западному фронту произвела на нас сильнейшее впечатление теми огромными успехами, каких добилась германская армия в столь короткий срок. Он пожелал, чтобы и впредь в предстоящих еще боях немецким войскам сопутствовало заслуженное ими своими высокими моральными качествами военное счастье.

Он отметил также, что венгерская армия считает своим долгом и впредь высоко ценить выковавшееся в первую мировую войну воинское товарищество между бойцами наших стран.

Барта поднял бокал за здоровье фюрера, Кейтеля, присутствующих немцев и за вооруженные силы Германии.

Барта читал свою речь по записке, так как он очень плохой оратор.

Затем Кейтель с гордостью рассказывал за столом о совершенных походах. Он подчеркнул, что во время похода на Норвегию Гитлер и он пережили очень тяжелые минуты. Несмотря на то, что попытки высадить десант делались одновременно во многих пунктах, они часами не получали сведений о ходе операций.

Гитлер не отходил от телефона, справляясь о новых сведениях.

Кейтель остановился также на тех невероятных трудностях для людей и техники, которые вызвал стремительный ход операций во Франции.

Он коснулся также того, что 10,5 см полевая гаубица на конной тяге не оправдала себя из-за очень тяжелого веса, указывая, что они заняты вопросом уменьшения ее веса. Эта гаубица была на вооружении также и венгерской армии.

28 числа в 11.30 минут мы были на приеме у фюрера в новой имперской канцелярии, куда нас проводит подполковник фон Мелентин.

С нами был наш посланник Стояи. Гитлер сначала принял министра Барта и посланника Стояи. Они пробыли у него около полутора часов.

Мы ожидали в приемной, в обществе адъютантов Гитлера.

Перед окончанием аудиенции Барта представил нас Гитлеру каждого в отдельности. Гитлер каждому из нас подал руку. Затем сказал: «Я рад познакомиться с господами и приветствовать их здесь. Я желаю вам наилучших успехов в работе».

После этого мы вышли.

Барта и Стояи оставались у фюрера еще 2—3 минуты, затем мы уехали в «Адлон».

По дороге Барта, с которым я, обычно, ездил в автомобиле вдвоем, рассказал мне о разговоре с Гитлером, приблизительно следующее:

Гитлер вел все время разговор так, что Барта не имел почти никакой возможности сказать что-либо.

Гитлер очень тепло и с гордостью говорил о достигнутых военных успехах. Особенно подробно он остановился на операции в Норвегии, считая, что по своей исключительной смелости эта операция войдет в военную историю.

О Венгрии Гитлер заявил, что сильная Венгрия — в интересах Германии.

Он с удовольствием слушал о качественном росте венгерской армии.

Демонстрируя превосходство немецкой авиационной промышленности над американской, Гитлер критиковал попытки американской пропаганды воздействовать на Германию увеличением выпуска самолетов.

Не может, говорил он, американская авиация, где занято всего 47 000 специалистов, догнать немецкую авиационную промышленность с количеством в 245 000 специалистов.

Барта по этому поводу заметил мне:

«Фюрер недостаточно осведомлен в технике».

В 16 часов был устроен чай в венгерской миссии, где присутствовали Кейтель, Редер, Иодль, Шмундт (адъютант Гитлера), барон фон Дернберг и Вейцеккер из министерства иностранных дел и представители дипломатического корпуса. Представители русского посольства приглашены не были, так как этот чай носил интимный характер.

Я приветствовал там Иодля, как старого знакомого по совместной службе в дивизии на русском фронте в 1917 году, в Семиградье.

Он был тогда прикомандирован на два месяца (для обмена опытом) к гаубичной батарее 72-й пехотной дивизии, где я служил офицером генштаба (I-A).

28.I мы выехали из Берлина в Будапешт с вокзала Фридрихштрассе.

Нас провожали Кейтель, комендант города Гаазе, подполковник Мелентин. На перроне был почетный караул, оркестр.

В пути мы докладывали Барта о результатах своих переговоров.

Я доложил о согласованных поставках минометов, дистанционных трубок, прожекторов, звукоуловителей, химических продуктов, обмундировочного материала и о полученной лицензии на танк типа Шкода Т-21.

Ласло доложил о состоянии венгерской армии, оперируя ведомостью, которую он демонстрировал при переговорах с Варлимонт в ОКВ и с Гальдером в ОКХ.

В этих переговорах ставился вопрос о недостаточном вооружении венгерской армии. Немцы согласились с нашими выводами о недостатке танков нового типа, противотанковых орудий и самолетов.

Немцы, со своей стороны, указали на недостаточность оружия навесного действия в пехоте.

Варлимонт подчеркнул, что и у них самих возник этот вопрос только с момента похода на Францию, так как французская пехота своим навесным огнем причинила им много трудностей.

Гальдер в разговоре с Ласло подчеркнул, что немцы будут приветствовать, если венгры в своих ревизионистских стремлениях перейдут от мирных средств к применению оружия.

Гальдер дал также понять, что нужно шире развернуть воинственную пропаганду в Венгрии.

Ласло на это ответил, что венгерский штаб того же мнения и что бескровные оккупации мало содействовали воинственному духу венгров.

В пути я перебирал в памяти прошедшие дни. Я пришел к выводу, что немцы видят в нас своего военного партнера и форсированно готовят нас к этому.

В первых числах апреля вспыхнула война с Югославией.

За несколько дней до этого, примерно, в конце марта, министр Барта на инструктивном совещании начальников групп (военного министерства) дал указания о том, что для участия в походе на Югославию намечены 3 венгерских корпуса, дислоцированные на южной границе. Барта предложил немедленно начать мобилизационные приготовления.

Кроме того, Барта обрисовал нам цели, которые ставят себе Германия и Венгрия в этой войне: отвоевание венгерских земель, которые были отторгнуты по Трианонскому договору, затем устранение Югославии, как возможной союзницы Советской России, и, наконец, обеспечение судоходства по Дунаю.

Для характеристики степени важности дунайского судоходства для Германии я хотел бы еще отметить, что Дунай являлся важнейшим путем для перевозок румынской нефти. Из валовой продукции румынской нефти в Германию вывозилось около 9000000 тонн, из коих около 5000000 тонн перевозилось этим водным путем.

С 1 мая 1941 г. я был назначен командующим I корпусом в Будапеште и оставил мою прежнюю должность в военном министерстве.

В конце мая 1941 года мой корпус получил, одинаковый для всех других корпусов, секретный приказ, подписанный военным министром Барта.

Приказом устанавливалось, что впредь материальным снабжением из запасов центральных складов должны в первую очередь обеспечиваться войска, расположенные в районе Закарпатской Украины. Это явно указывало на то, что в непродолжительном времени следует ожидать военных событий, направленных против Советской России.

Спустя 2 дня я был вызван в числе других командиров корпусов на секретное совещание к начальнику генерального штаба, на котором генерал-от-инфантерии Верт обрисовал нам военно-политическую обстановку. Соответственно этому оказалось, что предстоит нападение Германии на Советскую Россию, в котором Румыния и Венгрия примут активное участие на стороне Германии (был ли разговор о Финляндии, я не помню).

На этом совещании Верт ознакомил нас с намеченным порядком мобилизации венгерской армии.

После того как генеральный штаб заявил о своей готовности участвовать в войне против Советской России, окончательное решение об участии Венгрии в нападении на Советскую Россию должно было быть принято советом министров, утверждено коронным советом и вотировано парламентом. Решение об объявлении войны было принято на заседании совета министров по докладом премьер-министра Бардоши и министра Барта и утверждено коронным советом. Парламенту этот вопрос не был представлен.

Эти решения генерального штаба, совета министров, коронного совета не вызывали никакого удивления и являлись следствием долголетнего и добровольного фактического военного сотрудничества с Германией. Венгерский генштаб и политическое руководство Венгрии, начиная с агрессии против Чехословакии, считали Германию опорой в своих ревизионистских планах. За этим следует оккупация Закарпатской Украины, потом стратегическая подготовка этого района как плацдарма для нападения на Советскую Россию. После присоединения Северной Трансильвании Венгрия, побуждаемая ревностью к Румынии

и связанными с этим опасениями получить меньше, чем она, готова добиваться новых заслуг перед Германией. Последним звеном явилось соучастие в устранении Югославии, как возможного союзника Советской России. Если даже Венгрия в вопросе о нападении на Советскую Россию и не играла руководящей роли, то ее сотрудничество, как это явствует из предыдущего, продолжалось с давних пор.

Наиболее рьяным пособником этой враждебной Советскому Союзу и дружественной Германии политики был венгерский генеральный штаб во главе с начальником Вертом Генриком и начальником оперативной группы Ласло Деже, которые с давних пор теснейшим образом сотрудничали с представителями ОКВ (верховное командование вооруженных сил) и ОКХ (главное командование сухопутных сил).

Регент Хорти видел в тот момент будущее Венгрии на стороне Германии и одобрял эту политику.

Оба фашистски настроенные премьер-министры Имреди и Бардоши, так же как и военный министр Барта, также являлись ревностными пособниками совместных агрессивных действий с Германией. Особо знаменательная роль выпала на долю венгерского посланника в Берлине — Стояи, который считался активным и убежденным сторонником одинаковых с Германией целей и поборником нападения на Советскую Россию.

Послушная немцам венгерская пресса, а именно:

«Мадьяршаг» — редактор Милотай Иштван,

«Уй мадьяршаг» — редактор д-р Петэй,

«Фюггетленчеи» — редактор Коложвари Бордча Михаэль.

«Мадьяр Футар» — редактор Райниш Ференц,

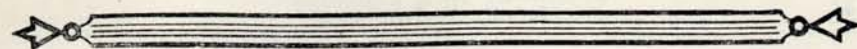
«Эдьядюль Вадюнг» — редактор д-р Ола Диордже, которая получала от немцев крупные субсидии, в свою очередь, способствовала нападению на Советскую Россию своей систематической антисоветской и прогерманской пропагандой.

За правдивость вышеизложенных данных я принимаю на себя полную ответственность и заявляю о своем согласии на их опубликование.

Лагерь для военнопленных
18.1.1946 г.

Рюскицай-Рюдигер Имре,

венгерский генерал-полковник
в отставке.

Документ СССР-153

ПОКАЗАНИЯ

МАРШАЛА ИОНА АНТОНЕСКУ

от 6 января 1946 г.

На поставленный мне вопрос о моей, совместно с Гитлером, подготовке военного нападения Румынии и Германии на Советский Союз могу рассказать следующее:

На всем протяжении своего пребывания у власти в Румынии, я проводил политику укрепления связи с Германией и пользовался ее помощью в деле переобучения и перевооружения румынской армии. В этих целях я несколько раз встречался с Гитлером.

Первая встреча с Гитлером состоялась в ноябре 1940 года, вскоре после того, как я стал главой румынского правительства. Встреча эта состоялась по моей инициативе в Берлине, в официальной резиденции Гитлера, в присутствии министра иностранных дел Германии Риббентропа и личного переводчика Гитлера — Шмидта.

Беседа с Гитлером длилась более четырех часов.

Я заверил Гитлера в том, что Румыния остается верной ранее заключенному соглашению о присоединении Румынии к «тройственному пакту».

В ответ на мои заверения о верности союзу с Германией Гитлер заявил, что немецкие солдаты гарантируют границы Румынии.

Тогда же Гитлер мне сказал, что венским арбитражем еще не сказано последнее слово, и этим самым дал понять, что Румыния может рассчитывать на пересмотр решения, принятого в свое время в Вене о Трансильвании.

Я и Гитлер согласились, чтобы находившаяся в Румынии германская военная миссия продолжала вести работы по перестройке румынской армии по немецкому образцу, а также заключила экономическое соглашение, согласно которому немцы в последующем поставляли в Румынию самолеты марки «Мессершмидт-109», танки, тракторы, зенитную и противотанковую артиллерию, автоматы и другое вооружение, получая взамен от Румынии хлеб и бензин для нужд германской армии.

На поставленный вопрос, можно ли рассматривать мою первую беседу с Гитлером как начало моего сговора с немцами в подготовке войны против Советского Союза, я отвечаю утвердительно.

Это обстоятельство Гитлер, безусловно, имел в виду при разработке планов нападения на Советский Союз.

В январе 1941 года через германского посла в Румынии Фабрициуса я был приглашен в Германию и имел в Берхтесгадене вторую встречу с Гитлером, на которой присутствовали Риббентроп, Фабрициус и вновь назначенный германский посол в Бухаресте Киллинггер. Кроме них присутствовали также представители германских вооруженных сил — фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Иодль.

В начале беседы Гитлер, представляя мне Киллингера, подчеркнул, что последний является его ближайшим другом.

После этого Гитлер, характеризуя военное положение на Балканах, заявил, что в связи с неудачами итальянцев в войне с Грецией, Муссолини обратился к нему за помощью, и такую помощь он, Гитлер, намерен оказать Италии. В связи с этим Гитлер просил меня пропустить через Румынию сосредоточенные на территории Венгрии германские войска для того, чтобы они могли оказать быструю помощь итальянцам.

Имея в виду, что пропуск немецких войск через Румынию на Балканы будет актом, враждебным Советскому Союзу, я спросил у Гитлера, как, по его мнению, отнесется к этому Советское правительство.

Гитлер, напомнив мне, что при первой встрече со мной в ноябре 1940 года он уже дал соответствующие гарантии Румынии, взял на себя обязательство защищать Румынию силой оружия.

Я высказал опасение, что продвижение немецких войск через Румынию может послужить поводом военных действий со стороны Советского Союза и тогда Румыния попадет в тяжелое положение, так как румынская армия не отобилизована. На это Гитлер заявил, что он отдаст приказ оставить в Румынии часть немецких войск, предназначенных для участия в операциях против Греции.

Гитлер подчеркнул также, что находящаяся в его распоряжении информация свидетельствует о том, что Советский Союз не намерен воевать против Германии или Румынии.

Удовлетворившись этим заявлением Гитлера, я согласился пропустить немецкие войска по румынской территории.

Присутствовавший на этом совещании генерал-полковник Иодль охарактеризовал мне стратегическое положение германской армии, подчеркнул при этом необходимость удара по Греции со стороны Болгарии.

Declarație
 Marșal Ion Antonescu
 6 Ianuarie 1946

La întrebarea pusă despre
 pregătirea mea împreună cu
 Sr. Hitler de a ataca Uniunea
 Sovietică de către România
 și Germania pot declara
 următoarele:

În tot timpul cât am
 fost la curtea în România am
 făcut politică de întărirea rela-
 țiilor cu Germania și m-am
 folosit de ajutorul și le instrui-
 rea și reînarmarea Armatei
 M. Antonescu.

Рис. 15. Показания бывшего премьер-министра Румынии Иона Антонеску (первая страница)

17

Sovietii și toate națiunile mele
 le salutăm fără comentarii
 Miniștrii ca și mine au fost de
 partea alianței cu Hitler și în tot
 cazul mă aștăm la întărirea
 legăturilor noastre cu Germania
 După intrarea pe teritoriul
 sovietic a trupelor române aștă
 sub comanda mea supremă și
 Hitler mi-a trimis o scrisoare
 prin care o lăsa multămări, mie și
 trupelor române, pentru comenziul
 dat
 declarația a fost scrisă de
 mine

M^{tr} Ion Antonescu

Рис. 16. Показания бывшего премьер-министра Румынии Иона Антонеску (последняя страница)

Моя третья встреча с Гитлером состоялась в мае 1941 года в Мюнхене.

На этой встрече, где кроме нас присутствовали Риббентроп и личный переводчик Гитлера Шмидт, мы уже окончательно договорились о совместном нападении на Советский Союз.

Гитлер сообщил мне, что им принято решение о военном нападении на Советский Союз. Подготовив это нападение, говорил Гитлер, мы должны осуществить его неожиданно на всем протяжении границ Советского Союза от Черного до Балтийского морей.

Неожиданность военного нападения, продолжал далее Гитлер, даст Германии и Румынии возможность в короткий срок ликвидировать одного из самых опасных наших противников.

Исходя из своих военных планов, Гитлер предложил мне предоставить территорию Румынии для сосредоточения германских войск и, наряду с этим, принять непосредственное участие в осуществлении военного нападения на Советский Союз.

Гитлер подчеркнул, что Румыния не должна стоять вне этой войны, так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии. При этом он указал, что за нашу помощь в войне Румыния сможет оккупировать и администрировать и другие советские территории, вплоть до Днепра.

Так как предложение Гитлера о совместном начале войны против СССР соответствовало моим агрессивным намерениям, я заявил о своем согласии принять участие в нападении на Советский Союз, обязался подготовить необходимое количество румынских войск и одновременно увеличить поставки нефти и продуктов сельского хозяйства для нужд германской армии.

Перед тем, как мною и Гитлером было принято решение о нападении на Россию, я спросил у Гитлера, есть ли какая-либо договоренность с Венгрией относительно ее участия в войне. Гитлер ответил, что венгры уже дали свое согласие участвовать в союзе с Германией в войне против СССР. Когда именно немцы договорились об этом с венграми, Гитлер мне не сказал.

Возвратившись из Мюнхена в Бухарест, я начал деятельную подготовку к предстоящей войне.

Прежде всего я вызвал к себе начальника генерального штаба румынской армии генерала Иоаницу, поставил его в известность о принятом мною вместе с Гитлером решении по вопросу нападения на Советский Союз и приказал ему немедленно подготовить мобилизационный план румынской армии, сосредоточения ее на границе с СССР и последующего развертывания.

Вместе с этим, я приказал Иоаницу провести в Румынии мобилизацию нескольких возрастов, а также мобилизовать

конский состав и транспортные средства, необходимые для обеспечения как имевшихся, так и вновь формируемых дивизий.

Когда все необходимые приказы по армии были отданы, я в мае и июне месяцах 1941 года провел совещание с каждым из своих министров, которых также поставил в известность о моем и Гитлера решении напасть на Советский Союз, и каждому из них дал соответствующие указания.

В тот период времени я совещался с государственным секретарем Антонеску Михаем, назначенным затем на пост моего заместителя и министра иностранных дел, генералом Стоянеску — министром финансов, генералом Потопяну — министром национальной экономики, генералом Джоржеску — министром путей сообщения, Стойческу — министром юстиции и предложил им выделить из каждого министерства потребное количество чиновников для организации гражданской администрации на советской территории, которая будет нами оккупирована.

Тогда же я вызвал к себе министра внутренних дел генерала Попеску, которому поручил заняться формированием специальных жандармских частей, выделяемых в распоряжение гражданских административных органов, которые должны были действовать на оккупированной советской территории.

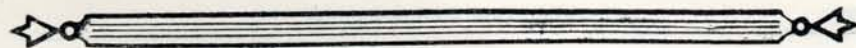
Министрам я указал, что выделенные ими чиновники, помимо организации органов гражданской администрации, должны захватить колхозный урожай, который особенно был нам необходим в связи с большим недостатком продовольствия в Румынии.

Министры были полностью согласны с моим и Гитлера решением о нападении на Советский Союз и все мои приказы и указания принимали к исполнению без всяких обсуждений. Они, так же как и я, были сторонниками союза с Гитлером и всячески помогали мне в укреплении нашей связи с Германией.

После вторжения на советскую территорию румынские войска, находившиеся под моим главным командованием, оказали немцам большую помощь, в связи с чем Гитлер прислал на мое имя письмо с выражением благодарности мне и румынской армии.

Показания написаны мною собственноручно.

Маршал Антонеску

Документ СССР-152

ПОКАЗАНИЯ

МИХАЯ АНТОНЕСКУ — БЫВШЕГО ВИЦЕ-ПРЕМЬЕР-
МИНИСТРА РУМЫНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

от 9 января 1946 г.

В ноябре 1940 года маршал Антонеску в сопровождении тогдашнего министра иностранных дел принца Струза выехал в Германию, где имел встречу с Гитлером.

Во время переговоров с Гитлером маршал Антонеску подписал соглашение о присоединении Румынии к «тройственному пакту» и получил от Гитлера обещание пересмотреть в последующем решения венского арбитража в пользу Румынии.

Кроме этого маршал Антонеску заключил экономическое соглашение с Гитлером, предусматривающее обмен товарами между Германией и Румынией.

После возвращения из Германии в начале декабря 1940 года маршал Антонеску сделал информационное сообщение о результатах его переговоров с Гитлером совету министров.

Эта первая поездка маршала Антонеску в Германию послужила началом политики, приведшей впоследствии к совместному нападению Германии и Румынии на Советский Союз.

По поручению маршала Антонеску, мной, в развитие условий соглашения, заключенного Антонеску с Гитлером, был составлен план использования немецких сельскохозяйственных машин. В обмен на эти машины Румыния направляла Германии нефть, нефтяные продукты и хлеб.

В ноябре 1940 года в Румынию начала прибывать германская военная миссия, состоявшая из многочисленного аппарата военных инструкторов, которые начали перестраивать румынскую армию на немецкий лад, и, кроме того, прибыли входившие в состав миссии немецкие части ПВО, разместившиеся в районе Плоешти.

В январе 1941 года маршал Антонеску вторично выехал для встречи с Гитлером в Германию. В эту поездку маршала сопровождал начальник военного кабинета полковник Давидеску.

После переговоров между Антонеску и Гитлером с разрешения маршала Антонеску через Румынию были пропущены немецкие войска, проследовавшие в Болгарию для атаки на Грецию.

Часть из этих войск была оставлена в Румынии и находилась на границе с СССР.

В период марта — апреля 1941 года, как мне лично маршал Антонеску говорил, германский посол Киллингер стал провоцировать румын против СССР сообщениями о том, что русские имеют якобы плохие намерения в отношении Румынии.

В мае 1941 года маршал Антонеску имел третью встречу с Гитлером в Мюнхене.

Возвратившись из Германии, маршал Антонеску созвал в своей резиденции в Бухаресте членов правительства — министра внутренних дел Попеску, министра экономики Маринеску, министра вооружения Добре, министра финансов генерала Стоянеску, министра юстиции Стойческу, заместителей военного министра Пантази, Жиенеску и Пенш и заместителя министра внутренних дел Василиу и объявил, что он договорился с Гитлером о совместном нападении Германии и Румынии на Советский Союз и приказал министрам, чтобы каждый из них выделил из своего ведомства в распоряжение военного командования известное количество чиновников, пригодных для использования их в качестве организаторов гражданской администрации на оккупированной территории Советского Союза.

После совещания с министрами в июне 1941 года маршал Антонеску выехал в армию и перед своим отъездом, вызвав меня к себе, поручил созвать министров и проверить, как ими выполнено его распоряжение о выделении чиновников для военного командования.

На другой день я, пригласив к себе министра национальной экономики Маринеску, министра финансов генерала Стоянеску, министра юстиции Стойческу, министра образования Петровичи, заместителя министра снабжения Неджель, предложил им доложить об исполнении распоряжения, полученного ранее от маршала Антонеску. Министры сообщили, что чиновники в распоряжение военного командования выделены.

На этом же совещании я объяснил присутствовавшим министрам, что выделенный состав чиновников должен будет обеспечить, по мере продвижения румынских войск по советской территории, создание оккупационной власти, и подчеркнул, что основная задача заключается в том, чтобы захватить советский урожай.

После начала военных действий против Советского Союза — 23 июня 1941 г. маршал Антонеску назначил меня на пост вице-председателя совета министров и 27 июня того же года передал в мое ведение министерство иностранных дел, а сам лично, оставаясь главой государства и руководителем вооруженных сил Румынии, продолжал сохранять тесные взаимоотношения с гитлеровской Германией.

Показания написаны мной собственноручно.

Антонеску

Документ СССР-154

ПОКАЗАНИЯ

КОРПУСНОГО ГЕНЕРАЛА КРИСТЯ ПАНТАЗИ —
БЫВШЕГО ВОЕННОГО МИНИСТРА РУМЫНИИ

от 7 января 1946 г.

Подготовка Румынии к войне против Советского Союза началась с ноября 1940 года, когда в Бухарест, согласно подписанному маршалом Антонеску соглашению о присоединении Румынии к «тройственному пакту», прибыли германские военные миссии, состоявшие из группы немецких офицеров-инструкторов: по сухопутным войскам во главе с генерал-полковником Ганзеном и по военно-воздушным силам во главе с генерал-майором Шпейделем.

С прибытием в Румынию германских военных миссий, по указанию маршала Антонеску, начальник генерального штаба румынской армии генерал Иоанициу издал приказ по армии о допуске немецких офицеров-инструкторов в части и соединения для реорганизации и переподготовки румынских войск в соответствии с уставами германской армии.

Тогда же по распоряжению маршала Антонеску были собраны на двухмесячную переподготовку все офицеры запаса румынской армии, которые проходили обучение под руководством немцев.

В период переподготовки офицеров запаса генеральный штаб румынской армии разработал план призыва двенадцати возрастов, подлежащих мобилизации в армию на случай войны, с таким расчетом, чтобы к 1 июня 1941 г. все эти возрасты были подготовлены в соответствии с уставными требованиями германской армии.

Таковую же переподготовку проходил высший и старший командный состав румынской армии по родам войск.

Таким образом, под руководством немцев к началу войны Румынии и Германии против Советского Союза вся румынская армия и военно-воздушный флот были реорганизованы и переподготовлены на немецкий лад.

Прибывшая в Румынию германская танковая дивизия была расквартирована в городах Рымникул-Сэрат, Бузэу, Мизил, Пло-

ешти и Тырговиште в бараках, построенных под моим руководством по указанию маршала Антонеску.

В Румынию прибыли также немецкие части ПВО, которые, разместившись в Плоешти, были предназначены для отражения налетов советской авиации на нефтяные районы во время войны.

В декабре 1940 года в Румынию из Германии прибыла организация Тодта, которая сразу же приступила к строительству стратегических шоссейных дорог, ведущих к границам с СССР.

В октябре 1940 года маршал Антонеску создал при министерстве национальной обороны специальный комитет, в который вошли: министр национальной экономики — адвокат Канчиков, министр финансов — директор румынского банка Крецяну, начальник генерального штаба генерал Иоанициу и все заместители министра национальной обороны.

Этот комитет занимался разрешением вопросов, связанных с производством вооружения и амуниции для румынской армии внутри страны, а также ввозом военной техники из-за границы.

В конце 1940 года маршалом Антонеску был создан под его руководством комитет координации, в который вошли: я, начальник генерального штаба генерал Иоанициу, министр вооружения — корпусной генерал Добре, заместитель военного министра по авиации — генерал Жиенеску, заместитель военного министра по военно-морскому флоту — контр-адмирал Кослинский и директор управления железнодорожного транспорта генерал Орезяну.

На совещаниях комитета обсуждались вопросы подготовки Румынии к войне против Советского Союза, и в частности, о строительстве укрепленных районов, вооружении, мобилизации румын в армию, реорганизации и обучении армии по немецкому образцу, снабжении и обеспечении румынских войск транспортом во время войны.

В январе 1941 года маршал Антонеску, возвратившись из Германии, где он встречался с Гитлером, созвал совещание комитета координации, на котором присутствовали все вышеупомянутые лица, и объявил, что Германия должна вскоре вступить в войну с Советским Союзом, а поэтому, как заявил Антонеску, Румыния должна усиленно готовиться к этой войне, чтобы выступить против СССР на стороне Германии.

С этой целью Антонеску нам предложил усилить работу в армии с тем, чтобы Румыния была полностью подготовлена к началу военных действий.

В связи с этим, по приказу маршала Антонеску, в феврале 1941 года были направлены на границу Северной Буковины и Бессарабии отобюрозованные и готовые к боевым действиям

против Советского Союза: 4-я горно-стрелковая дивизия, 7, 8, 21-я пехотные дивизии, гвардейская пехотная дивизия, кавалерийский корпус и еще одна пехотная дивизия, название которой сейчас не помню. Кроме этого на границу с СССР были направлены 3 германские дивизии, выделенные из тех 21 немецкой дивизии, которые следовали через Румынию в Грецию.

В мае 1941 года начальник генерального штаба генерал Иоанициу, возвратившись из Германии, где он был вместе с маршалом Антонеску, в частной беседе сообщил мне, что Антонеску договорился с Гитлером о совместном нападении Германии и Румынии на Советский Союз.

По приказу маршала Антонеску в мае 1941 года дополнительно было переброшено на границу с СССР: пограничная дивизия, 3-я и 1-я горно-стрелковые дивизии, 13-я пехотная дивизия и танковая дивизия. Одновременно вместе с этими дивизиями немцы перебросили к границе с СССР семь немецких пехотных дивизий.

Следовательно, к началу вооруженного нападения Румынии и Германии на Советский Союз на границе Румынии с СССР было сосредоточено 12 румынских и 10 германских дивизий, общей численностью до 600 тысяч человек.

Показания написаны мною собственноручно.

Пантази

Документ СССР-237.

ПИСЬМО ГИТЛЕРА АНТОНЕСКУ

Ставка фюрера 27.7—41 г.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГЛАВЕ
РУМЫНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Генералу *Антонеску*

Бухарест

Ваше Превосходительство!

Прежде всего разрешите мне выразить Вам свою благодарность за письмо, из которого я сделал вывод не только о единстве наших общих взглядов, но и в первую очередь о Вашем решении вести эту борьбу, которая решит, по моему мнению, судьбу Европы на целые века, до конца на стороне Германии.

Я знаю, генерал Антонеску, что это решение — Ваше решение. Это Ваша воля, Ваша энергия, Ваша отвага; это они направили Ваш народ по этой дороге, которая, как я уверен, приведет не только к большим успехам, но и к новому расцвету Румынии.

Поздравить Вас от всего сердца с этими большими успехами для меня лично такая же большая радость, как и удовлетворение. Возвращение Бессарабии является лучшей наградой Вам и Вашим храбрым войскам.

От себя лично я могу только поблагодарить Вас за Ваше энергичное руководство и за достижения Вашей армии. Об этих достижениях и об общем стремлении немецких и румынских войск к бескорыстной совместной борьбе сообщали мне с глубокой признательностью немецкие командующие.

Я был бы Вам очень благодарен, генерал Антонеску, если бы Вы, после того как под натиском южной группы армий с северо-запада будет смята оборона на Днестре, сразу же начали наступление своих войск в районе юго-западнее Буга и взяли бы на себя охрану этого района.

Для этой цели я придаю Вам 54-й армейский корпус в составе 50, 72 и 73-й дивизий под командованием генерала от кавалерии Ганзена, в то время как 11-я армия с приданным ей 4-м румынским ак¹ будет действовать на правом фланге и под

¹ Армейским корпусом. — Составители.

руководством командования южной группы армий начнет наступление из района восточнее Буга в направлении нижнего течения Днепра.

Разрешите мне, генерал Антонеску, добавить еще несколько слов об общем ходе операций. Я доволен результатами, достигнутыми к настоящему времени. Их размер соответствует, в общем, скорости походного движения пехоты, принимая во внимание зачастую поистине ужасные дороги.

Многие наши части за 5 недель прошли 700 км по прямой, что составляет более 1000 маршевых км. Я ожидал, что русские будут драться у своих границ. Я с самого начала считал, что утверждение о преждевременном отходе русских приблизительно за свои большие реки или даже за Урал выражает лишь утопические желания англичан. Будут ли русские защищать свою территорию перед своими промышленными центрами или позади промышленных центров, они в любом случае потеряют ее.

Трезво оценив создавшееся положение, русские с самого начала приняли компромиссное решение, что, конечно, сразу же привело ко многим кровопролитным сражениям, которые все без исключения кончались или уничтожением, или по крайней мере разгромом их войск.

Только один прорыв через Днепр в направлении Смоленска стоил русским около 200 000 пленных, бесчисленного количества убитых и потери такого количества военного имущества, которое в настоящее время невозможно учесть.

Число подбитых или захваченных нами танков составляет в настоящее время около 10 000. Неисчислимы русские потери в орудиях и прочем имуществе. Восполнить потерю этого вооружения невозможно. Мне не нужно уверять вас, генерал Антонеску, в том, что главным для меня является не занятие территорий, а уничтожение противника, причем не только живой силы, но прежде всего его техники, ибо если обычное пополнение армии людьми не составляет для русских больших трудностей, то пополнение хорошо обученными и подготовленными воинами представляется уже гораздо труднее, пополнение же армии вооружением и материалами в таком масштабе вообще невозможно для них.

Вся безнадежность этого полностью проявится в тот момент, когда мы овладеем важнейшими промышленными центрами противника.

После пятидневных операций можно сказать, что эта цель, вероятно, будет достигнута нами раньше намеченного срока.

Позвольте мне, генерал Антонеску, выразить Вам еще раз свою благодарность за помощь, которую оказали нам в этой борьбе лично Вы и Ваши храбрые солдаты, и от всего сердца поздравить Вас и Ваш народ с возвращением провинций, потеря которых в обстановке 1940 года была неизбежна и не могла быть предотвращена военными мерами.

Прошу Вас передать мои искренние пожелания счастья Его Величеству молодому королю.

С сердечным дружеским приветом

Ваш Гитлер.

Документ СССР-242

ПИСЬМО АНТОНЕСКУ ГИТЛЕРУ

от 17 августа 1941 г.

Ваше Превосходительство!

Ваше письмо от 14 августа 1941 г. получено, и я имею честь ответить на него следующее:

1. Я счастлив вместе с румынскими войсками, что мы принимаем участие в победоносных сражениях по ту сторону Днестра и в деле спасения цивилизации, прав и свободы народов.

Кавалерийский и горно-стрелковый корпуса готовы к операциям восточнее Днестра.

Танковая бригада, возместить потери которой я не имею возможности, будет принимать участие в боевых операциях с теми частями, которые могут быть реорганизованы, после того как окончатся оперативные действия под Одессой, в которых она занята.

Для проведения реорганизации и снабжения румынских частей, которые будут действовать восточнее Днестра, я свяжусь с генерал-фельдмаршалом фон Рундштедтом, командующим южной армейской группой.

Так как я не имею практической возможности обеспечить подвоз снабжения из-за отсутствия транспортных средств, то это должно обеспечиваться немецким транспортом.

Также, для того чтобы румынская авиация могла в дальнейшем сотрудничать с немецкой авиацией, совершенно необходимо укомплектовать ее, хотя бы возместить потери и обеспечить средствами снабжения.

Для обеспечения навигации (эскортирование транспортов) в западной части Черного моря я передал уже все румынские морские силы в распоряжение адмирала Шустлера.

Что касается 54-го немецкого корпуса, то он совершенно не был под моим командованием при очистке тыла около Очакова, за исключением только одной 50-й дивизии.

Причем и эту дивизию я передал 11-й немецкой армии.

2. Согласно желанию Вашего Превосходительства, я беру на себя ответственность за охрану, поддержание порядка и

безопасности на территории между Днестром и Днепром, причем необходимо только лимитировать эту территорию на севере.

3. Как я уже сообщал господину фон Киллингеру, из-за недостатка средств и подготовленных органов управления я взял на себя ответственность за администрацию и экономическую эксплуатацию только на территории между Днестром и Бугом, так как вся территория страны и особенно Буковины требуют коренной переделки и реорганизации административной и экономической жизни.

4. Для того чтобы обеспечить порядок, управление экономической эксплуатацией оккупированной территории, предусматривая продолжение войны, считаю совершенно необходимым установить единоначалие.

А поэтому прошу, Ваше Превосходительство, дать точные инструкции, которые должны определить мои права и мою ответственность за администрацию и экономическую эксплуатацию территории между Днестром и Бугом, а также в отношении охранения, поддержания порядка и безопасности на всей территории между Днестром и Днепром.

Прошу Вас, Ваше Превосходительство, принять мои наилучшие заверения от преданного вам генерала Антонеску.

Документ СССР-241

Адольф Гитлер

Берлин
Ставка, 5.10—1941 г.

Ваше Превосходительство!

Еще на прошлом этапе похода, который характеризовался большой блестящей победой восточнее Киева, войска вашей 3-й армии, ведущие бои южнее нижнего Днепра, оказали общей операции ценнейшие услуги, в то время как ваша 4-я армия ведет сильное наступление на Одессу. Тот факт, что вы в свое время, когда все немецкие силы были скованы тяжелыми боями, не предъявили никаких претензий на немецкую помощь для наступления на Одессу, я отмечаю с особенной благодарностью. Теперь же, после блестящей победы под Киевом, я считаю правильным предложить вам перебросить на ваш участок фронта еще больше тяжелой артиллерии и, если требуется, целую пехотную дивизию сейчас же, как только такая высвободится. Цель этого — стремление облегчить румынским войскам наступление на Одессу и избежать излишней крови. При этом, я думаю, что главное состоит в том, чтобы приблизиться к самому побережью с северо-востока, т. е. в полосе действий вашего 5 ак (армейского корпуса) с тем, чтобы можно было взять под сильнейший сосредоточенный артиллерийский огонь портовые сооружения города. Это впоследствии окажет сильнейшее влияние на положение на Северо-западном фронте, потому что этим противник был бы лишен возможности подбрасывать какие-либо значительные подкрепления и снабжение морским путем. Нельзя также недооценивать чисто психологического влияния от уничтожения его большого этапного города.

Исходя из этих соображений, я предлагаю немецкие соединения, действующие в настоящее время на Северо-западном фронте, перегруппировать в 5-й армейский корпус и, после прибытия немецких артиллерийских подразделений, продолжать там наступление, пока не будет обеспечено артиллерийское давление Одесского порта.

Я поручил генерал-фельдмаршалу фон Рундштедту связаться с вами, маршал Антонеску, для урегулирования опера-

тивных вопросов между находящимися под вашим командованием под Одессой румынскими и немецкими наступающими силами.

Передайте от меня поклон Его Величеству королю.
Остаюсь сердечно привязанный с товарищеским приветом

Ваш Гитлер.

Его превосходительству румынскому премьеру
Маршалу Антонеску

Бухарест.

Документ СССР-235

ВОЕННЫЙ КАБИНЕТ
3 ОТДЕЛ

БЕСЕДА МЕЖДУ МАРШАЛОМ АНТОНЕСКУ И ФЮРЕРОМ А. ГИТЛЕРОМ

3 апреля 1942 г.

Беседа длилась: 2 часа 30 мин. перед завтраком
и 1 час 30 мин. после завтрака.

Фюрер начал общим обзором положения на Восточном фронте. Он подчеркивал, что были непредвиденные моменты, что некоторые недостатки командиров и солдат заставили его брать на себя командование, а также применять чрезвычайные меры.

Найден приказ Тимошенко, в котором говорится, что необходимо проникать глубоко в тыл фронта для того, чтобы разрушать склады, центры, узлы связи, и для того, чтобы добиться победы и повторить 1812 год.

В ответ на эту тактику Гитлер распорядился: при прорыве обороны не покидать фронт, а вести бой; кто оставляет фронт, будет наказан самым жестоким образом. Благодаря этим русским и немецким распоряжениям создано парадоксальное тактическое и стратегическое положение.

Тактика Тимошенко провалилась, ибо в настоящее время фронт держится достаточно устойчиво и нет никакой видимой опасности, несмотря на все варварство русских.

Далее Гитлер сказал: «Зима была большим врагом для нашей техники, начиная от авиации, танков и кончая другими службами. Наша тяжелая техника, которая имела успех в другом месте, здесь в холоде и снегах ничего не дала.

Эта неожиданность для немецкого командования привела к организации более легких дивизий и к переходу от мототяги к конной тяге для того, чтобы можно было вести на этом театре военных действий успешные военные операции».

В отношении будущих военных операций: готовятся планы; готовится снаряжение. Мы имеем большие резервы, имеются новые средства боя, благодаря чему войска будут сражаться лучше, чем в начале кампании. Усовершенствована пробивная способность снаряда противотанковой пушки,

а в организации — подвижность дивизии и возможность маневра по русской местности.

Фюрер сказал, что он решил в это лето продолжать как можно глубже преследование (то есть наступление) для окончательного уничтожения русских.

Американская и английская помощь не будет эффективна; новые поражения русских приведут к потере связи с внешним миром. Они потеряли самых лучших солдат и технику, а теперь они только импровизируют. Русское наступление будет приостановлено, ибо их резервы приходят к концу.

В отношении военных операций международного значения: очень важно вступление Японии в войну, что облегчит военные операции.

О других союзниках Гитлер ничего не говорил. Он говорил только о румынских войсках. Он сказал, что один румынский лыжный полк достиг выдающихся успехов, а вечером сообщил мне, что первая румынская дивизия заняла Александровск — участок фронта у Днепропетровска.

Говорил о трудностях снабжения и даже употребил несколько грубых слов по поводу организаций и немецких командиров, которые допустили эти трудности, что заставило его принять чрезвычайные меры. Теперь положение значительно улучшилось, и даже солдаты, которые раньше были недовольны, теперь отдают себе отчет, что положение в тылу не представляет большой опасности, и не робеют, держат себя спокойно.

Что касается действий на других театрах военных действий, то Гитлер восторгался и расхваливал японскую армию, что она очень способна на самые большие неожиданности.

Выслушав то, что он говорил о Японии, я заподозрил, что он завидовал; он был недоволен, ибо действия со стороны Японии подрывают авторитет немецкой армии.

Поблагодарив меня, как всегда, за верность и лояльность с моей стороны общему делу, он заметил, что не так он доволен всеми.

Он подчеркнул, что Румыния играет важную роль в этом деле.

Я выразил перед фюрером все мои настоящие и будущие предположения по поводу возможностей русских, которые я не считаю значительными, принимая во внимание понесенные ими потери.

Я отметил, что Румыния решила продолжать начатую борьбу с таким же напряжением.

Я показал, что в боях летом 1941 года погибло очень много обученных офицеров и солдат, очень много военного материала и боеприпасов; я ясно показал — в сравнении с другими союзниками — количественно и качественно ценность румынского участия, вложенного в совместную борьбу.

Я подчеркнул, что мы держим по ту сторону Днестра более 170—180 тысяч солдат (примерно, 10 крупных соединений), которые были посланы для поддержки порядка на Украине между Днестром и Днепром, и по причине тяжелого положения немецкой армии и оперативных потребностей также были посланы румынские войска в Крым и к Азовскому морю в распоряжение немецкого командования.

Я заявил, что по его приказу выступлю со всеми военными силами одновременно с немецкой армией.

Я подчеркнул также невыгодность нашего внешнего положения и поставил условие, что Венгрия и Болгария должны вступить всеми силами в войну, иначе положение Румынии становится опасным.

Я сравнивал, что они сделали и что мы сделали.

Я подчеркнул, что Венгрия и Болгария имели от войны только большие выгоды, так же как Япония на Дальнем Востоке. Румыния же продолжает быть битой даже своими союзниками. Я категорически потребовал полного участия Венгрии в войне.

После этого я просил боеприпасов и весьма необходимые противотанковые и противовоздушные средства, средства связи и авиацию.

Я указал на боязнь румынского народа, что Венгрия бережет себя для целей, легко понятных каждому политически опытному человеку.

На это фюрер ответил: что касается румынской армии первого периода войны, то он восхищен румынскими солдатами и офицерами, и что он сделает все возможное для того, чтобы дать нам все просимое, ибо никто не заинтересован, чтобы мы воевали без боеприпасов и других военных материалов; что Венгрия должна жертвовать ради общего дела, как и все союзники. Поэтому господину Риббентропу и маршалу Кейтелю было поручено в Будапеште сделать строгое предупреждение. Венграм было сказано, что если они не хотят понимать общих задач и не дадут нефти, войска и т. п., то будет сделан соответствующий вывод. Венгрия обязалась, сказал Гитлер, честно выполнять эти требования.

Я перебил его и сказал, что прошлое Венгрии — летние военные действия 1941 года, а также нынешнее отступление — заставляют меня не верить им.

Тогда фюрер очень возбужденно сказал: в этом случае они будут иметь дело со мной; я буду требовать, чтобы они послали войска на фронт.

Я напомнил ему, что венгерские государственные руководители в прессе и в парламенте не постеснялись публично заявить (после посещения Риббентропом Будапешта), что если они выступят (то есть пошлют свои войска), тогда Трансильвания

остается за ними; такие слухи ходят, а это очень деморализует румын. Гитлер дал мне честное слово, что подобные обещания не были сделаны и не могли быть сделаны, что это не соответствует действительности, он не думал изменять союзнику, и ни один немецкий государственный деятель не мог этого сделать. Он сказал, что никогда не изменит своему слову и я не должен сомневаться в этом.

Поездка г. Риббентропа в Будапешт и заявления, сделанные им, расстроили нас. Венгерская газета «Пестерллойд» заявила, что «нас просят, а другие заискивают перед Берлином и сами напрашиваются». Я считаю это исключительной дерзостью.

Аналогичные действия будапештского радио неизменны. Оно нападает на нас и хвастается, а меня и многих солдат осыпает оскорблениями.

Гитлер уверял, что положение Турции еще не ясное. Точно он не знает, остается ли Турция нейтральной до конца. Немцам кажется, что положение должно повернуть ее против России, со стороны которой она больше терпела, чем со стороны Германии и Румынии.

В Сербии немецкие войска, взятые на Восточный фронт, были заменены болгарскими войсками, и по этой причине он разрешил Болгарии оккупировать часть Сербии, но, заверил он, Болгария никогда никаких действий не предпримет против нас; он уверен в этом; если они что-нибудь предпримут, тогда, как и венграм, им придется расплатиться дорого за любой акт против Румынии.

Воспользовавшись случаем, я выразил мою точку зрения перед фюрером в отношении Сербии и Болгарии и показал, как и в отчетном докладе, что Болгария, в которой еще находится советский посол, который своим грубым поведением вызывает недовольство на Балканах, может прийти к объединению славянских сил в Сербии. Эта опасность велика как для Румынии, так и для интересов Германии на юго-востоке Европы. С одной стороны мы бьем восточных славян, а с другой стороны мы благоприятствуем объединению южных славян.

Фюрер не раскрыл свою точку зрения по этому вопросу.

Вечером я рассказал фюреру наши проблемы, вызванные присутствием немецких войск, в связи с беспорядками в экономической жизни страны.

Фюрер приказал максимально сократить количество немецких войск в Румынии и заявил, что после полной оккупации Крыма и вступления на Кавказ выведет все войска из Румынии, а пока что румынская армия не в состоянии овладеть сложной противовоздушной техникой.

Я просил, чтобы противовоздушное вооружение было полностью передано нам; людей будем учить в Германии или в Румынии. Фюрер ответил, что будет заниматься этим вопросом.

Он сказал, что знает об экономических беспорядках и поможет мне принять все меры.

Я указал, что раненые и больные могут оставаться, но я потребовал, чтобы он дал распоряжение о том, чтобы они уважали законы нашей страны так, как требовалось бы от нас уважать немецкие законы, если бы мы были в их стране.

Я снова подчеркнул условия, в которых я буду участвовать в кампании: Венгрия должна мобилизовать все силы для войны, как это делает Румыния, так как разногласие между нами (то есть между румынами и венграми) будет решаться вооруженным путем, после окончания войны с русскими.

Если мы ослабнем, а венгры будут сильнее, тогда мы не добьемся своих прав.

Фюрер сказал, что Венгрия имеет небольшие возможности, чтобы вооружиться; если она не вступит полностью в войну, то ничего не получит.

Что касается разрешения разногласия вооруженным путем, это остается открытым вопросом для будущего.

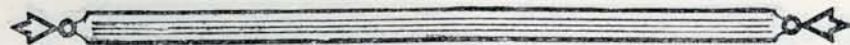
Надеясь получить от него обещание о пересмотре арбитража, я заявил, что мы не признаем венский арбитраж, но фюрер не дал никаких обещаний.

Выигрывает тот, кто всюет.

Каково бы ни было мнение Германии, я буду настойчиво продолжать дело против венского арбитража и против тех, кто его создал. Я уверен, что буду иметь успех.

Вернувшись снова к выступлению господина Риббентропа в Будапеште, в котором он сказал, что нужно отдать справедливость Венгрии, я привел один пример из венской газеты, направленный на дезориентацию нас. Для того чтобы не поставить немцев в неловкое положение, я не помешал господину Риббентропу, который сказал на банкете, что поднимает бокал за Великую Румынию. И фюрер сказал также, что Великая Румыния уже создана. Я ответил, что для нас Великая Румыния не означает только расширение ее территории на восток за счет славян и на запад за счет венгров, но и установление этнического румынского блока, существовавшего до венского арбитража. То же самое я сказал маршалу Герингу и господину Риббентропу.

Ни один политический деятель не осмелится сказать, что отказывается от Трансильвании, а Румыния не может позволить себе ходить с вонзенным в сердце в Вене кинжалом. Это же я сказал и господину Киллингеру (в поезде).

Документ СССР-244

Принята за
№ 177/с 31.10.42 г.

Срочная телеграмма, переданная
через немецкую миссию.

ГОСПОДИНУ МАРШАЛУ АНТОНЕСКУ

Господин маршал!

От имени фюрера обращаюсь к Вашему Превосходительству и прошу вашего личного вмешательства, с целью ускорить доставку максимально возможного количества горючего итальянскому флоту, которое необходимо для ведения военных действий в Средиземном море.

Ввиду отсутствия средств снабжения положение в Северной Африке дошло до крайнего напряжения. Переброска боеприпасов и продовольствия зависит исключительно от доставки необходимого количества горючего.

Прошу Ваше Превосходительство увеличить до максимума поставку горючего в Италию, которое предназначается исключительно для снабжения флота, призванного удерживать важные позиции в Средиземном море.

Я выбрал этот путь непосредственного обращения к вам потому, что уверен, что ваше личное вмешательство ускорит предоставление необходимой помощи.

Преданный вам *Кейтель*,
фельдмаршал.

№ 3986 1942 г.

ТЕЛЕГРАММА
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛУ КЕЙТЕЛЮ

Ваша телеграмма № 3986/42.

Прошу вас сообщить фюреру следующее:

1) Наше снабжение мазутом проводится на основании распределения германских инстанций, которые установили лимиты Италии; нашим ведомствам еще никогда не было сделано замечаний относительно опозданий в снабжении мазутом итальянского флота.

2) Месячные поставки мазута за октябрь были почти полностью выполнены, хотя после посещения г-на рейхсминистра Функа они были с 25 000 тонн повышены до 35 000 тонн. У нас имеется остаток в транспорте для перевозки мазута на 1500 тонн, которые все же в первых пяти днях сентября будут перетранспортированы через границу.

3) К сожалению, в нашем распоряжении не имеется никаких запасов мазута, и после того что новое бурение не принесло ожидаемых результатов, наше производство, несмотря на все напряжение, в известной степени отстает.

4) Чтобы придерживаться наших обязательств и чтобы одновременно оказать возможную помощь в совместном руководстве войны, я добавлю, что поставленный мазут в большей части нерафинирован. Что касается нефти, я отправил в октябре из ноябрьского лимита на 10 000 тонн больше.

5) Приведенного выше числа можно было добиться только путем применения сторожайшей экономии потребления внутри государства в октябре (11 000 тонн).

Если зимние холода будут не слишком жестокими и будет возможно до января провести нефтепровод до Бухареста, мы сможем добиться новых излишков, которые без особых ходатайств предоставим в ваше распоряжение.

Я прошу передать фюреру выражение моих истинных и преданных товарищеских чувств.

С выражением особенно высокого уважения
маршал Антонеску.

№ 177 (СС)
31 октября 1942 г.

ВОЕННЫЙ КАБИНЕТ
3 отдел

ВСТРЕЧА ГЕНЕРАЛА ГАНЗЕНА
С МАРШАЛОМ АНТОНЕСКУ

7 июля 1943 г.

Генерал Ганзен:

Изменение стратегического положения в Средиземном море и подготовка англо-американцами в Тунисе и на Среднем Востоке — включая остров Кипр — трех армий, усиленных греками и поляками, вынуждает Румынию оценить сложившуюся обстановку.

Воздушные налеты на Афины и Салоники показали необходимость рассредоточения промышленных предприятий. Затраты, необходимые для осуществления рассредоточения предприятий, являются ущербом, но они могут принести Румынии пользу даже после войны.

Эти затраты не входят в сумму 2,1 млрд., израсходованных на ночную истребительную авиацию. Они будут распределены между тремя странами: 42% — Германии, Италии — 42% и Румынии — 16%. Италия, однако, не дала еще согласия. Если такое распределение процентов будет принято, то пока еще не известно, чем Румынии будут возмещены расходы. Германия вносит свою долю материальной частью для ночной истребительной авиации. Кроме того, Румыния еще обязана внести 600 000 000 лей для окончания работ по созданию ночной авиации.

Маршал Антонеску:

Начали с одного миллиарда, затем нам сказали, что потребуется 2 млрд., теперь же господин Клуксист говорит еще о 6—7 млрд.

Генерал Ганзен:

Ему только известен разговор о 2 млрд.

Маршал Антонеску:

Несмотря на то, что как в устной, так и в письменной форме обращалось внимание на создающуюся обстановку, мы потеряли около 200 млрд. на Дону и в Сталинграде.

Мы потеряли очень много, нам была возмещена только часть, это главным образом на Кубани и в Крыму.

На мне лежит обязанность восстановить материальную часть, потерянную румынской армией.

Генерал Ганзен:

Нам известно, что вы хотите вновь укомплектовать 19 дивизий. Для этого было послано пополнение из Германии.

Мы узнали о вашем желании сформировать еще 9—10 дивизий, но пока ничего нельзя обещать.

В январе было обещано вооружение и оснащение только для восстановления 19 дивизий по 50% цене от действительной стоимости, это дается в кредит до окончания войны.

Маршал Антонеску:

Мы не имеем с Германией никаких соглашений. Вначале от нас потребовали вступления в войну. Я сказал, что мы должны воевать за Бессарабию и Буковину. Нам сказали, что будет достаточно 7 дивизий. Мы все же вступили в войну с 10—11 дивизиями. По окончании боев за Днестр от нас потребовали 3-ю армию (3 кавалерийские дивизии + 3 горно-стрелковые дивизии). Когда было выяснено, что в районе Одессы у противника сосредоточены крупные силы, нам предложили направить туда армейский корпус. Все было недостаточно.

Для захвата Одессы была мобилизована вся армия. После падения Одессы от нас потребовали отправки еще нескольких оккупационных дивизий на Украину. Они были отправлены для ликвидации мешка к югу от Харькова и в Крым. Зимой от меня потребовали новых взносов на 1942 год. Число соединений было доведено до 32. Последовали потери на Дону и в Сталинграде. Посетив 10.1—1943 г. ОКВ, я не потребовал возмещения потерь, хотя Румыния чувствовала необходимость переформирования армии. На авиацию от нас требуются одни расходы за другими. Мы не торгуемся, но мы не можем выполнять задачи, которые превосходят наши возможности. Свой вклад должны внести также и те, кто использует войну в своих интересах и живет за счет наших расходов: Италия, Венгрия и т. д.

В апреле 1941 года нам обещали, что армия для Балкан не потребует никаких расходов. Наступила инфляция, что привело к повышению цен.

Генерал Ганзен:

Немецкие войска получили продовольствие из Германии. Возможно, что инфляция привела к повышению цен.

Маршал Антонеску:

Мы были вынуждены отпустить из того количества, что предназначалось для экспорта в Германию.

Генерал Ганзен:

Не имею полномочий обсуждать вопрос о вооружении 9—10-ти новых дивизий, которые вы решили сформировать. Принимая во внимание современное положение, при котором Германия вынуждена снабжать всю Европу, думаю, что для поставки немецкого вооружения и оснащения имеется очень мало возможностей.

Маршал Антонеску:

Необходимо, чтобы поставки военных материалов находились в прямой зависимости от степени участия в войне. Мы уже доказали на деле, что являемся первыми как по числу жертв, так и по выполнению своего долга.

Германия и вся Европа непосредственно заинтересованы в том, чтобы наша армия была вооружена.

Генерал Ганзен:

Конечно, следует это иметь в виду, но имеются государства, которые хотя и не приносили жертв, как, например, Болгария и Италия, но все же должны быть вооружены для того, чтобы дать отпор любой внезапности.

Маршал Антонеску:

Да, но следует помнить, что Румыния будет лояльной и что помощь никогда не будет использована против интересов Германии.

Генерал Ганзен:

Думаю, что в Германии принимают это во внимание и что маршал Антонеску прав.

Известно, что необходимо внести еще 675 млн. на ночную истребительную авиацию. Остается внести остальную часть до 2,1 млрд.

Маршал Антонеску:

В принципе я дал согласие, но еще предстоит переговоры по уточнению финансирования.

Однако это не является завершающим фактором. Господин Клуksист говорил еще о 6—7 млрд. Герстемберг намекнул, другой их потребовал.

Генерал Ганзен:

Клуksист не имел права обсуждать этот вопрос. 6—7 млрд. не отражают полностью нового плана, который необходимо осуществить в сложившейся стратегической обстановке, помимо 2,1 млрд., затраченных на ночную истребительную авиацию. Этот план основан на опыте, полученном в Афинах и Салониках.

На аэродроме Вэняса необходимо провести:

- сломать и перевезти сотни барачков с аэродрома;
- расположить самолеты на удалении 2 км;

- построить дороги до места расположения самолетов;
- улучшить качество посадочных площадок;
- построить боковые укрытия от осколков и т. д.

Если эти работы не будут проведены, тогда ПВО не будет обеспечена. Стоимость этих работ намного меньше ущерба, который был бы нанесен бомбардировками.

Общая сумма: 9 млрд., помимо 2,1 млрд., выделенных для ночной истребительной авиации.

Эта сумма — 150 млн. марок в Германии не считается слишком высокой.

Маршал Антонеску:

По сравнению с бюджетом страны она является очень высокой. У нас служащие и пенсионеры не оплачиваются так высоко, как в Германии. Наша экономика находится в упадке. Германия сосредоточила в своих руках всю экономику Европы.

Для дела обороны нужно жертвовать всем, но я хотел бы уточнить: что приходится Германии, а что нам. Когда и какими военными материалами нам будет уплачено.

Генерал Ганзен:

У нас нет лей.

Маршал Антонеску:

Не имеете лей, дайте мне, по крайней мере, вооружение, оснащение. Народ должен знать, что мы получаем вместо денег.

Генерал Ганзен:

Даже то, что требует Германия, все это делается в интересах обороны Румынии. Права не определены. Однако, если мы будем ставить различные препятствия началу переговоров, тогда мы можем понести серьезный ущерб.

Маршал Антонеску:

Рассуждая таким образом, от Румынии требуют принести новые финансовые жертвы, после того, как она потеряла много военной техники. В то же время на Венгрию, которая не понесла таких больших потерь, не возлагается подобных задач. Она не вносит никакого вклада.

Генерал Ганзен:

Мне не известно положение Венгрии, но если завтра на нас нападут, мы понесем большой материальный ущерб.

Маршал Антонеску:

В настоящее время производится много работ, которые не могут быть закончены из-за недостатка материала и рабочих рук, хотя деньги имеются.

Генерал Ганзен:

Не знаю, все ли эти работы имеют такое большое значение. ОКВ считает, что в обороне Европы имеется слабое место — организация ПВО в Румынии.

Маршал Антонеску:

Мне это известно. Я требовал рассредоточения нефтеочистительных заводов. Герстемберг знает об этом, но все остается без результатов.

Необходимо принимать во внимание и положение Румынии. Ей следует оказать помощь. Все делается в последний момент. Точно так же требовал и Герстемберг: у нас нет времени для разговоров, начнем, а затем обсудим финансовые вопросы. Однако ничего не сделано до настоящего времени.

Генерал Ганзен:

Мы хотели удержать Тунис, но нам не удалось. Отсюда все и вытекает.

Маршал Антонеску:

Давайте одновременно осуществлять два дела: работы и финансирование. У меня под ружьем находится 700 000 человек, 300 000 мы потеряли. Мне теперь нечем убирать урожай. Я послал солдат, находящихся в отпуске, и рабочих железных и шоссейных дорог на уборку урожая.

Для начала работ нужны недели. Необходимо провести предварительные мероприятия: обеспечить питанием, жильем, подвезти инструменты и т. д. Где будем вести работы? Нужен план местности. Нельзя разрушать построенного (железнодорожные постройки, дороги) для строительства нового.

Генерал Ганзен:

Давайте свои предложения. Необходимо заключить соглашение по различным вопросам.

Маршал Антонеску:

Кто производил расчеты?

В прошлом году господин Шумахер потребовал оплатить счет в 7 млрд. за бараки, различные работы и расходы немецкой армии. Я отказался. Приехали Киллингер, Нейбахер, Клодиус. Риббентроп оказал давление. Я настаивал на том, что факты не соответствуют действительности. Потребовал создания смешанной комиссии по расследованию. Этого не было сделано. Мы оплатили счета, которые равнялись 3,5 млрд. Затем выяснилось, что в счетах все цены были удвоены. Было уплачено слишком много, и это привело к повышению цен.

Платили 100 000 лей за корову.

Генерал Ганзен:

Я не хочу сравнивать то, что происходит теперь, с тем, что произошло. Теперь мы должны дать оценку, а не вести подробный расчет. Расчеты подвергнутся строгому контролю.

Маршал Антонеску:

Мы произведем расчет.

Будет составлен план работ, произведен расчет и одновременно с этим будут вестись переговоры о финансировании. Если бы так делалось и в 1941 году, все было бы наполовину дешевле и жизнь бы так не вздорожала. За бараки платили слишком дорого. За стабилизацию цен велась такая же тяжелая борьба, как и борьба с легионерами.

Закупалась в большом количестве пшеница.

В 1941 году немецкими военными поездами было вывезено 15 000—17 000 т пшеницы.

Это удалось установить путем проверки.

Даже господин Клодиус частично это признал.

Существовали немецкие общества, занимавшиеся подобной торговлей. В силу закона они были распущены. С этого момента зерно больше не исчезает. Мы рассмотрим предложения и финансирование. Была построена дорога от Отопени, которая стоила 600 млн. Была в этом необходимость?

Генерал Ганзен:

Мы представляем вам предложения и просим их рассмотреть. Мы преследуем цель — как можно быстрее перейти к выполнению работ. Но для этого необходимо получить согласие маршала.

Маршал Антонеску:

Герстемберг приехал для обсуждения технических вопросов. Господин Нейбахер должен был обсудить финансовые вопросы. Ничего. Я больше заинтересован, чем немецкая воздушная миссия, так как на мне лежит большая ответственность.

Генерал Ганзен:

Принимая во внимание стратегическое положение и опыт современной войны, можно сказать, что в обороне Европы имеется пустое место, а именно в Румынии...

...Расходы немецкой военной миссии должны быть увеличены с 525 млн. ежемесячно до 650 млн. На 10 января 1943 года было 525 млн. С этого момента события, которые нельзя поставить в вину немецкой миссии, привели к вздорожанию жизни. Необходимо улучшение. Увеличилась ПВО, зенитная артиллерия, истребительная авиация. Личный состав увеличился на 6000 человек.

Маршал Антонеску:

Необходимо новое соглашение, договор с министерством финансов. Нужна основа. Я говорил с Клодиусом, определили цены для запасных частей. Доктор Функ сказал, что это было бы идеально, но, к сожалению, неосуществимо.

Я все-таки предлагаю установить цены на экспорт. Этого я требую уже в течение двух лет, как и рассредоточения нефтеочистительных заводов.

Я предложил, чтобы нам поставили зенитные средства и ночные истребители.

Генерал Ганзен:

В настоящий момент это невозможно.

Маршал Антонеску:

Необходимо обсудить вопрос о 9 млрд. с генералом Жиенеску и составить план совершенно необходимых работ. Одновременно с этим обсудить с господином Клодиусом возможности финансирования.

Документ СССР-240

ПИСЬМО ГИТЛЕРА АНТОНЕСКУ
ОТ 25 ОКТЯБРЯ 1943 г.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ
МАРШАЛУ АНТОНЕСКУ

Ставка, 25 октября 1943 г.

Ваше Превосходительство!

Обстановка на фронте Южной армейской группы в связи с расширением противником плацдарма в районе Кременчуга за последние несколько дней резко обострилась. В связи с этим я принял соответствующие контрмеры, однако для полного устранения угрожающей нам опасности требуется максимальное напряжение сил.

В настоящий момент, когда Германия напрягает все свои силы для того, чтобы отбить натиск большевиков на Восточную Европу, я с благодарностью оцениваю оказываемую вашими дивизиями помощь Германии и посылку на фронт 15 стрелковых батальонов.

Однако, мне кажется, господин маршал, что настоящая опасность требует еще большего напряжения сил.

Я знаю, что весной 1944 года вы намерены были послать на Восточный фронт по возможности больше хорошо обученных и вооруженных дивизий. Однако опасность, угрожающая южному флангу, а следовательно, Транснистрии и Бессарабии, должна быть ликвидирована сейчас же.

Каждая румынская дивизия, прибывающая на фронт, даст мне возможность освободить немецкие дивизии для контрнаступления, что может оказать огромное влияние на восстановление положения в районе Нижнего Днепра.

Моя следующая просьба касается вопроса о беспрепятственном и неограниченном какими-либо формально-юридическими или хозяйственными соображениями использовании Транснистрии в качестве тылового района Южной армейской группы и армейской группы «А».

Все эти мероприятия имеют целью, в конце концов, сохранение Транснистрии за Румынией.

О количестве войск, запасах скота и продовольствия в Транснистрии, а также о регулировании платы из политических и хозяйственных соображений не может быть и речи, ибо настал решающий момент, когда мы всеми силами должны обеспечить нашим солдатам борьбу со стоящим у ворот в Румынию противником.

Далее я прошу вас предоставить в распоряжение немецких властей железнодорожную сеть в Транснистрии. Это увеличит пропускную способность железнодорожного транспорта, что в конце концов представляет собой прямую выгоду для Румынии.

Жду вашего согласия, господин маршал, и прошу принять мой сердечный товарищеский привет.

Адольф Гитлер.

ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ
ПРОТИВ США

ГЕРМАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С ИТАЛИЕЙ И ЯПОНИЕЙ

ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ ПРОТИВ США

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ США
ОЛДЕРМАНОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
«ГЕРМАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
С ИТАЛИЕЙ И ЯПОНИЕЙ,
АГРЕССИЯ ПРОТИВ США»

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 10 декабря 1945 г.]

Мы видим, как нацисты силой оружия пронесли свастику из милитаризованной тоталитарной Германии во все четыре конца Европы. Части заговора, которые я сейчас собираюсь подвергнуть рассмотрению, отбрасывают мрачную тень нацистских планов на всемирный экран. Агрессивная война, которая была спланирована в Берлине и начата вторжением через границы Польши, затрагивает и «Старый свет» — Азию и «Новый свет» — Соединенные Штаты Америки.

Первым формальным соглашением между гитлеровской Германией и японским правительством был антикоминтерновский пакт, подписанный в Берлине 25 ноября 1936 г. Впоследствии, 6 ноября 1937 г., к нему присоединилась и Италия.

27 сентября 1940 г., примерно через четыре года после того как был подписан антикоминтерновский пакт, и через год после того как началась война в Европе, Италия, Германия и Япония подписали в Берлине еще один пакт: договор о десятилетнем военно-экономическом союзе.

Этот тройственный пакт обязывал Германию, Италию и Японию к взаимной поддержке и сотрудничеству в создании «нового порядка» в Европе и Восточной Азии (документ ПС-2643, США-149):

«...Правительства Германии, Италии и Японии считают необходимым условием длительного мира, чтобы каждый народ занял достойное его место. Поэтому они решили сотрудничать друг с другом в усилиях установить и поддерживать новый порядок в великой Восточной Азии и в Европе, рассчитанный на то, чтобы добиться благосостояния и процветания населяющих эти страны

народов. Более того, желанием всех трех правительств является распространить это сотрудничество на другие страны мира и привлечь к нему те народы, которые захотят идти по тому же пути для того, чтобы, таким образом, осуществить свои надежды на мир во всем мире. В соответствии с этим правительства Германии, Италии и Японии согласились о следующем:

Статья 1. Япония признает и уважает руководящую роль Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководящую роль Японии в установлении нового порядка в великой Восточной Азии.

Статья 3. Германия, Италия и Япония согласны сотрудничать на указанной выше основе. Они также будут помогать одна другой всеми политическими, экономическими и военными средствами, если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению какой-либо другой державы, которая сейчас не участвует в китайско-японском конфликте...

...Этот пакт входит в силу непосредственно после того, как он будет подписан и остается в силе в течение десяти лет со дня его подписания...»

Тройственный пакт от 27 сентября 1940 г., таким образом, был наглым объявлением миру того факта, что фашистские руководители Германии, Японии и Италии вступили в военный союз для того, чтобы достигнуть господства над всем миром и установить «новый порядок», которому было положено начало вторжением Японии в Маньчжурию в 1931 году, безжалостным захватом Италией Абиссинии в 1935 году и германским вторжением в Австрию в начале 1938 года.

Представляю заявление от 27 сентября 1940 г.¹ Кордэлла Хэлла, занимавшего пост государственного секретаря США в период подписания этого пакта (документ 2944-ПС, США-122):

«...Соглашение, о котором нам стало известно, ни в какой степени не меняет в глазах правительства Соединенных Штатов положения, уже существующего в течение нескольких лет. Официальное оповещение об этом договоре является лишь откровенным признанием отношений, которые фактически давно существовали и на которые правительство США неоднократно обращало внимание других. О том, что такое соглашение находится в процессе подготовки, было хорошо известно уже в течение некоторого времени, и правительство США имело это в виду при определении своего политического курса...»

Запись беседы, имевшей место 31 января 1939 г. в Берлине

¹ Это заявление было сделано по поводу заключения Германией, Италией и Японией тройственного пакта и было опубликовано в официальном издании США «Война и мир. Внешняя политика США 1931—1941 гг.» — Составители.

между Гиммлером и генералом Осима — японским послом в Берлине (документ ПС-2195, США-150):

«...Сегодня я посетил генерала Осима, разговор касался следующих тем:

1. О речи фюрера, которая ему очень понравилась, в особенности потому, что она очень выдержана и убедительна во всех своих частях.

2. Мы обсудили заключение договора, предназначенного для дальнейшей консолидации треугольника — Германия, Италия, Япония и придания ему законченной формы. Он также сказал мне, что вместе с германской контрразведкой проводит меры, рассчитанные на долгое время вперед. Цель этих мер — расчленение России, которое должно начаться с Кавказа и Украины. Однако эта система станет действенной только в случае войны...»

Каково бы ни было начало и процесс создания фашистского треугольника, нацистские заговорщики, поскольку их военный и экономический союз с Японией был легализован, толкали Японию на агрессию против тех народов, с которыми они находились в состоянии войны или собирались начать войну. Нацистские заговорщики в этом отношении шли по тому же пути, по которому они следовали в своих отношениях с другими державами европейской оси. 10 июня 1940 г. во исполнение своих союзнических обязательств перед Германией Италия нанесла свой «удар в спину», объявив войну Франции и Великобритании. Этим нацистские заговорщики начали подготовку к тому, чтобы вызвать Японию на подобный же шаг на другой стороне земного шара. Как я покажу, германо-японское сотрудничество в разное время было направлено соответственно против Британского содружества наций, Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки. Уже 23 февраля 1941 г., как об этом свидетельствуют имеющиеся у нас документы, нацистские заговорщики решили использовать свой союз с Японией, толкая ее начать агрессию против Британского содружества наций. Здесь снова выступает Риббентроп. 23 февраля 1941 г. Риббентроп провел совещание с Осима — японским послом в Берлине и потребовал, чтобы Япония как можно скорее начала военные действия против Британии на Дальнем Востоке. Отчет об этом совещании содержится в документе ПС-1834, США-129.

Риббентроп послал копии выдержек из отчета об этом совещании послам и полномочным министрам для их секретной и личной информации с пометкой о том, что «эти документы имеют очень большое значение для ориентации в общей политической ситуации, в которой окажется Германия ранней весной 1941 года».

Выдержка из сообщения о совещании Риббентропа с послом Осима в Фушле 23 февраля 1941 г. гласит: «...После сердечных

взаимных приветствий министр иностранных дел сказал, что посол Осима оказался прав в отношении политики, которую он проводил касательно Германии, несмотря на то, что многие в Японии сомневались в ее правильности. Победа Германии на Западе показала, что эта политика была полностью оправдана. Он, Риббентроп, сожалеет о том, что союз между Германией и Японией, ради которого они с послом работают уже в течение многих лет, был заключен лишь после многочисленных демаршей, но общественное мнение в Японии ранее еще не созрело для этого союза. Основное, однако, в том, что они, наконец, вместе...

Теперь германо-японский союз, наконец, заключен. Япония обязана этим послу Осима. Теперь, после заключения союза, стал основным вопрос о его дальнейшей развитии. Как же обстоит дело в этом отношении?»

Риббентроп затем продолжал намечать пути японского выступления против Британии, приводя доводы, объясняющие необходимость в таком выступлении. Сначала он сообщил о характере воздушной и подводной войны против Англии, которую будет проводить Германия.

«Таким образом, — сказал Риббентроп, — положение Англии на другой же день может стать катастрофическим. Высадка на побережье Англии уже подготовлена. Однако ее проведение зависит от различных факторов, и прежде всего, от атмосферных условий... Фюрер будет бить Англию везде, где он ее встретит. Дело в том, что наши силы не только равны, но они больше, чем объединенные англо-американские воздушные силы. В нашем распоряжении неограниченное количество пилотов. Это относится также к нашему производству аэропланов. Что касается их качества, то наши самолеты всегда были лучше английских, не говоря уже об американских, и мы стоим на пути к тому, чтобы еще улучшить их качество. По приказу фюрера также будет усилена противовоздушная оборона. Поскольку армия снабжается в гораздо большей степени, чем она в этом нуждается, и, кроме того, еще имеются огромные резервы (нам пришлось приостановить работу заводов, производящих оружие, потому, что его было слишком много), мы будем теперь концентрировать наши усилия на производстве подводных лодок, аэропланов и зенитных орудий. Мы учли все возможности. Война уже выиграна в военном, экономическом и политическом отношениях. Мы хотим кончить войну как можно скорее и заставить Англию скорее просить мира. Фюрер полон сил, здоровья и уверенности в победе. Он решил привести войну к быстрому и победному концу. Сотрудничество с Японией весьма необходимо для того, чтобы провести это намерение в жизнь. Однако и Япония в своих собственных интересах должна вступить в войну как можно скорее. Англия потеряла бы, таким образом,

свои ключевые позиции на Дальнем Востоке, Япония же, напротив, займет, таким образом, удобную позицию на Дальнем Востоке. Но это возможно сделать только путем войны. Существуют три причины, предопределяющие необходимость действовать быстро: 1. Вмешательство Японии может нанести решительный удар против центра Британской империи (угроза Индии, морская война и т. д.). Действие такого вмешательства на моральное состояние британского народа будет очень велико. Оно ускорит окончание войны. 2. Неожиданное вмешательство Японии заставит Америку устраниваться от войны. Америка, которая еще не вооружена и не решается подвергнуть свой флот риску к западу от Гавайских островов, еще в меньшей степени будет стремиться вступить в войну, если Япония начнет военные действия. Если Япония в других отношениях будет уважать американские интересы, Рузвельт не сумеет даже выдвинуть аргумент о потере престижа для того, чтобы оправдать вступление Америки в войну...

3. Имея в виду будущий «новый порядок», в интересах Японии также обеспечить себе уже во время войны то положение, которое она хочет удержать на Дальнем Востоке после того, как будет заключен мирный договор.

Посол Осима полностью согласился со мной и сказал, что он сделает все, что в его силах для того, чтобы провести эту программу в жизнь...

...Имперский министр сказал далее, что именно дружба Японии дала Германии возможность вооружиться после того, как был заключен антикоминтерновский пакт. С другой стороны, Япония сумела глубоко проникнуть в английскую сферу интересов в Китае. Германская победа на континенте теперь, после заключения пакта трех держав, даст большие преимущества и Японии. Франция как дальневосточная держава более не существует (Индокитай). Англия также значительно ослаблена, и Япония может теперь постепенно укрепиться в Сингапуре. Таким образом, Германия уже очень много сделала для будущего двух народов. В связи с нашим географическим положением, если возникнет нежелательный конфликт с Россией, мы должны будем взять на себя основное бремя и в этом случае.

Если Германия когда-нибудь ослабнет, Япония в самый короткий срок окажется перед всемирной коалицией. Мы впряглись в одну колесницу. Судьба обоих народов предопределена теперь на будущие века. То же относится и к Италии. Интересы всех трех стран никогда не столкнутся. Разгром Германии будет означать также и крах планов расширения влияния Японии. Посол Осима полностью согласился с этим и подчеркнул, что Япония решила во что бы то ни стало сохранить свое главенствующее положение.

Имперский министр затем подверг обсуждению проблемы, которые встанут перед участниками тройственного пакта после войны в связи с созданием «нового порядка» в Европе и в Восточной Азии. Для решения этих проблем потребуются смелые шаги. Нужно будет избежать излишней централизации и стремиться к решениям на паритетных основаниях, в особенности в области экономических проблем.

В этой связи имперский министр выдвинул принцип свободного торгового обмена между двумя сферами влияния — европейско-африканским полушарием под руководством Германии и Италии и восточноазиатскими пространствами под руководством Японии.

Поясняя свою мысль, он сказал, что, например, Япония будет вести торговлю и заключать торговые соглашения непосредственно с независимыми государствами в европейском полушарии, как это было до сих пор, в то же время Германия и Италия будут заключать непосредственно соглашения и торговать с независимыми странами внутри японской сферы влияния, например, с Китаем, Таиландом, Индокитаем и т. д. Более того, в своей экономической сфере каждая из стран должна предоставить другой преимуществва по отношению к любой третьей стране.

Посол выразил свое согласие с этой идеей...

Теперь я хочу показать участие так называемых военных представителей в провокации и подстрекательстве к агрессивным войнам. Документ С-75, США-151 — совершенно секретный приказ, подписанный Кейтелем и озаглавленный: «Директива фюрера от 5 марта 1941 г. № 24 «О сотрудничестве с Японией».

В директиве № 24 излагаются принципы нацистской политики в вопросах сотрудничества с Японией:

«Фюрер дал следующий приказ о сотрудничестве с Японией:

1. Целью сотрудничества, основанного на тройственном пакте, с Японией является заставить Японию как можно скорее предпринять активные действия на Дальнем Востоке. Таким образом, английские силы будут ослаблены и центр тяжести интересов США будет перенесен на Тихий океан. Чем скорее это произойдет, тем больше шансов на успех будет иметь Япония, поскольку ее будущие соперники все еще недостаточно подготовлены к войне. Операция «Барбаросса» вызовет особенно благоприятные политические и военные предпосылки для проведения в жизнь этого плана.

2. Для того чтобы проложить путь для сотрудничества, необходимо всеми возможными средствами усилить военный потенциал Японии. С этой целью верховное командование вооруженными силами будет самым щедрым образом помогать Японии путем информации, основанной на военном опыте Германии, в военно-экономическом отношении и в технических вопросах. Здесь

желательна взаимность, но даже иное положение не должно явиться препятствием к такого рода сотрудничеству. Прежде всего следует удовлетворять те запросы японцев, которые имеют непосредственное значение для ведения войны. В особых случаях фюрер оставляет право решения за собой.

3. Координация оперативных планов обеих держав возлагается на главное командование флота. Она должна основываться на следующих руководящих принципах:

а) Общая цель ведения войны должна формулироваться следующим образом. Нужно быстро разбить Англию и тем самым удерживать Америку от вступления в войну. Кроме этого, Германия не имеет никаких экономических, военных или политических интересов на Дальнем Востоке, которые бы давали основание для каких-либо действий, идущих вразрез с намерениями Японии.

б) Большие успехи, достигнутые Германией против торгового флота в войне, делают особенно необходимым применение мощных японских сил для той же цели. Поэтому необходимо использовать всякую возможность поддерживать германские военные операции против торгового флота.

с) Положение держав оси в отношении сырьевых ресурсов требует, чтобы Япония захватила те территории, которые ей необходимы для продолжения войны, в особенности в том случае, если вмешаются Соединенные Штаты. Нужно продолжать поставку Германии каучука даже после того, как Япония вступит в войну, поскольку он жизненно необходим Германии.

д) Захват Сингапура — опорного пункта Англии на Дальнем Востоке — явится решающим для успеха всей войны, которую ведут три державы.

Кроме того, нападение на другие базы британского флота, а также на базу американского военного флота (последнее лишь в том случае, если невозможно будет предотвратить вступление Америки в войну) приведет к ослаблению всей системы обороны противника в этом районе и, так же как нападение на морские коммуникации, свяжет все другие силы (в частности Австралию). Пока нет возможности установить точную дату для оперативной разработки этих мер.

4. В военной комиссии, которая будет учреждена в соответствии с пактом трех держав, должны разрешаться только те вопросы, которые касаются всех трех держав, заключивших договор. Прежде всего — вопросы экономической войны. Разработка деталей возлагается на «Главную комиссию» в сотрудничестве с верховным командованием вооруженных сил.

5. Японцам не следует предоставлять никаких данных по поводу «плана Барбаросса».

Кейтель — верховное главнокомандование вооруженными силами».

Из того, что я прочитал, видно, что нацистские заговорщики уже в марте 1941 года считали основным оперативным принципом сотрудничества с Японией — добиться от нее агрессии против Сингапура и других британских баз на Дальнем Востоке.

Документ С-152, ВВ-122 — совершенно секретный протокол совещания, состоявшегося 18 марта 1941 г., примерно через две недели после издания основного приказа № 24. На этом совещании присутствовали Гитлер, Редер, Кейтель и Йодль: «...Япония должна предпринять шаги для того, чтобы как можно скорее захватить Сингапур, поскольку никогда условия не будут более благоприятными. (Весь английский флот занят, Соединенные Штаты не подготовлены к войне против Японии. Превосходство японского флота по сравнению с американским.) Япония действительно готовится к таким действиям, но согласно заявлениям японских офицеров, она приступит к ним¹ лишь, если Германия произведет высадку на английском побережье. Германия поэтому должна напрячь все усилия для того, чтобы заставить Японию действовать немедленно. Если Япония захватит Сингапур, тем самым будут решены все остальные восточноазиатские проблемы в отношении США и Англии (Гуам, Филиппины, Борнео, голландская Восточная Индия).

Япония хочет, если возможно, избежать войны против США. Она сможет сделать это, если она в наикратчайший срок захватит Сингапур...»

29 марта 1941 г. Риббентроп встретился с японским министром иностранных дел Мацуока, который находился тогда в Берлине. Отчет об этой беседе обнаружен в архивах германского министерства иностранных дел (документ ПС-1877, США-152):

«...Риббентроп продолжил предыдущий разговор с Мацуока касательно переговоров последнего с русскими в Москве с того места, на котором они остановились. Он выразил мнение, что будет лучше, имея в виду ситуацию в целом, не заводить разговоры с русскими слишком далеко. Он не знал еще, как будут развиваться события. Однако одно совершенно очевидно: Германия ударит немедленно, если Россия когда-либо нападет на Японию. Он готов дать Мацуока эти определенные гарантии, и, таким образом, Япония может продвигаться на юг, в Сингапур, не опасаясь никаких осложнений со стороны России.

Большая часть германской армии так или иначе размещена на восточных границах империи и находится в полной боевой готовности для выступления в любое время. Он, Риббентроп, однако, уверен, что Россия постарается избежать шагов, которые могут привести к войне. Если все же Германия когда бы то ни было вступит в конфликт с Россией, с Советским Союзом будет

¹ То есть к нападению. — Составители.

покончено в течение нескольких месяцев. В этом случае Япония, конечно, имеет еще меньше основания для того, чтобы опасаться чего бы то ни было, если она хочет наступать на Сингапур. Следовательно, ей нет никакой необходимости воздерживаться от этого мероприятия, во всяком случае из-за возможных страхов перед Россией.

Он, конечно, не может предсказать, как будут развиваться события в отношении России. Неизвестно, будет ли Сталин интенсифицировать свою недружелюбную политику в отношении Германии. Он, Риббентроп, хочет во всяком случае разъяснить Мацуока, что конфликт с Россией возможен. Во всяком случае Мацуока не может сообщить японскому императору по возвращении в Японию, что конфликт между Германией и Россией невозможен. Напротив, положение таково, что такой конфликт, если он даже не очень вероятен, все-таки должен рассматриваться как возможный...

...Затем Риббентроп снова вернулся к вопросу о Сингапуре. Принимая во внимание опасения, высказанные японцами по поводу возможного нападения подводных лодок, базирующихся на Филиппинах, и вмешательства со стороны британского средиземноморского и территориального флотов, он снова обсудил ситуацию с гроссадмиралом Редером. Последний сказал, что британский флот в течение этого года будет так занят в английских территориальных водах и Средиземном море, что он не будет в состоянии послать даже одного судна на Дальний Восток.

Гроссадмирал Редер описал подводные лодки США и сказал, что они настолько плохи, что Японии нечего их опасаться. Мацуока немедленно ответил, что японский флот очень мало боится угрозы со стороны британского флота. Он также придерживается взгляда, что в случае столкновения с американским флотом японский флот сможет разбить его без особых трудностей.

Однако он боится, что американцы не примут морского боя и, таким образом, конфликт с США может затянуться на пять лет. Такая возможность вызывает значительное беспокойство в Японии. Риббентроп ответил, что Америка ничего не может сделать против Японии, если будет захвачен Сингапур. Быть может, из-за одного этого Рузвельт дважды подумает, прежде чем решится на активные действия против Японии, потому что, с одной стороны, он не может ничего добиться в борьбе против Японии. С другой — ему грозит возможность потери Филиппин, которые может захватить Япония...

Для американского президента это означало бы значительную потерю престижа, и в связи с тем, что США недостаточно

вооружены, ему нечего было бы противопоставить этой потере. Мацуока подчеркнул, в этой связи, что он делает все, что в его силах, чтобы заверить англичан в безопасности Сингапура. Он действует так, как будто у Японии нет никаких намерений в отношении этой ключевой позиции Англии на востоке. Поэтому возможно, что его отношения к британцам выглядят как дружеские и на словах и в действиях.

Однако Германия не должна быть обманута этим. Он придерживается такой политики не только для того, чтобы уверить британцев, но также и для того, чтобы обманывать пробританские и проамериканские элементы до того дня, пока он неожиданно не ударит на Сингапур. Мацуока попутно заметил, что такая тактика основана на убеждении в том, что внезапное наступление против Сингапура одним ударом объединит всю японскую нацию...

...Риббентроп... затем напомнил слова известного японского государственного деятеля, обращенные к японскому флоту в начале русско-японской войны: «Откройте огонь, и вы объедините всю нацию». Мацуока заметил: «Японцев нужно встряхнуть для того, чтобы разбудить». В конце концов, как человек восточной расы, он верит в судьбу, которая придет независимо от того, хотите вы ее или нет...

Мацуока поставил вопрос о германской помощи при нападении на Сингапур. Это — вопрос, к которому он часто возвращался, напоминая о германском письменном обещании оказать помощь. Риббентроп ответил, что он уже обсудил этот вопрос с послом Осима. Он просил его приготовить карты Сингапура для того, чтобы фюрер, который является, может быть, одним из величайших военных экспертов современности, мог посоветовать Японии, какой метод операции против Сингапура ей следует принять. Германские военно-воздушные эксперты также будут предоставлены в распоряжение Японии. Они, опираясь на европейский опыт, наметят для Японии план применения пикирующих бомбардировщиков с ближайших аэродромов против британского флота в Сингапуре. Таким образом, британский флот должен будет немедленно исчезнуть из Сингапура.

Мацуока заметил, что британский флот интересуется Японию меньше, чем захват укреплений. Риббентроп ответил, что фюрер разработал также методы для наступления на такие сильные укрепления, как линия Мажино и форт Эбен-Эмэль. Он может предоставить эти методы в распоряжение Японии.

Мацуока ответил, что некоторые из молодых японских морских офицеров, входящие в число его личных друзей, придерживаются мнения, что японским морским силам потребуется три месяца для того, чтобы захватить Сингапур. Будучи осторожным министром иностранных дел, он удваивает этот срок. Он считает,

что может выдерживать любую опасность, которая грозит со стороны Америки, в течение 6 месяцев. Если, однако, захват Сингапура потребует большего времени, если операции затянутся, скажем, на год, — положение в отношении Америки станет подлинно критическим, и он еще не представляет себе в настоящее время, каким образом можно будет разрешить эту проблему. Если бы это было возможно, он хотел бы не затрагивать голландскую Восточную Индию, потому что он опасается, что в случае наступления японцев в этой области будут подожжены нефтяные вышки. В этом случае их можно будет снова пустить в действие лишь через один-два года.

Риббентроп добавил, что Япония получит значительное влияние в голландской Восточной Индии немедленно после того, как будет захвачен Сингапур...»

4 апреля 1941 г. в Берлине состоялась беседа Гитлера с японским министром иностранных дел Мацуока в присутствии имперского министра иностранных дел Риббентропа и министра без портфеля Мейснера (документ *ПС-1881, США-33*)¹.

«...Мацуока высказал просьбу о том, чтобы фюрер дал указание соответствующим властям Германии удовлетворить как можно шире желания японской военной комиссии. Япония нуждается в германской помощи, особенно в отношении подводной войны, путем ознакомления ее с последним опытом ведения войны, а также с последними техническими усовершенствованиями и изобретениями.

Япония будет делать все возможное, чтобы избежать войны с Соединенными Штатами. В случае, если эта страна решит напасть на Сингапур, японский флот, конечно, должен быть подготовлен для борьбы с Соединенными Штатами, потому что в этом случае Америка, вероятно, станет на сторону Великобритании. Он, Мацуока, лично считает, что Соединенные Штаты можно будет удержать путем дипломатических усилий от вступления в войну на стороне Великобритании. Однако армия и флот должны рассчитывать на самые тяжелые условия, то есть на возможность ведения войны против Америки. Они считают, что такая война будет продолжаться пять или более лет и примет форму партизанской войны² на Тихом океане и распространится вплоть до южных морей.

Поэтому опыт Германии в ведении партизанской войны представляет величайшую ценность для Японии. Вопрос заключается

¹ Документ был найден в архиве германского министра иностранных дел. — Составители.

² Слова «партизанская война» в устах Мацуока имеют значение пиратской войны, так как речь идет о потоплении подводными лодками торговых судов и т. п. — Составители.

в том, как такую войну лучше всего вести и как Япония может наилучшим образом использовать все технические усовершенствования подводных лодок, как-то: перископы и т. д.

Суммируя все сказанное, Мацуока просил, чтобы фюрер обеспечил предоставление соответствующими немецкими властями в распоряжение японцев таких изобретений и улучшений в отношении флота и армии, в которых они нуждаются. Фюрер обещал это и указал, что Германия также считает столкновение с Соединенными Штатами Америки нежелательным, но что она готова к такой неожиданности.

В Германии придерживаются того мнения, что участие Америки в войне зависит от возможностей транспорта и что это, в свою очередь, обуславливается имеющимся тоннажем.

Однако война Германии на море приведет к решительному ослаблению не только Англии, но и Америки. Германия настолько подготовилась, что ни один американец не сможет высадиться в Европе. Она будет вести самую решительную борьбу с американскими подводными лодками и воздушными силами, и, ввиду своего большого опыта, которого Соединенные Штаты еще не имеют, она будет иметь огромное превосходство, даже не принимая во внимание тот факт, что немецкие солдаты, естественно, более боеспособны, чем американские.

В ходе дальнейшего обсуждения фюрер указал, что Германия со своей стороны немедленно примет меры, если Япония вступит в войну с Соединенными Штатами. Не имеет значения, с кем Соединенные Штаты сначала вступят в войну — с Германией или Японией. Они всегда будут пытаться разгромить одну страну и, не приходя к соглашению с другой страной, ликвидировать и ее таким же образом.

Поэтому, как было уже указано, Германия нанесет удар без задержки в случае столкновения между Японией и Америкой, потому что могущество трех держав обусловлено их совместными действиями. Они будут слабы только в том случае, если они дадут разгромить себя поодиночке.

Мацуока повторил свою просьбу о том, чтобы фюрер дал необходимые указания для того, чтобы соответствующие германские власти предоставили в распоряжение японцев последние улучшения и изобретения, которые их интересуют, потому что японский флот должен немедленно готовиться к столкновению с Соединенными Штатами.

Что касается японо-американских отношений, то Мацуока далее объяснил, что в своей стране он всегда заявлял, что рано или поздно война с Соединенными Штатами Америки будет неизбежной, если Япония будет продолжать действовать, как и ныне. По его мнению, это столкновение произойдет скорее рано, чем поздно.

Его доводы сводились далее к следующему: почему же Япония не должна решительно нанести удар в подходящий момент и взять на себя ответственность борьбы против Америки. Только таким образом она сама может избежать войны на целые поколения, и в особенности, если установит господство в южных морях. Конечно, в Японии имеется много людей, которые не решаются разделить это мнение. В этих кругах Мацуока рассматривают как опасного человека с опасными мыслями. Однако он заявил, что если Япония будет продолжать идти по ее нынешнему пути, ей все равно придется бороться, и это произойдет при менее благоприятных обстоятельствах, чем в нынешний момент.

Фюрер ответил, что он вполне понимает положение, в котором находится Мацуока, потому что он сам находился в подобном положении (при очищении Рейнской области, заявлении о восстановлении в порядке осуществления суверенитета вооруженных сил и т. д.). Он также придерживался того мнения, что необходимо использовать благоприятные условия и пойти на риск в этой неизбежной войне, как в то время, когда он был молод и полон энергии. События доказали, насколько он был прав. Европа уже свободна. Он не будет ни минуты колебаться, чтобы немедленно ответить на любое расширение военных действий, будь это со стороны России или Америки. Судьба на стороне тех, которые не ждут, пока опасность придет к ним, а сами становятся перед лицом опасности.

Мацуока ответил, что Соединенные Штаты, или, вернее, их правящие политические деятели, недавно еще попытались провести последний маневр против Японии, заявив, что Америка не будет сражаться против Японии из-за Китая или южных морей при условии, если Япония предоставит свободный проход поставкам резины, каучука и олова в Америку, по месту назначения. Однако Америка немедленно начнет войну с Японией, как только она почувствует, что Япония вступила в войну с намерением содействовать уничтожению Великобритании...

...В ответ на это фюрер сказал, что такая позиция Америки ничего не означает, кроме того, что Соединенные Штаты надеются, что, пока существует Британская мировая империя, они смогут когда-нибудь выступить против Японии совместно с Великобританией. В противном же случае мировая империя будет разгромлена и они будут полностью изолированы и не смогут ничего предпринять против Японии.

Имперский министр иностранных дел сделал замечание о том, что американцы при всех обстоятельствах хотели поддержать сильные позиции Англии и Восточной Азии, но что, с другой стороны, эта позиция доказывает, насколько они боятся объединенных действий со стороны Японии и Германии.

Далее Мацуока заметил, что он считает необходимым нарисовать фюреру абсолютно ясную картину действительного положения внутри Японии. По этой причине он должен, к сожалению, был сообщить ему, что он, Мацуока, в качестве японского министра иностранных дел не мог бы сказать Японии ни единственного слова из того, что он доложил фюреру и министру иностранных дел Германии относительно своих планов. Это нанесло бы ему серьезный ущерб в политических и финансовых кругах. Однажды он уже совершил такую ошибку еще до того, как он стал японским министром иностранных дел. Он рассказал близкому другу кое-что о своих намерениях. По-видимому, тот рассказал об этом другим, и это породило различные слухи, которые он, как министр иностранных дел, должен был энергично опровергать, хотя, как правило, он всегда говорит правду.

При этих обстоятельствах он не может указать, когда он сможет доложить о вопросах, которые были здесь обсуждены, японскому премьеру и императору. Он должен будет тщательно изучить сначала развитие событий внутри Японии с тем, чтобы принять решение в благоприятный момент; затем изложить все свои планы принцу Коноэ и императору. Надо будет принять решение через несколько дней, потому что иначе этому плану будет нанесен ущерб разговорами. Если он, Мацуока, не проведет в жизнь своих намерений, это докажет, что он не является достаточно влиятельным лицом, что сила убеждения его невелика и что он не обладает достаточными тактическими способностями. Однако если он одержит успех, то это докажет, что он имеет большое влияние в Японии. Сам он чувствует уверенность в том, что добьется успеха. По возвращении Мацуока, если его спросят... признается императору, премьеру и министрам армии и флота, что обсуждался вопрос о Сингапуре. Он, однако, заявит, что это обсуждение шло на предположительной основе.

Помимо этого, Мацуока высказал просьбу, чтобы вопрос о Сингапуре не передавался по телеграфу, потому что у него есть основания бояться, что путем передачи по телеграфу эти слухи будут распространены. Если необходимо, он пошлет курьера. Фюрер согласился и заявил, что Мацуока может быть уверен в сдержанности немцев. Мацуока ответил, что он верит в сдержанность немцев, но, к сожалению, он не может сказать того же самого о японцах.

После обмена прощальными словами обсуждение закончилось.

Подписано: Ш м и д т.

Берлин, 4 апреля 1941 г.»

...5 апреля 1941 г., через неделю после этого совещания, Риббентроп опять встретился с Мацуока и снова убеждал японцев сделать еще один шаг по пути агрессивной войны. Заметки об

этом совещании также найдены в архивах германского министерства иностранных дел (документ ПС-1882, США-153).

Я прочитаю несколько коротких выдержек из этих заметок: «В ответ на замечание Мацуока, что Япония уже просыпается и что в соответствии с японским темпераментом теперь вслед за неторопливым процессом размышления последуют быстрые действия, имперский министр ответил, что необходимо, конечно, пойти на некоторый риск — точно так же, как это успешно сделал фюрер при ремилитаризации Рейнской зоны, при объявлении своих суверенных прав на вооружение и при выходе из Лиги наций...

Министр иностранных дел ответил, что новая германская империя будет опираться на старинные традиции священной Римской империи германской нации, которая в свое время была единственной доминирующей силой на европейском континенте.

В заключение имперский министр снова суммировал то, что он хотел бы просить Мацуока разъяснить в Японии, что:

1. Германия уже выиграла войну. К концу года весь мир поймет это. Даже Англия должна будет признать это, если она не будет разгромлена еще раньше; Америка также должна будет смириться с этим фактом.

2. Между Японией и Германией не существует столкновения интересов. Базой для урегулирования отношений в будущем должно явиться положение, при котором Япония будет доминировать на Востоке, а Италия и Германия — в Европе и в Африке.

3. Что бы ни случилось, Германия выиграет войну, но ее победа может быть ускорена, если Япония также вступит в войну. Такое вступление в войну, конечно, гораздо более в интересах самой Японии, чем в интересах Германии, потому что оно представляет ей единственную возможность, которая вряд ли еще повторится для осуществления национальных задач Японии. Этот шаг дает ей возможность занять ведущее место в Восточной Азии»...

Документ ТС-1538, США-154 — совершенно секретный отчет от 24 мая 1941 г. германского военного атташе в Токио в разведывательный отдел верховного командования вооруженными силами — озаглавлен: «Подготовка к нападению на Сингапур и Манилу продолжается»...

Документы показывают, как нацисты подстрекали к войне против Советского Союза. Мы теперь обращаемся к их усилиям убедить Японию «нанести удар в спину» Союзу Советских Социалистических Республик. Здесь снова центральной фигурой является подсудимый Риббентроп. В течение нескольких месяцев до издания основного приказа № 24, касающегося сотрудничества с Японией, этот заговорщик готовил «план Барбаросса» — план нападения на Советский Союз. Приказ № 24

указывал, однако, что Японию «не следует информировать относительно операции «Барбаросса». На совещании с японским министром иностранных дел 29 марта 1941 г., то есть почти через три недели после издания основного приказа № 24, подсудимый Риббентроп заверял Мацуока, что большая часть германской армии находится на восточных границах империи и что Германия в любое время готова начать наступление. Риббентроп затем добавил, что хотя он уверен, что СССР постарается избежать войны, тем не менее конфликт с Советским Союзом, если он и не очень вероятен, во всяком случае вполне возможен. Мы не знаем, какие выводы сделал японский посол из этого совещания в апреле 1941 года. Однако, когда в июне 1941 года нацисты развязали войну против СССР, смысл этих замечаний Риббентропа уже не оставлял никаких сомнений.

10 июля 1941 г. Риббентроп послал секретную телеграмму германскому послу в Токио Отту (документ ПС-2896, США-155):

«...Воспользуйтесь этой возможностью, чтобы поблагодарить японского посла в Москве за передачу телеграфного сообщения. Будет удобно, если мы сумеем и в дальнейшем получать этим способом сведения из России...

...Суммируя, я хотел бы теперь сказать, что я, как и в прошлом, полностью полагаюсь на японскую политику и на японского министра иностранных дел прежде всего потому, что теперешнее японское правительство действовало бы совершенно непростительно в отношении будущего своего народа, если бы оно не воспользовалось этой исключительной возможностью разрешить русский вопрос, закрепить навсегда свои позиции на юге и урегулировать китайский вопрос. Поскольку Россия, по сообщению японского посла в Москве, очень близка к поражению, — эти данные совпадают с нашими собственными выводами из положения на фронтах, — постольку просто невозможно, чтобы Япония не разрешила вопроса о Владивостоке и о Сибири, как только она закончит свои военные приготовления.

Однако я прошу вас, примите все меры для того, чтобы настоять на скорейшем вступлении Японии в войну против России. Как я уже упомянул в моем разговоре с Мацуока, чем скорее это произойдет, тем лучше. Наша цель остается прежней: пожать руку Японии на Транссибирской железной дороге еще до начала зимы. После поражения России, положение держав оси будет таким прочным, что разгром Англии, или полнейшее уничтожение Британских островов, явится только вопросом времени. Америка, полностью изолированная от всего остального мира, будет стоять перед фактом захвата нами тех владений Британской империи, которые имеют важное значение для наших трех стран. Я непоколебимо уверен, что проведение нового порядка в той форме, которая для нас желательна, является только вопросом

времени и что будут преодолены любые трудности, если три державы будут стоять рядом и объединенными усилиями отвечать на любые действия Америки тем же оружием.

Я прошу как можно чаще и подробнее сообщать мне о политической ситуации».

В ответ на приведенную телеграмму Риббентропа германский посол в Японии Отт сообщил (документ ПС-2897, США-156): «Шифртелеграмма, секретно, Токио, 14 июля 1941 года. Получена 14 июля.

Весьма срочно.

Я пытаюсь всеми средствами добиться вступления Японии в войну против России в самое ближайшее время. Для того чтобы убедить лично Мацуока, а также министерство иностранных дел, военные круги, националистов и дружески настроенных деловых людей, использую в качестве аргумента главным образом личное заявление министра иностранных дел и шифрованную вашу телеграмму. Считаю, что, судя по военным приготовлениям, вступление Японии в войну в самое ближайшее время обеспечено. Самым большим препятствием являются разногласия между различными группами, которые, не получая общего руководства, преследуют самые различные цели и очень медленно приспособляются к изменившейся ситуации...»

Впоследствии Риббентроп возобновил свои попытки заставить Японию начать агрессию против Советского Союза.

Документ ПС-2911, США-157 — содержит заметки о совещании между Риббентропом и Осима, японским послом в Берлине, состоявшемся 9 июля 1942 г.:

«...Он, германский министр иностранных дел, просил посла встретиться с ним именно сейчас, имея в виду описанную выше ситуацию, потому что именно сейчас возник вопрос величайшей важности в связи с необходимостью совместно вести войну. Если Япония чувствует себя достаточно сильной в военном отношении, может быть, именно сейчас наступил момент для нападения Японии на Россию. Он считает, что если Япония сейчас ударит по России, это вызовет моральное поражение России, во всяком случае это ускорит крах ее теперешнего строя. Так или иначе никогда больше Японии не представится такой удобный случай уничтожить раз и навсегда русского колосса в Восточной Азии. Он обсудил этот вопрос с фюрером, и фюрер придерживается того же мнения...»

Протокол совещания Риббентропа с послом Осима 6 марта 1943 г. (документ ПС-2954, США-158). К этому совещанию военно-стратегическое положение на просторах СССР несколько изменилось. За месяц до этого, в феврале 1943 года, советские армии полностью разгромили германские войска под Сталинградом и нанесли им тяжелые потери. На севере и на западе

зимнее наступление советских войск привело к очищению значительных районов от захватчиков.

«...Посол Осима заявил, что он получил из Токио телеграмму и по приказу правительства должен сообщить следующее германскому министру иностранных дел. Предложение германского правительства о нападении на Россию обсуждалось на совместном совещании японского правительства и имперской ставки. Вопрос был обсужден подробно и исчерпывающе. Результаты были следующие: японское правительство полностью понимает опасность, которая угрожает со стороны России и полностью понимает желание своего германского союзника о том, чтобы Япония со своей стороны также вступила в войну против России. Однако, учитывая нынешнее военное положение, для японского правительства невозможно вступить в войну. Оно, наоборот, считает, что для общего интереса было бы лучше не начинать войны против России в настоящее время. С другой стороны, Япония никогда не будет игнорировать русский вопрос. Японское правительство намеревается вновь наступать в будущем на других фронтах.

Министр иностранных дел поднял вопрос после объяснения посла о том, как в Токио предполагают продолжение войны. В настоящее время Германия ведет войну против общего врага — Англии и Америки — почти одна, в то время как Япония, главным образом, занимает оборонительные позиции. Однако было бы более правильным, если бы все они, объединенные пактом трех держав, соединили свои силы для поражения не только Англии и Америки, но также и России. Нехорошо, когда одна держава должна сражаться без помощи других. Нельзя перенапрягать силы Германии. Он взволнован тем, что некоторые круги в Токио считают и пропагандируют такие идеи, что Германия, несомненно, победит и что поэтому Япония должна еще больше укрепиться перед тем, как предпринять новые усилия...

Затем министр иностранных дел снова поднял вопрос о нападении на Россию со стороны Японии и заявил, что в конце концов борьба в районе Бирмы и на юге представляет собой морское сражение и что на всех фронтах, за исключением Китая, занято очень небольшое количество сухопутных сил. Поэтому нападение на Россию представляет собой в основном дело армии, и он спрашивает, будет ли достаточное количество войск для этого...»

Риббентроп не успокаивался. Через три недели — 18 апреля 1943 г. он имел еще одно совещание с Осима (документ ПС-2929, США-159):

«...Министр иностранных дел затем вновь подчеркнул, что, несомненно, нынешний год представляет наиболее благоприятные возможности для Японии, если она себя чувствует достаточно сильной и имеет в своем распоряжении достаточное коли-

чество противотанкового оружия для нападения на Россию, которая, несомненно, никогда не будет так слаба, как в настоящий момент...»

Теперь я перехожу к тому аспекту заговора, который в основном вызвал появление и участие в войне миллионов американских солдат во всех частях света. Нацистская подготовка и сотрудничество с Японией против Соединенных Штатов, как Главный обвинитель США отметил в своей вступительной речи, может рассматриваться с двух сторон: как подготовка нацистов для нападения на Атлантику и как разжигание войны на Тихом океане.

Я также при освещении переговоров Риббентропа с японцами относительно войны против СССР коснулся дальнейших событий, развернувшихся после 7 декабря и 11 декабря 1941 г., когда японское и германское правительства соответственно начали и объявили агрессивную войну Соединенным Штатам.

Намерения нацистских заговорщиков в отношении Соединенных Штатов следует рассматривать в аспекте их общего плана, а также в свете их непосредственных обязательств. То, что их общий план включал агрессивную войну против Соединенных Штатов, было указано подсудимым Герингом в речи от 8 июля 1938 г., когда нацистские заговорщики уже насильно аннексировали Австрию и усовершенствовали свой план оккупации Чехословакии.

Об этом говорится в документе США-160:

«...Я все еще не имею бомбардировщиков, которые, неся 10 тонн взрывчатых веществ, могли бы пролететь в Нью-Йорк и обратно. Я был бы чрезвычайно счастлив иметь такие бомбардировщики для того, чтобы в конце концов я мог заткнуть рот надменным людям, живущим за океаном...»

Конечно, страстную надежду Геринга в то время нельзя было реализовать ни с технической точки зрения, ни с точки зрения графика агрессии нацистских заговорщиков, который был освещен здесь в течение последних нескольких дней. Во время подготовки и ведения агрессивной войны в Европе и в ходе агрессивной кампании против СССР нацистские заговорщики, конечно, не хотели ввязываться в войну с Соединенными Штатами. Однако даже осенью 1940 года на повестке дня военных кругов стоял вопрос о ведении войны против Соединенных Штатов в более поздний срок. Это ясно показано в документе, найденном в архивах германских военно-воздушных сил. Документ ПС-376, США-161 — совершенно секретный меморандум майора фон Фалькенштейна неизвестному генералу, по-видимому, генералу военно-воздушных сил. Фалькенштейн, который был майором генерального штаба, в это время выполнял роль связного офицера между ВВС и оперативным штабом ОКВ, который возглавлял подсудимый

Иодль. Его меморандум, который он характеризует как краткое резюме текущих военных вопросов, датирован 29 октября 1940 г.:

«Параграф пятый. В настоящее время фюрер занимается вопросом оккупации Атлантических островов с целью ведения войны против Америки в более поздний период. Здесь началось обсуждение этого вопроса. В настоящее время необходимыми условиями являются: а) никаких других оперативных обязательств; б) нейтралитет Португалии; в) поддержка Франции и Испании. От военно-воздушных сил требуется краткая оценка возможности захвата и удержания воздушных баз снабжения...

...Генерал фон Бетихтер неоднократно указывал, особенно в своей телеграмме № 2314 от 26 октября, о том, что, по его мнению, в германской печати публикуется слишком много подробностей о нашем знании американской авиационной промышленности. Этот вопрос был обсужден в верховном командовании вооруженных сил, где я указывал, что этот вопрос касался особенно военно-воздушных сил, и я передаю его вам, не давая ему никакой оценки...»

В июле 1941 года Гитлер подписал приказ о дальнейшем предварительном приготовлении для нападения на Соединенные Штаты. Это совершенно секретный приказ, найденный в архивах германского военно-морского флота (документ США-112):

«В силу намерения, указанного в директиве № 32 о дальнейшем ведении войны, я излагаю следующие принципы относительно сил личного состава и технического снабжения:

1) Общее. Военное господство Европы после поражения России даст возможность значительно уменьшить численность армии в ближайшем будущем. Поскольку уменьшение численности армии делает это возможным, бронетанковые части будут значительно усилены. Морское вооружение должно быть ограничено с тем расчетом, чтобы оставить то, что прямо связано с ведением войны против Англии и, если понадобится, то и против Америки. Основные меры по вооружению будут сосредоточены на военно-воздушных силах, которые должны быть значительно усилены...»

Из этих документов ясно, что нацистские заговорщики составляли во всяком случае предварительные военные планы войны против США. Общий план в отношении США был связан с сотрудничеством с японцами. В указаниях японцам о том, чтобы те начали нападение на британские владения на Тихом океане и Дальний Восток, снова предусматривалась война с США.

Я вторично обращаюсь к приказу от 5 марта 1941 г. № 24 «О сотрудничестве с Японией» (документ С-75, США-151). В приказе отмечалось, что германская политика заключалась в том, чтобы «быстрее разбить Англию и, тем самым, удержать Америку от вступления в войну...»

...Положение держав оси в отношении сырьевых ресурсов требует, чтобы Япония захватила те территории, которые ей необходимы для продолжения войны, в особенности в том случае если вмешаются США. Поставка каучука должна производиться даже после вступления Японии в войну, так как он имеет жизненно важное значение для Германии...

...Кроме того, нападение на другие базы британского флота, а также на американские базы в том случае, если вступление США в войну нельзя будет предотвратить, приведет к ослаблению системы обороны неприятеля в этом районе, а также к скоыванию значительных сил, в частности Австралии...»

Редер во время совещания 18 марта 1941 г. с Гитлером, Кейтелем и Иодлем ясно предусматривал угрозу жизненным интересам США, если Япония захватит Сингапур (документ С-152, США-122).

«...Германский министр иностранных дел далее указал: если Америка объявит войну, в силу вступления Японии в войну, это будет означать, что Америка имела намерение все равно вступить в войну рано или поздно.

...Хотя было бы предпочтительно избежать этого, вступление США в войну, однако, как уже было указано, не будет иметь решающего значения и не будет угрожать окончательной победе стран пакта трех держав.

Министр иностранных дел далее высказал мнение, что временное повышение морального состояния англичан вступлением Америки в войну будет снова сведено на нет выступлением Японии. Если, однако, в противоположность всем предположениям, американцы будут действовать настолько необдуманно и пошлют свой флот дальше, чем Гавайские острова и на Дальний Восток, то это представит собой лучшую возможность для трех держав быстро привести войну к концу. Он, министр иностранных дел, уверен, что японский флот успешно завершит свое дело. Посол Осима ответил, что, к сожалению, он не думает, что американцы это сделают, но он уверен в победе своего флота в японских водах...

Имперский министр иностранных дел коснулся затем этого вопроса, который он назвал теоретическим, и указал, что на основании новых оскорблений со стороны США договаривающиеся страны могут быть вынуждены порвать дипломатические отношения. Германия и Италия в основном решили это сделать».

Нацисты рассматривали свои предварительные планы против США, как это видно из документа относительно Атлантических островов. Нацисты постоянно настаивали, чтобы японцы начали агрессию против Британского содружества наций, так же как они настаивали на том, чтобы те напали на СССР вскоре после начала нацистского вторжения в Советский Союз. Они понимали,

что путь, на который они толкали японцев на Дальнем Востоке, вероятно, приведет к вовлечению в войну США. Они также знали, что японская армия и флот готовили военно-оперативные планы против США, и знали, во всяком случае, часть этих планов. Нацистские заговорщики не только знали обо всем этом, но и приняли на себя риск того агрессивного пути, на который они толкали японцев и продолжали толкать своих восточных союзников все дальше по этому пути. В апреле 1941 года Гитлер сказал министру иностранных дел Японии, что в случае, если Япония будет втянута в войну с США, Германия немедленно примет на себя последствия и немедленно выступит.

Документ ПС-2898 США-163 — телеграмма от 30 ноября 1941 г. германского посла в Токио Риббентропу относительно его беседы с японским министром иностранных дел:

«...Ход переговоров до сих пор подтверждает его точку зрения о том, что различия во мнениях между Японией и США очень велики. С тех пор, как японское правительство отправило посла Курусу¹, оно заняло твердую позицию. Он уверен, что эта позиция нам благоприятствует и заставляет США считать, что их вступление в европейскую войну будет представлять большой риск...

...Новое американское предложение от 25 ноября показывает большое различие взглядов этих двух стран. Эти различия касаются, например, дальнейшего решения китайского вопроса...

...США предложили Японии заключить договор о ненападении с США, Великобританией, Советским Союзом и другими странами для того, чтобы предотвратить вступление Японии в войну на стороне держав оси. Однако Япония настояла на уважении своих договорных обязательств, и по этой причине американские требования являются величайшим препятствием для урегулирования японо-американских отношений...

...США серьезно готовятся к войне и готовы ввести в действие значительную часть своих морских баз в южной части Тихого океана. Японское правительство занято разработкой ответа для того, чтобы разъяснить свою точку зрения, но оно сейчас не располагает деталями.

В общем и целом оно считает американское предложение неприемлемым. Япония не боится срыва переговоров и надеется, что в этом случае, в соответствии с трехсторонним пактом, Германия и Италия поддержат ее. Я ответил, что не может быть сомнения относительно будущих позиций Германии. Тогда японский министр иностранных дел заявил, что, как он понял мои

¹ Курусу — японский дипломат, направленный в Вашингтон для ведения переговоров, под ширмой которых японцами было подготовлено нападение на Пирл-Харбор. — Составители.

слова, в таком случае Германия будет рассматривать себя связанной с Японией одной судьбой. Я ответил, что, по моему мнению, Германия, несомненно, готова достичь соглашения между двумя державами по поводу такого положения. Министр иностранных дел ответил, что он, возможно, вскоре вернется к этому вопросу.

Беседа министра иностранных дел подтвердила впечатление, что нота США является чрезвычайно неудовлетворительной даже для политиков, стремящихся к достижению компромисса. Для этих кругов позиция Америки, в особенности в отношении китайского вопроса, является весьма разочаровывающей. Подчеркивание того факта, что трехсторонний пакт является основным препятствием к успешным японо-американским переговорам, видимо, указывает на то, что японское правительство начинает понимать необходимость тесного сотрудничества с державами оси...» Документы ПС-2987, США-166 — выдержки из рукописного дневника графа Галеаццо Чиано¹ за период с 3 по 8 декабря 1941 г. Запись от 3 декабря (среда): «Сенсационный ход со стороны Японии. Посол² просит аудиенции у дуче и зачитывает длинное заявление о ходе переговоров с Америкой, заканчивающееся уверением, что они оказались в тупике. Затем, ссылаясь на соответствующую статью пакта трех держав, он просит, чтобы Италия объявила войну Америке немедленно после начала военных действий, и предлагает подписание соглашения о том, чтобы не заключался сепаратный мир. Переводчик, переводивший эту просьбу, дрожал, как осиновый лист. Дуче дал полные заверения, оставляющие за ним право переговорить с Берлином перед тем, как дать ответ. Дуче был доволен этим сообщением и сказал: «Мы теперь на пороге межконтинентальной войны, которую я предсказывал еще в сентябре 1939 года».

Что значит это новое событие? Во всяком случае, оно означает, что Рузвельту удался его маневр. Ввиду того, что он не мог вступить в войну немедленно и прямо, он вступил в нее косвенно, дав японцам возможность напасть на него. Кроме того, это событие также означает, что всякие перспективы мира становятся все более отдаленными, и теперь уже легко — слишком легко — предсказать длительную войну. Кому удастся выдержать дольше всех? Данная проблема должна рассматриваться на основании этого вопроса. Ответ Берлина задерживается, потому что Гитлер выехал на Южный фронт для встречи с генералом Клейстом, армия которого продолжает отступать перед неожиданным советским наступлением».

¹ Граф Чиано — министр иностранных дел фашистской Италии. — Составители.

² Речь идет о японском после Сиратори. — Составители.

...Запись 4 декабря — четверг, за три дня до нападения на Пирл-Харбор.

«...Реакция Берлина на ход японцев необычайно сдержанна. Может быть, они согласятся, потому что им нечего больше делать. Но идея провоцирования американского наступления для немцев становится все менее желательной! Муссолини, напротив, это нравится».

5 декабря — пятница:

«Ночь, покой которой был нарушен беспокойным Риббентропом. После двухдневного промедления он не может ждать ни минуты с ответом японцам. И в 3 часа он прислал Макензена в мой дом, чтобы представить план торжественного соглашения относительно японского наступления и обязательства не заключать сепаратного мира. Он хотел, чтобы я разбудил дуче. Однако я этого не стал делать, чему последний был очень рад...»

В воскресенье 7 декабря 1941 г. Япония без предупреждения или объявления войны начала нападение на США в Пирл-Харборе и против Великобритании в юго-западной части Тихого океана. Утром 11 декабря, через 4 дня после нападения Японии на Тихом океане, германское правительство объявило войну США, совершив последний акт агрессии, который должен был привести ее к гибели.

Таким образом, ясно, что, помимо их агрессивных намерений и объявления войны США, нацистские заговорщики, сотрудничая с Японией, подстрекали и привели в движение силы, рассчитанные на то, чтобы вызвать нападение на США. Придерживаясь того, чтобы в течение известного времени удержать США от вступления в войну, они, тем не менее, предвидели возможность и даже вероятность вступления США в войну в результате действий, к которым они подстрекали. Они знали, что японцы подготовили план нападения на США, и они приняли на себя последствия, заверив японцев, что они объявят войну США, если в результате произойдет конфликт между США и Японией.

Конечно, при рассмотрении захваченных у врага документов видно, что этот план намеренно неясен. Но те документы, которые уже найдены и были зачитаны, показывают, что можно было предположить и предвидеть, что японское нападение явится последствием их политики сотрудничества и что их подстрекательства японцев с той же несомненностью привели к нападению на Пирл-Харбор, как если бы в плане прямо упоминался Пирл-Харбор.

Запись от 8 декабря в дневнике Чиано. Она была сделана на следующий день после нападения на Пирл-Харбор: «Ночной телефонный разговор с Риббентропом. Он очень доволен японским нападением на США. Он так счастлив, что и я становлюсь тоже счастливым, хотя я не уверен в преимуществах происшедшего.

Одна вещь является несомненной — Америка вступит в конфликт и конфликт будет таким продолжительным, что она может израсходовать все свои потенциальные силы. Сегодня утром я сказал это королю, который был рад этому событию. Он закончил беседу признанием, что в конце концов я, может быть, прав. Муссолини тоже счастлив. В течение долгого времени он был за решительное выяснение отношений между Америкой и державами оси...»

Совершенно секретная запись беседы Гитлера с японским послом Осима 14 декабря 1941 г., с 13 до 14 часов, в присутствии имперского министра иностранных дел Риббентропа (документ ПС-2932, США-165). Вопрос, который обсуждался, — это нападение на Пирл-Харбор, но подбор выражений в этой записи является типичным для методов нацистов:

«...Во-первых, фюрер вручает послу Осима за заслуги большой крест ордена «Германского золотого орла». В сердечных словах он признает его заслуги в деле немецко-японского сотрудничества, которое теперь достигло своей кульминации в тесном братстве по оружию.

Генерал Осима высказывает благодарность за великую честь и подчеркивает, что он рад, что братство по оружию между Германией и Японией теперь является фактом.

Фюрер продолжает: «Вы поступили правильно, что объявили войну. Этот метод является единственно правильным методом. Япония и прежде придерживалась этого метода, который соответствует его собственной системе, то есть вести переговоры как можно дольше. Но если становится ясным, что противоположная сторона заинтересована лишь в усыплении внимания другой, в обмане и унижении ее и не хочет прийти к соглашению, тогда остается только нанести удар как можно сильнее и не терять времени, объявляя войну. Для него было очень приятно слышать о первых операциях японцев. Он сам вел переговоры с огромным терпением, например, с Польшей, а также с Россией. Когда он затем понял, что другая сторона не хочет прийти к соглашению, он нанес удар неожиданно и без формальностей. Он будет продолжать в будущем действовать таким же образом...»

Этим завершается представление доказательств о разных фазах агрессивной войны, обвинение в которых, как в преступлении против мира, изложено в первом разделе Обвинительного акта.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПОДСУДИМЫХ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ МИРА

o

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИМ
ОБВИНИТЕЛЕМ АЛЬБРЕХТОМ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО
ГЕРИНГА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного
Трибунала от 8 января 1946 г.]*

Имперский совет обороны, созданный в 1939 году, принял на себя всю законодательную власть правительства, которая иным образом не могла быть сохранена, и Геринг стал его председателем.

Его усердные и безжалостные услуги были оценены Гитлером в 1939 году, когда он назначил Геринга как законного наследника «нового порядка» своим преемником.

В апреле 1936 года Геринг был назначен на пост руководителя по координации производства сырьевых материалов и контролю за расходом иностранной валюты для внешней торговли. Он был уполномочен руководить всей государственной и партийной деятельностью в этой области. Я представляю в подтверждение этого факта доказательство Соединенных Штатов № 577, которое представляет собой выдержку из «Дас дритте рейх» («Третья империя»).

Я читаю четвертый абзац документа, который представляет собой выдержку из декрета, подписанного Гитлером:

«Премьер-министр генерал Геринг примет необходимые меры для выполнения задач, возложенных на него, и для этого ему предоставляется право издавать декреты и общие административные директивы. Для этой цели он уполномочивается требовать отчеты и издавать директивы всем властям, включая высшие имперские власти и все агентства партии, ее отделы и относящиеся к ней организации».

Соответственно этому положению Геринг призвал Шахта как министра экономики, президента рейхсбанка, министра финансов империи и Пруссии для обсуждения проблем, связанных с военной мобилизацией. На заседании группы по координации 12 мая

1936 г., когда возник вопрос о слишком высокой стоимости заместителя синтетических сырьевых материалов, Геринг заявил: «...Если завтра будет война, нам понадобятся заместители. Деньги не будут играть никакой роли. Если так стоит вопрос, мы должны подготовить все необходимое для этого в мирное время».

Через несколько дней, 27 мая 1936 г., на заседании той же самой группы Геринг выступил против каких-либо ограничений, которые диктовала ортодоксальная финансовая политика. Он сказал, что «все меры должны рассматриваться с точки зрения неизбежного ведения войны».

Хорошо известный четырехлетний план был объявлен Гитлером в 1936 году на партийном съезде в Нюрнберге. Геринг был назначен чрезвычайным уполномоченным по выполнению этой программы...

Геринг заявил в 1936 году о том, что его основная задача в качестве чрезвычайного уполномоченного была «перевести всю экономику на военные рельсы в течение четырех лет». Я хотел бы представить доказательство Соединенных Штатов № 579 для того, чтобы привлечь внимание Трибунала к меморандуму от 30 декабря 1936 г. отдела обороны вермахта, озаглавленному «Меморандум о четырехлетнем плане и подготовке военной экономики». В третьем абзаце перевода, на второй странице германского подлинника имеется заявление, записанное в протоколе, о том, что премьер-министр генерал-полковник Геринг властью фюрера и имперского канцлера назначается уполномоченным по четырехлетнему плану с 18 октября 1936 г.

Что касается военной экономики, премьер-министр генерал-полковник Геринг считает своей задачей «в течение четырех лет привести всю экономику в готовность к войне». Доказательства, которые я зачитал, находятся в связи с другим документом, который был только что представлен обвинению. Это письмо, датированное 2 декабря 1936 г., написанное от руки, озаглавленное «Премьер-министр генерал Геринг» и написанное рукой полковника Боденшатца — начальника штаба Геринга. Я представляю этот меморандум как доказательство Соединенных Штатов № 580.

Я прошу Трибунал обратить внимание на тот факт, что дата этого документа — 2 декабря 1936 г. Это совещание, на котором, очевидно, присутствовали старшие офицеры и генералы воздушных сил. Кроме подсудимого Геринга там были генерал Мильх, генералы Кессельринг, Рюдель, Штумпф, Кристиансен и все руководители военно-воздушных сил. Я зачитаю его:

«Мировая пресса возбуждена по поводу высадки пяти тысяч германских добровольцев в Испании. Великобритания официально выражает недовольство и связывается с Францией. Италия предлагает, чтобы Германия и Италия послали каждая

одну дивизию наземных войск в Испанию. Однако необходимо, чтобы Италия, так как она заинтересована в Средиземном море, первая выступила с политической декларацией. Решение может ожидаться только через несколько дней.

Общее положение чрезвычайно серьезное. Россия хочет войны. Англия быстро вооружается. Следовательно, начиная с сегодняшнего дня, мы даем команду — «хохсте эйнзатцберейтшафт»¹.

Не обращать внимания на финансовые затруднения. Генерал-полковник берет на себя всю ответственность. До 1941 года желательно сохранить мир. Абсолютное спокойствие до 1941 года желательно, однако, мы не можем знать, не возникнут ли затруднения раньше. Мы уже находимся в состоянии войны, только до сих пор еще не раздался выстрел».

Господа судьи! Два важных совещания, на которые обвинение уже ссылалось, ясно показывают, как подсудимый Геринг вдохновлял и руководил подготовкой германской экономики к агрессивной войне.

8 июля 1938 г. он выступил на совещании ряда крупнейших германских авиационных промышленников и дал основные установки относительно увеличения авиационного производства. Он указал на непосредственную близость войны с Чехословакией и хвастался, что германские военно-воздушные силы уже превосходят английскую авиацию количественно и качественно. Он сказал, что «если Германия выиграет войну, то она будет величайшей державой, господствующей на мировом рынке, и станет богатой страной. Надо рисковать, чтобы добиться этой цели».

Через несколько дней после мюнхенского соглашения 14 октября 1938 г. на другом заседании, которое состоялось в кабинете Геринга, он заявил, что Гитлер дал ему указание провести гигантскую программу вооружения, по сравнению с которой все предыдущие достижения покажутся незначительными. Он указал, что ему приказано увеличить военно-воздушные силы в пять раз, повысить темпы вооружения армии и флота и сосредоточиться на наступательном оружии, особенно на тяжелой артиллерии и тяжелых танках. На этом совещании он предложил определенную программу, направленную к достижению этих целей.

Это — краткий итог фактов, который содержится в уже представленном документе США-123, ПС-1301.

В своей двойной роли министра авиации и главнокомандующего ВВС Геринг компетентен был развивать военно-воздушные силы до полной боеготовности. Еще 10 марта 1935 г.

¹ «Хохсте эйнзатцберейтшафт» — «высшая степень готовности». — Составители.

в беседе с корреспондентом лондонской газеты «Дейли мейл» маска лицемерия была снята и Геринг откровенно объявил миру, что он создает истинно военную авиацию.

Через два месяца, выступая перед тысячей офицеров военно-воздушных сил, Геринг говорил в еще более смелом тоне.

Я представляю в качестве доказательства выдержку из документа ПС-3441, США-437 (242-я страница книги «Речи и статьи Геринга»). Это выдержка, которая еще не была оглашена. Геринг заявил:

«Я повторяю: я намереваюсь создать военно-воздушные силы, которые, если пробьет час, будут брошены на врага, как удар возмездия. Еще до начала сражения враг должен почувствовать, что он пропал».

В том же 1935 году 16 марта он подписал закон о воинской повинности, который предусматривал обязательную военную службу и представлял собой вызов со стороны нацистской Германии в нарушение Версальского договора. Трибунал без доказательства примет этот документ № ПС-1654. С разрешения Трибунала я не буду его оглашать. Это закон об организации вооруженных сил, и он имеется в «Рейхсгезетцблатт» за 1935 год, часть 1, страница 369.

Как указывалось в письменном показании посла Мессерсмита, уже представленном Трибуналу, заявление Геринга в тот период не внушало никаких сомнений союзным дипломатам о том, что Геринг проводил полную мобилизацию военно-воздушных сил для предстоящей войны. Фактически Геринг был центральной фигурой в подготовке Германии к военной агрессии. В области германского экономического развития он также занимал ключевые посты в течение всего довоенного периода и, хотя в области внешней политики он и не занимал официальной должности, но в качестве второго по значению нациста он играл важную роль во всех основных фазах нацистской агрессии в период с 1937 по 1941 гг.

Во время австрийских событий Геринг был суфлером и режиссером дипломатической трагикомедии, которая была разыграна перед потрясенным, но молчаливым миром.

Трибунал полностью ознакомился с вопросом об участии Геринга в агрессии против Австрии. Однако мы получили некоторые новые документы, которые показывают, что Геринг не только активно участвовал, но и нес прямую ответственность за проведение немецкого плана об аншлюссе. Я представляю первый из этих документов ПС-3473, под № США-581.

Я не буду оглашать этот документ, но хотел бы обратить внимание Трибунала на письмо Кепплера, который был одним из агентов Геринга, адресованное подсудимому Герингу и датированное 6 января 1938 г. Из содержания этого письма можно обос-

нованно заключить, что Геринг активно действовал в австрийских делах еще в 1937 году. На основании предыдущих доказательств можно было предположить, что он появится на сцене значительно позже. Обвинение считает, что этот документ имеет большое значение, так как он показывает, что подсудимый Зейсс-Инкварт фактически имел указание Геринга выполнять приказы нацистских заговорщиков в Вене. Документ будет оглашен и рассмотрен при представлении материалов об индивидуальной ответственности подсудимого Зейсс-Инкварта. Сейчас я не буду отнимать у Трибунала времени чтением этого документа.

Второй документ, который я хотел бы представить под № США-582, это документ ПС-3472. Он, по-видимому, показывает, что заговорщики пытались создать впечатление того, что аншлюсс был осуществлен законными средствами. Членом нацистской партии в Австрии, очевидно, был дан приказ «руки прочь» для того, чтобы дать возможность провести этот дьявольский план официальными имперскими органами, а именно: подсудимым Герингом и подсудимым фон Папеном в прямом контакте с австрийскими чиновниками.

Оглашаю этот документ:

«Вчера я получил сведения о том, что ландеслейтер Леопольд (так именовался руководитель нацистского движения в Австрии) со своей стороны также начал переговоры с канцлером Шушницгом. В силу этого я просил министерство иностранных дел расследовать правильность этой информации, а в случае если она окажется правильной, принять меры к тому, чтобы такие переговоры не велись, так как они лишь нарушают ход других переговоров».

Я только что узнал от министерства иностранных дел, что они получили доклад из посольства в Вене, который подтверждал эти факты. Поэтому я хотел бы знать, не было ли более подходящим запретить ландеслейтеру Леопольду и другим членам руководства вести переговоры с канцлером Шушницгом, а также с любым другим представителем австрийского правительства по вопросу о проведении в жизнь пакта от 11 июля 1936 г., если это не будет сделано после установления контакта и получения согласия властей, которые занимаются этим вопросом в Германии».

Разрешите обратить внимание Трибунала на пометку на этом письме. Эта пометка сделана синим карандашом, а под ней, хотя в переводе это не указано, имеются инициалы — большая буква «Г». Я не сомневаюсь, что пометка была сделана Герингом. Она гласит:

«Согласен. Лучше всего, чтобы этот приказ был дан министром Гессом или господином Борманом. Поэтому Кепплер должен запросить по телефону».

Справка — наверху еще одна пометка карандашом:

«Передано г-ну Кепплеру госпожой Кест 11 февраля 1938 г.». Там также имеется инициал «Г». Но мы уверены, что на этот раз этот инициал обозначает фамилию госпожи Грундманн, одного из секретарей Геринга.

Третий документ я представляю под № США-583 — это документ ПС-3471. Первое письмо, содержащееся в этом документе, написано тем же Кепплером тому же Боденшатцу, фамилия которого упоминалась недавно, но который к тому времени стал генералом.

С разрешения Трибунала я не буду оглашать этот документ. Я лишь вкратце изложу его содержание. Это письмо и приложения показывают, что Леопольд, то есть нацистский ландеслейтер в Австрии, по-видимому, полностью не хотел подчиняться приказам из Берлина и следовал своим собственным методам для осуществления аншлюсса. Второе приложение к этому письму, которое адресовано Кепплеру и из которого следует, что он был обергруппенфюрером СС, показывает, что руководящие нацисты в Австрии высказались за то, чтобы в качестве ландеслейтера Леопольда сменил майор Клауснер. Обращая внимание Трибунала на этот факт, что слева на препроводительном письме имеются пометки красным карандашом, тем карандашом, которым, как нам известно, часто писал Геринг. Эти пометки показывают, что Геринг лично видел эти документы и что генерал Боденшатц обратил на них его внимание. Во всяком случае, эти документы показывают, что Геринг был одним из основных заговорщиков в австрийском вопросе. Когда 11 марта 1938 г., наконец, наступило время для проведения аншлюсса, Геринг занимал командное положение. Вечером того дня он по телефону руководил деятельностью подсудимого Зейсс-Инкварты и других нацистских заговорщиков в Вене.

Вы также помните, что в тот же вечер, 11 марта 1938 г., он продиктовал подсудимому Зейсс-Инкварту текст телеграммы, которую последний должен был направить нацистскому правительству в Берлин с просьбой послать германские войска для того, чтобы «предотвратить кровопролитие». Через два дня он позвонил подсудимому Риббентропу, находившемуся в Лондоне, и с радостью рассказал ему о своих успехах. Кроме того, он сказал, что «эта басня о том, что мы предъявили ультиматум, является глупой басней». Я хотел бы заметить, что эта выдержка, на которую я только что сослался, имеется на 581 странице стенограммы.

Геринг также играл важную роль при проведении нападения на Чехословакию. В марте 1938 года во время «аншлюсса» он дал торжественное заверение чехословацкому посланнику в Берлине о том, что события в Австрии не нанесут никакого ущерба

отношениям между Германией и Чехословакией. Он подчеркнул, что Германия постоянно и искренне стремится улучшить эти отношения. В этой связи Геринг сказал: «Я даю вам честное слово».

С другой стороны, выступая на уже упомянутом мною совещании германских авиационных промышленников 8 июля 1938 г., он ясно высказал свое личное мнение по этому вопросу, которое далеко не соответствовало его торжественным официальным заявлениям.

14 октября 1938 г., вскоре после заключения Мюнхенского соглашения, на совещании в министерстве авиации Геринг заявил, что ресурсы Судетской области должны быть использованы всеми средствами и что он рассчитывает на полную промышленную ассимиляцию Чехословакии, тем временем как предоставленные Трибуналу доказательства показывают, что он с этой же целью обманывал представителей марионеточного словацкого правительства.

На следующий год после совершения насилия над Чехословакией Геринг откровенно заявил, каковы были цели Германии в течение всего этого периода. Он объяснил, что включение Богемии и Моравии в германскую экономику было осуществлено, в частности, для того, чтобы увеличить германский военный потенциал путем использования находящейся в Чехословакии промышленности.

Геринг также был движущей силой в совершении последующих преступлений против мира. В качестве назначенного преемника Гитлера, командующего военно-воздушными силами и «экономического диктатора великой Германии» он был участником всей подготовки к военным операциям нацистских вооруженных сил на Востоке и на Западе.

Например, в отношении Польши именно Геринг 31 января 1935 г. дал через графа Чембека заверение польскому правительству, как это указано в польской «Белой книге», которую я прошу Трибунал принять без доказательств, что «в Польше не должно существовать ни малейшей боязни того, что с германской стороны он (то есть германо-польский союз) не будет продолжать действовать и в будущем». Однако через 4 года Геринг помогал составлять планы безжалостного вторжения на польскую территорию.

В отношении нападения на Советский Союз уже представленные документы показывают, что планы безжалостного использования ресурсов советской территории были составлены за много месяцев до начала военных действий. Геринг был поставлен во главе этой армии по ограблению, задачей которой был «захват сырья и всех важных предприятий».

Эти специфические примеры, на которые я ссылаюсь, являются лишь иллюстрацией деятельности Геринга в области агрессивной войны. На страницах 20, 21 и 22 нашего доосье имеется далеко не исчерпывающий список документов, которые уже были представлены обвинением и которые указывают на то, что Геринг знал и постоянно участвовал в проведении нацистской военной программы.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКИМ
ОБВИНИТЕЛЕМ ПОДПОЛКОВНИКОМ
ГРИФФИТ-ДЖОНСОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПОДСУДИМОГО ГЕССА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 7 февраля 1946 г.]*

Я буду говорить сейчас о той роли, которую подсудимый играл в подготовке к агрессивной войне. Уже в 1932 году он занимался вопросами вооружения и реорганизации воздушных сил. Трибунал вспомнит документ ПС-1143, доказательство США-40, датированный 20 октября 1932 г., из которого явствует, что начальником штаба Геринга Гессу был послан отчет о подготовке материальной части и персонала воздушных сил.

Это было в 1932 году. В течение ряда лет мы можем проследить его отношение к вооружению германских воздушных сил. 16 марта 1935 г. Гесс подписал декрет о введении обязательной воинской повинности. В речи, произнесенной 12 октября 1936 г., он подхватил лозунг Геринга «Пушки вместо масла», сказав:

«Мы готовы в будущем, если будет необходимость, иногда есть немного меньше жиров, немного меньше свинины, немного меньше яиц, поскольку мы знаем, что эта маленькая жертва является жертвой, принесенной на алтарь свободы нашего народа. Мы знаем, что сэкономив таким образом на импорте, мы ускорим производство вооружения». И сегодня все еще очень своевременно звучит лозунг: «Пушки вместо масла».

В мае 1941 года Гесс произнес речь на заводе Мессершмидта. В этой речи Гесс сказал:

«Германский солдат должен понимать, что за совершенство и обилие его оружия и материальной части он должен быть благодарен Адольфу Гитлеру, в течение многих лет неустанно посвящавшему этому свои усилия».

Одним из наиболее важных видов участия, которое принял этот подсудимый в подготовке к агрессивной войне, явилась организация германской «пятой колонны». В качестве заместителя

фюрера он был ответственным за заграничную организацию нацистской партии. История этой организации, кратко изложенная, имеется в американском официальном издании — документ ПС-3258, ВВ-262.

Я упомяну сейчас только о двух вопросах. В октябре 1933 года эта организация была поставлена под непосредственный контроль Гесса, а годом позже сам Гесс дал ей укрепившееся за ней название «Заграничной организации» (аусландорганизацион). В этой организации были объединены различные отделы: гражданской службы, культуры, прессы и пропаганды, «трудового фронта», внешней торговли, различные отделы, связанные с германским торговым флотом, что предоставляло, конечно, отличные возможности для распространения нацистской пропаганды во все порты мира.

Трибунал уже много слышал о подобной же организации, руководимой Розенбергом, т. е. об иностранном отделе партии. Мне кажется, что различие между этими двумя организациями можно определить в нескольких словах. Оно заключается в том, что иностранный отдел партии занимался вербовкой лиц не немецкого происхождения и пропагандой среди них, в то время как заграничная организация занималась работой среди немцев, живущих за границей, которые, конечно, должны были создать базу для деятельности «пятой колонны» в последующие годы. Члены Трибунала увидят, что под заголовком «Масштаб работы организации» имеются два документа. Мне кажется, что сейчас достаточно сослаться на первый из них — ПС-3401, который я представляю как ВВ-263.

Это статья из «Фелькишер беобахтер», которая начинается словами: «Национал-социализм является идеологией, которая должна стать достоянием наших братьев — немцев и сплотить их для того, чтобы они твердо придерживались германского характера и обычаев». И дальше говорится о том, что орудием практического применения этой политики и принципов является заграничная организация нацистской партии, которая подчинена непосредственно заместителю фюрера — Гессу. Я процитирую последние три строчки этого абзаца:

«Деятельность заграничной организации охватила буквально земной шар, и следующий лозунг мог бы вполне справедливо быть вывешен в помещении этой организации в Гамбурге: «Поле моей деятельности — весь мир». Заграничная организация под руководством гаулейтера Боле, которому помогает большой штат экспертов и квалифицированных сотрудников, сейчас включает более 350 национальных групп и центров нацистской партии во всех частях света и в дополнение к этому она также связана с большим числом отдельных работников партии в самых различных местах».

Ради экономии времени я не буду ссылаться на остальные документы, касающиеся деятельности и масштабов работы этой организации.

Две другие организации, которые подчинялись заграничной организации, назывались: «Национальный союз немцев, живущих за границей» — ФДА и «Союз немцев Востока» — БДО.

Я прошу членов Трибунала обратиться к документу, который они найдут на странице 38 книги документов. Это письмо, подписанное Гессом и датированное 3 февраля 1939 года, представляющее собой документ ПС-837, который я представляю как ВВ-265. Это циркулярный приказ, не подлежащий оглашению. Тема: «Национальный союз немцев, живущих за границей, и союз немцев Востока». Я цитирую первый параграф:

«Директор агентства по вопросам, касающимся немцев вне империи, группенфюрер СС Лоренц...» Это агентство — «Фольксдейче Миттельштелле» было другой аналогичной заграничной организацией, руководимой Гиммлером и СС. Без сомнения, все они преследовали одни и те же цели. Цитирую снова:

«Директор этого агентства от моего имени разработал следующее новое руководство по вопросам, связанным с проблемой расы и с работой в пограничных областях. Национальный союз немцев, живущих за границей, — ФДА представляет собой ассоциацию, проводящую работу среди лиц германской национальности за границей».

Я перехожу к последним двум строчкам этого абзаца: «ФДА разделена на федеральные ассоциации, территориально соответствующие областным делениям НСДАП».

И затем две первые строки следующего абзаца:

«Союз немцев Востока» (БДО) представляет собой объединение, ответственное за работу в пограничных областях».

Я обращаюсь к следующей странице — к четвертому абзацу этого письма:

«ФДА является единственной организацией, отвечающей за работу по расовой линии за границей. Настоящим я запрещаю партии, ее организациям и ее дочерним ассоциациям проводить какую-либо работу по расовой линии за границей. Единственным компетентным органом для выполнения этой задачи является агентство по вопросам, касающимся немцев вне империи, и ФДА в качестве его замаскированного орудия. Внутри самой империи ФДА, в общем, является ответственной лишь за обеспечение средств, необходимых для работы по расовой линии за границей. Партийные организации должны всемерно поддерживать ФДА. Однако следует избегать любого внешнего проявления связи партии с ней».

Дальше рассматривается деятельность БДО, и в последнем абзаце говорится: «Партийные учреждения должны всемерно

поддерживать деятельность ФДА и БДО. Национал-социалистские руководители обеих ассоциаций со своей стороны должны обеспечить энергичное сотрудничество во всех задачах, возложенных на них нацистской партией. Характер этих задач определяется соображениями иностранной политики, и ассоциации должны иметь это в виду, выступая публично».

Я перехожу сейчас к рассмотрению вопроса о деятельности заграничной организации, которая явилась, как я сказал, основой для образования пятой колонны в начале войны.

Я перехожу к рассмотрению участия Гесса в подготовке оккупации Австрии и Чехословакии, которая вела к самым агрессивным войнам.

Гесс принимал участие в подготовке оккупации Австрии с самого начала.

Осенью 1934 года она назначил Рейнтхалера руководителем нацистской организации крестьян в Австрии после провала восстания в июле 1934 года. Об этом было уже представлено доказательство (документ ПС-812, США-61).

Другой документ, который уже был представлен как доказательство за № ПС-3254, США-704, представляет собой заявление Зейсс-Инкварта, в котором он упоминает о встрече с Герингом и Гессом.

В то утро, когда германские войска фактически вошли в Австрию — 12 марта 1938 г., Гесс и Гиммлер были первыми германскими правительственными лидерами, которые появились в Вене к полудню этого дня.

Именно Гесс на следующий день подписал закон от 13 марта о присоединении Австрии к германской империи. И Трибунал, без сомнения, вспомнит то событие, которое было подробно описано господином Олдерманом. Я имею в виду скандальное торжество по поводу годовщины убийства Дольфуса, торжество, которое состоялось 24 июля 1938 г. и кульминационным пунктом которого была речь Гесса.

Я прошу Трибунал обратиться к документу, находящемуся на странице 165 книги документов и проливающему, благодаря его собственным словам, некоторый свет на деятельность Гесса в связи с Австрией, а также с Чехословакией. Это речь, произнесенная им 28 августа 1938 г. на ежегодном собрании заграничной организации, документ ПС-3258, который уже был представлен как ВВ-262. Я процитирую последний, третий абзац на странице 165 книги документов:

«Заканчивая свое выступление, Рудольф Гесс вспомнил дни прошлого года в Штутгарте, когда немецкие мужчины и женщины, немецкие юноши и девушки в национальных костюмах появились там, охваченные энтузиазмом при мысли об идеалах великой Германии, до глубины души взволнованные национал-

социализмом, но тем не менее формально оставаясь немцами, имеющими иностранное подданство».

Гесс продолжал: «Сегодня они снова открыто стоят в наших рядах. Счастливые и гордые, они пройдут в рядах национал-социалистского движения мимо своего фюрера в Нюрнберге. И на этот раз они будут германскими гражданами. Сердца наши наполняются радостью, когда мы видим их. Они выдержали продолжительную и жестокую битву, битву против предательского и лживого врага» и т. д.

На следующей странице, 166, и далее говорится о борьбе судетских немцев:

«Германский народ смотрит на своих собратьев по расе в Чехословакии с глубоким сочувствием к их страданиям. Никто из тех, кто любит свой собственный народ и гордится им, не упрекнет нас, если отсюда мы обращаем наши мысли к судетским немцам, если мы скажем им, что, проникнувшись восхищением, мы видим, как они поддерживают железную дисциплину, несмотря на ужаснейшие интриги, несмотря на террор и убийства».

Я не думаю, пожалуй, что необходимо зачитывать далее этот документ, но он показывает, как я уже сказал, наличие у Гесса интереса к Чехословакии, а документом ПС-3061, который уже был представлен как США-126, было доказано, что в течение всего лета 1938 года, — а эта речь была произнесена в августе 1938 года, — периодически велись переговоры между Генлейном и Гитлером, Гессом и Риббентропом об общем положении в Чехословакии. Но что полностью изобличает Гесса в участии в этом действии, так это, без сомнения, письмо от 27 сентября 1938 г., которое Трибунал уже знает. Оно было написано Кейтелем Гессу с просьбой о том, чтобы партия приняла участие в секретной мобилизации, которая должна была произойти даже без изобретения для этого нового кодового слова. Это письмо было написано 27 сентября 1938 г. Это документ ПС-388, представленный как доказательство США-26.

Я хочу обратить внимание Трибунала на один краткий документ. Это другая речь подсудимого, произнесенная 7 ноября 1938 г., по случаю слияния организации судетских немцев с нацистской партией Германии:

«Если бы мы должны были защищать свои права, то всем следовало бы узнать нас, немцев-национал-социалистов. Фюрер, — заявил он среди гремющих оваций, — познал этот урок: он вооружился со скоростью, которую никто не считал возможной. Когда фюрер достиг власти и, в особенности, с тех пор, как фюрер пробудил решимость германского народа употребить силу для того, чтобы защищать свои права, создалась возможность для того, чтобы права Германии были признаны».

Можно удивиться, о каких правах могла идти речь в то время, в ноябре 1938 года, после того, как Гитлер уже сказал 26 сентября, что у него больше нет территориальных притязаний, по крайней мере, в Европе.

Я обращаюсь к доказательствам об участии Гесса в ведении агрессивной войны против Польши. На странице 16 книги документов помещен отчет о речи, произнесенной им 27 августа 1939 г., которая показывает, что он тогда, по крайней мере, принимал участие в официальной пропаганде, активно проводившейся в те дни для мирового общественного мнения за два дня до того, как была начата война.

Я цитирую второй абзац:

«Рудольф Гесс, постоянно прерываемый бурными аплодисментами как германских граждан, проживающих за границей, так и со стороны сограждан из района Штирии, подчеркнул беспримерное терпение, проявленное немцами по отношению к Польше, которое выразилось в великодушном предложении фюрера, обеспечившем мир между Германией и Польшей. Об этом предложении мистер Чемберлен, по-видимому, забыл, поскольку он говорит, что он ничего не слышал о том, чтобы Германия пыталась разрешить некоторые острые современные проблемы путем мирных переговоров. Чем же могло быть подобное германское предложение, как не такой попыткой?»

Затем он продолжает, обвиняя Польшу в ведении агитации за войну, в отсутствии ответственности и т. д.

После захвата Польши Гесс подписал декрет, по которому Данциг вошел в германскую империю, декрет от 1 сентября 1939 г. о присоединении польских территорий к империи, а 12 октября 1939 г. им был подписан декрет о польской территории, согласно которому должны были быть изданы дальнейшие постановления об экономических мероприятиях на этих территориях. Все эти декреты опубликованы в «Рейхсгезетцблатт».

По линии представления доказательств, касавшихся организации Гессом «пятой колонны», — это все, что я предполагаю предъявить в связи с Польшей. Мое мнение из этого должно быть ясно, оно заключается в том, что подсудимый был глубоко замешан как в планировании, так и в подготовке агрессивной войны.

Я перехожу теперь к представлению имеющихся доказательств касательно отлета подсудимого Гесса в Англию 16 мая 1941 г.

В тот вечер он приземлился в Шотландии в 12 милях от резиденции герцога Гамильтона и немедленно попросил, чтобы его доставили к герцогу, которого он хотел видеть. Он назвался чужим именем. На следующий день, 11 мая, он имел беседу с герцогом Гамильтоном, отчет о которой изложен в приложении к книге документов. Я прошу Трибунал обратиться сейчас к этому маленькому приложению к книге документов.

Председатель: Удостоверен ли соответствующим образом этот документ?

Гриффит-Джонс: Да, он удостоверен, и подлинник заверен как правительственный отчет из архивов министерства иностранных дел в Лондоне. Имеется всего четыре отчета, взятых из архива министерства иностранных дел, и все они заверены как отчеты министерства иностранных дел.

Первый, на который я сошлюсь, это документ М-116, представляемый мною как ВВ-269. Это отчет о беседе Гесса с герцогом Гамильтоном 11 мая 1941 г. Я могу изложить вкратце большую часть этого отчета, сказав, что он представился как Гесс. Он заявил, что он познакомился с герцогом Гамильтоном на олимпийских играх в 1936 году и что его старый друг Гаусгофер, у которого он учился в Мюнхенском университете после прошлой войны, предложил, чтобы он, Гесс, установил контакт с герцогом Гамильтоном.

Он сказал, что для осуществления этого он пытался вылететь три раза, в первый раз в декабре предыдущего 1940 года. Причины его посещения, как он изложил их тогда, можно найти на второй странице этого документа. Я начну цитировать с конца четвертой строки.

Еще раньше, во время беседы, он заявил, что Германия желает заключить мир с Англией, что Германия уверена в победе и что сам он якобы стремился остановить ненужную бойню, которая в противном случае неизбежно имела бы место. Далее записано:

«...Он спросил меня, смогу ли я собрать руководящих лиц моей партии для того, чтобы переговорить по разным вопросам, связанным с мирными предложениями. Я ответил, что в этой стране имеется не одна партия. Тогда он сказал, что он мог бы сообщить, на каких условиях Гитлер хотел бы заключить мир...»

...Во-первых, он настаивал бы на таких условиях, согласно которым наши две страны никогда бы больше не воевали. Я спросил его, на каких же условиях может состояться подобное соглашение. Он ответил, что одним из условий будет, конечно, отказ Британии от ее традиционной политики всегда противостоять сильнейшей державе в Европе».

Я полагаю, что нет никакой необходимости зачитывать далее этот документ, поскольку в последующих беседах, состоявшихся 13, 14 и 15 мая с господином Киркпатриком из министерства иностранных дел, затрагиваются те же предложения.

Я обращаюсь к документу М-117, ВВ-270, который представляет собой другой официальный отчет о беседе с господином Киркпатриком 13 мая. Я могу также вкратце изложить его содержание.

Гесс начал с разъяснения ряда последовательных обстоятельств, которые привели его к настоящему положению, охватив всю историю Европы с конца прошлой войны до настоящего времени. Он говорил о событиях в Австрии, Чехословакии, Польше, Норвегии, заявляя каждый раз, что Германия во всех этих случаях была права и что Германия должна была вмешиваться в события только в результате вины Англии и Франции. В развязывании войны он целиком обвинял Англию.

Он заявил — здесь я процитирую один абзац, касающийся Мюнхена и представляющий интерес:

«Чехословацкий кризис был вызван решимостью Франции, выраженной французским министерством военно-воздушных сил, сделать Чехословакию воздушной базой против Германии. Долгом Гитлера было не допустить осуществления этого заговора. Вмешательство мистера Чемберлена и конференция в Мюнхене были источником большого облегчения для Гитлера».

Следует вспомнить, что на этом процессе цитировались слова Гитлера, когда он высказывался о том, что он никогда не имел намерения вообще придерживаться этого соглашения, что этого никогда не будет.

Я продолжаю рассматривать этот документ. Затем он сказал о том, что Германия должна выиграть войну. Он заявил, что бомбежки Англии только начались, причем начаты с большой неохотой; что производство подводных лодок в Германии огромно, что на оккупированных территориях у Германии имеются большие ресурсы сырья, что вера в Гитлера и в окончательную победу нерушимы и что не имеется никаких опасений революции со стороны германского народа.

Он излагает дальше причины, вызвавшие его прибытие на самолете, связанные с его ужасом перед перспективой продолжительной войны. Англия не может выиграть войну, и поэтому лучше сейчас же заключить мир. Он сказал, что у фюрера нет никаких враждебных намерений в отношении Англии, что у него нет намерений добиться мирового господства и что он глубоко сожалел бы, если бы Британская империя была разрушена.

Я цитирую последние строчки большого абзаца в середине страницы:

«В этом месте Гесс попытался заставить меня содрогнуться, подчеркивая, что алчные американцы имеют враждебные планы по отношению к империи. Канада, несомненно, будет присоединена к Соединенным Штатам...»

...Говоря о мнении Гитлера, он сказал, что недавно, 3 мая, после речи в рейхстаге, Гитлер заявил ему, что у него нет захватнических притязаний по отношению к Англии.

Гесс предложил в качестве разрешения проблемы, чтобы Англия дала возможность Германии сделать все, что она пожелает

в Европе, а за это Германия даст Англии полную свободу в ее империи с единственным только условием, что Германии будут возвращены бывшие колонии, которые ей необходимы, как источник сырья. Для того чтобы дать ему возможность высказаться на тему отношения Гитлера к России, я спросил его, включает ли Гитлер Россию в Европу или в Азию. Он ответил: «В Азию». Я сказал тогда, что согласно условиям его предложения, так как Германия будет иметь возможность свободно действовать только в Европе, она не сможет напасть на Россию. Гесс немедленно реагировал, заметив, что у Германии есть определенные требования к России, которые должны быть удовлетворены или путем переговоров или в результате войны. Однако он добавил, что слухи, которые сейчас распространяются о том, что Гитлер намеревается вскоре напасть на Россию, не имеют оснований.

Я спросил тогда, какие цели ставит перед собой Италия, и он сказал, что это ему не известно. Я сказал, что это довольно важный вопрос. Он обошел этот вопрос и выразил уверенность, что требования Италии не будут чрезмерными. Я высказал мысль о том, что вряд ли Италия заслуживает чего-либо, но он просил подойти к этому вопросу по-другому. Италия оказала Германии большие услуги, и, кроме того, Англия после прошлой войны компенсировала такие побежденные страны, как Румыния.

В конце концов, когда мы выходили из комнаты, Гесс бросил прощальную фразу. Он забыл подчеркнуть, заявил он, и это надо иметь в виду, что предложение может быть рассмотрено только в том случае, если переговоры между германским и британским правительствами будут иметь место при другом британском правительстве. Он заявил, что господин Черчилль, планировавший войну с 1936 года, и его сотрудники, которые отнеслись благосклонно к этой политике войны, не являются лицами, с которыми фюрер мог бы вести переговоры...»

Я перехожу к следующему документу — к беседе от 14 мая, изложенной в документе М-118, доказательство ВВ-271. Беседа начинается с нескольких жалоб Гесса на обращение с ним и с целого ряда просьб, включая просьбу дать ему книгу «Трое в одной лодке», что является одним из очень немногих признаков, указывающих на то, что кто-либо из этих подсудимых обладает какой-то культурой или нормальными человеческими чувствами.

Он описывает свой полет в Англию, затем — я цитирую с третьего абзаца:

«Затем он перешел к политическим вопросам. Он сказал, что, подумав, он вспомнил, что упустил еще два условия, связанных с мирными предложениями. Первое: Германия не может оставить Ирак в нужде. Жители Ирака сражались за Германию, и поэтому Германия будет просить нас, чтобы мы эвакуировались из Ирака. Я заметил, что это выходит за рамки первоначальных пред-

ложений о том, что интересы Германии ограничиваются Европой, но он возразил, что в целом его предложение более чем справедливое. Второе условие заключалось в том, что мирное соглашение должно включать в себя пункт о взаимном возмещении для британских и германских подданных, чья собственность была конфискована во время войны.

В заключение господин Гесс сказал, что он хочет внушить нам, что Германия должна выиграть войну путем блокады. Мы не представляем себе, какое количество подводных лодок строится теперь в Германии. Он сказал, что Гитлер всегда делает все в больших масштабах и что опустошительная подводная война при поддержке ее самолетами новых типов очень скоро приведет к установлению полной и действенной блокады Англии. Бесцельно предполагать, что, если бы Англия капитулировала, империя продолжала бы вести войну. Намерением Гитлера при такой возможности является продолжать блокаду Англии, даже если капитулируют Британские острова. Таким образом, мы были свидетелями преднамеренного предания голодной смерти населения этих островов...»

Я думаю, что могу уже закончить рассмотрение этой беседы, поскольку в ней больше ничего нового нет. Я перехожу к следующему документу — М-119, ВБ-272, представляющему собой отчет о третьей и последней беседе Гесса с господином Киркпатриком 15 мая. Прочитую третий абзац. В начале беседы есть упоминание об Ираке, а затем мистер Киркпатрик пишет:

«Затем я поднял перед ним вопрос об Ирландии. Он сказал, что во всех его беседах с Гитлером Ирландия никогда не упоминалась, — разве что случайно. Ирландия ничего не сделала для Германии в этой войне, и поэтому предполагалось, что Гитлер не будет интересоваться англо-ирландскими отношениями. Мы ненадолго остановились на трудностях уладить интересы Севера и Юга, а затем перешли к американским интересам в Ирландии и, таким образом, к Америке.

По вопросу об Америке Гесс изложил следующую точку зрения: немцы принимают во внимание возможность вмешательства Америки и не боятся его. Им известно все о производстве американской авиационной промышленности и о качестве самолетов. Германия может построить больше, чем Англия и Америка, вместе взятые. У Германии нет никаких планов в отношении Америки. Так называемая «германская опасность» является нелепым плодом воображения. Интересы Гитлера ограничиваются Европой.

Если мы заключим мир сейчас, Америка будет в бешенстве, Америка, несомненно, хотела бы унаследовать Британскую империю.

В заключение Гесс сказал, что Гитлер действительно желает установления прочного взаимопонимания с нами на основе, кото-

рая сохранит целостность империи¹. Целью его собственного полета было предоставить нам возможность начать переговоры без ущерба для нашего престижа, и, если мы откажемся от такой возможности, это будет явным доказательством того, что мы не хотим взаимопонимания с Германией, тогда Гитлер будет иметь право, — собственно это будет его долг, — полностью разгромить нас и держать после войны в состоянии полного подчинения».

Эти отчеты раскрывают главную цель полета Гесса. Причины будто бы гуманного характера, приводимые им в объяснение его прибытия в Англию и так хорошо звучавшие между 10 и 15 мая, получили совсем новое освещение, когда немногим больше чем через месяц Германия напала на Советский Союз.

Невозможно не провести параллель между этим положением и тем, которое существовало до того, как Германия напала на Польшу, когда были сделаны все усилия, чтобы не дать Англии вступить в войну и, таким образом, вести войну только на одном фронте. По-видимому, тут происходило то же самое, и, более того, во время этих бесед сам Гесс заявлял, что Германия в то время якобы не имела намерения немедленно напасть на Россию. Но это очевидная ложь, поскольку, как следует вспомнить — и доказательства этому изложены в судебных выдержках, — еще в ноябре 1940 года разрабатывались планы вторжения в Россию.

Согласно директиве от 18 декабря 1940 г. было приказано закончить подготовительные мероприятия к 15 мая 1941 г. 3 апреля 1941 г. были отданы приказы, согласно которым выполнение «плана Барбаросса» было отложено на пять недель, а 30 апреля 1941 г., за десять дней до прибытия Гесса в Англию, была назначена точная дата вторжения в Россию — 22 июня.

Таким образом, я полагаю, что подсудимый Гесс, занимавший такие посты, как руководитель заграничной организации НСДАП, заместитель фюрера, за год до того назначенный его преемником, не мог не знать об этих приготовлениях и планах.

Поэтому я полагаю, что единственная причина, из-за которой Гесс прилетел в Англию, носила совсем не гуманный характер. Он прилетел лишь для того, чтобы дать возможность Германии вести войну против России только на одном фронте.

У меня имеется один документ, представляющий чрезвычайный интерес с многих точек зрения и который только что был обнаружен. Я просил вложить его в конец книги документов Трибунала, но этого не было сделано. У меня есть несколько экземпляров, которые могут быть вручены сейчас.

Это документ ПС-1866, который я представляю как доказательство ВБ-273. Это запись совещания между Риббентропом, Муссолини и Чиано 13 мая 1941 г., подписанная Шмидтом.

¹ Имеется в виду Британская империя. — Составители.

Тогда существовал и сейчас еще существует вопрос, был ли предпринят полет Гесса в Англию с ведома и одобрения Гитлера или других членов правительства или же Гесс сделал это по собственной инициативе и совершенно тайно. Сам он всегда утверждал, что он сделал это тайно. С другой стороны, трудно представить себе, как он мог это планировать в течение нескольких месяцев и три раза пытаться осуществить этот план так, чтобы никто об этом не знал.

Запись разговора с итальянцами проливает слабый свет на это обстоятельство, но во всяком случае показывает, что именно Риббентроп сказал своим итальянским союзникам три дня спустя. Я прошу Трибунал взглянуть на первую страницу этого документа и на один абзац следующей страницы:

«Вначале имперский министр передал дуче ответ фюрера. Вслед за этим он предложил дуче дату встречи, которая, согласно его желанию, должна произойти как можно скорее. В качестве места для встречи он, очевидно, выберет Бреннер. В настоящее время он как дуче должен понять, все еще занят делом Гесса и несколькими военными вопросами.

Дуче ответил, что он согласен со всеми предложениями фюрера» и т. д.

«Имперский министр иностранных дел сказал затем, что фюрер послал его к дуче за тем, чтобы информировать его о деле Гесса и о беседе с адмиралом Дарланом по поводу этого дела. Он заметил, что фюрер был совершенно потрясен действиями Гесса и что это были действия лунатика.

Гесс долгое время страдал от желчи и попал под влияние гипнотизеров и гомеопатов, которые еще более ухудшили состояние его здоровья.

Все эти вопросы в настоящий момент расследуются так же как и ответственность адъютантов, которым было известно о запрещенных полетах Гесса. В течение нескольких недель Гесс проводил пробные полеты на «ME-110». Он, конечно, действовал из идеалистических побуждений. Его верность фюреру не подлежит никакому сомнению. Его поведение может быть объяснено лишь каким-то мистицизмом и состоянием его рассудка, вызванным болезнью».

Беседа продолжалась далее, и сущность ее сводилась к тому, что Риббентроп снова подчеркивал, что Гитлер не уполномочивал Гесса лететь в Англию и что этот полет был совершен без чего-либо ведома в Германии.

Председатель: Не прочтете ли вы начало следующего абзаца?

Гриффит-Джонс: «Симпатизируя Англии, Гесс задумал осуществление мысли об использовании фашистских кругов Великобритании для того, чтобы принудить Британию сдаться. Он объяснил все это в длинном и бессвязном письме к фюреру.

Когда письмо дошло до фюрера, Гесс уже был в Англии. В Германии надеялись, что несчастный случай в пути задержит его, но в настоящее время он уже находится в Англии и уже попытался связаться с бывшим маркизом Клайдадейлом, сейчас герцогом Гамильтоном. Гесс совершенно ошибочно решил, что он (Гамильтон) большой друг Германии, и поэтому приземлился по соседству с его замком в Шотландии».

Это то, что Риббентроп сказал Муссолини. Мы знаем, что Риббентроп — лжец. Доказательством этому — то, что он заявил позднее во время беседы. Я обращусь сейчас к концу четвертой страницы. Я прошу Трибунал заслушать этот документ, поскольку, если бы этот документ был уже известен, он, несомненно, был бы представлен ранее как доказательство в течение этого процесса. И поскольку я сейчас представляю его, прошу разрешить мне зачитать этот один абзац, который непосредственно касается подсудимого Риббентропа:

«Дуче вернулся к своему замечанию касательно единого фронта Европы против Англии и двух стран — Испании и России, которые не входили в него. Он сказал, что с его точки зрения было бы выгодно, если бы с Россией проводилась политика сотрудничества. Он спросил имперского министра иностранных дел, исключает ли Германия такую возможность, то есть сотрудничество с Россией. Имперский министр иностранных дел ответил, что у Германии есть договоры с Россией и что отношения между двумя странами являются нормальными. Он лично не верит, чтобы Сталин предпринял что-либо против Германии, но если бы он это сделал или если бы он стал проводить неприемлемую для Германии политику, тогда он был бы разгромлен в течение трех месяцев. Дуче согласился с этим.

Затем, — снова говорит Риббентроп, — фюрер, конечно, не хочет никаких столкновений, но тем не менее он принимает предохранительные меры против любой возможности. Он еще не пришел ни к какому решению, но в результате некоторых событий и недостаточно ясной позиции русских, он стал подозрителен. Так, например, русские увеличили свои силы вдоль западной границы, что, конечно, вынудило Германию также увеличить свои войска, но только после того, как русские это начали».

На самом деле, было бы удивительным такое положение в германском правительстве, при котором Гитлер и министр иностранных дел не знали 13 мая 1941 г., что Германия собиралась через месяц напасть на Россию.

Это — доказательства, которые я должен был представить Трибуналу по этому вопросу.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ
ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
ДЭВИДОМ МАКСУЭЛЛ-ФАЙФОМ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО
РИББЕНТРОПА

*[Из стенограммы заседаний Международного Военного
Трибунала от 8 и 9 января 1946 г.]*

...Я перехожу ко второй части обвинений, изложенных в Обвинительном заключении, где говорится, что подсудимый Риббентроп совместно с нацистскими заговорщиками участвовал в политическом планировании и подготовке агрессивных войн и войн в нарушение международных договоров, соглашений, гарантий и обязательств. Я думаю, что для Трибунала окажется удобным, если я буду представлять доказательства вкратце и в такой же последовательности, в какой совершались агрессии, и буду вкратце упоминать о тех частях обвинения, которые уже излагались Трибуналу, обращая внимание Трибунала только на те представляемые мною документы, которые не представлялись ранее.

Первая часть моих доказательств относится к аншлюссу Австрии. Трибунал вспомнит, что подсудимый Риббентроп присутствовал на совещании в Берхтесгадене 12 февраля 1938 г., на котором Гитлер и фон Папен встретились с канцлером Австрии Шушнигом и его министром иностранных дел Гвидо Шмидтом. Трибунал найдет официальный отчет об этой встрече в документе ПС-2461, который я представляю под № ВВ-132. Трибунал также найдет, что точный отчет об этой встрече имеется в документе ПС-1780, который был представлен под № США-72. Это дневник подсудимого Иодля. К данному вопросу главным образом относятся записи в этом дневнике от 11 и 12 февраля 1938 г. Это очень краткие записи, и я надеюсь, что Трибунал будет настолько любезен, что разрешит мне огласить эти выдержки для того, чтобы при помощи записей, сделанных самим подсудимым по поводу встречи с Шушнигом, доказать обвинение против подсудимого Риббентропа. Это документ ПС-1780.

В конце первой страницы этого документа имеется запись, в которой, а также в последующих записях подсудимый Иодль пишет:

«Вечером 12 февраля генерал К. (то есть Кейтель) и генералы фон Рейхенау и Шперле в Оберзальцберге. Шушниг вместе с Гвидо Шмидтом вновь были подвергнуты сильнейшему политическому и военному давлению. В 23.00 Шушниг подписал протокол.

13 февраля. Вечером генерал Кейтель пригласил адмирала Канариса и меня к себе домой. Он сообщил нам, что фюрер приказал продолжать оказывать военное давление путем бутафорской демонстрации военной силы до 15-го числа.

Предложения об этих вводящих в заблуждение маневрах были составлены и представлены фюреру по телефону на утверждение.

14 февраля. В 2 ч. 40 м. получено подтверждение от фюрера. Канарис выехал в Мюнхен в 7-й отдел контрразведки и начал проводить различные мероприятия.

Эффект был быстрым и сильным.

В Австрии создано впечатление, что Германия проводит серьезные военные приготовления».

Любопытно сопоставить эти откровенные записи подсудимого Иодля с бесцветными фразами официального коммюнике, также представленного мною. Таковы факты о встрече с Шушнигом, которые обвинение представляют Трибуналу.

Я прошу Трибунал опустить тот абзац Обвинительного заключения, где говорится, что подсудимый посетил Муссолини перед аншлюссом. Это утверждение приводится со слов одного из его сотрудников, а другой сотрудник отрицает это. Поэтому я прошу Трибунал исключить упомянутый абзац.

Следующий пункт, который не вызывает никаких сомнений, — это телефонный разговор между подсудимыми Герингом и Риббентропом от 13 марта 1938 г., когда подсудимый Риббентроп еще находился в Лондоне.

Трибунал вспомнит, что на этом подробно останавливался мой друг господин Олдерман. Обвинение доказывало лживость утверждения о том, что не предьявлялось никакого ультиматума. Факты, подтверждающие существование такого ультиматума, были вскрыты представленной записью телефонного разговора с подсудимым Герингом в Вене. Затем подсудимый Геринг связался с подсудимым Риббентропом, находившимся в Лондоне, с тем, чтобы последний мог распространять ложную версию среди политических кругов Лондона о том, что якобы никакой ультиматум не предьявлялся. Об этом говорится в записях телефонных переговоров (документ ПС-2949, представленный за № США-76), о которых я уже говорил (стенограмма процесса страница 582).

После возвращения подсудимого из Лондона его третье мероприятие заключалось в следующем: хотя он был назначен министром иностранных дел, в феврале он вернулся в Лондон, чтобы уладить свои дела в посольстве, и он оставался в Лондоне до тех пор, пока не произошел аншлюсс. Но он подписал закон, согласно которому Австрия стала провинцией германской империи. Это документ ПС-2307, который я представляю за № ВВ-133. Ссылка на это имеется в «Рейхсгезетцблатт». Таковы были действия подсудимого в отношении Австрии.

Затем мы переходим к Чехословакии. Здесь вы имеете почти классический пример агрессии, которая проводилась различными путями. Я вновь вкратце обращаю внимание Трибунала только на наиболее важные пункты. Во-первых, вопрос о провоцировании волнений внутри страны, против которой планировалась агрессия.

Подсудимый как министр иностранных дел принимал участие в создании Судетской Германии во главе с Генлейном. В документальных доказательствах, представленных под № США-93, 94, 95, 96 (документы ПС-3060, ПС-2789, ПС-2788, ПС-3059), показаны связи между министерством иностранных дел и Генлейном. Все эти документы уже оглашались моим другом господином Олдерманом.

Я хотел бы только показать Трибуналу эффект этих документов, который заключался в развитии движения судетских немцев для совместных действий с правительством германской империи.

Затем после этого подсудимый Риббентроп 28 мая 1938 г. присутствовал на совещании с Гитлером, на котором Гитлер дал указания о подготовке нападения на Чехословакию. Об этом уже говорилось ранее на странице 742 стенограммы процесса. Я хочу обратить внимание Трибунала на документ ПС-2360, ВВ-134. Это отчет о речи Гитлера, помещенный в «Фелькишер беобахтер». Прошу Трибунал сообразоваться обратить внимание на этот документ, так как эту дату полезно запомнить в истории агрессии против Чехословакии. В этот день Гитлер объявил о своем решении напасть на Чехословакию. Это очень краткая выдержка. И я прошу Трибунал обратить внимание на следующий важный отрывок:

«Ввиду невыносимой провокации, еще более усугубляемой вероломным преследованием и терроризированием наших немцев, мною принято решение, которое заключается в том, чтобы решить вопрос судетских немцев окончательным и радикальным образом».

Это было в январе 1939 года.

Далее говорится:

«28 мая я приказал произвести военные приготовления против этого государства, которые должны быть закончены к 2 октября».

Важно то обстоятельство, что 28 мая были изданы приказы о вступлении в силу «плана Грюн» против Чехословакии, который должен был быть проведен в жизнь в начале октября. Вторая стадия заключалась в том, чтобы «подготовить заранее планы агрессии», третья стадия состояла в обеспечении того, «чтобы соседние государства не могли причинить нам беспокойство».

18 июля 1938 г. подсудимый имел беседу с итальянским послом Аттолико, во время которой обсуждался вопрос нападения на Чехословакию. Об этом говорится в документе ПС-2800, представленном в качестве документального доказательства под № США-85.

Затем происходили дальнейшие переговоры, о которых говорится в документальных доказательствах США-86—87, которые в нашей серии документов имеют № ПС-2791 и ПС-2792.

Мне достаточно указать на значение этих документов, заключающееся в том, что во время этих бесед были открыты перед итальянским правительством замыслы германского правительства выступить против Чехословакии.

Другим государством, заинтересованным в этом, была Венгрия, которая имела определенные планы в отношении некоторых областей Чехословацкой республики. 23 и 25 августа подсудимый Риббентроп присутствовал во время этих переговоров и сам вел переговоры с венгерскими политическими деятелями Имреди и Канья, и об этом говорится в документальных доказательствах США-88 и 89 (ПС-2796 и ПС-2797). Подсудимый стремился к тому, чтобы заручиться поддержкой Венгрии. И хотя венгерское правительство тогда было не подготовлено, чтобы самому принять активное участие, оно отнеслось к плану со всей благожелательностью.

Это подтверждается упомянутыми мною документами. И, если не пожелает Трибунал, я не буду оглашать документов, содержание которых я суммирую таким образом.

Я уже упоминал о том, что поддерживался контакт с судетскими немцами. Это было недовольство, которое существовало долгое время и которое следовало использовать. Но на последующей стадии надо было активизировать это недовольство, возбудить волнения и превратить это недовольство в действие. И так между 16 и 24 сентября германское министерство иностранных дел, главой которого был подсудимый Риббентроп, раздувало волнения в Праге. Это весьма ясно подтверждается документальными доказательствами, представленными под № США с № 97 по № 101 (документы ПС-2858, ПС-2855, ПС-2854, ПС-2853 и ПС-2856). Я перечислил их в хронологическом порядке.

Для Трибунала представит интерес обратить внимание на эти документы.

Эти документы должны следовать сразу же за предыдущим оглашенным мною документом. Начинаю с № 2858. Я обращаю внимание Трибунала на следующую инструкцию министерства иностранных дел, адресованную немецкому посольству в Праге от 19 сентября:

«По просьбе Конрада Генлейна передайте заместителю Кундту, чтобы он немедленно установил контакт со словаками и побудил их начать выставлять свои требования».

В другом документе говорится об арестах и о тех мерах, которые будут приниматься против всех чехов, находящихся в Германии, с тем, чтобы сделать положение более затруднительным.

Такова была роль, которую играл подсудимый во время так называемого мюнхенского кризиса.

Впоследствии, как помнит Трибунал, 29 сентября 1938 г. был подписан Мюнхенский пакт. Это документальное доказательство ВБ-23 (документ ТС-23), уже представленное мною Трибуналу.

После этого я еще раз обращаю внимание Трибунала на весьма интересный документ, который показывает, каких действий со стороны министерства иностранных дел ожидало командование германских вооруженных сил.

Трибуналу уже был представлен документ от 1 октября С-2, под № США-90. Это — обширный документ, в котором перечислялись почти бесчисленные нарушения международного права, имевшие место во время действий в отношении Чехословакии.

Там запрашивалось мнение министерства иностранных дел по всем отдельным случаям. Тогда война не возникла.

Затем, с разрешения Трибунала, мы перейдем ко второй стадии захвата Чехословакии, а именно: после присоединения Судетской области были приняты меры к созданию кризиса в Чехословакии, чтобы использовать его в качестве предлога для захвата остальной части.

Трибунал вспомнит важность этих событий, так как это был первый случай, когда германское правительство нарушило свое собственное заверение о том, что оно ограничится только территориями с германским населением.

В это время подсудимый вновь был активен. 13 марта, когда события приближались к кульминационному пункту, он послал телеграмму германскому послу в Праге, который был его подчиненным, в которой он предписывал:

«Чешское правительство не должно иметь возможности установить с Вами контакт в течение ближайших нескольких дней, если оно того пожелает». Это документ ПС-2815, доказательство США-116.

В то же время он виделся с членами делегации пронацистски настроенных словаков в Берлине во время совещания с Гитлером, на котором присутствовал Тисо. Одному из руководителей про-

нацистски настроенных словаков были даны указания провозгласить создание независимости Словацкого государства с целью содействовать распаду Чехословакии.

Об этом говорится в документе ПС-2802, представленном под № США-117. Трибунал может сравнить это с предыдущим совещанием с другим словаком — Тука, происходившим месяцем раньше, о котором говорится в документе ПС-2790, США-110. Таким образом подсудимый вновь содействовал разжиганию внутренних волнений.

Затем 14 марта 1939 г., на следующий день, Гаха, президент Чехословакии, был вызван в Берлин. Подсудимый Риббентроп присутствовал во время этой встречи. Здесь, как помнит Трибунал, было оказано обычное давление и применялись угрозы, пока престарелый президент не дал согласия на передачу Чехословацкого государства Гитлеру. Трибунал найдет это на 911 стр. официальной стенограммы. К этому относится и документальное доказательство США-118, ПС-2798. Это протокол беседы между Гитлером и Гаха, на которой присутствовал подсудимый. Вы найдете это также в отчете Чехословацкого правительства, документ ПС-3061, США-126.

Это был конец существования чешской части Чехословакии.

На следующей неделе подсудимый подписал договор со Словакией. Это документ ПС-1439. Я представляю его в качестве доказательства за № ВБ-135. Я хочу обратить внимание на статью, имеющую наибольшее значение, статью вторую, согласно которой германскому правительству предоставлялось право строить военные сооружения, создавать военные посты и держать в них свои гарнизоны на территории Чехословакии.

Таким путем подсудимый, окончательно ликвидировав по условиям этого договора Богемию и Моравию, как независимое государство, добился того, что Германия приобрела также военный контроль над Словакией.

Прежде чем я перейду к Польше, я хотел бы остановиться на одном небольшом, но интересном вопросе, который касается Северной Прибалтики. Я обращаю внимание Трибунала на этот вопрос для того, чтобы показать, как подсудимый не мог удержаться от того, чтобы не вмешиваться во внутренние дела других государств, даже если речь шла о сравнительно малозначимом вопросе.

Трибунал вспомнит, что 3 апреля 1939 г., как об этом говорится в документе ТС-5-3А, ВБ-4, Германия оккупировала Мемельскую область. Казалось бы, что позиция Германии в отношении прибалтийских государств была удовлетворена, однако, если Трибунал обратит внимание на документы ПС-2953 и ПС-2952, которые я представляю в качестве доказательств за № ВБ-136 и ВБ-137, то он увидит, что подсудимый действовал

в тесном сотрудничестве с заговорщиком Гейдрихом, возбуждая волнения в Литве, используя для этой цели группу пронацистски настроенных лиц, которые именовались «сторонниками Вольдемараса».

Документ ПС-2953 показывает, что Гейдрих послал подсудимому Риббентропу запрос о финансовой и экономической помощи для указанной группы.

Это письмо от Гейдриха подсудимому Риббентропу, и в нем говорится:

«Дорогой товарищ по партии фон Риббентроп,

При сем прилагается дальнейший отчет относительно «сторонников Вольдемараса». Как уже говорилось в предыдущем отчете, «сторонники Вольдемараса» все еще просят поддержки из империи. Поэтому я прошу Вас рассмотреть вопрос об оказании финансовой поддержки им. Прошу Вас принять определенное решение по этому вопросу.

Просьбу «сторонников Вольдемараса» о финансовой поддержке, по моему мнению, следует удовлетворить. Однако не следует ни при каких обстоятельствах снабжать их оружием».

Следующий документ № 2952 представляет собой более полный отчет. В конце этого документа имеется приписка, сделанная от руки:

«Я за регулярную выплату небольшой суммы, примерно 2—3 тысячи марок каждый квартал». Подписано «Р». Я думаю, это подпись министра иностранных дел Риббентропа.

Я огласил это только для того, чтобы показать в какой степени происходило вмешательство в дела других, даже сравнительно малых стран.

Затем я перехожу к агрессии против Польши. Этот вопрос уже полностью излагался моим другом подполковником Гриффит-Джонсом. Однако, я считаю целесообразным разбить представляемые мною доказательства на отдельные периоды, чтобы облегчить работу Трибунала.

Первый период, или, как его можно назвать, мюнхенский период, продолжался до конца сентября 1938 года. В этот период Польшу всячески ублажали. Трибунал вспомнит об этом.

Важными документами, относящимися к этой части обвинения, являются документы ПС-2357 (ВБ-30) — речь Гитлера в рейхстаге 20 февраля 1938 г. и ТС-76 (ВБ-31) — секретный меморандум министерства иностранных дел от 26 августа 1938 г. Следующий документ ТС-73 (ВБ-40) — это выдержка из протокола беседы между польским послом господином Ю. Липским и подсудимым, опубликованная польским правительством в «Белой книге».

И последний документ в этой группе — ТС-73, (ВБ-42) — это речь Гитлера в Спортпаласе 26 сентября 1938 г., в которой Гит-

лер заявил, что это означало конец его территориальных проблем в Европе, и говорил о своей безграничной симпатии к полякам.

Следующая стадия охватывает период после подписания Мюнхенского соглашения до захвата Праги. На последующей стадии был осуществлен германский захват Чехословакии, но кое-что еще оставалось доделать. Поэтому в отношениях с Польшей, хотя и произошла незначительная перемена, атмосфера продолжала оставаться внешне дружелюбной. Это (то есть проявление разногласий. — Составители) началось с беседы между послом Ю. Липским и подсудимым, о чем сказано в документе ТС-73, ВБ-27.

Во время этой беседы подсудимый Риббентроп выдвинул весьма «миролюбивые» предложения по поводу урегулирования вопроса о Данциге. Ответ Польши содержится в документе ТС-45, ВБ-28.

Первый документ относится к 24 октября 1938 г. Это польский ответ, в котором говорилось, что возврат Данцига империи является неприемлемым, но предлагалось заключить двустороннее соглашение. Второй ответ датирован 31 октября 1938 г.

Трибунал помнит, что в период между этими двумя датами германское правительство вело приготовления к тому, чтобы неожиданным ударом захватить Данциг.

И хотя эти приготовления уже были произведены, примерно, двумя месяцами позднее 5 января 1939 г., еще до захвата Праги, Гитлер предложил г-ну Беку — польскому министру иностранных дел новое решение вопроса. Об этом говорится в документе ТС-73, ВБ-34 — запись беседы Гитлера и Бека 5 января 1939 г.

На следующий день подсудимый Риббентроп посетил Бека и заявил, что не может быть и речи о решении вопроса о Данциге путем применения силы, что происходит дальнейшее укрепление дружественных отношений. Об этом говорится в документе ТС-73, ВБ-35.

Не удовлетворившись этим, подсудимый направился в Варшаву 25 января, и, согласно отчету о его речи, который имеется в документе ПС-2530, ВБ-36, он распространялся там о продолжавшемся прогрессе и укреплении дружественных отношений. Примерно в таких же тонах распространялся и Гитлер, произнося речь в рейхстаге 30 января 1939 г. (документ ТС-73, ВБ-37). Такова была вторая стадия. О Данциге говорили в высокопарных выражениях потому, что тогда еще не совершалось насилия и не был осуществлен захват Праги.

Затем следует помнить, что ближе к лету, 23 мая 1939 г., состоялось совещание в имперской канцелярии. Об этом говорится

в документе Л-79, США-27. В этом документе Гитлер вполне ясно заявил, говоря его собственными словами, что Данциг не имеет ничего общего с существом польского вопроса. «Я должен заняться вопросом Польши потому, что я хочу жизненного пространства на Востоке», — вот к чему сводится содержание той части документа, который столь часто оглашался перед Трибуналом. Из этого вытекало, что Данциг был всего лишь предложением.

Важно помнить, что это совещание состоялось 23 мая 1939 г. Интересно проследить за тем, как складывалось такое мнение, а именно: как подсудимый Риббентроп занял ту же точку зрения, что и Гитлер. Об этом говорится во вступлении к дневнику графа Чиано, который был представлен за № США-166, документ ПС-2987. Я не думаю, чтобы эта часть дневника — вступительная часть — уже оглашалась перед Трибуналом. Это документ ПС-2987, и он следует после документа Л-79 («Малая папка Шмундта»), как раз после документа об Оберзальцберге. Этот документ включен в судебные доказательства, как в этом убедится Трибунал, если он соизволит взглянуть туда.

Граф Чиано говорит:

«Летом 1939 года Германия выставила требование по отношению к Польше, естественно, без нашего ведома. Конечно Риббентроп несколько раз отрицал в беседах с нашим послом, что Германия имела какие-либо намерения столь усугубить эти противоречия. Несмотря на эти опровержения, я продолжал сомневаться. Я хотел выяснить этот вопрос для себя. 11 августа я поехал в Зальцбург. В своей резиденции в Фушле Риббентроп сообщил мне перед тем, как сесть за стол, о решении начать игру с огнем. Он сообщил мне об этом точно так же, как если бы он говорил о самом маловажном вопросе административного характера. «Но, Риббентроп, — спросил я его, когда мы прогуливались по саду, — чего вы хотите, коридор или Данциг?» «Нет, больше мы этого не хотим», — ответил он и взглянул на меня своими холодными глазами. «Мы хотим войны».

Я напоминаю Трибуналу о том, в какой степени это подтверждает заявление, которое Гитлер сделал на совещании в своей канцелярии 23 мая, а именно: что это больше не было вопросом Данцига или коридора, а это был вопрос войны для того, чтобы захватить жизненное пространство на Востоке.

Затем я напоминаю Трибуналу о «плане Вейс» — операции против Польши, датированном 3 и 11 апреля 1939 г., который, вне всякого сомнения, доказывает, что подготовка тогда уже проводилась полным ходом.

Затем имеется также другая запись в дневнике графа Чиано, которая делает этот вопрос совершенно ясным. Я оглашу ее, так как она еще не оглашалась прежде.

«Я подобрал записи моих бесед с Риббентропом и Гитлером на совещаниях. Я укажу на некоторые мои впечатления лишь в общих чертах. Риббентроп ведет себя уклончиво каждый раз, когда я спрашиваю его относительно деталей предстоящих действий со стороны Германии. У него не чиста совесть. Он лгал столько раз относительно намерений Германии в отношении Польши, что сейчас он не стесняется делать то же самое при разговорах со мной относительно своих планов.

Воля сражаться непоколебима. Он отрицает всякое решение вопроса, которое могло бы удовлетворить Германию и предотвратить войну. Я убежден в том, что если бы даже немцам дали все, что они требуют, то они все равно произвели бы нападение, так как они одержимы духом разрушения.

Иногда наш разговор принимал драматический оборот. Я не колебался перед тем, чтобы излагать свое мнение в самой резкой форме. Но это, однако, совершенно на него не действовало. Я понимаю, как мало значения эта точка зрения имеет для многих немцев.

В отношениях чувствуется холод. Этот холод в наших отношениях отражается также на отношениях между нашими приближенными. Во время обеда мы не обменялись ни одним словом. Мы не доверяем друг другу. Но, по крайней мере, у меня совесть чиста, у него же нет».

Какие бы недостатки мы ни находили у графа Чиано, однако нельзя найти оценки ситуации, которая в большей степени подтверждалась бы документами, нежели его диагноз относительно ситуации летом 1939 года.

Затем мы переходим к следующей стадии германского плана, а именно — усиленное давление в отношении требований о Данциге, которое было оказано немедленно после того, как было формально покончено с Чехословакией 15 марта. Видно, насколько быстро эти события последовали за насильем в Праге. Впервые требования в резкой форме были выставлены 21 марта, как это видно из документа ТС-73, ВБ-38.

Затем мы переходим к последним дням кануна войны. Здесь имеется один весьма интересный штрих. Фон Дирксен, германский посол в Англии, вернулся из Лондона 18 августа 1939 г. Относительно этого случая говорится в протоколе допроса подсудимого Риббентропа (документ Д-490, ВБ-138).

Я не намереваюсь оглашать эту выдержку перед Трибуналом, так как содержание ее можно изложить вкратце следующим образом.

Подсудимый Риббентроп не помнит, видел ли он германского посла в Англии после его возвращения. Он думает, что он помнил бы его, если бы он когда-либо его видел, и он допускает,

что он его не видел вообще. В этом именно и заключается дело, так как тогда было хорошо известно, что война против Польши вовлечет Англию и Францию, что такие действия со стороны подсудимого можно было объяснить либо тем, что он не был достаточно заинтересован в мнении Лондона и поэтому не взял на себя труд принять своего посла, или же, по его собственным намерениям, он назначил столь незначительного и слабого профессионального дипломата на пост посла в Лондоне, что его мнение не принималось во внимание ни самим подсудимым, ни Гитлером. В обоих случаях он был совершенно не заинтересован в том, что мог сообщить ему его посол относительно мнения, существовавшего в Лондоне о возможности войны. Я считаю, что даю весьма умеренное истолкование этого вопроса, говоря, что в последние дни, накануне 1 сентября 1939 года подсудимый делал все, что он мог для того, чтобы избежать мира с Польшей и чтобы избежать всего того, что могло бы помешать развязыванию войны, которой, как мы знаем, он хотел. Он поступал таким образом, будучи хорошо осведомлен о том, что война против Польши неизбежно вовлечет Великобританию и Францию.

Такова была деятельность подсудимого по вопросам, касающимся Польши. Я с удовлетворением сообщая Трибуналу — в отношении других стран его действия охватывали меньший промежуток времени. Теперь я перехожу к Норвегии и Дании. Я обращаю внимание Трибунала на тот факт, что 31 мая 1939 г. подсудимый Риббентроп от имени Германии подписал пакт о ненападении с Данией, который предусматривал, что «Германская империя и Королевство Дании ни при каких обстоятельствах не вступят в войну друг против друга и не применяют силу какого-либо рода». Это документ ТС-24, ВБ-77. Однако с целью фиксации даты Трибунал вспомнит, что 9 апреля 1940 г. германские вооруженные силы вторглись на территорию Дании и в тот же день они вторглись в Норвегию.

Что касается Норвегии, то мы имеем три документа, которые показывают, что подсудимый имел самые подробные сведения относительно ранних приготовлений к этой агрессии. Трибунал вспомнит, что мой друг майор Элвин Джонс указал в некоторых деталях на отношения между Квислингом и подсудимым Розенбергом. Но Розенберг при этом нуждался в содействии со стороны подсудимого Риббентропа. И если Трибунал соизволит обратить внимание на документ ПС-957, который я представляю под № ВБ-139, то он увидит, что это первый из документов, который относится к связи подсудимого Риббентропа с началом деятельности Квислинга.

Первый документ ПС-957 — это письмо подсудимого Розенберга подсудимому Риббентропу. В нем говорится: «Дорогой товарищ по партии фон Риббентроп, товарищ по партии Шейдт

вернулся и сделал полный доклад советнику тайного совета фон Грюнфельду, который сообщит Вам об этом. Мы решили на днях, что для этой цели должно быть немедленно ассигновано 200—300 тысяч рейхсмарок. Однако сейчас советник Грюнфельд заявляет, что вторая сумма может быть предоставлена только через 8 дней. Но так как Шейдту необходимо выехать обратно немедленно, то я прошу Вас распорядиться о том, чтобы ему немедленно выдали вторую сумму. В случае, если отсутствие члена партии рейхслейтера Шейдта затянется, это нарушит контакт и с Вашими представителями, что сейчас будет весьма неблагоприятным, особенно при определенных обстоятельствах. Поэтому я считаю, что это в интересах каждого, чтобы Шейдт немедленно вернулся обратно».

Это было 24 февраля.

Следующий документ — это отчет Розенберга Гитлеру. Если Трибунал соизволит обратить внимание на стр. 4 документа относительно деятельности Квислинга, то он найдет доказательства связи подсудимого с этой деятельностью.

Это — отчет подсудимого Розенберга Гитлеру:

«Помимо финансовой поддержки, которая поступала из империи в виде валюты, Квислингу также было обещано доставить на пароходах такие товары, как уголь и сахар для немедленного их использования в Норвегии. Была обещана также дополнительная поддержка. Эти поставки следует производить под прикрытием новой торговой компании, которая должна быть создана в Германии. Грузополучателем в Норвегии должен быть Хагелин, который уже беседовал с соответствующими министрами правительства Нигардцволда, как, например, с министром торговли и снабжения, и получил заверение в том, что будет получено разрешение на импорт угля.

В то же время транспорты с углем должны были служить для технического обеспечения всего необходимого для того, чтобы Квислинг мог начать политические действия в Осло с помощью Германии. Квислинг составил план посылки ряда специально подобранных и особо надежных людей в Германию для прохождения краткого курса в специальной школе. Затем этих людей следовало придавать в качестве знатоков языка и местности к германским специальным войскам, которые должны были быть перевезены в Осло на угольных баржах для осуществления политических мероприятий. Таким образом Квислинг планировал захватить своих основных противников в Норвегии, включая короля, и предотвратить возможность вооруженного сопротивления с самого начала. Немедленно вслед за этим политическим актом и по официальной просьбе Квислинга, обращенной к правительству германской империи, должна была состояться военная оккупация Норвегии. Все военные приготовления должны были быть

закончены заблаговременно. Хотя в этом плане имеется преимущество — фактор неожиданности, но имеется и целый ряд опасностей, которые могли привести к его провалу. Поэтому его рассматривали очень долго, но в то же время этот план не был отвергнут, поскольку это касалось норвежцев...

...В феврале рейхслейтер Розенберг после совещания с генерал-фельдмаршалом Герингом сообщил секретарю управления по вопросам четырехлетнего плана Вольтату только лишь о намерении подготовить доставку угля в Норвегию названному доверенному лицу — Хагелину. Остальные детали обсуждались на совещании между секретарем Вольтатом, директором Шикеданцом и Хагелином, так как Вольтат не получил никаких инструкций от генерал-фельдмаршала. Министр иностранных дел фон Риббентроп после консультации с рейхслейтером Розенбергом решил производить эти поставки через свое министерство. На основании доклада рейхслейтера Розенберга фюреру были также приняты меры к тому, чтобы выдавать Квислингу 10 тыс. английских фунтов в месяц в течение трех месяцев, начиная с 15 марта, чтобы обеспечить его деятельность». Эти денежные суммы были переданы через Шейдта, имя которого упоминалось ранее.

Следующий документ — это письмо подсудимого Кейтеля, адресованное подсудимому Риббентропу, от 3 апреля 1940 г., документ Д-629. Я хочу огласить перед Трибуналом только первый абзац, где подсудимый Кейтель писал:

«Дорогой господин фон Риббентроп!

Военная оккупация Дании и Норвегии по приказу фюрера в течение долгого времени подготавливалась высшим командованием германских вооруженных сил. Высшее командование вооруженных сил поэтому имело достаточное время в своем распоряжении для того, чтобы заниматься всеми вопросами, связанными с проведением этой операции. Однако время, которым вы располагаете для политической подготовки этой операции, наоборот, весьма ограничено. Я полагаю, что я действую в ваших же интересах, направляя Вам при сем не только те пожелания вооруженных сил относительно того, что должны выполнить правительства в Осло, Копенгагене и Стокгольме по чисто военным соображениям, но я прилагаю также целую серию запросов, которые, безусловно, затрагивают германские вооруженные силы только косвенным образом, но которые, однако, представляют огромное значение для выполнения этой задачи».

Затем в этом письме он попросил министерство иностранных дел установить контакт с определенными командующими. Я огласил этот документ по той очень важной причине, что в нем, насколько мне известно, подсудимый Кейтель впервые открыто признал, что подготовка военного вторжения в Норвегию и Данию проводилась в течение долгого времени. И в этой связи инте-

ресно взглянуть на официальную сторону жизни Риббентропа, ссылаясь на архивы и документ Д-472. Я оглашу только одно предложение, чтобы показать этот поразительный контраст:

«С оккупацией Норвегии и Дании 9 апреля 1940 г., произведенной лишь за несколько часов до высадки английских войск на этих территориях, началась битва против западных держав». Далее говорится о Голландии и Бельгии.

Вполне ясно, что кто угодно мог знать или не знать о подготовке оккупации, но подсудимый Риббентроп был замешан в заговоре Квислинга и по уши залез в его дела. За неделю до начала вторжения Риббентропу уже ясно сообщили о том, что вооруженные силы Германии и подсудимый Кейтель в течение долгого времени готовили этот акт агрессии.

Я хотел бы сказать относительно агрессии против Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Факты агрессии против этих стран в течение того периода, когда подсудимый был министром иностранных дел, были полностью изложены моим коллегой господином Робертсом.

Я хочу еще напомнить Трибуналу, что подсудимый 10 мая 1940 г. в качестве министра иностранных дел сделал заявление представителю иностранной печати относительно причин германского вторжения в эти страны. Я смею утверждать, что доказательства, представленные господином Робертсом, показывают, что эти причины были ложными.

Теперь я перехожу к актам агрессии в юго-восточной Европе против Греции и Югославии. И первая значительная дата — это совещание в Зальцбурге в августе 1939 года, на котором присутствовал подсудимый Риббентроп и на котором Гитлер заявил, что страны оси решили устранить некоторых нейтралов. Это документ ПС-1871, который я представляю под № ВВ-142. Я хотел бы сослаться на следующую выдержку:

«В общем и целом лучше всего ликвидировать псевдонейтралов по очереди. Это можно сделать достаточно легко, если один партнер оси будет прикрывать тыл другого, пока тот не прикончит одного из ненадежных нейтралов, и наоборот. Италия может рассматривать Югославию как такого ненадежного нейтрала.

Во время беседы с принцем-регентом Павлом он (то есть Гитлер) предложил, учитывая в особенности интересы Италии, чтобы принц Павел каким-нибудь жестом определил свою политическую позицию в отношении держав оси. Он думал о более тесной связи с державами оси и о том, чтобы Югославия вышла из Лиги наций. Принц Павел согласился на последнее. Недавно принц-регент был в Лондоне и пытался получить заверение со стороны западных держав. Произошло то же самое, что и с Гафенку, который во время посещения Германии также занимал очень примирительную позицию и отрицал какую-либо заинтересованность

в целях западных демократий. Впоследствии было выяснено, что он занимал противоположную позицию, когда был в Англии. Среди балканских стран державы оси могут полностью надеяться только на Болгарию, которая некоторым образом является естественным союзником Италии и Германии. Однако в тот момент, когда для Германии и Италии произойдет поворот к худшему, Югославия открыто перейдет на другую сторону, надеясь, таким образом, окончательно повернуть дело против оси».

Такова была позиция в отношении ненадежных нейтралов.

Еще в сентябре 1940 года подсудимый совместно с Муссолини обсуждал военное положение. Подсудимый подчеркивал тяжелые мстительные налеты на Англию и тот факт, что Лондон скоро будет превращен в развалины. Стороны согласились, что только итальянские интересы затронуты в Греции и Югославии и что Италия может рассчитывать на немецкую поддержку. Затем Риббентроп объяснил Муссолини испанский план нападения на Гибралтар и роль Германии в этом плане, а также тот факт, что он, Риббентроп, возвратившись в Берлин, намеревается подписать протокол с Испанией, который вовлечет последнюю в войну.

Это — документ ПС-1842, который в папке идет после документа, только что рассмотренного Трибуналом. О Греции и Югославии говорится в середине первой страницы. Разрешите мне огласить лишь краткую выдержку:

«В отношении Греции и Югославии министр иностранных дел подчеркнул, что этот вопрос затрагивает лишь итальянские интересы и должен быть решен Италией, причем она может быть уверена в помощи Германии».

Мне кажется, что дальше нет надобности читать.

Биддл: По-моему, следует прочесть и следующий абзац.

Максуэлл-Файф: «Но нам кажется желательным в настоящее время не касаться этих проблем, а сосредоточить все силы на уничтожении Англии. Что касается Германии, то она интересуется северогерманскими районами (Норвегией и т. п.). Это признано дуче».

Я очень благодарен за указание, Ваша честь.

Этот документ я представляю под № ВБ-143.

Через месяц или два после этого в январе 1941 года на совещании между Гитлером и Муссолини, в котором участвовал подсудимый, обсуждались операции против Греции. Гитлер заявил, что германские войска в Румынии предназначаются для использования в планируемой кампании против Греции. Этот документ значится под № С-134 и был представлен под № ВБ-119. Я не намереваюсь его вновь цитировать, я лишь хочу обратить внимание Трибунала на конец третьей страницы английского текста.

Об этом совещании также говорится в дневнике графа Чиано, который в качестве итальянского министра иностранных дел также присутствовал на совещании. В записи от 20—21 января сказано:

«Дуче был в общем и целом доволен переговорами. Я был менее доволен, главным образом, потому, что Риббентроп, который в прошлом всегда так хвастал, ответил на мой прямой вопрос о том, сколько продлится война, что он не видит возможности окончить войну до 1942 года».

Несмотря на это, несколько пессимистическое заявление графа Чиано, подсудимый занял более оптимистическую позицию. Через три недели, 13 февраля 1941 г. он встретился с японским послом Осима. Запись этой беседы имеется в документе ПС-1834, США-129. Он уже был оглашен, и я хочу лишь сослаться на третью страницу английского текста, предпоследний абзац, где в очень оптимистических тонах говорится о военном положении и о позиции Болгарии и Турции.

После этого в марте подсудимый предпринял усилия, чтобы втянуть Югославию в пакт оси. 25 марта подсудимый в ноте премьер-министру Цветковичу (это документ ПС-2450, ВБ-123) дал заверение в том, что:

«В течение этой войны правительства держав оси не будут требовать от Югославии, чтобы она разрешила проход или переброску войск через Югославское государство или территорию».

Следует указать, что после этого в Югославии произошел переворот. Генерал Симович стал премьер-министром, и через два дня после того, как было дано только что прочитанное заверение, на совещании 27 марта 1941 г. в присутствии подсудимого Риббентропа Гитлер изложил планы военной кампании против Югославии и обещал уничтожение Югославии и разрушение Белграда германскими военно-воздушными силами. Это имеется в документе ПС-1746, ВБ-120. Мой коллега полковник Филлимор огласил этот документ на более ранней стадии и мне нет необходимости читать его вновь.

Последнее действие подсудимого в отношении Югославии заключается в том, что после вторжения в эту страну, фон Риббентроп был одним из лиц, получивших от Гитлера поручение установить границы, которыми разделялась и расчленялась Югославия. Предварительное указание по этому поводу имеется в документе ПС-1195, который я представляю под № ВБ-144.

Теперь мы переходим к вопросу об агрессии против Советского Союза.

29 августа 1939 г. подсудимый подписал германо-советский пакт о ненападении. Подсудимый, по-видимому, впервые занялся особыми проблемами, связанными с агрессией против Советского Союза, вскоре после 20 апреля 1941 г., когда он встретился с подсудимым Розенбергом или когда они обменялись письмами отно-

сительно проблем, могущих возникнуть на восточных оккупированных территориях. Подсудимый Розенберг назначил своего советника Гросскопфа в качестве офицера связи с Риббентропом, а Риббентроп назначил сотрудником Розенберга генерального консула Брейтигама, имевшего многолетний опыт работы в СССР. Это показано в документе ПС-1039, который уже был представлен под № США-146. Я не намереваюсь вновь цитировать этот документ, так как он уже был оглашен, но я хотел бы сослаться на первый абзац сверху на второй странице, начиная со слов «после оповещения имперского министра иностранных дел». Я только что упомянул именно об этом абзаце.

Это произошло в апреле 1941 года. Через месяц, а именно — 18 мая 1941 г. германское министерство иностранных дел подготовило декларацию, устанавливающую оперативные зоны в Ледовитом океане, в Балтийском и Черном морях, в которых должны были действовать германский флот и военно-воздушные силы во время предстоящего вторжения в Советский Союз. Это документ С-77, который я представляю под № ВБ-146. Это очень короткий документ, и я, пожалуй, процитирую его, так как он еще не был оглашен:

«Министерство иностранных дел подготовило для использования при проведении «плана Барбаросса» прилагаемый проект декларации относительно оперативных зон. Министерство иностранных дел, однако, оставляет за собой установление даты, когда декларация будет издана, а также решение относительно обсуждения деталей».

Таким образом, эти документы ясно показывают, что подсудимый Риббентроп принимал активное участие в подготовке и этого акта агрессии. Затем 22 июня 1941 г. подсудимый объявил всему миру, что германские армии вторглись в СССР.

Лживость причин, которые он изложил, раскрывается докладом его посла в Москве, писавшего, что делается все, чтобы избежать столкновения. Ссылка на этот документ имелась в речи генерального прокурора Великобритании, 888 страница стенограммы.

Теперь переходим к агрессии, связанной с Японией и направленной против США. Первый документ по этому вопросу значится под № ПС-2508, который я теперь представляю под № ВБ-147. Этот документ показывает, что 25 ноября 1936 г. в результате переговоров, которые вел подсудимый, Германия и Япония подписали антикоминтерновский пакт.

27 сентября 1940 г. подсудимый в качестве министра иностранных дел подписал трехсторонний пакт с Японией и Италией, которым был оформлен полный военный и экономический союз, направленный к созданию «нового порядка» как в Европе, так и в Восточной Азии. Это документ ПС-2643, США-149.

Затем 13 февраля 1941 г. подсудимый убеждал японцев напасть на английские владения на Дальнем Востоке. Это показано в документе ПС-1834, США-129, который уже был оглашен моим коллегой господином Олдерманом. Это произошло в феврале.

Затем в апреле 1941 года на совещании Гитлера с Мацуока, который представлял Японию, и в присутствии подсудимого Риббентропа Гитлер обещал, что Германия объявит войну Соединенным Штатам в случае, если в результате японской агрессии на Тихом океане начнется война между Японией и США.

Это показано в документе ПС-1881, США-33, который уже был оглашен и который я не намереваюсь вновь цитировать.

Следующий документ, который подтверждает эту мысль, значится под № ПС-1882, США-153. Я хотел бы зачитать только два кратких абзаца, так как они показывают умонастроение и взгляды подсудимого в то время. Я цитирую первые два абзаца документа под заголовком «разд. 2 и 3», которые имеются на первой странице документа:

«Мацуока затем говорил об общем высоком моральном уровне в Германии и упомянул о счастливых лицах рабочих в Германии, которые он видел во время недавнего посещения завода Борзиг. Он высказал сожаление по поводу того, что ход событий в Японии еще не достиг той же точки, что в Германии, и что в его стране интеллигенция все еще имеет значительное влияние.

Имперский министр иностранных дел ответил, что в лучшем случае страна, которая достигла всех своих целей, может позволить себе роскошь существования интеллигенции, большинство которой паразиты. Однако страна, которая борется за место под солнцем, должна отбросить интеллигенцию. Интеллигенты погубили Францию. В Германии они уже начали свою коварную деятельность, но нацисты прекратили это. Они, несомненно, послужат причиной падения Великобритании, которое с уверенностью следует ожидать».

Затем продолжается в обычном тоне. Этот последний документ датирован 5 апреля 1941 г. Наступила следующая стадия. Через месяц после того, как 22 июня 1941 г. германские армии вторглись в Советский Союз, Риббентроп настаивал, чтобы его посол в Токио делал максимальные усилия, чтобы заставить японское правительство напасть на Советскую Сибирь.

Это подтверждается двумя уже представленными документами ПС-2896, США-155 — телеграмма немецкому послу в Токио и ПС-2897, США-156 — ответ посла. Оба эти документа были оглашены моим коллегой господином Олдерманом.

Но следующий документ (Д-656), представленный под № ВБ-148, является новым документом, захваченным у японцев. Это перехваченная телеграмма японского посла в Берлине, по-

сланная перед нападением на США. Я хотел бы огласить лишь одну краткую выдержку. Подсудимый говорил это 29 ноября 1941 года, то есть приблизительно за неделю до нападения на Пирл-Харбор. Цитирую первый абзац:

«Открывая совещание, Риббентроп снова спросил, получил ли я какие-либо сведения о японо-американских переговорах. Я ответил, что мне официально ничего не сообщено.

Риббентроп: Важно, чтобы Япония, не теряя этой возможности, установила новый порядок в Восточной Азии. Никогда не было и, вероятно, никогда не придет время, когда более тесное сотрудничество в рамках трехстороннего пакта имеет столь важное значение, как теперь. Если Япония будет колебаться в то время, как Германия будет устанавливать новый порядок в Европе, то вся военная мощь Великобритании и США будет сосредоточена против Японии.

Как сказал сегодня фюрер, существуют коренные расхождения между Германией и Японией, с одной стороны, и Соединенными Штатами, с другой, относительно самого права на жизнь. Нам сообщили, что фактически нет никаких надежд на то, что японо-американские переговоры будут успешно завершены в силу того, что США занимают решительную позицию.

Если это действительно так и если Япония примет решение воевать с Великобританией и США, то я уверен, что это не только будет в обоюдных интересах Германии и Японии, но приведет к благоприятным результатам для самой Японии.

Тогда японский посол ответил: «Я не могу сделать никакого определенного заявления, так как мне не известны конкретные намерения Японии. Считает ли Ваше превосходительство, что между Германией и Соединенными Штатами будет установлено состояние войны?»

Риббентроп: Рузвельт — фанатик, и невозможно сказать, что он делает».

Далее говорится: «Так как Риббентроп в прошлом говорил, что Соединенные Штаты, несомненно, попытаются избежать встречи с немецкими войсками, и, судя по тону недавнего выступления Гитлера, а также Риббентропа, я считаю, что Германия занимает гораздо более решительную позицию в отношении Соединенных Штатов. В настоящее время нет признаков того, что Германия откажется воевать с Соединенными Штатами, если это будет необходимо».

В разделе 2 излагается чрезвычайно оптимистический прогноз хода войны против Советского Союза. Однако я думаю, что сейчас нет оснований оглашать эту выдержку.

Потом имеется несколько замечаний относительно предполагаемых десантных операций против Англии, которые я также не буду цитировать в настоящее время, но в разделе третьем снова

указывается на умонастроение подсудимого (в конце второй страницы, раздел третий). Я цитирую:

«Во всяком случае Германия не имеет никаких намерений установить мир с Англией. Мы полны решимости устранить всякое английское влияние в Европе. Поэтому в конце войны Англия не будет иметь никакого влияния в международных делах. Островная империя Великобритании может остаться, но все ее другие владения, вероятно, будут разделены между Германией, Соединенными Штатами и Японией. В Африке Германия будет в общем удовлетворена теми районами, которые прежде были германскими колониями. Италия получит основную часть африканских колоний. Главное, что Германия хочет — это контроль над европейской Россией».

Выслушав эти замечания подсудимого, посол сказал. Я цитирую:

«Я полностью осознаю тот факт, что военная кампания Германии разворачивается гладко и по плану. Однако предположим, что возникнет положение, при котором не только Великобритания будет противником Германии, но и все те страны, где имеется английское влияние и те, которые в настоящее время помогают Великобритании. При таких обстоятельствах район военных действий, конечно, значительно расширится. Какое Ваше мнение относительно войны при таких обстоятельствах?»

Риббентроп: «Мы хотели бы закончить эту войну в течение следующего года, то есть 1942-го, однако при некоторых обстоятельствах возможно, что придется продолжать ее до 1943 года.

Если Япония будет вовлечена в войну против Соединенных Штатов, Германия, конечно, немедленно вступит в войну. При этих обстоятельствах совершенно невозможно, чтобы Германия заключила сепаратный мир с Соединенными Штатами. Фюрер это твердо решил».

Этот документ самым тесным образом связывает подсудимого с актом агрессии Японии против Соединенных Штатов.

Другой новый документ — также перехваченная дипломатическая телеграмма. Это следующий документ (Д-657), который я представляю под № ВВ-149. Если разрешите, я зачитаю первые две фразы, которые раскрывают сущность документа.

Японский посол пишет: «Сегодня, 8 декабря в 13.00 я посетил министра иностранных дел Риббентропа и сказал ему, что желательно, чтобы Германия и Италия немедленно официально объявили войну Америке. Риббентроп ответил, что Гитлер находится на совещании в ставке и рассматривает вопрос о том, каким образом официально объявить войну с тем, чтобы создать хорошее впечатление среди германского народа, и что он (Риббентроп) немедленно передаст ему ваше пожелание и предпримет все воз-

можно, чтобы оно было быстро выполнено. Риббентроп сказал мне, что утром 8-го (то есть до объявления войны) Гитлер издал приказ всему германскому флоту о нападении на американские корабли, где бы и когда бы они ни встречались.

Само собой разумеется, что настоящее сообщение является конфиденциальным и только для вашего сведения».

Как Трибунал помнит, 11 декабря 1941 г. подсудимый Риббентроп от имени германского правительства объявил о том, что между Германией и Соединенными Штатами существует состоящие войны.

Следующая стадия — это его попытки заставить Японию напасть на Советский Союз.

Во время переговоров Риббентропа с Осима в июле 1942 года и в марте и апреле 1943 года он продолжал настаивать на том, чтобы Япония приняла участие в агрессии против Советского Союза. Это показано в документе ПС-2911, который был представлен под № США-157 и который уже был оглашен, а также в документе ПС-2954, который я представляю под № ВБ-150. Это новый документ, и если разрешите, я хотел бы указать на его сущность при помощи очень короткой цитаты. Это — запись беседы подсудимого Риббентропа с послом Осима. Она начинается следующими словами:

«Посол Осима заявил, что он получил телеграмму из Токио и что по приказу его правительства он должен сообщить имперскому министру иностранных дел следующее:

«Предложение германского правительства о нападении на Россию явилось предметом обсуждения на совместном совещании японского правительства и имперской ставки, в ходе которого этот вопрос был детально обсужден и рассмотрен. Результат следующий: японское правительство полностью признает опасность, которая угрожает со стороны России и полностью понимает желание его германского союзника, чтобы Япония со своей стороны также начала войну против России»...

Из середины следующего абзаца видно, что подсудимый возобновил наступление. Третья фраза, начинающаяся на четвертой строчке, гласит:

«Однако было бы гораздо правильнее, если бы все державы трехстороннего пакта объединили свои усилия для того, чтобы совместно нанести поражение Англии и Америке, а также России. Нехорошо, когда одна сторона вынуждена вести борьбу в единственном числе».

В следующем документе ПС-2929, который представлен под № США-159, показано, как на Японию оказывали нажим для того, чтобы она напала на Россию. Если разрешите, я процитирую эту выдержку с тем, чтобы покончить с этим вопросом. Она очень короткая:

«Имперский министр иностранных дел вновь подчеркнул, что нынешний год, несомненно, представляет наиболее благоприятные возможности для Японии, если она чувствует себя достаточно сильной и имеет в своем распоряжении достаточное количество противотанкового оружия для того, чтобы напасть на Россию, которая, несомненно, никогда не будет так слаба, как в настоящий момент».

Это было 18 апреля 1943 года.

Господа судьи, этим я завершаю представление доказательств по второму обвинению относительно агрессивной войны. Я утверждаю, что это обвинение более чем доказано.

Документ СССР-120

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ГИММЛЕРОМ И РИББЕНТРОПОМ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Приказом от 12 февраля 1944 г. фюрер поручил имперскому руководителю СС создать единую немецкую секретную разведывательную службу. Секретная разведывательная служба имеет целью, поскольку речь идет о загранице, добывание для империи сведений в политической, военной, экономической и технической областях. При этом фюрер установил, что руководство разведывательной службой, поскольку речь будет идти о загранице, должно осуществляться по согласованию с министром иностранных дел. В связи с этим между имперским министром иностранных дел и имперским руководителем СС было заключено следующее соглашение:

1) Секретная разведывательная служба имперского руководителя СС является важным инструментом для добывания во внешнеполитической области сведений, которые предоставляются в распоряжение министра иностранных дел. Первым условием для этого является тесное товарищеское и лояльное сотрудничество между министерством иностранных дел и главным имперским управлением безопасности. Добывание внешнеполитических сведений дипломатической службой этим самым не затрагивается.

2) Министерство иностранных дел предоставляет в распоряжение главного имперского управления безопасности необходимую для ведения разведывательной службы информацию о внешнеполитическом положении и установках немецкой внешней политики и передает главному имперскому управлению безопасности свои разведывательные и прочие задания в области внешней политики, которые должны выполняться органами секретной разведывательной службы.

3) Поступающий в секретную разведывательную службу разведывательный материал в области внешней политики предоставляется главным имперским управлением безопасности в распоряжение министерства иностранных дел. То же самое относится к разведывательному материалу в экономической области, так

же как и к разведывательному материалу в военной и технической областях, поскольку он имеет внешнеполитическое значение.

4) Исходящий от главного имперского управления безопасности внешнеполитический разведывательный материал, поскольку он представляет интерес для фюрера, сообщается в качестве материала главного имперского управления безопасности фюреру имперским министром иностранных дел. Если, исходя из деловых соображений, имперский руководитель СС считает необходимым информировать фюрера по какому-либо вопросу непосредственно по своей линии этот материал одновременно сообщается также имперскому министру иностранных дел.

5) Секретная разведывательная служба не будет предпринимать за границей ничего такого, что в какой-либо форме могло нарушить внешнюю политику империи. Имперский руководитель СС обеспечит это специальными распоряжениями. Особые мероприятия сотрудников или уполномоченных секретной разведывательной службы за границей, которые могли бы повлечь за собой внешнеполитические последствия, могут иметь место только по согласованию с имперским министром иностранных дел. То же самое относится к организации секретной разведывательной службы за границей, поскольку такие организационные мероприятия могут иметь внешнеполитические последствия.

6) Министерство иностранных дел оказывает секретной разведывательной службе всякую возможную помощь. Имперский министр иностранных дел будет, поскольку это будет терпимо во внешнеполитическом отношении, включать определенных сотрудников разведывательной службы в состав заграничных представительств.

В каждой стране один из сотрудников разведывательной службы, назначаемый начальником полиции безопасности и СД, принимает на себя ответственность за деятельность остальных включенных в состав дипломатических представительств сотрудников разведывательной службы, находящихся в данной стране. В отношении статута и донесений включенных в состав дипломатических представительств сотрудников разведывательной службы действуют предписания, содержащиеся в совместной служебной инструкции, изданной министерством иностранных дел и главным имперским управлением безопасности для полицейских атташе от 28 августа 1941 г., а также имевшие место в дополнение к этой инструкции соглашения об обращении со служебной почтой замаскированных уполномоченных начальника полиции безопасности и СД при германских заграничных представительствах.

Ответственный сотрудник разведывательной службы регулярно информирует главу миссии о всех существенных вопросах

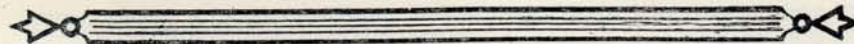
деятельности секретной разведывательной службы в данной стране.

7) Для проведения обмена разведывательными данными и для облегчения сотрудничества между министерством иностранных дел и имперским руководителем СС или главным имперским управлением безопасности в области секретной разведывательной службы политическим отделом министерства иностранных дел, с одной стороны, и главным имперским управлением безопасности (VI управление), с другой стороны, назначаются по одному ответственному лицу.

Задача обоих этих людей заключается в том, чтобы путем постоянного личного контакта обеспечить сотрудничество в соответствии с настоящим соглашением.

Г. Гиммлер

И. Риббентрон

Документ СССР-517

СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

В связи с Нюрнбергским процессом мне, бывшему генерал-лейтенанту Фридриху Карлу Рабе фон Паппенгейму, кажется необходимым сделать некоторые сообщения, касающиеся деятельности гаулейтера организации зарубежных немцев НСДАП Боле, который, являясь близким доверенным лицом заместителя Гитлера — Гесса и Бормана, занимался внешнеполитическими вопросами. Благодаря моей деятельности в качестве военного атташе Германии с осени 1937 года до весны 1940 года в г. Брюсселе и с осени 1941 года до лета 1943 года в г. Будапеште мне стали известны следующие факты.

Боле был, правда, статс-секретарем в министерстве иностранных дел, но как гаулейтер он подчинялся в первую очередь заместителю Гитлера, то есть Гессу, и позднее Борману. Организация зарубежных немцев была исключительно органом партии. Соответственно с этим и личные отношения Боле с Гессом и Борманом были очень близкие. Как гаулейтер, Боле был осведомлен об общем ходе германской политики по меньшей мере так же хорошо, как другие гаулейтеры, а как гаулейтер организации зарубежных немцев он был, естественно, особенно хорошо осведомлен о внешнеполитических вопросах.

Деятельность организации зарубежных немцев охватывала, кроме общеизвестных областей, объединение и руководство зарубежными немцами в духе партии, еще следующие области:

а) Контроль за деятельностью германских миссий за границей во всех областях: политики, экономики, культуры и т. д. В группах по отдельным странам были частично собственные референты по отдельным вопросам, и начальники этих групп докладывали по всем этим вопросам непосредственно в организацию зарубежных немцев. Таким образом, наряду с сообщениями ответственного руководителя миссии, посла или посланника министерству иностранных дел и сообщениями военного атташе их генеральным штабам посылались еще особые сообщения начальниками групп по отдельным странам организации зарубежных немцев гаулейтеру Боле по всем актуальным вопросам соответствующей страны. Руководители миссий и военные атташе не знали содержания этих сообщений.

б) Наблюдение за персоналом германских миссий на работе и в частной жизни на основе принципов партии. Отсюда вытекало сильное влияние организации зарубежных немцев на руководство партии в вопросе назначения людей на работу в германских миссиях за границей. Целью этого влияния было: иметь на службе в министерстве иностранных дел собственных, воспитанных и действующих в духе партии доверенных лиц из кругов организации зарубежных немцев и насыщение всего аппарата министерства людьми, безраздельно преданными агрессивной доктрине партии. В то время, когда я был военным атташе в Брюсселе, там был один зарубежный немец, происходивший из Прессбурга (Братислава), Брудэ. Я встретился с этим Брудэ позже в Будапеште, когда он был уже секретарем миссии и экономистом. В посольстве в Будапеште далее уполномоченный по национальным вопросам, фамилию его я забыл, он был также из организации зарубежных немцев.

Влияние в области занятия должностей повело, естественно, к недоразумениям между министерством иностранных дел и организацией зарубежных немцев еще в то время, когда министром иностранных дел был фон Нейрат, а также позже — во времена Риббентропа. Во времена Риббентропа было меньше недоразумений делового, нежели частного характера, но министру иностранных дел было, конечно, нежелательно вмешательство другого учреждения в дела министерства, а конкуренция другого учреждения в вопросе влияния на ведение внешней политики воспринималась как тягостное и нецелесообразное явление. Боле играл в этой области большую роль, он преследовал при этом определенно также и личные честолюбивые цели.

с) Руководство или участие в деятельности других зарубежных органов партии, как например, в центральном правлении Союза Фольксдейче, СД, экономических организациях и т. д.

д) Тесная связь с привлеченными на свою сторону с помощью центрального правления союза Фольксдейче или иной организации Фольксдейче, так например, в Бельгии — с Фольксдейче в Эйпен-Мальмеди, в Венгрии — с организацией Баш. Этим организациям давались постоянно, в соответствии с возможностями каждой страны, установки в духе партии, на них оказывалось влияние, их поддерживали.

Эта деятельность приводила, естественно, к частым столкновениям с правительствами соответствующих стран и этим самым к недоразумениям с официальными германскими миссиями.

е) Поддержание, в зависимости от положения и возможности, связи с фашистскими кругами соответствующей страны, например, с партией рексистов в Бельгии, с фашистскими кругами, группировавшимися вокруг Имреди, Раца и Салаши в Венгрии.

Встреча Дегреля с Геббельсом, состоявшаяся незадолго до или вскоре после начала войны, была организована руководителем группы организации зарубежных немцев, ведавшей Бельгией. Деятельность фашистских руководителей Венгрии в организационных вопросах и в их политической борьбе постоянно направляло и поддерживало руководство группы, ведавшей этой страной, кроме того, ей оказывалась помощь и поддержка.

Руководитель группы организации зарубежных немцев в Венгрии Эсп был прежде всего близок с Имреди. Между ними была установлена тесная связь. Эсп постоянно давал советы и поддерживал Имреди во всех возникавших вопросах организации и т. д.

f) Немалое значение для ведения Германской войны имели проводимые организацией зарубежных немцев и группами по отдельным странам сборы на зимнюю помощь и другие сборы денег, при которых известная часть вносилась иностранной валютой.

В целом нужно сказать:

Боле работал в тесном сотрудничестве с заместителем Гитлера и использовал свою организацию для:

а) сбора разведывательных сведений во всем мире и для наблюдения за деятельностью всех германских организаций за границей;

б) активного участия в организации и поддержке фашистских элементов и в создании так называемой «пятой колонны» в различных странах;

с) обеспечения Германии фондами иностранной валюты, необходимой для ведения войны.

Небезынтересно будет упомянуть при этом, что все зарубежные немцы при их призыве направлялись в управление призывного округа «Заграница», откуда они передавались в распоряжение полка «Бранденбург» для использования подходящих лиц из них для диверсий и террора. Готовность к такого рода деятельности достигалась у зарубежных немцев благодаря воспитанию их в соответствующем духе.

Поэтому я считаю Боле, в числе других, ответственным за подготовку и проведение агрессивной военной политики НСДАП, которая привела Германию к настоящей катастрофе.

Рабе фон Паппенгейм

бывший генерал-лейтенант и командир 97-й егерской дивизии.

25.III.46 г.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ
ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
ДЭВИДОМ МАКСУЭЛЛ-ФАЙФОМ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО
НЕЙРАТА

[Из стенограммы заседания Международного Военного
Трибунала от 23 января 1946 г.]

Господа судьи! Представление доказательств в отношении подсудимого фон Нейрата можно разделить на пять частей, и первая из них касается нижеследующих постов, которые он занимал, а также полученных им наград.

Он был членом нацистской партии с 30 января 1937 г. до 1945 года и был награжден золотым партийным значком 30 января 1937 г.

Он был назначен группенфюрером СС лично Гитлером в сентябре 1937 года и затем был повышен в чине до обергруппенфюрера 21 июня 1943 г.

Он был имперским министром иностранных дел при канцлерстве подсудимого фон Папена с 2 июня 1932 г. и при канцлерстве Гитлера — с 30 января 1933 г. до тех пор, пока его место не занял подсудимый фон Риббентроп 4 февраля 1938 г.

Он был имперским министром с 4 февраля 1938 г. до мая 1945 года.

Он занимал пост председателя тайного совета, на который он был назначен 4 февраля 1938 г., и он был членом имперского совета обороны.

Он был назначен имперским протектором Богемии и Моравии и занимал этот пост с 18 марта 1939 г. до тех пор, пока его место не занял подсудимый Фрик 25 августа 1943 г.

Он был награжден орденом орла («Адлерорден») Гитлером тогда, когда он был назначен имперским протектором. Только подсудимый Риббентроп был еще одним немцем, получившим эту награду.

Господа судьи, эти факты излагаются в документе ПС-2972, США-19. В этом документе, который подписан подсудимым и его защитником, подсудимый сам делает замечания по некоторым из этих вопросов, и к ним я сейчас хочу обратиться.

Он говорит, что награждение золотым партийным значком имело место 30 января 1937 г. против его воли и без консультации с ним.

Я отмечаю, что подсудимый не только удержался от того, чтобы отвергнуть эту якобы нежелательную для него честь, но после получения этой награды он посещал те совещания, на которых планировались агрессивные войны, принимал активное участие в насильственном захвате Австрии и осуществлял тиранию в Богемии и Моравии.

Второе замечание заключается в том, что назначение его группенфюрером СС также якобы было сделано против его воли и без консультации с ним.

При оценке доводов подсудимого должно быть принято во внимание то, что он носил военную форму, получил дальнейшее повышение в чине до обергруппенфюрера; должны быть учтены также его действия против Богемии и Моравии.

Далее он заявляет, что назначение его министром иностранных дел было произведено имперским президентом фон Гинденбургом.

Мы полагаем, что нам следует лишь обратить внимание Трибунала на личности подсудимого фон Папена и Гитлера и на тот факт, что президент фон Гинденбург умер в 1934 году, а подсудимый продолжал оставаться на посту министра иностранных дел до 1938 года.

Он говорит затем о том, что он был, как бы сказать, недееспособным министром с 4 февраля 1938 г. до мая 1945 года.

Мы обращаем внимание Трибунала на деятельность, о которой мы будем говорить ниже, и на потрясающие доказательства, касающиеся Богемии и Моравии, которые будут скоро представлены нашим другом, советским обвинителем.

Следующее утверждение подсудимого заключается в том, что тайный совет якобы никогда не существовал и не заседал.

Я должен обратить внимание Трибунала, что этот совет как избранный комитет кабинета создан для обсуждения вопросов иностранной политики; назначение его и состав видны из документа ПС-1774, который я представляю в качестве доказательства ВБ-246.

Если члены Трибунала обратятся к третьей странице, то они увидят абзац, начинающийся словами:

«Тайный совет кабинета, назначением которого было консультировать фюрера по основным проблемам внешней политики, был создан декретом от 4 февраля 1938 года». И дальше

имеется ссылка: «Этот тайный совет находится под руководством имперского министра фон Нейрата и включает в себя министра иностранных дел, министра авиации, заместителя фюрера на посту командующего, министра пропаганды, начальника имперской канцелярии, главнокомандующих армий и военно-морского флота и начальника верховного командования вооруженных сил. Этот тайный совет кабинета представляет собой избранную группу сотрудников фюрера, состоящую исключительно из членов правительства империи. Таким образом, этот совет представляет собой избранный комитет имперского правительства для обсуждения вопросов внешней политики».

Следующий вопрос, который поднимает подсудимый в связи с занимаемыми им постами, заключается в том, что он якобы не был членом имперского совета обороны.

Если я очень коротко остановлюсь на этом вопросе в его развитии по стадиям, то я напому Трибуналу, что имперский совет обороны был создан вскоре после прихода Гитлера к власти, 4 апреля 1933 г., и члены Трибунала найдут доказательство этого в документе за № ПС-2261, США-24.

Вопрос об имперском совете обороны также затрагивается в документе ПС-2986, США-409, представляющем собой письменное показание подсудимого Фрика. В середине этого короткого письменного показания имеется место, где подсудимый Фрик говорит:

«Мы были также членами имперского совета обороны, назначением которого являлось планирование подготовительных мероприятий на случай войны, позднее опубликованных советом обороны империи».

То, что в число членов этого совета входил и министр иностранных дел, которым тогда был подсудимый фон Нейрат, доказано документом ЕС-177, США-390. Если члены Трибунала обратятся к шестнадцатой странице книги документов, они найдут внизу страницы, где перечислены лица, входившие в состав имперского совета обороны, в числе его постоянных членов министра иностранных дел. Этот документ датирован «22 мая 1933 года. Берлин», то есть тем временем, когда подсудимый занимал указанный пост.

Это первая стадия в рассмотрении этого вопроса.

Деятельность совета обороны при участии представителя учреждения подсудимого (то есть министерства иностранных дел. — Составители) — фон Бюлова показана в протоколе совещания, имевшем место 14 мая 1936 г. Это документ ЕС-407, который я представляю в качестве доказательства ВВ-247. Члены Трибунала увидят на странице 21, что протокол совещания датирован 14 мая 1936 г., а ссылка на выступление фон Бюлова имеется в середине 22-й страницы.

Следующий период относится ко времени после тайного закона от 4 сентября 1938 г. Подсудимый был, согласно этому закону, членом имперского совета обороны в силу его поста председателя тайного совета. Это устанавливается документом ПС-2194, США-36, который Трибунал найдет на 24 странице книги документов, и, если вы посмотрите, то вы увидите, что представленная в качестве доказательства копия была вложена в письмо, адресованное имперскому протектору Богемии и Моравии 6 сентября 1939 г.

Довольно любопытно, что имперский протектор Богемии и Моравии сейчас отрицает свое членство в этом совете, тогда как письмо с вложенной в него копией закона было адресовано ему как члену этого совета.

Если члены Трибунала обратятся сейчас к 28 странице того же документа, то в последних словах на этой странице следующим образом описываются задачи совета обороны: «Задача имперского совета обороны состоит в мирное время в принятии решений по поводу всех мер, которые должны быть приняты для подготовки империи и для объединения всех сил и средств нации согласно указаниям руководителей и имперского канцлера.

Задачи совета в военное время будут особо определены лидером и имперским канцлером».

Если члены Трибунала обратятся к следующей странице, они увидят список постоянных членов совета обороны и седьмым в этом списке — председателя тайного совета, которым являлся подсудимый Нейрат.

Я утверждаю, что вышеизложенное мной опровергает для каждого соответствующего периода заявление подсудимого о том, что он не являлся членом имперского совета обороны.

Второй важный пункт, который обвинение выдвигает против подсудимого фон Нейрата, заключается в том, что, приняв пост министра иностранных дел в кабинете Гитлера, он взял на себя ответственность за внешнюю политику, проводившуюся в нарушение договоров.

Мы заявляем, прежде всего, что нацистская партия неоднократно в течение многих лет заявляла о своем намерении отказаться от международных обязательств Германии, даже рискуя войной. Мы ссылаемся на первый и второй разделы партийной программы, которая, как Трибунал слышал, издавалась каждый год.

Я лишь напому Трибуналу о первом и втором пунктах партийной программы:

«1. Мы требуем объединения всех немцев в великой Германии на базе права народов на самоопределение.

2. Мы требуем равных прав для германского народа по

сравнению с другими народами, отмены Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров».

Но, пожалуй, еще более ясным является заявление, содержащееся в речи Гитлера, произнесенной им в Мюнхене 15 марта 1939 г. Она начинается следующими словами:

«В моей внешней политике я преследовал всегда одни и те же цели. Моя программа заключалась в отмене Версальского договора. Мир совершает вздорную глупость, заявляя сегодня, что я не раскрывал эту программу до 1933, или 1935, или 1937 года. Вместо того, чтобы слушать глупую болтовню эмигрантов, эти джентльмены поступили бы более мудро, если бы они прочитали то, что я писал тысячу раз».

Иностранцы, по мнению Гитлера, совершали вздорную глупость, поднимая этот вопрос. Но еще большим вздором является заявление гитлеровского министра иностранных дел о том, что он ничего не знал об агрессивном направлении политики. Я напомним Трибуналу, что любому лицу, находящемуся в таком тесном соприкосновении с Гитлером, как подсудимый фон Нейрат, должно было быть известно о проповеди им силы как средства для разрешения международных проблем и достижения целей гитлеровской внешней политики. Я напомним Трибуналу об этом просто ссылкой на те отрывки из «Майн кампф», которые были процитированы моим другом господином Элвином Джонсом.

Итак, обвинение заявляет, что принятием этой внешней политики подсудимый фон Нейрат помогал и содействовал приходу к власти нацистской партии.

Третий важный пункт нашего обвинения заключается в том, что, будучи министром иностранных дел, этот подсудимый руководил международной политикой нацистской Германии в течение первой фазы нацистского заговора, когда укреплялся контроль для подготовки к войне.

Как я уже указывал, в связи с его тесным контактом с Гитлером, подсудимому должны были быть известны основные положения политики Гитлера, которые привели к развязыванию мировой войны, как это было намечено Гитлером в его речи, обращенной к военным руководителям 23 ноября 1939 г.

Эта политика имела две стороны: внутренняя — учреждение сурового контроля; внешняя — осуществление программы освобождения Германии от ее международных обязательств.

Эта внешняя программа заключала в себе четыре пункта:

1. Уход с конференции по разоружению;
2. Вооружение Германии;
3. Введение обязательной воинской повинности и
4. Ремилитаризация Рейнской области.

Если члены Трибунала обратятся к стр. 35 книги документов, то в конце первого абзаца они найдут эти пункты в очень

кратком изложении. Я думаю, мне следует зачитать этот отрывок:

«Я должен реорганизовать все — сначала массы людей, а затем вооруженные силы. Первое — внутренняя реорганизация — уничтожение возможности проявления упадочнических и пораженческих идей, воспитание в духе героизма. Проводя внутреннюю реорганизацию, я предпринял осуществление второй задачи — освобождение Германии от ее международных обязательств. Следует указать два особенно характерных пункта в этой задаче: выход из Лиги наций и уход с конференции по разоружению. Это было трудное решение. Число пророков, которые предвещали, что это приведет к оккупации Рейнской области, было велико; число верящих в меня было очень незначительно. Меня поддерживал народ, который твердо стоял за меня, когда я проводил в жизнь свои идеи. После этого настало время приказа о вооружении. Снова появились бесчисленные пророки, которые предвещали несчастья, и только немногие верили.

В 1935 году — введение обязательной воинской повинности. После этого ремилитаризация Рейнской области, снова — мероприятие, которое в то время считали невозможным. Число людей, которые верили в меня, было очень незначительным. Затем — начало строительства укреплений по всей стране, особенно на западе».

Таково краткое содержание этих четырех пунктов. Подсудимый фон Нейрат непосредственно и лично принимал участие в проведении в жизнь каждого из этих четырех пунктов гитлеровской внешней политики, в то же время официально заявляя, что эти меры не являются шагами к агрессии.

Первый вопрос относится к области истории.

Когда Германия покинула конференцию по разоружению, подсудимый фон Нейрат послал телеграмму, датированную 14 октября 1933 г., председателю этой конференции — и это имеется в документе «Документе дер дейчеполитик» на странице 94, том I, издание 1933 года.

Подобно этому, подсудимый также объявил о выходе Германии из Лиги наций 21 октября 1933 г. Это также может быть найдено в официальных документах. На них имеются ссылки в стенограммах суда на страницах 402 и 450; я напомним Трибуналу о дополнительных документах о военной подготовке, которые зачитывались в суде. Это документы С-140, доказательство США-51 от 25 октября 1933 г. и С-153 — доказательство США-43 от 12 мая 1934 г. Эти документы уже зачитывались в суде и я назвал их лишь для того, чтобы напомнить о них Трибуналу.

Второй пункт — вооружение Германии. Когда подсудимый Нейрат был министром иностранных дел, 10 марта 1935 г.

германское правительство официально объявило о создании германских военно-воздушных сил. Это изложено в документе Т-44, доказательстве ВБ-11, на который уже ссылались.

21 мая 1935 г. Гитлер односторонне отказался от пунктов Версальского договора, касающихся военно-морских, наземных и воздушных сил, что, естественно, вызвало и односторонний отказ от подобных положений в договоре о восстановлении дружественных отношений с Соединенными Штатами. Это изложено в документе ПС-2288 — доказательстве США-38, который также был уже зачитан. В тот же день имперский кабинет, членом которого был подсудимый, принял секретный «Закон об обороне империи», согласно которому была создана должность чрезвычайного генерального уполномоченного по военной экономике, впоследствии охарактеризованная экспертом вермахта (вооруженные силы Германии) по вооружению как «краеугольный камень германского вооружения». Ссылка на этот закон имеется в документе ПС-2261, доказательство США-24, — письме фон Бломберга, датированном 24 июня 1935 г., с приложением этого закона, уже ранее представленного Трибуналу, а ссылка на комментарии о важности этого закона имеется в документе ПС-2353 — доказательство США-35. Частично они уже зачитывались, но если члены Трибунала обратятся к странице 52, где находится этот документ, они найдут отрывок, из которого я зачитаю Трибуналу лишь последнее предложение:

«Последние приказы изложены в законе об обороне империи от 21 мая 1935 г., который предполагалось опубликовать только в случае войны и который был уже признан имеющим важное значение для проведения подготовки к войне. Поскольку этот закон устанавливает обязанности вооруженных сил и других имперских властей в случае войны, он также является основным руководством для развития и деятельности организации военной экономики».

Третий пункт — введение обязательной воинской повинности. 16 марта 1935 г. подсудимый подписал закон об организации вооруженных сил, согласно которому вводилась обязательная военная служба и предполагалось большое увеличение германской армии. Это было оценено подсудимым Кейтелем как начало широкой программы по вооружению, последовавшей за этим законом. Я делаю ссылку на официальную «Рейхсгезетцблатт» за 1935 год, том 1, часть 1, стр. 369.

Четвертый пункт — милитаризация Рейнской области. Рейнская область была вторично милитаризована 7 марта 1936 г. Я напому Трибуналу о двух дополнительных документах: ПС-2289, доказательство США-56 — объявление Гитлера об этом акте и С-139 — доказательство США-53 — директива об операции «Шулунг», предусматривающей проведение при необ-

ходимости военных операций. Таковы были акты, за которые подсудимый должен разделить ответственность в связи с тем положением, которое он занимал, и с теми шагами, которые он предпринимал. Несколько позднее он суммировал свои взгляды на эти действия, подробно изложив их в речи перед немцами, живущими за границей, которую он произнес 29 августа 1937 г. и которую я прошу Трибунал принять без доказательств, поскольку эта речь имеется в «Дас архив» за 1937 год на странице 650. Я процитирую короткую выдержку из нее, которая находится на странице 72 книги документов:

«Единство расовой и национальной воли, созданное нацизмом с небывалым порывом, сделало возможной такую внешнюю политику, при которой пути Версальского договора были разорваны, была вновь достигнута свобода вооружаться и восстановлен суверенитет целой нации. Мы снова стали хозяевами в нашем собственном доме и мы произвели средства, на которых базируется наша мощь, для того, чтобы с этих пор они такими оставались на все времена. Мир должен был бы заметить из деяний и слов Гитлера, что его целью не является агрессивная война».

Мир тогда, конечно, не мог видеть эти различные дополнительные документы о военных приготовлениях, которые я имел возможность представить Трибуналу.

Следующий раздел и следующий пункт обвинения против подсудимого заключается в том, что, будучи министром иностранных дел, а также одним из советников фюрера по вопросам внешней политики, подсудимый принимал участие в политическом планировании и подготовке актов агрессии против Австрии, Чехословакии и других стран.

Характеризуя политику подсудимого в первой фразе, я бы сказал, что это было нарушение договора за договором. Он сам говорил по существу то же самое, хотя и несколько более напыщенно, в своей речи в Академии германского права 30 октября 1937 г. Это имеется в «Дас архив» за октябрь 1937 года, на 921 странице; члены Трибунала найдут это в книге документов на странице 73:

«Признавая эти элементарные факты, имперский кабинет всегда выступал в пользу того, чтобы каждая конкретная международная проблема разрешалась методами, подходящими для каждого отдельного случая, но не осложнялась без необходимости и спутанием с другими проблемами; поскольку это касается проблем, возникших между двумя державами, следует выбирать прямой путь для скорого взаимопонимания между этими двумя державами. Мы в состоянии заявить, что этот метод

полностью себя оправдал не только в интересах Германии, но также и в общих интересах».

Единственными странами, об интересах которых не упомянуто, являются партнеры Германии по различным договорам, с которыми поступили бесчестным образом. Проведение этой политики может быть показано на таблице действий подсудимого в то время, когда он был министром иностранных дел, а также во время деятельности его преемника, когда подсудимый все еще продолжал оказывать влияние.

В 1935 году политика Германии была направлена на вооружение. Когда оно проводилось, другая страна должна была получать заверения в уважении ее интересов. В то время это была Австрия, которую поддерживала Италия. Этой поддержкой Австрия пользовалась до 1935 года. Австрии было дано фальшивое заверение Гитлером 21 мая 1935 г. Что оно было фальшивым, ясно доказывается документом, который представил мистер Олдерман. Я позволю себе лишь сослаться на страницы 534—545 стенограммы суда. Затем, в 1936 году опять налицо действие, направленное против западных держав — ремилитаризация Рейнской области. По этому поводу опять было дано обманное заверение Австрии в договоре от 11 июля 1936 г., а то, что оно было обманным, доказывается письмами подсудимого Папена (доказательства США-64 и 67), на одно из которых недавно ссылался майор Баррингтон¹.

Затем, в 1937—1938 гг. действие было направлено против Австрии. Мы знаем, что это было за действие. Это было поглощение страны, запланированное окончательно на совещании 5 ноября 1937 г., а само действие имело место 11 марта 1938 г.

Нужно было успокоить западные державы, поэтому 13 октября 1937 г. дано было заверение Бельгии, о чем говорил мой друг господин Робертс.

Перейдемте к следующему году, когда объектом агрессивного действия стала Чехословакия. В этот период произошел захват Судетской области в сентябре и поглощение всей Богемии и Моравии 15 марта 1939 г.

Тогда появилась необходимость успокоить Польшу, и поэтому Гитлер сделал по адресу Польши заверение 20 февраля 1938 г. и повторил его 26 сентября 1938 г. Лживость этого заверения была неоднократно раскрыта в выступлении подполковника Гриффит-Джонса, которое члены Трибунала найдут на 966—1016 страницах стенограммы суда.

Затем, когда в следующем году действие было направлено против Польши с целью ее завоевания, заверение должно было быть дано России. В связи с этим был заключен пакт о ненапа-

¹ Майор Баррингтон — один из представителей английского обвинения. — Составители.

дении 23 августа 1939 г., как это уже было показано Трибуналу мистером Олдерманом (страницы 1160—1216 стенограммы процесса).

Что касается представленной нами таблицы, о ней можно сказать, что она говорит сама за себя. Но совершенно откровенное заявление подсудимого, касающееся раннего периода, может быть найдено в записи беседы подсудимого с послом Соединенных Штатов господином Буллитом, которая имела место 18 мая 1936 г. Господин Буллит заявляет:

«Фон Нейрат сказал, что политика германского правительства заключается в том, чтобы не предпринимать ничего активного в области внешней политики до тех пор, пока «Рейнская область не будет освоена». По его словам, он имел в виду, что пока германские укрепления не будут построены на французской и бельгийской границах, германское правительство будет делать все возможное для того, чтобы скорее предотвратить, нежели поощрить выступление нацистов в Австрии и будет придерживаться мирной политики по отношению к Чехословакии...»

«Как только наши укрепления будут построены, страны Центральной Европы поймут, что Франция не может вступить на германскую территорию по своему желанию, все эти страны начнут оценивать совсем по-другому свою внешнюю политику, и новая звезда будет разгораться», — сказал он.

Я напому Трибуналу, не цитируя ее, беседу, на которую недавно ссылался мой друг господин Баррингтон и которая имела место между подсудимым фон Папеном как послом и господином Мессерсмитом, эта беседа была, примерно, такого же содержания.

Далее я перехожу к самой агрессии против Австрии и напоминаю Трибуналу, что подсудимый был министром иностранных дел, во-первых, в течение раннего периода составления нацистских планов против Австрии в 1934 году;

во-вторых, тогда, когда фальшивое заверение было дано Австрии 21 мая 1935 г., а 11 июля 1936 г. был заключен обманый договор с ней;

в-третьих, когда подсудимый фон Папен проводил свои подпольные интриги в период с 1935 года по 1937 год.

Подсудимый фон Нейрат присутствовал, когда Гитлер в интервью, данном 5 ноября 1937 г., заявил о том, что германский вопрос может быть разрешен только силой и что в его планы входит захват Австрии и Чехословакии. Это документ ПС-386, доказательство США-25, которое Трибунал найдет на восьмидесяти второй странице книги документов. Если вы посмотрите на шестую строчку сверху на странице 82, то вы увидите, что одним из лиц, присутствовавших на этом сугубо секретном совещании, был имперский министр иностранных дел барон фон Нейрат,

Не зачитывая этот документ, на который здесь неоднократно ссылались, я только напомню Трибуналу, что отрывок записи беседы о подготовке захвата Австрии находится на странице 86, где после второго и третьего пунктов найдут следующее предложение: «Для улучшения нашего военно-политического положения нашей первой целью должно быть, в случае затруднительного положения, вооруженным путем захватить Чехословакию и Австрию одновременно для того, чтобы избежать любой угрозы с флангов в случае возможного наступления на Запад».

Далее это положение развивается на следующей странице. Важный пункт заключается в том, что подсудимый присутствовал на этом совещании, и поэтому после этого совещания он не может ни признать того, что он действовал с открытыми глазами и с полным пониманием того, что предполагалось осуществить.

Затем идет следующий пункт. Во время проведения аншлюсса он получил ноту от британского посла, датированную 11 марта 1938 г. Это документ ПС-3045, доказательство США-127. Он послал ответ, который содержится в документе ПС-3287, доказательство США-128. Я очень коротко напомню Трибуналу об этом ответе лишь настолько, насколько это необходимо. Я обращаю внимание Трибунала на абзац в начале страницы 93, в котором содержится двойная ложь.

В шестой строчке записано заявление подсудимого фон Нейрата: «Неправда, что империя употребила насильственное давление для того, чтобы добиться нужного ей развития хода событий. Утверждение, которое было распространено позднее бывшим канцлером Шушнигом, о том, что германское правительство якобы предъявило федеральному президенту ультиматум с рядом условий, является чистым вымыслом.

Неправда, что согласно этому ультиматуму он якобы должен был назначить канцлером предлагаемого кандидата для того, чтобы сформировать кабинет, отвечающий предложениям германского правительства, и что в противном случае предполагалось вторжение германских войск в Австрию.

Правда заключается в том, что проблема посылки военных или полицейских сил из империи возникла только тогда, когда вновь сформированный австрийский кабинет послал телеграмму, уже опубликованную прессой, германскому правительству, настойчиво запрашивая посылки германских войск так скоро, как только возможно, для того, чтобы восстановить мир и порядок и избежать кровопролития. Тогда германское правительство, оказавшись перед лицом немедленной угрозы кровавой гражданской войны в Австрии, решило удовлетворить эту, обращенную к ней просьбу».

Как я уже сказал, это две наиболее явные лжи, правдой было то, что уже известно Трибуналу из отчета гаулейтера Рейнера

Бюркелю, уже представленного Трибуналу (документ ПС-312, доказательство США-61), записей бесед по телефону Геринга с Инквартом, которые имели место в тот день и которые изложены в документе ПС-2949, доказательство США-76, а также отрывков из дневника Иодля за 11—13 и 14 февраля, которые имеются в документе ПС-1780, доказательство США-72.

При этом обилии доказательств о лживости заявлений подсудимого Трибунал, пожалуй, сочтет, что наиболее ясным и очевидным доказательством являются стенографические записи бесед Геринга по телефону, содержание которых неоднократно подкреплялось другими документами.

Я прошу Трибунал взглянуть на страницу 116 для того, чтобы уточнить этот вопрос. Это запись в дневнике подсудимого Иодля от 10 марта. В третьем абзаце говорится:

«В 13 часов генерал Кейтель информирует начальника оперативного штаба и адмирала Канариса. Риббентроп задерживается в Лондоне. Нейрат принимает на себя министерство иностранных дел».

Я заявляю, что нельзя представить себе, чтобы, приняв министерство иностранных дел и занимаясь этим вопросом, и, как я покажу Трибуналу через минуту, сотрудничая с подсудимым Герингом, чтобы приспособиться к повышенной восприимчивости чехов, подсудимый мог настолько не знать правду о событиях и о том, что происходило в действительности, чтобы честно и искренне написать такое письмо.

Его положение может быть также достаточно ясно охарактеризовано той оценкой, которая дается ему в письменном показании Мессерсмита (документ ПС-2385, доказательство США-68). Если члены Трибунала обратятся к странице 107 книги документов, они найдут там запись, которая начинается словами:

«Я должен подчеркнуть здесь в этом заявлении, что люди, которые давали эти обещания, были не только нацистами в душе, но и наиболее консервативными немцами, которые уже начали по собственной доброй воле посвящать себя выполнению нацистской программы.

В официальном сообщении в государственный департамент из Вены от 10 октября 1935 г. я писал следующее: «Европа не избавится от мифа о том, что Нейрат, Папен и Макензен не опасные люди и что они являются дипломатами старой школы. На самом деле они являются наиболее покорными инструментами режима, и именно потому, что внешний мир расценивает их как безвредных они могут проводить свою работу наиболее эффективно. Они способны посеять раздор именно потому, что распространяют миф о том, что они не симпатизируют режиму»...

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИМ
ОБВИНИТЕЛЕМ ВАЛЬТЕРОМ БРУДНО
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО
РОЗЕНБЕРГА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного
Трибунала от 9 января 1946 г.]*

Розенберг активно участвовал в делах Востока уже с 20 апреля 1941 г. — за два месяца до нападения Германии на Советский Союз. В этот день он был назначен Гитлером в качестве уполномоченного по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими районами.

Первоначальная подготовка, предпринятая Розенбергом для выполнения этой новой задачи, показывает степень его участия в подготовке и проведении военных планов агрессии. Она также показывает, что он понимал свою задачу таким образом, чтобы требовать помощи очень многих имперских организаций, и он действительно требовал их сотрудничества.

Через некоторое время после назначения его Гитлером Розенберг провел целую серию совещаний с представителями различных имперских учреждений — совещаний, которые суммированы в документе ПС-1039, уже представлявшемся под № США-146.

Этот документ отражает сотрудничество ряда организаций и показывает, что это сотрудничество поощрялось Розенбергом. Вот эти организации:

ОКВ, ОКХ, ОКМ, министерство экономики, управление главного уполномоченного по четырехлетнему плану, министерство внутренних дел, руководство «Гитлерюгенд», германский «трудовой фронт», министерство труда, СС, СА и еще некоторые другие организации.

Следует отметить, что эта деятельность проводилась Розенбергом в качестве уполномоченного по восточным территориям еще до нападения на Советский Союз, до того, как он был назначен имперским министром по оккупированным территориям Во-

стока, и даже до того, как Германия оккупировала эти территории и могла управлять ими.

Я хотел бы коротко сослаться теперь на основные взгляды Розенберга касательно его новой задачи и на те директивы, которые он должен был выполнять.

8 мая 1941 г. были изданы специальные инструкции имперским комиссарам по оккупированным восточным территориям для проведения определенных мероприятий. Эти инструкции содержатся в документе ПС-1030, уже представленном суду под № США-144. Последний абзац, который здесь еще не зачитывался, гласит:

«С точки зрения культурной политики германская империя собирается поощрять и направлять национальную культуру и науку во многих областях. Будет необходимо, чтобы на некоторых территориях было произведено выкорчевывание различных расовых корней».

В документе ПС-1029, который уже представлен под № США-145, Розенберг указывает, что «Остланд должен превратиться в часть великой германской империи путем германизации расовоприемлемых элементов и колонизации германских рас, а также путем уничтожения нежелательных элементов».

В речи 20 июня 1941 г., как ваша честь помнит, Розенберг утверждал, что «деятельность по обеспечению продовольствием немцев является главной задачей на Востоке. У нас нет обязательств кормить русский народ. Это тяжелая необходимость, не имеющая ничего общего с какими-либо чувствами. Будет необходима очень интенсивная эвакуация, и в будущем русском предстоит много тяжелых лет». Эта речь содержится в документе ПС-1058, США-147.

4 июля 1941 г., еще до назначения Розенберга министром по делам восточных территорий, представитель Розенберга участвовал в совещании по вопросу использования труда и, в особенности, труда советских военнопленных. Документ ПС-1199 является протоколом этого совещания, и я представляю его в качестве доказательства под № США-604. В этом документе говорится, что на совещании участвовали представители уполномоченного по четырехлетнему плану, имперского министерства труда, министерства питания и бюро Розенберга. В первом предложении говорится (я цитирую):

«После короткой вступительной речи подполковника доктора Крулля подполковник доктор Брейер из отдела по военнопленным объяснил, что существует запрещение фюрера, ввозить русских военнопленных в империю в порядке трудовой мобилизации, но что, видимо, можно рассчитывать на то, что это запрещение будет несколько ослаблено».

Последний параграф гласит (я цитирую):

«Председатель суммировал результаты обсуждения и подчеркнул, что все заинтересованные организации выдвинули точку зрения, что необходимо использовать военнопленных в связи с потребностями в рабочей силе внутри империи».

16 июля 1941 г., за день до того, как Розенберг был назначен министром по делам оккупированных территорий Востока, он участвовал на совещании в штаб-квартире фюрера. Протокол этого совещания уже представлялся Трибуналу в качестве документального доказательства под № Л-221, США-317.

В то время Гитлер заявлял, что «Крым должен быть эвакуирован. Из него должны быть вывезены все иностранцы и там должны быть расселены только немцы». Он заявлял также, что цель Германии на Востоке: «во-первых, господствовать, во-вторых, управлять Востоком и, в-третьих, эксплуатировать Восток».

Таким образом, характер мероприятий, которые предусматривались на оккупированных территориях Востока, был ясен до того, как Розенберг занял пост министра по делам оккупированного Востока. Он знал эти планы и был согласен с ними. Преследование евреев, принудительный труд военнопленных, германизация, эксплуатация — вот основные линии политики, о которых знал Розенберг до того, как он принял на себя обязанности министра.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИМ
ОБВИНИТЕЛЕМ ШПРЕХЕРОМ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО
ШИРАХА

[Из стенограммы заседания Международного Военного
Трибунала от 15 января 1946 г.]

...В течение шести лет нацистского политического господства в Германии, накануне развязывания агрессивной войны Ширах принимал активное участие в милитаризации германской молодежи. С самого начала гитлеровская молодежь была организована по военному принципу: она имела военную форму, для нее были установлены ранги и титулы. Она была организована в полки, и командование осуществлялось согласно принципам фюрерства.

Если господа судьи обратят внимание на любое издание устава НСДАП, то в разделе схем и таблиц на странице 54 они найдут эффективные изображения знаков различия «гитлеровской молодежи»¹ и они заметят, насколько они схожи с военными знаками различия. Господа судьи, вы заметите, что одной из выдающихся эмблем была буква «С», подобная той, которую нацисты использовали в качестве эмблемы для обозначения принадлежности к СС. Обратите внимание на то, что к военной форме полагался длинный нож.

Председатель: Разве это не является частью того, что они называли нацистской идеологией, я имею в виду принцип фюрерства и военное обучение?

Шпрехер: По-видимому, принцип фюрерства был связан со всем этим потому, что принцип фюрерства господствовал абсолютно во всех областях германской жизни. Однако я полагаю, что, демонстрируя вам таким графическим путем аналогию между военной формой гитлеровской молодежи и армии, мы рассматриваем вопрос, который имеет отношение к

¹ В дальнейшем речь будет идти об этой организации гитлеровской молодежи («Гитлерюгенд»). — Составители.

подготовке агрессивной войны, на чем я сейчас и хочу остановиться.

Ссылаюсь на документ ПС-2654, который имеется на странице 102 книги документов.

Это целая книга, которая посвящена организации и знакам различия гитлеровской молодежи. Трибунал увидит в этой книге, как гитлеровская молодежь была разбита на группы или дивизии, аналогичные воинским соединениям. Я представляю эту книгу, на которую я позднее буду ссылаться как на документальное доказательство за № США-675.

В речи, произнесенной в феврале 1938 года, когда заговорщики уже сбросили частично свою маскировку, скрывавшую их раннюю подготовку к войнам, от которых мы понесли столько страданий, Гитлер остановился на вопросе военного обучения гитлеровской молодежи. Эта речь была напечатана в «Фелькишер беобахтер» в номере от 21 февраля 1938 г. Это документ ПС-2454 на странице 97 книги документов. Я представляю этот документ в качестве доказательства США-676. Гитлер заявил тогда, что тысячи германских юношей прошли специальный курс обучения через организацию гитлеровской молодежи, будучи объединенными в военно-морские, моторизованные и авиационные части, и что свыше 7 тысяч инструкторов провели курс обучения по стрелковому делу более чем с одним миллионом членов гитлеровской молодежи. Это было в феврале 1938 года накануне «аншлюсса».

Я прошу обратить внимание на прогресс военной подготовки гитлеровской молодежи в период между этой датой и августом 1939 года, предшествовавшим вторжению в Польшу.

В то время подсудимый Ширах и подсудимый Кейтель как начальник штаба верховного командования заключили одно из тех соглашений, которые многие из подсудимых любили заключать между собой. Это видно из документа ПС-2398 на странице 72 книги документов. Я представляю его в качестве доказательства США-677. Это — выдержка из «Дас архив». Там во вступительной части к основному тексту соглашения указано, что это соглашение было результатом «тесного сотрудничества» между Ширахом и Кейтелем. В самом соглашении говорилось следующее. Я оглашу некоторую его часть:

«В то время, как воспитание подразделений «гитлеровской молодежи» в этом направлении является делом самой «гитлеровской молодежи», с точки зрения вооруженных сил полезно будет оказывать руководящему составу «гитлеровской молодежи» помощь в его работе по проведению универсального военного обучения путем чтения специальных курсов».

Затем я перехожу к концу цитаты, где имеется следующая фраза:

«Большое количество курсов уже проходит в настоящее время».

В то время как Гитлер в феврале 1938 года говорил о том, что 7 тысяч инструкторов гитлеровской молодежи занимались обучением германской молодежи стрелковому делу, Ширах и Кейтель в своем соглашении в августе 1939 года указали:

«30 тысяч руководителей гитлеровской молодежи сейчас ежегодно проходят курс обучения в полевых условиях».

Соглашение с командованием вооруженных сил представляет возможность примерно удвоить это количество. Размещение и питание руководителей гитлеровской молодежи производятся в соответствии с инструкциями, которые уже были изданы, в бараках, на учебных плацах и т. д. германских вооруженных сил, и это обходится 25 пфеннигов в день».

Так же, как Ширах заключил соглашение с руководителем СС в отношении поставки новых рьяных членов для организованного бандитизма и для совершения зверств, он заключил соглашение с руководителями германских вооруженных сил о поставке молодежи в качестве пушечного мяса для агрессивной войны. Военное обучение молодежи было одним из наиболее важных моментов в нацистском заговоре. Это было одним из тех действий нацистов, которые потрясли весь цивилизованный мир.

Я хотел бы огласить только одну фразу из его письменного показания, данного под присягой (документ ПС-3302), для того, чтобы ни у Трибунала, ни у всего мира не оставалось никаких сомнений относительно чувства ответственности самого подсудимого. Я оглашаю:

«Я чувствую себя ответственным за политику в отношении молодежного движения внутри партии и позднее во всей империи».

Я подчёркиваю его слова: «Я чувствую себя ответственным»...

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИМ
ОБВИНИТЕЛЕМ РОБЕРТОМ КЕМПНЕРОМ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО
ФРИКА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного
Трибунала от 16 января 1946 г.]*

Представлением документальных доказательств мы доказали, что подсудимый Фрик как участник заговора создал государственный аппарат для нацизма. На основании последующих документов мы докажем, что Фрик также активно содействовал нацистскому государству в его подготовке к войне.

Вначале я хочу показать, что Фрик положительно относился к многочисленным нарушениям Германией ее пактов о ненападении. Об этом ясно говорится в письменном показании посла Мессерсмита (документ ПС-2385), которое было представлено за № США-68. Я оглашу только одно предложение из этого письменного показания. Оно гласит:

«Нацисты, занимающие высокие посты, с которыми я должен был поддерживать официальную связь, в особенности такие, как Геринг, Геббельс, Лей, Фрик, Франк, Дарре и другие, неоднократно издевались над моей точкой зрения относительно обязательного характера договоров и откровенно говорили мне, что Германия будет соблюдать свои международные обязательства постольку, поскольку это в интересах Германии».

В мае 1935 года, после того как он был назначен главным уполномоченным по администрации империи, Фрик стал одним из трех руководителей, которые возглавили подготовку Германии к войне. Другими двумя членами этого триумvirата были начальник верховного командования вооруженных сил и генеральный уполномоченный по экономике, которым тогда был подсудимый Шахт. Фрик признал, что он занимал пост главного уполномоченного с 21 мая 1935 г., то есть со дня издания первоначального тайного закона об обороне империи. Я ссылаюсь на документ ПС-2978, доказательство США-8, в котором говорится о занимаемых им служебных постах.

Его функции как главного уполномоченного определяются в

законе об обороне империи от 4 сентября 1938 г., представлявшем большую военную тайну. Согласно этому закону в руках Фрика были сосредоточены огромные полномочия как главного уполномоченного по вопросам администрации. На основании этого закона он стал руководить, помимо подчиненных ему как министру внутренних дел учреждений, следующими учреждениями: имперским министерством юстиции, имперским министерством по вопросам просвещения, имперским министерством по вопросам религии, имперским управлением по вопросам планирования.

Сам Фрик признал ту первостепенную роль, которую он играл в подготовке к войне как член триумvirата в речи, произнесенной 7 марта 1940 г. в Фрейбургском университете. Я представляю в качестве доказательства документ ПС-2608, США-714, в котором имеются выдержки из этой речи. Я думаю, что будет целесообразно, если Трибунал разрешит мне огласить два кратких абзаца, начиная с первой страницы английского перевода:

«Организация национальной обороны невоенного характера органически входит в структуру национал-социалистского правительства и администрации. Такое положение вещей не является исключением, а необходимой и запланированной частью национал-социалистского порядка. Таким образом, перевод нашей администрации и экономики на рельсы войны был совершен весьма быстро и без всяких трений и без весьма пагубных изменений в структуре государства.

Запланированная подготовка администрации на случай войны уже проводилась в мирное время. С этой целью фюрер назначил генерального уполномоченного по вопросам имперской администрации и главного уполномоченного по вопросам экономики».

Значительная часть содействия Фрика подготовке германского государства к агрессивной войне подробно описывается в книге «Доктор Вильгельм Фрик и его министерство» (документ ПС-3119), уже представленной в качестве доказательства. Я хотел бы огласить только два кратких предложения в начале третьей страницы английского перевода:

«Кроме того заслуживает особого упоминания деятельность имперского министра внутренних дел в важной отрасли военного законодательства и тем самым в создании наших вооруженных сил. В конце концов имперский министр внутренних дел является гражданским министром обороны, который как таковой не только подписывал с имперским военным министром военный закон от 12 мая 1935 г., но как главный уполномоченный по вопросам общей и внутренней администрации и начальник полиции он также получил от фюрера и имперского канцлера важные полномочия в области системы набора и военного контроля»...

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИМ
ОБВИНИТЕЛЕМ МЕЛЬТЦЕРОМ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО
ФУНКА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 11 января 1946 г.]*

Характер и значение работы Функа с крупными промышленниками подчеркнуты в его биографии.

...Я прошу разрешения коротко остановиться на выдержках из биографии Функа:

«Не менее важное значение, чем работа Функа в области создания программы в 1931—1932 гг., имела его деятельность в качестве связного между фюрером и руководителями германской промышленности, торговли, внешней торговли и финансов. В связи с его прошлой деятельностью его личные связи с экономическими руководителями были широки и многообразны. Он мог теперь привлечь их на службу Гитлеру и не только авторитетно отвечать на их вопросы, но также убедить их и завоевать их поддержку для партии. Для того времени это была очень важная работа. Каждый успех, достигнутый в этом вопросе, означал моральное, политическое и экономическое усиление боевых сил партии и помогал уничтожить предрассудок о том, что национал-социалистское движение представляется только партией классово-ненависти и классовой борьбы».

Непосредственно до того, как подсудимый Функ, заменив подсудимого Шахта, занял пост министра по вопросам экономики в 1938 году, была произведена коренная реорганизация функций этого министерства, в результате которой оно было объединено с управлением четырехлетнего плана и играло роль высшего руководства германской военной экономики. Эта реорганизация была проведена на основании декрета от 4 февраля 1938 г., который был подписан Герингом как уполномоченным по вопросам четырехлетнего плана.

Сейчас я хочу указать только на то, что этот декрет ясно доказывает, что подсудимый Функ играл важнейшую роль в экономической мобилизации в этот решающий период.

В 1938 году ему было непосредственно поручено подготовить германскую экономику к войне. Секретным декретом он был назначен генеральным уполномоченным по вопросам экономики, и он занял этот пост, который до него занимал подсудимый Шахт. В этой связи я ссылаюсь на документ, который представляет собой письмо от 6 сентября 1938 г. Это письмо было препроводительным письмом к проекту закона об обороне империи от 4 сентября 1938 г. Я хотел бы огласить выдержку на странице 4 английского перевода — второй, третий, четвертый абзацы. Там говорится: «Задача генерального уполномоченного по вопросам экономики заключается в том, чтобы использовать все экономические силы в интересах обороны империи и обеспечить в экономическом отношении существование германской нации. Ему подчинены: имперский министр по вопросам экономики, имперский министр по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, имперский министр труда и т. д. ...

...Он также несет ответственность за финансирование обороны империи в рамках имперского министерства финансов и имперского банка. Генеральный уполномоченный по вопросам экономики должен выполнять требования ОКВ, которые имеют большое значение для вооруженных сил, и он должен обеспечить экономические условия для промышленности по производству вооружения, которая находится под непосредственным руководством ОКВ, в соответствии с ее запросами».

Подсудимый Функ в своей речи, произнесенной 14 октября 1939 г., пояснил, каким образом в качестве генерального уполномоченного по вопросам экономики он в течение полутора лет до начала агрессии против Польши поставил германскую экономику на рельсы войны:

«Хотя все экономические и финансовые управления были перегружены работой по выполнению четырехлетнего плана под руководством генерал-фельдмаршала Геринга, военно-экономическая подготовка Германии к войне также проводилась тайно и в других отделах в течение более года, главным образом путем создания национального руководящего аппарата по выполнению особых военно-экономических задач, которые должны были быть выполнены в тот момент, когда война станет уже фактом. Для этой работы были объединены все экономические управления в один административный аппарат под руководством генерального уполномоченного по вопросам экономики, на пост которого фюрер назначил меня полтора года назад».

Занимая одновременно эти две должности — генерального уполномоченного по вопросам экономики и министра по вопросам

экономики, подсудимый Функ, естественно, был осведомлен относительно тех требований, которые программа агрессии заговорщиков предъявляла к экономике Германии. Документ, который уже был принят в качестве доказательства, представляет собой совершенно секретный протокол совещания, состоявшегося в кабинете Геринга 14 октября 1938 г.

На этом совещании Геринг ссылаясь на международную ситуацию и директиву Гитлера составить гигантскую программу вооружения, в которой говорилось, что министерство экономики должно увеличить экспорт с тем, чтобы приобрести иностранную валюту, необходимую для выполнения этой задачи...

Военно-воздушные силы должны были возрасти в пять раз. Военно-морской флот должен был усилить свое вооружение, и армия должна была ускорить производство оружия для необходимого нападения.

После ухода в отставку Шахта Функ стал основной, центральной фигурой в подготовке планов финансирования войны. Это было естественно, потому что Функ после 1939 года занимал три поста, которые были тесно связаны с финансированием военных мероприятий, а именно: министра по вопросам экономики, генерального уполномоченного по вопросам экономики и в дополнение к этому — председателя рейхсбанка.

Роль Функа в финансировании войны ясно демонстрируется в документе, который был обнаружен в захваченных архивах имперского министерства по вопросам экономики. Он состоит частично из письма, написанного генеральным уполномоченным по вопросам экономики и подписанного от его имени доктором Поссе. Письмо датировано 1 июня 1939 г., и к нему прилагается протокол совещания по вопросам финансирования — совещания, которое состоялось под председательством заместителя Функа — доктора Ландфрида в министерстве по вопросам экономики.

Во время совещания, на котором присутствовали двенадцать чиновников, пять из которых несли прямую ответственность перед Функом и занимали различные посты, обсуждался меморандум относительно финансирования войны, который был подготовлен генеральным уполномоченным по вопросам экономики 9 мая 1939 г. Я хотел бы огласить выдержку:

«Затем было доложено относительно содержания записки по вопросам внутреннего финансирования войны от 9 мая этого года, в которой также приводились цифры, переданные мне имперским министром финансов. Было указано, что генеральный уполномоченный по вопросам экономики заинтересован в первую очередь в том, чтобы внести в законы по вопросам финансирования войны идею финансирования военных издержек, рассчитывая на доход в будущем, после окончания войны...

Заместитель министра Ньюмен, во-первых, поставил на обсуждение вопрос, будет ли в состоянии промышленность выполнять все запросы армии, в особенности в случае, если запросы армии, как об этом говорится в вышеупомянутом докладе, возрастут примерно до 14 миллиардов в первые три месяца войны. Он заявил, что если производственная мощность промышленности на территории империи будет взята за основу, то он сомневается в возможности такого увеличения».

Ясно, что подсудимый Функ осуществлял огромную власть над значительными областями германской экономики, организация и руководство которыми имели своей конечной целью подготовку к войне. Некогда мощная германская военная машина, которая была построена на основании тщательной экономической подготовки, была обязана своим существованием также и деятельности подсудимого Функа и была подчинена интересам нацистской агрессии. И подсудимый Функ делал это, будучи полностью осведомленным о планах военной агрессии. Осведомленность его подтверждается несколькими факторами: длительным и тесным сотрудничеством Функа с нацистскими внутренними кругами, характером его официальных обязанностей, господством идей войны в нацистской Германии и тем фактом, что применение силы и угрозы применить насилие были главным и открытым оружием внешней политики Германии.

Последним доказательством, еще больше подтверждающим осведомленность Функа, является тот факт, что в то время, когда Функ проводил экономическую подготовку, создавались планы агрессии, планы, которые позднее проводились в жизнь. Эти планы могли эффективно проводиться в жизнь только в том случае, если они проводились одновременно с экономическими мероприятиями.

Этот факт осведомленности подсудимого Функа подкрепляется всеми документальными доказательствами, которые уже были представлены Трибуналу в свете вышеперечисленных факторов.

Мы уже видели, что подсудимый Функ сообщил господину Мессерсмитту, что захват Австрии Германией якобы вызывался политической и экономической необходимостью и что этот захват следовало произвести любыми средствами.

Геринг давал инструкции министерству по вопросам экономики, которые нельзя рассматривать иначе как директивы для подготовки экономической основы агрессии. ...Функ и его подчиненные в мае — июне 1939 года готовили детальные планы финансирования войны, а именно специфической войны против Польши. В этой части я хотел бы сослаться на письмо от 25 августа 1939 г., написанное подсудимым Функом Гитлеру. В этом письме Функ выражал свою благодарность за то, что он был в состоянии использовать свой опыт в эти исторические времена и

внести вклад в эти грандиозные события. Он благодарил Гитлера за то, что тот принимал его предложения, которые были направлены на подготовку германской экономики к войне.

Более того, были представлены другие доказательства, которые показывают, что подсудимый Функ, как лично так и через своих представителей, участвовал в экономическом планировании, которое предшествовало военной агрессии против Советского Союза.

...Подсудимый Розенберг, который был назначен уполномоченным по вопросам централизованного разрешения проблем, возникших в связи с оккупацией восточной территории, то есть Советского Союза, обсуждал вместе с подсудимым Функом экономические проблемы, которые должны были возникнуть после осуществления плана агрессии на Востоке. ...Функ назначил некоего доктора Шлотерера своим представителем для сотрудничества с Розенбергом в связи с эксплуатацией восточных территорий, и Шлотерер почти ежедневно встречался с Розенбергом.

Совершенно ясно, что подсудимый Функ участвовал в каждой стадии деятельности заговорщиков с момента захвата ими власти и до их конечного поражения. Всегда он действовал эффективно, может быть, иногда более скрытно, чем другие, и содействовал осуществлению нацистской программы, которая с самого начала предусматривала использование безжалостного террора и насилия внутри, а в случае необходимости — и вне пределов Германии.

Мы также утверждаем, что подсудимый Функ, будучи полностью осведомленным о намерениях заговорщиков, являясь министром по вопросам экономики, председателем рейхсбанка и генеральным уполномоченным по вопросам экономики, активно участвовал в мобилизации германской экономики для агрессии.

Более того, в качестве члена правительственного совета по вопросам обороны и центрального управления по планированию он активно участвовал также и в ведении агрессивной войны. В силу того, что он был членом центрального управления по планированию, он подготавливал и руководил осуществлением программы порабощения, содействовал эксплуатации и умерщвлению миллионов иностранных рабочих.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ РОБЕРТСОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМЫХ КЕЙТЕЛЯ И ИОДЛЯ

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 9 января 1946 г.]*

Господа судьи, моим долгом является представление доказательств в отношении Кейтеля, а также в отношении подсудимого Иодля.

Дело, касающееся Кейтеля и Иодля, идет по параллельным линиям. В большинстве документов говорится о них обоих вместе.

Подсудимый Кейтель в феврале 1939 года стал начальником ОКВ, а Иодль стал начальником оперативного штаба. Это точно доказывается стенографическими записями и документами.

Кейтель руководил отделом «вермахт» в имперском военном министерстве.

Иодль в 1936 году имел звание подполковника и занимал пост начальника оперативного отдела обороны страны — Ландсфертейдигунг. Я хочу сослаться на период до 1938 года — до организации ОКВ. Первый документ, который я хотел бы упомянуть, — ЕС-177 (доказательство США-390).

Этот протокол заседания рабочего комитета имперского совета обороны, которое имело место вскоре после прихода нацистов к власти. Протокол датирован 22 мая 1933 г.

Кейтель председательствовал на этом заседании. Имело место продолжительное обсуждение предварительной подготовки Германии к войне. Подсудимый Кейтель рассматривал эту задачу как неотложную; он считал, что в предыдущие годы было сделано очень мало. Кейтель подчеркнул необходимость сохранения документа втайне, а также то, что документ не должен быть потерян и что устные заявления должны отрицаться в Женеве. Я отмечаю, что уже в ранние дни 1933 года начальник штаба вооруженных сил Германии рассматривал ложь как оружие.

Следующий документ — это протокол комитета имперского совета обороны, датированный 26 июня 1935 г., под номером ЕС-405 (доказательство ВВ-160). Он устанавливает тот факт, что Иодлю были известны планы ремилитаризации Рейнской области и что он сам замешан в этом событии. Трибунал увидит, что в начале страницы, абзац «f», отмечено, что полковник Иодль делает сообщение о подготовке к мобилизации и говорит:

«Демилитаризованная зона требует особого управления. В своей речи от 21 мая и в других своих выступлениях фюрер утверждал, что положения Версальского договора и Локарнского пакта касательно демилитаризованной зоны должны быть пересмотрены. На вопрос французского поверенного в делах касательно призывного пункта в демилитаризованной зоне имперское правительство ответило, что никакие гражданские власти и никакие другие учреждения в демилитаризованной зоне не уполномочиваются на выполнение задач по мобилизации, например, таких, как организация, обмундирование и вооружение каких-либо соединений в случае войны или для приготовления к ней.

Поскольку в настоящее время следует избегать политических трений с иностранными державами, я подчеркиваю — в настоящее время, — должны быть проведены только такие подготовительные меры, которые являются совершенно необходимыми. Наличие таких приготовлений или намерений провести их должно содержаться в строжайшем секрете в самой этой зоне так же, как и во всей остальной империи».

Это ясно показывает, что Иодлю было известно подготавливаемое нарушение Версальского договора.

Перед тем днем, когда Рейнская область была ремилитаризована, 7 марта 1936 г., подсудимый Кейтель издал директиву — документ С-194 (доказательство США-55), в которой предусматривалась воздушная разведка и передвижение подводных лодок в случае, если какая-либо нация сделает попытку помешать ремилитаризации.

Я перехожу к 4 февраля 1938 г., когда было сформировано ОКВ. Вскоре после этого, 19 апреля 1938 г., было издано руководство (доказательство США-211) «совершенно секретно, только для командующих».

«Руководство войной, как проблема организации».

Я прочту только из приложения, которое называется «Что такое война будущего?»

«Неожиданность, которая должна быть предпосылкой для быстрого военного успеха, часто требует, чтобы военные действия начались прежде, чем закончена мобилизация, и прежде, чем армии будут приведены в полную готовность.

Объявление войны больше не является необходимым первым шагом для начала войны.

Обычные правила войны, касающиеся нейтральных государств, могут учитываться только с той точки зрения, насколько проведение этих правил создаст большие преимущества или, наоборот, ущерб для воюющих народов».

Можно, конечно, сказать, что это только теоретические рассуждения и что они могут относиться к любому другому государству, которое может иметь намерение начать войну против Германии. Суд учтет положение в Европе в 1938 году и решит вопрос о том, имела ли тогда Германия какого-либо потенциального агрессора против нее.

Этот отрывок показывает тот метод, которым Германия действительно начинала войны в 1939 году и в последующие годы.

Сейчас я перейду к тому пути, о котором уже много раз говорилось и будет еще говориться. Это — путь от 1938 до 1941 года — до окончательного акта агрессии. Документы достаточно ясно демонстрируют, что Кейтель, будучи начальником ОКВ, и Иодль, будучи начальником оперативного штаба, были неразрывно связаны с каждым отдельным актом агрессии, проводившимся против различных жертв нацистской агрессии.

Я начну с агрессии против Австрии. Вы помните дневник Иодля, запись от 12 февраля 1938 г. о том, как Кейтель применил нажим на Шушнига (документ ПС-1780) и как на следующий день Кейтель писал Гитлеру (документ ПС-1775, доказательство США-73), предлагая инсценировку военных действий и распространение ложных слухов.

Затем следует отметить оперативные приказы ОКВ от 11 марта 1938 г. по операции «Отто», за которые ответствен Кейтель.

Председатель: Какие номера приказов?

Робертс: С-102, С-103, С-182. Один из них имеет подпись Кейтеля или его инициалы и два имеют инициалы Иодля. Это были оперативные приказы о вторжении в Австрию. Приказ о том, если Трибунал помнит, что с чешскими солдатами следует обращаться, как с врагами, а с итальянцами, как с друзьями. Первая веха на этом пути — оккупация Австрии.

Далее я остановлюсь на вопросе агрессии против Чехословакии. Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-388 — досье, представленное под № США-26.

Из протокола совещания от 21 апреля 1938 г. видно, что на этом совещании были разработаны и подвергнуты обсуждению предварительные планы, включая возможность инцидента, а именно убийства германского посла в Праге.

Документ 5 в этом досье, датированный 20 мая 1938 г., показывает, что планы политической и военной кампании против Чехословакии были разработаны Кейтелем.

Документ 11, датированный 30 мая 1938 г., представляет собой директиву, подписанную Кейтелем, относительно вторжения

на территорию Чехословакии, причем там указывалась дата 1 октября 1938 г.

Затем идет ряд документов, на которых имеются инициалы Иодля, а именно: документы 14 и 17.

Затем идет директива (документы 31 и 32) от 27 сентября 1938 г., подписанная Кейтелем, о тайной мобилизации.

Дневник Иодля, документ ПС-1780, содержит много записей о предстоящей агрессии, в особенности записи от 18 мая и 8 сентября 1938 г. В дневнике Иодля, документ ПС-1780, имеется весьма обличительная запись от 11 сентября, где говорится:

«Днем состоялось совещание со статс-секретарем».

Председатель: Не назовете ли вы нам дату?

Робертс: Эта запись от 11 сентября 1938 г. «Совещание, имевшее место днем, со статс-секретарем Янке из министерства народного просвещения и пропаганды. Там обсуждались важные общие задачи. Всесторонняя подготовка для того, чтобы опровергать нарушения международного права с нашей стороны и использовать нарушения международного права противником, рассматривалась как особенно важный вопрос на этом совещании». Я подчеркиваю слова «нарушения международного права с нашей стороны».

В результате этого совещания был подготовлен документ, в котором перечислялись возможные нарушения международного права и объяснения для этих нарушений.

После подписания Мюнхенского пакта, как об этом говорилось уже много раз, нацистские заговорщики сразу стали подготавливать захват остальной части Чехословакии.

В этот момент Иодль временно исчезает со сцены, — он уходит службу в строевой части в качестве генерала от артиллерии в 44-й дивизии в Австрии. После подписания Мюнхенского пакта, 26 августа 1939 г., накануне вторжения в Польшу, он был вновь вызван для того, чтобы занять свой прежний пост начальника оперативного штаба верховного командования германских вооруженных сил.

Что касается Кейтеля, то 21 октября 1938 г., менее чем через месяц после подписания Мюнхенского пакта, он поставил свою подпись на приказе фюрера о ликвидации остальной части Чехословакии и об оккупации Мемеля (документ С-136, доказательство США-104).

24 ноября 1938 г. (документ С-137, ВБ-33) Кейтель издал меморандум относительно внезапной оккупации Данцига.

17 декабря 1938 г. (документ С-138, США-105) Кейтель подписал приказ о «Подготовке к ликвидации Чехословакии». Эти подготовительные мероприятия были проведены.

15 марта 1939 г. Кейтель присутствовал при встрече фюрера с Гаха — президентом Чехословацкой республики, когда под угро-

зой бомбардировки Праги Гаха капитулировал и принял ультимативные требования Германии.

Теперь я перехожу к агрессии против Польши. Кейтель присутствовал на совещании в имперской канцелярии 23 мая 1939 г. (документ Л-79, США-27), когда было сказано в такой открытой форме, что «вопрос о Данциге не является предметом обсуждения. На Польшу следует напасть при первой благоприятной возможности. Голландские и бельгийские авиабазы должны быть оккупированы. Нейтралитет следует игнорировать».

Директива о вторжении в Польшу (план «Вейс», документ С-120А, ВБ-41) была подписана 3 апреля 1939 г. Трибунал вспомнит, что 1 мая эти планы были переданы ОКВ и к 1 сентября вооруженные силы должны были быть в состоянии готовности для нападения. Эта директива была подписана Кейтелем.

Приказ от 22 июня 1939 г. (документ С-126, ВБ-45) был дополнением к первоначальной директиве. В этом приказе подчеркивалась необходимость маскировки и говорилось, что «не следует возбуждать беспокойства среди населения». Этот документ подписан Кейтелем.

17 августа 1939 г. (документ ПС-795, ВБ-54) Кейтель присутствовал на совещании с адмиралом Канарисом относительно предоставления польской военной формы Гейдриху.

«11.00—13.30 — совещание с начальником штаба верховного командования вооруженных сил. Днем «икс» было объявлено 26 августа. Время «игрек» было назначено на 4.30».

Я перехожу к Норвегии и Дании. Мы располагаем относящимся к обеим странам документом С-54, ВБ-86 о том, что 12 декабря 1939 г. Кейтель и Иодль, оба присутствовали на совещании у Гитлера, где присутствовал также Редер, когда обсуждалось вторжение в Норвегию. И тот факт, что на Кейтеля была возложена прямая ответственность за эти операции, подтверждается документом С-63, доказательство ВБ-87, в котором Кейтель писал, что «операции против Норвегии будут проведены под моим прямым и личным руководством». Он руководил работой отдела планирования верховного командования по проведению этих операций.

Я утверждаю, что осведомленность Иодля ясно доказывается также записями в его собственном дневнике (документ ПС-1809). Трибунал вспомнит запись от 13 марта 1940 г., в которой Иодль писал о том, что фюрер все еще подыскивал предлог для проведения операции «Везер». Это было 13 марта.

Там говорится: «Фюрер не отдает приказа относительно операции «Везер», он все еще подыскивает предлог».

И затем в записи от 14 марта написано: «Фюрер еще не решил, какой предлог следует избрать для операции «Везер». С разрешения Трибунала, я хотел бы указать на то, что эта

фраза — «еще подыскивает предлог» — показывает в отталкивающем виде понятие о чести, существовавшее у германских военных руководителей.

Норвегия подверглась неожиданному нападению, и только затем были выдвинуты фальсифицированные предлоги.

Я утверждаю, что вторжение в Нидерланды и Люксембург в равной степени, как это ясно доказывают документы, происходило под контролем и руководством Кейтеля, действовавшего с помощью Иодля. Трибуналу уже представлялся протокол совещания, состоявшегося в мае, а это — директива, подписанная Кейтелем 15 октября.

Председатель: Какая это серия?

Робертс: Это № С-62.

Здесь имеются два документа: от 9 октября и 15 октября. Это две директивы: одна, подписанная Гитлером, другая, подписанная Кейтелем. В них содержатся приказы об оккупации Голландии и Бельгии.

Документ С-10, ВБ-108 от 8 ноября — это оперативный приказ Кейтеля 7-й парашютной дивизии совершить высадку в центре Гааги.

Документ ПС-44, ВБ-107 от 20 ноября, подписанный Кейтелем, представляет собой последующую директиву относительно вторжения в Голландию и Бельгию.

Документ С-72, ВБ-109 от 7 ноября 1939 г. и 10 мая 1940 г. включает в себя восемнадцать писем, из которых одиннадцать подписано Кейтелем, а семь — Иодлем, в них говорилось, что фюрер приказал отложить день вторжения ввиду неблагоприятной погоды.

В дневнике Иодля также имеются записи об этих событиях (документ ПС-1809). Здесь имеется несколько записей относительно предстоящих операций, достигших своего кульминационного пункта 8 мая. Я хочу напомнить Трибуналу одну запись, когда Иодль сказал, что «поступают тревожные информации из Голландии». И далее он выражает негодование по поводу того, что безнравственные голландцы собираются исправлять дорогу и проводить подготовку к мобилизации.

Затем, господа судьи, состоялось вероломное вторжение в эти три нейтральных государства.

Теперь я перехожу к планированию агрессии против Греции и Югославии. Документ ПС-1541, ВБ-117 от 13 декабря 1940 г. представляет собой приказ Гитлера об операциях против Греции, зашифрованный под названием «Марита». Этот приказ был подписан Гитлером, копия была направлена Кейтелю.

Документ ПС-448, ВБ-118 представляет собой приказ, подписанный Гитлером, на котором имеются инициалы Кейтеля. Это приказ от 11 января 1941 г. об операциях против Греции.

Документ С-134, ВБ-119, датированный 20 января 1941 г., показывает, что Кейтель и Иодль оба присутствовали на совещании с Гитлером, Муссолини и другими лицами, когда обсуждалась операция против Греции и Югославии.

В документе С-59, ВБ-121 от 19 февраля 1941 г. даты операции «Марита» были проставлены Кейтелем.

Документ ПС-1746, ВБ-120. Это протокол совещания у Гитлера от 27 марта 1941 г., на котором присутствовали Кейтель и Иодль и на котором было объявлено решение подвергнуть нападению и разгромить Югославию. Фюрер тогда заявил: «Я решил уничтожить Югославию, и я применю безжалостную жестокость для того, чтобы устроить других нейтралов».

Я перехожу к плану нападения на Советский Союз. Кодовое название плана — «Барбаросса» (документ ПС-446, США-31), датирован план 18 декабря 1940 г. и представляет собой приказ Гитлера об операции «Барбаросса», на нем имеются инициалы Кейтеля и Иодля. Гитлер сказал, как вспомнит Трибунал, что «он намеревается сокрушить Россию путем быстротечной кампании».

Следующий документ ПС-872, США-134 от 3 февраля 1941 г. представляет собой протокол совещания между Гитлером, Кейтелем и Иодлем, на котором обсуждался «план Барбаросса» и операция в Северной Африке. Гитлер заявил тогда: «Когда начнется операция «Барбаросса», то мир затанит дыхание и не сделает никаких замечаний».

Документ ПС-447, США-135 от 13 марта 1941 г. представляет собой оперативный приказ, подписанный Кейтелем, относительно администрации областей, которые должны быть оккупированы.

Далее идет документ С-39, США-138. В нем излагается распорядок проведения операции «Барбаросса». Этот документ был подписан Кейтелем и направлен Иодлю. Документ С-78, США-139 от 9 июня 1941 г. — это приказ Гитлера Кейтелю и Иодлю присутствовать на совещании по осуществлению «плана Барбаросса» 14 июня 1941 г., то есть за 8 дней до начала кампании.

Теперь я перехожу к последнему вопросу — о провокационном подстрекательстве Японии к агрессии против США. Здесь имеются два основных документа, в издании которых участвовали и Кейтель и Иодль. Документ С-75, США-151, датированный 5 марта 1941 г. Это директива ОКВ, подписанная Кейтелем, копия которой была направлена Иодлю. Там говорилось о том, что «следует добиться активного участия Японии в войне».

Документ С-152, ВБ-122 датирован 18 марта 1941 г. Это протокол совещания у Гитлера с участием Редера, Кейтеля и Иодля, где говорилось, что «Япония должна захватить Сингапур»...

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКИМ
ОБВИНИТЕЛЕМ ЭЛВИНОМ ДЖОНСОМ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО
РЕДЕРА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала
от 15 января 1946 г.]*

Господа судьи, моим долгом является представить Трибуналу доказательства, устанавливающие виновность создателя нацистского военно-морского флота подсудимого Редера. Обвинения против него изложены в приложении «А» Обвинительного заключения. Подсудимый Редер обвиняется в том, что он содействовал и принимал участие в планировании нацистских агрессивных войн, в проведении этих планов, в руководстве, направлении и участии в нацистских военных преступлениях, особенно в военных преступлениях, совершенных при ведении морской войны.

Редер родился в 1876 году, с 1896 года он начал служить в германском военно-морском флоте, а в 1915 году стал командиром крейсера «Кельн», в 1928 году он стал адмиралом и главой германского военно-морского флота. В 1935 году он стал главнокомандующим военно-морского флота и в 1936 году — генерал-адмиралом. Этот чин дал ему Гитлер в день своего сорокасемилетия. В 1937 году ему была оказана высокая честь для нациста — он получил золотой значок нацистской партии. В 1938 году он стал членом тайного совета и в 1939 году — гроссадмиралом — это ранг, который был введен Гитлером, вручившим Редеру маршалский жезл. В 1943 году он стал адмиралом-инспектором германского военно-морского флота, что было своего рода понижением, поскольку с января 1943 года Дениц стал командующим германским военно-морским флотом.

Я обращаю внимание суда на документ С-156, который уже был представлен в качестве доказательства за № США-41. Этот документ, как помнит Трибунал, представляет собой «Историю борьбы германского военно-морского флота против Версальского договора в период 1919—1935 гг.»; он был секретно опубликован

германским адмиралтейством в 1937 году. Секретные меры вооружения осуществлялись от строительства опытной подводной лодки и эсминца до создания тайных разведывательных и финансовых организаций.

В документе С-156 говорится: «Главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Редер добился полной независимости в построении и развитии военно-морского флота. Но строительству военно-морского флота препятствовал тот факт, что перевооружение должно было проводиться тайно, чтобы формально это не нарушало условий Версальского договора».

В документе С-141, США-47 Редер утверждает, что, «имея в виду обязательства, которые взяла на себя Германия согласно договору и конференции по разоружению, следует предпринять шаги для того, чтобы не показывать открыто появления первой полуфлотилии миноносцев как соединения миноносцев, поскольку число этих миноносцев не должно входить в число, предусмотренное договором».

Следующий документ С-135 представляется в качестве доказательства ВВ-213. Из него вытекает, что еще в 1930 году вопрос о нападении на Польшу уже обсуждался в германских военных кругах. Этот документ представляет выдержку из истории подготовки войны и плана мобилизации. Этот документ был написан в 1938 году, в нем говорится:

«Поскольку по Версальскому договору все приготовления к мобилизации запрещаются, эти приготовления вначале должны проводиться ограниченным числом сотрудников и, кроме того, вначале они должны носить только теоретический характер. Тем не менее в то время уже существовал «Приказ по организации», представлявший инструкцию, являвшуюся предшественницей теперешних мобилизационных планов.

Порядок организации и соответствующие инструкции были намечены на каждый «А-год» — кодовое наименование года проведения мобилизации.

Как уже было сказано, эту организацию того времени следовало воспринимать как чисто теоретическую организацию, поскольку она не имела положительной базы в виде людей и материальной части. Тем не менее она создавала ценную базу для создания военных организаций, что было нашей конечной целью».

Во втором абзаце говорится, что «кризис между Германией и Польшей, который постепенно обостряется, вынудил нас вместо того, чтобы делать теоретические приготовления к войне, готовиться уже практически к совершенно неизбежному германско-польскому конфликту».

Стратегическая идея быстрого захвата польской базы Гдыни была положена в основу, и действующий флот должен был быть подкреплён дополнительными силами для достижения этих

стратегических целей. Все важные береговые и зенитные батареи, особенно в Пиллау и Свинемюнде, должны были быть захвачены». Так в 1933 году разрабатывался план увеличения вооруженных сил. Второй абзац гласит, что «Гитлер выразил совершенно ясное политическое требование о том, чтобы в течение 5 лет — к 1 апреля 1938 г. для него были созданы вооруженные силы, которые должны стать орудием политической власти».

В документе С-189, США-44 Редер сообщает Гитлеру в июне 1934 года, что германский флот должен увеличиваться с тем, чтобы противостоять Англии, и что поэтому, начиная с 1936 года и впредь, большие суда должны быть вооружены тяжелыми орудиями, чтобы превзойти боевую технику британского корабля «Король Георг». Дальше, в последнем абзаце, имеется ссылка на требование Гитлера о том, чтобы строительство подводных лодок держалось в абсолютном секрете, особенно имея в виду Саарский плебисцит.

В ноябре 1934 года Редер имел дальнейшее совещание с Гитлером относительно финансирования военно-морских вооружений, и в связи с этим Гитлер сказал ему, что в случае необходимости он попросит доктора Лея дать от 120 до 150 миллионов германских марок из «Трудового фронта» в распоряжение военно-морского флота.

Следующий документ, на который я хочу обратить внимание Трибунала, — это документ С-23, США-49, где сказано, что истинное водоизмещение некоторых германских линкоров превышает на 20 процентов водоизмещение, о котором сообщалось англичанам, и я утверждаю, что это является характерным для обманных методов, применявшихся Редером.

В документе С-166, США-48 содержится приказ о том, чтобы вспомогательные крейсера, строящиеся секретно, назывались «транспортными судами».

Затем идет документ С-29, США-46, подписанный Редером. В нем говорится о том содействии, которое оказывалось со стороны германского флота германской промышленности вооружения, и показывается тесная связь нацистских политиканов, германского командного состава и германских военных промышленников. Документ С-156, представлявший под номером ВБ-214, является письмом Редера, адресованным командованию германского флота 11 июня 1940 г. Я процитирую некоторые выдержки:

«Основным предметом обсуждения среди офицеров является вопрос о торпедных действиях и проблема о том, предусматривалась ли в строительной программе до осени 1939 г. возможность начала войны еще в 1939 г. или следовало ли основные усилия направлять с самого начала на строительство подводных лодок.

Если в офицерских кругах высказывается мнение о том, что вся программа морского строительства была неправильной и что

с самого начала следовало строить в основном подводные лодки, а лишь после этого перейти к строительству в основном крупных кораблей, то я должен подчеркнуть следующее:

Строительство флота проводилось на основании политических требований, установленных фюрером. До последнего момента фюрер надеялся избежать угрожавшего столкновения с Англией до 1944—1945 гг. В это время флот имел бы значительное превосходство в подводных лодках и гораздо более благоприятное положение в отношении всех других кораблей, в особенности тех, которые сконструированы для боев в открытом море.

Несмотря на политические ограничения периода Веймарской республики, была блестяще проведена далеко идущая подготовка к строительству подводных лодок, которая сделала возможным чрезвычайно быстрое развитие подводного флота как в отношении личного состава, так и в отношении материальной части, немедленно после прихода к власти».

Трибунал видит, что в этом письме Редера нет и признака нежелания содействовать программе нацистов. Наоборот, доказательства показывают, что Редер приветствовал приход нацистов к власти и стал одним из основоположников их режима.

Обвинение утверждает, что Редер больше чем кто-либо другой несет ответственность за безусловную преданность немецкого флота нацистскому движению, преданность, которую Дениц еще более сделал прочной и фанатичной.

Это довольно ценное подытоживание заслуг Редера перед нацистским движением.

В представленном документе говорится:

«Следует отдать должное Редеру в том, что к тому времени флот уже стал мощной боевой силой, несмотря на ограничения Версаля. После прихода национал-социализма к власти начался самый плодотворный период строительства германского флота. Фюрер открыто выразил признательность Редеру за его преданную службу и полное сотрудничество тем, что 20 апреля 1936 г. назначил его генерал-адмиралом».

Редер действительно был членом узкого круга заговорщиков и должен разделять с другими заговорщиками ответственность за действия, которые привели к вторжению Германии в Польшу в 1939 году и к началу войны.

Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-386, за № США-25 — это протокол совещания в кабинете Гитлера в имперской канцелярии 5 ноября 1937 г. относительно вопросов, которые, как было сказано, являлись слишком важными, чтобы их обсуждать в более широком составе имперского кабинета.

Второе совещание у Гитлера состоялось 23 мая 1939 г. Протокол этого совещания имеется в документе Л-79, идущем под № США-27. Это было совещание, на котором Гитлер подтвердил

свое намерение совершить при первой возможности нападение на Польшу, хорошо зная, что это приведет к всеобщей войне в Европе.

Это были два основных совещания. Редер также присутствовал на очень многих других совещаниях.

Трибунал уже хорошо знает об активном участии Редера в военном планировании и подготовке к польской кампании, и я не намереваюсь вновь повторять эти доказательства.

...После начала войны Редер показал, что он полностью овладел самым типичным приемом заговорщиков — обманом в широких масштабах. Трудно найти лучший пример для подтверждения этого, чем случай с пароходом «Атения».

Как Трибуналу известно, «Атения» была пассажирским пароходом, затопленным вечером 3 сентября 1939 г. на пути в Америку. При этом погибло около 100 человек.

23 октября 1939 г. газета нацистской партии «Фелькишер беобахтер» опубликовала под огромным заголовком сообщение о том, что Черчилль потопил «Атению». Ссылаюсь на документ ПС-3260.

Ввиду предумышленности этого сообщения «Фелькишер беобахтер» и для того, чтобы отдать должное морякам английского торгового флота, следует сказать, что вопреки утверждению этой нацистской газетенки, «Атения» несколько раз посылала по радио сигналы о помощи, которые были перехвачены и на которые ответили английский корабль «Электра», а также норвежский пароход «Кнут Нельсон» и яхта «Южный крест».

Я представляю Трибуналу доказательства о том, что капитан подводной лодки «У-30» старший лейтенант Лемм позднее погиб в бою, но некоторые другие члены команды «У-30», которые остались в живых и были взяты в плен, рассказали правду.

Я ссылаюсь на документ С-654, ВВ-219. Письменное показание гласит:

«Я, Адольф Швидт, торжественно заявляю следующее:

В первый день войны, 3 сентября 1939 г., пароход водоизмещением около 10 000 тонн был торпедирован поздно вечером подводной лодкой «У-30».

После того как этот пароход был торпедирован, и мы поднялись на поверхность, примерно через полчаса после взрыва, командир вызвал меня на мостик, чтобы показать торпедированный пароход. Я видел этот пароход своими глазами, но не думаю, чтобы наша лодка была в то время видна с парохода, учитывая свет луны. Только несколько членов команды имели возможность подняться на мостик и увидеть торпедированный пароход. Когда я увидел судно после торпедирования, помимо меня на мостике был старший лейтенант Гинш. Я видел, что судно погружалось в воду. До пуска торпеды не было сделано предупредительного

выстрела. Я заметил, что на борту торпедированного судна было большое оживление. Мне кажется, что пароход имел лишь одну трубу. Сначала были выпущены одна или две торпеды, которые не взорвались, но после этого я слышал взрыв торпеды, которая попала в пароход. Старший лейтенант Лемм выждал наступления темноты перед тем, как подняться на поверхность.

14 сентября 1939 г. я был тяжело ранен во время налета авиации. Незадолго до того как 19 сентября 1939 г. я сошел на берег в Рейкьявике, старший лейтенант Лемм утром посетил меня в каюте для унтер-офицеров, где я лежал тяжело раненный. Старший лейтенант Лемм потребовал, чтобы из каюты все вышли, для того чтобы остаться со мной наедине. После этого старший лейтенант Лемм показал мне письменное заявление о том, что я клянусь ничего не говорить относительно событий 3 сентября 1939 г., касающихся подводной лодки «У-30». До сегодняшнего дня я ни с кем не говорил об этих событиях. Ввиду окончания войны я считаю себя более не связанным клятвой».

Роль Деница в эпизоде с «Атенией» описывается в его письменном показании — документ Д-638, идущий под № ВВ-220.

Подсудимый Дениц показал:

«Подводная лодка «У-30» вернулась на базу в середине сентября. Я встретился с командиром — старшим лейтенантом Леммом в Вильгельмштейне, когда лодка входила в порт, и он попросил разрешения поговорить со мной наедине. Я сразу заметил, что он выглядел очень огорченным. Он сразу сказал мне, что считает себя ответственным за потопление «Атении» в северном районе Ла-Манша.

Я приказал, чтобы в качестве предварительной меры этот инцидент остался втайне. Позднее в тот же день или утром следующего дня я получил устный приказ от капитана Фрика — начальника оперативного отдела военно-морского штаба о том, что: 1) этот инцидент должен держаться в полном секрете, 2) верховное командование флота считает, что военный суд не необходим, так как оно уверено, что командир действовал с благими намерениями, 3) политическое объяснение инцидента берет на себя главное командование флота.

Я не имел никакого отношения к политическим событиям, в ходе которых фюрер утверждал, что ни одна немецкая подводная лодка не потопила «Атению».

Редер в качестве главнокомандующего флотом должен считаться соучастником фальшивки, опубликованной в газете «Фелькишер беобахтер» 23 октября 1939 г.

Маскировка Редера, по-видимому, не ограничивалась перекрашиванием кораблей и поднятием на них английского флага, как он это делал при нападении на Норвегию и Данию.

Участие Редера в обсуждении плана войны против России показано в документе С-170, США-136. Этот документ состоит из выдержек из официальных записей германского военно-морского штаба. Первая выдержка от 26 сентября 1940 г. показывает, что Редер убеждал Гитлера начать агрессию не на суше, а вести агрессивную политику на Средиземном море, при этом, конечно, флот играл бы первостепенную роль.

В выдержке сказано:

«Главкомандующий флотом на беседе у фюрера. Главкомандующий флотом представляет фюреру свои соображения относительно существующего положения. Суэцкий канал должен быть захвачен!.. Через Суэц — наступление на Палестину и Сирию, затем Турция — в наших руках. Тогда русская проблема будет выглядеть по-иному. Россия в основном боится Германии. Вопрос о том, потребуются ли в таком случае действия против России с севера, является сомнительным».

Затем в записи от 14 ноября сказано:

«Главкомандующий флотом на беседе у фюрера. Фюрер все еще склонен начать войну против России. Главкомандующий флотом предлагает отложить это до того, пока не будет разгромлена Англия, ибо силы Германии сильно напряжены и конца войны не видно».

Затем в записи от 27 декабря 1940 г. сказано:

«Главкомандующий военно-морским флотом серьезно возражает против проведения русской кампании до поражения Англии». Имеется запись от 18 февраля 1941 г.:

«Начальник морского оперативного штаба настаивает на оккупации Мальты даже до проведения «плана Барбаросса». Имеется следующая любопытная запись от 23 февраля:

«Указание верховного командования вооруженных сил о том, что захват Мальты предполагается провести осенью 1941 г. после проведения «плана Барбаросса».

Следующая запись от 19 марта 1941 г. указывает, что к марту 1941 года Редер начал рассматривать вопрос о том, какие перспективы для флота представляла агрессия против России. Там говорится:

«В случае проведения «плана Барбаросса» главкомандующий флотом считает, что оккупация Мурманска совершенно необходима для флота. Начальник верховного командования вооруженных сил считает, что с этим трудно согласиться».

А затем в записи от 6 июня говорится:

«Главкомандующий флотом на беседе у фюрера. Меморандум начальника военно-морского оперативного штаба. Замечания относительно стратегического положения в восточной части Средиземного моря после балканской кампании и оккупации Крита и дальнейшего ведения войны».

Несколькими фразами ниже говорится:

«Меморандум с внушительной ясностью указывает на решающие цели войны на Ближнем Востоке. Эти цели стали более осуществимы благодаря успехам в районе Эгейского моря. В меморандуме подчеркивается, что данное благоприятное положение в наступательных целях должно быть использовано с максимальной быстротой и энергией до того, как Англия с помощью Соединенных Штатов вновь укрепит свои позиции на Ближнем Востоке. В меморандуме отмечается тот факт, что вскоре будет начата кампания против России, но содержится требование о том, что «план Барбаросса», который ввиду его огромных масштабов играет первоочередную роль в оперативных планах руководства вооруженных сил, не должен ни при каких обстоятельствах привести к прекращению или уменьшению военных действий в восточной части Средиземного моря».

После того как Гитлер принял решение напасть на Россию, Редер добивался того, чтобы флот принял активное участие в этой кампании. Первый морской оперативный план был против России особенно коварным. В записи от 15 июня 1941 г. говорится:

«По предложению начальника военно-морского оперативного штаба, немедленно разрешается использовать оружие против русских подводных лодок к югу от северной границы польского запрещенного района; следует стремиться к безжалостному уничтожению».

Подсудимый Кейтель дал характерный для него бесчестный повод к этим действиям. Это имеется в его письме (документ С-38, который представляется под № ВВ-223). Это письмо Кейтеля датировано 15 июня 1941 г.

«Тема: Наступательные действия против подводных лодок противника в Балтийском море.

Главному командованию военно-морских сил.

Дается разрешение на наступательные действия против подводных лодок к югу от линии Мемель — южная оконечность Эйланда, если при приближении германских военно-морских сил эти лодки не могут быть определены как шведские.

Если эти действия будут предприняты до начала военных действий, то следует сослаться на то, что наши морские силы считали, что они имели дело с проникшими в этот район английскими подводными лодками».

Этот документ был составлен 15 июня 1941 г., а вторжение в Россию началось лишь 22 июня 1941 г. Тем временем еще 16 марта 1941 г. Редер настаивал на том, чтобы Гитлер расширил масштабы мировой войны, убедив Японию захватить Сингапур. Это имеется в документе С-152, ВВ-122.

20 апреля 1941 г. Гитлер согласился с предложением Редера о том, чтобы побудить Японию предпринять наступательные действия против Сингапура.

В документе С-66, ВВ-81 говорится о том, что в то время фюрер был полон решимости произвести неожиданное нападение на Россию независимо от того, какова будет позиция России в отношении Германии.

В течение всей своей карьеры Редер полностью пренебрегал любыми международными правилами или обычаями ведения войны.

Сам Редер чрезвычайно ясно определил свою позицию в документе Р-65 под № ВВ-224. Этот документ представляет собой пространный меморандум, составленный Редером и главным морским штабом 15 октября 1939 г., то есть лишь через несколько недель после начала войны. Это меморандум по вопросу об усилении войны на море:

«В своей морской стратегии мы должны будем как можно быстрее использовать все военные средства, находящиеся в нашем распоряжении. Можно с уверенностью ожидать военных успехов в том случае, если мы будем нападать на английские морские коммуникации с полной безжалостностью. Конечная цель этих нападений заключается в том, чтобы прекратить всякий импорт и экспорт Великобритании. Интересы нейтральных стран следует учитывать постольку, поскольку это возможно без нанесения ущерба военным целям. Желательно проводить все принятые военные меры на базе существующего международного права. Однако меры, которые представляются необходимыми с военной точки зрения, должны быть проведены при условии, что они принесут желательный успех, даже если они не предусмотрены существующими нормами международного права».

И далее на следующей странице:

«Поэтому в принципе любые средства морской войны, которые будут способствовать тому, чтобы сломить сопротивление врага, должны быть использованы под любыми правовыми предлогами (какими именно, не указано), даже если это потребует создания нового кодекса морской войны».

Верховный военный совет должен будет решить, какие меры военного и правового характера должны быть приняты. После того, как из военных соображений решено вести экономическую войну в самой безжалостной форме, это решение должно проводиться при всех обстоятельствах и ни при каких обстоятельствах такое решение о ведении самой безжалостной формы морской войны не может быть отвергнуто или отменено в силу политического нажима со стороны нейтральных держав. Это произошло во время первой мировой войны и нанесло нам ущерб. Все протесты нейтральных держав должны отклоняться. Далее угроза

того, что другие страны, включая Соединенные Штаты, вступят в войну (чего с уверенностью можно ожидать, если война затянется), не должна привести к ослаблению установленных форм экономической войны. Чем более безжалостно будет вестись экономическая война, тем скорее мы добьемся результатов и тем скорее закончится война. Экономические последствия таких военных мер в отношении нашей собственной военной экономики должны быть учтены и компенсированы путем реорганизации германской военной экономики и изменения соглашений с нейтральными государствами. Если необходимо, с этой целью должен быть применен сильный политический и экономический нажим».

Документ С-27, ВВ-225. Это протокол совещания Гитлера с Редером от 30 декабря 1939 г.

Во втором абзаце говорится:

«Начальник военно-морского штаба просит, чтобы морской штаб получил полную власть в деле принятия любых мер, требуемых положением и необходимых для ведения войны. Фюрер в принципе согласен с тем, чтобы без предупреждения топить греческие суда и суда нейтральных стран в тех частях американской запрещенной зоны, в отношении которых можно создать фикцию о минной опасности, как, например, в Бристольском заливе».

В то время греческие корабли были нейтральными, и это еще раз подтверждает тот факт, что Редер был человеком, лишенным всяких принципов. Это подстрекательство к преступлениям является типичным примером.

Директива от 30 декабря 1939 г. была издана верховным командованием вооруженных сил за подписью подсудимого Иудля — документ С-12, ВВ-226. Он гласит:

«30 декабря 1939 г., в соответствии с докладом главнокомандующего флотом, фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами принял следующее решение:

1) Греческие торговые суда в районе Англии, который объявлен запретной зоной, должны рассматриваться как суда противника.

2) В Бристольском заливе все судоходство может быть подвергнуто нападению без предупреждения, когда можно создать впечатление, что произошел инцидент с минами.

Оба мероприятия вступают в силу немедленно».

Другой пример позиции германского флота под командованием Редера в отношении нейтрального судоходства можно найти в записи из дневника Иудля.

Председатель: Может быть вам следует зачитать пометку карандашом?

Джонс: Пометка карандашом на документе С-12 гласит: «Добавить к пункту (1) — следует производить нападение, но будучи видимым. В случае заявления протестов следует опровергать утверждения о потоплении этих судов».

Запись Иодля от 16 июня 1942 г., документ ПС-1807 под № ВВ-227. Эта выдержка из дневника Иодля, датированная 16 июня 1942 г., гласит:

«29 мая оперативный штаб флота просил разрешения совершать нападения на бразильские морские и военно-воздушные силы. Морской штаб считает, что в настоящий момент внезапный удар по бразильским военным и торговым судам является целесообразным:

а) потому, что меры по обороне все еще не закончены;

б) потому, что имеется возможность совершить нападения внезапно;

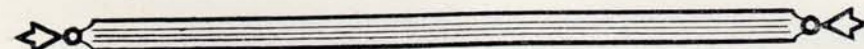
в) потому, что Бразилия фактически ведет морскую войну против Германии».

Война же между Германией и Бразилией началась лишь 22 августа 1942 г.

28 октября 1942 г., как показывает документ С-179, США-543, начальник оперативного отдела морского штаба передал морским офицерам приказ Гитлера от 18 октября 1942 г. относительно расстрела десантников. Этот документ датирован 28 октября 1942 г. и гласит:

«Прилагается приказ фюрера относительно уничтожения террористических и диверсионных частей. Этот приказ не должен распространяться в письменном виде командирами флотилий, частей и другими офицерами подобного ранга. После устной передачи младшим командирам вышеуказанные офицеры должны передать этот приказ вышестоящему офицеру, который будет нести ответственность за уничтожение документа».

Ничто не показывает так ясно, как эти указания, что морское командование понимало, что это были преступные приказы.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ГЕНРИ АТТРТОНОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО ЗЕЙСС-ИНКВАРТА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного
Трибунала от 16 января 1946 г.]*

Подсудимый Зейсс-Инкварт впервые стал участником нацистского заговора в связи с нацистским нападением на Австрию. Господин Олдерман показал, как нацисты дополняли свою дипломатическую и военную подготовку к этому событию интенсивной политической подготовкой внутри самой Австрии.

Окончательная цель этих приготовлений заключалась в том, чтобы обеспечить назначение нацистов или лиц, которые им симпатизировали, на главные посты в австрийском правительстве, в особенности, на пост министра внутренних дел и безопасности, в ведении которого находилась полиция, и, таким образом, когда потребуется, он мог бы подавить всякое сопротивление нацистам.

Зейсс-Инкварт был самым полезным орудием нацистов для достижения этой цели. Он был первым из так называемых «квислингов», или изменников, которые использовались нацистами для содействия их агрессивным планам и укрепления их власти над их жертвами.

Хотя Зейсс-Инкварт признает, что он стал членом нацистской партии только 13 марта 1938 г., мы покажем, что он был с ними тесно связан значительно раньше. В этой связи я представляю под № США-700 документ ПС-3271. Цитирую с девятой страницы перевода. В этом письме, посланном Гитлеру 19 августа 1939 г., он говорит следующее:

«Что касается моей принадлежности к партии, то я заявляю, что мне никогда не предлагали вступить в партию, но в декабре 1931 г. я просил доктора Кира выяснить мое отношение к партии, так как я рассматривал партию как основную предпосылку для решения австрийской проблемы... Я платил членские взносы,

насколько я помню, непосредственно в венском гау. Эти взносы уплачивались мною также в период запрещения партии. Позднее я имел прямую связь с ортсгруппой в Дорнбахе. Взносы платила моя жена, но «блокварт» (мне кажется что это то же самое, что «блоклейтер») никогда не сомневался, что эти взносы платились за жену и за меня, так как они составляли значительную сумму — сорок шиллингов в месяц. Я во всех отношениях рассматривался как член партии.

В последней фразе абзаца говорится: «Поэтому я во всех отношениях считал и чувствовал себя членом партии, как говорилось еще в декабре 1931 г.».

Теперь, господа судьи, я хотел бы сослаться на одну или две фразы, которые имеются в третьем абзаце седьмой страницы перевода этого же письма. Упомянув о встрече с Гитлером, Зейсс-Инкварт пишет следующее:

«После этой беседы я стал очень праведным человеком, невыразимо ошарашенным тем, что у меня была возможность стать орудием в руках фюрера».

Таким образом, Зейсс-Инкварт был активным сторонником нацистов в течение всего периода с 1931 года. Но после того, как в июле 1934 года нацистская партия в Австрии была объявлена нелегальной, он избегал слишком явной связи с подпольной нацистской организацией, чтобы обеспечить то, что нацисты называли «хорошим легальным положением». Этим путем он мог наилучшим образом использовать свою связь с католиками и другими для содействия своим нацистским начальникам.

Как Трибунал помнит, документ ПС-2219, США-62 представляет собой письмо Зейсс-Инкварта Герингу от 14 июля 1939 г., в котором Зейсс-Инкварт ясно об этом говорит. В том же письме Зейсс-Инкварт пишет:

«В то же время я знаю, что я с непреодолимой настойчивостью стремлюсь к цели, в которую я верю, то есть в великую Германию и фюрера».

Представленные господином Олдерманом доказательства подробно раскрыли средства, при помощи которых нацистские заговорщики осуществляли свое преднамеренное нападение на Австрию. Я не намереваюсь возвращаться к этим доказательствам, но я хочу обратить внимание Трибунала на два документа, которые имеют особое значение, так как они показывают, какую роль играл подсудимый в то время. Я ссылаюсь на доклад Рейнера гаулейтеру Бюркелю от 6 июля 1939 г., где говорится о роли, которую играли в австрийской нацистской партии Зейсс-Инкварт и другие с июля 1934 года по март 1938 года, а также удивительную запись телефонных переговоров 11 марта 1938 г. между подсудимым Герингом и его агентами в Берлине и Зейсс-Инквартом и другим лицами в Вене.

Чтобы пополнить вышеупомянутые доказательства и более отчетливо показать роль, которую играл подсудимый Зейсс-Инкварт, я хотел бы представить в качестве доказательства добровольное заявление, подписанное Зейсс-Инквартом по совету его защитника 10 декабря 1945 г. Это документ ПС-3425, и я представляю его под № США-701.

В этом заявлении Зейсс-Инкварт объясняет, со своей точки зрения, какую роль он играл при осуществлении аншлюсса. Я хотел бы зачитать несколько фраз. Он пишет:

«В 1918 г. я заинтересовался вопросом присоединения Австрии к Германии. С этого года я работал, планировал и сотрудничал с другими, которые разделяли эту точку зрения с целью осуществления союза Австрии с Германией. Я желал произвести это объединение двух стран эволюционным путем и легальными методами.

Я также поддерживал национал-социалистскую партию, пока она была легальной, потому что она с особой решительностью выступала за аншлюсс. С 1932 года я делал финансовые взносы в фонд партии, но прекратил оказывать финансовую помощь, когда в 1934 г. партия была объявлена нелегальной.

С июля 1936 г. я старался помочь национал-социалистам восстановить свое легальное положение и в конце концов участвовать в австрийском правительстве. В этот период, особенно после того, как в июле 1934 г. партия была запрещена, я знал, что радикальные элементы партии занимались террористической деятельностью, как-то: нападениями на железные дороги, мосты, телефонную связь и т. д. Я знал, что правительства как канцлера Дольфуса, так и канцлера Шушнига в принципе придерживались такой же точки зрения относительно объединенной Германии, но были противниками аншлюсса ввиду существования национал-социалистского режима в Германии. Я симпатизировал усилиям австрийской нацистской партии получить политическую власть и соответствующее влияние потому, что она выступала за «аншлюсс».

Вкратце укажу Трибуналу, что далее подсудимый говорит о том, что в мае 1937 года, в результате соглашения между Австрией и Германией от 1 июля 1936 г., он был назначен на пост государственного советника, а Рейнер признал, что Зейсс-Инкварт способствовал заключению этого соглашения; далее говорится о том, что он был назначен на пост министра внутренних дел и безопасности в результате соглашения Шушнига с Гитлером в Берхтесгадене 12 февраля 1938 г. Он признает, что после этого назначения и этого соглашения австрийские национал-социалисты стали проводить все более широкие демонстрации. Он заявляет, что сразу после его назначения на пост министра

внутренних дел и безопасности он направился в Берлин для беседы с Гитлером и Гиммлером. Затем он описывает события того дня — 11 марта 1938 г., когда с помощью германских вооруженных сил он стал канцлером.

Я не хочу приводить пространных цитат из этого документа, потому что Трибуналу уже известно, что произошло.

На третьей странице он пишет:

«В 10 часов утра Глейзе-Хорстенау и я поехали в федеральную канцелярию и в течение двух часов беседовали с доктором Шушником. Мы рассказали ему обо всем, что было нам известно, в частности, о возможности возникновения беспорядков и о приготовлениях Германии.

Канцлер сказал, что он вынесет решение к 14 часам. В то время как я беседовал с Глейзе-Хорстенау и д-ром Шушником, меня несколько раз вызывали к телефону для разговора с Герингом...

...Геринг сообщил мне, что соглашение от 12 февраля аннулировано и потребовал отставки доктора Шушника и назначения меня канцлером».

Трибунал уже слышал другую сторону этого дела — запись телефонных разговоров. Затем в последних двух абзацах рассказывается, как Кепплер убеждал Зейсс-Инкварта послать телеграмму с просьбой о том, чтобы Германия послала войска. Сначала он отказался, но в конце концов согласился. Теперь я цитирую предпоследний абзац:

«Насколько я помню, на основании имеющихся документов, приблизительно в 10 часов вечера, меня вновь просили утвердить новую несколько измененную телеграмму, о которой я сообщил президенту Микласу и доктору Шушнику. Наконец президент Миклас назначил меня канцлером и вскоре после этого утвердил мой список министров».

Как Трибунал помнит, телеграмма, о которой идет речь, была адресована Гитлеру от имени временного австрийского правительства и содержала просьбу о том, чтобы Гитлер как можно скорее послал немецкие войска и помог правительству осуществить его задачи и предотвратить кровопролитие. Интересно заметить, что текст этой телеграммы фактически совпадал с тем текстом, который вечером 11 марта был по телефону продиктован Герингом Кепплеру.

Вновь ссылаясь на заявление подсудимого, я хочу отметить, что на следующее утро он позвонил Гитлеру:

«Утром 12 марта я разговаривал по телефону с Гитлером. В ходе этой беседы я предложил Гитлеру, чтобы в то время как германские войска будут вступать в Австрию, австрийские войска двинулись бы по направлению к Германии. Гитлер согласился на это предложение. Он также согласился в тот же день встре-

титься со мной в Линце — Верхняя Австрия. Я полетел в Линц с Гиммлером, который прибыл в Вену из Берлина. Я приветствовал Гитлера с балкона ратуши и сказал, что 88 статья Сен-Жерменского договора теперь потеряла силу».

Доказательства уже показали, как рабски в переговорах с канцлером Шушником и президентом Микласом доктор Зейсс-Инкварт выполнял приказы, переданные ему по телефону Герингом 11 марта 1938 г. На самом деле такие отношения существовали в течение некоторого времени. Еще в начале января 1938 года Зейсс-Инкварт, несмотря на то, что он занимал важный пост в австрийском правительстве, считал, что он уполномочен нацистскими заговорщиками в Берлине вести переговоры со своим собственным правительством. В качестве доказательства того, как это произошло, представляю под № США-581 документ ПС-3473. Это письмо Кепплера Гитлеру от 6 января 1938 г. В этом письме говорится:

«Многоуважаемый генерал, государственный советник доктор Зейсс-Инкварт послал мне с курьером сообщение о том, что его переговоры с федеральным канцлером доктором Шушником зашли в тупик и он вынужден снять с себя данные ему полномочия. Доктор Зейсс-Инкварт желает побеседовать со мной по этому вопросу перед тем, как он примет соответствующее решение. Разрешите спросить Вас, следует ли в настоящий момент пойти на такой шаг, который автоматически приведет к отставке федерального министра Глейзе-Хорстенау, или я должен предпринять усилия, чтобы оттянуть подобные действия». Письмо подписано Кепплером. Сверху на подлиннике этого письма имеется краткая записка, вероятно подколота секретарем подсудимого Геринга и датированная — Каринхолл, 6 января 1938 г. Эта пометка гласит:

«Кепплеру следует сообщить по телефону:

1) он должен сделать все возможное для того, чтобы предотвратить уход в отставку государственного советника Зейсс-Инкварта и федерального министра Глейзе-Хорстенау. Если возникнут трудности, Зейсс-Инкварт должен в первую очередь связаться с ним».

В результате этой директивы, которая, по-видимому, была передана Кепплеру по телефону, он, Кепплер, 8 января 1938 г. написал письмо Зейсс-Инкварту. Я представляю это письмо под № ПС-3397, США-702. Как Трибунал помнит, Кепплер в то время был государственным секретарем в германском правительстве и занимался австрийскими делами:

«Глубокоуважаемый государственный советник, сегодня меня посетил господин Пл., который сообщил мне о положении дел, а также о том, что вы серьезно рассматриваете вопрос о том, вынуждены ли вы сложить данные вам полномочия.

Я в письменной форме сообщил генералу Герингу о положении дел и он только что ответил мне, что я должен предпринимать максимальные усилия, чтобы отговорить Вас и кого-либо другого от такого шага. Это соответствует беседе Г. с доктором И., которая состоялась до рождества. Г. просит Вас ни при каких обстоятельствах не предпринимать ничего подобного до того, как он сам будет иметь возможность вновь с Вами побеседовать.

Я также могу сообщить Вам, что Г. пытается поговорить с Пл. для того, чтобы тот устранил некоторые нежелательные условия».

Письмо подписано Кепплером.

Господа судьи, эти два письма ясно показывают, в какой мере подсудимый в то время использовался нацистскими заговорщиками при составлении планов нападения на Австрию. После того, как германские войска вступили в Австрию и Зейсс-Инкварт стал канцлером, он, не теряя времени, стал выполнять планы, подготовленные его нацистскими соучастниками по заговору.

Я представляю документ ПС-3254. Это меморандум, написанный Зейсс-Инквартом и озаглавленный «Австрийский вопрос». Этот документ представляется под № США-704. Я представляю его только потому, что там описывается, как он добивался проведения австрийского закона о присоединении Австрии к Германии. Он пишет, что 13 марта германские чиновники принесли ему проект закона о соединении Австрии с Германией.

Цитирую с середины страницы 20-й английского текста:

«После того, как Вольф сообщил мне, что президент не будет препятствовать проведению этого мероприятия, я созвал совет министров. Тем временем он должен был возвратиться домой и ждать меня там. Одновременно по моему предложению созванный совет министров составил проект закона, в который мой правовой отдел внес некоторые формальные поправки. В первом же проекте предусматривалось голосование 26 апреля. В соответствии с положением конституции 1 мая 1934 г. любое принципиальное изменение конституции должно было решаться советом министров и утверждаться президентом. Голосование или утверждение народом совершенно не было предусмотрено. В тех случаях когда президент по какой-либо причине уйдет в отставку или не сможет выполнять своих обязанностей, его prerogatives должны были быть переданы канцлеру. Я отправился с доктором Вольфом к президенту. Президент сказал мне, что он не знает, будет ли это событие благоприятным для Австрии, но он не хотел бы вмешиваться и готов уйти в отставку, чтобы в соответствии с конституцией передать мне все права».

Двумя или тремя фразами ниже, в начале двадцать первой страницы, сказано:

«Потом я отправился в Линц, куда я прибыл в полночь и доложил фюреру о проведении закона об аншлюссе».

В тот же день Германия официально присоединила Австрию к Германии декретом и в нарушение статьи 80-й Версальского договора объявила ее провинцией германской империи. Я прошу Трибунал принять без доказательств этот документ ПС-2307, опубликованный в «Рейхсгезетцблатт», 1938., часть 1, стр. 237.

Если подсудимый Зейсс-Инкварт кажется слишком скромным в оценке той роли, какую он играл при свержении того правительства, которому он присягал, то его соучастники быстро признали важный вклад, который он сделал. В речи, произнесенной в Вене 26 марта 1938 г., подсудимый Геринг сказал, — читаю документ ПС-3270, США-703, выдержку из книги «Документе дер дейчеполитик», том 6, стр. 183:

«Существовало полное согласие между фюрером и членами национал-социалистской партии внутри Австрии. Если национал-социалистский переворот был совершен так быстро и тщательно и без кровопролития, то это — первым делом благодаря уму и твердости нынешнего имперского наместника Зейсс-Инкварта и его близких сотрудников».

Перед тем, как мы перейдем от вопроса об аншлюссе к другому вопросу, я хочу вновь подчеркнуть тот величайший важности факт, что подсудимый Зейсс-Инкварт занимал важнейший пост во время этого первого открытого нападения на другую страну. Как мы показали, если бы не он, то впоследствии события могли бы развиваться другим путем. Если бы он больше ничего не сделал, помимо его роли в аншлюссе, то даже это одно действие поставило бы его в первый ряд заговорщиков...

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКИМ
ОБВИНИТЕЛЕМ МАЙОРОМ БАРРИНГТОНОМ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО
ПАПЕНА

*[Из стенограммы заседания Международного Военного
Трибунала от 23 января 1946 г.]*

...Третье обвинение против подсудимого фон Папена заключается в том, что он способствовал подготовке к войне. Невозможно предположить, чтобы человек, который знал существо программы нацистской партии и был в течение полутора лет вице-канцлером, мог не быть причастным к военным приготовлениям заговорщиков, человек, о котором Гитлер писал Гинденбургу 10 апреля 1933 г., что его сотрудничество в имперском кабинете бесценно, не участвовал в подготовке к войне.

Четвертое обвинение против подсудимого Папена заключается в том, что он участвовал в политическом планировании и подготовке агрессивных войн в нарушение международных договоров. В отношении Папена это обвинение фактически сводится к истории аншлюсса. Его участие в подготовке агрессивных войн имеет два аспекта: во-первых, аншлюсс был необходимым предварительным шагом для всех последующих актов вооруженной агрессии; во-вторых, даже если можно утверждать, что аншлюсс был по существу достигнут без войны, он был запланирован таким путем, что он был бы достигнут путем вооруженного нападения, если бы это было необходимо.

Мне остается лишь дать краткое резюме деятельности Папена в Австрии, так как вся история аншлюсса уже была описана на суде. Однако, с разрешения Трибунала, я бы хотел огласить две кратких выдержки, которые имеют особое отношение к личности фон Папена. Но перед тем, как я перейду к вопросу деятельности фон Папена в Австрии, я должен сказать Трибуналу еще об одном вопросе.

18 июня 1934 г. Папен произнес удивительную речь в Марбургском университете. Я не собираюсь представлять эту речь

в качестве доказательства, и ее нет в книге документов, потому что это вопрос из области истории. Говоря об этом, я не касаюсь вопроса о мотивах и последствиях этой речи, которые несколько туманны. Но я хотел бы сказать следующее.

По своей теме речь Папена в Марбурге была откровенной критикой нацистов. Надо полагать, что нацисты были чрезвычайно раздражены, и хотя через 12 дней после этого Папен во время кровавой чистки 1934 года избежал смерти, он был на 3 дня арестован. Должен ли был этот арест в конце концов привести к казни или же он должен был предохранить его от чистки как человека, который был слишком ценным, — сейчас я об этом не спрашиваю. Однако после освобождения он, вполне естественно, ушел в отставку с поста вице-канцлера. Теперь возникает вопрос, и именно в связи с ним, я вообще остановился на этом: почему после этих варварских событий он снова поступил на службу к нацистам? Какую он упустил возможность? Если бы он тогда остановился, он бы мог спасти мир от многих страданий. Допустим, что вице-канцлер Гитлера, только что освобожденный из-под ареста, бросил бы вызов нацистам и рассказал миру правду, тогда, может быть, не произошла бы ремилитаризация Рейнской зоны, никогда не произошла бы война. Но я не должен заниматься этими рассуждениями. Печальным фактом остается то, что он вернулся к старому пути, вновь подпал под влияние Гитлера.

После убийства канцлера Дольфуса, тремя неделями позже, то есть 25 июля 1934 г. положение было таковым, что требовался отзыв германского дипломатического представителя Ритта и замена его человеком, который был бы энтузиастом аншлюсса с Германией, который терпимо относился бы к нацистским целям и методам, но который придавал бы характер добропорядочности официальному германскому представительству в Вене. Гитлер немедленно реагировал на убийство Дольфуса. Он избрал нового человека, как только узнал об этом. На следующий день, то есть 26 июля, он послал фон Папену письмо о его назначении. Господин Олдерман огласил это письмо, и в настоящее время я хотел бы лишь сослаться на некоторые замечания личного характера в конце письма.

В этом письме после того, как Гитлер изложил свою версию дела Дольфуса и выразил желание о том, чтобы австро-германские отношения пошли опять по дружественному пути, он сказал следующее:

«По этой причине я прошу вас, дорогой г-н фон Папен, взять на себя эту важную задачу именно потому, что вы обладаете и продолжаете обладать моим полным и неограниченным доверием с начала нашей совместной работы в кабинете».

Последний абзац письма гласит:

«Вновь благодарю вас за все, что вы когда-то сделали для координации правительства национальной революции и с тех пор совместно с нами для Германии».

Я только что огласил отрывок из письма, которое Гитлер послал фон Папену 26 июля 1934 г. о назначении его послом в Вене.

Это письмо, опубликованное в печати, естественно, не раскрывало истинной цели назначения фон Папена. Суть настоящей миссии фон Папена была изложена откровенно вскоре после его приезда в Вену во время его частной беседы с американским послом господином Мессерсмитом. Я цитирую из письменного показания господина Мессерсмита, данного под присягой. Это — документ ПС-1760, доказательство США-57, страница 22-я книги документов.

Господин Мессерсмит сказал:

«Когда я посетил фон Папена в германской миссии, он приветствовал меня такими словами: «Теперь Вы в моей миссии и я могу руководить нашей беседой». В наглой и чрезвычайно циничной манере он затем продолжал, заявив мне, что вся юго-восточная Европа до границ Турции является естественным тылом Германии и что на него возложена миссия облегчения германского экономического и политического контроля над всей этой областью в интересах Германии. Он резко и прямо заявил, что захват контроля над Австрией является первым шагом. Он определенно заявил, что он находится в Австрии для того, чтобы подорвать изнутри и ослабить австрийское правительство и из Вены проводить работу по ослаблению правительств и других государств на юге и юго-востоке. Он сказал, что он намеревается использовать свою репутацию хорошего католика для того, чтобы достичь влияния на некоторых австрийцев, таких, например, как кардинал Иннитцер, для достижения этой цели».

В течение всего раннего периода его миссии в Австрии деятельность фон Папена характеризовалась тем, что он неуклонно избегал какой-либо видимости вмешательства в дела Австрии. Его настоящая миссия была вновь ясно подтверждена через несколько месяцев после ее начала, когда он был инструктирован из Берлина о том, что в течение последующих двух лет нацисты не должны предпринимать ничего такого, что могло бы привести к внешним политическим затруднениям для Германии, и что нужно избегать всякого проявления германского вмешательства в австрийские дела, и сам фон Папен заявил Бергер-Вальдену — австрийскому министру иностранных дел: «Да, у вас есть сейчас английские и французские друзья и вы можете сохранить вашу независимость намного дольше». Обо всем этом уже говорил в деталях господин Олдерман, неоднократно цитируя письменное показание Мессерсмита.

В течение этого раннего периода нацистское движение набирало силу в Австрии без открытого допуска германского вмешательства, а Германии требовалось больше времени для того, чтобы укрепить свое дипломатическое положение. Об этих причинах, определявших германскую политику, было открыто заявлено германским министром иностранных дел фон Нейратом в беседе с американским послом во Франции, и это зачитывалось мистером Олдерманом и имеется в стенограмме суда на странице 520 как часть документа Л-150, доказательство Соединенных Штатов № 65.

Подсудимый фон Папен соответственно ограничил свою публичную деятельность обычной функцией посла, которая заключалась в проведении влияния на все пользующиеся уважением элементы австрийского общества и в завоевании симпатий этих кругов. Несмотря на внешний вид строгого невмешательства, фон Папен оставался связанным с подпольными элементами в Австрии. Так, в его отчете Гитлеру от 17 мая 1935 г. он давал совет относительно стратегии австрийских нацистов, предложенной капитаном Леопольдом — лидером нелегальных австрийских нацистов, целью которой было обманом путем заставить доктора Шушница создать австрийское правительство в коалиции с нацистской партией. Это — документ ПС-2247, доказательство США-64, он имеется в стенограмме суда на страницах 516—518. Я не хочу зачитывать снова это письмо, но я хотел бы обратить внимание Трибунала на первую строчку этого письма, второй абзац в английском тексте, где фон Папен, касаясь этой стратегии капитана Леопольда, говорит: «Я предлагаю, чтобы мы приняли активное участие в этой игре».

Я упомянул также в связи с подпольными организациями в Австрии документ ПС-812, США-61, который, как помнит Трибунал, представляет собой отчет Рейнера Бюркелю, и который уже имеется в стенограмме на страницах 498—505.

Переговоры о соглашении от 11 июля 1936 г. между Германией и Австрией в конечном счете велись через фон Папена. Это уже было подтверждено документом ТС-22, доказательством ВВ-20. В приведенной части этого соглашения говорится, что хотя Австрия в своей политике будет рассматривать себя как германское государство, все же, Германия признает полную суверенность Австрии и не будет проводить прямого или косвенного влияния на внутренний политический порядок в Австрии. Более интересна секретная часть соглашения, которая обеспечивает нацистское влияние на австрийский кабинет и участие в политической жизни Австрии.

После соглашения подсудимый фон Папен продолжал проводить свою политику, поддерживая контакт с подпольными нацистами, пытаясь влиять на назначения на оперативные посты

в кабинете и пытаюсь обеспечить официальное признание организаций нацистского фронта. Отчитываясь перед Гитлером 1 сентября 1936 г., он подводит итоги своей программы нормализации австро-германских отношений в соответствии с соглашением от 11 июля. Это документ ПС-2246, доказательство США-67, страница 33 английской книги документов.

Трибунал вспомнит, что он рекомендовал как руководящий принцип — продолжительные и терпеливые психологические приемы с постепенно усиливающимся нажимом, направленным на изменение режима; затем он упоминает о беседе с представителями подпольной партии и говорит, что его целью является обеспечение представительства членов движения в «Отечественном фронте», но тем не менее, он, на некоторое время, воздерживается от того, чтобы поставить национал-социалистов на ответственные посты.

Нет необходимости снова обращаться к событиям, которые привели к организованной фон Папеном встрече Шушнига с Гитлером в феврале 1938 года, на которой он сам присутствовал, и к окончательному вторжению в Австрию в марте 1938 года. Будет достаточным снова процитировать биографию Папена на странице 66-й книги документов:

«После событий марта 1938 года, в результате которых Австрия была присоединена к германской империи, фон Папен получил удовлетворение от представленной ему возможности находиться рядом с фюрером при вступлении в Вену после того, как 14 февраля 1938 г. он был принят в партию, в чем сказалось признание его ценного сотрудничества, и получил золотой партийный значок от фюрера». Далее в биографии говорится:

«Сначала фон Папен удалился в свое поместье Валлерфанген в Саарской области, но вскоре фюреру снова понадобились его услуги, и 18 апреля 1939 г. он назначил фон Папена германским послом в Анкаре».

Так, стремление служить Гитлеру снова одержало верх и на этот раз в то время, как захват Чехословакии не мог уже оставить у Папена ни тени сомнения в том, что Гитлер был исполнен решимости проводить свою программу агрессии.

Еще одна цитата из биографии:

«После возвращения в Империю — это было в 1944 году — фон Папен был награжден рыцарским крестом ордена с мечами за военные заслуги».

В заключение я прошу Трибунал обратить внимание на те пышные похвалы, которыми Гитлер публично награждал фон Папена за его службу, особенно в ранний период. Я привел два примера, когда Гитлер в одном случае сказал: «Его сотрудничество была бесконечно ценным». И в другом случае: «Вы пользуетесь моим полным и безграничным доверием».

Папен — эксканцлер, солдат, уважаемый католик, Папен — дипломат, Папен, обладавший хорошими манерами и знаниями в области культуры, был человеком, который мог преодолеть враждебность и антипатию тех влиятельных элементов, которые стояли преградой на пути Гитлера. Папен, повторяя слова, сказанные сэром Хартли Шоукроссом в его вступительной речи, был «одним из людей, чье сотрудничество и поддержка сделали возможным существование нацистского правительства в Германии».

ПОЯСНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛОВ И СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

- ВЕНСКИЕ АРБИТРАЖИ:** 1938 год (первый) и 1940 год (второй) — под этим названием известны постановления фашистских арбитров — правительств гитлеровской Германии и фашистской Италии — о передаче хортистской Венгрии значительных территорий Чехословакии и Румынии. Решением, вынесенным 2 ноября 1938 г. Венгрии были переданы южные районы Словакии и Закарпатской Украины общей площадью 11 927 км² с населением свыше 1 млн. человек. Решением от 30 августа 1940 г. Венгрии была передана Северная Трансильвания (площадь в 43 492 км² с населением 2,4 млн. человек.) Обострение венгеро-румынских противоречий в результате второго Венского арбитража было использовано гитлеровской Германией для полного подчинения себе Румынии и Венгрии.
- ВЛАСТЬ НАД БРЕННЕРОМ** — речь идет о том, кто установит свой контроль над Бреннерским перевалом в Альпах, который еще с древних времен служил для сообщения между Центральной и Южной Европой. Через перевал проведена железнодорожная линия, соединяющая Австрию с Италией.
- ВЫСТУПЛЕНИЕ 9 НОЯБРЯ** — речь идет о революции 1918 года в Германии, в результате которой была свергнута монархия. 9 ноября в Берлине произошло восстание рабочих и солдат, были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов. Однако руководство в Советах захватили оппортунистические лидеры социал-демократии. С их помощью и при поддержке американских, английских и французских империалистов германской буржуазии удалось подавить революционные выступления рабочих и солдат и закрепить свое экономическое и политическое господство в стране.
- ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ЮГОСЛАВИИ** — речь идет о свержении 27 марта 1941 г. реакционного прогитлеровского правительства Цветковича, который 25 марта 1941 г. подписал в Вене договор о присоединении Югославии к так называемому «Антикоминтерновскому пакту» (см. т. I, стр. 779). На смену правительству Цветковича-Мачека пришло правительство, состоявшее из представителей всех буржуазных партий, которое во внешней политике придерживалось профранцузской и проанглийской ориентации. Это правительство возглавил генерал Д. Симович.
- ЗЕЕКРИГСЛЕЙТУНГ (РУКОВОДСТВО МОРСКОЙ ВОЙНЫ)** — имеется в виду главный штаб военно-морских сил гитлеровской Германии.
- КОМАНДОС** — подвижные соединения английской армии, действовавшие самостоятельно в тылу гитлеровских войск и выполнявшие специальные задания командования.

- ЛАНДСФЕРТЕЙДИГУНГ (ОБОРОНА СТРАНЫ)** — один из отделов штаба верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии. Сокращенно именовался «отдел Л» или «Ла».
- ОСТМАРКИШЕ ФЕРЕИН** — один из фашистских союзов в Австрии после аншлюсса (см. т. I, стр. 779).
- СААРСКИЙ ПЛЕБИСЦИТ** — после капитуляции Германии в первой мировой войне Франция пыталась добиться передачи ей примыкавшей к ее границе территории Саарской области, но в своих притязаниях на Саар натолкнулась на сопротивление США и Англии. Версальским договором (см. т. I, стр. 781) в собственность Франции передавались угольные копи, расположенные на территории Саарской области, вся же остальная территория выделялась в особую политико-географическую единицу — Саарскую область и поступала в управление Комиссии Лиги наций сроком на 15 лет. В результате плебисцита, проведенного в 1935 году, Саарская область отошла к Германии.
- СОБЫТИЯ 25 ИЮЛЯ 1934 г.** — речь идет о путче австрийских нацистов, в результате которого был убит глава австрийского правительства Энгельберт Дольфус — один из лидеров христианско-социальной партии, ориентировавшийся во внешней и внутренней политике на фашистскую Италию. Австрийские национал-социалисты предприняли путч по приказу из Берлина.
- СТАТЬЯ 80 ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА** — эта статья устанавливала, что «Германия признает и будет строго уважать независимость Австрии в границах, которые будут установлены договором, заключенным между этим государством и главными союзными и объединившимися державами».
- СТАТЬЯ 88 СЕН-ЖЕРМЕНСКОГО ДОГОВОРА** — эта статья запрещала Австрии предпринимать без согласия Совета Лиги наций какие-либо действия, «способные прямо или косвенно нарушить ее независимость» (Сен-Жерменский договор — см. т. I, стр. 784).
- СТОРОННИКИ ВОЛЬДЕМАРАСА** — сторонники литовского фашиста Аугустинаса Вольдемараса, одного из лидеров руководимой Сметоной фашистской партии таутиников, занявшего после фашистского переворота 17 декабря 1926 г. пост премьер-министра правительства буржуазной Литвы. В 1934 году Вольдемарас при поддержке гитлеровцев пытался свергнуть Сметону и полностью захватить власть. Вольдемарас и его сторонники были платными агентами Гитлера, способствовали захвату Клайпедской (Мемельской) области, а в годы гитлеровской оккупации Литвы занимали руководящие посты в так называемой администрации.
- ТРИАНОНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР** — один из договоров версальской системы (см. т. I, стр. 781), подписан 4 июня 1920 г. в Большом Трианонском дворце Версаля Венгрией, с одной стороны, США, Англией, Францией и другими «союзными и объединившимися державами», — с другой. По этому договору к Румынии отошли Трансильвания и восточная часть Баната; к Югославии — Хорватия, Бачка и западная часть Баната; к Чехословакии — Словакия и Закарпатская Украина. Провинция Буренланд была передана Австрии. Венгрия отказывалась в пользу союзников от всяких прав на порт Фюме.
- Помимо территориальных договор содержал ряд политических, военных, финансовых и других положений, в частности, договором была установлена численность венгерской армии в 35 тыс. человек.
- «ФОЛЬКСДЕЙЧЕ МИТТЕЛЬШТЕЛЛЕ»** — агентство по вопросам, касающимся немцев вне Германии, возглавлялось группенфюрером СС Лоренцем. «Фольксдейче Миттельштелле» наряду с «Националь-

ным союзом немцев, живущих за границей» (ФДА), «Союзом немцев Востока» (БДО) составляли широкоразветвленную сеть специальных организаций нацистской партии, которые вели подрывную и шпионскую деятельность под руководством так называемой «Аусландорганизацион» НСДАП, возглавлявшейся пресловутым Боле.

ХЕЙМВЕР — военно-фашистская организация, существовавшая в Австрии до 1945 года.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Рис. 1. Сопроводительное письмо ОКВ к протоколу 2-го заседания имперского совета обороны от 23 июня 1939 г., на котором обсуждались мероприятия, связанные с военным нападением гитлеровской Германии на Польшу (первая страница)	81
Рис. 2. Сопроводительное письмо ОКВ к протоколу 2-го заседания имперского совета обороны от 23 июня 1939 г. (вторая страница)	82
Рис. 3. Протокол заседания имперского совета обороны от 23 июня 1939 г. (первая страница)	83
Рис. 4. Протокол заседания имперского совета обороны от 23 июня 1939 г. (вторая страница)	84
Рис. 5. «План Барбаросса» (первая страница)	561
Рис. 6. «План Барбаросса» (последняя страница)	562
Рис. 7. Заявление Паулюса Советскому правительству (первая страница)	595
Рис. 8. Заявление Паулюса Советскому правительству (последняя страница)	596
Рис. 9. Допрос свидетеля Фридриха Паулюса	608
Рис. 10. Скамья подсудимых	609
Рис. 11. Заявление генерал-лейтенанта германской армии Мюллера Правительству СССР (первая страница)	655
Рис. 12. Заявление генерал-лейтенанта германской армии Мюллера Правительству СССР (последняя страница)	656
Рис. 13. Заявление бывшего начальника разведки и контрразведки венгерского генерального штаба Уйсаси (первая страница)	665
Рис. 14. Заявление бывшего начальника разведки и контрразведки венгерского генерального штаба Уйсаси (последняя страница)	666
Рис. 15. Показание бывшего премьер-министра Румынии Иона Антонеску (первая страница)	687
Рис. 16. Показания бывшего премьер-министра Румынии Иона Антонеску (последняя страница)	688

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДГОТОВКА АГРЕССИИ

	<i>Стр.</i>
От составителей	7
Представление доказательств английским обвинителем Элвином Джонсом по разделу обвинения „Фашистская идеология как база агрессии“	18
Представление доказательств американским обвинителем Доддом по разделу обвинения „Экономическая подготовка к агрессивным войнам“	23
Представление доказательств заместителем Главного обвинителя от США Олдерманом по разделу обвинения „Подготовка агрессии“	41

РАЗВЯЗЫВАНИЕ АГРЕССИВНЫХ ВОЙН

Представление английским обвинителем Дэвидом Максвелл-Файфом доказательств по разделу обвинения „Нарушение международных договоров“	67
Секретный протокол 2-го заседания имперского совета обороны от 23 июня 1939 г.	77
Допрос свидетеля Эрвина Лахузена в заседании Трибунала от 30 ноября 1945 г.	91
Допрос гитлеровского генерала Карла Боденшатца в заседании Трибунала от 8 марта 1946 г.	107
Допрос гитлеровского фельдмаршала Альберта Кессельринга в заседании Трибунала от 13 марта 1946 г.	115
Допрос гитлеровского фельдмаршала Герхардта Мильха в заседаниях Трибунала от 8 и 11 марта 1946 г.	138

АГРЕССИЯ ПРОТИВ АВСТРИИ

Представление доказательств заместителем Главного обвинителя от США Олдерманом по разделу обвинения „Агрессия против Австрии“	155
Допрос свидетеля Гвидо Шмидта в заседании Трибунала от 13 июня 1946 г.	194

АГРЕССИЯ ПРОТИВ ЧЕХОСЛОВАКИИ,
ПОЛЬШИ, ЮГОСЛАВИИ, ГРЕЦИИ,
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ

Представление доказательств заместителем Главного обвинителя от СССР полковником Покровским по разделу „Агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии“	219
Представление доказательств американским обвинителем Олдерманом по разделу обвинения „Агрессия против Чехословакии“	255

Представление доказательств английским обвинителем Гриффит-Джонсом по разделу обвинения „Агрессия против Польши, Великобритании и Франции“	319
Представление доказательств помощником Главного обвинителя от Великобритании Филлимором по разделу обвинения „Агрессия против Греции и Югославии“	370
Запись совещания в германском министерстве иностранных дел от 29 марта 1938 г. по судето-немецкому вопросу	382
Директива Гитлера о проведении операции „Грюн“ от 30 мая 1938 г.	386
Запись беседы Генлейна с обергруппенфюрером СС Лоренцем от 3 июня 1938 г.	392
Телефонограмма центра Фольксдейче от 22 сентября 1938 г.	393
Запись о приеме фюрером и рейхсканцлером чехословацкого министра иностранных дел Хвалковского 21 января 1939 г.	394
Допрос свидетеля Биргера Далеруса в заседании Трибунала от 19 марта 1946 г.	400
Сообщение о германо-польском заявлении от 26 января 1934 г.	420
Директива Гитлера от 11 апреля 1939 г. относительно единой военной подготовки вооруженных сил на 1939/40 год	422
Секретная директива верховного командования вооруженными силами от 10 мая 1939 г. по экономической войне	423
Директива Кейтеля № 37/39 по операции „Вейс“	425
Приложение III к директиве № 37/39 по овладению Данцигом	426
Приложение IV к „плану Вейс“	427
Особые распоряжения относительно операции „Вейс“	428
Секретная директива верховного командования вооруженными силами № 00630/41 от 12 апреля 1941 г. о разделе Югославии	429

АГРЕССИЯ ПРОТИВ НОРВЕГИИ И ДАНИИ

Представление доказательств английским обвинителем Элвином Джонсом по разделу обвинения „Агрессия против Норвегии и Дании“	433
Протокол совещания от 11 декабря 1939 г. у Редера с участием Хагеллина и Квислинга	456
Актовая запись о посещении Квислингом Розенберга	458
Секретная директива Кейтеля № 22045/40 от 23 января 1940 г. по поводу варианта „Н“ и операции „Везер“ (план захвата Норвегии)	461
Указ Гитлера от 24 апреля 1940 г. о назначении Тербовена имперским комиссаром Норвегии	462

АГРЕССИЯ ПРОТИВ БЕЛЬГИИ И НИДЕРЛАНДОВ

Представление доказательств помощником Главного обвинителя от Великобритании Робертсом по разделу обвинения „Агрессия против Бельгии, Нидерландов и Люксембурга“	467
--	-----

АГРЕССИЯ ПРОТИВ СССР

Представление доказательств помощником Главного обвинителя от СССР Н. Д. Зоря по разделу обвинения „Агрессия против СССР“	479
Представление доказательств заместителем Главного обвинителя от США Олдерманом по разделу обвинения „Агрессия против СССР“	528

Вариант „Барбаросса“ от 18 декабря 1940 г.	559
Инструкция об особых областях (к варианту „Барбаросса“).	566
Запись совещания об организационной структуре хозяйственного раздела плана „Барбаросса“ — „Ольденбург“ от 29 апреля 1941 г.	571
Указание о применении пропаганды по варианту „Барбаросса“.	573
Временный „план Барбаросса“. Состояние приготовлений на 1 июня 1941 г.	578
Протокольная запись совещания у Гитлера от 16 июля 1941 г.	581
Совершенно секретная директива главного военно-морского штаба от 8 августа 1941 г. о задачах дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании	586
Директива Гитлера № 36 от 22 сентября 1941 г. о наступлении на Мурманск и захвате Мурманской железной дороги	589
Заявление фельдмаршала Паулюса Советскому правительству от 9 января 1946 г.	592
Допрос Паулюса в заседаниях Международного Военного Трибунала от 11 и 12 февраля 1946 г.	600
Допрос бывшего генерала пехоты гитлеровской армии Бушенгагена в заседании Международного Военного Трибунала от 12 февраля 1946 г.	621
Заявление Бушенгагена Советскому правительству от 26 декабря 1945 г.	626
Протокол допроса генерала гитлеровской армии Вальтера Варлимонта от 13 ноября 1945 г.	632
Показания начальника отдела германской разведки и контрразведки генерал-лейтенанта Ганса Пиккенброка от 12 декабря 1945 г.	640
Показания заместителя начальника отдела германской разведки и контрразведки полковника Эрвина Штольце от 25 декабря 1945 г.	643
Секретное распоряжение начальника отдела иностранной контрразведки Эрвина Лахузена от 20 июня 1941 г. об организации восстания в Грузии	647
Показания начальника отдела германской разведки и контрразведки генерал-лейтенанта Франца Бентивеньи от 28 декабря 1945 г.	649
Заявление генерал-лейтенанта германской армии Винценца Мюллера Правительству СССР от 8 января 1946 г.	652
Показания полковника гитлеровской армии Хорста Кичмана, бывшего военного атташе в Финляндии, от 27 декабря 1945 г.	660
Заявление начальника венгерской разведки и контрразведки генерал-майора Штефана Уйсаси от 8 января 1946 г. о подготовке совместной венгеро-германской войны против Советской России	663
Заявление заместителя венгерского военного министра генерал-полковника Имре Рюскицай-Рюдигера Советскому правительству от 18 января 1946 г.	676
Показания маршала Иона Антонеску от 6 января 1946 г.	685
Показания бывшего вице-премьер-министра Румынского правительства Михая Антонеску от 9 января 1946 г.	691
Показания бывшего военного министра Румынии корпусного генерала Кристиа Пантази от 7 января 1946 г.	694
Письмо Гитлера Антонеску от 27 июля 1941 г.	697
Письмо Антонеску Гитлеру от 17 августа 1941 г.	700
Письмо Гитлера Антонеску от 5 октября 1941 г.	702
Беседа Антонеску с Гитлером от 3 апреля 1942 г.	704
Телеграмма Кейтеля Антонеску от 31 октября 1942 г.	709
Телеграмма Антонеску Кейтелю от 31 октября 1942 г.	710
Запись встречи генерала Ганзена с Антонеску от 7 июля 1943 г.	711
Письмо Гитлера Антонеску от 25 октября 1943 г.	718

ГЕРМАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С ИТАЛИЕЙ И ЯПОНИЕЙ. ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ ПРОТИВ США

Представление доказательств заместителем Главного обвинителя от США Олдерманом по разделу обвинения „Германское сотрудничество с Италией и Японией, агрессия против США“	723
--	-----

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМЫХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Представление американским обвинителем Альбрехтом доказательств индивидуальной ответственности подсудимого Геринга	751
Представление английским обвинителем подполковником Гриффитом Джонсом доказательств индивидуальной ответственности подсудимого Гесса	759
Представление заместителем Главного обвинителя от Великобритании Дэвидом Максвелл-Файфом доказательств индивидуальной ответственности подсудимого Риббентропа	772
Соглашение между Гиммлером и Риббентропом об организации разведывательной работы	794
Заявление бывшего генерал-лейтенанта германской армии Фридриха Рабе фон Паппенгейма Советскому правительству о преступной деятельности организации зарубежных немцев НСДАП	797
Представление заместителем Главного обвинителя от Великобритании Дэвидом Максвелл-Файфом доказательств индивидуальной ответственности подсудимого Нейрата	800
Представление американским обвинителем Вальтером Брудно доказательств индивидуальной ответственности подсудимого Розенберга	812
Представление американским обвинителем Шпрехером доказательств индивидуальной ответственности подсудимого Шираха	815
Представление американским обвинителем Робертом Кемпнером доказательств индивидуальной ответственности подсудимого Фрика	818
Представление американским обвинителем Мельтцером доказательств индивидуальной ответственности подсудимого Функа	820
Представление английским обвинителем Робертсом доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Кейтеля и Иодля	825
Представление английским обвинителем Элвином Джонсом доказательств индивидуальной ответственности подсудимого Редера	832
Представление американским обвинителем Генри Аттротом доказательств индивидуальной ответственности подсудимого Зейсс-Инкварта	843
Представление английским обвинителем майором Баррингтоном доказательств индивидуальной ответственности подсудимого Папена	850
Пояснение отдельных слов и сокращений, встречающихся в тексте	856
Перечень иллюстраций	859

ОПЕЧАТКИ, ЗАМЕЧЕННЫЕ В Т. I
„НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА“

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
33	19-я снизу	а/	б/
90	14-я снизу	Максуэл	Максуэлл
300	17-я снизу	немцами	немцам
300	16-я сверху	инспирированные	инспирированные
308	17-я снизу	которые	которым
365	23-я сверху	конституция,	конституцию,
707	20-я сверху	Трубинал	Трибунал
784	1-я снизу	нападет своими сухопут-	нападет своими сухо- путными, морскими или воздушными силами хо- тя бы без объявления вой-

